РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Древности Боспора

29

Москва
2024

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ДРЕВНОСТИ БОСПОРА

29

МОСКВА
2024

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ДРЕВНОСТИ БОСПОРА

Международный ежегодник
по истории, археологии, эпиграфике, нумизматике
и филологии Боспора Киммерийского

Том 29

Редакционный совет:

член-корр. РАН *П. Г. Гайдуков* (председатель);
проф., д. и. н. *М. Г. Абрамзон*; проф. *Д. Браунд* (Великобритания);
д-р. *П. Дюпон* (Франция); проф., д. и. н. *А. В. Подосинов*;
проф., д. и. н. *С. Ю. Сапрыкин*; к. и. н. *В. П. Толстиков*;
проф., д. и. н. *Яйленко В. П.*

ИА РАН

МОСКВА, 2024

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

УДК 902/904
ББК 63.4
Д73

Работа по организации и редакционной подготовке издания осуществлена в рамках проекта:
«Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (№ НИОКТР 122011200269-4)

Редакционная коллегия
д. и. н. А. А. Масленников
(главный редактор)
д. и. н. В. Д. Кузнецов; д. и. н. А. А. Завойкин

Рецензенты
к. и. н. А. А. Малышев
к. и. н. Е. Е. Антонов

Утверждено к печати Ученым советом Института археологии РАН

Древности Боспора. Том 29. – М., 2024. 544 с.: ил.
Д73 ISBN 978-5-94375-437-1

Сборник научных статей по археологии, истории, эпиграфике и нумизматике Боспора Киммерийского. В издание включены преимущественно материалы античной эпохи, а также памятников культур, предшествующих греческой колонизации региона и средневекового периода его истории. Приоритет в подборке статей отдан публикациям новых открытий и аналитическим исследованиям на стыке смежных исторических дисциплин.

Для археологов, историков, краеведов.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 978-5-94375-437-1
ISSN 2686-6870
DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-437-1

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии РАН, 2024
© Редколлегия, 2024
© Авторы статей, 2024

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

12 сентября текущего года исполняется 125 лет со дня рождения основоположника московской школы антиковедения и целого ряда научных направлений в отечественной классической археологии ***Владимира Дмитриевича Блаватского.***

Научное наследие этого выдающегося ученого, несомненно, оказало и продолжает оказывать влияние на современные исследования в области археологии, истории и культуры античных государств Северного Причерноморья.

Творческий потенциал В.Д. Блаватского и в наши дни реализуется в трудах его учеников и коллег.

Пусть данный сборник будет нашей данью памяти этому замечательному российскому учёному.

Редколлегия

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

СОДЕРЖАНИЕ

Савостина Е. А.
Классик. Памяти антиковеда В. Д. Блаватского 9

Абрамзон М. Г., Новичихин А. М.
Монеты из раскопок античного поселения Андреевская щель-1 в 2019 г. 26

Бонин А. В.
Поселение эпохи поздней бронзы на берегу Керченского пролива 33

Быковская Н. В., Трейстер М. Ю.
Бронзовые перстни птолемеевского типа из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника 45

Вахтина М. Ю.
О находке фрагмента формы для изготовления «мегарских» чаш на городище Парфений в Восточном Крыму 71

Виноградов Ю. А.
Об одной находке фрагмента антаблемента ионического ордера в Керчи 78

Винокуров Н. И.
Землетрясение второй половины III в. н. э. и новый жертвенник хтоническим богам на городище Артезиан 87

Гарбузов Г. П.
«Таманское» межевание на Европейском Боспоре и Средней Кубани 122

Егорова Т. В.
К вопросу об определении производственных центров импортной чернолаковой керамики из Северного Причерноморья 141

Завойкин А. А., Кузнецов В. Д.
Фанагория в период поздней архаики – ранней классики (стратиграфия, хронология, периодизация. 2) 156

Завойкина Н. В., Новичихин А. М.
Надписи с северо-восточной окраины городища Горгиппии 184

Зубарев В. Г., Майко В. В.
Комплекс хозяйственных сооружений хазарского времени городища Белинское 212

Иванов А. В., Каргин Ю. Ю., Сударев Н. И.
Азиатский Боспор до и во время греческой колонизации 225

Ковальчук А. В.
Амфорные клейма с именем Боспориха 266

Ломтадзе Г. А.
Две серии амфор позднеклассического времени неизвестных центров производства 279

Манаев А. Ю., Пономарев Л. Ю.
Древний колодец и поселение Партизаны-I на северной окраине пос. Аджимушкай (к истории изучения) 289

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

Масленников А. А.
Палеогеография, топография, абсолютная хронология, планировка и строительная периодизация поселения Полянка 309
Молева Н. В., Хршановский В. А.
Алтари из юго-западного предместья Китея 338
Подосинов А. В.
«Север» в терминологии Страбона 353
Сапрыкин С. Ю.
Эллинизм как социально-экономическое явление 369
Соколов П. М.
Исследование каменной дороги эпохи эллинизма на хоре Горгиппии в 2019–2020 г. 391
Соловьев С. Л., Вахонеев В. В.
Комплексные археологические исследования античного городища Акра в Восточном Крыму 412
Суриков И. Е.
Таманский п-ов как «два острова», или о чем не говорит Гекатей (полемическая заметка) 425
Толстиков В. П.
Храма Аполлона на акрополе Пантикапея. Новые материалы к воссозданию облика и истории 437
Шелов-Коведяев Ф. В.
De titulis Bosporanis et viciniis VIII 475
Яйленко В. П.
Лесбосские эолийцы на Тамани: каталог свидетельств и вопросы основания Гермонассы да Фанагории 497
Сокращения 536
Правила и рекомендации по оформлению рукописей 540

Электронная библиотека ИА РАН: https://www.archaeolog.ru/ru/el-bib

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-437-1.9-25

Е. А. Савостина
(Московский государственный академический художественный институт им. В.И. Сурикова, г. Москва)

Классик. Памяти антиковеда В. Д. Блаватского

В определении специалиста, посвятившего себя изучению классического искусства и археологии, Владимир Дмитриевич Блаватский (рис. 1) избегал слова «античник», в его представлении оно рифмовалось с нескладным существительным типа «птичник». Только «антиковед» (!) – о чем всегда напоминала слушателям Татьяна Васильевна Блаватская, когда вместе с А. А. Масленниковым, уже аспирантом Института археологии, мы проходили своего рода домашние обучение в доме Блаватских[1]. Тогда Владимир Дмитриевич был уже в серьезном возрасте, не работал в университете, хотя по-прежнему посещал заседания сектора в Институте археологи АН СССР, где пользовался непререкаемым авторитетом и «держал руку на пульсе». И когда на кафедре археологии появлялся новый студент, интересующийся античностью, там вскоре раздавался звонок, и кто-нибудь «у аппарата» произносил со значением: «С Вами будет говорить Татьяна Васильевна Блаватская». Так было и со мной. Как потом оказалось, сам ВД избегал говорить по телефону из-за контузии, которую получил во время войны и плохо воспринимал «механический звук».

Как и многие предшественники-антиковеды, ранее окончившие кафедру археологии исторического факультета МГУ, мы приходили в этот дом, где главными жильцами были книги. Рассказывали, что перед тем как определиться с площадью строящейся новой квартиры, ТВ представила свою библиотеку в погонных метрах, потом измерила стены будущего жилья, так и решилось количество приобретаемых комнат – по длине стен, занятых книжными шкафами. В те времена их библиотека представлялась огромной ценностью, и на периоды даже кратких отъездов хозяев здесь поселялся какой-нибудь аспирант-охранитель (скажем, Ю. М. Десятчиков или позднее А. А. Масленников [*Масленников* 2019, 237]). Существовали в доме и особые ритуалы, связанные с сохранением библиотеки, исполнение которых сопровождалось обрядом «умывания рук»: перед чтением книг, перед лекцией и перед кормлением слушателей. Если слушатель был в силах снова припасть к книгам – см. выше…

Однако не буду преувеличивать свое рвение к учебе и признаюсь, что после лекции часто хотелось улизнуть: у студентов, помню это я, много различных интересов. К тому

[1] Вспоминает об этом и А. А. Масленников [см.: *Масленников* 2019, 234–237; *Савостина* 2021, 77–91].

Рис. 1. Профессор
Владимир Дмитриевич Блаватский
(1899–1980)

же – и это тоже правда – смущала общая атмосфера: тогда всё казалось непонятным, старомодным, неловким, что ли. Излишне куртуазным. Хотелось сбежать на какие-нибудь другие специальные лекции – к Г. А. Кошеленко либо к Д. Б. Шелову, к которому я потом заходила через их общий двор (в том же дворе жила и М. М. Кобылина) консультироваться по диплому. А лучше отправиться в какую-нибудь экспедицию.

Как же намучился ВД с моей независимостью и строптивостью! Был момент, когда ему удалось «пробить» персональное место в аспирантуру Института археологии (!), а в это время в Горгиппии обнаружили склеп с росписями, и я осталась на посту, в экспедиции. Но ведь и на следующий год всё повторилось – только уже с заочной аспирантурой и задержкой в Анапе по другому поводу… А ведь ему приходилось просить. Ходить к всемогущему директору, академику Б. А. Рыбакову. Объяснять, наверное, почему не сложилось… Он уже и тему для диссертации придумал («Голубчик, – говорил он в качестве рекламы, – чудесная тема. Я предлагал ее уже двум аспирантам. Правда, один из них куда-то исчез. Другой, простите, спился. Так что теперь она совершенно свободна и надо бы ею заняться…»), и график сдачи текста, и краткое содержание глав. И становилось понятным исчезновение одного и личная драма другого несостоявшегося автора… Наверное, в этом был стиль руководства – некогда всесильный и мощный диктат.

Одни его обожали – особенно дамы того же возраста, для которых ВД был кумиром. До нашего времени дошел трогательный рассказ о бревне, которое дамы самоотверженно передвигали (катили по двору ночью…) перед приездом ВД в экспедицию, опасаясь, что он споткнется об него в темноте. В его характере, очевидно, была некая склонность к героическому, приметы чего запечатлены на фотографиях: вот он с перевязанной рукой, потому как потянул связки, подвигая камень (рис. 2), вот с вытянутой в указующем жесте рукой стоит перед раскопом, опираясь на костыли – повредил ногу (видно, дамы учли этот печальный опыт и не зря беспокоились (рис. 3). Рассказывают, что он ходил даже в повязке на глазах (ожог от внезапного света фонарика), которую снимал лишь тогда, когда его подводили к объекту исследования… В общем, личность была романтическая, но неоднозначная, непростая, в его характере прорывались и ревность, и непримиримость, и если сейчас какие-то черты могут вызвать добродушную иронию, то в прежние времена от его решений, от его позиции многое могло перемениться в жизни…

Рис. 2. Пантикапейская экспедиция, 1945 г. Сидят: И.Д. Марченко, Т.В. Блаватская, стоят: Ю.Е. Чистяков, И.Б. Зеест, сотрудник экспедиции, В.Д. Блаватский, сотрудник экспедиции

Рис. 3. В.Д. Блаватский перед раскопом

Некоторые его опасались, побаивались, раболепствовали, другие – особенно ленинградцы – недолюбливали и относились скептически. Чувствовалось противостояние различных групп – скорее кланов, чем школ. Справедливости ради нужно сказать, что оно не передалось последующим поколениям и не омрачило наших отношений с петербургскими коллегами. К тому же, со временем выправилась и общая ситуация с организацией отдельного института – классического ИИМК (Институт истории материальной культуры) вместо отделения ИА АН СССР с московским центром, к созданию и усилению которого в свое время ВД имел непосредственное отношение.

Не будет преувеличением сказать, что советскую науку об античности определяли две составляющие: ленинградская и московская школы. Ленинградская – петербургская «оригинальная и мощная историко-филологическая школа» антиковедов – имела корни в XIX и даже еще в XVIII веке, о чем подробно и ярко изложено у Э. Д. Фролова [*Фролов* 1999, 397]. Московская была связана с ней и генетически, если можно так сказать, и в плане профессиональных интересов. Но были отличия, не так заметные сейчас, в те времена они казались более явными.

Антиковедение в России – истоки, система образования, судьба науки, перемены после революции – всё это касалось В. Д. Блаватского, родившегося в Санкт-Петербурге, на Васильевском острове («Я островитянин!») в 1899 г. («Я из прошлого века», – любил он говорить). Его отец, происходивший из дворян, по рассказам ВД, какое-то время служил как сотрудник таможни в Керчи (судьбоносно для основателя современных раскопок Пантикапея!), затем был переведен в Москву, где ВД с медалью окончил 3-ю гимназию (1917) и поступил в Московский университет на существовавшее тогда на историко-филологическом факультете отделение истории и теории искусства. Тяжелое время революции и гражданской войны переживалось всеми, с 1919 по 1922 годы ему пришлось прервать обучение в университете для прохождения военной службы в московском гарнизоне. Он окончил университет в 1923 г. – факультет общественных наук (ФОН), к тому времени преобразованный из историко-филологического. И первым местом работы В. Д. Блаватского стал Государственный музей изящных искусств (ныне ГМИИ им. А. С. Пушкина). О музее нужно будет рассказать отдельно, здесь он прослужил более 20 лет и оставил весьма заметный след. Чего только стоят обнаруженная им подпись Полигнота, его «Священные тетради», картотека CVA, да и просто инвентарные карточки на вазы – бережно хранимое музейщиками наследство…

Судя по всему, В. Д. Блаватский окончил университет и поступил в музей (Отдел скульптуры, подотдел античного искусства) при Н. И. Романове [*Романов* 2017, 7] – последнем из четверки профессоров университета, сочетавших должности преподавателей и директоров музея (1923–1928). При Романове происходило заметное оживление и преображение музея: включение новых переданных ему коллекций, создание нового отдела – Картинной галереи, выработка новых форм работы с посетителями: детские кружки, временные выставки [*Романов 2017*, 319–330]. Но и деятельность по обработке и изучению античных коллекций явно развивалась, в том числе и стараниями тогдашней молодежи, к которой принадлежал В. Д. Блаватский. Вероятно, уже в те времена ВД проявил интерес к некоторым технологическим и химическим качествам предметов, составу покрытия чернолакового сосуда («лака»), о чем он потом

упоминал в своих лекциях, а также взаимодействию различных материалов с химическими соединениями[2].

Итак, в музее еще в 1920-е годы, когда общие определяемые государством правила ведения документации только формировались (они сложились около 1930 года), ВД уже начал работу по систематизации, реставрации, научной обработке и публикации коллекции. Одно из первых его открытий (около 1924 года) – подпись мастера Полигнота. Он раскрыл её на стенке сосуда, кропотливо расчищая древнегреческие расписные вазы, которые принял на хранение [*Блаватский* 1930, 45–50]. Волшебные для глаза исследователя слова: «Полигнот расписал» (пятый сосуд Полигнота в мире!) [*Масленников* 2019, 235; *Matheson* 1995], – проявились на краснофигурной амфоре с изображением Эос, богини утренней зари, поднимающейся на колеснице из океана (рис. 4, 5) [Blavatskij 1927, 75–78; CVA 2001, IV, pl. 2, 3]. Согласно мифу, богиня окропляла землю росой, предваряя появление Гелиоса, дневного светила. Находка стала символичной и для карьеры молодого ученого – тот же рассвет.

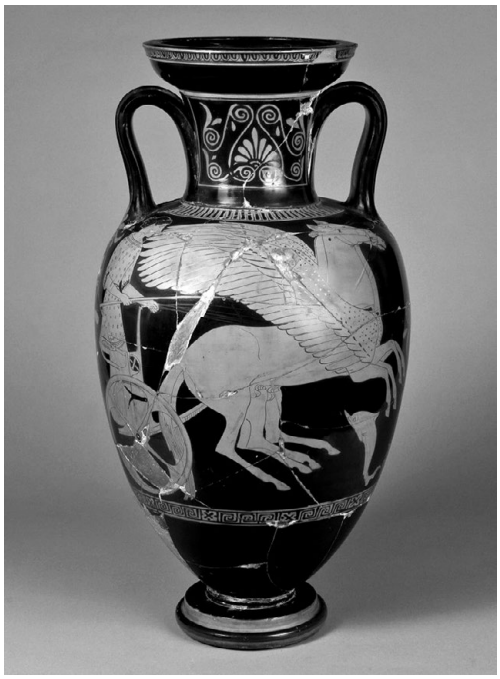


Рис. 4. Краснофигурная амфора мастера Полигнота I. Богиня Эос на колеснице, Аттика, ок. 440 г. до н.э. Москва, ГМИИ им. А.С. Пушкина

Рис. 5. Сигнатура мастера Полигнота, обнаруженная на амфоре

Уже в те годы проявилась его профессиональная осведомленность в изучении вазописи в среде международного научного сообщества (важно представлять, что сами научные контакты с зарубежными коллегами скоро вообще сойдут на нет и, как пишет в докладе о состоянии музея на 1923 год Н.И. Романов, за шесть лет в комплектовании библиотеки музея возникли большие пробелы [*Романов* 2017, 325]). Дело в том, что именно в эти времена, в 1922 году, имело место чрезвычайно значимое научное событие: вышел первый том Корпуса греческих ваз, ставшего ныне знаменитым Corpus Vasorum Antiqorum, в котором по единой схеме начали публиковаться собрания расписных ваз всех музеев мира – они продолжают издаваться

[2] Свойства некоторых материалов он проверял экспериментально, результаты чего были, как говорится, налицо: еще в 1980-е годы в запаснике на хорах Белого зала хранилась стеклянная баночка, покрытая пергаментной крышкой и перевязанная бечевкой, как варенье. Баночка была пуста, а на крышке сохранилась надпись, сделанная рукой В.Д. Блаватского: «Образец воздействия кислоты на мрамор». Сейчас уже этого предмета, увы, не найти. Вероятно, надобность в нем отпала вследствие полного завершения эксперимента.

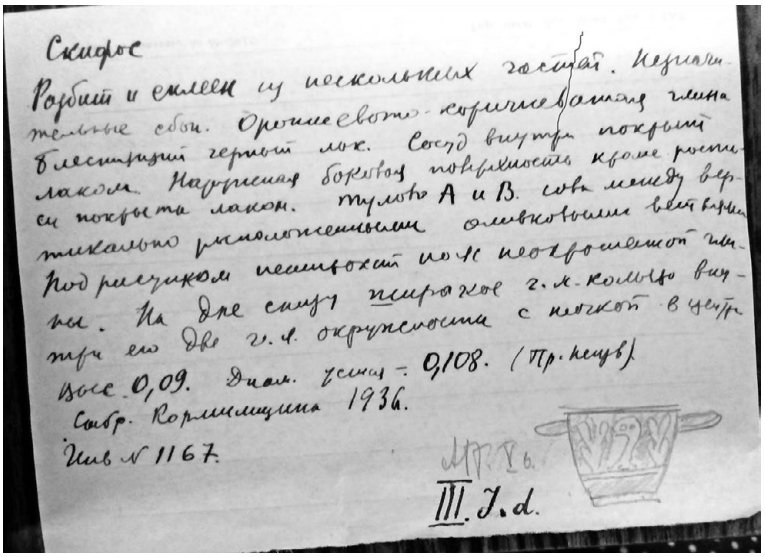


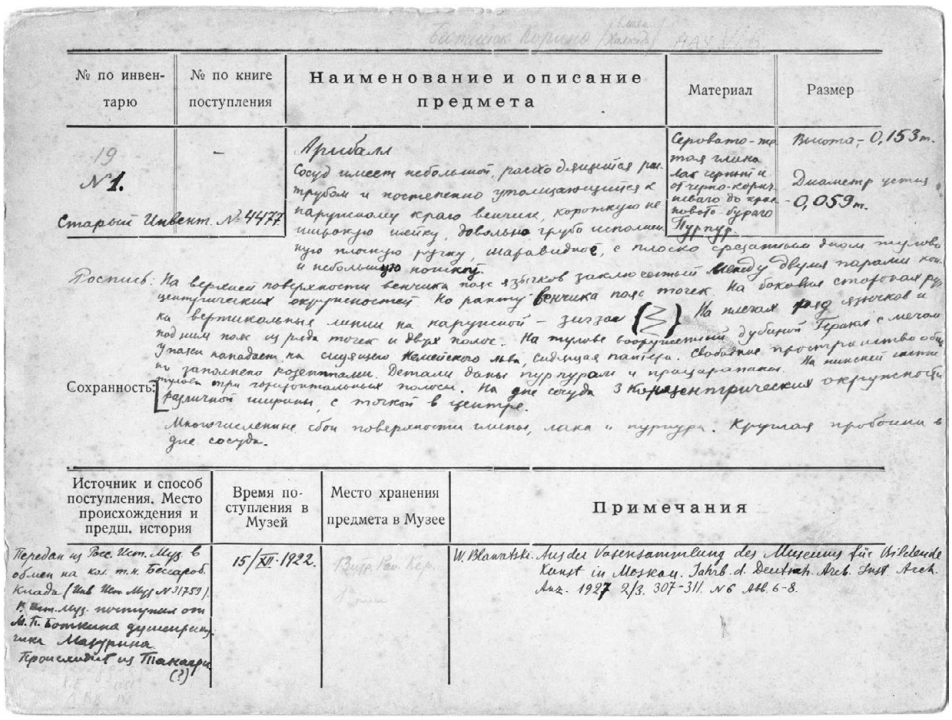
Рис. 6. Карточка для CVA написана рукой В. Д. Блаватского

и до сих пор. Удивительно было не только владение этой информацией, но и ответная реакция: уже в 1925 году, то есть практически только придя в музей, молодой сотрудник Блаватский после приведения коллекции в порядок начинает составление картотеки Корпуса – CVA ГМИИ (рис. 6).

К сожалению, тогда эта работа не увенчалась изданием и осталась не завершена, однако, несомненно, послужила импульсом и образцом для последующих поколений исследователей и хранителей собрания. Огромную роль здесь сыграла Н. А. Сидорова, ученица М. М. Кобылиной и В. Д. Блаватского, но и ей не удалось довести проект до публикации. И только стараниями уже ее ученицы и преемницы по хранению и изучению собрания ваз О. В. Тугушевой серия CVA ГМИИ им. А. С. Пушкина – да и, собственно говоря, вообще первый в России том CVA – увидела свет. К 1996 году, когда удалось издать первый том, собрание несколько разрослось, и уже к 2011 году вся коллекция ваз ГМИИ им. А. С. Пушкина была опубликована в девяти томах CVA.

Музейная работа связана со многими особенностями ведения научной и хранительской документации. В ГМИИ эта система была продумана очень четко и введена достаточно рано, поэтому В. Д. Блаватский за время своей работы успел создать инвентарную картотеку на вазы из собрания для составления нового инвентаря подлинников (сейчас это книга II 1б). О. В. Тугушева, принявшая живое участие в подготовке этих заметок, прислала изображение инвентарной карточки Блаватского как иллюстрацию к моему рассказу (рис. 7) с комментарием, который привожу здесь с ее разрешения: «Для меня она [инв. карточка] до сих пор один из главных источников по истории коллекции, настолько тщательно и полно ВД собирал всю доступную ему информацию по каждой вещи».

И о «Священных тетрадях». На самом деле, это несколько школьных тетрадей в линеечку, заполненных рукой В. Д. Блаватского – пером и фиолетовыми чернилами (рис. 8). В них содержатся тексты этикеток на вещи, когда-либо экспонировавшиеся



№ по инвентарю	№ по книге поступления	Наименование и описание предмета	Материал	Размер
19 №1. Старый Инвент. №4477	–	Кратер. Сосуд имеет небольшой, слегка отогнутый наружу венчик, переходящий плавно в тулово. Ручки отсутствуют. Роспись: на верхней поверхности венчика пояс из косых крестиков между двумя параллельными линиями. Ниже – пояс из точек. На боковой поверхности венчика пояс точек. На плечах – ряд косых крестиков и ниже – пояс из ряда точек и двух поясов. На тулове вертикальные линии на нарушенной – зигзаг (?). На нижней части тулова – ряд косых крестиков и ниже – пояс из ряда точек и двух поясов. На тулове вертикальные дуговые линии. Краска светло-коричневая. Сохранность: [illegible]	Серовато-желтая глина с примесью мелких серых и оранжево-красных зерен. Покрыто до краев лощеного сероватого цвета.	Высота – 0,153 м. Диаметр устья – 0,059 м.

Источник и способ поступления. Место происхождения и предш. история	Время поступления в Музей	Место хранения предмета в Музее	Примечания
Передан из Вос. Кол. Муз. в обмен на кол. т.н. Бесарабской (Зав. Кол. Муз. №1759). В Кол. Муз. поступил от А.К. Болтенка фрагмент. Происходит из Танаиса (?)	15/XII-1922.		W. Blawatsky. Museen Vasensammlung des Museums für Völkerkunde Kunst in Moskau. Jahrb. d. deutsch. Arch. Inst. Arch. Anz. 1927. 2/3. 307-311. №6 abb. 6-8.

Рис. 7. Инвентарная карточка на собрание ваз ГМИИ, заполненная рукой В.Д. Блаватского

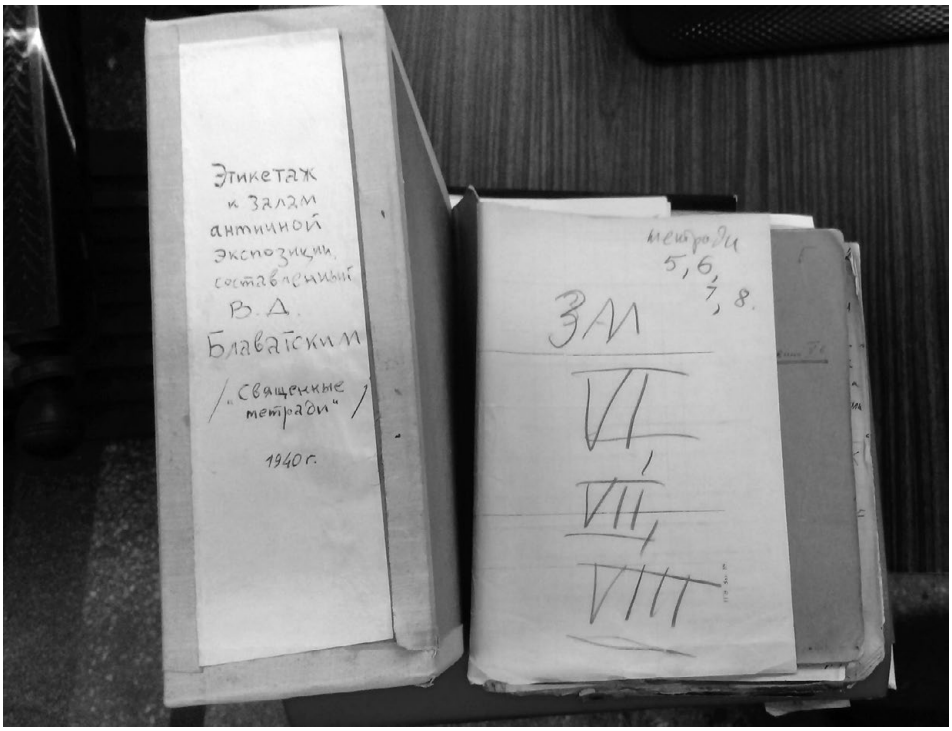


Рис. 8. «Священные тетради» В.Д. Блаватского

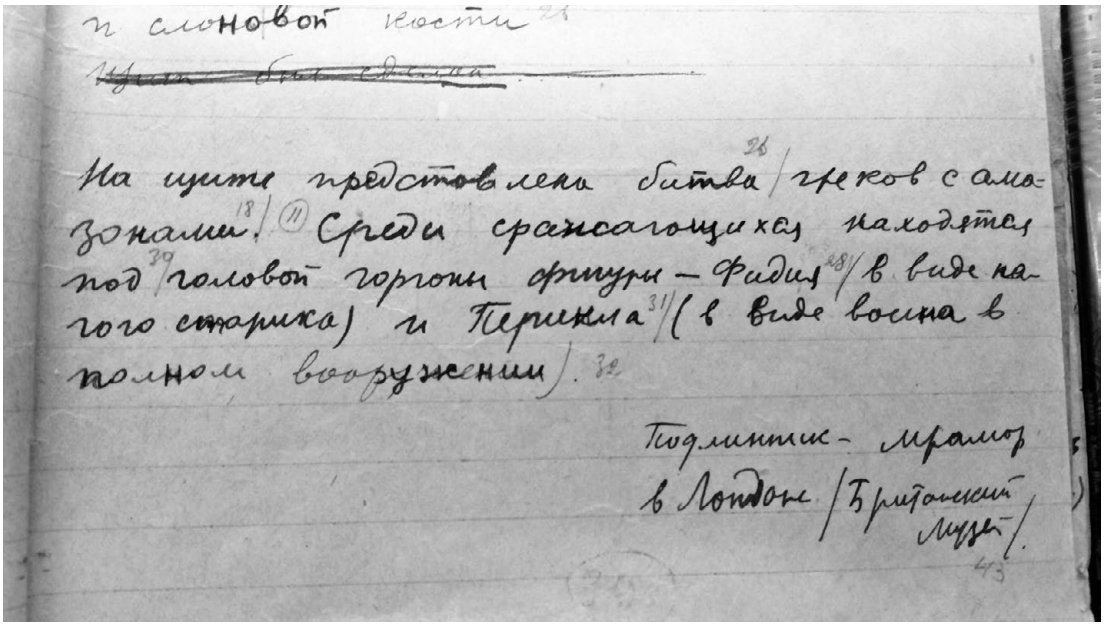


Рис. 9. Запись, сделанная рукой ВД в «Священных тетрадях»

в античных залах музея – и оригиналы, и слепки (рис. 9). Первоначально расписанные по залам, судя по многим приметам – по зачеркнутым записям, по отметкам цветным карандашом, а также пометам на обороте обложки о количестве изготовленных этикеток и фамилий исполнителей (раньше их от руки писали профессиональные шрифтовики), – это рабочий-прерабочий этикетаж. Тщательно хранимый, передаваемый из рук в руки как действительно «священные письмена». Сейчас они находятся в архивной коробке, на торце которой приклеен ярлычок с текстом, написанным рукой Н. А. Сидоровой: «Этикетаж к залам античной экспозиции, составленный В. Д. Блаватским», – и ниже рукой Ю. Е. Чистякова: «Священные тетради» 1940» (рис. 8). Так они назывались в музейной традиции.

Даже при беглом просмотре этих записей можно найти в них кое-что любопытное и непривычное для нашего времени. Особенно это касается транслитерации греческих имен и названий: Дэдал, Медуса, амазоны. «Битва греков и амазон», например. Производит впечатление? Поликлейт…. В тексте есть несколько включений, исправлений немного. «Амазон» и «Медусу» они не затронули, но, все-таки, «Поликлейт» со временем был скорректирован, сделавшись привычным ныне Поликлетом. Очевидно, этикетаж был актуальным до середины 1970-х годов, когда музей, следуя общемировым тенденциям и собственной стратегии развития, приступил к масштабным проектам по реконструкции экспозиции, что привело, в том числе, к созданию первого зала подлинников античного собрания («Зал 7»). Теперь содержание тетрадей стало и фактом истории науки, и ее достоянием. Будем надеяться, что след той другой, так быстро удаляющейся от нас эпохи, проступающей в этих записях, не будет затерян. «Священным» так он и останется.

В первые годы своего пребывания в музее ВД отправился на раскопки. С 1925 года это была Ольвийская экспедиция под руководством крупнейшего знатока античного

искусства и замечательного археолога Б.В. Фармаковского[3]. Сам он в свое время прошел полевую школу В. Дёрпфельдта – того самого, что копал Трою со Шлиманом и даже смог разобраться в ее запутанной стратиграфии и восстановить всю картину раскопок легендарного города после него. Таким образом, ВД «через одно рукопожатие» воспринял и полевой опыт немецкой школы. Обучением у Фармаковского он очень дорожил, и приобретенный опыт и знания развивал впоследствии в своей полевой практике, восприняв методику послойных раскопок широкими площадями [*Блаватский* 1967, 70 сл.].

С тех пор в научной деятельности В.Д. Блаватского прослеживаются два вектора: полевая археология, относящаяся к Северному Причерноморью, и искусствознание, связанное с более широкими темами, во многом определявшимися проблематикой курсов по истории искусства, которые он начал читать еще в начале 1930-х годов[4].

Археологическая направленность научных занятий была, с одной стороны, как бы выходом из особых обстоятельств, в которые попадал антиковед того времени. Это сложности со специальной литературой, с зарубежными контактами и поездками, дающими возможность знакомства с крупнейшими библиотеками и музеями мира. Э.Д. Фролов пишет, что послереволюционные разрушения в сфере подготовки антиковедов восстановились лишь к 1970-м годам [*Фролов* 1999, 407]. С другой стороны, это было живое, захватывающее дело, переживавшее период своего становления, и для советского антиковедения изучение памятников Северного Причерноморья стало одним из приоритетных.

В 1929 г. ВД, параллельно обучавшийся в аспирантуре РАНИОН (1925–1929 годы, руководитель проф. А.С. Башкиров), защищает кандидатскую диссертацию «Чернофигурные лекифы V в. до н. э. из эллинских городов Северного Причерноморья» и начинает работу совместителя в Государственной академии искусствознания (ГАИС, археологический сектор (рис. 10) Государственной академии истории материальной культуры (позднее ИИМК, Институт истории материальной культуры), а также собственные полевые исследования: крепость Ай-Тодор (Харакс), Камыш-Бурун возле Керчи, раскопки на горе Митридат (Пантикапей) и на Тамани (Фанагория – в 1936 г. он начальник отряда большой экспедиции, которую проводили совместно ГМИИ и ГИМ) [*Александрова* 2017а, 38].

С начала 1930-х годов, как уже говорилось, ВД приступает и к преподавательской деятельности. Тогда, с 1931 года и по 1941, гуманитарные факультеты были выведены из МГУ в МИФЛИ, Московский институт философии, литературы и истории им. Н.Г. Чернышевского, там и было искусствоведческое отделение. И только в 1941 г. его снова соединили с МГУ, включив сначала в структуру филологического факультета. В 1939 году В.Д. Блаватский, уже доцент исторического и филологического факультетов МГУ, приглашен А.В. Арциховским читать курс по античной археологии на только что созданную кафедру археологи. Параллельно он продолжает вести и авторские курсы по древнегреческому искусству, тогда же опубликованные как учебные пособия, а со временем

[3] Есть запись на сайте «Открытая археология» о том, что в Ольвии ВД провел пять сезонов: http://открытая-археология.рф/individuals; Н.Ф. Федосеев пишет о двух годах [*Федосеев* 2017, 212, прим. 120]. Возможно, второе мнение ближе к истине, так как в 1926 г. Б.В. Фармаковский провел в Ольвии завершающий сезон и нет данных, что В.Д. Блаватский продолжил сотрудничество со следующей командой.

[4] Э.Д. Фролов «специально отмечает» работы В.Д. Блаватского как работы «археолого-искусствоведческого характера» [*Фролов* 1999, 499].

Рис. 10. Заседание археологического сектора ГАИС 17.10.1931
(в верхнем ряду второй слева А. В. Арциховский, рядом В. Д. Блаватский)

приобретшие более широкое значение как тематические монографии. Они появлялись практически одновременно: 1938 – «Архитектура Древнего Рима», 1939 – «Архитектура античного мира», «Греческая скульптура». «История античной расписной керамики» вышла позднее, в 1953 году[5]. Кстати, переиздание книги по скульптуре в 2008 году свидетельствует о ее полезности и для современных студентов. Казалось бы, есть уже иные возможности, обширная новая литература, но, тем не менее, несомненно должна оставаться и какая-то общая основа, на базе или на фоне которой эти возможности реализуются.

Античной скульптуре и приемам ее изготовления посвящена была и докторская диссертация В. Д. Блаватского: «Опыт изучения техники античной скульптуры». В последние годы ТВ готовила ее к изданию, перепечатывая текст на машинке (отвергая все предложения компьютерного набора), разбирая и внося авторскую правку по рукописи, но, видимо, завершить работу ей не удалось. ВД начал этот труд еще в тридцатые годы, но снова война, ополчение – в 1941 г. он пошел на войну добровольцем, – контузия… И все-таки, в 1943 г. он становится доктором искусствоведения и профессором МГУ им. М. В. Ломоносова.

Этот и последующий годы отмечены рядом важнейших событий. В том же году официальный центр Института истории материальной культуры (ИИМК) переводится из Ленинграда в Москву, и по инициативе В. Д. Блаватского здесь организуется сектор античной археологии. Одновременно в ГМИИ им. А. С. Пушкина, также под его руководством (1944–1947), возникает Отдел раскопок и экспедиций. Таким образом,

[5] Более полный список работ В. Д. Блаватского отражен в издании, посвященном одному из юбилеев его научной деятельности: [*Шелов* 1966, 11–18].

Рис 11. Экспедиция на Таманском полуострове (Фанагория?). Разбивка раскопа

в научном пространстве Москвы создается целая антиковедческая сеть: Университет, Академия наук, музей. Организационно, территориально, физически и концептуально образуется московская школа античной археологии, тесно связанная и с изучением истории античного искусства. У руля этого предприятия встает его основной организатор.

В.Д. Блаватский создает масштабные экспедиции, исследующие ключевые городища античного Причерноморья – две боспорские столицы: Пантикапей и Фанагорию, закрепив их традиционно за московской исследовательской школой. И до сих пор на этих памятниках работают археологи ГМИИ им. А.С. Пушкина и ИА РАН [*Александрова* 2017а, 33–45; 2017б, 25–31]. Сам он руководил Пантикапейской экспедицией с 1945 по 1958 годы (рис. 11, 12, 13), проводил разведки на Керченском и Таманском полуостровах (Синдская экспедиция), впервые определяя и изучая сельскохозяйственную территорию – греческую хору. В 1957–1965 годах он начинает осваивать новую форму раскопок, подводную (Подводная Азово-Черноморская экспедиция), возглавляет в 1958–1959 годы советско-албанскую экспедицию, организуя раскопки Аполлонии Иллирийской. Как специалист высокого класса, археолог и искусствовед, к тому же, что немаловажно, знаток музейного дела, В.Д. Блаватский участвует в Государственной чрезвычайной комиссии по учету ущерба, нанесенного музеям и культурному достоянию нашей страны во время Великой Отечественной войны. И везде привлекает своих учеников, коллег по сектору ИА АН СССР (он возглавлял его до 1971 года) и сотрудников музея, из которого был вынужден уйти в 1947 году, поскольку новые правила не позволяли продолжать работу по совместительству. Через какой-то период из музея перешла в сектор и М.М. Кобылина, ставшая руководителем Фанагорийской экспедиции. Но еще долгое время их связь с музеем продолжалась, поддерживаясь и в совместных экспедициях, и в традиционных посещениях музейщиками заседаний сектора ИА АН СССР.

Рис. 12. Пантикапей, обработка материалов. Сидят: ВД, А. К. Коровина. Стоят: Н. А. Сидорова и сотрудница экспедиции

Рис. 13. В. Д. Блаватский и И. Т. Кругликова в Пантикапее

Не только административные позиции В.Д. Блаватского, но и его авторитет как ученого был необычайно высок. «Корифеем Боспорской археологии» называет его М.М. Кубланов, рассказывая о том, как в 1947 году сам он, тогда начинающий археолог, проводил первый сезон раскопок городища, позже поименованного Илуратом, и как к нему в какой-то день «съехались на грузовиках» все работающие рядом экспедиции: «Гости были ошеломлены, в том числе и Гайдукевич, который еще не знал об этом… сенсационном открытии. Потом все стали хвалить нас: как чисто, как красиво проведены раскопки, все видно, все понятно; Гайдукевич не преминул вставить перо Блаватскому… и сказал, что таково направление ленинградской школы Боспорской археологии. А Блаватский? Суровый, излишне серьезный, чуждый сантиментов генералиссимус от археологии, Владимир Дмитриевич растрогался. И сказал, что если бы ему в один сезон удалось сделать половину того, что сделали мы, он был бы доволен (а его экспедиция, вместе с нанимаемыми на месте рабочими, раз в шесть превосходила нашу)» [*Кубланов* 1998, 110].

В кратких эпизодах воспоминаний М.М. Кубланова очерчены и внешность, и характер ВД, отмечена линия непростых (вероятно, с начала 1930-х годов, эпохи организации первых экспедиций, определения сферы влияния и раздела памятников между научными центрами) взаимоотношений В.Д. Блаватского и В.Ф. Гайдукевича, другого корифея боспорской археологии: «Невысокого роста, аскетически худой, с запавшими щеками и черной, клином, бородкой, он уже внешне был противоположен полнеющему толстогубому, любившему поесть и пожить Гайдукевичу. Был он противоположен ему и по духу. Не могу припомнить его улыбающимся, а тем более смеющимся» [*Кубланов* 1998, 110] (рис. 14).

Вскоре после описанных Кублановым событий В.Ф. Гайдукевич завершает книгу «Боспорское царство» (1949) – основополагающий труд по истории Боспора, до сих пор не утративший своего значения. В.Ф. Гайдукевич выступает здесь как историк, составивший полновесную картину социально-экономической жизни Боспора в ее поэтапном развитии. Здесь, как и во многих других работах, проявилась специфика его воззрений на исторический процесс как на проявление классовой борьбы в античном мире (ленинградская линия «Жебелева–Гайдукевича») [*Виноградов* 2006, 3–5], позиция, которая не могла встретить сочувствия у В.Д. Блаватского.

Свою точку зрения на процессы сложения и развития культуры Боспора он излагает в ряде научных работ. Подобно большинству отечественных исследователей, В.Д. Блаватский видел и понимал необычность такого воплощения античной культуры, искал этому объяснения и находил их в существенной роли негреческого окружения. Среди прочих тем он развивал идею о переселении фракоязычных элементов в боспорские города, поднимал проблему сарматизации. Одним из первых он проводит параллели между государственным устройством Боспора и государственными образованиями Сицилии, Карии, Македонии [*Блаватский* 1964, 59] – теми «державными» или монархическими эллинистическими структурами, к обсуждению которых энергично обращаются исследователи и в наши дни. Этапы предложенной В.Д. Блаватским модели развития боспорского общества, его культуры и искусства отличаются от традиционной периодизации древнегреческой культуры (архаика, классика, эллинизм). Он предлагает иной отсчет времени в процессе исторического развития Боспора: киммерийский период (возникновение эмпориев), полисный период, протоэллинизм и эллинизм. Эта периодизация основана на ряде положений, например, о том, что

Рис. 14. Съезд экспедиций и посещение раскопок. Возможно также – однажды все нагрянули и к М. М. Кубланову. В центре В. Д. Блаватский, правее В. Ф. Гайдукевич, второй слева П. Н. Шульц

«цепко держалась пантикапейская знать за прадедовские обычаи», и о вкусах боспорского общества IV в. до н. э., которое «продолжало развивать локальные формы склепов с уступчатыми перекрытиями», а статуарным формам предпочло торевтику (тогда практически всеми исследователями драгоценные изделия из скифских курганов считались продукцией боспорских мастеров), «сказалось некоторое воздействие представлений синдо-меотского мира, заметно заслонившее мировоззрение эллинского гражданства» [*Блаватский* 1964, 90].

В чистом виде эта теория В. Д. Блаватского вряд ли была популярна. Однако он поставил ряд острых вопросов, в том числе вопрос о критериях сходства и различия культур: как эллинской и эллинизованной, так и эллинской центральной и периферийной. Справедливости ради надо сказать, что эти проблемы являются актуальными до сих пор.

Сейчас уже довольно сложно установить имена всех тех, кто учился или мог учиться у Блаватского. Административные перипетии и переименования различных учебных заведений и академических организаций довоенного периода также не облегчают задачи. Например, выпускники легендарного МИФЛИ 1941 года: Д. Б. Шелов, Н. И. Сокольский, Т. В. Блаватская (урожденная Бороздина), – слушали ли они лекции ВД? Известно, что научным руководителем диплома ТВ был историк-антиковед В. Н. Дьяков, диссертации – Н. А. Машкин. Однако не вызывает сомнений, что и Шелов, и Бороздина еще студентами, и, конечно, уже позже бывали в экспедиции ВД (рис. 15), где он и познакомился с ТВ, своей будущей супругой.

Выпуск искусствоведов 1945 года, зачисленных в 1941 году в МИФЛИ, а окончивших уже МГУ, слушал лекции Блаватского несомненно. И. Е. Данилова, в 1967–1998 годах

заместитель директора ГМИИ им. А.С. Пушкина по научной работе, вспоминала, что он читал им курс по искусству (они учились вместе с И.А. Антоновой) и даже романтично и героически спасал ее, когда она почувствовала внезапное недомогание… Со временем на искусствоведческом отделении МГУ к чтению курсов и руководству аспирантами была подключена и М.М. Кобылина. Как раз у нее писала диссертацию Н.А. Сидорова, специализировавшаяся на изучении вазописи. Наталья Алексеевна вспоминала, как еще раньше впервые увидела Блаватского – на лестнице Академии архитектуры, «идя к маме на работу»[6]. Он впечатлил ее своим нарядом – блузой с пышным черным бантом. Так что не всегда ВД предпочитал аскетический образ, знакомый всем по экспедициям… В качестве своего учителя указывал В.Д. Блаватского профессор МГУ Г.И. Соколов, окончивший кафедру в 1948 году,

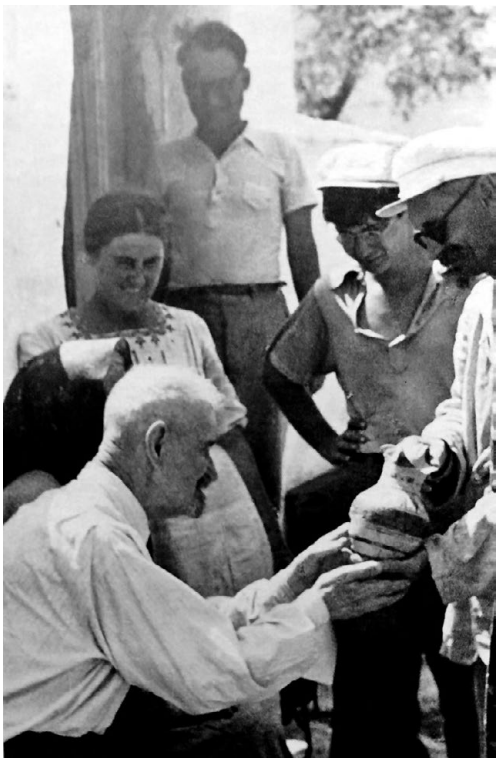


Рис. 15. Пантикапейская экспедиция, 1952 г. В.Д. Блаватский и Ю.Ю. Марти, директор музея Керчи, рассматривают архаическую ойнохою. Рядом Т.В. Блаватская, Д.Б. Шелов

С археологами ситуация представляется более понятной, ведь все они слушали общий курс античной археологии, который, как вспоминает Т.М. Арсеньева, окончившая кафедру археологии в 1950 году, касался только Северного Причерноморья. Она не припомнит каких-либо домашних семинаров или лекций, чем бы ВД компенсировал известную ограниченность программной дисциплины. «Домашнее воспитание», с которым мне довелось познакомиться гораздо позднее, не акцентировалось на каком-то разделе и состояло совсем из другого. Некоторые мои конспекты лекций ВД сохранились. Это и курс (небольшой) по скульптуре, и (тоже небольшие) курсы по мифологии, по нарративным источникам (ТВ иногда с серьезным видом просила прочесть что-то по-гречески – проверяла «произношение» давно отзвучавшего древнего языка). Однако можно утверждать, что домашние семинары велись и тогда, когда ВД еще преподавал в университете, и одним из любимых учеников его был Г.А. Кошеленко, попавший к нему уже аспирантом после окончания университета в 1957 году по кафедре истории Древнего мира.

С Геннадием Андреевичем Кошеленко, Ириной Евгеньевной Даниловой, Татьяной Михайловной Арсеньевой мне пришлось работать, контактировать, общаться уже ближе и дольше, чем с ВД. Это общение проходило как бы в другом времени, другой жизни. Для меня они тоже учителя – причем, разного плана, и не только науки, но и жизни.

[6] Т.А. Сидорова, урожденная Буткевич, специалист по древнерусской архитектуре.

Однако несомненно, что ощущение какой-то однокоренной, единокровной с ними общности пришло и через наших общих учителей…

Эти заметки ни в коей мере не могут претендовать на всесторонний анализ научной деятельности Владимира Дмитриевича Блаватского. Мы смогли лишь коснуться разных ее аспектов, показать направление интересов, наметить контур той личности, которую было бы справедливо считать основателем новой московской школы антиковедения. Школы, имеющей отношение как к искусствознанию, так и к археологии. Как к полевой практике, так и к университетскому образованию. Начав свой путь с кропотливого и важного труда музейного хранителя, историка искусства, В. Д. Блаватский освоил и профессию археолога, на которой вскоре сконцентрировался. Он оживил и обновил жизнь антиковедения после революций и войн, запустив ее на новый виток, и, сколько хватило сил, созидал свой мир, свой космос.

Еще живут расчищенные ВД вазы, существуют составленные им музейные картотеки, начатые исследования на античных городищах набирают небывалый размах и силу. И все же история науки не может быть безличностной, и память, рассказы, воспоминания о реальных событиях и людях соединяет поколения и эпохи, создавая исторический контекст общего дела. «Ведь что такое наука и искусство? Это стремление отвоевать у неизвестности какой-то очередной кусок» [*Водолазкин* 2024].

Список литературы

А*лександрова* Н. В. 2017а. История археологического исследования Фанагории (вторая половина 1920-х гг. – наши дни // Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства. М., 33–41.

Александрова Н. В. 2017б. История археологического исследования Пантикапея (вторая половина 1920-х гг. – наши дни // Пантикапей и Фанагория. Две столицы Боспорского царства. М., 25–31.

Б*лаватский* В. Д. 1930. Расчистка античных ваз в ГМИИ // Жизнь музея. Бюллетень ГМИИ. М., 45–50.

Блаватский В. Д. 1964. Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. М.

Блаватский В. Д. 1967. Античная полевая археология. М.

В*иноградов* Ю. А. 2006. Памяти В. Ф. Гайдукевича // Боспорские исследования. XIII. Симферополь-Керчь, 3–15.

Водолазкин Е. Интервью 21.02.2024 https://dzen.ru/a/ZdX4QikWV1DzuuAh

К*лейн* Л. С. 2014. История российской археологии: учения, школы и личности. Т. 2. Археологи советской эпохи. СПб.

Кубланов М. М. 1998. Отрывки воспоминаний // Боспорское царство как историко-культурный феномен. Сост. Хршановский В. А. СПб.

Кузищин В.И. 1986. Об изучении социально-экономической истории Древнего мира в произведениях В.Д. Блаватского // Проблемы античной культуры. М., 36–42.

М*асленников* А.А. 2019. В.Д. Блаватский (1899–1980) // Институт археологии РАН: 100 лет истории. М., 234–237.

С*авостина* Е.А. 2021. В.Д. Блаватский и московская школа антиковедения // История искусства древности в Московском университете. Имена и традиции (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 195. Сер. II: Исторические исследования. 130). М., 77–91.

Р*оманов* Н.И. 2017. Доклад о состоянии Музея изящных искусств // Николай Ильич Романов (1867–1948). Ученый. Педагог. Музейный деятель. К 150-летию со дня рождения. М.–СПб, 319–330.

Ф*едосеев* Н.Ф. 2017. Греки на Боспоре Киммерийском: 200 лет исследований. (Научно-популярная серия РФФИ). Симферополь.

Фролов Э.Д. 1999. Русская наука об античности: Историографические очерки. СПб.

Ш*елов* Д.Б. 1966: В.Д. Блаватский – исследователь античного мира // Культура античного мира. М., 5–9, 11–18.

В*lavatskij* V. 1927. Eine neue Amphora des Polygnotos // AA. 1–2, 75–78.

С*VA IV*. 2001. Corpus Vasorum Antiquorum Russia IV, Pushkin State Museum of Fine Arts IV (N. Sidorova). Rome.

М*atheson* S.B. 1995. Polygnotos and Vase Painting in Classical Athens. Madison, Wisconsin.

http://открытаяархеология.рф/individuals

Summary

E.A. Savostina

Classic. In memory of the antiquarian V.D. Blavatsky

The article is dedicated to the memory of the outstanding scientist Vladimir Dmitrievich Blavatsky, who devoted his life to the study of Art and Archaeology of the Greek and Roman world, including the monuments of the Northern Black Sea Area. These notes in no way can claim to be a comprehensive analysis of the scientific activities of V.D. Blavatsky. We were only able to touch on various aspects of it, show the direction of interests, outline the outline of the person who would be fair to consider the founder of the new Moscow school of antiquity. The School related to both Art history and Archaeology, both for field practice and university education. Having started his career with the painstaking and important work of a museum curator and an Art historian, V. D. Blavatsky also mastered the profession of an archaeologist, which he soon concentrated on. He revived and renewed the life of Classical antiquity after revolutions and wars, launching it into a new round of development, and as much as he had the strength, he created his own world, his own cosmos.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-437-1.26-32

М. Г. Абрамзон*, А. М. Новичихин**
(Институт археологии РАН, г. Москва;*
*** Анапский археологический музей, г. Анапа)*

Монеты из раскопок античного поселения Андреевская щель-1 в 2019 г.

Античное поселение на западном склоне урочища Андреевская щель в 7 км к востоку от Анапы было открыто анапским археологом А. И. Саловым в 1978 г. и нанесено на составлявшуюся им археологическую карту под № 16. Ещё ранее, в конце 1960-х гг. в Анапский краеведческий музей из района Андреевский щели поступали античные монеты, обнаруженные при сооружении дамбы создававшегося здесь пруда. Как выяснилось впоследствии, грунт для отсыпки дамбы пруда брался с территории расположенного здесь античного поселения и, соответственно, найденные монеты происходят из его культурного слоя. В 1980-х гг. поселение неоднократно посещалось и осматривалось сотрудниками Анапского археологического музея, на его поверхности собирался подъёмный материал. В 1987 г. при обследовании проложенной здесь траншеи газопровода Анапа-Сукко был открыт средневековый грунтовых могильник, частично выпущенный в культурный слой античного поселения.

Первые археологический раскопки поселения Андреевская щель-1 были проведены в 1991–1992 гг. при исследовании участка средневекового некрополя, разрушенного при возобновлении прокладки траншеи газопровода. На периферийной части поселения была исследована площадь 36 м², выявлены культурные слои эллинистического и раннеримского времени, открыты остатки каменной постройки и хозяйственные ямы [*Новичихин* 1994, 172]. В 2004–2005 г. Раевским отрядом Северо-Кавказской экспедиции в центральной части поселения был раскопан участок площадью 20 м², подтвердивший наличие на памятнике слоев эллинистического и раннеримского времени, при раскопках также были исследованы хозяйственные ямы и другие объекты [*Малышев и др.* 2005, 311; 2007, 332, 333]. Впоследствии поселение Андреевская щель-1 неоднократно посещалось сотрудниками Анапского археологического музея, на его территории собирался подъемный материал.

Полученный при сборах подъемного материала и раскопках 1991–1992 и 2004–2005 гг. нумизматический материал в значительной степени опубликован. В нем представлены монеты боспорской чеканки первой половины III в. до н. э. – середины I в. н. э. [*Малышев и др.* 2008, 64, табл. 1; *Новичихин* 2013, 317–320]. Единственное исключение – херсо-

несская монета 70–60-х гг. до н. э., свидетельствующая о связях Горгиппии с Херсонесом в конце митридатовской эпохи [*Новичихин* 2008, 38–41; *Абрамзон* 2010, 487, 505, № 109].

В октябре 2019 г. совместная российско-венгерская археологическая экспедиция ООО «АрхГеоЮг» и Института изучения венгерской нации продолжила раскопки средневекового грунтового могильника Андреевская щель-1 на участке, примыкающем к раскопу 1991–1992 гг. с севера. Помимо средневековых погребений, на раскопе площадью 133 м² были исследованы культурные слои и две хозяйственные ямы античного времени. В результате было подтверждено существование на поселении двух слоев античной эпохи: слоя эллинистического времени – коричневого суглинка мощностью 0,1–0,2 м с керамикой IV–II вв. до н. э., и слоя раннеримского времени – серого золистого грунта мощностью 0,2–0,3 м. с археологическим материалом I в. до н. э. – I в. н. э. При раскопках и сборах подъемного материала на прилегающей к раскопу территории была получена коллекция античного нумизматического материала, насчитывающая 14 единиц[1]. Следует отметить, что культурные слои поселения на исследованном в 2019 г. участке, в 1970–1980-х гг. расположенном на территории бывшего фруктового сада, сильно разрушены плантажной вспашкой и последующей распашкой, в результате чего монеты и некоторые другие находки подчас оказались смещенными с изначальных мест залегания.

Самые ранние монеты относятся к концу IV – началу III до н. э. Это найденная на поверхности плохой сохранности монета типа «голова сатира влево/голова льва влево, осетр, П-А-N» [*Анохин* 1986, № 125] (табл. 1; рис. 1. *1*), и происходящая непосредственно из слоя коричневого суглинка монета типа «голова бородатого сатира влево/голова быка влево, П-А-N» [*Анохин* 1986, № 132] (табл. 2; рис. 1. *2*). Эти монеты хронологически близки наиболее ранним из найденных на поселении керамическим клеймам, относящимся ко второй половине IV в. до н. э. [*Новичихин* 2013, 318]. К середине III в. до н. э. относится сильно потертая монета типа «голова безбородого сатира влево/лук, стрела, ПАN, надчеканка – треножник» [*Анохин* 1986, № 139] (табл. 3; рис. 1. *3*), найденная в культурном слое эллинистического времени.

Следующую хронологическую группу составляют монеты II в. до н. э. типа «голова Аполлона вправо/лук в горите, ПАN» [*Анохин* 1986, № 169]. Первая монета (табл. 4; рис. 1. *4*) найдена в пахотном слое, вторая (табл. 5; рис. 1. *5*) – в слое серого золистого грунта, относящемся к I в. до н. э. – I в. н. э. Широкое использование этих монет в I в. до н. э. засвидетельствовано целой серией кладов, где монеты этого типа сочетаются с нумизматическими материалами начала указанного столетия, причем составляют в этих комплексах самую многочисленную группу [*Абрамзон*, *Горлов*, *Фролова* 2002, 159, 210; *Абрамзон*, *Новичихин* 2018, 336].

Нумизматические материалы I в. н. э. несколько расширили рамки существования поселения в это время. До раскопок 2019 г. самые поздние монеты, чеканенные при Аспурге, Митридате VIII и Котисе, относились к первой половине-середине столетия.

[1] Помимо античных, при раскопках в пахотном слое найдена советская трехкопеечная монета 1938 г. Эта находка, судя по всему, связана с существованием в 1930-е гг. двух подворий, находившихся в нескольких десятках метров к югу от места раскопок и отмеченных на карте РККА Азово-Черноморского края 1934 г. (лист L-37-III-Б-г). Монеты вместе с остальными находками поступили на хранение в Анапский археологический музей.

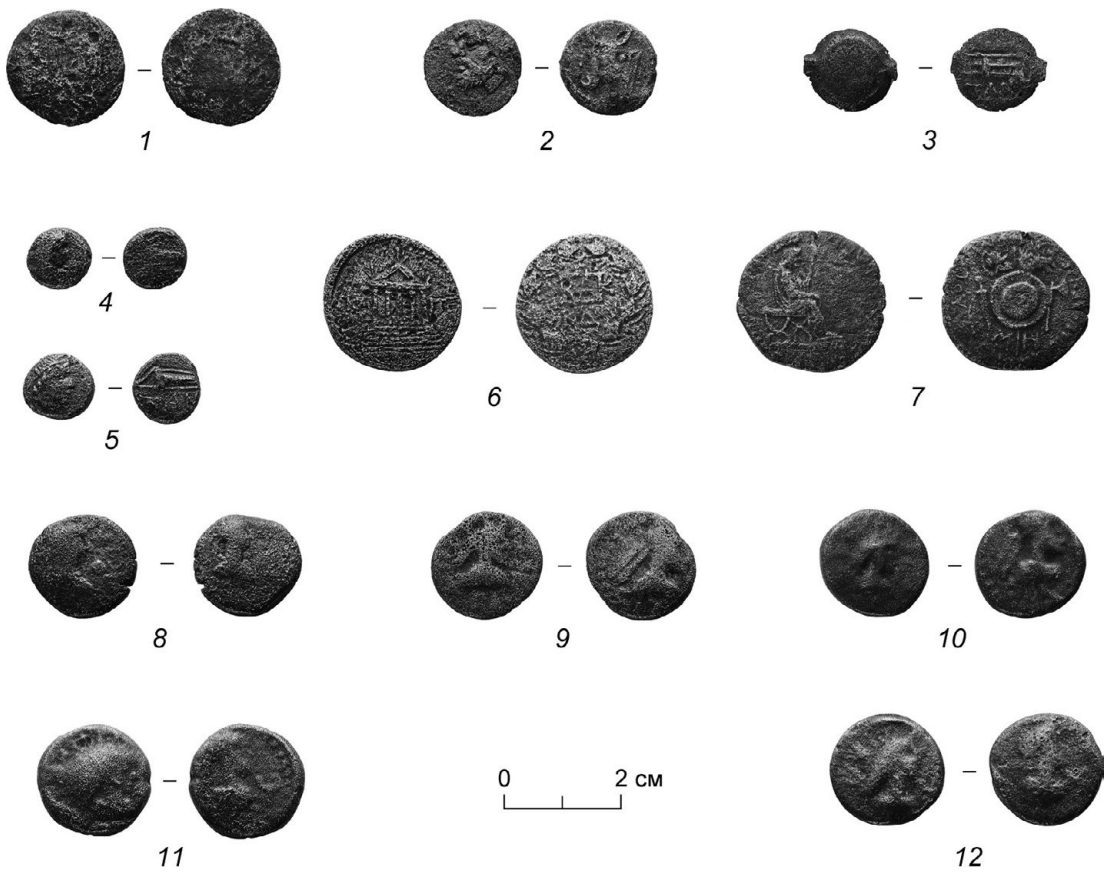


Рис. 1. Античные монеты из раскопок поселения Андреевская щель-1 в 2019 г.
1 – Пантикапей, ок. 315–300 гг. до н. э.; *2* – Пантикапей, ок. 300–290 гг. до н. э.; *3* – Пантикапей, сер. III в. до н. э.; *4, 5* – Пантикапей, II в. до н. э.; *6* – Боспор, Котис I, 63–68 гг. н. э.; *7* – Боспор, Савромат I, 98–103/104 гг. н. э.; *8* – Боспор, Фофорс, 295/296 г. н. э.; *9, 10* – Боспор, Радамсад, 318/319 г. н. э.; *11* – Боспор, Рескупорид VI, 319/320 гг. н. э.; *12* – Боспор, Рескупорид VI, 322/323 г. н. э. Медь

Найденные в 2019 г. монеты относятся ко второй половине I в. н. э. – рубежу I–II вв. н. э. Это дупондий второго периода правления Котиса I 63–68 гг. н. э. типа «пятиколонный храм на пятиступенчатом основании, КА-ПЕ/ВАК, КΔ в венке» [*Анохин* 1986, № 370; *Фролова* 1997, ч. I, табл. XVIII, 11–18] (табл. 6; рис. 1. *6*) и сестерций Савромата I типа «царь, сидящий на кресле вправо/щит, шлем, меч, топор, голова коня» [*Анохин* 1986, № 427; *Фролова* 1997, ч. I, табл. XLIII, 4–10] (табл. 7; рис. 1. *7*), выпуск которого Н. А. Фролова относит к 98–103/104 гг. н. э. [*Фролова* 1997, ч. I, 122, 126].

Неожиданным результатом раскопок 2019 г. стали находки на поверхности и в пахотном слое пяти медных позднебоспорских статеров конца III – начала IV вв. н. э.: монеты Фофорса 295/296 г. н. э. (табл. 8; рис. 1. *8*), двух монет Радамсада 318/319 г. н. э. (табл. 9, 10; рис. 1. *9, 10*) и двух монет Рескупорида VI – 319/320 (табл. 11; рис. 1. *11*) и 322/323 гг. н. э. (табл. 12; рис. 1. *12*). Монеты сильно потерты, что может объясняться их длительным нахождением в обращении.

Таблица 1. Античные монеты из раскопок поселения Андреевская щель-1 в 2019

№ п/п	Описание	Датирока	Размер. мм	Вес. г.	Материал	Полевой шифр	Издание
1	Пантикапей. Следы изображения головы безбородого сатира влево / следы изображения.	ок. 315-300 гг. до н.э. (?)	20	4,03	AE	Ан.щ.-1-19. П.м. Оп. 2.	*Анохин* 1986, № 125 (?)
2	Пантикапей. Голова бородатого сатира влево / голова быка влево, П-А-N.	ок. 300-290 гг. до н.э.	17	3,75	AE	Ан.щ.-1-19. Кв. 1, шт. 3, гл. -600. Оп. 15.	*Анохин* 1986, № 132.
3	Пантикапей. Следы изображения / следы изображения, ПАN, надчеканка – треножник.	сер. III в. до н.э.	14	1,88	AE	Ан.щ.-1-19. Кв. 5, шт. 3, гл. -602. Оп. 93.	*Анохин* 1986, № 139.
4	Пантикапей. Голова Аполлона вправо / лук в горите, ПАN.	II в. до н.э.	11	1,73	AE	Ан.щ.-1-19. Кв. 3, шт. 1, гл. -617. Оп. 47.	*Анохин* 1986, № 169.
5	Пантикапей. Голова Аполлона вправо / лук в горите, ПАN.	II в. до н.э.	11	2,13	AE	Ан.щ.-1-19. Кв. 5, шт. 3, гл. -582. Оп. 91.	*Анохин* 1986, №169.
6	Боспор. Котис I. Пятиколонный храм на пятиступенчатом основании, КА-ПЕ / венок, внутри монограмма ВАК, ниже КД.	63-68 гг. н.э.	24	8,74	AE	Ан.щ.-1-19. Кв. 2, шт. 2. Оп. 30.	*Анохин* 1986, № 70; *Фролова* 1997, ч. I, табл. XXVIII. 11-18.
7	Боспор. Савромат I. Царь, сидящий в кресле вправо, в руках скипетр / круглый щит, слева шлем и меч, справа голова коня и топор, круговая надпись.	98-103/104 гг. н.э.	25	7,12	AE	Ан.щ.-1-19. Кв. 2, шт. 3, гл. -721. Оп. 34.	Анохин 1986, № 427.
8	Боспор. Фофорс Бюст царя вправо, точка, круговая надпись / бюст императора вправо, тамга, ВqФ.	592 г. б.э. – 295/296 г. н.э.	19	6,17	AE	Ан.щ.-1-19. Кв. 4, шт. 4, гл. -690. Оп. 72.	*Анохин* 1986, № 740а; *Абрамзон, Новичихин и др.* 2019, № 99-104.
9	Боспор. Радамсад. Бюст царя вправо, круговая надпись. О.с. – бюст императора вправо, палица. ЕIX.	615 г. б.э. – 318/319 г. н.э.	19	5,86	AE	Ан.щ.-1-19. Кв. 3, шт. 2, гл. -592. Оп. 51.	*Анохин* 1986, № 763; https://bosporan-kingdom.com/763-4511/15.html

№ п/п	Описание	Датирока	Размер. мм	Вес. г.	Материал	Полевой шифр	Издание
10	Боспор. Радамсад. Л.с. – бюст царя вправо, палица, круговая надпись. О.с. – бюст императора вправо, палица. ЄІХ.	615 г. б.э. – 318/319 г. н.э.	19	6,45	AE	Ан.щ.-1-19. Кв. 3, шт. 3, гл. -622. Оп. 55.	*Анохин* 1986, № 763; *Абрамзон, Новичихин и др.* 2019, № 399.
11	Боспор. Рескупорид VI. Бюст царя вправо, трезубец, круговая надпись / бюст императора вправо, двузубец, ϛІХ, точечный ободок.	616 г. б.э. – 319/320 гг. н.э.	19	7,87	AE	Ан.щ.-1-19. П.м. Оп. 1.	*Анохин* 1986, № 765а; *Фролова* 1997, ч. II, табл. LXXXVIII. 13.
12	Боспор. Рескупорид VI. Бюст царя вправо, венок, круговая надпись / бюст императора вправо, ΘІХ.	619 г. б.э. – 322/323 г. н.э.	20	6,54	AE	Ан.щ.-1-19. Кв. 5, шт. 1, гл. -535. Оп. 79.	*Анохин* 1986, № 768б; *Фролова* 1997, ч. II, табл. XCIII. 10; *Абрамзон, Новичихин и др.* 2019, № 535.
13	Неопределима.	–	21	3,90	AE	Ан.щ.-1-19. Кв. 5, шт. 2, гл. -593. Оп. 86.	–
14	Неопределима. У края пробито отверстие.	–	21	4,39	AE	Ан.щ.-1-19. Кв. 5, шт. 2, гл. -588. Оп. 87.	–

Среди керамического материала из пахотного слоя имеется несколько фрагментов позднеантичных амфор, которые могут быть отнесены ко II–III вв. н. э., а в подъемном материале, собранном на поселении в 1991 г. имелся фрагмент края краснолаковой тарелки типа «поздний римский С» [*Новичихин* 1992, 23, рис. 147. *1*]. Вместе с описанными монетами эти находки свидетельствуют, что античное поселение в Андреевской щели существовало на протяжении всего позднеантичного периода, вплоть до V–VI вв. н. э. Культурный слой этого времени, судя по всему, уничтожен многолетней распашкой и перемещением грунта при сооружении дамб расположенных рядом двух прудов. С этим же временным периодом может быть связана находка в районе Андреевской щели северокавказского подражания римскому денарию с типом «идущего Марса» [*Бабиец, Новичихин, Сапрыкина* 2024].

Две монеты, в силу их плохой сохранности, определить не удалось (табл., № 13, 14). У одной из них у края пробито отверстие: это может указывать на то, что монета могла использоваться в качестве украшения или амулета много позднее. При раскопках могильника Андреевская щель-1 в 1991 г. в переотложенном слое вместе с предметами из разрушенных погребений также была найдена античная монета – ассарий Митридата VIII с пробитым отверстием [*Новичихин* 1997, 16, рис. 1].

В целом, монеты, полученные в результате раскопок 2019 г., составляют выразительный нумизматический комплекс, характеризующий денежное обращение на хоре античной Горгиппии.

Список литературы

А*брамзон* М.Г. 2010. Экономические связи Боспора в VI в. до н. э. – III в. н. э.: греческие монеты в денежном обращении // ПИФК. 1, 477–521.

Абрамзон М.Г., *Горлов* Ю.В., *Фролова* Н.А. 2002. Клады античных монет на Юге России. По материалам Краснодарского края. М., 560.

Абрамзон М.Г., *Новичихин* А.М. 2018. Два монетных клада митридатовского времени с юго-восточной окраины Боспора (2014 г.) // ВДИ. 2, 333–348.

Абрамзон М.Г., *Новичихин* А.М., *Сапрыкина* И.А., *Смекалова* Т.Н. 2019. Третий Гай-Кодзорский клад позднебоспорских статеров. М., 344.

Анохин В.А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев, 183.

Б*абиец* А.И., *Новичихин* А.М., *Сапрыкина* И.А. 2024. Варварские подражания римским денариям из находок в районе Анапы (по материалам Анапского археологического музея) // Из истории культуры народов Северного Кавказа. 17. Ставрополь (в печати).

М*алышев* А.А., *Гольева* А.А., *Клемешов* А.С., *Новичихин* А.М. 2005. Новые данные к истории боспорской колонизации в Закубанье // АО 2004 г. М., 308–312.

Малышев А.А., *Гольева* А.А., *Демичев* К.А., *Демичева* И.Ю., *Новичихин* А.М., *Честных* Д.В. 2007. Изучение периферийных районов Азиатского Боспора // АО 2005 г. М., 331–334.

Малышев А.А., *Гольева* А.А., *Новичихин* А.М. 2008. Новое в изучении периферийных районов Азиатского Боспора // КСИА. 222, 62–75.

Н*овичихин* А.М. 1992. Отчёт об охранных раскопках средневекового могильника Андреевская щель и археологических разведках в окрестностях с. Су-Псех Анапского района в 1991 г. (Краснодарский край). Анапа, 1992 // Архив ИА РАН. Р-1. № 16258, 16259.

Новичихин А.М. 1994. Раскопки античного поселения в Андреевской щели близ Анапы // Боспорский сборник. 4. М., 172–174.

Новичихин А.М. 1997. Вторичное использование античных монет на средневековом могильнике Андреевская щель // Древности Кубани. 4. Материалы семинара, посвященного 85-летию Н.В. Анфимова. Краснодар, 14–16.

Новичихин А.М. 2008. Херсонесская монета с хоры Горгиппии // ВДИ. 1, 38–41.

Новичихин А.М. 2013. Античное поселение в Андреевской щели близ Анапы (по результатам исследований 1991–1992 гг.) // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции. Краснодар, 317–321.

Ф*ролова* Н.А. 1997. Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э. – середина IV в. до н. э.). Ч.I. М., 448.

Фролова Н.А. 1997. Монетное дело Боспора (середина I в. до н. э. – середина IV в. до н. э.). Ч. II. М., 536.

Summary

M. G. Abramzon, A. M. Novichikhin
Coins from the excavations of the ancient settlement of Andreevskaya Schel-1 in 2019

The Russian-Hungarian archaeological expedition of the LLC "ArkhGeoYug" and the Institute for the study of the Hungarian nation in 2019 conducted excavations of a medieval burial ground in the locality Andreevskaya Schel near Anapa. In addition to medieval burials the cultural layers of the ancient settlement of Andreevskaya Schel-1 were investigated. During the excavations, a collection of ancient coins was obtained. It includes 14 Bosporan coins of the end of the 4th century BC – the beginning of the 4th century AD. Coins make up an expressive numismatic complex that characterizes the currency in the district of ancient Gorgippia.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-437-1.33-44

А. В. Бонин
(Институт археологии РАН, г. Москва)

Поселение эпохи поздней бронзы на берегу Керченского пролива

В 2015–2016 гг. на территории памятника археологии «Городище и поселение Ильичевка» (поселение Ильич 1 по Я. М. Паромову), расположенном в северной части Таманского п-ова, на берегу Керченского пролива, были проведены охранно-спасательные археологические работы, обусловленные строительством кабельного перехода через пролив. Общая площадь раскопок составила почти 3 га, в ходе работ было заложено и выкопано четыре раскопа.

На Раскопе 2, площадью 11194 м², в 2015 г. была исследована часть поселения эпохи поздней бронзы (рис. 1). Культурный слой прослежен на всей площади раскопа. В южной части раскопа, на площади 2834 м², он был разрушен поселением римского времени, лишь единичные ямы, относящиеся к описываемому объекту, встречаются под античным слоем. По остальным сторонам света границы поселения эпохи поздней бронзы не прослежены, так как слой уходил в борта раскопа.

Раскоп был разбит на поле, в 200 м северо-западнее укрепления-«батарейки». Дневная поверхность на всей площади раскопа имела заметный уклон с севера на юг (с перепадом высот около метра) и относительно небольшой (до полуметра) перепад высот с востока на запад. Под слоем распаханного грунта, темно-серой супеси мощностью 0,2–0,5 м, прослежен слой серо-коричневой супеси толщиной около 0,4–0,7 м. Эти слои представляют собой культурный слой поселения, верхний горизонт которого поврежден распашкой. Отметим, что исследованный слой поселения, по счастью, кроме распашки, не был нарушен более поздней жизнедеятельностью, за исключением южной части раскопа.

В слое северной и центральной его части, помимо некоторого количества предметов современного и античного времени, найдены фрагменты лепных сосудов, изделия из камня и кости. Насыщенность слоя находками небольшая.

Всего на Раскопе 2 открыто и исследовано 100 объектов, относящихся к поселению эпохи поздней бронзы. Из них подавляющее большинство, 82 объекта, являлись хозяйственными ямами. Четыре ямы, в силу их глубины, в одном случае превышающей четыре метра, можно считать колодцами. 13 объектов представляют собой разрушенные каменные конструкции, возможно, это остатки построек и очагов. И, наконец, было найдено и исследовано одно погребение.

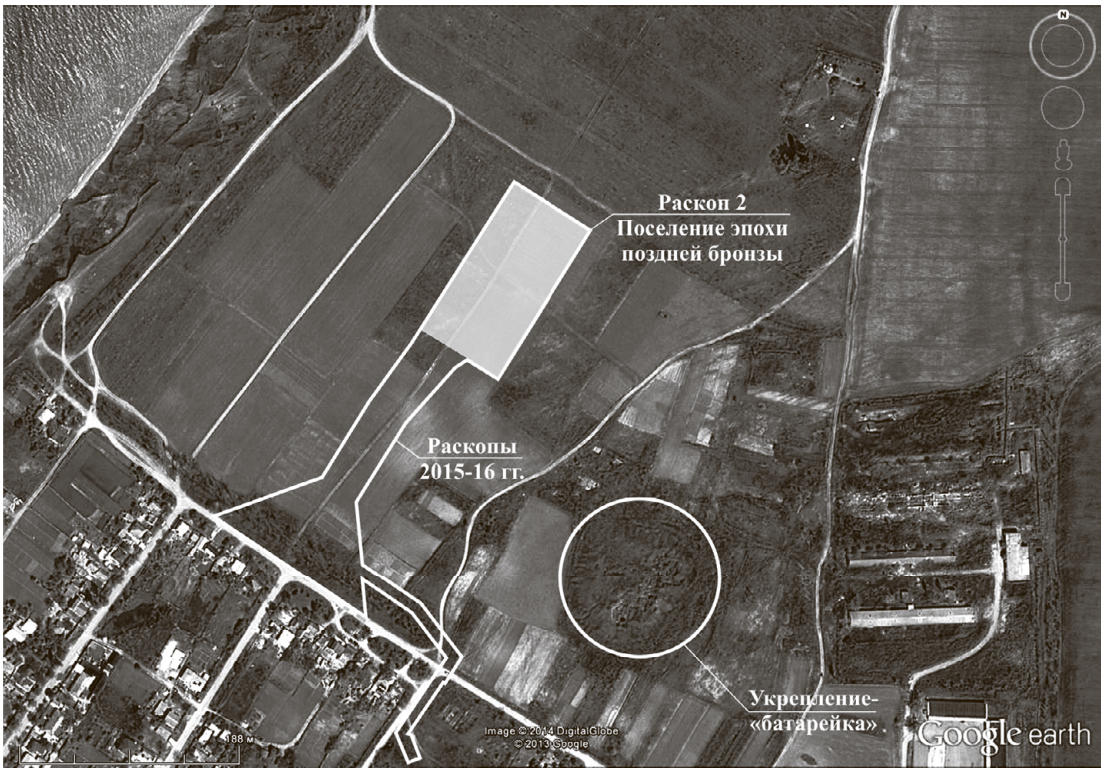


Рис. 1. Космоснимок территории памятника с указанием местоположения Раскопа 2

Хозяйственные ямы, в основной своей массе, образовывали два скопления: в юго-восточной и в северо-западной частях раскопа. Северо-западное насчитывало 27 ям, располагавшихся в линию (северо-восток – юго-запад) на площади 42×28 м. Юго-восточное скопление состояло из 22 ям на участке 30×22 м. Между собой эти скопления находились на расстоянии 44 м, а практически посередине между ними на площади 15×20 м были прослежены остатки каменной конструкции, вероятно некоего жилища. Еще 14 ям образовывали неполный круг диаметром 30–40 м в северной части раскопа.

Три ямы-колодца (№ 95, 100 и 102) компактно располагались в юго-западном углу раскопа, в 35 м к юго-западу от предполагаемого жилища. Еще один колодец (яма № 34) находился на полпути от жилищ к северо-западному скоплению ям.

Хозяйственные ямы имели диаметр от 0,61 до 3,88 м при глубине от 0,07 до 1,08 м и были заполнены серой или серо-коричневой супесью с примесью золы, мелкого камня, обломков костей, а в ряде случае и раковин мидий. В верхнем горизонте девяти яма зафиксированы скопления мелких камней, костей и фрагментов керамики. Прочие находки: в основном обломки лепных сосудов, кости животных и немногочисленные изделия из кости, бронзы и камня.

В двух хозяйственных ямах (№ 43 и 48) были обнаружены человеческие черепа. В объекте 43, в придонной части, у южного борта был найден череп, окруженный пятью средними (0,28×0,19×0,02 м) и мелкими плоскими камнями, лежавшими плашмя (рис. 2. *1*).

Рис. 2. *1* – Объект № 43. Человеческий череп в яме, вид с юго-запада;
2 – объект 34 после выборки заполнения. Вид с юго-запада

При зачистке пятна ямы № 48 найдены отдельные фрагменты костей черепа, кости фаланг человеческих пальцев происходили из восточной части ямы. В западной же её части (на глубине 0,4 м) был найден ещё один человеческий череп. Под ним и вокруг него отмечена наибольшая концентрация мелких камней.

Четыре ямы-колодца (№ 34, 95, 100 и 102) выделяются своей глубиной (от 3,22 до 4,59 м от уровня материка) при сравнительно небольшом диаметре (1,3–0,63 м), который, как правило, уменьшался с глубиной. Исключение – объект 34, чей диаметр на уровне материка составил 2,9 м, хотя ещё глубже яма сужалась до 1,12 м (рис. 2. *2*). На стенах двух ям-колодцев (№ 95 и 102) были прослежены уступы, расположенные с шагом около 0,7 м.

В нижнем горизонте заполнения объекта № 34, на глубине 4,1 м от горловины, у ее южной стенки, также был найден человеческий череп. В западной и восточной частях заполнения ямы № 102 (на уровне 2,38–2,4 м от верха ямы) зафиксированы ещё два человеческих черепа без нижних челюстей.

Заполнение ям-колодцев в целом представлено серо-коричневой супесью, практически неотличимой от культурного слоя. Находки из них невыразительны: единичные фрагменты костей и керамики.

Упомянутые остатки каменной конструкции были выявлены на глубине 0,6–0,8 м от дневной поверхности. Они представляют собой сильно разрушенное основание круглой постройки диаметром 10–14 м, возведенной из небольших (0,4×0,45×0,02 м, 0,23×0,27×0,03 м, 0,2×0,15×0,02 м) плоских необработанных камней известняка и песчаника (рис. 3. *1*). В центре сооружения находилась хозяйственная яма (№ 53), не примечательная ни размерами (диаметр 1,11 м), ни глубиной (0,78 м), ни находками (немногочисленные фрагменты лепных сосудов и костей животных). Юго-восточнее её было прослежено скопление средних (0,39×0,44×0,02 м, 0,18×0,16×0,02 м) и мелких плоских камней, образовывавших на площади размерами 1,2×1,35 м некое подобие вымостки. Кроме того, у западной границы только что описанной конструкции, при расчистке горизонта основания камней, были найдены ещё два человеческих черепа. Были ли это остатки разрушенных погребений – не ясно.

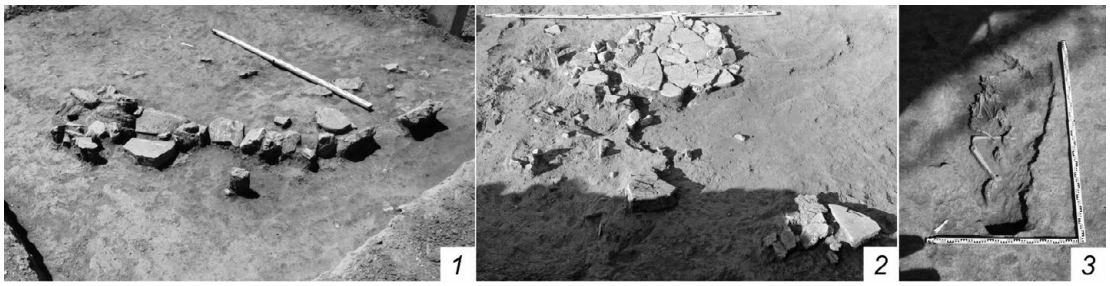


Рис. 3. *1* – Каменная кладка в квадрате 94, вид с северо-востока; *2* – объект 105, вид с востока; *3* – погребение, вид с юго-востока

За пределами всё той же конструкции были обнаружены скопления небольших камней и костей животных. Отдельные скопления более крупных камней, а равно – мелких плоских и костей животных зафиксированы ещё в трёх-четырёх местах раскопа (рис. 3. *2*).

Единственное собственно погребение эпохи поздней бронзы (объект № 61), было расчищено в квадрате 229, под слоем распашки, в 20 м к юго-западу от вышеописанных строительных остатков. Оно находилось в могильной яме (1,00×1,90 м), ориентированной по линии северо-запад, юго-восток. Повреждённый распашкой скелет лежал на правом боку, ноги согнуты в коленях и прижаты к животу. Череп – на боку, «лицом» на северо-запад (рис. 3. *3*). Бедренная кость левой ноги отсутствовала, голень сохранилась фрагментарно. Согнутая правая рука лежала под костями грудной клеткой, левая сверху их, также была согнута, кисти правой руки у головы. Кости кисти и несколько зубов лежали у плечевой кости левой руки. Погребальный инвентарь отсутствует. Стенки красноглиняной амфоры, фрагмент ручки краснолакового кувшина и два фрагмента стенок красноглиняных столовых сосудов оказались в засыпи могилы явно позднее.

Опись находок состоит из 12504 предметов. В основном это фрагментированные кости животных (64,8%) Обломки лепной керамики составляли 31,53%. Куски печной обмазки очагов – 3,19%. Каменные изделия (40 экз.) – 0,32%, костяные (11 экз.) – 0,09% и бронзовые изделия (8 экз.) – 0,06%.

Основная масса керамических находок – фрагменты и немногочисленные археологически целые формы грубых лепных горшков (рис. 4. *2*, *3*). Большинство имеют характерный горизонтальный валик на шейке сосуда, либо в основании плечиков. Валики гладкие, в ряде случаев расчлененные косыми насечками. Часть валиков украшена вдавлениями, в единичных случаях плечики горшков украшены крестовидными, колесовидными, волнообразными и сосцевидными налепами (рис. 5; 6. *6*). Упомянем две археологически целых округло-биконических корчаги (рис. 4. *1*).

Миски представлены одним типом: полусферические на плоском дне, с отогнутым наружу венчиком. Столовая посуда, в основной своей массе, имеет более тщательную проработку и лощеную поверхность (рис. 6. *2*, *3*, *5*–*7*). Отметим немногочисленные находки фрагментов черпаков с петлеобразной ручкой. На иллюстрации приведена археологически целая форма сосуда, верхняя плоскость ручки которого украшена

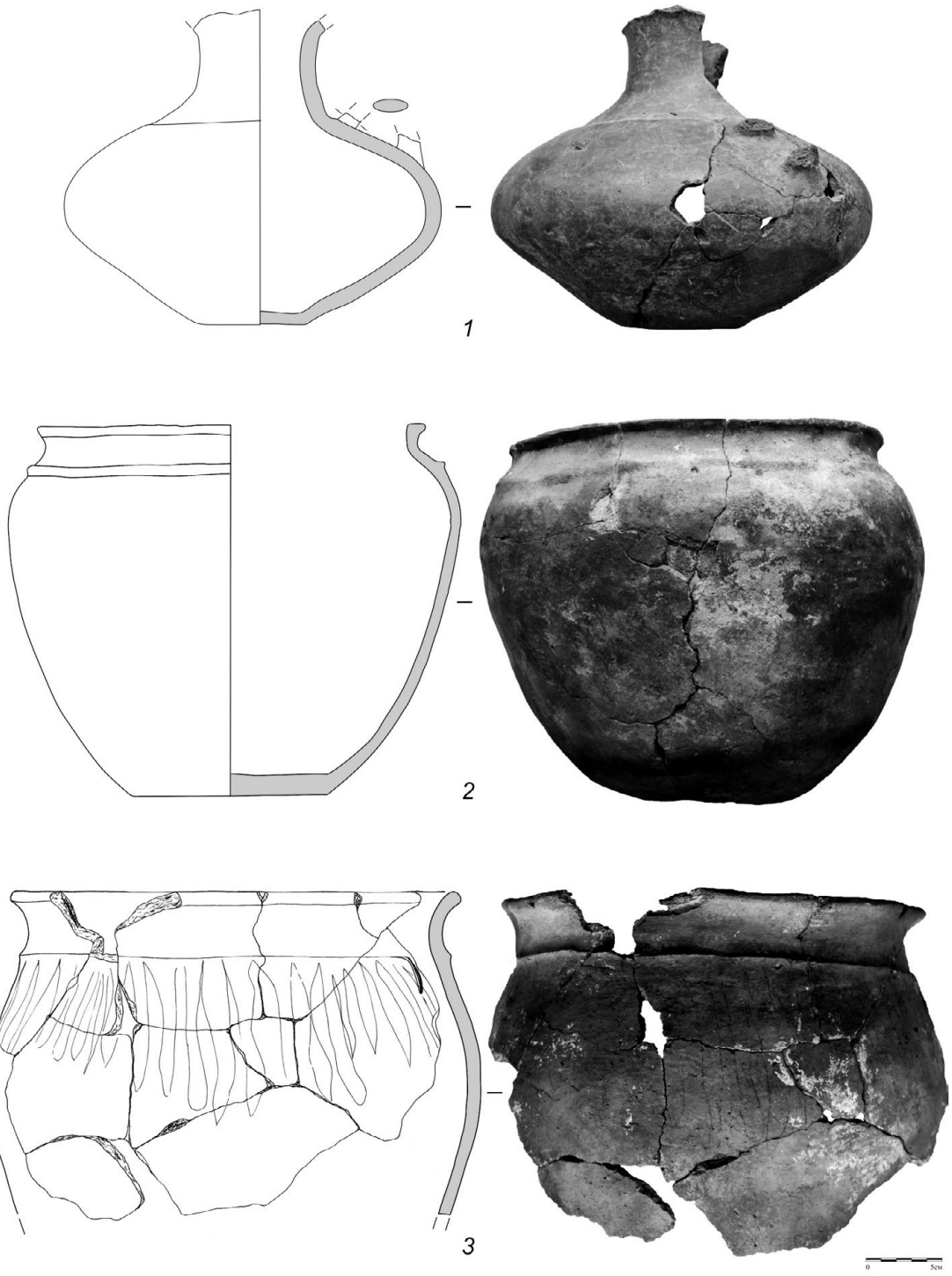


Рис. 4. Археологически целые лепные сосуды

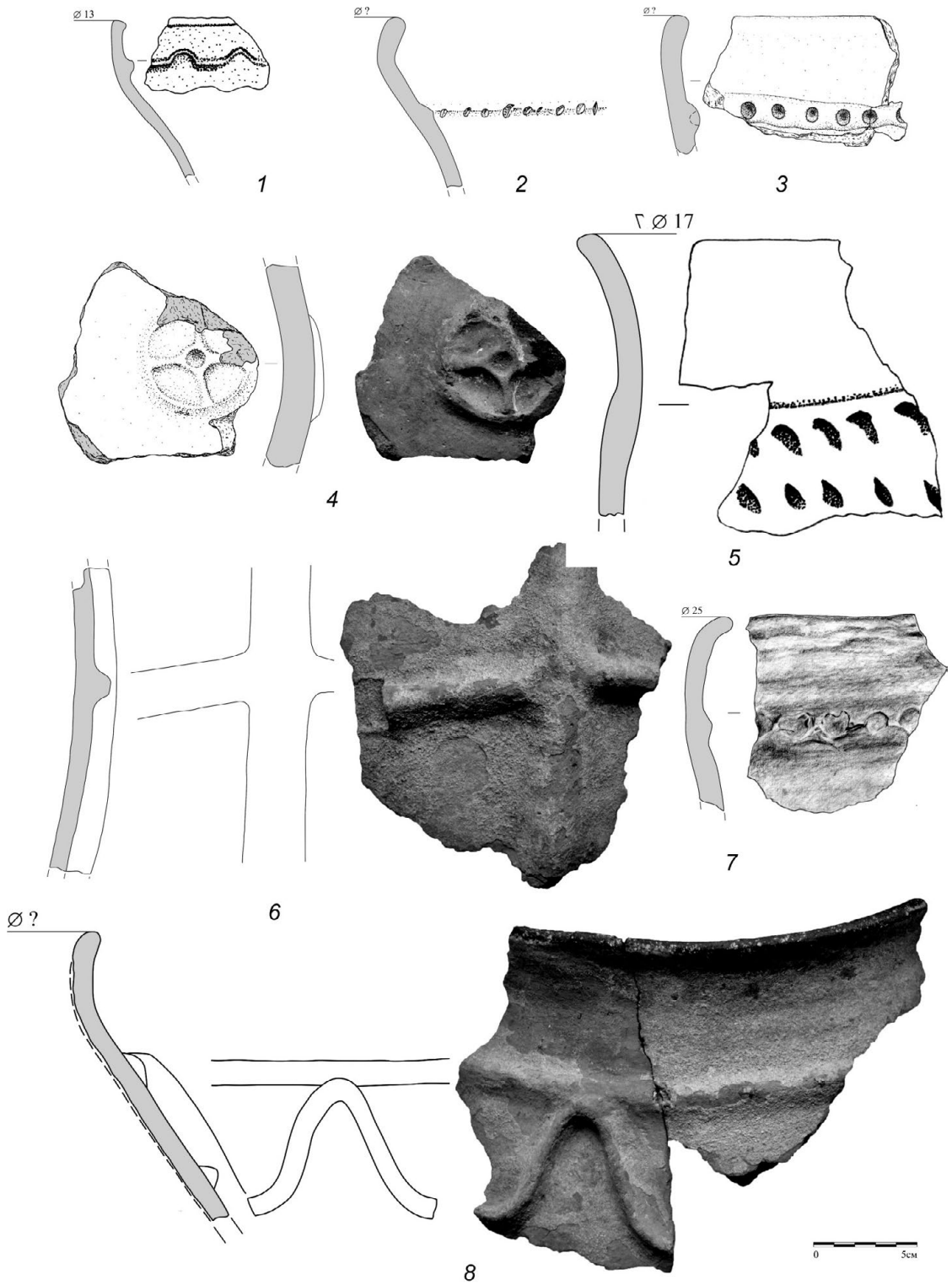


Рис. 5. Фрагменты профильных частей и орнаментированных стенок лепных сосудов

Рис. 6. Фрагменты и археологически целые лепные сосуды

шипообразным налепом (рис. 6. *1*). Единичным фрагментом представлена нижняя часть столового сосуда, украшенная двумя прорезными горизонтальными валиками и елочным орнаментом (рис. 6. *4*).

Из прочих керамических изделий упомянем две миниатюрные лепные крышки (диаметром около 5 см), а также пряслица и заготовки под них из стенок лепных сосудов (рис. 7. *1–3*).

Находки изделий из камня представлены тремя обломками бифасиальных кремневых ножей (два из них приведены на иллюстрации), кремневым скребком на пластине,

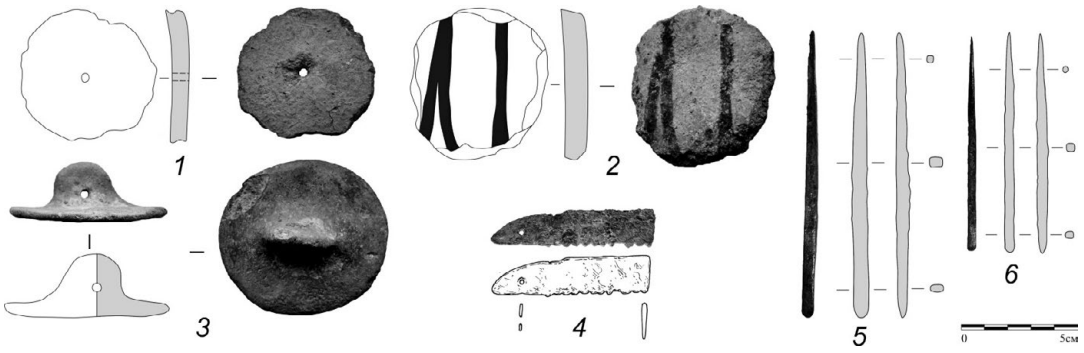


Рис. 7. Керамические изделия. *1* – лепная крышка (к. о. № 1253); *2* – керамическая заготовка для пряслица, изготовленная из фрагмента стенки лепного сосуда (к. о. № 1963); *3* – пряслице, изготовлено из стенки лепного сосуда (к. о. № 1085). Изделия из бронзы; *4* – обломок лезвия серпа или пилы (к. о. № 1827); *5*, *6* – четырехгранные в сечении шила (к. о. №№ 1816, 1817)

оббитым каменным пестом, полированным каменным молотом с обломанным обухом, фрагментом зернотерки и терочными камнями (рис. 8).

Изделия из кости – это два пряслица из суставных головок костей животных, грубая костяная проколка из трубчатой кости, заготовка из небольшой трубчатой кости (возможно, недоделанная рукоять ножа или проколки), инструмент для выделки кожи, лощило и костяная бусина-пронизь (рис. 9).

Металлические изделия – это два четырехгранных в сечении бронзовых шила, фрагмент лезвия серпа или пилы и бронзовое кольцо диаметром 12 см (рис. 7. *4*–*6*).

До недавнего времени степень исследованности объектов позднего бронзового века Таманского полуострова была весьма незначительной [*Паромов*, *Гей* 2005, 332–334]. В последнее десятилетие, в связи с охранно-спасательными археологическими работами, количество раскопанных памятников стало увеличиваться; появляются публикации материалов раскопок, что облегчает поиск аналогий [*Горошников* 2018; *Иванов*, *Сударев* 2012; 2013; *Кияшко* 2018; *Клемешова*, *Горошников*, *Горошникова* 2022; *Раев*, *Горошников* 2018].

Лепная керамика и прочие предметы, описанные выше, находят аналогии среди находок из раскопок поселения Балка Лисовицкого IV. По мнению А. В. Кияшко и Н. И. Сударева, это поселение принадлежит к памятникам сабатиновской культуры Северного Причерноморья, относящихся к позднесабатиновскому времени. Поселения этого типа на Тамани существовали вплоть до VI в. до н. э., а их население имело связи с балкано-карпатским регионом через Крым. Среди характерных форм керамики с памятника Балка Лисовицкого IV упоминаются сосуды, украшенные одиночными налепными валиками без дополнительного декора, украшенные налепами округлой, продолговатой формы, а также в виде рельефной спирали или колеса, кубковидные сосуды с подлощенной поверхностью и черпаки с высокой ручкой [*Кияшко*, *Сударев* 2018, 214–215, рис. 1]. Отметим, что к этому же времени относится слой поздней бронзы, исследованный А. А. Горошниковым на поселении Панагия 1 [*Горошников* 2018, 18; *Раев*, *Горошников* 2018, 135, 141, рис. 1, 3].

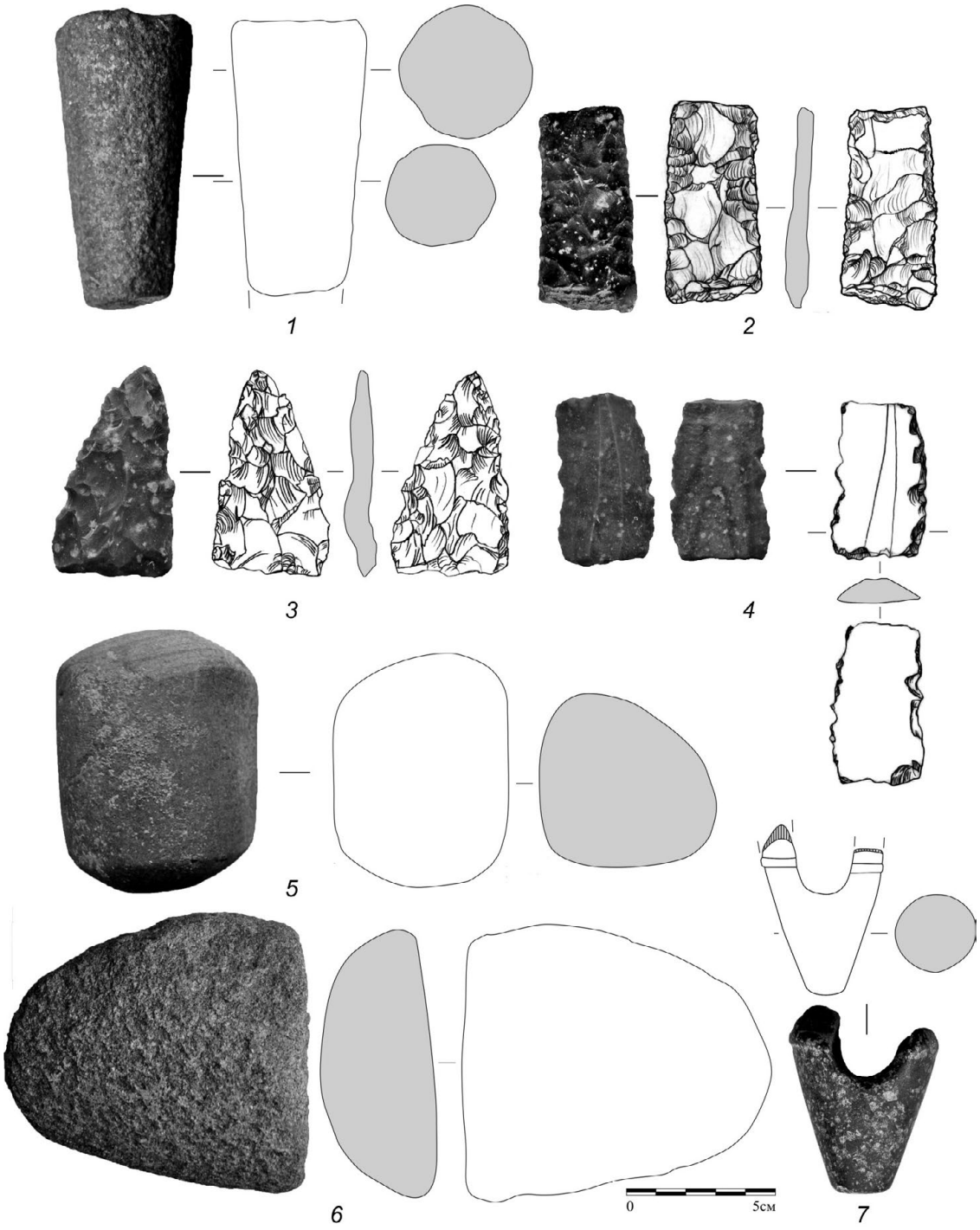


Рис. 8. Изделия из камня. *1* – пест (к. о. № 281); *2, 3* – фрагменты бифасиальных ножей (к. о. №№ 1996, 2046); *4* – скребок на пластине (к. о. № 944); *5* – терочник (к. о. № 2101); *6* – фрагмент зернотерки (к. о. № 2098); *7* – молот (к. о. № 1488)

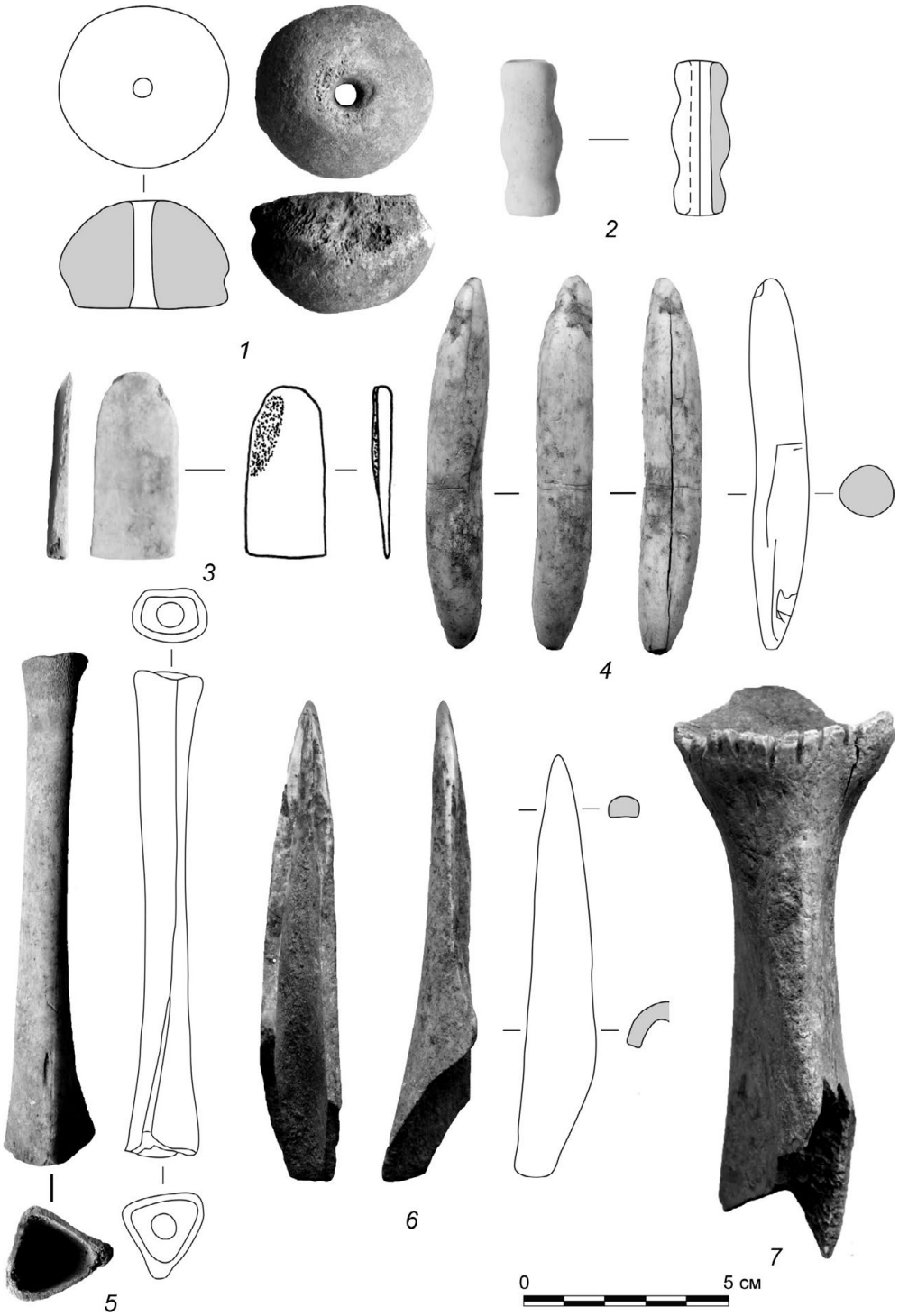


Рис. 9. Изделия из кости. *1* – пряслице (к. о. 2043); *2* – изделие (бусина?) (к. о. № 908); *3* – лощило (к. о. № 909); *4* – кость со следами обработки (к. о. № 1966); *5* – кость со следами обработки (к. о. № 1965); *6* – проколка (к. о. № 1964); *7* – инструмент для обработки кожи (п. о. № 1404)

По всей видимости, к этой же группе памятников относится и рассмотренное поселение. Учитывая местоположение – побережье около самого узкого места Керченского пролива, можно предположить, что оно возникло близ места переправы через пролив, откуда, по Я. М. Паромову, начинались древние дороги, ведшие из Крыма на Правобережье и Левобережье Кубани [*Паромов* 1998, рис. 2; *Паромов*, *Гей* 2005, рис. 1].

Список литературы

Г*орошников* А. А. 2018. Поселение эпохи поздней бронзы Панагия 1 в юго-западной части Таманского полуострова // Связи и взаимоотношения культур бронзового века Циркумпонтийского региона: новые данные и материалы. Тез. докладов круглого стола. М., 17–19.

И*ванов* А. В., *Сударев* Н. И. 2012. К вопросу о догреческом населении Таманского полуострова // ДБ. 16, 178–199.

Иванов А. В., *Сударев* Н. И. 2013. Об автохтонном населении Тамани накануне колонизации // ДБ. 17, 176–185.

К*ияшко* А. В. 2018. О специфике поселения позднего бронзового века Балка Лисовицкого IV на Тамани // Связи и взаимоотношения культур бронзового века Циркумпонтийского региона: новые данные и материалы. Тез. докладов круглого стола. М., 31–33.

Кияшко А. В., *Сударев* Н. И. 2018. К вопросу об этнокультурной принадлежности и хронологии памятников позднего бронзового века на Таманском полуострове // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Традиции и инновации (Боспорские чтения. XIX). Симферополь– Керчь, 212–218.

Клемешова М. Е., *Горошников* А. А., *Горошникова* З. В. 2022. Технико-технологический анализ керамики эпохи поздней бронзы поселения Панагия 1 (предварительные результаты) // ДБ. 27, 170–180.

П*аромов* Я. М. 1998. Главные дороги Таманского полуострова в античное время // ДБ. 1, 216–225.

Паромов Я. М., *Гей* А. Н. 2005. Памятники эпохи камня и бронзы на Таманском полуострове (краткий обзор) // ДБ. 13, 320–339.

Р*аев* Б. А., *Горошников* А. А. 2018. Поселение Панагия 1 на Тамани (о связях Северного Кавказа и Карпато-Дунайского региона в предскифское время) // Народы и культуры Нижнего Дуная в древности: материалы Международная… конф. Измаил, 135–142.

Summary

A. V. Bonin
Late Bronze Age settlement on the shores of the Kerch Strait

The article presents the results of excavations of a settlement of the Late Bronze Age, located within the boundaries of the archaeological monument «Fortification and settlement of Ilyichevka» (settlement Ilyich 1 according to Ya. M. Paromov). Here, in 2015, on an area of 11,194 m^2, part of the settlement was explored, the remains of a dwelling, complexes of utility pits, and also, presumably, wells were found. In addition, one burial was found. A total of 100 objects were studied. The bulk of the finds were fragments of animal bones. Numerous fragments of molded vessels, as well as items made of metal, stone and bone, were found. The studied settlement belongs to the group of monuments of the Sabatinovsky culture of the Northern Black Sea region of the late Sabatinovsky period.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-437-1.45-70

Н. В. Быковская*, М. Ю. Трейстер**
(Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник, г. Керчь;*
*** независимый исследователь, г. Бонн)*

Бронзовые перстни птолемеевского типа из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника[1]

Введение

На сегодняшний день не существует единого каталога бронзовых перстней с портретами правителей династии Птолемеев. Попытку сделать такой список Т. Шрайбером в 2015 г., в который включено 84 птолемеевских перстней из бронзы, кости, стекла и мрамора, больше двух третей которых (54) представляют перстни из бронзы, примерно в равных долях представленные изображениями в технике инталии и в рельефе [*Schreiber* 2015, 229, 273–276; 2018, 59], вряд ли можно признать удачной, т. к. автору из русскоязычной литературы были знакомы лишь работы О. Я. Неверова [*Неверов* 1974, 106–115; 1976, 166–183], и соответственно было учтено лишь около половины известных на сегодняшний день находок с точным происхождением и археологическими контекстами [*Неверов* 1974, 106–115; 1976, 166–183].

О. Я. Неверовым были каталогизированы 23 перстня из Северного Причерноморья, в том числе два из Херсонеса и один из Ольвии [*Неверов* 1974, 106–115; 1976, 166–183]. Сегодня, с учетом новых находок и не известных ему экземпляров [*Трейстер* 1982, 70–71, рис. 2; *Коровина* 1987, 137–148; *Финогенова* 2001, 164–167; *Лимберис, Марченко* 1997, 53–54, рис. 7. *9*; 2010, 153–155, рис. 3. *1*; *Медведев* 2014, 130, 131, рис. 5. *10*; *Краснодубец* 2018a, 105–109; 2018b, 105–112; *Трейстер* 2022a, 2022б, 2024], количество таких перстней в Причерноморье составляет не менее 54 экземпляров, без учета публикуемых здесь перстней из Керченского музея, а с их учетом – не менее 70 экз.). По-прежнему их значительное преобладание отмечается на Боспоре (более 30 экз.) (а с учетом неопубликованных перстней из Керченского музея – 46 экз.).

Основу этой работы составили 16 бронзовых перстней и их фрагментов из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Некоторые из них

[1] Н. В. Быковской были подготовлены каталожные данные, рисунки – Я. Катрич, фотографии перстней – Л. М. Федосеевой; атрибуции и текст статьи выполнены М. Ю. Трейстером.

поступили в Музей еще в конце XIX в. или в период между двумя мировыми войнами, другие – являются новыми поступлениями последних десятилетий из раскопок Пантикапея, Мирмекия и поселения на Кубани.

Атрибуция перстней

Портреты Арсинои II

На серии перстней с изображением женской головки с прической *Melonenfrisur* с пятью валиками, со свисающими с узла на затылке двумя подвесками представлена Арсиноя II [см. подробнее: *Трейстер* 2022а, 323–326, рис. 1]. К ним относятся перстень из окрестностей Смирны (по мнению Ж. Шарбонно, это портрет Береники II) [*de Ridder* 1924, 138, no 1461, MNC 2168; *Charbonneaux* 1958, 97–98, fig. 8], а также изображения на перстнях из Херсонеса [*Неверов* 1974, 110, прим. 33, рис. 12; 1976, 168, табл. II. *4*; *Трейстер* 2022а, 324, рис. 1. *10*; 2024, 9, рис. 1. *10*], Пичвнари [погребение № 217/2004: *Vickers, Kakhidze* 2004, 22; 2008a, 145; 2008b, 232; 2014, fig. 115. *3*; *Gabunia* 2022, 20–21, fig. 4; *Трейстер* 2022а, 325, рис. 1. *12*; 2024, 10, рис. 2. *8*], на перстне предположительно из Северного Причерноморья из коллекции Карисаловых в ГМИИ (четыре валика) [*Кат. Москва* 2019, 32, 113, № 44; *Трейстер* 2024, 10, рис. 2. *4*]. Портрет на перстне в Оксфорде, изображение на котором (с пятью валиками) отождествляют с портретом Береники II [*Boardman, Vollenweider* 1978, 81, no. 287, pl. XLVII; *Трейстер* 2024, 10, рис. 2. *12*] дополняет эту группу. В публикуемой коллекции эта серия представлена перстнем кат. № 1 (рис. 1. *1*; 4. *1*), переданным в 2004 г. в дар Музею В. Д. Письменным, место и контекст находки которого неизвестны.

Портреты Береники II

Женские портреты на бронзовых перстнях с рельефными изображениями (щиток 2,5–3,2×2,1–2,6 см) с прической *Melonenfrisur*. На мой взгляд, правы те исследователи, которые считают значительную часть их портретами Береники II, в том числе и потому, что на подавляющем количестве портретов имеется четыре пряди-валика [см. подробнее: *Трейстер* 2022а, 323–326, рис. 1], хотя имеются и исключения, как на рассматриваемом перстне из погребальной камеры № 2 склепа № 1 в кургане № 1/1977 некрополя Пантикапея в совр. районе Марат-2 в Керчи № 13 (рис. 3. *1*; 5. *7*) с пятью валиками, перетянутыми в середине лентой. Ближайшая параллель этому изображению на перстне, также происходящем из Керчи – из коллекции А. В. Новикова [*Неверов* 1974, 110, прим. 35, рис. 13; 1976, 168, табл. II, *6*; *Кат. Ст. Петербург* 2007, 235, № 258; *Schreiber* 2015, 275, Nr. Ib. 24, Taf. 27, *1*; *Трейстер* 2024, 12, рис. 3. *6*]. Близок, но отличается в деталях (на затылке свисает вниз узел ленты, в одном случае, лента в центральной части проработана двумя валиками) [*Лимберис, Марченко* 1997, 53–54, рис. 7. *9*; 2007, 235: как изображение Арсинои II; *Устаева, Журавлев* 2010, 88–89, 91, рис. 53; *Трейстер* 2024, 12, рис. 3. *8*] декор более крупных перстней: из погребения № 249/1965 Восточного некрополя Фанагории [*Неверов* 1974, 108, рис. 2; *Коровина* 1987, 142–143 (как Арсиноя II), рис. 4. *1*; *Финогенова* 2001, 165, 166 (как Береника II), рис. 3; 2010, 367, рис. 27. *справа*; *Кат. Москва* 2017, 302–303, № 183Б (как Арсиноя II); *Трейстер* 2024, 12, рис. 3. *7*] и погребения № 26 в кургане № 2/1993 некрополя Виноградный 7 [*Лимберис, Марченко* 1997, 53–54, рис. 7. *9*; 2007, 235: как изображе-

ние Арсинои II; *Устаева, Журавлев* 2010, 88–89, 91, рис. 53; *Трейстер* 2024, 12, рис. 3. *8*]. На более крупном перстне из культурного слоя поселения Чекупс-2 в Крымском районе Краснодарского края кат. № 14 (рис. 3. *2*; 5. *8*) представлен переданный с большими деталями и более тонкой лентой в середине головы портрет, который обнаруживает близкие параллели на бронзовых перстнях: в Музее Гетти [*Spier* 1992, 49, no. 88; *Трейстер* 2024, 12, рис. 4. *3*] и на двух аукционах [*Трейстер* 2024, 12, рис. 4. *9*, *10*].

К этой группе перстней примыкает и неопубликованный перстень из находок Таманской экспедиции 1928 г. [ГМИИ, инв. № 1255 (щиток 2,8×2,0 см)] и перстень с переделанной в древности шинкой с близким изображением в рельефе, происходящий из переотложенного слоя в Мирмекии № 15 (рис. 3. *4*; 5. *9*).

Прическа *Melonenfrisur*, перетянутая лентой в середине головы, и с более широкой лентой на узле на затылке восходит к раннеэллинистической эпохе – она представлена, в частности, на датирующихся концом IV в. до н. э. мраморных портретах группы «Астор-Шлиман» [*Willers* 2022, 83–101, особенно 93–94].

Портреты Арсинои III

О. Я. Неверов выделил два типа портретов Арсинои III. Первый тип [Неверов 1974, 111; 1976, 169] – с валиком по краю прически, переходящим в шиньон на затылке (*Schneckenförmigen Knoten или Schneckenknoten/Arsinoe-Knoten*, по терминологии Е. Гкикаки [*Gkikaki* 2011, 30–32, 55, 202, Z-Ha-P 5]). К этому типу относятся в настоящее время 10 экз. перстней с относительно небольшими щитками (2,3–2,6×1,8–2,1 см), найденных только на Боспоре [*Неверов* 1974, рис. 17; 20; 1976, 169, табл. II. *9–10*; III. *1–3*; *Кат. Ст. Петербург* 2007, 236, № 259; *Schreiber* 2015, 265, 274, Nr. Ia17, Taf. 24. *4*; *Трейстер* 2024, 14, рис. 5. *5–8*], а также перстни из Университетского колледжа в Лондоне [*Petrie* 1927, 20, no. 324, pl. XVI; *Schneider* 2015, 239, Anm. 71; 274, Nr. IA.24], Археологического музея Университета Мюнстера [*Schneider* 2015, 238–239, 272, Nr. 2; Taf. 24. *1*] и коллекции семьи Карисаловых [*Кат. Москва* 2019, 114, № 46; *Трейстер* 2024, 14, рис. 5. *9*]. Этот вариант находит близкие параллели на монетах, в частности на посмертной золотой октадрахме [*Svoronos* 1904, 211, Nr. 1269, Taf. XLII. *1*; *Richter* 1965, 264–265, fig. 1828; *Неверов* 1976, 171, табл. II. *8*; *Pfrommer* 1999, 104, Abb. 145a; 2001, 44, fig. 30a; *Cat. London* 2001, 84, no. 75; *Gorrini* 2006, 224, tav. I. *2a–b*; *Gkikaki* 2011, 30, 156, Ha-M 15; *Martin* 2012, 403, Abb. 10; *Lorber* 2014, 149, fig. 64; *Schreiber* 2015, Taf. 24. *6*; 25. *1*; *Cat. New York* 2016, 211–212, no. 136; *Трейстер* 2024, 14, рис. 5. *2–2a*] и на бронзовом портрете, хранящемся в Мантуе [*Gorrini* 2006, 221–237 с библ. в прим. 1 на с. 221; tav. IV; *Gkikaki* 2011, 216, Ha-P 15; *Butz* 2017, 46–56; *Трейстер* 2024, 14, рис. 5. *1*] и это наблюдение поддерживают и другие исследователи [*Schreiber* 2015, 265]. Очень близкое изображение портрету на октадрахме, в том числе с подобными серьгами и S-видными локонами на щеке, представлено на гемме из граната, найденной на о. Кос и хранящейся в Вене [*Zwierlein-Diehl* 1973, 42, Nr. 32, Taf. 7; *Meisterwerke Wien* 1996, 108, Nr. 150, Abb. 133; *Plantzos* 1999, 114, no. 33, pl. 6; *Galbois* 2018, 58, 197, no. G21; *Трейстер* 2024, 17, рис. 5. *4*], а также на рельефном изображении на бронзовом перстне из дома IV Западного квартала Эретрии [*Urfer* 2020, 81–82, fig. 3. *a*].

К этой группе относятся перстни кат. № 2, переданный в 2004 г. в дар Музею В. Д. Письменным, место и контекст находки которого неизвестны (рис. 1. *3*; 4. *2*)

и кат. № 5 – из раскопок В. В. Шкорпила Тузлинского некрополя 1913 г. (рис. 1. *7*; 4. *6*). Оформление валика косыми насечками сближает портрет на перстне кат. № 3 (рис. 1. *4*; 4. *4*) с портретами на щитках перстня из земляной гробницы № 17/1873 на г. Митридат [*Неверов* 1974, 111, прим. 44, рис. 17; 1976, 169, прим. 38, табл. II. *9*; *Трейстер* 2024, 19, рис. 5. *5*], из «Майкопа», поступившего в 1914–1915 гг. в Античное собрание Берлина [*Трейстер* 2022а, 328, рис. 2. *11*; 2022б, 281, рис. 2. *11*; 2024, 17–18, рис. 5. *11*] и из погребения № 140/1998 грунтового могильника у ст. Тенгинской [*Beglova* 2002, 303, Abb. 8. *1; Беглов*а 2010, 417, 418, рис. 12; *Эрлих* 2017, 34–35; *Беглова, Эрлих* 2018, 62, № 122; 170, рис. 80. *5*; *Трейстер* 2024, 17–18, рис. 5. *12*], тогда как изображение пряди, спадающей на плечо и трактовка складок хитона находит параллель на гемме из граната с о. Кос, хранящейся в Художественно-историческом музее Вены, портрет на которой атрибутируется как изображение Арсинои III [*Zwierlein-Diehl* 1973, 42, Nr. 32, Taf. 7; *Meisterwerke Wien* 1996, 108, Nr. 150, Abb. 133; *Plantzos* 1999, 114, no. 33, pl. 6; *Galbois* 2018, 58, 197, no. G21; *Трейстер* 2024, 17, рис. 5. *4*]. При этом ни на одном из аналогичных портретов на перстнях не изображается венок из листьев плюща, как на перстне кат. № 2 (рис. 1. *3*; 4. *2*). Перстень кат. № 5 (рис. 1. *7*; 4. *6*) представляет персонаж с диадемой на голове – изображение находит ближайшие параллели на серии перстней: из раскопок «Дома Хрисалиска» [*Сокольский* 1976, 93, 95, рис. 47. *5*; *Трейстер* 2024, 14, рис. 5. *7*], из Пантикапея [*Неверов* 1974, 111, прим. 46; 1976, 169, табл. III. *1*; *Трейстер* 2024, 14, рис. 5. *8*] и из коллекции семьи Карисаловых в ГМИИ им. А. С. Пушкина [*Кат. Москва* 2019, 114, № 46; *Трейстер* 2024, 14, рис. 5. *9*].

Вопросы вызывает второй вариант изображений, приписываемый О. Я. Неверовым [*Неверов* 1974, 111–112; 1976, 169, 172] Арсиное III. Это довольно распространенный вариант изображений на перстнях [*Трейстер* 2024, 17–18, рис. 5. *10–13*] (10 экз.: преимущественно Боспор и Закубанье) [*Трейстер* 2024, 17, рис. 8. *1* (карта распространения)], отличительной особенностью которого является узкий валик по краю прически с косыми параллельными параллельно уложенными прядями, длинные, слегка изогнутые пряди волос, спускающиеся с макушки к валику, и округлый пучок на затылке, перетянутый у основания лентой. Сам пучок украшен многочисленными небольшими округлыми выступами, передающими или завитые локоны, или головки заколок, или обмотку из нитей с бусами (?). Такой пучок представлен и на портрете перстня кат. № 3, переданного В. Д. Письменным в дар Музею в 2004 г. (рис. 1. *4*; 4. *4*). Подобные пучки представлены на портретах на упомянутых выше перстнях из «Майкопа», Тенгинской и раскопок Пантикапея 1867 г. [*Неверов* 1974, 111–112; 1976, 169, 172, табл. III. *4–7*; Кат. Ст. *Петербург* 2007, 236, № 261; *Трейстер* 2024, 17–18, рис. 5. *13*]. Среди редчайших известных мне параллелей портрета с пучком с округлыми выступами – на гемме из сердолика в Кабинете медалей в Париже, которая атрибутируется А. Фуртвенглером предположительно также как портрет Арсинои III [*Furtwängler* 1900, Bd. I, Taf. XXXI. *29*; XXXII. *34*; Bd. 2, 154–155; *Plantzos* 1999, 50, 114, no. 34, pl. 6; *Galbois* 2018, 198, no. G23; *Трейстер* 2024, 18, рис. 5. *3–3а*], а М.-Л. Фолленвайдер – как портрет Клеопатры II с датировкой ок. 170 г. до н. э. [*Vollenweider* 1995, 119–120, no. 109].

Волнистая прическа и крупный пучок позволяют сопоставлять изображение на щитке перстня кат. № 4 из довоенных поступлений в Керченский музей древностей (рис. 1. *5*; 4. *5*) с портретом на хранящемся в Лувре перстне из окрестностей Смир-

ны Bj 1399 [*de Ridder* 1924, 131, no. 1399; *Charbonneaux* 1958, 97–98, fig. 9; *Трейстер* 2024, 18, рис. 5. *15*].

К этой группе перстней примыкает серия перстней небольшого размера с близкими изображениями в рельефе, происходящих не только из Северного Причерноморья, но и Греции и Малой Азии [см. подробно: *Трейстер* 2024, 17]. К этой группе относится и перстень кат. № 16, приобретенный в 1891 г. Керченским музеем древностей у М. Зильберштейна (рис. 3. *3*; 5. *10*).

Мужские портреты. Птолемей II или Птолемей III?
Или просто портрет «безбородого мужчины»?

Относительно малочисленные перстни с мужскими портретами, которые определялись О.Я. Неверовым как изображения Птолемея II, вызывают вопросы. По мнению Д. Виллерса, оснований (атрибутов или других деталей) для определения портрета на перстне из Пантикапея, найденном в 1839 г. в кургане по дороге в Чурубаш [*Неверов* 1974, 1976, 167, прим. 7, табл. I. *3*; *Коровина* 1987, 142; *Кат. Ст. Петербург* 2007, 235, № 257; *Neverov* 2000, 185, fig. 12; 186, no. 21; *Willers* 2007, 88, Anm. 84 с лит. Taf. 11. *11–12*; *Cat. Amsterdam* 2010, 173, no. 163; *Schreiber* 2015, Taf. 30. *3–4*; *Galbois* 2018, 58, 204, no. M2; *Трейстер* 2024, 19, рис. 6. *1*], а также аналогий ему, приведенных Неверовым, нет, поэтому он определяет эти изображения просто как изображения безбородого мужчины [*Willers* 2007, 88–89]. Напротив, Т. Шрайбер принимает атрибуцию О.Я. Неверова портрета на перстне из коллекции А.В. Новикова [*Неверов* 1974, 108, рис. 5; 1976, 107–108, табл. I. *7*; *Кат. Ст. Петербург* 2007, 236, № 260; *Cat. Amsterdam* 2010, 173, no. 164; *Трейстер* 2024, 19–21, рис. 6. *6*] как портрета Птолемея III, основываясь на сходстве с изображениями на монетах пятой серии Птолемея III, относящихся к последним годам его правления [*Schreiber* 2015, 236–237].

На мой взгляд, портреты на рассматриваемых перстнях по свои особенностям: форма головы, прическа, драпировка бюста разделяются на две группы. К одной из них относятся перстни из кургана по дороге на Чурубаш [*Неверов* 1974, 1976, 167, прим. 7, табл. I. *3*; *Коровина* 1987, 142; *Кат. Ст. Петербург* 2007, 235, № 257; *Neverov* 2000, 185, fig. 12; 186, no. 21; *Willers* 2007, 88, Anm. 84 с лит. Taf. 11. *11–12*; *Cat. Amsterdam* 2010, 173, no. 163; *Schreiber* 2015, Taf. 30. *3–4*; *Galbois* 2018, 58, 204, no. M2; *Трейстер* 2024, 19, рис. 6. *1*], из некрополей Фанагории [*Неверов* 1974, 108, рис. 2; 1976, 167, табл. I. *4*; *Коровина* 1987, 140–142, рис. 3. *2*; *Финогенова* 2001, 165, 166, рис. 1; 2010, 367, рис. 27. *слева*; *Кат. Москва* 2017, 302, № 183А; *Трейстер* 2024, 19–20, рис. 6. *2*] и Горгиппии (в меньшей степени) (О.Я. Неверов определял его как портрет Птолемея III) [ПАН.1850: *Неверов* 1974, 108, прим. 20, рис. 3; 1976, 107–108, табл. I. *6*; *Трейстер* 2024, 19–20, рис. 6. *3*] с округлой головой, длинным прямым носом, высоким лбом, короткой прической из мелких локонов, край которой образует правильную дугу от лба до уровня низа открытого уха. Возможно, к этой же группе относится и изображение на рельефном перстне, происходящем вероятно из раскопок К.К. Косцюшко-Валюжинича в Херсонесе в 1907 г. [КП-23503: *Краснодубец* 2018с, № 6; *Трейстер* 2024, 20, рис. 6. *4*] с близкими пропорциями головы.

К этой же группе можно отнести и перстень кат. № 9, переданный в 2004 г. в дар Музею В.Д. Письменным, место и контекст находки которого неизвестны (рис. 2. *3*; 5. *4*). Пропорции головы и особенно прическа сближают его в первую очередь с перстнями

из кургана по дороге на Чурубаш [*Неверов* 1974, 1976, 167, прим. 7, табл. I. *3*; *Коровина* 1987, 142; *Кат. Ст. Петербург* 2007, 235, № 257; *Neverov* 2000, 185, fig. 12; 186, no. 21; *Willers* 2007, 88, Anm. 84 с лит., Taf. 11. *11–12*; *Cat. Amsterdam* 2010, 173, no. 163; *Schreiber* 2015, Taf. 30. *3–4*; *Galbois* 2018, 58, 204, no. M2; *Трейстер* 2024, 19, рис. 6. *1*] и из некрополя Фанагории [*Неверов* 1974, 108, рис. 2; 1976, 167, табл. I. *4*; *Коровина* 1987, 140–142, рис. 3. *2*; *Финогенова* 2001, 165, 166, рис. 1; 2010, 367, рис. 27. *слева*; *Кат. Москва* 2017, 302, № 183А; *Трейстер* 2024, 19–20, рис. 6. *2*], при этом создается впечатление, что на перстне из Керченского музея представлен портрет более молодого человека. Эти изображения близки изображениям на монетах Птолемея II и III исключительно по форме головы, прическа на монетах царей династии Птолемеев – иная, она не имеет столь четко очерченного края и край ее подходит к верхней части уха. Если же исходить из формы локонов прически, то скорее эти изображения можно было бы сопоставлять с портретами Птолемея IV, правившего с 221 по 204 гг. до н. э. [*Richter* 1965, 264, fig. 1827; *Kyrieleis* 1975, 42–43, Taf. 30. *1–4*; *Plantzos* 1999, pl. 93. *13*; *Willers* 2007, 87, Taf. 11. *3*; *Lorber* 2018, vol. 1, 433–443, nos. 894, 902, 907, 909, 917–919, 921–924, pls. 69–72].

Перстень кат. № 9 выделяется наличием на шинке в верхней части – округлой формы клейма с рельефным изображением головы безбородого мужчины в профиль влево (рис. 2. *3*; 5. *4*). Клейма на шинках встречаются, пусть и не часто на бронзовых птолемеевских перстнях, найденных на Боспоре [*Трейстер* 1982, 71]. Укажем на клеймо на шинке перстня из кургана по дороге на Чурубаш, которое в миниатюре воспроизводит изображение на его щитке [*Willers* 2007, 88, Anm. 84 с лит., Taf. 11. *12*; *Schreiber* 2015, 255, Taf. 30. *4*]. На шинке перстня предположительно с портретом Птолемея III из Горгиппии имеется сильно разрушенное миниатюрное изображение стоящей богини [ПАН.1850: *Неверов* 1974, 108, прим. 20, рис. 3; 1976, 107–108, табл. I. *6*; *Трейстер* 2024, 19–20, рис. 6. *3*], на шинке перстня из погребения № 78/1964 Восточного некрополя Фанагории – голова пожилого мужчины [*Неверов* 1974, 108, рис. 2; 1976, 167, табл. I. *4*; *Коровина* 1987, 140–142, рис. 3. *2*; *Финогенова* 2001, 165, 166, рис. 1; 2010, 367, рис. 27. *слева*; *Кат. Москва* 2017, 302, № 183А (изображение врезано)].

На шинках перстней, хранящихся в частной коллекции в Цюрихе и в Художественном музее Университета Принстона изображены в профиль головки орлов [*Willers* 2007, 87, Taf. 8. *6, 9*; *Schreiber* 2015, 254, Taf. 29. *4–5*], перстня в Античном собрании Университета Берна – рог изобилия [*Willers* 2007, 88, Anm. 84 с лит., Taf. 11. *6*; *Schreiber* 2015, 254, Taf. 27. *5*]. Д. Виллерс рассматривает такие дополнительные эмблемы на шинках как эмблемы птолемеевских мастеров или монетных дворов [*Willers* 2007, 89–90].

Обращает на себя внимание тот факт, что дополнительные изображения на шинке в виде женской головки в шлеме и мужской головки в профиль имеются и на бронзовых перстнях с гладким овальным щитком из погребений № 27/1948 [*Кобылина* 1951, 246, 247, рис. 4. *5*; *Марченко* 1956, 116; *Никулина* 1964, 188–191, рис. 1. *1, 3*] и № 65/1950 [*Марченко* 1956, 113, рис. 3. *25*; 116; *Никулина* 1964, 188–191, рис. 1. *2*], соответственно некрополей «Е» и на холме «И» в Фанагории, которые датировались И. Д. Марченко II в. до н. э., а Л. М. Никулиной – серединой III в. до н. э.

Ко второй группе относятся перстни из некрополя Херсонеса [*Неверов* 1974, 108, рис. 4; 1976, 167, табл. I. *5*; 2001, 132, рис. 4; *Коровина* 1987, 142; *Краснодубец* 2018b, 107, № 1,

рис. 1. *1*; *Трейстер* 2024, 20–21, рис. 6. *5*], который О.Я. Неверов определял как портрет Птолемея II, по мнению Шрайбера [*Schreiber* 2015, 236, Anm. 56 с ошибочным указанием на хранение перстня в Эрмитаже[2]], также является портретом Птолемея III и коллекции А.В. Новикова [*Неверов* 1974, 108, рис. 5; 1976, 107–108, табл. I. *7*; *Кат. Ст. Петербург* 2007, 236, № 260; *Cat. Amsterdam* 2010, 173, no. 164; *Трейстер* 2024, 19–21, рис. 6. *6*]. Судя по пропорциям головы к этой же группе может принадлежать и перстень из некрополя Виноградный-7 на Таманском полуострове [*Лимберис, Марченко* 2010, 153–155, рис. 3. *1*; *Трейстер* 2024, 20–21, рис. 6. *7*]. Голова персонажа имеет более вытянутую овальную форму, другую форму прически, с более длинными прядями. Край прически подходит к верхнему краю уха.

К этой же группе относится и изображение на щитках перстней кат. № 7–8, найденных в 1999 и 2006 гг. в слое I в.н.э. при раскопках Пантикапея (рис. 2. *1, 2*; 5. *3, 5*). Мне трудно принять сопоставление этих портретов с портретом Птолемея III на монетах, предложенное Т. Шрайбером.

Таким образом, учитывая в том числе и тот факт, что ни на одном из портретов на перстнях нет никаких царских инсигний, мне остается согласиться с заключением, к которому пришел Д. Виллерс. Вопрос возникает только в связи с тем, что мы явно имеем дело с сериями (!) портретов двух персонажей и вряд ли в таком случае можно определять их как частные лица.

Клеопатра VII

Если все рассмотренные выше перстни имели характерную для перстней III в. до н. э. форму и крупные размеры (щиток: выс. 2,0–2,5 см, шир. 1,5–1,8 см), то перстень кат. № 11 (рис. 1. *6*; 5. *2*), найденный в 1992 г. при охранных раскопках В.Н. Зинько на некрополе Пантикапея при раскопках здания, определенного как храм с материалом II–I вв. до н. э., по мнению автора раскопок, разрушенного в 63 г. до н. э. [*Зинько* 1992, 12–19], отличается от них значительно меньшими размерами (щиток: выс. 1,4 см, шир. 1,2 см), характерными для перстней позднеэллинистического времени – собственно эта тенденция начала проявляться еще на перстнях с портретами Арсинои III последней четверти III в. до н. э. [*Неверов* 1981, 73; *Трейстер* 2024, 19].

Отличается и форма перстня. Если перстни III в. до н. э. как правило имели шинку, в плане расширяющуюся к щитку, и по форме напоминали стремя, то в данном случае, при переходе к щитку шинка в верхней части плавно сужается. Датировка перстня по форме затрудняется отсутствием классификации металлических перстней II–I вв. до н. э. (Типологические схемы Д. Бордмана [*Boardman* 2001, 213, тип XVII; 214, 232, 361] и О.Я. Неверова [*Неверов* 1986, 22, тип VII; 147 (рис.)] заканчивается на перстнях птолемеевского круга). Тем не менее, форма перстня скорее близка форме перстней со вставками типа III, по классификации Д. Планцоса, которая датирована им эллинистическим и более поздним временем [*Plantzos* 1999, 37, fig. 2]. Как показал проведенный нами анализ [*Трейстер* 2015, 148–149], золотые перстни рассматриваемой формы со вставками получают распространении в эпоху позднего эллинизма, особенно во II – начале I в.

[2] Ошибка исправлена в статье Шрайбера 2018 г. [*Schreiber* 2018, 60, Anm. 10].

до н. э. [см., например: *Pfeiler-Lippitz* 1972, 112, Taf. 36. *12*; *Boardman, Vollenweider* 1978, no. 343, pl. LVII; *Vollenweider* 1984, 96, Nr. 151; *Guiraud* 1988, 78; 2008, 76, 77, fig. 5: тип 1b–c]. Бронзовый перстень, обтянутый золотой фольгой, близкой формы с овальным щитком размером 1,4×1,1 см, с контурным углублением в форме женского бюста в профиль влево со вставкой из горного хрусталя, из собрания Музея Бенаки, был датирован Б. Сегалл второй половиной I в. до н. э. [*Segall* 1938, 76, Nr. 89, Taf. 23; *Jackson* 2017, 151, no. 90]. Аналогичный по форме и с подобной же конструкцией щитка (1,27×0,87 см) со вставкой в форме женского бюста их халцедона золотой перстень, происходящий с Кипра, датирован А. Грайфенхагеном раннеимператорским временем, при этом Э. Цвирляйн-Диль относит вставку к ок. 40 г. до н. э. – рубежу н. э. [*Zwierlein-Diehl* 1969, 180–181, Nr. 495, Taf. 87; *Greifenhagen* 1975, 77, Nr. 5–6, Taf. 58].

Близкую форму имеет бронзовый перстень из датированного I в. н. э. погребения № 39/1950 некрополя «И» в Фанагории, на щитке которого предположительно представлен портрет армянского царя Артевазда II [*Марченко* 1956, 119, рис. 4. *16*; 121; *Никулина* 1964, 193–195, рис. 1. *5–6*; *Неверов* 1981, 73–78]. Близкую форму и размеры имеет один из перстней из собрания Карисаловых (щиток: 1,6×1,2 см) [*Кат. Москва* 2019, 115, № 47], а также золотой перстень в собрании Музея искусства в Провиденсе, Род-Айленд (щиток: 1,1×0,8 см) [*Hackens* 1976, 94, no. 37], оба с профильными изображениями женских головок на щитках. С публикуемым здесь перстнем их объединяет также тот факт, что изображение занимает относительно небольшую часть щитка, в отличие от портретов на перстнях III в. до н. э.

Широкая диадема надо лбом и прическа *Melonenfrisur*, заканчивающаяся округлым пучком на затылке, позволяет сопоставлять этот портрет с портретами Клеопатры VII и, соответственно, датировать 40–30-ми гг. до н. э.[3]

Тюхэ или правительница в образе Тюхэ

Происходящий из довоенных раскопок Керченского музея перстень кат. № 6 украшен на щитке углубленным изображение женского бюста в профиль влево с пучком на затылке, ниже которого изображены вьющиеся локоны, в *corona muralis* с шестью различимыми прямоугольными зубцами-башнями (рис. 1. *2*; 4. *3*). Этот признак позволяет отождествлять изображение с образом богини Тюхэ или богини-защитницы города. Подобные изображения известны на датируемом III в. до н. э. бронзовом перстне аналогичной формы из бывш. собрания Л. фон Ганса в Античном музее Берлина [*Greifenhagen* 1975, 87, Nr. 7–8, Taf. 64; *Gerring* 2000, 111, 174, Nr. XVII/17A, Abb. 137], на серии птолемеевских гемм из граната, датируемых II в. до н. э. и происходящих с Ближнего Востока

[3] См., например, два портрета, хранящихся в Копенгагене [*Albersmeier* 2002, 75; 330–332, Nr. 80–81, Taf. 30. *a–b*; 51. *c–d*; *Stanwick* 2002, 115, no. C18; 187, figs. 105–106; 127, no. F4; 212, figs.190–191. – Мраморный портрет Клеопатры VII, хранящийся в Риме: *Stanwick* 2002, 235, figs. 277–278. О портретах Клеопатры VII; см. также: *Kyrieleis* 1975, 124–125, Taf. 107. На монетах: *Richter* 1965, 269, figs. 1857–1859; *Cat. London* 2001, 234–235, nos. 219–220, 223–231; *Fulińska* 2010, 84, fig. 4; 87; *Vorster* 2013, 53, Abb. 1; 54; *Lorber* 2014, 136, fig. 45–46; 161, figs. 90–92; 162; на буллах (из Эдфу: *Lorber, van Oppen de Ruiter* 2017, 76, fig. 13; Пафоса: *Kyrieleis* 2015, 47, 129–130, Q35–37, Taf. 75) в скульптуре – *Cat. London* 2001, 218, no. 196; *Vorster* 2013, 56–70, Abb. 3–8; Taf. 2–4). Профильные изображения женских головок с аналогичной прической встречаются на буллах, например, из Урука, которые могут обозначаться как портреты не идентифицированных цариц (unidentifiable queen) (*Hicks* 2016, vol. 2, 170–171), или из Селевкии (*Marest-Caffey* 2017, 198, pl. 27. *2*).

[*Brandt* 1968, 74, Nr. 379, Taf. 44; *Spier* 1989, 24, nos. 28–33; 26–27; figs. 20–22; 32; *Plantzos* 1999, 124, nos. 321–330, pls. 50–51], а также на буллах эллинистического и раннеимператорского времени: из Кадеша [*Ariel* 2023, 393–394, INS 6, fig. 11.8; pl. 106], Долихе [*Önal* 2011, 258, Nr. 32–33, FarbTaf. 11; 2014, 176–177, Nr. 20–21, FarbTaf. 18] и Зеугмы [*Önal* 2007, 42–43, nos. 80–83; 2010, 35, nos. 24–26]. Существовала определенная связь между образом и цариц династии Птолемеев, которая проявилась, в частности, в изображениях Тюхе с портретными головами Арсинои II и Береники II на так наз. птолемеевских ойнохоях [*Thompson* 1973, 52; *Herbert* 2003, 78].

Дионис или правитель в образе Диониса

Перстень кат. № 10, переданный в дар Музею в 2004 г. В. Д. Письменным, украшен на щитке углубленным изображение головки безбородого мужчины в венке из листьев плюща (?) с завязками сзади в профиль влево (рис. 2. *4*; 5. *6*). Венок может указывать на то, что на перстне изображен Дионис. С другой стороны, явно портретное изображение вполне может быть рассмотрено как изображение правителя в образе Диониса. Подобное изображение на овальной гемме из сердолика в Кабинете медалей Национальной библиотеки в Париже атрибутируется как изображение Деметрия Полиоркета в образе Диониса [*Plantzos* 1999, 117, no. 129, pl. 22]. Как Дионис в венке из плюща изображались на своих монетах, чеканенных на Кипре, и правители династии Птолемеев: Птолемей IX [*Lorber* 2021, 21, figs. 3.64–3.65] и Птолемей X [*Lorber* 2021, 32–33, fig. 3.83].

Заключение

Важность коллекции бронзовых перстней птолемеевского типа заключается в том, что по крайней мере значительная ее часть происходит с территории античного Боспора. Отметим, что введение в научный оборот 16 бронзовых перстней существенно увеличивает общее количество известных перстней и еще более существенно подкрепляет наблюдения о том, что областью их преимущественного распространения был Киммерийский Боспор. Другая важная особенность находок – в четырех случаях перстни происходят из раскопок городских кварталов Пантикапея и Мирмекия, в одном случае – из слоя разрушения храма, в другом (Мирмекий) – возможно, из зольника. Нельзя не отметить существенное увеличение перстней с мужскими портретами, до сих пор чрезвычайно редкими, в том числе и перстня с клеймом на шинке. Наконец, обратим внимание на перстень из слоя разрушения храма в Пантикапее, который выходит за рамки основной группы перстней III в. до н. э. и, с большой долей вероятности, портрет на котором, может быть приписан Клеопатре VII.

Приложение 1

Каталог

1. Перстни с углубленными изображениями на щитках

Арсиноя II

1. Перстень массивный литой с овальным щитком и широкой шинкой. На щитке – углубленное изображение женской головки в профиль влево с ожерельем на шее и в хитоне, обозначенном складками. Прическа типа *Melonenfrisur* с пятью валиками, на затылке пряди собраны в пучок образованный двумя кольцами, переданными валиками, с которого свисают две подвески. На щеке перед и за ухом показаны круглыми вдавлениями пряди волос.
   Передан В. Д. Письменным в дар Музею, 2004 г. Обстоятельства находки неизвестны.
   Сохранность: шинка утрачена, металл частично минерализован, на поверхности благородная патина темно-зеленого цвета.
   Бронза; литье.
   Выс. макс. сохр. 1,1 см, шир. 2,3 см. – Щиток: выс. 2,05 см, шир. 1,9 см. – Шинка: шир. 0,6–0,8 см, толщ. 0,15–0,20 см.
   КП-158140, КМ-7787.
   Научный архив ВКИКМЗ, оп. 2, ед. хр.1715.
   Рис. 1. *1*; 4. *1*.

Арсиноя III

2. Перстень массивный литой с овальным щитком и широкой шинкой. На щитке – углубленное изображение женской головки в профиль влево с ожерельем на шее и в хитоне, край которого обозначен складкой. Прическа с валиком по краю с косыми параллельными насечками, на затылке валик переходит в округлый пучок, пряди которого переданы четырьмя вертикальными валиками. Длинная волнистая прядь спускается на плечо за ухом. На голове параллельно валику – венок с листьями плюща.
   Передан В. Д. Письменным в дар Музею, 2004 г. Обстоятельства находки неизвестны.
   Сохранность: шинка утрачена, металл частично минерализован, на поверхности благородная патина темно-зеленого цвета.
   Бронза; литье.
   Выс. макс. сохр. 1,3 см, шир. 2,3 см. – Щиток: выс. 2,2 см, шир. 1,7 см. – Шинка: шир. 0,7–1,05 см, толщ. 0,20–0,30 см.
   КП-158164, КМ-7811.
   Научный архив ВКИКМЗ, оп. 2, ед. хр.1715.
   Рис. 1. *3*; 4. *2*.

3. Перстень массивный литой с овальным щитком и широкой шинкой. На щитке – углубленное изображение женской головки в профиль влево с ожерельем на шее

и в хитоне, край которого обозначен складкой. Прическа с валиком по краю, на затылке валик переходит в округлый пучок. Длинная волнистая прядь спускается на плечо за ухом. Прическа на голове передана вертикальными валиками, параллельно валику – венок (?).
Передан В. Д. Письменным в дар Музею, 2004 г. Обстоятельства находки неизвестны.
Сохранность: шинка утрачена, изображение на щитке частично повреждено коррозией, металл частично минерализован, на поверхности благородная патина.
Бронза; литье.
Выс. макс. сохр. 1,4 см, шир. 2,3 см. – Щиток: выс. 2,0 см, шир. 1,5 см. – Шинка: шир. 0,6–1,1 см, толщ. 0,20–0,30 см.
КП-158165, КМ-7812.
Рис. 1. *4*; 4. *4*.

4. Перстень массивный литой с овальным щитком и широкой шинкой. На щитке – углубленное изображение женской головки в профиль вправо. Прическа, проработанная на голове тонкими прядями, с валиком по краю, на затылке валик переходит в округлый пучок.
Из довоенных поступлений в Керченский музей древностей.
Сохранность: часть шинки утрачена, мелкие поверхностные утраты металла.
Бронза; литье.
Выс. 2,2 см, шир. 2,2 см. – Щиток: выс. 2,1 см, шир. 1,4 см. – Шинка: шир. 0,5–0,6 см, толщ. 0,20–0,40 см. – Отверстие для пальца: шир. 2,1 см, выс. 1,8 см.
КМ-649, К-1324.
Рис. 1. *5*; 4. *5*.

5. Перстень массивный литой с овальным щитком и широкой шинкой. На щитке – углубленное изображение женской головки в профиль влево. На голове диадема в виде повязки, украшенной рядом точек. Прическа проработана на голове тонкими прядями, на затылке валик переходит в округлый пучок.
Некрополь на м. Тузла. Раскопки В. В. Шкорпила, найден в погребении 22.06.1913 г.
Сохранность: Расчищен химическим способом; патина отсутствует, трещины, на щитке – сквозные, утраты металла.
Бронза; литье.
Выс. 2,6 см, шир. 2,2 см. – Щиток: выс. 2,53 см, шир. 2,2 см. – Шинка: шир. 0,80–1,2 см, толщ. 0,30–0,40 см. – Отверстие для пальца: шир. 2,0 см, выс. 1,7 см.
КП-3250, КМ-193.
Литература: возможно, упомянут: *ОАК за 1913–1915 гг.*, 19.
Рис. 1. *7*; 4. *6*.

Тюхэ

6. Перстень массивный литой с овальным щитком и широкой шинкой. На щитке – углубленное изображение женского бюста в профиль влево с прямым носом, с пучком на затылке, ниже которого изображены вьющиеся локоны, *corona muralis*

с шестью различимыми прямоугольными зубками-башнями на голове, и хитоном, проработанным узкими складками.
Из довоенных раскопок Керченского музея.
Сохранность: большая часть шинки утрачена, поверхностные утраты металла в результате коррозии.
Бронза; литье.
Общие размеры: выс. макс. 3,0 см, шир. при виде сбоку 1,6 см. – Щиток: выс. 3,0 см, шир. 2,5 см. – Шинка: выс. 0,6–0,8 см, шир. 0,7– 1,2 см, толщ. 0,2 см.
КМ-647. КИАМ КП-3704.
Рис. 1. 2; 4. 3.

Птолемей III (?)

7. Перстень массивный литой с овальным щитком и широкой шинкой. На щитке – углубленное изображение головки безбородого мужчины в профиль влево. Голова овальной формы, нос прямой. Прическа короткая.
Раскопки Боспорской археологической экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина под руководством В. П. Толстикова, 1999 г. Пантикапей, раскоп «Центр-Север», кв. 76, шт. 5 (слой I в. н. э.), п. о. 136.
Сохранность: шинка утрачена, поверхностные утраты металла в результате активной коррозии.
Бронза; литье.
Щиток: выс. 2,2 см, шир. 1,8 см.
КП-147372, КМ-7191.
Рис. 2. *1*; 5. *5*.

8. Перстень массивный литой с овальным щитком и широкой шинкой. На щитке – углубленное изображение головки безбородого мужчины в профиль влево. Голова вытянуто овальной формы, нос прямой. Прическа короткая.
Раскопки Боспорской археологической экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина под руководством В. П. Толстикова, 2006 г. Пантикапей, раскоп «Центральный-Северный», кв. 50, шт. 20 (слой I в. н. э.).
Сохранность: часть шинки утрачена, потертости, патина.
Бронза; литье.
Выс. макс. 2,0 см, шир. 1, 3 см. – Щиток: выс. 1,8 см, шир. 1,3 см. – Шинка: выс. сохр. 0,7–1,1 см, шир. 0,5–1,1 см, толщ. 0,3–0,1 см.
КП-164725, КМ-8002.
Научный архив ВКИКМЗ, оп. 2, ед. хр. 1811.
Рис. 2. 2; 5. *3*.

Птолемей IV (?)

9. Перстень массивный литой с овальным щитком и широкой шинкой. На щитке – углубленное изображение головки безбородого мужчины в профиль вправо в хитоне, обозначенном складками. Голова округлой формы, нос прямой, крупный глаз

миндалевидной формы с узким валиком по краю и круглым выпуклым глазным яблоком. Прическа короткая передана горизонтальными рядами коротких слегка изогнутых валиков. На шинке в верхней части со стороны верха головы – округлой формы клеймо с рельефным изображением головы безбородого мужчины в профиль влево.
Передан В. Д. Письменным в дар Музею, 2004 г. Обстоятельства находки неизвестны.
Сохранность: шинка утрачена, металл частично минерализован, на поверхности благородная патина.
Бронза; литье.
Выс. макс. сохр. 1,15 см, шир. 2,5 см. – Щиток: выс. 2,4 см, шир. 1,7 см. – Шинка: шир. 0,5–1,0 см, толщ. 0,30–0,40 см. – Клеймо: выс. 0,8 см, шир. 0,7 см.
КП-158163, КМ-7810.
Научный архив ВКИКМЗ, оп. 2, ед. хр.1715.
Рис. 2. *3*; 5. *4*.

Дионис или правитель в образе Диониса

10. Перстень массивный литой с овальным щитком и широкой шинкой. На щитке – углубленное изображение головки безбородого мужчины в профиль влево. На голове венок из листьев плюща (?) с завязками сзади.
Передан В. Д. Письменным в дар Музею, 2004 г. Обстоятельства находки неизвестны.
Сохранность: фрагментирован; от шинки остались корни, прилегающие к щитку; царапины; покрыт патиной темно-коричневого цвета и продуктами коррозии.
Бронза; литье.
Выс. 2,5 см, шир. 2,1 см. – Щиток: выс. 2,3 см, шир. 2,0 см. – Шинка: выс. сохр. 0,7 см, шир. 0,4–0,7 см, толщ. 0,30 см.
КМ-7788, КП-158141.
Научный архив ВКИКМЗ, оп. 2, ед. хр.1715.
Рис. 2. *4*; 5. *6*.

Клеопатра VII

11. Перстень массивный литой с овальным щитком и широкой шинкой. На щитке – углубленное изображение женской головки в профиль влево. Прическа типа *Melonenfrisur*, на затылке пряди собраны в пучок, с которого свисают две подвески. Надо лбом – широкая лента диадемы
Найден в 1992 г. при охранных раскопках В. Н. Зинько на некрополе Пантикапея, кв. 4, шт. 5, КПАЭ, оп. 144.
Сохранность: мелкие поверхностные утраты металла, потертости изображения на щитке.
Бронза; литье.
Выс. 1,6 см, шир. 1,7 см. – Щиток: выс. 1,4 см, шир. 1,2 см. – Шинка: шир. 0,45–0,80 см, толщ. 0,20–0,30 см. – Отверстие для пальца: шир. 1,4 см, выс. 1,3 см.
КМ-6251.
Рис. 1. *6*; 5. 2.

Изображение не определимо

12. Перстень массивный литой с овальным щитком и широкой шинкой. На щитке – углубленное изображение мужской (?) головки в профиль влево с длинной шеей, в высоком головном уборе (?).
Случайная находка в районе некрополя городища Мирмекий; передан в фонды в 1974 г. Л. И. Еременко.
Сохранность: шинка в значительной степени утрачена; в центре щитка – сквозная утрата; каверны в результате активной коррозии; изображение частично утрачено.
Бронза; литье.
Выс. 1,5 см, шир. 2,35 см. – Щиток: выс. 2,2 см, шир. 1,6 см. – Шинка: шир. 0,7–1,0 см, толщ. 0,20–0,30 см.– Отверстие для пальца: шир. 2,0 см, выс. 1,5 см.
КП-5723, КМ-2666.
Рис. 2. ***5*****; 5.** ***1*****.**

2. Перстни с рельефными изображениями на щитках

Береника II

13. Перстень массивный литой с овальным щитком и широкой шинкой. На щитке – рельефное изображение женской головки в профиль влево с прической типа *Melonenfrisur*, состоящей из пяти прядей, в центре головы и на затылке пряди стянуты гладкими лентами, узкой в центре и широкой – на затылке. Хитон трактован широкими складками.
Раскопки экспедиции Керченского историко-археологического музея под руководством С.А. Шестакова 1977 г. Керчь. Микрорайон Марат-2. Курган №1, склеп № 1, камера № 2.
Сохранность: шинка утрачена, поверхностные утраты металла в результате коррозии.
Бронза; литье.
Общие размеры: выс. макс. 2,3 см, шир. при виде сбоку 1,0 см. – Щиток: выс. 2,1 см, шир. 1,6 см. – Шинка: в. 1,0–1,2 см, шир. 1,3–1,5 см, толщ. 0,5 см.
КМ-4018; КИАМ КП-24371.
Литература: Мировое наследие Европейского Боспора 2017, 323, № 187; *Трейстер* 2024, 12, рис. 3. *10*.
Рис. 3. ***1*****; 5. 7.**

14. Перстень массивный литой с овальным щитком и широкой шинкой. На щитке – рельефное изображение женской головки в профиль влево с прической типа *Melonenfrisur*, состоящей из пяти прядей, в центре головы и на затылке пряди стянуты гладкими лентами, узкой в центре и широкой – на затылке. Хитон трактован широкими складками.
Раскопки 2018–2019 гг. экспедиции АНО «Научно-исследовательский центр по сохранению культурного наследия» под руководством Д. Г. Баринова на территории поселения Чекупс-2 (кв. Г-95, пласт 3, оп. 95–3/1) в Крымском районе Краснодарского края.

Сохранность: часть шинки утрачена; коррозия.
Бронза; литье.
Общие размеры: выс. макс. 2,7 см, шир. 2,3 см. – Щиток: выс. 2,7 см, шир. 2,3 см. – Шинка: выс. сохр. 0,9–1,1 см, шир. 0,8–1,3 см, толщ. 0,3–0,4 см.
КМ-9422, КП-199901.
Научный архив ВКИКМЗ, оп. 2, ед. хр. 2738 (коллекционная опись).
Рис. 3. *2*; 5. *8*.

15. Перстень массивный литой с овальным щитком и широкой шинкой. На щитке – рельефное изображение женской головки в профиль влево с прической типа *Melonenfrisur*, в центре головы и на затылке пряди стянуты гладкими лентами, узкой в центре и широкой – на затылке. Для уменьшения размера перстня в древности шинка была отделена от перстня и заново напаяна.
Раскопки экспедиции Государственного Эрмитажа под руководством А. М. Бутягина А. М., 2013 г. Мирмекий, участок И, переотложенный слой (расконсервация раскопа).
Сохранность: мелкие поверхностные утраты металла, местами сохранились очаги продуктов коррозии.
Бронза; литье.
Выс. 2,5 см, шир. 1,9 см. – Щиток: выс. 2,3 см, шир. 1,8 см. – Шинка: шир. 0,8–0,9 см, толщ. 0,25–0,40 см. – Отверстие для пальца: шир. 1,9 см, выс. 1,5 см.
КМ-8559, КП-185463.
Литература: Трейстер 2024, 17, рис. 3. *14*.
Рис. 3. *4*; 5. *9*.

Арсиноя III (?)

16. Перстень массивный литой с овальным щитком и широкой шинкой. На щитке – рельефное изображение женской головки в профиль влево с прической типа *Melonenfrisur*, на затылке пряди собраны в пучок.
Из фондов Керченского музея древностей. Приобретен в 1891 г. у М. Зильберштейна.
Сохранность: шинка утрачена, утраты металла на щитке, трещины, потертости.
Бронза; литье.
Выс. макс. сохр. 0,7 см, шир. 2,2 см. – Щиток: выс. 2,0 см, шир. 1,5 см. – Шинка: шир. 0,4–0,6 см, толщ. 0,20 см.
КМ-9, К-113/8.
Рис. 3. *3*; 5. *10*.

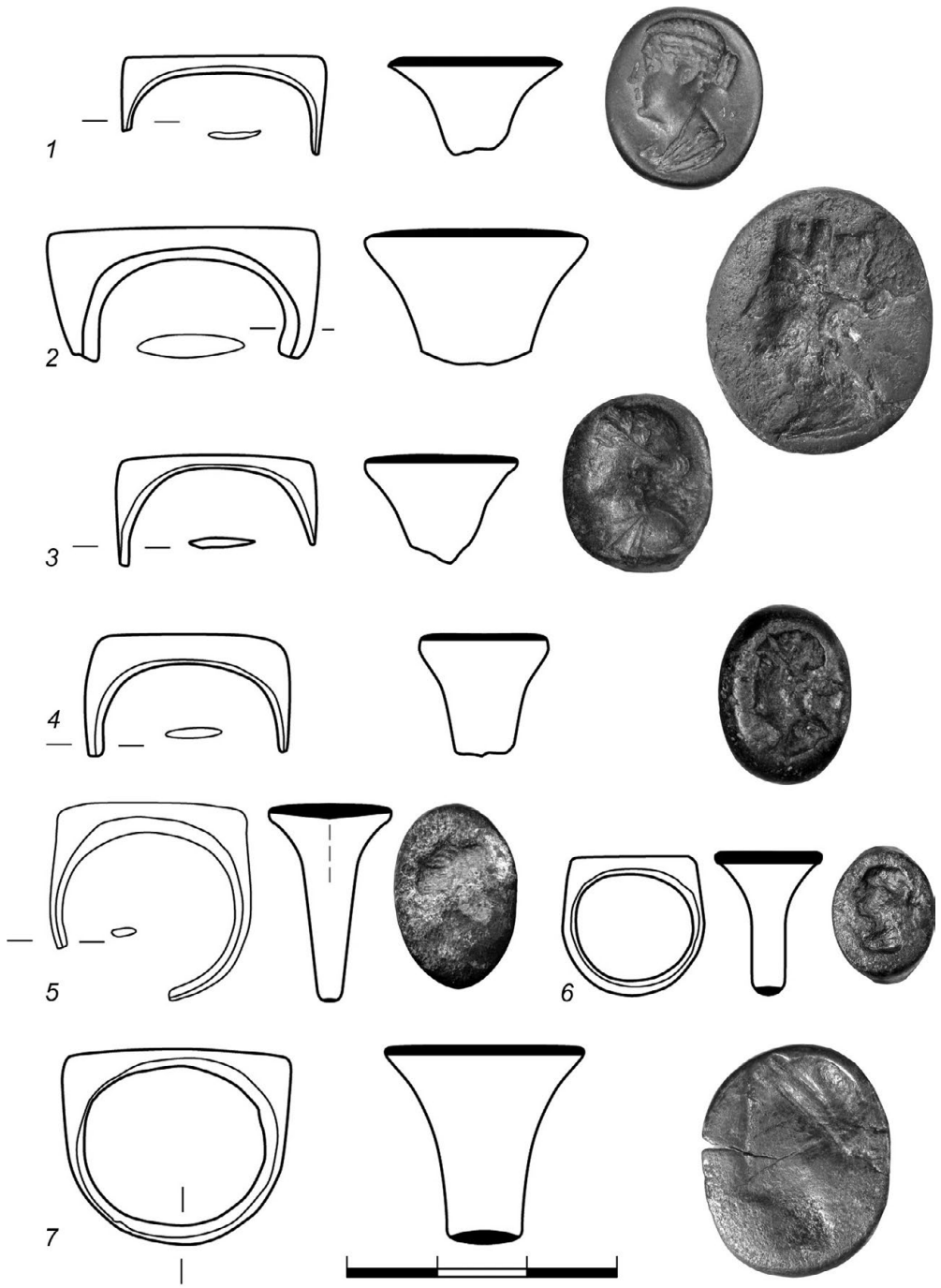


Рис. 1. Бронзовые перстни птолемеевского типа с углубленными изображениями на щитках из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. *1* – кат. № 1; *2* – кат. № 6; *3* – кат. № 2; *4* – кат. № 3; *5* – кат. № 4; *6* – кат. № 11; *7* – кат. № 5. Рисунки и фото музея

Рис. 2. Бронзовые перстни птолемеевского типа с углубленными изображениями на щитках из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. *1* – кат. № 7; *2* – кат. № 8; *3* – кат. № 9; *4* – кат. № 10; *5* – кат. № 12. Рисунки и фото музея

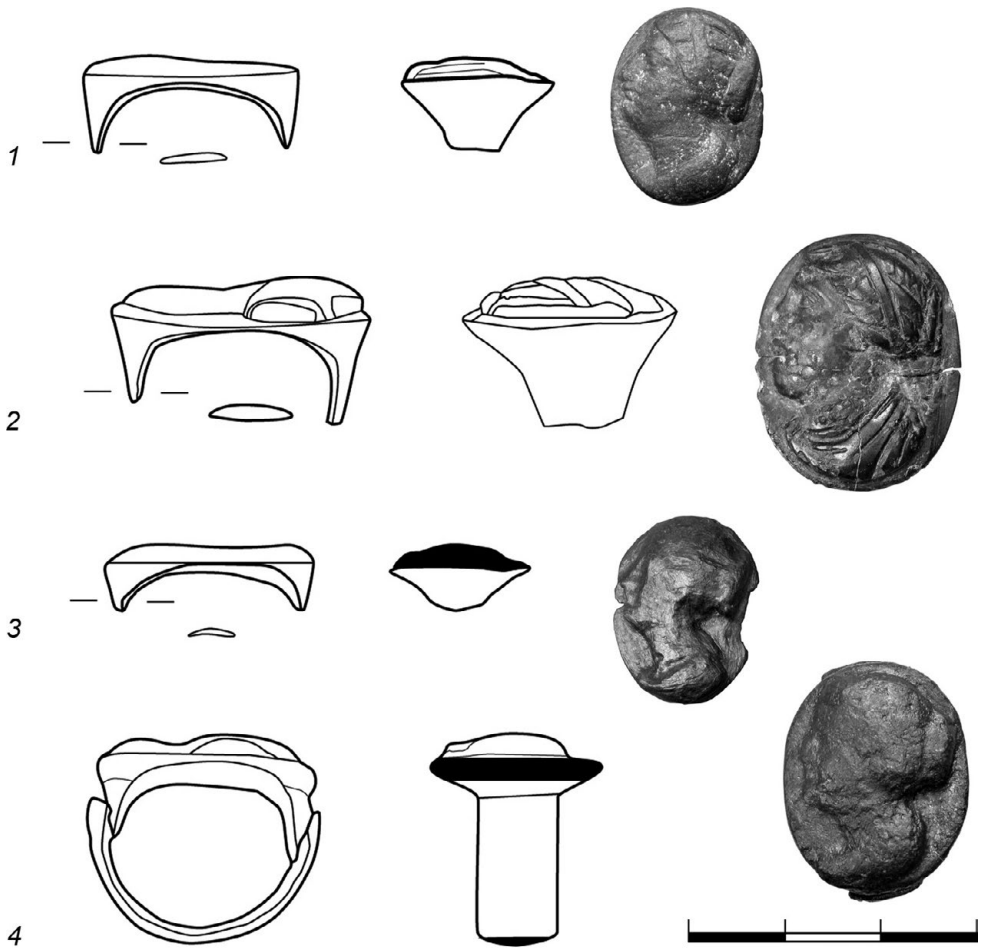


Рис. 3. Бронзовые перстни птолемеевского типа с рельефными изображениями на щитках из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. *1* – кат. № 13; *2* – кат. № 14; *3* – кат. № 16; *4* – кат. № 15. Рисунки и фото музея

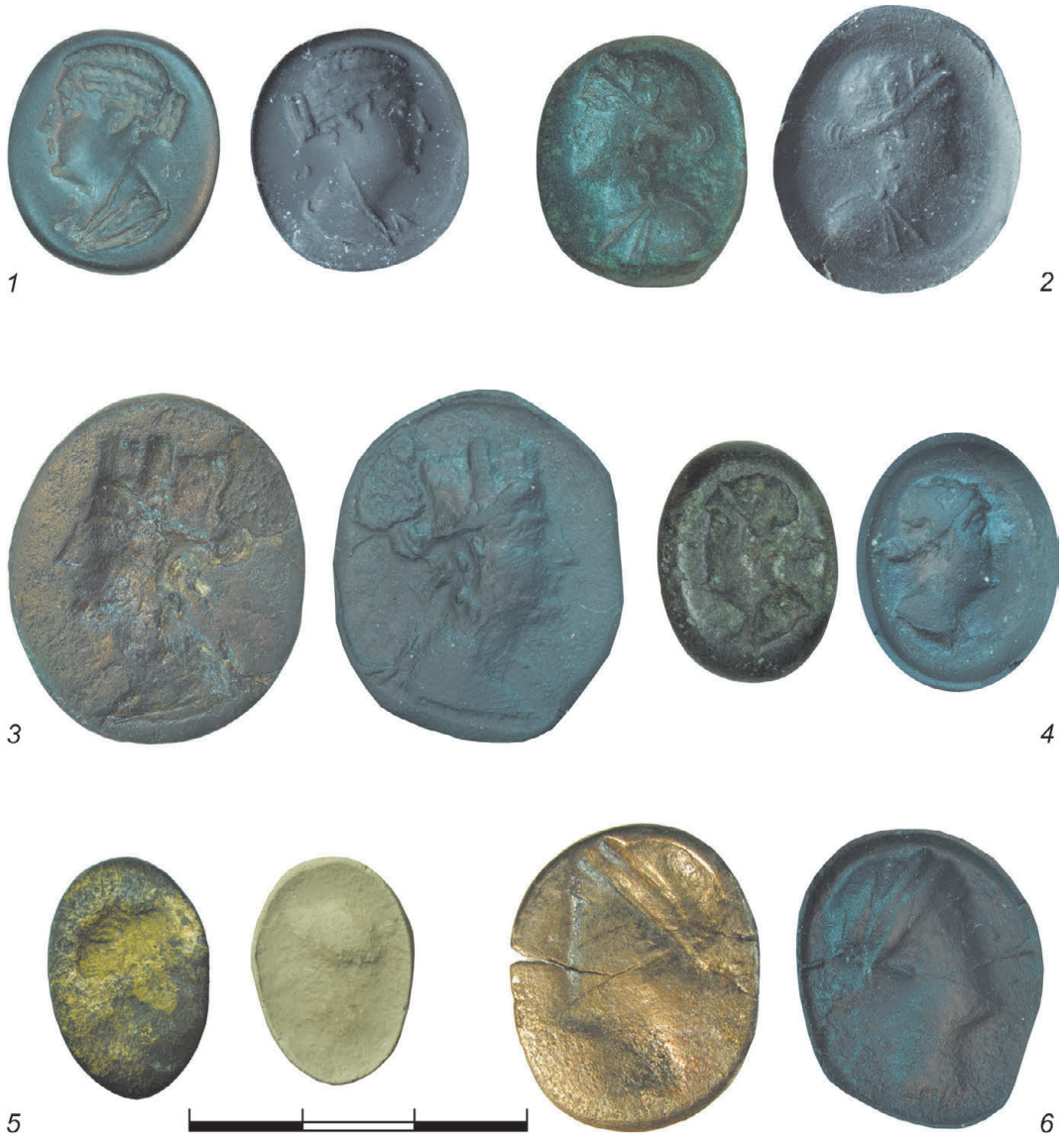


Рис. 4. Бронзовые перстни птолемеевского типа с углубленными изображениями на щитках из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Фото и оттиски щитков. *1* – кат. № 1; *2* – кат. № 2; *3* – кат. № 6; *4* – кат. № 3; *5* – кат. № 4; *6* – кат. № 5. Фото музея

Рис. 5. Бронзовые перстни птолемеевского типа с углубленными и рельефными изображениями на щитках из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Фото и оттиски щитков. *1* – кат. № 12; *2* – кат. № 11; *3* – кат. № 8; *4* – кат. № 9; *5* – кат. № 7; *6* – кат. № 10; *7* – кат. № 13; *8* – кат. № 14; *9* – кат. № 15; *10* – кат. № 16. Фото музея

Список литературы

Б*еглова* Е. А. 2010. Государственный музей Востока. Позднеэллинистический и римский периоды // Античное наследие Кубани. III. М., 410–422.

Беглова Е. А., *Эрлих* В. А. 2018. Меоты Закубанья в сарматское время. По материалам Тенгинского грунтового могильника. М., 384.

З*инько* В. Н. 1992. Отчет о работе КПАЭ Керченского государственного историко-культурного заповедника в 1992 г. Керчь. – Научный архив ВКИКМЗ, оп. 2, ед. хр.1310.

К*ат. Москва* 2017. Пантикапей и Фанагория. Две столицы боспорского царства. М., 440.

Кат. Москва 2019. Никулин П. А., Садекова С. Х., Тугушева О. В. Античное собрание семьи Карисаловых. М. 168.

Кат. Ст. Петербург 2007. Александр Великий. Путь на Восток. Каталог выставки. Государственный Эрмитаж. СПб., 512.

Кобылина М. М. 1951. Раскопки «восточного» некрополя Фанагории в 1948 г. // Материалы по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. Т. 1 (МИА. 19). М., 241–249.

Коровина А. К. 1987. Перстни из некрополей Фанагории и Тирамбы. СГМИИ. 8, 137–148.

Краснодубец Е. М. 2018a. О двух находках из раскопок в IX квартале // Археология античного и средневекового города. Сб. статей в честь Станислава Григорьевича Рыжова. Севастополь–Калининград, 105–109.

Краснодубец Е. М. 2018b. Эллинистические египетские перстни-печати и их оттиски из Херсонеса Таврического и его хоры // БФ: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Ч. 2. СПб., 105–112.

Краснодубец Е. М. 2018c. Эллинистические египетские перстни-печати и их оттиски из Херсонеса Таврического и его хоры. Постер: https://www.academia.edu/37894020/Эллинистические_египетские_перстни_печати_и_их_оттиски_из_Херсонеса_Таврического_и_его_хоры_Боспорский_феномен_Общее_и_особенное_в_историко_культурном_пространстве_античного_мира_СПб_2018

Л*имберис* Н. Ю., *Марченко* И. И. 1997. Античные погребения из курганов в окрестностях Фанагории // Понтийские греки. Краснодар, 46–57.

Лимберис Н. Ю., *Марченко* И. И. 2007. Античные погребения из курганного некрополя у поселения «Виноградное 7» в окрестностях Фанагории // БФ: Сакральный смысл региона, памятников, находок: материалы международной научной конференции. Ч. 1. СПб., 229–236.

Лимберис Н. Ю., *Марченко* И. И. 2010. Новые материалы из раскопок курганного некрополя у поселения Виноградное-7 на Тамани // ΣΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. 1. М.–Киев, 152–163.

М*арченко* И. Д. 1956. Раскопки восточного некрополя Фанагории в 1950–1951 гг. // Фанагория (МИА. 57). М., 102–127.

Медведев А. П. 2014. Эллинистические погребения Восточного некрополя Фанагории (раскопки 2005–2007 гг.) // РА. 3, 123–139.

Мировое наследие Европейского Боспора 2017. Мировое наследие Европейского Боспора. Коллекции Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Каталог. Керчь–Симферополь.

Н*еверов* О. Я. 1974. Группа эллинистических бронзовых перстней в Собрании Эрмитажа (к вопросу о времени проникновения египетских культов в Северное Причерноморье) // ВДИ. 1, 106–115.

Неверов О. Я. 1976. Портретные геммы и перстни из Северного Причерноморья // Труды Государственного Эрмитажа. 17, 166–183.

Неверов О. Я. 1981. Бронзовый перстень из Фанагории с портретом армянского царя // Вестник общественных наук АН Армянской ССР. 3, 73–78.

Неверов О. Я. 1986. Металлические перстни эпохи архаики, классики и эллинизма из Северного Причерноморья (опыт классификации) // Античная торевтика. Л., 17–27.

Никулина Н. М. 1964: Перстни из Фанагории // СА. 3, 188–195.

Неверов О. Я. 2001. Памятники глиптики из Херсонеса // ΑΝΑΧΑΡΣΙΣ. Памяти Юрия Германовича Виноградова (Херсонесский сборник. XI). Севастополь, 132–133.

С*окольский* Н. И. 1976. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М. 128.

Т*рейстер* М. Ю. 1985. Боспор и Египет в III в. до н. э. // ВДИ. 1, 126–139.

Трейстер М. Ю. 2015. Золото Фанагории. Типологический, стилистический и хронологический анализ // Золото Фанагории (Фанагория. 2). М., 77–181.

Трейстер М. Ю. 2022а. Проблемы атрибуции портретов на перстнях «птолемеевского типа» // XXIII Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Сакральное и материальное. Симферополь–Керчь, 322–335.

Трейстер М. Ю. 2022б. «Птолемеевские» перстни на Боспоре и в варварском хинтерланде (распределение, хронология, контексты находок) // «Большие и малые города Боспорского царства». Круглый стол, посвященный 75-летию Е. А. Молева. Материалы международной… конф. СПб., 281–287.

Трейстер М. Ю. 2024. Птолемеевские перстни в Северном Причерноморье. Новые находки и гипотезы об Интерпретации // ПИФК. 1, 5–45.

У*стаева* Е. Р., *Журавлев* Д. В. 2010. Таманский музейный комплекс // Античное наследие Кубани. III. М., 64–96.

Ф*иногенова* С. И. 2001. Группа бронзовых эллинистических перстней из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина // ВДИ. 2, 164–167.

Финогенова С. И. 2010. Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Античные древности Таманского полуострова // Античное наследие Кубани. III. М., 356–379.

Э*рлих* В. Р. 2017. Два богатых эллинистических погребения из могильника Псенафа // Scripta antiqua. VI, 13–44.

A*lbersmeier* S. 2002. Untersuchungen zu den Frauenstatuen des ptolemäischen Ägypten (Aegyptiaca Treverensia. 10). Mainz, 457.

Ariel D. T. 2023. Selected Inscribed Sealings // University of Michigan and University of Minnesota Excavations at Tel Kedesh I: The Hellenistic Archive and its Sealings (ASOR Archaeological Reports. 30). Alexandria, Va., 371–400.

B*eglova* J. 2002. Kopflos und gefesselt – Bestattungen der ganz anderen Art. Ein Ritualkomplex mit menschlichen Opfergaben aus der Grabstätte von Tenginskaja // Antike Welt. 3, 297–304.

Boardman J. 2001. Greek Gems and Finger Rings. Early Bronze Age to Late Classical[2]. London, 480.

*Boardma*n J., *Vollenweider* M.-L. 1978. Ashmolean Museum. Oxford. Catalogue of the Engraved Gems and Finger Rings. I. Greek and Etruscan. Oxford, 136.

Brandt E. 1968. Antike Gemmen in deutschen Sammlungen. Bd. I. Staatliche Münzsammlung München. Teil 1. Griechische Gemmen von minoischer Zeit bis zum späten Hellenismus. München, 183.

Butz P. A. 2017. The Bronze Head of Arsinoë III in Mantua and the Typology of Ptolemaic Divinization on the Archelaos Relief // Artistry in Bronze: The Greeks and Their Legacy. XIXth International Congress on Ancient Bronzes. Los Angeles, 46–56.

C*at. Amsterdam* 2010. The Immortal Alexander the Great. The Myth. The Reality. His Journey. His Legacy. Amsterdam, 307.

*Cat. Lond*on 2001. Cleopatra of Egypt. From History to Myth. London, 384.

Cat. New York 2016. Pergamon and the Hellenistic Kingdoms of the Ancient World. New York–New Haven, 368.

Charbonneaux J. 1958. Sur la signification et la date de la Tasse Farnèse // Monuments et mémoires de la Fondation Eugène Piot. 50, 85–103.

d*e Ridder* A. 1924. *Musée du Louvre. Département des antiquités grecques et romaines. Catalogue sommaire des bijoux antiques*, Paris, 219.

F*ulińska* A. 2010. Iconography of the Ptolemaic queens on coins: Greek style, Egyptian ideas? // Studies in Ancient Art and Civilization. 14, 73–92.

Furtwängler A. 1900. Die antiken Gemmen. Geschichte der Steinschneidekunst im klassischen Altertum. Bde. I–III. Berlin–Leipzig, XVI, 330, 456.

G*abunia* A. 2022. Portraits of Ptolemaic Queens from Museums in Georgia // Gemmae. An International Journal on Glyptic Studies. 4, 17–28.

Galbois E. 2018. Images du pouvoir et pouvoir de l'image. Les «médaillons-portraits» miniatures des Lagides (Scripta antiqua 113). Bordeaux, 287.

Gerring B. 2000. Sphragides. Die gravierten Fingerringe des Hellenismus (British Archaeological Reports Int. Ser. 848). Oxford, 200.

Gkikaki M. 2011. Die weiblichen Frisuren auf den Münzen und in der Großplastik zur Zeit der Klassik und des Hellenismus. Diss., Universität Würzburg. Würzburg, 664.

Gorrini M. E. 2006. Un ritratto di Arsione III a Palazzo te a Mantova: alcune considerazioni // Numismatica e antichità classiche 35, 221–237.

Greifenhagen A. 1975. Schmuckarbeiten in Edelmetall. Bd. II. Berlin, 141.

Guiraud H. 1988. Intailles et camées de l'époque romaine en Gaule (Territoire français) I (48e supplément à Gallia). Paris, 227.

Guiraud H. 2008. Intailles et camées de l'époque romaine en Gaule (Territoire français) II (48e supplément à Gallia). Paris, 258.

H*ackens* T. 1976. Catalogue of the Classical Collection. Classical Jewelry. Museum of Art, Rhode Island. School of Design. Providence, 159.

Herbert S. C. 2003. The Hellenistic Archives from Tel Kedesh (Israel) and Seleucia-on-the-Tigris (Iraq) // Bulletin of the University of Michigan Museums of Art and Archaeology. 15, 65–86.

Hicks J. R. 2016. Hollow archives: Bullae as a source for understanding administrative structures in the Seleukid Empire. Ph. Diss. Vols. 1–2. University College London, 250, 193.

J*ackson* M. 2017. Hellenistic Gold Jewellery in the Benaki Museum, Athens (Mouseio Benaki 10th Suppl.). Athens, 176.

K*yrieleis* H. 1975. Bildnisse der Ptolemäer (Antike Forschungen. 2) Berlin, 298.

Kyrieleis H. 2015. Hellenistische Herrscherporträts auf Siegelabdrücken aus Paphos (Antike Forschungen. 34) Wiesbaden, 220.

L*orber* C. 2014. The Royal Portrait on Ptolemaic Coinage // Bildwelt. Nominalspezifische Kommunikationsstrategien in der Münzprägung hellenistischer Herrscher. Kolloquium vom 17.–18. Juni 2010 in Münster (Euros. 2). Bonn, 111–181.

Lorber C. C. 2018. Coins of the Ptolemaic Empire. Pt. 1. Ptolemy I through Ptolemy IV. Vols. 1–2. New York. Vol. 1, 625; Vol. 2, 192.

Lorber C. C. 2021. Coins and Sealings: The Portraiture of Ptolemy VI–XII // Hellenistic Sealings and Archives: Proceedings of The Edfu Connection, an International Conference (Studies in Classical Archaeology. 10). Turnhout, 17–50.

Lorber C. C., *van Oppen de Ruiter* B. F. 2017. Clay Seal Impressions from Ptolemaic Edfu // Numismatica e Antichità Classiche. 46, 73–95.

M*arest-Caffey* L. 2017. What's in a Face? Rethinking the Greek Portrait through Hellenistic Glyptic. Diss. University of California, Berkeley, 251.

Martin K. 2012. Königin und Göttin, Zur Präsenz des Diadems auf hellenistischen Königinnen-Münzen // Das Diadem der hellenistischen Herrscher. Übernahme, Transformation oder Neuschöpfung eines Herrschaftszeichens? Kolloquium vom 30.–31. Januar 2009 in Münster (Euros – Münstersche Beiträge zu Numismatik und Ikonographie. 1). Bonn, 395–423.

Meisterwerke Wien 1996: Bernhard-Walcher A., Gschwantler K., Kriller B., Kugler G. J., Oberleitner W. Meisterwerke aus der Antikensammlung des Kunsthistorischen Museums in Wien. Mainz, 263.

N*everov* O.Ya. 2000. Gems and Finger-Rings from Nymphaeum (Towards a Monograph of Classical Glyptics) // Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. 6, 179–191.

Ö*nal* M. 2007. Clay Seal Impressions of Zeugma / Kil Mühür Baskıları. Gaziantep, 128.

Önal M. 2010. Deıtıes and Cultures Meet on the Seal Impressıons in Zeugma. Bollettino di Archeologia on line I 2010 / Volume speciale G/G9/4. XVII International Congress of Classical Archaeology, Roma 22–26 Sept. 2008, 25–53. www.archeologia.beniculturali.it

Önal M. 2011. Die Tonbullae von Doliche // Von Kummuh nach Telouch. Archäologische und historische Untersuchungen in Kommagene (Dolichener und Kommagenische Forschungen. 4, Asia Minor Studien. 64). Bonn, 247–279.

Önal M. 2014. Die Tonbullae von Doliche. II // Kult und Herrschaft am Euphrat (Dolichener und Kommagenische Forschungen. 6, Asia Minor Studien. 73). Bonn, 163–239.

P*etrie* F. 1927. Objects of Daily Use (British School of Archaeology in Egypt). London, 75.

Pfeiler-Lippitz B. 1972. Späthellenistische Goldschmiedearbeiten // Antike Kunst. 15.2, 107–119.
Pfrommer M. 1999. Alexandria. Im Schatten der Pyramiden. Mainz, 148.
Pfrommer M. 2001. Greek Gold from Hellenistic Egypt. Los Angeles, 74.
Plantzos D. 1999. Hellenistic Engraved Gems. Oxford, 148.
R*ichter* G. M. A. 1965. The Portraits of the Greeks. Vol. III. London, 337.
S*chreiber* T. 2015. Herrscher ohne Diadem oder ptolemäisches ›Zeitgesicht‹? Zu den sogenannten Ptolemäerringen im Archäologischen Museum der Westfälischen Wilhelms-Universität // Boreas. 37/38 (2014–2015), 227–283.
Schreiber T. 2018. Zu den sogenannten Ptolemäerringen – Versuch einer Rekontextualisierung // Zugänge zur Kontextualisierung bildlicher Darstellungen in den Altertumswissenschaften. Münster, 59–65.
Segall B. 1938. Katalog der Goldschmiede-Arbeiten. Museum Benaki. Athens, 220.
Spier J. 1989. A Group of Ptolemaic Engraved Garnets // The Journal of the Walters Art Gallery. 47, 21–38.
Stanwick P. E. 2002. Portraits of the Ptolemies. Greek Kings as Egyptian Pharaos. Austin, 236.
Svoronos I. N. 1904. Ta Nomismata tou Kratous ton Ptolemaion. 1–3. Athens, 510, 324, 64.
T*hompson* D. B. 1973. Ptolemaic Oinochoai and Portraits in Faience. Aspects of the Ruler-Cult. Oxford, 221.
U*rfer* S. 2020. Une bague en bronze de la palestre Sud d'Érétrie // ἀποβάτης Mélanges eubéens offerts à Karl Reber par ses étudiant·e·s à l'occasion de son 65ème anniversaire/Euböische Schriften für Karl Reber von seinen Student/-innen aus Anlass seines 65. Geburtstags. Lausanne, 80–82.
V*ickers* M., *Kakhidze* A. 2004. Pichvnari, Ajarian AR, Georgia 2004 // Anatolian Archaeology. 10, 21–22.
Vickers M., *Kakhidze* A. 2008a. A Colchian and Greek settlement: excavations at Pichvnari 1967 to 2005 // Meetings of cultures in the Black Sea region: Between Conflict and Coexistence (Black Sea Studies. 8). Aarhus, 131–148.
Vickers M., *Kakhidze* A. 2008b. Pichvnari 1967–2005; recent work in a Colchian and Greek settlement // Pontika 2006/Понтика 2006. Recent Research in Northern Black Sea Coast Greek Colonies / Новейшие исследования греческих колоний Северного Причерноморья. Proceedings of the International Conference, Kraków, 18th March, 2006. Krakow, 221–237.
Vickers M., *Kakhidze* A. 2014. Pichvnari 6: Results of Excavations Conducted by the Joint British-Georgian Expedition 2003–2007: Greeks and Colchians on the East Coast of the Black Sea. Oxford–Batumi, 410.
*Vollenweide*r M.-L. 1984. Deliciae Leonis. Antike geschnittene Steine und Ringe aus einer Privatsammlung. Mainz, 321.
Vollenweider M.-L. 1995. Camées et intailles, I, Les portraits grecs du Cabinet des Médailles. Paris, 263.
Vorster C. 2013. Die römischen Porträts der Kleopatra Ein Plädoyer zum hermeneutischen Wert von Gipsabgüssen // Bonner Jahrbücher. 213, 51–74.
W*illers* D. 2007. Ptolemäische Fingerringe – Eine Suchanzeige // Antike Kunst. 50, 76–92.
Willers D. 2022. Sappho, Korinna und die anderen: Eine Kopienkritik des Frauenbildnisses ›Typus Astor-Schliemann‹ // Archäologischer Anzeiger. 2, 1–18.

Z*wierlein-Diehl* E. 1969. Antike Gemmen in deutschen Sammlungen. Bd. II. Staatliche Museen Preußischer Kulturbesitz, Antikenabteilung Berlin. München, 324.

Zwierlein-Diehl E. 1973. Die Antiken Gemmen des Kunsthistorischen Museums in Wien. Bd. 1. München, 280.

Summary

N. V. Bykovskaya, M. Yu. Treister
Bronze Finger Rings of the Ptolemaic Type from the Collection of the East Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve

To date, there is no complete catalogue of the bronze finger rings with portraits of the rulers of the Ptolemaic dynasty. Taking into account new finds, the number of such finger rings originating from the Black Sea region is at least 54 pieces, excluding the finger rings kept in the Kerch Museum published here, and taking them into account there are at least 70 pieces. The basis of this work form 16 bronze finger rings and their fragments from the collection of the East Crimean Historical and Cultural Museum-Reserve. Some of them were acquired by the Museum in the late 19th century, or between the two World wars, others are new arrivals of recent decades. The importance of the collection of the bronze finger rings of the Ptolemaic type lies in the fact that at least a significant part of it originates from the territory of the ancient Cimmerian Bosporus. Let us note that the introduction of 16 bronze finger rings into scientific circulation significantly increases the total number of known examples and even more significantly reinforces the observation that this was the area of their predominant distribution. Another important feature of the finds is that in four cases the finger rings come from excavations in the city layers of Pantikapaion and Myrmekion, in one case (Pantikapaion) – from a layer of destruction of the temple, in another (Myrmekion) – possibly from an ash-hill. It is impossible not to note the significant increase in finger rings with male portraits, which are still extremely rare, including rings with a stamp on a hoop. Finally, let us pay attention to a finger ring from the destruction layer of the temple in Pantikapaion, which goes beyond the main group of the finger rings of the 3rd century BC and, with a high degree of probability, the portrait on which can be attributed to Cleopatra VII.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-437-1.71-77

М. Ю. Вахтина
*(Институт истории материальной культуры РАН,
г. Санкт-Петербург)*

О находке фрагмента формы для изготовления «мегарских» чаш на городище Парфений в Восточном Крыму[1]

В процессе спасательных работ, проведенных ИИМК РАН в 2020 г. на городище, предположительно отождествляемым с Парфением, в секторе 3 среди материала из эллинистического слоя был обнаружен фрагмент дна и придонной части формы для производства рельефных, так называемых «мегарских» чаш [*Вахтина, Соловьев, Столяренко, Вахонеев, Четверкина* 2021, 123–132, рис. 12] (рис. 1)[2].

Форма изготовлена из серой глины с единственным видимым белым включением известняка. По ее внешней поверхности (рис. 1. *2*) нанесен светло-серый ангоб. Сохранившаяся часть формы имеет высоту около 5,5 см, диаметр дна 6,8 см, толщина стенок колеблется от 0,5 см в верхней части до 0,9 см в нижней. Внешняя сторона дна имеет небольшой кольцевой поддон. На внутренней стороне (рис. 1. *1*) сохранилась часть растительного орнамента, состоявшего из рельефных узких листьев-лучей, разделенных вертикальными рядами точек, всего на фрагменте можно увидеть изображение десяти листьев. Группы из четырех узких листьев чередовались с изображениями широких; лучше всего такой широкий лист сохранился в центральной части обломка. На внутренней поверхности дна зеркально представлены восьмилепестковая розетка и клеймо ΔΗΜΗ [ΤΡΙΟΥ] – «Деметрий».

Форма предназначалась для изготовления рельефных чаш в «мастерской Деметрия», следы деятельности которой к настоящему времени достаточно хорошо известны и изучены на Боспоре. Процент клейменых изделий, изготовленных в этой мастерской, был довольно высок – приблизительно две из трех чаш [*Коваленко* 1989, 15–16]. Их орнамент о большей части состоял из растительного пояса, выше обычно располагался пояс из *ов*, подобно тому, который можно видеть на фрагментах форм и чаш,

[1] Исследование проведено в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

[2] Фрагмент хранится в фондах Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Инв. № КМАК 22039; КП-201212.

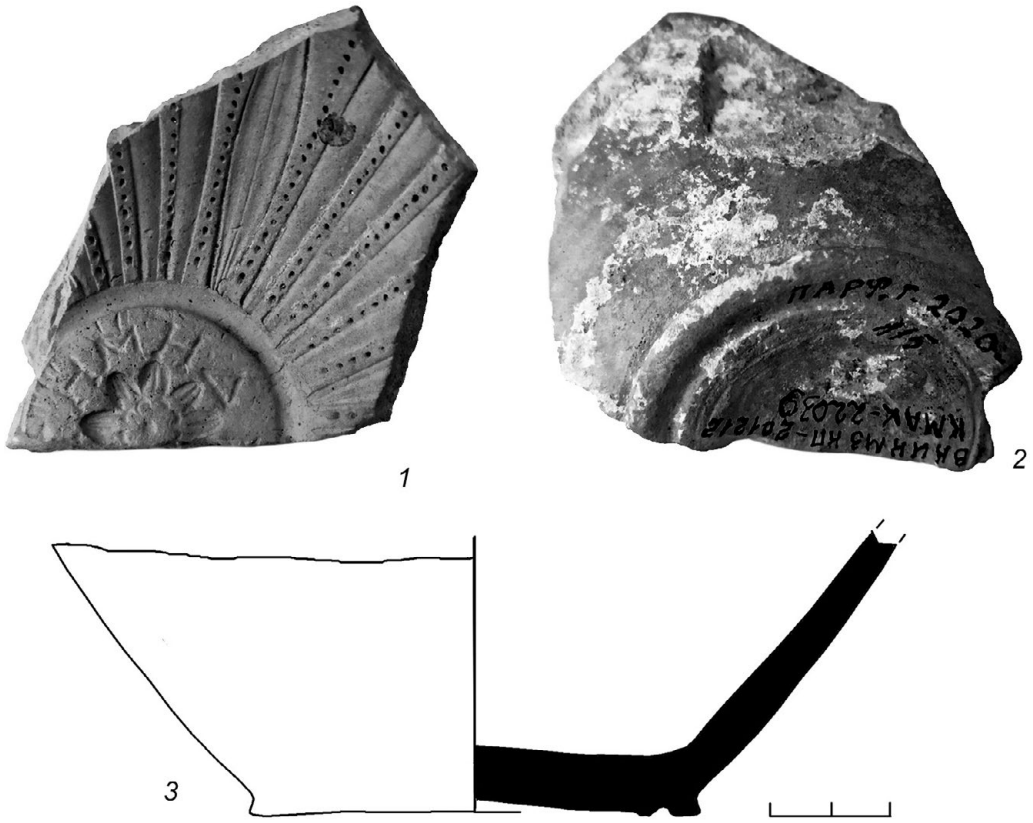


Рис. 1. Фрагмент формы из Парфения (раскопки 2020 г.)

найденных в Пантикапее [*Блаватский* 1959, рис. 62]. Орнамент, близкий тому, что представлен на форме из Парфения, можно видеть и на фрагментах из раскопок Порфмия – ближайшего к нему греческого городского поселения [*Гжежулка* 2010, кат. 355, 357, 360], поселения Огоньки [*Там же*, кат. 387] и многих других. Чаши, для изготовления которых служила форма из Парфения, относятся ко 2 типу по классификации, предложенной И. Г. Шургая. Напомним, что исследователь отнес к нему сосуды, «украшенные удлиненными лепестками, по три и по четыре, чередующимися с ланцетовидными листьями лотоса и рядами точек [*Шургая* 1962, 117]. Установлено, что такие чаши составляли 80% от всей продукции мастерской Деметрия [*Коваленко* 1989, 16]. Они датируют в пределах второй половины II в. до н. э. [*Гжежулка* 2010, 30, см. каталог], либо концом II – началом I вв. до н. э. [*Kovalenko* 1996, 55–57; *Внуков*, *Коваленко* 1998, 71; *Журавлев* 2011, 224]. А. А. Масленников полагает, что завоз таких чаш на поселения Крымского Приазовья продолжался вплоть до 63 г. до н. э., что, вероятно, можно объяснять нарушением регулярных экономических связей со Средиземноморьем в эпоху Митридатовых войн; сложившаяся обстановка могла стимулировать местное производство [*Масленников* 2020, 202]. Чаши Деметрия подражали привозным эфесским сосудам, имевшим сходную схему декора. Рельефная керамика из Эфеса широко представлена в это же время в материалах Пантикапея [*Журавлев* 2011, 223].

Находка фрагмента формы в Парфении позволяет предполагать наличие мастерской по ее изготовлению и в этом «малом» городе.

В. Д. Блаватский в свое время одним из первых допустил местное (пантикапейское) производство таких сосудов [*Блаватский* 1959], опубликовав найденные при раскопках фрагменты четырех керамических форм и двух чаш – образцов готовой продукции мастерской Деметрия (рис. 2) [*Блаватский* 1959, рис. 62]. На дне одной из них [*Там же*, рис. 62. *5*] была оттиснута двойная восьмилепестковая розетка, вокруг которой помещена подпись владельца гончарной мастерской. Декор этой чаши, на наш взгляд, наиболее близок тому, который имелся на форме из Парфения. Позже Н. М. Лосева в статье, посвященной местной и привозной рельефной керамике Боспора, опубликовала ещё один небольшой фрагмент керамической формы той же мастерской из Пантикапея [*Лосева* 1962, рис. 6. *2*]. Ещё два фрагмента аналогичных форм происходят из раскопках Мирмекия [*Гайдукевич* 1958, 209, рис. 66; 1959, 79, рис. 85; *Гайдукевич, Михайловский* 1961, 131, рис. 3]. Сравнительно недавно там же был обнаружен небольшой обломок стенки аналогичной формы той же мастерской [*Butyagin*, *Kasparov* 2019, 111–112, fig. 5]. Таким образом, судя по опубликованным данным и учитывая находку из Парфения, количество известных форм этого эргастерия приближается уже к десяти экземплярам. Наибольшее их число происходит из Пантикапея [*Блаватский* 1959, 174, рис. 62. *1–3*; *Лосева* 1962, 205, рис. 6. *1*, *2*; *Журавлев* 2011, 225, рис. 6. *1*], где, по-видимому, и располагалось «основная» мастерская.

Очевидно, что «изделия мастерской Деметрия» пользовалась спросом и были достаточно широко распространены. По наблюдениям исследователей, его мастерская доминировала в целом в производстве рельефной керамики на Боспоре и, видимо, за его пределами. Еще Н. М. Лосева отметила, что «находки чаш с клеймом «Деметриу» упоминаются не менее 20 раз в «Известиях Археологической Комиссии», а чаши с этим клеймом хранятся в Керченском, Одесском и ряде других музеев [*Лосева* 1962, 205].

В этой краткой заметке мы не стремились дать полную сводку находок образцов рельефных чаш и форм этой мастерской. Упомянем только относительно новые находки из округи Херсонеса [*Тюрин* 2018, 113–118; *Виноградов*, *Тюрин*, *Лесная* 2022, 83–86], некоторых поселений и сакральных объектов Крымского Приазовья [*Масленников* 2020, 202], Китея и его окрестности [*Молев*, *Молева* 2016, 360–361, кат. 5; *Хршановский* 2016, рис. 56. *1*][3]. В последнем случае чаша имела иную систему декора: её тулово было украшено «чешуйчатым» орнаментом из треугольных листьев (рис. 3). Считается, что такой орнамент характерен для чаш ионийского производства [*Турова*, *Коваленко* 2005, *343; Шапцев* 2008, 326, рис. 1. *3*, *4*, *7*, *9*], которым подражали в мастерской Деметрия. Очевидно, фрагмент из Китея можно отнести к чашам 4 типа по классификации И. Г. Шургая [1962, 117, рис. 3. *5*].

Известны такие находки и на Азиатском Боспоре. Среди рельефной керамики из Кеп несколько фрагментов также можно отнести к мастерской Деметрия [*Усачева* 1978, 101, рис. 1. *25*, *30–32*].

Продукция мастерской Деметрия встречается и на памятниках негреческого населения, вовлеченного в сферу контактов с Боспорским государством – Неаполе Скифском

[3] Благодарю руководителя экспедиции В. А. Хршановского за разрешение опубликовать эту находку.

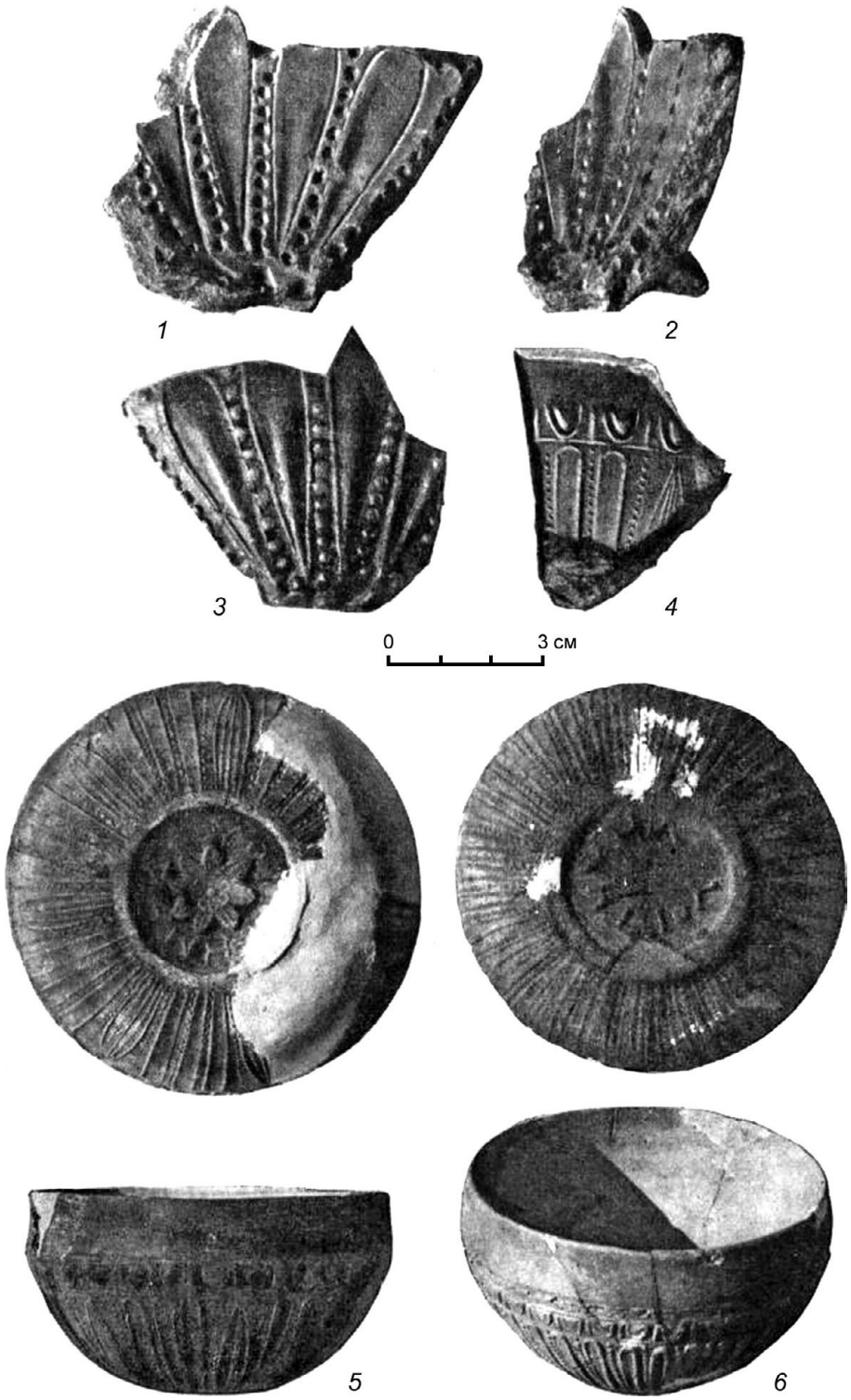


Рис. 2. Фрагменты форм для производства рельефных чаш (*1–4*) и чаши (*5, 6*) из Пантикапея (по: *Блаватский* 1959, рис. 62)

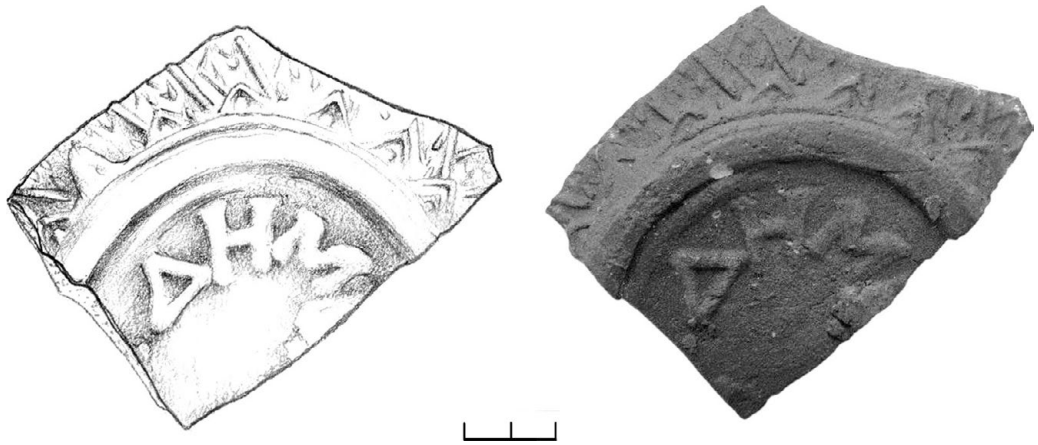


Рис. 3. Фрагмент рельефной чаши из Китея (по: *Хршановский* 2015, рис. 56. *1*)

[*Шкрибляк* 2012, 204, рис. 2. *12*], и даже в раннесарматских захоронениях Среднего Дона [*Безруцкий*, *Кравец В. В.*, *Кравец А. В.* 2016, рис. 1. *1–4*].

В независимости от того, был ли Деметрий греком из Ионии, как, вслед за Ф. Курби, предположила Н. М. Лосева [*Courby* 1922, 412; *Лосева* 1962, 205], или же местным уроженцем, он, скорее всего, оказался достаточно успешным владельцем эргастерия.

Находка из Парфения, несомненно, расширяет наши представления как о деятельности эргастерия, так и о хозяйственной жизни древнего города. Как известно, в результате охранных раскопок 2020 г. здесь была также открыта эллинистическая винодельня (*Вахтина, Соловьев, Столяренко, Вахонеев, Четверкина* 2021, 128–129, рис. 7, 8), первая, известная на этом памятнике. Вероятно, дальнейшие исследования Парфения позволят получить данные, которые позволят дополнить наши представления о наличии здесь собственного производства в эллинистическое, а, возможно, и в более раннее время.

Список литературы

Б*езруцкий* В. Д., *Кравец* В. В., *Кравец* А. В. 2016. Раннесарматское погребение с мегарской чашей на Среднем Дону // Вестник ВГУ. Сер. История. Политология. Социология. № 2. Воронеж, 26–29.

Блаватский В. Д. 1959. О производстве «мегарских» чаш в Пантикапее // КСИИМК. 75, 174–176.

В*ахтина* М. Ю., *Соловьев* С. Л., *Столяренко* П. Г., *Вахонеев* В. В., *Четверкина Е. В.* 2021. Спасательные археологические раскопки на городище и некрополе Парфения в 2020 г. // Бюллетень ИИМК РАН: Охранная археология. СПб., 123–138.

Виноградов Ю. А., *Тюрин* М. И., *Лесная* Е. С. 2022. Фрагмент формы для изготовления рельефной чаши из Южного пригорода Херсонеса // АВ. 35, 81–89.

Внуков С. Ю. *Коваленко* С. А. 1998. «Мегарские» чаши с городища Кара-Тобе // Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье (Труды ГИМ. 102). М., 61–76.

Г*айдукевич* В. Ф. 1958. Раскопки Тиритаки и Мирмекия в 1946–1952 гг. // Боспорские города (МИА. 85). Т. II. М., Л., 149–218.

Гайдукевич В. Ф. 1959. Советские раскопки в 1956 г., 1934–1956. Варшава, 121.

Гайдукевич В. Ф., *Михайловский* К. 1961. Мирмекий в свете советско-польских исследований // Исследования по археологии СССР. Сб. статей в честь проф. М. И. Артамонова. Л., 127–138.

Гжежулка С. 2010. «Мегарские» чаши из собрания Керченского историко-культурного Заповедника. Ч. 1. Керчь, 344.

Ж*уравлев* Д. В. 2011. Новые находки позднеэллинистической керамики и светильников из Пантикапея // ПИФК. 4, 221–263.

К*оваленко* С. А. 1987. Мегарские чаши Чайкинского городища // Из истории культуры и общественной мысли народов СССР. М., 3–15.

Коваленко С. А. 1989. Античная рельефная керамика III–I вв. до н. э. в Северном Причерноморье. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. М., 25.

Косцюшко-Валюжинич К. К. 1901. Извлечение из отчета К. К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках в Херсонесе Таврическом в 1899 г. // Известия ИАК. 1. СПб, 1–55.

Л*осева* Н. М. 1962. Об импорте и местном производстве «мегарских» чаш на Боспоре // Пантикапей (МИА. 103). М., 195–205.

М*асленников* А. А. 2020. «Мегарские» чашки из крымского Приазовья (статистика и относительная хронология) // КСИА. 259, 196–205.

Молев Е. А., *Молева* Н. В. 2016. Боспорский город Китей. (БИ. Suppl. 5). Симферополь–Керчь. Ч. 2. 452.

Т*урова* Н. П., *Коваленко* С. А. 2005. Мегарские чаши из археологической коллекции Ялтинского историко-литературного музея // БИ. VIII, 339–345.

Тюрин М. И. 2018. Боспорские рельефные чаши из раскопок Херсонеса и его ближайшей округи // БФ: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Ч. 2. СПб, 113–120.

У*сачева* О. Н. 1978. Рельефная керамика из Кеп // КСИА. 156, 100–107.

Х*ршановский* В. А. 2016. Отчет о результатах археологических раскопок Китейской экспедиции ИА РАН в 2015 году (на территории объекта археологического наследия «Некрополь античного города Китей» в Ленинском районе Республики Крым). М., 96 с., 98 илл.

Ш*апцев М. С.* 2008. Мегарские чаши позднескифского городища Булганак // ПИФК. XXI, 325–335.

Шкрибляк И. И. 2012. Мегарские чаши из раскопок Неаполя Скифского (предварительный анализ) // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э. Тирасполь, 197–205.

Шелов Д. Б. 1969. Находки в Танаисе «мегарских» чаш // Античные древности Подонья-Приазовья (МИА. 154). М., 225–236.

Шургая И.Г. 1962. О производстве эллинистической рельефной керамики на Боспоре // МАСП. 4. Одесса, 108–120.

B*utyagin* A.M., *Kasparov* A.K. 2019. Essay on the Economy of Myrmekion in Pre-Roman Times // Settlements and Necropoleis of the Black Sea and its Hinterland in Antiquity. Select papers from the third international conference "The Black Sea in Antiquity and Tekkeköy: An Ancient Settlement on the Southern Black Sea Coast", 27–29 October 2017, Tekkeköy, Samsun, 108–112

C*ourby F.*1922. Les vases grecs á reliefs. Paris, 598.

K*ovalenko* S. A., 1996. Some Nots on the Production of Hellenistic Mould-Made Relief Ware in the Bosporan Kingdom // Colloquia Pontica. I. New studies in the Black Sea Littoral. Leiden–Boston, 54–58.

Summary

M. Yu. Vakhtina
On the find of a mould for fabrication of "megarion" bowls at the city-site Parthenion in Eastern Crimea

In 2020 during the safe-conduct excavation at Parthenion in the Hellenistic layer of the city-site a fragment of bottom and lower part of the body belonged to a fragment of a clay mould for fabrication "Megarian" bowls was found. On the inner part of the bottom the eight-petal rosette and the signature ΔΗΜΗ[ΤΡΙΟΥ] were presented. On the body the part of decoration composed of groups of four narrow leaves alternated with the wide ones, divided by vertical rows of dots, survived. The signature and the ornament of the mould allow attributing it to local Bosporan workshop by Demetrios. The decoration is characteristic for type 2 by I.G. Shurgaya. The production of the workshop was very popular in Bosporan kingdom in late 2nd – early 1st cent. BC. The find is the important evidence of local manufacturing in one of the "smaller" Bosporan towns in the Hellenistic period, since now the settlement along with Pantikapaion and Myrmekion can be considered a place of production of relief pottery.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-437-1.78-86

Ю. А. Виноградов
(Институт истории материальной культуры РАН,
г. Санкт-Петербург)

Об одной находке фрагмента антаблемента ионического ордера в Керчи[1]

Города Боспорского царства, даже столица – Пантикапей, как правильно заметил В. Д. Блаватский, весьма бедны находками греческой монументальной скульптуры (*Блаватский* 1964, 88–90, 121–122). Это заключение выдающегося исследователя античной культуры в полной мере относится и к архитектурным деталям, украшенным рельефными изображениями, – на Боспоре они тоже очень немногочисленны. Поэтому каждая такая находка заслуживает пристального научного внимания. Одна из них происходит из раскопок С. И. Веребрюсова в декабре 1882 г. на северном склоне горы Митридат. Это два обломка антаблемента ионического ордера, высеченных из плотного известняка и украшенных неширокой полосой рельефного фриза. Оба, к счастью, легко соединились.

Обстоятельства находки весьма любопытны. 6 декабря 1882 г. керченский мещанин Савелий Борзых доставил в Музей побитую мраморную скульптуру женщины, которую он нашёл в каменном завале на горе Митридат за южной оградой городского кладбища. Несмотря на сильные морозы, тогдашний директор Музея С. И. Веребрюсов немедленно приступил к исследованию обозначенного участка. О результатах раскопок он сообщил в Императорскую археологическую комиссию 7 января 1883 г.:

«Посреди раскрытой площади разобраны остатки фундамента древней четырёхугольной постройки, расположенной соответственно странам горизонта, в форме двухсаженного квадрата. В середине этого квадрата между нагромождённых в беспорядке дикарных камней открыты плиты из твёрдого известняка и мелкие мраморные обломки, принадлежавшие древнему сооружению, расположение которого может разъясниться только в последствии. Найденные здесь плиты и обломки следующего рода:

1. Плита длиною в 2 арш. 6 вершков, шириною в 10 и толщиною до 6 вершков, имеет на одной грани продольный карниз, исполненный глубоким рельефом.

2. Плита длиною в 1 арш. 10 вершков, шириною в 13 и толщиною до 6 вершков, представляет часть фриза (по-видимому, одну половину) разделённого параллельными

[1] Исследование проведено в рамках выполнения ФНИ ГАН «Древнейшее наследие Юга России: города, сельские поселения, некрополи, хозяйственные трансформации по естественнонаучным данным» (FMZF-2022-0013).

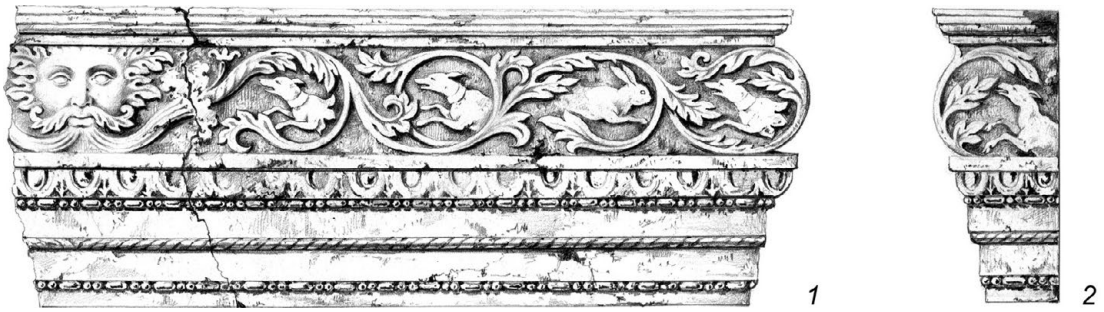


Рис. 1. Фрагмент антаблемента, найденного в Керчи в 1882 г.
(рис. Ф. И. Гросса, НА ИИМК РАН. Р. 1. Д. 569. Л. 11 об.)

рядами ов, жгута и снизанных перлов, средняя же широкая продольная полоса украшена изящным арабеском, из-за которого выделяются (до половины) три бегущие в левую сторону собаки в ошейниках, и один заяц, свернувший назад, вправо, перед третьею собакой.

3. Плита вышиною в 13 и шириною в 9 вершков, одною (правой) стороной плотно пристающая к левому краю плиты № 2, с рельефным изображением лица (en face) в усах, с расходящейся в обе стороны бородой, с приподнятыми прядями волос, переходящими в листья.

4. Камень, однородный с предыдущими, вышиною в 1 аршин, шириною в 12 и толщиною в 3 вершка, надломанный, с выдающимися вертикальными полосами.

5. Статуэтка из белого мрамора в 4 вершка вышины и 2–3 ширины, представляющая грубо сделанное изображение сидящей на высоком кресле женской фигуры с отпавшими (приставными) головой и руками до локтей.

6. Мраморные обломки от гермы.

Рисунки плит и гермы будут представлены в Комиссию по изготовлении, расследование же местности за южной оградой городского кладбища может быть возобновлено не ранее февраля или марта месяца настоящего года.

Случайное открытие гермы побудило меня вновь обратиться в Керченскую Городскую Управу с представлением необходимости посредством наряда конных объездчиков и полицейских урядников усилить надзор за недопущением произвольной добычи камня на пепелищах Митридатовой горы разного звания бедными людьми для устройства жилищ и огорожи. В ответе Управы от 9 декабря за № 4588 содействие оной обещано» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. 1882 г. Д. 7. Л. 24–25).

К сожалению, местоположение этой постройки так и не было изучено надлежащим образом. По сообщению С. И. Веребрюсова, она имела форму «двухсаженного квадрата», т. е. площадь 9 м^2. Если эти измерения верны и если считать, что археолог таким образом обозначил площадь в две квадратные сажени, то можно полагать, что ордерное сооружение имело очень небольшие размеры. Ф. И. Гросс сразу же сделал рисунок наиболее интересной находки – № 2 и 3 приведённой выше описи (РО НА ИИМК РАН. Р. 1. Д. 569. Л. 11 об.). Он опубликован лишь недавно (рис. 1. *1*, *2*; *Виноградов* 2017, 162, табл. 125; 265) и вполне соответствует описанию, содержащемуся в рапорте С. И. Веребрюсова. Среди растительных завитков художник изобразил мужскую голову, протомы

Рис. 2. Фрагмент антаблемента 1882 г. в Лапидарии Керченского историко-культурного музея-заповедника (фото автора)

трёх собак, бегущих влево, а также одного зайца, бегущего в обратном направлении. Плита сейчас находится на хранении в собрании Лапидария Керченского историко-культурного музея-заповедника (инв. № 379, 1286).

Надо признать, что современные исследователи не обошли вниманием столь любопытной находки (*Пичикян* 1975, 176–181; 1984, 231–237; *Буйских, Матковсая* 2009, 195–197). Нет сомнения, что плита представляет часть антаблемента ионического ордера. Длина её составляет 1,42–1,48 м, высота – 0,58 м, наибольшая толщин у верхней полочки – 24,5 см (*Буйских, Матковская* 2009, 195; ср. *Пичикян* 1984, 234). Рельефы сохранились не в самом хорошем состоянии, они довольно сильно «потёрты», поэтому не удивительно, что описания изображений, сделанные в недавнее время, в некоторых деталях отличаются как между собой, так и от описания С. И. Веребрюсова и, соответственно, от рисунка Ф. И. Гросса.

В левой части обломка можно видеть мужскую голову с пышными, закрученными вверх усами и длинной бородой (рис. 1. *1*; 2; 3. *1*). Многие детали этого изображения с полной очевидностью свидетельствуют, что оно далеко от подлинного реализма, представляя некий фантастический образ или, как принято считать, маску. Причёска на голове состоит из листьев растений, усы завершаются растительными побегами. Борода представляет особый интерес – она разделена на две пряди, поначалу уложенные горизонтально, а затем переходящими в серию ритмично чередующихся завитков аканфа, идущих волнообразно. Хорошо сохранились изображения справа от головы. Внутри каждого из представленных здесь четырёх завитков высечены протомы животных. Первое из них, скорее всего, принадлежит собаке, поскольку на её шее можно рассмотреть ошейник (рис. 1. *1*; 2; 3. *2*)[2]. Собака бежит влево. Второе изображение при вни-

[2] А. В. Буйских и Т. А. Матковская допускали, что на пантикапейской плите были изображены волки (*Буйских, Матковская* 2009, 195), но ошейники на их шеях противоречат такой интерпретации.

мательном его рассмотрении на собаку не очень похоже (рис. 1. *1*; 2; 3. *3*). И.Р. Пичикян видел здесь пантеру или барса (*Пичикян* 1984, 233), а А.В. Буйских и Т.А. Матковская признали это животное львом (*Буйских, Матковская* 2009, 195). На первый взгляд обе интерпретации кажутся сомнительными, поскольку на шее животного, как будто, заметен ошейник, но при более детальном анализе надо признать, что художник таким образом передал своеобразие волосяного покрова в нижней части шеи зверя (см. *Буйских, Матковская* 2009, 197, рис.). После этих двух полуфигур следует протома зайца, повёрнутая вправо (рис. 1. *1*; 2; 3. *4*)[3]; и в этой интерпретации не может быть ни малейшего сомнения. Последней на этой стороне антаблемента опять изображена собака, бегущая влево, навстречу зайцу (рис. 1. *1*; 2; 3. *5*). Любопытно, что задняя часть обеих собак оформлена в виде трёх крупных растительных завитков, а пантера (лев?) их не имеет, её изображение как бы выпрыгивает непосредственно из завитка. Так же трактована фигура зайца.

Далее следует угол плиты антаблемента, за которым сохранилась лишь небольшая часть рельефа, однако нет сомнения, что и на этом пространстве продолжалось чередование растительных завитков с протомами животных внутри них (рис. 1. *2*; 3. *6*). Здесь можно видеть переднюю часть животного, бегущего влево. Для него характерна большая, вытянутая голова; на ногах довольно чётко обозначены копытца. На рисунке Ф.И. Гросса это животное выглядит как овца (см. рис. 1. *2*), А.В. Буйских и Т.А. Матковская рассмотрели здесь лошадь (*Буйских*, *Матковская* 2009, 195), И.Р. Пичикян, на мой взгляд, с бóльшим основанием, признал его вепрем (*Пичикян* 1984, 233) – копыта скорей принадлежат парнокопытному животному. Любопытно, что, в отличие от всех остальных полуфигур фриза, эта протома не связана с растительными побегами, она как бы вылезает из земли.

Центром описанной композиции, скорее всего, является мужская маска. Если это так, то можно считать, что общая длина антаблемента составляла 272 см (*Буйских, Матковская* 2009, 196; ср. *Пичикян* 1984, 237), т.е. ордерная постройка, к которой относятся этот обломок, была очень небольшой. По заключению И.Р. Пичикяна, это было святилище, построенное в первой половине II в. н. э. (*Пичикян* 1975, 180). Другие исследователи придерживаются более широкой датировки – II–III вв. н. э. (*Буйских, Матковская* 2009, 195).

Несмотря на отмеченную сравнительно плохую сохранность рельефов, можно признать, что они были исполнены хорошим мастером весьма тщательно и даже изящно. Общую композицию никак нельзя считать перегруженной, напротив, она достаточно гармонична. Утончённую орнаментацию антаблементов можно видеть на многих памятниках римского времени, но она, как правило, состоит из переплетения всевозможных растительных мотивов (см. *Toebelmann* 1923). В отношении пантикапейской плиты следует обратить внимание, что на ней представлены различные декоративные элементы (растительные, зооморфные и антропоморфные). При этом все эти элементы расположены на рельефе весьма специфично: они не просто последовательно и ритмично чередуются друг за другом, но переплетаются, вырастая один из другого.

Подобный сложный орнамент с сочетанием различных мотивов можно видеть на некоторых архитектурных памятниках римского времени, что уже продемонстри-

[3] А.В. Буйских и Т.А. Матковская почему-то считают, что все изображённые здесь протомы животных ориентированы влево, к центру фриза (*Буйских, Матковская* 2009, 195), но одна из них всё-таки повёрнута вправо.

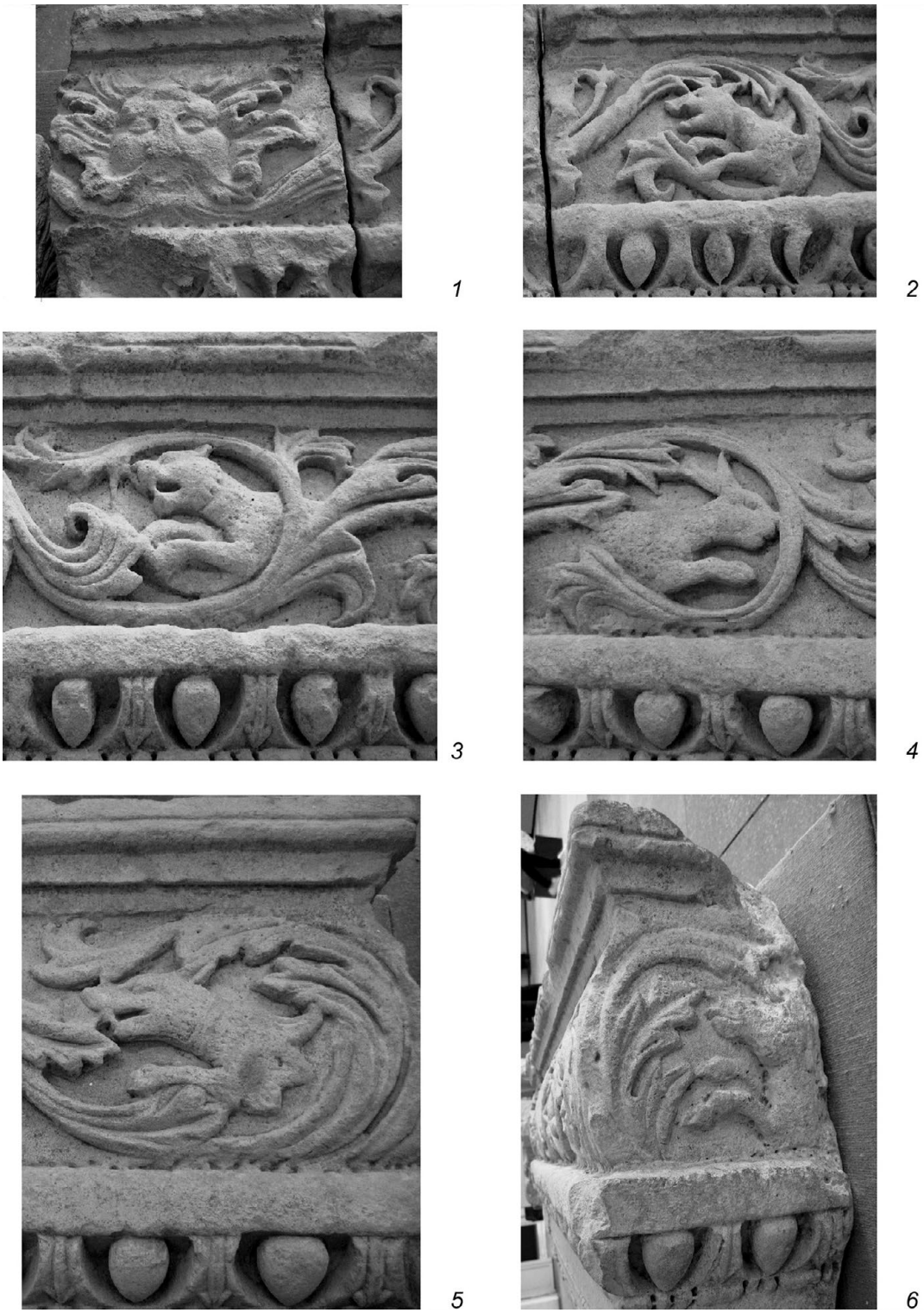


Рис. 3. Детали фриза антаблемента (фото автора)

ровано в работе И.Р. Пичикяна (1984, 235–236). Действительно, к примеру, он представлен на фризе храма Адриана в Эфесе (*Wörrle* 1974, 472–473). Растительные элементы в сочетании с антропоморфными изображениями присутствуют в храме Солнца в Риме (*D'Espouy* 1905, Taf. 64, 76), на фризе из Базилики Нова среди завитков имеются путти (*Toebelmann* 1923, 125–127, Abb. 97). На рельефах «Арки Роны» в Арле волнообразный растительный орнамент использован вместе с антропоморфными фигурами и изображениями животных, появляющихся из сердцевины цветов (*Gladiss* 1972, Taf. 39. *2*; 40. *1*, *2*).

Что касается главных элементов, образующих структуру фриза, то в первую очередь следует обратиться к рельефу, представляющему маску в виде мужской головы (рис. 1. *1*; 3. *1*). Нет сомнения, что она была центральным пунктом всей композиции. Вообще же мужские головы с декоративно оформленной бородой можно видеть на различных произведениях античного искусства. К примеру, такая голова с венком из цветов изображена на одной из фресок Геркуланума (*Esposito* 2014, 113, fig. 2). Схожий персонаж представлен даже среди мозаик Туниса, где он убедительно интерпретируется как персонификация Океана (*Yacoub* 2007, 156, fig. 73). Более близкая пантикапейскому рельефу мужская голова среди растительных завитков представлены на фризе храма Вакха в Баальбеке (*Wiegand* 1923, Taf. 38, 39), а также на фризе храма Солнца (*Toebelmann* 1923, 111–112, Abb. 86). Однако самой близкой аналогией изображению на нашем антаблементе является мужская маска, высеченная на рельефе из Рима, где использован тот же мотив – пышная борода, разделённая на две пряди, вытянутая горизонтально и переходящая в растительные завитки. Отличие от пантикапейской балки заключается в том, что в этих завитках представлены человеческие полуфигуры, а не протомы животных (*Kähler* 1937, 99, Abb. 4; 101, Abb. 7; 103, Abb. 11).

Очень близкое пантикапейскому рельефу изображение протом собак присутствует в декоративном оформлении так называемого храма Сераписа в Поццуоли, но там они появляются не из волнообразно идущих завитков, а из настоящей растительной плетёнки (*D'Espouy* 1905, Taf. 94).

Исследователи, обращавшиеся к характеристике пантикапейского антаблемента, не обратили внимания, на то, что его отделка очень напоминает стиль росписи стен римских дворцов и вилл, известный как *гротеск*. Этот термин в нашей научной литературе чаще употребляется для характеристики антропоморфных терракотовых статуэток с утрированным изображением частей тела и т.п. (*Ходза* 2006; *Muratov* 2012; Süvegh 2014). Их вполне можно назвать патологическими гротесками, но в данном случае имеется в виду другое, а именно: стиль декоративной живописи, разработанный в искусстве Итальянского Возрождения на основе античных орнаментов (*Власов* 2005, 306–310; *Kayser* 1981, 19; *Zamperini* 2008, 6, 9)[4]. Для него характерно активное использование растительных завитков, их сочетание с зооморфными и антропоморфными мотивами. Корни этого стиля могут быть прослежены в Малой Азии эллинистического времени (*Curtius* 1929, 138), но наибольшего развития он достиг в Риме. По заключению

[4] Термин происходит от итал. grotta – «пещера», «грот». Он связан с раскопками, произведёнными в Риме в конце XV в., когда под руинами терм Траяна были обнаружены остатки «Золотого дома» Нерона. Стены дворца были покрыты необычными росписями, произведшими большое впечатление на художников того времени (*Власов* 2005, 306; *Kayser* 1981, 19; *Zamperini* 2008, 9)

А. Замперини, его кульминацией стало время Нерона, позднее этот художественный стиль утерял свою пышность и органичность (*Zamperini* 2008, 50–51).

Витрувий в трактате «Об архитектуре», как известно, подверг произведения, расписанные в такой манере, самой резкой критике (VII. 5. 3–4). Он связал его с общим извращением вкусов, отступлением «от правды жизни», когда вместо колонн художники стали воспроизводить какие-то жалкие тростинки, в изобилии использовать стебельки с волютами, «вопреки здравому смыслу», помещать в них сидящие фигуры, статуэтки с человеческими или звериными головами и т. д. Через много веков после Витрувия Дж. Вазари в чём-то вторил ему, с осуждением отзываясь о творчестве художников, населявших свои произведения фантастическими образами, «приделывая лошади ноги в виде листьев, а человеку журавлиные ноги» и т. п. (*Вазари* 1956, 110). Однако он признавал, что со временем в такую живопись был внесён порядок, росписи стали очень красивыми и получили столь широкое распространение, «что следы от них сохранились и в Риме, и в любом месте, где раньше жили римляне» (*Там же*). Ещё много веков спустя М. М. Бахтин взглянул на эту проблему более широко, подчеркнув, что смешение человеческих и звериных черт было одной из древнейших форм гротеска. Вообще же для этого мироощущения важно всё, что вылезает, выпирает, торчит, стремится прочь за пределы тела. Гротескное тело всегда не завершено, всегда строится, всегда находится в связи с другими телами или с внетелесным миром (*Бахтин* 2015, 409–410).

Кто из названных авторов лучше выразил суть проблемы гротеска? Как представляется, все по-своему правы. Конечно, художники, следовавшие вкусам моды и создавшие, по выражению Дж. Вазари, произведения живописи «вольной и потешной» (*Вазари* 1956, 109), с успехом украшали ими простенки дворцов и вилл. При этом среди них тот, «кто придумывал что-нибудь почудеснее, тот и считался достойнейшим» (*Там же*, 110). Всё это, на мой взгляд, относится к частным зданиям, но вряд ли было применимо к постройкам культового характера, каковой, безусловно, принадлежат детали пантикапейского антаблемента. Изображения, представленные на его фризе, ничего «потешного» не выражают. Их можно связать с глубокой религиозной идеей, по-своему выражающей единство мира, его постоянное и бесконечное движение со всеми присущими ему трансформациями и переходами из одного состояния в другое. В центре фриза помещена мужская маска, что позволяет считать, что мужское божество имеет самое прямое отношение ко всему этому природному круговороту.

Но какому божеству принадлежал этот храм или святилище? Ответ на этот вопрос представляется весьма непростым. В декоре малоазийских фризов и акротериев, относящихся к эллинистическому и римскому времени среди вычурных растительных завитков порой представлена фигура так называемой «прорастающей богини» (см. *Савостина* 2012, 333, рис. 294). Её связь с животворящими силами природы вполне очевидна, но среди керченских архитектурных деталей, найденных в 1882 г., нет и намёка на присутствие столь колоритного персонажа. Центральное изображение на фризе, как уже неоднократно писалось, это мужская маска, усы и борода которой оформлены в растительной и зооморфной манере. Эта важнейшая деталь даёт основание полагать, что пантикапейский храм или, скорей святилище, к которому относился фриз, был связан с представлениями о животворящих силах природы, в которых нашло отражение почитание мужского начала

(ср. *Шауб* 2007, 153–156). И.Р. Пичикян на этом основании пришёл к выводу, что в храме почиталось лесное божество Сильван (*Пичикян* 1984, 235), он даже предложил его реконструкцию (*Там же*, 238, рис. 86). С этим заключением можно было бы вполне согласиться, если бы не одно немаловажное обстоятельство. В каменном завале на горе Митридат, из которого происходят охарактеризованные архитектурные фрагменты, были обнаружены две мраморные женские статуи: одна – сильно побитая скульптура, доставленная в музей Савелием Борзых, а вторая – мраморная скульптура, изображающая фигуру, очевидно, богини, сидящей на высоком кресле, которую нашёл С.И. Веребрюсов во время раскопок (№ 5 в его описи). Эти факты заставляют считать, что в храме всё-таки почитался не Сильван, а богиня плодородия, хотя её мужской партнёр здесь тоже не был забыт.

В заключение стоит отметить, что рассматриваемый антаблемент в боспорской архитектуре является уникальным; ничего похожего за все годы раскопок на берегах Керченского пролива обнаружено не было. В этом отношении можно напомнить мнение Дж. Вазари, что остатки росписей в стиле гротеск сохранились «в любом месте, где раньше жили римляне» (*Вазари* 1956, 110). В этом отношении нельзя исключать того, что возведение небольшого храма в Пантикапее, фриз которого был оформлен в столь гротесковой манере, было связано с каким-то важным событием в истории боспоро-римских взаимоотношений.

Список литературы

Б*ахтин* М. 2015. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 640.

Блаватский В.Д. 1964. Пантикапей. Очерк истории столицы Боспора. М., 228.

Буйских А.В., *Матковская* Т.А. 1990. Античная архитектура. (Из собрания Керченского историко-культурного заповедника. Лапидарная коллекция. Т. IV. Кн. I). Киев, 224.

Вазари Дж. 1956. Жизнеописания наиболее значительных живописцев, ваятелей и зодчих. Т. I. М., 486.

В*иноградов* Ю.А. 2017. Древности Боспора Киммерийского в рисунках К.Р. Бегичева и Ф.И. Гросса (по материалам Научного архива ИИМК РАН). (БИ. Suppl. 17). Симферополь–Керчь, 310.

Власов В.Г. 2005. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства: в 10 т. Т. III. СПб, 752.

П*ичикян* И.Р. 1975. Боспорские антаблементы первых веков нашей эры // СА. 1, 176–187.

Пичикян И.Р. 1984. Малая Азия – Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. М., 294.

С*авостина* Е.А. 2012. Эллада и Боспор. Греческая скульптура на Северном Понте. (БИ. Suppl. 8). Симферополь–Керчь, 390.

Х*одза Е.Н.* 2006. Гротеск в эллинистической коропластике // ВДИ. 3, 156–182.

Ш*ауб* И. Ю. 2007. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.). СПб, 484.

C*urtius* L. 1929. Die Wandmalerei Pompejuis. Leipzig, 432.

D*'Espouy* H. 1905. Fragments d'architecture antique. Vol. I–II. Paris.

E*sposito* D. 2014. La pittura di Ercolano. Roma, 238.

G*ladiss* A. *von*. 1972. Der 'Arc du Rhône' von Arles // RM. 79, 17–87.

K*ähler* H. *von*. 1937. Zum Sonnentempel Aurelians // RM. 52, 94–105.

Kayser W. 1981. The Grotesque in Art and Literature. New York, 224.

M*uratov* M. 2012. "The world's a stage…": Some Observations on Four Hellenistic Terracotta Figurines of Popular Entertainer // International Journal of Humanities and Social Science. Vol. 1. No. 9. 55–65.

S*üvegh* E. 2014. Hellenistic grotesque terracotta figurines. Problems of iconographical interpretation // Dissertationes Archaeologicae ex Instituto Archaeologico Universitatis de Ronaldo Eötvös nominatae. Ser. 3. No. 2, 143–156.

T*oebelmann* F. 1923. Römische Gebälke. Heidelberg, 142.

W*iegand* Th. 1923. Baalbek. Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen in der Jahren 1898 bis 1905. Bd. II. Berlin–Leipzig, 151.

Wörrle M. 1974. Zur Datierung des Hadrianstempel der 'Kuretenstrasse' in der Ephesos // AA. Ht. 3. 470–477.

Y*acoub* M. 2007. The Splendours of Tunisian Mosaics. Tunisia, 423.

Z*amperini* A. 2008. Ornament and the Grotesque. Fantastical Decoration from Antiquity to Art Nouveau. London, 308.

Summary

Yu.A. Vinogradov

About one discovery of a fragment of the entablature of the Ionian order in Kerch

Several architectural details and sculptures dating back to the 2nd – 3rd centuries A.D. were found in Kerch in 1882. Among them, a part of the entablature of a temple or sanctuary of the Ionian order is of great interest. Its relief frieze depicts a man's mask and plant shoots connected with it. Animal protomes (a dog, possibly a panther, a hare, again a dog) are represented in the center of these shoots. Their images grow out of plant shoots, creating a single composition. This composition has similarities with Roman wall paintings in the grotesque style. The frieze has no analogies on the Bosporus, but its individual elements are represented in the ornamentation of the architectural structures of the time of the Roman Empire. It is quite possible that the construction of such a temple or sanctuary in the capital of Bosporan kingdom was associated with important events in the history of relations between these two states.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-437-1.87-121

Н. И. Винокуров
(Московский педагогический государственный университет, г. Москва)

Землетрясение второй половины III в. н. э. и новый жертвенник хтоническим богам на городище Артезиан

Следы мощной сейсмической катастрофы, которая произошла в период 255–269/275 гг. постоянно фиксируются на всех раскопах городища Артезиан. Последствия данной катастрофы, по мнению специалистов-палеосейсмологов, прослежены на многих памятников Европейского Боспор, как сельских, так и городских. Несомненно, что подобное природное событие могло повлиять на обороноспособность Боспорского царства и даже способствовать инфильтрации варваров на его территорию, так как многие крепости и форты Восточного Крыма оказались в руинах. В результате боспорский оборонительный *лимес* стал проницаемым для захватчиков. На локальном уровне осмысление местными жителями последствий землетрясения привело к появлению сразу после катастрофы своеобразных маркеров молитвенного обращения к хтоническим божественным силам в виде особых жертвенников, связанных с постройкой на руинах новых зданий и сооружений. Рассмотрению данного сакрально-культурного феномена посвящена данная статья.

Землетрясение, которое укладывается по нумизматическим находкам из разрушенных сооружений в хронологический диапазон 255–269/275 гг., было настолько мощным, что привело к разрушению поздней цитадели городища Артезиан. Многочисленные его следы на строительных остатках куртин и башен крепости, хозяйственной и жилой застройки акрополя и прилегавших к нему кварталов городища рассматривались неоднократно [*Винокуров, Никонов* 1998, 98–114; *Винокуров* 2012; 2015, 60–74]. Раскопки поздней цитадели проводятся ААЭ с конца 90-х гг. прошлого века [*Винокуров* 2012; 2013, 27–35; 2015, 60–74]. Это была восьмибашенная крепость, построенная поверх фундаментов взятой штурмом и сожжённой в 46/47 г. во время боспоро-римской войне ранней цитадели (рис. 1. *1*). Поздняя цитадель была возведена при Котисе I, скорее всего, по малоазийским образцам[1]. Башни новой крепости отличали почти математически правильные пропорции и тщательность строительной техники. Пролёты оборонитель-

[1] Три её башни раскопаны полностью, ещё две в стадии раскрытия, остальные прослеживаются по характерным провалам в грунте на месте средневековых котлованов выборок.

ных стен – куртины строились с башнями впритык, а не вперевязь. Этот строительный прием использовался исходя из опыта разрушительных землетрясений. Предполагалось, что в случае обрушения части стены около башни, последняя, как самостоятельная точка обороны, уцелеет. И наоборот, в случае падения башни стена в основном останется целой. Цокольные части башен несколько утолщалась, чтобы придать им большую антисейсмическую устойчивость и усилить сопротивление действию таранов [*Башкиров* 1948; *Винокуров* 2019, 90–91].

Поздняя цитадель и ранее (на рубеже I–II вв.) уже повреждалась землетрясениями. Поэтому при Савромате I её укрепили специальным весьма массивным антисейсмическим однолицевым поясом-контрфорсом, сложенным из квадров. Он охватывал весь периметр крепости, повторяя с внешней стороны её контуры, следуя на определённом расстоянии от куртин и башен. Основание контрфорса было поставлено на полузасыпанный к тому времени оборонительный ров. Пространство между линией контрфорса и повреждёнными стенами цитадели было засыпано глинисто-бутовым слоем. Подобная основательная конструкция толщиной в нижней части до 10–11 м оказалось сравнительно дешёвым и удачным технологическими решением. Вместо сноса и перестройки всех фортификационных сооружений, было сделано, хотя и наспех, усиление её фундамента пирамидальным контрфорсом. Крепость потом достаточно долго служила, но не смогла пережить следующее сейсмическое событие между 255–269/275 гг.

Разрушение башен, стен и подпорных конструкций террас оказалось тотальным. Тем не менее население городища осталось на месте и достаточно быстро приступило к реконструктивным работам, затронувшим всю территорию жилой застройки памятника. Сил и средств на восстановление стен и башен, видимо, не было. Они использовались в качестве источника качественного строительного материала. Их основания остались невыбранными и послужили базой для подпорных стен нескольких верхних террас, застроенных позднее обычными хозяйственными и жилыми постройками.

Судьбу цитадели и всех остальных построек Артезиана разделил и небольшой хозяйственный комплекс середины III в. н. э., который исследовался в 2022 г. на *юго-западной части раскопа III* (рис. 1, 2). Он находился в непосредственной близости от западной башни 2 поздней цитадели. Это была крытая навесом постройка, примыкавшая к подпорной стене-контрфорсу 88. Внутри действовала большая печь с дымоходом и кухонным очажком для повседневных нужд. Рядом были вкопанные пифосы и большие хозяйственные ямы с зерном и другими припасами. Полы в нём глинобитные, а вокруг ям вымощены камнем. Комплекс погиб во время землетрясения 255–269/275 гг. Его остатки были перекрыты мощным глинистым слоем сырцового развала (рис. 2–4).

Полностью раскрыть его не удалось, так как объект уходил в южный борт раскопа. Тем не менее раскопки его оказались достаточно информативными.

Исследование хозяйственного комплекса середины III в. н. э.

Итак, в ходе работ 2022 г. здесь открыт участок позднеантичного жилого горизонта на двух террасах, верхней, юго-восточной и нижней, юго-западной, отделённых друг от друга высокой подпорной стеной-контрфорсом 88 (рис. 1–6). Жилой горизонт восточной террасы выявлен вдоль южного борта раскопа III.

В пределы раскопанной площади размером около 45 кв. м попал хозяйственный блок постройки, устроенной на нижней юго-западной террасе, ограниченный с востока подпорной стеной-контрфорсом 88. Другие синхронные границы не обнаружены. В его состав входили известняково-саманная печь 1/2022, два раздавленных пифоса, от которых остались нижние части, пифосные и хозяйственные ямы. Уровень жилого горизонта объекта маркирован вымосткой 1/2022 и утоптанными глинобитными полами.

Восточная граница блока и юго-западной террасы – стена-контрфорс 88/2003 хорошей сохранности – была расчищена в 2004 гг. в высоту на 0,90–0,92 м, на четыре ряда кладки. В 2022 г. она докопана до основания. Стена ориентирована по линии север-юг; на севере упирается в фундамент башни 2 поздней цитадели, на юге уходит в борт раскопа (рис. 1, 2, 6). Её длина: 4,39 м, ширина 0,43–0,64 м, высота до 1,71 м (3–7/9 рядов кладки). Верх стены разрушен выборкой камня поэтому её сохранившаяся высота была больше и достигала 2,06 м. Основанием служила более ранняя восточная каменная облицовка рва 88.2.

Стена 88 сложена по однолицевой постелистой ложковой схеме преимущественно из хорошо обработанных квадров и блоков, выходивших на фасад ложками (0,94×0,54/0,55×0,54/0,52 м), с использованием в кладке бутовых камней, на жёлтой глине. Северная часть кладки близка к иррегулярной, бутовой, южная – выстроена более тщательно, из хорошо подобранных и обработанных камней, с минимальным использованием глиняного раствора. Размер блоков, в кладке: 0,66×0,32/0,34×0,30/0,31 м; 0,49/0,48×0,54/0,55×0,37/0,38 м; 0,72×0,52×0,29 м. На поверхности некоторых из них остался красно-коричневый прокал от действия сильного огня. Скорее всего, камни в кладке 88 использовались вторично. Они имели подтёски, сколы углов, выборки, не связанные с конструкцией стены.

Северный торец кладки 88 состыковался под прямым углом с контрфорсом 88.1 башни 2 поздней цитадели. Южная часть кладки 88 уходит в борт раскопа. Контрфорс 88 входил в конструкцию подпорных сооружений западной крепостной стены поздней цитадели, подпирал высокую юго-восточную террасу, являлся, по-видимому, продолжением упомянутой выше единой системы контрфорсов по периметру поздней цитадели. Они использовалась вплоть до IV в. н. э.

Стена 88, как и остальные части контрфорсов крепости, сильно деформирована землетрясением. Она сдвинута с основания в восточном-юго-восточном направлении. Её кладка имеет с лицевой стороны выраженный излом внутрь – сейсмическую трещину, с характерным растрескиванием, выбиванием и разворотом блоков кладки. Максимальный сдвиг от линии фундамента 88.2 на месте излома кладки в пределах раскопанного участка весьма значителен – до 0,55–0,80 м (рис. 4). Такая деформация стены вместе с насыпью выше расположенной юго-восточной террасы могла быть вызвана одним или несколькими мощными направленными сейсмическими импульсами, сила которых была не менее 9–10 баллов. Это привело не только к поднятию и растрескиванию вкопанных рядом пифосов 3–4, но и подвижке-смещению всего земляного пласта вместе со строительными конструкциями террас. Несмотря на разрушения и деформации, стена 88 после землетрясения 255–269/275 г. не была разобрана и использовалась вплоть до IV в. н. э., если не позже.

В вертикальном срезе южного борта хорошо читается средневековая (?) траншея выборки стены 88 (ТВ-88) глубиной до 1,20 м, шириной 0,75 м, заполненная гумусным чёрным затёкшим грунтом с большим количеством серой золы, углей и раковин виноградных улиток (рис. 2. *2*). ТВ-88 следовала сразу из-под дернового горизонта, на глубине 0,26 м от современной поверхности. Судя по стратиграфической ситуации, реконструированная высота подпорной кладки-контрфорса в древности была не менее 2,62 м. Если это так, то высота юго-восточной террасы изначально была весьма значительной и позволяла разместить на нижней юго-западной террасе хозяйственно-жилые комплексы помещений с высокими потолками. Другие стены этих построек на нижней юго-западной террасе, кроме западной, не открыты, поэтому ничего нельзя сказать об их площади и форме.

Внутри постройки под стеной 88 на нижней юго-западной террасе была устроена большая саманно-каменная прямоугольная *двухъярусная печь 1/2022*, борта которой снаружи укреплены орфостатно установленными плитами известняка (рис. 1–4). Она находилась западнее на 0,64 м от подножья стены 88. Устьем печь развёрнута на север. Её конструкция лишь наполовину попала в пределы раскопа и не доследована.

Печь 1 в плане имела неправильную трапециевидную форму и сильно деформирована сейсмическим толчком (рис. 2–4). По-видимому, изначально она была прямоугольной. Размер раскопанной части: 1,39/1,57×0,91/0,96, высота 0,43–0,89 м, высота подовой части 0,30 м. Её борта представляли собой вертикально установленные плиты белого известняка толщиной 0,08–0,12 м, изнутри усиленные саманной облицовкой из крупных брикетов и полос толщиной 0,04–0,12 м, орфостатно установленных и обмазанных глиной. Размер сырцовых брикетов определить не удалось. Глина спеклась без видимых швов. Каменные плиты прямоугольной формы, хорошо обработанные, являлись силовым каркасом печи и практические не обожжены. Они были хорошо изолированы от действия огня саманом. Точный их размер установить не удалось, так как они полностью не расчищены и скрыты саманной облицовкой[2]. В нижней части вертикальные плиты печного каркаса были подпёрты отдельными бутовыми камнями средних размеров.

Выше подовой топочной части находились остатки верхней горизонтальной саманной плиты, предназначенной для нагрева и борта верхнего отделения печи. Саманная плита полностью перекрывала топку, опираясь по краям на вертикальные борта. В центре её дополнительно поддерживали вертикально установленные подпорные столбики 1 и 2 подового отделения. Расчищены два из них, округлого и треугольного сечения, диаметром 0,12–0,14 м, высотой около 0,30 м (рис. 3). Столбики сохранились *in situ*. Они изготовлены из самана с примесью рубленых растительных материалов (соломы и сена?), навоза животных и мелко битой керамики. Интересно, что юго-западный овальный столбик имел строительный брак, был согнут и наклонён ещё до первой топки печи, до обжига, видимо, во время установки верхней горизонтальной плиты (рис. 3. *3*).

[2] Самая большая восточная плита, которая уходила в борт раскопа, имела высоту до 0,79 м, длину более 0,54 м. Перпендикулярная ей северо-восточная плита офостатно установлена на ложок. Её длина 0,61 м, высота 0,31 м. Западная плита, частично скрытая бортом раскопа, была меньше. Её длина составляла более 0,38 м, высота 0,37 м. Перпендикулярная ей северо-западная плита имела длину 0,74 м, при высоте 0,39/042 м.

Сильные сейсмические воздействия сказались на сохранности печи. Её борта расселись, поведены, заметно деформированы. Восточный борт наклонён в восточном направлении. По центру саманная плита продавлена, полопалась, оказавшись в крупных обломках поверх зольного заполнения топочного отделения (рис. 2–4). Вертикальная плита западного борта выдавлена в противоположном направлении от восточного борта и заметно ушла от вертикали, наклонившись на запад.

С восточной стороны печи верхняя горизонтальная плита частично уцелела и осталась без сильных просадок на стыке с боковой известняковой плитой. С юго-восточного верхнего угла печи был устроен в горизонтальный саманной плите овальный продух (00,7×0,12/0,14 м) дымохода для удаления продуктов горения за пределы помещения (рис. 3). Вероятно, в этом месте к дымоходу подходила труба, что потребовало срезать северный угол вертикальной известняковой плиты специальной полукруглой выборкой. Интересно, что плиты для печи были взяты из какого-то разрушенного ордерного здания: они имели фигурные подтёски, вырубы с торцов и правильную в плане форму.

Подошва подовой части печи углублена в подстилающие культурные напластования – верхний ярус засыпи рва. Севернее печи в плотном глинистом грунте жёлто-коричневого цвета выше уровня её подошвы найдены следующие находки: фрагменты черепицы и античных амфор первых веков: венчик и стенки амфоры типа мирмекийской красно-коричневой глины с серо-бурым ангобом, диаметром горла 98 мм, II–III вв. н. э. (тип 72, по И. Б. Зеест [1960], стенки и ручка амфоры округлого сечения сиреневой глины широкогорлой типа Европейского Боспора (тип 83, по И. Б. Зеест [1960], ↘кружок из стенки амфоры, венчик простого гончарного кувшина оранжевой глины, край и стенки краснолаковой миски с ручкой-прихваткой, профиль краснолаковой миски, диаметром 156 мм, II–III вв. н. э.

Ниже, в подстилающем золисто-глинистом слое заполнения рва, выявлены маловыразительные фрагменты античной керамики первых веков: ручка и стенки позднегераклейских амфор типа С–Ia рубежа 60-х – 40-х гг. I в. до н. э. – первой четверти I в. н. э. [*Внуков* 2006, рис. 1; 167; 2013, 14–25, рис. 3. А]; венчик позднегераклейской амфоры типа D III в. н. э., венчик лепного сосуда диаметром 56 мм серой глины, донце лепного горшка серой глины, венчик серолакового открытого сосуда, венчик краснолакового сосуда, часть точильного камня мелкозернистого серо-коричневого цвета, размером 66×43×22 мм.

Утоптанный глинистый слой залегал вокруг печи, выше её подошвы. Он отмечен тонкими золистыми затёком, толщиной до 1–3 см, севернее и западнее печи. С ним связаны ямы из-под вкопанным сосудов № 1–6, пифосы 3–4/2022, вымостка 1, отдельные хозяйственные ямы, засыпанные с данного яруса. Ямы впущены в заполнение оборонительного рва ранней цитадели. Их диаметр 0,90–1,30 м. Они имели сходное серое зольное заполнение с жёлтыми глинистыми прослойками, обломками створок мидий, углями и кусочками печины. Возможно, ямы №№ 1–6 относились к более раннему этапу бытования хранилища, устроенного западнее стены-контрфорса 88 на нижней юго-западной террасе.

Топочная подовая часть печи 1 была поднята на 0,12–0,20 м выше сопредельного горизонта пола. Поверхность пода соответствовала подошве вертикальных опорных

столбиков печи, укреплённых в нижней части мелким бутовым камнем. Она отмечена тонкими сажными прослойками чёрного цвета и подстилавшим слоем глины, прокалённым до красноты на глубину до пяти-семи сантиметров.

Внутри подовая часть печи плотно, на ¾ высоты, заполнена мелкослоистой рыхлой серой пепельного цвета и светло-серой золой без угольков, с мелкими прослойками чёрной сажи. В золе содержались перегоревшие остатки зерновок пшеницы и ячменя, мелкие пережжённые обломки нескольких десятков стенок раковин мидий, морских сердцевидок (cardiidae), деликатесных моллюсков Азовского моря, мелких фрагментов перегоревших костей животных со следами кухонной обработки, около двух десятков стенок античных амфор и простых гончарных сосудов красной и коричневой глины, обломки печины, мелкие обожжённые камни. Чётких датирующих находок внутри печи не было.

Заполнение ямы золой до верха подовой камеры свидетельствует о редкой чистке печи и продолжительных по времени топок кизяками [*Слепченко и др*. 2022, 184–207].

С запада к устью печи пристроен маленький *кухонный овальный очажок*, размером 0,41×0,42 м, устье которого обращено на северо-запад, приспособленный под один сосуд или сковороду. Толщина бортов до 0,12 м, высота до 0,24 м (рис. 2–4). Верх его сложен в виде купола с округлым отверстием по центру, приспособленным для установки одного небольшого сосуда для приготовления еды «на каждый день». Очаг, как ни удивительно, топился по-чёрному, тогда как у большой печи имелся дымоход, отводивший продукты горения выше крыши (рис. 4). Внутри его вместилище заполнено серой рыхлой золой с мелкими угольками, перегоревшими зёрнами злаковых культур. Особенно много их было найдено в грунте севернее, напротив устья. Флотации из золистых очажных выбросов позволили получить большое количество мелких и средних карбонизированные зерновок злаковых культур, пшеницы и ячменя, втоптанных в грунт при приготовлении пищи и обслуживании печи.

С юго-западной стороны для удобства подхода к печи и пифосам выложена *вымостка 1/2022* из мелких плит и блоков на площади около 5,3 м^2 (1,90×2,83 м) (рис. 2). На юге она перекрыта бортом раскопа, на севере прорезана более поздней ямой 282/2004. Видимо, золисто-глинистый грунт засыпи рва на этом месте был неустойчив, что потребовало его отмостки. Не исключено, что вымостка перекрывала засыпанные пифосные или хозяйственные ямы с рыхлым заполнением.

Пространство от вымостки 1 до устья печи 1 было утоптано в виде узкой дорожки, длиной 2,57 м, шириной 0,40–0,68 м, ориентированной по линии запад-восток, которая в древности по мере необходимости периодически подмазывалась жёлтой глиной. Тонкие следы подмазки толщиной в 1–3 см разделены тонкими серыми золистыми прослойками толщиной в несколько сантиметров. В них найдены: стенки амфор, лепных и краснолаковых сосудов, ручка позднегераклейской амфоры светлой глины. профиль краснолаковой чаши III в. н. э., диаметром 164 мм, пращевое ядро из песчаника, размером 41×35 мм.

После снятия утоптанного слоя проявились ямные пятна, заполненные мешаным серо-жёлтым щебёнистым грунтом. Они остались на месте вкопанных более ранних пифосов. Утоптанная дорожка вела к большой западной *яме 777* диаметром до 1,30 м,

куда сбрасывались зола и отходы работы печного комплекса (рис. 1, 2). Вокруг ямы скопились золистые мусорные отложения с многочисленными костями животных МРС и КРС со следами кухонной разделки, которые образовались в результате засыпки печными и кухонными отходами. В золистых сбросах незначительной толщины (до 0,12 м) встречены обломки стенок амфор, простой гончарной и краснолаковой посуды первых веков. Среди них выделялись фрагменты черепицы, венчик и стенки пифоса красно-оранжевой глины, стенки, часть горло и днище позднегераклейской амфоры типа D III в. н. э., ручка амфоры коричнево-бежевой глины, ручка амфоры бежевой глины, ручка кувшина красно-коричневой глины с бежевым ангобом, венчик и стенки лепного горшка серой глины, край лепной миски серой глины лепных, край и стенки краснолаковой миски, венчик серолакового открытого сосуда, донце кувшина серой глины с серо-бежевым ангобом, граффити на стенке амфоры красно-коричневой глины в виде буквы А (?) размером 20×30 мм, венчик кувшина из стекла голубоватого оттенка, несколько фрагментов стенок стеклянных кувшинов донце стеклянного флакона, спиралевидное колечко, скрученное из круглой тонкой бронзовой проволоки размером 18×10 мм, пращевое и метательное ядра из песчаниковых конкреций.

Находки из слоя разрушения печи 1, обнаруженные поверх раздавленной верхней плиты и пода, немногочисленны: горло с манжетовидным венцом коричневой глины с бежево-серым ангобом с граффити в виде креста и тамгой-монограммой (?) из двух параллельных линий, подчёркнутых третьей, ножка позднегераклейской амфоры типа D III в. н. э., венчик и стенки лепного сосуда серо-чёрной глины, поверхность покрыта копотью и сажей, венчик лепного горшка серой глины, венчик и стенки стеклянного прозрачного кувшина диаметром 58 мм (рис. 5).

Горло амфоры лежало в самой верхней части печного развала, на боку, устьем к юго-востоку (рис. 8).

Таким образом, пространство под стеной 88 севернее и северо-западнее печи было занято хранилищем с вкопанными сосудами – пифосами (рис. 1, 7, 11). Причем они располагались очень близко друг от друга. Насколько удобно было при такой планировке топить печь, готовить пищу, доставать припасы и обслуживать пифосы, сказать сложно, но синхронность пифосов и печи, по данным стратиграфии, несомненна. Нижние части двух из пифосов (№ *3*, *4)* остались *in situ* и не были выкопаны в древности, так как лопнули на части в результате сейсмического поднятия грунта. *Пифосы были в*копаны в грунт на ¾ высоты. Западнее и севернее от них расчищены несколько горловин забутованных хозяйственных и пифосных ям. Эти объекты прорезали доверху засыпанный ров ранней цитадели и были разрушены в результате серии сейсмических толчков, наиболее мощный из которых сдвинул к юго-востоку подпорную стену 88, деформировав всю её конструкцию (рис. 4). В результате сырцовый верх стены обрушился вниз и перекрыл печь, ямы и пифосы. По-видимому, уцелевшие сосуды были после катастрофы извлечены, а оставшиеся на их месте ямы засыпаны, пространство снивелировано.

Пифос 3/2022 красно-коричневой плотной высококачественной глины с бежево-серым ангобом с серым прокалом в изломе, расположенный на 2,98 м северо-западнее печи 1 и на 1,77 м от *пифоса 4,* обнаружен под забутовкой фундамента более позднего контрфорса 88.1 башни 2 поздней цитадели (рис. 2, 4). От него уцелела нижняя дон-

ная часть диаметром 210 мм, которую последовательно перекрывали лежавшая горизонтально небольшая известняковая плита и массивный квадровый блок из ракушечника, заваленный на ребро поздней выборкой ТВ-81.1. Горловина сосуда в обломках обрушилась вниз. Его тулово, имевшее максимальный диаметр до 1,12 м, опоясывали массивные выпуклые керамические рёбра, которые закрывали технологические швы пифоса, собранного до обжига из нескольких составных элементов. Внутри сосуд заполнен плотной комковатой жёлто-коричневой глиной с обширными пустотами, углей, кусочками печины, углей и шлаков, несколькими фрагментами костей животных со следами кухонной обработки, крупными пифосными стенками, фрагментами гончарных и лепных сосудов в том числе лепной сероглиняной миски, диаметром 94 мм.

Пифос 4/2022, вкопанный в непосредственной близости от печи, отстоял от неё на 0,54 м севернее (рис. 2, 4). От него также осталось придонная часть, диаметров 0,98/1,04 м. Поверхность сосуда покрывал плохо сохранившийся бежево-серый ангоб. Борта рассыпались при расчистке. Он заметно отличался от пифоса 3 плохим качеством глиняного теста, рыхлого по структуре, мелкослоистого, красно-бурого цвета с серым прокалом в изломе. Возможно, это объяснялось хранением в нём уксуса или какого-то другого агрессивного содержимого, ситуацию с сохранностью изделия могли усугубить низкое качество глины и посредственный обжиг. Заполнение пифоса: серо-коричневый глинистый грунт средней плотности, в котором найдены обломки пифосных стенок, угли, осколки стеклянных сосудов, отдельные мелкие бутовые камни, фрагменты костей животных. Интересны орудия для обработки кожи из кости: заполированная массивная игла с утраченным верхом для растяжки шкур, обломанное сильно заполированное лощило из ребра МРС со следами малопонятного изображения на одной из плоских сторон, внешне напоминавшего иероглифы.

Как и печь 1, бывшие *in situ пифосы 3–4/2022* не выдержали направленного сейсмического воздействия, лопнули, дно их приподнялось, растрескалось. Обломки дна сдвинулись вверх на пять-семь сантиметров по отношению друг к другу. Стенки сосудов покрылись сквозными змеевидными сквозными трещинами и расселись. Ширина трещин в нижней части днищ пифосов доходила до 1–3 см, в верхней – заметно более – 7–12 см, что типично для объектов, повреждённых сейсмическими толчками (рис. 4). По-видимому, в результате резкого подъёма грунта сосуды оказались на пике сейсмической волны, что привело их к моментальному разрушению, хранившееся в них содержимое погибло. Не исключён при такой ситуации и гидродинамический удар. Если сосуды были заполнены чем-то жидким, то чем сильнее было внешнее воздействие, тем быстрее и мощнее содержимое изнутри воздействовало на стенки сосудов, обеспечивая максимальное давление и предельное разрушительное усилие.

В пифосных ямах на бортах очень чётко отпечатались внешние контуры сосудов, которые стали заметны после разборки их обломков, что говорит о типичном техническом приёме, которому следовали в древности при необходимости стабилизации пифосов при закапывании в ямы. Нередко для этой цели использовался жидкий, вязкий глинистый раствор, чистый или с примесью конского или коровьего навоза. Добавки были особенно нужны, если сосуды вкапывались в рыхлый нестабильный грунт. Показательно, что пифосные ямы были установлены на месте уже засыпанных более ранних ям

775 и 776 с серым зольным заполнением, не содержавшим датирующих находок. Диаметр ям заметно превышал ширину вкопанных пифосов, достигая 1,20–1,50 м (рис. 1).

Горловина раздавленных пифосов 3–4/2022 частично провалилась внутрь. Но значительная масса других крупных фрагментов стенок и верха пифосов обнаружена в виде скоплений, придавленных падающими строительными конструкциями. Среди обломков на полу террасы под стеной 88 встречались фрагменты лепных и других сосудов, перемешанных вместе с крупными кусками печной обмазки массой рухнувших сверху сырцовых кирпичей. Керамический развал, как и печь 1, под слоем разрушения остались не доследованными, так как уходили в южный борт раскопа III. Здесь была найдена плохо читаемая фрагментированная медная боспорская монета ¼, определить которую не удалось.

Вектор падения обломков строительных конструкций в целом совпадает с осью развалов сосудов, растащенных по полу – глинистому утрамбованному жилому горизонту, в основном в северо-восточном направлении. Ясно, что сейсмические импульсы пришли с противоположной стороны [*Корженков и др*. 2018, 1–18].

В ходе расчистки слоя разрушения было обнаружено не менее семи больших ям из-под других пифосов, которые были вкопаны западнее и севернее печи 1 (рис. 2, 4, 8). Ямы вкопаны в верхний ярус заполнения оборонительного рва ранней цитадели. Их диаметр 0,90–1,30 м. Они имели сходное серое зольное заполнение с жёлтыми глинистыми прослойками, обломками створок мидий, углями и кусочками печины. Возможно, ямы №№ 1–6 относились к более раннему этапу бытования хранилищного объекта, устроенного на нижней юго-западной террасе, западнее стены-контрфорса 88.

Несомненно, пифос 4 был вкопан по линии более ранних пифосных ям, вытянутых в цепочку с запада на восток. При этом западные от пифоса 4 округлые в плане и линзовидные в сечении пифосные ямки 1 и 2, диаметром 0,34×0,37 м, 0,44×0,56 м, глубиной до 0,12 м, были заполнены серо-коричневым суглинком без находок. Пифос 4 прорезал по центру более раннюю *яму 776* (размером 1,12×1,16 м, глубиной не менее 0,90/1,27 м) с мелкослоистым серо-коричневым заполнением с большим количеством строительного отёса, которая осталась недоследованной, и небольшую восточную пифосную ямку 775 (размером 0,43×0,59 м, глубиной до 0,21 м), засыпанную чистым рыхлым золистым грунтом пепельного цвета без находок (рис. 2). В яме 776, имевшей неправильную трапециевидную в разрезе форму, обнаружено несколько десятков стенок античных амфор и лепных сосудов, венчик лепного горшка бежево-серой глины, венчик лепной миски бежево-серой глины диаметром 220 мм, профиль краснолакового кубка, профиль краснолакового открытого сосуда III в. н. э., стенки и дно стеклянного флакона, часть свинцовой скрепы пифоса в виде стержня размером 55×6 мм. Остальные пифосные ямы № 2–6 не раскапывались.

В горловине пифосной или хозяйственной ямы 777, которая осталась не выбранной, оказался оббитый известняковый блок (0,43×0,79×0,38 м). В ходе расчистки камня в зольном сером заполнении ямы обнаружены крупные и средние фрагменты позднеантичной керамики: венчик и стенки амфоры III в. н. э. оранжево-розовой глины с бежевым ангобом, ножка амфоры коричневой глины, венчик кувшина или амфоры коричневой глины с серым ангобом, венчик, стенки, ручки амфор красно-коричневой глины, типа

83, по И. Б. Зеест [1960]; граффити на венце амфоры оранжевой глины с серым ангобом длиной 85 мм, типа 83, по И. Б. Зеест [1960], – верх буквы или рисунка паруса (?), ручки амфор различных типов, в том числе позднегераклейских амфор (рис. 7. *1–3*), донце простого гончарного сосуда серо- коричневой глины, венчик с ручкой лепного кувшина чёрной глины, венчик лепного горшка серой глины, край краснолакового открытого сосуда, донце краснолакового открытого сосуда диаметром 64 мм (рис. 7. *5–6*); верх пирамидального грузила коричнево-бежевой глины высотой 40 мм, две игральных фишки из стенки амфоры оранжевой глины с бежевым ангобом диаметром 50 мм и оранжевой глины с бурым ангобом диаметром 60 мм, граффити на стенке амфоры оранжевой глины с бежевым ангобом в виде нескольких пересекающихся чёрточек, размером 35 мм, сточенная заполированная часть сустава животного в виде стилизованной головы быка или человека (?) (рис. 7. *7–10*). Верх ямы изучен лишь на 0,20 м.

Судя по количеству ям и перекопов на сравнительном небольшом по площади участку нижней юго-западной прирезки, вкопанные на ней для нужд хранения или каких-то производственных целей пифосы по каким-то причинам часто перемещались с места на места, возможно, отражая некоторую хозяйственную нестабильность в конце третьего века нашей эры.

На поверхности юго-западной террасе, поверх жилого горизонта, маркированного вкопанными в грунт пифосами и основанием печи 1, отложился мощный слой разрушения, толщиной 0,30–0,79 м, состоявший из массы оплывших и разложившихся сырцовых кирпичей, глиняной облицовки и бута, отдельных обломков керамики. Угол падения сырцовых обломков, почти под 40 градусов, показывает значительный перепад высот между юго-западной и северо-восточной террасами. Вполне возможно, что открытый массив развала образован рухнувшими вниз сырцовым верхом контрфорса 88 и сырцовыми стенами построек, бывшими на верхней юго-восточной террасе. Направление падения основой массы обломков: с юго-востока на северо-запад, судя по оси разрушения пифосов и других сосудов (рис. 4, 8). Основная масса слоя разрушения, толщиной до 0,80 м, залегала у подножья стены 88, поверх печи 1, резко уменьшаясь к западу и юго-западу.

Находки из слоя сейсмического разрушения 255–269/275 гг. поверх руин печи 1/2022 – более двух сотен обломков стенок амфор и немногочисленные кости животных. Среди профильных фрагментов керамики выделялись: закопченная массивная ножка саманной жаровни (?), фрагмент гранёного калиптера, донце пифоса коричнево-бурой глины (рис. 9. *1–3*), венчик, ручки, горло, стенки позднегераклейских амфор типа D III–IV вв н. э., венчики, ручки и ножки широкогорлых амфор II–III вв. (тип 83, по И. Б. Зеест) [1960], стенки и ручка амфор типа Син II последней четверти I в. н. э. – после середины III в. [*Внуков* 2006, 167; 2013, 30–33, рис. 6. Д]; стенки и желобчатые ручки плоскодонных и остродонных широкогорлых амфор красной и коричневой глины с бежевым ангобом (рис. 9. *4*), донце лепного кувшина красно- коричневой глины, пережжённый снаружи, ручка лепной кастрюльки серой глины, стенки и края лепных открытых сосудов серой и бежевой глины (рис. 9. *5*), стенки и части донцев краснолаковых открытых сосудов бежевой и розовато-коричневой глины (рис. 9. *6*).

После землетрясения второй половины – конца III в. н. э. руины на нижних террасах, как и вся территория поздней цитадели разравниваются, останцы стен стали

использоваться для обычной жилой застройки, что предопределило правильную планировку поздних кварталов городища. С позднеантичными постройками связаны остатки хранилищных комплексов с ямами от вкопанных сосудов и большими ямами грушевидной или колоколовидной в разрезе формы, имевших сложенные из камня горловины. В них хранилось зерно: пшеница, ячмень, просо. Их глубина достигала 3–4 метров. Пифосы и ямы были разрушены другими, более поздними, сейсмическими событиями IV в. н. э. Они раскапывались на участке в предшествующие годы.

Повреждённые башни и крепостные стены после катастрофы второй половины – конца III в. н. э. были дополнительно укреплены новыми контрфорсами сложной уступчатой конструкции. Перед этим были проведены нивелировочные работы, которые затронули насыпи террас.

На нижней юго-западной террасе западнее стены 88 и башни 2 поздней цитадели был сооружён из квадров и блоков мощный однолицевой контрфорс 88.1 (рис. 6). Он имел уступчатую форму и примыкал с запада к башне 2 поздней цитадели[3]. Он сложен по постелистой ложково-тычковой схеме из крупных известняковых квадров и блоков вторичного происхождения, под прямым углом к подпорной стене 88. Кладка контрфорса 88.1 перекрыла разрушенный и засыпанный к тому времени пифос 3/2022. В основании контрфорса открыт небольшой *каменный жертвенник в виде арки над ямой-ботросом*. С его функционированием связаны и обнаруженные южнее *четыре десятка жертвенных небольших ямок* (рис. 12–13).

Данные объекты находились в одном стратиграфическом ярусе, прорезали слой сейсмического разрушения и перекрывали руины постройки с печью и пифосным хранилищем. Скорее всего, они остались после ритуальных действ, связанных со стремлением преодолеть последствия землетрясения, предотвратить магическим образом повторения подобных катастрофических событий.

Алтарная ниша над ямой-ботросом и жертвенные ямки с золой

Жертвенник 2022 г., вмонтированный в южный фас основания нового контрфорса 88.1, из двух частей, *верхней* – алтарной ниши, вырубленной в большом известняковом квадре, и *нижней* – жертвенной ямки-ботроса средних размеров, целиком выкопанной в сырцовом слое сейсмического разрушения 255–269/275 гг. н. э. (рис. 2, 10–12).

Квадр, который послужил своего алтарным камнем, размером 0,89/0,91×0,46×0,48 м с южной и северной стороны едва закрывал контуры жертвенной ямки-ботроса 774, располагаясь точно по её средней линии. Ниша в нём была высечена виде арки (размером 0,37/0,43×0,28 м), с внешней постелистой стороны камня[4]. Она выходила на лицевой фасад кладки 81.1. Внутри нишу заполнял комковатый неплотный глинистый грунт, без находок, который заметно контрастировал с рыхлым золистым серо-коричневым заполнением ботроса 774 (рис. 11). Восточнее алтарной ниши камень в кладке-контрфорсе 88.1 отсутствовал, так как был выбран в древности. На его месте осталась траншея выборки, исследованная в 2004 г. С западной стороны алтаря в кладке 88.1 другой квадр,

[3] Контрфорс 88.1 к башне 2 был раскопан в 2002–2005 гг.

[4] Верх квадра соответствовал снивелированному ярусу жилого горизонта слоя разрушения 255/275 гг.

уцелел, но был завален в северном направлении, на ребро (рис. 6, 10). К смещению квадра привела позднейшая выборка. С юга к нему была пристыкована под прямым углом какая-то более поздняя кладка, ориентированная юг-север, но она не сохранилась. На её месте едва заметно читалась траншея выборки шириной до 0,80 м (рис. 10–11).

Жертвенная *ямка-ботрос 774,* расчищенная под квадром с алтарной нишей, округлая в плане и линзовидная в разрезе, имела размер 0,52×0,65 м, глубину до 0,52 м (рис. 13–14). Она была заполнена довольно рыхлым однородным пепельно-серым мелкодисперсным золистым грунтом, в котором встречались редкие угольки. Её борта обмазаны чистой жёлтой глиной, толщиной до 15–20 мм. На севере и востоке борта ямы дополнительно были укреплены сырцовыми кирпичами, орфостатно установленными под прямым углом друг другу. Их подошвой послужила золистая рыхлая засыпь нижней части ямки. Точный размер кирпичей в бортах ямы установить не удалось, так как они сильно разложились. Глиняная обмазка над ботросом имела под квадром с алтарной нишей на локальном пространстве следы действия огня в виде чёрной копоти, обожжённых красно-коричневых пятен и тонкой горизонтальной полоски чёрной жирной сажи. Возможно, они остались после кратковременного сожжения в момент жертвоприношения какой-то органики, зерна[5] или насыщенного сажей топлива (жира, нефти?). После чего был установлен квадр с алтарной нишей. Ниша изготавливалась где-то в другом месте, так как вокруг него отсутствовали характерные следы строительного отёса в виде известковой крошки.

Жертвенная *яма-ботрос 774* порадовала необычными находками (рис. 14–15). Её серое золисто-углистое заполнение скрывало сброшенные или положенные на дно разнотипные глиняные пирамидальные грузила, которые были разломаны на куски сразу после извлечения из формы. Заготовки грузил не были высушены и обожжены. При этом серая пластичная местная глина, которая послужила для их формовки, сохранила первичную влажность и структуру.

Жертвоприношения грузил в святилищах совсем не редкость. Но такие сырые, не высушенные и не обожжённые изделия, встретились в составе жертвенных подношений не часто[6] (рис. 14–15). Обломки грузил в толще засыпи ботроса лежали хаотично, без видимого порядка, некоторые из них оказались под сырцовыми кирпичами, в придонном слое ямы. Вместе с обломками грузил найден небольшой камень, – окатанная или заглаженная кварцитовая галька, по форме напоминавшая идола или тушу барана без головы и ног. Здесь же были обнаружены *три* мелких азовских ракушки-сердцевидки, *три* оббитых донца от двух гончарных кувшинов и амфоры, первые из которых намеренно опрокинуты *вверх дном*, *три* мелких косточки животных (рис. 14–15). Количество грузил, которые удалось склеить, также равнялось *трём*. Повторяемость числа *три* среди жертвенных подношений показательна и не случайна, возможно, связана с какими-то представлениями орфического круга, где определённые сочетания чисел имели важное смысловое мистическое значение. В золисто-сырцовой засыпи ботроса

[5] Промывка грунта следов обугленных зерновок, впрочем, не дала.

[6] В 2023 г. подобная жертвенная зольная ямка с сырцовыми необожжёнными грузилами внутри была обнаружена при раскрытии фундамента храма Зевса Генарха первого века до н. э.

находились ещё какие-то поделки из глины-сырца, но от них остались аморфные куски, по которым нельзя было судить, что они изображали и для чего предназначались.

Как указывалось выше, арка, высеченная в квадре – в верхней части жертвенника – обращена в кладке контрфорса 88.1 к югу, где на площади 1,5 м^2, вплотную к нему, прослежена серия из *38-ми мелких ямок* округлой или овальной в плане формы с зольным содержимым (рис. 1–3, 12, 13). Южные из них прорезали заполнение более ранней ямы 776. В разрезе они имели цилиндрическую или коническую форму. Их диаметр: 0,06–0,16 м, глубина 0,07–0,12 м. В действительности, глубина их была большей, так как ямные пятна фиксировались выше, от уровня подошвы контрфорса 88.1. Следовательно, ямки были на 0,30–40 м глубже. Выбрать их удалось только в придонном ярусе, так как диаметр ямок не позволял исследовать объекты сразу на полную глубину. Все они, за исключением западной ямки № 1, вырубленной в камне, лежащем в устье засыпанной пифосной ямы, были выкопаны в глинистом слое сырцового развала, оставшегося после землетрясения. Судя по размерам и форме, ямки, кроме первой, выбивались кольями в мягком грунте, подобно лункам для чубуков в виноградарском питомнике. Они хорошо читались в слое, так как имели отличное от окружавшего жёлто-коричневого грунта рыхлое заполнение серого и серо-коричневого цвета с заметным содержанием золы. В начала раскрытия ямки были приняты за следы опорных вертикальных столбиков какой-то жердевой конструкции: навеса или лежанки. Однако зольное заполнение всё же предполагает их ритуальный жертвенный характер. Они в нижней части были засыпаны чистой серой золой с мелкими чёрными угольками, видимыми признаками почитания культа огня. На дне нескольких ямок были обнаружены отдельные мелкие фрагменты керамических стенок, а в одной – округлое пращевое ядрышко из песчаника, точно подходившее под размер и форму ямки. Размер ямок настолько мал, что обломки керамики и пращевое ядро были туда намеренно положены, вероятно, в качестве хтонических подношений, и сразу засыпаны золой.

Пространство поверх жертвенных ямок между восточным и южным контрфорсами 88 и 88.1 при последующих строительствах закрыл глинистый сырцово-золистый слой, мощностью до 0,28–0,45 м, включая нижние яруса кладок. Этот слой, видимо, сформировался в период перестроек участка. В нём найдены поверх жилого горизонта алтарной ниши и слоя сейсмического разрушения 255–269/275 гг. следующие находки: фрагменты позднеантичных амфор: венчики, ручки и ножки широкогорлых амфор II–III вв. (тип 83, 87, по И. Б. Зеест) [1960], венчики, стенки амфор оранжевой глины, диаметром 176 мм и 122 мм); венчики и ручки красноглиняных со сложнопрофилированными венцами II–III вв. (тип 80, по И. Б. Зеест) [1960], около двух десятков амфорных венцов и ручек различных типов, среди которых преобладали обломки позднегераклейских амфор типов C–IVA$_1$–D, двуствольная ручка амфоры розовой глины с серым ангобом, ручка позднегераклейских амфор типа C–Ia рубежа 60-х – 40-х гг. I в. до н. э. – первой четверти I в. н. э. [*Внуков* 2006, 167, рис. 1; 2013, 14–25, рис. 3. А]; ножка амфоры коричневой глины, массивное донце простого гончарного сосуда оранжевой глины на высоком круговом поддоне; два игральных кружка из стенок амфор, размером 35×40 мм и 25×25 мм; стенка простого гончарного сосуда размером 25×35 мм с округлыми отпечатками на лицевой стороне полой трубочки по свежей глине; профильные части и стенки простых

гончарных кувшинов, лепных сосудов, фрагменты краснолаковых открытых сосудов первых веков нашей эры, фрагмент основания терракоты коричневой глины, размером 40×40 мм.

Следует указать, что ранее находка подобного небольшого жертвенника хтоническим богам произошла, – в 2003–2004 гг., также неподалёку от башни 2: на 11,20 м северо-восточнее алтарного комплекса 2022 г., на верхней северо-восточной террасе (рис. 6). Жертвенник состоял из каменной арочной ниши, алтарной плиты с отверстием, ямы-ботроса. Он сооружён в основании фундамента кладки 76 плохо сохранившегося каменно-сырцового прямоугольных помещений западного блока III–IV вв. н. э., выстроенных на северо-восточнее террасе внутри частично выбранных стен поздней цитадели. Жертвенник 2003 г. открывался аркой на юг, так как находился между камней южного лицевого фас стены, на расстоянии 1,20 от юго-восточного угла помещения.

Жертвенная ниша высечена в известняковом блоке (0,34×0,42×0,25 м) в виде небольшой западной полуарки высотой – 0,20–0,26 м. Её восточная часть выложена мелким камнем, плохо сохранилась. осталась на месте. Блок с полуаркой немного просел внутрь жертвенника, перекосившись к востоку при разрушении стены. Нишу жертвенника внутри заполняла чистая жёлтая глина без находок. После освобождения её от заполнения расчищена на уровне основания блока плоская известняковая *плита* с трапециевидным отверстием по центру – алтарик для слива жертвенных возлияний в землю. Плита имела прямоугольную в плане форму, хорошо обработанную поверхность. Её размер: 175×222 мм, толщина – 40–44 мм.

Плита алтарика наполовину выступала из алтарной ниши за линию стены 76 (рис. 16. *1–4*). Судя по её форме, она находилась здесь во вторичном использовании, а до этого использовалась как нижнее основание для установки шипа погребальной стелы. Она, возможно, была специально доставлена с какой-то разорённой могилы некрополя. Подобное вторичное применение в сакральных целях деталей надгробий или их самих вполне устоявшаяся практика, которая была среди жителей городища весьма популярной [*Остапенко* 2007, 157; *Бейлин, Рукавишникова* 2018а, 30; *Бейлин, Волошинов, Рукавишникова* 2018, 165–174; *Винокуров, Яйленко,* 2022а, 31–52; 2022б, 95–134; 2023, 73–104].

Под алтариком находилась небольшая ямка (0,23×0,16 м, глубиной до 0,15 м) с мягким зольным серо-жёлтым заполнением без заметных включений. В его толще найдено малопонятное железное изделие в виде небольшого клиновидного стержня длиной около 4 см с расплющенной верхней частью со сквозным округлым отверстием для шнура (?). Предмет настолько коррозирован, что разрушился на мелкие части при расчистке (рис. 16. *5*). В его использовании можно видеть некие, неизвестные нам религиозные мотивы, связанные с тем, что железо как продукт земли и дар божественного огня могло находить применение в качестве вотива, но доказательства в данном случае нет. Можно только констатировать факт его находки в засыпи ботроса.

Расположение алтарика на уровне земли, с отверстием, направленным в ямку, отсутствие на его поверхности следов копоти и прокалённых участков, заставляют думать, что он, вероятней всего, служил для совершения возлияний хтоническим богам [*Винокуров* 2004, 55–87]. Аналоги подобных объектов хорошо известны в комплексах городища,

в других населённых пунктах Боспора, и за его пределами [*Винокуров* 2021, 65–96; *Винокуров*, *Крыкин* 2019, 56–92; *Винокуров*, *Григорьева* 2022, 250–263].

После снятия алтарной плиты выяснилось, что с севера она опиралась на горизонтальную полочку – выступ в нише шириной 0,01–0,02 м, а с юга – на вкопанный известняковый столбик, установленный вертикально на 0,10 м южнее ниши (рис. 6, 16). Длина столбика – 0,25 м. Он имел прямоугольное сечение – 0,06×0,04 м. Глубина ямки под алтарной плитой не превышала высоту столбика. В любом случае, как алтарик, так и ямка под ним находились немного ниже уровня пола. Вероятней всего, они служили для совершения возлияний хтоническим божествам. После разрушения помещений жизнь на данном участке городища не прекратилась. Здесь были выявлены остатки построек конца III – начала IV вв.

Примечательно, что изящный переносной известняковый алтарик в жертвеннике 2003 г. со сквозным отверстием для совершения возлияний, опиравшийся на специальный прямоугольный известняковый брусочек, обнаруженный *in situ* – не частый случай (рис. 6, 16). Этот брусочек представлял собой шип-фиксатор, который устанавливался в нижний барабан колонн в специальное отверстие прямоугольной формы. Не исключено, что этот конструктивный элемент взят намеренно из развалов храмовых построек, так как мог иметь в представлении древних особую магическую силу.

Интересно, что западнее жертвенника имелась сгоревшая деревянная загородка прямоугольной формы, в конструкции которой использовалась вертикально вкопанная в грунт деревянная балка прямоугольного сечения. Возможно, она осталась от стойки навеса, но могла служить и для установки гермы или чего-то подобного. В слое разрушения помещения среди развалов амфор III–IV вв. найдены граффити на амфорных стенках , часть буквы от дипинти красной краской на стенке амфоры красно-коричневой глины с бежевыми ангобом , фрагменты кремнёвых орудий и отщепов, нижняя часть постамента большой протомы Кибелы, восседающей на троне, с фигуркой льва у её ног. Статуэтка изготовлена из местной красной глины с жёлто-зелёным ангобом. Следует отметить встреченные в слое разрушения массивную свинцовую скрепу стенки пифоса, сплющенную бронзовую окантовку деревянной рукояти ножа или наконечника ремня цилиндрической формы, длиной 16 мм, пирамидальные глиняные грузила, часть бортика краснолакового однорожкового светильника со следами рельефного изображения I–II вв.; половинку гончарного круга (?) из плотного мелкозернистого камня, диаметром 0,42 м со сквозным отверстием по центру, который также могли использовать вторично как жертвенник, фрагмент нижней части антропоморфного надгробия (0,58×0,52 м), высеченного из известняковой плиты толщиной 0,12–0,14 м. Вполне допустимо, что какая-то часть из найденных артефактов могла иметь отношение к жертвеннику.

В жертвеннике 2022 г. алтарика под аркой контрфорса 88.1, как и подпорного столбика, найдено не было. Но наличие поверх алтаря и ботроса специально вырубленной в известняковом блоке ниши, открытой в *одном южном направлении*, *расположение их в нижнем ряду фундамента*, *вытянутого по линии запад-восток*, *наличие ямки-ботроса под аркой*, сравнительно небольшие компактные размеры объектов для хтонических жертвоприношений говорят об определённой устойчивой религиозной традиции, которой

руководствовались их создатели в близкое по хронологии время после случившего сейсмического события второй половины – конца III в. н. э., знаменательного по разрушениям и их последствиям для уцелевших жителей городища.

Вряд ли приходится сомневаться в том, что жертвенные комплексы оказались видимой реакцией на случившуюся природную сейсмическую катастрофу. Они были востребованы на самом раннем этапе строительно-восстановительных работ. Именно тогда требовалась, по представлению язычников, особые жертвы и особые обрядовые действия. Жертвенники вмонтированы непосредственно в подножье стен, в самый нижний их ряд. Ботросы под ними были выкопаны до закладки нижнего ряда камней фундамента. Данные сакральные объекты, по-видимому, эксплуатировался очень короткий срок. Скорее всего, на момент основания постройки. Они очень быстро были перекрыты (а может быть и сразу) строительными и бытовыми сбросами, связанными с периодом жизни городища в III–IV вв. Наличие среди находок обломков амфор типа Делакеу в перерывающих слоях не противоречат этой датировке.

Алгоритм древних жертвоприношений раскрыть на основании данных материалов вряд ли представляется возможным. Высота, глубина и ширина довольно просторной алтарной ниши над ямой-ботросом 774 позволяли поместить туда и небольшой алтарик и статуэтки почитаемых богов. Ракушки, найденные внутри заполнения ботроса, могли быть материальным свидетельством молитвенного обращения к Афродите, особо почитаемой на городище ещё с позднеэллинистического времени. В любом случае, поклонение и другим хтоническим божествам (Персефоне?) исключить также нельзя.

Но важно то, что ботросы и алтарные ниши над ними появились сразу после сейсмической катастрофы, прорезая или перекрывая слой разрушения, – следствия землетрясения, – что не может быть случайностью. Таким образом, жертвенники были сооружены сразу после землетрясения, в самом начале реконструкции повреждённых построек и возведения новых стен поверх руин полностью разрушенных хранилищ юго-западной террасы. Они могли быть посвящены Деметре, Дионису, Посейдону, каким-то неизвестным нам хтоническим божествам, которые могли отвечать за подземные стихии, страшные разрушительные процессы дремавшие внутри Геи-Земли, которые были способны при благоприятных жертвоприношениях не только вернуть спокойствие, умиротворить гнев богов-колебателей земной тверди на всё живое, но и содействовать процветанию и благополучному выживанию человека, растительного и животного мира вокруг него, укреплению и умножению их потомства.

В любом случае интересна проявленная взаимосвязь сейсмического события второй половины III в. н. э. и сооружения жертвенников. Ботросы жертвенников можно было использовать короткое время: только в момент строительных работ и непосредственно после их завершения. Сакральная зона жертвенников вскоре «ушла в землю», оказавшись сокрытой структурами повседневности – новыми постройками хозяйственного назначения. Совершенно точно на тот момент воспоминания обитателей городища о страшной сейсмической катастрофе были забыты или отошли за обычной жизненной суетой на второй план.

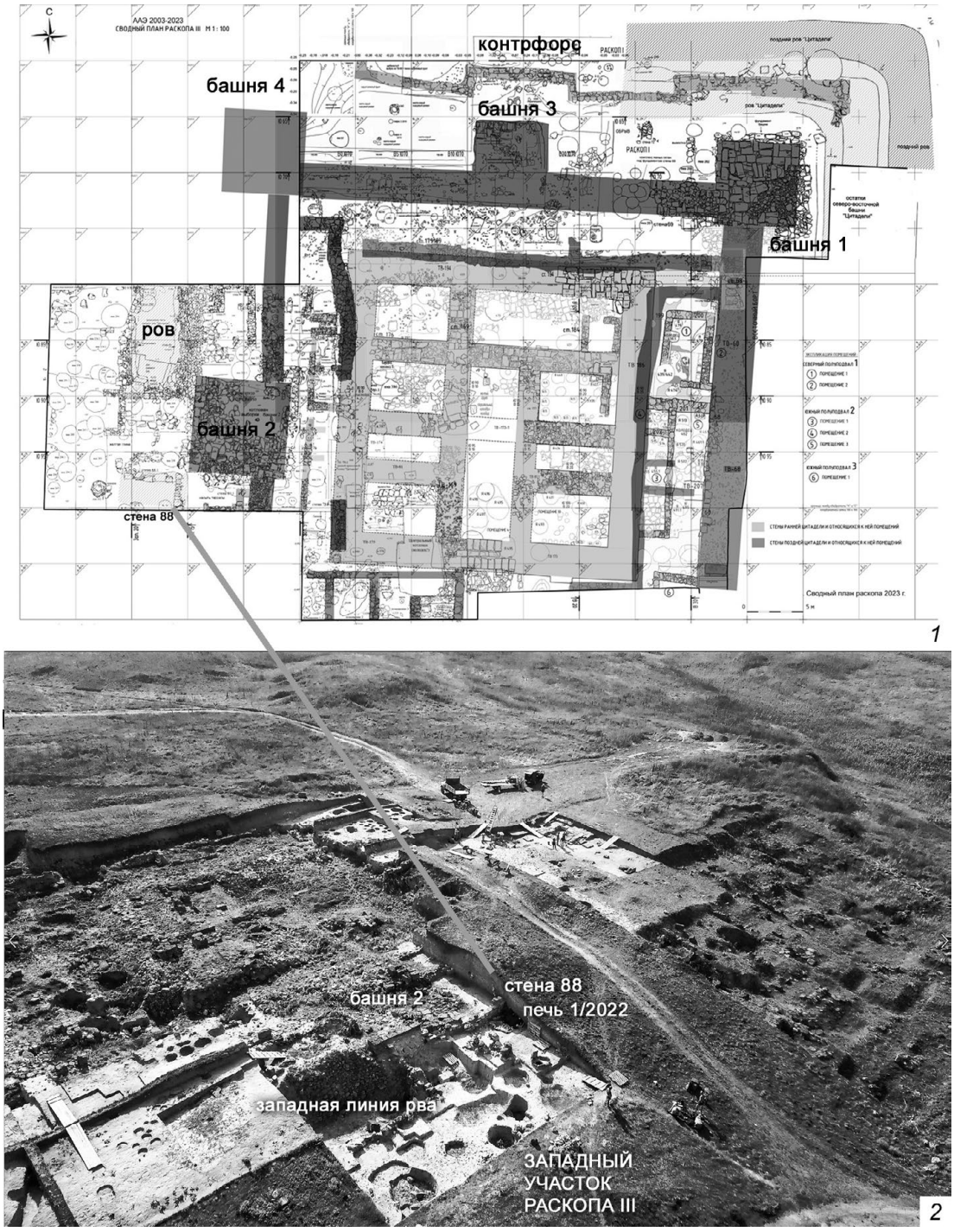


Рис. 1. *1* – План-схема ранней и поздней цитаделей городища Артезиан;
2 – расположение хозяйственного помещения с печью и пифосами
в западной части раскопа III 2022 г. Вид с коптера с северо-запада

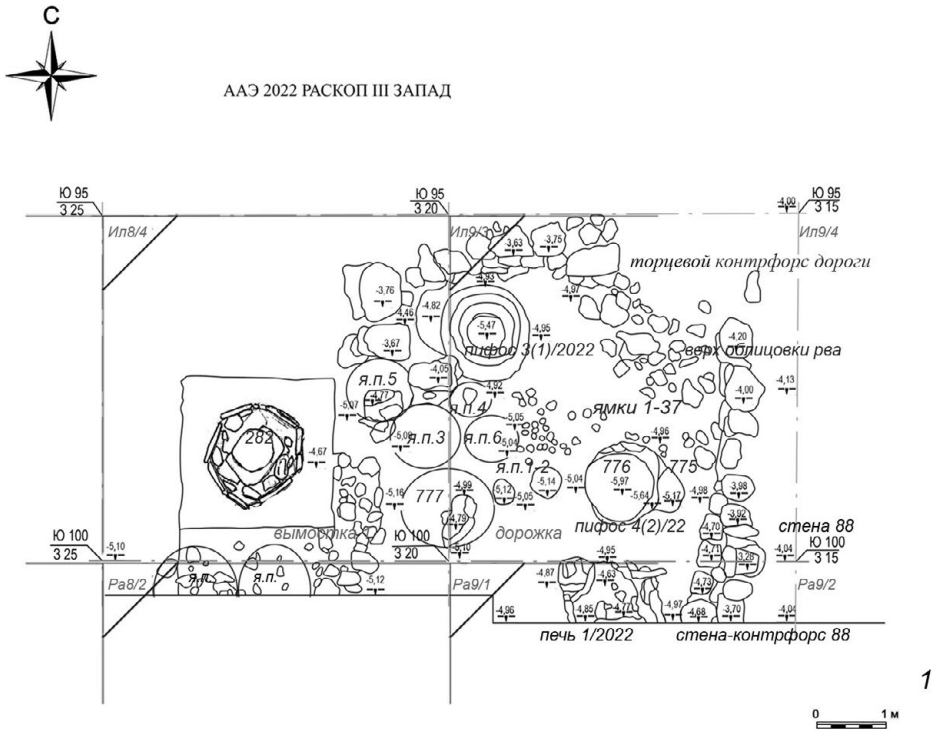
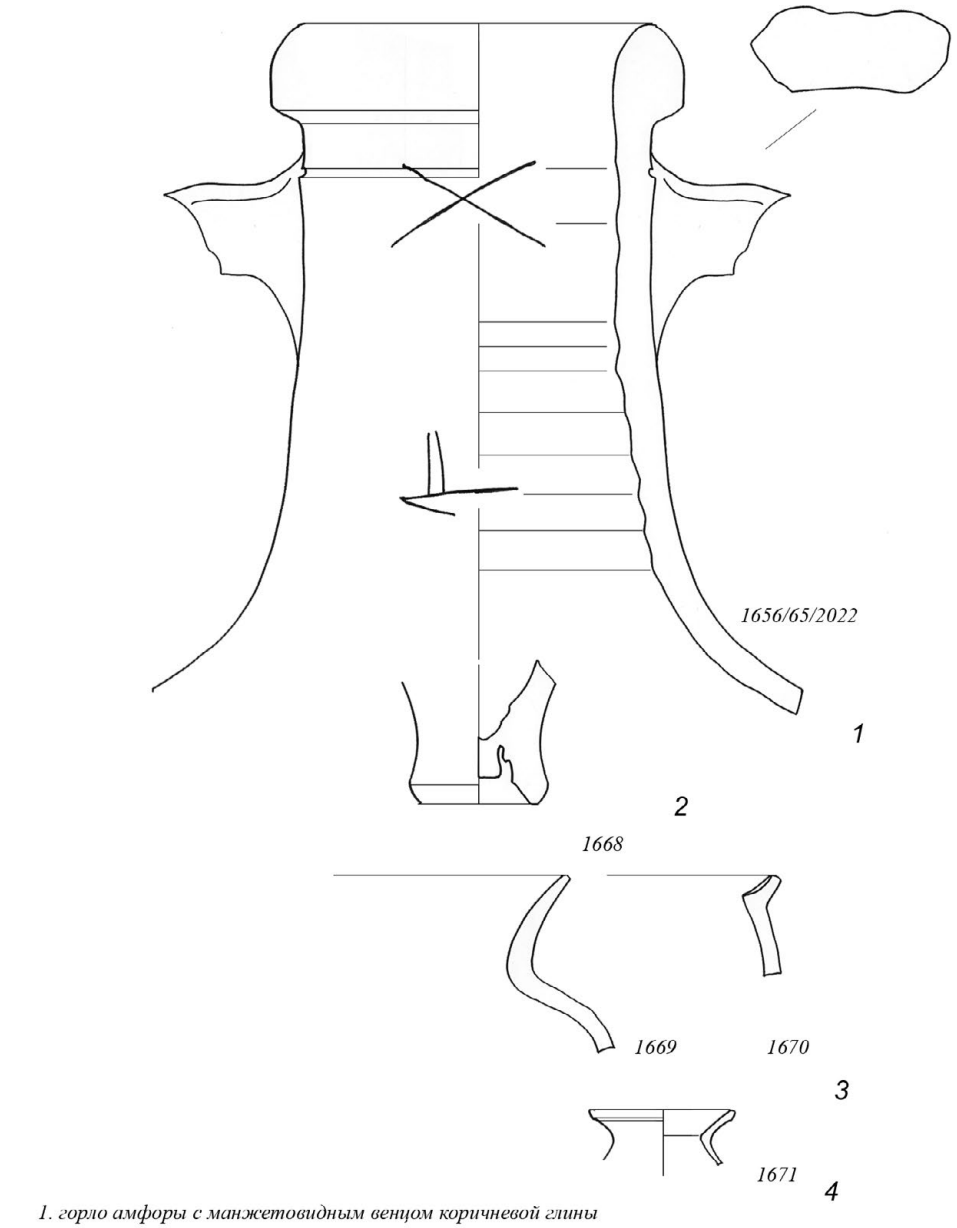


Рис. 2. *1* – Выкадровки из плана раскопа III остатков печи 1 и пифосов поверх заполнения оборонительного рва ранней цитадели. Нижний ярус 1; *2* – панорама участка хозяйственного помещения под стеной 88 с печью 1 и ямами после расчистки 2022 г.

Рис. 3. *1* – Печь 1/2022 и пристроенный с юго-запада очаг с северо-запада после расчистки; *2* – конструкция системы дымохода в восточном борте печи с северо-востока

Рис. 4. *1* – Сброс-сдвиг на юго-восток подпорной стены-контрфорса 88 с основания 88.2 в результате направленного сейсмического толчка. Деформации кладки 88.2 и 88. Сдавливание и развал пифосов 3(1) и 4(2). Вид с юга; *2* – излом и деформация тела кладки 88 в месте наибольшего сдвига. Раздвижение лопнувших стенок пифоса 4(2) после резкого подъёма грунта на пике сейсмической волны. Вид с северо-запада



1. горло амфоры с манжетовидным венцом коричневой глины с бежево-серым ангобом с граффити в виде креста и тамгой-монограммой(?) в виде двух параллельных линий, подчёркнутых третьей;
2. ножка позднегераклейской амфоры типа D;
3. венчики лепных горшков;
4. венчик стеклянного прозрачного кувшина диаметром 58 мм.

Рис. 5. Находки из слоя разрушения печи 1

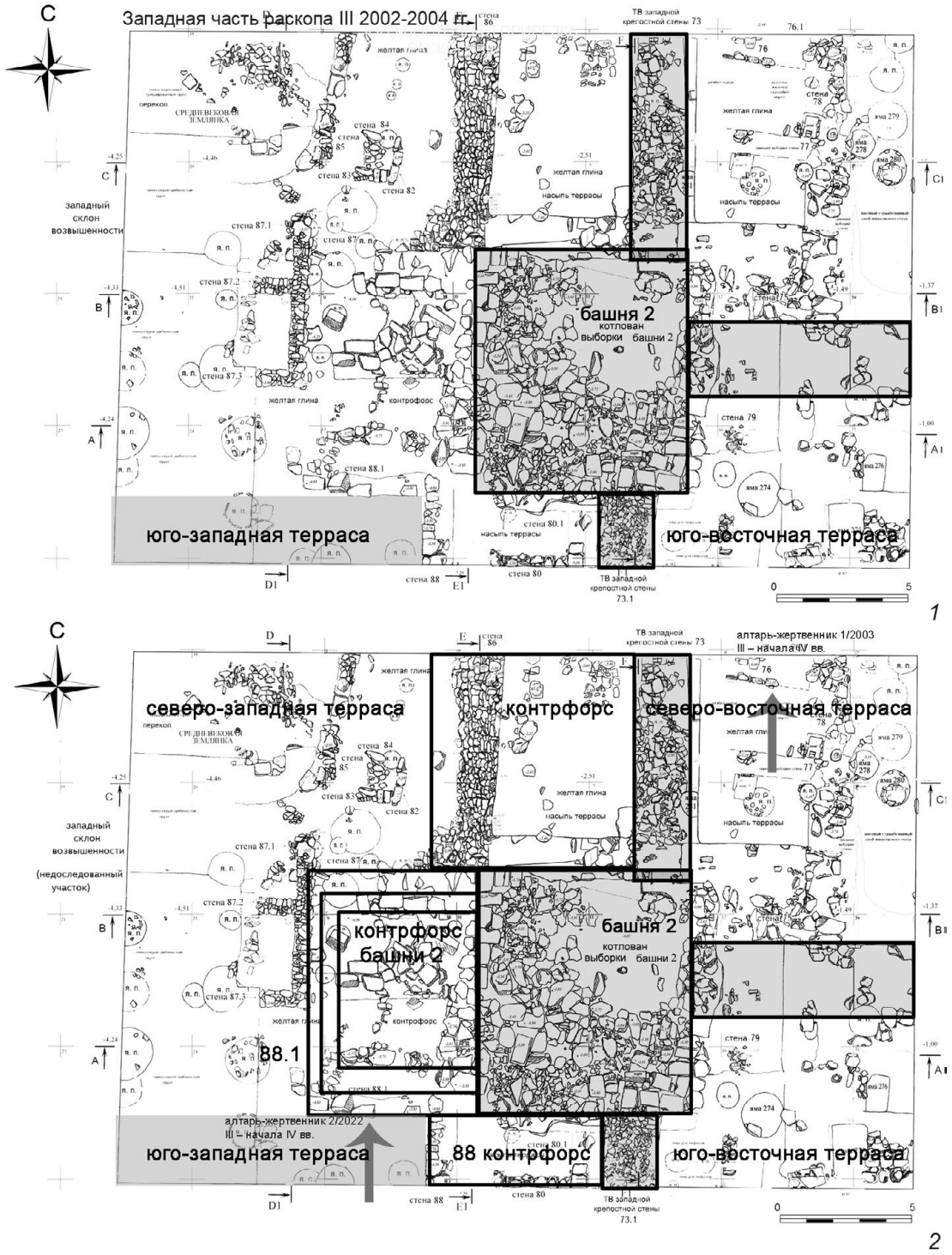


Рис. 6. Западная часть раскопа III после работ 2002–2004 гг.: *1* – выкадровка плана; *2* – схема контрфорсов и террас западнее башни 2 поздней цитадели. Серыми стрелками указаны месторасположения локальных алтарных комплексов – жертвенников III – начала IV в. н. э.

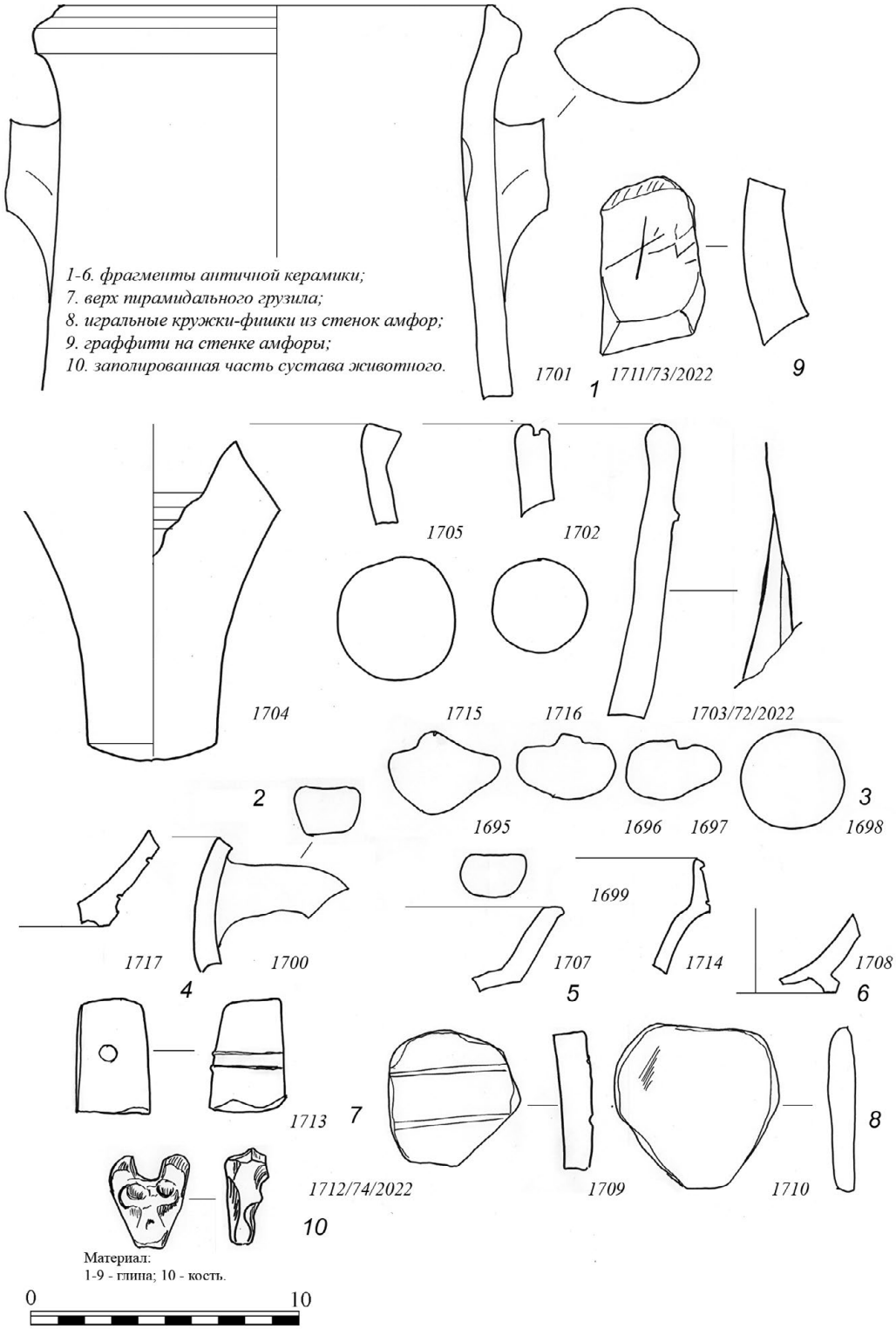


Рис. 7. Находки из золистого заполнения горловины ямы 777

Рис. 8. Керамические развалы пифосов и других сосудов в слое сейсмического разрушения 255–269/275 гг. Вид с востока и северо-запада

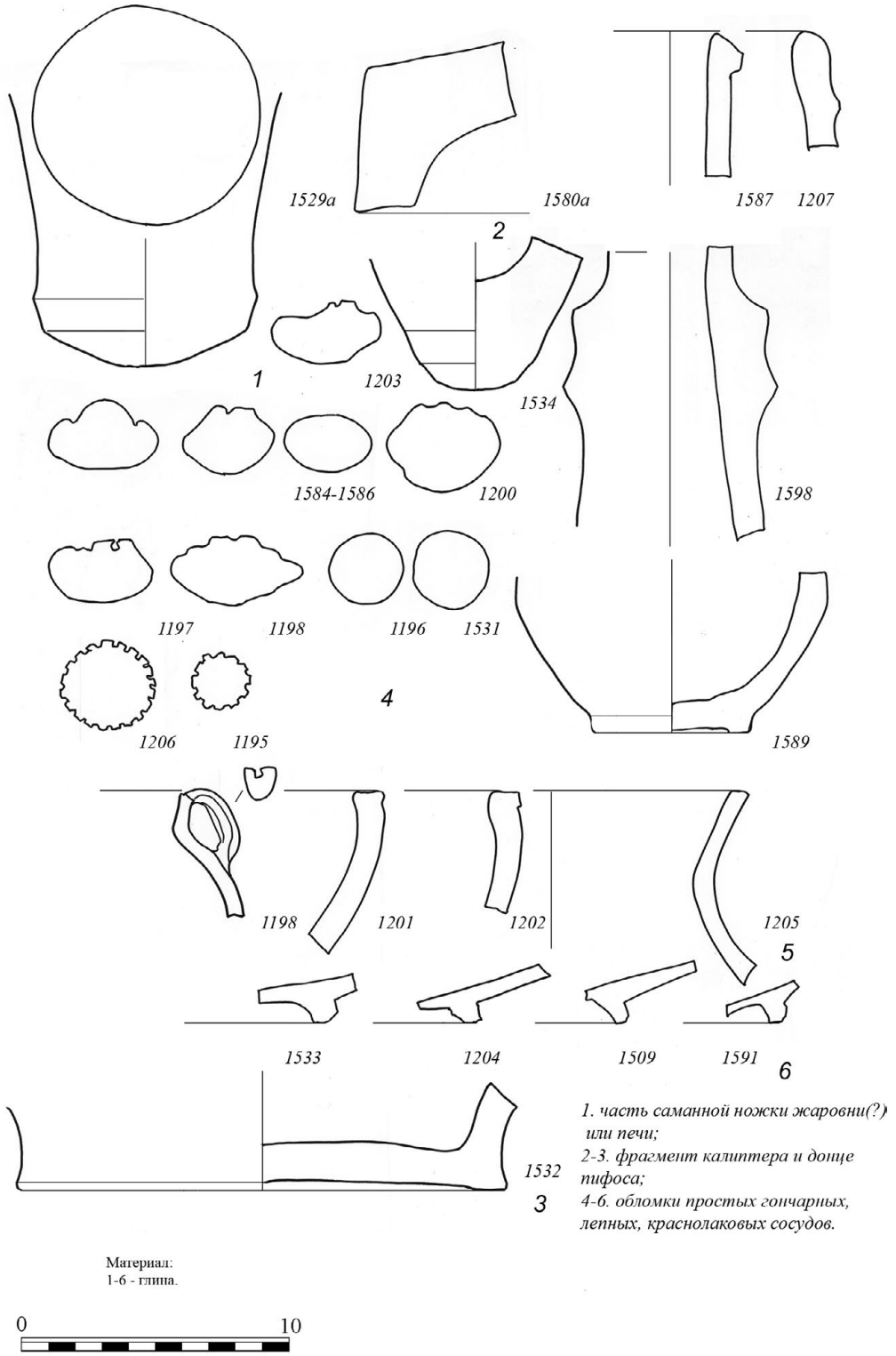


Рис. 9. Находки из слоя сейсмического разрушения 255–269/275 гг. над печью 1/2022

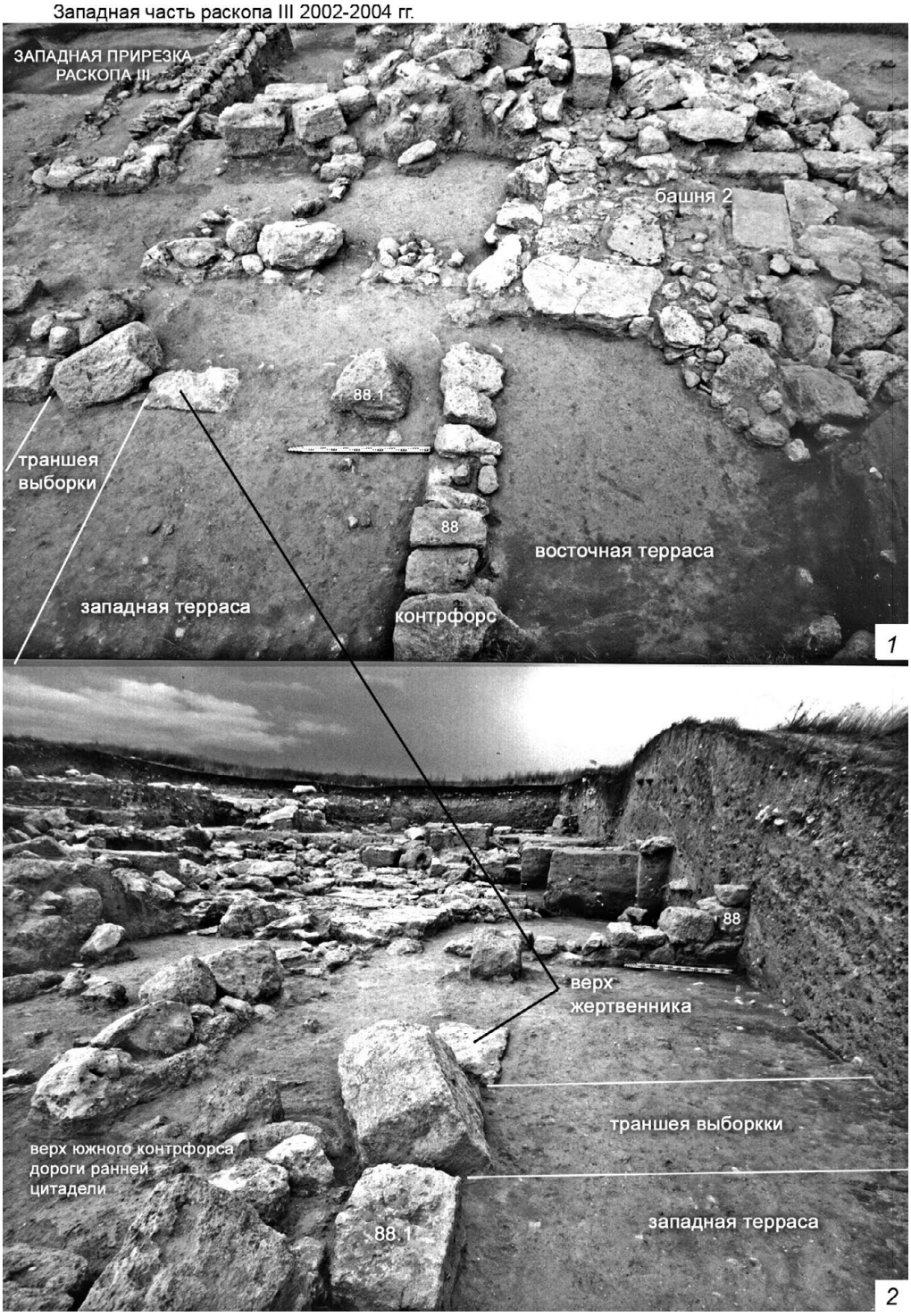


Рис. 10. Западная часть раскопа III с юга и запада после работ 2002–2004 гг. Контрфорсы 88 и 88.1 башни 2 поздней цитадели и верх жертвенника в южном фасе контрфорса 88.1

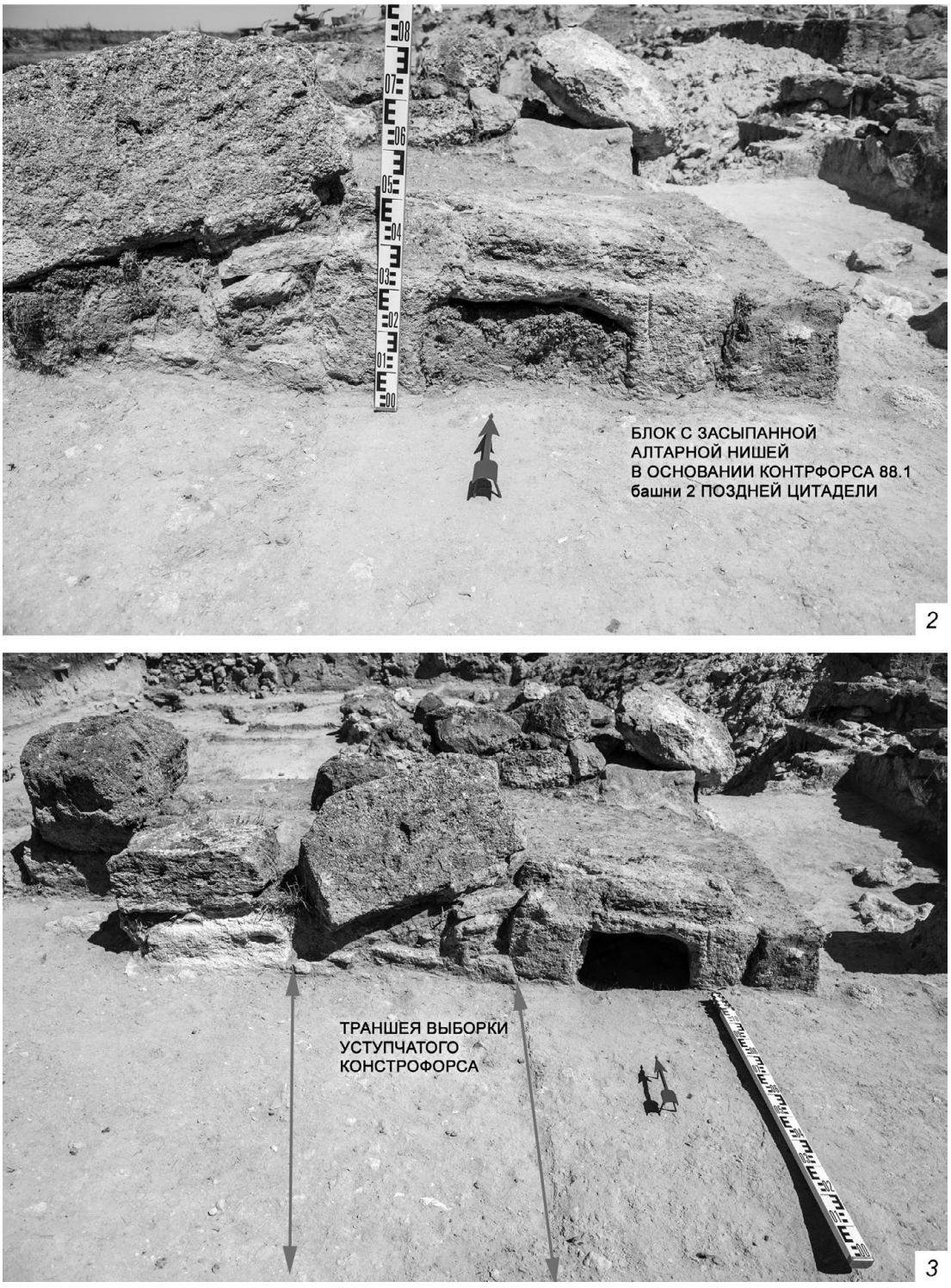


Рис. 11. Алтарная ниша в квадровом известковом блоке в основании контрфорса 88.1 башни 2 поздней цитадели. Вид юга. До и после выборки заполнения

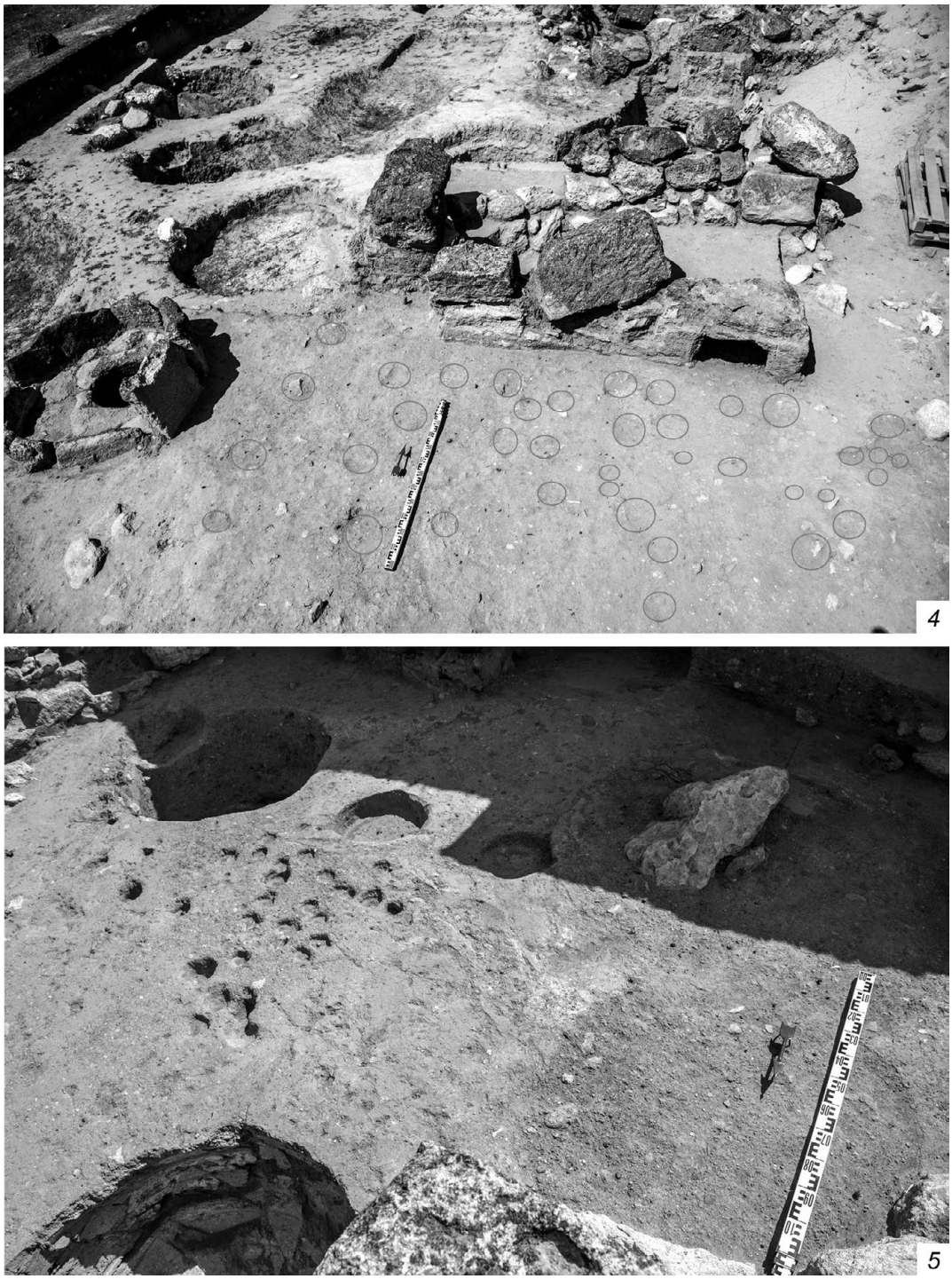


Рис. 12. Несколько десятков округлых ямных пятен от жертвенных ямок южнее блока с алтарной нишей, на уровне его подошвы блока, поверх слоя сейсмического разрушения. Вид с юго-юго-востока и северо-запада. До и после выборки зольного заполнения ямок

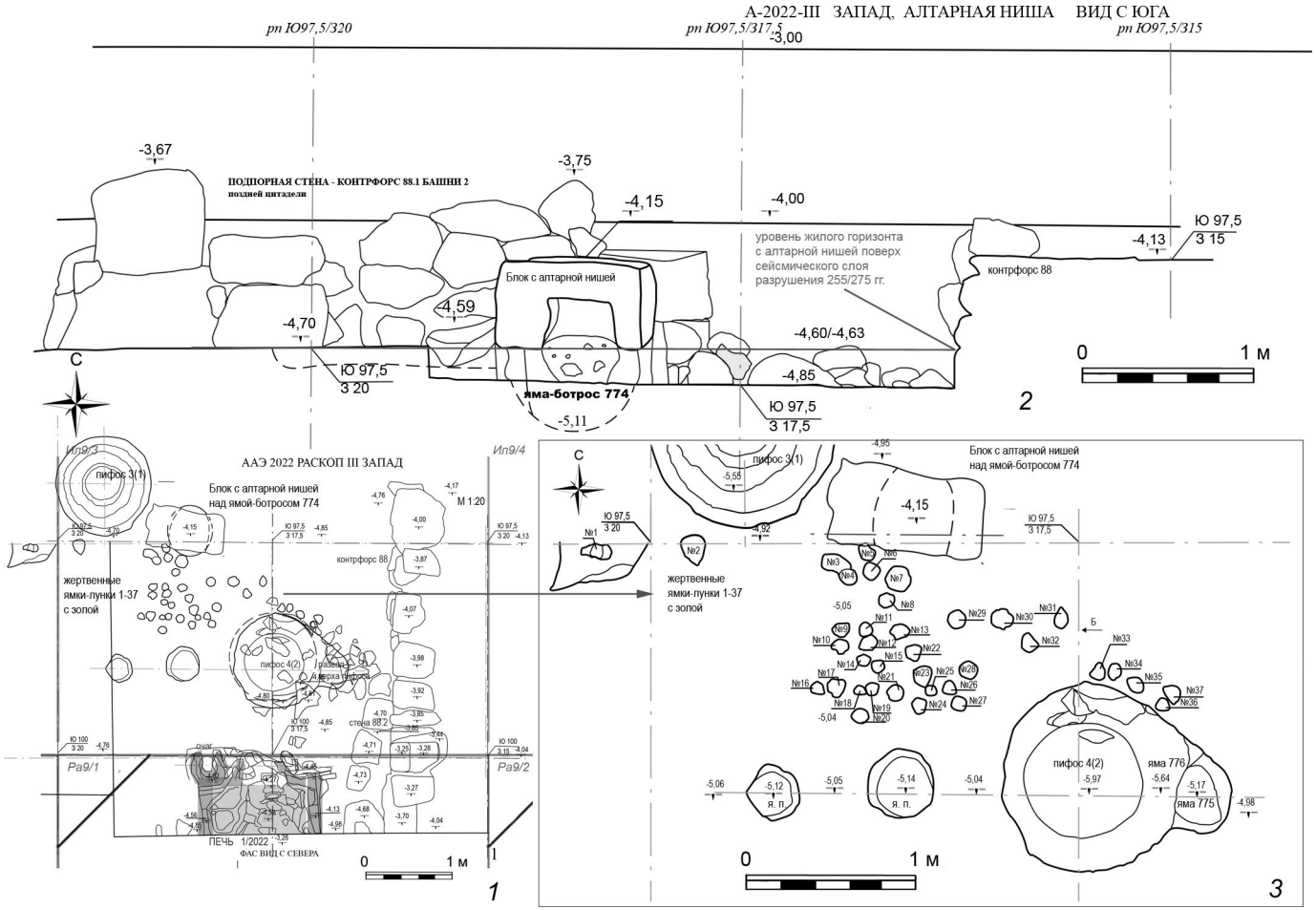


Рис. 13. *1* – Выкадровки из плана раскопа III строительных остатков печи 1/2022 и пифоса 4(2), блоком с алтарной нишей над ямой-ботросом 774. Верхний ярус на уровне подошвы слоя сейсмического разрушения с развалом печи и пифоса 4(2); *2* – фасировка контрфорса 88.1 к башне 2 с алтарной нишей над ямой-ботросом 774. Вид с юга; *3* – план жилого горизонта с жертвенными зольными ямками (1–37) южнее блока с алтарной нишей над ямой-ботросом 774

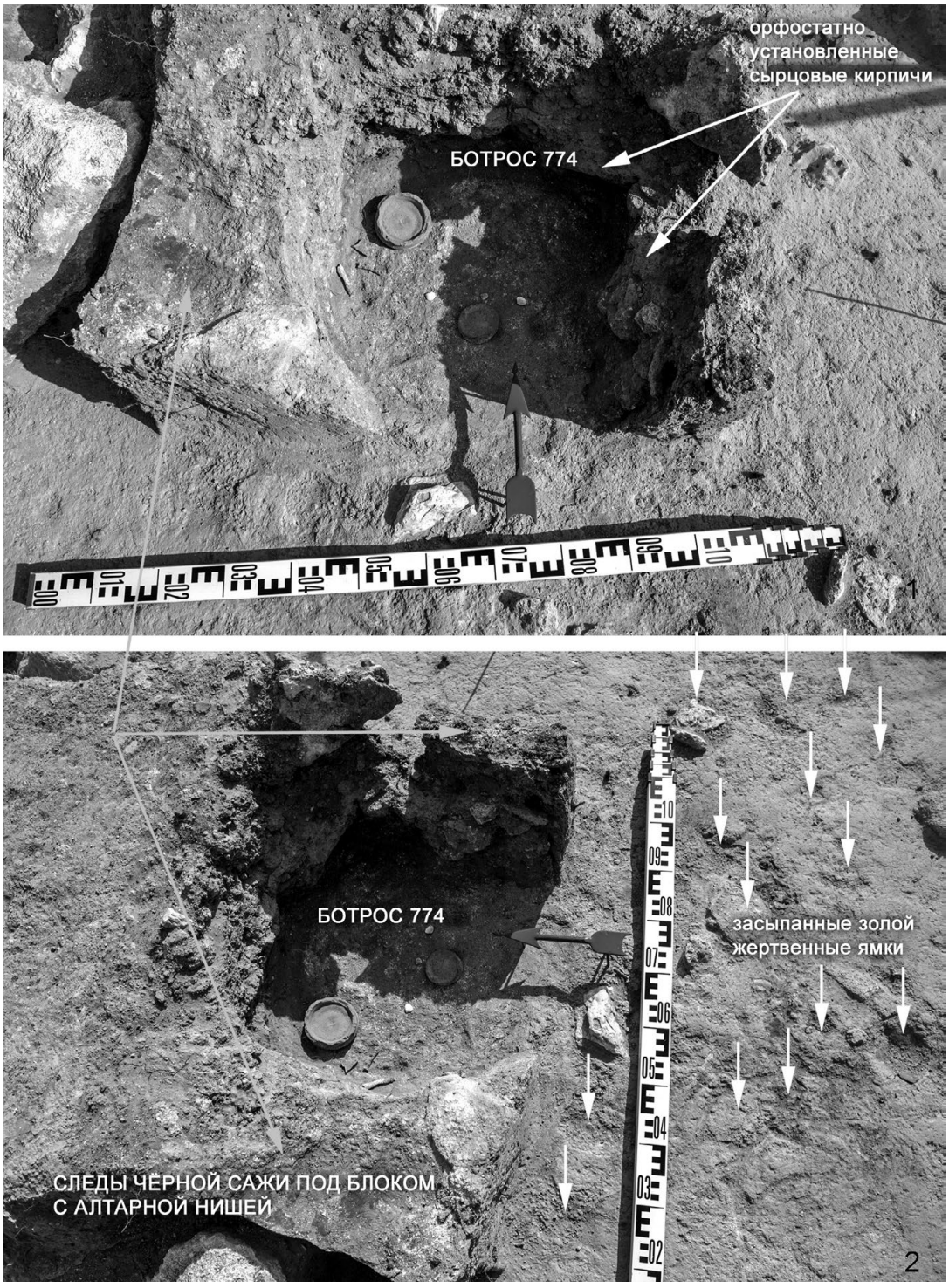


Рис. 14. Яма-ботрос 774 после расчистки серого зольного заполнения, южнее – серия из нескольких десятков округлых ямных пятен от мелких жертвенных ямок (?) южнее. После удаления блока с алтарной нишей. Вид с юга и запада

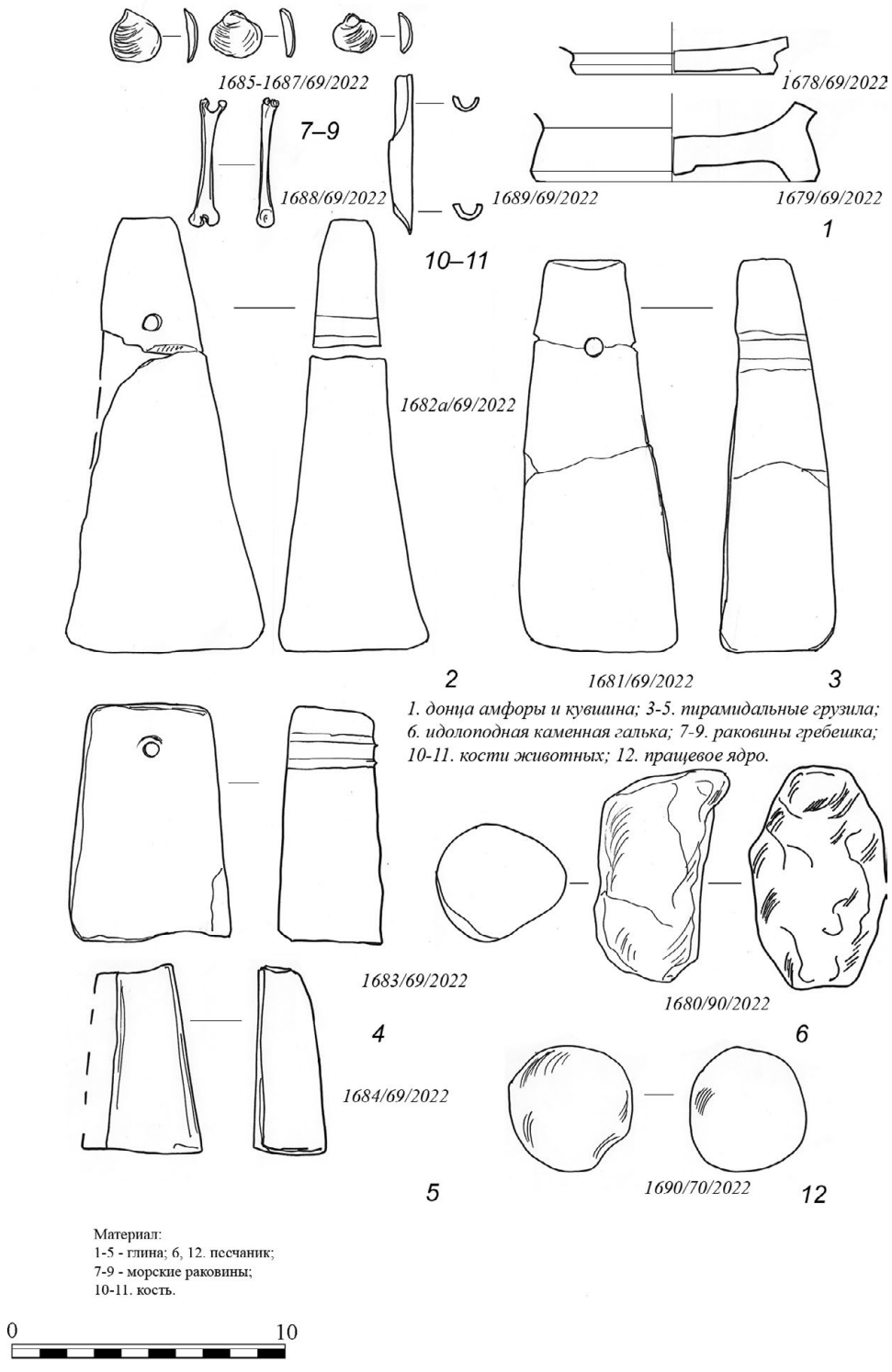


Рис. 15. Находки из золистого заполнения ямы-ботроса 774 под блокомс алтарной нишей

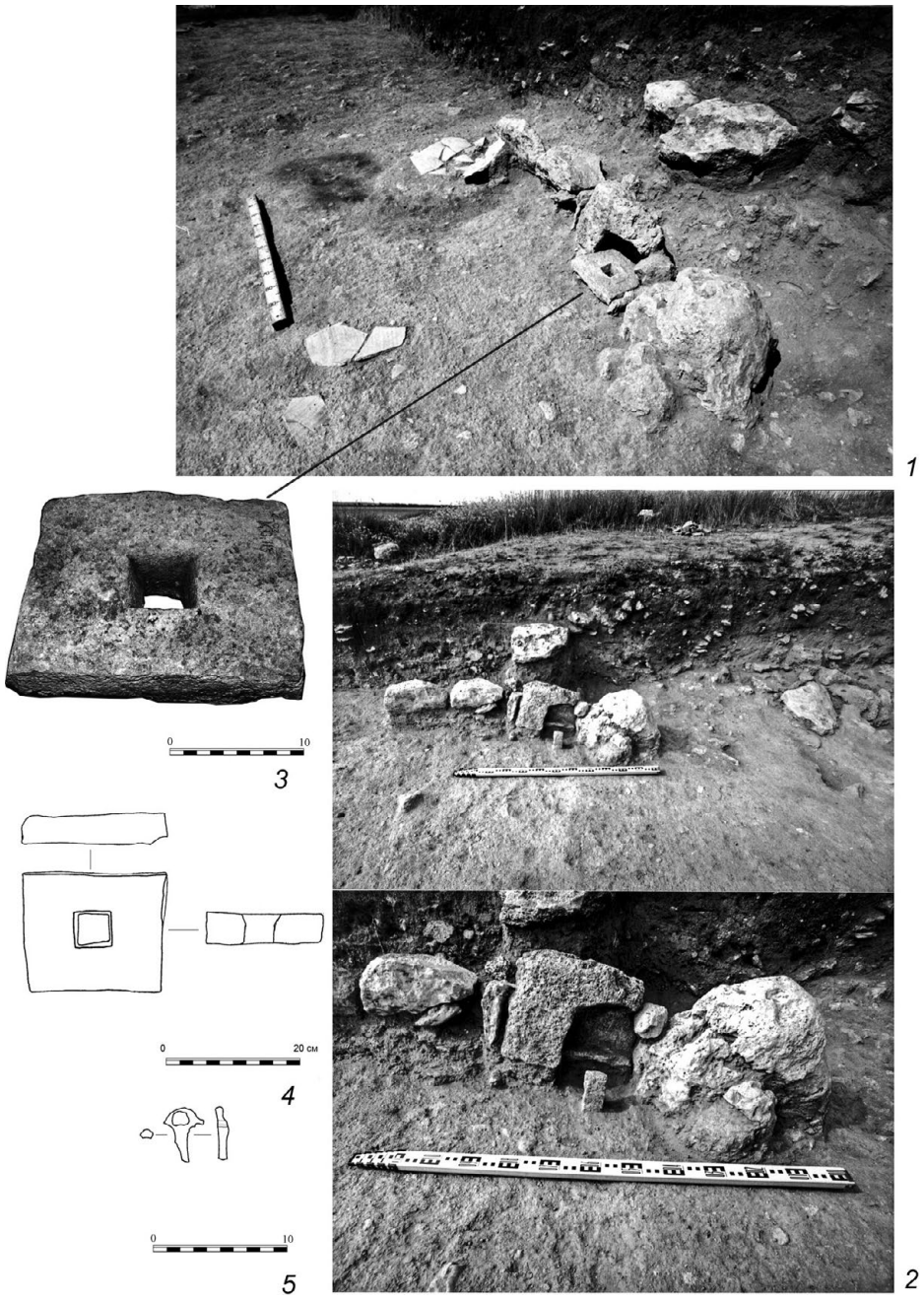


Рис. 16. *1* – Жертвенник 2003 г. под алтарной нишей, известняковая алтарная плита для возлияний хтоническим богам над ботросом, укреплённая вертикальным столбиком и горизонтальной плитой, в фундаменте стены 76 каменно-сырцовой постройки второй половины III в. н. э. На дальнем плане загородка с развалом стенок амфор. Вид с юго-востока; *2* – основание жертвенника после снятия алтарной плиты и выборки зольного заполнения ботроса; *3, 4* – фотография и чертёж алтарной плиты во вторичном использовании, в первичном – основание для установки шипа надгробной стелы; *5* – железный предмет из ботроса жертвенника

Список литературы

Б*ашкиров* А. С. 1948. Антисейсмизм древней архитектуры. Т. III. Италия. (Уч. зап. Калининского Гос. Пед. Института. Т. XIV. Вып. 1). М., 293.

Бейлин Д. В., *Волошинов* А. А., *Рукавишникова* И. В. 2018. Надгробная скульптура некрополя «Александровские скалы» // БФ: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Ч. 1 СПб., 165–174.

Бейлин Д. В., *Рукавишникова* И. В. 2018а. Александровские скалы 1 – курганная группа и античный некрополь (Республика Крым, Ленинский район) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. Материалы спасательных археологических исследований. 25. М., 20–31.

Бейлин Д. В., *Рукавишникова* И. В. 2018б. Могильник римского времени «Александровские скалы» близ г. Керчь // БФ: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Ч. 1. СПб., 158–164.

В*инокуров* Н. И. 2021. Доследование полуподвала в центральной части городища Артезиан // ДБ. 26, 65–96.

Винокуров Н. И. *Никонов* А. А. 1998. О следах сильных землетрясений на западе Европейского Боспора // РА. 4, 98–114.

Винокуров Н. И., *Григорьева* И. М. 2022. Средневековые ритуальная яма и каменная плита-жертвенник (?) в центральной зоне городища Артезиан // История и археология Крыма. XVI. Симферополь, 250–263, 408.

Винокуров Н. И., *Корженков* А. М, *Родкин* М. В., 2015. К оценке сейсмической опасности района Керченского пролива по данным археосейсмологии // Вопросы инженерной сейсмологии. Т. 42. № 2, 51–66.

Винокуров Н. И. 2004. Практика человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам раскопок ритуальных захоронений в Крымском Приазовье) // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. 3. М., 55–87.

Винокуров Н. И. 2012. Археологические памятники в Крымском Приазовье (по материалам ААЭ 1988–2011). Тюбинген, 632.

Винокуров Н. И. 2013. Помещения восточного блока поздней цитадели городища Артезиан (I–IV вв. н. э.) // Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції «Археологі та історія Боспору» // Таврійські студії. Історичні науки. № 1. Симферополь, 27–35, 190.

Винокуров Н. И. 2015. Новые свидетельства палеосейсмической активности на Боспоре в первые века нашей эры (по материалам раскопок городища Артезиан // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум. Сборник научных статей. Вып. XVI. Керчь, 60–74.

Винокуров Н. И. 2019. Исследование строительных остатков поздней цитадели на городище Артезиан в 2015–2017 гг. // ДБ. 24, 90–113.

Винокуров Н. И. 2023. Два типа гробниц северо-восточного некрополя городища Артезиан (раскоп 12, 2019 г.) // ДБ. 28, 73–104.

Винокуров Н. И., *Крыкин* С. М. 2019. Жертвенники для возлияний хтоническим божествам Боспора и Фракии: общее и особенное // ПИФК. 4, 56–92.

Винокуров Н. И., *Яйленко* В. П. 2022а. Вторая эпитафия с городища Артезиан в Крымском Приазовье // ПИФК. 2, 31–52.

Винокуров Н. И., *Яйленко* В. П. 2022б. Третья эпитафия с городища Артезиан в Крымском Приазовье // ПИФК 3, 95–134.

Внуков С. Ю. 2006. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. Ч. II. Петрография, хронология, проблемы торговли. СПб, 320.

Внуков С. Ю. 1988. Широкогорлые светлоглиняные амфоры Северо-Западного Крыма // СА. 3, 198–206.

Внуков С. Ю. 2013. Амфоры римского времени городища Кара-Тобе // ДБ. 17, 21–54.

З*еест* И. Б. 1960. Керамическая тара Боспора (МИА. 83). М., 180.

К*орженков* А. М., *Овсюченко* А. Н., *Ларьков* А. С., *Мараханов* А. Н., *Рогожин* Е. А., *Сударев* Н. И. 2018. Следы сильных землетрясений на Михайловском городище (Керченский полуостров, Крым) // ДБ. 22, 1–18.

О*стапенко* О. А. 2007. Скифские бескурганные могильники степного Поднепровья // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор. Москва-Киев-Запорожье, 404.

С*лепченко* С. М., *Винокуров* Н. И., *Бабенко* А. Н., *Хрусталев* А. В., *Иванов* С. Н. 2022. Результаты археопаразитологического и палинологического исследования культурных слоев античного поселения Артезиан (Восточный Крым) // Нижневолжский археологический вестник. Т. 21, № 2, 184–207.

Summary

N. I. Vinokurov
Earthquake in the second half of the 3rd century CE and a new altar at the Artezian site (based on excavations in 2022)

The article explores a local residential area of the Artezian settlement on the terraces southwest of Tower 2 of the late citadel. The area below the retaining wall of the high terrace featured a building with a large mud-stone oven, pithoi and utility pits dating back to the 3rd century CE. The floor was clay adobe and paved in some areas. The building was destroyed,

like all the objects of the settlement, including the acropolis – the late citadel with eight towers – by a powerful earthquake some time between 255–269/275.

After the catastrophe, an altar appears directly on the layer of destruction in the foundation of the tower 2 buttress, shaped as an altar niche above a pit-bothros with ritual offerings: raw pyramidal weights and seashells, sprinkled with ash and coals. Adjacent to the southern altar were dozens of small-diameter but deep pits filled with ash, some of which contained deliberately placed objects with an unclear cult context.

This altar could be dedicated to chthonic deities, possibly responsible for the underground elements. What appears particularly interesting, is the apparent connection between the seismic event of the second half of the 3rd century CE and the construction of an altar with a bothros, which could only be used for a short time: only at the time of construction work and immediately after its completion. Its sacred area was soon hidden by new buildings when the memories of the terrible seismic disaster were forgotten or faded into the background behind the usual bustle of life.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-437-1.122-140

Г. П. Гарбузов
(Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону)

«Таманское» межевание на Европейском Боспоре и Средней Кубани[1]

В настоящей работе представлены результаты изучения космических снимков из базы данных интернет-сервиса Гугл Земля для двух сильно отличающихся по природным характеристикам областей, тесно связанных, тем не менее, в историческом плане. Первой областью является прилегающая к Керченскому проливу часть Европейского Боспора с расположенными там греческими полисами, вторая область соответствует правобережью Средней Кубани, где в античное время было сосредоточено много меотских городищ. Целью анализа снимков было выявление особого типа межевания, свойственного для Таманского полуострова. Межевание идентифицировалось по легко узнаваемому внешнему виду межей на снимках распаханных полей[2].

Наш первый обзор данных Гугл Земля, опубликованный в 2008 г. [*Гарбузов* 2008], не обнаружил на Европейском Боспоре межевания таманского типа, что изначально представлялось следствием неполноты имевшейся на тот момент информации [*Гарбузов* 2008, прим. 7]. Изучение расширенной коллекции снимков подтвердило эти подозрения и позволило выделить в округе греческих городов Европейского Боспора межевые системы, идентичные таманским. Число обнаруженных фрагментов межевания не так велико, но все-таки можно предполагать, что подобное землеустройство было здесь вполне обычным. Само по себе выявленное межевание довольно традиционно, наибольший интерес оно вызывает особенностями своего распространения. Вторая рассмотренная область в раннем обзоре не упоминалась. Хорошо заметная на снимках Гугл Земля межевая система, сходная по внешнему виду межей с таманским землеустройством и находящаяся рядом с меотскими городищами, была выявлена позже [*Гарбузов* 2016, рис. 3]. Накопившиеся данные позволяют говорить о существовании на Средней Кубани межевания вдоль всей цепочки правобережных меотских городищ, вопрос о сплошном характере межевания и его размахе остается открытым. Расположение областей с межеванием таманского типа иллюстрируется схемой на рис. 1.

[1] Статья подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН, № гр. проекта 124012200178-4.

[2] О межевании на Таманском полуострове см. [*Горлов, Лопанов* 1995; *Паромов* 2000; *Гарбузов* 2006].

Рис. 1. Области с межеванием таманского типа

На Европейском Боспоре следы искомого землеустройства выявлены у Нимфея, Тиритаки и Мирмекия[3] (рис. 2), самые выразительные фрагменты межевания представлены на рис. 3[4]. Наиболее целостное впечатление производит межевая система вблизи Тиритаки с реконструируемой площадью до 170 га. Она, также как и межевание у Нимфея, имеет радиально-концентрическую структуру, нередкую на соседней Тамани. По внешнему виду и по пространственной организации все обнаруженное землеустройство неотличимо от таманского межевания.

Сходство демонстрируют и другие характеристики. Например, на Европейском Боспоре, также как и на Таманском полуострове, наблюдается связь межевания с лучшими по природному плодородию почвами (см. рис. 2)[5]. Однако на Европейском Боспоре эта связь имеет пространственное ограничение. Почвенная карта показывает, что один из массивов плодородных почв тянется на запад от окрестностей Пантикапея и Мирмекия на 25 км, другой почвенный контур, не связанный с первым, протянулся на 17 км на запад от Тиритаки[6]. Несмотря на столь значительную величину проникновения лучших почв от пролива в глубину полуострова, к настоящему времени межевание

[3] Межевание находится в 3.5 км от Мирмекия и в 4.5 км от Пантикапея, оно было отнесено к более близкому Мирмекию совершенно формально. Какой именно центр на самом деле ответственен за межевание, сказать трудно.

[4] У исходных снимков Гугл Земля на иллюстрациях в этой публикации изменены параметры, связанные с контрастом и яркостью, иногда в них использованы композиции разновременных снимков. Оригиналы снимков со следами межевания всегда можно найти и просмотреть в Гугл Земля, для этого в подписях под иллюстрациями в квадратных скобках дается ссылка на координаты (широта/долгота) центральной части изображения и дату или даты (в случае композиции нескольких снимков) съемки в принятом в сервисе формате ММ.ДД. ГГГГ. Правообладатель кодируется как GEMT (Google Earth – Maxar Technologies) или GECA (Google Earth – CNES/Airbus).

[5] В местах межевания почвы определены как черноземы южные, в том числе мицелярно-карбонатные, слабогумусные легкоглинистые на лессах (Карта грунтів Української РСР 1:200000, К.: Укрземпроект, 1967, листы 147, 154). В отличие от Таманского полуострова, где аналогичные плодородные почвы образуют большие сплошные ареалы, почвенный покров Керченского полуострова крайне мозаичен. Соответствие межевания именно тем частям почвенной мозаики, которые образованы самыми лучшими почвами, трудно объяснить простым совпадением.

[6] Цифры ориентировочные, в том числе и по причине того, что на почвенной карте под жилой и промышленной застройкой Керчи почвы не определены.

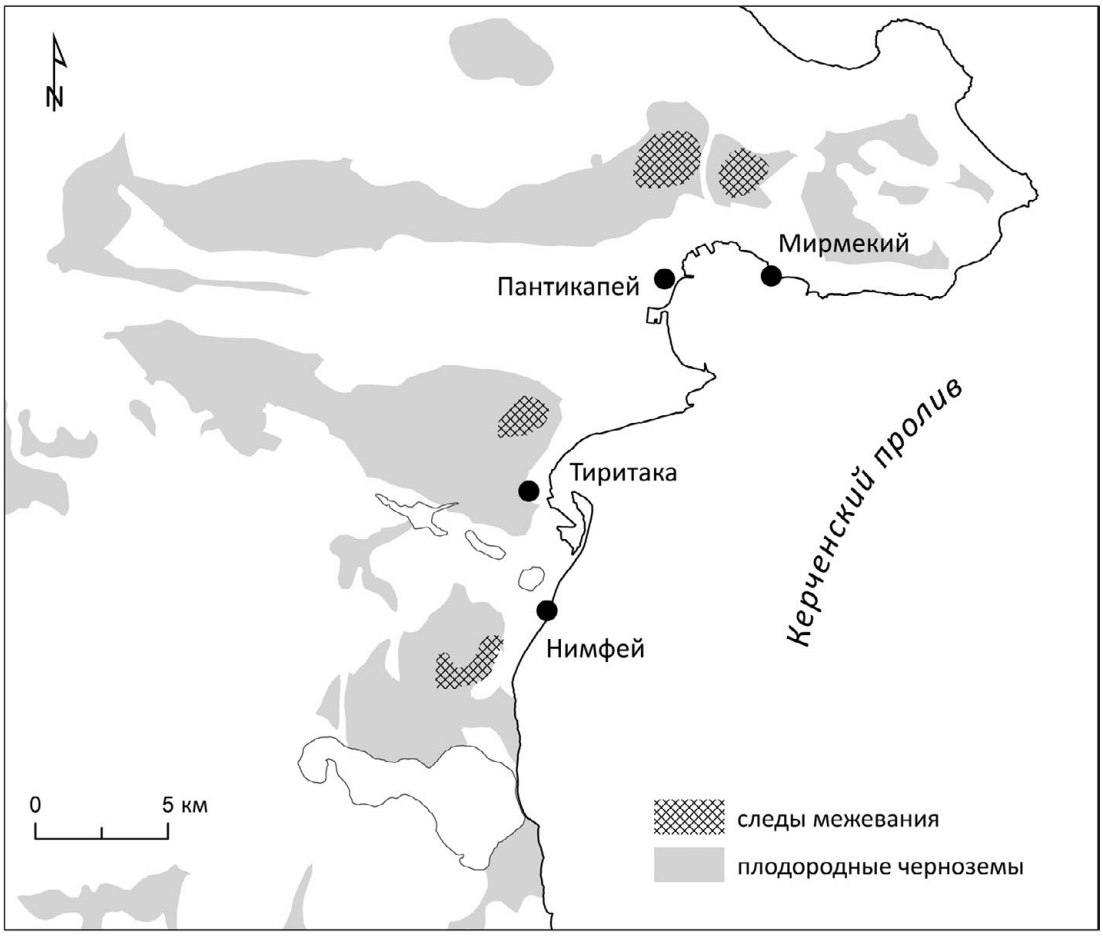


Рис. 2. Территории со следами межевания вблизи греческих городов Европейского Боспора

обнаружено только на восточной окраине плодородных земель (фрагменты межевания на рис. 3 удалены от берега пролива на 2.5–3 км).

Ограниченное распространение следов межевания предполагает, что с помощью землеустройства рассматриваемого типа была обустроена лишь ближайшая сельская территория греческих полисов. Возможно, предел продвижения межевания на запад совпадал, хотя бы отчасти, с самой восточной системой валов Керченского полуострова, проходившей фактически от берега Азовского моря на севере до берега Черного моря на юге (Восточный вал или Восточная линия обороны, согласно планам А.Л. Ермолина [*Ермолин* 2010, рис. 1, 2]). По крайней мере, нигде к западу от этих валов следы межевания таманского облика пока не выделены. При этом следует оговориться, что считать оборонительную линию синхронной межеванию необязательно.

Соотношение между линией укреплений и межеванием демонстрирует межевая система в округе Тиритаки (см. план на рис. 4). Она расположена к востоку от хорошо различимого на снимках прямолинейного вала, открытого А.Л. Ермолиным [*Ермолин*

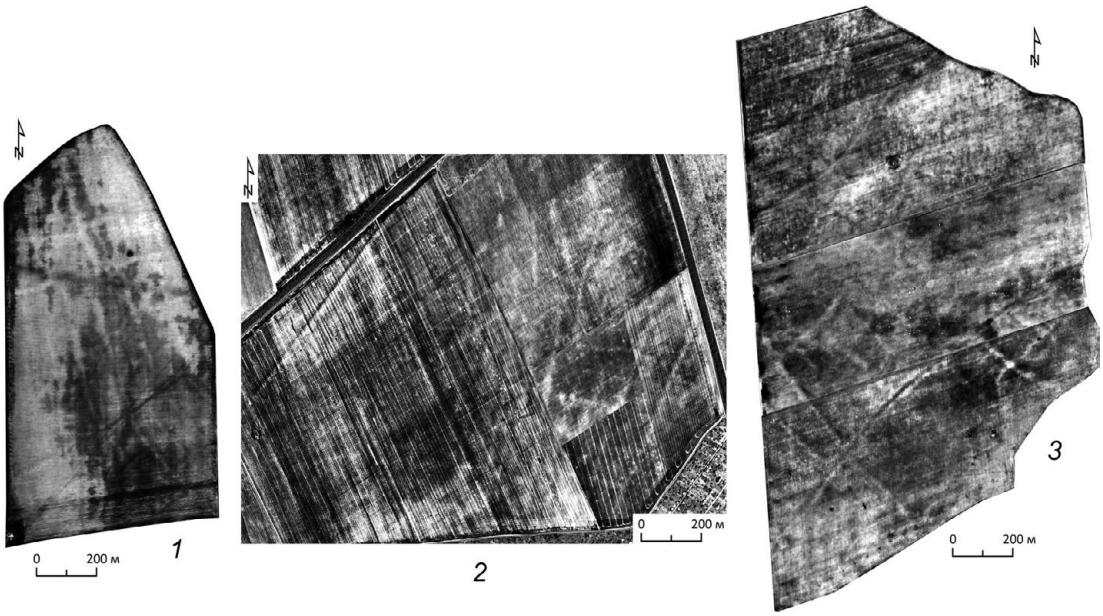


Рис. 3. Межевые системы вблизи Нимфея (*1*), Тиритаки (*2*) и Мирмекия (*3*).
1: [45.214705/36.369533; 05.14.2016GECA];
2: [45.301402/36.399517; 02.09.2017GEMT+02.28.2017GEMT+05.16.2019GEMT];
3: [45.387046/36.508190; 08.10.2013GECA+05.08.2014GEMT+06.26.2017GEMT]

2010, 130, рис. 1, 2]. К западу от вала разглядеть какие-либо следы межевания не удается, и это при том, что к данному месту в Гугл Земля привязано более сорока разновременных снимков. Конечно, в силу зависимости заметности межевания на снимках от многих случайных факторов даже большая выборка снимков не дает стопроцентной уверенности в том, что данная межевая система не распространялась за вал. О возможности расширенной реконструкции межевания говорит и его общая схема.

Контекст, в котором находится межевание у Тиритаки, на самом деле еще более сложен, потому что нужно упомянуть и т. н. Тиритакский вал. Этот вал накладывается на выявленные межевые признаки, что подтверждается сопоставлением межевания с геопривязанными планами К. Э. Гриневича и В. В. Веселова [*Масленников* 2003, рис. 99, 103], и топографической картой-верстовкой (1:42000)[7]. Собственно говоря, объект, точно совпадающий с Тиритакским валом планов и карты, отлично виден на снимках Гугл Земля. Он отделяется от прямолинейного вала Ермолина в шестистах метрах от 2-го Змеиного Кургана[8] и просматривается на распаханных полях в направлении

[7] Использовалась карта 1897 г. (лист VI–15 Сараймин), переизданная в 1933 г. с учетом рекогносцировки, проведенной в 1926 г. Тиритакский вал нанесен на карту в той же конфигурации, что и на упомянутых планах, он сопровождается надписью «Древний вал» в дореформенной орфографии. На карте на свободном поле справа под рамкой на специальной схеме обозначена та часть листа (юго-восточная четверть), в которой проводилась рекогносцировка. «Древний вал» в эту четверть не попадает, соответственно, он был отмечен на карте при создании дореволюционного оригинала.

[8] Формально А. Л. Ермолин начинает вал своего имени от указанной развилки [*Ермолин* 2010, 130], хотя отрезок от развилки до 2-го Змеиного кургана на снимках строго линеен и совпадает по направлению с валом

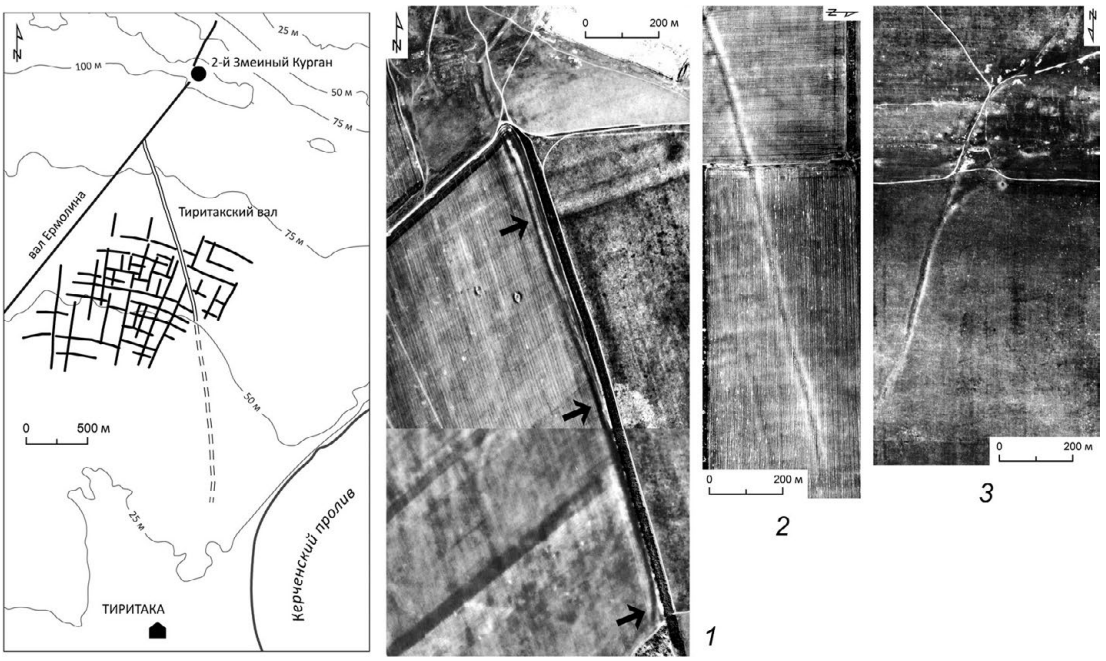


Рис. 4. Ситуационный план межевой системы вблизи Тиритаки и вид Тиритакского вала на космических снимках (*1*) в сравнении с изображениями лощинных дорог у Ильичевского городища (*2*) и поселения Виноградный 7 (*3*) на Таманском полуострове. *1*: 06.11.2012GEMT+05.02.2017GEMT; *2*: 03.24.2017GEMT; *3*: немецкий аэрофотоснимок 1944 г.

на юг-юго-восток на протяжении более полутора километров, пересекая по пути следы межевания (рис. 4. *1*).

На самом деле, если бы не существование авторитетных планов, карт, описаний и опыта раскопок с соответствующими выводами [*Ермолин* 2005], то тот объект, который заметен на снимках и который называют Тиритакским валом, автор по ряду характерных черт интерпретировал бы как лощинную дорогу, т.е дорогу, у которой выработалась глубокая дорожная ложбина[9]. Развилка двух валов в этом случае превратилась бы в пересечение вала дорогой (это пересечение, в общем-то, угадывается на снимках, см. рис. 4. *1*). К числу характерных признаков лощинной дороги здесь относятся направленность к поселенческому центру, слегка рыскающий маршрут, далекий от линейного, и узнаваемое изображение на снимках в виде темной полосы со светлой окантовкой, объясняемой эрозией бровок дорожной ложбины. Лощинных дорог, похожих на снимках на Тиритакский вал, много на Таманском полуострове [*Гарбузов* 2020].

Ермолина, т.е. фактически это две части одного и того же образования (см. [*Ермолин* 2012, 27], где подразумевается единство этих частей).

[9] Отметим любопытный факт. На карте крупного масштаба (1:25000) Управления военных топографов РККА, изданной в 1933 г. (лист Стар. Карантин) и созданной на основе новой топосъемки, никакого вала в интересующем нас месте не обозначено. Представить себе, что при подготовке данной карты военные топографы РККА не видели дореволюционной верстовки или ее варианта образца 1897/1926 гг. с отмеченным древним валом, абсолютно невозможно.

Две такие дороги показаны для сравнения на рис. 4 (см. также [*Гарбузов* 2020, рис. 1]). Полевые наблюдения за подобными дорогами показывают, что на местности дорожную ложбину легко принять за ров[10], а бровка ложбины иногда похожа на вал[11].

Из-за явного наложения на межевые признаки Тиритакский вал, независимо от его природы, соответствует времени, когда межевание было заброшено. При исследовании вала А. Л. Ермолин обнаружил в заполнении сопутствующего ему рва фрагменты амфоры второй четверти – середины VI – начала VII в. н. э., в связи с чем датировал ров VI веком [*Ермолин* 2005, 172, рис. 4]. Наше предположение, впрочем, совершенно гипотетическое, о том, что Тиритакский вал представляет собой лощинную дорогу, позволило бы воспользоваться аналогией с лощинными дорогами, которые ведут к укреплениям-батарейкам на северо-западе Таманского полуострова прямо поверх межевых систем [*Горлов, Лопанов* 1995, 131; *Гарбузов* 2020, 68, рис. 6. *1*] и формирование которых связано с возникновением укреплений в конце I в. до н. э. – начале I в. н. э. Что касается вала Ермолина, то первооткрыватель датирует его I в. до н. э. [*Ермолин* 2012, 27]. Шестисотметровый отрезок от 2-го Змеиного кургана до отчленения от него Тиритакского вала составляет с валом Ермолина единое целое, поэтому прикурганная часть вала, по идее, датируется также, как и весь вал. У кургана вал исследовал А. А. Масленников и отнес его ориентировочно к первой трети III в. до н. э. [*Масленников* 2003, 217–218].

Вал Ермолина был бы интересным хронологическим индикатором для межевания при повторении ситуации с Тиритакским валом, т. е. при явном наложении на межевые признаки. В ином варианте, даже зная точные даты сооружения вала, что-то определенное утверждать о времени межевания трудно. Одновременность вала и межевания хотя и возможна, однако, как уже отмечено, необязательна. Вал могли бы возвести, в частности, до всякого специального землеустройства, обозначив сельскохозяйственную территорию, которая возделывалась в какой-то другой традиции агротехники и лишь впоследствии была обустроена с применением «таманского» межевания. Легко представить и обратный случай, когда существовала давно размежеванная территория и по ее границе, обозначенной, например, межевыми знаками, впоследствии провели вал.

В пользу того, что где-то по указанному валом рубежу могла проходить давняя граница возделываемых земель Тиритаки, говорит следующее обстоятельство. Вал Ермолина в его предельной конфигурации, т. е. с простиранием от 2-го Змеиного Кургана до Чурубашского озера, оставляет к востоку от себя суммарно около 1.6–1.7 тыс. га хороших пахотных

[10] Н. И. Сокольский усматривал в лощинной дороге, подходившей с востока к Ильичевскому городищу в северо-западной части Таманского полуострова (см. рис. 4. 2), оборонительный ров длиной почти 2 км [*Николаева* 1981, 88].

[11] Заметная на снимках часть Тиритакского вала проходит вблизи границы (может быть, прямо по границе) между Керчь-Еникальским градоначальством и Феодосийским уездом, установленной в начале XIX в. и восходящей, вероятно, к договору между Российской империей и Крымским ханством 1772 г. [*Быковская, Смекалова* 2019, рис. 5]. Нет информации, в каком стиле была оформлена эта значимая граница. Однако примерно понятно, как выглядели межи между кадастровыми единицами конца XIX в. В это время было проведено линейно-ортогональное межевание земель Керчь-Еникальского градоначальства и восточной части Керченского полуострова [*Быковская, Смекалова* 2019, рис. 4, рис. 6–7]. Межевые признаки (и основные, и вспомогательные) этого регулярного кадастра все еще видны на снимках Гугл Земля на территориях, не подвергавшихся распашке, например, в ур. Чурбашские Скалки к югу от Чурубашского озера. Судя по снимкам, физически дореволюционное межевание связано с неширокими (до 3–4 м) земляными валами. Из кадастрового плана следует, что одна из линий межевания соответствовала границе между градоначальством и уездом [*Быковская, Смекалова* 2019, рис. 4], так что межевой вал здесь в каком-то виде обязательно присутствовал.

земель, из них значительная доля (почти две трети) самого высшего качества. В.Н. Зинько определяет для конца VI – начала V в. до н. э. численность населения Тиритаки в 2100–2900 человек [*Зинько* 2012, 5], выкладки С.Д. Крыжицкого и А.Н. Щеглова по оценке населения Боспора в эллинистическое время подразумевают, что на долю Тиритаки приходилось максимум 1350 человек [*Крижицький, Щеглов* 1991, прим. 30], оценка С.Л. Смекалова для римского (?) времени дает для Тиритаки с округой 1063 жителя [*Смекалов* 2009, табл. 1]. Указанного выше земельного фонда должно было хватить для пропитания порядка 2.5 тыс. человек[12], т. е. он вполне обеспечивал продовольственную независимость города.

Землеустройство, которое в одинаковом виде наблюдается на снимках на обоих берегах Керченского пролива, предполагает единую хронологию. Ориентироваться при этом следует на даты землеустройства Таманского полуострова, которое служит стандартом рассматриваемого межевания. Эти даты основываются на общих рассуждениях и косвенных свидетельствах[13]. Для Тамани, в значительной мере изученной разведками, объективный анализ хронологии межевания может опираться на гипотезу (разумеется, не бесспорную и не универсальную) о синхронности развития межевых и поселенческих систем. При таком подходе отслеживание размеров поселенческой системы позволяет выделять важные временные отметки.

Первая такая отметка указывает на конец VI – вторую четверть V в. до н. э., когда число ранних поселений достигло 85 [*Завойкин* 2013, 238, 240]. Вторая отметка связана с кризисом I в. до н. э. и соответствующим запустением сельской территории, число поселений в этот момент падает до 45 [*Гарбузов, Завойкин* 2015, рис. 2]. Катастрофу, которая произошла с сельской территорией в I в. до н. э., легко оценить при сравнении указанного числа поселений с числом поселений в предшествующие века: 174 (IV – начало III в. до н. э.) и 155 (III–II вв. до н. э.) [*Гарбузов, Завойкин* 2012, табл. 1; 2015, рис. 2][14]. То, что именно I до н. э. формально обозначает конец эпохи таманского межевания, доказывает ситуация с межеванием у таманских укреплений-батареек, которое фактически в момент появления укреплений уже представляло собой культурный реликт (см. выше о батарейках и дорогах)[15].

---

[12] Предполагается трехпольный севооборот, средняя урожайность 6 ц/га (чистый сбор около 5 ц/га) [*Гарбузов* 2018, 19] и доля зерновых в диете 75% с душевым потреблением пшеницы 212–237 кг/год [*Foxhall, Forbes* 1982, 71–72]. С учетом качества земель у Тиритаки и относительно большого, по сравнению с остальным Восточным Крымом, количества осадков в районе Керчи [*Олиферов* 1970, рис. 2], принятый уровень урожайности в действительности было бы справедливо увеличить. Достаточно дискуссионным является и вопрос о структуре диеты местных жителей.

[13] Прямые датировки межевания отсутствуют, так как полноценных археологических исследований таманского межевания никогда не проводилось. Отсутствие таких исследований при наличии тысяч гектаров размежеванных земель (только на северо-западе Таманского полуострова хорошо заметные на снимках межевые признаки имеют суммарную протяженность более 1200 км) служит едва ли не главной особенностью таманского межевания.

[14] Все цифры, касающиеся числа поселений, могут и должны изменяться со временем с учетом новых данных. В нашем случае важны не конкретные величины, а их изменения от этапа к этапу. Выборка известных поселений на Тамани уже давно достаточно представительна, и указанная изменчивость числа поселений в целом адекватно отражает подлинные соотношения.

[15] На снимках Таманского полуострова видны локальные перепланировки/обновления межевания, которые можно связывать, в том числе, и с римским временем. Не исключено, что подобные работы предполагались в датируемой серединой II н. э. надписи из Фанагории (КБН 976). Но все же в римскую эпоху на Тамани, несмотря на определенное восстановление поселенческой системы в первые века н. э., более вероятным было бы инерционное использование доставшегося в наследство культурного ландшафта.

Таким образом, появление первых размежеванных земель на Таманском полуострове вполне вероятно уже в конце VI – начале V в. до н. э. Переход к интенсивному межеванию произошел, скорее всего, позже. В середине – второй половине V в. до н. э. на сельской территории Таманского полуострова отмечаются признаки относительно непродолжительного кризиса, во время которого число сельских поселений уменьшается до 47 [*Завойкин* 2013, 238, 240]. Поэтому настоящий рост межевой активности разумнее всего связать с концом V в. до н. э., а то итоговое межевание, которое фиксируется на снимках, отнести к периоду IV–II вв. до н. э.

Однако и период IV–II вв. до н. э. неоднороден. В его пределах есть отметка (рубеж первой – второй четверти III в. до н. э.), отделяющая друг от друга довольно контрастные отрезки. В течение первого (IV – начало III в. до н. э.) фиксируется максимальное развитие поселенческой системы Таманского полуострова, на Боспоре происходит экономический подъем, основным стимулом к которому был, судя по всему, вывоз зерна в Грецию. Второй отрезок начинается на Боспоре с денежного кризиса, после первой четверти III в. до н. э. уже нет свидетельств о боспорском хлебном экспорте. Археологические материалы говорят о резком падении импорта, поселенческая система Таманского полуострова хотя и сохраняет прежнюю структуру, сокращается вполне ощутимо [*Гарбузов, Завойкин* 2014, 196–198, 200–203, рис. 2, 3].

Все это позволяет прийти к не слишком оригинальному заключению, что фаза активной межевой деятельности, приведшая к наблюдаемому на снимках межеванию, относится, если и не полностью, то в основном к отрезку IV – начало III в. до н. э., обозначающему время экономического расцвета Боспора. Предполагаемое совпадение активного землеустройства с периодом боспорской хлебной торговли заставляет думать о связи межевания таманского типа с товарным земледелием. Развитию таких представлений мешает тот факт, что на данный момент не во всех предполагаемых районах боспорского товарного земледелия рассматриваемое землеустройство выявлено в достаточных масштабах. В Анапском регионе (Синдике) обновленная коллекция снимков дает возможность выделить, и то без полной уверенности, лишь одну сильно фрагментированную межевую систему[16]. Важным примером служит округа Феодосии, где бесспорных следов «таманского» межевания пока вообще не найдено[17].

При работе над обзором 2008 г. казалось несомненным, что межевание таманского или ольвийского типа может быть встречено только на греческой сельской территории. Имевшиеся тогда данные такому простому принципу не противоречили. Затем межевание, похожее на греческое, было обнаружено на явно негреческих территориях. В этой связи было бы правильнее определить таманское и близкое к нему ольвийское межевание как маркер греческой или варварской античной сельской территории, находившейся под влиянием аграрной традиции особого типа, при этом сама эта тради-

[16] Е. М. Алексеева предполагала, что в IV в. до н. э. была размежевана вся сельская территория вокруг Горгиппии на расстоянии до 10–25 км от города [*Алексеева* 1997, 151].

[17] Район земледельческого освоения представляет собой Танаис с округой. Спутниковых данных для этого места много, кроме того, автор в свое время просмотрел для округи Танаиса большое число архивных аэрофотоснимков. Ни на одном аэро- или космоснимке следов межевания заметить не удалось. Здесь надо учитывать, что Танаис был основан боспорскими греками в первой четверти III в. до н. э., когда хлебный экспорт иссякал и, как мы предполагаем, межевание стало не актуально.

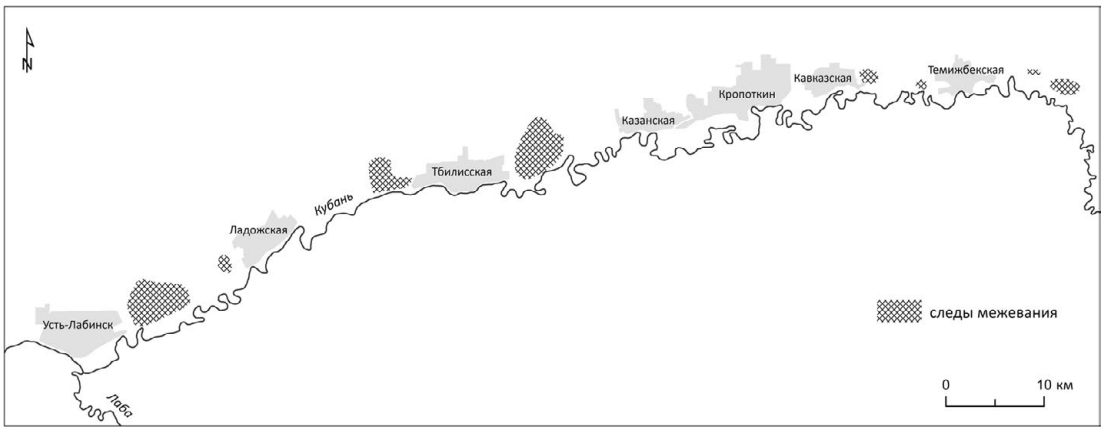


Рис. 5. Территории со следами межевания в районе Средней Кубани

ция коренилась в греческом земледелии. Примером варварской сельской территории, обустроенной на своеобразно интерпретированный «греческий» манер, служит вторая рассматриваемая нами область[18].

Межевание на Средней Кубани затрагивает полосу земли, протянувшуюся вдоль правого берега Кубани приблизительно на 110 км. Она удалена от Таманского полуострова на расстояние от 200 до 300 км по прямой, считая от Усть-Лабинска на западе и от ст-цы Темижбекской на востоке (в районе последней Н. В. Анфимов помещал восточную границу распространения меотских племен [*Анфимов* 1981]). На этой территории расположено множество меотских городищ[19]. В общей сложности на правом берегу Кубани наблюдается не менее 8 участков со следами межевания[20]. Ситуационный план выявленного межевания представлен на рис. 5.

Можно быть уверенным, что межевание на правобережье Средней Кубани занимало значительные площади. Например, к востоку от ст-цы Тбилисская в ближайшей округе меотских городищ Тбилисское 3, 11, 12, 17 и Казанское 1 (см. схему расположения городищ [*Гарбузов* 2016, рис. 2]) следы межевания на космических снимках позволяют говорить о более чем 2100 га размежеванной земли, причем межевание обнаруживается на расстоянии до 5 км от городищ в сторону степи[21]. Размежеванные земли на приблизительно такой же площади выявлены в ближайшей округе городищ Усть-Лабинское 5, 6,

[18] Есть еще один пример размежеванной варварской территории, причем с точки зрения характеристик межевания эта территория, в отличие от случая Средней Кубани, очень похожа на территорию, освоенную греками. Пример связан с районом Нижнего Поднепровья, далее на него будут ссылки общего плана, подробно нижнеднепровское межевание рассматривается в отдельной статье.

[19] На протяжении 70 км от Усть-Лабинска до ст-цы Казанской насчитывается 49 городищ, что дает в среднем менее 1.5 км между центрами памятников [*Гарбузов* 2016, 37, рис. 2]. Сходная картина наблюдается и далее к востоку: «городища по правобережью идут сплошной цепью до станицы Темижбекской» [*Каменецкий* 1989, 244].

[20] Следы межевания выявлены по снимкам только на правобережье Кубани. Вблизи городищ, расположенных на левом коренном берегу долины Кубани и на реках Лаба и Зеленчук 2-й, следов межевания пока не обнаружено.

[21] Приблизительно в 1000 га можно оценить видимое межевание вблизи городищ Тбилисское 6–10, 13 к западу от ст-цы Тбилисской.

Спорное, Ладожское 4, Дружба 1–5 к востоку от Усть-Лабинска, следы межевания прослеживаются здесь на удалении до 4 км от городищ в северном направлении. При этом понятно, что все выявленное на данный момент межевание суммарной площадью около 6200 га представляет собой только часть того землеустройства, которое существовало на Средней Кубани.

Местное межевание, которое ввиду бросающейся в глаза согласованности с расположением меотских городищ правильно называть меотским, по внешнему облику межей на снимках (широкие светлые полосы) похоже на таманское межевание. Своеобразие меотскому межеванию придает большое число пространственных структур, не встречающихся в столь откровенном виде ни на Тамани, ни в округе Ольвии. Их специфика заключается в полной иррегулярности, т.е. они не следуют никакому плану, а форма и размеры участков меняются беспорядочно[22].

Лучший по степени выраженности на снимках образец иррегулярной меотской системы землеустройства обнаруживается рядом с городищами Тбилисское 11 и Тбилисское 12 к востоку от ст-цы Тбилисской [*Гарбузов* 2016, рис. 3]. В расширенном виде это межевание показано на рис. 6. *1*, его суммарная площадь в пределах рисунка около 230 га. Связные фрагменты межевания такого же облика наблюдаются и в других местах, часть из них приведена на рис. 6. *2*; 7. Землеустройство подобной топологии вне Средней Кубани практически не встречается, во всем Северном Причерноморье его аналог выявлен нами в виде одной-единственной межевой системы в районе Нижнего Поднепровья. Сходство этой системы с меотскими образцами действительно велико, но нужно сказать, что для Нижнего Поднепровья такая разновидность межевания является нетипичной. Межевание здесь представляет собой, в основном, вариации на тему ольвийского полосчатого землеустройства.

Сходство таманского и меотского межеваний позволяет говорить о влиянии греческого землеустройства на меотское. Не исключено, что это влияние ограничивалось простым подражанием формальным приемам, например, копированием конструкций межей и методов их возведения. Причины, вызвавшие появление межевания на греческих землях, могли быть несущественны для меотов. Возможно, с этим связано преобладание на Средней Кубани полностью иррегулярного межевания, хотя оценить действительную долю той или иной пространственной схемы в меотском межевании сейчас трудно. О хронологии меотского межевания судить приходится, исходя из предельно общих соображений. В нашей статье 2016 г. дата появления меотского межевания была сопоставлена с временем максимального расширения таманского землеустройства и отнесена к периоду IV–III вв. до н. э. [*Гарбузов* 2016, 38–39]. Там же была высказана мысль о возможном наличии некоторого временного лага у меотского межевания по сравне-

[22] В таманском и ольвийском межевании при желании почти всегда можно восстановить ту или иную схему деления земли. Например, в округе Ольвии преобладала полосчатая схема, в которой земля предварительно нарезалась на параллельные межевые полосы, а затем эти полосы разбивали на участки, на Тамани больше квазирешетчатых и радиально-концентрических схем. На наш взгляд, неправильность таманско-ольвийского межевания во многом обусловлена не отсутствием планирования как такового, а небрежностью (иногда крайней небрежностью) в реализации умозрительных идей. Вероятным объяснением здесь служит не только нехватка навыков межевания, но и совершенно очевидная малая значимость правильности межевания для самих земледельцев.

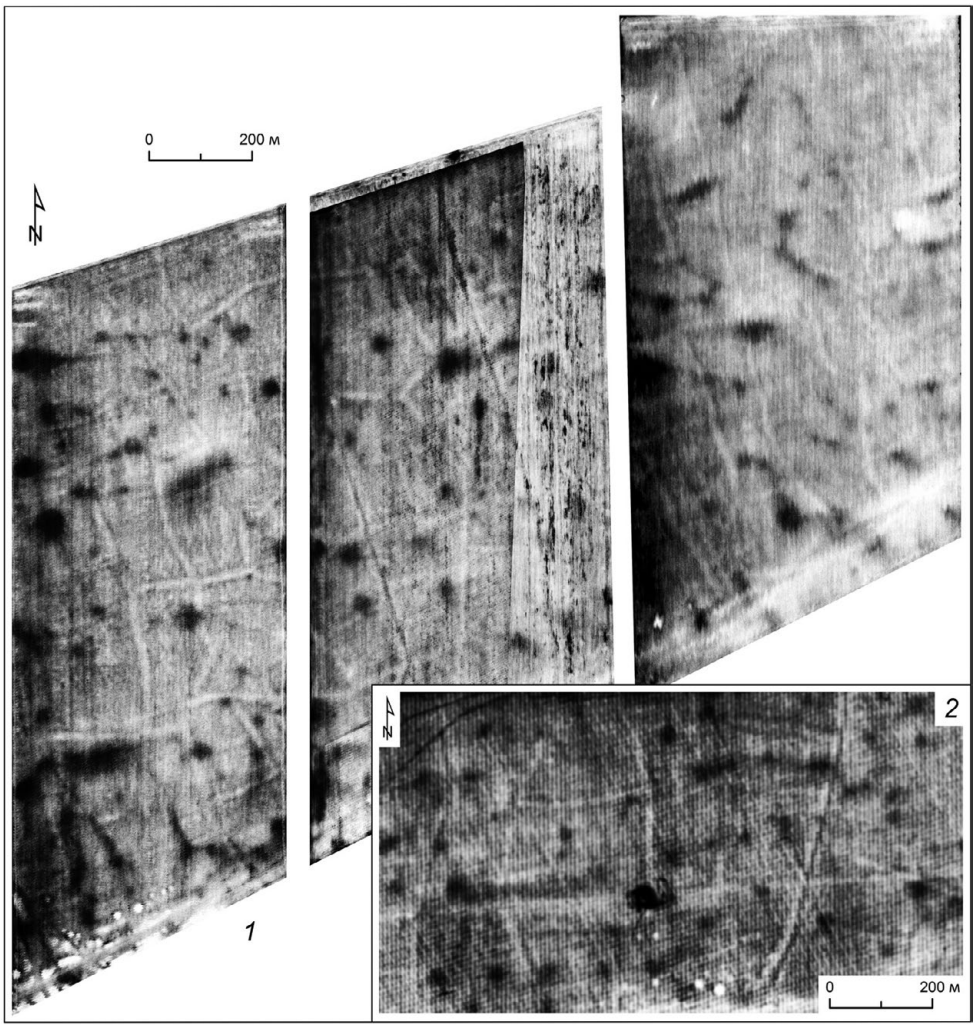


Рис. 6. Следы межевания, заметные на снимках
к востоку (*1*) и западу (*2*) от ст-цы Тбилисской.
1: [45.376326/40.296661; 08.16.2013GEMT+09.12.2016GEMT+04.27.2018GEMT];
2: [45.357954/40.105827; 05.12.2007GEMT]

нию с таманским. Такой лаг был бы неудивителен, учитывая предположение о подражательном характере меотских межевых систем.

Область, где потенциально может быть встречено меотское межевание, занимает около 70 тыс. га, что сопоставимо с прогнозируемой площадью межевания на Таманском полуострове. Была ли эта территория сплошь размежевана, ответить однозначно на основании имеющейся в Гугл Земля информации сложно[23]. Признаки межевания видны на снимках не слишком внятно, и коллекция снимков не так обширна, как

[23] Около четверти потенциальной зоны межевания сейчас занимают населенные пункты, промзоны, дороги и другие объекты.

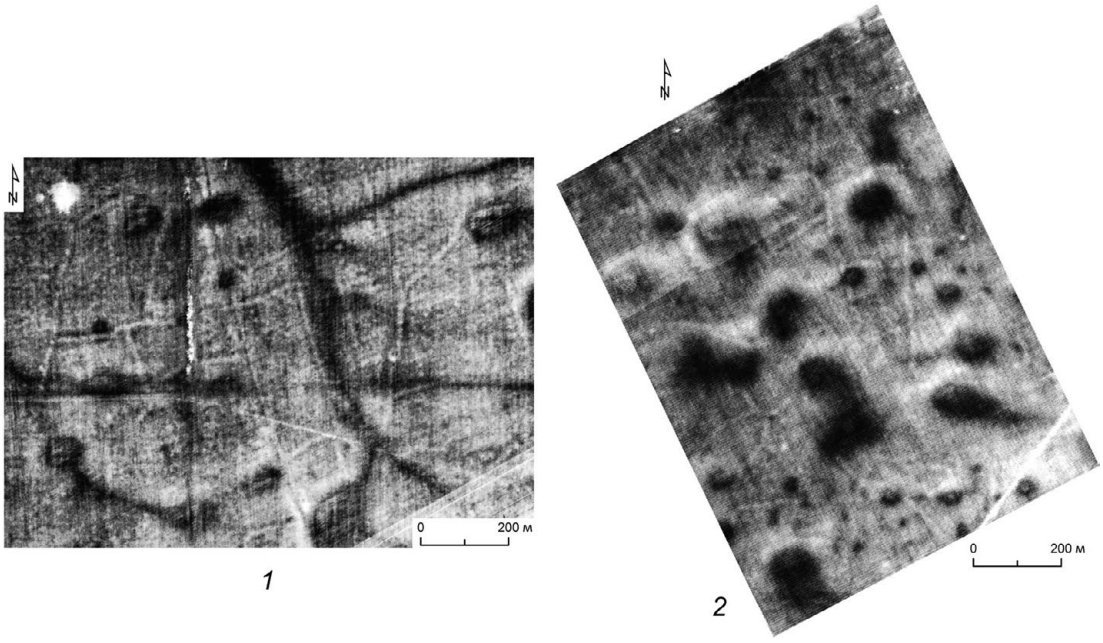


Рис. 7. Следы межевания, заметные на снимках к востоку от Усть-Лабинска.
1: [45.262749/39.772293; 10.03.2007GEMT];
2: [45.258639/39.802134; 08.26.2019GEMT]

хотелось бы, особенно с точки зрения съемок, благоприятных для выявления межевания. Есть вероятность, что на видимость межевых признаков на снимках влияет тип почв и климатические условия. По крайней мере, все те районы и локации, где в Северном Причерноморье на снимках выявлено межевание таманско-ольвийского типа (Истрия, Никоний, Ольвия, Нижнее Поднепровье, восток Керченского и Таманский полуостров), относятся к засушливым или очень засушливым территориям с обобщенной оценкой среднегодового количества осадков в интервале 325–425 мм [*Бабиченко*, *Гук* 1967, рис. 45][24]. В этом смысле район Средней Кубани стоит особняком. Осадков в среднем за год в его наиболее увлажненной западной половине выпадает в полтора раза больше, чем на Тамани (годовая сумма осадков для территории от Усть-Лабинска до ст-цы Тбилисской превышает 600 мм [*Почвенно-экологический атлас* 1999, 6]).

Влияние почвенно-климатических условий Средней Кубани на сохранность межевых признаков имеет гипотетический характер. Однако эти условия вполне определенно говорят о природном земледельческом потенциале Средней Кубани, который превышает таковой у любой области Боспора. Первейшие таманские черноземы, доля которых в общем земельном фонде Тамани не так велика, имеют природное плодородие заметно меньшее, чем те черноземы[25], с которыми связано меотское межевание.

[24] Приводим подборку данных из разных источников для различных метеопунктов: Сулина (дельта Дуная) 365–382 мм, Белгород-Днестровский 463 мм, Очаков 353–463 мм, Скадовск 321 мм, Керчь 412–434 мм, Тамань 416–436 мм [*Агроклиматический справочник* 1961, табл. 16; *Аксенов* 1962, табл. 71; *Соркина* 1974, табл. 93, 94; *Барабаш* 1982, табл. 5.3.1; *Кудрявцева* 1991, табл. 7.1; *Белюченко* 2005, 24].

[25] Черноземы типичные слабогумусные сверхмощные среднесуглинистые [*Почвенно-экологический атлас* 1999, 11].

Средний бонитет пашни по урожайности пшеницы для Усть-Лабинского района на треть выше, чем соответствующий средний бонитет Темрюкского района [*Почвенно-экологический атлас* 1999, 32]. Учитывая большое количество осадков, область Средней Кубани обеспечивает лучшие возможности для земледелия по сравнению и с Таманью, и с Керченским полуостровом.

Были ли возделываемые земли меотов предназначены исключительно для обеспечения себя продовольственным зерном, вопрос непростой, ответ на него зависит от знания некоторых ключевых параметров. Главным из них является численность местного населения. И. С. Каменецкий оценивал для рубежа II–III вв. н. э. число жителей только двух западных групп городищ (Усть-Лабинской и частично Ладожской) на правом берегу Средней Кубани приблизительно в 100 тыс. человек [*Каменецкий* 1989, 244; *Каменецкий, Романова* 2011, 56]. Предполагаемых в максимуме 70 тыс. га обрабатываемой территории, т. е. 35 тыс. га ежегодных посевов при двуполье, было достаточно для обеспечения зерном 100 тыс. человек, а при некоторых разумных допущениях зерна было бы достаточно и для большей численности населения. Если же принять, что число жителей правобережья не достигало указанной цифры, особенно в более раннее время, то при наличии значительных посевных площадей и с учетом высокой природной продуктивности местных почв меотское земледелие давало бы весомые излишки зерна.

Здесь нельзя не вспомнить о распространенной теории, согласно которой меотское земледелие служило важным источником зерна для Боспора. В принципе, судя по ресурсной базе, это вполне возможно. Зерно могло поступать на Боспор в ходе обычной торговли[26], другим (или сопутствующим) вариантом служит получение зерна в виде подати [*Кузнецов* 2000, 115]. Если меотское зерно поступало на Боспор, то при

[26] Вероятнее всего, в такой торговле доминировал прямой обмен товарами. В пару к зерну для меновых операций хорошо подходит соль, которой много в соляных озерах Крыма, Тамани и дельты Кубани. О добыче соли в округе Ольвии с целью продажи ее варварам пишет Дион Хрисостом (XXXVI. 3) (здешняя соль упоминается у Геродота (IV. 53. 2)). Примером соляного озера, которое являлось потенциальным источником соли и в античности, служит озеро Соленое у Кизилташского лимана на Тамани, отделенное пересыпью от моря уже во II тыс. до н. э. [*Измайлов* 2005, рис. 62–64]. В дореволюционное время в озере добывалось в среднем 1 тыс. тонн соли в год [*Зенин* 1957, 56]. Обмен соли на зерно при монополии Боспора на соль фактически принуждал бы меотов поставлять на Боспор заметные объемы зерна. То, что речь должна идти именно о заметных объемах, можно показать грубыми приблизительными расчетами, полезными с точки зрения понимания порядков величин. Соль была необходима не только для приготовления пищи, но и в качестве добавки в корм для животных, а также в различных ремеслах, например, для консервации шкур. В Кавказском уезде Кубанской области, который может отчасти моделировать рассматриваемый район Средней Кубани, в конце 1870-х – начале 1880-х годов проживало около 175 тыс. человек, на которых приходилось 31 тыс. лошадей, 194 тыс. КРС и 620 тыс. овец [*Фелицын* 1880, отд. III, 90; 1885], т. е. 0.18, 1.11 и 3.54 головы животного на 1 человека соответственно. Предположив меотское население на Средней Кубани в 50 тыс. человек, получим по аналогии местное стадо в 9 тыс. лошадей, 56 тыс. КРС и 177 тыс. овец. Потребление соли человеком можно взять из рекомендаций Катона для годового рациона раба (Agr. 58): 1 модий (8.74 л) соли в год (9.6 кг для самосадочной крупнозернистой соли объемной плотностью 1.1 кг/л). В популярном российском издании XIX в. предлагалась следующая дача соли на одно животное: лошадь до 4.67 кг/год, КРС до 4.1 кг/год, овца до 1.23 кг/год [*Людоговский и др.* 1876, 340]. Таким образом, суммарная годовая потребность в соли для района Средней Кубани в соответствии с нашей моделью составила бы почти 1 тыс. тонн. Надо понимать, что это минимальная цифра, так как вряд ли меоты питались по нормам римских рабов, кроме того, выбранное нами практически случайно количество скота на одного жителя могло быть в реальности больше по всей номенклатуре животных, особенно в части лошадей (нужды ремесла здесь не рассмотрены вообще). В начале XIX в. черноморские казаки на меновых пунктах обменивали у черкесов 1 меру соли на 3–4 меры пшеницы [*Сумароков* 1805, 139]. По такому обменному курсу соль гарантировала бы ежегодные поставки на Боспор до 4 тыс. тонн меотского зерна (т. е. до 100 тыс. медимнов пшеницы).

описании взаимодействия двух земледельческих районов надо учитывать некоторые не самые очевидные моменты. Как уже отмечено, относительно небольшая дистанция от Тамани до Средней Кубани на деле разделяла два района с радикально отличающимися условиями земледелия[27]. Это предполагает, что значение Средней Кубани могло быть связано, помимо всего прочего (или прежде всего), с разной цикличностью урожайности в каждом из районов.

Важность указанного обстоятельства иллюстрируется материалами российской дореволюционной сельскохозяйственной статистики по Кубанской области. Нами использована информация об урожайности из справочников, изданных в 1874–1916 гг.[28] Учтенная выборка включает 31 сезон в период 1872–1915 гг., на ее основе проведено сравнение урожайности зерновых[29] в Темрюкском/Таманском уезде/отделе, включавшем Таманский полуостров, и в Кавказском уезде/отделе, данные по которому использовались для описания ситуации с урожайностью на Средней Кубани[30].

Анализ показывает, что в половине выборки урожайность на условной Средней Кубани была выше, чем на условной Тамани, причем в 9–10 случаях (около 30% выборки) она была сильно выше: 5 случаев с превышением в полтора раза и более, в одном случае разница была почти двукратной. В трети нашей выборки урожайности в двух районах отличались незначительно, и в 5–6 случаях урожайность на Тамани превосходила среднекубанскую[31]. Из обзора статистики следуют два вывода. Во-первых, доказывается, что район Средней Кубани в условиях традиционного (до-индустриального) земледелия в целом благоприятнее для выращивания зерновых, чем Тамань. Во-вторых, что важно для понимания роли Средней Кубани в региональном производстве зерна в античности, при наличии нескольких производящих районов появляется возможность компенсировать недобор зерна при неурожае в одном районе за счет повышенного урожая в другом[32]. Даже при небольших площадях посевов излишки урожая на плодородных землях меотов помогли бы не только увеличить суммарные сборы зерна на Боспоре, но и сделать эти сборы более предсказуемыми.

В рассматриваемом сюжете с двумя областями межевания – у Керченского пролива и на Средней Кубани – есть одна деталь. Обе области фактически привязаны к одной

[27] Переходная зона, отделяющая засушливые земли исторического Боспора (Керченский полуостров и Тамань с Анапским регионом) от более увлажненных областей Прикубанья, достаточно узкая и проходит сразу к востоку от Анапы. В этом легко убедиться, сравнив годовые осадки в Анапе (417 мм) и Темрюке (436 мм) с показателями для Славянска-на-Кубани (558 мм) и Крымска (628 мм) [*Агроклиматический справочник* 1961, табл. 16].

[28] Учтены доступные автору издания Памятных книжек Кубанской области, Кубанских справочных книг, Кубанского календаря и Отчеты Начальника Кубанской области и Наказного атамана Кубанского казачьего войска.

[29] Урожайности определялись в т. н. самах (отношение объема собранного к объему посеянного зерна) и, в зависимости от источника, относились либо к сумме всех вообще хлебов, либо рассчитывались для основных зерновых (оз. и яр. пшеница, ячмень).

[30] До 1876 г., когда был создан Кавказский уезд, таким условным аналогом можно считать Екатеринодарский уезд.

[31] Все примеры значительно большей урожайности на Тамани по сравнению со Средней Кубанью относятся к 1870-м годам. С начала 1880-х годов, когда посевные площади значительно выросли и статистика стала меньше зависеть от случайного разброса данных, примеров сколько-нибудь заметного превышения урожайности на Тамани над урожайностью на Средней Кубани не наблюдается.

[32] Этот механизм снижения рисков наиболее эффективен при одновременном возделывании и озимых, и яровых культур [*Гарбузов* 2018, 16–17].

и той же реке: земли со следами межевания у пролива можно отнести к дельтовой зоне Кубани (Таманский полуостров прямо относится к дельте Кубани), межевание на Средней Кубани протянулось вдоль реки выше по ее течению. В каком-то смысле река служит скрепляющим элементом возможного греко-варварского хозяйственного альянса. Такая структура могла бы считаться случайной, если бы не наблюдалась точно такая же ситуация с округой Ольвии и районом межевания в Нижнем Поднепровье, где объединяющим структурным элементом служит Днепр.

Объединяющее значение рек наверняка было не просто символическим и они, скорее всего, служили для транспортировки товаров. В отличие от Днепра, где, судя по тексту Геродота (IV. 18, 53), уже в V в. до н. э. подразумевается какое-то судоходство[33], для Кубани подобных сведений нет и для нее можно говорить только о потенциальных возможностях. Возможности кубанского судоходства показываются дореволюционной практикой. Река считалась пригодной для плавания вплоть до ст-цы Темижбекской [*Живило* 1909, 6, 11]. Вверх от Темрюка поднимались, помимо пароходов, грузовые баржи, буксируемые животными. Таких барж на Кубани в 1893 г. было 115 единиц с общей грузоподъемностью 500 тыс. пудов (8.2 тыс. тонн или, для сравнения, более 200 тыс. медимнов пшеницы) [*Живило* 1909, 7][34]. Описан случай, когда от Екатеринодара вверх по реке в район Средней Кубани на подобной барже было доставлено 3 тыс. пудов (49 тонн) соли, на обратном пути вывезли 4.5 тыс. пудов (74 тонны) макухи; баржу тянули 4 лошади, отрезок пути до Усть-Лабинска занял 3 дня, обратно он же был пройден за 1 день [*Живило* 1909, 6]. Протяженность указанного отрезка, измеренная по реке, составляла около 98 км [*Лебедев* 1892, 83], т. е. скорость движения вверх по течению была где-то 33 км в день, вниз по течению почти 100 км в день[35]. Соответственно, от Таманского полуострова до зоны межевания на Средней Кубани баржа прошла бы за 9–10 дней плавания (от впадения Кубани в Азовское море до устья Лабы было 308 км водного пути [*Лебедев* 1892, 83]), обратный путь занял бы около 3 дней.

Предположить торговое судоходство на Кубани в античное время можно, но только без каких-либо доказательств, с другой стороны, слишком большой фантазией это также не будет. Например, в римскую эпоху плоскодонные речные баржи в пределах Империи были широко распространены, их остатки засвидетельствованы археологически в бассейнах Роны, Рейна и Дуная. Точно известно, что иногда баржи использовались для перевозки больших масс зерна. В низовьях Рейна обнаружена баржа II в. н. э. длиной ориентировочно 24 м, шириной до 3 м и с бортами высотой около 1 м, вместе с ней найден груз обмолоченной и провеянной пшеницы двузернянки, предполагаемая толщина зернового слоя в барже была не менее 0.7 м [*Haalebos* 1986; *Pals, Hakbijl*

[33] Для региона Северо-Западного Причерноморья существует свидетельство существования греческих маломерных судов. В найденном при раскопках в Никонии частном письме второй половины IV – начала III в. до н. э. говорится о перевозке груза на лодке-долбленке, причем вероятно, что лодка была задействована в транспортировке зерна, так как в письме упоминается 9 медимнов ячменя (такое количество зерна весило бы около 300 кг) [*Awianowicz* 2011].

[34] П. И. Сумароков пишет, что на казачьи меновые пункты черкесы привозили зерно на «больших лодках» [*Сумароков* 1805, 139].

[35] Дневной переход, который подразумевается у Геродота при упоминании дня плавания вверх по реке, оценивается разными комментаторами в пределах от 24 до 37 км [*Доватур и др.* 1982, 236–237].

1992]. Такое судно на Кубани в римское время вполне представимо: его конструкция была несложной, а Кубань для плаваний не труднее, чем та же Рона.

В какой степени организация хозяйственного сосуществования греков и варваров, предполагаемая на Кубани и Днепре, применима ко всем тем рекам Северного Причерноморья, у которых в устьях были очаги греческой колонизации, сказать трудно. Если ориентироваться на наличие размежеванных территорий, подразумевающее сосуществование в рамках схожей культуры земледелия, то пока все ограничивается примерами Кубани и Днепра.

Список литературы

А*гроклиматический справочник* 1961. Агроклиматический справочник по Краснодарскому краю. Краснодар, 467.

Аксенов А. А. 1962. Гидрометеорологический справочник Азовского моря. Л., 856.

Алексеева Е. М. 1997. Античный город Горгиппия. М., 560.

Анфимов Н. В. 1981. К вопросу о восточной границе распространения меотских племен // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1981, 60–79.

Б*абиченко* В. Н., *Гук* Н. И. 1967. Осадки // Климат Украины. Л., 200–234.

Барабаш М. Б. 1982. Атмосферные осадки // Климат и опасные гидрометеорологические явления Крыма. Л., 97–121.

Белюченко И. С. 2005. Экология Кубани (часть I). Краснодар, 513.

Быковская Н. В., *Смекалова* Т. Н. 2019. Следы ортогонального размежевания в Восточном и Северо-Западном Крыму: античность или XIX век? // ПИФК. 1, 126–139.

Г*арбузов* Г. П. 2006. Древнее землеустройство нелинейного типа и характеристики современного ландшафта Таманского полуострова // ДБ. 9, 36–66.

Гарбузов Г. П. 2008. Новые возможности сравнительного анализа региональных систем античного землеустройства // ДБ. 12/1, 148–161.

Гарбузов Г. П. 2016. Следы землеустройства в округе меотских поселений на Средней Кубани // Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона: материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 70-летнему юбилею Б. А. Раева (Кагальник, 20–21 октября 2016 г.). Ростов-на-Дону, 33–43.

Гарбузов Г. П. 2018. К оценке урожайности зерновых на античном Боспоре // ПИФК. 1, 12–23.

Гарбузов Г. П. 2020. Лощинный вариант дорог Таманского полуострова // ДБ. 25, 57–76.

Гарбузов Г. П., *Завойкин* А. А. 2012. Сельская территория центров Азиатского Боспора в период автономии (вторая половина VI–V вв. до н. э.) и в составе державы Спартокидов (IV – начало III в. до н. э.) // ДБ. 16, 114–149.

Гарбузов Г. П., *Завойкин* А. А. 2014. Сельская территория Таманского полуострова в период поздних Спартокидов // БИ. 30, 190–228.

Гарбузов Г. П., *Завойкин* А. А. 2015. Сельская территория Таманского полуострова после Спартокидов // ДБ. 19, 94–134.

Горлов Ю. В., *Лопанов* Ю. А. 1995. Древнейшая система мелиорации на Таманском полуострове // ВДИ. 3, 121–137.

Д*оватур* А. И., *Каллистов* Д. П., *Шишова* И. А. 1982. Народы нашей страны в «Истории» Геродота: тексты, перевод, комментарий. М., 455.

Е*рмолин* А. Л. 2005. Охранные раскопки на территории г. Керчи при прокладке трассы газопровода ГРС (Второй Змеиный курган) – ТЭЦ (Тиритака) // ДБ. 8, 171–183.

Ермолин А. Л. 2010. О датировке земляных оборонительных сооружений Боспора // ДБ. 14, 130–161.

Ермолин А. Л. 2012. Вновь выявленные древние земляные оборонительные сооружения Восточного Крыма (по материалам археологических разведок) // Научные ведомости БГУ. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 1 (21), 25–33.

Ж*ивило* К. Т. 1909. Судоходство по реке Кубани // Сборник сведений о Северном Кавказе. II. Ставрополь-Кавказский, 1–18.

З*авойкин* А. А. 2013. Образование Боспорского государства. Археология и хронология становления державы Спартокидов (БИ. Suppl. 10). Керчь–Симферополь, 592.

Зенин Г. Н. 1957. Полезные ископаемые Таманского полуострова // Ученые записки Краснодарского гос. пединститута. XIX. Естественно-географический факультет. Краснодар, 51–59.

Зинько В. Н. 2012. К вопросу о населении позднеархаической Тиритаки // БИ. 26, 3–21.

И*змайлов* Я. А. 2005. Эволюционная география побережий Азовского и Черного морей. Кн. 1. Анапская пересыпь. Сочи, 174.

К*аменецкий* И. С. 1989. Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н. э. – III в. н. э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М., 224–251.

Каменецкий И. С., *Романова* Г. П. 2011. Последствия обмеров меотских городищ // Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья. Опыт методики российских и украинских полевых исследований (Методика полевых археологических исследований. 4). М., 40–70.

Крижицький С. Д., *Щеглов* О. М. 1991. Про зерновий потенціал античних держав Північного Причорномор'я // Археологія. 1, 46–56.

Кудрявцева Г. Ф. 1991. Атмосферные осадки и снежный покров // Гидрометеорология и гидрохимия морей СССР. IV. Черное море. 1. Гидрометеорологические условия. СПб, 76–81.

Кузнецов В. Д. 2000. Афины и Боспор: хлебная торговля // РА. 1, 107–120.

Л*ебедев* Л. Е. 1892. Перечень внутренних водных путей Европейской России. СПб, 257.

Людоговский А. П., *Чернопятов* И. Н., *Стебут* И. А., *Фадеев* А. А. 1876. Настольная книга для русских сельских хозяев. II. СПб, 674.

М*асленников* А. А. 2003. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. Тула, 279.

Н*иколаева* Э. Я. 1981. Поселение у д. Ильич // КСИА. 168, 88–93.
О*лиферов* А. Н. 1970. Климат // Гидрогеология СССР. VIII. Крым. М., 20–23.
П*аромов* Я. М. 2000. О земельных наделах античного времени на Таманском полуострове // Археологические вести. 7, 309–319.
Почвенно-экологический атлас 1999. Почвенно-экологический атлас Краснодарского края. Краснодар, 41.
С*мекалов* С. Л. 2009. Оценки численности населения Европейского Боспора (введение в тему) // ДБ. 13, 348–358.
Соркина А. И. 1974. Справочник по климату Черного моря. М., 406.
Сумароков П. И. 1805. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. II. СПб, 244.
Ф*елицын* Е. Д. 1880. Памятная книжка Кубанской области на 1880 год // Екатеринодар, 639.
Фелицын Е. Д. 1885. Кубанская область. Списки населенных мест по сведениям 1882 года. Сборник сведений о Кавказе. 8. Тифлис, 735.
Awianowicz B. 2011. A New Hellenistic Ostracon from Nikonion // ZPE. 178, 237–239.
F*oxhall* L., *Forbes* H. A. 1982. Sitometreia: The Role of Grain as a Staple Food in Classical Antiquity // Chiron. 12, 41–90.
H*aalebos*, J. K. 1986. Ausgrabungen in Woerden, 1975–1982 // Studien zu den Militärgrenzen Roms III. 13. Internationaler Limeskongreß Aalen 1983, Vorträge. Hrsg. Landesdenkmalamt Baden-Württemberg, Archäologische Denkmalpflege. Forschungen und Berichte zur Vor- und Frühgeschichte in Baden-Württemberg. Bd. 20. Stuttgart, 169–174.
P*als* J. P., *Hakbijl* T. 1992. Weed and insect infestation of a grain cargo in a ship at the Roman fort of Laurium in Woerden (Province of Zuid-Holland) // Review of Palaeobotany and Palynology. 73/1–4, 287–300.

Summary

G. P. Garbuzov
«Taman» land division in the European Bosporus and the Middle Kuban area

The article presents evidence of land division systems of a specific Taman type near the Greek polises of the European Bosporus and Meotian settlements in the Middle Kuban area. The land division on the European Bosporus is identical to that on the Taman Peninsula, forming a unified cultural and chronological land division zone. The peak period of land division in this zone was likely associated with the prosperity of the Bosporan rural territory in

the 4th and early 3rd centuries BC, when land division was probable a necessary aspect of Bosporan agriculture during the grain trade. The Meotian land division was found along the entire chain of Meotian settlements on the right bank of the Middle Kuban. Its overall extent is still difficult to accurately determine. The Meotian land division is characterized by its irregularity, possibly indicating a formal imitation of Greek technology. The date of Meotian land division may be similar to that of land division on the Taman Peninsula, but there could be a delay in its spread compared to the Greek land division. Meotian agriculture likely played a role in stabilizing Bosporan grain production in the region's variable climatic conditions.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-437-1.141-155

Т. В. Егорова
(МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва)

К вопросу об определении производственных центров импортной чернолаковой керамики из Северного Причерноморья

Чернолаковую керамику на протяжении всего периода ее использования производили десятки античных центров. Несмотря на то, что основным аргументом в пользу наличия в том или ином месте гончарного ремесла являются, в первую очередь, находки печей для обжига [например: *Hepding* 1952, 49–59; *Lilimbaki-Akamati, Akamatis* 2020, 57, 77, 79; *Δρουγου* 2020, 263; и др.], в большинстве греческих городов они до сих пор не обнаружены, но присутствуют другие свидетельства налаженного процесса: сбросы брака, штампы для нанесения орнаментов, тестовые черепки для контроля обжига, ямы с остатками глины, детали систем водоснабжения и т. п. [*Newhall* 1931, 6–10; *Rotroff* 1997, 76; *Rotroff, Oliver* 2003, 19; *Blondé* 2007, 196; *Misailidou-Despotidou* 2020, 17, 23; и др.]. Между тем, вопросы идентификации мест изготовления чернолаковой посуды всегда вызывали пристальное внимание исследователей [подробнее: *Журавлев* 2015, 191–192; *Δρουγου* 2020, 263–275 и др.], поскольку тесным образом соотносятся с проблемами хронологии, а также выявления торгово-экономических связей отдельных полисов или целых регионов в определенные периоды их истории.

Лидером по производству и экспорту такой продукции долгое время оставалась Аттика [*Sparkes, Talcott* 1970, 2, 12–15; *Rotroff* 1997, 5; *Kotitsa* 1998, 5; *Bouzek* 2007, 1228; *Егорова* 2009, 75; *Kotitsa, Römer-Strehl* 2019, 469–481], хотя в архаическую и классическую эпохи известны и другие центры Греции: Коринф, Беотия, Лакония и Элида [*Sparkes, Talcott* 1970, 2; *Whitbread* 2003, 9]. Крупнейшим экспортером в эллинистическое время был Пергам [*Schäfer* 1968, 33–42; *Drougou* 1991, 28–29; *Rotroff* 2002, 102; *Japp* 2013, 165; *Журавлев* 2015, 194; и др.]. Параллельно, но в существенно меньшем объеме, аналогичную керамику выпускали и в виде сопутствующего товара отправляли в другие регионы целый ряд полисов Малой Азии, Македонии, Фракии, Фессалии, островов бассейна Эгейского моря и Южной Италии [*Rotroff* 2002, 98; *Kallini* 2013, 59–65; *Егорова* 2019, 124; и мн. др.][1]. Некоторые центры, как показывают исследования, не продавали свою керамику вовне, по крайней мере партиями, достаточными для того, чтобы их можно

[1] Подробнее о способах доставки столовой посуды см.: *Журавлев* 2006, 168–171.

было выделить при изучении материалов разных памятников, а использовали ее почти исключительно для удовлетворения внутренних потребностей своих или ближайших окрестностей. В качестве примера сошлёмся на чернолаковую столовую посуду, сделанную в Олимпии [*Schilbach* 1995, 2–3] или раннюю продукцию кампанских мастеров, которая относительно широко распространилась в Средиземноморье, а также в Западном и Северном Причерноморье только во II в. до н. э., т. е. через два столетия после ее появления на территории Южной Италии [*Morel* 1981, 52–65; *Handberg, Stone, Petersen* 2013, 51; *Gluszek 2019*, 14–15; *Тюрин, Ушакова* 2023, 135]. Отдельные находки подобных сосудов встречаются в Причерноморском регионе, но в таких случаях речь идет уже не о торговле, а о посещении полисов жителями других городов, например, моряками, бравшими с собой в плавание посуду, в том числе, чернолаковую, «домашнего» производства или приобретенную в портах по пути следования [*Berlin* 2019, 570], которая по тем или иным причинам осталась в месте их временного пребывания.

Далеко не весь спектр производственных центров представлен в Северном Причерноморье, но в последние годы их выявляется все больше. Определение мест изготовления античных чернолаковых сосудов на современном этапе производится с комплексным привлечением различных методов: ***1***) морфологического; ***2***) анализа визуальных характеристик керамического теста (в том числе, с применением макрофотосъемки или фотомикроскопии сколов); ***3***) инструментальных археометрических исследований элементного состава керамического материала. Каждый из них имеет разную степень информативности и свои объективные ограничения использования. Это связано с целым рядом особенностей рассматриваемого материала. В частности, процесс атрибуции только по морфологическим признакам осложняется тем, что для всего античного мира характерна существенная унификация форм, базирующаяся, прежде всего, на подражании самому мощному производственному центру – Аттике, которое усилилось после Пелопоннесской войны в конце V в. до н. э. в результате частичной эмиграции афинских гончаров в другие регионы (Малая Азия, Македония, Фракия, Италия и Сицилия) [*Блаватский* 1953, 266; *Bulut* 2009, 58–59; *Laftsidis* 2019, 201–210; *Misailidou-Despotidou* 2020, 15; *Δρουγου* 2020, 261]. Примеры такого копирования в мелочах многочисленны [на Фасосе: *Blondé* 2007, 196–197; в Македонии: *Kalliga* 2004, 294; в Западном Причерноморье: *Bozkova* 1997, 9; и мн. др.]. Это привело к появлению в литературе термина «псевдо-аттическая керамика», который одним из первых ввел в научный оборот Ж. П. Морель [*Morel* 1995, 369]. Кроме того, необходимо принимать во внимание факты обратного влияния. Так, афинские мастера на раннем этапе восприняли некоторые коринфские и беотийские традиции [*Sparkes, Talkott* 1970, 2, 10, 24], а в V и IV вв. до н. э. использовали приемы орнаментации и отдельные формы, пришедшие из южноиталийского региона [*Sparkes, Talkott* 1970, 130; *Heys* 1984, 1, 2; *Егорова* 2018, 376]. В эллинистическое время ситуация несколько меняется: с ослаблением влияния Афин, особенно заметного к середине III в. до н. э., в воспроизводстве происходит отдаление от оригиналов, воспринимаются «веяния» с востока, с малоазийского побережья, а во многих центрах вообще появляется своя линия развития [*Drougou* 1991, 28–29; *Rotroff* 2002, 102; *Kallini* 2013, 64–65; и др.]. Да и в классическую эпоху существовали области, в которых помимо копирования аттических образцов, производили и оригинальную продукцию

(Беотия, Крит, Апулия, Кампана и др.) [*Heimberg* 1982; *Massar* 2020, 517–531; *Hayes* 1984, 57–64; *Morel* 1981], хотя наиболее популярные и распространенные типы посуды и там были весьма стандартны.

Все это вызывает необходимость при определении центра производства изделий обращаться и к анализу визуальных характеристик глиняного теста, прежде всего цвета, традиционно определяемого в соответствии с цветовой системой, предложенной в 1905 г. А. Манселлом, и видимых примесей, которые можно детализировать благодаря макрофотосъемке или фотомикроскопии. Но и здесь стоит отметить, что при визуальном исследовании нередко довольно сложно выявить значимые различия, особенно между тестом территориально близких центров. В первую очередь это объясняется схожестью требований к сырью. Для изготовления именно чернолаковых сосудов подходили алюмосиликатные глины с определенными характеристиками, отличными от тех, что использовались для кухонной, простой столовой или, тем более, тарной керамики. Их основу составляют оксиды: Na_2O, K_2O, MgO, CaO, MnO, AI_2O_3, Fe_2O_3, SiO_2, TiO_2 и P_2O_5. Помимо основных в них содержатся следы целого ряда рассеянных элементов, наиболее распространенные из которых: *Rb, Sr, Ba, Ni, Zn, Cr, Zr, La, Ce и V* и др. [*Blondé* 2007, 24–25, 28]. Причем доля оксида железа должна быть значительной, а в аттической керамике фиксируется еще и повышенное содержание хрома и никеля [*McPhee, Kartsonaki* 2010, 133]. Подобные глины специально разрабатывались. Сравнительный анализ керамического теста чернолаковой, простой столовой и кухонной посуды в местных мастерских Абдеры, Фасоса, Марони, Амфиполя и др. показал существенные отличия состава чернолаковой от прочих категорий. Это позволило сделать выводы об использовании для них разных глинищ [*Blondé, Picon* 2000, 161–170]. Так, по мнению Ф. Блонде, на о. Фасос глину для чернолаковых сосудов добывали из отдельных карьеров и не применяли ее же для формовки других видов керамических изделий [*Blondé* 2007, 37, 38]. Известны, по крайней мере, некоторые глинища, использовавшиеся для изготовления лаковой посуды, близ самых крупных производственных центров: Афин, Пергама и Коринфа [*Rotroff* 1997, 10; *Conze* 1913, 255; *Newhall* 1931, 1; *Whitbread* 2003, 2–3]. До недавнего времени считалось, что подходящее сырье отсутствовало в районе Неаполя, и его специально привозили туда из Искьи[2]. В дополнение к тщательному отбору, глиняная масса предварительно долго готовилась, очищалась от возможных, особенно крупных и средних примесей, наличие которых часто помогает предварительно идентифицировать центры для иных групп керамики. Кроме того, она обжигалась при более высоких температурах и с более строгим контролем температурно-газового режима [*Blondé, Picon* 2000, 165]. Существовала и практика намеренного смешивания двух и даже трех глин с разными свойствами из разных мест, о чем, кстати, имеются и свидетельства древних авторов, в частности – Плиния Старшего [подробнее: *Whitbread* 2003, 5].

Перечисленные обстоятельства усложняют интерпретацию результатов археометрических исследований, значение которых, тем не менее, ни в коей мере не стоит приуменьшать. Чаще всего при изучении глин расписных краснофигурных, чернолаковых

[2] Благодаря исследованиям последних десятилетий элементного состава кампанской керамики этот тезис, укоренившийся в научной литературе с 60-х гг. прошлого столетия, был подвергнут серьезным сомнениям [подробнее: *Gassner, Trapichler* 2012; *Olcese* 2017, 115–128].

и простых красноглиняных сосудов используют комбинации нескольких методов: нейтронно-активационный анализ (NAA) отдельно или в сочетании с рентгеновской флуоресценцией (XRF) [например: *Mommsen, Kerschner, Posamentir* 2006; *Schneider, Japp* 2009, 287–304; *Peña, Gallimore* 2014, 71–225], оптической эмиссионной или масс-спектрометрией с индуктивно-связанной плазмой (ICP-OES/ICP-MS) [*McPhee, Kartsonaki* 2010, 129–130; *Hein et. al.* 2002, 542]. Однако при несомненном научном потенциале такого подхода нельзя не учитывать существование методологической проблемы калибровки анализов, выполненных в разное время, в разных лабораториях [подробнее: *Hein et. al.* 2002, 542–553]. Еще одной проблемой в ряде случаев является влияние на химический состав керамических изделий агрессивной среды, например, морской воды, в которой они могли находиться длительное время. Конечно, в первую очередь, это касается материалов из кораблекрушений или затопленных частей памятников. Один из таких примеров подробно рассмотрен в статье А. Берлин, посвященной материалам из раскопок Кренийского корабля [*Berlin* 2019, 567, 568]. Результаты нейтронно-активационного анализа, проводившегося в разных лабораториях (Брукхейвенская национальная лаборатория и лаборатория университета Миссури), противоречили друг другу. Не совпадали с ними и данные петрографических исследований, которые, в целом, нельзя считать оптимальными для хорошо очищенных и однородных по составу глин [*Berlin* 2019, 567].

В связи с этими обстоятельствами, помноженными на практические сложности с организацией проведения такого рода работ на статистически значимых сериях образцов, в определении центров производства исследователи продолжают использовать совокупный анализ форм и визуальных особенностей керамического теста, что дает оптимальные результаты. Однако в отечественной да и в зарубежной литературе зачастую приводятся только краткие или абстрактно-общие характеристики цветов сколов и определяемых примесей в глиняном тесте одного или, в лучшем случае, двух центров. Одним из немногих исключений является глава, написанная Сорен Хандберг и Джейн Хьярл Петерсен в коллективной монографии, посвященной Нижнему городу Ольвии [*Handberg et.al*. 2010, 185–196]. В ней авторы дают описания нескольких групп глин тех полисов, к которым они предположительно относят чернолаковую посуду, найденную в Секторе NGS. Но их число и разнообразие ограничено количеством этих находок и не подкреплено иллюстрациями. Как справедливо отмечает Патриция Кёглер, запуская проект «Керамика в цвете», такого рода сведения, даже иллюстрированные несколькими, как правило черно-белыми фотографиями, мало помогают распространению информации в широких научных кругах [*Kögler* 2022, 169].

В предлагаемой статье предпринята попытка собрать воедино разрозненную, но более подробную информацию о глинах, характерных для чернолаковых изделий различных центров, наиболее часто встречающихся в Северном Причерноморье, которую можно использовать в практической работе с соответствующими коллекциями. В качестве иллюстраций, по возможности, приведены примеры макрофотографий сколов сосудов из раскопок в акватории Керченского пролива и позднеэллинистических слоев Танаиса[3].

[3] Выражаю глубокую признательность В. С. Ольховскому и С. М. Ильяшенко, предоставившим для исследования материалы своих раскопок. Все фото сделаны в лаборатории кафедры археологии исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова на микроскопе *Zeiss Stemi 2000*.

Итак, для *аттической* керамики характерна довольно плотная структура и большое разнообразие оттенков сколов, которые разделяются на две группы [*Rotroff* 1982, 14; *Rotroff* 1997, 10–11]. К первой относятся бежевые, светло-розовые и розовые тона (Munsell: 5 YR 6/4, 6/6, 7.5 YR 6/4, 7/6 и 5 YR 7/4), а также реже встречающиеся их варианты (Munsell: 2.5 YR 6/4, 6/6, 5/4, 5/6; 10 YR 7/3, 7/4, 6/3). Ко второй – более светлые бежевые или светло-коричневые оттенки (Munsell: 7.5 YR 7/4, 8/6). Последние, имевшие кроме того, большую пористость, используются эпизодически и короткий промежуток времени: в конце III – начале II вв. до н. э. По предположению С. Ротрофф, их появление могло быть следствием неудачного эксперимента по разработке нового месторождения или даже импортирования глины из другой области. Неудачного, поскольку для сосудов из такой глины отмечены проблемы с отслаивающимся лаковым покрытием, связанные, очевидно, с ее химическим составом [*Rotroff* 1997, 10]. Кроме того, именно для этой группы свойственны включения слюды. Обычно же включения столь незначительны, что могут быть совсем не видны или едва видны без применения макросъемки [*Blondé* 2007, 119]. Примеры плотности, структуры и нескольких вариантов оттенков первой группы дают фото сколов фрагментов рыбного блюда третьей четверти IV в. до н. э. (рис. 1. *1*), чаши типа *Stemless* второй четверти V в. до н. э. (рис. 1. *2*) и кубковидного скифоса первой половины IV столетия (рис. 1. *3*) из раскопок в акватории Керченского пролива.

Подражание аттическим формам выпускали, по-видимому, на Фасосе [*Blondé* 2007, 196–197]. Ф. Блонде в ходе исследований по сравнительному анализу аттической и фасосской чернолаковой керамики методом рентгеновской флуоресценции отмечает, что визуально отличить продукцию этих центров сложно, хотя «фасосская» глина, при том, что обычно хорошо отмучена и после обжига имеет кремово-бежевые тона, близкие аттическим (Munsell: 10YR 6/8; 7.5YR 7/3; 5YR 7/6), еще и слюдянистая, и чуть более пористая. Эта небольшая разница хорошо заметна на опубликованных ею макрофото [*Blondé* 2007, 170, 171], а также на сколе одного из скифосов аттического типа начала IV в. до н. э. из Керчи (рис. 1. *4*).

О разнообразии коринфских глин на склонах Акрокоринфа писали уже в 30-е гг. прошлого века [*Newhall* 1931, 1]. Результаты микроскопических исследований *коринфской* керамики выявили глины четырех типов: *A*, *B*, *C* и *D*, подробно описанные С. Джеймс при публикации эллинистических сосудов из раскопок в Коринфе, проводившихся Американской школой классических исследований в Афинах [*James* 2018, 69–71].

Глина *типа A* использовалась для изготовления терракот. Самой распространенной для чернолаковых изделий была глина *типа B*. Именно эту желтовато-коричневую после обжига плотную глину разных оттенков часто называют *buff fabric* (темно-желтой или «цвета буйволовой кожи»). Выделятся несколько тонов по Манселлу: светло-желтый (10YR 8/3–4, 2.5Y 8/2–4); бледно-желтый (5Y 8/2–4, 2.5Y 8/2–4); красновато-желтый или бежевый (7.5 YR 7/6 или темнее), а также, светло-серовато-зеленый (рис. 1. *5*). В этом варианте в классическую эпоху включения, как правило, настолько мелкие, что не видны без дополнительных инструментальных исследований. В эллинистический период встречаются мелкие сферические красно-коричневые или черные вкрапления, и совсем редко, мелкие угловатые белые и черные примеси, а также мелкие пустоты (рис. 1. *6, 7*). Параллельно с этой глиной использовалась глина *типа D*, близкая ей

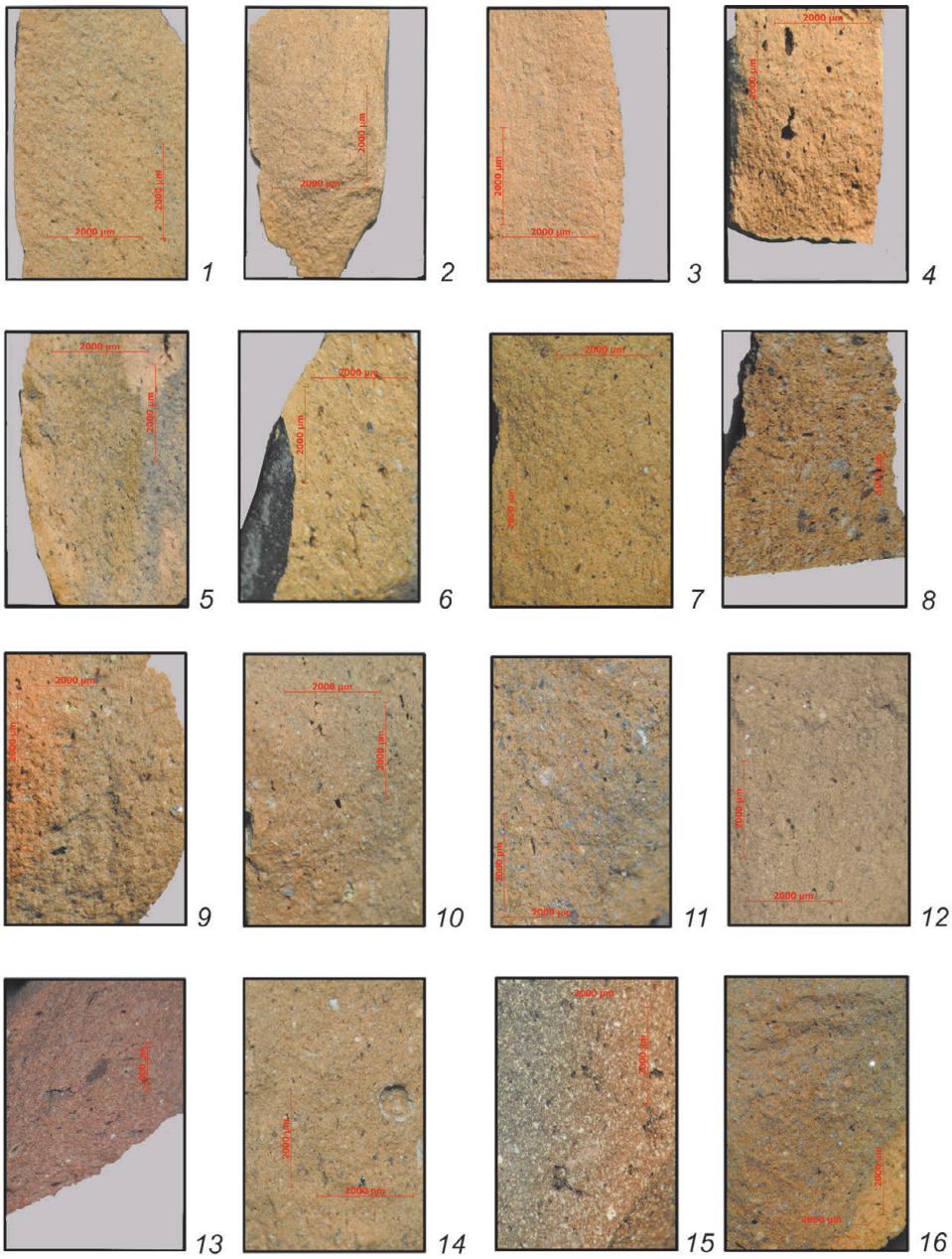


Рис. 1. Макрофото сколов. Аттика: *1* – рыбное блюдо (2017.278жд.2.ко.16); *2* – чаша типа Stemless (2017.279ав.3.ко.86); *3* – кубковидный скифос (2017.278жд.2.по.68). Фасос: *4* – скифос (2017.278жд.14.по.56). Коринф: *5* – киаф (2017.278жд.5.ко.58); *6* – одноручная чаша (2017.280ав.6.ко.51); *7* – мастос (2017.279жд.14.по.68); *8* – тарелка (Т-16. P.XXVI, 73). Пергам: *9* – миниатюрная миска (278жд.2.ко.15); *10* – миска с отогнутым наружу краем (2017.279ав.2.ко.58); *11* – блюдо с утолщением венчика на две стороны (2017.279ав.1.ко.12); *12* – столовая амфора стиля West Slope (2017.279жд.2.по.88); *13* – эллинистический кратер (Т-04. P. XXV, 121). Сарды: *14* – глубокая миска с загнутым внутрь краем (2017.278жд.15.ко.137); *15* – классический канфар (2017.278жд.10.ко.104); *16* – тарелка с валикообразным краем (2017.278жд.13.ко.119)

по основным цветовым параметрам. Она отличается наличием добавлений слюды или мелко измельченной ракушки, дающих характерный блеск. Глину этого типа начали разрабатывать довольно рано, но наиболее часто изделия из нее встречаются в III – первой половине I вв. до н. э. Причем, как отмечает С. Джеймс, именно для них характерен плохой низкотемпературный обжиг [*James* 2018, 70] (рис. 1, *8*). Сосуды, изготовленные из глины *типа С*, светло-коричневого цвета или чуть темнее (Munsell: 10 YR 7/3–4) с редкими белыми и черными вкраплениями, как правило, не покидали пределы Коринфа [*James* 2018, 71].

С. Джеймс постаралась проследить связь некоторых типов глин с сосудами определенных форм [*James* 2018, 71], что, по ее мнению, могло свидетельствовать о работе определенных мастерских с конкретными глинищами. Однако эта попытка на данном этапе не увенчалась успехом, поскольку с одной стороны, существуют определенные сложности при сравнении анализов керамики и самой глины из выявленных месторождений (физические свойства последней меняются после обжига), с другой, как уже говорилось выше, есть данные о намеренном смешивании глин с разными свойствами из разных мест и одна мастерская могла использовать несколько глинищ.

В классический период на территории *Малой Азии* преобладал чернолаковый импорт преимущественно из Аттики [*Japp* 2009, 195]. Но уже тогда, а тем более в эпоху эллинизма здесь функционировало, очевидно, сразу несколько производственных центров: Пергам, Эфес, Илион, Ассос, Милет, Сарды, Смирна, Даскилеон, Метрополис, Дидимы, Милет, Приена и другие, о чем в первую очередь свидетельствует большое разнообразие цветовой гаммы глин при более-менее сходных примесях, характерных для всего региона, в совокупности со значительным количеством вариантов форм сосудов. При отсутствии в подавляющем большинстве центров остатков эргастериев, подтверждение их локализации происходило при помощи химических анализов глин [подробнее: *Zabehlicky-Scheffenegger, Schneider* 2000, 105–112; *Bulut* 2013, 76; и др.]. В целом, стоит отметить, что без их использования сложно определить точное происхождение отдельных сосудов, глины различных малоазийских центров, заметно отличающиеся от аттической, визуально далеко не всегда различимы между собой. Но их общерегиональные особенности, тем не менее, хорошо известны (рис. 1. *9–16*; рис. 2. *1–4*).

Одним из самых мощных, а потому одним из наиболее исследованных из этих центров был Пергам, где за акрополем города в долине реки Кестель и на побережье залива Чандарли были раскопаны мастерские, в том числе гончарные печи эллинистического времени [*Shäfer* 1968, 90, 110; *Behr* 1988, 103–104; *Japp* 2009, 194; и др.].

Наиболее подробное описание глин, характерных именно для *пергамской* чернолаковой посуды, приводится в статье С. Япп, посвященной археометрическо-археологическим исследованиям керамики из Пергама и его окрестностей [*Japp* 2009, 198–199]. Черепок на сломе имеет плотную или мелкозернистую структуру с незначительным содержанием примесей слюды, являющихся естественными для местных осадочных пород, но не всегда сохраняющихся после очистки. В качестве отощителя использовалась известь, мелкие частицы которой иногда заметны в тесте. К. Мейер-Шлихтман также обнаруживает, что в образцах позднеэллинистического времени иногда могут встречаться крупные невыгоревшие фрагменты [*Meyer-Schlichtmann* 1988, 15]. Глина после

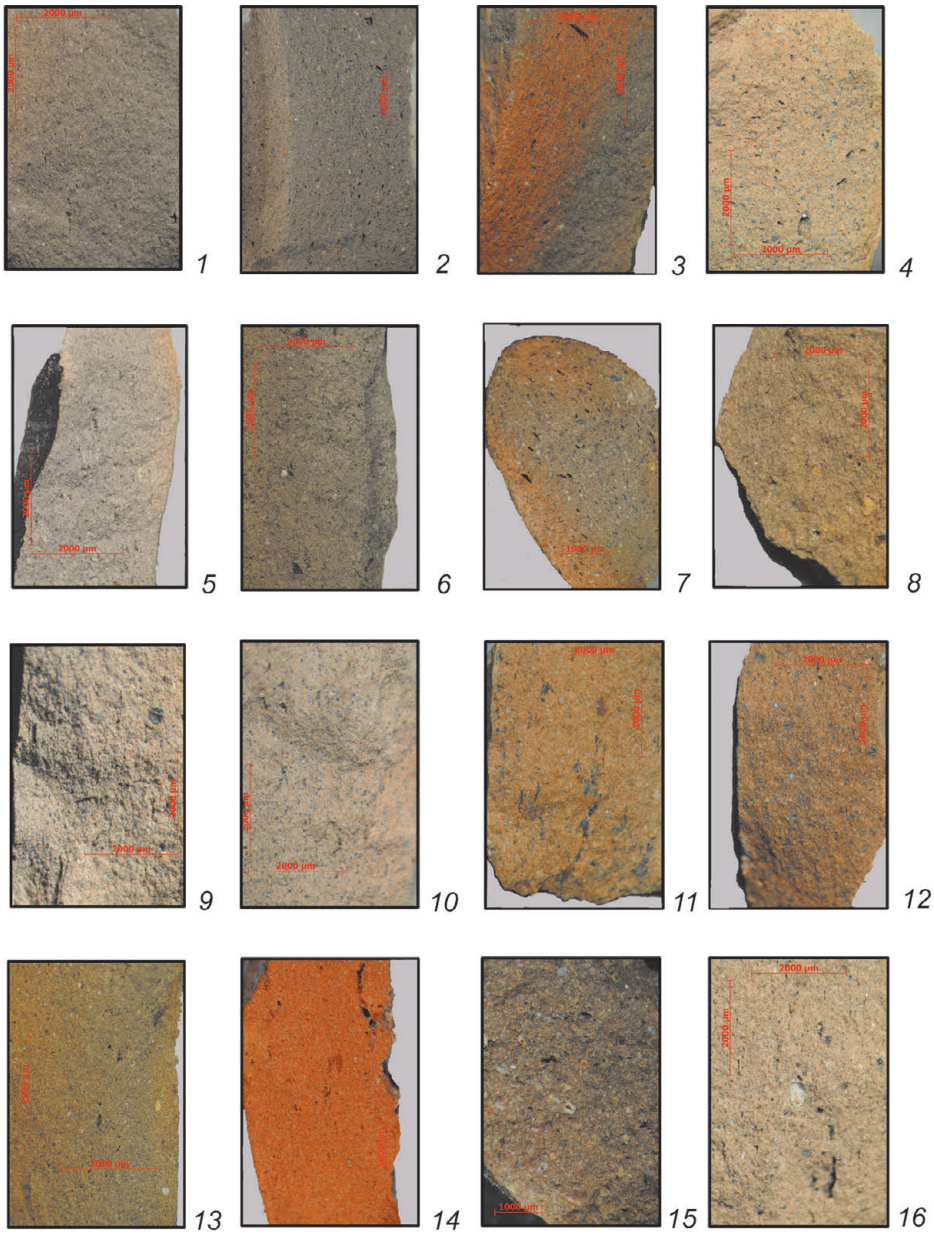


Рис. 2. Макрофото сколов. Малая Азия (Пергам/Эфес?): *1* – классический канфар (2017.279ав.5.ко.129); *2* – эллинистический кратер (Т-60. P.VI, 104); *3* – миска с отогнутым наружу краем (2017.279ав.2.по.134). Малая Азия (Пергам/Даскилеон?): *4* – миска с загнутым внутрь краем (2017.278жд.13. ко.118). Книд: *5* – глубокая миска с загнутым внутрь краем (2017.278жд.12.по.62); *6* – двуручный кубок (2017.279жд.8.по.53); *7* – кубок (Т-12. P. XIX, 519); *8* – двуручный кубок (2017.279ав.3.по.97). Македония: *9* – канфар классический (2017.279ав.6.по.124); *10* – канфар классический (2017.278жд.15.по.46); *11* – канфар с коротким горлом типа С по С. Дрогу (2017.279ав.2.по.144); *12* – полусферическая чаша (2017.280ав.6.ко.54). Западное Причерноморье: *13* – канфар классический (2017. 279жд.2.по.103); *14* – канфар вытянутых пропорций (Т-09. P. XXV, 49); *15* – канфар вытянутых пропорций (Т-00. P. XXV, 70). Campana A: *16* – кубок (2017.278ав.7.по.32)

обжига приобретает различные оттенки красного цвета (Munsell: 2,5 YR 6/8 – чаще, 5YR 6/6, 7/6–8; 7,5 YR 6/6 – реже). С. Ротрофф и А. Оливер отмечают, что в целом, она имеет более красные тона в сравнении с аттической [*Rotroff, Oliver* 2003, 19]. В позднеэллинистическое время эти параметры могут отличаться из-за нарушения режима обжига [*Meyer-Schlichtmann* 1988, 14]. В качестве иллюстраций приведём макрофото сколов наиболее типичны пергамских сосудов III и II вв. до н. э. (в том числе, эллинистической столовой амфоры стиля *West Slope* и кратера характерной формы с полукруглыми ручками-упорами) (рис. 1. *9–13*).

Близкие характеристики по плотности и структуре имеет керамика из *Сард* [*Rotroff, Oliver* 2003, 19]. По мнению исследователей, ее отличает значительное содержание слюды, полости от известковых включений (например: рис. 1. *14*), а также красновато-фиолетовые тона (Munsell: 2.5YR 6/6, 6/4; 5YR 6/3) (например: рис. 1. *15*) и в ряде случаев, более желтые, чем пергамские варианты (Munsell: от 5YR 7/6 до 5YR 6/4) (например: рис. 1. *16*). Кроме того, менее качественный обжиг дает серые цвета и зачастую слоистую структуру черепка с переходами от красного до серого. Интересно отметить, что несколько иные свойства имела глина, использовавшаяся для изготовления местных «мегарских» чаш [*Rotroff, Oliver* 2003, 134–136].

Эфесская глина мелкозернистая или среднезернистая, всегда содержит слюду; красных (Munsell: 5YR 5/6, 6/6, 7/6, 7/8; 7.5YR 6/4, 7/4) или серых от светлого до средне-серого тонов [*Gassner* 1997, 39].

Чернолаковая посуда, сделанная в *Даскилеоне*, напротив, редко содержит включения слюды, но в ней можно заметить столь же редкие и очень мелкие белые, черные и коричневые частицы. Цветовая гамма варьируется от красного и его оттенков (Munsell: 10R 5/8; 2,5YR 6/3, 6/8; 5YR 5/6) до красновато-коричневых тонов (Munsell: 5YR 6/3–6, 4/4; 10YR 6/3). Встречается и слоистость с серой сердцевиной [*Bulut* 2009, 63–64; *Bulut* 2013, 76].

Довольно хорошо изучена столовая керамика *Книда*, которая получила широкое распространение, в том числе в Причерноморском регионе, преимущественно с III в. до н. э. [*Dotterweich* 1999, 7; *Kögler* 2010, 24–25; 2014, 157–173; 2022, 171–174]. Опираясь на находки сосудов, которые по форме с достаточной степенью уверенности исследователи относят к книдскому производству, можно дать подробную характеристику керамического теста. Наиболее распространенный в эллинистическую эпоху вариант имеет довольно плотную структуру; лишь иногда встречаются экземпляры из пористой мелкозернистой глины. Заметны белые известковые включения, количество которых в раннее время существенно меньше, чем во второй половине II и I вв. до н. э., а также мельчайшие черные частицы. Выгорание извести иногда приводило к растрескиванию поверхности сосуда. Наличие слюды не зафиксировано. Цвета варьируются от светло до средне-серых, но встречаются и бледно-розовые, коричневые и розово-бежевые тона (от 7,5 YR 6/6 до 10 YR 5/2). При нормальной толщине стенок скол обычно имеет двуслойную окраску: внутренний слой – серый, внешний – розово-коричневый или розово-бежевый. Тонкие участки могут иметь однородный цвет (рис. 2. *5–8*).

Очевидно, довольно большое количество мастерских функционировало на территории *Македонии*, где были исследованы остатки гончарных печей и другие свидетель-

ства керамического, в том числе, чернолакового производства, которое размещалось как на внутренней территории, так и в непосредственной близости от таких городов, как Пелла, Синд, Аканф, Верия, Амфиполь и многих других (подробнее о керамических мастерских Македонии: *Misailidou-Despotidou* 2020, 15–48; *Lilimbaki-Akamati, Akamatis* 2020, 69–71; *Δρουγου* 2020, 267–269). В IV и начале III вв. до н. э. в них копировались аттические образцы посуды, что исследователи объясняют миграциями на север афинских гончаров [*Kallini* 2013, 59–62; *Laftsidis* 2019, 201–210; *Misailidou-Despotidou* 2020, 15]. С начала третьего столетия заметно возрастает влияние малоазийской продукции, а также получают распространение местные формы [*Drougou* 1991, 28–29; *Δρουγου, Τουρατσογλου* 1998, 115–116; *Kalliga* 2004, 294; *Lilimbaki-Akamati, Akamatis* 2020, 67–69]. Глины таких сосудов весьма разнообразны (примеры: рис. 2. *9–12*), обычно характеризуются без какой-либо детализации как оранжевые или светло-красные после обжига, плотные, с содержанием слюды и других примесей [*Δρουγου, Τουρατσογλου* 1998, 116; *Kalliga* 2004, 301].

Понтийская группа керамики, выделенная А. Божковой [*Bozkova* 1997, 8–17; 2014, 211], вероятнее всего, происходит из нескольких центров, расположенных на западном побережье Черного моря или глубже на фракийских территориях [подробнее: *Егорова* 2019, 127–128]. Их формы самобытны и хорошо узнаваемы, однако, обоснованно разделить их по разным центрам на основании только анализа форм и визуальных характеристик глин на данный момент довольно сложно. Хотя есть работы по изучению химического состава глин сосудов, предположительно произведенных в Истрии, Томах, Калатисе, Оргаме и Апполонии [*Dupont* 2009, 59–66; *Lungu* 2013], проблемы их точной локализации до сих пор далеки от разрешения. Глины весьма разнообразны, но в целом, обычно довольно хорошо очищены. Черепок на сломе может иметь разные цвета от светло-красного или желтого до красновато-коричневых или серых тонов [*Bozkova* 1997, 9; *Lungu* 2013, 206]. Из визуально различимых примесей можно выделить фрагменты кальцита и редкие черные включения (рис. 2. *13–15*).

Еще одним известным регионом, экспортировавшим отдельные виды своей продукции (в частности, кратеры) в архаическую и классическую эпохи, была Лакония [*Stibbe* 1989, 7; 1994, 15]. Но в Северном Причерноморье представлены преимущественно ранние формы керамики этого центра, датирующиеся VI в. до н. э. [например: *Буйских* 2013, 178–183]. Для лаконской глины, которая до сих пор в изобилии встречается на берегах реки Эврот, характерен светло-коричневый оттенок (Munsell: 7,5YR 6/4), который в зависимости от обжига мог меняться до красноватого или сероватого цветов (Munsell: 2.5YR 6/6; 5YR 5/4, 6/6, 7/6; 10YR 5/1). Обычно глиняное тесто хорошо отмучено и без видимых включений, но при увеличении отмечают наличие мельчайших частиц известняка или кальцита [*Stibbe* 1989, 14].

Из всего разнообразия производственных центров Южной Италии в Северном Причерноморье фиксируется преимущественно группа чернолаковой керамики, получившая название *Campana A* [*Lungu* 2009, 121; *Handberg, Stone, Petersen* 2013, 51; *Gluszek* 2019, 13; *Тюрин, Ушакова* 2023, 135 и др.]. Хотя ее производство началось в IV в. до н. э., до середины II в. до н. э. за пределами «домашнего» региона такие сосуды встречаются крайне редко [*Morel* 1981, 52–65; *Morel* 1988, 335–351; *Handberg, Stone, Petersen* 2013, 64; *Тюрин, Ушакова* 2023, 131, 132; *Lungu* 2009, 122, 156–157; *Gluszek* 2019, 8–11]. Для нее

характерна довольно пористая глина с небольшим количеством примесей, в число которых входят мелкие фракции слюды, редкие черные включения вулканического происхождения и частицы извести (рис. 2. *16*). Цветовая гамма – от красновато-желтых тонов до оттенков коричневого (Munsell: 5 YR 5/6, 6/6; 7.5 YR 5/4). Как правило, такие сосуды имеют формы и орнаментацию, существенно отличающиеся в деталях от изделий более восточных областей, и хорошо выявляются даже без специального анализа глин, который необходим для разделения их внутри региона.

Стоит отметить еще тот факт, что для более-менее крупных изделий (рыбных блюд, кратеров, кувшинов, столовых амфор и т. п.) всех производственных центров характерны изменения оттенка глины в зависимости от толщины стенки и части сосуда (венчик/поддон/ручка и пр.) [*Stibbe* 1989, 14.], что напрямую связано с условиями обжига. То же касается и покрытий [*Sparkes, Talcott* 1970, 2; Егорова 2009, 15–17; *Kögler* 2010, 24]. Принимая во внимание это, а также возможные совпадения в близких регионах некоторых параметров керамического теста, таких как плотность, наличие и размеры примесей, очевидно, что при определении центров производства важен комплексный подход.

Список литературы

Б*лаватский* В. Д. 1953. История античной расписной керамики. М., 304.

Буйских А. В. 2013. Архаическая распиная керамика из Ольвии (восточногреческая, лаконская, коринфская, имитации). Киев, 246.

Е*горова* Т. В. 2009. Чернолаковая керамика IV–II вв. до н. э. с памятников Северо-Западного Крыма. М., 253.

Егорова Т. В. 2018. Штампованные пальметты в орнаментации чернолаковой керамики V–II вв. до н. э. из Пантикапея // Stratum plus. 3, 371–386.

Егорова Т. В. 2019. Проблемы датирования неаттических канфаров классических форм // Нижневолжский археологический вестник. Т. 18, № 1, 123–137.

Ж*уравлев* Д. В. 2006. Западная сигиллата в Северном Причерноморье // ДБ. 10, 168–173.

Журавлев Д. В. 2015. Пергамская эллинистическая столовая посуда в Северном Причерноморье (краткий обзор) // ПИФК. 1, 190–216.

Т*юрин* М. И., *Ушакова* К. С. 2023. Чернолаковая керамика группы *Сатрапа А* из Херсонеса и его окрестностей: несколько находок из комплексов // Исторические, культурные, межнациональные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы VII Международной научной конф. (Севастополь, 29 мая – 5 июня 2023 г.). Севастополь, 130–136.

В*ehr* D. 1988. Neue Ergebnisse zur pergamenischen Westabhangkeramik // Istanbuler Mitteilungen. 38, 97–178.

Berlin A. 2019. At Home on Board: the Kyrenia Ship and the goods of its crew // Daily life in a cosmopolitan world: pottery and culture during the Hellenistic period. Proceedings of the 2nd Conference of IARPotHP Lyon, November 2015, 5th – 8th. Wien, 563–571.

Blondé F. 2007. Les céramiques d' usage quotidian à Thasos au IVe siècle avant J.C. // Études Thasiennes. XX. Paris, 206.

Blondé F., *Picon* M. 2000. Autour de La céramique du IVe siècle dans le Nord-Est de l'Egée: quelques approches différentes // BCH. 124, 161–188.

Bozkova A. 1997. A Pontic Pottery Group of the Hellenistic Age (a Survey Bazed On Examples from the Bulgarian Black Sea Coast) // Archaeologia Bulgaria. 2, 8–18.

Bozkova A. 2014. West Slope Pottery from Mesambria Pontike // Pottery, Peoples and Places. Study and Interpretation of Late Hellenistic Pottery (Black Sea Studies. 16). Aarhus, 199–214.

Bouzek J. 2007. Greek Fine Pottery in the Black Sea Region // BAR. Int.Ser. 1675, 1221–1262.

Bulut H. 2009. The Destruction Date of the Bulla Archive at Daskyleion Reconsidered: The Evidence from the Black-Glazed and Partially-Glazed Pottery // Jahreshefte des Osterreichischen Archaologischen Institutes in Wien. 78, 55–68.

Bulut H. 2013. West Slope Ware from Daskyleion // Istanbuler Mitteilungen. 63, 75–127.

C*onze A.* 1913. Altertümer von Pergamon. Bd.1, 2. Berlin, 143.

D*otterweich U.* 1999. Unguentarien mit kuppelförmiger Mündung aus Knidos. (Knidos-Studien. I). Möhnesee, 65.

Drougou S. 1991. Hellenistic pottery from Macedonia. Thessaloniki, 167.

Δρουγου S. 2020. Hellenistic pottery workshops: remains of workshop installations and kilns in the Hellenistic territories. References at the "International Scientific Meetings on Hellenistic pottery" // Pottery Workshops Craftsmen and Workshops. 10th International Scientific Meeting on Hellenistic Pottery. Athens, 254–279.

Δρούγου Σ., *Τουράτσογλου* Γ., 1998. Ελληνιστικοι Λαξευτοι ταφοι Βεροιας. Αθήνα, 208.

Dupont P. 2009. Recherches de laboratoire sur les productions céramiques du Pont ouest et nord-ouest: état de la question // Il Mar Nero. VI (2004/2006), 59–66.

G*assner* V. 1997. Das Südtor der Tetragonos-Agora. Keramik und Kleinfunde // Forschungen in Ephesos. Bd. XII/I/I. Wien, 269.

Gassner V., *Trapichler* M. 2012. Pottery Production in the Bay of Naples. Problems, History of Research and Current Strategies // FACEM (version 06/12/2012) (http://www.facem.at/projectpapers.php). 1–11.

Gluszek I. 2019. Black-Gloss Campana pottery from Nikonion and Histria – preliminary study // Acta Archaeologica Lodziensia. 65. 7–18.

H*andberg* S., *Petersen* J.H., *Bilde* P.G., *Højberg Bjerg* J.M., *Samojlova* T.L. 2010. Glossed Pottery // The Lower City of Olbia (Sector NGS) in the 6th Century BC to the 4th Century AD. Vol. 1. Aarhus, 185–261.

Handberg S., *Stone* P.J., *Petersen* J.H. 2013. Uncommon Tastes: The Consumption of *Campana A* Pottery in the Southern Levant and the Black Sea Region // Acta Hyperborea. 13, 51–80.

Hepding H. 1952. Eine hellenistische Töpferwerkstatt in Pergamon // Nachrichten der Gießener Hochschulgesellschaft. 21, 49–117.

Heimberg U. 1982. Die Keramik des Kabirions // Das Kabirenheiligtum bei Theben. 3. Berlin, 148.

Hein A., *Tsolakidou* A., *Iliopoulos* I., *Mommsen* H., *Buxeda* J. *Garrigós* I., *Montana* G., *Kilikoglou* V. 2002. Standardisation of Elemental Analytical Techniques Applied to Provenance Studies of Archaeological Ceramics: An Interlaboratory Calibration Study // Analyst. 127, 542–553.

Hayes J. W. 1984. Greek and Italian Black-Gloss Wares and Related Wares in the Royal Ontario Museum. a Catalogue. Toronto, 204.

J*ames* S. A. 2018. Hellenistic Pottery. The fine wares // Corinth. VII. Princeton, 240.

Japp S. 2009. Archäometrisch-archäologische Untersuchungen an Keramik aus Pergamon und Umgebung // Istanbuler Mitteilungen. 59, 193–268.

Japp S. 2013. Pottery production in Pergamon – a short overview // BAR. Int. Ser. 2593, 165–172.

K*alliga* K. 2004. Anchialos-Sindos Double Trapeza. Pit C: observations 291 on the painted and black-glazed pottery of local fourth-century BC workshops // BSA. 99, 291–315.

Kallini Ch. 2013. Hellenistic Kantharoi, Their Production Centeres and Their Distribution in the Eastern Mediterranean // BAR. Int. Ser. 2593, 59–66.

Kögler P. 2010. Feinkeramik aus Knidos vom mittleren Hellenismus bis in die mittlere Kaiserzeit (ca.200 v. Chr. bis 150 n. Chr.). Wiesbaden, 623.

Kögler P. 2022. Fabrics in Colour: Knidos. The Hellenistic and Early Imperial Tableware // JHP. 6, 169–189.

Kotitsa Z. 1998. Hellenistische Keramik im Martin von Wagner Museum der Universität Würzburg. Würzburg, 168.

Kotitsa Z., *Römer-Strehl* C. 2019. Spool saltcellars in Egypt, Cirenaica and the Near East: Where, when and why // Daily life in a cosmopolitan world: pottery and culture during the Hellenistic period. Proceedings of the 2nd Conference of IARPotHP Lyon, November 2015, 5th – 8th. Wien, 469–484.

L*aftsidis* A. 2019. Athenian influences in the kerameikos of Pela: Evidens from a deposit east of Agora // Daily life in a cosmopolitan world: pottery and culture during the Hellenistic period. Proceedings of the 2nd Conference of IARPotHP Lyon, November 2015, 5th – 8th. Wien, 201–212.

Lilimbaki-Akamati M., *Akamatis* I. M. 2020. Pottery production centers in Hellenistic Macedonia contribution to the study of the pottery production of Pella // Pottery Workshops Craftsmen and Workshops. 10th International Scientific Meeting on Hellenistic Pottery. Athens, 50–99.

Lungu V. 2009. Italie – Mer Noire: céramiques occidentales décorées sur les côtes pontiques à l'époque hellénistique // Il Mar Nero VI (2004/2006), 127–158.

Lungu V. 2013. La céramique de style west slope // Histria. XIV. Bucarest–Paris, 305.

M*cPhee* I. D., *Kartsonaki* E. 2010. Red-figure Pottery of uncertain origin from Corinth: Stylistic and Chemical // Hesperia. Vol. 79. No. 1, 113–143.

Massar N. 2020. Cretan Hellenistic Pottery: between Modernity and Tradition // Proceedings of the 3rd IARPotHP Conference: Exploring The Neighborhood: The Role of Ceramics in Understanding Place in the Hellenistic World. Vienne, 517–531.

Misailidou-Despotidou V. 2020. Pottery Workshops in Macedonia in the Late Classical and Hellenistic Periods. Typology and distribution // Pottery Workshops Craftsmen and Workshops. 10th International Scientific Meeting on Hellenistic Pottery. Athens, 14–48.

Mommsen H., *Kerschner* M., *Posamentir* R. 2006. Provenance determination of 111 pottery samples from Berezan by neutron activation analysis // Istanbuler Mitteilungen. 56, 157–167.

Morel J-P. 1981. Céramique campanienne: les formes. Rome, 690.

Morel J.-P. 1988. Remarques sur l'artisanat de Naples antique // Atti del XXV Convegno di Studi sulla Magna Grecia (Taranto, 1985). Taranto, 305–356.

Morel J. P. 1995. Observations sur les cèramiques à vernis noir d'Alexandrie // Alexandra e Il Mondo Ellenistico-Romano. I Centenario del Museo Greco-Romano. Roma, 369–377.

N*ewhall* A. 1931. The Corinthian Kerameikos // AJA. Vol. 35. No. 1, 1–30.

O*lcese* G. 2017. Ceramiche a vernice nera della Campania e analisi di laboratorio: qualche considerazione metodologica e alcuni dati recenti // Fingere ex argilla. Le produzioni ceramiche a vernice near del Golfo di Salerno. Paestum, 115–128.

P*eña* J. T., *Gallimore* S. C. 2014. Black-Gloss Ware, North Etrurian Red-Slip Ware, and Italian Terra Sigillata from Cetamura Del Chianti: Composition, Provenance, Supply, and Consumption // HEROM. 3, 71–224.

R*otroff* S. I. 1982. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Moldmade bowls (The Athenian Agora. XXIX). Princeton, 136.

Rotroff S. I. 1997. Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material (The Athenian Agora. XXIX). Princeton, 575.

Rotroff S. I. 2002. West Slope in the East // Céramiques hellénistiques et romaines, productions et diffusion en Méditerranée orientale (Chypre, Égypte et côte syro-palestinienne). Lyon, 97–115.

Rotroff S.I, *Oliver* A. 2003. The hellenistic pottery from Sardis: the finds through 1994 // Archaeological exploration of Sardis. 12. London–Cambridge, 400.

S*chäfer J.* 1968. Hellenistische Keramik aus Pergamon // Pergamenische Forschungen. 2. Berlin, 161.

Schilbach J. 1995. Elische keramik des 5. und 4. Jahrhunderts (Olympische Forschungen. XXIII). Berlin–New York, 143.

Schneider G., *Japp* S. J. 2009. Röntgenfluoreszenzanalysen von 115 Keramikproben aus Pergamon Çandarli, Elaia und Atarneus (Türkei) // Istanbuler Mitteilungen. 59, 287–306.

Sparkes B. A., *Talcott* L. 1970. Black and plain pottery of the 6th, 5th, 4th centuries B. C. (The Athenian Agora. XII). Princeton, 472.

Stibbe C. M. 1989. Laconian Oil Flasks and Other Closed Shapes // Laconian black-glazed pottery. Pt. 3. Amsterdam, 231.

W*hitbread* I. K. 2003. Clays of Corinth: The Study of a Basic Resource for Ceramic Production // Corinth. XX. Princeton, 1–13.

Z*abehlicky-Scheffenegger* S., *Schneider* G. 2000. Applikenverzierte Gefässe aus Ephesos // Acta RCRF. 36, 105–112.

Summary

T. V. Egorova
On the issue of identifying production centers for imported black-glazed ceramics from the Northern Black Sea region

This article attempts to collect detailed information about the visual characteristics of fabrics, that are characteristic of black-glazed ceramics from various centers, most often found in the Northern Black Sea region: Attica, Corinth, a number of Asia Minor centers (including Pergamum, Sardis, Ephesus, Daskyleon, Knidos), Thasos, the Western Black Sea coast, Laconia and Southern Italy. As illustrations, examples of microphotographs of fabrics of vessels from excavations in Kerch Bay and late Hellenistic layers of Tanais are given. Considering that the determination of places of production of tableware in the vast majority of cases is carried out on the basis of an analysis of forms and an assessment of the structure, color and impurities of clay dough (special analyzes are expensive and are currently not possible for statistically significant series of samples), this information can be used in practical work with collections of finds.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-437-1.156-183

А. А. Завойкин, В. Д. Кузнецов
(Институт археологи РАН, г. Москва)

Фанагория в период поздней архаики – ранней классики (стратиграфия, хронология, периодизация. 2)[1]

В первой части нашего исследования проблем стратиграфии и хронологии остатков города первого столетия его истории (ок. 540–450/40 гг. до н. э.) на территории раскопа «Верхний город» на основе анализа ситуации в СЗ его углу, где сохранность ранних слоев наилучшая, мы выработали дробную стратиграфическую шкалу: были выделены 7 стратиграфических горизонтов (I–VII), 4 строительных периода (1–4) [*Завойкин*, *Кузнецов* 2023а]. Кроме того, мы попытались соотнести с ней ряд строительных объектов, расположенных к югу от этого участка [*там же*, 136, табл.]. Для построения в итоге генеральной стратиграфии всего открытого раскопками района важно было выработать адекватные подходы и оценить сложности, которые возникают при соотнесении между собой участков раскопа, различных по степени сохранности культурного слоя интересующего нас времени. Опираясь на полученные ранее результаты, продолжим эту работу для других участков, расположенных к востоку и юго-востоку от северо-западного участка[2].

Итак, к востоку и юго-востоку остатки архаических – раннеклассических построек в целом сохранились существенно хуже, исключая только восточную линию древнейших оборонительных сооружений (679)[3], возведенных на краю склона холма, и двух культовых построек: первая (783) и более ранняя из которых (третья четверть 6 в. до н. э.) была на 2 м заглублена в материк, а поверх неё (уже после засыпки подвала) была построена вторая (769) [*Кузнецов* 2019, 405, 408–413, рис. 7–15][4]. Остальные дома, расположенные к северу и югу от «главной» улицы, протянувшейся с запада на восток, построенные на уровне материка или на прослойке «серого песка» [*Кузнецов* 2011, 123], представляют собой образцы древнейшей застройки данного района города, но из-за

[1] Работа выполнена в рамках НИР ИА РАН «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (№ НИОКТР 122011200269-4).

[2] Как и ранее, детальный анализ и описание комплексов, расположенных на них, предполагается дать в другом месте.

[3] Выделяются остатки фортификации двух строительных периодов, крайние датировки которых лежит между третьей четвертью VI в. и рубежом первой и второй четвертей V в. до н. э. [см. *Кузнецов* 2021].

[4] Любопытно отметить, что в первой половине IV в. до н. э. над ним (с некоторым смещением) располагался подвал (678), засыпанный при общей нивелировке в середине того же столетия [см. *Завойкин*, *Павличенко* 2020].

плохой сохранности об их судьбе в течение последующих десятилетий сказать что-либо практически невозможно, равно как затруднительно с уверенностью определить само время их строительства и момент прекращения жизни.

В юго-восточном углу раскопа были открыты нижние части стен домохозяйства (205), состоящего не менее чем из двух-трех помещений[5]. Судя по тому, что западная стена этой постройки лежит на одной линии (в створе) с западной стеной дома (212)[6], расположенного южнее, весьма вероятно, что он представлял собой еще одно помещение того же домохозяйства. Судя по находкам в северном помещении (пом. 2), служившем двором, и в особенности по кладу серебряных анэпиграфных боспорских монет, спрятанных в северной стене этого помещения, разрушение дома связано с трагическими для Фанагории событиями, случившимися ок. 480 г. до н. э.[7] Самые ранние находки датируют строительство дома третьей четвертью VI в. до н. э. [*Кузнецов* 2011, 125] Более показательно для определения времени строительства присутствие во дворе ремесленной печи (горн 325), сделанной из крупных частей амфор, датированных нами ок. 540–530 гг. до н. э. (рис. 1) [*Завойкин*, *Кузнецов* 2019, 74–81, рис. 1–3][8]. Публикуя этот производственный объект, мы не исключали того, что он мог быть сооружен и эксплуатироваться прежде, чем этот дом был построен. Следовательно, так или иначе, датировка вторично использованных амфорных частей может, по крайней мере, служить *terminus post quem* для этого события. Как видим, предложенная дата полностью соответствует началу первого периода застройки в северо-западном углу раскопа (здания 888, 869), однако жизнь данного дома (205/212) заканчивается на несколько десятилетий позже (финал второго строительного периода). Во всяком случае, его сохранность не предоставляет нам возможности выделить какие-то фазы в жизни этого дома.

Характерно, что после разрушения его руины были прорезаны (через стену-перегородку между пом. 1 и 2) котлованом (299). Удалось зафиксировать лишь придонную часть этого объекта. Судя по находкам, его использование и засыпка не выходят за пределы первой половины V в. до н. э. К тому же времени относится и «уходящий» под восточный борт раскопа другой котлован (296), прорезавший пом. 1.

---

[5] В пределах открытой площади раскопа. Очевидно, что оно распространялось далее к востоку (уходит в борт).

[6] Кладки его стен поставлены непосредственно на материковый песок, чуть заглублены в него [*Кузнецов* 2011, 123, 127, рис. 11].

[7] Подробно см. [*Кузнецов*, *Абрамзон* 2020].

[8] Как и в первой части работы, базовым элементом в обосновании хронологии объектов послужила амфорная тара (конечно, не только она), главным образом, зафиксированная in situ в контексте, занимающем определенную стратиграфическую позицию. Такой подход выбран осознанно, с учетом нескольких характеристик этого материала: *1*) общепринято мнение, что амфоры принадлежит к числу одноразово используемых *по прямому назначению* (тара для морской перевозки жидких и др. продуктов) категорий керамики; *2*) вторичное использование целых амфор или крупных их частей, как правило, недалеко по времени отстоит от момента их привоза в пункт назначения (случаи длительной выдержки, например, вина в пункте производства продукта в данном случае игнорируются как «исключения»); *3*) в архаический и ранний классический периоды, когда развитие морской торговли выходит на качественно новый уровень, происходит интенсивное становление и развитие товарного производства и торговли продуктами, перевозимыми в амфорах, последние интенсивно приспосабливают специально для этих целей, в результате чего наблюдается сравнительно быстрое изменение размеров и форм тарных сосудов, что позволяет исследователям выработать детальные хронологические схемы, отражающие этот процесс их эволюции; *4*) в отличие от мелких обломков керамики (в том числе расписной, хронология которой разработана весьма подробно), указанные амфорные материалы в силу своих габаритов менее подвержены «случайным» перемещениям в культурном слое.

Рис. 1. Части амфор Клазомен (*1*) и Хиоса (*2–5*), из которых сделана топка и воздуховод горна 325

Рассмотрим кратко еще один комплекс – дом (295), в котором тоже был представлен горн (281), также сооруженный из частей амфор (рис. 2). Дом располагался у южного края «главной» улицы, непосредственно к востоку (через проулок) от общественного здания (300) [см. *Завойкин*, *Кузнецов* 2019, 79–86, рис. 6–16]. В жизни этого дома (в пом. I) выделяется два горизонта, разделенных массивом рушенного сырца мощностью 0,22–0,26 м. На полу нижнего горизонта, непосредственно под горном, находился круглый глинобитный очаг (335), а у восточной стены – открытая прямоугольная в плане печка (309). Топочная часть интересующего нас горна углублена в слой разрушения стен дома. Обломки амфор, из которых была обустроена конструкция ремесленного предназначения (горло хиосской ранней пухлогорлой, ионийских «протофасосских,

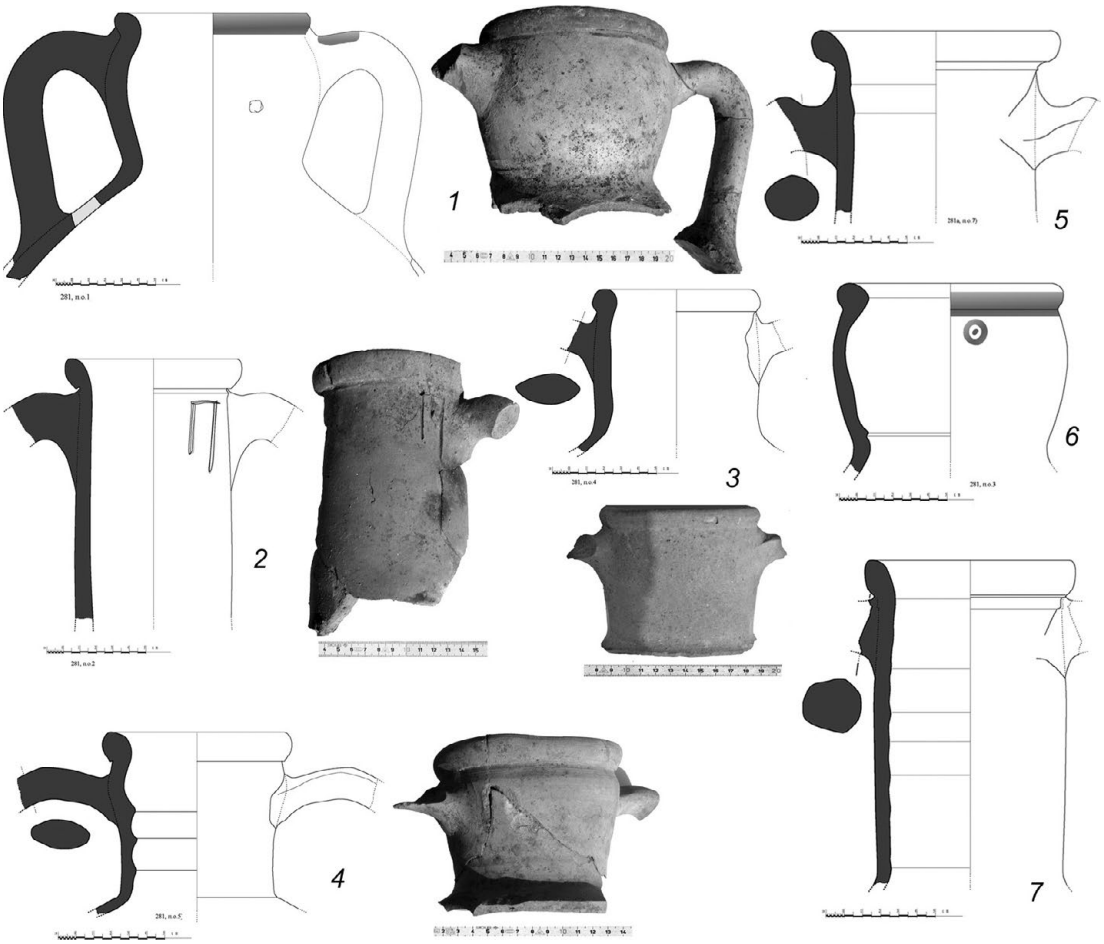


Рис. 2. Части амфор Хиоса (*1*), Лесбоса (*2*) и «прото-фасосских» (*3*, *4*), из которых сделана топка и воздуховод горна 281

красноглиняной лесбосской), датируются в пределах последней четверти VI – первых двух десятилетий V в. до н. э. Полной уверенности в том, что этот дом продолжал функционировать (был восстановлен) во время использования горна нет. Но то, что первое (возможно, единственное?) его разрушение предшествует этой дате – очевидно. Следовательно, строительство и жизнь этого дома укладывается во временном интервале, соответствующем второму, но возможно, еще и к первому строительным периодам[9].

Стратиграфическим основанием для синхронизации этого дома (295) и соседнего, примыкающего к его восточной стене дома (331) является только расположение кладок стен того и другого на материке. В планиграфическом отношении их взаимоположение допу-

[9] Поверх западной стены дома (205Г), в ее створе, прошла каменная кладка фундамента стены (288), от которой сохранились только небольшие отрезки (общая их длина ок. 4 м). Прямых оснований для датировки этого объекта нет. Судя по материалу кладки и ее стратиграфической позиции, время постройки не выходит за пределы V в. до н. э. Во второй половине этого столетия над рассматриваемыми нами объектами располагалось реконструируемое по обрывкам кладок фундамента здание (286+270+228). Исходя из этого, можно полагать, что постройка с фундаментом 288 относится ко второй четверти V в. до н. э.

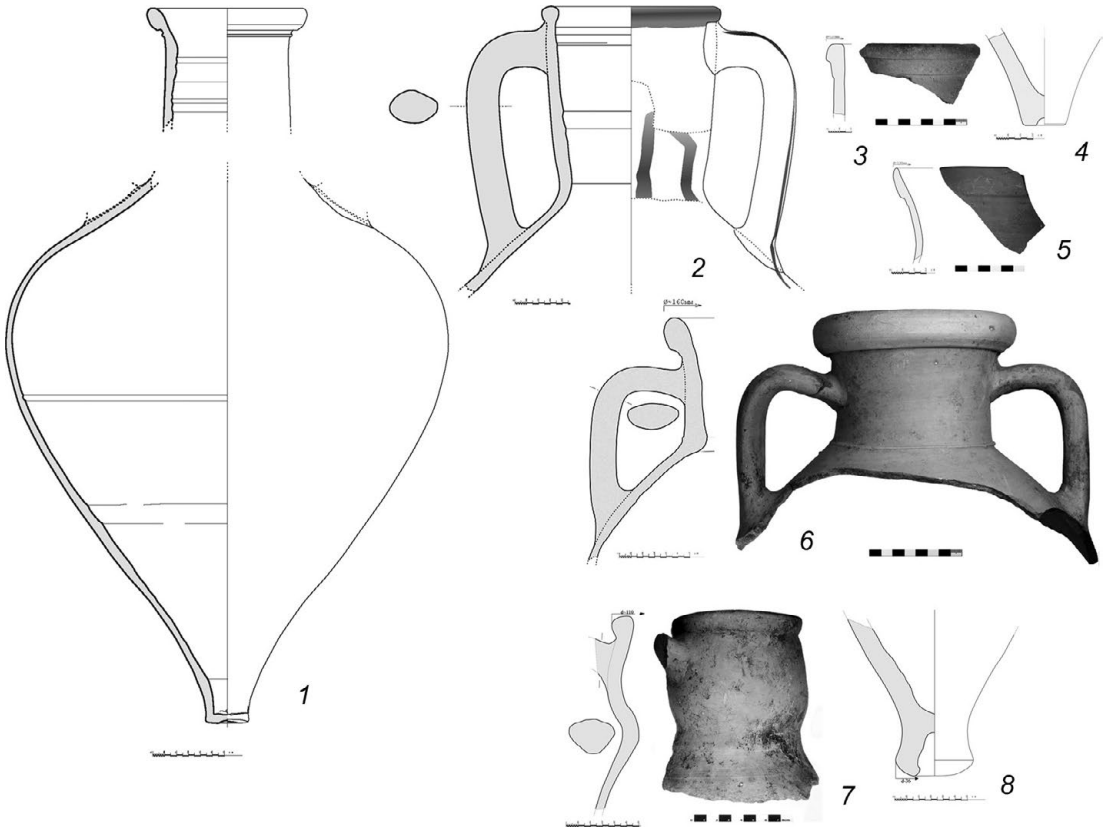


Рис. 3. Амфорный материал из объектов: 345 (*1*, *2*); 783 (*4–6*); 742 (*7*, *8*)

скает вероятность того, что обе постройки были помещениями единого домохозяйства[10]. Особо отметим, что под полом дома 331, в материке обнаружены следы предшествующей ему временной постройки в виде небольших отрезков глиняных полос («сырцовый кирпич на ребре» (?)[11] – объект 347, 345[12]), столбовых ямок, расположенных «хаотично», и неглубоких ямок (ремесленного или бытового характера), связанных с этим сооружением.

Южную часть здания 331 прорезал котлован 343 (2,0×2,05 м), заполненный крупными обломками сырцовых стен дома, судя по всему, погибшего в пожаре. В числе

[10] Так же, как и обрывок кладки 271, западный фас которой проходил по одной линии с внешним фасом западной стены дома 331. Вполне вероятно, что южным концом кладка 271 примыкала к северной стене дома 205. В таком случае перед нами остатки единого большого строительного комплекса (?). В виду плохой сохранности объектов о его планировке в целом и функциональной характеристике говорить сложно. К востоку от кладки 271 зафиксирован котлован 275 (2,95×2,05 м), засыпанный не позднее 480 г. до н. э.

[11] Аналогичный по характеру и стратиграфическому положению объект (334) в виде прямого угла, образованного глиняными полосками в материке, был выявлен к СЗ от соответствующего угла дома 295: южная полоска «уходит» под стену 295А. Полоски глины в материковом песке (811) были зафиксированы и под полами южных помещений здания 294. Стоит сказать, что все отмеченные объекты такого рода ориентированы относительно сторон света так же, как и стены домов, построенных после них.

[12] На уровне, соответствующем жизни объекта, найдены, в частности, фрагментированная лесбосская красноглиняная амфора и верхняя часть хиосской «с воронковидным горлом» третьей четверти VI в. до н. э. (рис. 3. *1*, *2*).

находок из него, наряду с керамикой второй половины VI – рубежа первой и второй четвертей V в. до н. э., представлен бронзовый наконечник стрелы. С учетом стратиграфии и характеристики находок в этом котловане (равно как и ранее упомянутого, 299-го), весьма правдоподобно заключение, что оба они, как и другие объекты такого рода [см. *Завойкин*, *Кузнецов* 2023а, 139–140], относятся ко времени *между* вторым и третьим строительными периодами (т. е. ок. 480/70 гг. до н. э.).

Теперь обратимся к обзору построек, расположенных к северу от «главной» улицы и к востоку от охарактеризованного в первой статье домовладения 839–836–677. Ближайшая к нему с востока (в 2,63 м) однокомнатная постройка из сырцового кирпича на каменном фундаменте (687) имела небольшие размеры (4,4×3,9 м). В самом центре помещения на полу размещался округлый в плане глинобитный очаг на подоснове из черепков. Плотный глинобитный пол с ярко выраженными следами продуктов горения на поверхности был очень неровным вследствие проседания (после разрушения дома) в заполнение ранних ям (840, 843 и 844, под западной стеной), перекрытых полом. К сожалению, находки из этих ям в хронологическом плане маловыразительны. Находки из самого помещения тоже немногочисленны, и, если исходить лишь из того, что хиосские амфоры представлены здесь только фрагментом воронковидного горла, возможно, не выходят за пределы первых двух-трех десятилетий жизни Фанагории. Однако фрагменты керамики, не имеющей столь же узкую датировку заставляют верхнюю границу жизни постройки отодвинуть к рубежу первой и второй четвертей V в. до н. э. Таким образом, это небольшое здание может быть отнесено к первому или второму строительному периоду или, что более вероятно, – к ним обоим.

Далее к востоку от этого дома – между ним и соседним домом (750) – располагался «проулок» шириной 2,14 м замощенный железняком. Дом 750 также представляет собой изолированную однокомнатную постройку из сырцового кирпича, несколько бóльших размеров (по внутреннему фасу стен – не менее 5,9×3,9 м, т. е. ок. 23 м^2), с очагом, обложенным сырцовым кирпичом на ребре, в середине помещения. Находки из помещения дома в целом характеры для большинства позднеархаических комплексов[13]. Отметим лишь ту же особенность, что и в предыдущем случае: амфорные фрагменты хиосских представлены исключительно вариантом с воронковидным горлом.

Северо-восточный угол дома был уничтожен котлованом (740) прямоугольной в плане формы. В котловане найдены венцы хиосских исключительно ранних пухлогорлых амфор; наряду с обломками ионийской керамики здесь обнаружены фрагменты аттической чернофигурной посуды, датировки которой, кажется, не выходят за пределы конца первой – начала второй четверти V в. до н. э.

Как мы видим, стратиграфическая ситуация здесь напоминает знакомое уже нам соотношение объектов второго строительного периода и короткого временного интервала между ним и следующим строительным периодом (IV и V стратиграфические горизонты). Хронология находок из описанных объектов заставляет вспомнить и отме-

[13] Датировки расписной аттической керамики из-под стены 750/2 и с пола не выходят за пределы последней трети VI в. до н. э., а в основном относятся к третьей четверти этого столетия. Примечательно и то, что хиосская тара в самом помещении представлена исключительно фрагментами амфор с воронковидным горлом. Скорее всего, им синхронны венцы красноглиняных лесбосских и ионийских «протофасосских» амфор.

ченные ранее примеры, когда в углубленных объектах (котлованах и подвалах) не были встречены предметы, датировка которых выходит за пределы рубежа первой и второй четверти V в. до н. э. [см. *Завойкин*, *Кузнецов* 2023а, 140–142].

Примерно в 1,5 м к СВ от дома 750 располагался комплекс двух разновременных построек, очевидно, культового характера – объекты 783 и 769 (последний перекрыл северную часть первого из них)[14]. Первая по времени представляет собой глубокий (ок. 2,0 м) обширный подвал[15] и, к северу от него, – открытую часть постройки, стены которой были сложены из сырцового кирпича. Лестница, ведущая в подвал, тоже построенная из сырца, располагалась в СВ его углу. В какой-то момент времени она была перекрыта новой кладкой северной стены подвала в результате ее ремонта[16]. В северной части сооружения, несколько заглубленной в материк, располагалось открытое с севера помещение[17]. Западная и восточная его стены были продолжением соответствующих кладок стен подвала, но уже их (0,5 м против 0,75 м). В этом помещении находился построенный из сырцового кирпича ступенчатый алтарь, на котором стояла большая культовая чаша («лутерий»)[18], и яма-ботрос (799), служившая, предположительно, для возлияний и сброса продуктов сжигания жертвоприношений. Исходя только из того, что во всем массиве заполнения подвала найдены фрагменты хиосских амфор исключительно «с воронковидным горлом»[19], можно уверенно говорить, что строительство, жизнь и гибель этого комплекса на выходит за пределы третьей четверти VI в. до н. э. Таким образом, он должен быть отнесен к первому строительному периоду застройки исследованного раскопками района.

Непосредственно поверх руин северной части культового комплекса с подвалом было возведено подпрямоугольное (параллелограмм) в плане здание 769. В отличие от предыдущей постройки, стены которой ориентированы по сторонам света, его продольные стены отклоняются к северо-западу. Здание имело единственное помещение (внутренние размеры 4,75×3,1–3,3 м, площадь 15,5 м^2), по центру которого (со смещением к северу) располагался овальной формы очаг-*гестия*, обустроенный из сырцового кирпича. В данном случае говорить о функциональной преемственности с предыдущим объектом сложно, если только не принимать в расчет местоположение этой постройки[20]. Судя по находкам из помещения, здание было разрушено не позднее 480 г.

---

[14] Об этих постройках подробнее см. [*Кузнецов* 2019, 405–413].

[15] Его размеры: по внешнему контуру стен – 6,4–6,6×5,2 м, по внутреннему – 5,0–5,2×3,8–4,1 м. Общая площадь – 20 м^2

[16] Выявленные в придонной части подвала целые блоки упавших плашмя сырцовых стен (восточной и южной), возможно, относятся к первому разрушению постройки.

[17] Нельзя исключать того, что северная стена этого помещения могла просто не сохраниться на поднимающейся к северу поверхности материка.

[18] Чаша опиралась на верхнюю плоскость сырцового алтаря только частично, большую часть его опоры выполняла поверхность подрезанного материкового песка.

[19] Кроме хиосских стоит все же отметить фрагменты амфор Самоса, Милета и эолийских красной глины с низко расположенным уступом под венчиком (рис. 3. 4–6) [см. *Завойкин* 2018б, рис. 2. *1*; 3. *3*, *7*; 4. *1*].

[20] Видимо, следует отметить закладную жертву между первым и вторым рядами кладки южной стены здания – терракоту в виде обезьяны-куротрофы [см. *Завойкин* 2018]. Между прочим, строительная жертва (ионийский *лидеон*) была положена под новую кладку северной стены подвала 783-го при ее ремонте. Еще один пример такого рода заклада мы обнаружили в СЗ углу общественного здания 300 [см. *Завойкин* 2007].

до н. э.[21] С учетом стратиграфической позиции оно должно быть отнесено к числу построек второго строительного периода.

Юго-западный угол здания 769 был слегка подрезан прямоугольным котлованом 742 (3,2×2,6 м), который располагался над подвалом комплекса 783. Котлован был засыпан во второй четверти V в. до н. э.[22] (т. е. объект относится к V-му стратиграфическому горизонту). Здесь же следует упомянуть еще один аналогичный объект – котлован 771 (2,55×1,60/1,80 м)[23], который хотя и не сопряжен непосредственно с остатками здания 769, но его южный борт находился почти вплотную к северной стене этой постройки, с внешней ее стороны. Находки в этом котловане довольно многочисленны, более поздние, чем относящиеся к первым двум десятилетиям V в. до н. э. здесь не представлены.

В 0,6 м к востоку от ЮВ угла здания 769 находилась еще одна однокомнатная постройка из сырцового кирпича – здание 768. Оно располагалось в непосредственной близости (1,63 м) от восточной оборонительной линии города (679, пом. 4). Его размеры: по внешнему контуру 7,4×5,6 м, по внутреннему – 6,45×4,55 м (общая площадь здания 29 м^2). Приметной особенностью стен является то, что как внутренние, так и внешние их поверхности, были покрыты плотной бледно-желтой, почти белой, обмазкой. Датировка большинства находок из помещения не выходит за пределы второй половины VI в. до н. э. Обломки хиосских амфор представлены в основном вариантом тары «с воронковидным горлом»[24]. Таким образом, при всех условиях прекращение жизни здания, построенного еще в третьей четверти VI в. до н. э., не выходит за пределы двух первых десятилетий V в. до н. э., но не исключено, что это событие произошло раньше указанной даты.

В южной половине помещения открыта глубокая яма (792)[25] подпрямоугольных в плане очертаний. Продольная ось этого объекта (отклонена к СВ) не совпадает с направлением длинных стен здания 768 (слегка отклоняются к С–СЗ). Четкой привязки ямы к полу здания нет[26]. Однако мы не исключаем, что яма не прорезала развал постройки (это не было прослежено), но она либо предшествовала строительству здания или же непосредственно связана с его функционированием, т. е., предположительно, могла служить *ботросом* (?). Находки из ямы довольно представительны. Если судить по аттической чернофигурной керамике, дата засыпки ямы – не позже конца VI – на-

[21] В частности, показательно присутствие фрагментов хиосских ранних пухлогорлых (наряду с небольшим количеством «с воронковидным горлом») и отдельных фрагментов амфор «с раздутым горлом» (КТБ 27).

[22] Эта дата сомнений не вызывает, поскольку в заполнении присутствовало значительное количество фрагментов «развитых» пухлогорлых хиосских амфор. Насколько возможно судить по обломку горла и ножке, они принадлежали амфорам середины V в. до н. э., т. е. поздней серии этого варианта (рис. 3. *7*, *8*). Поэтому данный объект, возможно, относится к числу тех, что появился на «Верхнем городе» *после* второго общего разрушения зданий (ок. 450/40 гг.) четвертого строительного периода, хотя нельзя полностью исключить его стратиграфическую позицию *между* третьим (ок. 480/70–460/50 гг.) и четвертым (460/50–440 гг.) периодами.

[23] С уровня его дна была открыта яма (781). Судя по находкам из неё (в пределах второй половины VI в. – 480 г. до н. э.), яма предшествовала котловану, который уничтожил верхнюю восточную половину ямы. Из амфорной тары в описи как позднейшее включение отмечен единственный фрагмент ручки хиосской «ранней пухлогорлой». Если судить по обломкам других амфор (лесбосской красноглиняной и «протофасосских»), яма была засыпана не позднее первой четверти V в. до н. э.

[24] Лишь два фрагмента ручек из верхнего штыка заполнения помещения определены как принадлежащие «ранним пухлогорлым, в чем мы не вполне уверены.

[25] Ее устье зафиксировано на глубине -4,6 м от репера, дно -8,03 м.

[26] Прослежен фрагментарно в ЮВ углу. Пол золистый, на нем следы огня в виде горелой глины.

чала V в. до н. э., но отсутствие в комплексе фрагментов хиосских пухлогорлых амфор (тара этого центра представлена *только* вариантом «с воронковидным горлом»), с учетом характеристик обломков амфор иных центров-экспортеров, более склоняет нас к ранней датировке – не позднее последней четверти VI в. до н. э.

Кратко рассмотрим другие объекты, которые следует принять во внимание. Северо-западный угол здания 768 был прорезан котлованом 773, а северо-восточный – поздней ямой (707), которая прорезала также южный борт котлована 758 и ЮВ угол котлована 770, сопряженного на востоке с предыдущим, а на западе – с котлованом 773. Очевидно, что эта группа котлованов включает в себя и котлован 771, о котором говорилось чуть выше. Все они[27] имели подпрямоугольную форму и небольшие размеры, линии бортов ориентированы по сторонам света с небольшим отклонением к З-СЗ.

В находках из котлована 773 (3,25×2,2 м) обильно представлена керамика второй половины VI в. до н. э., в том числе ионийская и аттическая расписная керамика, в хронологическом отношении аналогичная той, что происходит из ямы 792; однако – в отличие от находок из последней, – в ней присутствуют показательные обломки хиосских «ранних пухлогорлых» амфор (рис. 4. *4*). Несомненный интерес имеют также археологически [почти] целые тарные сосуды: амфора, напоминающая пифоидные самосские (без ножки), и, особенно, ионийская на сложнопрофилированной ножке (рис. 4. *1*, *5*; [см. *Завойкин* 2018б, рис. 4. *4*, *12*]), размеры и морфология которой близки амфорам, находившимся в доме 839 в момент его гибели (ок. 480 г. до н. э.), но все же не идентична им (рис. 4. *6*, *7*; [ср. *Завойкин*, *Кузнецов* 2020, рис. 5. *3*–*5*]). К сожалению, ионийские амфоры этой серии[28] не могут быть надежно дифференцированы по времени, однако все же отметим, что амфора из объекта 773 выглядит несколько архаичнее[29].

Находки из котлована 758 (2,6×1,85 м) более малочисленны и менее представительны. В основной своей массе их датировка не выходит за пределы рубежа первой и второй четверти V в. до н. э. В полевой описи отмечен лишь один обломок венчика хиосской «развитой пухлогорлой» амфоры, датировка которой распространяется на всю вторую четверть данного столетия в силу отсутствия репрезентативных признаков у фрагмента.

Хронологически показательные находки из котлована 770 (его размеры 2,6–2,8×2,15 м) указывают на то, что он был засыпан в интервале между 525–480 гг. до н. э., хотя более ранние находки в нем тоже неплохо представлены (например, хиосские амфоры – только «с воронковидным горлом», венчик амфоры à la brosse).

Поскольку очевидно, что все эти грунтовые объекты, как и отмеченные раньше, функционировали весьма непродолжительное время и не могли использоваться одновременно с «нормальными» постройками из сырцового кирпича[30], можно сделать

[27] Борта котлована 773 в материковом песке обрушились, в результате чего объект потерял изначально подпрямоугольную форму.

[28] Третья серия, конец VI – начало V в. до н. э. [*Монахов* 2003, 40, табл. 24. *1*, *2*, *5*].

[29] Суждения о хронологии «протофасосских» амфор, в том числе на основе анализа находок их фанагорийских комплексов, см. [*Завойкин* 2024].

[30] Приведенные раньше примеры подвалов, стенки котлованов которых были укреплены кладками из сырцового кирпича, принципиально не влияют на данное заключение. Скорее они подтверждают вывод о том, что строительство стен из сырцовых кирпичей не требовало много времени и значительных материальных затрат.

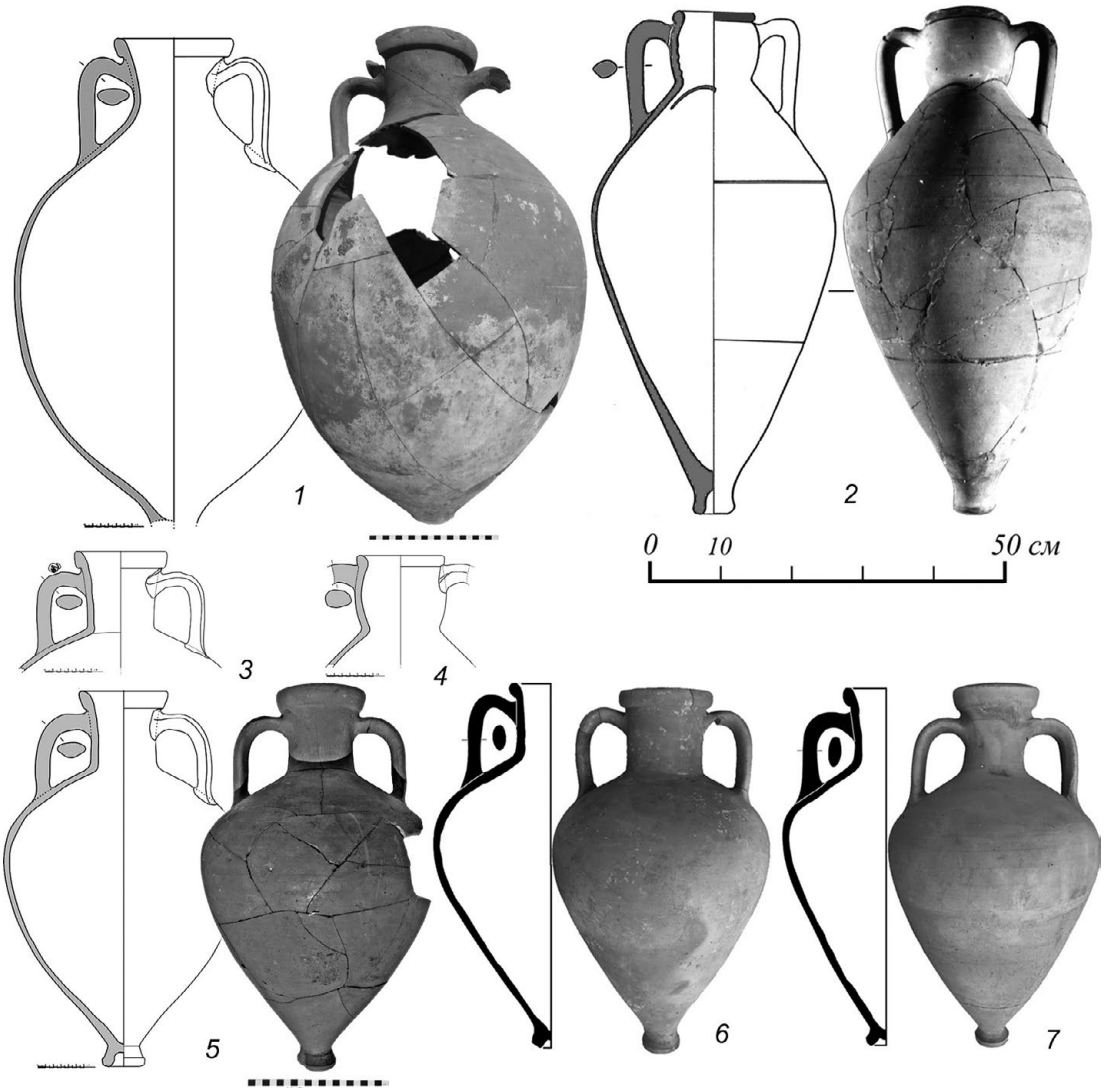


Рис. 4. Амфорный материал из объектов: 773 (*1*, *3*, *4*, *5*); «пом. VII» (*2*); пом. 3 дома 839 (*6*, *7*)

логический вывод: эти объекты, по всей видимости, связанные с хозяйственной и/или ремесленной деятельностью[31], относятся к кратким интервалам времени между выделенными нами строительными периодами. Предположительно, они связаны с деятельностью по ремонту или строительству новых зданий после разрушения предыдущих[32]. Вопрос о хронологии этих сооружений оказался несколько сложнее, чем могло показаться раньше, когда мы выделили наиболее многочисленную группу котлованов,

[31] Ни в одном котловане не были выявлены следы бытового их использования (очаги, другие конструкции). Доказано, в частности, использование котлована (290Б) в качестве склада с амфорами [см. *Завойкин* и др. 2013].

[32] Мы, как и прежде, отрицаем возможность использования подобного рода сооружений в качестве даже временного жилья [см. *Кузнецов* 2018б; *Завойкин*, *Кузнецов* 2023а, 140].

появившихся *после* тотального разрушения застройки ок. 480 г. до н. э.[33] Из рассмотренных объектов, прямо или косвенно стратиграфически связанных со зданиями 750, 768 и 769, только котлованы 742 и 751[34] (как и расположенные южнее котлованы 299 и 345, о которых было сказано раньше) уверенно относятся к той же серии, а остальные (740, 758, 770, 771, 773) – составляют другую хронологическую группу: их засыпка определенно предшествует 480 г. до н. э. Эту группу, исходя из отсутствия в составе находок «развитых» хиосских пухлогорлых амфор, можно дополнить котлованами 794 (о нем см. ниже), 877, 899, 911 (и ямой 912) и подвалом 883 (которые мы ранее отнесли к V стратиграфическому горизонту[35]).

Имеется, как уже отмечалось [*Завойкин* 2019б, 234–239; *Завойкин*, *Кузнецов* 2023а, 139], яркий пример еще более раннего котлована (826), который был засыпан на рубеже третьей и последней четверти VI в. до н. э. (ок. 530/20 гг. до н. э.). Не исключено, что некоторые котлованы выделенной группы во временном плане примыкают к нему (например, 794 и 877). Примечательно, что этому временному интервалу[36] соответствует финал жизни комплекса с подвалом 783, зданий 869 и, возможно, 868, относящихся к первому строительному периоду (II-й стратиграфический горизонт), и строительство поверх их развалин новых зданий (769, храма 870/890, 839) второго строительного периода (IV-й стратиграфический горизонт), разделенных в СЗ углу раскопа объектами III-го стратиграфического горизонта [см. *Завойкин*, *Кузнецов* 2023б, 94–99].

Ранее мы отмечали [*Завойкин*, *Кузнецов* 2023а, 140], что, в отличие от котлованов выделенной группы, в объектах III-го стратиграфического горизонта обломки хиосских ранних пухлогорлых амфор не обнаружены (присутствуют только фрагменты амфор с воронковидным горлом). И это обстоятельство склонило нас в пользу того, чтобы отнести котлованы 877, 899, 911 и яму 912 не к III-му, а к V-му стратиграфическому горизонту, ссылаясь на аналогичный состав находок из подвала 883, стратиграфическая позиция которого (между домами 2-го и 3-го строительных периодов, V стратиграфический горизонт) однозначна. По сути дела, предложенная нами логика, объясняющая отсутствие в таких комплексах «развитых» хиосских амфор (т. е. допущение того, что они «только появились»), применима и для аргументации в пользу противоположного суждения. Иначе говоря, допустимо думать, что к моменту перестройки и возведения домов 2-го строительного периода ранние пухлогорлые амфоры уже вошли в оборот и их обломки присутствуют в объектах III-го стратиграфического горизонта.

Это предположение вовсе не противоречит отстаиваемому нами тезису, согласно которому временные промежутки, разделявшие здания двух последовательных строительных периодов, были весьма непродолжительны, хотя мы и не можем археологически датировать их *уже*, чем одним десятилетием (III – ок. 530/20; V – ок. 480/70 гг.

[33] Исключая, естественно, котлован 826, засыпанный ок. 530/20 гг. до н. э.

[34] Этот котлован (3,0×2,8 м) располагался к востоку от дома 750 и к югу от комплекса 783, но никак с ними или другими постройками стратиграфически не связан, поэтому ранее не упоминался.

[35] О них см. [*Завойкин*, *Кузнецов* 2023а, 140]. Допуская для этих объектов стратиграфическую/хронологическую альтернативу (между постройками 1-го и 2-го *или* 2-го и 3-го строительных периодов), мы предпочли поздний вариант ее решения.

[36] Вполне вероятно, что эта же дата разделяет первую и вторую фазы (периоды) жизни общественного здания 294 [*см. Абрамзон* и др. 2019, 7–9].

до н. э.). Другое дело, что сколько-нибудь уверенно разделить массив углубленных объектов, в которых представлены «ранние» пухлогорлые хиосские амфоры, но отсутствуют «развитые», не представляется возможным. Другими словами, объекты выделенной группы могут в принципе относиться как к III-му, так и к V-му стратиграфическим горизонтам[37]. В принципе дифференцировать их возможно только опираясь на датировки других узко датируемых категорий находок. Выполнение этой задачи мы оставим на будущее, сейчас ограничившись «схематическим» выделением альтернативной стратиграфической позиции для этой группы объектов.

Теперь несколько слов следует сказать о древнейшей фортификации Фанагории (679)[38]. Эти сооружения датируются с третьей четверти VI в. до н. э. до рубежа первой и второй четвертей V в. до н. э. (ок. 480/70 гг. до н. э.). В жизни этой постройки выделяется два периода (фазы *а*, *б*), уверенно разделить хронологически которые пока не представляется возможным. После того, как оборонительные сооружения были разрушены, на их руинах было возведено здание (681), в котором найден обломок мраморной плиты с древнеперсидской клинописной надписью. Это здание тоже не пережило пожара уже в середине V в. до н. э. [*Кузнецов* 2022, 151–156; *Завойкин* 2019а, 113–115, рис. 4. *3*, *4*]. Отметим еще один объект – горн (767), сделанный из вторично использованных частей амфорной тары (рис. 5)[39], – располагавшийся напротив предполагаемого прохода (через помещение 3) древних укреплений, в 0,55 м от него. Датировка амфорного материала этой конструкции укладывается в промежуток между 540 и 520 гг. до н. э. Поскольку, учитывая месторасположение объекта, горн едва ли мог функционировать одновременно с действующей фортификацией, логично предположить, что был сооружен он был в период перестройки укреплений (в промежутке между фазами *а* и *б*)[40].

Нам осталось упомянуть еще лишь два комплекса, функциональная характеристика которых остается не очевидной. Это остатки (небольшой отрезок) каменной кладки фундамента (785), перекрытого углом некой постройки из сырцового кирпича (793). Стены обоих объектов ориентированы так же, как стены домов, расположенных вдоль «главной» улицы, т. е. с небольшим отклонением к С–СЗ. Ширина кладки сырцовых стен ок. 1,1 м. Ширина каменного фундамента также предполагает кладку сырца на нем аналогичной толщины[41]. Как видим, стратиграфическая ситуация и размерные характеристики стен здесь напоминают соотношение кладок восточных оборонитель-

[37] Мы последовательно придерживаемся тезиса, согласно которому котлованы (в том числе со стенками, укрепленными сырцовыми кладками, именуемые нами «подвалы») не могли существовать одновременно с домами и другими постройками из сырцового кирпича. Помимо стратиграфических наблюдений, однозначно подтверждающих в ряде случаев разновременность тех и других объектов, об этом свидетельствует анализ планиграфии. Ни в одном известном случае котлованы не вписываются в планировку построек и не могут рассматриваться в качестве элементов строительных комплексов. Единственный объект – подвал 266, прорезавший пол дома 300 и засыпанный во второй четверти 5 в. до н. э., хоть и ориентирован так же, как стены предшествующей постройки, отношения к нему не имеет и не соотносится ни с какой иной наземной постройкой. Примечательно, что этот объект лежит на одной оси (С–СЗ – В-ЮВ) с серией котлованов (290В, 274, 293).

[38] Подробное описание восточных оборонительных сооружений города см. [*Кузнецов* 2021].

[39] Подобно о нем см. [*Завойкин*, *Кузнецов* 2019, 84–85, рис. 17, 18].

[40] Иной вариант решения, допускающий то, что горн использовался раньше постройки оборонительного рубежа, представляется нам менее вероятным, хотя полностью исключить его невозможно.

[41] Напомним, что такую же ширину имел фундамент восточной стены помещений 3 и 4 в доме 294 второго строительного периода [*Абрамзон* и др. 2019, 9].

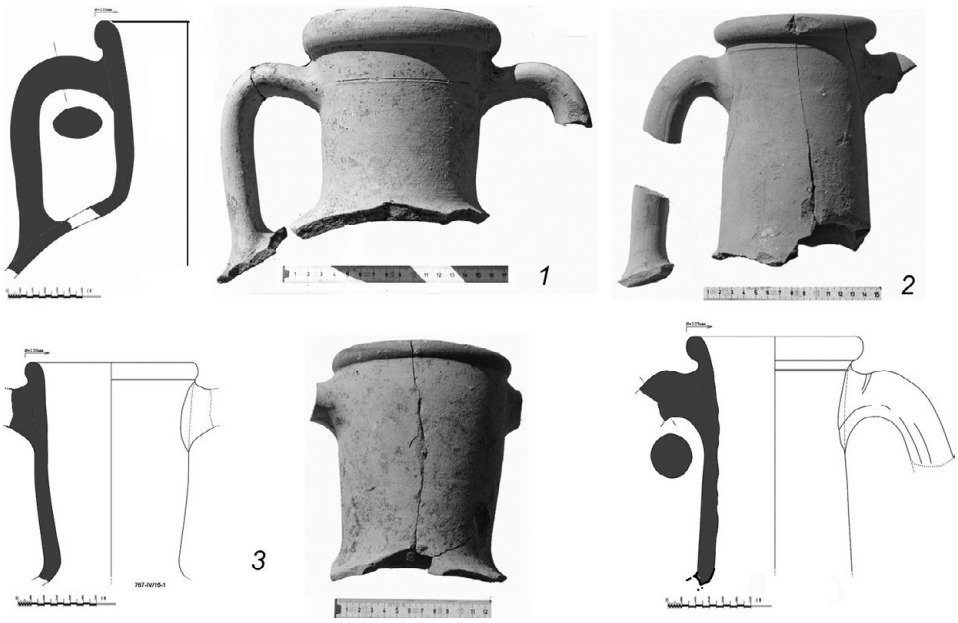


Рис. 5. Части амфор ионийской («протофасосской»?) (*1*), Лесбоса (*2*) и Хиоса (*3*), из которых сделана топка и воздуховод горна 767

ных сооружений (679/*а*, *б*), хотя планиграфическое их соотношение здесь иное. Нет сомнений в том, что эти постройки относятся к периоду архаики, но определить конкретные их даты невозможно[42]. Западным концом фундамент 785 «упирается» в яму (784), засыпанную во второй половине VI в. до н. э. (возможно, еще в третьей четверти этого столетия), по-видимому, она проре́зала кладку. Находки из другой ямы (791), которая прорезала западный край южной стены постройки 793, столь невыразительны, что допускают только широкую дату: вторая половина VI – первые два десятилетия V в. до н. э. Юго-восточный угол этой постройки прорезан еще одной ямой (747), в находках которой присутствует ножка ионийской амфоры «на сложнопрофилированной ножке», которую следует датировать в пределах первой половины V в. до н. э., а скорее – второй четвертью столетия. В пользу поздней даты, кажется, свидетельствует и маленький фрагмент венца хиосской «развитой пухлогорлой»[43]. Восточной своей половиной эта яма подрезала западный борт котлована 794 (2,6×2,15–2,2 м), датировка которого, как было уже отмечено, не выходит за пределы 480 г. до н. э. (а вероятно, она была засыпана не позже рубежа третьей и последней четверти VI в. до н. э.)[44]. Из этих обстоятельств можно сделать следующие выводы: *1*) постройка на каменном фундаменте (785) была

[42] Ситуация осложнена тем, что большая часть этих объектов сохранилась только ниже дна «исследовательской траншеи» И. Е. Забелина.

[43] Некоторые сомнения вызваны тем, что иногда сохранность лакового декора на хиосских амфорах весьма плохая.

[44] Восточная часть котлована 794 прорезана (?) котлованом 776, расположенным между объектами 793 и 783. От этого котлована мало что сохранилось (приблизительные его размеры – 4,2×2,8 м), и судить о его датировке, к сожалению, не представляется возможным.

возведена в третьей четверти VI в. до н. э. и не позже конца этого период прекратила свое существование; *2*) постройка из сырца (793) была возведена не позже последней четверти VI в. до н. э. и функционировала до 480 г. до н. э.; *3*) котлован (794) был вырыт и использовался в интервале времени между разрушением (разборкой) первой и строительством второй.

Постройка 847 (ее восточная часть) располагалась у западного борта раскопа, напротив северного помещения общественного здания (294). Пространство между ними (ок. 7,0 м) занимала каменная (из небольших окатанных камней-валунов) плохо сохранившаяся вымостка (498). Постройку перекрыл угол каменного фундамента здания (828), датировку которого установить невозможно. К югу, в 2,48 м от нее зафиксирован котлован (815), датированный 70-ми годами V в. до н. э., перекрытый стеной на каменном фундаменте (819)[45]. Значительная часть постройки осталась за пределами раскопанной площади (ее габариты в пределах раскопа – 4,6×3,8 м). Южная и северная стены, построенные из сырцовых кирпичей на материковом песке[46], имели ширину 1,10 м, а восточная – более 0,5 м. Предположительно, это была стена-перегородка, которая разделяла внутреннее пространство на два помещения. От восточного (пом. 1) практически ничего не сохранилось[47], западное (пом. 2) в пределах раскопа имело размеры ок. 2,35×3,07 м. К сожалению, находки, связанные с этим зданием, судя по контексту, построенным во второй половине VI в. до н. э., позволяют говорить лишь то, что оно не пережило разрушение ок. 480 г. до н. э.[48], но практически невозможно обоснованно судить о возможных его перестройках.

В заключение рассмотрим строительные остатки, которые были открыты на «Верхнем городе» в первые годы (1975–1980) его исследований. К сожалению, абсолютно точная привязка площади, раскопанной в эти годы затруднительна[49]. С уверенностью можно лишь сказать, что она располагалась не менее чем на 5 м к северу от СЗ угла современного раскопа. Наиболее ранние постройки из сырцового кирпича («помещения»), датируемые в целом третьей четвертью – второй половиной VI в. до н. э., располагались в южной ее части. Это пом. IX в ЮЗ углу[50], далее на восток, через улицу шириной 3,2 м – пом. V, к восточной стене которого примыкала западная стена пом. X (ЮВ угол площади). Стены этих домов были ориентированы по сторонам света с небольшим (~ 9°) уклоном к С–СВ.

---

[45] Объект 819 перекрыл также остатки дома 802, относящегося ко 2-му строительному периоду [см. *Завойкин* 2015, 110–113, рис. 1, 2 (вкладка)].

[46] Кладку подстилала тонкая прослойка из камыша.

[47] На его наличие как будто указывают небольшие выступы южной и северной стен за пределы восточного фаса «стены-перегородки». Не в пользу такого предположения: западная граница вымостки 489 «примыкает» к ней, впрочем, кладки здания 847 были выявлены ниже вымостки, уже после ее разборки.

[48] В числе находок отметим лишь наконечник стрелы и триобол, найденные у восточного фаса «стены-перегородки» [*Абрамзон* и др. 2019, 13, рис. 1. 2, № 2].

[49] Это создает труднопреодолимые сложности для дальнейшей планиграфической оценки ситуации. Отметим сразу примечательный момент: ориентация стен построек здесь иная (с небольшим отклонением к С–СВ), чем на остальной открытой площади (к С–СЗ).

[50] Дом IX, судя по чертежу плана, делился, по крайней мере, на два помещения: в самом углу площади к внутреннему фасу восточной стены примыкала кладка стены-перегородки [см. *Долгоруков* 1978, 2, рис. 1].

Восточную стену пом. IX прорезала бесформенная яма, которую В. С. Долгоруков посчитал «полуземлянкой» (пом. VIII – 1,90×1,60 м)[51], а другая, аналогичная ей (пом. VII – 2,20×2,20 м) подрезала внешний фас северной стены пом. V. Археологически целая хиосская амфора из последнего углубленного объекта, по нашим представлениям, датируется первыми двумя десятилетиями V в. до н. э. (рис. 4. *2*; [*Завойкин* 2013, 135–136, рис. 2. *4*])[52].

К следующему периоду отнесены три постройки. Пом. III перекрыло пом. IX и западную половину (по ширине) древней улицы. Между этим домом и отрезком западной стены пом. XI[53] (что пролегла над северной стеной пом. V и «пом. VII») прошла улица шириной 3,07 м, которая несколько сместилась к востоку относительно более ранней. Наконец, в полуметре от реконструируемого СЗ угла пом. XI располагался погибший в пожаре дом трапециевидной в плане формы с полуподвалом[54] (пом. VI – так наз. «дом скульптора»[55]). Автор раскопок относил эти дома к концу VI – второй четверти V в. до н. э.[56], а дом на каменном «фундаменте»[57] (пом. XII), что своим ЮЗ углом перекрыл вход (ступеньки лестницы, ведущей с улицы в полуподвал) в дом VI, датировал серединой V в. до н. э.[58] В ЮВ углу этого дома была обнаружена *in situ* вкопанная лесбосская красноглиняная амфора без горла [*Долгоруков* 1981, 7][59], из чего следует заключить, что дом был построен едва ли значительно позже 480/70 г. до н. э.

Как мы видим, в целом периодизация застройки данного участка совпадает с тем, что наблюдалось при раскопках на площади к югу от него в последующие годы. Дома V, IX, и X относятся к первому строительному периоду. Объекты VII и VIII приходятся на короткий интервал между предыдущими постройками и следующими после них. К этим последним принадлежат дома III, VI и XI, которые относятся ко второму строительному периоду, а дом XII, датируется третьим – четвертым периодами.

Отметим особо, что стратиграфическое соотношение «пом. VII и VIII» с домами 2-го строительного периода установлено лишь предположительно. Они (по крайней

---

[51] «По углам» отмечены столбовые ямки диаметром 0,20 м, «лежанка» в западной части и остатки глиняного «очага», «ступеньки» в ЮВ углу (*Долгоруков* 1978, 5).

[52] В. С. Долгоруков (1980, 5) отметил, что состав находок в заполнении этой «полуземлянки» идентичен находкам из пом. V, а также – кратковременность бытования этого «жилища».

[53] В. С. Долгоруков замкнул трассу этой стены на обрывке сырцовой кладки на севере (на востоке ее прорезало так наз. святилище кабиров – «пом. XIII» (в полевой документации имело номер XI [см. *Долгоруков* 1980, 11 слл.]), построенное в 4 в. до н. э.) и присвоил реконструкции наименование «пом. XI».

[54] О нем подробно см.: [*Кузнецов* 1998, 10–11, рис. 2; 2011, 127–128, рис. 12 2018б, 124].

[55] На ступенях входа были найдены обломки формы для литья по утраченной восковой модели, другие ее обломки связаны с бронзолитейной печью, в том числе обломок, сохранивший отпечаток пальцев руки; в полуподвале найдены обломки мраморной скульптуры [см.: *Долгоруков* 1986, 145–155; *Кузнецов* 1998, 11].

[56] Наиболее поздние находки пом. VI датированы первой – началом второй четверти V в./ок. 480–470 гг. до н. э. [*Долгоруков* 1980, 7–8, рис. 72–74, 84–86; ср. 1978, 8].

[57] В. С. Долгоруков (1981, 6) отмечает, что все кладки стен были заглублены в материк на 1,0–1,1 м, и упоминает остатки пола с обмазкой и выкружкой у стен, которые, предположительно, тоже были обмазаны. В этом случае следует говорить о заглубленном помещении (полуподвале?), а не о фундаменте наземных стен. В пользу этого красноречиво говорит и тот факт, что «камни хорошо обработаны только с внутренней стороны» (Долгоруков 1980, 11).

[58] На полу этого дома найден гемиобол ок. 460–440 гг. до н. э. [*Абрамзон* и др. 2019, 13–14, рис. 2. *21*, № 21].

[59] В тексте отчета упомянуты фрагменты «протофасосских» амфор, к сожалению, не иллюстрированных.

мере VIII-й) режут стены построек 1-го периода, но перекрытие VII-го западной стеной дома XI лишь предполагается, исходя из умозрительной и неочевидной реконструкции, предложенной В.С. Долгоруковым. Некоторое затруднение вызывает целая хиосская пухлогорлая амфора поздней серии раннего варианта (рис. 4. *2*) из объекта VII («на полу входа»), которую мы датируем ок. 500–480 г. до н. э. Разумеется, не стоит абсолютизировать эту дату 25-литровой амфоры, хотя ее морфология и объем, безусловно, не позволяют отнести ее к ранней серии 30-литровых тарных сосудов данного производственного центра (соответственно, отнесение объекта, из которого она происходит, к III-му стратиграфическому горизонту невозможно)[60]. Не видим смысла пускаться в умозрительные спекуляции, позволяющие снять это противоречие (например, можно усомниться в том, что «вход» имел отношение к «полуземлянке»). Учитывая характер находок из заполнения этих объектов [*Долгоруков* 1980, 8, рис. 21–23; 1978, 4–5, рис. 23–24], можно было бы ограничиться отнесением объектов VII и VIII к числу других ям и котлованов, датированных в пределах последней четверти VI в. до н. э. – первых двух десятилетий V в. до н. э., поскольку документированных оснований для отнесения их к периоду после 480 г. до н. э. нет. Однако, принимая в расчет прецедент с подвалом 883 (стратиграфическое основание для отнесения этого объекта к V-му стратиграфическому горизонту), мы не можем однозначно исключить вероятность того, что и здесь имеем дело с объектами, относящимися к рубежу первой и второй четвертей V в. до н. э., т.е. появившимися сразу после общего пожара.

Прежде чем подвести общие итоги проделанной работы, необходимо внести некоторое исправление в схему, опубликованную в первой части [*Завойкин*, *Кузнецов* 2023а, 144, табл.]. В ней мы слишком обобщенно представили стратиграфическую позицию здания 464 (II–VII стратиграфические горизонты). Его характеристике следует уделить больше внимания.

Дом 464 находился вдоль южного борта раскопа (Западный и западная часть Центрального участков), выходя за его пределы к югу и западу[61]. Соответственно, расположенные в ряд с запада на восток его помещения открыты частично.[62] Первоначально их было три. В какой-то момент жизни дома восточное помещение было разделено стеной-перегородкой (464/2) на два – пом. 1 и 2[63]. Первое из них было, очевидно, квадратным в плане площадью, ориентировочно, 15–20 м^2; второе, прямоугольное, вытянутое с севера на юг – площадью ок. 5,5 м^2, а с учетом части оставшейся за пределами раскопа, могло иметь площадь порядка 8–10 м^2 (т.е. изначальное помещение «1+2» занимало

[60] Не лишнем будет напоминание, что хиосские амфоры из комплекса афинской агоры Q 12:3 (колодец), засыпку которого обоснованно связывают с разрушениями города персами в 480 г. до н. э., представлены тарой 30-литрового стандарта [см. *Roberts* 1986, 66, 67, fig. 42, pl. 18, nos. 419, 420].

[61] В отличие от большинства других архаических и раннеклассических построек, стены здания 464 отклоняются от оси С–Ю к востоку (на ~5°), а не к западу (на ~2–11°).

[62] В длину прослежены на 15 м. Принимая в расчет несохранившуюся часть (восточную) дома и часть, оставшуюся западу от границы раскопа, общую длину его следует оценивать порядка 20 м, но возможно и больше.

[63] Первоначально единому помещению было присвоено наименование «пом. 1+2». То же самое мы наблюдаем в ходе перестройки соседнего здания 294: большое прямоугольное северное помещение (1+2) в заключительной фазе (*в*) было разделено стеной-перегородкой, поставленной прямо на пол, на два помещения, южное из которых было узким прямоугольным, 12 м^2 [см. *Абрамзон* и др. 2019, 7–9].

площадь 25–30 м^2); площадь пом. 3 открыта на 18 м^2, в целом же могла достигать 30 м^2; площадь пом. 4 в рамках раскопа составила 6,5 м^2, а с учетом ее частей под западным и южным бортами, скорее всего, превышала 15 м^2 (нельзя исключить и того, что размеры помещения были равнозначны помещениям, расположенным восточнее).

Для характеристики стратиграфической позиции этого архитектурного объекта довольно плохой сохранности[64] важны следующие моменты. ***1)***. Стены здания были возведены на поверхности материкового песка. ***2)***. Окончательно дом погиб в пожаре, находки из слоя его разрушения позволяют определить дату этого события не позже или чуть позже середины V в. до н. э. ***3)***. В помещениях 1 и 2 выявлено *четыре* уровня полов, разделенных слоями рушенного сырца (три верхних – с очагами). Первый из них (***а***) – прослойка (2–3 см) чистой серо-желтой глины – был намазан непосредственно на поверхность материка. Второй пол (***б***) представлял собой некую «утоптанную» поверхность с очагом на слое рушенного сырца. Третий пол (***в***) разделен с предыдущим слоем рушенного сырца, на этом полу была поставлена стена-перегородка (464/2) и зафиксирован фрагмент крупного глинобитного очага (уходит в борт), имевшего, видимо, подпрямоугольные (или более сложные) очертания в плане. Выше пола «*в*» в южном борту отчетливо читается поверхность (*г*), на которой лежит мощная (до 0,20 м) и протяженная с востока на запад (1,1 м)[65] линза сильно запесоченной глины, обожженной в верхней части. Примечательно, что на этой поверхности под слоем обгоревших сырцов видна прослойка древесных угольков, особенно много их в восточной части помещения. Эта прослойка доходит до останца сырцовой кладки восточной стены пом. 1 и «обрывается» у обгоревшей обмазки ее западного фаса. ***4)***. На уровне нижнего пола в пом. 1+2 функционировали ямы (801, 806, 807), которые оказались *перекрыты* развалом стен дома ранней фазы (*а*) его жизни. Находки из ям датируют их засыпку не позже начала V в. до н. э.[66] А поскольку стены стоят на материке, позволительно думать, что строительство дома относится *не позднее*, чем ко <u>второму строительному периоду</u> в застройке этого района города[67]. В таком случае фазу «*б*» его жизни можно отнести ко времени после пожара рубежа первой и второй четверти V в. до н. э., т. е. к <u>3-му строительному периоду</u>, а фазы «*в*» и «*г*» суммарно синхронизовать с другими постройками <u>4-го строительного периода</u>, тоже завершившегося общим пожаром.

---

[64] Внутреннее пространство пом. 3 в значительной части уничтожено котлованами последней четверти V в. до н. э. (494, 496), как и некоторая часть пом. 1+2 (котлованом 492), а также поздними ямами (407, 378, 439); от пом. 4 ямы (397, 493, 495) оставили лишь жалкие «обрывки» между их внешними контурами.

[65] Западная ее часть срезана котлованом (492).

[66] Показательна форма «протофасосской» амфоры (без ножки) из ямы 806 с клеймом **Θ** на ручке (рис. 6. *1*, *1а*). Д. Е. Чистов датирует эти и другие клейма на ионийских амфорах такого типа главным образом концом VI – первой половиной V в. до н. э., соотнося с тарными сосудами III серии по классификации С. Ю. Монахова, но отмечает случаи присутствия клейм **Е** в домах третьей четверти VI в. до н. э. [*Чистов* 2022а, 445–446, 448, табл. 1, № 13 и 9, 11, рис. 1. *13* и *9*, *11*]. С. Ю. Монахов датированные по комплексам амфоры III серии относит к концу VI – началу V в. до н. э. [2003, 40–41, тал. 24]. По оценке Ю. Н. Кузьминой и Г. А. Камелиной, датировки находок из помещений (в целом) синхронны датировке находок из ям – вторая половина VI – вторая четверть V в. до н. э. [*Кузьмина*, *Камелина* 2015, 316, 318].

[67] В частности, в пользу такого допущения говорит находка на раннем полу (*а*) горла хиосской амфоры (рис. 6. *2*), демонстрирующей переходную форму от варианта «с воронковидным горлом» к варианту «ранних пухлогорлых» (ориентировочная дата – ок. 530–520 гг. до н. э.).

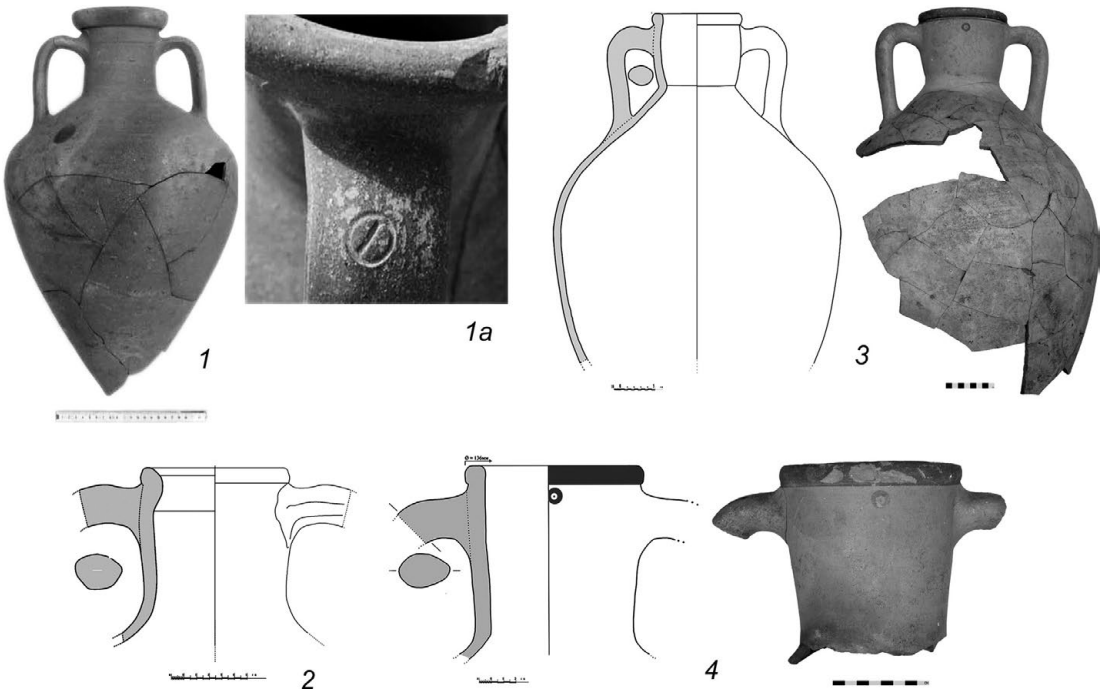


Рис. 6. *1*, *1а* – Ионийская амфора с клеймом из ямы 806 (в пом. 1+2 дома 464/*а*); *2* – горло хиосской амфоры (ок. 530–520 гг. до н.э.), найденной на уровне пола «*а*» в пом. 1+2 дома 464/а; *3*, *4* – хиосские амфоры в интерьере пом. 2 и 3 дома 888

Таким образом, на протяжении 530/20–480 гг. до н. э. дом 464 функционирует одновременно с домом 802, который примыкал к северной стене дома 464[68]. Д. Е. Чистов предположил, что эти два дома, отнеслись к одному кварталу и имели общую тыльную стену, выходя фасадами в разные стороны [*Чистов* 2022б, 242][69].

* * *

Попытаемся подвести итог всей проделанной в обоих частях работе. Итак, на протяжении первого столетия своей истории исследованный раскопками участок Фанагории, – начиная с того момента, как колонисты из Теоса (возможно, через Абдеру) высадились на южном берегу Таманского залива (Корокондамитиды), – представляет собой типичный городской район. Древнейшие следы жизнедеятельности переселенцев здесь крайне скудны и маловыразительны. Это остатки в материке каких-то недолговечных сооружений в виде глиняных полосок, столбовых и «очажных» ямок; немногочисленные хозяйственные ямы; возможно, простейшей конструкции ремесленного предназначения (горн 325); маломощный надматериковый слой (прослежен в области понижения поверхности материка к СЗ), слабо насыщенный отходами жизнедеятельности (зола,

[68] От кладок стен 802-го сохранился один-два ряда, не больше (на 0,53 м ниже сохранившейся поверхности стены 464/1). Место возможного примыкания стены 802/2 к стене 646/1 уничтожено поздней ямой (378).

[69] Дом 802, по мнению Д. Е. Чистова, блокировался со зданием 294, расположенном восточнее, в один комплекс (домохозяйство) с мощенным двором (498).

угольки, обломки керамики, в основном небольшие, костные остатки единичны). Этот слой в основной части обнаружен в переотложенном виде и связан с работой по нивелировке поверхности перед началом первых по времени строительных работ – постройкой из сырцового кирпича домов 1-го строительного периода. Несмотря на минимальную сохранность остатков древнейших следов жизни колонистов на этом месте и невозможность археологическими средствами точно оценить длительность периода, когда эти сооружения функционировали, сам их характер, на наш взгляд, позволяет считать его предельно коротким (в пределах одного-двух лет максимум, но скорее значительно меньше). Исходим из того, что легкие навесы и т. п. просто не позволили бы колонистам пережить в них первую же зиму[70].

Иначе говоря, в самом ближайшем времени после основания теосская *апойкия* застраивается полноценными домами (888, 869, 205+212, 295 и др.), постройками общественного характера, гражданскими (294/а, 300) и культовыми (783), в том числе – возводятся и первые оборонительные стены города (679/а, 785 (?)). Как неоднократно отмечалось раньше, застройка ведется по единому плану. Хотя в нашу задачу сейчас не входит анализ планиграфии, отметим некоторые определяющие элементы планировки. Базовым (главным) ее элементом являлась улица, протянувшаяся с запада на восток (с отклонением к северу восточного конца), где она упиралась в крепостные укрепления на краю верхнего плато. С севера к этой улице (в западной части раскопа) примыкала другая улица, противоположный край которой был ограничен северным скатом верхнего плато. Таким образом, исследованная раскопками территория подразделялась на три зоны: *А* – к югу от главной улицы; *Б* – к северу от нее до меридиональной улицы на западе; *В* – в СЗ углу раскопа, к северу от главной и к западу от перпендикулярной ей второй улицы.

В пределах раскопа зону ***В*** целиком занимает жилой дом (888), к СЗ от которого в 1975–1980 гг. также были открыты сырцово-кирпичные дома V, IX, X. Между первыми двумя с севера на юг проходила улица, которая на юге, по всей видимости, вливалась в главную, разделяя два соседних жилых квартала.

Зона ***Б*** отличается тем, что в *восточной ее части*[71] располагаются однокомнатные здания (687, 750, 769), разделенные «проулками», и святилище с подвалом (783)[72]. Святилище и здание 769 (возможно, тоже культового предназначения?) построены с отступом к северу от направления главной улицы[73], перед ними образуется свободное

[70] Подчеркнем, что так называемые «землянки/полуземлянки», в которых нередко исследователи апойкий Северного Причерноморья поселяют (иной раз – на десятилетия) переселенцев из Средиземноморья, здесь вовсе не представлены. Единственный, вероятно, подходящий по времени объект такого рода (котлован 826), явным образом не мог бы вместить в себя всех «желающих» спастись от зимней стужи…

[71] С последней четверти VI в. до н. э. восточная часть «отгорожена» длинной восточной стеной дома 839.

[72] Д. Е. Чистов полагает, что «В условиях дефицита камня ограды между домовладениями могли иметь характер легких изгородей – плетней или даже отсутствовать вовсе, хотя сами наделы были демаркированы вскоре после основания города. В таком случае следовало бы исходить из того, что домовладениями в архаической Фанагории являлись не отдельные пронумерованные строения раскопа “Верхний город”, а группы из нескольких построек и участки прилегающей к ним территории» (*Чистов* 2022б, 236). В данном случае это суждение общего характера лишено каких-либо реальных оснований.

[73] В этом месте никаких следов замощения улицы в древнейший и последующий периоды не были зафиксированы.

от застройки пространство, с востока ограниченное укреплениями[74]. И к северу от всех этих построек следы застройки также не были обнаружены[75], исключая остатки предположительно фортификационного сооружения (785, позднее – 793) в СЗ конце восточного участка зоны Б (напротив дома 687).

В *западной части* зоны *Б*, в ЮЗ углу участка, располагалось только многокомнатное здание 869 и каменная вымостка (881) «площади» с водосборной цистерной (893) к востоку от него. Позднее над этим домом был построен храм (870, 890), а над вымосткой – большой дом (939), и эта структура сохраняется до конца интересующего нас времени.

Большая по размеру зона ***А***, к югу от главной улицы, выделяется тем, что здесь между постройками имеется две значительные по площади зоны, свободные от застройки. Первая из них (*1* – западная), примыкает с юга к главной улице. Она ограничена с востока общественным зданием 294, с юга домом 802, а позднее (?) – тоже, предположительно, общественным зданием 464[76]. Остатки, хотя и плохо сохранившейся[77], фундаментальной вымостки из камня-булыжника (498), с водостоком (499), не оставляет сомнений в том, что это действительно была небольшая городская площадь, на которую выходили фасады общественных зданий.

Вторая (*2*), большая по размеру площадь СЗ углом примыкала к общественным зданиям 300 (с юга) и 294 (с востока). Восточная ее граница определялась домом 205+212, а СВ угол площади – примыкающими друг к другу помещениями здания 295 и 331. В данном случае проблема в том, что весьма значительная часть этой площади (более 130 м^2) была полностью уничтожена полуподвалом крупного общественного здания (144), построенного в начале третьей четверти IV в. до н. э. [см. *Завойкин* 2019а, 298, рис. 1]. Поэтому в этом месте, с формальной стороны, мы в принципе лишены возможности вынести решение о наличии или отсутствии построек. Однако отсутствие каких-либо их следов и даже намека на них на оставшейся площади (здесь обнаружены только углубленные в слой и материк объекты интересующего на времени, в частности – котлованы и подвал V-го стратиграфического горизонта) дает нам право предполагать, что в этом месте функционировала городская площадь, хотя, в отличие от первой, остатки ее обустройства (вымостки, водоотводные сооружения и проч.) здесь обнаружены не были.

Таким образом, мы наблюдаем, что застройка исследованного участка города велась по изначальному плану, была регулярной (но не ортогональной) и довольно плотной

---

[74] На опубликованных ранее планах архаической застройки представлен дом 745, внешний фас южной стены которого приходится на северную границу реконструированной трассы «главной» улицы. Как выяснилось, в данном случае мы имеем дело с подвалом/полуподвалом дома (5,3×5,05 м), засыпанного в начале 40-х годов 4 в. до н. э. в ходе общей нивелировки данного района (см.: Завойкин, Чашук 2020; Завойкин, Павличенко 2020). В заблуждение ввело то, что ходе этой нивелировки под один горизонт были снесены все выше лежащие остатки построек, и на нашей горизонтальной зачистке площади (Северный участок) на этом уровне оказались остатки разновременных построек, в том числе, содержащие следы пожаров: храм 743 (разрушен в последний четверти 5 в. до н. э.); дома 677 и 681 (сгорели в 450/40 гг. до н. э.); дома 687, 750, святилище 769, оборонительные сооружения 769/б (все они не пережили разрушений ок. 480 г. до н. э.); наконец, подвал дома 745 (засыпан в начале третьей четверти 4 в. до н. э.).

[75] Впрочем, здесь необходимо принять во внимание значительный подъем уровня материка, с одной стороны, и уничтожение верхней части культурных отложений траншеей И.Е. Забелина, с другой.

[76] В СЗ угол этой площади вклинивается постройка 847.

[77] Пострадали из-за большого числа поздних ям.

(постройки группировались вдоль улиц и площадей), относительной разреженностью и нерегулярностью отличался только восточный участок зоны *Б*.

Дальнейшая история района показывает преемственность в его застройке, хотя следует отметить, *во-первых*, дискретность в жизни городской среды (III-й стратиграфический горизонт отделяет застройку 2-го строительного периода от 1-го), а *во-вторых*, локальные изменения функционального характера (на месте здания 869 возводится храм 870+890, а над примыкавшей вымосткой 881 – дом 839). Эти факты при отсутствии других источников трудны для исторической интерпретации. Однозначно можно лишь сказать, что хозяйственные ямы и смонтированные из частей амфор горны на руинах разрушенных на рубеже третьей и последней четверти VI в. до н. э. домов, засыпка подвала и разрушение святилища (783) вблизи крепостных стен свидетельствуют о каком-то катаклизме, приведшем к гибели части (или всей?) городской застройки. И то, что она в скором времени была восстановлена позволяет скорее предполагать, например, разовый вражеский набег, чем действие какого-либо долговременного фактора.

В этой связи стоит несколько слов сказать об истории оборонительных сооружений. Мы указывали на две фазы в организации восточного рубежа обороны (679/а, б), и то же самое отмечали относительно объектов (795; 793)[78] предположительно аналогичного назначения. Данных для датировки перестройки объекта 679 недостаточно. Поэтому, опираясь на общие стратиграфические наблюдения, можно лишь осторожно предположить, что необходимость ремонта (восстановления) оборонительных стен была связана с негативными событиями, о которых говорилось выше, и датировать сооружения фазы 679/б последней четвертью VI – первыми двумя десятилетиями V в. до н. э. В финале 2-го строительного периода эти оборонительные сооружения были разрушены окончательно.

Восстановленные и вновь возведенные здания и сооружения на месте построек 1-го строительного периода благополучно живут лет 40–50 и, как уже неоднократно сообщалось, примерно на рубеже первой и второй четвертей V в. до н. э. (ок. 480 г.) все они оказались разрушены в результате событий военного характера[79].

Объекты, которые маркируют короткий временной интервал[80] после этих разрушений в формальном отношении едины – это объекты, заглубленные в слой и материк (подвалы, котлованы, хозяйственные ямы)[81]. Они располагались как непосредственно на месте предшествующих построек, так и рядом с ними, но все они, безусловно, не могли использоваться одновременно с наземными постройками из сырцового кирпича. В хронологическом плане эти объекты подразделяются на две группы. Одна (V-й стратиграфический горизонт) содержит в заполнении фрагменты

[78] Неясным остается их планиграфическое соотношение с домом 839/836. Затруднительно также реконструировать трассу оборонительных сооружений, замыкающую восточную линию обороны с северной стороны на объектах 795–793.

[79] Интерпретации этих событий см.: [*Кузнецов* 2018г, 170–180; *Кузнецов, Абрамзон* 2020, 8–10].

[80] Вновь подчеркнем, что археологическая датировка в пределах десятилетия (480–470) безусловно превышает реальную продолжительность этого периода, который мог исчисляться месяцами, а не годами. Поэтому начальную дату построек 3-го строительного периода мы ведем от 480/70 гг., лишь принимая во внимание условность даты разрушений ок. 480 г. до н. э.

[81] Единственное исключение – горн 281.

или целые хиосские амфоры[82] «развитого» варианта. В другой группе они *не* представлены, позднейшие амфоры хиосского производства в ней относятся к «раннему» варианту. С формальной точки зрения, объекты этой группы могут относиться как ко времени, предшествующему постройкам 2-го строительного периода[83], так и к тому, что отделяет от слоя общего пожара здания следующего, 3-го строительного периода. В обоих случаях предполагается «переходный период», сосуществование в быту амфор двух вариантов (с воронковидным горлом и ранних пухлогорлых *или* последних и «развитых»). В любом случае выделение этой группы в отдельный стратиграфический горизонт не представляется целесообразным и возможным. Тем более, что принципиально это не меняет общей картины. Разве что объекты данной группы потенциально могут послужить для расширения зоны, затронутой катаклизмом на рубеже третьей и последней четверти VI в. до н. э.

К сожалению, из-за плохой сохранности застройка второй четверти – середины/начала третьей четверти V в. до н. э. представлена на раскопе с большими лакунами. Попытаемся охарактеризовать ее хотя бы схематически. Начнем с того, что после разрушений оборонительные стены не были восстановлены[84]. На их месте появилось здание (681), которое доживает до следующей общей для всего района катастрофы. Другие постройки в восточной части зоны ***Б*** остались нам неизвестны. А в западной ее части наблюдаем, как новый храм с подвалом (835) погибает ок. 460/50 г. до н. э. в сильнейшем пожаре, и ему на смену приходит следующий храм (743), который после перестройки, обусловленной упомянутым пожаром, доживает до конца V в. до н. э. [см. *Завойкин*, *Кузнецов* 2023б]. Расположенный рядом (к востоку) многокомнатный дом, выстроенный частично на каменном фундаменте (836) по старому плану (839-го), после 460/50 г. был сменен другим (677), редуцированным до двух помещений, завершившим свою жизнь общем пожаре ок. 450/40 гг. до н. э. [см. *Завойкин*, *Кузнецов* 2020].

В хронологическом плане аналогична судьба общественного здания 294 (фазы «*б*» и «*в*», соответствующие 3-му и 4-му строительным периодам), расположенном в зоне ***А***. Однако его реконструкция происходит строго в рамках старого плана (только северное помещение было разделено стеной-перегородкой на два, а в двух южных разделяющая их перегородка немного сместилась). Следы сильного пожара в финале истории этого здания были особенно обильными. Остатки дома (819), который находился с противоположной от общественного здания (294) стороне площади (***1***) столь незначительны, что затруднительно что-то конкретное о нем сказать, помимо того, что он был построен после 480/70 г. до н. э.

Наконец, в зоне ***В***, к которой мы относим участок, исследованный в 1975–1980 гг., был открыт единственный дом (XII), вернее – его полуподвальная часть. Здесь примечательно, пожалуй, лишь то, что он был построен на «новом» месте, к северу от предшествующих домов. Хотя трудно сказать, в какой мере это обстоятельство отражает реальную ситуацию, а не обусловлено соображениями сохранности строительных остатков.

---

[82] Последние относятся исключительно к ранней серии «развитого» варианта хиосских пухлогорлых.

[83] Например, в доме первого строительного периода (888) в качестве «печки» уже использована пухлогорлая амфора раннего варианта (рис. 6. *3*) [см. *Завойкин* 2023, 62–62, рис. 4].

[84] Это очень важное обстоятельство, которое еще требует осмысления.

Характеризуя застройку района на протяжении 3-го и 4-го строительных периодов в целом, обратим внимание на несколько моментов. Создается впечатление некоторой ее поэтапной деградации: в руинах лежат крепостные сооружения, над ними строится какое-то здание (681)[85]; на месте большого дома (836/3*б*), оставленного по неизвестной причине[86], строят небольшой дом по «усеченному» плану (677/4*в*); храм с подвалом (835), функционировавший одновременно с большим домом, погибает в пожаре, следы которого не обнаружены где-либо еще. Правда, общественное здание 294/*б*, продолжает использоваться с незначительной перепланировкой помещений. В здании 464/*б-г*, в пом. 1+2 наблюдается несколько перестроек, которые затруднительно синхронизовать с двумя строительными периодами в жизни храмов (835, 843), дома (836, 839) и общественного здания (294/*б*, *в*).

Проделанная нами работа по анализу стратиграфии объектов, относящихся к первому столетию истории открытого раскопками района Фанагории, должна послужить основой для подготовки полновесной публикации результатов многолетних исследований на «Верхнем городе». Очевидно, что полученная картина имеет несколько схематичный характер. Остался и ряд нерешенных вопросов, что обусловлено, прежде всего, неравномерной сохранностью слоя и архитектурных объектов. Будем надеяться на то, что более систематическое использование датирующих материалов разных категорий позволит внести необходимые коррективы там, где это возможно.

[85] От дома 819 сохранился лишь участок южной стены; что он собой представлял и каковы его размеры – сказать нельзя [см. *Кузнецов* 2022, 148–151, рис. 1, 5–7].

[86] Дом 836 был открыт на уровне верхних камней фундамента его стен, поскольку верхняя его часть (на уровне жизни) уничтожена при нивелировке под строительство дома 677. Поэтому невозможно судить о возможных причинах перестройки. Лишь исходя из того, что рядом с ним расположенный храм (835) разрушен сильным пожаром, можно допустить, что и дом 836 окончил свою историю по той же причине и в то же время.

Таблица. Стратиграфия и периодизация объектов «Верхнего города»

Стратиграф. горизонт	Строительный период/фаза	СЗ УГОЛ РАСКОПА	ВОСТОК – ЮГ					Дата	
								вв. до н.э.	гг. до н.э.
I		Ямы 902, 906, 910		Котлован 826	Горн 325; «полоски в материке» 334, 347, 345, 811; очажные ямки 349; ямы 840, 843, 844 (под 687)			3-я четв. VI в.	540–530
II	1	Дома 888, 869; вым. 881, цист. 893	Дома: V, IX, X; свят. 783(а, б)		Здания: 300, 847, 294/*а*; дома: 205, 295+331, 687, 750, 768 (и яма 792)	Форт. 679/*а*; форт. (?) 785			540/30 – 530/20
III	–	Ямы 904, 907, 903, 891; горны 897а, б	–			Котлован 794; горн 767; яма 784		Руб. 3-й / 4-й четв. VI в.	530–520
IV	2/а	Храм 870/890, вым. улиц 882, 884+885, дом 839	Дома: III, VI, XI; свят. 769	Дом 802		Форт. 679/*б*; форт. (?) 793	Дом 464/*а*; ямы 801, 806, 807;	4-я четв. VI в. – руб. 1-й / 2-й четв. V в.	520–480
ПОЖАР, РАЗРУШЕНИЯ									Ок. 480
III/V		Котлованы 899, 911+яма 912	Объекты VII, VIII	Котлован 818	Горн 281; котлованы: 275, 740, 758, 770, 771, 773, 877	Яма 791	–	4-я четв. VI – руб. 1-й/ 2-й четв. V в.	530–520 / 480–470
V	–	Подвалы 883, 880, 876	Котлованы: 274, 290А-В, 293, 296, 299, 742, 751, 815, 822, 823; подвал 266; котлован/подвал 343			Яма 747	–	Руб. 1-й / 2-й четв. V в.	480–470
VI	3/б	Храм 835, дом 836, вым. 838 с водостоком 841, (вым. улицы 301)	Дом XII	Дом 819	Здание 294/*б*	Здание 681	Дом 464/*б-г*	2-я четв. V в.	480/70–460/50
VII	4/в	Храм 743, дом 677, вымостка 688			Здание 294/*в*			Сер. – нач. 3-й четв. V в.	460/50–440
ПОЖАР, РАЗРУШЕНИЯ									Ок. 450/440

Список литературы

А*брамзон* М. Г., *Завойкин* А. А., *Кузнецов* В. Д., *Сапрыкина* И. А. 2019. Монеты позднеархаического и раннеклассического времени из раскопок Фанагории // Hyanis. 1, 5–27.

Абрамзон М. Г., *Кузнецов* В. Д. 2010. Фанагорийское восстание 63 г. до н. э. (Новые нумизматические материалы) // ВДИ. 1, 59–85.

Абрамзон М. Г., *Кузнецов* В. Д. 2011. Новые данные о Фанагорийском восстании 63 г. до н. э. // ВДИ. 2, 64–94.

Абрамзон М. Г., *Кузнецов* В. Д. 2015. Монетные клады времени Митридата VI Евпатора с хоры Фанагории (Фанагория. 3). М.

Абрамзон М. Г., *Кузнецов* В. Д. 2020. Клад позднеархаических монет из Фанагории (Фанагория. 8). М.

Д*олгоруков* В. С. 1978. Отчет о работе Фанагорийской экспедиции в 1977 г. М. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6905, 6905а.

Долгоруков В. С. 1980. Отчет о работе Фанагорийской экспедиции в 1979 г. М. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8794, 8794а.

Долгоруков В. С. 1981. Полевой отчет о работах Таманско-Фанагорийской экспедиции на городище Фанагория в сезоне 1980 год (Верхний и Южный город). М. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14167, 14168.

Долгоруков В. С. 1986. Литейная форма из Фанагории // Г. А. Кошеленко (ред.), Проблемы античной культуры. М., 145–149.

З*авойкин* А. А. 2007. О строительной жертве из Фанагории // Из истории античного общества. 9–10. Сб. научных трудов к 60-летию проф. Е. А. Молева. Нижний Новгород, 42–54.

Завойкин А. А. 2013. Амфоры Хиоса в контексте истории Фанагории // ДБ. 17, 132–152.

Завойкин А. А. 2015. Фанагория. Верхний город. Объект 815 // Д. В. Журавлев, О. Л. Габелко (ред.), С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В. П. Толстикова. М., 110–114.

Завойкин А. А. 2018а. Общественное знание 4 в. до н. э. на акрополе Фанагории // В. Д. Кузнецов, А. А. Завойкин (ред.), Материалы по археологии и истории Фанагории. 3 (Фанагория. 6). М., 101–141.

Завойкин А. А. 2018б. Амфорные материалы из древнейшего слоя Фанагории // КСИА. 252, 138–152.

Завойкин А. А. 2018в. Новая строительная жертва из Фанагории // ПИФК. 3, 90–97.

Завойкин А. А. 2019а. Эллинистическое общественное здание на акрополе Фанагории // ПИФК. 4, 297–321.

Завойкин А. А. 2019б. Новые амфорные комплексы из раскопок «Верхнего города» Фанагории // ДБ. 24, 232–252.

Завойкин А. А. 2019в. О пифоидных амфорах «с полыми донъями» из Фанагории // КСИА. 254, 104–118.

Завойкин А. А. 2023. Амфорный комплекс дома 888 на «Верхнем городе» Фанагории // ПИФК. 3, 55–68.

Завойкин А. А. 2024. «Протофасосские» амфоры в стратиграфическом контексте «Верхнего города» Фанагории // ПИФК. 2, в печати.

Завойкин А. А., *Кузнецов* В. Д. 2011. Древнейшее общественное здание в Фанагории // ПИФК 4, 188–198.

Завойкин А. А., *Кузнецов* В. Д. 2019. Заметки о вторичном использовании амфор в Фанагории архаического времени // Hyranis. 1, 73–97.

Завойкин А. А., Кузнецов В. Д. 2020. Хронология архаического дома Фанагории // Hyranis 2, 129–140.

Завойкин А. А., *Кузнецов* В. Д. 2023а. Фанагория в период поздней архаики – ранней классики (Стратиграфия, хронология, периодизация. 1) // ДБ. 28, 126–148.

Завойкин А. А., *Кузнецов* В. Д. 2023б. Священный участок на «Верхнем городе» Фанагории // Hyranis. 5, 92–131.

Завойкин А. А., *Монахов* С. Ю., *Кузнецова* Е. В. 2013. Склад амфор 290Б из Фанагории // В. Д. Кузнецов (ред.), Материалы по археологии и истории Фанагории. 1 (Фанагория. 1). М., 206–229.

Завойкин А. А., *Павличенко* Н. А. 2020. Перепланировка на акрополе Фанагории в середине 4 в. до н. э. // Hyranis. 2, 141–168.

Завойкин А. А., *Павличенко* Н. А., *Чашук* М. С. 2022. Еще один подвал на акрополе Фанагории (вопросы хронологии) // А. П. Медведев (ред.), «От Кавказа до Дуная»: Северное Причерноморье в античную эпоху. Сб. научных трудов к 70-летию проф. С. Ю. Монахова. Саратов, 180–198.

Завойкин А. А., *Чашук* М. С. 2020. Подвал на акрополе Фанагории // КСИА. 258, 213–231.

Завойкин А. А., *Чашук* М. С. 2023. Позднеархаическая яма на «Верхнем городе» Фанагории (Материалы к датировке древнейшей застройки) // КСИА. 271, 69–84.

К*узнецов* В. Д., 1998. Раскопки последних лет в Фанагории // Таманская старина. 1. СПб, 9–14.

Кузнецов В. Д. 2007. Отчет о работах Таманской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2007 году. (В 5 томах). 145–149. М. // Архив ИА РАН. Р-1. № 27195, 27196–27199.

Кузнецов В. Д. 2011. Заметки о культурном слое Фанагории // А. А. Масленников, Н. А. Гаврилюк, А. А. Завойкин (ред.), Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья. Опыт методики российских и украинских полевых исследований (Методика полевых археологических исследований. 4). М., 117–130.

Кузнецов В. Д. 2018а. Архаический дом из Фанагории // Сб. научных трудов, посвященный 70-летию проф. В. П. Копылова (Причерноморье в античное и средневековое время. 2). Ростов-на-Дону, 99–106.

Кузнецов В. Д. 2018б. Домостроительство Северного Понта // В. Д. Кузнецов, А. А. Завойкин (ред.), Материалы по археологии и истории Фанагории. 4 (Фанагория. 7). М., 117–135.

Кузнецов В. Д. 2018в. Отчет о работе Фанагорийской экспедиции Института археологии РАН в Фанагории в 2017 г. (Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Сенной) (В 4 томах). М. // Архив ИА РАН. Р-1. № 55561, 55562–55564.

Кузнецов В. Д. 2018г. Боспор Киммерийский в 5 в. до н. э. (древнеперсидская надпись из Фанагории) // В. Д. Кузнецов, А. А. Завойкин (ред.), Материалы по археологии и истории Фанагории 3 (Фанагория 6). Москва, 160–185.

Кузнецов В. Д. 2019. Древнейшая Фанагория: некоторые проблемы // ДБ. 24, 398–416.

Кузнецов В. Д. 2021. Архаические стены Фанагории // Hyanis. 3, 111–130.

Кузнецов В. Д., *Абрамзон* М. Г. 2020. Клад архаических монет из Фанагории (Фанагория. 8). М., 158.

Кузнецов В. Д. 2022. Ксеркс и Понт (персидская надпись из Фанагории) // Hyanis. 4, 141–161.

Кузьмина Ю. Н., *Камелина* Г. А. 2015. Лепная керамика из раскопок объекта 464 в Фанагории // ПИФК. 1, 295–301.

М*онахов* С. Ю. 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. М.–Саратов, 351

Ч*истов* Д. Е. 2022а. Клейма на «протофасосских» амфорах в позднеархаических контекстах Березанского поселения // А. П. Медведев (ред.), «От Кавказа до Дуная»: Северное Причерноморье в античную эпоху. Сб. научных трудов к 70-летию проф. С. Ю. Монахова. Саратов, 441–450.

Чистов Д. Е. 2022б. Греческая урбанизация Северного Причерноморья архаической эпохи. Дисс… доктора ист. наук. СПб.

R*oberts* S. R. 1986. The Stoa Gutter Well. A Late Archaic Deposit from a Well in the Athenian Agora // Hesperia. 55/1, 1–74, 19 pls.

Summary

Alexei A. Zavoykin, Vladimir D. Kuznetsov
Phanagoria in the period of Late Archaic – Early Classic
(Stratigraphy, chronology, periodization. 2)

The “Upper City” excavation site is located in the central part of the upper plateau of the Phanagoria settlement at its northern edge. Here, on an area of more than 3000 sq. meters, the layers and remains of buildings of the first century of the history of Phanagoria (from the moment of its foundation ca. 540 BC until the destruction of all buildings in this area approx. 450/40 BC) have been researched. During this time, the mud brick buildings located here in accordance with the original layout were repeatedly rebuilt for various reasons, including after

the events at the turn of the first and second quarters of the 5th century BC, when the entire area explored by excavations was destroyed as a result of a fire associated with military events.

This article represents the second part of the development of a stratigraphic scale. She relies on conclusions obtained earlier when analyzing excavation materials in the northwestern corner of the excavation site, where the preservation of architectural objects, successively replacing one another, within the same "quarter" and households was the best. Here we develop a chronology and periodization of the process of changes that occurred in the development of areas of the historical core of the city located to the east and south of the previously studied area.

The preservation of architectural objects in this area, divided by two streets into three zones (A, B, C), was generally worse than in the northwestern corner of the excavation (zone "B" and the western part of zone "B"). Therefore, due to repeated leveling that preceded new periods of development, the remains of buildings of ancient periods are better represented here, while later ones are worse preserved or are not represented at all. But in general, the identified stages (phases) in the life of these buildings are consistent with the chronological (stratigraphic) scale developed earlier, when four building periods were identified.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-437-1.184-211

Н. В. Завойкина*, А. М. Новичихин**
(Институт археологии РАН, г. Москва;*
*** Анапский археологический музей, г. Анапа)*

Надписи с северо-восточной окраины городища Горгиппии[1]

В Анапском археологическом музее[2] хранится 45 фрагментов мраморных плит с остатками древнегреческих надписей[3]. Они были найдены в ходе археологических работ, проведенных Анапской экспедицией ИА АН СССР[4] в северо-восточном углу археологического заповедника «Горгиппия» (раскоп «Некрополь»[5]). В 1984 г. после вскрытия верхнего, «мусорного», слоя была произведена зачистка площади дна подготовленного для раскопок участка. В ходе зачистки было обнаружено 18 обломков мраморных плит. В 1985 г. при раскопках на этом участке был открыт обширный перекоп турецкого времени, в заполнении которого было найдено еще 26 фрагментов мраморных плит с надписями. Еще один фрагмент мраморной плиты с частью древнегреческого текста был обнаружен в заполнении ямы турецкого времени, располагавшейся в границах указанного перекопа.

Находки связаны с «турецким» слоем, образовавшимся на городище в период существования османской крепости Анапа (конец XVIII – первая треть XIX в). Скопление фрагментов мраморных плит было найдено вблизи оборонительных сооружений османского времени. Всего в нескольких десятках метров от места находок мраморов расположены сохранившиеся до настоящего времени восточные крепостные ворота, между ними и морским берегом, судя по военным картам периода русско-турецких войн, находились два бастиона. Малые размеры обнаруженных в слое времени строительства крепости фрагментов указывают на то, что на этом участке, по всей видимости, про-

[1] Работа выполнена в рамках НИР ИА РАН «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (№ НИОКТР 122011200269-4).

[2] Филиал Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына.

[3] В составе коллекций КМ 7342 (18 экз. из раскопок 1984 г.) и КМ 11366 (27 экз. из раскопок 1985 г.).

[4] Руководитель экспедиции д. и. н. Е. М. Алексеева. Авторы признательны Екатерине Михайловне за предоставленную возможность публикации находок из ее раскопок.

[5] Такое название раскоп получил в связи с тем, что согласно проектному плану создания археологического заповедника «Горгиппия» здесь предполагалось разместить экспозиционный комплекс «Некрополь».

изводилось измельчение мраморных плит для последующего пережигания их в необходимую для возведения крепостных стен известь[6].

Коллекцию фрагментов мраморных плит с греческими надписями, полученную в результате раскопок в 1984–1985 гг. в северо-восточном углу археологического заповедника «Горгиппия», следует рассматривать как археологический комплекс, переживший два периода формирования: сначала как часть эпиграфического архива античного полиса, затем – как часть собранного для переработки в строительный материал сырья. В конечном итоге, публикуемый комплекс является еще одним очевидным свидетельством переработки античных мраморов носителями иных этнокультурных традиций в XVI–XIX вв. в утилитарных целях.

Публикуемые фрагменты горгиппийских надписей относятся к I в. – ок. 240 г. н. э. Они принадлежат разным надписям. Среди них преобладают надписи частных сообществ или списки имен, которые также относятся с известной долей вероятности к группе надписей фиасов и синодов на Боспоре.

1. Фрагмент правого края мраморной плиты с остатками четырех строк надписи (рис. 1. *1*)[7]. Размер плиты: 11×16,5×3,2 см. Лицевая и оборотная стороны отшлифованы. Край плиты отесан. Надпись вырезана по заранее размеченным линиям строк. Высота букв 1,8 см, *фи* – 2,5 см.

Шрифт ровный, аккуратный. *Омикрон* несколько меньше по высоте, чем остальные буквы, *сигма* прямоугольной формы. В целом, начертания букв характерны для надписей Горгипии последней четверти II в. [*Книпович*, *Болтунова* 1962, 25–26, табл. IV.2][8].

Маюскула:

ΑΣΕΙṬΑΙ
Ṛ ΩΓΟΝΜΟΙ
Ṇ ΑΠΑΚΑΙΦΡΟΝ
.ΕΙΝΟΝΕΠΑΦΡΟ

В конце стк. 1 после *альфы* видна часть вертикальной черты.

Чтение:

[Ἀγαθῇ τύχῃ]
[Βασιλεύντος βασιλέως Τιβερίου
Ἰουλίου Σαυρομάτου φιλοκαίσα-
ρος καὶ φιλορωμαίου, εὐσεβοῦς,
ἔτους ... , μηνὸς ...

[6] На поверхности отдельных фрагментов имеются характерные для термического воздействия повреждения.

[7] Музейный номер: КМ 11366/22. Зап-85, яма 307, оп. 67 (далее указывается только шифр хранения). Нумерация предметов на рис. 1–6 сквозная, номера на рисунках соответствуют порядковому номеру фрагмента в описании (№ 1–44).

[8] Не так давно был опубликован новый очерк греческой лапидарной эпиграфики Боспора I–IV в. н. э. [*Левинская* 2022, 65–71]. Он носит обзорный характер, написан только на основании надписей, вошедших в КБН. Надписи, опубликованные за прошедшие почти 60 лет после издания КБН, не учтены. В целом, эта работа не привносит что-то новое в изучение палеографии боспорских надписей первых веков н. э. в сравнении с работой Т. Н. Книпович и А. И. Болтуновой.

Рис. 1. Фрагменты надписей № 1–6

1. θιασεῖται οἱ περὶ ἱρέ]α Σειτα[ν]
[- - - - - - - καὶ συνα]γωγὸν Μοι-
[ρόδωρον - - - - Π]άπα καὶ φρον-
[τιστὴν - - - - - - -]εινον Ἐπαφρο-
5. [δείτου] ...

Перевод: В добрый час. В царствование царя Тиберия Юлия *Савромата* друга цезаря и друга римлян, благочестивого, года … месяца … фиаситы во главе со жрецом Ситом сыном … и синагогом Мойродором сыном … сыном Папа и фронтистом …-ином сыном Эпафродита …

Надпись представляет начальную часть посвятительного акта одного из частных сообществ Горгиппии последней четверти II в. [*Завойкина* 2013, 84–92]. Об этом свидетельствуют надежно реконструируемые звания синагога и филагата во 2 и 3–4 строках. Оба звания входят в список правления фиасов и синодов боспорских городов [*Завойкина* 2013, 41–42]. В Горгиппии частные сообщества возглавлял обычно жрец[9]. Это звание восстанавливаем в стк. 1. Имя жреца Сит (Σειτας, Σιτας, Sita) происходит из Фракии [*Dana* 2014, 310, 324–325]. В боспорской антропонимии встречается впервые. Отчество жреца стояло в начале следующей строки, но оно не сохранилось. Имя синагога сообщества предположительно восстанавливаем как Мойродор (КБН 1143, 1157 Б, 1164, 1181, 1182 Б, 1186, 1134_{15}, 1135, 1179_{55} и пр.). После него следует лакуна, вмещающая не больше 4-х букв, и генетивная форма имени Πάπας. Отмеченная последовательность указывает, что отчество Πάπα (сын Папа) должно относится к имени, которое было вырезано перед ним. Оно не сохранилось. Это было имя отца предполагаемого Мойродора. Таким образом, в надписи указано имя отца и деда синагога. Вполне обычная ситуация для горгиппийских надписей периода II в. – ок. 240 г. (КБН 1129 А + 1129 Б [см. *Завойкина* 2013, 90–91]; и [*Завойкина, Новичихин* 2022, 135, надпись 1_3]). Личное имя фронтиста не сохранилось, известно его отчество – он сын Эпафродита. Имя Ἐπαφρόδειτος встречено в надписях Пантикапея (КБН 548), Танаиса (КБН 1287), Горгиппии (1145, 1166, 1136+77, 1148).

Надписи фиасов и синодов на Боспоре в первые века обычно начинаются с приветствия Ἀγαθῇ τύχῃ и устойчивой формулы, содержащей имя и основные титулы правящего царя: Βασιλεύντος βασιλέως Τιβερίου Ἰουλίου *nomen regis* φιλοκαίσαρος καὶ φιλορωμαίου, εὐσεβοῦς, ἔτους …, μηνὸς … (КБН 1132+ КБН 1162 [*Завойкина* 2013, 91–92]; 1134, 1135, 1136+77 и пр.). На основании палеографической даты восстанавливаем в надписи имя царя Савромата II.

После списка правления частного сообщества перечисляются в надписях имена рядовых фиасотов, но эта часть акта утрачена.

2. Опистограф представлен фрагментом верхнего края мраморной плиты, на обеих сторонах которой вырезаны надписи (рис. 1. 2а, 2б)[10]. Размер: 9×6×2 см. Надписи вырезаны по заранее разлинованному полю. Высота букв 1,5 см. *Дата*: II в. н. э. – ок. 240 г. н. э.

Сторона А:

Маюскула.

ẠΡΟΣ

ḶΙẠ

Чтение: 1. - ? -αρος - ? - | 2. -?- ΙΑ - ?-.

Сторона В:

Маюскула.

ỌΝΤỌ

ṢΕΒỌ

Чтение: 1. [Βασιλεύ]οντο[ς βασιλέως Τιβερίου Ἰουλίου *nomen regis* φιλοκαίσαρου καὶ φιλορω-] | 2. μαίου, εὐ]σεβο[ῦς] …

[9] Исключение составляет «товарищеское» сообщество надписи КБН 1133 [*Завойкина* 2013, 85–86].

[10] КМ 11366/6. Зап-85, пл. 310, меш. сл., оп. 179

Сохранившиеся буквы позволяют восстановить датировочную формулу по правящему царю. Разные типы боспорских надписей начинались с подобной формулы – это почетные надписи, посвящения, в том числе, частных сообществ, строительные акты, манумиссии.

3. Фрагмент правого края мраморной плиты с окончаниями четырех строк посвятительной надписи одного из частных сообществ Горгиппии (рис. 1. *3*)[11]. Размер: 10,3×16×1,7 см. Склеен из двух фрагментов. Лицевая и оборотная стороны отшлифованы. Надпись вырезана по заранее разлинованному полю, сохранились следы разметки строк в виде тонких горизонтальных линий. Высота букв 1,5–1,6 см, *фи* – 3,3 см.

Шрифт в надписи строгий, ровный, монументальный. Буквы вырезаны по заранее разлинованному полю с соблюдением межбуквенных интервалов. Украшения букв сведены к минимуму. *Альфа* с ломанной перекладиной; *эта* – с укороченной центральной гастой, которая не касается левой вертикали буквы; *эпсилон* с укороченной горизонталью в центре буквы; центральная косая гаста *ню* не доведена до нижнего края правой гасты буквы; *омикрон* в форме круга, одной высоты с остальными буквами в строке; *ро* – с небольшим полукруглым сегментом; *сигма* с сильно выступающими влево горизонталями, *фи* – овал в центре строки и с вертикалью, сильно выступающей за пределы строки; *омега* в форме дуги с загнутыми внутрь краями, под которой две короткие горизонтали на нижней линии строки. Разделительная точка между словами. Отмеченные особенности характерны для надписей Горгиппии последней четверти II – начала III вв. [*Книпович, Болтунова* 1962, 25, табл. IV.2].

Маюскула:

ϒΣ·ΕṬ
ΣΕΙΤΗΟΙ
ΑΓΩΓΟΝ
ΟṆΦΑΡ

В стк. 1 после ΥΣ виден разделительный знак в виде точки. В конце строки после *эпсилон* видна нижняя часть вертикальной гасты.

Чтение:

[Ἀγαθῇ τύχῃ. Βασιλεύοντος βασιλέως Τι-
[βερίου Ἰουλίου Σαυρομάτου φιλοκαίσα-
1. [ρος καὶ φιλορωμαίου, εὐσεβο]ῦς·ἔτ[ους]
..., μηνὸς - - - - - - - - - - - θια]σεῖτ{η}<αι> οἱ
[περὶ ἱερέα - - - - - - - - - καὶ συν]αγωγὸν
- - - - - - - καὶ φροντιστὴν - - - -]ον Φαρ-
5. [νάκου?] ...

Перевод: В добрый час. В царствование царя Тиберия Юлия Савромата, друга цезаря и друга римлян, благочестивого, года …, месяца … фиаситы при жреце … и синагоге … и фронтисте …-он сыне Фарнака …

Сохранившиеся в 3–4 строках буквы позволяют восстановить вполне стандартное начало посвятительного акта одного из частных сообществ Горгиппии, действовавших в городе в правление Савромата II [*Завойкина* 2013, 84–92]. Оно включает эпонимную датировку по пра-

[11] КМ 11366/7. Зап-85, пл. 309–310, меш. сл., оп. 177.

вящему царю с перечислением его основных титулов, календарную дату, слово θιασεῖται οἱ и список правления сообщества. Лакуна в стк. 3 перед званием синагога в тексте показывает, что сообщество возглавлял жрец. В стк. 4 предположительно восстанавливаем звание фронтиста, которое отмечено как одно из фиасных званий в Горгипии (КБН 1134, 1135; *Завойкина, Новичихин* 2022, надпись 1). В стк. 2 в слове θιασεῖτ{ῃ}<αι> ошибочно вместо концевого дифтонга αι вырезана *эта*. На такую трактовку ясно указывает артикль οἱ в конце стк. 2.

4. Фрагмент мраморной плиты (рис. 1. *4*)[12]. Размер: 10,5×10, 3,3 см. Лицевая и оборотные стороны отшлифованы. Сохранились фрагменты пяти строк надписи. Она вырезана по заранее разлинованному полю. Высота букв 1,4–1,5 см. *Альфа* с ломанной перекладиной, *тхета* с короткой, недостающей до вертикалей перекладиной, *омикрон* в виде круга, *сигма* с сильно выступающими вправо горизонталями. Последняя четверть II в. н. э. – ок. 240 г. н. э.

Маюскула

.Σ̣ΙΑ̣

ΝΔΑ

ΣΥΑΚ

ΟΥΜΗΝ̣

Η̣ΣΥ̣

Чтение.

1. - ? - [περὶ ἱερέα?] Σια[γοῦν? τοῦ …] - ? -
[καὶ συναγωγὸ?]ν Δά[δα? τοῦ … καὶ φρον-]
[τιστὴν] - - - - - Συακ[ρου ?] - ? -
- - - - - - - - - - -ου Μην[όδωρος?] - ? -
5. - - - - - - - - - - -ης Υ - - - - - ? –

Перевод: …при жреце Сиаге сыне … и синагоге Даде сыне … и фронтисте … сыне Сиакра … , … сыне …, Мойродор сын …, … сын …

Предположительно рассматриваем надпись как начало посвятительного акта одного из частных сообществ Горгипии. На такую вероятность указывает в стк. 2 окончание -ν перед слогом δα. Эта флексия может принадлежать как званию синагога, так и званию фронтиста в acc. sing. – φροντιστήν. Имя Σιαγοῦς известно в именнике горгиппийцев последней четверти II – начала III в. н. э. (КБН $1179_{56–57,\ 60}$). Предполагаем, что Σύακρος представляет собой разговорную форму ЛИ Σύαγρος (LGPN IV, s.v.). В горгипийском варианте в последовательности сонорных звуков [γρ] произошло оглушение первой фонемы на [k]. Состояние надписи не исключает возможность, что отчество «сын Сиакра» принадлежит фронтисту сообщества, имя которого утрачено. В 4–5 строках сохранились фрагменты имен и отчеств рядовых фиасовтов.

5. Фрагмент левого края мраморной плиты с началом двух строк надписи (рис. 1. *5*)[13]. Размер: 6×12,5×2,3 см. Обе стороны отшлифованы. На лицевой стороне видна разметка строк в виде тонких горизонтальных линий. Высота букв 1,2–1,3 см. *Альфа* с ломанной перекладиной, *омикрон* в виде круга, *омега* с разделенной надвое горизонталью.

[12] КМ 11366/19. Зап-85, пл. 310, меш. сл., оп. 193

[13] КМ 7342/9. Зап-84, некроп., мус. сл. оп. 341.

Маюскула.
ΝΩΝΟΣΚ
ΠΑΝΤΑΛΕ
Чтение: - - - - - - - - ? - -[Ξέ]- | 1. νωνος Κ - - - ? - - - - | 2. Πανταλέ[ων ?] - - ? -

Имя Ξένων отмечено в надписях Пантикапея (КБН 639) и Танаиса (КБН 1259). В надписи упоминается некий сын Ксенона. После этого отчества вырезано следующее имя, начинающееся на *каппу*. Вторая строка начиналась с имени Πανταλέων или производного от него отчества. Имя Панталеон неоднократно отмечено в боспорских надписях. Надпись представляет фрагмент списка имен.

6. Фрагмент нижнего края мраморной плиты с остатками трех строк греческой надписи (рис. 1. *6*)[14]. Размер: 10,3×7,5×3 см. Склеен из четырех фрагментов. Оборотная сторона не обработана, край оббит. На лицевой стороне видна разметка строк в виде тонких горизонтальных линий. Высота букв 1,8–2 см, *омикрон* и *омега* – 1,5 см. Шрифт надписи характерен для надписей Гориппии 200–240 г. н. э. [*Книпович*, *Болтунова* 1962, 26–28, табл. IV.*3*]. Об этом свидетельствует форма букв в надписи, из которых наиболее характерна для указанного времени форма *омеги* в виде изогнутой дуги с закрученными внутрь краями, без коротких горизонтальных оснований.

Маюскула
ΣΑṂ
ΩΝΟΣ
ΩṆ
Чтение: 1. - ? - Σαμ[βατίων?] -? - | 2. - ?-]ωνος - ? - | 3. - ?- ων - ? -

В стк. 1 буквы ΣΑΜ могут выступать началом имени Σαμβατίων или Σαμβίων, или производным от них отчествам (КБН $1142_{15–16}$, $1179_{57–58}$). Генетивное окончание -ωνος можно связать с одним из имен на -ων (Μύρων, Πανταλέων, Σαμβίων, Φαρνακίων и пр.). Буквы ΩΝ в стк. 3 могут быть окончание номинативной формы мужского имени на -ων или началом генетивной формы той же группы имен на -ων[ος].

7. Фрагмент мраморной питы с остатками четырех строк греческой надписи (рис. 2. *7*)[15]. Размер: 9×5×2,6 см. Обе стороны фрагмента тщательно отшлифованы. Сохранилась разметка строк в виде едва заметных горизонтальных линий. Высота букв 1,4–1,5 см. Равновеликие буквы вырезаны четко и аккуратно, украшения сведены к минимуму (утолщения на краях букв). Круглой формы *омикрон* одной высоты с остальными буквами; *ро* с маленьким округлым сегментом на высокой ножке; *сигма* с сильно выступающими влево горизонталями. *Дата*: третья четверть II в. – ок. 240 г. н. э.

Маюскула
ḲḤ
ΟΣ
ṆΔΡΩ
ṬΤ

В начале стк. 1 виден нижний край нижнего усика *каппы*. В стк. 3 после *ро* видна левая часть полуовала *омеги*.

[14] КМ 7342/10. Зап-84, некроп., мус. сл. оп. 246.

[15] КМ 11366/2. Зап-85, пл. 310, меш. сл., оп. 173

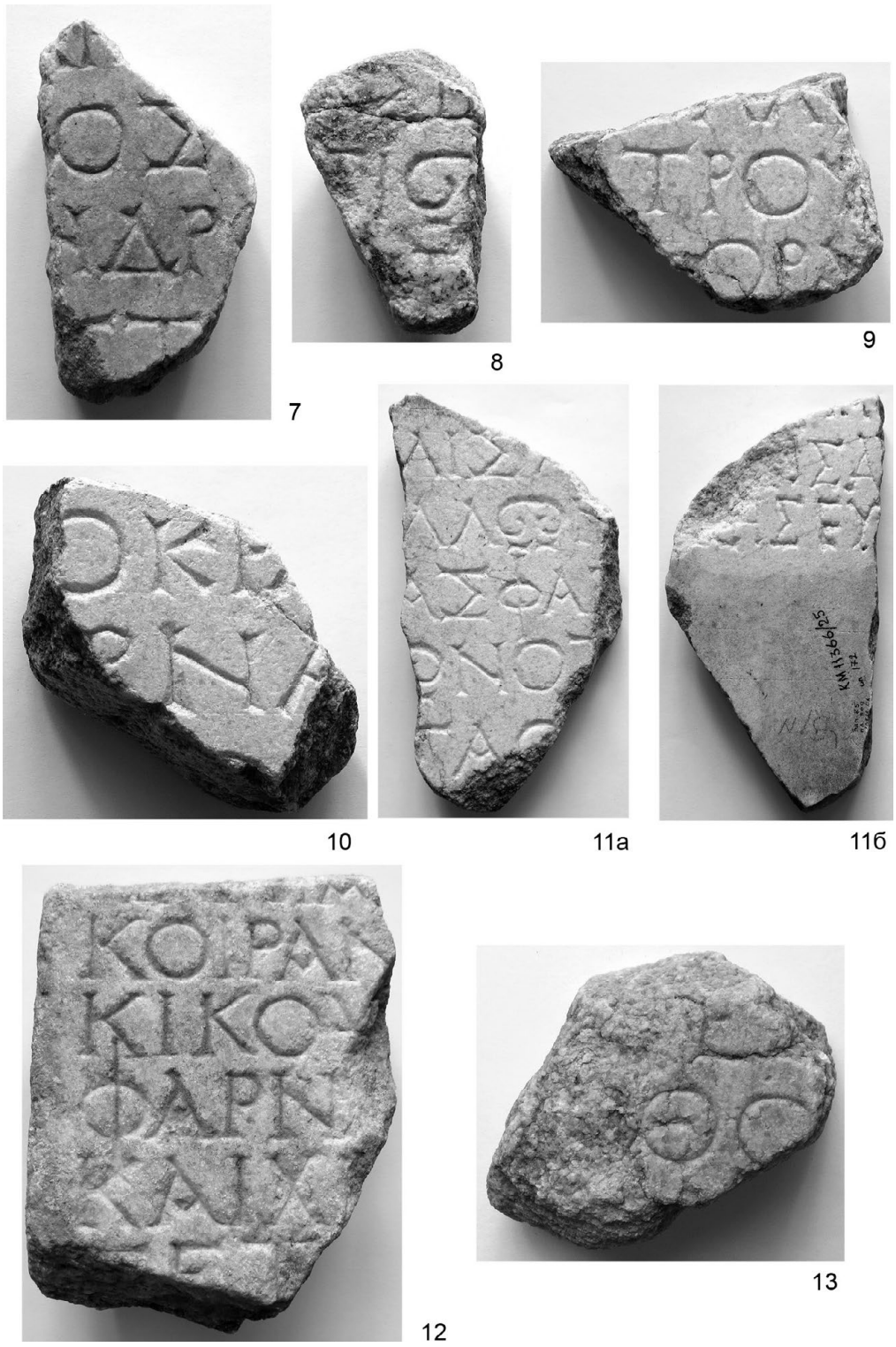


Рис. 2. Фрагменты надписей № 7–13

Чтение.

1. - ? - [Φαρνά]κη[ς] - ? -
   - ?- - - - - - - -ος - ? -
   - ? - - - - - -Ἄ]νδρω[ν?] - ? -
   - ? - - - - - -Ἄ]ττ[ας?] - ?-

Предположительно, восстанавливаем личные имена горгиппийцев. Имена Фарнак и Аттас пользовались популярность в Горгиппии первых веков. Имя Ἄνδρων не было прежде отмечено среди антропонимов Горгиппии.

8. Фрагмент мраморной плиты с остатками трех строк надписи (рис. 2. *8*)[16]. Размер: 7,3×4,5×3,8 см. Обе стороны отшлифованы. Следов разметки строк не прослеживается. Высота букв 1,5–1,6 см. Из сохранившихся букв выделяется форма *омеги* в виде дуги с сильно закругленными внутрь краями, с основанием в виде двух коротких горизонталей. Подобное начертание буквы отмечено в надписях Боспоре в 160-х гг. – начале III в. н. э. [*Книпович*, *Болтунова* 1962, табл. IV.2; *Завойкина*, *Новичихин* 2022, 136–137, рис. 1]

Маюскула

ΣḂ

ṬIΩ

ṲΠ

Чтение: 1. - ? - -ς Β - ? - | 2. [Χρεσ]τίω[ν?] - ? - | 3. -? - υπ - ? -

9. Фрагмент мраморной плиты с остатками трех строк греческой надписи (рис. 2. *9*)[17]. Размер: 7×9,2×3,2 см. Обе стороны отшлифованы. Следы разметки верха и низа строк в виде тонких горизонтальных линий. Высота букв 1,5–1,6 см. Буквы в строках равновеликие, шрифт четкий и ровный. *Дата*: вторая половина II в. н. э. – ок. 240 н. э.

Маюскула

ΛḀ

ΤΡΟΥ

ΟΡḴ

Чтение: 1. - ? - - [Ἀπο]λλ[ώνιος?] - ? - | 2. - ? - [Ἀντιπά]τρου - ? - | 3. - ? - - - - - - Ὄρχ[αμος] - ? -.

Номинативные формы имен Аполлония и Орхама восстанавливаем предположительно. Они могут стоять и в генетивной форме, и представлять, таким образом, отчества. Поскольку длина строки не восстанавливается, нельзя с уверенностью сказать, сколько имен было вырезано в одной строке. Как правило, в горгиппийских надписях первых веков н. э., содержащих списки имен граждан, в одной строке вырезалось не менее 3 имен с отчествами. Имя Аполлония восстанавливаем условно. В первые века в боспорской антропонимии отмечен целый ряд имен с композитом Ἀπολλο- (Ἀπολλᾶς, Ἀπολλόδωρος, Ἀπολλοφάνης и т. п.). Сохранившиеся на камне две *лямбды* могут принадлежат, например, имени Καλλισθένης или производному от него отчеству. Иранское имя Ὄρχαμος отмечено в Горгиппии и Фанагории еще в V–IV вв. до н. э. [*Завойкина* 2019, 36–37].

[16] КМ 11366/8. Зап-85, меш. сл., оп. 269.

[17] КМ 11366/13. Зап-85, пл. 310, меш. сл., оп. 192

10. Фрагмент мраморной плиты с остатками двух строк надписи (рис. 2. *10*)[18]. Размер: 8,5×5×3,2 см. Оборотная сторона не обработана. На лицевой поверхности видны следы разметки строк в виде едва заметных горизонтальных линий. Высота букв 1,5 см. *Дата*: вторая половина II в. н. э. – ок. 240 н. э.

Маюскула.

ΟΚ̣Ρ̣Α

Ρ̣ΝΑ̣

Ο̣

Чтение. 1. - ?- [Ἀλφ]οκ̣ρά[της?] - ? - | 2. - ? - [Φα]ρνά[κης?] -?- | 3. - ? - Ο̣ - ? -.

Имена обычные для Горгиппии первых веков восстанавливаем в надписи. Имя Ἀλφοκ̣ράτης свойственно именнику Горгиппии первых веков (КБН 1138, 1141_{14}, 1148, 1165, 1179_{60}). Имя Фарнак пользовалось популярностью в этом городе в первые века.

11. Опистограф на фрагменте мраморной плиты (рис. 2. *11* а, б)[19]. Размер: 15×8,5×2 см. На стороне А – остатки пяти строк, сторона Б – остатки двух.

Сторона А:

Надпись вырезана по линейкам, видна разметка строк. Высота букв: 1,5–1,6 см, *фи* – 3 см. Шрифт аккуратный, равновеликий, соблюдены межбуквенные расстояния. Украшения сведены к минимуму – апексы на краях букв. *Альфа* с прямой или ломанной перекладиной; правая гаста у *альфы* и *лямбды* немного выступает вверх; *омикрон* в виде круга; *сигма* четырехчастная,; *фи* с сильно выступающей за границы строки вертикалью; у дуги *омеги* края сильно загнуты внутрь над двумя горизонталями-основаниями буквы. Дуга о*меги* с сильно закругленными внутрь краями, основание буквы в виде двух коротких горизонталей. *Дата*: 160-е гг. – начало III в. н. э. [*Книпович*, *Болтунова* 1962, табл. IV.2; *Завойкина*, *Новичихин* 2022, 136–137, рис. 1]

Маюскула.

ΑΙΣΧ̣

ΛΛΩΝ

Α̣ΣΦΑ.

ΩΝΟΤ̣

Ι̣ΑΘ̣

В стк. 1 после *сигмы* виден левый край наклонной гасты *хи*. В стк. 3 после *альфы* видна верхняя горизонталь от овала *ро*. В стк. 4 сохранилась левая часть горизонтали *тау*.

Чтение.

1. - ? - - - - - Αἰσχ[ίνης] - ? -
   - ? - [Απο]λλών[ιος] - ? -
   - ? - - - - -]ας Φα[ρνάκου]
   - ? - - - - -]ων Ὀτ[ακιλίου]- ? -
5. - ? - - - -Ἀ]γαθ[οῦς] - ? -

[18] КМ 11366/14. Зап-85, пл. 310, оп. 182

[19] КМ 11366/25. Зап-85, пл. 309, оп. 179.

Фрагмент списка имен, восстановленных предположительно. Предлагаемые антропонимы характерны для горгипийцев первых веков н. э. Новым для Горгиппии римского является имя гражданина на От-. Из списка известных в греко-римском мире имен популярностью пользовалось имя Ὀτακλίος. Оно отмечено в надписях Аттики, Делоса, Македонии, Фракии, в городах различных регионов Малой Азии (Мисия, Писидия, Ликия). Его восстанавливаем в качестве *ex. gr*.

Сторона Б:

Фрагменты двух заключительных строк надписи. Высота букв 1,5 см. Надпись вырезана по заранее разлинованному полю. Начертания букв небрежные, но они одинаковые по высоте. Украшения букв в виде апексов отсутствуют. Соблюдены межбуквенные интервалы. Форма букв отличается от начертаний литер на стороне А. *Альфа* вырезана с прямой перекладиной и сильно выступающий вверх правой гастой; *эпсилон* с равновеликими горизонталями; у *эты* центральная перекладина касается боковых сторон буквы; *ипсилон* с небольшой и аккуратной верхней частью; у четырехчастной *сигмы* края горизонталей не выступаю влево, косые гасты выходят из угла прямых гаст, центральная часть *сигмы* короткая;. Подобные начертания встречаются в боспорских надписях в III в. [*Книпович*, *Болтунова* 1962, табл. IV.*3*], в Горгиппии между 200 – ок. 240 г. н. э.

Маюскула.

ΣA

HΣEY

Чтение: 1. - ? -ς A - ? - | 2. - ? -ης Εὐ[μάχου ?] - ? -

Имя Εὔμαχος отмечено в надписи фиаса навклеров (КБН $1134_{26\text{-}27}$). Его носил рядовой фиасот.

12. Фрагмент левого края мраморной плиты (рис. 2. *12*)[20]. Размер: 14×10×4,5 см. Оборотная сторона тщательно отесана, но не отшлифована. Надпись вырезана по заранее разлинованному полю. Сохранилось начало шести строк надписи. Высота букв 1,8 см, *фи* – 3,3 см. Шрифт надписи характерен для второй половины II – начала III в. н. э. Начертание *ипсилон*, у которого под основанием верхней V-образной части вырезана короткая горизонталь (в стк. 2), отделяющая основание буквы от ее верхней части, отмечается в горгиппийских надписях в 160–170-е гг. [*Завойкина*, *Новичихин* 2022, рис. 1]. *Дата:* 160–170-е гг. н. э.

Маюскула.

Ạ

KOIPAN

KIKOY

ΦAPN

KAIXP̣

ΠẸT

В стк. 6 от начальной *пи* сохранилась верхняя горизонтальная гаста.

[20] КМ 11366/23. Зап-85, пл. 309, оп. 174.

Чтение.

1. - - - - - - Ạ
   Κοίρανˌος ?] - ? -
   Κίκου - ? -
   Φαρν[άκης ?] - ? -
5. καί Χ[ρήστος?] - ? -
   Πέτ[ρος?] - ? -

Фрагмент списка имен. Имя Κοίρανος известно в Горгиппии по списку имен времени середины II в. н. э. [*Болтунова* 1968, 68]. Отчество Κίκου восходит к номинативной форме мужского имени Κίκκος, отмеченного в Кибире (северо-восточнее провинции Ликии) и Афинах в императорское время (*LGPN* Vc, s. v.). В надписи из Кибиры засвидетельствована та же генетивная форма, что и в рассматриваемом фрагменте. Выпадение повторяющихся согласных звуков в мужских именах нередкое фонетическое явление, в том числе, в горгиппийских надписях первых веков. Φαρν- является начальной частью имени Φαρνάκης или Φαρνακίων, популярных в Горгиппии в первые века н. э. Поскольку все строки в надписи начинаются с нового слова, то логичным будет думать, что буквы ΠΕΤ принадлежат началу одного из имен на Πετ-. Предполагаем *ex. grac*. Πέτρος (*LGPN* IV, s. v.).

13. Фрагмент мраморной плиты с остатками двух строк надписи (рис. 2. *13*).[21] Размер: 7×7,5×3 см. Обе стороны плиты отшлифованы. Высота букв 1,5 см. *Дата*: II в. н.э. – ок. 240 г. н. э.

Маюскула.

Ẹ

ΘΟ

14. Фрагмент левого края мраморной плиты с рельефной рамкой и началом четырех строк греческой надписи (рис. 3. *14*)[22]. Размер: 12,5×12×3 см. Склеен из шести фрагментов. Оборотная сторона не обработана, край плиты слегка скошен назад. Надпись нанесена по заранее разлинованному полю. Высота букв 1,5–1,6 см. *Альфа* с ломанной горизонталью, *омикрон* в виде круга, *ро* с несомкнутым снизу кружком; четырехчастная *сигма* с укороченной центральной частью. Начертания букв характерны для боспорских надписей 200 – ок. 240 г. н. э..

Маюскула.

ΠỌ

ΟΣ

ΠỌ

ΡΑΟ

15. Фрагмент мраморной плиты с остатками четырех строк греческой надписи (рис. 3. *15*)[23]. Размер: 9,5×4×2,8 см. Склеен из двух фрагментов. Обе стороны отшлифованы. На лицевой поверхности имеются следы строк в виде тонких горизонтальных линий. Высота букв 1,4–1,5 см. *Дата*: первые века н. э.

[21] КМ 7342/4. Зап-84, некроп., мус. сл. оп. 337.

[22] КМ 7342/11. Зап-84, некроп., мус. сл. оп. 345

[23] КМ 7342/12. Зап-84, некроп., мус. сл. оп. 349

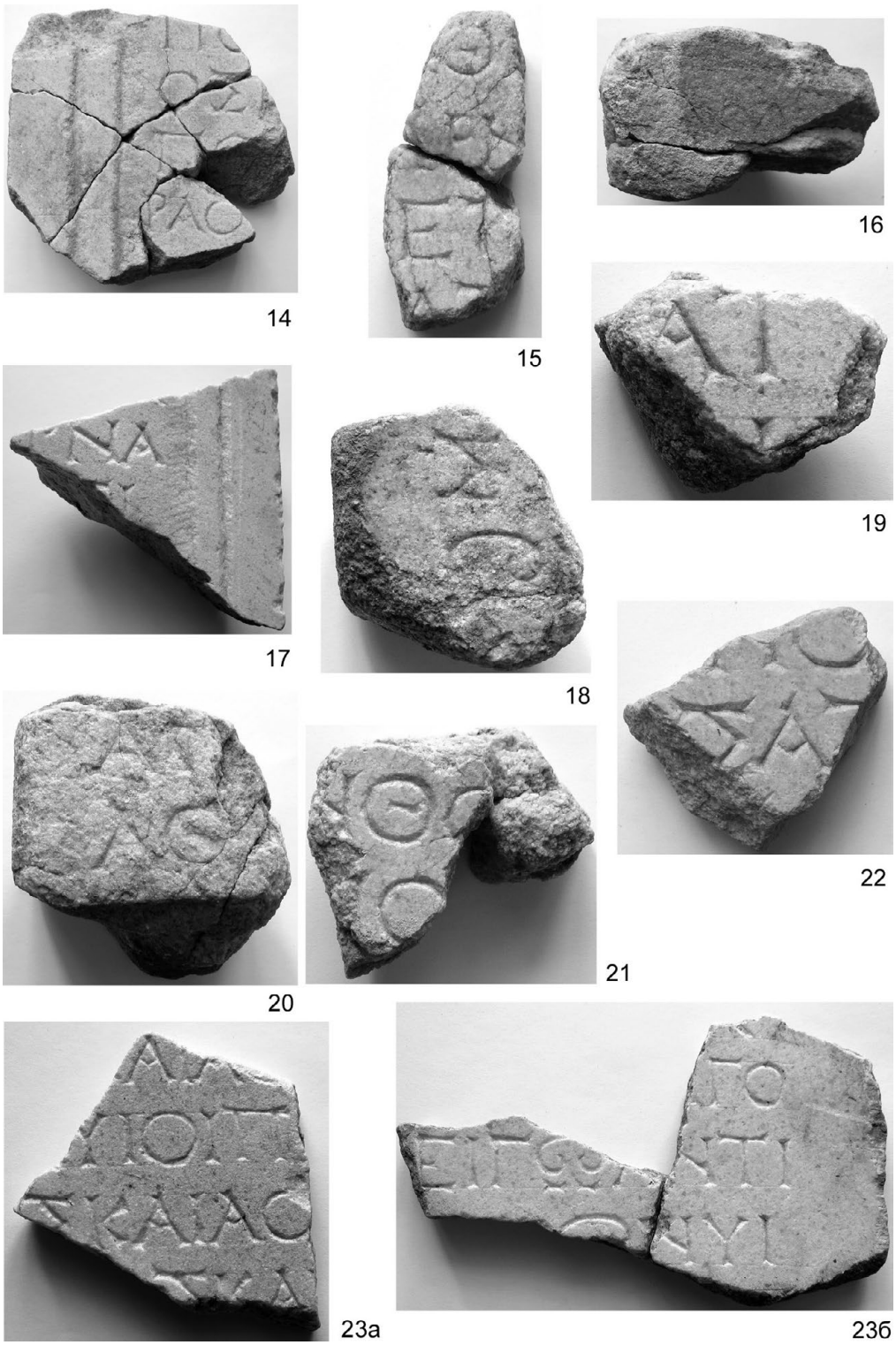


Рис. 3. Фрагменты надписей № 14–23

Маюскула.

Θ

ḚPN

ET

ḀṬ

16. Фрагмент мраморной плиты с остатками одной (первой?) строки греческой надписи (рис. 3. *16*)[24]. Размер: 7×8,5×7,5 см. Поверхность сильно повреждена. Высоту букв установить невозможно. Следы надписи едва различимы. *Дата*: первые века н. э.

Маюскула: ỌḊ

17. Фрагмент правого края мраморной плиты, профилированного рамкой, с окончания двух строк греческой надписи (рис. 3. *17*)[25]. Размер: 11,5×11,2×3,5 см. Оборотная сторона не обработана, край плиты слегка скошен назад. На лицевой стороне имеется разметка строк в виде тонких горизонтальных линий. Высота букв 1,7 см. *Дата*: первые века н. э.

Маюскула.

ṖNA

ṬI

18. Фрагмент левого края мраморной плиты с начала двух строк греческой надписи (рис. 3. *18*)[26]. Размер: 7×6,5×4 см. Обе стороны плиты отшлифованы. Высота букв: 1,8 см. Форма *омеги* (дуга с закругленными внутрь краями, нижние горизонтали не сохранились) указывает на конец II – начало III в. н. э.

Маюскула.

Σ

ΩẎ

19. Фрагмент мраморной плиты с остатками двух строк греческой надписи (рис. 3. *19*)[27]. Размер: 4 x 6 x 2,8 см. Обе стороны плиты отшлифованы. Видны следы разметки строк в виде тонких горизонтальных линий. Высота букв 1,7 см. *Дата*: первые века н.э.

Маюскула.

AT

İ

20. Фрагмент левого края мраморной плиты с начальными буквами в двух строках (рис. 3. *20*)[28]. Размер: 6,5×6,5×5,5 см. Обе стороны отшлифованы. Поверхность сильно повреждена. Высота букв 1,4–1,5 см. *Альфа* с прямой перекладиной, *тхета* в форме круга с короткой центральной перекладиной. *Дата*: первые века н. э.

Маюскула.

AṆ

AΘ

[24] КМ 7342/14. Зап-84, некроп., мус. сл. оп. 348.

[25] КМ 11366/9. Зап-85, пл. 310, меш. сл., оп. 189.

[26] КМ 11366/10. Зап-85, пл. 296, оп. 268.

[27] КМ 11366/11. Зап-85, пл. 323-333, оп. 270.

[28] КМ 11366/15. Зап-85, пл. 374, оп. 267.

Возможно, начальные буквы в строках принадлежат личным именам или отчествам горгиппийцев. Предполагаем *ex. grac*. реконструкцию: 1. Ἀπ[ολλ̣ώνιος ?] - ? - | 2. Ἀθ[ηνόδωρος ?] - ? -.

21. Фрагмент мраморной плиты с остатками двух строк греческой надписи (рис. 3. *21*)[29]. Размер: 6,5×7×3,2 см. Склеен из двух осколков. Обе стороны фрагмента отшлифованы. На лицевой поверхности имеются следы разметки строк. Высота букв 1,4 см. *Омикрон* и *тхета* в форме круга. Центральная перекладина *тхеты* не касается боковых сторон круга. *Дата*: первые века н. э.

Маюскула.

Ṇ ΘỌ

O

Чтение: 1. - ? -ν θο- ?- | 2. - ? - O - ? -.

22. Фрагмент мраморной плиты с остатками двух строк греческой надписи (рис. 3. *22*)[30]. Размеры: 5,5×6,7×2,5 см. Оборотная сторона не обработана, сохранились следы разметки строк в виде тонких горизонтальных линий. Высота букв 1,6–1,8 см. *Дата:* первые века н. э.

Маюскула.

ṆO

ΣAṬ.

Чтение 1. - ? - νο - ? - | 2. - ? - ς Ἀτ[τα] - ? -.

23. Два фрагмента мраморной плиты с греческой надписью (рис. 3. *23* а, б)[31].

Фрагмент 1 относится, видимо, к центральной части текста. Размеры фрагмента 1: 10,2×9,5×1,5 см. Фрагмент 2 представляет правый край надписи. Размер фрагмента 2: 9,5×16×1,6 см. Он склеен из двух кусков. Лицевая и оборотная стороны всех фрагментов плиты тщательно отшлифованы. Высота букв 1,4–1,6 см. *Альфа* с изогнутой в виде угла перекладиной; *эпсилон* с короткой средней горизонталью; *омикрон* круглой или овальной формы; четырехчастная *сигма* с сильно выступающими влево горизонталями; края овальной дуги *омеги* сильно завернуты внутрь над основанием из двух коротких горизонталей. *Дата*: конец II – начало III в. н. э. [*Книпович*, *Болтунова* 1962, табл. IV.*2*].

Фрагмент 1.

Маюскула.

AIĄ

ΥIOIΠ

ΣKAIAO

ΣḲA

В стк. 4 от *сигмы* и *каппы* сохранились верхние части букв.

Чтение. 1. - ? - α Ἴα[ς] - ? - | 2. υἱοὶ Π - ? - | 3. - ? -ς καὶ Ἀο[υαίνων?] …| 4. - ? -ς Κα- ? -

[29] КМ 11366/17. Зап-85, пл. 309, меш. сл., оп. 178

[30] Музейный номер фрагмента 1: КМ 7342/5. Зап-84, некроп., мус. сл. оп. 348; Музейный номер фрагмента 2: КМ 7342/6. Зап-84, некроп., мус. сл. оп. 347.

[31] Музейные номера: фрагмент 1 - КМ 11366/4. Зап-85, пл. 310, меш. сл., оп.188; фрагмент 2 - КМ 11366/5. Зап-85, пл. 309, меш. сл., оп. 175.

Видимо, фрагмент списка имен. В стк. 1 перед Ἴα [ς] сохранилось генетивное окончание -α, которое принадлежит отчеству [Δάδ]α «сын Дада», [Πάπ]α «сын Папа» и т. п. Из имен на Ао- в боспорской ономастике пока известны два антропонима: Ἀουαίνων (КБН 1016) и форма Αὐτοκλῆς (resp. Αὐτοκλῆς) (КБН 174).

Фрагмент 2.

Маюскула.

ΓΟ
ΕΙΓΩ̣ΑΝΤΙ
Ω̣ΝΥΙ

Чтение: 1. - ? - - - - - - γο | 2. - ? - ειγω Ἀντι- | 3. - ? - - - - ων υἱ- | 4. [οἰ] - ? -

В стк. 2 буквы ειγω рассматриваем как генетивное окончание отчества горгиппийца, чье имя утрачено. В боспорских надписях первых веков отмечены случаи замены концевого дифтонга ου на ω (КБН 396: Πόθω; КБН 718: Ἀλκίμω и пр. [КБН 1965, 801, I. A, § 4.6]). Следующие далее в стк. 2 буквы ΑΝΤΙ принадлежат, скорее всего, личному имени на Ἀντι- (Ἀντίμαχος, Ἀντίοχος, Ἀντίπατρος и т. п.).

24. Опистограф на фрагменте мраморной плиты: сторона А – остатки одной строки, сторона Б – остатки двух строк (рис. 4. *24* а, б)[32]. Размер: 3,5×6,5×2 см.

На стороне А следов разметки строк нет. Высота букв 1,5 см. *Альфа* с ломанной перекладиной. Надпись выполнена ровным и аккуратным шрифтом, характерным для горгиппийских документов эпохи Савромата II и его сына Рескупорида II.

Маюскула: ΥΣΙΑ̣

Чтение: - ? - [Ἀγαθο]ῦς Ἴα - ? -. – Агатус сын Иа.

Имя Ἀγαθοῦς восстанавливаем предположительно, поскольку из мужских имен на -υς в боспорской антропонимии пользовались спросом в первые века также Καλοῦς, Κοσοῦς, Μαστοῦς, Μασταροῦς. Буквы ΙΑ рассматриваем как генетивную форму Ἴα мужского имени Ἴας (КБН 1140, 1179, 1180 и пр.) и понимаем как «сын Иа».

На стороне Б присутствую следы разметки строк в виде едва заметных горизонтальных линий. Высота букв не менее 1,3 см. Надпись вырезана с использованием курсивных форм букв (*ню*, *мю*), *альфа* с изогнутой центральной гастой. *Дата*: 200 – ок. 240 г. н. э.

Маюскула

.ΑΠ
ΝΥΜΦ̣Α

Чтение: 1. - ? - [Π]άπ[ας?] - - - - - ? - | 2. - ? - Νυμφα[γόρας?] - ? -.

Имена Пап и Нимфагор восстановлены предположительно.

25. Фрагмент мраморной плиты с остатками трех строк греческой надписи (рис. 4. *25*)[33]. Размер: 8,3×7,5×2,6 см. Обе стороны плиты отшлифованы. Высота букв 1,4–1,5 см. Шрифт надписи характерен для последней четверти II – первой трети III в. н. э. (а*льфа* с ломанной перекладиной; *дельта* с сильно выступающей в обе стороны горизонталью; *омикрон* в форме круга; *сигма* с сильно выступающими влево горизонталями; дуга *омеги* с загнутыми внутрь краями).

[32] КМ 11366/24. Зап-85, пл. 310, оп. 180

[33] КМ 7342/7. Зап-84, некроп., мус. сл. оп. 335.

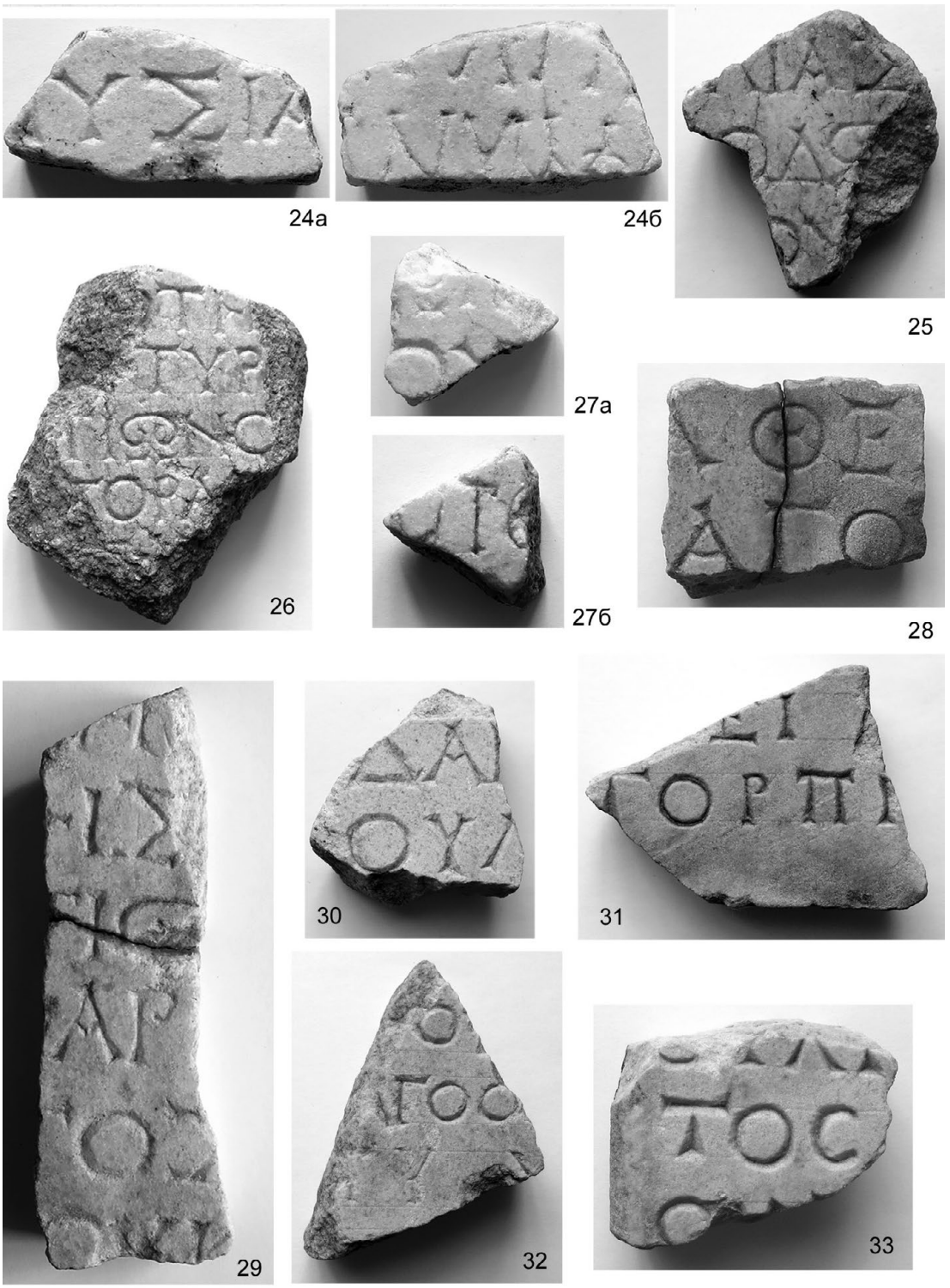


Рис. 4. Фрагменты надписей № 24–33

Маюскула.
ΛΙΑΣ
ΟΔΩ
ΟΥ
Чтение:
1. - ? - [Γασαμφ]λίας - ? -
- ? - - - Ἀθην]όδω[ρος?] - ? -
- ? - - - - - - - - - ου - ? -

Имя Γασαμφλίας отмечено в надписях Горгиппии (КБН 1157, Б; 1170, А (обе с неточным восстановлением)), а также в надписи фиаса времени царя Евпатора из предместья Горгиппии [*Завойкина, Новичихин* 2022, 135, надпись 1_{15}]. В стк. 2 буквы ΟΔΩ могут принадлежать композиту -οδωρος, входящего в состав сложных имен, например, Ἀθηνόδωρος, Λητόδωρος, Μοιρόδωρος и пр. В качестве *ex. gr*. восстанавливаем имя Афенодора. Вместо личного имени в стк. 2 могло быть вырезано Ἀθηνοδώρου, такой-то сын Афенодора.

26. Фрагмент мраморной плиты (рис. 4. *26*)[34]. Сохранились остатки 4-х строк надписи. Размер: 14×12×3 см. Обе стороны фрагмента отшлифованы. Надпись вырезана по линейкам. Высота букв 1,4–1,6 см. *Дата*: конец II – первая четверть III в. н. э. [*Книпович*, *Болтунова* 1962, табл. IV.2].

Маюскула.
ΟΤΗ
ΤΥΡ
ΤΙΩΝΟ
ΓΟΡΑ
ΤΥ
Чтение.
1. - ? - - - - - - ΟΤΗ - ? -
- ? - - - - - - ΤΥΡ - ? -
- ? - - - -[Κο]τίωνο[ς] - ? -
- ? - [Νυμφα]γόρα[ς] - ? -
5. - ? - - - - - - - - - ΤΥ - ? -

В стк. 3 восстанавливается однозначно [Κο]τίωνο[ς] «сын Котиона». В стк. 4 читаем [Νυμφα]γόρα[ς], Нимфагор. Оба антропонима обычны для боспорского именника.

27. Фрагмент опистографа на мраморной плиты (рис. 4. *27* а, б).[35]. Размер: 3,7×4×1,6 см. На стороне А сохранилась разметка строк. Высота букв ок. 1,4 см. *Дата*: первые века н. э.

Маюскула сторона А.
ΩΡ
ΟΥ

[34] КМ 11366/20. Зап-85, пл. 310, меш. сл., оп. 194

[35] КМ 11366/21. Зап-85, пл. 310, оп. 191

На стороне Б видна разметка строк. Высота букв 1,7 см. Буквы вырезаны очень небрежно. *Омикрон* в виде вытянутого овала, *омега* курсивная. *Дата*: 200–240 г. н. э.

Маюскула: ΩΤǪ

28. Фрагмент мраморной плиты с остатками двух строк надписи (рис. 4. *28*).[36] Склеен из двух фрагментов. Размер: 4,3×4,7×1,7 см. Обе стороны плиты отшлифованы. Высота букв 1,3–1,4 см. *Альфа* со слегка изогнутой книзу центральной перекладиной, *тета* и *омикрон* круглой формы. *Дата*: первые века н. э.

Маюскула.

ĄΘΕ

ΑΓΟ

У левого края в стк.1 сохранилась правая наклонная гаста *альфы*.

Чтение: 1. - ? -α θε - ? - | 2. - ? - αγο - ? -.

29. Фрагмент мраморной плиты (рис. 4. *29*)[37]. Склеен из двух фрагментов. Размер: 13×4,2×2,3 см. Обе стороны фрагмента отшлифованы. Следов разметки строк нет. На лицевой поверхности сохранились фрагменты шести строк надписи. Высота букв 1,4–1,5 см. *Дата*: конец II в. н. э. – ок. 240 г. н. э. (характерные для этого времени начертания *эты*, *ро*, *омеги*).

Маюскула.

Ḥ

ḤΣ

ṬΙΩ

ΑΡ

ṬΟϘ

ΟΥḲ

Чтение: 1. - ? - Ḥ - ? - | 2. - ? - - ης - ? - | 3. - ? - τιω - ? - | 4. - ? -τος - ? - | 5. - ? -ου Κ - ? - |

30. Фрагмент мраморной плиты. (рис. 4. *30*)[38]. Размер: 7,2×6,5×2,8 см. Оборотная сторона не обработана. Надпись вырезана по заранее разлинованному полю. Сохранились фрагменты двух строк. Высота букв 1,7–1,8 см. *Дата:* конец II – ок. 240 г. н. э.

Маюскула.

ΔΑΙ

ΟΥΛ

Чтение: 1. - ? - Δαί[σκος ?] - ? - | 2. - ? -ου Λ - ? -.

31. Фрагмент нижней части мраморной плиты с остатками двух строк греческой надписи (рис. 4. *31*)[39]. Размер: 7×11×2,5 см. Оборотная сторона плиты заглажена, но не отшлифована. Надпись вырезана по заранее разлинованному полю. Высота букв 1,5 см. Буквы прорезаны глубоко, четко. Апексы являются продолжением расширяющихся к концам линий. *Эпсилон* с укороченной центральной горизонталью; *омикрон*

---

[36] КМ 7342/3. Зап-84, некроп., мус. сл. оп. 350

[37] КМ 7342/1. Зап-84, некроп., мус. сл. оп. 346.

[38] КМ 7342/6. Зап-84, некроп., мус. сл. оп. 347

[39] КМ 7342/16. Зап-84, некроп., мус. сл. оп. 340

в виде круга; *пи* с сильно выступающей с обеих сторон горизонталью; *ро* с небольшим овалом, несомкнутым снизу с вертикалью-ножкой. *Дата*: 200 – ок. 240 г. н. э.

Маюскула

ΕΙ

ΓΟΡΠΙ

Чтение: 1. - ? - [ἐν τῷ ἔτ]ει ... | 2. [μηνὶ] Γορπι[αῖος] – … в году . . . , месяце Горпиайе.

Расположение даты по вифино-понтийской эре в конце надписи отмечается в почетных, строительных надписях, а также в посвятительных актах фиасов и синодов Боспора.

32. Фрагмент нижней части мраморной плиты (рис. 4. *32*)[40]. Размер: 11×7,5×3,2 см. Лицевая и оборотная стороны тщательно отшлифованы. Сохранились следы разметки строк в виде четких горизонтальных линий. На лицевой поверхности видны остатки трех строк надписи. В последней строке две первые буквы не завершены. Ниже видны следы разметки еще одной строки. Высота букв: 1,3–1,5 см, *омикрон* – 1,1 см. *Дата*: третья четверть II в. н. э. (характерны для этого периода форму *омикрон* меньше остальных букв в строке; *ипсилон* с горизонталью под V-образной верхушкой буквы).

Маюскула.

Ο

ΓΟϘ

ΙΥ vac. Ϙ

В стк. 2 перед *гаммой* видна правая наклонная гаста, принадлежащая, по-видимому, *альфе*. После слога ΓΟ сохранилась перед сколом курсивная *сигма* в форме полукруга. В стк. 3 после скола с левой стороны видна нижняя часть вертикальной гасты. В конце стк. 3 сохранилась левая косая черта, принадлежащая верхней части *ипсилон*.

Чтение: 1. - ? - Ο - ? - 2. - ? - [Λίμνα]γος - ? - 3. [ἐν τῷ ἔτει] ΙΥ΄ vac. Ὑ[περβερεταίῳ]

Перевод: 1. - ? - Ο - ? - 2. - ? - Лимнаг - ? - 3. В году 410, (в месяце) Гиперберетее …

Расположение букв в стк. 3 с «широкими» интервалами, особенно, между *ипсилонами*, указывает на вероятность того, что в этой строке была вырезана дата установки плиты по вифино-понтийской эре: 410 г. б. э. = 113 г. н. э. Восстановление имени Лимнага в стк. 2 дано предположительно. ЛИ Λίμναγος отмечено только в ономастиконе Горгиппии (КБН 1140_{6-7}). Написание имен в номинативной форме и расположение даты в конце надписи, вырезанной на плите[41], отмечается в посвятительных актах боспорских частных сообществ (КБН 76, 1054, 1265, 1268) или в строительной надписи из Танаиса (КБН 1241).

33. Фрагмент левого края мраморной плиты с началом трех строк греческой надписи (рис. 4. *32*)[42]. Размер: 5,2×7×3 см. Обе стороны фрагмента отшлифованы. Буквы вырезаны по заранее разлинованному полю. Высота букв 1,2–1,3 см. Буквы прорезаны глубоко, четко. Апексы являются продолжением расширяющихся к концам линий. *Омикрон* в виде кружка, *сигма* лунарная. *Дата*: первые века н. э.

---

[40] КМ 7342/15. Зап-84, некроп., мус. сл. оп. 336.

[41] Не учитываем почетные надписи, вырезанные, как правило, на постаментах под статуи чествуемых лиц.

[42] КМ 7342/2. Зап-84, некроп., мус. сл. оп. 349

Маюскула.

Ọ . Ạ Ị

Τ Ο C

Ο . .

Чтение: 1. -ου Λί[μνακος?] - ? - | 2. τος - ? - | 3. ο - ? -

34. Фрагмент мраморной плиты (рис. 5. *34*)[43]. Размер: 8,7×6×2,8 см. Обе ее стороны отшлифованы. На лицевой поверхности сохранились фрагменты четырех строк надписи. Она вырезана по заранее разлинованному полю. Высота букв 1,2–1,3 см. *Дата:* последняя четверть II – начало III вв. н. э. [*Книпович*, *Болтунова* 1962, табл. IV.*2*]

Маюскула.

Ḍ ΟΘΟ

Ḳ ΩΝ

ΟΘΙCḲ

.ṆỌỴ

Чтение: 1. - ? - Πόθο[ς?] - ? - | 2. - ? - [Νί]κων - ? - | 3. - ? - [Π]οθίσκ[ος?] - ? - | 4. -? - νου - ? -

Восстановления имен предположительное. Имя Поф и Пофиск были распространены среди боспорцев в первые века н. э. В стк. 2 -ων рассматриваем как окончанием имени Νίκων (КБН 1056, 1137 А.1_{17} и пр.). Не исключено чтение [Νί]κων[ος], сын Никона. Хотя, могут быть и другие варианты.

35. Верхний правый угол мраморной плиты с окончанием двух первых строк надписи (рис. 5. *35*)[44]. Размер: 9,5×10,3×1,8 см. Склеен из трех фрагментов. Обе стороны плиты отшлифованы. Надпись вырезана по заранее разлинованному полю. Высота букв 2–2,1 см. Буквы крупные, четко прорезанные. *Бета* с дугами, не доходящими до вертикали, *омикрон* в форме овала; *ро* с несомкнутым кружком в виде завитка; *сигма* лунарной формы; курсивная *омега*. *Дата*: 200 – ок. 240 гг. н. э. [*Книпович*, *Болтунова* 1962, 26–28, табл. IV.*3*].

Маюскула.

Ω CTIB

Ạ ROỌ

Чтение: 1. [Ἀγαθῇ Τύχῃ. Βασιλεύοντος βασιλέ]ως Τιβ- | 2. [ερίου Ἰουλίου Κότυος ? φιλοκαίσ]-αρος … – В добрый час. В царствование царя Тиберия Юлия Котиса друга цезаря …

Восстанавливаем стандартное начало датировки надписи по имени правящего монарха. Предполагаем чтение имени царя Котиса III, которое укладывается в количество букв в строке: в стк. 1 – 32 буквы, в стк. 2 – 30. Тип надписи не определяется.

36. Фрагмент мраморной плиты (рис. 5. *36*)[45]. Размер: 19,2×6,5×3 см. Обе стороны плиты отшлифованы. На лицевой стороне сохранились фрагменты восьми строк надписи. Надпись вырезана по заранее разлинованному полю. Высота букв 1,2–1,5 см. Между словами в 3-й и 8-й строках поставлен *diaeresis* в виде точки. Буквы равновеликие по высоте, соблюдены межбуквенные интервалы. Украшения букв минимальные

[43] КМ 7342/8. Зап-84, некроп., мус. сл. оп. 338

[44] КМ 7342/13. Зап-84, некроп., мус. сл. оп. 347

[45] КМ 7342/17. Зап-84, некроп., мус. сл. оп. 345

Рис. 5. Фрагменты надписей № 34–39

в виде утолщений на краях гаст у *гаммы*, *эпсилон*, *каппы*, *мю*, *пи*. Правая наклонная гаста *альфы* слегка выступает над ее верхушкой, центральная перекладина буквы прямая; *каппа* – с укороченными косыми гастами; круглый *омикрон*, *ро* – с несомкнутым снизу кружком, *сигма* лунарная; края дуги омеги сильно закруглены внутрь на двумя горизонталями – основанием буквы. *Дата*: конец II – начало III в. н.э. [*Книпович*, *Болтунова* 1962, 25–26, табл. IV.*2*].

Маюскула
Ε
ΤΕΙ
· ΚΑ
ΑΜΟ
ΜΑΧΟ
ΡΟΔΩ
ΗCΚΟC
ΓΑ·ΓΑ

Чтение.

1. - ? - - - - - Ε - ? -
- ? - [Γάσ]τει[ς ?] - ? -
- ? - - - - - Κα[λλιγένης?] -? -
- ? - - [Δ]αμό[φιλος ?] - ?-
5. - ? - - [Εὔ]μαχο[ς ?] - ? -
- ? - - [Μοι]ρόδω[ρος ?] - ? -
- ? - - ης Κοσ[σοῦ] - ? -
- ? - - [Πά]πα Γά[δεις] - ? -

Надпись представляет фрагмент списка имен. Подобные списки свойственны посвятительным актам синодов и фиасов Горгипии. Предлагаемые в реконструкции имена отмечены не раз в боспорских надписях. Имена Гастий, Мойродор, Коссус, Гадий входили в список имен горгиппийцев в первые века н. э. В стк. 5 наряду с ЛИ Εὔμαχος (КБН 1134_{26}), можно предложить ЛИ Συμμάχος (КБН $1135_{7, 20}$).

37. Фрагмент мраморной плиты (рис. 5. *37*)[46]. Размер: 14×14,3×2,3 см. Обе стороны плиты отшлифованы. На лицевой поверхности сохранились фрагменты семи строк надписи. Надпись вырезана по заранее разлинованному полю. Высота букв: 1,1–1,3 см. Шрифт надписи сочетает прямолениейные и курсивные формы букв. Курсивные буквы: лунарной формы *эпсилон* и *сигма*; *дзета*, *мю, омега*. Дата: конец II – ок. 240 г. н. э. [*Книпович*, *Болтунова* 1962, 25–26, 30].

Маюскула.
ΘΟΥCZ
ΗCCΕCΕΓ
ΑΠΟΘΙCΚΟC
CΑΓΑΘΟΥΕΡΜ
ΠΑΠΙΟΥΚΟ

[46] КМ 7342/19. Зап-84, некроп., мус. сл. оп. 339

ΩNIOC
ΟΥ
Чтение.
1. - ? - [Ἀγα]θοῦς Ζ[αζζοῦ ?] - ? -
- ? - - - - - -ης Σεσεγ[γου?] - ? -
- ? - - [Δάδ]α Ποθίσκος - ? -
- ? - - - - - -ς Ἀγαθοῦ Ἑρμ[ῆς] - ? -
5. - ? - - - - - -Παπίου Κο - ? -
- ? - Ἀπολλ]ώνιος - ? -
- ? - - - - - - ου - ? -

Надпись представляет фрагмент списка имен. Подобные списки свойственны посвятительным актам фиасов и синодов Горгиппии первых веков н. э. Основное число имен, встреченных в надписи, обычны для именника горгиппийцев римского времени. В стк. 2 обращает внимание начало патронимикона Σεσεγ-. Единственная аналогия этому буквосочетанию обнаружилась в магической надписи на античной гемме III в. из римской Паннонии [*Bilken* 1979, 35, Nr. 37; *Kovács* 2001, № 147]. Надпись на оборотной стороне завершается двумя именами «… Σεσεγγεν Βαρφαραγγης». Насколько можно судить по рисунку, Σεσεγγεν представляет аккузативную форму, в окончании которой вместо *эты* вырезан *эпсилон*, Σεσεγγ{ε}<η>ν. Номинативная форма этого, видимо, женского имени выглядит как Σεσεγγη. Предполагаем, что в горгиппийской надписи должен упоминаться мужской вариант этого имени Σεσεγγης / -ος.

38. Фрагмент мраморной плиты с остатками четырех строк надписи (рис. 5. *38*)[47]. Размер: 13,5×13,3×1,5 см. Склеен из трех фрагментов. Обе стороны плиты отшлифованы. Надпись вырезана по заранее разлинованному полю. Высота букв 2,2–2,5 см. *Альфа* с прямой перекладиной, *дельта* с выступающей с обеих сторон горизонталью, *омикрон* в виде большого овала, *ро* с маленьким кружком, *омега* курсивная. *Дата*: конец II в. н. э. – ок. 240 г. [*Книпович*, *Болтунова* 1962, табл. IV.*2*, IV.*3*].

Маюскула.
.ΟΡΑ
.ΝΑΝΟΓΟΒ
ΟΔΩΡ
Ω .

В начале стк. 1 видна нижняя часть вертикальной гасты. В начале стк. 2 перед *ню* виден край правой косой гасты.

Чтение: 1. - ? - .ΟΡΑ - ? - | 2. - ? - .ΝΑΝΟΓΟΒ - ? - | 3. - ? -οδωρ[ος?] - ? - | 4. - ? -ω . - ? -

39. Фрагмент мраморной плиты с остатками трех строк греческой надписи (рис. 5. *39*)[48]. Размер: 9,5×6,7×1,7 см. Обе стороны плиты отшлифованы. Надпись вырезана по заранее разлинованному полю. Высота букв 2,3 см. Курсивной формы *эпсилон*,

[47] КМ 11366/1. Зап-85, пл. 310, меш. сл., оп. 186.

[48] КМ 11366/3. Зап-85, пл. 310, меш. сл., оп. 183

с отделенной S-образной центральной гастой, *омикрон* и *тета* в виде овалов. *Дата*: конец II в. н. э. – ок. 240 г.

Маюскула.

ΘΕǪ

ΟΥΤ

ΡĄ

Чтение: 1. - ? - Θεό[δωρος?] -?- | 2. -?- ου τ - ? – 3. - ? - ΡĄ - ? -

Буквы ΘΕΟ принадлежат, видимо, одному из мужских имен с композитом Θεο- [*КБН*, 873–874]. Тип надписи остается неясным.

40. Фрагмент мраморной плиты с остатками двух строк греческой надписи (рис. 6. *40*)[49]. Размер: 4,5×4×2 см. Обе стороны плиты отшлифованы. Надпись вырезана по заранее разлинованному полю Высота букв не менее 1,7 см. *Омега* курсивная. *Дата*: конец II в. н. э. – ок. 240 г.

Маюскула.

Ω

Ω

41. Фрагмент мраморной плиты с остатками двух строк греческой надписи (рис. 6. *41*)[50]. Размер: 7,5×7,5×3,2 см. Обе стороны плиты отшлифованы. Надпись вырезана по заранее разлинованному полю. Высота букв 1,8 см, *фи* – 3 см. *Альфа* с прямой перекладиной, *эпсилон* и *сигма* лунарные, *фи* с сильно выступающей за пределы строки вертикалью. *Дата*: вторая половина II – начало III в. н. э.

Маюскула.

.ΦΕΤ

CANṬ

Чтение: 1. - ? - .ΦΕΤ | 2. - ? - [Ἀντιπάτρο]ς Ἀντ[ιπάτρου]

Восстановление имени и отчества в стк. 2 предположительное. Антипатр сын Антипатра упоминается в двух горгиппийских надписях II в. (КБН 1142_6, 1157 А).

42. Фрагмент мраморной плиты с остатками четырех строк греческой надписи (рис. 6. *42*)[51]. Размер: 7,5×7,5×2,3 см. Обе стороны плиты отшлифованы. Следов разметки строк нет. Высота букв 1,1–1,2 см. *Альфа* с прямой перекладиной, *омикрон* по форме ближе к овалу; *ро* с несомкнутым снизу кружком; *сигма* четырехчастная в стк. 2 и полуовальной формы в стк. 3. *Дата*: конец II – ок. 240 г. н. э.

Маюскула.

ΔΑΔ

ΑΡΟΣ Ķ

ΝΟC ΔΕ

ΥΙ

В стк. 1 перед *альфой* и после нее сохранились правый и, соответственно, левый нижние углы *дельт* (ср. *дельту* в стк. 3).

---

[49] КМ 11366/12. Зап-85, пл. 310, оп. 181.

[50] КМ 11366/16. Зап-85, некрополь, пл. 296, меш. сл., оп. 266

[51] КМ 11366/18. Зап-85, пл. 310, оп. 187.

Рис. 6. Фрагменты надписей № 40–44

Чтение: 1. - ? - Δάδα[ς] - ? - | 2. - ? -αρος Κ - ? - | 3. - ? -νος Δε- ?- | 4. - ? - νἱ[οὶ τοῦ …] …

Вероятно, фрагмент списка имен.

43. Фрагмент мраморной плиты с остатками четырех строк надписи (рис. 6. *43*)[52]. Размер: 13×11×1,5 см. Обе стороны плиты отшлифованы. Надпись вырезана по заранее разлинованному полю. Высота букв 2,5 см, *фи* – 3,8 см. В надписи использованы прямолинейные и курсивные формы букв (*эпсилон*, *мю*). Они крупные, прорезанные четко

[52] КМ 11366/26. Зап-85, пл. 309, оп. 178.

и аккуратно. *Альфа* с ломанной перекладиной; *эпсилон* лунарный, с отделенной S-образной центральной гастой; *мю* курсивная; *омикрон* в форме овала; *сигма* лунарная; *фи* с сильно выступающей за границы строки вертикалью. *Дата*: конец II в. н. э. – ок. 240 г.

Маюскула.

СВАḲ

МФАГОṚ

ААΛẸΞ̣

ỌṆỴ

Чтение.

1. - ? - - -ς Βάγ[ου] - ? -

Νυ]μφαγόρ[ας ?] - ? -

- ? - Πάπ?]α Ἀλέξ[ανδρος] - ? -

- ? - - - Δι]ονύ[σιος?] -? -

Фрагмент списка имен. Имена обычные для боспорцев первых веков н. э. Сугубо к ономастикону Горгиппии относится, пожалуй, лишь имя Βάγης (КБН 1134, 1159, 1159, 1231).

44. Фрагмент мраморной плиты с остатками двух строк греческой надписи (рис. 6. *44*)[53]. Размер: 8,5×5,8×1,5 см. Обе стороны плиты отшлифованы. Надпись вырезана по заранее разлинованному полю. Высота букв 2,5 см. *Эпсилон* в форме полуовала, с отделенной S-образной центральной гастой, овальный *омикрон*, *омега* курсивная. *Дата*: конец II в. н. э. – ок. 240 г.

Маюскула.

ΕΩ̣

Ṇ̣Ο

По шрифту, высоте букв, и толщине фрагмент № 44 схож с № 38, 39. Возможно они от одной плиты, или же исполнены одним и тем же горгиппийским резчиком по камню.

Список литературы

Б*олтунова* А. И. 1968. Новая надпись из Горгиппии и несколько замечаний о об организации управления государственными доходами Боспорского царства // Eirene. Studia Graeca et Latina. VII. Praha, 67–76.

З*авойкина* Н. В. 2013. Боспорские фиасы: между полисом и монархией. М.

Завойкина Н. В. 2019. Материалы к истории фанагорийского общества доэллинистического времени // ПИФК. 4, 29–45.

[53] КМ 11366/27. Зап-85, пл. 310, оп. 184.

Завойкина Н. В., *Новичихин* А. М. 2022. Надписи из раскопок в пригороде Горгиппии // ВДИ. 1, 133–149.

К*нипович* Т. Н., *Болтунова* А. И. 1962. Очерк истории греческого лапидарного письма на Боспоре // НЭ. 3, 3–29.

Л*евинская* И. А. 2022. Очерк боспорской лапидарной эпиграфики в I–IV вв. н. э. // История письма от Античности до Нового времени. Очерки по эпиграфике, палеографии и дипломатике. СПб, 65–71.

B*ilken* I. 1979. Die griechischen Inschriften des römischen Ungarns // Alba Regia. 17, 23–48.

D*ana* D. 2014. Onomasticom Tharacicum (OnomThrac) (Melethmata. 70). Athenes.

K*ovács* P. 2001. Corpus inscriptionum graecarum Pannonicarum (Hungarian Polis Studies. 8). Debrecen.

Summary

N. V. Zavoykina, A. M. Novichikhin
Inscriptions from the excavations of North-West suburb of Gorgippia

In the article are published 45 fragments of Greek inscriptions, which were discovered in the course of archaeological investigations of IA RAS (IA AS USSR before 1993) in 1985 and 1987. Inscriptions origin from a Turkish time digging of the antiquity layers in Gorgippia. In that period Anapa was an Ottoman fortress and all finds were found near its fortification. Initially all inscriptions were cut on marble stoves, but inhabitance in Anapa demolished them in small pieces and burnt them to lime. They used lime for building. Inscriptions are dated to AD I – the first half of III centuries. Some of them connect with private associations in Gorgippia in AD II – the first half of III centuries. They are votive inscriptions, but it has survived their beginnings or fragmentally lists of thiasotai names. Part of inscriptions are small fragments and it is difficult to determine their types.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-437-1.212-224

В. Г. Зубарев*, В. В. Майко**
(Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула;*
*** Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь)*

Комплекс хозяйственных сооружений хазарского времени городища Белинское

Средневековая проблематика занимает особое место в научном наследии В. Д. Блаватского. Будучи ведущим специалистом в области античной археологи и истории, специально он ей, естественно, не занимался. Тем не менее, работая на территории и Европейского и Азиатского Боспора ему так или иначе приходилось сталкиваться не только с позднеантичными и ранневизантийскими горизонтами, но и с древностями хазарского времени. Так, экспедицией под руководством В. Д. Блаватского в 1945–58 гг. на горе Митридат на разных участках городского некрополя VII–VIII вв. н. э. было раскопано более сотни могил, [*Зинько, Пономарёв* 2016, 107–148], в 1934 г. обнаружены раннесредневековые кварталы на месте старого рынка возле храма Иоанна Предтечи [*Блаватский* 1957, 251], раскопаны усадьбы хазарского времени в Фанагории [*Блаватский* 1940, 293–294], в ходе разведок на Керченском полуострове в 1952 г. открыто салтово-маяцкое поселение Алексеевка, [*Блаватский, Шелов* 1955, 102; *Пономарёв* 2020, 197–198]. Всё это дополнило источниковедческую базу средневекового Боспора ранневизантийского и хазарского времени.

На сегодняшний день наиболее масштабное и целенаправленное изучение салтово-маяцких памятников Боспора и Крымского полуострова в целом проводится в северной части Восточного Крыма на территории античного городища Белинское. Эти материалы уже неоднократно становились предметом пристального внимания специалистов [*Майко, Зубарев, Ярцев* 2016а, 320–329; *Майко и др*. 2022, 264–270], Подробно рассматривались и хозяйственные сооружения, представленные различными по морфологии и функциональному назначению ямами [*Майко, Зубарев, Ярцев* 2016, 98–104; *Зубарев*, *Майко*, *Могучева* 2022, 91–97].

Тем не менее раскопки 2023 г. позволили не только существенно дополнить сведения об этом салтовском памятнике, но и поставить вопросы планиграфии других сельских поселений Керченского полуострова хазарского времени, а также состава их керамических комплексов. Все это делает публикацию ниже рассматриваемых материалов, на наш взгляд, актуальной.

Речь пойдет о работах на участке некрополя упомянутого античного городища (рис. 1. *1*), застроенного в салтовское время отдельно стоящими усадьбами. Раскопки 2022–2023 гг. были проведены на площади 172.5 м^2. Фрагменты стен каменного сооружения, являвшегося, возможно, центральным домом изучаемой на этом раскопе усадьбы, были предварительно разобраны. Это позволило изучить до уровня материка нижележавшие культурные напластования. На основании немногочисленного археологического материала сам дом датировался второй половиной IX – началом X в. Важным обстоятельством явилось то, что расположенный ниже слой, на основании соотношения амфорного материала, наличия фрагментов высокогорлых кувшинов с плоскими ручками и технологического уровня кухонной посуды, так же датируется эти периодом. Логично было предположить, что само формирование этого слоя было связано с выравниванием поверхности под фундаменты, образующих помещение стен. Но задуматься над вопросом об относительной периодизации позднего этапа салтово-маяцкой культуры Крыма заставили 16 выявленных здесь на уровне материка хозяйственных ям (№ 16–29) и перекрытых и самой каменной постройкой, и данным культурным слоем (рис. 1. *2*). Как мы увидим ниже, они, исходя из современных представлений о хронологии салтовских древностей, так же не могут датироваться ранее середины IX в.

Несмотря на довольно сложную стратиграфическую ситуацию, связанную с расположением на этом же участке раскопа объектов эпохи бронзы, отнесение всех ям к хазарскому периоду основано на наличии в их заполнении соответствующего материала или, в случае отсутствия такового, на стратиграфическом и планеграфическом их положении.

Приведем краткое описание зафиксированных ям с выводами об их возможном функциональном назначении.

Ямы № 16, 16А и 16Б. Начало выборки грунта показало, что в данном случае мы имеем дело не с отдельной ямой, а с тремя, связанными одной траншеей, заполненной грунтом с включением камней (рис. 1. *2*). *Яма № 16*. Диаметр горловины – 0.74 м, диаметр дна – 0.9 м, глубина – 0.55 м. Форма в разрезе близка к трапециевидной с плавно закругляющимися ко дну стенками. Грунт заполнения тёмный, жёлто-коричневый суглинок с примесью золы. Камни присутствовали в верхней его части на уровне горловины. Находки представлены только костями животных (63). *Яма № 16А* располагалась в центральной части траншеи. Диаметр горловины составляет 0.83 м, диаметр дна – 0.94 м. глубина – 0.47 м. Форма в разрезе близка к трапециевидной с расширением ко дну. Грунт заполнения аналогичен заполнению ямы № 16. Находок в нём нет. *Яма № 16Б*. Диаметр горловины составляет 0.73 м, диаметр дна – 0.43 м, глубина – 0.43 м. Форма и грунт заполнения аналогичны вышеописанным. Находки отсутствовали. Стратиграфическое положение ям, а также то обстоятельство, что впущены они были, скорее всего, с более высокого уровня, позволяют (несмотря на отсутствие датирующего материала) отнести время их бытования и засыпи к салтово-маяцкому периоду. О функциональном назначении сказать что-либо конкретное не представляется возможным. Они могли служить как хозяйственным целям, так и появиться вследствие добычи глины.

Яма № 17 выявлена после разбора помещения № 1 и выборки подстилающего его грунта серого суглинка. Размеры ямного пятна (и горловины) 0.85×0.83 м. Диаметр

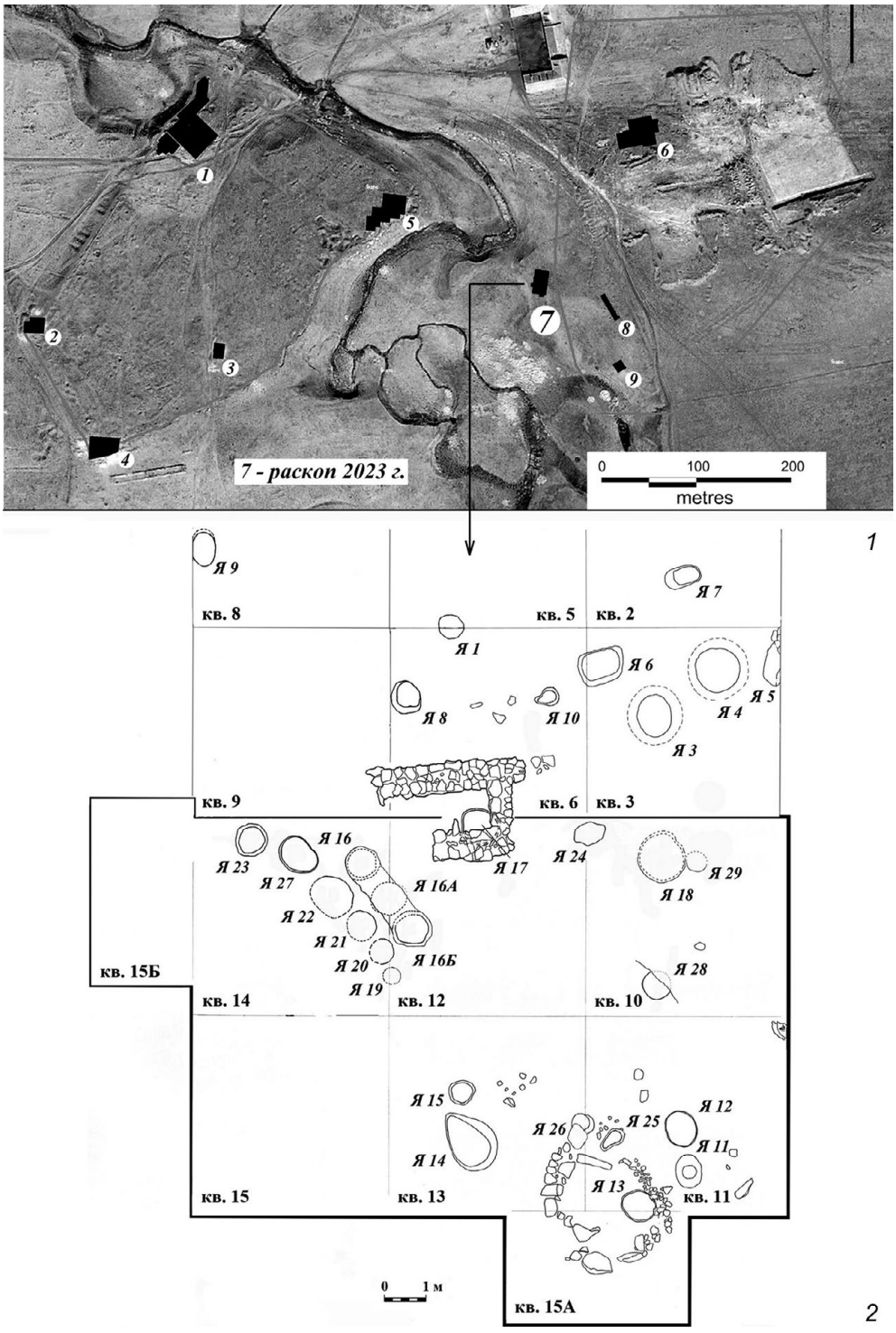


Рис. 1. Месторасположение раскопа 2023 г. на территории поселения Белинское.
1 – сводный план раскопов на территории городища Белинское; *2* – план участка работ 2023 г. на общем плане раскопа

дна – 0.96 м. Глубина – 0.71 м. Стенки немного расширяются к низу (рис. 2. *1*). Грунт заполнения тёмный жёлто-коричневый суглинок с примесью золы и незначительного количества камней средних размеров. На глубине около 0.27 м вдоль стенок ямы по кругу (рис. 2. *6*) зафиксирован керамический комплекс, состоявший из 9 археологически целых предметов (трёх амфор причерноморского типа, одной ойнохои, четырех кувшинов и фляги) (рис. 3). Прочий археологический материал из заполнения малочисленен и фрагментирован: мелкие стенки и две ручки амфор причерноморского типа, а также отдельные стенки ойнахой и кухонных горшков. Остеологический материал включает 52 кости животных. Функциональное назначение ямы 17 можно определить, как погреб для хранения продуктов.

Яма № 18. Диаметр горловины ямы – 1.2 м, размеры дна – 1.19×0.95 м, глубина в северной части – 0.42 м, в южной – 0.67 м. Форма близка к цилиндрической (рис. 2. *4*). Северная часть стенки ямы частично разрушена. На глубине 0,37 м от уровня горловины выявлен плотный слой каменной забутовки. В остальной части грунт заполнения: тёмный, жёлто-коричневый суглинок с примесью золы. Находок нет. Стратиграфическое положение ямы, а также то обстоятельство, что она была вырыта, скорее всего, с более высокого уровня позволяют отнести время её бытования и засыпи к салтово-маяцкому периоду. О функциональном назначении судить невозможно.

Следующие четыре ямы были расположены в одну линию по склону Аджиэльской балки. Сохранились они не полностью; их юго-западные участки оказались разрушенными в результате работ по строительству плотины в новейшее время (рис. 1. *2*).

Яма № 19 занимает крайнее юго-восточное положение в этой цепочке ям. Диаметр её горловины – 0.41 м, диаметр дна – 0.44 м, глубина – 0.33 м. Форма цилиндрическая (рис. 2. *2*). Грунт заполнения: тёмный, жёлто-коричневый суглинок с примесью золы. На глубине 0,15 м от уровня горловины зафиксирован развал кухонного неорнаментированного горшка (рис. 2. *5*). Отметим также фрагмент ручки амфоры причерноморского типа, венчики и стенки кухонных горшков и фрагмент ручки ойнохои. Остеологический материал представлен 29 костями животных. Функциональное назначение ямы не ясно (мусорная?).

Яма № 20 расположена к северо-западу от ямы № 19 с небольшим смещением к северу. Диаметр горловины – 0.62 м, диаметр дна – 0.6 м, глубина 0.6 м (рис. 2. *3*). Грунт заполнения: тёмный, жёлто-коричневый суглинок с примесью золы. В верхней части вдоль северо-западной стенки ямы имелся плотный каменный завал. На глубине 0,02 м в расширении стенки ямы обнаружена ойнохоя, лежавшая на боку (рис. 2. *7*). Здесь же зафиксирован и мраморный алтарь (?), сделанный из обломка надгробия или строительного блока. На глубине 0,49 м расчищен развал верхней части кухонного горшка. Под ним сброс золы толщиной 0,06–0,07 м. Прочие находки представлены фрагментом венчика и стенками кухонных горшков. Остеологический материал включает 34 кости животных. Функциональное назначение ямы до конца не ясно. Обратим внимание на наличие специально сброшенной на дно ямы золы.

Яма № 21 выявлена к северо-западу от ямы № 20 на одной с ней линии. Имеет цилиндрическую форму. Диаметр горловины – 0.75 м, диаметр дна – 0.75 м, глубина – 0.44 м (рис. 4. *1*). Грунт заполнения: тёмный, жёлто-коричневый суглинок. Массовый материал

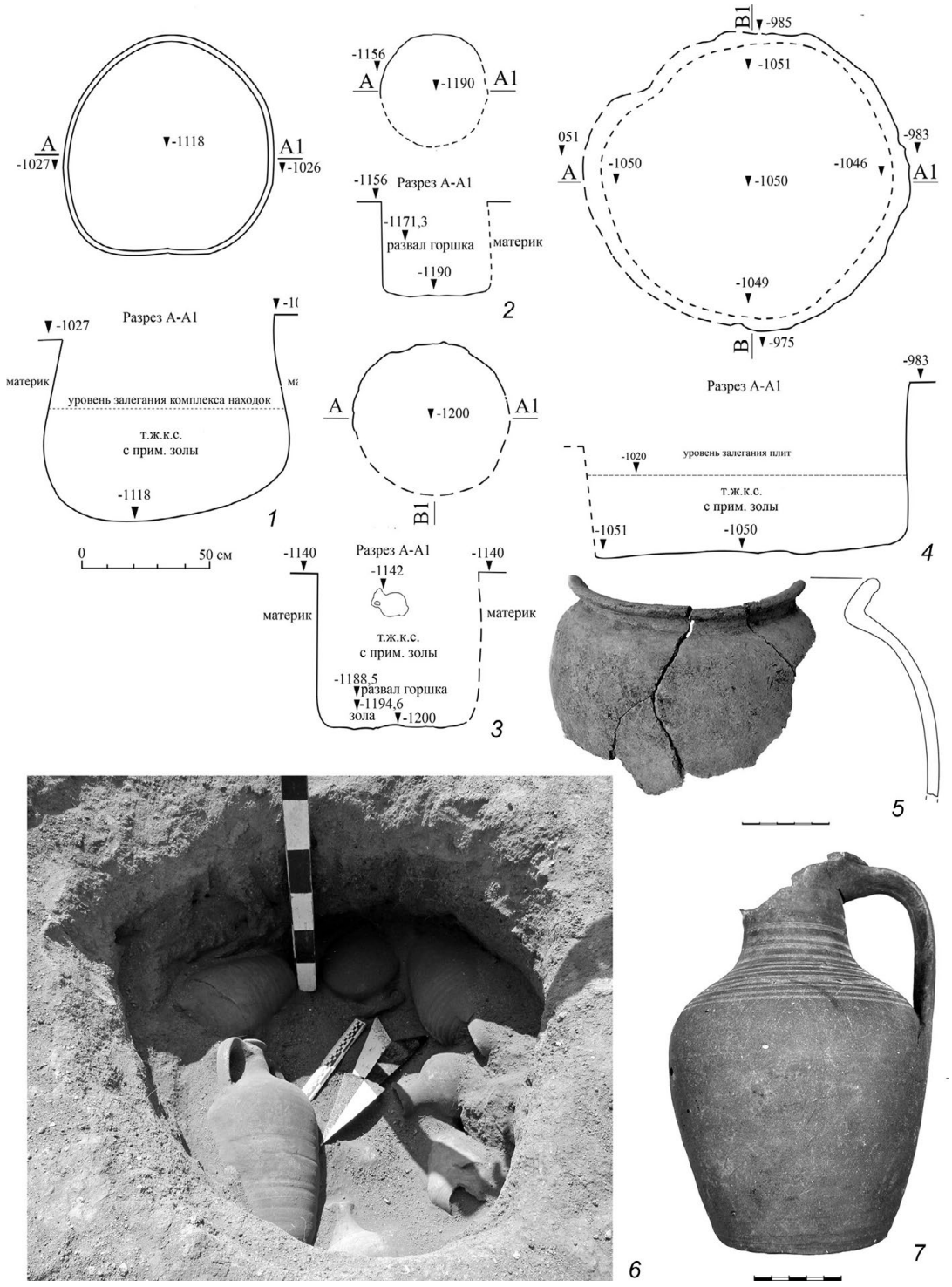


Рис. 2. Планы, разрезы, общий вид и археологический материал из заполнения хозяйственных ям. *1, 6* – яма № 17; *2, 5* – яма № 19; *3, 7* – яма № 20; *4* – яма № 18

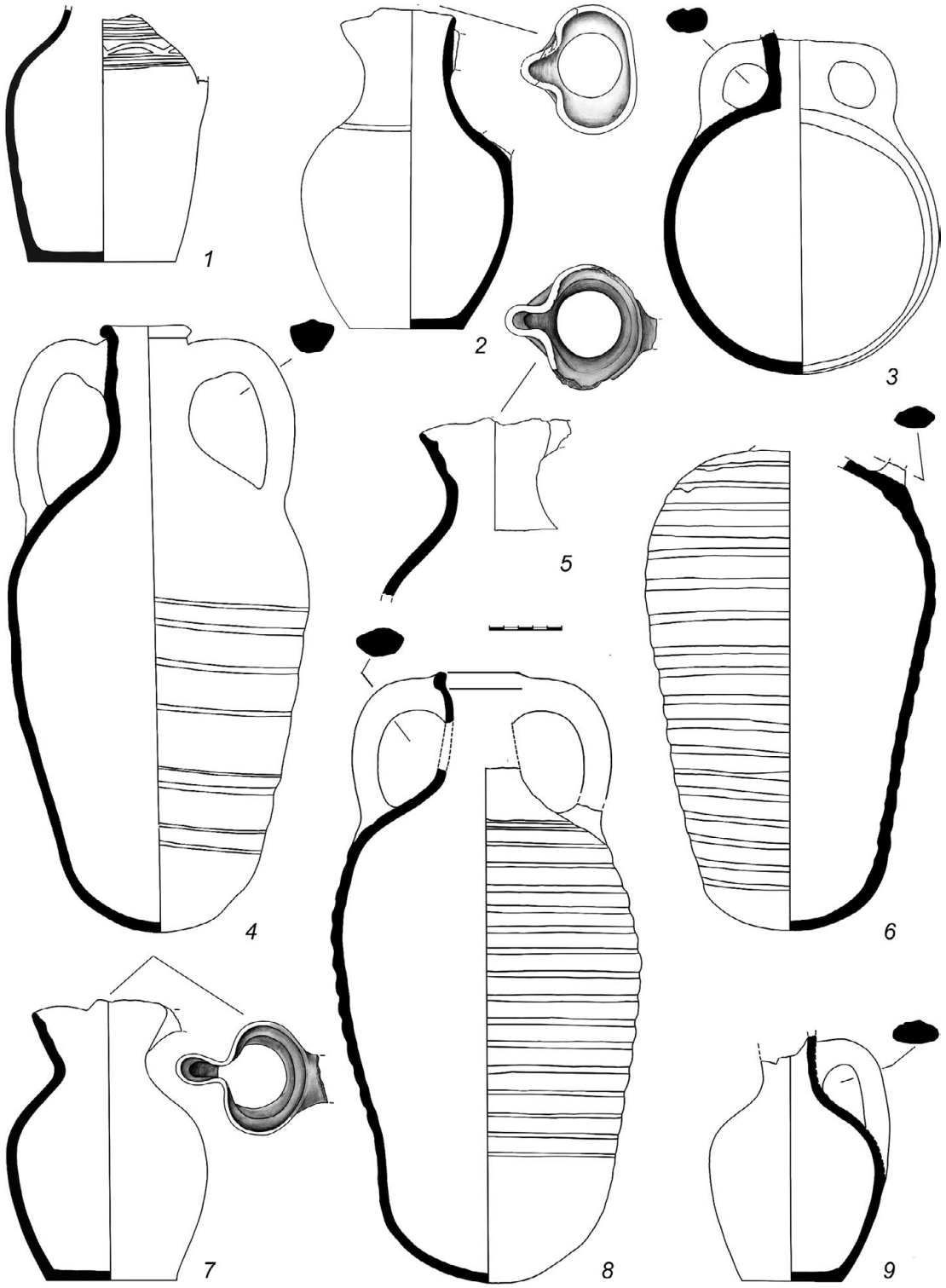


Рис. 3. Керамический комплекс из заполнения ямы № 17

из представлен стенками амфор причерноморского типа и сероглиняных кухонных горшков. Среди индивидуальных находок выделим фрагмент костяного остроконечника и каменную пробку. Остеологический материал насчитывает 49 костей животных.

Яма № 22 выявлена к северо-западу от ямы № 21 на одной с ней линии. Горловина овальной формы размером 1.1×0.93 м, дно – 1.03×0.8 м, глубина по сохранившемуся краю – 0.51 м (рис. 4. *2*). В разрезе форма близка к цилиндрической, немного сужаясь книзу. Грунт заполнения: тёмный, жёлто-коричневый суглинок с примесью золы и отдельных камней. Среди массового археологического материала преобладают фрагменты лепной керамики, сколы кремня, изделия (?) из кости и камня, относящиеся к эпохе бронзы. Вместе с тем, присутствуют и фрагменты салтовской амфорной и кухонной посуды. Остеологический материал насчитывает 117 костей. Расположение ямы № 22 в одном ряду с ямами № 19–21 позволяет рассматривать её, как яму синхронную остальным. В то же время большая часть находок относится к периоду бронзы. Очевидно, что при сооружении этой ямы расположенной вблизи объекта № 3 периода бронзы, было прорезано его заполнение. Функциональное назначение ямы не ясно.

Яма № 23 выявлена к северо-западу от ямы № 22 на одной с ней линии. Диаметр горловины – 0.8 м, диаметр дна – 0.65 м, глубина – 0.51 м. В разрезе она имеет трапециевидную форму, сужающуюся к низу (рис. 4. *3*). Грунт заполнения: тёмный, жёлто-коричневый суглинок с примесью золы. Находки отсюда: две стенки сероглиняных кухонных горшков и 33 кости животных. Эта яма так же прорезала каменный завал в слое бронзового века. Функциональное назначение не ясно.

Яма № 24 выявлена в северной части раскопа на стыке квадратов № 10 и 12. Горловина ямы неправильной формы размером 0.84×0.55 м, дно – 0.52×0.44 м, глубина – 0.62 м. В разрезе форма как бы усечённо-коническая, стенки сужаются к низу (рис. 4. *4*). На дне имелось углубление, возможно, под установку пифоса или крупной амфоры. Грунт заполнения: тёмный, жёлто-коричневый суглинок с включением золы и отдельных камней. Находки представлены всего двумя стенками сероглиняных кухонных горшков и 27 костями животных.

Яма № 25 и 26 вытянутой неправильной формы выявлены на квадрате № 11 на расстоянии 0.45 м одна от другой. Размеры горловины первой – 0.7×0.41 м, дна – 0.6×0.3 м, глубина – 0.22 м, второй – 0.47×0.68 м, дна – 0.23×0.48 м, глубина – 0.42 м. В разрезе стенки обеих ям сужаются к низу (рис. 4. *5*, *6*). Грунт заполнения – аналогичен вышеописанным. Ямы перекрывают некую постройку эпохи бронзы. Находок из грунта заполнения нет. По аналогии с прочими ямами на этом участке они могут быть отнесена к салтово-маяцкому периоду. Вероятнее всего яма 26 предназначалась для установки пифоса.

Яма № 27 расположена между ямами 22 и 23 практически в одном ряду с ними и ямами 19–21 (рис. 1. *2*). В верхней части прорезала каменный завал строения бронзового века. Форма горловины подовальная, размеры 0.5×0.75 м. Размеры дна – 0.60×0.22 м, глубина – 0.31 м. Стенки сужается к низу (рис. 4. *9*). Грунт заполнения тот же. Находок нет. По своему стратиграфическому положению может быть отнесена к салтово-маяцкому периоду.

Яма № 28 выявлена при расчистке объекта № 2 бронзового века. Горловина была впущена с более высокого уровня. Ямное пятно удалось зафиксировать только

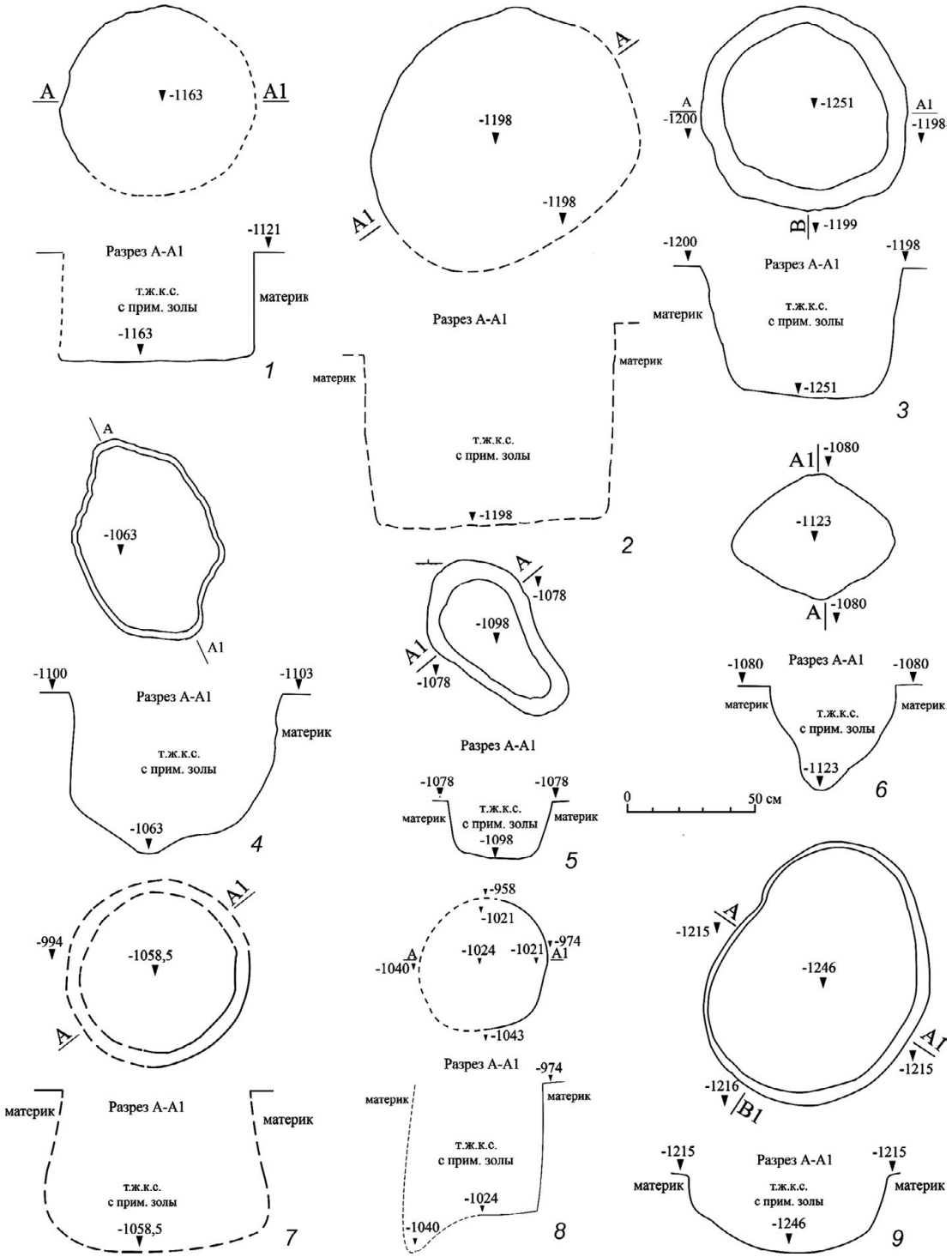


Рис. 4. Планы и разрезы хозяйственных ям. *1* – яма № 21; *2* – яма № 22; *3* – яма № 23; *4* – яма № 24; *5* – яма № 25; *6* – яма № 26; *7* – яма № 28; *8* – яма № 29; *9* – яма № 27

на уровне материка. Размер его составил в диаметре 0.73 м, диаметр дна 0.84 м, глубина – 0.62 м. В разрезе по форме яма приближается к грушевидной (рис. 4. *7*). Грунт заполнения: тёмный, жёлто-коричневый суглинок с примесью золы. Среди находок эпохи бронзы, включается фрагменты венчиков сероглиняных кухонных горшков. Отметим также три каменные пробки для пифосов. Остеологический материал представлен 13 костями животных. Функциональное назначение ямы не ясно.

Яма № 29 выявлена в квадрате № 10. Смежна с ямой № 18. В северной части частично разрушена. Диаметр горловины – 0.5 м, диаметр дна – 0.52 м, глубина в сохранившейся части – 0.86 м. В разрезе форма близка к цилиндрической, однако дно имеет резкий уклон в северном направлении (рис. 4. *8*). Грунт заполнения: тёмный, жёлто-коричневый суглинок с примесью золы. Из находок присутствовали только стенки амфор причерноморского типа. Функциональное назначение не ясно.

Специалистами ТГПУ им. Л. Н. Толстого был произведен соответствующий анализ костного материала. Он показал, что кости из ямы 22 сильно фрагментированы и практически не определимы. В остальных ямах костей в два или в три раза меньше, в среднем от 49 до 27. В лучшем случае, среди них определяется не более трети, что свидетельствует о мелкой и средней рубке туши перед употреблением в пищу. Много конечностей животных. Рассмотрение количественных соотношений между видами животных по количеству особей, показывает, что первое место принадлежит крупному рогатому скоту, на втором – лошадь, на третьем – мелкий рогатый скот. Кости собак очень немногочисленны, но сохранность их гораздо лучше.

Помимо этого, с целью определения функционального назначения ям, было произведено микроскопическое исследование морфологии специально подготовленных зольных остатков из заполнения ям № 20 и 28. Исследование производилось при помощи бинокулярного микроскопа «Микромед МС-4 ZOOM LED»[1]. Поверхность и внутреннее строение частиц изучались при увеличении 40х, 100х, 200х, 400х в поле зрения поляризационного микроскопа «Микромед ПОЛАР-3». Изображение получалось при скрещенных поляризаторе и анализаторе и введённой кварцевой компенсационной пластине (разность хода λ). А также с помощью видеоокуляра микроскопа TOUPCAM модель E3ISPM05000KPA, матрица SONY, размер 5 MP. Изображение фиксировалось с помощью комплектного программного обеспечения «ToupWiew», сборка 4.11.19561.20210912.

Установлено, что в зольных остатках ямы 20 имеются частицы чёрного цвета, являющиеся мелкими углями, которые образовались вследствие горения древесины. Также в объекте обнаружены плоские минерализованные частицы, имеющие животное происхождение и принадлежавшие раковинам гребешка черноморского (Flexopecten ponticus). Наиболее крупная частица имеет размер 2.0×2.5 мм, толщину 0.8–1.0 мм.

В зольных остатках ямы 28 имеются частицы чёрного цвета двух видов. Первый – угли, следствие горения древесины. Второй – угли, образующиеся вследствие горения органических тканей. Также обнаружены плоские, минерализованные частицы, принадлежащие популяции гребешка черноморского (*Flexopecten ponticus*).

[1] Исследование выполнено научным сотрудником молодёжной научно-исследовательской лаборатории химии и экологии почв ТГПУ им. Л. Н. Толстого Симоновым Р. В.

Наиболее важные выводы, которые можно сделать на основании раскопанных в 2023 г. хозяйственных объектов салтовского времени в западной части некрополя античного городища Белинское сводятся к следующему.

Совершенно очевидно, что перед нами три строительных горизонта салтовского поселения Белинское, которые существуют в рамках второй половины IX – начала X в. Ранее на других сельских салтовских памятниках сделать этого не удавалось. Не давали положительного результата и наблюдения за стратиграфией городских центров, прежде всего, Сугдеи.

К наиболее раннему периоду относятся хозяйственные ямы 16–16Б, 17–24, 27–29. Из этих ям девять (№ 16–16Б и 19–23, 27) расположены в две практических параллельные линии. Вероятнее всего, все они имели утилитарное назначение. Такое же назначение имели и ямы 28 и 29, расположенные к востоку. Яма 17, содержавшая комплекс археологически целых сосудов, но бывших в употреблении, могла служить хранилищем продовольствия. Все эти ямы были перекрыты стенами усадьбы, относившейся к третьему строительному периоду. Отметим, что подобное линейное расположение хозяйственных ям на салтовском сельском поселении зафиксировано впервые.

Характерным отличием керамического комплекса можно считать наличие в яме 17 трех кувшинов, изготовленных из глины красно-оранжевого цвета с обильными примесями извести и песка, и покрытых ангобом светло-оранжевого, бежевого и бежево-серого цвета с остатками вертикальных лощеных линий, более темного бордового цвета (рис. 3. *2*, *5*, *7*). Среди всех столовых сосудов салтово-маяцкой культуры Таврики, описанные кувшины – ойнохои до сего дня не встречались. Не исключено, что произведены они гончарами Таматархи или Фанагории [*Майко* 2013, 267–268], где подобная керамика, датирующаяся салтовским временем, в небольших количествах, но известна [*Чхаидзе* 2008, 196, рис. 110. *1–5*; *Атавин* 1992, 188]. Однако вряд ли их присутствие является хронологическим индикатором. Важнее нахождение в заполнении ямы 19 развала кухонного салтовского сосуда с отогнутым уплощенным, слегка профилированным венчиком (рис. 2. *5*). Технологически он отличается от наиболее поздних полностью стандартизированных кухонных горшков. Помимо этого, в заполнении ямы 28 присутствуют венчики типологически близких кухонных горшков, в том числе с насечками по краю, отсутствующими на самой поздней салтовской кухонной посуде. Никаких других заметных отличий керамического комплекса пока выделить не удается.

Все указанные ямы перекрыты слоем серого суглинка, в который впущены остальные ямы, исследованные на этом раскопе и на котором осуществлено строительство упомянутого каменного дома усадьбы. Этот слой достаточно подробно исследовался в 2022–2023 гг. Отметим, происходящие из этого горизонта ойнохою и фрагменты венчиков кухонных горшков полусферической формы с линейным и линейно-волнистым орнаментом наиболее поздних вариантов [*Зубарев и др.* 2023, 122, рис. 5. *1–4*, *8*]. Венчики совершенно аналогичных технологически наиболее «развитых» горшков получены и в ходе исследований этого слоя в 2023 г.

К третьему периоду относится сохранившиеся остатки стен каменного центрального дома усадьбы [*Зубарев и др.* 2023, 120, рис. 3] и примыкающие с севера и юга хозяйственные ямы. Именно эти два скопления позволяют почти точно определить и размеры

самого дома (рис. 1. 2). Несмотря на кажущееся хаотическое расположение, ямы 1, 3–7, 10 (к северо-востоку от дома) помещались двумя почти параллельными линиями. Исходя из небольших размеров некоторых из них, не исключено их использование для установки каких-то временных конструкций. Выделяется яма 8. Возможно, она служила для процеживания осадков и отстаивания молодого вина в течение необходимого времени, что позволяет предположить домашний характер производства вина жителями салтово-маяцких поселений Керченского полуострова [*Зубарев*, *Майко*, *Могучева* 2022, 91–97]. Ямы 11–15, 25–26, находящиеся к югу от дома усадьбы, видимо, предназначались для установки пифосов. Расположенные отдельно на довольно большом расстоянии к северу от дома ямы 9 и 2, относятся, возможно, к другой усадьбе.

В целом, надо отметить, что каменная постройка отдельно стоящей усадьбы на салтовских сельских хуторах с примыкающими хозяйственными ямами – явление достаточно обычное, характеризующее особенности поселений Керченского полуострова хазарского времени. Аналогичная ситуация отмечена и на хорошо раскопанном салтовском поселении Артезиан, расположенном в прямой видимости от Белинского. Здесь зафиксированное скопление хозяйственных ям составляло единый жилищно-хозяйственный комплекс с двухкамерной постройкой [*Винокуров*, *Пономарев,* 2022, 75–76]. Близкий по структуре жилищно-хозяйственный комплекс на территории Керченского полуострова исследован на поселении Героевка-2. Он так же состоял из дома-пятистенки и хозяйственных построек, окруженных каменной оградой, внутри которой находились и хозяйственные ямы [*Зинько, Пономарёв,* 2005, 241–244, рис. 11, 15].

Таким образом, раскопки 2023 г. на салтовском поселении на месте античного городища Белинское позволили уточнить планировку сельской усадьбы и примыкающих к ней хозяйственных ям. Помимо этого, впервые в рамках позднего периода салтово-маяцкой культуры полуострова второй половины IX – начала X в. удалось выделить три строительных периода и попытаться обосновать особенности каждого из них.

Список литературы

А*тавин* А. Г. 1992. Лощеная керамика средневековой Фанагории // Боспорский сборник. 1, 173–211.

Б*лаватский* В. Д. 1940. Раскопки в Фанагории в 1938–1939 гг. // ВДИ. 3–4, 287–300.

Блаватский В. Д. 1957. Раскопки Пантикапея в 1934 г. // МИА. 56, 251–253.

Блаватский В. Д., *Шелов* Д. Б. 1955. Разведки на Керченском полуострове // КСИИМК. LVIII, 100–113.

В*инокуров* Н. И., *Пономарёв* Л. Ю. 2022. Городище Артезиан в эпоху средневековья. М., 343.

З*инько* А. В., *Пономарёв* Л. Ю. 2016. К топографии ранневизантийского города Боспора и его плитово-грунтовых некрополей // БИ. XXXII, 107–148.

Зинько В. Н., *Пономарёв* Л. Ю. 2005. Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-2 у пос. Эльтиген // БИ. X, 236–268.

Зубарев В. Г., *Майко* В. В., *Маркова* К. О., *Могучева* М. Р. 2023. Раскопки салтово-маяцких горизонтов городища Белинское в 2022 году // История и археология Крыма. XIX, 114–122.

Зубарев В. Г., *Майко* В. В., *Могучева* М. Р. 2022. Виноделие салтовцев восточного Крыма. Пути расширения источниковой базы // РА. 4, 91–97.

М*айко* В. В. 2013. Лощеная оранжево-глиняная керамика салтовцев Таманского полуострова // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция. Материалы конф. Краснодар, 267–268.

Майко В. В., *Зубарев* В. Г., *Ярцев* С. В. 2016. Хозяйственные ямы средневекового поселения в восточной части городища античного времени «Белинское» // Таврические студии. 10, 98–104.

Майко В. В., *Зубарев* В. Г., *Ярцев* С. В. 2016а. Раннесредневековые материалы городища «Белинское» в Восточном Крыму // ДБ. 20, 320–329.

Майко В. В., *Зубарев* В. Г., *Маркова* К. О., *Могучева* М. Р. 2022. История изучения салтовского поселения Белинское в Восточном Крыму // История и археология Крыма. XVI, 264–270.

П*ономарёв* Л. Ю. 2020. Салтово-маяцкие памятники центральной и северной части Керченского полуострова (материалы к археологической карте) // Хазарский альманах. 17, 175–227.

Ч*хаидзе* В. Н. 2008. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М., 328.

Summary

V. G. Zubarev, V. V. Maiko
Farm Complex of Belinskoye settlement of the Khazar Time

The article for the first time introduces into scientific circulation the materials of the excavations of 2023 of the settlement of the Saltovo-Mayaky culture Belinskoye. It is located on the site of the ancient settlement of the same name. The remains of the stone house of the estate and the adjoining economic pits examined at the excavation made it possible to draw a number of important conclusions. The location and functional purpose of the utility pits have been clarified. Their location in the line was noted, before that it was not traced on such settlements.

In addition, for the first time in the archeology of Taurika of Khazar time managed to distinguish three construction periods of the late stage of the Saltovo-Mayaky archaeological culture of the peninsula. All these three periods are limited to the second half of the 9th century – the beginning of the 10th century. The first includes the construction of a number of economic pits for various purposes. The stone building associated with them was completely dismantled. For the construction of a new house, the site was leveled with a poured cultural layer. A new house and organized new economic pits associated with it were erected on it. For each of the periods, features of ceramic complexes were noted.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-437-1.225-265

А. В. Иванов*, Ю. Ю. Каргин, Н. И. Сударев[1]*****
(ООО «АрхСпас» г. Краснодар;*
*** ООО «ЦРСП-Юг», г. Краснодар;*
**** Институт археологии РАН, г. Москва)*

Азиатский Боспор до и во время греческой колонизации[2]

В Северном Причерноморье известно немало памятников античной археологии, которые являются предметом интереса большого числа исследователей. Когда речь заходит об Азиатском Боспоре, наше внимание закономерно фокусируется на территории Таманского полуострова[3] [*Кошеленко, Кузнецов В. Д.* 1992, 6; *Кузнецов В. Д.* 2009, 294; *Завойкин* 2009, 180; *Батасова* 2014; 2015] и Анапы. Сам «Азиатский Боспор» означает, прежде всего, часть Боспорского государства к востоку от пролива Боспор Киммерийский[4], и, таким образом, неразрывно связан с древними греками, хотя на момент начала Великой греческой колонизации здесь, по-видимому, проживали различные местные племена.

[1] Исследование выполнено в рамках темы «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (номер ЕГИСУ НИОКТР 122011200269-4).

[2] Данная статья является итогом многолетних научных, в том числе полевых изысканий, в ней упоминается множество бытовых и погребальных памятников различных исторических эпох и связанный с ними обширный фактический материал, который уже стал отправной точкой для множества отдельных научных работ. Поэтому даже самое поверхностное освещение этой информации с сопутствующим научно-справочным аппаратом представляется авторам крайне необходимым для раскрытия заданной темы.

[3] Это связано, в первую очередь, с тем, что на Таманском п-ове были проведены многолетние разведки и создана «Археологическая карта Таманского полуострова» [*Паромов* 1992], в которой учтено свыше 200 различных поселений и более 350 курганов. С того времени количество известных поселений, курганов и грунтовых некрополей существенно увеличилось.

[4] В настоящее время установлено, что помимо Таманского п-ова уже к началу VI в. до н. э. греки заняли предгорья Западного Кавказа, в окрестностях современной Анапы, а в следующем столетии продвинулись вверх по Кубани – на территорию современных Славянского и Крымского районов Краснодарского края [*Кашаев и др.* 2011; *Сударев* 2014; *Иванов, Сударев* 2015а; *Сударев, Гарбузов* 2015]. На этой территории они соседствовали с меотскими племенами Кубани, дандариями, а также с синдами, керкетами и торетами, проживавшими в районе Анапы. Благодаря новейшим исследованиям, открытию новых пограничных крепостей и поселений, становится возможным с большей точностью очертить восточную границу Азиатского Боспора. Так, к концу V в. до н. э. она фиксируется уже более чем в пятидесяти километрах к востоку от Таманского п-ова – в районе Восточно-Ханьковского укрепления и Краснобатарейного городища (в районах этих поселений есть материалы второй половины – конца V в. до н. э., но укрепления возникают лишь в IV веке до н. э. [*Гарбузов, Сударев* 2015; *Иванов* 2016а, 198; *Иванов* 2019, 27; *Иванов, Сударев* 2015а; *Иванов, Трубников* 2018, 86].

Генезис этого «варварского» населения вызывает множество вопросов и неоднозначных толкований, поскольку в письменных источниках о нем имеются лишь относительно более поздние и отрывочные сведения, а археологическому изучению их памятников долгое время уделялось меньше внимания, чем античным. Очевидно, что истоки формирования этих культур следует искать среди материалов позднего бронзового – раннего железного веков, специфика которых в интересующем нас регионе, и, прежде всего, на Таманском полуострове, до недавнего времени оставалась невыясненной. Публиковались отдельные находки, погребения, материалы кладов и т. д. [*Сокольский* 1980; *Черных Е. Н.* 1980; *Сударев* 1994, 109–111; *Абрамов, Пиунова* 1995, № 18, 45, 53, 67, 81 и др.]. Исследователями эпохи бронзы Северного Причерноморья отмечались различные волны миграций по направлениям «юг–север» и «запад–восток», однако в этих системах пространственных связей Таманский п-ов представлялся периферийной территорией – своего рода приморским тупиком. Поскольку, в отличие от ученых-антиковедов, изучение Тамани никогда не было для них приоритетной задачей [*Кияшко* 2019, 54], большинство, вплоть до недавнего времени, считало, что в позднем бронзовом и раннем железном веках эта территория была практически незаселённой и по ней свободно перемещались лишь редкие группы номадов [*Виноградов, Марченко К. К.* 1991; *Полидович* 1992; *Ванчугов* 1992; *Паромов, Гей* 2005, 232–235; *Завойкин* 2011; 2013]. Поэтому в обобщающих работах Таманский п-ов зачастую автоматически включался в ареал распространения тех или иных археологических культур [*Сорокина И. А.* 1989; *Дубовская* 1997; *Dubovskaja* 1997; *Паромов, Гей* 2005; *Эрлих* 2002а, 28; 2002б, 46; 2007, 73–74, 138, рис. 4, 13; *Новичихин* 2006, 12, 39; *Reinhold* 2013; *Иванов, Сударев* 2013б; *Черниенко* 2014, 17, рис. 1]. В итоге сложилась и получила распространение гипотеза, согласно которой пространства по обеим сторонам Керченского пролива к началу греческой колонизации контролировались кочевыми скифами, в то время как территория предгорий была заселена некими оседлыми земледельческими племенами [*Виноградов* 2005, 213–220]. Между тем, в последние годы на Тамани раскопано несколько крупных поселений и могильников позднего бронзового века, существенно расширяющих наши представления об археологической специфике региона. Полученные материалы соотносятся с сабатиновско–раннебелозёрским горизонтом и их изучением в настоящее время занимается целая группа исследователей [*Горошников* 2018а; *Кияшко* 2020; 2022; *Кияшко, Горошников* 2020; *Кияшко и др.* 2016; *Кияшко, Сударев* 2018; *Клемешова и др.* 2022; и т. д.].

Иная ситуация характерна для изучения соответствующих памятников Прикубанья. Формирование представлений о позднем бронзовом веке этого региона прошло длительный путь. Изначально по материалам кладов и отдельных погребений здесь был выделен т. н. прикубанский очаг металлообработки [*Иессен* 1951]. Затем высказывались идеи о проникновении с севера племён срубной культурно-исторической общности [*Иерусалимская* 1958; *Сафронов В. А.* 1974]. На основании представительной, но неоднозначной серии скорченных подкурганных погребений И. А. Сорокиной был выделен её прикубанский вариант, возникший здесь на позднем «сабатиновском» этапе [*Сорокина И. А.* 1985; 1986; 1989]. Эти выводы основывались на уже устаревшей периодизации позднего бронзового века европейской части России и подверглись критике, которая наиболее обоснованно и последовательно стала звучать в процессе разработки проблема-

тики блока посткатакомбных культур финала среднего бронзового века [*Мимоход* 2005]. Всё началось с выявления в Прикубанье небольшой группы погребений позднего этапа культуры многоваликовой керамики, ныне именуемой бабинской археологической культурой [*Шарафутдинова Э. С.* 1983, 34; 1987, 28; 1989б, 19; 1991, 70–74; 1996; *Литвиненко* 2011]. В дальнейшем аналогичная керамика была обнаружена на целом ряде Закубанских поселений, что позволило Р. А. Мимоходу выделить т. н. кубанскую посткатакомбную культурную группу [*Мимоход* 2006]. Продолжительный пересмотр ситуации в финале среднего бронзового века на территориях катакомбной ойкумены, вне ареала бабинской культуры, привёл исследователя к выделению местной невинномысской археологической культуры, в рамках северо-западного варианта которой были объединены синхронные памятники Прикубанья и Таманского полуострова [*Мимоход* 2023].

Финал позднего бронзового века в Прикубанье до недавних пор был отмечен несколькими погребениями «белозёрского времени», однако последующий период выглядел как хронологическая лакуна [*Сорокина И. А.* 1985, 150]. Изначально А. А. Иессен предлагал заполнить её т. н. северо-западной кавказской и предскифской степной культурными группами [*Иессен* 1951, 124]. Он же отмечал, что «культурное единство северо-западной группы кавказских племён, известное нам в новое время […], возникло […] не позже позднего бронзового века». Некоторые исследователи были склонны видеть проявление этого единства в памятниках кобяковской культуры [*Шарафутдинова Э. С.* 1980; 1987 и др.], другие отмечали западный импульс, результатом которого стало формирование уникальной кобанской культуры [*Козенкова* 2013, 140–141]. Однако накопление в последние десятилетия новых археологических материалов и их осмысление позволили существенно дополнить и расширить понимание процессов, происходивших в позднем бронзовом веке на Кубани и черноморском побережье Кавказа. Погребения и поселенческие памятники этого времени открыты в Анапском и Новороссийском районах, а также на Закубанской равнине и в предгорьях Северного Кавказа [*Шишлов, Федоренко* 2008, 120–121, рис. 8; 9; *Шишлов и др.* 2011; *Новичихин* 2010; 2013; 2023, 65; *Крутоголовенко* 2021, 229; 2022, 24–29, 32, рис. 7, *8*; *Эрлих, Болелов* 2014; *Эрлих* 2018; *Эрлих, Годизов* 2020, 162, 164; *Sudarev et al.* 2021]. Тем не менее в целом, несмотря на интенсивность проводимых здесь раскопок, эти новые данные всё ещё относительно немногочисленны и разрозненны. Поэтому можно утверждать, что единого культурного пространства к началу раннего железного века на территории будущего Азиатского Боспора не существовало. Ряд исследователей нашёл объяснение этому в глобальных климатических изменениях, характеризующихся продолжительным периодом пониженной увлажнённости степей (конец XIII – VII в. до н. э.), следствием чего стало переселение местного населения в регионы с более благоприятными условиями для ведения хозяйства [*Бучинский* 1963, 307; *Махортых, Иевлев* 1991].

И всё же, благодаря планомерным разведкам на Тамани под руководством Г. П. Гарбузова и Н. И. Сударева, удалось получить ряд интересных фактов и наблюдений о непосредственно предшествовавшем греческой колонизации периоде [*Вальчак и др.* 2010; *Паромов и др.* 2010, 307–308; *Сударев и др.* 2010]. В результате составлена карта догреческих и раннегреческих поселений, некрополей и курганов, по аэрофотоснимкам выявлены направления древних дорог с местами их пересечения. Это позволило актуализировать

точку зрения о том, что древние сухопутные магистрали являлись центром притяжения местных племён, основывавших в непосредственной близости от них свои поселения [*Паромов, Гей* 2005, 335; *Иванов, Сударев* 2012, 193–197]. Достоверность сделанных наблюдений подтверждена результатами исследований по реконструкции палеогеографических условий на Таманском п-ове [*Сударев и др.* 2018а; *Гарбузов* 2020; *Гарбузов и др.* 2017; *Поротов и др.* 2020]. Одновременно разведки проводились и в соседних Анапском и Крымском районах Краснодарского края. Выявление новых и уточнение локализации ранее известных памятников интересующего нас периода позволило более предметно подойти к решению вопроса об их специфике [*Иванов, Сударев* 2014; 2015а; 2015б; 2017; 2018а; 2018в; *Сударев* 2014; *Сударев, Гарбузов* 2015; *Они же*, 2022; *Sudarev et al.* 2021]. Уже в настоящее время результаты этих работ позволяют утверждать, что значительная часть здешних древних дорог с сопутствующими курганами возникла в бронзовом веке, а потом вблизи них или водных источников, в т. ч. колодцев, основывались античные поселения. Эти магистрали вели к древним переходам/переправам через Керченский пролив [*Федосеев* 1999; *Fornasier* 2013; *Sudarev et al.* 2021, 45]: северная дорога – от степного правобережья Кубани до северного перехода, а южная соединяла Западное Прикубанье и горное Предкавказье с южным переходом [*Сударев, Гарбузов* 2015; *Гарбузов и др.* 2017; *Сударев и др.* 2018а; *Поротов и др.* 2020]. Установить интенсивность их использования, к сожалению, невозможно, однако, исходя из численности и статуса расположенных поблизости от пролива античных населенных пунктов и курганов, наиболее стабильным и важным представляется южное направление [*Федосеев* 1999; *Мимоход и др.* 2019, 140–141; *Sudarev et al.* 2021, 45].

Как уже упоминалось, на рассматриваемой территории выявлено и исследовано свыше десятка поселений, а также ряд грунтовых, курганных могильников и отдельных погребений позднего бронзового века [*Кияшко* 2019; *Сударев* 2020]. Прежде всего, следует отметить такие поселения как Старотиторовское 19 и 20, Юбилейный XIV, Балка Хреева I [*Кияшко, Ларенок* 2020], II и III, Волна I [*Волкодав и др. 2016*; *Мимоход, Успенский* 2016; *Житников* 2017; *Мимоход и др.* 2017; *Мимоход и др.* 2019, 138–141], Тузла VII, Тамань XIV [*Бойко и др.* 2020], Артющенко II, Чиркова I [*Иванов, Сударев* 2013б], Белое Восточное, Белое Юго-Восточное, нижние слои античного Патрея [*Иванов, Сударев* 2013б], поселение под Западным некрополем Гермонассы [*Иванов, Сударев* 2013а], поселение у посёлка Ильич [*Шаров* 2016; *Шаров, Соколова* 2017; *Сударев и др.* 2018б; *Сударев, Шаров* 2022]. Среди них есть очень крупные (свыше 40 га): Балка Лисовицкого IV [*Шишлов и др.* 2008; *Кияшко* 2018; *Кияшко и др.* 2016; *Kiyashko* 2017] и Панагия I [*Горошников* 2018а; *Горошников, Горошникова* 2019; 2020; *Раев, Горошников* 2018] с жилыми, хозяйственными и производственными постройками. Для изучения генезиса местного населения позднего бронзового века крайне важны результаты исследований грунтовых могильников Юбилейный IV[5], Соленый II [*Кияшко, Зиливинская* 2021], а также отдельных погребений на территории поселений Тузла VII, Виноградный 7 [*Сударев* 2017, 183–184], у посёлка Ильич, Волна 1, Панагия 1 [*Абрамова* 2020; *Горошников* 2018б], Западный некрополь Гермонассы [*Иванов, Сударев* 2013а]. Все эти материалы позволяют, как нам думается, рассматривать местное

[5] Раскопки Ш. О. Давудова в 2015 г.

население как совокупность нескольких культурных групп. Иными словами, в целом материальная культура таманских поселений позднего бронзового века с остатками домов, оград, печей, следов бронзолитейного производства, специфической керамикой и набором каменных изделий обнаруживает прямые аналогии с памятниками сабатиновско-белозерского круга [*Кияшко и др.* 2016; *Кияшко, Сударев* 2018; *Горошников* 2018а; *Кияшко* 2020; 2022; *Кияшко, Горошников* 2020; *Клемешова и др.* 2022]. Отдельного внимания заслуживает уникальная система колодцев, резервуаров и водосборников, исследованная на территории предгреческого поселения у современного посёлка Ильич [*Шаров* 2016; *Шаров, Соколова* 2017; *Сударев и др*. 2018б; *Сударев, Шаров* 2020], которая действовала в течение нескольких веков, начиная с XIII в. до н. э. Ближайшие аналогии этой системе обнаружены в Крыму, Дагестане, Средней Азии и Центральной Европе [*Вахрушев Б. А., Вахрушев И. Б.* 1999; 2006], однако почти все они, за исключением балканских[6], датируются более поздним временем [*Гайдукевич* 1941, 263–265; *Кумурджи* 1962; *Коваленко* 2001; *Кузнецов А. Г. и др*. 2012; *Гришина* 2018].

Таким образом, территорию Азиатского Боспора в период позднебронзового века следует рассматривать как контактную зону местных племён с европейскими, кавказскими и «азиатскими» (степными) культурами. В свете этого проникновение через Керченский пролив на Тамань носителей сабатиновской культуры примерно в XIII–XII вв. до н. э. представляется вполне закономерным. Свидетельства их пребывания отмечаются и восточнее – в современных Анапском, Крымском районах Краснодарского края и даже вблизи самого Краснодара [*Иванов, Сударев* 2018б; *Кияшко, Сударев* 2018; *Сударев и др*. 2018б; *Шаров, Клемешова* 2019]. Эта культура, сформировавшаяся на стыке Волго-Уральского и Карпато-Дунайского очагов культурогенеза [*Черниенко* 2014, 19], входила в единый культурный блок «Сабатиновка–Ноуа–Кослоджень» [*Черняков* 1985, 152; *Гершкович* 1997, 143; *Савва* 1992, 12, 56, 160–168; *Geršcovič* 1999, 92; *Sava* 2014, 9–19], а её носители, по всей вероятности, были протофракийцами [*Телегін* 1961; *Березанская и др.* 1986, 84; *Floresci M., Floresci A*. 1990, 50–51; *Cavruc* 1990, 125–126; 1996a, 67–68; 1996b; *Григорьев* 2003, 150; *Шепард* 2010, 304; *Sava* 2014, 6]. В любом случае, они относились к кругу палеобалканских народов, вовлеченных в XIV–XIII в. до н. э. в глобальный процесс, известный нам как «Коллапс позднего бронзового века», «Великое переселение народов позднего бронзового века» и т. п. [*Сафронов А. В.* 2000; 2018; *Mee* 2008; *Deger-Jalkotzy* 2008; *Dickinson* 2012; *Murray* 2017; о причинах см. также: *Weiss* 1982; *Wood* 1985, 221; *Gerskovich* 2011; *Drake* 2012; *Kaniewski et al*. 2013]. Хозяйственный уклад этого населения был связан с ведением экстенсивного оседлого хозяйства, основанного на сочетании земледелия и скотоводства. Возможно, использовалось и отгонное скотоводство, т. к. безморозная зима позволяла долго держать скот на подножном корму. Поселения этого периода традиционно располагались группами на склонах надпойменных террас, мысах и плато [*Березанская, Шарафутдинова И. Н.* 1985, 491]. Изделия из кости, глины, а также шлак металлургического производства свидетельствуют о наличии домашних ремёсел: гончарного, кожевенного, ткацкого, косторезного, а также специализированного бронзолитейного

[6] Следует отметить еще одну интересную аналогию – сакральный комплекс в Козуве (Польша), связанный с культом воды, датируемый в интервале от позднего бронзового века до VI в. до н. э. [*Kobyliński et al.* 2015, 24–25].

производства, основанного на привозном балканском сырье [*Кияшко* 2017; *Кияшко, Сударев* 2018; *Сударев и др.* 2018б]. Последнее, очевидно, и было основой поддержания прочных связей с родственными племенами Крыма, Северо-Западного Причерноморья и Балканского полуострова [*Березанская, Шарафутдинова И. Н.* 1985, 498; *Kiyashko* 2017]. В погребениях сабатиновской культуры, во многом производной от культурного круга Бабино, скорченные трупоположения на левом или, реже, правом боку преимущественно с восточной ориентацией совершались в грунтовых ямах или каменных ящиках и сопровождались, по большей части, лепными сосудами банковидной формы [*Березанская, Шарафутдинова И. Н.* 1985, 494]. Среди прочей посуды можно выделить слабопрофилированные горшки и корчаги с невысокими венцами, орнаментированными налепными валиками-обручами и, реже, с широкими и плоскими внутренними выступами для установки крышки, а также одно- и двуручные ковши (черпаки), кубки и миски, обычно с лощёной или хорошо заглаженной поверхностью [*Гершкович* 1997].

На новых осваиваемых территориях «сабатиновцы» вступали во взаимоотношения с остатками каких-то местных скотоводческих племён, о чём могут свидетельствовать встречающаяся на их поселениях грубая керамика, восходящая к традициям невинномысской и/или т. н. прикубанской срубной культур, а также погребения с характерным для полукочевых степняков обрядом и инвентарём [*Горошников* 2018б; *Клемешова и др.* 2021]. Кроме того, в гончарных изделиях тогдашних обитателей Таманского п-ова проявляются черты, свойственные более ранним северокавказской и/или дольменной культурам Кавказа [*Шаров, Клемешова* 2019, 156]. Аскетичные погребения представителей этих культур, датируемые средним бронзовым веком, хорошо известны по материалам раскопок курганов на Тамани и в дельте Кубани [*Паромов, Гей* 2005, 328–331; *Шишлов и др.* 2012; *Крайнева* 2013; *Каргин и др.* 2019]. Наконец, ещё одним компонентом сабатиновского керамического комплекса на территории будущего Азиатского Боспора следует считать посуду каменской культуры Крыма, образцы которой встречаются среди соответствующих поселенческих материалов, но пока не привлекли к себе должного внимания специалистов. Причиной тому, вероятно, следует считать недостаточность разработки проблематики данной археологической культуры и в частности – её хронологии [напр., см.: *Лесков* 1970; *Рыбалова* 1974; *Братченко* 1985; *Колотухин* 2003, 50–51; *Кислый, Ислямов* 2013; и т. д.]. Примечательно, что некоторые реликтовые сабатиновские «черты» (налепной валик под венцом, орнаментированный пальцевыми оттисками, одно- и двуручные черпаки, в т. ч. с налепом-выступом на ручке) сохраняются в керамическом комплексе местного населения Северо-Западного Причерноморья вплоть до начала Великой греческой колонизации [*Марченко К. К.* 2005, 85, рис. 6. *1*; *Гаврилюк* 2023]. В то же время в Северо-Западном Крыму отмечается наложение скифских элементов (пальцевые оттиски по краю венца) на местную каменскую «основу» (округлобокие горшки с относительно высокими раструбовидными венцами и орнаментацией в виде одного-двух поясков однотипных оттисков или насечек в верхней части плеча, иногда перемежающихся с одиночными налепами разных форм) [*Рогов* 2005, 197, рис. 14].

В дальнейшем сабатиновская культура на рассматриваемой территории, как и на более западных, сменяется белозерской, которую исследователи связывают с древними фракийцами уже более определённо [*Новикова* 1976, 55–56; *Березанская и др.* 1986,

50, 117; *Подобед, Цимиданов* 2010, 109; *Черниенко* 2014, 87; *Иванов, Сударев* 2018б; *Sudarev et al.* 2021, 48]. Характерные образцы белозёрских сосудов Азиатского Боспора имеют прямые аналогии среди керамики группы Кишенёв-Корлатэнь [*Смирнова* 1990, 22]. У слабопрофилированных горшков и корчаг высота венцов уменьшается, цельный или разомкнутый со свисающими краями валик-обруч опоясывает плечо заметно ниже, появляются разноразмерные сосуды с выделенной шейкой и уступом, поверхность ковшей и кубков чаще обрабатывается лощением, их ручки становятся более оттянутыми [*Ванчугов* 1990, 59–82]. Претерпевает изменения и погребальный обряд: восточная (с отклонениями) ориентировка сменяется северной и южной, преобладают расположенные рядами захоронения в грунтовых ямах, тяготеющие к курганам знати [*Отрощенко* 1985, 519–520]. Многие исследователи сходятся во мнении, что процесс смены сабатиновской и раннебелозерской культур происходил в виде постепенной трансформации под влиянием различных факторов. На примере памятников Таманского п-ова (поселения Балка Хреева II, Панагия 1, Ильич, Волна 1, а также грунтовые могильники Юбилейный IV и Тузла VII) эти изменения также демонстрируют плавный, эволюционный характер, хотя наверняка связаны с приходом на обжитые места новых волн населения с запада.

Похожая ситуация отмечается и в северной части современного Анапского района. Недавними раскопками здесь также были выявлены сабатиновско-раннебелозерские погребения и культурные напластования (Чекупс и Гостагай-Зозуля 1[7]). Их керамический комплекс имеет близкие аналогии в материалах позднего бронзового века Фракии.

Характер взаимоотношений между различными группами местного населения позднего бронзового века, начиная с проникновения племён сабатиновской культуры, пока не вполне ясен. Так, на ряде поселений Таманского п-ова и даже шире встречены валы и рвы [*Гарбузов, Сударев* 2016], однако их назначение ещё предстоит выяснить. Установлено лишь, что в античное время (не позднее V в. до н. э.) рвы были засыпаны и далее не использовались. Уточнить датировку этого обстоятельства пока не представляется возможным, поскольку радиоуглеродная хронология памятников позднего бронзового века интересующего нас региона «находится в зачаточном состоянии». Степень влияния на местное население продолжительной аридизации климата в XIII–VII в. до н. э., а также кочевых племён черногоровско-новочеркасского и раннескифского культурных горизонтов, пока также не вполне ясна. Тем не менее, некоторые наблюдения показывают, что вплоть до начала раннего железного века этнокультурная ситуация здесь оставалась относительно стабильной.

Итак, подчеркнём это ещё раз, факт проникновения племён сабатиновско-раннебелозерского облика в Прикубанье и далее, вплоть до предгорий Северного Кавказа, не вызывает сомнений. Характерные элементы форм и декора (рельефные опоясывающие валики и прочие разновидности налепов и даже практически полностью

[7] В настоящее время нам известно не менее 10 поселений позднего бронзового – раннего железного веков на территории Анапского и Крымского районов (Гостагай-Зозуля, Су-Псех, Шуха, Чекупс, Виноградный, Чекон, Железнодорожное, Кеслерово и др.), однако материалы большинства из них пока не опубликованы. Кроме того, существует большое количество отдельных находок этого времени [см. также: *Новичихин* 2013а; 2013б; 2013в; 2015].

идентичные округлобокие корчаги со слабо выраженным венцом и одноручные черпаки) прослеживаются в керамических комплексах кобяковской, кобанской культур, а также на протомеотских памятниках раннего железного века. Массовое принятие местным населением новой для региона формы черпаков, вероятно, было обусловлено не только специфической функциональностью, но и распространением в предшествующий период типологически схожих с ними одноручных горшков и кружек. Ел. Н. Черных, в частности, отмечает контакты между белозерским и «постсрубным» культурными «горизонтами» Северного Причерноморья и Крыма, выразившиеся в проникновении белозерских типов вещей в памятники финала позднего бронзового века Закубанья, а затем и в погребения начала раннего железного [*Черных Ел. Н.* 2014, 299, 313].

С IX в. до н. э. на Северо-Западном Кавказе носители этой археологической культуры становятся субстратом для формирования протомеотской группы памятников. В настоящее время их принято рассматривать как культурное новообразование «переходного» периода: «меотскую культуру» в стадии её формирования [*Эрлих* 2007, 34]. Её неоднородность сохранялась вплоть до рубежа VII–VI в. до н. э., когда здесь появились первые греческие поселенцы.

Наиболее обстоятельно проблематика протомеотской культуры рассмотрена В. Р. Эрлихом [*Эрлих* 2005; 2007], который выделил три её локальных варианта, обнаруживающих между собой существенные различия: приморско-абинский, центральный (степной) и предгорный [*Эрлих* 2007, 34–55, рис. 12]. Их краткая характеристика, несомненно, важна для понимания культурно-исторической ситуации, сложившейся на территории будущего Азиатского Боспора к началу Великой греческой колонизации.

Приморско-абинский вариант, объединяющий протомеотские памятники Черноморского побережья, района города Абинск, а также недавно исследованные – в окрестностях города Крымск [*Лимберис, Марченко И. И.* 2014; *Иванов* 2013], стал основой для формирования культуры, условно связываемой нами с древними синдами, керкетами и торетами. Для этого варианта характерны одиночные и коллективные, обычно вытянутые на спине погребения с неустойчивой ориентировкой, совершенные в грунтовых ямах, каменных ящиках и древних дольменах [*Эрлих* 2005, 19]. А. М. Новичихин, рассматривая погребальные памятники Западного Закубанья VIII–VI в. до н. э., добавляет к ним специально оборудованные площадки, отмечает случаи подхоронения, преобладание восточной и юго-восточной ориентировки костяков (близ Новороссийска – северо-восточной); а среди посуды – ковшей с петельчатыми и «рогатыми» ручками, часто с цилиндрическими или «грибовидными» выступами-налепами [*Новичихин* 2006, 15–32, 72–73]. Эти черты погребального обряда, несомненно, архаичны и, по мнению различных исследователей, восходят к традициям местных культур Западного Кавказа [*Беглова* 1993, 7; *Эрлих* 2007, 58]. Примечательно, что синхронные параллели можно обнаружить и на Балканах [*Ailincăi* 2016; *Snodgrass* 1971, 140–213; *Chemsseddoha* 2017; *Georgieva* 2003; *Gergova* 1987; 1989; *Kapuran* 2011; *Кисьов* 2009, 19–51]. Наличие же в керамическом комплексе черпаков с характерным выступом-налепом на ручке следует воспринимать как новацию, привнесённую сюда сабатиновско-раннебелозерскими племенами [*Новичихин* 2006, 73].

Центральный (степной) вариант протомеотской группы памятников, локализованных в левобережье Кубани от Краснодара до впадения в неё Лабы, заметно отличается

от предыдущего. Для него характерны обширные грунтовые некрополи с одиночными вытянутыми на спине или скорченными захоронениями с южной и юго-восточной, а в отдельных могильниках – северной, северо-западной и восточной ориентировками. Отмечая характерное для погребений с вытянутым трупоположением обилие престижного инвентаря, В.Р. Эрлих высказывает предположение, что данная «поза» могла коррелироваться с прижизненным социально-половым статусом покойного. Керамический комплекс из погребений разнообразен: помимо одноручных черпаков, встречаются горшки, миски и кувшины; из вооружения (?) – каменные топоры-молотки; предметы конской упряжи – роговые псалии; часты находки «ритуальных» галек и костей. Всё это приводит исследователя к выводу о формировании центрального (степного) варианта протомеотской группы памятников в условиях продолжительных связей между племенами Центральной Европы, степей Причерноморья и Кавказа на основе белозерской и кобяковской археологических культур [*Эрлих* 2005, 16–17]. В свете новых открытий среди перечисленных черт можно также выделить реликтовые, сохранившиеся от местных северокавказской и невинномысской культур среднего–позднего бронзового века. В дальнейшем, на основе этой группы населения складывается культура меотов Закубанья.

Третий, предгорный вариант протомеотской группы памятников, локализованный на границе равнины и предгорий Северо-Западного Кавказа, в том числе по рекам Фарс, Белой и её притоков, во многом схож с предыдущим. Для него также характерны одиночные грунтовые погребения с вытянутым или скорченным (на правом и/или левом боку) трупоположением и неустойчивой ориентировкой. В заполнении, перекрытии и обкладке могил часто использовался камень, что обусловлено спецификой горной местности. В погребальном керамическом наборе встречается одна или несколько корчаг, черпаки и, значительно реже, горшки и/или миски [*Эрлих* 2005, 21–23]. Формирование этого варианта памятников В.Р. Эрлих связывает с притоком в начале I тысячелетия до н. э. степного населения позднесабатиновского – раннебелозерского облика, принесшего сюда основные керамические формы (черпак и корчагу), а также прототипы скипетров, булавок и роговых псалиев. Другие предметы инвентаря свидетельствуют о связях с западным вариантом кобанской культуры (двукольчатые удила с «ложновитым» рифлением, петельчатые псалии, некоторые формы булавок, серия уздечных блях) и Закавказьем (копья с разомкнутой втулкой, молоточковидные навершия, фибулы, застёжки). По мнению исследователя, влияние степных черногоровских племён с одной стороны и западного варианта кобанской культуры с другой приводит к «вызреванию» на указанной территории металлического комплекса типа новочеркасского клада, который затем встречается и значительно севернее – в донских степях [*Эрлих* 2005, 18]. К этим наблюдениям остаётся добавить, что отмечаемое преобладание в разных могильниках тех или иных ориентировок с высокой вероятностью может указывать на сегментарность культурогенетических процессов, происходивших локально, с ведущей ролью тех или иных племенных групп.

Помимо вышеописанных типов погребений в протомеотских могильниках встречаются и престижные, обычно подкурганные захоронения с комплектами вооружения, конского снаряжения, реже – колесничной упряжью, шкурой или чучелом лошади. Их количество заметно увеличивается с запада на восток. Такие погребения, обычно

именуемые предскифскими, относятся ко времени взаимодействия протомеотского населения со степными племенами черногоровской культуры (VIII в. до н. э.). Их появление на пограничье оседлого и кочевого миров, несомненно, было связано с формированием яркого надкультурного явления – профессиональной всаднической и колесничьей аристократии, усиление значимости которой наблюдается в период ранних военных походов классического «новочеркасского» периода (конец VIII в. до н. э.) [*Эрлих* 2005, 19–23, 35–40]. В дальнейшем, на протяжении VII в. до н. э., в этих памятниках появляются изделия из Саяно-Алтая и Средней Азии (специфические удила, элементы звериного стиля, бронзовые котлы, подпружные пряжки), маркирующие проникновение на Северо-Западный Кавказ других групп кочевого населения. Таким образом, здесь происходит сложение нового «раннескифского» надкультурного комплекса, развитие которого продолжалось вплоть до IV в. до н. э., приобретая всё более локальные черты [*Эрлих* 2005, 43–44].

Итак, на примыкающих к Тамани с востока и юго-востока территориях выявлено изрядное количество памятников начала раннего железного века, в то время как на самом полуострове их фактически нет. Фрагменты лепной керамики из нижних слоев Патрея и Западного некрополя Гермонассы, которые ранее были отнесены к раннему железному веку [*Иванов, Сударев* 2013б, 178], в свете новых данных следует считать типично белозерскими. Наиболее вероятной причиной отсутствия на Тамани памятников IX–VII в. до н. э., как уже говорилось, следует считать уход населения, ведшего комплексное хозяйство, вследствие климатических изменений, характеризовавшихся пониженной увлажнённостью степей. Однако не исключено, что регион между Крымом и Кубанью в начале раннего железного века оказался, своего рода, terra nullius – ничьей землёй между двумя центрами нового культурогенеза.

Обратимся теперь к новым археологическим свидетельствам первых контактов греков с местным населением, которые относятся к последней трети VII в. до н. э. [*Новичихин* 1993, 27–28; 2017, 73–74; *Сударев* 2014, 98–99; *Сударев, Иванов* 2023а; 2023б; *Sudarev et al.* 2021, 52–54] и фиксируются преимущественно вокруг Анапского палеолимана. Самая ранняя греческая импортная керамика встречена здесь на поселениях и некрополях у современных населённых пунктов Алексеевка [*Салов* 1986, 194; 2000, 22–23; *Сударев* 2014, 98–99; *Новичихин* 2017, 73–74], ст. Анапская, х. Воскресенский и с. Су-Псех [*Алексеева* 1991, 51–65; *Сударев* 2014; *Сударев, Гарбузов* 2015; *Новичихин* 2017; *Sudarev et al.* 2021, 52–56], расположенных к северу, востоку и юго-востоку от Синдской Гавани (будущей Горгиппии). Основу некрополя близ с. Су-Псех составляли гробницы IX–VII в. до н. э., принадлежавшие приморско-абинскому варианту «протомеотской группы памятников». Помимо лепной керамики и различных бронзовых изделий кавказского происхождения тут были обнаружены и фрагменты расписной ойнохои южно-ионийского производства (рис. 1), относящиеся к сосудам стиля SIA Ic [*Kerschner, Schlotzhauer* 2005, 25–33]. Их сравнение с образцами в собрании Лувра позволило установить сходство с ойнохоями художника Лувра «CA 3037», деятельность которого относится специалистами к 630–620-м гг. до н. э. [*Coulie* 2014, 57–62, 88–91][8].

[8] Отметим, что сходство отдельных деталей можно заметить в манере художников Лувра CA 3037, A316 и A311, Бостонского художника и художника ойнохои Арапидеса, что обусловлено их единовременной деятельностью в одной мастерской [*Coulie* 2014, 57–62; *Sudarev et al.* 2021, 52–53].

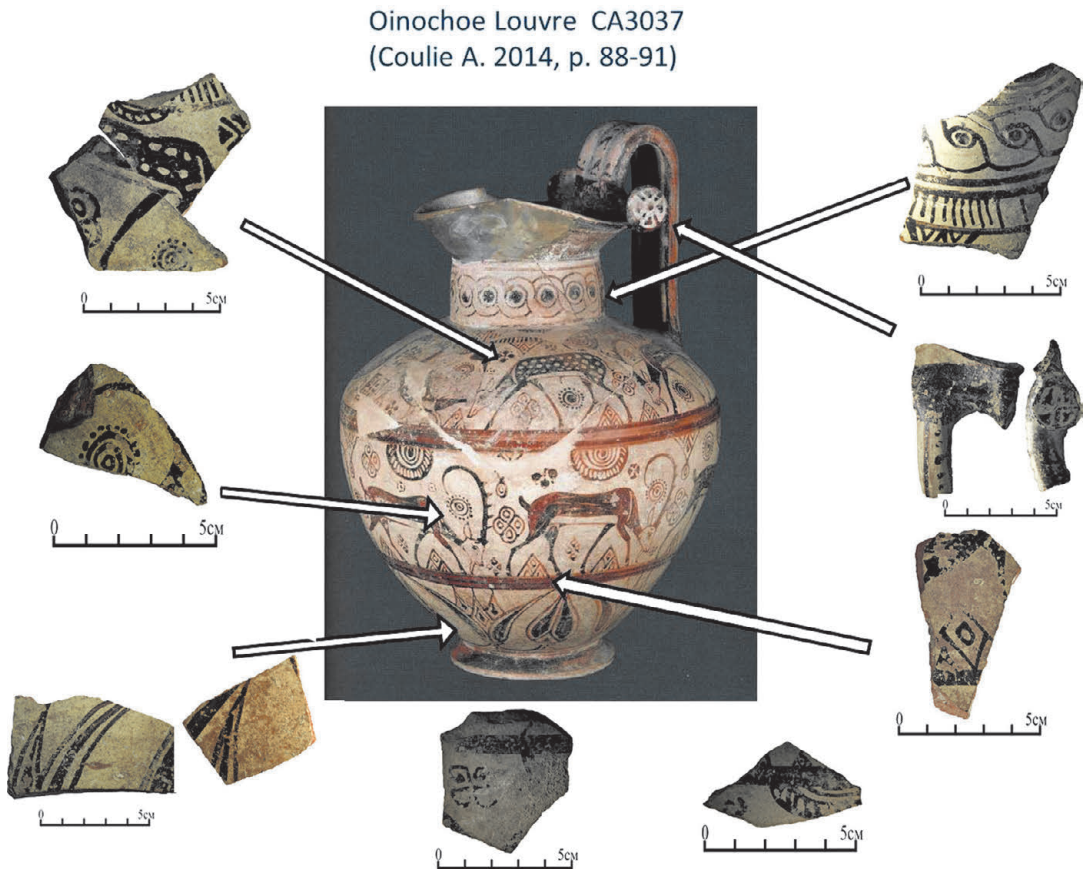


Рис. 1. Фрагменты южноионийской ойнохои с лаковой росписью SIA Ic/Louvre «CA 3037» из некрополя Су-Псех

Восточно-греческие материалы последней трети VII – начала VI в. до н. э. встречаются и восточнее, в Крымском районе [*Шевченко* 2013, 109–114; *Иванов и др.* 2019; *Сударев, Иванов* 2023а; 2023б], на поселении Марьянское 1 близ Краснодара [*Голда* 2017; *Иванов и др.* 2020] и даже на меотском поселении Тарасова балка рядом с курганами «Разменные» в юго-восточном Закубанье [*Рябкова* 2015а, 368–370; 2015б, 328–330; 2017, 54–56; *Zadnikov, Shramko* 2023, 247–248]. Основу импорта здесь составляли амфоры Теоса и Клазомен [*Иванов и др.* 2020; *Монахов* 2003, 54–55; *Сударев, Иванов* 2023а; 2023б]. В то же время, в захоронениях «ранних скифов» конца VII – начала VI в. до н. э. на пространствах от Предкавказья до Низовьев Дона ионийская греческая посуда встречается в комплексе с кавказскими изделиями и «маркирует» возвращение скифов из закавказских военных походов [*Пьянков и др.* 2019; *Zadnikov, Shramko* 2023, 249, 257–259, 262]. Таким образом, к моменту завершения очередного климатического кризиса Прикубанье снова оказывается на стыке различных культур Европы, Кавказа и Азии.

Представительная, но несколько более поздняя (начиная с первой четверти VI в. до н. э.) серия греческой керамики была получена недавно в ходе раскопок поселения Ленина, располагавшегося на пологом склоне предгорий Западного Кавказа между

Анапой и с. Су-Псех. Она присутствовала в слое наряду с фрагментами лепной посуды и представлена обломками амфор, толстостенных сосудов (корчаги и мортары) и столовой посуды с лаковой росписью.

Среди амфор первой половины VI в. до н. э. преобладает красноглиняная тара Эолии типов 2–4 по Ю. Бырзеску [*Bîrzescu* 2005; 2012, 36–45], а также расписанные широкими красными или красно-коричневыми лаковыми полосами. Форма последних характеризуется «луковицеобразным» туловом, воронковидным горлом с заметно отогнутым массивным валикообразным краем, полой ножкой в виде высокого поддона с плавно отогнутой нижней частью и наклоненными к горлу небольшими дугообразными ручками уплощённо-овального сечения. Их принадлежность Теосу, вслед за П. Дюпоном [*Dupont* 1982, 200], обоснована Ю. Сезгином [*Sezgin* 2017, 15–39] и принята С. Ю. Монаховым. Заметно меньшим количеством обломков представлены амфоры Хиоса с белым ангобом созопольского варианта I-B по С. Ю. Монахову [*Монахов* 2003, 12–15, 232, табл. 2], сероглиняные амфоры Эолии типов 2–3 по Ю. Бырзеску [*Bîrzescu* 2012, 28–32]. Встречено единственное горло амфоры Милета типа 6 по Ю. Бырзеску [*Bîrzescu* 2012, 142]. Во второй половине VI – начале V в. до н. э. характер импортов меняется: при сохранении связей с Эолией вместо теосских амфор в значительном числе поступают заметно отличающиеся от них клазоменские; кратно преобладают фрагменты амфор неустановленного центра Северной Эгеиды на сложнопрофилированной ножке; небольшим числом представлены обломки хиосских амфор с воронковидным и «ранним пухлым» горлом; есть также две ножки амфор Самоса типа I по П. Дюпону [*Dupont* 1999, 148] и два фрагмента горл аттических амфор типа Агора 1503 по Б. А. Спарксу и Л. Талкотт с характерной росписью стиля «à la brosse» [*Sparkes, Talcott* 1970, 341, pl. 64; *Bîrzescu* 2012, 180–182]. Резкое снижение и временное прекращение импортов из Ионии и Эолии, наблюдаемое на поселении Ленина в первой четверти V в. до н. э., как и в Причерноморье в целом, несомненно, связано с разгромом персами Ионийского восстания в 494 г. до н. э.

Анализ столовой посуды с лаковой росписью позволяет подтвердить и уточнить хронологию данного участка поселения. Самой многочисленной является т. н. ионийская полосатая керамика VI – первой половины V в. до н. э. [*Буйских* 2013а, 116–155]. Более выразительны фрагменты северо-ионийской расписной керамики стиля «Late Wild Goats» первой половины VI в. до н. э. [*Буйских* 2013а, 44–46, 64–65; 2019, 45–84]. Несколько стенок ойнохой с чернофигурными фризами из пасущихся козлов (рис. 2. *3–5*) датируются 590/580–560 гг. до н. э. [*Буйских* 2019, 43–53, № 2.57]. Чрезвычайно интересны фрагменты фриза сосуда с изображениями всадников в окружении розеток (рис. 2. 6, 7). Наиболее близкие аналогии происходят из раскопок Навкратиса [*Schlotzhauer, Villing* 2006, 56–57, fig. 4][9] и Борисфена [*Буйских* 2017, 161–172][10]. На наш взгляд, данное изделие происходит из Северной Ионии (Теоса или Клазомен) и датируется 590–570 гг. до н. э.

[9] У. Шлотцауэр датирует фрагмент из Навкратиса второй четвертью VI в. до н. э. [*Schlotzhauer* 2012, 87–88] и относит его к группе TeosA II (?). B. Özer относит данный фрагмент к Transitional (переходному) раннему Черно-Фигурному периоду и датирует 570–560 гг. до н. э. [*Özer* 2004, 201–202], а R. M. Cook – к его предшественнику, Clazomenian Black-figured style и датирует 560-ми гг. до н. э. [*Cook* 1998, 95–96].

[10] А. В. Буйских относит кратер из Борисфена к группе «Борисфен» раннего периода клазоменской Черно-Фигурной вазописи и датирует 580–570-ми гг. до н. э. [*Буйских* 2017, 177; 2019, 122].

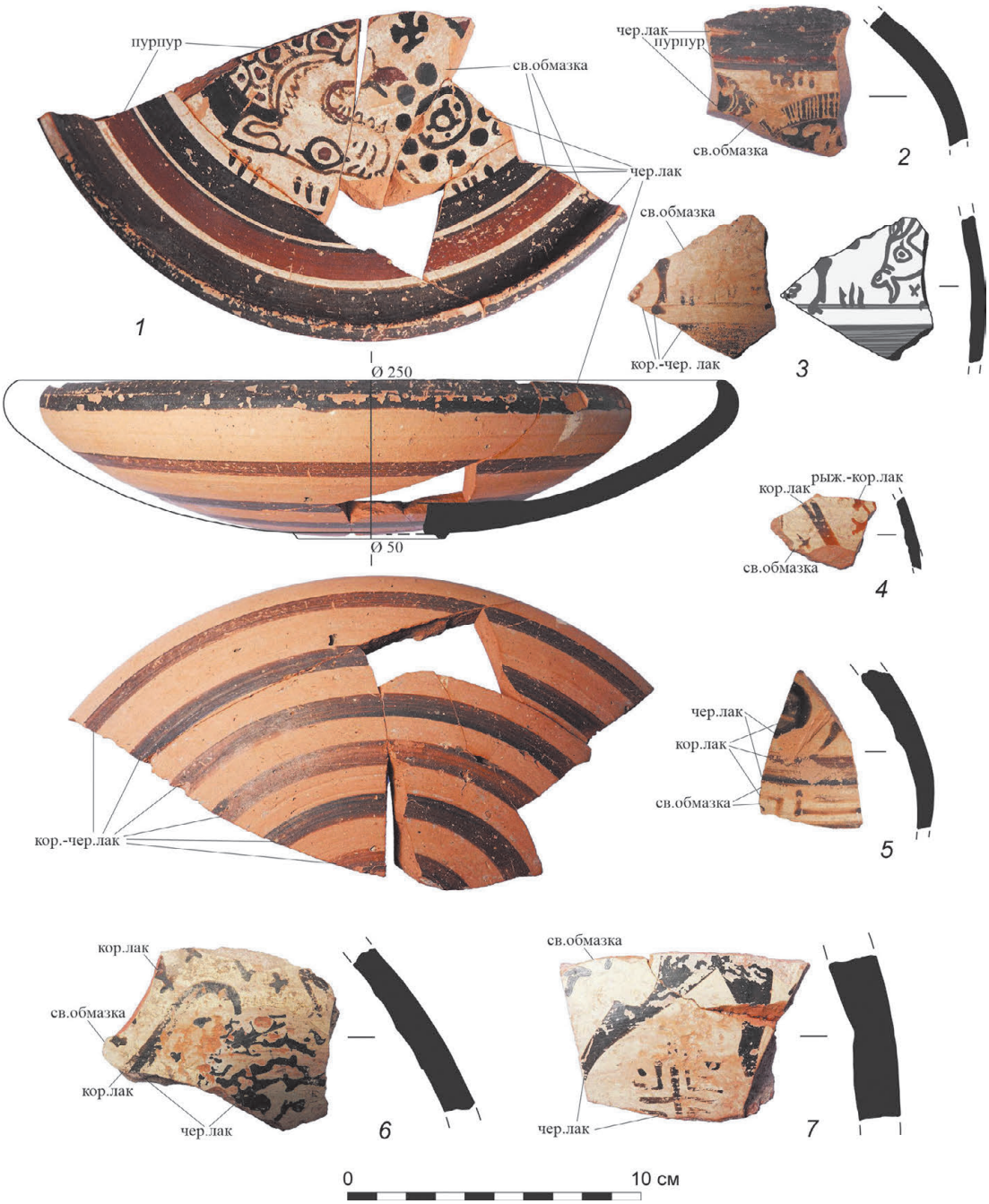


Рис. 2. Фрагменты североионийских сосудов с лаковой росписью в виде чернофигурных животных и солярными розетками из раскопок поселения Ленина близ Анапы, первая половина VI в. до н.э.: *1* – полный профиль чаши на ножке (Stemmed dish или Fruit Stand) с орнаментом стиля LWG/NiA II и фигурой кошачьего хищника; *2–7* – фрагменты сосудов стиля LWG/NiA I (*2* – фрагмент плеча диноса со сценой терзания; *3–5* – фрагменты стенок ойнохой с фризами из пасущихся козлов и греческим меандром; *6, 7* – фрагменты стенок ойнохой с изображениями всадников)

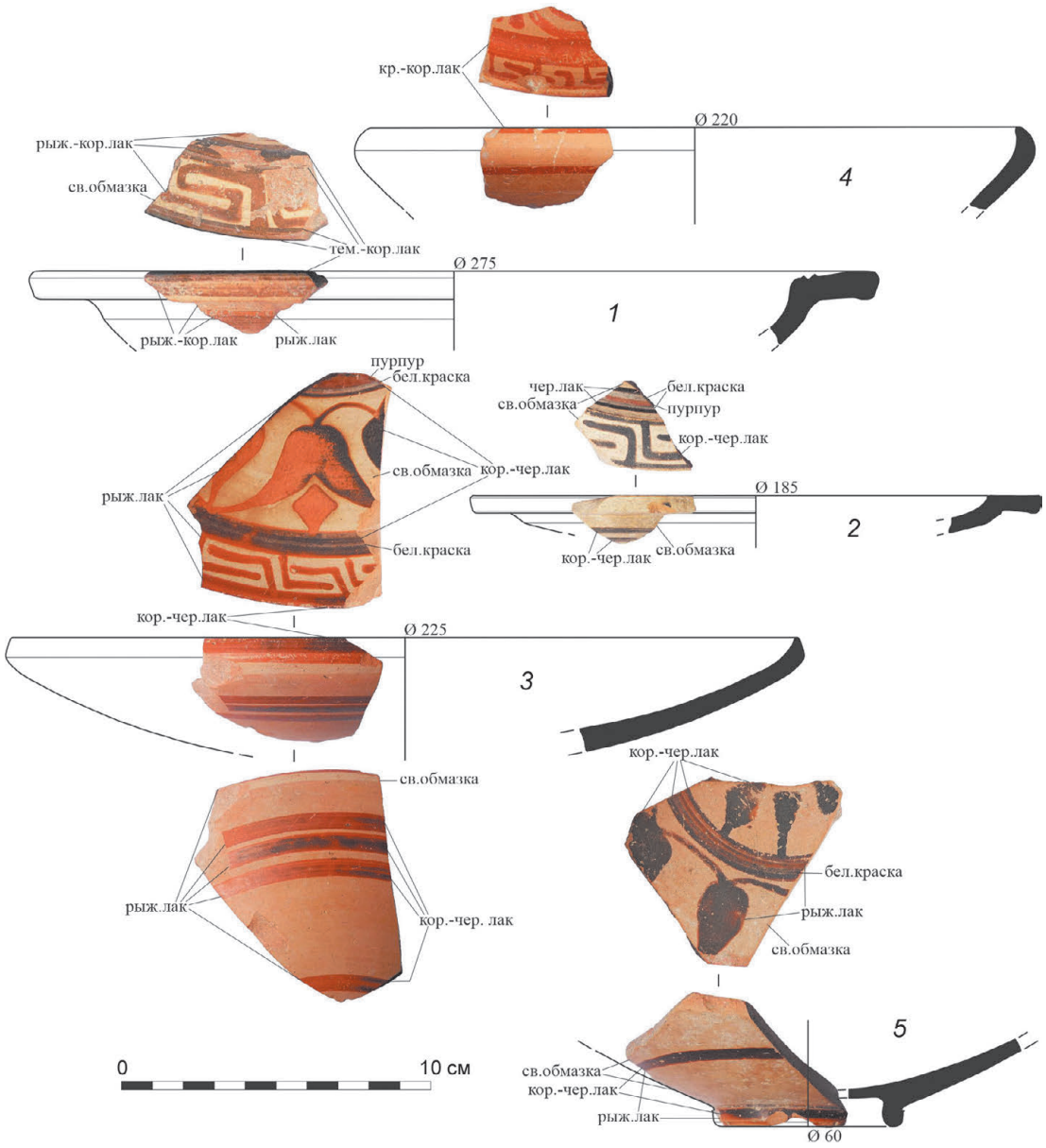


Рис. 3. Фрагменты античных североионийских чаш и тарелок на кольцевом поддоне с лаковой росписью стиля LWG/NiA II из раскопок поселения Ленина близ Анапы, первая половина VI в. до н. э.

Не менее интересен обломок диноса с частично сохранившимися чернофигурными изображениями части шеи лошади или кабана (?) влево с процарапанной поверх лака гривой и терзающего её слева хищника (?) с працарапанными деталями морды (рис. 2. *2*). Аналогичная стилистика росписи характерна для некоторых североионийских кратеров и диносов из раскопок Борисфена и Пантикапея первой четверти – середины VI в. до н. э. [см. *Борисфен-Березань*… 2005, 40–41, рис. 37–39; *Буйских* 2017, 163, рис. 3. *4–9*, рис. 8;

Тугушева 2017, 116, 136, № 27, 28, 126]. В данной коллекции имеется несколько фрагментов чаш и тарелок с орнаментом в виде центральной розетки и греческого меандра по краю (рис. 3. *1–5*), получивших распространение в 570–560/550 гг. до н. э. [*Буйских* 2019, 73, 78, № 2.341; *Utili* 1999, 22–25). Среди них присутствуют и обломки с фризами из цепочки лотосов (рис. 3. *3–5*), которые, по мнению О.В. Тугушевой, относятся к группе, датируемой 600–575 гг. до н. э. [*Тугушева* 2015, 48; 2017, 123–124]. Первой четвертью VI в. до н. э. такие сосуды датируют Дж. Шаус и А. Паутассо [*Schaus* 1985, 64–65, № 363; *Pautasso* 2011, 69]. Интересна находка и части венца редкой эолийской черно-полихромной ойнохои со следами белой накладной краски. Сохранность фрагмента не позволяет сделать уверенные выводы о датировке сосуда [см. *Вахтина* 1993, 55], но материалы Березанского поселения показывают, что такая керамика бытует в первой четверти [*Буйских* 2019, 145–147] или первой половине VI в. до н. э. [*Чистов и др.* 2020, 39]. Наконец, совершенно уникальна находка крупного фрагмента блюда на высокой ножке (Stemmed dish или Fruit Stand) с исполненной на его лицевой поверхности чернолаковым контуром фигурой кошачьего хищника с пурпурными пятнами, зрачками и языком в окружении солярных розеток (рис. 2. *1*) [*Utili* 1999, 27–29]. Украшение края внутренней поверхности блюда чередующимися полосами лака и пурпура характерно для посуды стиля LWG/NiA II 570–560/550 гг. до н. э. [*Paspalas* 2006, 97; *Буйских* 2019, 82, № 2.392–2.393]. Среди изображений хищников на опубликованных фрагментах северо-ионийской расписной керамики полных аналогий авторам не известно, однако в Борисфене встречено очень похожее – в медальоне полусферической чаши [*Буйских* 2019, 87, № 3.22], датируемой 590/580–570 гг. до н. э.

Другими эксклюзивными для Азиатского Боспора образцами ранней столовой посуды является анатолийская с покрытием разбавленным красно-коричневым лаком на манер полосчатой росписи (streaky technique). Фрагменты её известны в материалах раскопок Березани [*Соловьёв* 2013, 66–67], а датировка устанавливается в границах VI – начала V в. до н. э. [*Gürtekin-Demir* 2002, 122–123]. Набор её форм на поселении Ленина, несмотря на малочисленность самих находок, разнообразен: леканы, закрытые сосуды и миски (рис. 4. *1–5*).

К тому же хронологическому интервалу относятся обнаруженные здесь фрагменты редких для Северного Причерноморья чернолаковых кратеров из Лаконии (рис. 5. *1–3*) [*Буйских* 2013а, 182–183, *11.33–11.36*; 2019, 166–167, 10; *Чистов и др.* 2020, 106, табл. 63, *2–4*]. Среди них можно выделить обломок со следами краски под венцом и почти вертикальной стенкой (рис. 5. *1*). К сожалению, внешняя часть венца утрачена, однако его небольшие размеры, форма скола и следы краски указывают на принадлежность к группам B–E первой половины VI в. до н. э. по типологии К. Штиббе [*Stibbe* 1989, 23–37]. Такая датировка подтверждается аналогиями из Сицилии и Северного Причерноморья [*Pelagatti* 1989, 2; *Буйских* 2019, 166–167; *Чистов и др.* 2020, 40–41]. В то же время, «двусоставная» форма скола позволяет отнести данный фрагмент к кратерам группы C и, таким образом, ограничить его датировку первой четвертью VI в. до н. э. Второй полностью чернолаковый фрагмент верхней части лаконского кратера относится к группе F (рис. 5. *2*). Такие сосуды производились в течении всего VI и даже в начале V в. до н. э., но и в данном случае форма венца позволяет сделать некоторые уточнения. С одной стороны, верхняя её часть отличается выраженной отогнутостью наружу, что является признаком

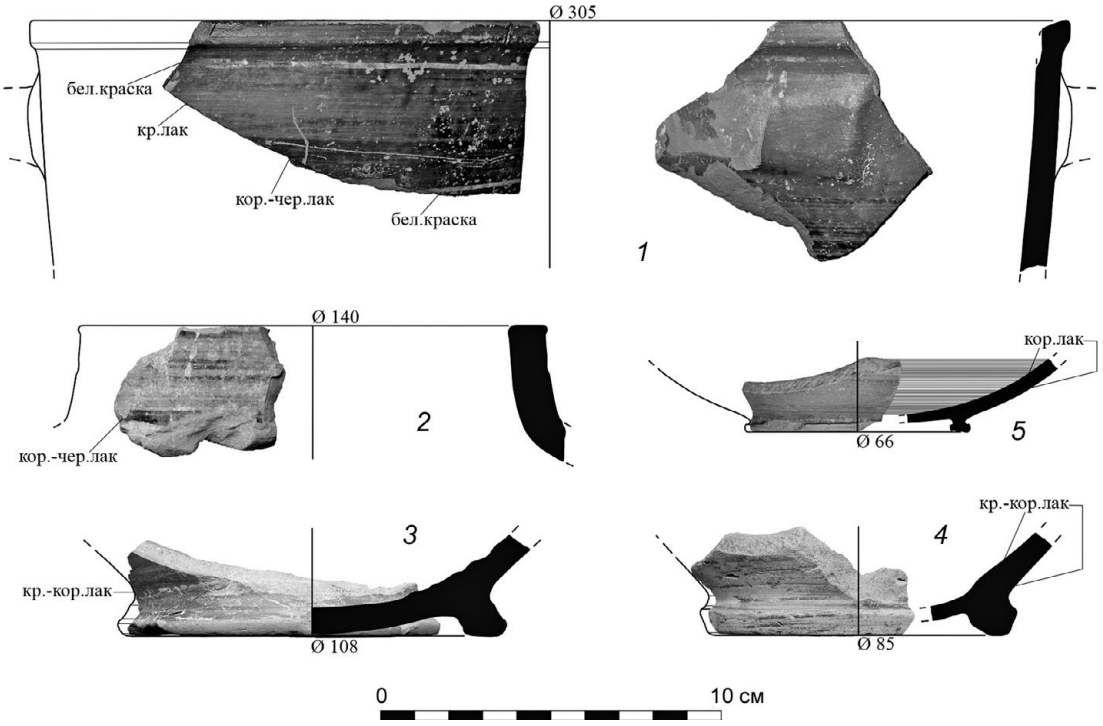


Рис. 4. Фрагменты сосудов с полосчатой лаковой росписью (streaky technique) производства Анатолии из раскопок поселения Ленина близ Анапы, VI – начало V в. до н.э.: *1* – верхней части леканы; *2* – верхней части закрытого сосуда; *3*, *4* – нижних частей закрытых сосудов на кольцевом поддоне; *5* – нижней части тонкостенной чаши на кольцевом поддоне

более поздних кратеров [*Stibbe* 1989, 40–41], а с другой – венец сравнительно небольшой для данной категории сосудов, имеет мягкий и плавный изгиб вовнутрь, что сближает его с формами второй четверти VI в. до н. э. [*Stibbe* 1989, 38–39]. Некоторые наблюдения можно сделать и в отношении третьего фрагмента лаконского кратера – нижней части на кольцевом поддоне (рис. 5. *3*). Хронологическими индикаторами сосудов второй половины VI в. до н. э. являются значительная высота поддона, выраженное сужение к верхней части и изящность, а также меньшая толщина ленты поддона [*Stibbe* 1989, 41–45]. На представленном экземпляре все эти признаки отсутствуют, поэтому его можно отнести к первой половине VI в. до н. э.

Таким образом, возникновение поселения Ленина может быть определено в интервале между первым – началом третьего десятилетий VI в. до н. э. Кроме того, отсутствие следов построек и наличие немногочисленных, исключительно более поздних комплексов указывает на его временный, возможно, сезонный характер на начальном этапе существования. Интересно, что практически вся толстостенная керамика, представленная на памятнике, начиная с первой половины VI в. до н. э. поступает и во внутренние районы Прикубанья: на поселения местных племен в районе х. Адагум – г. Крымск. На рассматриваемом же поселении в этой группе посуды можно выделить:

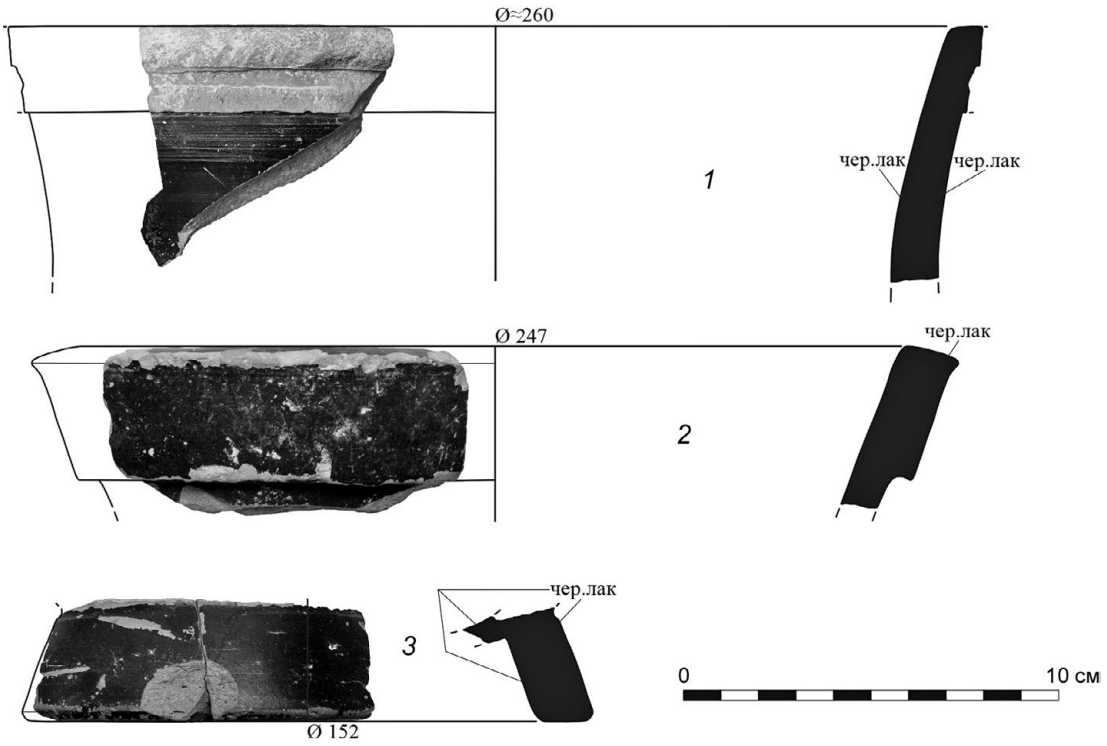


Рис. 5. Фрагменты античных чернолаковых кратеров производства Лаконии из раскопок поселения Ленина близ Анапы, первая половина VI в. до н.э.: *1*, *2* – верхних частей; *3* – нижней части

– «широкогорлые» корчаги с валикообразным краем и сужающимися книзу стенками (рис. 6. 2) [*Лейпунская* 1987б, 102–103, рис. 35. *2*; *Чистов и др.* 2020, 43, табл. 23. *5*];

– тарные сосуды с невысоким вертикальным горлом и высоким усеченно-коническим поддоном, именуемые Б. А. Спарксом и Л. Талкотт «storage-bin» (рис. 6. *4*) [*Sparkes, Talcott* 1970, 195–196, fig. 13, № 1527–1546];

– высокие полые поддоны/ножки от таких же сосудов, либо от столовых амфор (рис. 6. *5*, *6*) [*Sparkes, Talcott* 1970, 191–196, fig. 13, № 1471, 1495–1498; 1527–1546];

– восточно-средиземноморские мортары с усечённо-коническим или сегментовидным туловом и высоким, нависающим плоским манжетовидным краем (рис. 6. *7*, *8*) [*Зеест, Марченко И.Д.* 1962, 151, рис. 2. *2*; *Лейпунська* 1980, 36, рис. 1. *14–17*; *Лейпунская* 1987а, 86, рис. 30. *1–3*; *Алексеева* 1991, табл. 61. *25*; *Алексеева* 1997, табл. 8. *6*; *Чистов и др.* 2020, 43, 109, табл. 23. *7–14, 17*];[11]

[11] Мортары восточно-средиземноморского типа, сделанные из желтовато-коричневой и бежевой глины, до недавнего времени считались коринфскими, однако анализ глины и факт их отсутствия в самом Коринфе показали, что они производились где-то в Восточном Средиземноморье [*Villing* 2006, 45]. Они относятся к архаическим типам и датируются достаточно широко: VI – началом V в. до н. э. [*Villing, Pemberton* 2010, 566–571], хотя в Навкратисе их верхняя дата устанавливается до 570 г. до н. э. [*Villing* 2006, 31–33, 37–38]. Такие сосуды широко применялись в домашнем хозяйстве [*Matteucci* 1986, 239–277]. Аналогичные по форме, но иные по происхождению изделия засвидетельствованы на поселениях местных племен в районе х. Адагум – г. Крымск.

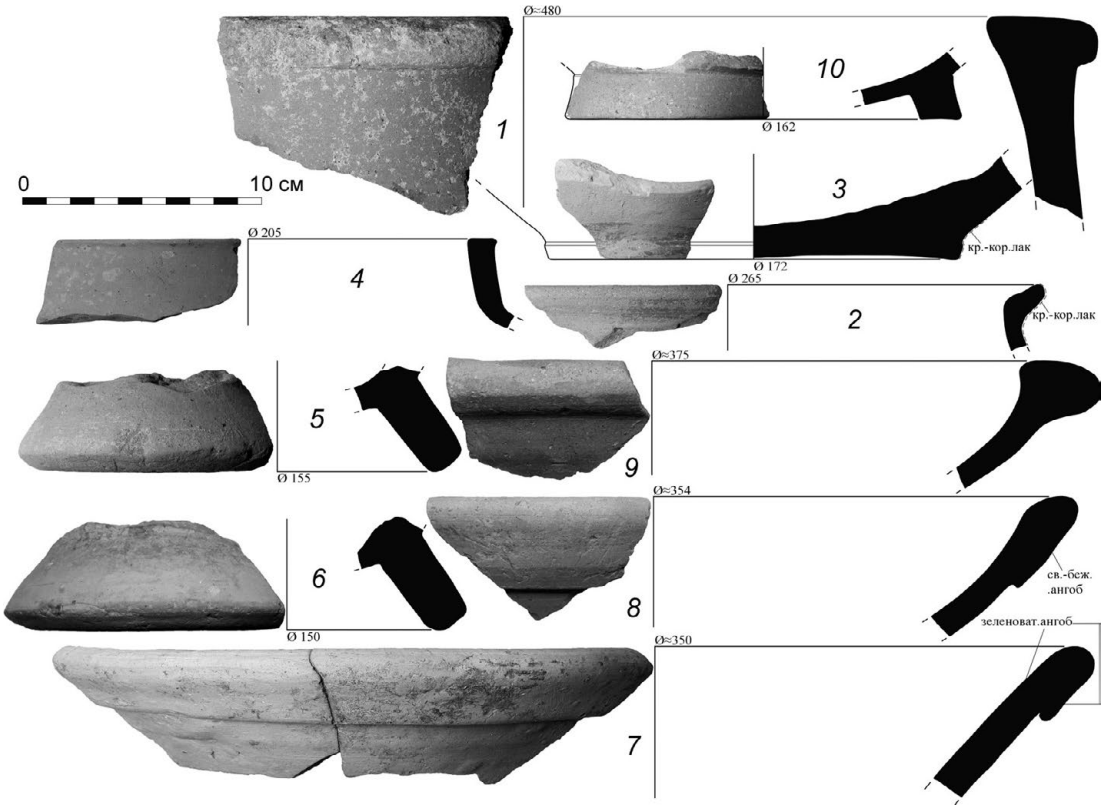


Рис. 6. Фрагменты античных толстостенных сосудов из раскопок поселения Ленина близ Анапы, первая половина VI в. до н. э.: *1* – мортара с сегментовидным туловом и выступающим венцом производства Афин или Милета; *2*, *3* – корчаг с лаковыми полосами восточногреческого производства; *4* – фрагмент верхней части тарного сосуда (storage-bin) по Б. А. Спаркесу и Л. Талькотт; *5*, *6* – фрагменты высоких полых поддонов/ножек тарных сосудов (storage-bin) или столовых амфор по Б. А. Спарксу и Л. Талкотт; *7*, *8* – верхних частей восточно-средиземноморских мортаров с усечённо-коническим или сегментовидным туловом и высоким нависающим плоским манжетовидным краем; *9* – верхней части мортара с сегментовидным туловом и массивным, выдающимся, округленным снаружи и выделенным с тыльной стороны краем производства Афин; *10* – нижней части лутерия с сегментовидным туловом

– красноглиняные мортары с сегментовидным туловом и массивным, выдающимся, округленным снаружи и выделенным с тыльной стороны краем (рис. 6. *9*) [*Лейпунська* 1980, 36, рис. 1. *5*; 1987а, 86, рис. 30. *1–3*; *Алексеева* 1991, табл. 21. *20*];[12]

– красноглиняные мортары с усечённо-коническим или сегментовидным туловом с выступающим венцом (рис. 6. *1*).[13]

[12] Такие мортары относятся к типу I.2 по типологии П. Маттеуччи [*Matteucci* 1986, 254] и производились в Афинах [*Sparkes, Talcott* 1970, 222] примерно с середины VI в. до 489/488 г. до н. э.

[13] По мнению П. Маттеуччи, они относятся к аттическому типу I.1 и датируются в границах второй четверти VI – начала V в. до н. э. [*Matteucci* 1986, 254], а по материалам Афинской Агоры – 565–550 гг. до н. э. [*Sparkes, Talcott* 1970, 222]. Близкие сосуды с окрашенными венцами известны и в Милете, где по типологии Т. Шаттнера их можно отнести к типу A4 и датировать концом VII–VI в. до н. э. [*Schattner* 2007, 143–144].

На вероятную этнокультурную принадлежность местного населения, взаимодействовавшего с греками, на поселении Ленина указывает представительная серия лепной посуды VI–V в. до н. э. Это, прежде всего, округлобокие горшки и корчаги без венца, а также миски различных форм, обычно со сплошным лощением (рис. 7–9). Все они содержат в глине разнофракционную дресву из частиц известняка, кальцита и кварцита. Верхний край этих сосудов имеет различные вариации оформления: может быть округлым, наклонно уплощенным вовнутрь, иметь закраины с одной или с обеих сторон. Чуть ниже устья ранних вариантов горшков и корчаг снаружи часто присутствует плоский и неровный валик-налеп, а иногда – орнамент в виде пояска пальцевых оттисков. Эти черты, несомненно, являются деградировавшими реликтами позднего бронзового века. К баночным и мискообразным сосудам позднесабатиновско-раннебелозерского прототипа, судя по всему, восходит и форма мисок – со слабо выраженным бортиком или вовсе без него, с простым усечённо-коническим туловом. Ковши (черпаки) здесь представлены единственным фрагментом «рогатой» ручки: как известно, сосуды данной формы характерны для раннемеотских памятников, но к середине VI в. до н. э. полностью исчезают [*Лимберис, Марченко И. И.* 2013, 57]. Представленная на поселении Ленина достаточно однообразная группа лепной керамики находит параллели на прото- и раннемеотских поселениях Прикубанья: Железнодорожное-1 [*Иванов и др.* 2019, 58–76], Шуха 1, Первомайское 1 [*Клемешова* 2022, 123–140], Красногвардейское II [*Шарафутдинова Э. С.* 1989а, 52, 55, рис. 7. *1, 2, 4, 5*; 9, *15–17, 19*], Ленинохабль [*Эрлих* 2007, 79, рис. 141. *16, 21, 22*] и, отчасти, в могильниках близ Краснодара [*Лимберис, Марченко И. И.* 2001, 35, 57–58, рис. 5. *3*; 34. *4*; 2012, 36, рис. 20. *1–2*; 62. *5*; 81. *3*]. Это согласуется с выводами М. Е. Клемешовой о том, что в VI–V в. до н. э. лепная керамика из района Анапского палеолимана отличается от лепной керамики северо-западной части Азиатского Боспора [*Клемешова* 2021; 2022; 2023]. Согласно её же наблюдениям, к сожалению, не выходящим за границы указанного региона, здесь представлены две разные технологии производства лепной посуды, достаточно чёткое разграничение между которыми проходит по оконечности пологих склонов Западного Кавказа (по линии: некрополь Красный Курган – поселение Шуха-1). Встречаемость посуды обеих разновидностей лишь на этой, достаточно узкой территории позволяет рассматривать её, как контактную зону между двумя разнокультурными группами местного населения [*Клемешова* 2021, 100–103, табл. 1, рис. 4; 2022, рис. 1; 2023, 279–282]. Нам же следует отметить ещё одну закономерность: распространение лепной посуды, идентичной обнаруженной на поселении Ленина, территориально совпадает с местами находок греческой импортной керамики конца VII–VI в. до н. э. и, совершенно очевидно, имеет встречную направленность.

Вышеописанные факты позволяют считать, что это место в конце VII–VI в. до н. э. могло быть частью более крупного торжища (эмпория), как и расположенное поблизости Алексеевское поселение. Наиболее активная торговля осуществлялась греками с населением Левобережной Кубани, а транспортировка грузов происходила, минуя устье реки, напрямую через невысокие перевалы Западного Кавказа [*Сударев, Иванов* 2023, 88].

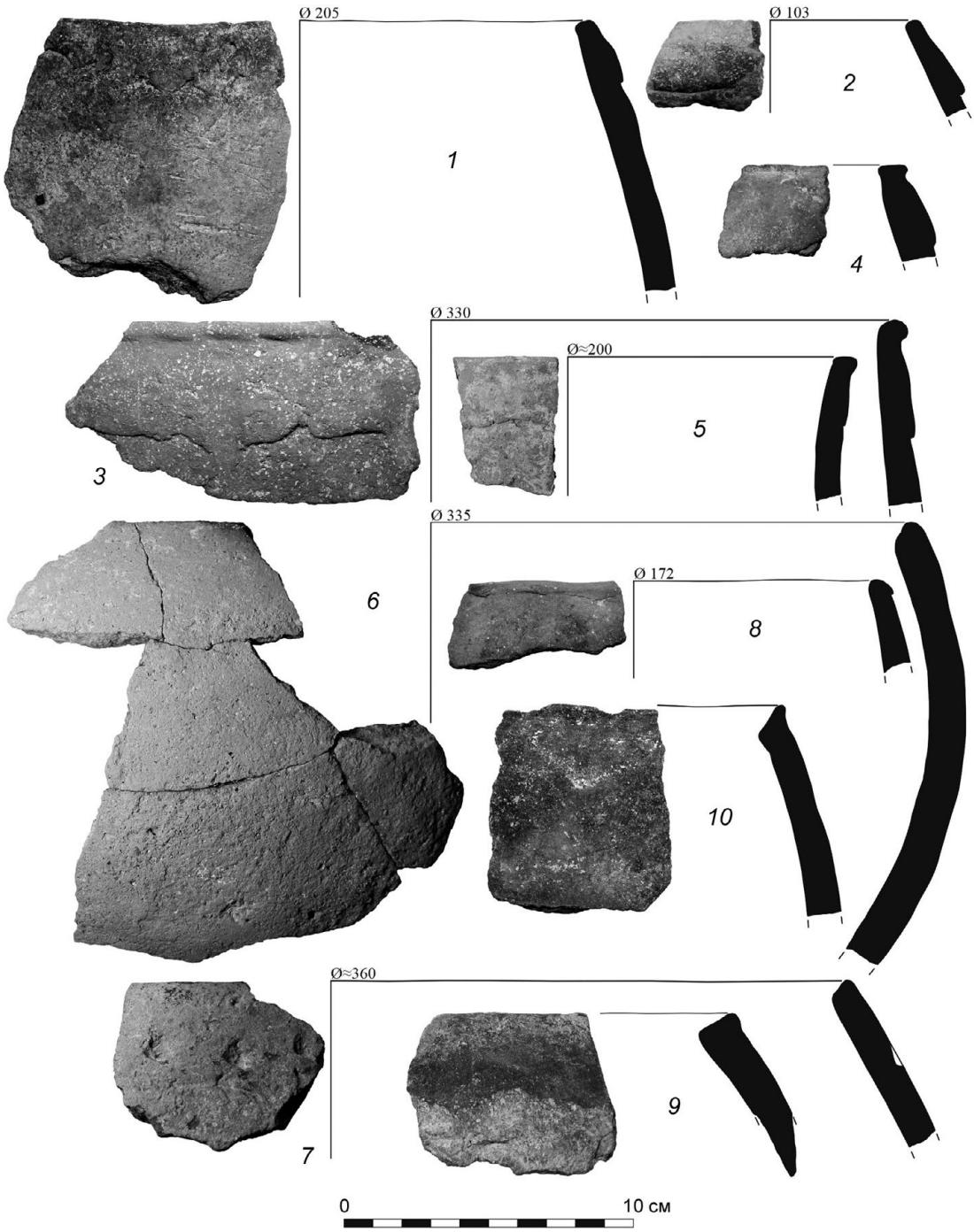


Рис. 7. Фрагменты верхних частей лепных горшков VI–V в. до н.э. из раскопок поселения Ленина близ Анапы: *1–4* – округлобоких без венца, с плоским внешним налепом; *5* – округлобокого с относительно высоким, плавно отогнутым венцом, с плоским внешним налепом и слабо выдающимся плечом; *6–10* – округлобоких без венца и налепов

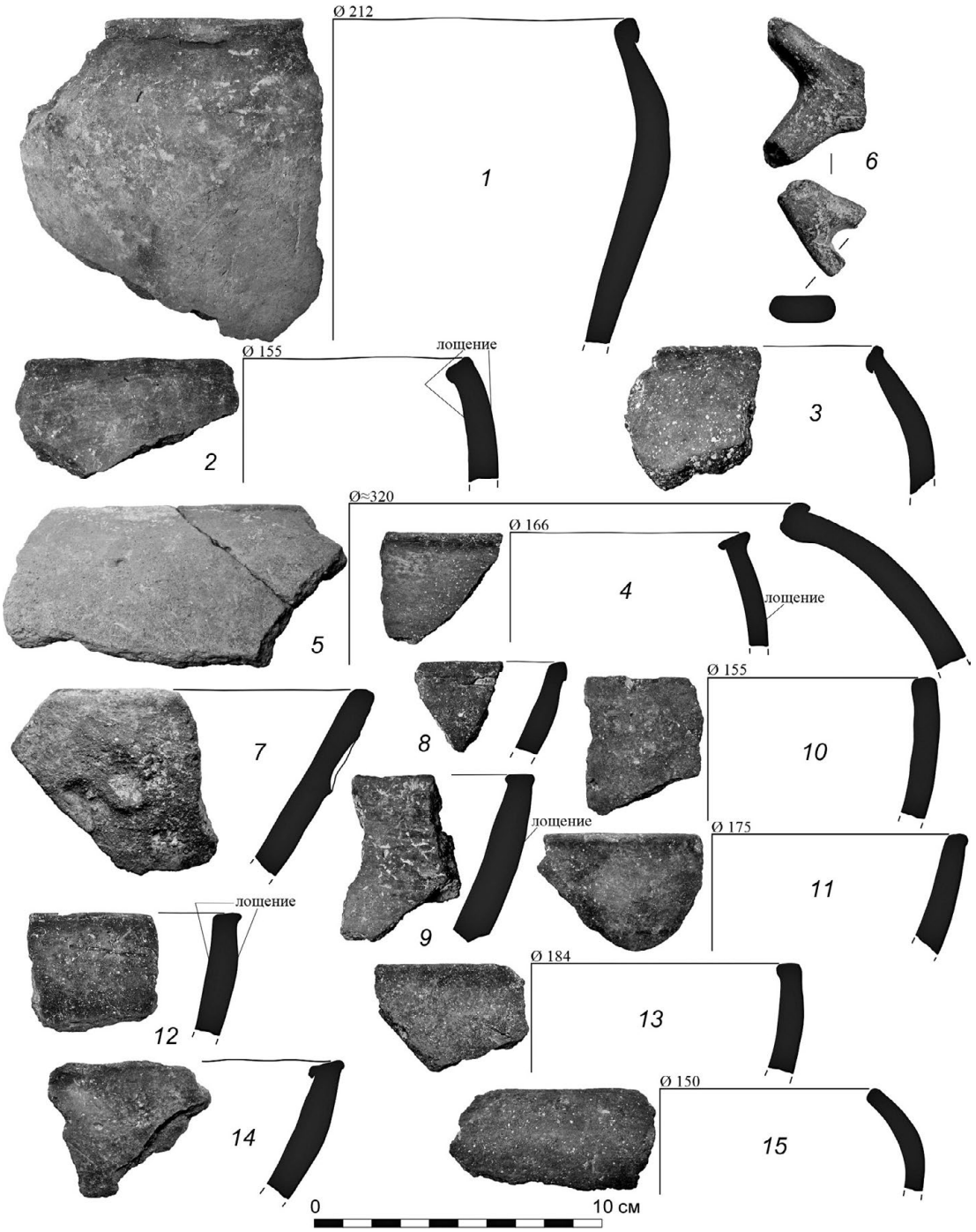


Рис. 8. Фрагменты лепных сосудов VI–V в. до н.э. из раскопок поселения Ленина близ Анапы: *1–5* – верхних частей округлобоких горшков без венца и налепов; *6* – «рогатой» ручки ковша (черпака); *7–15* – верхних частей мисок (*7–9* – без бортика; *10–14* – с невыделенным вертикальным или наклонным бортиком; *15* – с высоким, округлённым бортиком)

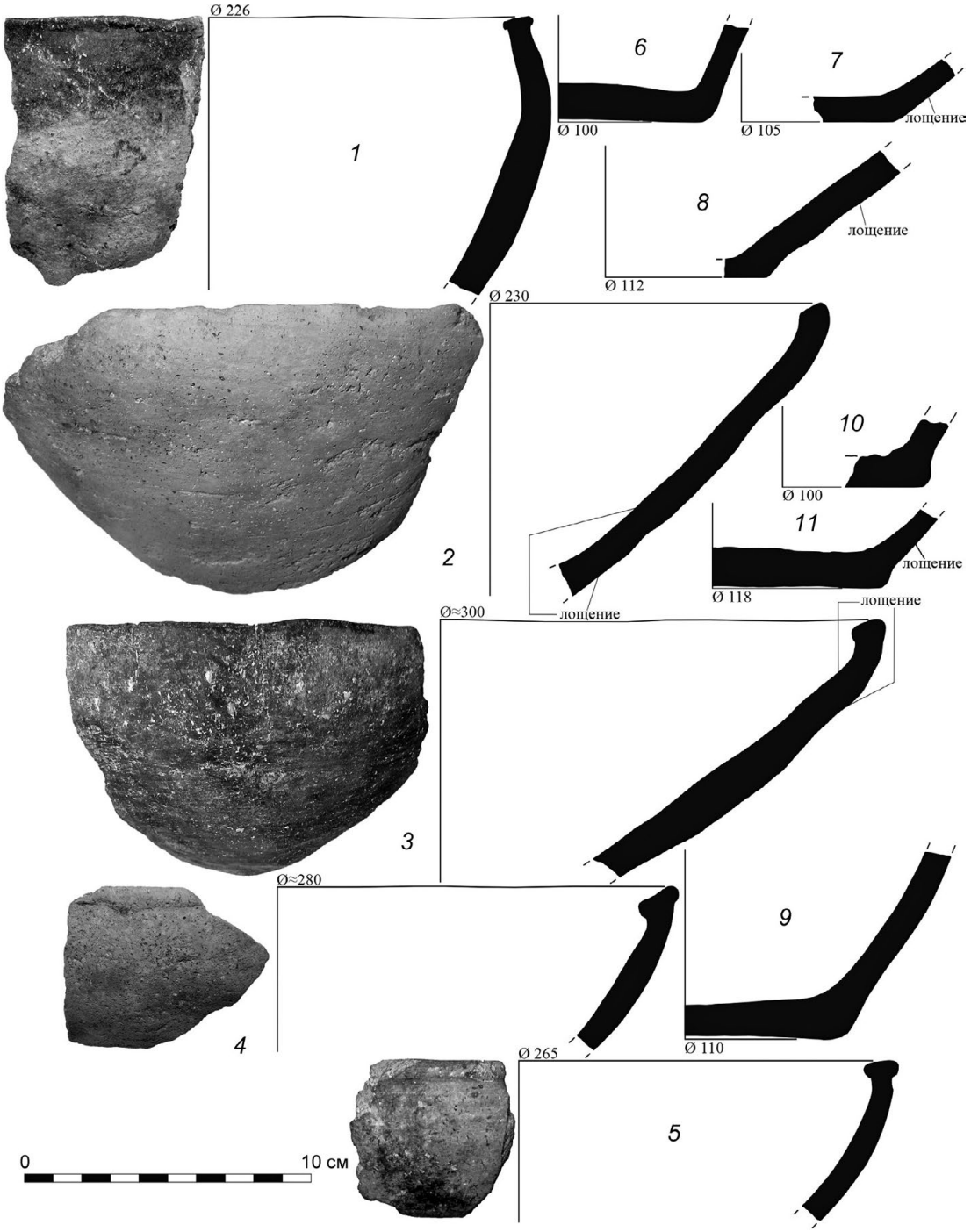


Рис. 9. Фрагменты лепных сосудов VI–V в. до н.э. из раскопок поселения Ленина близ Анапы: *1–5* – верхних частей мисок (*1* – с высоким, округлённым бортиком; *2–4* – с коротким округлённым бортиком; *5* – с коротким вертикальным бортиком и выраженным снаружи ребром); *6–11* – нижних частей сосудов с плоским или слабо вогнутым дном (*6, 7* – без закраины; *8, 9* – со сжатием и/или наплывом у дна; *10, 11* – с выделенным массивным краем)

В свете новых данных, возникновение греческого эмпория в окрестностях Анапского палеолимана[14] представляется нам синхронным основанию Пантикапея [*Толстиков* 2017, 13–14; *Асташова* 2019, 152–164] и Таганрогского поселения [*Копылов* 2011, 226–227; 2018, 67; *Kopylov* 1996, 24–25]. Все эти три пункта показывают траекторию колонизационного движения вдоль восточного побережья Чёрного моря [*Высокий* 2004, 399–424][15], через Анапский регион, Керченский пролив, Пантикапей и далее – вдоль восточного побережья Азовского моря к Таганрогскому заливу. Промежуточными пунктами на этом пути, судя по находкам ранней расписной ионийской керамики, могли быть поселения Артющенко 2, Волна 1, Ильич [*Соловьёв* 2017, 185–191; *Сударев и др*. 2018б, 263–266; *Сударев, Иванов* 2023, 86], Ахтанизовская 4 [*Ломтадзе* 2013, 220–235] и Голубицкая-2 [*Шлотцауер* 2016, 40–44]. По крайней мере, объяснить их раннее возникновение «внутренней» колонизацией Таманского п-ова затруднительно [*Масленников* 2023а, 186–187; 2023б]. В дальнейшем, в качестве связывающих их сухопутных дорог использовались хорошо знакомые «варварам» древние тракты [*Сударев, Иванов* 2023, 88–89].

Западный путь в виде южной и северной сухопутных дорог проходил через Таманский п-ов и Керченский пролив, связывая Анапский регион с Пантикапеем. Совместные находки раннегреческой расписной керамики и лепной посуды обеих выделенных М. Е. Клемешовой технологий производства характерны для ещё двух компактных регионов Таманского п-ова: юго-западного (поселения Волна 1 и Артющенко 2) и северо-восточного (поселения Ахтанизовская 4 и Голубицкая 2) [*Клемешова* 2023, 280][16]. Они занимают как бы промежуточное положение между Анапским эмпорием и Пантикапеем, в нижних слоях которого также встречались фрагменты характерных для Прикубанья лепных горшков и корчаг с «воротничком» [*Асташова* 2017, 200, 205, табл. 134. *13*]. Синхронно или почти в то же время возникали и другие памятники (эмпории). Так, наряду с лепной посудой местного населения, привозные античные изделия встречены на поселении и в погребениях некрополя у х. Воскресенский севернее Анапы [*Алексеева* 1991, 35–36, 56–60; *Новичихин* 2017, 69–73][17], в знаменитом погребении у Цокур-Лимана [*Вахтина* 1993, 55; *Рябкова, Вахтина* 2020, 131–132][18], в некрополях Волна 1 [*Мимоход и др.*

[14] Вероятно, этот палеолиман и был в древности той самой Синдской гаванью, которая дала имя основанному на ее берегах позднее городу.

[15] В связи с этим также важно отметить недавние исследования в рамках Международного проекта «Боспор и Северная Колхида. Греческие колонии в негреческом окружении: динамика взаимодействия разнотипных обществ» (рук. Иванчик А. И.). В процессе исследований были открыты строительные остатки и ранние греческие материалы в устье р. Кадор. Авторы раскопок обоснованно предполагают, что на этом месте располагалась Диоскуриада.

[16] «Это позволяет предположить, что лепная керамика, по крайней мере, горшки различных форм, могла служить тарой для каких-то продуктов» [*Моммзен и др*. 2016, 93], в частности, для продуктов, которыми запасались греческие мореплаватели перед отправкой в сторону Таганрогского поселения. Наличие среди лепной посуды фрагментов, изготовленных, согласно археометрическим исследованиям, в районе Таганрога, подтверждает факт захода греческих кораблей на обратном пути в район поселения Голубицкая 2 [*Моммзен и др*. 2016, 90]. Иначе говоря, лепная керамика из района Анапского эмпория и из района Таганрога могла быть тарой для продуктов, которые греческие торговцы брали с собой в плавание. Это в очередной раз свидетельствует о статусе этих поселений как промежуточных на пути морской торговли.

[17] Помимо египетских скарабеоидов Навкратийского производства на поселении у х. Воскресенский встречено несколько фрагментов хиосских амфор с белым ангобом созопольского варианта [*Монахов* 2003, 12–15].

[18] Ойнохою из данного погребения М. Ю. Вахтина определяет как Северо-Ионийскую или Эолийскую стиля Schwarzbunt ware и датирует первой четвертью VI в. до н. э.

2019, 138], Панагия 1, Тузлинский 7[19] и в Тузлинском некрополе [*Сорокина Н. П.* 1957, 8–11; *Кошеленко, Кузнецов В. Д.* 2010, 414].

Наконец, третий, восточный путь связывал Анапский регион с Предкавказьем и Приазовской степью. Уже в конце VII – первой половине VI в. до н. э. греческие товары появились в долинах рек Анапка, Котлома и Маскага [*Сударев, Иванов* 2023а; 2023б; *Новичихин* 2017, 73; 2010, 252; *Сударев* 2014, 99; *Сударев, Гарбузов* 2015, 160–162; *Sudarev et al.* 2021, 60–63]. Взаимное расположение этих рек позволяло сравнительно легко преодолеть невысокий водораздел между анапским побережьем и долиной реки Кубань, где находился целый «куст» раннемеотских памятников с находками импортной греческой керамики [*Sudarev et al.* 2021, 60–63]. Датировка самых ранних образцов её устанавливается в диапазоне 630–620-х гг. до н. э. [*Сударев, Иванов* 2023а; 2023б]. Вдоль этого пути известны и другие поселения: Самойленко [*Иванов, Сударев* 2018а, 179–184], Красный, Ударное, Кувический [*Иванов, Сударев* 2015б, 107–111; *Sudarev et al.* 2021, 60–63]. Именно по этому пути, – а не через Березанский эмпорий, Таганрогское поселение или Пантикапей, – ранняя греческая керамика попадает в Закубанье (курган 1 у х. Красный, курган 16 мог. Новозаведенное, Разменные курганы, курган 7 могильника Ципелиевский Кут[20], пос. Тарасова Балка и т. д.) [*Вахтина* 2016, 14–16; 2023, 83–85; *Zadnikov, Shramko* 2023, 244, 248–249, 256, 265–266]. Этот путь маркируется не только проникновением ранней греческой керамики на Левобережье Кубани, в район между х. Адагум и г. Крымск, но, как было показано выше, и встречным вектором распространения прикубанской лепной посуды в район Анапского палеолимана и далее на запад.

Таким образом, основные магистрали первого этапа освоения греками Азиатского Боспора выглядят следующим образом (рис. 10):

1. Морская: по «трассе» Анапский эмпорий (Синдская Гавань?) – Пантикапей – Таганрогское поселение (Кремны?);

2. Западная сухопутная: по направлению Анапский эмпорий – Благовещенская коса – Артющенко – Цокур-Лиман – Волна 1 (Панагия 1) – Тузла – Пантикапей;

3. Восточная сухопутная: Анапский эмпорий – долины рек Анапка, Котлама, Маскага – Левобережье Кубани.

Итак, новые данные указывают на образование в конце VII – начале VI в. до н. э. некоего коридора коммуникаций между греками, появившимися в районе Анапского палеолимана, и частью раннемеотского населения, проживавшего на Левобережье Кубани между её притоками Псиф и Адагум (поселения Первомайское, Железнодорожное-1, Посегун, Красное 1, Краснокрымское и т. д.). Возникновение в последней трети VII в. до н. э. греческого эмпория вблизи современной Анапы, очевидно, сопровождалось «концентрацией» вокруг него разнородных племенных групп, которые, согласно анализу их керамических комплексов, вплоть до конца V в. до н. э., несмотря на активное участие в торговле, продолжали сохранять свою культурную самобытность. Проис-

[19] Материалы некрополей Тузлинский 7 и Панагия 1 в настоящее время готовятся к публикации. В них встречены ионийские чаши с розетками, ионийские столовые амфоры, ионийские ойнохои, аттические чаши, «самосские» килики. Погребения датируются рубежом VII–VI в. до н. э. – третьей четвертью VI в. до н. э.

[20] В литературе уже высказывалось предположение, что теосская амфора из кургана 7 могильника Ципелиевский Кут могла происходить из анапского эмпория [*Новичихин* 2017, 73].

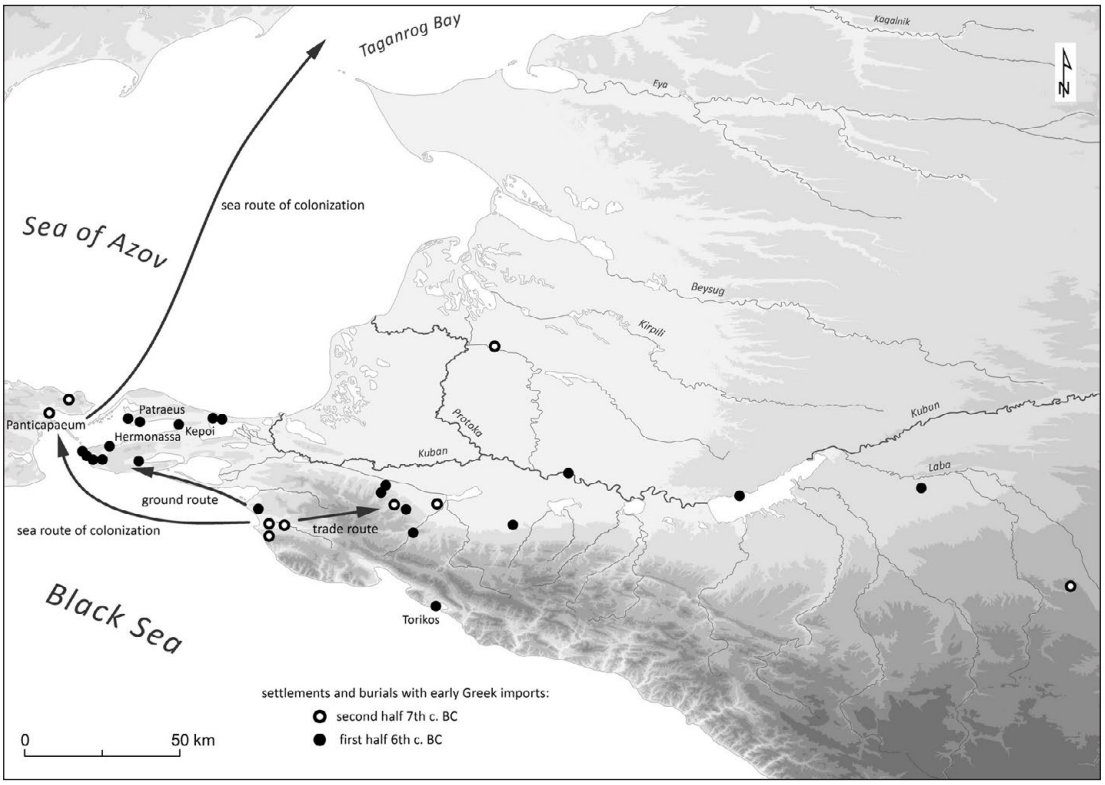


Рис. 10. Основные магистрали первого этапа освоения греками Азиатского Боспора, последняя треть VII – начало VI в. до н. э.

хождение прикубанской группы «варваров», игравших важную роль в этом процессе, вероятнее всего, было фракийским, что делало их как бы более близкими и понятными грекам. Не исключено, что именно они и были носителями местных географо-топографических и иных традиций, в том числе знаний о древних дорогах, проливах, переправах, перевалах и прочих путях сообщения.

Освоение греками внутреннего пространства, побережий Таманского залива и внутренних лиманов происходило позже – в пределах второй четверти VI в. до н. э. [*Кошеленко, Кузнецов В.Д.* 2010, 414], а южного берега Кизилташского лимана и Кубанской поймы от Уташской Балки до р. Шуха (ст. Варенниковская) – во второй половине VI в. до н. э. [*Sudarev et al.* 2021, 56–58]. Именно этот период, с 630 г. до н. э. и до появления греческих колоний, по нашему мнению, и следует считать эмпориальным периодом на Боспоре, который был выделен В.Д. Блаватским еще в 1954 г. [*Блаватский* 1954, 7; см. так же: *Буйских* 2013б, 21–39; *Вахтина* 2023, 79; *Сударев, Иванов* 2023а, 89].

Список литературы

А*брамов* А. П., *Пиунова* С. С. 1995. Патрей. Раскопки 1990–1991 годов. Каталог выставки. М., 21.

Абрамова А. Н. 2020. Поселение периода поздней бронзы Панагия-I на Тамани: предварительная палеоантропологическая характеристика // ВАКСИА. XV, 116–122.

Алексеева Е. М. 1991. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М., 144.

Алексеева Е. М. 1997. Античный город Горгиппия. М., 560.

Асташова Н. С. 2017. Предварительные итоги изучения фрагментов светильников, столовой и кухонной керамики из древнейшего слоя Пантикапея // Древнейший Пантикапей. От апойкии – к городу. По материалам исследований Боспорской (Пантикапейской) экспедиции ГМИИ имени А. С. Пушкина на горе Митридат. М., 199–210.

Асташова Н. С. 2019. К проблеме изучения «древнейшего слоя» Пантикапея // Вестник Московского университета. Серия 8 (История). № 2. М., 152–164.

Б*атасова* А. В. 2014. Классификация античных сельских поселений Таманского полуострова VI – начала V в. до н. э. // Записки ИИМК РАН. 9. СПб, 103–113.

Батасова А. В. 2015. Освоение Таманского полуострова в VI – начале V вв. до н. э. (промежуточные итоги) // ПИФК. 4, 61–73.

Беглова Е. А. 1993. К вопросу о сложении Абинского локального варианта в протомеотское время // Вторая Кубанская археологическая конференция. Тез. докладов. Краснодар, 6–7.

Березанская С. С., *Шарафутдинова* И. Н. 1985. Сабатиновская культура // Археология Украинской ССР. 1: Первобытная археология. Киев, 489–499.

Березанская С. С., *Отрощенко* В. В., *Чередниченко* Н. Н., *Шарафутдинова* И. Н. 1986. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 168.

Блаватский В. Д. 1954. Архаический Боспор // Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху. 2. (МИА. 33). М.–Л., 7–44.

Бойко А. Л., *Верещагин* В. В., *Голубев* Л. Э. 2020. Раскопки многослойного поселения Тамань 14 // IX АЧ, 33–39.

Борисфен-Березань. 2005. Начало античной эпохи в Северном Причерноморье. К 120-летию археологических раскопок на острове Березань. Каталог выставки. СПб., 151.

Братченко С. Н. 1985. Каменско-ливенцовская группа памятников // Археология Украинской ССР. 1: Первобытная археология. Киев, 453–462.

Буйских А. В. 2013а. Архаическая расписная керамика из Ольвии (восточногреческая, лаконская, коринфская, имитации). Киев, 456.

Буйских А. В. 2013б. Греческая колонизация Северо-Западного Причерноморья (Новая модель?) // ВДИ. 1, 21–39.

Буйских А. В. 2017. Клазоменский чернофигурный кратер из Борисфена // Stratum plus. 3, 155–179.

Буйских А. В. 2019. Архаическая расписная керамика из Борисфена (раскопки 1960–1980 гг.). Киев, 389.

Бучинский И. Е. 1963. Климат Украины в настоящем, прошлом и будущем. Киев, 300.

В*альчак* С. Б., *Болдырев* С. И., *Сударев* Н. И., *Чевелёв* О. Д. 2010. Исследования Уташского курганного могильника в Краснодарском крае // АО 2007 года, 247–248.

Ванчугов В. П. 1990. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Проблема формирования белозерской культуры. Киев, 168.

Ванчугов В. П. 1992. Демографическая ситуация в Северо-Западном Причерноморье в позднейшем предскифском периоде // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н. э. – V в. н. э. Тирасполь, 162–165.

Вахрушев Б. А., *Вахрушев* И. Б. 1999. Роль карстовых конденсационных вод в водном хозяйстве античных и средневековых поселений Керченского полуострова // Культура народов Причерноморья. 10. Симферополь, 7–10.

Вахрушев Б. А., *Вахрушев* И. Б. 2006. Заповедные объекты массива горы Опук и сопредельных территорий // Сб. научных трудов Государственного Никитского ботанического сада. 126. Симферополь, 23–33.

Вахтина М. Ю. 1993. Скифское погребение у Цукурского лимана на Тамани // Скифия и Боспор. Материалы конф. памяти академика М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 51–58.

Вахтина М. Ю. 2016. Еще раз об основном погребении в кургане Темир-Гора и одном из путей распространения раннего греческого импорта в Северном Причерноморье // Азиатский Боспор и Прикубанье в доримское время. Материалы Международного круглого стола 7–8 июня 2016 г. М., 12–18.

Вахтина М. Ю. 2023. Взгляды А. А. Иессена на доколонизационные контакты в Северном Причерноморье в свете современных исследований // АВ. 38, 76–88.

Виноградов Ю. А. 2005. Боспор Киммерийский // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб., 211–296.

Виноградов Ю. А. 2019. Основные итоги изучения священного участка поселения Артющенко-I (Таманский полуостров) // XX БЧ: Основные итоги и перспективы исследований. Симферополь–Керчь, 110–115.

Виноградов Ю. А., *Марченко* К. К. 1991. Северное Причерноморье в скифскую эпоху. Опыт периодизации истории // СА. 1, 145–155.

Волкодав Н. В., *Устаева* Э. Р., *Шевченко* Н. П. 2016. Археологические объекты и раскопки в зоне строительства Таманского терминала навалочных грузов ЗАО «Таманьнефтегаз» // Охрана и сохранение археологического наследия Тамани при реализации строительства Таманского терминала СУГ и нефтепродуктов: материалы археологической научной конференции (Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Волна, апрель, 2016 г.). Краснодар, 43–56.

Высокий М. Ф. 2004. Греческая колонизация Восточного Причерноморья: итоги и перспективы исследования // ПИФК. 14, 399–424.

Г*аврилюк* Н. О. 2023. Ліпний посуд Північного Причорномор'я періоду архаїки (друга половина VII – перша половина V ст. до н. е.). Київ, 360.

Гайдукевич В. Ф. 1941. Керченский район // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. М.–Л., 260–265.

Гарбузов Г. П. 2020. Особенности распределения памятников эпохи поздней бронзы на Таманском полуострове // XV ВАКСИА, 80–89.

Гарбузов Г. П., *Поротов* А. В., *Сударев* Н. И. 2017. К обсуждению результатов палеогеографических исследований в дельте Кубани // ДБ. 21, 64–81.

Гарбузов Г. П., *Сударев* Н. И. 2015. Немецкие аэрофотоснимки времен ВОВ как источник данных по археологии Азиатского Боспора // ДБ. 19, 135–153.

Гарбузов Г. П., *Сударев* Н. И. 2016. Разведки на южном берегу лимана Цокур // ДБ. 20, 135–152.

Гарбузов Г. П., *Сударев* Н. И. 2022. Древние дороги Таманского полуострова // Древности Тамани. Фотокнига. Тамань, 46–51.

Гершкович Я. П. 1997. Происхождение и эволюция сабатиновского керамического комплекса // АА. 6, 125–144.

Голда Н. Н. 2017. Фрагмент амфоры Wide Goat Style из поселения «Марьянское 1» // АЗ. 9, 226–229.

Горошников А. А. 2018а. Поселение эпохи поздней бронзы Панагия 1 на Тамани // Связи и взаимоотношения культур бронзового века Циркумпонтийского региона: новые данные и материалы. Тез. докладов круглого стола. М., 17–19.

Горошников А. А. 2018б. Исследования курганного могильника Панагия 2 на Таманском полуострове // НАВ. Т. 17. № 2. Волгоград, 135–152.

Горошников А. А., *Горошникова* З. В. 2019. Новые данные о поселении эпохи поздней бронзы Панагия I на Таманском полуострове (по материалам раскопок 2019 г.) // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции). Материалы международной конф., 18–22 ноября 2019 г., г. Санкт-Петербург. Т. II. Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н. э.). К 90-летию со дня рождения патриарха евразийской археологии В. М. Массона и 80-летию со дня рождения выдающегося археолога В. С. Бочкарева. СПб, 168–169.

Горошников А. А., *Горошникова* З. В. 2020. Исследования поселения эпохи поздней бронзы «Панагия I» в юго-западной части Таманского полуострова в 2017–2019 гг. // ВАКСИА. XV, 106–116.

Григорьев С. А. 2003. Археологические основания ближневосточной локализации индоевропейской прародины на территории Евразии // Вестник Челябинского государственного университета. Т. 10. Востоковедение. Евразийство. Геополитика. № 2. Челябинск, 142–157.

Гришина Е. А. 2018. Крымская культура водопользования: история и современность // Устойчивое развитие регионов России: от стратегии к тактике. Сб. материалов III Всероссийской научно-практической конф. Новосибирск, 66–69.

Д*убовская* О. Р. 1997. Об этнокультурной атрибуции «новочеркасских» погребений Северного Причерноморья // АА. 6, 181–218.

Ж*итников* В. Г. 2017. «Восточный район» жилой и хозяйственной застройки V–II вв. до н. э. на поселении «Волна I» (Таманский полуостров) // ДБ. 21, 95–121.

З*авойкин* А. А. 2009. О «больших» и «малых» городах Боспора // ДБ. 13, 176–205.

Завойкин А. А. 2011. Эллины Таманского полуострова и их соседи: первые контакты // БФ: Население, языки, контакты. СПб, 259–264.

Завойкин А. А. 2013. Боспорские греки и «азиатские варвары» в период архаики – раннего эллинизма // Scripta antiqua. 3. М., 164–197.

Зеест И. Б., *Марченко* И. Д. 1962. Некоторые типы толстостенной керамики из Пантикапея // Пантикапей (МИА. 103). М., 149–165.

И*ванов* А. В. 2013. О погребениях предскифского времени из раскопок курганной группы «Фурожан-3» // Шестая Международная Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 150–153.

Иванов А. В. 2016а. О времени основания и культурной атрибуции Краснобатарейного городища // XVII БЧ: Исследователи и исследования. Симферополь–Керчь, 193–200.

Иванов А. В. 2016б. Племена региона Анапы–Новороссийска и меоты. Сопоставление // ДБ. 20, 260–269.

Иванов А. В. 2019. Меоты Восточного Приазовья во второй половине V–III вв. до н. э. // БИ. 38, 17–38.

Иванов А. В., *Кононов* В. Ю., *Ларенок* П. А., *Подорожный* А. А. 2020. Поселение «Марьянское I» в Нижнем Прикубанье. Обзор // БФ: Боспорское царство М. И. Ростовцева (взгляд из XXI века). Ч. 2. СПб, 78–83.

Иванов А. В., *Нарожный* Е. И., *Соков* П. В. 2019. О горизонте раннего железного века поселения Железнодорожное-1, исследованного в Западном Закубанье // АВ. 25, 58–76.

Иванов А. В., *Сударев* Н. И. 2012. К вопросу о догреческом населении Таманского полуострова // ДБ. 16, 178–199.

Иванов А. В., *Сударев* Н. И. 2013а. Комплексы догреческого населения исследованные на Западном некрополе Гермонассы // XIV БЧ: Археологический объект в контексте истории. Симферополь–Керчь, 213–217.

Иванов А. В., *Сударев* Н. И. 2013б. Об автохтонном населении Тамани накануне колонизации // ДБ. 17, 176–186.

Иванов А. В., *Сударев* Н. И. 2014. О двух моделях колонизации Азиатского Боспора // XV БЧ: Актуальные проблемы хронологии. Симферополь–Керчь, 197–205.

Иванов А. В., *Сударев* Н. И. 2015а. О Восточной границе Синдики // XVI БЧ: Географическая среда и социум. Симферополь–Керчь, 173–179.

Иванов А. В., *Сударев* Н. И. 2015б. Поселение «Красное 1» // АЧ. V, 107–114.

Иванов А. В., *Сударев* Н. И. 2017. Курган № 44/45 некрополя Кеп и его место среди других погребальных памятников Азиатского Боспора // ДБ. 21, 160–189.

Иванов А. В., *Сударев* Н. И. 2018а. «Урочище Самойленко» – поселение в Синдике (предварительное сообщение) // XIX БЧ: Традиции и инновации. Симферополь–Керчь, 179–184.

Иванов А. В., *Сударев* Н. И. 2018б. Арифарн – царь фракийцев? // БФ: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Ч. 2. СПб, 48–55.

Иванов А. В., *Сударев* Н. И. 2018в. «Урочище Самойленко» – эталонный памятник греко-варварских взаимоотношений // БФ: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Ч. 2. СПб, 257–262.

Иванов А. В., *Трубников* В. В. 2018. Поселение «Псиф-3» в Западном Закубанье // ДБ. 22, 72–89.

Иерусалимская А. А. 1958. О предкавказском варианте катакомбной культуры // СА. 2, 34–48.

Иессен А. А. 1951. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа (МИА. 23). М.–Л., 75–124.

К*аргин* Ю. Ю., *Козорезов* А. А., *Зубарева* Е. Г. 2019. Курган эпохи средней бронзы у х. Ханьков в дельте Кубани (по материалам охранных раскопок 2013 г.) // АВЕС. 15, 105–138.

Кашаев С. В., *Сударев* Н. И., *Чевелев* О. Д. 2011. Новые исследования в Анапском районе Краснодарского Края // XII БЧ: Взаимовлияние культур. Симферополь–Керчь, 403–411.

Кашаев С. В., *Сударев* Н. И. 2023. К вопросу о времени возникновения поселения и некрополя Артющенко-2 // XXIV БЧ: Археологические и письменные источники в исторических реконструкциях. Симферополь–Керчь, 132–145.

Кашаев С. В., *Сударев* Н. И. 2024. К вопросу о времени возникновения поселения Артющенко-2 // БИ. 48, в печати.

Кислый А. Е., *Ислямов* Э. М. 2013. Поселение Коктебель каменской культуры Восточного Крыма // Таврійські студії: історичні науки. 1, 80–88.

Кисьов К. 2009. Погребални практики в Родопите (II–I хил. пр. Хр.). Пловдив, 222.

Кияшко А. В. 2017. Колесовидный мотив рельефного орнамента на керамике Сабатиновской культуры Таманского полуострова // МАКСИА. XII, 68–73.

Кияшко А. В. 2018. О специфике поселения позднего бронзового века Балка Лисовицкого IV на Тамани // Связи и взаимоотношения культур бронзового века Циркумпонтийского региона: новые данные и материалы. Тез. докладов круглого стола. М., 31–33.

Кияшко А. В. 2019. Финал среднего – поздний бронзовый век Тамани и Восточного Крыма: к постановке проблемы // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы международной конференции, 18–22 ноября 2019 г., г. Санкт-Петербург. Т. II. Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV–I тыс. до н. э.). К 90-летию со дня рождения патриарха евразийской археологии В. М. Массона и 80-летию со дня рождения выдающегося археолога В. С. Бочкарева. СПб., 54–55.

Кияшко А. В. 2020. Поселение эпохи бронзы Балка Лисовицкого IV на Тамани: общий обзор и характеристика металлического инвентаря // АВ. 30, 207–222.

Кияшко А. В. 2022. Забытая эпоха, или протогреческая колонизация Таманского полуострова // Древности Тамани. Фотокнига. Тамань, 34–39.

Кияшко А. В., *Горошников* А. А. 2020. О памятниках белозёрской культуры на Таманском полуострове // Волго-Уральский регион от древности до средневековья: материалы VI Нижневолжской Международной археологической научной конф. Волгоград, 40–46.

Кияшко А. В., *Гугуев* Ю. К., *Ильяшенко* С. М., *Петров* П. А., *Коробков* П. А. 2016. Предварительные сведения о раскопках поселения эпохи бронзы–средневековья у балки Лисовицкого на Тамани в 2015–2016 гг. // МАКСИА. XI, 168–178.

Кияшко А. В., *Зиливинская* Э. Д. 2021. Грунтовый могильник периода поздней бронзы на поселении Соленый II на Тамани // МАКСИА. XVI, 91–97.

Кияшко А. В., *Ларенок* О. П. 2020. Поселение финала средней бронзы Балка Хреева III на Таманском полуострове // ВАКСИА. XV, 97–106.

Кияшко А. В., *Сударев* Н. И. 2018. К вопросу об этнокультурной принадлежности и хронологии памятников позднего бронзового века на Таманском полуострове // XIX БЧ: Традиции и инновации. Симферополь–Керчь, 212–218.

Клемешова М. Е. 2021. Предварительные итоги изучения лепной керамики Азиатского Боспора 6 в. до н. э. – 3 в. н. э. // Hyanis. 3, 97–110.

Клемешова М. Е. 2022. Лепная керамика поселения Шуха-1 в Краснодарском Крае // Hyanis. 4, 123–140.

Клемешова М. Е. 2023. Лепная керамика Азиатского Боспора: результаты изучения за последнее десятилетие // БФ: Qarta pars saeculi. Итоги, вопросы, дискуссии. СПб, 278–284.

Клемешова М. Е., *Горошников* А. А., *Горошникова* З. В. 2022. Технико-технологический анализ керамики эпохи поздней бронзы поселения Панагия 1 (предварительные результаты) // ДБ. 27, 170–180.

Клемешова М. Е., *Мимоход* Р. А., *Сударев* Н. И. 2021. Горизонт погребений эпохи поздней бронзы в некрополе античного времени Волна-1 на Таманском полуострове // РА. 1, 59–73.

Коваленко И. М. 2001. Культура водопользования народов Крыма // Ученые записки Таврического национального университета. Т. 14. № 1. Симферополь, 70–74.

Козенкова В. И. 2013. Кобанская культура и окружающий мир (взаимосвязи, проблемы судьбы и следов разнокультурных инфильтраций в местной среде). М., 252.

Колотухин В. А. 2003. Поздний бронзовый век Крыма. Киев, 139.

Копылов В. П. 2011. Таганрогское поселение – гавань Кремны? (письменные источники и археологические реалии) // АМА. 15, 223–239.

Копылов В. П. 2018. Милетская апойкия Кремны и колонизация Боспора // БФ: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. СПб, 65–69.

Кошеленко Г. А., *Кузнецов* В. Д. 1992. Греческая колонизация Боспора (в связи с некоторыми общими проблемами колонизации) // Очерки археологии и истории Боспора. М., 2–28.

Кошеленко Г. А., *Кузнецов* В. Д. 2010. Греческая колонизация Азиатского Боспора // Античное наследие Кубани. I. М., 409–426.

Крайнева А. А. 2013. Отчёт о проведении археологических исследований (раскопок) кургана № 1 в составе выявленного объекта археологического наследия «Курганная группа 27А» у п. Волна Темрюкского района Краснодарского края в 2012 году // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 34765.

Крутоголовенко К. А. 2021. Разведки в Анапе, Новороссийске и Сочи // АО. 2019 год, 228–231.

Крутоголовенко К. А. 2022. Погребения поздней бронзы на южной окраине Натухаевской // ИАА. 16. Армавир–Краснодар–Москва, 21–35.

Кузнецов А. Г., *Блага* Н. Н., *Белый* А. В. 2012. Источники водоснабжения и древние гидротехнические сооружения района горного массива Кыз-Кермен // Ученые записки Крымского федерального ун-та им. В. И. Вернадского. Т. 25. № 3: География. Геология, 3–9.

Кузнецов В. Д. 1991. Ранние апойкии Северного Причерноморья // КСИА. 204, 31–37.
Кузнецов В. Д. 2009. Причерноморские греки в варварской земле // ДБ. 13, 280–304.
Кумурджи М. И. 1962. О забытых древних источниках Крыма // Записки Ленинградского горного ин-та. Т. 44. Вып. 2. Гидрогеология и инженерная геология. Л., 15–20.
Лейпунская Н. А. 1987а. Лутерии // Культура и население Ольвии и её округи в архаическое время. Киев, 83–87.
Лейпунская Н. А. 1987б. Хозяйственная керамика // Культура и население Ольвии и её округи в архаическое время. Киев, 102–104.
Лейпунська Н. О. 1980. Лутерії з Ольвії // Археологія. 33. 32–46.
Лесков А. М. 1970. Кировское поселение // Древности Восточного Крыма (Предскифский период и скифы). Киев, 7–59.
Лимберис Н. Ю., *Марченко* И. И. 2001. Погребения VI–V вв. до н. э. из грунтовых могильников меотских городищ правобережья Кубани // МИАК. 1, 32–123.
Лимберис Н. Ю., *Марченко* И. И. 2012. Меотские древности VI–V вв. до н. э. (по материалам грунтовых могильников правобережья Кубани). Краснодар, 316.
Лимберис Н. Ю., *Марченко* И. И. 2013. Типология и хронология раннемеотских ковшей из погребений правобережья Кубани // Древности Западного Кавказа. 1. Краснодар, 44–58.
Лимберис Н. Ю., *Марченко* И. И. 2014. Новые протомеотские комплексы из Закубанья (могильник Железнодорожный-2) // АВ. 20, 165–182.
Литвиненко Р. А. 2011. Культурный круг Бабино: название, таксономия и структура // КСИА. 225, 108–123.
Ломтадзе Г. А. 2013. Комплекс находок архаического времени из раскопок поселения Ахтанизовская 4 // ДБ. 17, 216–231.
М*арченко* К. К. 2005. Греки и варвары Северо-Западного Причерноморья скифской эпохи // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб, 42–136.
Масленников А. А. 2023а. Изнутри или снаружи? (о «статусе» поселения на мысе Зюк, малых городах и «внутренней» колонизации Боспора) // ПИФК. 3, 163–196.
Масленников А. А. 2023б. О том, чего не было // БФ: Quarta pars saeculi. Итоги, вопросы, дискуссии. СПб, 55–61.
Махортых С. В., *Иевлев* М. М. 1991. О путях и времени формирования раннекочевнических образований на юге Европейской части СССР в позднейший предскифский период // Древности Северного Кавказа и Причерноморья. М., 18–30.
Мимоход Р. А. 2005. Блок посткатакомбных культурных образований (постановка проблемы) // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Луганськ, 70–74.
Мимоход Р. А. 2006. Погребения финала средней бронзы бассейна р. Кубань // Первая Абхазская международная археологическая конференция (Древние культуры Кавказского Причерноморья, их взаимодействие с культурами соседних регионов. Сохранение культурного наследия). Материалы конф. Сухум, 249–253.
Мимоход Р. А. 2023. Западное и Южное Предкавказье в посткатакомбную эпоху: от кубанской культурной группы к невинномысской культуре // РА. 2, 20–23.
Мимоход Р. А., *Сударев* Н. И., *Успенский* П. С. 2017. «Волна 1» – новый «городской» некрополь архаического и классического времени на Таманском полуострове (по мате-

риалам работ ИА РАН в 2016 и 2017 гг.) // Археологические исследования на территории строящегося терминала СУГ и Таманского Терминала Навалочных грузов. Краснодар, 4–31.

Мимоход Р. А., *Сударев* Н. И., *Успенский* П. С. 2019. Исследования грунтового некрополя Волна 1 в 2017 г. // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. 2. Сб. научных трудов, посвященный 70-летию проф. В. П. Копылова. Ростов-на Дону, 120–144.

Мимоход Р. А., *Успенский* П. С. 2016. Раскопки курганных могильников на Таманском полуострове в 2014 г. // Охрана и сохранение археологического наследия Тамани при реализации строительства Таманского терминала СУГ и нефтепродуктов: материалы археологической научной конференции (Краснодарский край, Темрюкский район, пос. Волна, апрель, 2016 г.). Краснодар, 86–90.

Моммзен Г., *Журавлев* Д. В., *Шлотцауер* У. 2016. Археометрические исследования происхождения керамики // Древние эллины между Понтом Эвксинским и Меотидой. М., 90–93.

Монахов С. Ю. 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. М.–Саратов, 352.

Н*овикова* Л. А. 1976. Западные связи северопричерноморского очага металлообработки в эпоху поздней бронзы // СА. 3, 25–57.

Новичихин А. М. 1993. Исследование архаических памятников у п. Алексеевка // Музейный вестник. 1. Краснодар, 23–30.

Новичихин А. М. 2006. Население Западного Закубанья в первой половине I тысячелетия до н. э. (по материалам погребальных памятников). Анапа, 220.

Новичихин А. М. 2010. Погребальные комплексы эпохи поздней бронзы в районе Анапы // КЧ. XXVI. Магас, 270–272.

Новичихин А. М. 2013а. Бронзовые кельты из хутора Чекон // АЧ. II, 77–79.

Новичихин А. М. 2013б. Случайные находки эпохи бронзы и раннего железа в окрестностях станиц Натухаевской и Раевской // Исторические Записки. 8. Новороссийск, 51–58.

Новичихин А. М. 2013в. Поселение эпохи поздней бронзы на северной окраине с. Су-Псех. // АЧ. III, 113–115.

Новичихин А. М. 2015. Находка бронзового кельта в Горгиппии // АЧ. V, 203–205.

Новичихин А. М. 2017. Греческая колонизация Синдики // МАИАСК. 9. М.–Тюмень–Нижневартовск, 67–96.

Новичихин А. М. 2023. Археология полуострова Абрау: от энеолита до поздней бронзы // Из истории культуры народов Северного Кавказа. 16. Ставрополь–М., 57–78.

О*трощенко* В. В. 1985. Белозерская культура // Археология Украинской ССР. 1: Первобытная археология. Киев, 519–526.

П*аромов* Я. М. 1992. Археологическая карта Таманского полуострова (Работа депонирована в ИНИОН РАН. № 47103 от 1.10.1992 г. М.

Паромов Я. М., *Гей* А. Н. 2005. Памятники эпохи камня и бронзы на Таманском полуострове (краткий обзор) // ДБ. 8, 320–339.

Паромов Я. М., *Сударев* Н. И., *Чевелев* О. Д., *Безматерных* А. Е. 2010. Работы разведочного отряда Восточно-Боспорской экспедиции // АО 2007 года, 307–308.

Полидович Ю. Б. 1992. К вопросу о хронологии раннескифских памятников степной зоны Северного Причерноморья // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н. э. – V в. н. э. Тирасполь, 189–191.

Подобед В. А., *Цимиданов* В. В. 2010. Погребения с шильями и иглами в культурах Восточной Европы эпохи поздней бронзы и предскифского времени (степь и лесостепь) // Донецький археологічний збірник. Донецьк, 98–120.

Поротов А. В., *Сударев* Н. И., *Гарбузов* Г. П. 2020. Палеогеографические условия формирования путей этно-культурных миграций в северо-восточном Причерноморье в эпохи поздней бронзы – раннего средневековья // Актуальные проблемы палеогеографии плейстоцена и голоцена. Материалы Всероссийской конф. … «Марковские чтения 2020 года». М., 318–323.

Пьянков А. В., *Рябкова* Т. В., *Зеленский* Ю. В. 2019. Комплекс раннескифского времени кургана № 11 могильника Лебеди V в Прикубанье // АВ. 25, 206–228.

Р*аев* Б. А., *Горошников* А. А. 2018. Поселение Панагия 1 на Тамани (о связях Северного Кавказа и Карпато-Дунайского региона в предскифское время) // Народы и культуры Нижнего Дуная в древности. Материалы Международной … конф. Измаил, 135–142.

Рогов Е. Я. 2005. Греки и варвары в Западном Крыму // Греки и варвары Северного Причерноморья в скифскую эпоху. СПб, 137–210.

Рыбалова В. Д. 1974. Поселение Каменка в Восточном Крыму // АСГЭ. 16, 19–49.

Рябкова Т. В. 2015а. Поселение Тарасова Балка – памятник раннего железного века в Закубанье (предварительная публикация) // Тр. Государственного Эрмитажа. LXXVII. СПб, 359–374.

Рябкова Т. В. 2015б. Материалы поселения Тарасова Балка в юго-восточном Закубанье // Ранний железный век Евразии от архаики до рубежа эр. Центры, периферии и модели культурных взаимодействий. Материалы … конф. (СПб, 23–27 ноября 2015 г.). СПб, 328–332.

Рябкова Т. В. 2017. Взаимодействие кочевого и оседлого населения Закубанья по материалам Разменных курганов и поселения Тарасова Балка // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле–Белокурихе. Барнаул, 52–56.

Рябкова Т. В., *Вахтина* М. Ю. 2020. Погребение в кургане у Цукур-Лимана в работах М. И. Ростовцева и современные представления о комплексе // БФ: Боспорское царство М. И. Ростовцева (взгляд из XXI века). Ч. 1. СПб, 127–136.

С*авва* Е. Н. 1992. Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья (по материалам погребального обряда). Кишинев, 226.

Салов А. И. 1986. Архаическое поселение на окраине Анапы // Проблемы античной культуры. М., 188–195.

Салов А. И. 2000. Разведка ближней хоры Горгиппии в 1978–1980 гг. // Горгиппийский сборник. Анапа, 17–25.

Сафронов А. В. 2000. Проблема датировки троянской войны в контексте великого переселения народов в последней четверти II тыс. до н. э. // Сб. РИО. 2. М., 275–291.

Сафронов А. В. 2018. Очерки по истории Восточного Средиземноморья в XIV–XII вв. до н. э. М., 176.

Сафронов В. А. 1974. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Вопросы охраны, использования и классификации археологических памятников (Сообщения Научно-Методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. 7). М., 23–199.

Смирнова Г. И. 1990. Памятники типа Кишинев-Корлатэнь в Днестро-Сиретском междуречье и группа Белегиш II в югославском Подунавье // АСГЭ. 30, 20–33.

Сокольский Н. И. 1980. Таманский клад бронзовых орудий // СА. 2, 144–150.

Соловьёв С. Л. 2013. Народы Малой Азии и проблемы греческой колонизации Северного Причерноморья // Причерноморье в античное и раннесредневековое время. Сб. научных трудов, посвящённый 65-летию проф. В. П. Копылова. Ростов-на-Дону, 62–77.

Соловьёв С. Л. 2017. Охранная археология в зоне мостового перехода через Керченский пролив (из опыта работы Античной новостроечной экспедиции ИИМК РАН) // Бюллетень ИИМК РАН. 6. СПб, 185–200.

Сорокина И. А. 1985. Погребения эпохи поздней бронзы в Нижнем Прикубанье // СА. 3, 136–151.

Сорокина И. А. 1986. Погребения эпохи поздней бронзы в Западном Предкавказье (к методике исследования) // Археологические открытия на новостройках (Древности Северного Кавказа. 1). М., 33–69.

Сорокина И. А. 1989. О прикубанском варианте срубной культурно-исторической общности // Древности Ставрополья. М., 279–287.

Сорокина Н. П. 1957. Тузлинский некрополь (Труды ГИМ. 26). М., 64.

Стоянов Р. В. 2010. Материалы конца VI – начала III вв. до н. э. из раскопок поселения Артющенко 2 в южной части Таманского п-ова // АМА. 14, 218–237.

Сударев Н. И. 1994. Погребения в районе поселения Гаркуша 1 (Патрей) // БС. 4, 108–126.

Сударев Н. И. 2014. Греки и Варвары в Синдике // Погребальная культура Боспорского царства. Материалы круглого стола, посвящённого 100-летию со дня рождения М. М. Кубланова (1914–1998). СПб, 95–102.

Сударев Н. И. 2017. Погребения некрополя «Виноградный 7» // Города, поселения, некрополи. Раскопки 2016 (МСАИ. 19), 182–190.

Сударев Н. И. 2020. Историография изучения памятников эпохи поздней бронзы – раннего железного века Таманского полуострова // ВАКСИА. XV, 68–80.

Сударев Н. И., *Болдырев* С. И., *Колесников* А. Б. 2010. Работы Восточно-Боспорской экспедиции ИА РАН // АО 2007 года, 315–317.

Сударев Н. И., *Гарбузов* Г. П. 2015. К вопросу о колонизации Боспора // Таврійські студії: історичні науки. 7, 156–166.

Сударев Н. И., *Иванов* А. В. 2023а. Еще раз к вопросу об эмпориальном периоде на Боспоре // БФ: Quarta pars saeculi. Итоги, вопросы, дискуссии. СПб, 83–93.

Сударев Н. И., *Иванов* А. В. 2023б. Анапский эмпорий: свидетельства первых контактов греков и варваров на Азиатском Боспоре // XXIV БЧ: Археологические и письменные источники в исторических реконструкциях. Симферополь–Керчь, 381–387.

Сударев Н. И., *Поротов* А. В., *Гарбузов* Г. П. 2018а. Путь из Синдики в Синдику: значение Анапской пересыпи в истории региона // XIX БЧ: Традиции и инновации. Симферополь–Керчь, 485–494.

Сударев Н. И., *Соловьев* С. Л., *Шаров* О. В. 2018б. Население Северо-Западной части Таманского полуострова накануне и в период греческой колонизации // КЧ. XXX. Карачаевск, 263–266.

Сударев Н. И., *Шаров* О. В. 2022. Население Северо-Западной части Таманского полуострова накануне и в период греческой колонизации (по материалам поселения Ильич 1) // Древности Тамани. Фотокнига. Тамань, 40–43.

Т*елегін* Д. Я. 1961. Питання видносної хронології пам'яток пізної бронзи Нижнього Подніпровья // Археологія. 12, 3–15.

Толстиков В. П. 2017. Очерк градостроительной истории центрального района Пантикапея в конце 7 – середине 5 веков до н. э. // Древнейший Пантикапей. От апойкии – к городу. М., 10–53.

Тугушева О. В. 2015. Тарелки восточно-греческих центров из раскопок Пантикапея 2011–2014 годов // С Митридата дует ветер. Боспор и Причерноморье в античности. К 70-летию В. П. Толстикова. М., 48–54.

Тугушева О. В. 2017. Восточногреческая керамика из раскопок Пантикапея 1945–2017 годов. Общая характеристика // Древнейший Пантикапей. От апойкии – к городу. М., 94–140.

Ф*едосеев* Н. Ф. 1999. Еще раз о переправе через Боспор Киммерийский // АИБ. 3, 61–102.

Ч*ерниенко* Ю. А. 2014. Сабатиновская культура в системе древностей бронзового века юга Восточной Европы // Stratum plus. 2, 15–112.

Черняков И. Т. 1985. Северо-Западное Причерноморье во 2-й половине II тыс. до н. э. Киев, 171.

Черных Е. Н. 1980. О химическом составе металла Таманского клада // СА. 2, 150–154.

Черных Ел. Н. 2014. К постановке вопроса о керамике раннего протомеотского комплекса финала эпохи бронзы – начала раннего железного века в Закубанье // АВ. 20, 288–317.

Чистов Д. Е., *Ильина* Ю. И., *Еремеева* А. А., *Щербакова* О. Е. 2020. Материалы Березанской (Нижнебугской) античной археологической экспедиции. 3. Березанское поселение в исследованиях 2010–2014 годов (Археология в Эрмитаже. 1). СПб, 436.

Ш*арафутдинова* Э. С. 1980. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобяковская культура). Л., 128.

Шарафутдинова Э. С. 1983. Время появления раннесрубных памятников на Нижнем Дону // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону, 29–34.

Шарафутдинова Э. С. 1987. Погребения культуры многоваликовой керамики на Нижнем Дону (вопросы генезиса и периодизации) // Памятники бронзового и раннего железного веков Поднепровья. Межвуз. сб. научных трудов. Днепропетровск, 27–47.

Шарафутдинова Э. С. 1989а. Двуслойное поселение Красногвардейское II – памятник эпохи поздней бронзы – начала раннего железа на Кубани // Меоты – предки адыгов. Майкоп, 46–73.

Шарафутдинова Э.С. 1989б. Северо-западное Предкавказье в эпоху поздней бронзы // Первая кубанская археологическая конференция. Тез. докладов. Краснодар, 19–20.

Шарафутдинова Э.С. 1991. Новые данные о памятниках эпохи поздней бронзы и начала раннего железа на Кубани // Древние культуры Прикубанья. Л., 70–91.

Шарафутдинова Э.С. 1996. О восточной и северо-восточной границах распространения бабинской культуры // Северо-восточное Приазовье в системе евразийских древностей (энеолит – бронзовый век). Материалы международной конф. Ч. 1. Донецк, 56–59.

Шаров О.В. 2016. Новые комплексы протомеотской эпохи на Тамани // КЧ. XXIX. Грозный, 127–129.

Шаров О.В., *Клемешова* М.Е. 2019. Лепная керамика эпохи бронзы поселения Ильич-1 по данным технико-технологического анализа // КСИА. 256, 344–362.

Шаров О.В., *Соколова* Л.А. 2017. Предварительные итоги исследований береговой части поселения Ильич-1 Темрюкского района Краснодарского края в 2015–2016 гг. // Таврійські студії: історичні науки. 12, 167–175.

Шевченко Н.Ф. 2013. Курган раннескифского времени у хутора Красный // АСГЭ. 39, 100–118.

Шепард Г. 2010. К вопросу об истоках культа Диониса // Индоевропейская история в свете новых исследований: сб. научных статей. М., 295–308.

Шишлов А.В., *Колпакова* А.В., *Федоренко* Н.В. 2008. Поселение у балки Лисовицкого – новый памятник эпохи поздней бронзы на Тамани // КЧ. XXV. Владикавказ, 391–394.

Шишлов А.В., *Колпакова* А.В., *Федоренко* Н.В. 2011. Особенности поселений раннего железного века в приморской зоне Северо-Западного Кавказа // Проблемы археологии Кавказа. Сб. материалов Международной конф., посвященной 70-летию Ю.Н. Воронова. Сухум, 75–78.

Шишлов А.В., *Федоренко* Н.В. 2008. Памятники майкопской культуры в приморской части Северо-Западного Кавказа // Наследие Кубани. 1. Краснодар, 118–128.

Шишлов А.В., *Федоренко* Н.В., *Колпакова* А.В. 2012. Погребения эпохи бронзы, выявленные при раскопках курганов на г. Зеленской в Темрюкском районе Краснодарского края // КЧ. XXVII. Махачкала, 147–149.

Шлотцауер У. 2016. К вопросу о начале импорта греческой расписной керамики на поселение Голубицкая 2 // Древние эллины между Понтом Эвксинским и Меотидой. М., 40–44.

Эрлих В.Р. 2002а. Переход от бронзового к железному веку на северо-западном Кавказе (к постановке проблемы). Ч. I // РА. 3, 26–38.

Эрлих В.Р. 2002б. Переход от бронзового к железному веку на северо-западном Кавказе (к постановке проблемы). Ч. II // РА. 4, 40–49.

Эрлих В.Р. 2005. Северо-Западный Кавказ в начале железного века (протомеотская группа памятников). Автореф. дисс. … д.и.н. 07.00.06. М., 48.

Эрлих В.Р. 2007. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников. М., 430.

Эрлих В.Р. 2018. Финал поздней бронзы в предгорьях Северо-Западного Кавказа. Новые данные // КЧ. XXX. Карачаевск, 279–283.

Эрлих В. Р., *Болелов* С. Б. 2014. Поселение «Деметра» и неизвестный ранее керамический комплекс эпохи перехода к железному веку // КЧ. XXVIII. М., 211–215.

Эрлих В. Р., *Годизов* Г. Л. 2020. Постдольменный археологический комплекс Шушук. Периодизация и хронология // КЧ. XXXI. Махачкала, 161–164.

A*ilincăi* S. C. 2016. Before the Greeks. The Early Iron Age in Dobrudja // Prehistoric settlements: social, economic and cultural aspects. Seven studies in the Carpathian area. Cluj-Napoca, 201–236.

B*îrzescu* I. 2005. Die handelsamphoren der 'Lesbos rot'-serie in Istros // Istanbuler Mitteilungen. 120, 45–69, Taf. 6–7.

Bîrzescu I. 2012. Die archaischen und frühklassischen transportamphoren (Histria. XV). Bucureşti, 335, 120 tafl.

C*avruc* V. 1990. Noi contribuţii la problema genezei şi atributiei etnice a civilizaţiei Noua // Symposia Thracologica. 8. (Satu Mare-Carei 1990), 125–126.

Cavruc V. 1996a. Câteva consideraţii privind originea culturii Noua // Angustia. 1, 67–78.

Cavruc V. 1996b. Consideraţii privind situaţia etnoculturală în sud-estul Transilvaniei în epoca bronzului mijlociu // Angustia. 1, 13–41.

Chemsseddoha A.-Z. 2017. New Perspectives on the Burial Customs in Macedonia during the Early Iron Age // Regional Stories towards a New Perception of the Early Greek Word. Volos, 381–394.

Cook R. M., *Dupont* P. 1998. East Greek Pottery. London–New York, XXIX+226.

Coulié A. 2014. La Céramique de la Grèce de l'est: Le Style des Chèvres Sauvages // La collection du musée du Louvre. Paris.

D*eger-Jalkotzy* S. 2008. Decline, destruction, aftermath // The Cambridge Companion to the Aegean Bronze Age. Cambridge, 387–415.

Dickinson O. 2012. The Collapse at the End of the Bronze Age // The Oxford Handbook of the Bronze Age Aegean. Oxford, 483–490. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199873609.013.0036

Drake B. L. 2012. The influence of climatic change on the Late Bronze Age Collapse and the Greek Dark Ages // JAS. Vol. 39. № 6, 1862–1870.

Dubovskaja O. 1997. Zur ethnischen und kulturellen Einordnung der "Novocerkassk-Gruppe" // EA. 3, 277–328.

Dupont P. 1982. Amphores commerciales archaiques de la Grèce de l'Est // La Parole del Passato. Napoli, 193–208.

Dupont P. 1999. La circulation amphoriqe en mer Noire à l'epoque archaïque. Spécificités et problems // Production et commerce des amphores anciennes en Mer Noire. Aix-en-Provence, 143–161.

F*lorescu* M., *Florescu* A. 1990. Unele observaţii cu privire la geneza culturii Noua în zonele de curbură ale Carpaţilor Răsăriteni // ArhMold. XIII, 49–102.

Fornasier J. 2013. Der Kimmerische Bosporos in archaischer Zeit: ein Beitrag zur Grundlagenforschung // EA. 19, 71–88.

G*eorgieva* R. 2003. Sepultures insolites de Thrace (fin du IIe-Ier millinaire av. J.-C.) // Thracia. 15, 313–322.

Gergova D. 1987. The Thracian-Caucasian Relations and the Thracian Tribe Trerae // Die Urnenfelderkulturen Mitteleuropas. Symposium Liblice 21–25.10.1985. Praga, 409–420.

Gergova D. 1989. Thracian burial rites of Late Bronze and early Iron Age // Thracians and Mycenaeans. Proceedings of the Fourth International Congress of Thracology Rotterdam, 24–26 September 1984. Leiden–Sofia, 231–240.

Gerščovič J.P. 1999. Studien zur spätbronzezeitlichen Sabatinovka-Kultur am unteren Dnepr und an der Westküste des Azov'schen Meeres (Archaologie in Eurasien. Bd. 7). Rahden/Westf., 103, 49 taf.

Gershkovich Y.P. 2011. Global Causes of Some Local Phenomena during the Late Bronze Age in the Northern Pontic Steppe // Der Schwarzmeerraum vom Äneolithikum bis in die Früheisenzeit (5000–500 v. Chr.). 2. Rahden, 166–177.

Gürtekin-Demir R.G. 2002. Lydian Painted Pottery at Daskyleion // Anatolian Studies. 52. Ankara, 111–143.

K*aniewski* D., *Van Campo* E., *Guiot* J., *Le Burel* S., *Otto* T., *Baeteman* C. 2013. Environmental roots of the Late Bronze Age crisis // PLOS ONE. 8 (8). e71004, 1–10.

Kapuran A. 2011. Relationship between Settlements and necropoles of the Bronze Age in Eastern Serbia // Bronze Age Rites and Rituals in the Carpathian Basin. Proceedings of the International Colloquium from Târgu Mureş 8–10 October 2010. Targu Mures, 9–20.

Kerschner M., *Schlotzhauer* U. 2005. A new classification system for East Greek pottery // Ancient West and East. Vol. 4. № 1, 1–56.

Kiyashko A.V. 2017. Study on the Settlement in the Taman Peninsula of the Bronze Age // Journal of Cultural Relics. Vol. 31. March 2017. The Research Foundation of Cultural Relics in East Asia. Busan (Korea), 1–26.

Kobyliński Z., *Kobylińska* U., *Nebelsick* L.D., *Wach* D. 2015. Święte źródło w Kozowie: kontekst archeologiczny „skarbu z Vettersfelde" // Woda–żywioł ujarzmiony i nieujarzmiony. VII Polsko-Niemieckie Spotkania Archeologiczne Janowiec. Zielona Gora, 24–25.

Kopylov V.P. 1996. Taganrog et la première colonisation grecque du littoral nord-est de la mer d'Azov // Sur les traces des Argonautes. Actes du 6e symposium de Vani (Colchide), 22–29 septembre 1990. Besançon, 327–334.

M*atteucci* P. 1986. L'uso dei mortai di terracotta nell'alimentazione antica // Studi Classici e Orientali. 36, 239–277.

Mee C. 2008. Mycenaean Greece, the Aegean and beyond // The Cambridge Companion to the Aegean Bronze Age. Cambridge, 362–386.

Murray S.C. 2017. The Collapse of the Mycenaean Economy. Imports, Trade, and Institutions 1300–700 BCE. Cambridge, 354.

Ö*zer* B. 2004. Clazomenian and Related Black-Figured Pottery from Klazomenai: Preliminary Observations // Klazomenai, Teos and Abdera: Metropoleis and Colony. Proceedings of the International Symposium held at the Archaeological Museum of Abdera. 20–21 October, 2001. Thessaloniki, 199–219.

P*aspalas* S.A. 2006. The Non-figured Wares from the Anglo-Turkish Excavations at Old Smyrna // Naukratis: Greek Diversity in Egypt. Studies on East Greek Pottery and Exchange in the Eastern Mediterranean. London, 93–104.

Pautasso A., *con un contributo di Kerschner* M., *Mommsen* H. 2009. Stipe votiva del santuario di Demetra a Catania. 2: La ceramica greco-orientale. Catania, 154, 23 pl.

Pelagatti P. 1989. Ceramica Laconica in Sicilia e a Lipari. Materiali per una carta di distribuzione // Bollettino d'Arte. 54, 1–62.

R*einhold* S. 2013. Geschlechtsbezogene Kommunikationsräume – Zeichen paralleler Welten? // Parallele Raumkonzepte. 16. Berlin, 63–82.

S*ava* E. 2014. Aşezări din perioada târzie a epocii bronzului în spaţiul pruto-nistrean (Noua-Sabatinovka) // Biblioteca „Tyragetia". XXVI. Chişinău, 592.

Sezgin Y. 2017. Arkaik Dönemde Teos'ta ticari amphora üretimi: sorunlar ve gözlemler // Anadolu. 43. Ankara, 15–39.

Schattner T.G. 2007. Die Fundkeramik vom 8. bis zum 4. Jahrhundert v. Chr. Ergebnisse der Ausgrabungen und Untersuchungen seit dem Jahre 1962 (Didyma III, 4). Mainz, XVII+619, 158 fig. 4 tav.

Schaus G.P. 1985. The Extramural Sanctuary of Demeter and Persephone at Cyrene, Libya. Final Report. II: The East Greek, Island, and Laconian Pottery. Philadelphia, 160.

Schlotzhauer U. 2012. Untersuchungen zur archaischen griechischen Keramik aus Naukratis // Griechische Keramik des 7. und 6. Jhs. v. Chr. aus Naukratis und anderen Orten in Ägypten (Archäologische Studien zu Naukratis. 3). Worms, 22–194.

Schlotzhauer U., *Villing* A. 2006. East Greek pottery from Naukratis: the current state of research // Naukratis: Greek diversity in Egypt. Studies on East Greek pottery and exchange in the Eastern Mediterranean. London, 53–68.

Snodgrass A.M. 1971. The Dark Age of Greece. An Archaeological Survey of the Eleventh to the Eighth Centuries BC. Edinburgh, 456.

Sparkes B.A., *Talcott* L. 1970. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th, 4th Centuries B.C. (The Athenian Agora. XII). Princeton, XIX+382.

Stibbe C.M. 1989. Laconian Mixing Bowls. A History of the Krater Lakonikos from the Seveth to the Fifth Century B.C.P. 1: Laconian Black-Glazed Pottery (Allard Pierson Series. II). Amsterdam, 165, 142 ill., 20 pl., 129 hfl.

Sudarev N.I., *Garbuzov* G.P., *Ivanov* A.V., *Kargin* Yu.Yu., *Mataev* V.V., *Voronin* K.V. 2021. The Asian Bosporus before and during the Greek Colonisation // An den Ufern des Bug. На берегах Буги. Deutsch-ukrainische Ausgrabungen in Olbia Pontike im Kontext internationaler Forschungen zu antiken Migrationsprozessen. Bonn, 43–72.

U*tili* F. 1999. Die archaische Nekropole von Assos (Asia-Minor-Studien. Bd. 31. Forschungsstelle Asia Minor im Seminar für Alte Geschichte der Westfälischen Wilhelms-Universität Münster). Bonn, 366.

V*illing* A. 2006. Drab Bowls' for Apollo: the Mortaria of Naukratis and exchange in the archaic Eastern Mediterranean // Naukratis: Greek diversity in Egypt; studies on East Greek pottery and exchange in the Eastern Mediterranean. London, 31–46.

Villing A., *Pemberton* E.G. 2010. Mortaria from ancient Corinth: form and function // Hesperia. Vol. 79. № 4, 555–638.

W*eiss* B. 1982. The decline of Late Bronze Age civilization as a possible response to climatic change // Climatic Change. Vol. 4. № 2, 173–198.

Wood M. 1985. In search of the Trojan War. London, 272.

Z*adnikov* S., *Shramko* I. 2023. Early Greek Pottery in the Context of Settlements and Burials: The Northern Black Sea Region // Tios/Tieion on the Southern Black Sea in the Broader Context of Pontic Archaeology. Oxford, 237–272.

Summary

A. V. Ivanov, Ju. Ju. Kargin, N. I. Sudarev
Asian Bosporus before and during the Greek colonization

The article is devoted to the genesis and cultural transformation of the population of the Late Bronze and Early Iron Ages of Taman and the Kuban left bank areas. In all probability, as well as the Greeks, it was associated with the Proto and Early Thracian tribes of the Sabatinovo and Belozerka archaeological cultures. New facts demonstrate that in the late 7th – early 6th centuries BC, after the end of the climate crisis and the prolonged desolation of the Taman Peninsula, a stable corridor of communications developed between the Greeks, who appeared in the area of the Anapa Paleoliman, and a group of the Early Meotic population of the Kuban left bank area.

The emergence of a Greek emporium near Anapa in the last third of the 7th century BC was obviously accompanied by "concentration" of heterogeneous tribal groups around it, which, according to the analysis of their ceramic complexes, continued to preserve their cultural identity until the end of the 5th century BC, despite their active participation in the trade. In this regard, the fact of occupation of the environs of the emporium by a large group of the Early Meotic population from the Kuban left bank area is especially important. Those active and stable contacts between the Greeks and the "barbarians" contributed, probably a little later (at the beginning of the 6th century BC) to the emergence of two similar "places" (relay points, and later emporiums): in the southwest (settlements Volna 1 and Artyushchenko 2) and the northeast of the Taman Peninsula (settlements Akhtanizovskaya 4 and Golubitskaya 2).

The development of the interior areas, the coasts of the Taman Bay and the inner estuaries was carried out by the Greeks later – within the second quarter of the 6th century BC. After that, in the second half of the 6th century BC, the development of the southern shore of the Kiziltash estuary and the Kuban floodplain from the Utash Gulch to the Shuha River near Varennikovskaya village was performed too. Back then the old tracts and the crossings were used as overland roads.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-437-1.266-278

А. В. Ковальчук
(Институт археологии РАН, г. Москва)

Амфорные клейма с именем Боспориха[1]

В 2022 г. была опубликована небольшая коллекция из одиннадцати амфорных клейм с именем Боспориха, найденных на территории современной Добруджи (7 экз. – Каллатис, 2 экз. – Албешти, 1 экз. – Агигея, 1 экз. – Томы). Их концентрация на небольшой территории вокруг Каллатиса (Мангалия) позволила сделать предположение об их местном производстве [*Castelli* 2022, 301, 308].

Однако следует указать, что находки клейм этой группы известны также и за пределами этого региона[2]. Одно из клейм с именем Боспориха, по свидетельству Н. Ф. Федосеева, происходит из Ольвии и упоминается в корпусе IosPE III под № 412 в томе «неопределенных клейм, в группе длинных узких клейм» [*Федосеев*, *Масленников* 1988, 18]. Мне не удалось найти этот штамп в своде [*Придик, Граков* 1957], однако его существование подтверждается архивными материалами. В подготовительной версии IosPE III Е. М. Придика под № 191 приведено клеймо с легендой Βοσπορίχ[ου], а ниже содержится следующая запись: ansa Olbiae anno 1926 reperta (933), exscripsi in academia archaeologica (рис. 1. *1*).

Б. Н. Граков видел это клеймо в 1956 г. в Николаевском музее (рис. 1. *2*). Но в шифре как в каталоге IosPE III, так и в архивных записях, также как и на самой фотографии вместо 1926 г. указан 1920 г. (рис. 1. *3*, *4*). Сомнений в том, что речь идет об одном и том же клейме нет, совпадает как инвентарный номер (№ 933), так и прорисовка Е. М. Придика с фотографией, сделанной Б. Н. Граковым. Проверить правильность шифра затруднительно. Согласно истории исследований Ольвии, раскопки проводились как в 1920 г. С. А. Семеновым-Зусером, так и в 1926 г. под руководством Б. В. Фармаковского. Находки из этих раскопок поступили в Николаевский историко-археологический музей. Если верить сведениям Е. М. Придика о том, что он описал ручку в ИАК, то речь, по-видимому, должна идти о находке из раскопок Б. В. Фармаковского [*Кац* 2007, 81, 85]. Логично предположить, что со временем в шифре на клейме стерлась верхняя дужка цифры шесть.

[1] Статья написана в ходе работы над проектом РНФ № 23-28-01503 «Керамические клейма сельских поселений Крымского Приазовья IV–III вв. до н. э. как исторический источник».

[2] По словам Е. В. Болонкиной, хранителя коллекции керамических клейм Керченского музея-заповедника, в его собрании есть еще несколько клейм с именем Боспориха, помимо тех, которые упоминаются в статье.

Рис. 1. Клеймо с именем Боспориха из Ольвии: *1* – упоминание клейма с именем Боспориха в подготовительных материалах Е. М. Придика к своду IosPE III; *2* – описание Б. Н. Гракова клейма с именем Боспориха в Николаевском музее; *3* – фотография клейма с именем Боспориха из архива Б. Н. Гракова; *4* – оборотная сторона фотографии клейма с именем Боспориха из архива Б. Н. Гракова; *5* – прорисовка клейма с именем Боспориха по фотографии из архива Б. Н. Гракова; *6* – фотография клейма с именем Боспориха штампа М1 (Т. Кастелли)

На сохранившейся фотографии видно, что клеймо отпечатано на ручке, легенда сохранилась частично, левая часть штампа утрачена (рис. 1. *3*). Надпись рельефная, ретроградная, имя стоит в родительном падеже: Βοσπορίχο[υ]. Из палеографических особенностей отметим *бету* с подтреугольными полукружиями, довольно большой *омикрон*, небольшой наклон *ро* влево.

При сравнении имеющейся в нашем распоряжении фотографии клейма со штампами, выделенными Т. Кастелли, возникло сомнение в ее масштабе, так как она по длине значительно меньше остальных экземпляров. При ее увеличении на 25%, так

чтобы рамка соответствовала размеру остальных клейм (рис. 1. *5*), она почти полностью совпадает со штампом М1 (рис. 1. *6*)[3] [*Castelli* 2022, 312, pl. I. *1–4*].

В примечании к легенде клейма Б. Н. Граков отмечает большое количество песка в глине ручки (рис. 1. *2*).

Еще два клейма с именем Боспориха происходят с поселения «Генеральское-Западное» в Восточном Крыму (рис. 2. *1*, *2*).

Одно из них было найдено в 1983 г. (случайная находка, оп. № 70; ВКИКЗ КП 125392, ККК 15511), еще два склеивающихся фрагмента одного клейма были обнаружены в 1985 г. (раскоп Восточный, кв. Г6, шт. 6, оп. № 249; ВКИКЗ КП 125528, ККК 15647) и 1995 г. (раскоп Слой, кв. Е7–8, шт. 1, оп. № 53; ВКИКЗ КП 136202, ККК 18283).

Фрагмент, найденный в 1983 г., представлен частью горла амфоры диаметром 10, 0 см с валикообразным венчиком и овальной в сечении ручкой (3, 7×2, 5 см). Глина красно-оранжевая, крупнозернистая с включением большого числа непрозрачных белых и черных частиц, песка. Морфология венчика, размеры и форма ручек, как и состав глины близки гераклейской продукции [*Абрамов* 1993, 3.20; *Монахов* 2002, 173–176].

Клеймо (сохр. 4,0×1,3 см) отпечатано у верхнего корня ручки, легенда, как и в остальных штампах, расположена ретроградно, идет от верхнего корня ручки вниз.

Имя стоит в gen. sg. Буквы вырезаны у нижней рамки клейма, верхняя часть поля имеет некоторый зазор. Надпись ретроградная, буквы рельефные: *бета* с полукруглыми полукружиями, маленький *омикрон*, *сигма* имеет расходящиеся косые гасты, *ро* с круглым полукружием, у *пи* одна вертикальная гаста короче другой.

Клеймо (5,6×1,3 см) на склеивающихся фрагментах овальной ручки (сечение 4,3×2,2 см), происходящее из раскопок 1985 и 1995 гг., также отпечатано у верхнего корня ручки, надпись идет ретроградно вдоль ствола вниз. Глина красно-оранжевая, крупнозернистая, содержит большое число непрозрачных белых и черных включений, песка. На поверхности есть следы красноватого ангоба.

Клеймо выполнено тем же штемпелем, что и штамп 1983 г.

Датировка клейм Боспориха проблематична. Значительная часть находок из Добруджи либо не имеет контекста [*Castelli* 2022, 305; *Avram* 1988, 312; *Irimia* 2006, 126], либо происходит из слоев, имеющих широкую датировку. Т. Кастелли по сумме признаков относит эту группу к концу IV – первой трети III в. до н. э. [*Castelli* 2022, 301, 305].

Одна половина клейма с именем Боспориха с поселения «Генеральское-Западное» (1985 г. оп. № 249) была обнаружена в слое т. н. керамического сброса, открытого за внешними стенами помещений Западного блока построек (Блок III), к востоку от стены 15 и к югу от стен 33, 34, а также южнее стены 2 Северного блока построек (Блок I) [*Масленников* 1986, 23–24; 2010, 119–120].

Возникновение этой керамической свалки на поселении связано с разрушениями в конце первого строительного периода и началом перестроек в начале последующего периода. Сюда после разрушительного землетрясения, произошедшего в конце IV в. до н. э., удалялся грунт и керамический мусор из помещений Западного блока [*Масленников* 1986, 21].

[3] Фотографии, приведенные Т. Кастелли, пришлось перевернуть, так как они по неизвестной причине приведены в зеркальном отображении.

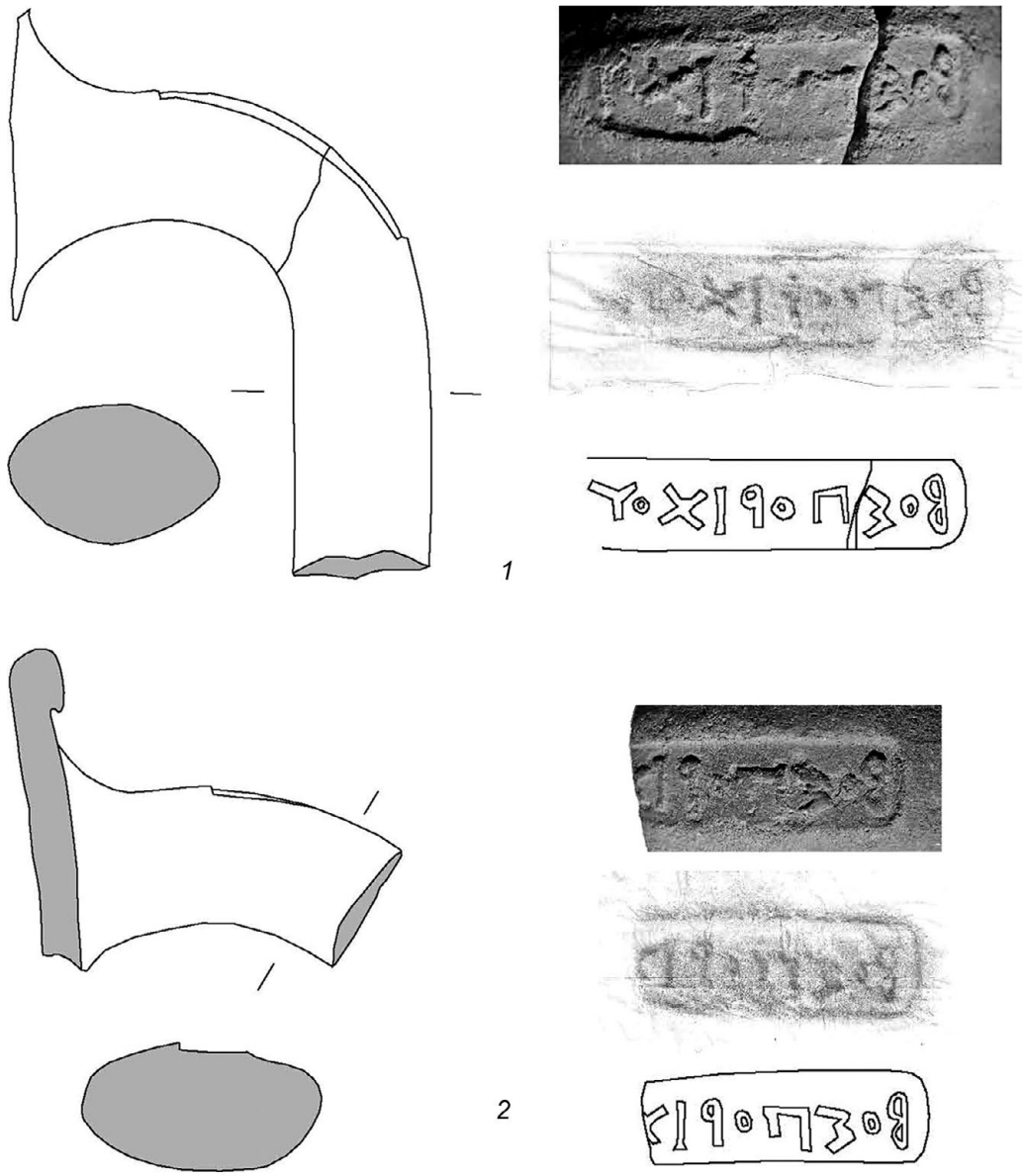


Рис. 2. Клейма с именем Боспориха с поселения «Генеральское-Западное» (фотографии и рисунки М. А. Никитиной)

Этот слой представлен рыхлым, темно-серым суглинком с включениями мелкого щебня, который залегал на глубине 0,7–1,7 м от дневной поверхности. Его мощность варьируется от 0,2 до 0,8 м. Керамический сброс состоит из обломков амфор, фрагментов керамид и калиптеров, простой и чернолаковой посуды, стенок пифосов и небольшого количества остеологического материала.

Для кв. Г4–6, где этот слой достигал толщины 0,35 м и состоял из нескольких тысяч фрагментов амфор, был произведен подсчет соотношения различных центров производства амфорной продукции. Гераклейские амфоры составляли около 40% от всего

материала, 30% – фасосские, 14% – Менды, 9% – Хиос с колпачковой ножкой, 3% – Синопа, 4% – остальные центры [*Масленников* 1986, 24].

Из слоя происходят многочисленные амфорные (оп. № 185, 187, 188, 194, 197, 200–202, 205, 209, 211, 212, 215–216, 219–221, 223–234, 236–238, 244, 246, 247, 249, 253, 256, 258–259, 261, 265, 270–271, 273–274) и черепичные (оп. № 284) клейма.

Гераклейские клейма магистратов Филина (оп. № 202), Лисифея (оп. № 215), Амфиты (оп. № 291, 273), Евксена (оп. № 270) и Ликона (оп. № 271) относятся к III – началу IV группы В. И. Каца [2007, 429–430], все они осуществляли свои полномочия в 60–50 гг. IV в. до н. э. К 90-м гг. IV в. до н. э. относится клеймо Διονύ|σιο Πε(--) (оп. № 265), а самое позднее, клеймо Левкиппа и Дионисия, датируется концом IV в. до н. э. (оп. № 185) [*Федосеев* 2016, № 1967, 1606, 1018, 1465, 619, 1348, 570; http://stampsofbosphorus.ru/ № 1804, 1817, 1875, 1872, 1873, 1867, 1787].

Синопские клейма имеют имена астиномов Аристокла I (оп. № 187), Протагора I (оп. № 188), Аристофана (оп. № 197), Протофана (оп. № 209, 253) и Монима (оп. № 259) [http://stampsofbosphorus.ru/ № 1789, 1790, 1799, 1811, 1855, 1861] и относятся ко времени 30–20-х гг. IV в. до н. э. [*Conovici* 1998, группа II, № 43, 20, 29, 23, 22].

Фасосские клейма с именами эпонимов Телефанея II (оп. № 200, 258), Аристофона I (оп. № 212, 221, 228), Лагета (оп. № 223), Деалка (оп. № 226, 244), Нимфона (оп. № 230), Амфандра (оп. № 232), Филократа (оп. № 237), Левкона (оп. № 256) [http://stampsofbosphorus.ru/ № 1802, 1860, 1814, 1823, 1830, 1825, 1828, 1846, 1832, 1832] могут быть определены сер 60-х – сер. 20-х гг. IV в. до н. э. [*Tzochev* 2016, период II–III]. Самым поздним из этой коллекции является магистрат Алкид (оп. № 231) [http://stampsofbosphorus.ru/ № 1833], работавший в конце IV в. до н. э. [*Tzochev* 2016, группа IV].

Часть фасосских клейм не удалось прочесть (оп. № 211, 224, 225, 229, 233, 234, 236, 238, 246, 261) [http://stampsofbosphorus.ru/ № 1813, 1826, 1827, 1831, 1836, 1838, 1840, 1848, 1863].

Упомянем также клеймо Аканфа с легендой A/K/A/N (оп. № 194) [http://stampsofbosphorus.ru/ № 1796], относящееся также к 70–30-м гг. IV в. до н. э. [*Кац* 2007, 201] и монограммные клейма Пепарета с легендой «Ф» (оп. № 205, 220) [http://stampsofbosphorus.ru/ № 1807, 1822]. Из этого же слоя происходят три клейма неизвестных центров (оп. № 201, 216, 247) [http://stampsofbosphorus.ru/ № 1818, 1803, 1849] и клеймо КРА на боспорской черепице, изготовленное в третьей четверти IV в. до н. э. [*Ковальчук* 2012]

Одним из самых поздних штампов этого собрания является херсонесское клеймо астинома Аполлонида I, датируемое 325–315 гг. до н. э. [*Кац* 1994, 1–15, 3, группа 1А; http://stampsofbosphorus.ru/ № 1829].

Таким образом, коллекция клейм из слоя керамической свалки относится ко времени с 360 по 310/300 гг. до н. э.

Вторая половина клейма Боспориха (1995 г. оп. № 53) была найдена к юго-востоку от керамического сброса на границе с валом и рвом, возникшими в начале III в. до н. э. [*Масленников* 2010, 117]. Находка происходит из гумусного слоя, содержащем также обломки амфорной тары Фасоса, Гераклеи, Колхиды, а также фрагменты кухонной и столовой посуды, кусков печины, костей животных и мелких камней. Здесь были также найдены пирамидальные грузила (оп. № 46–47), амфорные (оп. №№ 48–54) и черепич-

ные (оп. № 55) клейма, стенка синопской амфоры с дипинти (оп. № 162) и часть сероглиняного лощеного сосуда с налепом в виде Эрота (оп. № 234).

Синопские амфорные клейма астиномов Деметрия (оп. № 49) и Деметрия, сына Феогнета (оп. № 50) относятся к концу 80 – началу 70-х гг. III в. до н. э. [*Conovici* 1998, IV, № 75, 77; *Кац* 2007, 435, V МГ, № 4, 16], клеймо херсонесского астинома Архандра (оп. № 54) – к 315–300 гг. до н. э. [*Кац* 1994, 51, группа 1Б, № 5], а херсонесское фабрикантское клеймо в виде монограммы из букв А, Т, Р (оп. № 48) – к началу III в. до н. э. [*Кац* 1994, 78]. Синопские клейма оп. № 51, 52 не восстановлены.

Таким образом, находка фрагмента амфорной ручки с клеймом Боспориха в керамической свалке позволяет сделать вывод о том, что оно относится к периоду с 360 по 310/300 гг. до н. э.

Вопрос о происхождении клейм с именем Боспориха на настоящий момент не получил однозначного ответа.

Отдельные исследователи относили их к продукции неизвестного центра [*Avram* 1988, 312, № 143; *Bărbulescu et al*. 1990, 62, № 418, 419; 2008, 323, № S 614–615], последние с указанием на вероятное происхождение из Понтийского региона, что подтверждается и данными просопографии [*Avram* 2013, № 791, 811; *Balabanov et al*. 2016, 99–100; *Castelli* 2022, 305]. Т. Кастелли, основываясь на географии известных ему находок, предположил их производство в Каллатисе [*Castelli* 2022, 301, 308].

М. Иримия, исходя из внешнего сходства ручки с продукцией Гераклеи Понтийской и наличием в керамической эпиграфике этого полиса имени фабриканта Боспориха, высказал предположение о принадлежности клейма этому центру [*Irimia* 2006, 126].

Действительно, в керамической эпиграфике Гераклеи Понтийской засвидетельствовано имя Боспориха. Имя этого фабриканта фигурирует совместно с магистратом Эвгетионом [*Balabanov et al.* 2016, 172, № 196, 197]. Известны клейма двух разных штампов (всего 8 экз.), в обоих имя фабриканта вырезано в прямом начертании, в полной форме в именительном падеже. Клейма энглифические. Магистрат Эвгетион осуществлял свою деятельность в 70-е [*Кац* 2007, 429, II МГ, № 13; *Монахов* 1999, 632] – 60-е гг. IV в. до н. э. [*Balabanov et al*. 2016, 172, № 196–197, groupe E].

На основании визуального изучения глины ручек и по формальным признакам (одно имя, написанное полностью, рельефные буквы, прямоугольная рамка, клейма отпечатаны на ручке) клейма Боспориха могут быть отнесены к т. н. поздней фабрикантской (ПФГ) группе гераклейских клейм В. И. Каца [*Кац* 2007, 430; *Монахов* 2002, 170].

Следует отметить, что в последние десятилетия состав поздней фабрикантской группы, ее датировка и место производства отдельных клейм этой группы стали предметом острой дискуссии.

Еще в 1999 г. С. Ю. Монахов, основываясь на отличии морфологических характеристик двух амфор с клеймами НРА(-) от гераклейской тары, предположил возможное существование некого южнопонтийского центра, где они могли быть произведены [*Монахов* 1999, 458–459].

Ему же принадлежит выделение группы «псевдогераклейских» амфор, которые имеют «типичную глину «южнопонтийского» облика и энглифические клейма на горлах» [*Монахов* 2007, 89], однако отличаются по морфологии и не вписываются в уста-

новленную типологическиу схему гераклейских амфор [*Монахов* 2007, 89]. С. Ю. Монаховым было предложено два возможных объяснения этого феномена: либо Гераклея Понтийская в какой-то отрезок времени выпустила амфоры необычной формы, либо, что более вероятно, «псевдогераклейские» амфоры принадлежат неустановленному южнопонтийскому центру, клеймившему свою продукцию в IV – начале III в. н. э. в гераклейской традиции [*Монахов* 2007, 90]. К «псевдогераклейским» были отнесены амфоры с именами НРА(-), Горгия, Диокла, Меланоппа и Евксена [*Монахов* 2007, 90–95].

В последнее время все чаще высказывается мнение о возможном производстве части «псевдогераклейских» амфор с клеймами (ПФГ В. И. Каца) в одном из центров Западного Причерноморья [*Монахов* 2016а, 312–313; *Федосеев* 2016, 30; *Монахов и др*. 2020, 188–189; *Кац* 2023, 7]. Основными аргументами исключения части штампов из поздней фабрикантской группы Гераклеи являются внутренняя неоднородность группы и встречаемость значительной части клейм этой группы в районе Каллатиса и его ближайшей округи [*Кац* 2023[4], 8].

Так, Н. Ф. Федосеев, отталкиваясь от ареала распространения клейм и утверждения, что «в районе Гераклеи нет места еще одному полису» [*Федосеев* 2016, 17, 30], в каталоге клейм из собрания Керченского заповедника часть «псевдогераклейских» клейм с именами фабрикантов Ἀριστοκράτης, Κρωμνίτης, Δοῦλος и магистрата Ὄψιλος [*Федосеев* 2016, 220, № 2055–2058, 2061, 2062; 243, № 2389; 231, № 2208; 195 № 1826] приводит с пометкой «круг Гераклеи», «Западный Понт?» [*там же*, 9, 220–221, 243]. Интересно, что к кругу Гераклеи отнесены лишь некоторые штампы Аристократа и Кромнита в то время, как остальные, по-видимому, все же принадлежат Гераклее Понтийской [*там же*, 220, № 2054, 2059, 2060; 243, № 2382–2388]. По крайней мере, указание на «круг Гераклеи» отсутствует.

К мнению о том, что «псевдогераклейские» амфоры с типичной «южнопонтийской глиной» могли производиться в западно-понтийском центре (Аполлонии, Месембрии, Каллатисе) присоединился и С. Ю. Монахов [*Монахов* 2016а, 312–313; 2016б, 116–118]. Основанием для этого стало ошибочное утверждение о том, что анализ глиняного теста амфоры с клеймом НРА(-) подтверждает ее изготовление в Аполлонии Понтийской [*Монахов* 2016, 312; 2016б, 117]. К группе амфор, производившихся в Западном Причерноморье им были отнесены сосуды с клеймами Гор/γίου, Δαμα/τρίο, Διονυ(-), Δούλου, Δι(-), Δ в круге и Νι(-) [*Монахов* 2019, 193–194].

В последние годы к идее о производстве части клейм поздней фабрикантской группы в Западном Причерноморье склонялся и В. И. Кац [*Кац* 2023, 7].

Анализ географического распределения находок клейм позволил В. И. Кацу выделить внутри позднефабрикантской группы две подгруппы эргастериархов. Клейма первой из них, состоящей из 13 имен, встречаются приблизительно в равном процентном соотношении как в Западном Причерноморье, так и в других регионах Причерноморья (Северо-Западное Причерноморье, Боспорское царство, Ольвия, Херсонес и т. д.), их гераклейское производство не вызывает сомнений [*Кац* 2023, 4, табл. 1]. Вторая под-

[4] В марте 2021 г. В. И. Кац прислал мне для ознакомления свою статью «Мнимые и подлинные “псевдо-гераклейские” амфорные клейма». К сожалению, статья не публикована. Ввиду ее важности ниже, с согласия А. Гольденберг, приводятся основные выводы работы.

группа включает 19 имен фабрикантов (Ἀριστοκράτης, Βάκχιος, Γέρων, Διονύσιος, Εἰρηναῖος, Εὔκλειτος, Ἡρακλέων, Ἡράκλιτος, Ἡρόδωρος, Κράτων, Λάκων, Μαῖτος, Μένης, Μένιππος, Νικόστρατος, Πασιάδας, Σωκράτης, Σώτηρος, Φιλότιμος), часть из которых (подгруппа А) известна только в Западном Причерноморье, а другая часть (подгруппа Б) – преимущественно в Западном Причерноморье, но отдельные находки встречаются также и за его пределами (20% всех находок), главным образом, в Тире, Ольвии, Херсонесе и на Елизаветовском городище [*Кац* 2023, 4, табл. 2].

Эти наблюдения, по мнению В. И. Каца, позволяют локализовать мастерские фабрикантов второй группы в Западном Причерноморье, которые располагались, вероятнее всего, в окрестностях Каллатиса [*Кац* 2023, 7–8]

Для второй подгруппы характерны следующие признаки: клейма имеют прямоугольную форму, имена выполнены в полной или слабо сокращенной форме, значительная часть – рельефная. Характер клейм, а также сопутствующие находки позволяют относить их к первой четверти III в. до н. э. [*Кац* 2023, 7].

Существование некоего центра производства в Западном Причерноморье, производившего амфоры близкие продукции Гераклеи Понтийской («круг Гераклеи»), было принято и некоторыми болгарскими исследователями. Так, при публикации находок у мыса Чиракман к «кругу Гераклеи» были отнесены штампы с именами Ἀριστοκράτης, Γέρων, Ἡρακλέων, Κράτων, Μένης, Μένιππος, Μενίσκος, Σένωνος[5], Νικόστρατος, Σωκράτης, Φιλότιμος [*Bonev u dp*. 2022, 71, прим. 58]. Интересно, что время деятельности фабрикантов этой группы все больше тяготеет к середине III в. до н. э. Клейма Аристократа датируются 280–220 гг. до н. э., Сократа и НРА(-) отнесены к концу первой – концу второй четверти III в. до н. э., а деятельность Ἡρακλέων, Μένιππος, Μενίσκος, Νικόστρατος определена второй-третьей четвертью III в. до н. э., Φιλότιμος – третьей четвертью этого столетия. Второй половиной III в. до н. э. датированы клейма фабриканта Μένης [*Bonev et al*. 2022, 71].

Хорошо видно, что состав группы «псевдогераклейских» клейм, которые предположительно производились в Западном Причерноморье, у разных исследователей сильно отличается. Удивление вызывает и само сочетание – «амфоры южнопонтийской глины, производившиеся в Западном Причерноморье». Шаткость этих построений наиболее ярко проявляется на примере амфор с клеймами НРА(-), которые некогда стали отправной точкой продолжающейся дискуссии.

В 2007 г. был проведен нейтронно-активационный анализ 73 фрагментов керамики (большинство из них – это амфорные фрагменты с клеймами), в том числе трех штампов из Сборяново. Гераклейское происхождение одного из них с именами магистрата Скифа и фабриканта Сатира (кат. № 331) не вызывало сомнения, второй имел легенду НРА(-) (№ 336), еще один с именем Σατ[ύρο]? (№ 339) был отнесен к клеймам, происхождение которого стояло под вопросом [*Bozhkova* et al. 2017, 281]. Проведенный анализ показал, что все они принадлежат к одному кластеру (Гераклея Понтийская (?), кат. № 336 имел несколько отличные абсолютные значения [*Bozhkova* et al. 2017, 197; *Kuleff et al*. 2007, 69–71, fig. 3]. Визуальный анализ глины амфоры с клеймом НРА(-) и черепицы

[5] Такое имя неизвестно. Возможно Ξένων? Многие имена по непонятным причинам приведены в gen. sing.

со штампом НРА, изготовленной, вероятно, в Аполлонии Понтийской, показал значительные различия [*Bozhkova* et al. 2017, 282, прим. 8].

Кратко упомянем результаты петрографического анализа минеральных примесей фрагментов гераклейских клейменых амфор, проведенных А. Н. Щегловым и Н. Б. Селивановой в 1990-е гг. [*Щеглов*, *Селиванова* 1992, 36, 41–42, № 21–26], которые были частично уточнены с учетом нового прочтения ряда клейм в 2002 году [*Sčeglov, Selivanova* 2002, 305, 306, 311, 314]. Мы согласны с авторами, что отдельные мастерские могли иметь как собственные источники сырья для минеральных добавок, так и несколько отличающиеся рецепты их количественного соотношения элементов [*Щеглов, Селиванова* 1992, 42]. Однако приведенная в статье общая интерпретация сортировки гераклейских клейм по четырем группам (Гераклея I-IV) может быть принята с большими оговорками, так как чтения клейм как 1992, так и 2002 года содержат ошибки и неверные датировки. В частности, в легенде клейма № 12 (23; Ae 124) во второй строке следует читать имя Айтера [Федосеев 2016, № 1680, 1681 или № 1360–1367], также сомнительно восстановление штампа № 10 (21; Ae 120) [*Kac et al.* 2002, 124, Pl. 60].

По-видимому, результаты нейтронно-активационного анализа заставили В. И. Каца оставить фабриканта НРА(-) в составе гераклейских клейм [*Кац* 2023, табл. 1, № 9]. Удивительно, что при публикации находок у мыса Чиракман этот фабрикант, наряду с остальными вышеперечисленными клеймами, был отнесен к «кругу Гераклеи» [*Bonev et al.* 2022, 71, 78, № 29–31].

Визуально глина амфор с клеймами Антифила, которые считаются продукцией Мессембрии [*Монахов* 2019, 191–193; *Stoyanov* 2022, 399–402], отличается от глины большинства «псевдогераклейских» амфор. С. Ю. Монахов описывает глину амфоры из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина как «светло-коричневую с большим количеством коричневых и черных частиц, редкой слюдой и белесым ангобом» [*Монахов* 2020, 188]. Это подтверждается и данными нейтронно-активационного анализа, при котором фрагменты амфор с клеймами Ἀντι/φίλου, Ματρο/βίου, Μελσέ/ωνος попали в кластер 1, в отличие от клейм НРА(-) и Σατύρο / Σκύθα (кластер 2) [*Kuleff et al.* 2007, 69–71, fig. 3]

Отметим также, что среди клейм, производство которых предположительно локализуется в Западном Причерноморье, есть штампы, известные нам только по сельским памятникам Восточного Крыма. Речь идет о штампах фабрикантов Μένης [http://stampsofbosphorus.ru/ № 148] с поселения «Крутой берег» и Σωκράτης с поселения «Баклань скала». Сюда же можно отнести и вышеописанные клейма Боспориха с поселения «Генеральское-Западное».

Интересное мнение относительно морфологии позднегераклейских амфор (в частности амфор с клеймами Ἀριστοκράτης, Γέρων, Διονύσιος) высказывает Л. Бузояну, которая отмечает их близость гераклейским амфорам типов I-A-2 и I-A-3 [*Buzoianu* 2022, 52] и допускает их отнесение к одному из вариантов I-A или выделение нового варианта внутри типа I-A гераклейских амфор, охватывающий конец IV в. до н. э. и первые десятилетия III в. до н. э. [*ibid.*, 49, 52].

Подводя итог, можно сказать, что отнесение значительной части амфор с клеймами поздней фабрикантской группы В. И. Каца к продукции некоторого западнопричерноморского центра кажется на сегодняшний день недостаточно обоснован-

ным. Для решения этого вопроса не хватает анализов глиняного теста[6] и уточнения морфологии амфор.

Также нам кажется вероятным предположение, что известный нам по рельефным клеймам Боспорих может являться внуком гераклейского фабриканта Боспориха, работавшего при магистрате Эвгетионе. Практика наречения внуков в честь старших родственников хорошо известна (Arist. Nub. 65), [*McLean* 2002, 76]. Если эта гипотеза верна, то его деятельность должна приходиться на 330–320 гг. до н. э., что согласуется с археологическими данными.

Таким образом, в нашем распоряжении есть два клейма с именем Боспориха, происходящие из Северного Причерноморья, штампу которых пока нет аналогии в Добрудже. Этот факт, а также недостаточность доказательств производства «псевдогераклейских» клейм в Западном Причерноморье заставляет нас придерживаться точки зрения об их производстве в Гераклее Понтийской.

Список литературы

А*брамов* А. П. 1993. Античные амфоры. Периодизация и хронология // БС. 3. Москва, 164.

Б*ожкова* А., *Маджаров* К., *Стоянов* Т. 2017 Икономичеките връзки на гетската столица Хелис по данным амфорната тара, часть перва – амфорните печати // Сборяново. IV. София, 286.

К*ац* В. И. 1994. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель. Саратов, 170.

Кац В. И. 2007. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // БИ. XVIII, 480.

Ковальчук А. В. 2012. Керамические строительные материалы, происходящие с сельских поселений Восточного Крыма (IV – начало III в. до н. э.) // Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Т. 3. Индивидуальные находки и массовый археологический материал (ДБ. Suppl. III/3). М., 9–60.

М*асленников* А. А. 2010. Царская хора Боспора (по материалам раскопок в Крымском Приазовье). Т. 1. Архитектурно-строительная и археологическая характеристика памятников (ДБ. Suppl. III/1). М., 244.

Монахов С. Ю. 1999. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары. Саратов, 680.

[6] Нами были взяты и отправлены на нейтронно-активационный анализ пробы амфор с клеймами Ἀριστοκράτης, Νι(-), Ἄψογος

Монахов С. Ю. 2002. «Поздние» серии гераклейских амфор (конца IV – первой трети III в. до н. э.) // АМА. 11. 167–178.

Монахов С. Ю. 2007. «Псевдо-гераклейские» амфоры IV – первой трети III в. до н. э. из Южного Причерноморья // Из истории античного общества. 9–10. Нижний Новгород, 86–97.

Монахов С. Ю. 2016а. Комплекс транспортных амфор из поселка У7 поселения Панское I // Stratum plus. 3, 309–342.

Монахов С. Ю. 2016б. О некоторых амфорах из комплекса У7 поселения Панское I в Крыму // Записки ИИМК. 14, 113–125.

Монахов С. Ю. 2019. Амфорная коллекция ГМИИ им. А. С. Пушкина: обзор самого интересного (тара западно-понтийских центров) // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории. Севастополь, 191–199.

Монахов С. Ю., *Кузнецова* Е. В., *Толстиков* В. П., *Чурекова* Н. Б. 2020. Амфоры VI–I вв. до н. э. из собрания Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Саратов, 218.

Ф*едосеев* Н. Ф. 1988. Амфорные клейма из раскопок поселения Генеральское Западное // Тез. докладов Крымской научной конф. «Проблемы античной культуры». 3. Симферополь, 220–221.

Федосеев Н. Ф. 2016. Керамические клейма. Гераклея Понтийская // Из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Т. II. Керчь, 319.

Щ*еглов* А. Н., *Селиванова* Н. Б. 1992. Оптико-петрографическое исследование причерноморских клейменных амфор IV–III вв. до н. э. // Греческие амфоры. Проблемы развития ремесла и торговли в античном мире. Саратов, 32–67.

А*vram* A. 1988. Amfore şi ţigle ştampilate din colecţia «Dr. Horia Slobozianu» // Materiale şi cercetări arheologice. 3. 287–313.

Avram A. 2013. Indigenous Names in Heraclea Pontica // R. Parker (ed.), Personal Names in Ancient Anatolia. (Proceeding of the British Academy. 191). Oxford. 51–62.

В*alabanov* P., *Garlan* Y., *Avram* A., 2016. Les timbres amphoriques grecs d'Héraclée Pontique et quelques autres centres de production recueillis dans l'établissement de Kostadin Tchechma près de Debelt (Bulgarie) (première moitié du IVe siècle av. J.-C.) // Pontica. XLVIII–XLIX. Suppl. IV. Constanţa, 199.

Bonev V., *Vasileva* E., *Madzharov* K., *Dimitrova* Y., *Peevski* R. 2022. Archaeological exavations at cape Chirakman. Bizone, Kavarna 2016–2021 // Pontica. LV, 70–107.

Bărbulescu M., *Buzoianu* L., *Chelută-Georgescu* N. 1990. Pentru un catalog complet al importurilor amforice la Albeşti (jud. Constanţa) // Pontica. XXIII, 49–79.

Bozhkova A., *Madzharov* K., *Stoyanov* T. 2017. The economic relations of the getic capital Helis according to the transport amphorae. 1. The amphora stamps // Sboryanovo. 4. Sofia, 286.

Buzoianu L., *Bărbulescu* M. 2008. Albeşti. Monografie arheologică. I // Bibliotheca Tomiana. IV. Constanţa, 552.

Buzoianu L. 2022. Herakleian amphorae with stamps from Dobruja // «От Кавказа до Дуная»: Северное Причерноморье в античную эпоху. Сб. научных трудов к 70-летию проф. С. Ю. Монахова. Саратов, 49–58.

C*astelli* Th. 2022. Les Timbres de Bosporichos: une Production de Dobroudja? // Pontica. LV. Suppl. VIII, 301–315.

Conovici N. 1998. Les timbres amphoriques. 2. Sinope (Touiles timbrées comprises) // Histria. VIII (Corpus international des timbres amphoriques. Fasc. 3) Bucuresti–Paris, 206.

I*rimia* M. 2006. Noi descoperiri getice şi greceşti din Dobrogea şi din stânga Dunării // Pontica. XXXIX, 123–168.

K*ac* V.I., *Monachov* S.Y., *Stolba* V.F., *Sčeglov* A.N., 2002. Tiles and ceramic containers // Panskoye I. Vol. 1. The monumental building U 6. Aarhus, 101–126.

Kovachev V., *Stoyanov* T., *Stanimirova* T., *Stoyanova* D., *Lozanov* I., *Mladenov* V. 2011. Archaeometric Study of Hellenistic Roof Tiles and Amphorae from Apollonia and Mesambria // An Attempt at Identifying Local Production. Second Round Table Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. (PATABS. II). Sofia, 203–244.

Kuleff I., *Stoyanov* T., *Pernicka* E. 2007. On the Origin of Stamped Amphorae from Thrace (Bulgaria) // Oxford Journal of Archaeology. 26/1, 53–78.

M*cLean* B.H. 2002. An Introduction to Greek Epigraphy of the Hellenistic and Roman Periods from Alexander the Great down to the Reign of Constantine (323 B.C. – A.D. 337). Michigan, 516.

S*toyanov* T. 2022. New Data about the Messembrian Early Hellenistic Amphorae with the Stamps in the Name of ΑΝΤΙΦΙΛΟΣ // «От Кавказа до Дуная»: Северное Причерноморье в античную эпоху. Сб. научных трудов к 70-летию проф. С.Ю. Монахова. Саратов, 399–407.

Sčeglov A.N., *Selivanova* N.B. 2002. Petrographic Analysis of Stamped Amphorae // Panskoye I. Vol. 1. The monumental building U 6. Aarhus, 303–316.

T*zochev* Ch. 2016. Amphora Stamps from Thasos (Athenian Agora. XXXVII). Princeton, 244.

Архивные и электронные материалы

Кац В.И. 2023. Мнимые и подлинные «псевдо-гераклейские» амфорные клейма (рукопись).

Керамические клейма Северного Причерноморья. URL: http://stampsofbosphorus.ru

Масленников А.А. 1986. Отчет Восточно-крымской археологической экспедиции ИА РАН о полевых исследованиях в 1985 году. М. // Научный Архив ИА РАН. Р–1. № 11846, 11846а.

Картотека Придика Е.М. Научный архив ИИМК РАН. Ф. 33. Д. 1–65.

Придик Е.М., *Граков* Б.Н. 1957. Корпус керамических клейм Северного Причерноморья (Inscriptiones antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae III). Ч. 21. Клейма неизвестного происхождения на ручках и горлах амфор и на пифосах // Научный Архив ИА РАН. Р–2. № 2177.

Федосеев Н.Ф., *Масленников* А.А. 1988. Амфорные клейма из раскопок поселения Генеральское Западное (личный архив А.А. Масленникова[7]).

[7] Подготовительные материалы к неопубликованной статье.

Summary

A. V. Kovalchuk
Amphora stamps with the name of Bosporichos

The article features the previously unpublished stamps with the name of Bosporichos. The analysis of archaeological finds from the settlement "Generalskoe-Zapadnoe" allows us to date the stamps to the period from 360 to 310/ 300 BC. Based on some features, the stamps they be classified into the so-called "pseudo-Heraclean" group, the origin of which is still subject to discussion. In our opinion evidence of their production in West Pontic area is not sufficiently substantiated. Morphology and clay of the amphora fragments with the stamps of Bosporichos are similar to the Heraclean one. The name Bosporichos is also known in the ceramic epigraphy of this city. These facts prove they possible belonging to the production of Heraclea Pontica.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-437-1.279-288

Г. А. Ломтадзе
(Государственный Исторический музей, г. Москва)

Две серии амфор позднеклассического времени неизвестных центров производства

В последние годы увидело свет значительное количество публикаций античных тарных амфор из музейных собраний и новейших раскопок. Это, в свою очередь, позволило исследователям уточнить типологии керамической тары уже известных центров производства[1] и локализовать некоторое количество ранее неизвестных экспортеров. Например, выделены амфоры Эрифр [*Carlson* 2003, 581–600; *Carlson, Lawall* 2005–2006, 32–33; *Dupont* 2010, 3–36, fig. 4–10; *Монахов* 2012; 2013], Икоса [*Ломтадзе, Масленников* 2004, 150; *Монахов, Федосеев* 2013] и Эгиона [*Filis* 2016; 2022]. В тоже время, публикация большого количества комплексов, содержащих тарные сосуды, привела к тому, что выросло количество амфор, центр производства которых пока определить не представляется возможным. При этом, речь идет не об отдельных находках, а о целых сериях тары[2]. Две подобные и будут нами рассмотрены.

1. Амфоры типа «комплекс № 54 из Пантикапея».

В 2015 г. на вершине горы Митридат в г. Керчь, являвшейся, как известно, центральной частью акрополя древнего Пантикапея, было обнаружено скопление амфор. Судя по всему, этот комплекс может включать в себя не одну сотню сосудов и до сих пор не доследован. Нет сомнений, что объект датируется в пределах 80-х годов IV в. до н. э. и включает в себя амфоры в основном хорошо известных центров: Гераклея Понтийская, Фасос, Пепарет, Хиос, Синопа и др. [*Толстиков, Ломтадзе* 2016]. Но помимо этого, в составе скопления была обнаружена серия амфор, аналогии которым найти было достаточно непросто[3].

В эту серию[4] входят сосуды с туловищем овоидной формы (рис. 1). Горло невысокое, слегка расширяющееся к плечам, венчик клювовидный. Плечи покатые, с плавным переходом к тулову. Ручки овальные в сечении. Ножка расширяющейся книзу формы

[1] Из значительного количества работ упомянем только несколько самых крупных: *Монахов* 2003; *Birzescu* 2012; *Sezgin* 2012; *Filis* 2012 и т. д.

[2] Примером может служить выделенная серия амфор «со сложнопрофилированным венцом» и «пустотелой ножкой» [*Монахов, Завойкин* 2012].

[3] Выражаю благодарность руководителю раскопок В. П. Толстикову за возможность публикации материала.

[4] На сегодняшний день в комплексе найдено несколько целых и фрагментированных сосудов этой серии. В данной статье приведены четыре целых и археологически целых амфоры.

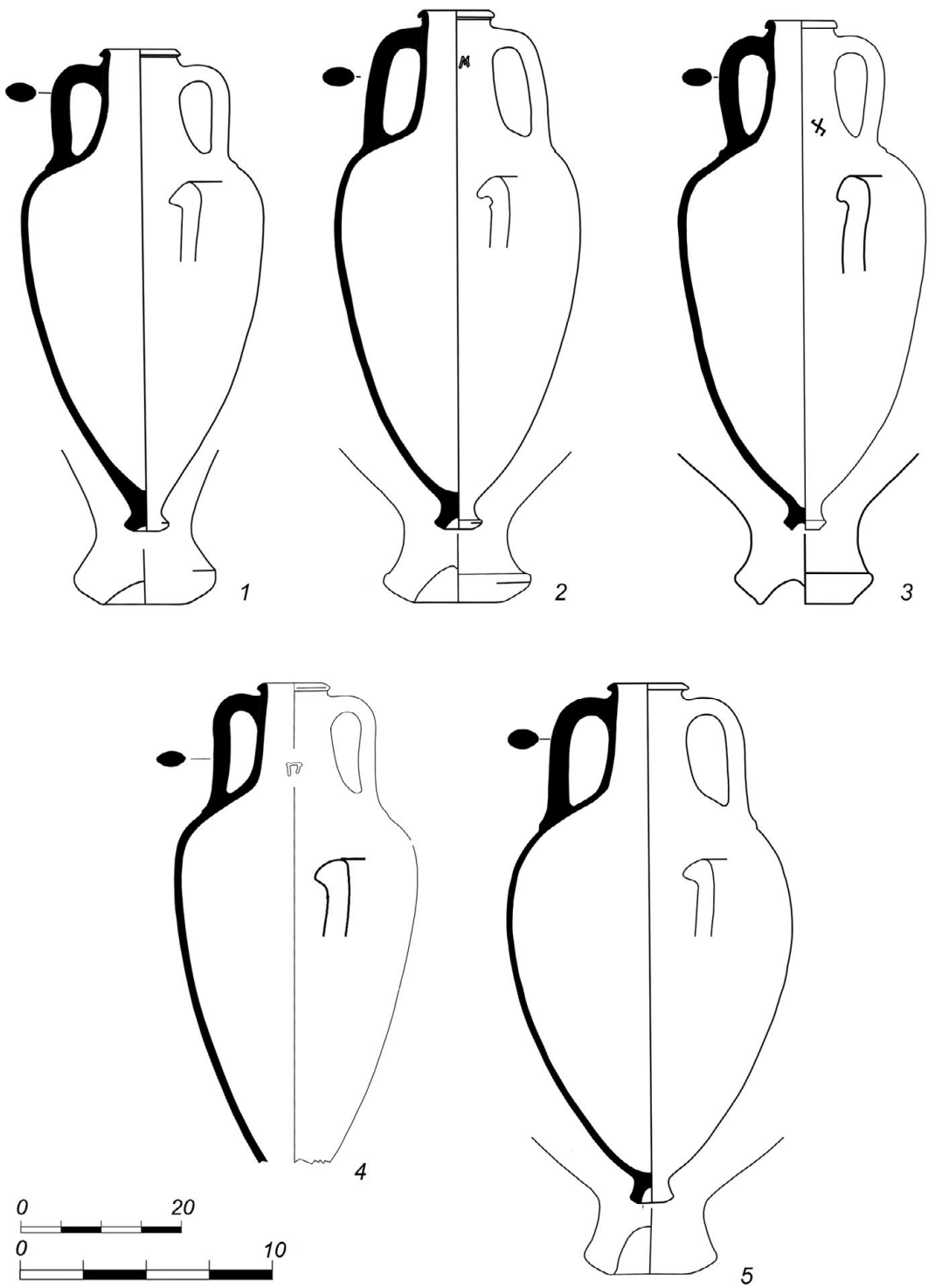


Рис. 1. Серия амфор типа «комплекс № 54 из Пантикапея».
1–4 – Пантикапей, комплекс № 54; *5* – ГИМ. Некрополь Кеп, погребение № 31.
Раскопки Н. П. Сорокиной в 1960 г.

с полусферической или конусовидной выемкой на подошве. Глина амфор светло-коричневая, иногда с розоватым оттенком; в некоторых случаях в тесте видны частицы слюды. Часть сосудов покрыта плотным светлым ангобом. На горлах трех амфор зафиксированы дипинти, нанесенные красно-коричневой краской. Высоты их составляют от 61 до 66,8 см, а максимальный диаметр тулова – от 30,5 до 32,3 см. То есть, метрические характеристики их весьма близки.

Известен еще ряд амфор похожих форм и близких размерных параметров. Один из таких сосудов хранится в фондах ГИМ и был обнаружен при раскопках кепского некрополя (рис. 1. *5*). Судя по описанию, в нем было совершено погребение ребенка[5]. Главное ее отличие от пантикапейских находок: более приземистая, округлая форма тулова (меньшая общая высота и больший диаметр плеч). Глина амфоры светло-коричневая, с хорошо различимыми примесями слюды. Ангоба на амфоре нет. Сосуд не очень хорошей сохранности, реставрирован, не хватает части горла с одной ручкой, части тулова. Н. П. Сорокина предполагала, что это амфора «фасосского типа» и датировала ее второй половиной V в. до н. э. Вместе с тем, уверенно говорить о ее датировке крайне сложно, так как никаких сопутствующих материалов в погребении или стратиграфических особенностей его залегания ею отмечено не было[6].

Близкая по форме и размерам аналогия известна из недавно опубликованных материалов Прикубанского некрополя (рис. 3. *1*). Сосуд происходит из погребения № 384 и был найден вместе с мендейской амфорой [*Монахов и др.* 2021, 39–40, 218, Un.10]. Аналогичная мендейская тара присутствовала и в пантикапейском комплексе № 54, что позволяет говорить о том, что датировки этих сосудов близки.

Возможно, к этой же группе можно отнести еще несколько амфор. Например, сосуд из погребения № 235 могильника «А» у станицы Воронежской [*Монахов и др.* 2022, 189, Un.27] (рис. 3. *2*). Этот сосуд близок и с точки зрения датировки, предложенной авторами публикации (400–375 гг. до н. э.). Имеет некоторое сходство в контурах тулова с нашей группой и амфора из погребения № 375 Прикубанского некрополя (рис. 3. *3*) [*Монахов и др.* 2021, 76, 220, Un. 13]. Правда, надо отметить, что эти экземпляры, отличаются от публикуемых, прежде всего, соотношением диаметра тулова и общей высоты (Таблица 1). Это обстоятельство, а также, во втором случае, профилировка треугольного в сечении венчика, не позволяют однозначно относить их к одной группе с сосудами из пантикапейского комплекса.

Исходя из хронологии пантикапейского комплекса, можно говорить о том, что выделенная серия амфор типа «Пантикапейский комплекс № 54» бытовала, по крайней мере, в 80-х – 70-х годах IV в. до н. э. К сожалению, судить о месте их производства пока не представляется возможным. При этом, визуальные характеристики глины (светло-коричневая или розоватая, иногда с примесями слюды) и встречающийся светлый ангоб, могут позволить предположительно отнести их происхождение к области

[5] Погребение 31/2 – раскопки Н. П. Сорокиной в 1960 г. К сожалению, эта сильно фрагментированная амфора изначально не была принята на хранение. Сосуд был обнаружен при сверке амфорной коллекции, на сегодняшний момент отреставрирован и принимается на постоянное хранение.

[6] Материалы этого погребения нигде не публиковались и фигурировали только в рабочих материалах Н. П. Сорокиной. Благодарю Н. И. Сударева за помощь в поисках этой информации.

близкой к Гексаполису («Дорийскому шестиградью»), куда входили такие прославленные центры-экспортеры, как Кос, Родос и т. д.

2. Амфоры типа «Голубицкая 2».

Следующая группа амфор неизвестного центра производства была обнаружена в заполнении хозяйственной ямы на поселении Голубицкая 2, на дне которой находился сброс использованной тары [*Журавлев, Ломтадзе, Строков* 2019]. В состав комплекса входили амфоры Фасоса, Хиоса и Менды, надежно датирующиеся последней четвертью V в. до н. э. Кроме них в яме была обнаружена группа амфор неизвестного центра производства (рис. 2. *1–5*). Не вызывает сомнений, что эти сосуды относятся к одному типу. Амфоры имели близкую к конической форму тулова, с округлыми плечами. Горло цилиндрическое, ручки овальные в сечении. Венчик валикообразный, ножки невысокие, расширяющиеся книзу, с подрезкой по внешней части, с небольшой полусферической или конической выемкой. У одного сосуда (рис. 2. *3*) под венчиком присутствовал двойной врезной поясок. На всех амфорах сохранились следы красной краски в верхней части горла, а на некоторых – остатки дипинти этой же краской. Глина амфор коричневая, иногда бурая, пористая, с мелкими включениями слюды и белых частиц.

Аналогии данной группе также, как и в предыдущем случае, сразу найти не удалось. В первой публикации предполагалось, что близкие по форме сосуды относятся к пифоидным амфорам, ранее связываемым с Фасосом [*Boulter* 1953, 105–106, cat. 153–157, pl. 39; *Монахов* 1999, 129, табл. 40. *6*; *Монахов* 2003, 84, табл. 57. *5*; *Монахов и др.* 2019, 170, Un.1; *Sezgin, Şenol, Cankardeş-Şenol* 2022, 204, 207]. Но все-таки между амфорами из поселения Голубицкая 2 и сосудами этого типа отчетливо видны различия. Вторые более массивны, шире в плечах, имеют несколько иную профилировку ножки (рис. 3. *4*).

Недавно было опубликован сосуд [*Монахов и др.* 2019, 171, Un.4] из раскопок начала XX века А. А. Миллера на территории могильника Елизаветовского городища в устье Дона (рис. 3. *5*). К сожалению, контекст находки авторам публикации установить не удалось, поэтому можно говорить лишь о приблизительной датировке. Авторы относят эту амфору к середине IV в. до н. э., опираясь на хронологию близкой, по их мнению, амфоры из могильника Старокорсунского городища № 2 [*Монахов и др.* 2022, 46, 187]. Позднее амфора из Старокорсунского могильника и близкие ей были объединены издателями в группу «Спорады-1» [*Монахов и др.* 2022, 198; *Монахов* 2023][7]. Внимательно рассматривая её, нельзя не заметить, что и параметры сосудов, и профилировка их отдельных частей сильно разнятся, поэтому нет никаких сомнений в том, что в дальнейшем эта тара еще будет разделена на несколько типов или, по крайней мере, вариантов.

Что же касается важной для нас амфоры из Елизаветовского могильника, то она по всем признакам резко выделяется из группы «Спорады-1». При этом, нельзя

[7] По мнению С. Ю. Монахова в эту группу входят амфоры, которые он ранее относил к фракционным вариантам тары Икоса [*Монахов* 2003, 290–291]. От икосских амфор они отличаются конической формой тулова, несколько иной формой профилировки ножки и венчика, а также глиной «легче по весу». Помимо этого, в публикации указано, что возможным центром производства этих сосудов являются или острова группы Спорады или район Халкидики. С. Ю. Монахов, называет эту группу то «типом», то «серией», то «группой». Вероятно, это связано с тем, что при внимательном рассмотрения этой серии видно, что амфоры типа «Спорады», скорее всего, производились не в одном центре. Вполне вероятно, что часть сосудов могла производиться на Икосе или Пепарете, а часть в других, но близких им областях.

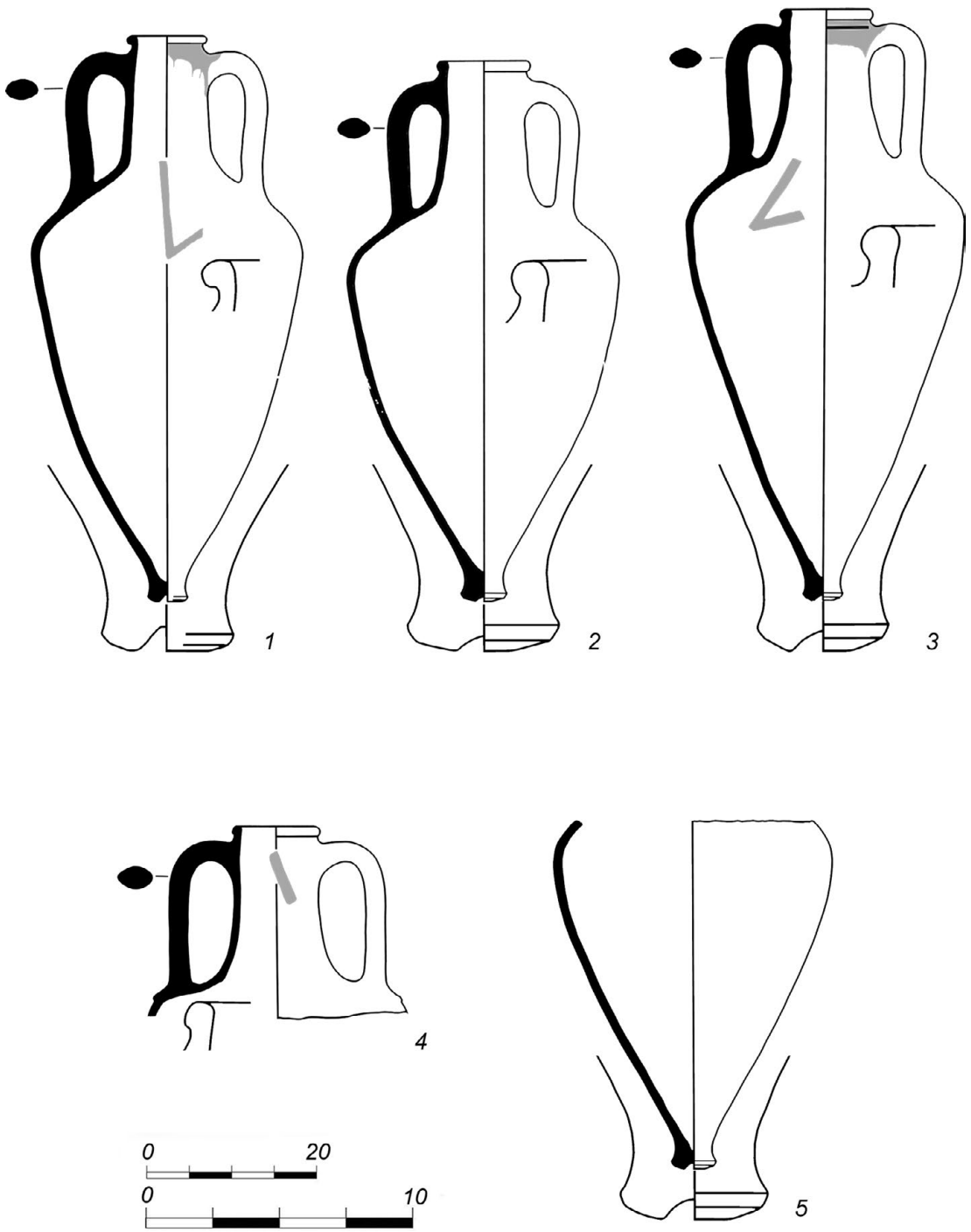


Рис. 2. Амфоры из раскопок поселения Голубицкая 2. *1* – ГИМ 115001/82, Оп.Б 2144/82; *2* – ГИМ 115001/83, Оп.Б 2144/83; *3* – ГИМ 115001/84, Оп.Б 2144/84; *4* – ГИМ 115001/93, Оп.Б 2144/93; *5* – ГИМ 115001/96; Оп.Б 2144/96

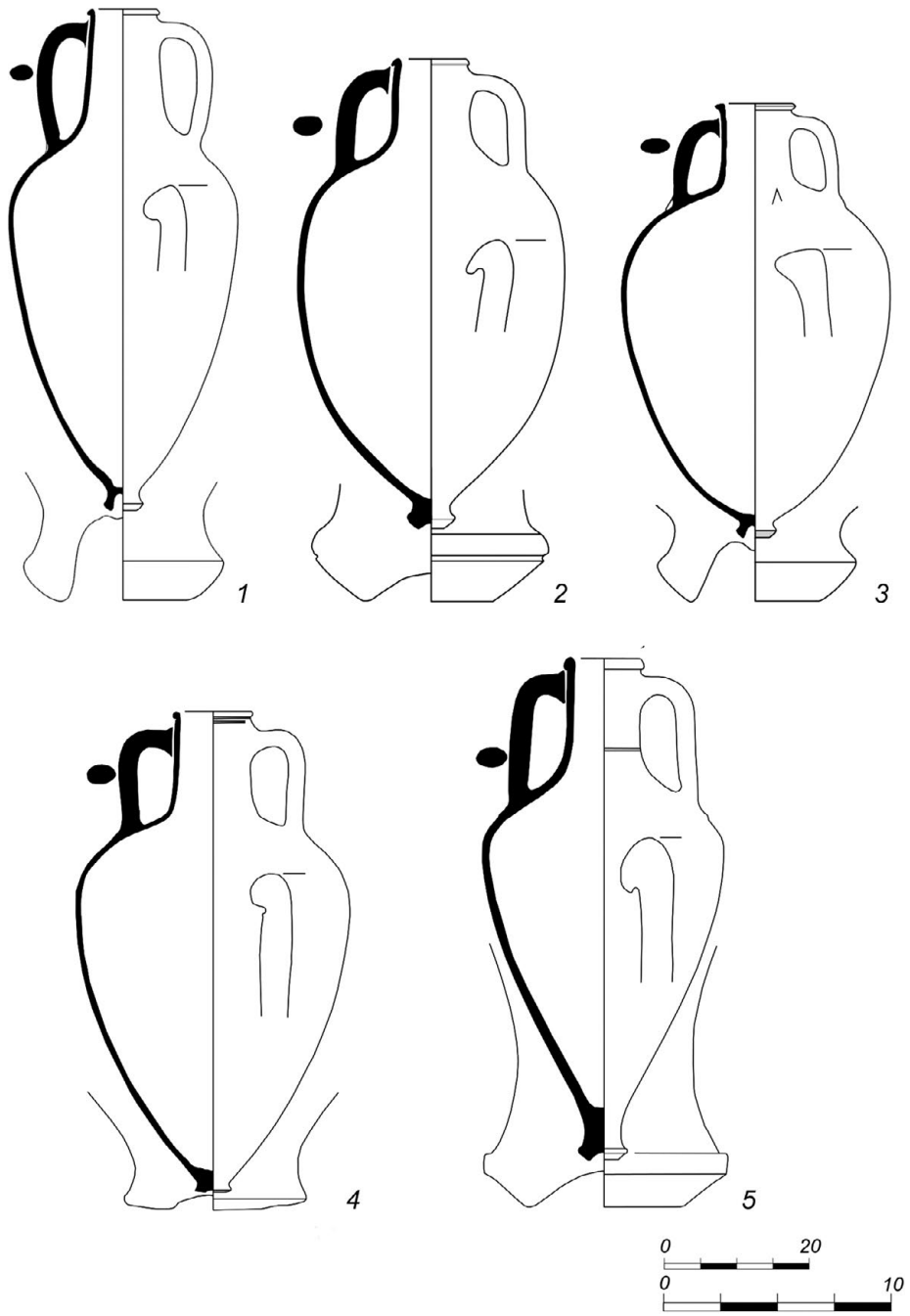


Рис. 3. *1* – КГМИАЗ. КМ 11600/2188. Прикубанский некрополь, погребение 384, № 3 (по: *Монахов* и др. 2021, 39–40, 218, Un.10); *2* – КГМИАЗ. КМ 5200/1082. Могильник «А» у ст-цы Воронежской, погребение № 235 (по: *Монахов* и др. 2022, 189, Un.27); КГМИАЗ. КМ 11600/2127; *3* – Прикубанский некрополь, погребение 375, № 3 (по: *Монахов* и др. 2021, 76, 220, Un. 13); *4* – Гос. Эрмитаж. НФ.78–122. Нимфей, раскопки Грач, 1978 г. (по: *Монахов* и др. 2019, 170, Un.1); *5* – Гос. Эрмитаж. ТЕ.1911–295. Некрополь Елизаветовского городища, раскопки А. А. Миллера [по: *Монахов* и др. 2019, 171, Un.4]

Таблица 1. Основные размеры амфор[8]

№ п/п	Рис.	Название	Высота	Глубина	Диаметр	Диаметр венчика
1.	1, *1*	Пантикапей, «комплекс № 54» ПАН 2023/41	61	56	30,5	10,3
2.	1, *2*	Пантикапей, «комплекс № 54» ПАН 2023/42	65,5	61	30,5	9,5
3.	1, *3*	Пантикапей, «комплекс № 54» ПАН 2017/126	66,8	64	31,6	9,4
4.	1, *4*	Пантикапей, «комплекс № 54» ПАН 2022/11	63,1 (сохр.)	–	32,2	9,6
5.	1, *5*	ГИМ, Кепы, погребение 31 -1960.	63,3	59,8	34,6	10
6.	3, *1*	КГМИАЗ. КМ 11600/2188. Прикубанский некрополь, погребение 384, № 3	70	66,8	31,5	10
7.	3, *2*	КГМИАЗ. КМ 11600/2127. Прикубанский некрополь, погребение 375, № 3	60,6	57,4	37,6	11,1
8.	3, *3*	КГМИАЗ. КМ 5200/1082. Могильник «А» у станицы Воронежской, погребение № 235	65,5	61,5	36,4	10,8
9.	2, *1*	Голубицкая 2, яма 19 ГИМ 115001/82; Оп.Б 2144-82	714	690	33,7	9,8
10.	2, *2*	Голубицкая 2, яма 19 ГИМ 115001/83; Оп.Б 2144-83	670	635	33,7	11,4
11.	2, *3*	Голубицкая 2, яма 19 ГИМ 115001/84; Оп.Б 2144-84	734	705	34,5	11,5
12.	2, *4*	Голубицкая 2, яма 19 ГИМ 115001/93; Оп.Б 2144-93	–	–	30,8	10,6
13.	2, *5*	Голубицкая 2, яма 19 ГИМ 115001/96; Оп.Б 2144-96	–	–	34,6	–
14.	3, *5*	ГЭ, Елизаветовский могильник, раскопки А.А. Миллера, 1911 г. ТЕ.1911-295	697	626	33,2	10,5×11,7

не отметить явные различия между ней и группой сосудов из Голубицкой. Амфора из раскопок А. А. Миллера более грацильная, ножка ее имеет четкую профилировку, характерную скорее для сосудов IV в. до н. э. В то же время, описание глиняного теста и размеры амфор позволяют предположить, что сосуд из Елизаветовского некрополя может относиться к тому же типу, что и контейнеры из Голубицкой. Если мы посмотрим на серии амфор наиболее крупных центров производства (Хиос, Менда, Фасос, Гераклея Понтийская и др.), то заметим явную тенденцию эволюции их форм в позднеклассическое и раннеэллинистическое время в сторону большей стройности, уменьшения диаметра плеч и увеличения высоты тулова. То есть, амфора из ст. Елизаветовской вполне может быть более поздним вариантом публикуемой серии.

[8] Все размеры указаны в сантиметрах. Параметры амфор №№ 6, 7, 8, 14 взяты из: *Монахов и др.* 2021, 39–40, 76, 218, 220, Un. 10, Un. 13; *Монахов и др.* 2022, 189, Un. 27.

Если предположить, откуда эта керамическая тара могла поступать в Северное Причерноморье, то общие характеристики и визуальный состав теста позволяют относить её производство к островам, близким к Икосу и Пепарету, о чем мы уже писали в первой публикации амфор типа «Голубицкая 2» [*Журавлев, Ломтадзе, Строков* 2019, 227]. В то же время, явные внешние отличия не позволяют относить нашу группу к хорошо известным типам контейнеров этих производителей [*Монахов* 2003, 94–100; *Монахов, Федосеев* 2013].

Подводя общие итоги, еще раз отметим, что описанные серии амфор позднеклассического времени относятся, вне всякого сомнения, к средиземноморскому производству. Вполне вероятно, что первая группа может быть связана с дорийскими центрами Малой Азии, а вторая с Кикладами. Но на сегодняшний день – это только предположения, требующие доказательств на более обширном материале.

Список литературы

Ж*уравлев* Д. В., *Ломтадзе* Г. А., *Строков* А. А. 2019. Комплекс амфорной тары второй половины V в. до н. э. с поселения Голубицкая 2 // ДБ. 24, 218–231.

З*авойкин* А. А., *Монахов* С. Ю. 2012. Амфорное горло из Фанагории и две серии керамической тары позднеклассического времени // ПИФК. 4, 117–127.

Л*омтадзе* Г. А., *Пожидаев* В. М., *Толстиков* В. П. 2017. Исследование остатков содержимого тарных амфор позднеклассического времени из раскопок Пантикапея // ДБ. 21, 250–264.

Ломтадзе Г. А., *Масленников* А. А. 2004. К реконструкции торгово-экономической ситуации на хоре Европейского Боспора // ПИФК. Вып. XIV, 142–161.

М*онахов* С. Ю. 2003. Греческие амфоры в Северном Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. Саратов, 351.

Монахов С. Ю. 2012. Амфоры малоазийских Эрифр V–II вв. до н. э.: дополнения к классификации // Древности Северного Причерноморья III–II вв. до н. э. Тирасполь, 111–124.

Монахов С. Ю. 2013. Заметки по локализации керамической тары. III. Амфоры и амфорные клейма малоазийских Эрифр // ВДИ. 3, 28–51.

Монахов С. Ю. 2023. О новом типе амфор «Спорады-1», подражающем таре Икоса // Дети и взрослые железного века. Stratum Plus. 3, 289–301.

Монахов С. Ю., К*узнецова* Е. В., Л*имберис* Н. Ю., М*арченко* И. И. 2018. Редкие формы амфор из Прикубанского некрополя // Археология античного и средневекового города. Сб. статей в честь Станислава Григорьевича Рыжова. Севастополь–Калининград, 163–170.

Монахов, С. Ю., К*узнецова* Е. В., Ч*истов* Д. Е., Ч*урекова* Н. Б. 2019. Античная амфорная коллекция Государственного Эрмитажа VI–II вв. до н. э. Каталог. Саратов, 351.

Монахов С. Ю., *Марченко И. И.*, *Лимберис* Н. Ю., *Кузнецова* Е. В., *Чурекова* Н. Б. 2021. Амфоры Прикубанского некрополя IV – начала III в. до н. э. (из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына). Саратов, 322.

Монахов, С. Ю., *Марченко*, И. И., *Лимберис*, Н. Ю., *Кузнецова*, Е. В., *Чурекова*, Н. Б. 2022. Амфоры VII–I вв. до н. э. из собрания Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника имени Е. Д. Фелицына. Саратов, 301.

Монахов С. Ю., *Федосеев* Н. Ф. 2013. Заметки по локализации керамической тары. IV: амфоры Икоса // АМА. XVI, 255–266.

Т*олстиков* В. П., *Ломтадзе* Г. А. 2016. Комплекс амфор позднеклассического времени из раскопок центральной части Пантикапея (предварительная публикация) // ДБ. 20, 467–482.

Bî*rzescu* I. 2012. Die Archaischen und Frühklassischen Transport Amphoren (Histria. XV). 1–477.

Boulter C. 1953. Pottery of the Mid-fifth Century from a Well in the Athenian Agora // Hesperia. Vol. XIII. № 2, 59–115.

C*arlson* D. 2003. The Classical Greek Shipwreck at Tektas Burnu, Turkey // AJA. 107, 581–598.

Carlson D., Lawall M. 2005–2006. Towards a Typology of Erythraian Amphoras // Skyllis. 1–2. Deguwa, 32–39.

D*upont* P. 2010. Erythraea I. Les amphores «samiennes» et «protothasiennes» de Zeest: la piste nord-ionienne» // Synergia Pontica & Aegeo-Anatolica (Collection Antiqua Galatiensis III). Galati: Pax Aura Mundi, 3–11.

S*ezgin* Y.2012. Arcaik Dönem Ionia Üretrimi Ticari Amphoralar. Istanbul, 1–327.

Sezgin Y., Şenol A. K., Cankardeş-Şenol G. 2022. İzmir Arkeoloji Müzesi Ticari Amphoraları. İstanbul. 1–260.

F*ilis* K. 2012. Transport amphorae workshops in Macedonia and Thrace during the Late Classical and Hellenistic times // Topics on Hellenistic pottery in Ancient Macedonia. Athens, 61–85.

Filis K. 2016. The Local Transport Amphorae from Aigion // Traditions and Innovations. Tracking the Development of Pottery from the Late Classical to the Early Imperial Periods. Proceedings of the 1st Conference of IARPotHP. Berlin, November 2013, 7th – 10th. Wien, 151–167.

Filis K. 2022.Transport Amphoras from Domestic and Workshops Facilities as Indicators for Economic Changes in the Societies of NW Peloponnese from Late 6th to 2nd Century BC // Archaeology and Economy in the Ancient World. Vol. 36. Assemblages of Transport Amphoras: From Chronology to Economics and Society. Proceedings of the 19th International Congress of Classical Archaeology. Köln–Bonn, 35–47.

Summary

G. A. Lomtadze
Two series of amphorae from the Late Classical period unknown production centers

The article deals with two series of amphorae of uncertain centers of production. The first is amphorae of the type "complex No. 54 from Panticapaeum", named after the place of discovery during excavations on the acropolis of Panticapaeum. This series includes vessels with an ovoid body, a low throat widening to the shoulders and a foot widening downwards, with a recess of hemispherical or cone-shaped form. The clay of amphorae is light brown, sometimes with a pinkish tinge, in some cases mica particles are visually visible in the dough. A part of vessels is covered with dense light-colored engobe. Their heights are from 61 to 66.8 cm, and the maximum diameter of the body is from 30.5 to 32.3 cm. Several other amphorae of similar type are known. First of all, it is a vessel originating from the Kepoi necropolis and stored in the funds of the Historical Museum. In addition, a number of amphorae from excavations in southern Russia may be attributed to the same type.

The second series of amphorae comes from the excavations of the Golubitskaya 2 settlement on the Taman Peninsula. These vessels have a shape close to conical, with rounded shoulders, a cylindrical neck and a low foot expanding downwards. There are few analogies to this type, the only amphora close in parameters was found during excavations of the Elizavetovskoye settlement at the mouth of the Don.

To summarize, it is worth mentioning once again that the described types of amphorae of Late Classic times belong, without any doubt, to Mediterranean production. It is likely that the first type may be associated with the Doric centers of Asia Minor, and the second with the Cyclades. But, to date, this is only supposition requiring proof.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-437-1.289-308

А. Ю. Манаев*, Л. Ю. Пономарев**
(Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь;*
*** Институт археологии Крыма, г. Симферополь)*

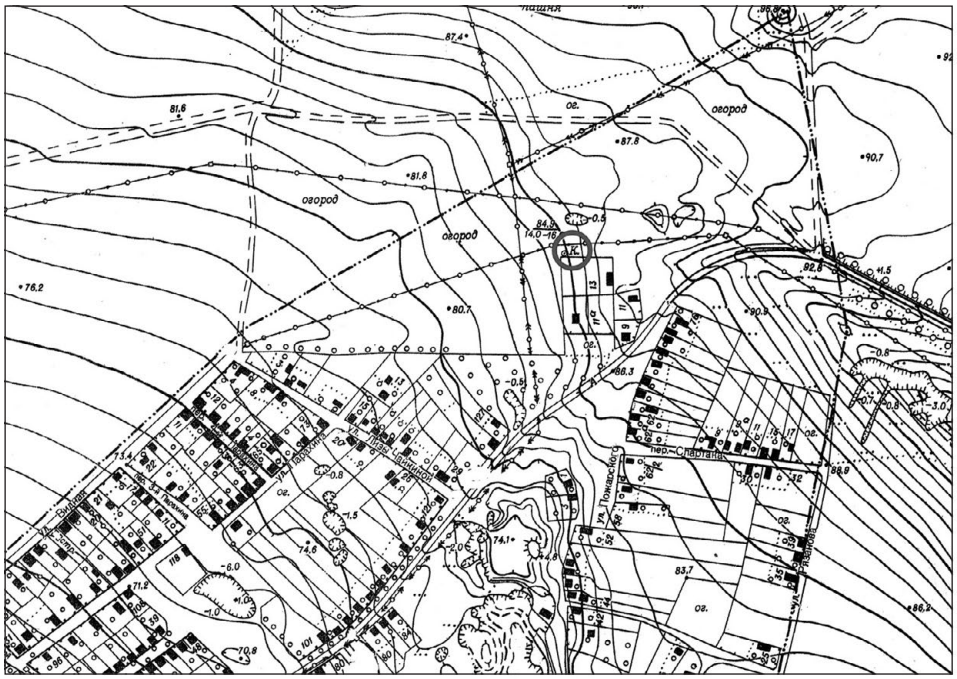
Древний колодец и поселение Партизаны-I на северной окраине поселка Аджимушкай (к истории изучения)

Среди сохранившихся древних гидротехнических сооружений на Керченском полуострове наибольшую известность получил колодец, находящийся ныне на северной окраине пос. Аджимушкай[1] (координаты по WGS-84: N 45.393430°, E 36.531674°), к югу от дома № 14 по ул. Родниковой (между ул. Лизы Чайкиной и ул. Степной), в 1,53 км к северо-востоку от Мемориального комплекса «Аджимушкай» по ул. Братьев Мальченко, № 34–36 (рис. 1. *1*, *2*)[2]. По воспоминаниям старожила поселка М. П. Радченко, в начале XX в. он был известен среди его жителей как «колодец Работáя» (с ударением на последний слог). Столь необычное название колодец получил по кличке Лазарева – управляющего (?) хутором, владельцам которого с первой половины XIX в. и по 1920 г. принадлежал, перехваченный им источник [*Санжаровец* 2003, 160].

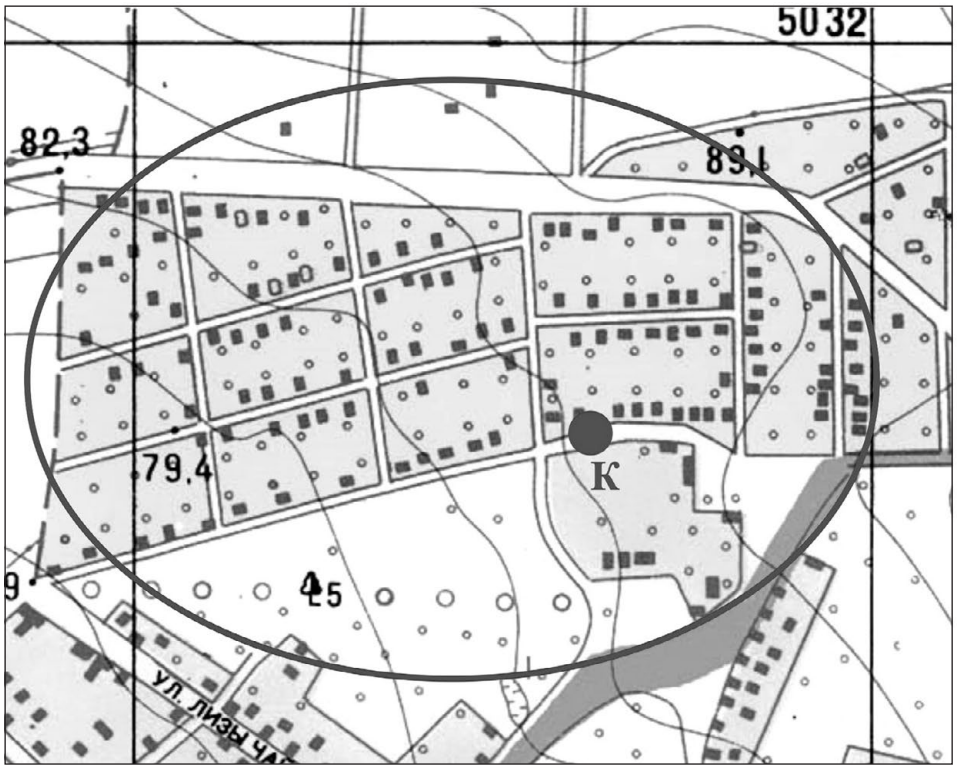
Географически пос. Аджимушкай находится в пределах северо-восточной оконечности Керченского полуострова на равнинном участке севернее водораздела р. Булганак и р. Баксу с высотами в пределах 80–100 м над у. м., ограниченного с северо-запада, севера и северо-востока обширным, нависающим над бухтой Булганак, древним оползневым цирком и, обрамляющими его с юга, холмисто-скалистыми грядами, отдельные вершины которых достигают – 131,5 м (г. Михалкина), 135,5 м (урочище Большой Вал) и 154,9 м (Темир-гора) (рис. 3. *3*). Наивысшая точка в северной части охранной территории памятника археологии «античный колодец» имеет абсолютную высоту – 86,23 м над уровнем моря. В районе его оголовка она составляет 85,80 м над уровнем моря. Территория северной части поселка и, прилегающего к нему с севера садоводческого товарищества «Аджимушкаец», подверглись сильному антропогенному воздействию

[1] Аджимушкай, Опасное, Подмаячное, Эльтиген (Героевское), Джарджава (с. Восход) до сих пор в просторечии именуются поселками, хотя официально являются микрорайонами городской агломерации Керчи.

[2] В качестве его местоположения в археологических изданиях, включая «Корпус Боспорских надписей» (1965 г.), ранее, иногда, указывался пос. Партизаны, поскольку с 1948 по 1967 гг. так именовался пос. Аджимушкай. Нововведение не прижилось и населенному пункту вернули историческое название [*Ковыркин*, *Санжаровец* 2014, 450].



1



2

Рис. 1. *1* – местоположение колодца и поселения Партизаны-I на карте 1980-х гг.; *2* – местоположение колодца и примерные границы поселения Партизаны-I на карте-схеме 1991 г.

в результате застройки и разработки пластов известняка открытым и подземным способом. Равнинные, с небольшим уклоном в сторону Керченского залива, участки к югу от урочища Большой Вал и Темир-горы распахиваются. Реликтовая степь и площади с восстановленным степным травостоем сохранились лишь на вершинах и склонах холмистых гряд.

Первым о колодце не позднее 1833 г. упомянул П. А. Дюбрюкс:

«Добывая в Аджи-Мушкае камень, будь то для постройки стен Мирмекия, будь то для гробниц или камер, скрытых под окрестными курганами, и унося эти массы камня, вырыли рвы глубиной в несколько саженей. В одном из них в скале пробили колодец, который углублен на тринадцать саженей; в глубине этого рва, куда, говорят, можно спуститься по пробитым сбоку ступенькам, воду добывают при помощи лошадей и быков и заверяют, что эта вода очень хорошая» [*Дюбрюкс* 2010, 283, 333, прим. 41].

Судя из приведенного описания, на тот момент самого колодца «отец боспорской археологии» не видел, поскольку использовал такие обороты речи, как «говорят» и «заверяют». Значительно преувеличил он и его глубину – 13 саженей (27,73 м), но в то же время сообщил интересную подробность о способе подъема воды – с помощью поворотного механизма, приводимого в действие лошадьми и быками. Использовался он в колодцах большой глубины и практиковался на Керченском полуострове вплоть до середины XX в. [*Кудрявцев* 1894, 27][3]. По мнению В. Ф. Санжаровца, упомянутый П. А. Дюбрюксом «ров» мог образоваться при добыче камня, но речь идет не об «античном» колодце, а о «сладком» или другом неизвестном колодце в районе пос. Аджимушкай [*Санжаровец* 2012, 221–222]. Однако, с этим сложно согласиться, поскольку трудно допустить существование двух близ расположенных, необычных по конструкции гидротехнических подземных сооружений – с боковой ступенчатой галереей.

Приемники П. А. Дюбрюкса – А. Б. Ашик и Д. В. Карейша, которых интересовали, прежде всего, достойные Императорского Эрмитажа находки, к этому сооружению внимания не проявили. Впервые его описание в первой половине 1870-х гг. в рукописи «Минеральный источник в окрестностях Керчи, открытый по надписи на мраморной плите…» привел Ефим Ефимович Люценко (1810–1888 гг.), брат директора Керченского музея древностей А. Е. Люценко, публиковавшийся мало, но хорошо знавший Керченский полуостров и его античные древности [*Гайдукевич* 1941а, 262][4]. Что очень важно, описание дополняли план и разрез колодца (рис. 4), а также план «хутора Фабиано», где он находился. Позднее Е. Е. Люценко включил эти чертежи в план рукописи, так и не изданной им книги «Керчь и Тамань. Археолого-нумизматические очерки» [*Люценко* 2014, 607].

---

[3] В отчете В. В. Веселова о его разведках в крепости Ени-Кале и ее округе (Научный арив ВКИКМЗ) есть фотография 1948 г., на которой «античный» колодец у бывшего пос. Каменка, на тот момент еще действовавший, изображен с подъемным механизмом в виде колеса, приводимым в действие быками.

[4] Рукопись датирована 12 августа 1876 г., видимо, на тот момент она была закончена. В статье Т. А. Матковской указано, что Е. Е. Люценко обследовал колодец в 1871 г. [*Матковская* 2000, 36]. К сожалению, по неизвестной нам причине, Аджимушкайский источник с колодцем не были включены в книгу Федора Дмитриевича Кудрявцева «Опыт изучения водоснабжения и орошения Феодосийского уезда Таврической губернии», хотя многие другие, наиболее крупные источники и действующие гидротехнические сооружения на территории Керчь-Еникальского градоначальства он кратко описал [*Кудрявцев* 1894, 22–24].

В первой половине 1870-х гг. колодец находился на территории хутора «неаполитанца Фабиано» (рис. 3. *1*), до этого им владел И. И. Змага, а до него – Н. Н. Кистень[5]. Хутор обозначен на картах 1817 г. (генерал-майора С. А. Мухина), 1835 г. (топографа 2-го класса Литвиненко) и карте полковника Бетева 1835–1838 гг. (рис. 2. *1*) [*Дюбрюкс*

[5] Как «хутор Змаги (бывш. Кистень)» он помещен на «Топографическую карту окрестностей города Керчи…» 1853 г. [*Дюбрюкс* 2010, рис. 49]. Таким образом, первым из его владельцев на первую половину XIX в. указан Никита Никитич Кистень, участник Отечественной войны 1812 г. С военной службы он вышел в отставку в чине капитана, когда неизвестно. В 1825–1832 гг. упоминается как частный пристав Керчь-Еникальской градской полиции в прежнем звании. С 1832 по 1837 гг. Н. Н. Кистень уже командир 1-й роты Керчь-Еникольской полубригады пограничной стражи Керчь-Еникольского таможенного округа, а с 1837 по 1845 гг. командир 2-й роты этой же полубригады. В 1838–1840 гг. – майор, в 1841–1842 гг. – подполковник, в 1843–1844 г. – полковник. Был награжден серебряной и бронзовой медалями в память Отечественной войны 1812 г., орденом Св. Станислава 4-й степени (18.09.1838), Св. Станислава 3-й степени (до 1841 г.), знаками Отличия за XV лет (1832) и за XX лет (22.08.1837) беспорочной службы. В 1845 г. в списках полубригады пограничной стражи не упомянут, возможно, в этом году вышел в отставку. В 1833 г. П. А. Дюбрюкс упоминает еще один хутор Кистеня – на мысе Ак-Бурун (в районе бывшей татарской деревни Кышла), строения которого обозначил на плане под буквой «А» красным цветом [Дюбрюкс, 2010, с. 296, рис. 476]. При нем функционировала известково-обжигательная печь, сырьем для которой служили камни из развалин оборонительных стен и построек античного городища на мысе Ак-Бурун: «*… Г-н Кистин, чья ферма рядом, уже использовал более двухсот ‹саженей›* (1942 куб. м); *в печь для обжига извести, располагавшуюся, когда я прибыл сюда в 1810 г., у юго-западной башни (15)*» [*Дюбрюкс* 2010, 80, 298]. В 1835 г. хутор уже принадлежал Соколову. Возможно, к этому же времени Н. Н. Кистень купил хутор в районе нынешнего пос. Аджимушкай, во всяком случае, к 1840 г. он им уже владел.

Следующим владельцем хутора на карте 1853 г. указан Змага. В Керчи на тот момент проживали как минимум двое из трех (?) братьев – представителей этого известного в городе семейства – Иван Иванович и Феодосий Иванович.

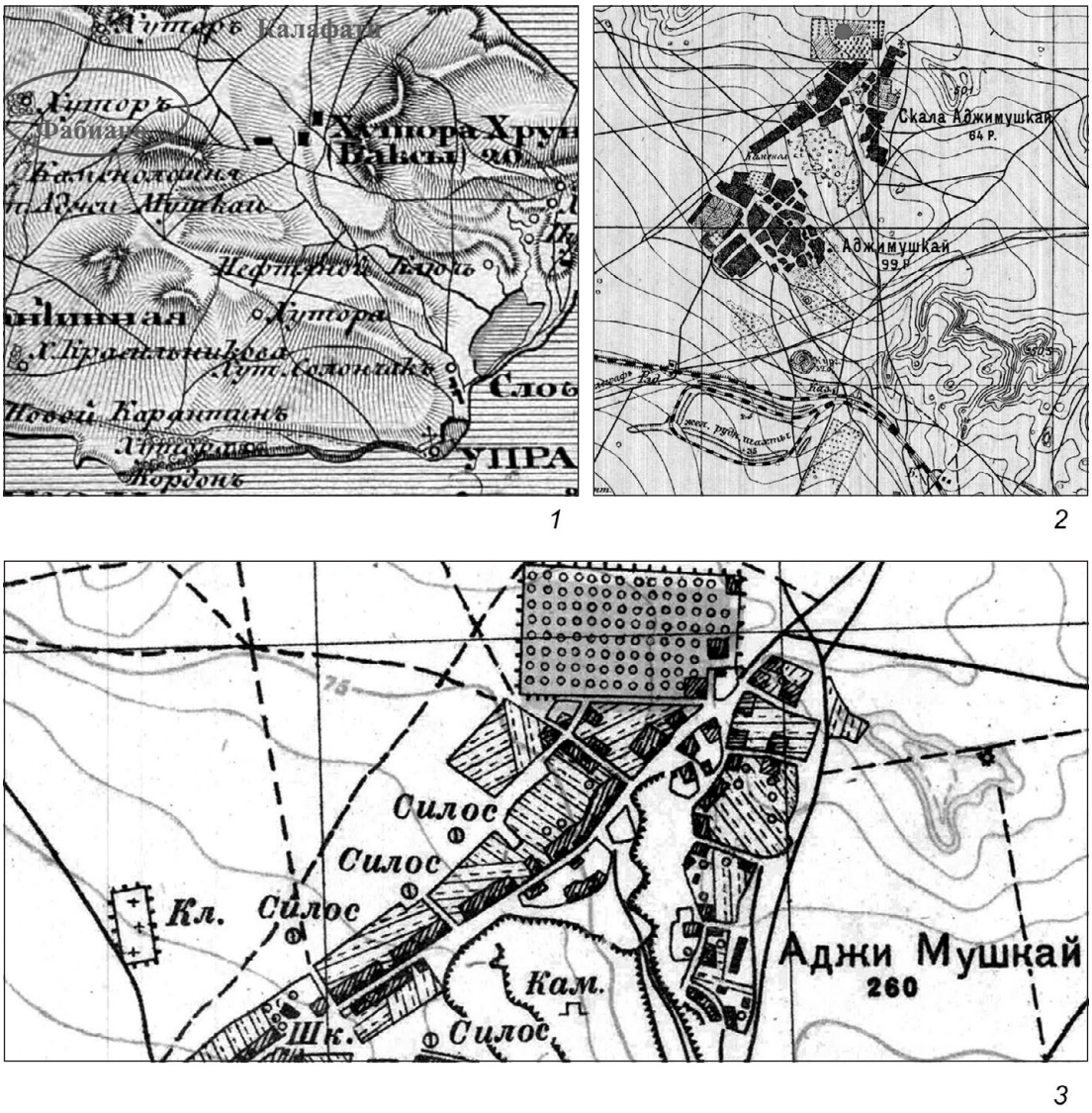
Иван Иванович Змага (? – 21 августа 1866), участник Отечественной войны, на гражданской службе, как минимум, с 1822 г. В 1825–1838 гг. упоминается в должности казначея Керченской портовой таможни. С 12 ноября 1838 г. по 1866 г. член Керченской портовой таможни, выслужил чин надворного советника. На 12 декабря 1839 г. был награжден медалью в память Отечественной войны 1812 г. и знаком Отличия за XV лет беспорочной службы. Спустя три года к ним добавился знак за XX лет беспорочной службы. 7 марта 1858 г. награжден орденом Св. Анны 3-й степени.

Феодосий Иванович Змага упоминается в 1845–1862 гг. в должности бухгалтера и выкладчика пошлин Керченской портовой таможни, но, в отличие от брата, дослужился лишь до чина титулярного советника. Между 1862–1864 гг. вышел в отставку, должность бухгалтера таможни до 1865 г. оставалась вакантной.

Третий (младший) брат – Григорий Иванович, владеть хутором вряд ли мог, поскольку, как минимум, с 1848 и по 1864 гг. служил по карантинному и таможенному ведомствам на Кавказском побережье Черного моря (карантины в Сухум-Кале и Новороссийске, Константиновский и Бугазский карантинно-таможенные посты). Кроме того, в 1880-е – 1890-е гг. в Керчи упоминается отставной капитан, член Троицкого православного братства и какое-то время содержатель трактира на ул. Садовой № 27 Афанасий Иванович Змага, но он вполне мог быть сыном И. И. Змаги.

Таким образом, наиболее вероятным представляется, что владельцем хутора был И. И. Змага, он же в 1858 г. состоял одним из членов «Комиссии, учрежденной для разведения общественного сада в Керчи».

Что касается «неаполитанца Фабиано», он мог купить хутор с садом после смерти И. И. Змаги в 1866 г. Единственное упоминание о нем, как о его владельце – это свидетельство Е. Е. Люценко первой половины 1870-х гг. В 1870-е – 1880-е гг. в Керчи проживало несколько представителей двух или трех итальянских семей с такой фамилией, к примеру, Доменико, Леонард, Иосиф и др. Кто из них купил хутор, и как долго владел им, выяснить, пока не удалось. По свидетельству В. Ф. Гайдукевича, к 1936 г. местные жители не могли вспомнить, где он находился, и кто такой Фабиано [*Гайдукевич* 1941а, 263]. Нельзя исключать, что на каком-то этапе у хутора появился новый владелец, фамилию которого еще предстоит установить. К сожалению, «краеведческую» часть полевой работы В. Ф. Гайдукевич не довел до конца и не установил его фамилии, хотя на 1936 г. старожилов, помнящих «прежние времена» в Аджимушкае было много. На данный момент можно лишь предположить, что хутором мог владеть Леонард Фабиано. Такую возможность не исключает тот факт, что его сын – Авксентий Леонардович венчался 10 февраля 1902 г. с Екатеринославской мещанкой Марфой Иосифовной Юхновой в Аджимушкайской церкви Иоанна Богослова. Наиболее поздние упоминания о саде Фабиано относятся к концу 1880-х – первой половине 1890-х гг., но, возможно, речь идет о другом садовом участке в окрестностях Керчи. 14 октября 1888 г. в Керчь-Еникальской городской управе должны были состоятся торги на отдачу в аренду хлебопахотной земли около его сада [*Полицейский листок…* 1888], а на заседаниях городской думы 12 ноября 1892 г. и 11 ноября 1893 г. гласные должны были рассмотреть ходатайство Фабиано о совершении им купчей на садовый участок и вопрос об укреплении его в собственность [*Полицейский листок…* 1892; 1893].



1 2

3

Рис. 2. *1* – сад и хутор Фабиано (Змаги, Кистеня) на карте 1835–1838 гг.;
2 – сад и хутор Фабиано (Змаги, Кистеня) на карте 1896–1897 гг.;
3 – сад и хутор Фабиано (Змаги, Кистеня) на карте 1933–1934 гг.

2010, рис. 43, 46]. На карту 1853 г. он нанесен в виде участка с садом прямоугольной в плане формы севернее каменоломен и хут. Аджи-Мушкай, и подписан как «Хут. Змаги (бывший Кистень)» [*Дюбрюкс* 2010, рис. 49]. Таким же образом он обозначен на «трехверстовке» Таврической губернии 1865 г., но подписан сокращенно – «Х.». На карту 1896–1897 гг. он уже помещен на северной окраине пос. Скала Аджимушкай (поселок каменоломщиков к северо-востоку от пос. Аджимушкай), и, как и прежде, показан в виде прямоугольного участка, но с условными значками, обозначающими плодовый сад, виноградник и огородные культуры. В юго-восточном углу хутора обозначен дом

его владельца (рис. 2. *2*). На других картах этого же периода, поселок, иногда, обозначался как Скала, на карте 1884 г. как пос. Аджимушкай-Ивановка, на карте 1893 г. как слобода Аджим Ушкай. Позднее, по мере расширения пос. Аджимушкай, пос. Скала был объединен с ним. И, наконец, на карте 1933–1934 гг. на месте бывшего хутора показан плодовый сад с несколькими постройками в восточной его части (рис. 2. *3*).

По мнению Е. Е. Люценко, именно об этом колодце идет речь в надписи, найденной в 1840 г. рядом с ним, на хуторе Н. Н. Кистеня (ныне хранится в Государственном Эрмитаже), в которой сообщалось об устройстве боспорским царем Котисом I (44–63 гг. н. э.) некоего гидротехнического сооружения, которым «перехватили» подземный источник: «*Этот обильно льющийся источник явила доблесть сына Аспурга, благочестивого Котиса, явившего старинную славу земли и предков и владеющего всеми скипетрами инахийцев*». Причем, вырезана она была на карнизе из белого мрамора (найденного в виде обломка размерами – 0,17×0,33×0,62 м), обрамлявшем, как считал Е. Е. Люценко, водоем или фонтан, в который подвели «воду источника, возможно целебного». Надпись в «Одесском вестнике» № 60 за 1840 г. впервые издал А. Б. Ашик. В сочинении «Воспорское царство» он вновь упомянул о ней, уточнив, что нашли карниз на глубине более 4 саженей (около 8,5 м), на наш взгляд, явно ее преувеличив. По своему «содержанию» и по «своему месту» (т. е. месту находки) надпись, как считал А. Б. Ашик, указывала на то, что «в древности» здесь существовали источники «минеральной воды». Впрочем, насколько вода Аджимушкайского источника была минерализованной и проводили ли в те годы ее химический анализ, выяснить, пока, не удалось. Общую характеристику в 1870-е гг. ей дали керченские врачи С. В. Петровский и Е. Л. Томашевский, отметившие, что «*вода означенного колодца чрезвычайно легка и приятна на вкус, содержит в слабой степени углекислый газ*» [*Кирилин* 1970; *Матковская* 2000, 36]. Что касается самого текста надписи, ее А. Б. Ашик издал с ошибками: «*Мирмикс открыл великую силу этого источника, в то время как Котикс благочестивый, сын Аспурга, наследовавший славу своего отечества и своих предков, властвовав также и над всеми Ахейцами*» [*Ашик* 1848, 90–91, № 26; *Григорьев* 1876, 390, № 23]. Позднее В. В. Латышев устранил их: «*Эту изобильную влагу источника открыла доблесть Аспургова сына, благочестивого Котиса, возвысившего старинную славу земли и предков и владеющего всеми скипетрами Инахейцев*» (*IOSPE* 1890, II, 37–38, № 37; *КБН* 958)[6].

В 1910 г. в связи с изданием надписи, посвященной Гликарии, супруге Асандра, найденной в дер. Эльтиген, к надписи из Аджимушкая в качестве ближайшей аналогии обратились В. В. Шкорпил и М. И. Ростовцев. По их мнению, мраморный карниз, на котором она была нанесена, обрамлял сверху фонтан, в который царь Котис подвел воду из каптированного им и переданного в общественное пользование источника. Саму надпись они привели в прочтении В. В. Латышева [*Шкорпил, Ростовцев* 1910, 19; *Зуев* 1999, 34–37].

Находка надписи, а также необычная конструкция колодца (с примыкающей к его шахте наклонной ступенчатой галереей с отдельным входом) и необычайно хорошее качество воды позволили Е. Е. Люценко прийти к выводу, что использовался этот источник с культово-лечебными целями. В качестве еще одного аргумента он привел

[6] Ее фотография приведена в КБН-альбоме, 2004.

Рис. 3. *1* – территория бывшего хутора и сада Фабиано на космическом снимке (реконструкция его границ А. В. Куликова); *2* – бывший хутор и сад Фабиано с колодцем на немецком аэрофотоснимке 1943 г. (реконструкция А. В. Куликова); *3* – хутор Фабиано, хутор Г. Д. или П. Д. Калафати и античный некрополь у южного подножия Темир-горы на аэрофотоснимке 1943 г. (реконструкция А. В. Куликова)

посвятительную надпись на мраморной плите – «*Богу Асклепию, Спасителю и благодетелю поставил этот стол Стратодем, сын Менестрата*», найденную 9 июня 1872 г. крестьянином Дороховым на северном склоне Темир-горы, в 1,75 км к северо-востоку от колодца (ныне хранится в Государственном Эрмитаже). А. И. Болтунова и Т. Н. Книпович датировали ее II в. н. э. (*IOSPE* 1890, II, 31, № 30; *КБН* 957)[7].

К сожалению, свой рукописный труд, собственно, как и большинство других, Е. Е. Люценко не опубликовал и лишь в 1932 г. он был с купюрами приведен в статье Н. И. Репникова и Ф. И. Шмита «Античный курорт в окрестностях Керчи» [*Репников, Шмит* 1932, 67–68]. Однако, точное местонахождение самого колодца на тот момент уже не было известно, и он не идентифицировался с Аджимушкайским, поскольку никто уже не помнил, где находился хутор Фабиано. Свой же посыл относительно целительных свойств воды источника, нашедший отражение и в названии статьи, Н. И. Репников и Ф. И. Шмит целиком построили на умозаключениях Е. Е. Люценко.

В 1936 г. экспедиция ГАИМК под руководством В. Ф. Гайдукевича, наряду с раскопками городищ Тиритаки и Мирмекия, провела разведочные работы на северо-восточной окраине Керчи. В их основную задачу входила проверка «в поле» сведений о забытых археологических памятниках, полученных в процессе изучения архивных документов, в том числе и рукописного наследия Е. Е. Люценко. В качестве одного из таких объектов в план проведения разведок включили и «древний» колодец в пос. Аджимушкай, который, по мнению В. Ф. Гайдукевича, и являлся тем самым необычным гидротехническим сооружением, которое в начале 1870-х гг. описал Е. Е. Люценко. В пользу этого свидетельствовал глазомерный план «хутора Фабиано», приложенный к его рукописи. Указанный на нем дом бывшего его владельца сохранился до 1936 г., но в нем на тот момент проживал уже «колхозник Лазарев» [*Гайдукевич* 1941а, 263–264][8]. Что касается самого колодца, он продолжал использоваться по назначению, но, вход в подведенную к нему боковую галерею был завален известняковыми глыбами, землей и бытовым мусором. Со слов жителей поселка, его взорвали в 1919 г. белогвардейцы с целью лишения воды партизан, обосновавшихся в соседних каменоломнях. В результате, В. Ф. Гайдукевич не смог проникнуть в шахту колодца и детально изучить его конструкцию, поэтому в публикации привел описание из рукописи Е. Е. Люценко.

Наземная часть колодца была сложена из обработанных камней, в виде округлого в плане оголовка. Подземная часть шахты и боковой галереи, большей частью, высечена

[7] Ее фотография приведена в КБН-альбоме, 2004. Плита использовалась дважды. На одной ее стороне посвящение Асклепию. На обратной стороне изображен стоящий мужчина, слева от него – мальчик. Ниже высечена эпитафия: «*Эрот, сын Кинола, прощай*» (*КБН* 961). Авторы «Корпуса Боспорских надписей» считали, что, как надгробие, плита была использована позже (*КБН* 1965, 540). В настоящее время эпитафия считается более ранней и датируется I в. н. э. [*Вахтина* 2017, 63]. Упомянутый в надписи 1872 г. «стол», посвященный Стратодемом Асклепию, возможно, был установлен в святилище этого божества, которое, по мнению А. А. Масленникова, могло находится в районе Темир-горы [*Масленников* 1999, 132], у южного и западного подножия которой разведками зафиксирован крупный некрополь первых вв. н. э. (рис. 3. *3*) [*Бейлін, Бейліна, Куліков* 2011, 32].

[8] На немецком аэрофотоснимке, сделанном в ноябре 1943 г., любезно предоставленном в наше распоряжение А. В. Куликовым, этот дом со «службами» хорошо просматривается в юго-восточном углу бывшего хутора Фабиано. В северо-восточном углу видны еще две постройки. Сохранилась на момент съемки и прямоугольная каменная ограда сада с немногими уцелевшими деревьями в нем, посаженными ровными рядами широтного простирания. Колодец просматривается к северо-западу от бывшего «господского» дома. К нему с трех сторон сходятся грунтовые дороги (рис. 3. *2*).

в известняковом скальном массиве, остальная, как и оголовок, сложена из известняковых камней. Общая глубина колодца составляла – 21 м, до «зеркала» воды – 12 м. На глубине около 8,5–9,0 м округлая в плане шахта (диаметром 1,8 м) резко расширялась до 3 м, благодаря чему, в разрезе ей была придана «бутылочно-образная» форма. На уровне «зеркала» воды колодец разделялся каменной перегородкой, на два неравных по размерам и глубине, сегментовидных в плане, резервуара, которые подпитывались разными источниками [*Санжаровец* 2003, 160; *Матковская* 2000, 36][9]. В малом резервуаре столб воды не превышал 3 м, а в большом составлял 7 м. Вход в, ведущую к колодцу, подземную галерею находился в 14,2 м к северо-востоку от него и был устроен в виде прямоугольного в плане, выложенного обработанными известняковыми камнями, углубления размерами 1,8×1,5 саженей (3,83×3,19 м), в которое вели 4 ступени. Галерея, вход в которую оформили в виде прямоугольного портала, шла под уклоном в 40 градусов[10] и была снабжена для удобства спуска и подъема 29 ступенями. Большей частью ее вырубили в материковом массиве известняка (названном в рукописи Е. Е. Люценко «крепкожелезистым песчаником»), у поверхности стены тоннеля сложили из прямоугольных известняковых блоков (рис. 4).

Не имея возможности изучить колодец, В. Ф. Гайдукевич ограничился визуальным обследованием прилегающей территории – бывшего хутора Фабиано, площадью более 11 га («10 десятин») (рис. 3. *1*, *2*). Им был обнаружен многочисленный подъемный материал, представленный, в основном, керамикой «эллинистического» периода, в том числе синопскими амфорами, боспорскими черепицами (одна из черепиц, найденная в непосредственной близости от колодца, оказалось с клеймом) и, в небольшой степени, керамикой «римского времени». В 1870-е гг. Фабиано, находил на территории своего хутора во время земляных работ «*каменные фундаменты каких-то зданий*», а Е. Е. Люценко, помимо «*беспрестанно попадающихся… глиняных черепков амфор*», упомянул находки «*архитектурных украшений из мягкого и крепкого известняка*». На основании этих свидетельств, В. Ф. Гайдукевич резонно предположил наличие рядом с колодцем крупного античного поселения с нижней хронологической границей в пределах IV–III вв. до н. э. и верхней – римского периода. Что касается самого колодца, вода из которого «славилась» своим качеством еще и в 1930-е гг., он допустил возможность его использования в культовых и, возможно, лечебных целях, но относительно даты сооружения никаких предположений не высказал [*Гайдукевич* 1941а, 264–265].

Позднее, в монографии «Боспорское царство» (1949 г.) В. Ф. Гайдукевич уже уверенно и без всяких оговорок интерпретировал этот гидротехнический комплекс как «загородное святилище Асклепия», а сам источник, как и Е. Е. Люценко, посчитал «*очевидно… целительным*». В этом контексте, вслед за своим предшественником, в качестве дополнительного и, на его взгляд, убедительного аргумента «целительным» свойствам источника, он признал находку на Темир-горе мраморной плиты с надписью, в кото-

[9] В одном резервуаре вода была минерализованной, в другом – обычная [*Матковская* 2000, 36]. К началу XX в. верхнюю часть перегородки разрушили, и вода из разных источников смешалась [*Кирилин* 1970; *Матковская* 2000, 37].

[10] Такой уклон галерея имеет согласно чертежу Е. Е. Люценко, что подтвердили и результаты обследования колодца в 1994 г. (см. о них ниже). В. Ф. Гайдукевич указал в своей статье угол в 45° [*Гайдукевич* 1941а, 264].

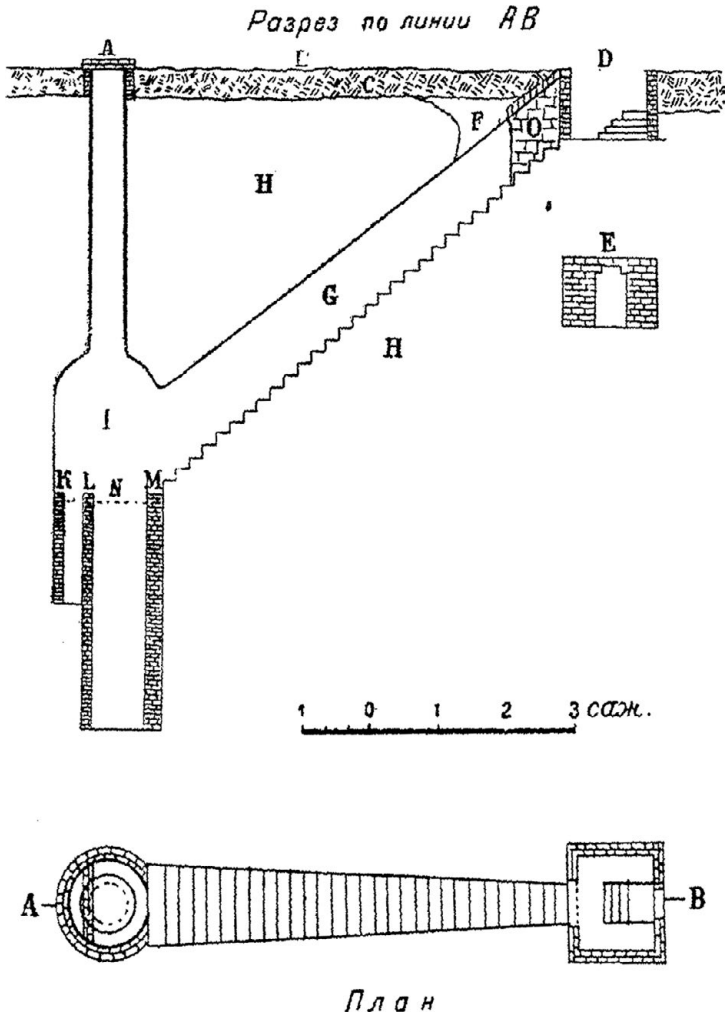


Рис. 4. План и разрез древнего колодца с боковой галереей Е. Е. Люценко, 1870-е гг. (впервые опубликован: *Гайдукевич*, 1941а)

рой упоминается «стол» (жертвенник в виде стола) с посвящением Асклепию, почитавшегося в эллинистический период как покровитель врачей, здоровья, исцеления или Спасителя – Сотера, способного ответить на просьбы и мольбы почитателей, излечивавшего от разных недугов и спасавшего от смерти [*Гайдукевич* 1949, 170, 172, рис. 30; *Gajdukevič* 1971, 183, Abb. 50]. Как об античном, *«очевидно входившем некогда в состав святилища Асклепия»*, и считавшемся целебным, В. Ф. Гайдукевич упомянул о колодце в предисловии к № 25 «Материалов и исследований по археологии СССР» [*Гайдукевич* 1952, 10]. В дальнейшем, его точку зрения относительно двойственного назначения колодца (хотя и с оговоркой «видимо») поддержал В. Д. Блаватский [*Блаватский* 1967, 188, прим. 63] и разделила М. М. Кобылина [*Кобылина* 1962, 182].

14 ноября 1954 г. и 18 ноября 1958 г. колодец, с прилегавшим к нему античным поселением, осмотрел внештатный сотрудник Керченского музея и краевед В. В. Веселов.

Среди собранного им подъемного материала преобладала керамика эллинистического и римского периодов, но, в отличие от В. Ф. Гайдукевича, им были, также, отмечены находки «раннесредневекового времени». К сожалению, последние не были подробно описаны и датированы, хотя речь, скорее всего, шла о хорошо знакомых ему амфорах и кухонных горшках VIII–X вв., обломки которых позднее фиксировались рядом с колодцем. Среди античной керамики В. В. Веселов выделил: фрагмент боспорской черепицы с клеймом второй четверти IV в. до н. э., двухствольную ручку косской амфоры и ручку синопской амфоры с трехстрочным клеймом. Таким образом, собранный им подъемный материал, подтверждал нижнюю дату поселения В. Ф. Гайдукевича [*Веселов* 2005, 22, 113, № 67/55.-1; *Семенов, Кунин* 1962, 258, рис. 1]. Позднее И. Т. Кругликова внесла его в «Список сельских поселений античного времени» Европейского Боспора под наименованием Партизаны-I [*Кругликова* 1975, 258, № 36; *Кругликова* 1984, 72–74, рис. 8. *36*; 9. *36*]. Что касается самого колодца, В. В. Веселов не был согласен с интерпретацией этого гидротехнического сооружения как «загородного святилища бога Асклепия», поскольку мраморная плита с упоминанием посвященного этому божеству «стола», была найдена на северном склоне Темир-горы, т. е. примерно в 1,75 км от него по прямой (рис. 3. *3*), а с учетом рельефа местности и направлений полевых дорог и того больше. В отличие от Е. Е. Люценко и В. Ф. Гайдукевича, В. В. Веселов счел такое расстояние слишком большим, чтобы говорить об одном и том же сакральном объекте. Кроме того, на таком же расстоянии от Темир-горы, но восточнее – в пос. Баксы (ныне с. Глазовка) находился другой, более мощный источник с исключительно хорошим качеством воды, у которого, по его мнению, было «*гораздо больше прав считаться минеральным и лечебным*». Им, как отметил В. В. Веселов, в лечебных целях местные жители пользовались еще и в 1950-е гг. [*Веселов* 2005, 22, 113, № 67/55.-1].

К сожалению, в дальнейшем, поселение Партизаны-I и сам колодец так и не стали объектами целенаправленных и масштабных археологических работ, а воду из подпитывающего его источника не подвергли биохимическому анализу на предмет ее «целебных» свойств. Попытки дальнейшего изучения и музеефикации колодца на протяжении длительного времени предпринимались, исключительно, сотрудниками Керченского музея, в частности Д. С. Кирилиным, С. А. Шестаковым, А. В. Куликовым и Н. Ф. Федосеевым. При этом Д. С. Кирилин всецело поддержал мнение В. Ф. Гайдукевича о нем как о «загородном святилище Асклепия». Живой отклик у него нашла и убежденность Е. Е. Люценко, Н. И. Репникова и Ф. И. Шмита в «лечебных» свойствах воды источника. Свои мысли по этим вопросам Д. С. Кирилин изложил в небольшой заметке «Целебный источник Аджимушкая», помещенной в газете «Керченский рабочий», но, за исключением нескольких интересных пассажей краеведческого характера, привел в ней уже ранее озвученные аргументы и сведения [*Кирилин* 1970]. Планы же дальнейшего комплексного изучения колодца так и остались, по существу, нереализованными, прежде всего ввиду отсутствия финансирования и дальнейшего использования колодца по своему прямому назначению [*Шестаков* 2013, 164].

6 сентября 1978 г. сотрудница Керченского историко-археологического музея Т. А. Гладкова (Матковская) составила на колодец паспорт, отправленный в памятникоохранные организации Крымской области и Министерства культуры УССР. Указанная

в нем информация базировалась, в основном, на опубликованных результатах разведок 1936 г. В. Ф. Гайдукевича и приведенных в его статье выдержках из рукописи Е. Е. Люценко. Датирован колодец был без всяких на то оснований IV–III вв. до н. э. 15 января 1980 г. Решением Крымского облисполкома № 16 его поставили на учет как памятник археологии (№ 2509)[11].

20 марта 1994 г. колодец по инициативе С. А. Шестакова обследовал Керченский клуб спелеологов «Карст» (В. И. Рыбкин и В. Тарасенко). В своем отчете они сообщили, что уровень воды находился на отметке 12 м от его горловины, глубина обводненной части шахты составляла 9 м. Песчаное дно было частично завалено известняковыми глыбами. Кладка ствола колодца сохранилась хорошо. Боковую галерею, соединявшуюся с шахтой на глубине 10 м, удалось проследить на протяжении 11 м. Она представляла собой прямоугольный в плане тоннель, размерами в сечении 2,0×1,5–1,7 м, проложенный по азимуту 80 градусов и под углом 40°. Галерея была частично заполнена землей и известняковыми камнями, а в конце – перекрыта кладкой из неотесанных камней, уложенных без связующего раствора[12]. На другой стороне шахты, на глубине 12 м, зафиксировали прямоугольную «нишу» (с малым резервуаром колодца) размерами – 2,0×2,0×3,0 м. В нем оказалось более 50 современных емкостей для подъема воды и приспособлений для ее перелива – железных ведер, канистр и воронок. В большом резервуаре находок не оказалось, видимо, его незадолго до этого чистили [*Матковская* 2000, 36][13]. Отчет о работах 1994 г., с приложенной к нему чертежом разреза колодца, в масштабе 1:200, хранится в фондах ВКИКМЗ.

В последний раз попытку исследовать колодец предпринял Одесский клуб подводной археологии «Наварекс» (руководитель – С. В. Грабовецкий, заместитель – А. С. Терещенко). В 1996–1997 гг. они предложили А. В. Куликову, на то время сотруднику Керченского заповедника, вновь попытаться изучить его методом подводных раскопок. К сожалению, руководство заповедника идею не поддержало, в основном, по причине отсутствия финансирования на такого рода технически сложный проект[14].

Поселение Партизаны-I после В. В. Веселова неоднократно с 1970-х гг. осматривал С. А. Шестаков, в начале 1980-х гг. вместе с Е. Г. Кастанаян. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. памятник привлек внимание Н. Ф. Федосеева. Собранный подъемный материал он датировал IV–III вв. до н. э. и первыми вв. н. э., при этом предположил, что в Митридатовский период на этом месте появилось укрепленное поселение, существовавшее, по крайней мере, до II в. н. э.[15] Впрочем, ничем подтвердить эту гипотезу так и не удалось, к тому же ей противоречит и рельеф, прилегающей к поселению местности, без господствующих высот и глубоких балок, к которым могли быть привязаны фортификационные сооружения.

---

[11] Постановлением Совета министров Республики Крым от 24 января 2017 г. № 17 «Античный колодец» включен в список выявленных объектов культурного наследия (№ п/п 42, учетный № 2509).

[12] Может быть в 1919 г. не взрывали вход в галерею, а лишь заложили? На этот вопрос, ответ могут дать только раскопки.

[13] Приносим глубокую благодарность за предоставленные сведения С. А. Шестакову.

[14] За сообщенные сведения, предоставленный иллюстративный материал и неоценимую помощь при написании статьи авторы приносят А. В. Куликову глубокую благодарность.

[15] За предоставленную информацию авторы приносят глубокую благодарность А. В. Куликову.

Что касается вопросов, связанных с обсуждением времени существования поселения, а также сооружения и функционирования колодца, до проведения раскопок они остаются предметом дискуссий. Пока что можно говорить лишь о том, что поселение существовало в IV–III вв. до н. э. и в первые вв. н. э. Изредка в его пределах фиксировалась керамика второй половины VIII – первой половины X вв. – фрагменты причерноморских бороздчатых амфор и салтово-маяцких горшков, на которые в свое время, видимо, и указывал в своих полевых дневниках В. В. Веселов. Здесь же, недалеко от колодца, в 1840 г. была найдена надпись, сообщающая об устройстве боспорским царем Котисом I некоего гидротехнического сооружения. Таким образом, если речь в ней идет о сооружении ныне существующего колодца, он может быть датирован не ранее 44–63 гг. н. э. Впрочем нельзя исключать и другой вариант, Котис I мог приказать построить рядом с уже существовавшим колодцем иное, связанное с ним сооружение – фонтан или бассейн, которому и принадлежал мраморный карниз с надписью.

Нет надежных аргументов и наделению источника лечебными свойствами (если не принимать за таковые ее слабую насыщенность углекислым газом), тем более устройству здесь некоего «курорта» и связанного с ним святилища Асклепия. Возможность существования последнего можно лишь осторожно допускать в районе Темир-горы, принимая во внимание надпись, найденную в 1872 г. на ее северном склоне [*Зинько* 1999, 81; *Молев, Молева* 2020, 200], но некоторые современные исследователи, ссылаясь на В. Ф. Гайдукевича, более категоричны в своих утверждениях, рассуждая даже о неких «храмах» и «святилищах» этого божества на Боспоре во множественном числе [*Лейбензон* 2014, 31; *Глушец* 1996, 90]. Привлекать же в качестве аргумента в попытках интерпретации колодца как святилища Асклепия надпись с Темир-горы, нет никаких оснований, тем более слишком велико расстояние между ним и местом ее находки.

Однако в том, что такое святилище существовало, исходя из надписи, вряд ли можно сомневаться. В Херсонесе, к примеру, расцвет культа Асклепия пришелся на II–III вв. н. э. В городе в это время, как предполагается, на северной его стороне, функционировал храм этого божества, при котором работали врачи. При этом, возможно, уже идет речь не об Асклепии-Сотере, а о синкретическом божестве Асклепии Внемлющем, к которому, впрочем, и к другим «богам внемлющим», взывали с просьбой об исцелении, помощи, защите, подкреплении и спасении, в том числе на море. Поэтому Асклепий Внемлющий нередко выступал покровителем целебных вод и источников, а также охранителем моряков. Однако с эпиклезой «Внемлющий» Асклепий встречается в Северном Причерноморье только один раз – в надписи конца III – начала II в. до н. э. из Калос Лимена [*Сапрыкин* 2002, 186–191; 2009, 72–74; *Сапрыкин, Кутайсов* 2015, 113–115]. Впрочем, в надписи с Темир-горы Асклепий назван в другой ипостаси – Спасителем (Сотером) и Благодетелем, а других надписей, в которых это божество упоминалось бы на Боспоре с эпиклезой, пока не найдено [*Кучеревская* 2018, 335].

Довольно слабо пока изучен в археологическом отношении и сам пос. Аджимушкай с его окрестностями. По существу, после разведок, проведенных здесь В. В. Веселовым, никто к этому району полноценно не обращался. Ситуация к лучшему стала меняться лишь в последние годы, в связи с проведением разведок в пределах сельскохозяйственной округи Мирмекия, а именно: ее участков, примыкающих к городищу с севера,

включая территории к юго-востоку от пос. Аджимушкай в районе Царского кургана, где были обнаружены несколько античных поселений и усадеб IV–III вв. до н. э. [*Столяренко, Бейлин, Михайлов* 2017, 127–135].

В заключении отметим, что колодец и поныне остается действующим, но за его состоянием с конца 1980-х гг. уже никто не следит. Находится он на ул. Родниковая (идущей в направлении запад – восток) на задернованном участке между пролегающей по улице щебнисто-грунтовой дорогой и оградой одного из домовладений по южной ее стороне.

Над его оголовком, сложенным из пиленных блоков известняка, добытого в Аджимушкайских каменоломнях, сооружена деревянная, квадратная в плане, конструкция закрытого типа с дверцей и воротом для подъема воды (рис. 5. *1*). Оголовок, высотой не менее 0,60 м и диаметром 1,5–1,6 м, сооружен, видимо, в XIX в., из трех рядов известняковых камней, уложенных тычком на постель. Следов связующего раствора между ними не зафиксировано. Снаружи кладка оштукатурена защитным слоем песчано-цементного раствора, сохранившимся лишь на отдельных участках с восточной, западной и северной стороны оголовка. Деревянная конструкция, закрывающая горловину, как и штукатурный слой кладки оголовка, имеет недавнее происхождение. Сооружена она не ранее начала 1980-х гг., когда колодец был благоустроен владельцами земельных участков садового товарищества «Аджимушкаец». С уровня горловины шахта колодца, насколько это можно рассмотреть, имеет древнее происхождение, выложена сверху по окружности 4-мя плоскими камнями дугообразной формы. Ниже прослеживается не менее 10 регулярных рядов кладки из плоских камней, уложенных под небольшим углом друг к другу, что придало ей округлую форму (рис. 5. *2*). При благоустройстве колодца в 1980-е гг. вокруг оголовка устроили прямоугольную в плане бетонную отмостку. В настоящее время она утратила первоначальную форму, уцелевшие ее участки растрескались и просели. За пределами площадки дневная поверхность задернована и покрыта разнотравьем. Вход в подземную галерею, находившийся к северо-востоку от шахты колодца, в 1919 г. засыпали. После этого он уже не расчищался (о чем в 1936 г. упомянул В. Ф. Гайдукевич) и в настоящее время на дневной поверхности не прослеживается даже в виде просадки грунта.

Территория бывшего хутора Фабиано, в пределах которого в 1870-е гг. был зафиксирован культурный слой и строительные остатки поселения Партизаны-I, ограничена с юга ул. Коммунаров, с севера – ул. Видной, с востока – ул. Степной, с запада – крайними садовыми участками (рис. 1. *1*, *2*). Ее площадь составляет 1,23 га. Размеры участка: в направлении запад – восток – 420 м, север – юг – 272 м. Сохранился, хотя и основательно перестроен, господский дом. Подъемный материал, встречающийся рядом с колодцем в пределах ул. Родниковая (а, также, на территории, примыкающих к ней с севера и юга домовладений), представлен мелкими фрагментами амфор и столовой посуды IV–III вв. до н. э., а также обломками полукруглой черепицы XIX–XX вв., большая часть которых найдена в пределах полотна дороги. К востоку от колодца обнаружен обломок известнякового гармана (катка для обмолота зерна в виде зубчатого цилиндра с продольным отверстием) XIX – начала XX вв., мастерские по изготовлению которых находились в Керчи. К сожалению, раскопки на поселении Партизаны-I

1

2

Рис. 5. *1* – колодец, вид с юга, фотография С. А. Новикова 2022 г.;
2 – шахта колода, вид сверху, фотография С. А. Новикова 2022 г.

не проводились, и оно, в отличие от колодца, не было поставлено на государственный учет. Возможности его дальнейшего изучения ограничены, в основном, пределами дорог и их обочин. В случае же проведения археологических работ на участках, прилегающих к колодцу, их логичнее начать с поиска приямка входа в боковую галерею с последующей расчисткой и архитектурными обмерами всех элементов древнего гидротехнического сооружения. До проведения раскопок датировка колодца античным периодом остается не более чем плодом логических умозаключений, базирующихся в основном на хронологических рамках поселения Партизаны-I, и найденного недалеко от колодца мраморного карниза с надписью, в которой сообщалось об устройстве в период правления Котиса I некоего гидротехнического сооружения, благодаря которому можно было пользоваться водой из подземного источника.

Таким образом, в настоящее время, мы имеем 2 объекта и 2 находки: *1*) колодец с неустановленной датой сооружения; *2*) поселение, существовавшее в IV–III вв. до н. э. и первых вв. н. э. (возможно, и в VIII–X вв.), на территории которого находится колодец; *3*) надпись, найденную в 1840 г. недалеко от колодца (на хуторе Н. Н. Кистеня) с упоминанием «источника, явленного доблестью» Котиса I; *4*) надпись II в. н. э., найденную в 1872 г. на Темир-горе (примерно в 1,75 км от колодца), в которой идет речь о столе-жертвеннике, посвященном Асклепию. Предполагаемая взаимосвязь между ними (особенно, в случае надписи с Темир-горы) более чем условна, и ее еще предстоит установить или опровергнуть.

Дискуссионным остается и время сооружения (обустройства) других, сохранившихся на Керченском полуострове гидротехнических сооружений, в том числе действующего и поныне «античного» колодца рядом с поселением эпохи бронзы Каменка к северу от пос. Опасное (очищался в 1980 и 1984 гг. А. Е. Кислым) [*Кислый* 2012, 214–215, рис. 7. *5*; *Кислый* 2016, 274, рис. 3. *к*], гидротехнического тоннеля с источником на городище Тиритака [*Сохин, Чернов* 2005, 105–113], каптированного источника, 19 колодцев и водозаборников на г. Опук [*Голенко* 2007, 253–254, 406, рис. 116–117; *Вахрушев* 1999, 7–10; *Вахрушев, Вахрушев* 2006, 30], подземных тоннелей с фонтаном (лишь недавно разрушенным) в с. Глазовка (бывш. пос. Баксы) [*Белик* 2008, 312–338; 2013, 24; *Кислый* 2012, 203, рис. 2; *Пономарев* 2022, 364, рис. 11. *2*] и колодца с двумя водосборными галереями и каскадом поилок для скота у с. Тасуново [*Винокуров, Павловский* 2009, 459–489]. На Керченском полуострове выявлено множество таких объектов, большая часть из них, вне всякого сомнения, относится к эпохе позднего средневековья, новому и новейшему времени, но какие-то могут оказаться и более ранними [*Винокуров* 2011, 66–67, прим. 8; *Гаврилов* 2010а, 27, 34, 38, рис. 3; 11; *Гаврилов* 2010б, с. 95, рис. 5. *б, в*].

Список литературы

А*шик* А. Б. 1848–1849. Воспорское царство с его палеографическими и надгробными памятниками расписными вазами, планами, картами и видами. Одесса. Ч. I, 117; Ч. II, 88; Ч. III, 96.

Б*ейлін* Д.В, *Бейліна* С. А., *Куліков* А. В. 2011. Розвідки в Пінічно-Східної частині Керченського півострова // Археологічні досліджения в Україні в 2010 р. Київ–Полтава, 32.

Белик Ю.Л. 2008. Некоторые вопросы водоснабжения крепости Ени-Кале в XVIII–XIX вв. // Научный сборник Керченского заповедника. II. Симферополь, 312–338.

Белик Ю.Л. 2013. Исследования на территории крепостей Керчь и Ени-Кале // Археологічні дослідження в Україні 2012 р. Київ, 24.

Блаватский В Д. 1967. Античная полевая археология. М., 208.

В*ахрушев* Б. А., *Вахрушев* И. Б. 2006. Заповедные объекты массива горы Опук и сопредельных территорий // Труды Никитского ботанического сада – Национального научного центра. Т. 126, 23–33.

Вахрушев И. Б. 1999. Роль карстовых конденсационных вод в водном хозяйстве античных и средневековых поселений Керченского полуострова // Культура народов Причерноморья. 10. Симферополь, 7–10.

Вахтина М.Ю. 2017. История раскопок кургана на Темир-Горе (по материалам Научного архива ИИМК РАН) // Российские археологи XIX – начала XX в. и курганные древности Европейского Боспора. СПб, 44–68.

Веселов В. В. 2005. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг. (ДБ. Suppl. II). М., 266.

Винокуров Н.И. 2011. Гидротехнические сооружения античного городища Артезиан в Крымском Приазовье // ДБ. 15, 45–72.

Винокуров Н.И., *Павловский* А.И. 2009. Исследование гидросистемы на окраине античного городища Тасуново (Кош-Кую) // БИ. XXI, 459–489.

Г*аврилов* А. В. 2010а. Первые результаты археологической разведки в районе мыса Чауда и озера Качик на Керченском полуострове // Причерноморье. История, политика, культура. Вып. III. Серия А. Античность и средневековье. Избранные материалы Международных научных конф. «Лазаревские чтения». Севастополь, 24–38.

Гаврилов А. В. 2010б. Результаты обследования следов размежевки в окрестностях мыса Чауда и озера Качик на Керченском полуострове // ДБ. 14, 88–104.

Гайдукевич В. Ф. 1941а. Керченский район, 1935–1936 гг. // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения. М.–Л., 60–65.

Гайдукевич В. Ф. 1941б. Укрепленная Villa rustica на Темир-горе // СА. VII, 45–60.

Гайдукевич В. Ф. 1949. Боспорское царство. М.–Л., 622.

Гайдукевич В. Ф. 1952. Предисловие // МИА. 25, 7–11.

Глушец Н. М. 1996. Тезисы к работе «Медицина на античном Боспоре» // Проблемы археологии и истории Боспора. Тез. докладов юбилейной конф. 25–27 июля 1996 г. Керчь, 89–91.

Голенко В. К. 2007. Древний Киммерик и его округа. Симферополь, 408.

Григорьев В. В. 1876. Цари Воспора Киммерийскаго, преимущественно по современным им надписям и монетам // Россия и Азия. Сб. исследований и статей по истории, этнографии и географии написанных в разное время В. В. Григорьевым ориенталистом. СПб, 322–417.

Д*юбрюкс* П. 2010. Собрание сочинений. СПб.: Т. 1, 726; Т. 2, 310.

З*инько* В. Н. 2007. Культово-сакральные объекты extra-urban европейского побережья Боспора Киммерийского VI–I вв. до н. э. // БФ: Сакральный смысл региона, памятников, находок. СПб, 78–83.

Зуев В. Ю. 1999. Еще раз об эпиграмме из Эль-Тегеня // Боспорский город Нимфей: новые исследования, материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья. Материалы международной научной конф. СПб, 34–37.

К*ирилин* Д. С. 1970. Целебный источник Аджимушкая // «Керченский рабочий». 1970. № 23, 3 февраля.

Кислый Е. А. 2012. Планиграфия памятников Каменской культуры Восточного Крыма // ДБ. 16, 200–219.

Кислый Е. А. 2016. О стенах (специальные постройки Каменской культуры Восточного Крыма) // ДБ. 20, 269–288.

Кобылина М. М. 1962. Новые находки скульптуры в Пантикапее // МИА. 103, 180–189.

Ковыркин К. К., *Санжаровец* В. Ф. 2014. Керченский полуостров. Географический словарь // Научный сборник Керченского заповедника. IV. Симферополь, 443–585.

Кругликова И. Т. 1975. Сельское хозяйство Боспора. М., 300.

Кругликова И. Т. 1984. Сельская территория // Античные государства Северного Причерноморья (Археология СССР). М., 72–77.

Кудрявцев Ф. [Д.] 1894. Опыт изучения водоснабжения и орошения в Феодосийском уезде Таврической губернии. Одесса, 48.

Кучеревская Н. Л. 2018. Эпиклезы греческих божеств в лапидарной практике Боспора // БФ: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Ч. 1. СПб, 334–339.

Л*ейбензон* Ю. Т. 2014. Ars Medica Северопонтийских городов в античную эпоху // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер. «Исторические науки». Т. 27. № 4, 26–40.

Люценко Е. Е. 2014. Заметки о некоторых местностях на Керченском и Таманском полуостровах. Октябрь 1869 г. // Научный сборник Керченского заповедника. IV. Симферополь, 605–631.

М*асленников* А. А. 1999. Сельские святилища античного Боспора // БФ: Греческая культура на периферии античного мира. СПб, 125–132.

Матковская Т. А. 2000. Культовые сооружения Пантикапея // Пилигримы Крыма. Осень'99 (Путешествия по Крыму, путешественники о Крыме). IV Крымская Международная научно-практическая конф. Крым, г. Симферополь, 16–17 октября 1999 г. Симферополь, 30–37.

Молев Е. А., *Молева* Н. В. 2020. Асклепий Пергамский и Артемида Эфесская на керамическом медальоне из Китея // БИ. XL, 196–205.

П*олицейский листок* Керчь-Еникальского градоначальства. 1888. № 40, 9 октября.

Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства. 1892. № 44, 8 ноября.

Полицейский листок Керчь-Еникальского градоначальства. 1893. № 44, 7 ноября.

Пономарев Л. Ю. 2022. Османская Керчь в описании участников «Керченского похода» 1699 г.: фортификационные, гражданские и культовые сооружения и их дальнейшая судьба // БИ. XLIV, 278–370.

Р*епников* Н. И., *Шмит* Ф. И. 1932. Античный курорт в окрестностях Керчи // СГАИМК. 5–6, 67–68.

С*анжаровец* В. Ф. 2003. Современная и историческая топонимия Аджимушкая // Крымфронт – Аджимушкай: К 60-летию боевых действий Крымского фронта и обороны каменоломен. Военно-исторические чтения. 1. Керчь, 145–175.

Санжаровец В. Ф. 2012. Этнографические и исторические зарисовки, посвященные Еникале и Керчи, в трудах Поля Дюбрюкса // Этнография Крыма XIX–XXI вв. и современные этнокультурные процессы. Материалы и исследования. 3. Симферополь, 217–226.

Сапрыкин С. Ю. 2002. Был ли на Боспоре храм Асклепия? // Северное Причерноморье в античное время. Киев, 186–191.

Сапрыкин С. Ю. 2009. Религия и культы Понта эллинистического и римского времени. Москва–Тула, 426.

Сапрыкин С. Ю., *Кутайсов* В. А. 2015. Культ бога Асклепия в Калос Лимене // БИ. XXXI, 110–120.

Семенов С. А., *Кунин* В. Э. 1962. Разведки на Керченском полуострове // Археология и история Боспора. II. Симферополь, 257–263.

Сохин М. Ю., *Чернов* С. И. 2022. Подземные гидротехнические сооружения на Тиритаке // Спелеология и спелеостология. 1. Набережные Челны, 105–113.

Столяренко П. Г., *Бейлин* Д. В., *Михайлов* А. М. 2017. Об одном из направлений пространственного развития сельскохозяйственной округи Мирмекия // Таврические студии. 12. Симферополь, 127–135.

Ш*естаков* С. А. 2013. Проблемы охраны некоторых специфических памятников на Керченском полуострове // Таврические студии. Исторические науки. 1. Симферополь, 163–167.

Шкорпил В. В., *Ростовцев* М. И. 1910. Эпиграмма из Эль-Тигеня // ИАК. 37, 14–22.

G*ajdukevič* V. F. 1971. Das Bosporanische Reich. Berlin–Amsterdam, 692.

Summary

A. Yu. Manaev, L. Yu. Ponomarev
An ancient well and the settlement of Partisans-I on the northern outskirts of the village of Adzhimushkay (to the history of the study)

The article analyzes the materials available to researchers about the «ancient» well and the adjacent settlement of Partizans-I which are located on the northern outskirts of the village of Adzhimushkay (Kerch). E. E. Lyutsenko, N. I. Repnikov, F. K. Shmit, V. F. Gaidukevich and D. S. Kirilin dated the well to the ancient period. In their opinion, it could be used not only as a hydraulic structure, but also as a cult object dedicated to the god Asclepius, since the mineralized water from the source that fed it supposedly had healing properties. The settlement of Partizans-I adjacent to the well was dated by V. F. Gaidukevich to the 4th–3rd centuries BC and the first centuries AD. V. V. Veselov recorded finds of ceramics from the 8th–10th centuries on it. Unfortunately, the available data is not enough to definitively recognize the well as an ancient structure, which is only indirectly indicated by a fragment of a marble cornice found next to it with an inscription from the reign of Cotys I. To resolve the issue, further excavations of this monument are necessary.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-437-1.309-337

А. А. Масленников
(Институт археологии РАН, г. Москва)

Палеогеография, топография, абсолютная хронология, планировка и строительная периодизация поселения Полянка[1]

Рано или поздно всякий достаточно долго изучаемый археологический объект по идее должен ответить их исследователю на следующие основные вопросы: топография и планиграфия, общие и частные особенности стратиграфии и планировки, хронология, культурно-демографическая и историческая характеристики. Площадь объекта археологического наследия (ОАН), как известно, в целом определяется по тем или иным искусственным и/или естественным особенностям рельефа и территорией (сплошной или «очаговой») распространения культурного слоя. В основном, эта задача решается ещё на стадии археологической разведки. А вот все остальные – естественно, только после максимально возможной, а желательно – полной «раскопанности» памятника, чего нередко в силу целого ряда причин добиться либо очень сложно, либо невозможно в принципе. В таком случае приходится довольствоваться анализом более или менее представительной и содержательной информации с исследованной площади, интерполируя, разумеется, с оговорками, полученные результаты и выводы на весь объект. В античной полевой археологии Северного Причерноморья за исключением в целом не очень многочисленных примеров (курганы, сторожевые башни и крепости-форты, отдельные загородные усадьбы и сельские же святилища) именно с такого рода поселенческими объектами археолог и имеет дело. Лишь немногие прочие сельские поселения (о городах, разумеется, речь не идёт вообще) разного времени и местонахождения раскопаны на сегодняшний день полностью или почти полностью. К их числу на Европейском Боспоре помимо сторожевых башен на валах можно отнести городища близ сёл Ново-Отрадное и Семёновское, усадебные комплексы IV–III вв. до н. э. и несколько городищ эллинистического времени в Крымском Приазовье и дальних окрестностях Пантикапея – Керчи (Генеральское-западное,

[1] Статья подготовлена в рамках НИР ИА РАН по теме «Причерноморская и Центральноазиатская периферии античного мира и кочевнические сообщества Евразии на перекрёстке культур и цивилизаций». (НИОКТР № 122011200269-4).

Рис. 1. Район Караларского побережья Азовского моря с поселением Полянка

Андреевка-южная, Манитра и н. др.), отчасти, Илурат и, наконец, поселение Полянка в том же Приазовье.

Топографии этого памятника, особенностям стратиграфии, широкой (относительной) и узкой (абсолютной) датировке на основе анализа основных хроноиндикаторных групп находок и исторического контекста посвящена уже целая серия публикаций автора. Основные их выводы – результаты, начав с палеогеографии, разумеется, надо учитывать при рассмотрении общей и частной (домостроительства) планировки и застройки этого поселения. Напомним о них вкратце.

Итак, судя по данным палеогеографов, палеоморфологов и палеоклиматологов, условия природной среды Крымского Приазовья при всех, подчас весьма существенных, но кратковременных переменах за последние три тысячи лет принципиально не изменились. Это вовсе не значит, что здешний берег моря выглядел во времена Боспорского царства совершенно также как и сейчас (рис. 1–3). Но всё же он был весьма близок современному. И это при том, что периодически менялись: уровень моря, его солёность, морская и сухопутная фауна и флора, температурный и климатический максимум и минимум, возможно, роза ветров. Даже в античный период, на протяжении почти тысячи лет, такие перемены имели место, подчас существенно отражаясь на хозяйстве, быте и численности местного населения [*Масленников* 2023а, 183–200]. Динамика этих процессов ещё не вполне ясна. Тем не менее, за редким исключением мы не сталкиваемся с постройками в низменных, затопляемых местах (бухтах), хотя не исключено, таковые и существовали, когда море отступало. Напротив, почти все античные прибрежные поселения были расположены на высоких, устойчивых по своим геологическим характеристикам мысах и примыкающих участках. Не исключение – и рассматриваемое городище. В тоже время повсеместно фиксируемые теперь

Рис. 2. Мыс и поселение Полянка. Вид сверху и с севера

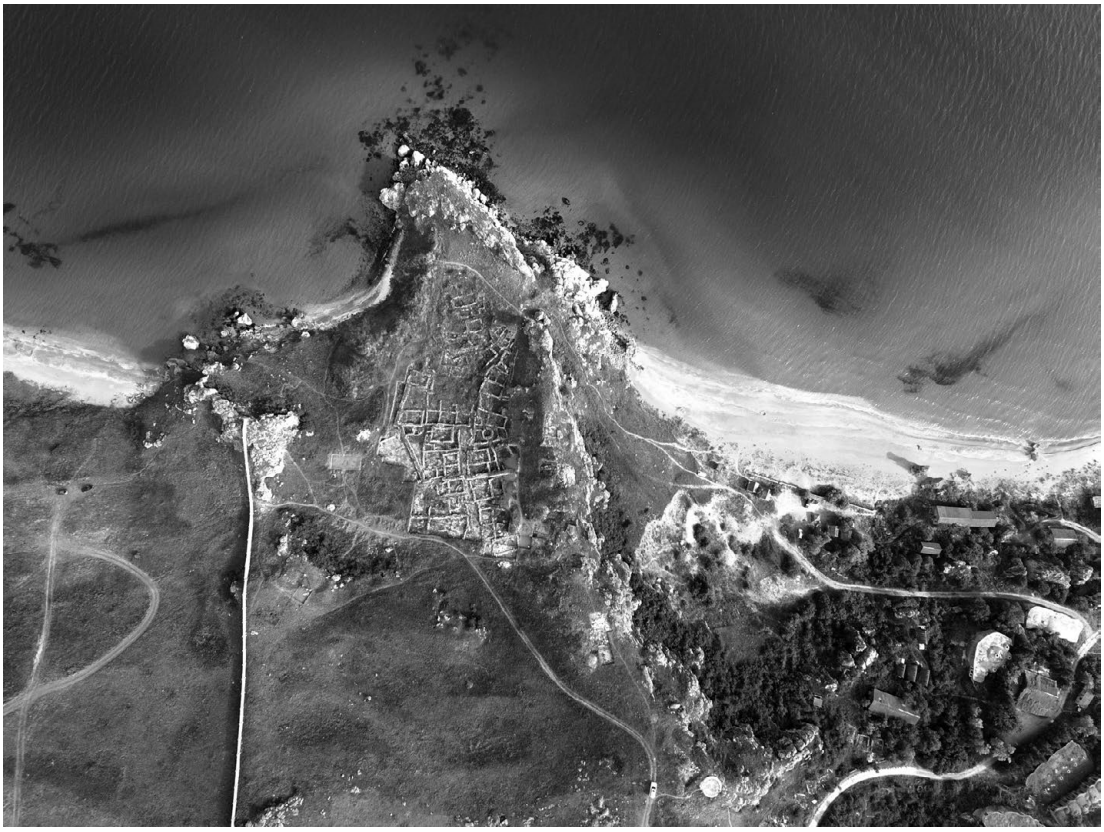


Рис. 3. То же. Вид сверху

в этом регионе береговые обрушения – абразионные процессы, вероятнее всего, имели место и в древности. В какой степени с этим, а равно и с сейсмическим фактором считались тогдашние первопоселенцы, можно только предполагать. Ведь первый – всё же представляется более очевидными и предсказуемыми. Второй – напротив. (Напомним, вблизи располагается т. н. Южно-Азовский тектонический разлом, что делает этот район Крыма весьма сейсмоактивным.) Как долго редкие сильные землетрясения, вернее, их последствия (к слабым, надо думать, обыденное сознание и бытовая практика боспорских греков были «адаптированы», исходя из их т. с. генетической памяти) сохранялись в памяти местного населения не ясно. Если, разумеется, оно, это население, обитало тут непрерывно на протяжении достаточно долгого времени, что нам представляется далеко не очевидным. Впрочем, рассматриваемый пример – поселение, как мы увидим ниже, как будто бы являет собой некий образец отсутствия упомянутой «генетической памяти». В этой же связи есть некоторые основания полагать, что столь присущие Крыму карстовые образования также могли играть здесь свою роль, причем, иногда весьма существенную. Отметим также, что господствующие в осенне-зимний период наиболее холодные и сильные северо-восточные ветра не только, мягко говоря, некомфортны, но и могут приводить к появлению на рассматриваемом побережье т. н. нагонов – временных (и значительных, до 2 м высотой) подъёмов/отступлений воды. С этими явлениями древнее население также, по-видимому, было знакомо, выбирая соответствующим образом места для своих долговременных поселений. Примечательно, что почти исключительно учёт этого обстоятельства (роза ветров) относится к городищам рубежа эр и первых веков н. э., поскольку именно они размещались на склонах прибрежных холмов, противоположных (укрытых) от северо-восточных ветров, благо природа (естественный рельеф) как бы сама способствовала этому. В полной мере всё это применимо и к поселению Полянка. Случались тут, как и сейчас, весьма холодные зимы; море замерзало, и к этому также надо было как-то приноровиться. В настоящее время один-два дождливых «сезона» сменяются 10–12 засушливыми годами, что, видимо, как-то соотносится с циклами солнечной активности. Возвращаясь к вопросу о динамике береговой линии, т. е. уровню Азовского моря (Меотиды) (а, следовательно, пейзажу, синхронному тому или иному историческому периоду и конкретной поселенческой структуре), отметим, что условия для мореплавания (наличие удобных бухт, направления основных ветров и течений, величина глубин, от которых зависел – тоннаж судов и сроки навигации, а также состав и количество морской фауны, прежде всего, добываемой, потребляемой и экспортируемой) имели, наверняка, очень большее значение для местного населения. И обитатели поселения Полянка тут не были исключением. Надо думать, бухты, примыкающие и сегодня с северо-востока и северо-запада к небольшому скалистому мысу, за которым в долине-котловине оно и располагалось (рис. 2–4), существовали в том или иной виде и в эпоху его функционирования. Особенно большое значение, естественно, имеют источники питьевой воды. Восточный Крым, как известно, не богат ими. Впрочем, в Приазовье – данная ситуация в целом была и есть несколько лучше (известны родники, были до недавнего времени относительно пресные ручьи и речки). Но определяющими, безусловно, являлись и являются грунтовые воды и, как следствие (и, начиная с античного

Рис. 4. То же крупный план

времени, – признак цивилизации) – колодцы. Трудно сказать с уверенностью, какие из нескольких десятков известных автору колодцев в бухтах здешнего побережья, как правило, совсем недалеко от берега, изначально были построены в античное время. Но что таковые тогда существовали – совершенно бесспорный факт, подтверждённый раскопками. В данном случае, однако, такой информацией, несмотря на многолетние работы и осмотры сопредельных бухт, мы пока не располагаем. Теоретически, такой колодец/-дцы должен был находиться если не в бухтах по-соседству, куда были бы устроены более или менее удобные спуски, то в самой низкой (северо-западной) части собственно площади поселения. Тогда доступ к нему также должен был соответствующим образом «обустроен», что не могло не отразиться на особенностях разбивке на местности, планировке и назначении (?) близлежавших построек. (И тут тоже есть некоторые наблюдения.) В любом случае совершенно очевидно, что никакое значительное и долговременное поселение не должно было располагаться слишком далеко от такого источника, что, наверняка, учитывалось при выборе соответствующего места его основателями. В тоже время, надо постоянно считаться с тем, что некоторые из вышеперечисленных природных факторов (перемена уровня моря, землетрясения) могут сильно влиять на состояние и само существование водоносных слоёв, а значит: функционирование колодцев в прибрежной зоне. А это, в свою очередь – стать причиной прекращения (временно или навсегда) жизни на тех или иных поселенческих структурах, а то и почти повсеместно в регионе. Как бы забегая вперёд, скажем, что в ряде случаев, в том числе и в рассматриваемом, это, возможно, так и было.

Теперь кратко об особенностях рельефа и всего местоположения рассматриваемого памятника. Как уже неоднократно писалось, он занимал практически всю т. н. полянку: небольшую овальную долину, точнее котловину между выраженными и достаточно высокими прибрежными и прибухтовыми: скальным останцом (на западе), обрывистым скальным массивом (на севере), достаточно протяжённым скалистым же кряжем, резко обрывающимся с противоположной от котловины стороне (на востоке), а также довольно крутым и высоким подъёмом на плато (на юге) (рис. 2–4). На северо-западе, у берегового обрыва отчётливо выделяется земляной холм-зольник. Площадь её (котловины), вплоть до подножья упомянутых скал, в которую вели всего два удобных прохода с юго-востока и с юго-запада, около 6500 м^2. Собственно же поселение, как это показали раскопки (на площади почти в 5000 м^2), занимало практически всё это пространство, кроме самых крутых участков склонов и, скорее всего, крайнего юга и юго-запада котловины. При этом поверхность её в целом относительно (ибо всё же есть невысокие «террасы») плавно понижается к северо-западу, где находится самое низкое место рельефа. С востока же и севера склоны котловины наиболее крутые. Указанная специфика рельефа, как показали раскопки, отразилась на некоторых особенностях разбивки на местности и даже направлениях основных планировочных «решений» местной застройки, которая местами носила характер террасной. Перепады же высот на этой территории достигали весьма значительных величин (с северо-востока на юго-запад: около 5 м; с севера-запада на юго-восток: 10–12 м). До начала археологических работ всё только что описанное пространство было относительно сильно задернованно и лишь кое-где нарушено небольшими ямами и заплывшими воронками нового времени.

Все вышеперечисленные факторы и обстоятельства, включая последствия природных катаклизмов, естественно, не могли ни сказаться на специфике слоеобразования, сохранности строений и, как следствие, методике раскопок. В частности, необходимо напомнить о сложности, а местами как бы противоречивости стратиграфии напластований и планиграфии строительных остатков [см. подробно: *Масленников* 2013, 232–253]. Если кратко, то дело, прежде всего, в том, что, как выяснилось в ходе работ, культурный слой здесь в целом формировался вследствие разновременного функционирования двух различных памятников. Главная его особенность: мощный, особенно в восточной части площади поселения (до 4.5 м), зольно – мусорный грунт, представлявший собой долговременный (около полутора веков) сброс с вершины соответствующего скалистого холма. Невыразительные остатки там – наверху нескольких стен (№ 168–169)[2] и столь же незначительного соответствовавшего им культурного слоя с «подобающими» находками (упомянем развал красноглиняной, буролаковой «мегарской» чашки явно III–II вв. до н. э., две медные монетки того же времени, чернолаковый черепок с относительно пространным граффито), две-три обособленных, относительно небольших по размеру постройки (святилища) на некотором (до полутора-двух сотен метров) удалении к юго-востоку от собственно рассматриваемого памятника (фактически уже на соседнем с котловиной плато) – вот и всё, что осталось от некоего, вероятно, довольно большого поселения эллинистического времени. Оно должно было располагаться непосредственно к востоку и северо-востоку от только что упомянутых объектов. Но именно тут сейчас простирается обширная, наполненная скалистыми останцами прибрежная котловина и достаточно протяжённая бухта (рис. 1, 3). Почти никаких «следов» античного времени, не говоря уже о синхронных этому безвестному поселению, здесь нет. Специалисты соответствующего научного профиля не дают внятных объяснений появлению данного природного образования, предполагая то огромный и внезапный карстовый провал, то последствие сильнейшего землетрясения, то «то и другое» вместе. При этом аналогий подобной природной катастрофе, а это действительно была локальная катастрофа, на ближнем и дальнем побережье нам не известно, что делает эту «ситуацию» ещё более запутанной.

Но вернёмся собственно к «Полянке». Многолетние (1984–1987, 2007–2022 гг.) (рис. 2–4) раскопки почти (см. выше и ниже) не выявили тут строительных остатков, уверенно соотносимых с только что упомянутым, ранним (условно III–II вв. до н. э.) поселением. Все строения позднего поселения либо в той или иной степени были впущены в упомянутый зольно-мусорный грунт (восточная часть площади котловины), либо, также в той или иной мере (естественно, меньше всего на западе) подстилались им. Кроме того, в первом случае – уже заброшенные постройки I в. до н. э. местами даже оказывались перекрытыми этим же грунтом, который продолжал сползать по склону холма. «Пространственная неравномерность» этого процесса (зольно-мусорный сброс не фиксируется в южной части склона, но весьма мощный и протяжённый в его центре и на севере) свидетельствует, что соответствующая (западная) часть эллинистическо-

[2] Возможно, к их числу можно отнести и остатки нескольких соседних стен (№ 161–165). Правда, соответствующие находки относятся в массе своей к I в. до н. э., но не исключено, что более ранние стены были использованы позднее по иному назначению (святилище?).

го поселения не занимала края вершины упомянутого холма на всём его протяжении. Ранних находок (в том числе даже эпохи бронзы [см.: *Масленников* 2023, 121–123]) в различных комплексах и горизонтах культурного слоя рассматриваемого городища существенно больше в местах, территориально «связанных» с предшествовавшей «свалкой». Дóлжно также отметить, что упомянутый выше зольный холм у берегового обрыва на северо-западе котловины в основе своей состоял всё из того же эллинистического мусорного грунта, сдвинутого сюда (и отчасти перемешанного с относительно поздними напластованиями и находками) в ходе нивелировки поверхности и иных строительных работ уже в I в. до н. э. (см. ниже). Одновременно стоит упомянуть, что в верхних горизонтах напластований городища Полянка кое-где встречались единичные находки и даже невыразительные остатки строений (см. ниже) позднеантичного и раннесредневекового (VIII–X вв. н. э.) времени [*Масленников* 2023, 123–127].

Следующая особенность данного ОАН касается характеристике его построек (рис. 2–5). В целом их сохранность можно признать вполне удовлетворительной для рассматриваемого региона, времени и типа памятников. Стены хотя и были сложены, как правило, из необработанных камней местного известняка на растворе земли и отчасти глины, но всё же с соблюдением основных строительных приёмов, характерных для боспорского домостроения. Подавляющее большинство раскопанные кладок, кое-где уцелевших в высоту до одного метра и даже более и порой достаточно протяжённых, относится к типу иррегулярных, трёх-двухслойных, двухлицевых. Но главное состоит в том, что, несмотря на относительно короткий период бытования этого памятника (около двух третей века), их (постройки), исходя из стратиграфических, конструктивных и, отчасти, хронологических наблюдений/особенностей, можно с той или иной степенью уверенности «поделить» на три строительных периода (рис. 5). Причем, во втором – и даже в третьем можно выделить два «этапа» (см. ниже). Позднеантичные и раннесредневековые строения в данном случае не учитывались, хотя формально это в целом как бы – четвёртый строительный период. (Более того, можно и его «разбить» на этапы, но уж очень они «непрезентабельны».)

Разумеется, и это надо оговаривать постоянно, такое «деление», особенно в отношении построек «этапов» второго периода, далеко не всегда очевидно и бесспорно. Последовательность соответствующих перемен или соотношение строений в силу разных причин не всегда нам ясна, а то и просто непонятна и даже неизвестна. Так степень раскопанности (доследованности) площади памятника неодинаковая. На значительной части объекта работы были доведены до материка (скалы, мергелевой глины или супеси и щебня). Ещё чаще – до упомянутых выше зольно-мусорных напластований. А местами – остановлены на/над более ранними строительными конструкциями. Лишь в отдельных случаях относительно поздние постройки сознательно разбирались, дабы прояснить общую (как правило, более раннюю) строительно-хронологическую ситуацию. Сохранность стен и вымосток при всём этом тоже имела значение. Качественные строения не разбирались вовсе. Но, пожалуй, главная трудность – достаточно узкая хронология рассматриваемого поселения: не более двух третей века. Современное же состояние датировок основных категорий хроноиндикаторных находок, в целом, как известно, не позволяет уверенно выделять среди слоёв и археологических комплексов сколь-ли-

бо более «узкие», нежели в четверть века. (Разумеется, кроме довольно редких случаев археологического «сопровождения» хорошо датированных исторических событий.) Да и находок – то этих, за небольшим (хотя, порой и ярким) исключением (монетные «клады», терракоты и посуда из святилища), сделано было весьма немного, в том числе и в т. н. закрытых комплексах. (В данном случае условно «закрытые» комплексы – почти исключительно помещения; ям крайне мало, что является ещё одной особенностью рассматриваемого памятника.) В основном это сильно фрагментированный амфорно-посудный бой. Монеты, амфорные клейма, керамические обломки с граффити, фрагменты терракотовых статуэток, светильники, грузила и т. п. предметы, попадающие обычно в коллекционные описи, в значительной степени происходят из неоднократно упоминавшегося эллинистического зольно-мусорного слоя/слоёв. Что же касается собственно рассматриваемого поселения, то этот «показатель» (степень насыщенности находками) замено меняется в зависимости от конкретного участка городища, что, кстати, очень хорошо прослеживается при знакомстве с соответствующими экспедиционными Описями за все годы работ на данном объекте. Индивидуальные находки в основном были сделаны в комплексах и слоях I в. до н. э. северо-западной и центральной частей единого большого раскопа (работы 1984–1987 и 2007–2008 гг.). И напротив, южный и юго-восточный его участки почти вовсе лишены оных. К этому феномену мы ещё вернёмся ниже. Так что, в общем, ощущение такое, что, повторим уже не раз произнесённую в отношении обитателей этого поселения фразу: «Ушли и пол за собой подмели». Хотя, были и весьма яркие и даже вызывающе неожиданные исключения (см. ниже). А всё, что осталось, в массе своей ввиду фрагментарности и/или достаточно широкой датировки, как только что писалось, не всегда позволяет уверенно сузить хронологию каждой из рассматриваемых построек и/или комплексов в пределах указанного времени бытования «Полянки». И, следовательно, чётко соотнести абсолютно все их с тем или иным строительным периодом и тем более – его этапом. Подчас, как тоже уже отмечалось, очень трудно, а то и вовсе невозможно определить среди стен, особенно плохой сохранности: какая из них первична, а какая пристроена позднее. В первую очередь это касается уже упомянутого крайнего северо-западного участка городища (рис. 5) с очень скученной/тесной и довольно небрежной (грубый характер кладок стен, их непрямолинейность, отсутствие правильной планировки) застройкой. К тому же, исследования здесь велись в самые первые годы работ, когда специфика памятника была ещё не ясна, а опыта у непосредственно копавших его – недостаточно. Кроме того, этот участок выделялся особенно плотным, фактически сплошным завалом камней. Разборка его, да ещё в купе со всей вышеуказанной локальной спецификой не только требовала больших усилий, но и по неопытности и из осторожности, в отдельных случаях могла приводить и, вероятно, приводила к появлению псевдо-стен, не все из которых впоследствии были убраны. Не всегда фиксировался и такой важный строительно-хронологический «момент», как характер сочленения стен. «Перепроверить» и исправить эти «обстоятельства» в силу разных причин далеко не всегда возможно, но отрицать саму вероятность такого рода ошибок было бы не честно. Что-то могли «проглядеть», на что-то не обратить внимания, а что-то не понять. Но, как пелось когда-то: «… того уж не вернёшь». Остаётся вновь вернуться к датировкам, вернее – абсолютной хронологии

рассматриваемого городища, то есть тем временным «рамкам», внутри которых мы будем с большей или меньшей уверенностью размещать «наши» строительные периоды и т. п.

Самый важный и массовый при этих изысканиям материал – амфорная тара. В основном это обломки светлоглиняных, реже красноглиняных сосудов с двуствольными ручками, датируемых довольно широко (условно: 63 г. до н. э. – начало, первая четверть I в. н. э.)[3]. Собственно ранней краснолаковой керамики (боспорская сигиллата) (её иногда можно спутать с позднеэллинистической с буролаковым покрытием) очень и очень мало. Самые ранние единичные фрагменты (Восточная сигиллата B1) в лучшем случае могут быть датированы не ранее последней четверти I в. до н. э.[4] Почти нет и обломков, украшенных в стиле «barbatin». Зато заметно – подчеркнём это – присутствие сероглиняной керамики, в том числе и целых форм с лаковым покрытием, которая как раз характерна именно для второй трети всё того же столетия [*Масленников* 2019, 135–143], но бытовала, видимо, и немного позднее [*Журавлёв, Ломтадзе* 2022, 62 и сл.]. О монетах, терракотах также уже писалось или особо будет сказано ниже. Отметим лишь в этой связи ещё один хронологический репер: сероглиняные «мегарские» чашки (все во фрагментах, нет даже ни одного развала или археологически целого экз.) чаще всего без лакового покрытия, скорее всего, местного (боспорского) производства. Судя по нашим наблюдениям, основанным на результатах раскопок достаточно многочисленной группы «местных» археологических объектов с заведомо «узкой» хронологией, к тому же как бы подтверждённой «исторически», время их бытования не «поднимается» выше начала 40-х годов I в. до н. э. и не «опускается» ниже начала первой войны Митридата с Римом [*Масленников* 2020а, 200–201]. Прочие индивидуальные находки (светильники, курильницы, медно-бронзовые изделия и украшения и н. др.) либо очень малочисленны, либо относительно долгоживущие, либо (лепная посуда, керамические и каменные ткацкие и рыболовные грузила, пряслица) вовсе не демонстрируют сколь-либо чётких хронологических различий.

Итак, если с относительной хронологией этого объекта археологического наследия (ОАН) всё вроде бы просто: судя по соответствующим находками, данное место было время от времени посещаемо и даже порой обитаемо, как уже писалось, начиная с эпохи поздней бронзы и вплоть до средневековья. То с абсолютной, – собственно поселения Полянка, – всё существенно сложнее. Здесь ещё нужны уточнения, касающиеся протяжённости временной лакуны между предшествовавшим эллинистическим городищем и рассматриваемым памятником, если таковая, что нам представляется почти бесспорным, существовала. О «верхнем» рубеже бытования «Полянки» (15/14–9/8 гг. до н. э.) нами писалось уже неоднократно, и, полагаем, оснований к его пересмотру нет. Скорее всего, он даже может быть отнесён к началу этого этапа. («Исторически» – это появление Полемона Понтийского на Боспоре и его противоборство со Скрибонием и/или какими-то «боспорцами» (Dio Cass. LIV. 24, 4) [*Сапрыкин* 2002, 90–115]. Иное дело – «нижний» рубеж. Думается, с опорой на хронологию известных полянкинских

[3] С соответствующими ссылками на монографии и статьи С. Ю. Внукова см.: [*Масленников* 2021, 283–293].

[4] Определения Д. В. Журавлёва, которому автор выражает свою благодарность.

монетных кладов (см. ниже, а также [*Масленников* 2024]), прочих монетных находок, массовой амфорной тары, других вышеперечисленных хроноиндикаторных артефактов и некоторые чисто археологические наблюдения, можно предположить, что это некий период перед 63 г. до н. э. (в этот год было, как все знают, два важнейших события боспорской истории), но несколько (не ясно насколько) позднее 89 г. до н. э. (предполагаемый год побед полководца Митридата Евпатора Ниоптолема над некими варварами (Strab. VII. 3, 18), в которых мы предлагаем видеть сатархов [*Масленников* 2020б, 48–50]. В таком случае, не развивая соответствующей аргументации, скажем только, что упомянутая «лакуна» составляла около трети века или несколько более, а «долгота» бытования рассматриваемого объекта археологического наследия, как уже писалось, – около двух третей века. При этом примечательно, вернее, странно, что времени «лакуны» (в сущности, жизни одного поколения) оказалось достаточным для… потери «обыденной» (генетической?) памяти (а точнее – страха) местным населением. (Напомним о вероятности некоей природной катастрофы, уничтожившей соседнее поселение III–II вв. до н. э.) Однако, скорее всего, мы имеем дело с его полной сменой и утратой всякой преемственности «традиций». Иными словами: те, кто поселился в котловине-полянке во второй четверти-трети I в. до н. э. либо уже ничего не знали о судьбе своих предшественников, что почти невероятно, либо ничего не боялись, не обращая на это внимания, либо… им не оставили другого выбора. Ну, это всё, так – к слову.

Следующий, тоже как бы предварительный момент касается отчасти уже упоминавшихся «рубежных» для местной истории, письменно фиксированных («летописных») исторических событий, известий о которых, пусть и далеко не всегда однозначных, к счастью, сохранилось немало [*Сапрыкин* 2002; *Масленников* 2020б, 46–49]. Каждое из таких «потрясений» в принципе могло стать причиной массовых или просто заметных разрушений и/или перестроек на поселении (строительных периодов и их этапов). Ну а если всё это касалось нескольких археологических объектов целого региона, то доверие к такой периодизации существенно возрастает.

Так, на целом ряде стен первого этапа второго строительного периода, и не только по мнению специалистов, наличествуют следы (характерные деформации кладок, скатившиеся и неубранные впоследствии огромные камни и глыбы скал, неразобранные завалы камней и т. п.) некоей сейсмо-катастрофы или даже нескольких разновременных «мегатолчков», включая и относительно более поздние [*Овсюченко* и др. 2017, 265–294]. Причём, ряд наблюдений (см. ниже) убеждает нас в том, что к «христоматийному» землетрясению 63 г. до н. э. они, по-видимому, не имеют отношения. В прочих же случаях (периодах и этапах), как это нередко бывает, всякого рода перестройки и перепланировки являлись следствием административно-демографических или же военно-политических обстоятельств (также см. ниже). Но главное, конечно же, в наших «построениях»: стратиграфия (см., например: рис. 6, 7, 9) и хронология.

Итак, всё, только что сказанное, а также естественное при раскопках многослойных античных поселенческих структур с выраженной каменной «архитектурой» стремление к максимальной её сохранности, сильно затрудняют характеристику каждого, из выделяемых строительных периодов, да и «картину» общей планировки исследуемого памятника (рис. 4, 5). Особенно это касается самого раннего (первого) из таковых.

Рис. 6. Соотношение строительных остатков трёх строительных периодов. (Стены №№ 166,158 (I СП), 156-157 (II СП) и 153 (III СП). Вид с востока

В сущности, мы можем оперировать здесь с большей или меньшей уверенностью, только несколькими стенами, да двумя-тремя постройками (помещениями) (рис. 5). Первые – «очевидны», исключительно благодаря стратиграфии. Вторые, помимо этого, – своему местоположению (участки поселения, свободные от более поздней застройки). В целом же, даже при самом «беглом» взгляде на общий вид и план раскопа городища (рис. 4, 5), видно, что плотность строений в северо-западной, северо-восточной и, отчасти, восточной и центральной его частях заметно выше, чем в остальных. Это объясняется не только особенностями топографией, в том числе наличием восточной террасы с её подпорными стенками (см. ниже) и вышеупомянутой спецификой на северо-западе, но и тем, что именно эта территория поселения, вероятно, осваивались раньше и в основном (за исключением всё того же северо-запада?) оставалась обитаема дольше других.

Итак, самый ранний (первый) из строительных периодов рассматриваемого поселения, представлен как будто бы следующими стенами (№ 81, 85а, 140, 146, 147а, 155, 158, 166, 167, 170а, 207, 247, 275, 276, 286) (рис. 5), часть из которых образовывали, по крайней мере, два помещения (60 и 96) (рис. 8 и 9) в западной и восточной частях открытой раскопками площади[5]. Обращает на себя внимание и то, что в подавляющем своём большинстве

[5] Разумеется, ещё раз подчеркнём, что этот, да и другие такого рода «перечни» в определённой степени относительны, поскольку, как уже отмечалось, постройки хорошей и даже удовлетворительной сохранности в массе своей не разбирались и, естественно, нам неведомо, что могло быть скрыто под ними, а то и рядом,

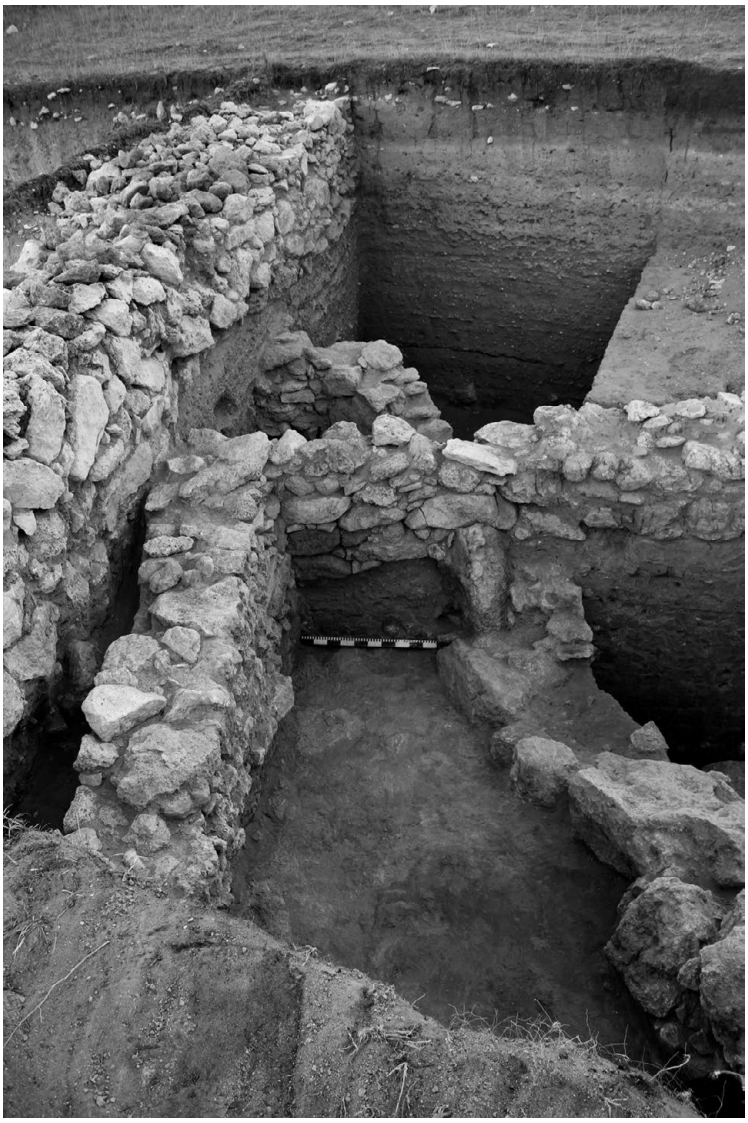


Рис. 7. То же. Вид с запада

ориентация этих стен отличается от той, которая преобладала у стен более поздних строений, хотя характер их кладов ничем, как будто бы не выделяется. (У обоих помещений эта ориентация практически соответствует диагоналям квадратов раскопа, которые ориентированы, напомним, не точно С–Ю и В–З, а с небольшим, до 15°, смещением соответственно к северо-востоку и юго-западу). Имеющейся в нашем распоряжении информации совершенно недостаточно, чтобы высказаться относительно общей площади застройки в это время и даже способа и самого наличия блокировки отдельных

но как бы не одновременно. Поэтому, а также в силу разной сохранности и некоторых других причин планиграфия всех построек, всех строительных периодов не всегда очевидна.

Рис. 8. То же. вид с северо-востока

помещений. Иными словами, точно не ясно: была ли таковая сплошной или очаговой; существовали ли улицы, площади. Во всяком случае, помещение 96 (рис. 9), совершенно очевидно, было изолированным. А помещение 60 явно соседствовало (на западе) с каким-то другим (рис. 8), хотя стена № 158 (в её юго-восточной части) и перпендикулярная ей № 166 заметно отличаются по своим параметрам и характеристике кладок. Впрочем, последняя также в этом отношении не «единообразна». Кроме того, по-видимому, мы имеем здесь (помещение 60) пример известной «долговременности» строения. Этому вроде бы противоречит наличие незаложенного дверного проёма (входа) почти в середине его «западной» стены. (Он не мог быть использован по назначению, во втором строительном периоде, поскольку его «закрывали» стены (№ 148, 160) нового блока построек (рис. 5, 8). Однако возможно, тут тогда же существовал некий узкий, тупиковый переулочек, «открывавшийся» к югу.) Наличие очага и ларя из камней свидетельствует, скорее всего, о жилом предназначении данного помещения. Гораздо сложнее судить о назначении помещения № 96 (рис. 5, 9). Ничего специфического или просто чем-то примечательного кроме качественного пола и несколько странной планировки («незавершённость» прямоугольного «замысла») в нём не выявлено. Если обратиться к хронологии, то находки из предыдущего помещения ввиду только что указанной его «специфики» (долговременности) не следует в данном случае брать в расчёт. А вот стоявшее особняком помещение 96 может в этом плане представляет интерес. (Кстати, оно одно из самых больших на поселении – не менее 60 м^2). Итак, тут непосредственно

Рис. 9. Помещение 96. Вид с юга. Справа – стена № 116 (II СП)
и участок вымостки того же времени, примыкающий к ней с запада

или почти с пола происходит довольно много керамических фрагментов в основном от позднеэллинистических амфор (Синопа, Родос, Колхида и др. менее известные центры), что не удивительно: ведь это район «прибрежного» зольника, причем, его нижних слоёв. Отметим в целом их сильную измельчённость, а также небольшой процент стенок светлоглиняных амфор, несколько двуствольных красноглиняных амфорных ручек (часть из них, судя по глине, можно отнести к псевдо-косским); наряду с черно- и буролаковыми попадаются стенки сероглиняных «лощёных» тонкостенных сосудов, а также лепных горшков и мисок. Ничего более определённого (целого) и узко-датируемого нет. Частичный прокоп пола до материка, как и ожидалось, дал материал III–II вв. до н. э. Можно полагать, что перед нами одна из самых ранних построек на поселении, появившаяся, скорее всего, где-то в конце первой или в самом начале второй третей I в. до н. э. и просуществовавшая относительно недолго. Наконец, отметим явное отсутствие в это время следов каких-либо оборонительных сооружений. Очень осторожно можно допустить, что к числу самых ранних относится и помещение 11 (рис. 5), первоначально стоявшее изолированно, как и положено некоему сакральному центру – герону [*Масленников* 2006, 71] и лишь впоследствии окружённое довольно плотной застройкой. Многочисленные находки отсюда, правда, не дают оснований для такого явного «омоложения», но ведь это могли быть и относительно более поздние приношения…. А вот две пристроенные вплотную (с запада и юга) более поздние стены (от двух

помещений) можно рассматривать и как следствие своего рода ремонта после землетрясения. Но всё это, повторим, лишь предположение. Вероятнее всё же, что святилище появилось на первом этапе второго строительного периода. Вот, пожалуй, пока и всё о первом из них.

Что послужило причиной кардинальной перестройки и перепланировки на поселении (первая фаза/этап второго строительного периода), а равно и датировка оных? По-видимому, они (перестройки) имели место, «вскорости», но не ясно: предшествовал ли им пожар или иные катаклизмы и разрушения. Чисто хронологически, возможен и даже вероятен, как уже писалось, вариант с «летописным» землетрясением 63 г. до н. э. Попутно ещё раз отметим, что историческая событийность на Боспоре непосредственно перед этим и в последующие годы, к счастью, более или менее известна из нескольких письменных и отчасти нумизматических источников. Вот их очерёдность, начиная с только что «вспомненного» события: воцарение, с позволения Помпея, почти на полтора десятилетия Фарнака, лишь с начала 40-х годов как бы отодвинувшего в своих замыслах Боспор на второй план. Затем – наместничество/архонтство Асандра; ошеломляющий разгром Фарнака Цезарем (47 г. до н. э.) и последовавшая попытка его вернуться на Боспор; победа Асандра над ним, а затем и Митридатом Пергамским (47/46 и начало 45 гг. до н. э.) и признание его (Асандра) Римом в качестве царя (около 42 г. до н. э.). Ну а после 20–16 гг. до н. э. –очередная боспорская смута, завершившаяся около 9/8 г. до н. э., как полагает большинство исследователей, гибелью римского ставленника Полемона, началом правления Аспурга и началом же нового периода в Боспорской истории, именуемого иногда его «вторым расцветом». Всё перечисленное – вполне себе вероятные причины разного рода местных перемен и катаклизмов, связанных, так сказать, с человеческим фактом. Но есть ещё природные и те, о которых мы никогда уже не узнаем. Вернёмся, однако, к нашим изысканиям, вернее – периодизации поселения.

Скорее всего, его возрождение, вернее начало второго строительного периода, можно отнести ко времени правления на Боспоре Фарнака, ещё не увлёкшегося своей «реконкистой», а занятого внутренним обустройством не вполне законно полученного им наследства (см. дату выше). Это действительно была самая активная фаза функционирования данного населённого пункта, в том числе и в плане демографии, что явствует из максимальной для всей его истории площади, относительной сложности и, хотя бы отчасти продуманности (наличия общего плана) всей застройки. К первой фазе второго строительного периода относится подавляющая часть всех раскопанных строений, причём они явно демонстрируют некий единый «замысел», реализованный как бы сразу, в один «приём», но, подчеркнём это, не везде одинаково (рис. 4, 5). Это очевидно потребовало значительного (естественно, по сравнению с предшествовавшим временем) числа рабочих рук, определённых строительно-проектировочных навыков, опыта и, естественно, общего руководства. Судя по всему этому, а также наличию простеньких водостоков (например, см: рис. 12), продуманных уклонов поверхностей отчасти вымощенных улочек, большой, скорее всего, коллективной (?) винодельни [*Масленников* 2013, 181–191] и соседнего с ней, также вымощенного, довольно значительного (примерно 8×11 м) незастроенного, почти прямоугольного в плане пространства (общественная площадь – мини агора?) (рис. 5) можно осторожно высказаться о некоей общественной

организации (сельская/соседская община или полувоенный гарнизон?) обитателей данного поселения. А что? Фарнаку по-началу надо было чем-то занять и как-то обустроить разноплемённых и разновозрастных, временно оставшихся без дела ветеранов и новобранцев Митридата, обеспечив тем самым себе, исходя из отцовского же опыта, внутреннюю поддержку в лице военный поселенцев-катойков [*Сапрыкин* 2002, 53]. Полтора десятилетия спустя части из них он, вероятно, найдёт применение в Малой Азии, других уже не будет по естественным причинам.

Кстати, о незастроенном пространстве. Как известно, чем выше его доля в общей площади той или иной поселенческой структуры или её части, тем выше административно-культурный статус данного населённого пункта. Основу такового пространства, естественно, составляли улицы и иные внутренние коммуникации. И таковые имели место (рис. 4, 5, 12). По-видимому, главная («Большая Продольная») из них шла слегка изогнутой линией в общем направлении близком: Ю-С. Более или менее уверенно она прослеживается почти на 90 м при ширине от 1.5–2 (на севере) до 2.5–3, а местами (на юге и в центре) – 5–7 м. Вся эта улица не вымощена и начинается от упомянутого естественного спуска в долину со стороны плато (на юге), заканчиваясь, вероятно, неким узким подъёмом» на одну из улочек т. н. восточной террасы (на севере). На одном из её участков (сразу за «воротами» более поздней оборонительной стены) непосредственно к западу прослежен простенький водосток. Ещё одна улица («Малая Продольная») протяжённостью около 23–24 м при средней ширине 1.4–1.8 м, почти вся качественно вымощенная, в том же направлении разделяла два «квартала» застройки почти по центру, в западной части поселения. С поперечными улицами в общем направлении: З–В (с в той или иной степенью заметными отклонениями от него) и переулками не всё так определённо. Но, скорее всего, их было не менее 7. (Начиная с самой «северной»: «Первая Поперечная», «Вторая Поперечная», «Третья … и т. д.). Протяжённость их разная: в среднем от 10–11 до 40 м. Ширина большинства также в среднем: от 1.5 до 3 м. Но две, в северо-западной части застройки, имеют вначале заметно большую (до 7 м) ширину, сужаясь потом (к востоку, в том числе до соединения с основной «продольной» улицей) до 3–2 м. Они в той или иной степени вымощены. Две начинаются (на западе) довольно большим по площади незастроенным пространством у ныне обрывистого прибрежного края котловины, в древности, вероятно, некоего спуска к бухте-гавани или колодцу. Одна («5-я Поперечная») продолжалась вверх, к востоку фактически до крутого склона холма. Остальные – заканчивались у «Большой Продольной». Отчасти они (наряду с соответствующими стенами) выполняли и функцию неких искусственных «ограничителей» – невысоких террас, простиравшихся в том же общем (З–В) направлении (рис. 4, 5). Думается, в итоге можно говорить примерно о 360–380 м^2 незастроенного пространства, то есть 8–9% всей раскопанной площади поселения. Судить о том, много это или мало и какие из этого следуют или возможны выводы, имеет смысл в сравнении. А нам тут, в сущности, и сравнивать-то пока не с чем[6].

[6] Все перечисленные выше хорошо раскопанные поселенческие памятники сельской территории Европейского и Азиатского Боспора имеют иную датировку и типологическую принадлежность, что совсем не маловажно в плане «чистоты» такого эксперимента. Сторожевые/сигнальные башни и форты/дома башенного типа почти синхронны Полянке, но для сравнения в данном случае, естественно, тоже не годятся.

Итак, во-первых, застройку поселения Полянка во втором строительном периоде (в целом, вне зависимости от его фаз-этапов) трудно свезти к какому-то одному планировочному принципу (равнозначно/линейно-параллельному или концентрическому или ещё к какому). Взаиморасположение, а равно и «частная» планировка блоков жилых и хозяйственных помещений, а также разделявшего их пространства, повторим, построенных как бы одновременно, и их ориентация на местности были, если так можно сказать, не однородными и не одинаковыми. Последняя явно зависела от локальных особенностей рельефа (террасы, склоны, выходы скал, близость к береговому обрыву, наличие и площадь относительно ровного пространства или его ограниченность и т. п.). Так на юге, западе и в центре котловины инициаторы строительства имели большую свободу выбора основных планировочных решений, касавшихся индивидуальной планировки, площади и взаиморасположения домов-кварталов. Они тут, соответственно, и разнообразнее, и больше, и просторнее нежели на востоке и северо-востоке (на склоне и на искусственной террасе) или, тем более, на северо-западе. Основные направления при разбивке на местности, опять-таки в целом – близки: С–Ю (с небольшим отклонением к западу или востоку) и З–В (также с небольшим «частным» отклонением к северу или югу. А вот на северо-западе и непосредственно прилегающей с «юга» территории это (площадь, раскопанная в 1984–1987 гг.), скорее: северо-запад, юго-восток и северо-восток, юго-запад. Примерно тоже – и в северной части восточной террасы. Об особенностях рельефа здесь выше уже писалось. Причём и индивидуальная планировка жилищно-хозяйственных блоков (кварталов, домов/ойкосов) здесь была иной. (К рассмотрению собственно темы домостроительства автор намерен обратиться отдельно.)

В принципе, всё, только что описанное, сформировавшись изначально, оставалось в основном неизменным и во второй фазе (этапе) всё того же строительного периода (рис. 7). Но при этом важно отметить, что в некоторых местах (всё тот же северо-запад и помещение 11 – святилище) данное обстоятельство явилось следствием абсолютной заброшенности, запустения и своего рода «консервации» строительных остатков. Новые же стены либо вносили элементы «новаций» в планировку прежних конструкций, в том числе – имевшие характер ремонта или усиления, либо образовывали новые структуры (помещения) с учетом предшествовавших построек или даже без них. В итоге, общая планировка строений, опять-таки, главным образом, в центральной и северо-восточной частях поселения стала ещё более сложной. Зато, как только что писалось, в северо-западной – соответствующие перемены гораздо менее заметны, либо вообще не фиксируются.

Совершенно очевидно также, что демографические причины заставили обитателей поселения уже в первой фазе II СП максимально использовать всю площадь «полянки» – котловины. Застраивается, как уже отмечалось, даже весьма крутой её восточный склон, где появляется т. н. восточная терраса (рис. 4, 5, 10–12). Начинаясь примерно в центре упомянутого склона, она становится всё более высокой и чётко-выраженной в северном направлении. Здесь соответствующий перепад высот достигает почти 4 м, а границей террасы (на западе) служат либо специальные подпорные стены (№ 98, 183, 194, 213, 250, 264), некоторые из которых одновременно являлись соответствующими стенами отдельных помещений. В них прослежено не менее двух проходов – подъёмов

Рис. 10. Общий вид раскопа с севера. Справа – северо-западный участок городища. Слева – северная часть Восточной террасы

с нижних улиц и кварталов. На востоке вся эта застройка практически вплотную подступает к почти отвесному выходу скальных пород. Причем все постройки здесь повсеместно подстилаются мощными зольно-мусорными отложениям, о который выше уже неоднократно упоминалось и даже частично врыты в них. Максимальная ширина террасы достигает порядка 15 м (на юге), постепенно сужаясь к северу. При этом там (на севере) можно говорить о некоей ступенчатости этой террасы или даже двух террасах (стены № 252, 254, 258 и 260). Указанное обстоятельство, как уже отмечалось, диктовало известную ограниченность размеров тамошних помещений и уж точно – упрощение их планировки. На юго-востоке склона застройка более свободная, площадь помещений больше. Мощность подстилающих слоёв здесь меньше или же, вообще (на юге), сходит на «нет».

Второй этап II СП, как уже писалось, в сущности, не внёс сколь-либо существенных перемен в общую картину планировки. Тем не менее, он заметен благодаря явно новым оградно-подпорным стенам (образовывавших дворы), стенам – перегородкам и стенам пристройкам к прежним помещениям. В наибольшей степени они (такие стены) представлены в центральной и центрально-северной частях поселения, но практически не фиксируются в северо-западном (см. выше) и существенно в меньшей степени в южном его районах (рис. 5). К тому же, стенки, пристроенные позднее остальных, не всегда уверенно «выделяются» стратиграфически и по характеру состыковок.

Рис. 11. Общий вид раскопа с запада.
На дальнем плане – Восточная терраса

Ранее мы полагали, что второй этап характеризуемого строительного периода, вероятно, явился следствием восстановлений после местной сейсмо – катастрофы, скорее всего, землетрясением 63 г. до н. э. И для этого вроде бы у палеосейсмологов были основания (см. выше). Однако очевидные «раскопочные» реалии, а также передатировка и уточнение археологического контекста известных монетных кладов 1984 и 1985 гг. заставили изменить эти предположения (см. соответствующую статью автора). Если кратко, то дело в том, что анализ сложной планиграфии и стратиграфии построек в непосредственной близости (особенно к югу) от помещения 11 (героон/святилище) свидетельствует, что доступ к нему был застроен именно во второй фазе/этапе II СП (помещение 21). При этом более раннее помещение 21а, не мешавшее входу в святилище, было в значительной степени разобрано. Напомним, этот вход в южной стене шириной около 1 м был специально и тщательно заложен, а само оно – святилище, как бы законсервировано [*Масленников* 2006, 71–73; 2010, 243–244, 250–251]. Наиболее вероятным представляется теперь следующая последовательность событий. Святилище, может быть, даже героон, появилось, как минимум, не позднее прочих построек первой фазы второго строительного периода, то есть, вскоре после 63 г. до н. э. Так называемые клады, обнаруженные в трёх помещениях по соседству (в нескольких метрах к северо-западу от святилища), не содержали монет, чеканенных позднее периода архонтства

Рис. 12. Участок центральной улицы к северу от «калитки».
Слева – водосток. Вид с юга

Асандра (т.е. 43/42 г. до н. э.)[7] и тезаврация (если этот термин в данном случае, вообще, уместен – см. ниже) их, скорее всего, (есть и иные мнения [*Фролова, Абрамзон* 2007–2008, 255–277]) имела место около этого времени [*Коваленко* 2010, 208]. Все монетные «собрания» не были при этом специально спрятаны, а оказались брошены, засыпаны грунтом и камнями вследствие неких внезапных обстоятельств, вряд ли военного характера, и впоследствии по каким-то причинам не востребованы. Датировка же керамики и терракот из святилища, по мнению специалистов (Т.А. Ильина, Д.В. Журавлёв)[8], в принципе, может и не быть абсолютно синхронной комплексу находок из Резиденции Хрисалиска (около середины последней четверти I в. до н. э.), как это полагалось ранее. Оба перечисленных полянкинских «находочных» комплекса местом, обстоятельствами и временем «объединены» друг с другом и со всеми постройками неоднократно упоминавшегося «квартала» поселения. И это время (около 43/42 г. до н. э. или чуть позже) – рубеж этапов II СП.

Было ли это следствием очередного землетрясения или внезапного набега неких варваров – Богу вести. В любом случае, почти наверняка, должно было пострадать в той

[7] Аналогичное можно сказать и относительно датировки монет, найденных при раскопках т.н. башен близ Узунларского вала [*Масленников* 2018, 327–335; *Абрамзон* 2022, 5–20].

[8] Автор выражает благодарность этим коллегам-исследователям за любезно предоставленную консультацию.

или иной степени всё поселение. Правда, если речь идёт о землетрясении, то некоторые его районы (близ скал и в теснинах) явно – сильнее, и в дальнейшем (помятуя, на сей раз, прежний горький опыт?) вообще не восстанавливались. В других же местах последствия оного были либо устранены, либо оставались в рамках «допустимых», либо «нивелировались» новыми конструкциями (стенами) и изменениями в планировке. Святилище законсервировали… «в отместку» богам. А вот за деньгами те, кто их оставил, уже не вернулись, и развалины разбирать не сочли нужным или, что менее вероятно, было некому.

Какова была продолжительность второго этапа II СП, мы уверенно сказать не можем, но, думается, вполне благополучно обитатели посёлка прожили ещё лет тридцать, то есть почти целое поколение. Затем, как – то внезапно всё завершилось довольно масштабными строительными и иными «новациями», которые «ознаменовали» собой первую фазу третьего СП (рис. 4, 5). Что же это за «новации»? Прежде всего, и главным образом они характеризуются появлением настоящих, хотя и очень скромных оборонительных сооружений. Подробнее останавливаться на их описании нет необходимости – им посвящена специальная публикация [*Масленников* 2020, 229–259]. Напомним только, что в сущности – это наспех построенная, довольно «хилая» стена, точнее – стены (№ 10, 14, 88, 116, 153 и 214), защищавшие к тому же даже не всю территорию памятника, который с этого момента можно именовать городищем (рис. 4. 5). За её пределами в силу особой специфики местоположения и рельефа окружающего пространства, а равно, степени реальной угрозы (возможностей метательного оружия того времени) и людских ресурсов остались постройки всей южной части поселения: около трети общей площади. Трасса этой стены местами (на южном участке) проходила буквально «по живому», то есть прямо «над», а кое-где и через стены ещё функционировавших помещений. Её строители вообще более приноравливались к рельефу местности и очертаниям берега и скал, нежели к планировке жилых комплексов. При этом то, что оставалось к югу от оборонительной стены, было, по всей видимости, покинуто населением, предварительно забравшим всё мало-мальски ценное и пригодное в хозяйстве. Это, кстати, очень наглядно демонстрируют соответствующие полевые и коллекционные описи находок[9].

Помимо оборонительных стен стратиграфически к рассматриваемому этапу III СП, скорее всего, относится ещё одна постройка – помещение 46 (рис. 4, 5, 15, 16). Это весьма солидное по площади (9.5×6.25 м) и толщине (0.8–0.9 м) образующих его стен, почти прямоугольное в плане здание, ориентированное сторонами почти точно по странам света. В южной стене имелся весьма широкий (1.4 м), качественно сделанный проход с порогом, кстати, аккуратно заложенный камнями (см. ниже). Строение расположено почти в центре поселения, примерно в 17 м к северу, северо-западу от прохода-калитки

[9] Легко представить себе то тоскливое ощущение, которое испытывали местные жители, глядя со своей хилой оборонительной стены на некогда обжитое ими или их предшественниками, заброшенное пространство отчего поселения… Невольно приходит на память так хорошо знакомое всем отечественным и украинским антиковедам описание Ольвии времён Диона Хрисостома: городок окружает «… невысокая стена ненадёжная и непрочная. Ещё несколько башен (*прежнего города.* – А. М.) стоят очень далеко от нынешнего поселения, так что даже трудно представить себе, что они принадлежали к этому же городу» (XXXVI, 6 перевод М. Грабарь-Пассек).

Рис. 13. «Калитка» в стене № 153. Вид с севера

в южной оборонительной стене (рис. 13). Его стены явно перекрывали стены не менее двух более ранних помещений (домов) (рис. 5, 15). Пол был частично вымощен, а главное – перекрыт слоем всё той же морской ракушки (*cordius*) и песка. Находки в целом ничем не примечательны и немногочисленны. Среди них – фрагмент сероглиняной миски с вертикальным бортиком, покрытой тусклым лаком, обломки тонкостенных краснолаковых сосудов и, главным образом, амфор, в том числе светлоглиняных с двуствольными ручками, а также с воронковидным горлом (!). Слева от входа находился «ларь», сложенный из плоских камней; справа – развал печи. В юго-восточном углу – сегментовидное возвышение из плотно уложенных камней радиусом около метра и высотой 0.3 м. О предназначении этого строения (святилище, дом «старосты» или военачальника гарнизона) можно только гадать. В любом случае – это одно из самых больших и явно выделявшихся своей планировкой и солидностью, к тому же как бы обособленное здание.

К какому времени отнести эту (первую) фазу третьего строительного периода? Вероятно, мы будем не далеки от истины, если предположим в этой связи начало очередной местной смуты, связанной либо с авантюрой некоего Скрибония (и смертью Асандра), либо, что более вероятно, с перипетиями воцарением на Боспоре Полемона Понтийского.

Судя по тому, что вход (калитка) в южной оборонительной стене (рис. 5, 14), а также и проходы в целом ряде помещений и дворов (около 5–7 случаев) и даже улиц, вернее,

Рис. 14. Заложенная «калитка». Вид с юга

улочек (два-три случая), именно ограждённой части поселения были специально плотно заложены или перегорожены каменными завалами (рис. 5), – налицо второй этап (фаза) III СП. Впрочем, с ним как-то всё неоднозначно. Продолжительность первого – была, надо думать, очень небольшой, несколько лет. А второго этапа – естественно, и того меньше. Фактически он «выглядит» как некая чрезвычайная, крайняя мера в момент наибольшей опасности, например: непосредственно перед вражеским штурмом. Драматизм ситуации как бы налицо… Но, отметим ещё раз, что никаких следов пожаров, преднамеренных разрушений, наконечников стрел, каменных ядер и иных признаков и результатов военных действий в «предстенной» части городища не выявлено. Зато за стеной (особенно в северо-восточных «кварталах») они в виде более или менее выраженных «проявлений» некоего горенья на полах и вымостках, кое-где всё-таки фиксируются. Добавим к этому находки там же, но в разных местах и комплексах предполагаемых ядер (возможно, часть из них – просто «камни-тёрочники»), скорее пращ, нежели метательных машин (8 экз. весом от 84 до 571 гр.) и всего один-два наконечника железных черешковых трёхлопастных стрел [*Масленников* 2015, 146–147]. В целом же, создаётся впечатление, что обитатели «Полянки» просто покинули свои жилища или же сдались, не полагаясь на свои силы и слабые укрепления, хотя, как отмечалось только что, как будто бы готовились к некоему штурму. Вместе с тем, такая трактовка перечисленных «строительных» признаков вовсе не безусловна. Если с воротами (калиткой) в стене и случаями перекрытия улиц всё более или менее объяснимо,

Рис. 15. Застройка в центральной части поселения.
В центре Помещение 46 (III СП), под ним – Помещение 46а II (СП)

то с постройками – не очень. В самом деле, зачем закладывать, с «военной точки зрения», вход в винодельню и жилые помещения? Первая – да. Это строение сезонного назначения и в прочее время не использовалось. А вторые? Может быть, уходя, деревянные двери (как и черепичную кровлю), как безусловную ценность, снимали и увозили с собой, а оставшийся проход (что легко и дёшево) закладывали камнями, которых кругом в изобилии. Но зачем? Собирались вернуться? Большего об античном поселении знать нам пока не дано.

Наконец, в ходе раскопок было выявлено несколько кладок (стен) разной сохранности, ориентации и протяжённости, которых никак не «укладывались» в общую «картину» застройки рассматриваемого городища. Как правило, они были обнаружены в верхних горизонтах культурных напластований. Нигде эти стены не образуют даже подобия помещений, хотя, конечно, изначально некоторые из них являлись их частями. Другие – выполняли роль неких загородок или каких-то иных, непонятных конструкций. Характер кладок их тоже был разным. Так, в четырёх случая мы имеем вариант с поставленными на ребро, относительно плоскими камнями, пространство между которыми заполнено грунтом и щебнем, а то и вовсе однорядными загородками (ограды салтово-маяцкого времени?) (№ 22, 10а, 30, 110б). Одна стена (№ 6) вроде бы демонстрирует кладку «ёлочкой». Три других (№ 64, 89, 215) обычные двухрядные, двух-трёхслойные, иррегулярные, вроде бы относящиеся к позднеантичному времени. Остатки стены № 47 вообще сложно охарактеризовать ввиду её очень плохой сохранности. Ещё одна стена (№ 200) в самой южной части раскопа выделяется своей шириной (не менее 1.5 м) и длиной (не менее 5 м; стена открыта не полностью). Внешние ряды

Рис. 16. Помещение 46. Крупный план. Вид с юга

сложены из довольно массивных необработанных камней, забутовка – средний и крупный щебень. Сохранившаяся высота – не более 0.5–0.6 м (один ряд кладки). Направление – почти точно Ю–С. Очень похожа на основание оборонительной, но местоположение и ориентация делает такое её назначение маловероятным. Дорога – спуск с плато в долину-полянку? Время сооружения неопределённое. Немногочисленные керамические находки в разных местах городища (фрагменты соответствующей амфорной тары, «болгарских» котлов, лепных горшков, позднеантичной краснолаковой посуды) отчасти подтверждают возможную хронологию этих стен.

И последний вопрос: какое место занимает рассмотренный аспект (планировка) данного поселения, так сказать, на фоне Боспорских и Северопричерноморских археологических реалий? Разумеется, речь идёт о сельских поселениях и, разумеется, с учётом исторической специфики организации ближней и дальней хоры местных античных центров. И хотя наша информированность в этом плане за последние несколько десятилетий выросла самым существенным образом, почти всё это частные и коллективные усадебные комплексы IV–III вв. до н. э., в меньшей степени – усадьбы и поселенческие структуры двух последующих веков, а также городища первых веков н. э. Относительно именно I в. до н. э. или рубежа эр новых объектов раскопано немного. По существу, Полянка остаётся единственным в этом роде почти полностью исследованным памятни-

ком со столь узкой хронологией. Остатки Резиденции Хрисалиска, также как и т. н. дома башенного типа и собственно сторожевые башни на Боспорском пограничье и не только демонстрируют очевидную правильную планировку и иные соответствия античным строительным традициям. Да это в сущности и небольшие по площади, обособленные объекты. Пожалуй, единственными более или менее подходящими и относительно синхронными примерами для сравнений можно посчитать Козырское городище на хоре Ольвии (раскопано около 1600 м^2) и, отчасти (невелика общая площадь раскопок), т. н. позднескифские слои и постройки на поселениях Северо-Западного Крыма [*Бураков* 1976, 13–17, вклейка-план; *Антонов* 2021, 346–365; 2022, 102–123]. И конечно, хотя и с оговорками, поселение – крепость в Кутлакской бухте [*Ланцов* 1999, 121–136]. Как уже отмечалось довольно давно [*Масленников* 1998, 128], это, прежде всего, касается неоднократно упоминавшегося северо-западного и отчасти северного районов объекта нашего рассмотрения, да и то на достаточно ограниченном временном «отрезке». Планировка же большей части застройки поселения Полянка явно отличается, в сторону как бы более правильной (прямолинейной) разбивки на местности, последовательного принципа блокировки отдельных помещений и, отчасти, качества кладки. Создаётся даже впечатление, что тут, по крайней мере какое-то время (см. выше), «поквартально»-компактно вообще обитало не менее двух групп неоднородного в этнокультурном отношении населения, с разными строительными традициями. Однако более детальный анализ собственно домостроительной практики – это уже «совсем другая история»…

Список литературы

А*брамзон* М. Г. 2022. Клад из башни Узунларского вала // Hyranis. 4, 5–20.

Абрамзон М. Г., *Фролова* Н. А. 2007–2008. Корпус боспорских кладов античных монет. Т. 1. Симферополь–Керчь, 872.

Антонов Е. Е. 2021. Планировка поселений Северо-Западного Крыма во второй половине I в. до н. э. – первой четверти I в. н. э. // КСИА. 264. 346–365.

Антонов Е. Е. 2022. Позднескифские поселения Северо-Западного Крыма: принципы организации застройки и их изменения // КСИА. 267. 102–123.

Антонов Е. Е. 2022. Планировка поселений поздних скифов в Северо-Западном Крыму // Hyranis. 4, 46–52.

Б*ураков* А. В. 1976. Козырское городище рубежа и первых столетий нашей эры. Киев, 160.

В*нуков* С. Ю. 2003. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. (Морфология). М., 234.

Ж*уравлёв* Д. В., *Ломтадзе* Г. А. 2022. Столовая посуда и светильники из Резиденции Хрисалиска // ДБ. 27. 59–100.

К*оваленко* С. А. 2010. Клады монет с поселения Полянка // Gaudeamus igitur. Сб. статей в честь 60-летия А. В. Подосинова. М., 203–216.

Л*анцов* С. Б. 1999. Краткие сведения о боспорской крепости Кутлак-Афинионе (?) Псевдо-Арриана // ВДИ. 1, 121–136.

М*асленников* А. А. 1998. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М., 302.

Масленников А. А. 2006. Античное святилище на Меотиде. М., 152.

Масленников А. А. 2010. «Сезам откройся» // Gaudeamus igitur. Сб. статей в честь 60-летия А. В. Подосинова. М., 243–251.

Масленников А. А. 2013. О локальной геоморфологии, палеосейсмологии и археологии или по следам древних землетрясений // ДБ. 17, 232–253.

Масленников А. А. 2013а. Винодельня на поселении Полянка в Восточном Крыму // КСИА. 229, 181–191.

Масленников А. А. 2015. Военный фактор в истории хоры античного Боспора // С Митридата дует ветер… Боспор и Причерноморье в античности. Сб. статей к 70-летию В. П. Толстикова. М., 141–150.

Масленников А. А. 2018. Монетные находки из «башен» на постмитридатовской хоре Европейского Боспора // КСИА. 250, 327–335.

Масленников А. А. 2019. Сероглиняная керамика с лаковым покрытием из раскопок поселения Полянка в Восточном Крыму // РА. 4, 135–143.

Масленников А. А. 2020. Укрепления городища Полянка // ДБ. 25, 229–259.

Масленников А. А. 2020а. «Мегарские» чашки из Крымского Приазовья (статистика и относительная хронология) // КСИА. 259, 196–205.

Масленников А. А. 2020б. Страбон, М. И. Ростовцев и Крымское Приазовье // РА. 4, 40–52.

Масленников А. А. 2021. Амфоры с поселения Полянка // ДБ. 26, 283–293.

Масленников А. А. 2023. Об относительной хронологии поселения Полянка // КСИА. 271, 119–130.

Масленников А. А. 2023а. Палеогеография, археология и античная топонимика и терминология Крымского Приазовья // Древнейшие государства Восточной Европы. Черноморский регион в античности и раннем средневековье: Проблемы истории и географии (под ред. А. В. Подосинова). М., 183–205.

Масленников А. А. 2024. Ещё раз о полянкинских кладах // КСИА, в печати

О*всюченко* А.Н, *Корженков* А. М., *Ларьков* А. С., *Масленников* А. А., *Мараханов* А. В. 2017. Следы сильных землетрясений на городище Полянка и Южно-Азовском активном разломе // ДБ. 21, 265–294.

С*апрыкин* С. Ю. 2002. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 272.

Summary

A. A. Maslennikov

Paleogeography, topography, absolute chronology, planning and construction periodization of the Polyanka settlement

The article summarizes the results of many years of excavations and other studies and observations concerning paleogeography, topography, absolute chronology and construction periodization of the Polyanka settlement in the Crimean Azov region. The time of its appearance and the first construction period are determined in the interval between the beginning of the 80es and the mid-second half of the 60es of the 1st century BC. It is represented by a very small number of buildings. But the first phase of the next construction period, which began immediately after 63 BC, is represented by the majority of building remains identified at the site. It is characterized by massive, probably simultaneous, although unequal in orientation, area and topology of houses and premises, construction of almost the entire suitable space of the coastal basin. In general, the layout of the settlement was subordinated to the features of the terrain. In the second phase of the second construction period, partial reconstruction or redevelopment of most of the previous buildings occurs, along with the fact that the northwestern part of the settlement apparently ceases to function. Apparently, all this happens around 43–42 BC. The first phase of the third period, expressed almost exclusively in the appearance of defensive structures (walls), was caused by a certain military danger, which made itself felt no earlier than 20–16 BC. Its second phase of the third period (the beginning of the interval between 15/14–9/8 BC) represents, in essence, signs of hasty preparation of the population to repel an enemy attack. Archaeological realities seem to indicate that the inhabitants left this settlement without taking on the "battle."

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-437-1.338-352

Н. В. Молева*, В. А. Хршановский**
(независимый исследователь, г. Нижний Новгород;*
*** Институт археологии РАН, г. Москва)*

Алтари из юго-западного предместья Китея

С 2010 г. археологическая экспедиция Института археологии НАН Украины (до 2013 г.) – Института археологии РАН (с 2014 г.) ведёт охранно-спасательные работы в зоне береговой абразии юго-западного предместья городища Китея, в 70–200 м от его западной крепостной стены (рис. 1. *1*). За это время площадь раскопа, получившего порядковый номер XLVI, превысила 400 м^2 (рис. 1. *2*; 2). На всем исследованном участке под современным гумусом находилась насыпь из серо-желтого суглинка с многочисленными прослойками щебня. Под ней, в северной части, на уровне древнего горизонта, на глубине от 1 до 1,5–1,6 м от современной дневной поверхности, среди беспорядочных (на первый взгляд) скоплений камней были открыты бесспорные следы человеческой деятельности. К ним относятся 11 ям (№ 377–379, 381, 383, 385, 387–389, 391, 393), впущенных в материк с уровня погребённого гумуса (за исключением ямы № 381), глубиной от 0,12 до 1,7 м [*Хршановский* 2020, 407–425], ритуальное сооружение с ямой № 380 [*Хршановский* 2017а, 213–215], не менее двух ритуальных комплексов № 399 и 400 [*Хршановский* 2023, 156–157] и пять могил (№ 382, 384, 390, 392, 398; рис. 2). В том или ином виде (угольки, пепел, зола или золистый суглинок, печина) в ямах, в ритуальных комплексах и возле примитивных выгородок (жертвенников?) на уровне древнего горизонта были зафиксированы многочисленные следы огня, бесспорно игравшего в совершавшихся ритуалах важную роль.

Преимущественно в нижнем погребенном слое (но и над ним, в слое насыпи и гумуса тоже) были найдены многочисленные (более 38 тысяч) фрагменты керамики и кости домашних и диких животных. Фактом, который не находит однозначного объяснения, является разновременность обнаруженного в нестратифицируемом культурном слое (мощность до 1,5 м) материала с одной и той же хронологической вилкой: IV в. до н. э. – IV в. н. э. Она надёжно прослеживается по амфорным клеймам [*Павличенко, Хршановский* 2020, 294–298], медным монетам [*Абрамзон, Хршановский* 2022, 235–239], подтверждается профильными фрагментами амфор от эллинистических до поздних светлоглиняных и красноглиняных, обломками чернолаковых и краснолаковых сосудов, а также терракот [*Ханутина, Хршановский* 2023, 52–55, рис. 4. *1–4*]. По самому позднему материалу нижней хронологической границей открытых погребально-поминальных

Рис. 1. *1* – Юго-западное предместье Китея. Раскоп XLVI. Общий вид;
2 – раскоп XLVI, 2022 г. Общий вид

комплексов оказался IV в. н. э. [*Хршановский* 2017а, 215–216]. Их принадлежность к одной исторической эпохе и единой культурной традиции не вызывает сомнения.

Судя по количеству костей животных, жертвоприношения в совершавшихся ритуалах играли важнейшую роль. «Репертуар» домашних животных везде почти одинаков: лошадь, корова, овца или коза, свинья, собака. Кроме них достаточно часто встречались кости курицы. Дикие животные представлены зайцем-русаком, барсуком, лисой, бурым медведем, кабаном. Встречались и остатки диких птиц [*Каспаров, Хршановский* 2019, 274; 2021, 227–237]. При этом, соотношение между костями крупного и мелкого

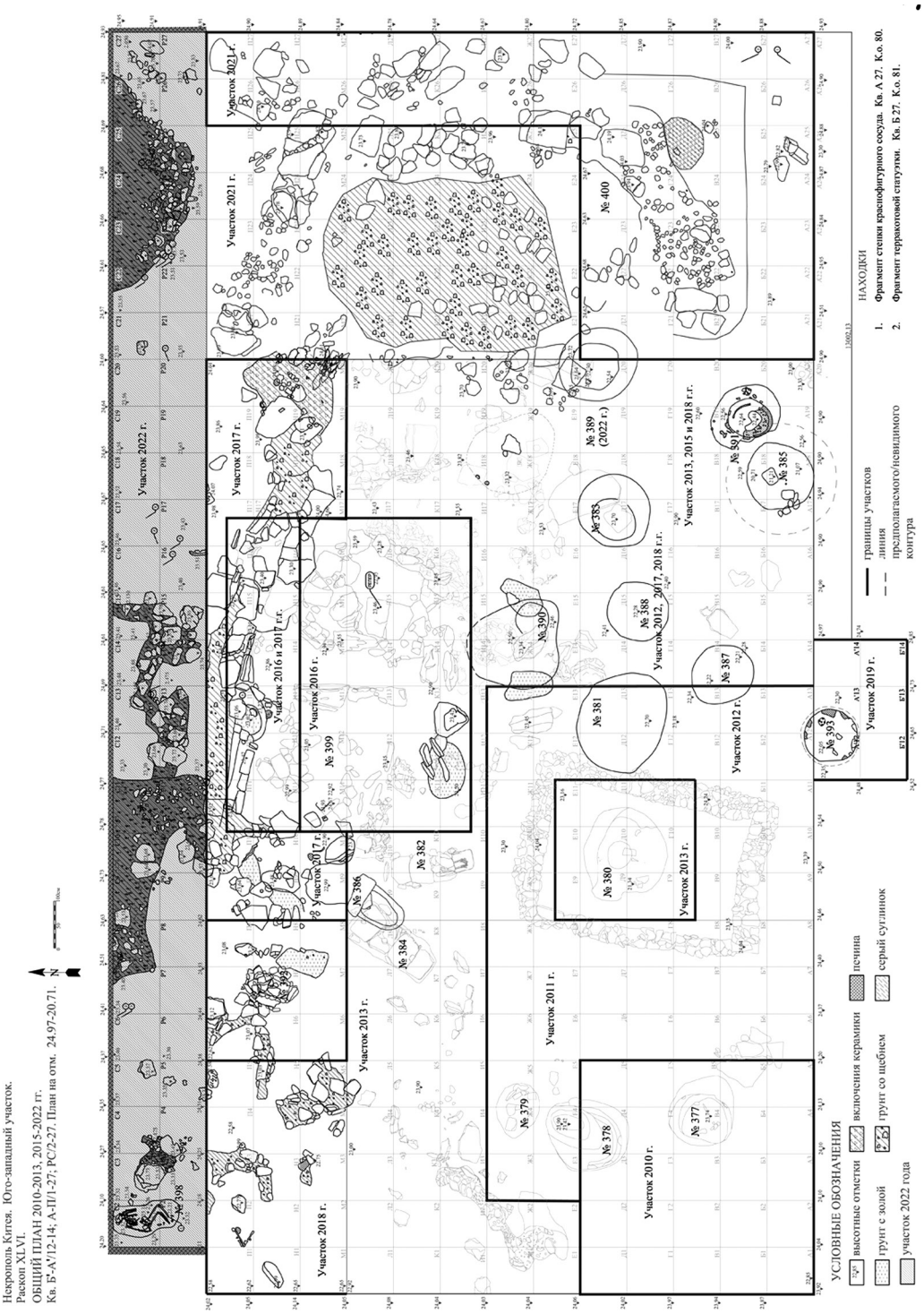


Рис. 2. Раскоп XLVI. 2022 г. Общий план

рогатого скота в насыпи и в грунте заполнения ям различается [*Каспаров, Хршановский* 2019, 277].

Вокруг выявленных ритуальных комплексов, преимущественно в северной части раскопа на уровне древнего горизонта, находились многочисленные скопления камней

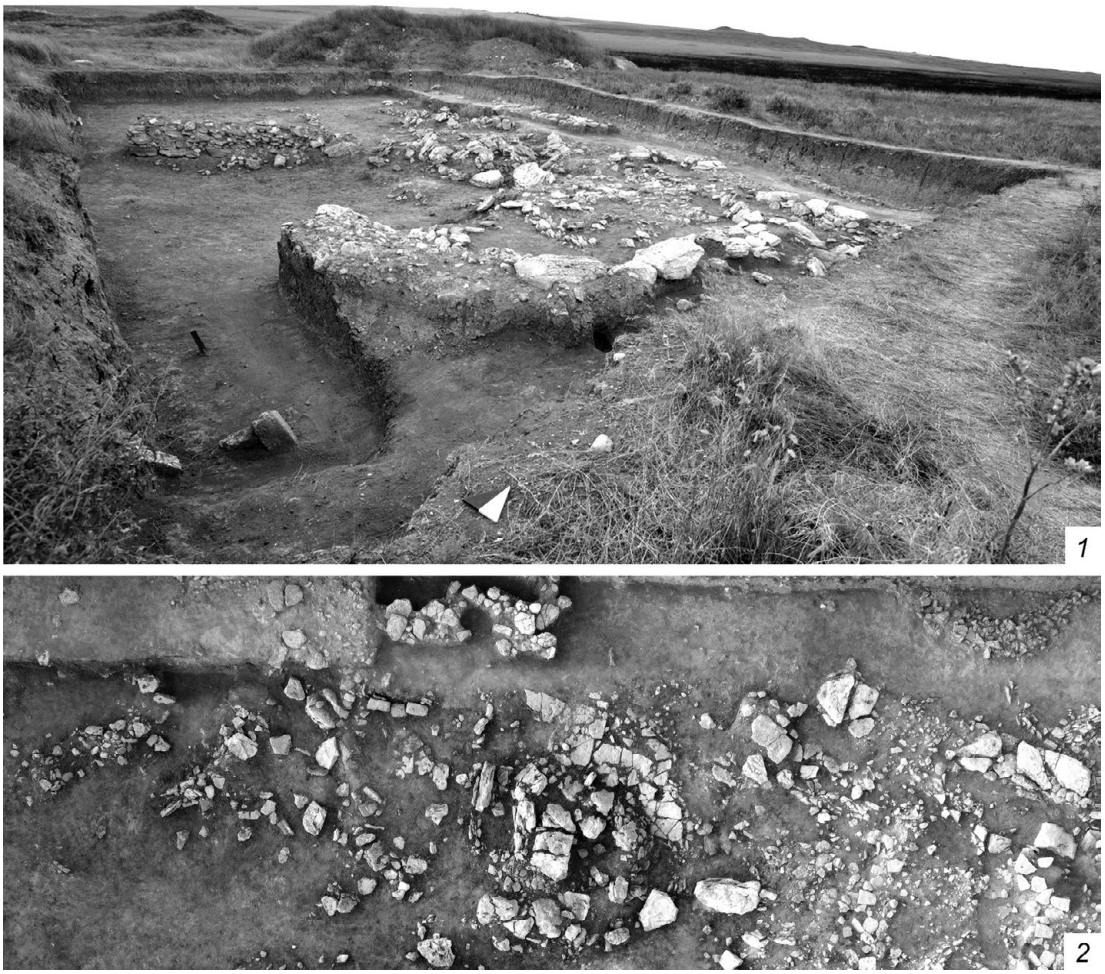


Рис. 3. *1* – Раскоп XLVI. 2022. Общий вид с юго-запада;
2 – скопление камней в северной части раскопа

(рис. 3). Их присутствие в этом слое остаётся до конца непонятным. Количество и размеры наводят на мысль об их естественном происхождении (известняковые выходы?). Однако, по заключению геологов (Ю. А. Клинских, председатель геологического клуба «Минерал»), они не могли оказаться здесь сами по себе (скажем, быть выдавлены из пласта известняка на древний горизонт в результате тектонических сдвигов и смещений). К тому же в ходе расчисток камней были открыты две бесспорные ритуальные площадки № 399 и 400 (рис. 1. *2*; 2). Часть других выгородок меньшего размера и конструкции из сложенных (или поставленных) на ребро камней производят впечатление примитивных жертвенников. Некоторые плоские камни, несомненно, были использованы в качестве своеобразных алтариков. На них (или возле них) были зафиксированы следы жертвоприношений животных: лошади (тазовая и дистальная часть передней ноги) (рис. 4. *1*) и овцы (правая передняя нога) (рис. 4. *2*). Такую же функцию мог выполнять и плоский камень подпрямоугольной формы со скруглёнными углами (вытянут меридионально)

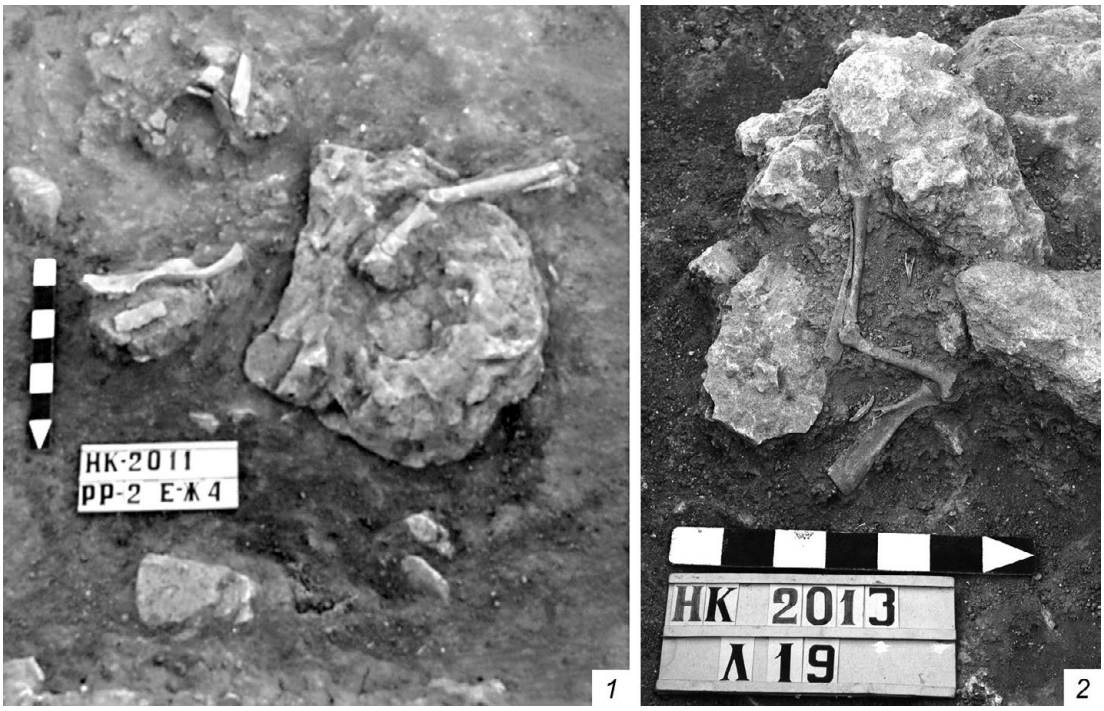


Рис. 4. *1* – Следы жертвоприношения в кв. ЕЖ/4. Вид с севера;
2 – следы жертвоприношения в кв. Л/19. Вид с востока

возле погребения № 398 (рис. 5). Явно неслучайны: кучки створок мидий вокруг пятиугольной (!) известняковой плитки (рис. 6). Помимо этих и многих других встретившихся в раскопе плоских камней и плит, потенциально пригодных для использования в ритуале, в раскопе XLVI были найдены бесспорные алтари, которые по классификации Н. В. Молевой относятся ко II группе – «Алтари из монолитных камней»

Наличие таковых, безусловно, указывает на местоположение различных сакральных объектов: святилищ в городах и поселениях, мест жертвоприношений на некрополях. Они могли служить оберегами, будучи помещенными в кладки крепостных стен и башен. Как правило, обнаружение алтарей сопровождается и другими артефактами религиозного назначения: граффити, терракотовыми статуэтками, вотивной посудой и пр.

Древние греки все религиозные действия совершали на ритуальных площадках перед алтарями. Они тщательно и строго придерживались старинных обычаев в ходе жертвоприношений [*Гиро* 1994, 42–43]. Именно таким положением дел можно объяснить тот факт, что форма алтарей практически не изменялась в течение многих веков [*Yavis* 1949, 54]. Поэтому при датировке алтарей, прежде всего, следует учитывать контекст и хронологию сопровождающих их находок.

Переходя к характеристике найденных в пригороде Китея алтарей, уточним их терминологию. Алтарями мы считаем изделия из камня, имеющие следы ручной обработки: отверстия, углубления, заглаживание поверхности и пр. Термин «жертвенники» относится к конструкциям из необработанных камней, сложенных на земле

Рис. 5. Алтарь (?) возле погребения № 398

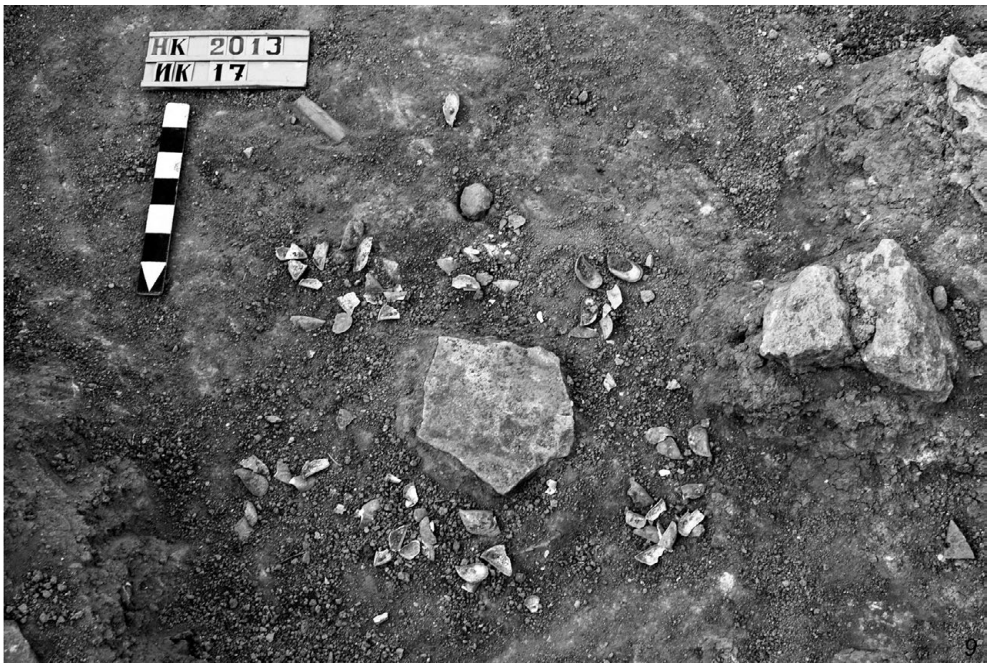


Рис. 6. Скопления створок морских раковин вокруг пятиугольного камня. Вид с севера

и образующих ритуальную площадку, в центре которой мог находиться алтарь. Как правило, они располагались на золистой подсыпке. А ямы-ботросы на раскопе XLVI мы предлагаем считать хтоническими алтарями.

В отличие от греческой метрополии на Боспоре большинство алтарей весьма непрезентабельны по своему виду. Они не отличаются особой тщательностью обработки камня; на них практически отсутствует декор. Еще В. В. Латышев, отмечая большое разнообразие алтарей, выделил среди них те, что предназначались для жертв «верхним богам» и хтонические (эсхары) для отправления культов подземных божеств [*Латышев* 1899, 26]. Подробное описание жертвоприношения в честь празднества Артемиды жителями Патр, с сооружением алтаря и сожжением на нём плодов фруктовых деревьев, диких и домашних животных и птиц приводит Павсаний (*Paus*.VII. XVIII, 11–13). Хтонические алтари из боспорских городов, отличающиеся незамысловатостью и подчеркнутой грубостью исполнения, имеют, однако, греческие корни. Еще с древнейших времен людьми совершались обряды на алтарях из необработанных камней. Такая традиция, вероятно, ведет свое происхождение от сакрального почитания природных камней, характерных для культов Зевса, Аполлона, Гермеса [*Нильссон* 1998, 12–13, 109, 111].

В боспорском городе Китее за четыре десятилетия раскопок нескольких святилищ, из которых главным и самым большим было Центральное в виде огромного зольного холма 12,5 м высотой и занимавшего более четверти площади городища, обнаружены 87 алтарей. Практически все они, несмотря на свое разнообразие, предназначались для отправления хтонических культов [*Молева* 2020, 1–128]. Будучи размещенными на земле, они могли иметь золистую подсыпку, что не препятствовало попаданию возливаемых на них жидкостей в землю.

Алтари, обнаруженные в юго-западном предместье Китея, имеют близкие аналогии найденным ранее на городище. В первую очередь следует отметить дисковидный алтарь (№ 1), находившийся в ритуальном сооружении № 380 (рис. 2; 7. *1*). В центре огражденной каменной кладкой прямоугольной площадки (вытянута в меридиональном направлении), без дверного проема, находилась круглая яма (диаметр 1,8 м, глубина 1,7 м), на дне которой был обнаружен известняковый дисковидный алтарь. В яме имелся выступ-приступок, предназначенный для спуска к каменному диску и совершения на нем каких-то действий, может быть – возлияний (рис. 7. *1*, *2*). Совершенно очевидно, что эта яма являлась хтоническим алтарем, как и прочие ямы-ботросы в этом раскопе [*Хршановский* 2020, 424]. Незначительное количество находок в яме № 380 и большинстве других ям (вероятно, прежде всего, предназначенных для возлияний) с лихвой компенсировалось их обилием внутри огражденной площадки ритуального комплекса и вокруг неё, в слое погребенной почвы (между ямами) на всей площади раскопа (*Хршановский* 2021,126–130)

На городище Китей таких объектов было обнаружено 11. Они появились во второй половине IV в. до н. э., в основном использовались в эллинистическое время, но есть случаи их применения (м. б. вторичного) и в первые века н. э. Все они были найдены на территории святилищ на II и V раскопах [*Молева* 2020, 34–36]. Аналоги таким «дискам» есть в Ольвии [*Русяева* 2006, 18, 21, 59–60, рис. 52. *2*, *3*] и Генеральском-Западном [*Масленников,* 2007, 495, 486]. Исследователи считают, что круглые алтари применялись в культах именно хтонических божеств [*Dinahet* 1991, 109–110].

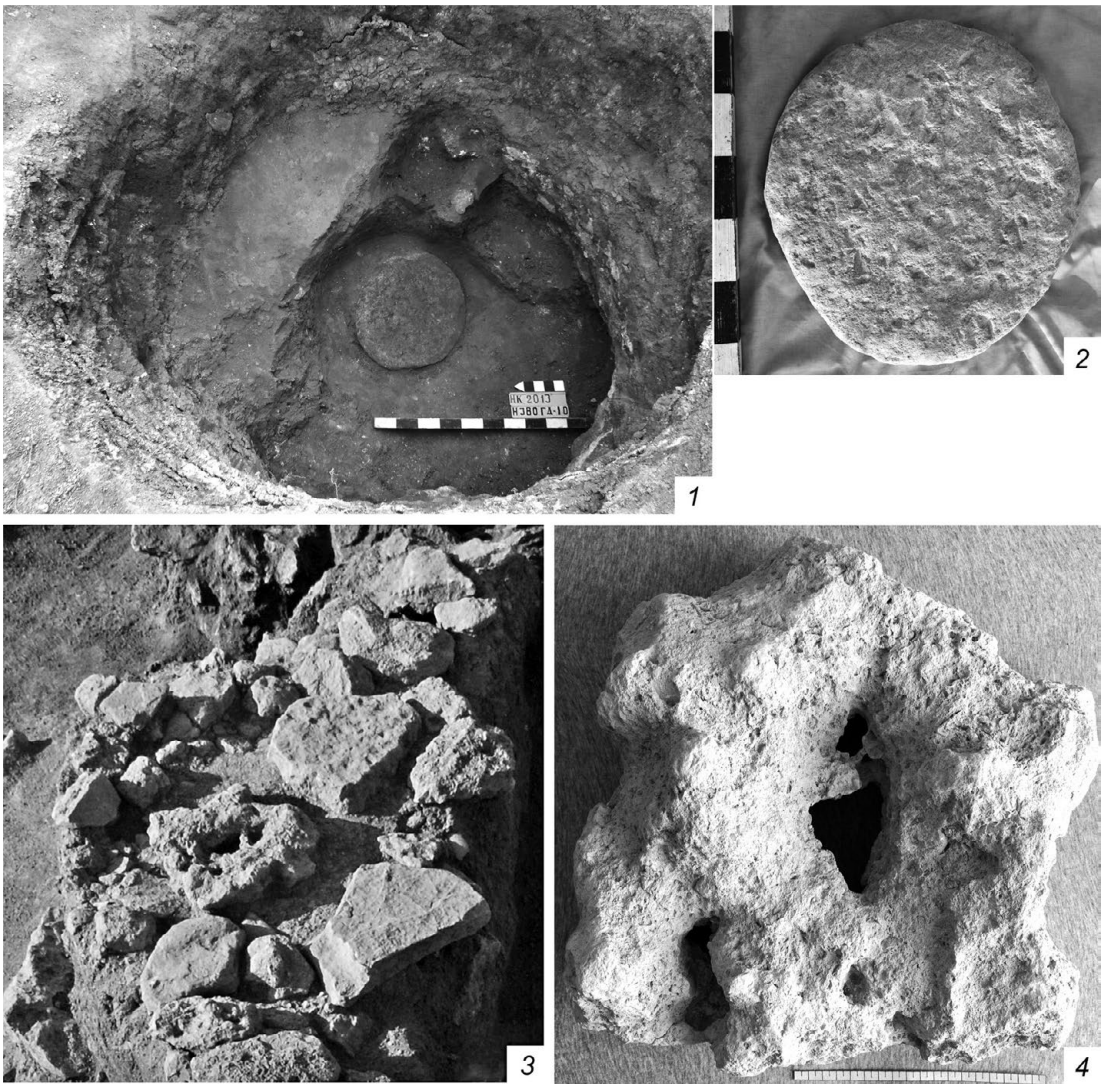


Рис. 7. *1* – Ритуальный комплекс № 380. Ботрос с алтарём № 1. Вид с запада; *2* – дисковидный алтарь № 1 из ритуального комплекса № 380; *3* – жертвенник с хтоническим алтарём № 2; *4* – хтонический алтарь № 2 со сквозным отверстием

Алтарь № 2 – это, по сути, необработанный камень неправильной формы со сквозным отверстием в центре (рис. 7. *3*, *4*). Он находился в центре ритуальной площадки-жертвенника и был окаймлен по кругу плоскими необработанными камнями. Отверстие и сам вид жертвенника подтверждают хтоническое назначение этого алтаря. Близких аналогий ему нет.

Алтарь № 3 – небольшой переносной алтарь со сквозным отверстием. Стоял в слое погребенной почвы, к востоку от ямы № 385 (рис. 8. *1*, *2*).

Подобные алтари известны в Ольвии, в Крымском Приазовье и на Таманском полуострове. Датировка последних, из Кеп: III–II вв. до н. э. (*Сорокина, Усачева* 1997, 48–49, 59,

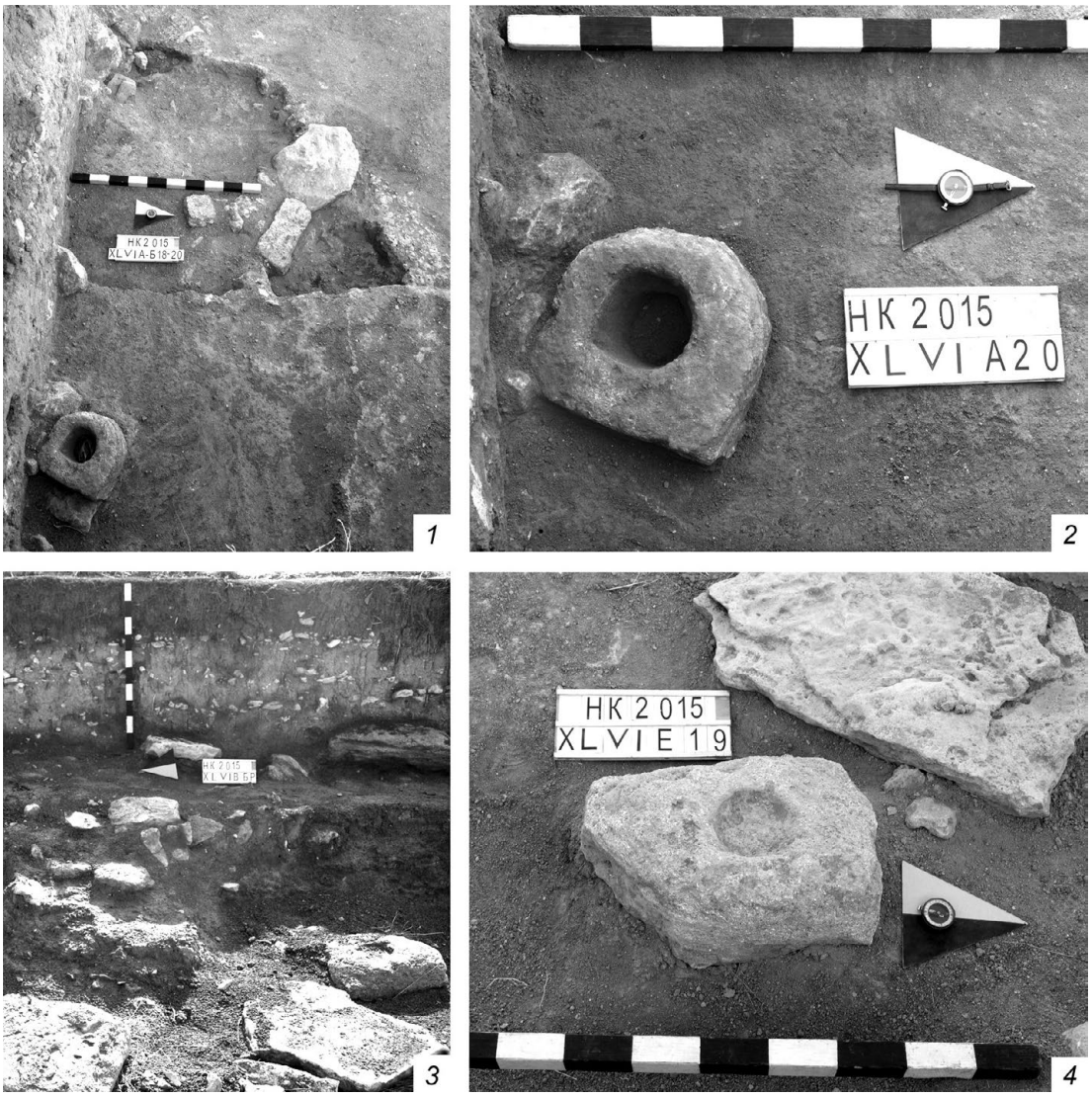


Рис. 8. *1* – Хтонический алтарь № 3. Слой погребенного гумуса возле ямы № 385; *2* – хтонический алтарь № 3; *3* – алтарь с чашевидным углублением № 4. Слой погребенного гумуса. Кв. ЕЖ/18-20. Вид с запада; *4* – алтарь с чашевидным углублением № 4. Кв. Е/19. Вид с запада

кат. № 12, 13). Близкая аналогия в Китее датируется I в. до н. э. – I в. н. э. [*Молева* 2020, 67, кат. № 24].

8 алтарей со сквозными отверстиями для возлияний богам подземного мира были найдены на территории китейских святилищ [*Молева* 2020, 53, кат. № 2; 71, кат. № 29; 72, кат. № 31; 74, кат. № 36, 37; 77, кат № 39; 84, кат. № 54; 116, кат. № 87]. В основном они использовались в первых веках н. э., хотя появились на рубеже IV–III вв. до н. э.

Алтари № 4 (рис. 8. *3*, *4*) и № 5 (рис. 9. *1*, *2*) относятся к типу, главными отличительными чертами которого являются близкая к прямоугольной форма и круглое

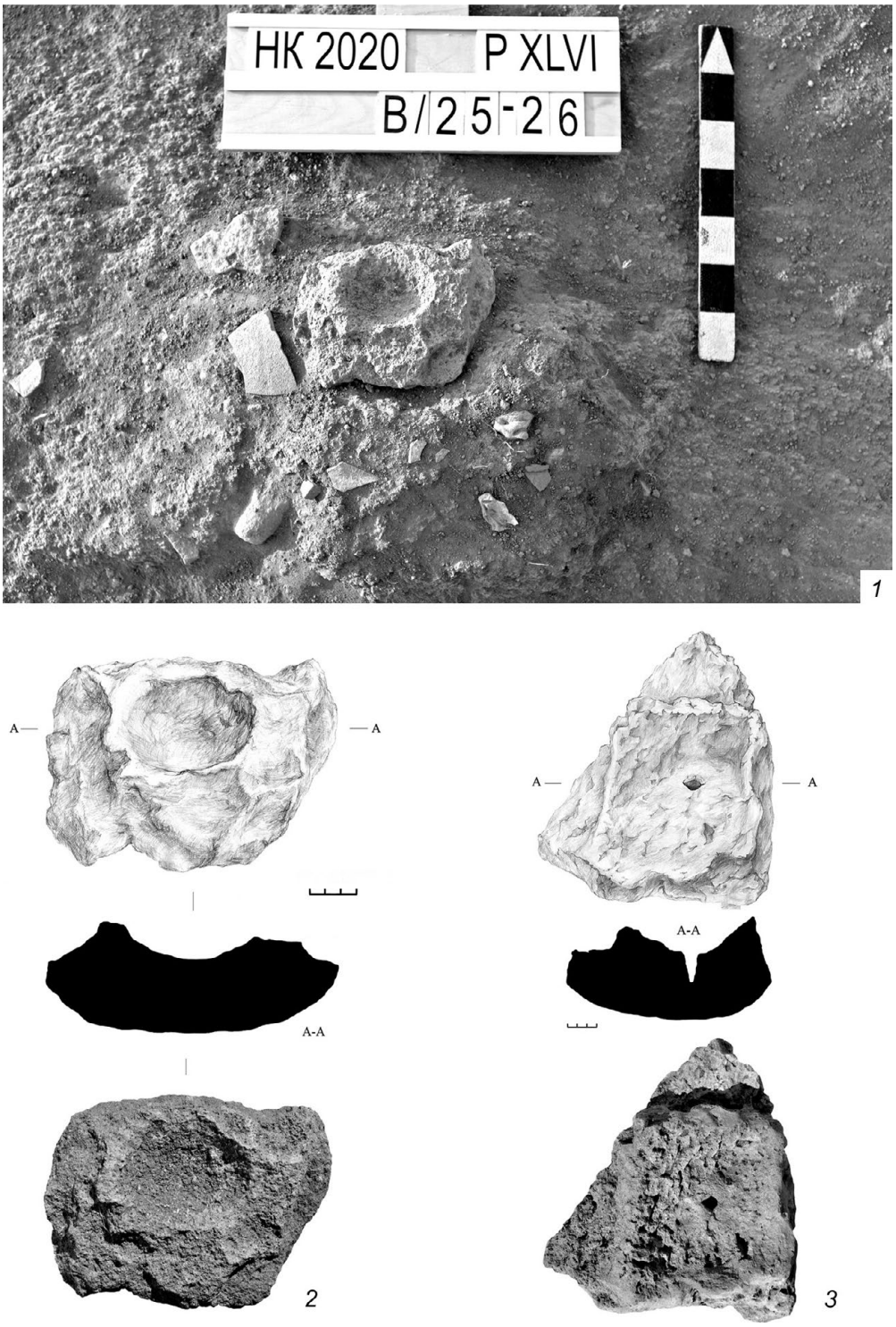


Рис. 9. *1* – Алтарь с чашевидным углублением № 5. Слой погребенного гумуса (кв. В/25-26); *2* – Алтарь с чашевидным углублением № 5; *3* – Алтарь с несквозным отверстием в виде эдикулы № 6

чашевидное углубление в центре. В Китее их известно более 10 [*Молева,* 2020, 65–70, кат. № 18–27]. Такие алтари, вероятно, предназначались для возлияний; они, как правило, устанавливались прямо на земле. Время их изготовления и использования: с IV–III вв. до н. э. по III–IV вв. н. э.

Алтарь № 6 (рис.. 9. *3*) выглядит весьма необычно. По своей форме он напоминает эдикулу с прямоугольным обрамлением в центре плиты и двумя треугольными «фронтонами» сверху и сбоку; может быть таких «фронтонов» было 3 или 4 – со всех сторон прямоугольника (там есть утраты). В центре прямоугольника – узкое, но не сквозное круглое заглубление. Поверхность камня испещрена какими-то значками, нанесенными шпунтом.

Близкие по типу алтарики-эдикулы встречались в Кепах и на Ахтанизовском лимане и датируются III–I вв. до н. э (*Сорокина*, *Усачева* 1997, 48–49, 58–59, кат. № 1–9) Алтарь, напоминающий эдикулу, известен и в Китее и датируется III–IV вв. н. э. [*Молева* 2020, 61, кат. № 16].

В целом, комплекс алтарей из юго-западного предместья Китея представляет собой единое целое с алтарями, найденными на городище. Они изготавливались без особых затей и предназначались для отправления хтонических обрядов как в городских святилищах, так и при совершении поминально-ритуальных действий на юго-западном участке некрополя.

* * *

Раскоп XLVI в юго-западном предместье Китея оказался неожиданно сложен как для археологического исследования, так и для интерпретации найденного. Исходя из результатов работ на близлежащих раскопах в предыдущие десятилетия (XXV (1992–1994), XXXIII (1995–1997, 2002, 2005), XXXIII-A (1997, 2000, 2001), XL (2002–2009)), можно было предположить, что здесь продолжается некрополь. До того на этом участке, но западнее, были открыты три больших эллинистических склепа середины-второй половины IV в. до н. э., сложенных из блоков известняка и перекрытых полуциркульными (?) сводами [*Хршановский* 2013, 182–200]. Над ними и в непосредственной близости от них найдены и исследованы более 40 погребальных сооружений (грунтовой склеп, плитовые и грунтовые могилы, каменный саркофаг), относящихся ко второй половине IV–V в. н. э. [*Хршановский* 2016, 108–141]. Им сопутствовали многочисленные следы ритуальных (поминальных?) действий: зольные пятна, выгороженные площадки, керамические тризны и костные остатки животных, преимущественно связанные с вторичным использованием этого участка в позднеантичное время [*Хршановский* 2017б, 161–164].

Однако в раскопе XLVI, несмотря на его внушительные размеры, было найдено всего 5 могил, что кажется непропорциональным количеству следов, совершённых на этом же участке ритуальных действий. Замеченные на уровне древнего горизонта и в нижнем слое насыпи примитивные конструкции из камней, сложенные прямо на земле, также могут считаться алтарями III группы по классификации Н. В. Молевой [*Молева* 2020, 94–104]. Выгородки, обозначенные состыкованными камнями или плитками, поставленными на ребра, похожи на «объекты сакрального назначения, сопутствующие алтарям», составляющие IV группу по её же классификации [*Молева* 2020, 105–115]. Если

это подтвердится, то общее количество алтарей и жертвенников на исследуемой площади умножится, и ещё более закономерным станет вопрос о назначении открытого памятника. Весь облик этого позднебоспорского сакрального объекта с алтарями, ботросами, ритуальными площадками, жертвенниками и остатками жертвоприношений служит неоспоримым доказательством хтонического характера открытого комплекса, а его размеры – о возможном особом сакральном статусе – святилище, совмещённом с некрополем. Не исключено, что синхронные зольные холмы № 395, 396 и жертвенная яма № 394, открытые и исследованные в 2016–2022 гг. в соседнем раскопе XLVII, на вершине вала, тянущегося вдоль западной крепостной стены Китея, также являются его частью [*Хршановский* 2020б, 130–136].

Каталог

№ 1. Алтарь дисковидной формы со следами работы шпунтом на поверхности. На лицевой стороне зашлифован.

Известняк. Размеры: d = 55–58 см.; h = 9 см.

Время и место находки: 2013 г. Юго-западное предместье Китея за крепостной стеной, раскоп XLVI, яма 380 (лежал на дне ямы).

К. о. 75 (№ по коллекционной описи). По классификации Н. В. Молевой II группа, 2 тип.

№ 2. Хтонический алтарь из куска необработанного известняка неопределенной формы со сквозным отверстием неправильных очертаний в центре. Отличается крайней небрежностью исполнения.

Крупнозернистый известняк. Размеры: 35×36×10 см.

Время и место находки: 2014 г. Юго-западное предместье Китея за крепостной стеной, раскоп XLVI (западная часть). Находился в центре ритуальной площадки, будучи обложен камнями неправильной формы.

К. о. 28. По классификации Н. В. Молевой II группа, 1 тип, вар. В.

№ 3. Небольшой переносной алтарь подпрямоугольной, почти квадратной формы со сквозным отверстием в центре. Боковые грани четкие; сверху зашлифован.

Известняк. Размеры: 27×28×23 см.

Время и место находки: 2015 г. Юго-западное предместье Китея за крепостной стеной. Раскоп XLVI. А/20, 5 шт. Подобные алтари есть в Ольвии и на Азовском побережье Боспорского царства. Близкая аналогия – в Китее (святилище у западной крепостной стены) I в. до н. э. – I в. н. э. [*Молева* 2020, 67, кат. № 24].

К. о. 25. По классификации Н. В. Молевой II группа, 1 тип, вар. Б.

№ 4. Алтарь в виде толстой прямоугольной плиты (один угол сколот по диагонали), с круглым чашевидным углублением (d = 11 см.), смещенным к краю плиты. Камень обработан суммарно, но грани выделены.

Известняк. Размеры: 48×30×22 см.

Время и место находки: 2015 г. Юго-западное предместье Китея за крепостной стеной. Раскоп XLVI, ЕЖ/18–20, 5 шт. Подобные алтари есть в Ольвии и на Азовском побережье Боспорского царства. Близкая аналогия – в Центральном святилище Китея [*Молева* 2020, 66, кат. № 22].

К. о. 24. По классификации Н. В. Молевой II группа, 1 тип, вар. Б.

№ 5. Небольшой алтарь подпрямоугольной формы, сделанный из куска необработанного камня. Нижняя часть его скруглена. На верху, в центре – круглое чашевидное углубление.

Известняк. Размеры: 28×25×8 см.

Время и место находки: 2020 г. Юго-западное предместье Китея за крепостной стеной. Раскоп XLVI. Подобные алтари есть в Ольвии и на Азовском побережье Боспорского царства и в сакральных комплексах Китея (раскопы II, IV) [*Молева* 2020, 68, кат. № 26–27].

К. о. 35. По классификации Н. В. Молевой II группа, 1 тип, вар. Б. Вероятная дата – III в. н. э., может быть и позже.

№ 6. Маленький алтарик, оформленный в виде эдикулы, окантованной прямоугольной рамкой, с двумя треугольными «фронтонами» сверху и сбоку. Может быть, такие «фронтоны» были со всех 4-х сторон (сейчас отбиты). В центре рамки – узкое заглубление. Задняя часть скруглена. Поверхность камня содержит какие-то знаки, нанесенные шпунтом или резцом.

Известняк. Размеры: 17,5×14×7 см.

Время и место находки: 2020 г. Юго-западное предместье Китея за крепостной стеной. Раскоп XLVI. Алтари в виде эдикул с отверстиями и заглублениями в центре были найдены в некрополе Кеп и Ахтанизовского Лимана. Они датируются эллинистическим временем и предназначались для хтонических возлияний [*Сорокина, Усачева* 49. табл. 1–2, № 1–9; 50, 53]. К. о. 36. Условно его можно отнести ко II группе, 1 типу, вар. А. по классификации Молевой Н. В. [*Молева* 2020, 61, кат. № 16]. III–IV вв. н. э.

Список литературы

А*брамзон* М. Г., *Хршановский* В. А. 2022. Монеты из раскопок юго-западного участка некрополя Китея (2011–2021 гг.) БФ: Большие и малые города Боспорского царства: Круглый стол, посвященный 75-летию Е. А. Молева (1937–2021). СПб, 233–240.

Г*иро* П. 1994. Частная и общественная жизнь греков. М.

К*аспаров* А. К., *Хршановский* В. А. 2019. Фаунистические остатки на юго-западном участке Китейского некрополя // БЧ. XX, 272–283.

Каспаров А. К., *Хршановский* В. А. 2021. Фаунистические остатки диких животных из позднеантичного некрополя и «аланский след» на Китее IV–V вв. н. э. // ДБ. 26, 225–245.

Л*атышев* В. В. 1899. Очерк греческих древностей. Ч. II. Богослужебные и сценические древности. СПб.

М*асленников* А. А. 2007. Сельские святилища Европейского Боспора. М.

Молев Е. А., *Молева* Н. В. 2016. Боспорский город Китей. Часть II. Симферополь–Керчь.

Молева Н. В. 2020. Алтари и сопутствующие им сакральные объекты из Китея. Нижний Новгород.

Н*ильссон* М. 1998. Греческая народная религия. СПб.

П*авличенко* Н. А., *Хршановский* В. А. 2020. Керамические клейма из позднеантичного некрополя Китея // ДБ. 25, 289–306.

Р*усяева* А. С. 2006. Глава I. Святилища и их структура; Глава IV. Строительные остатки алтарей // Древнейший теменос Ольвии Понтийской (МАИЭТ. Suppl. 2). Симферополь, 16–31, 53–74.

С*орокина* Н. П., *Усачёва* О. Н. 1997. Ритуальные каменные памятники из Кепского некрополя на Таманском полуострове // Археологический сборник. Погребальный обряд (Труды ГИМ. 93), 47–61.

Х*анутина* З. В., *Хршановский* В. А. 2021. Позднеантичный некрополь боспорского города Китей // M. Matera, R. Karasiewicz-Szczypiorski (eds.), Pontica et Caucasica II. Interdisciplinary research on the antiquity of the Black Sea. Warsaw, 117–136.

Ханутина З. В., *Хршановский* В. А. 2023. Терракотовые статуэтки из юго-западного участка некрополя Китея // Вестник РГГУ Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 1, 42–60.

Хршановский В. А. 2016. Грунтовые могилы на юго-западном участке некрополя Китея (по материалам раскопок 1992–2013 гг.) // Культурный слой. 4. Нижний Новгород, 108–141.

Хршановский В. А. 2017а. Между готами и гуннами. Новые материалы к истории Европейского Боспора IV в. н. э. (по результатам раскопок некрополя Китея в 2009–2016 гг.) // БИ. XXXV, 208–228.

Хршановский В. А. 2017б. Тризны на грунтовых некрополях Боспора (по материалам некрополей Илуратского плато и Китейской равнины) // Таврические студии. 12. Симферополь, 158–166.

Хршановский В. А. 2020а. Позднеантичные ритуальные ямы на юго-западном участке некрополя Китея // ДБ. 25, 407–425

Хршановский В. А. 2020б. Новый ритуальный комплекс на позднеантичном участке некрополя Китея // БФ: Боспорское царство М. И. Ростовцева. Взгляд из XXI века. Ч. II. СПб., 130–136.

Хршановский В. А. 2023. Позднеантичные ритуальные комплексы в юго-западном предместье Китея // Археология и история Боспора. Симферополь, 154–168.

D*inahet* M.-Th. 1991. Autels monolithes et monolithoïdes de Délos // L'espace sacrificiel dans les civilisations méditerranéennes de l'Antiquité, Actes du colloque tenu à la Maison de l'Orient, Lyon, 4–7 juin 1988. Paris.

Y*avis* C. G. 1949. Greek Altars: Origins and Typology. An Archaeological Study in the History of Religion. Saint Louis.

Summary

N.V. Moleva, V.A. Khrshanovskiy
Altars from the South-Western suburbs of Kitaia

The article discusses limestone altars that have been discovered during the long-term research in the South-Western suburbs of Kytaia. The echo of ritual activities has been traced in the excavation plot No. XLVI (its total area occupies over 400 square meters). Below the artificial mound, at the level of the ancient horizon, and among a stone cluster of unknown origin, in addition to several burials, there were found ritual ash pits, bothroi pits (*gr*. βόθρος), altars with peculiar structures made of either several stones, or monolithic stones (six altars), the latter belonging to Group II of such items according to Natalia V. Moleva's classification. Numerous material finds (dating back to the period from the 4th century BC to the 4th–5th centuries AD) – such as fragments of amphorae and painted vessels, black- and red-glazed ceramics, wheel and hand-made pottery, terracotta figurines, lamps, spindle whorls, sinkers, copper coins, fibulae, beads, osteological remains of domestic and wild animals – made it possible to suppose that the discovered complexes form a sanctuary combined with a necropolis. Altars made of monolithic stones that are discovered there among other things, prove to be the fact that confirms this idea, since similar structures are found as analogues in the sacral complexes of the ancient settlement of Kytaia, and in other ancient centers of the Northern Black Sea region.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-437-1.353-368

А. В. Подосинов
*(Институт всеобщей истории РАН,
Исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва)*

«Север» в терминологии Страбона

В статье рассматривается терминология Страбона, относящаяся к словам, указывающим направление на север. При этом он использует два слова – борей (βορέας) и арктос (ἄρκτος) и многочисленные производные слова и выражения. Анализ ориентационных систем по розе ветров от Гомера до позднелатинских авторов показывает, что эти два термина могли использоваться или для указания просто севера (как у Аристотеля), или севера и северо-востока (как у Тимосфена). Рассмотрение этих терминов применительно к Северному Причерноморью и шире – Северной Евразии – позволяет понять, что Страбон по большей части использует их синонимично. Тем самым можно сделать вывод, что и здесь язык Страбона далек от точной терминологичности.

* * *

В VII, 3, 19 Страбон пишет: «Оканчивается [Ахиллов бег] мысом, который называют Тамиракским и который имеет пристань, обращенную к материку. За мысом [расположен] довольно большой Каркинитский залив, простирающийся на север (πρὸς τὰς ἄρκτους) почти на 1000 стадиев». На самом деле Каркинитский залив, сохранивший свое название до наших дней, расположен не к северу, а к северо-востоку (или даже к востоку) от восточной оконечности Ахиллова Бега. Этот текст дает иногда основание предполагать, что, называя направление на север, географ здесь и в других случаях мог иметь в виду направление на северо-восток[1].

Представляется, что для проверки этого предположения важным является вопрос, какими терминами пользовался Страбон, указывая северное направление. Изучение «северной» терминологии его «Географии» показывает, что для обозначения севера он использует два слова – борей (βορέας) и арктос (ἄρκτος). От этих двух слов происходят и многочисленные производные слова и выражения, используемые Страбоном в описании Северной Евразии: βόρειος, πρὸς βορρᾶν, ἐπὶ τὰ βορέᾳ, προσβόρειος, πρόσβορρος, βορειότερος, βορειότατος и ἀρκτικός, πρὸς ἄρκτον, ἐπὶ τὰς ἄρκτους, ἀπὸ τῆς ἄρκτου, ἀπὸ τῶν ἄρκτων, προσάρκτιος, ἀρκτικώτερος, ἀρκτικώτατος и др.

[1] См. [*Грацианская* 1988, 97]: предполагая, что описание областей от Рейна до Истра сделано Страбоном по карте, Грацианская замечает, что «на карте Страбона север смещен на северо-восток (II, 5, 8; III, 1, 3; XIV, 5, 11 etc.)». Анализ этих текстов см. ниже.

Как известно, эти два слова ведут свое происхождение от «розы ветров»[2], которые стали обозначениями стран света[3]. Конечно, страны света имели и свои названия, отличные от названий ветров: ἄρκτος (север), ἀνατολή (восток), μεσημβρία (юг) и δύσις (запад), имевшие астральные коннотации. В этой системе ориентации север был назван по имени северного созвездия (Арктос – [Большая Медведица]), остальные – по движению солнца (восход, полдень, заход). Эти обозначения широко использовались в греческой речевой практике наряду с «ветровыми» наименованиями стран света и возникли раньше розы ветров [*Rehm* 1916, 6].

Что же касается самой розы ветров, то она в античности эволюционировала от простого к сложному. Так, Гомер знал и упоминал, по всей видимости, только четыре названия ветров[4]: эвр – для восточного направления, нот – для южного, зефир – для западного и борей – для северного[5] (см. Plin. NH II, 119: «Древние различали всего четыре ветра [по одному] для каждой части света (почему и Гомер называет не больше)» (перевод Плиния здесь и далее Е. В. Илюшечкиной).

Итак, для севера в двух разных системах существовали два вполне взаимозаменяемых названия – арктос и борей [*Rausch* 2013, 9–10]. Интересно сопоставление двух систем, которое представил Гален: «Эвр дует с востока, нот – с юга, зефир – с запада, борей же – с севера (Ἔυρος μὲν ἀπὸ ἀνατολῆς πνεῖ, νότος δὲ ἀπὸ μεσημβρίας, καὶ ζέφυρος μὲν ἀπὸ δυσμῶν, βορρᾶς δὲ ἀπὸ ἄρκτων)» [*Rehm* 1916, 81–82]. Здесь ветра дуют из стран света, обозначаемых астрономически.

Гомерова система имела долгую жизнь, ее разделяли Геродот и другие ионийские ученые (*Lasserre* 1979, 1378–1379). Так, Геродот в своей «Истории» 38 раз упоминает βορέης и только 5 раз ἄρκτος, когда указывает направление на север [*Shipley* 2021, 116].

Знаменитая схема расположения окраинных народов ойкумены, принадлежащая греческому историку IV в. до н. э. Эфору, выглядит в пересказе Страбона следующим образом: «Земли к востоку (πρὸς τὸν ἀπηλιώτην) занимают инды, к югу (πρὸς νότον) – эфиопы, к западу (πρὸς δύσιν) – кельты, к северному же ветру (πρὸς δὲ βορρᾶν ἄνεμον) – скифы» (Strabo I, 2, 28). И здесь в качестве единственного указания на север выступает Гомеров борей[6].

---

[2] «Роза ветров» – позднее, начиная с XIII в., обозначение того, что Аристотель называл ἀνέμων θέσεις («расположение ветров») (Meteor. II, 6, 364a).

[3] Подробнее об античной розе ветров см.: [*Keibel* 1885, 579–624; *Steinmetz* 1907; *Gilbert* 1907; *Stange* 1911; *Rehm* 1916; *Thompson* 1918, 49–55; *Masselink* 1956; *Böker* 1958, 2325–2387; *Lasserre* 1979, 1375–1380; *Neuser* 1982; *Brown* 1983, 121–161; *Coppola* 2010].

[4] См. подробнее: *Rehm* 1916, 5–9; *Coppola* 2010.

[5] См., например, Od. V, 295–296:

σὺν δ᾽ Εὖρός τε Νότος τ᾽ ἔπεσον Ζέφυρός τε δυσαὴς
καὶ Βορέης αἰθρηγενέτης, μέγα κῦμα κυλίνδων.
Евр столкнулись и Нот, огромные волны вздымая,
И проясняющий небо Борей, и Зефир быстровейный.

Od. XIII, 109–111:

… в пещере два входа.
Людям один только вход, обращенный на север (πρὸς Βορέαο), доступен.
Вход, обращенный на юг (πρὸς Νότου),– для бессмертных богов…
(перевод В. В. Вересаева)

[6] С. Рауш считает, что "traditionelle, d. h. homerische Aufteilung des Raumes in vier Hauptrichtungen beibehalten wurde, innerhalb derer die 'nördliche' Region weiterhin mit der Bezeichnung 'Boreas' angegeben wurde" [*Rausch* 2013, 10]; см. также [*Rehm* 1916, 18–19] о сохранении старой схемы у Эфора..

Со временем в розу ветров вводили и другие ветра, так что вместе с промежуточными ветрами (= странами света) их стало 8 (уже в древнеионийской науке), затем 12. Последняя роза ветров появилась у Аристотеля (Meteor. II, 6, 363 a 21 след.), и вот как она выглядела (рис. 1):

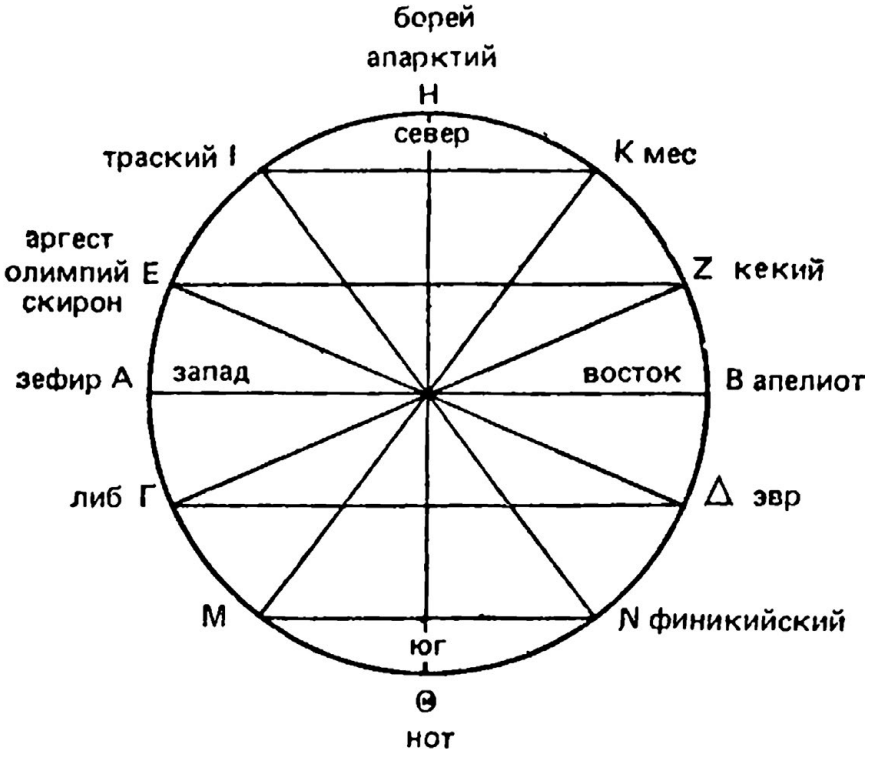


Рис. 1. Роза ветров по Аристотелю [*Брагинская* 1981, 591]

В этой схеме борей выступает как синоним апарктия (ἀπαρκτίας)[7], который имеет основой определение севера как Арктос, принадлежащее, как мы видели выше, другой, астральной, системе координат (букв. с греч. «От-Арктоса [дующий]»). Эту синонимичность можно видеть, например, в следующем тексте Аристотеля, который в «Метеорологике» пишет (Meteor. II, 6, 363b10): «Борей же <и> апарктий [дуют] из [точки] Н, ибо здесь север (ἡ ἄρκτος); противоположный ему нот дует с юга…»[8]), т.е. одному южному ноту противостоят два северных ветра, находящиеся в одной точке. Очевидно, поэтому издатели выбрасывают из текста Аристотеля союз «и» (<καὶ>) между бореем и апарктием, считая их одним ветром[9].

[7] Так же считают их тождественными Гилберт [*Gilbert* 1907, 546] и Хр. Хюнемёрдер [*Hünemörder* 2002, 518].

[8] βορέας δὲ <καὶ> ἀπαρκτίας ἀπὸ τοῦ Η· ἐνταῦθα γὰρ ἡ ἄρκτος. ἐναντίος δὲ τούτῳ νότος ἀπὸ τοῦ Θ. Перевод «Метеорологики» здесь и далее принадлежит Н.В. Брагинской.

[9] Ср. обычное в античной географии наименование Каспийского моря, как «Каспийского и Гирканского», встречающееся у Аристотеля в той же «Метеорологике» (II, 354a1: ἡ δ' Ὑρκανία καὶ Κασπία θάλαττα). Обратим внимание на единственное число в этом выражении.

Прежде чем сформулировать схему расположения ветров, Аристотель говорит, вполне в духе Гомерового распределения ветров, о борее просто как о «северном» ветре (ср. «после летнего солнцеворота дуют бореи (βορέαι)… Борей дует из полярной области, полной воды и снега (ὁ μὲν βορέας ἀπὸ τῶν ὑπὸ τὴν ἄρκτον πνεῖ τόπων, οἳ πλήρεις ὕδατος καὶ χιόνος εἰσὶ πολλῆς)», «подобно нашему борею (βορέας), от того (южного. – *А. П.*) полюса таким же образом дует некий ветер. Но он никак не может достигнуть наших краев: ведь даже здешний борей не [дует] надо всей Землей…, но поскольку мы живем в [землях], прилегающих к северу (πρὸς ἄρκτον), у нас дуют главным образом бореи (πλεῖστοι βορέαι πνέουσιν)… эвры все время перемежаются с зефирами, как у нас бореи с нотами (οἱ βορέαι καὶ οἱ νότοι)» (II, 6, 362a 10–362b5).

Сложная и иногда запутанная система северных ветров проявляется и в следующих замечаниях Аристотеля: «Из названных [северных] ветров самые важные борей и апарктий, за ними траский и мес; кекий соседствует и с бореем, и с апелиотом» (II. 6, 364a.15)[10]; «Мес и апарктий – самые снежные ветры, а потому и самые холодные» (Там же. 20)[11]. «Борей» у Аристотеля, таким образом, может употребляться и в нарицательном смысле (просто «северный»), и в апеллятивном – специфический ветер Борей.

Геродот в III, 102 также отождествляет ветер борей и арктос, когда говорит, что одни индийские племена живут севернее других (πρὸς ἄρκτου τε καὶ βορέω ἀνέμου); ср. ἐπ᾽ἀρκτῴοιο … βορέαο (букв. «в сторону арктического борея») у Дионисия Периэгета (v. 519).

Интересно, что в трактате «О мире» (De mundo, 4), приписываемом Аристотелю, сначала ветры определяются по Гомеру: «Ветер, дующий с востока, называется эвром, с севера – бореем, с запада – зефиром, с юга – нотом», а затем, в рассказе о других промежуточных ветрах, говорится: «Среди бореев тот, что соседствует с кекием, называется собственно бореем, ветер, дующий непосредственно с севера на юг – апарктием» (перевод И. И. Маханькова). Итак, мы имеем опять набор разных бореев: борей – единственный, дующий с севера ветер; борей, дующий с северо-востока («собственно борей»), бореи – как северные ветры вообще, но главный ветер, дующий с севера, – все же апарктий. Примечательно, что здесь, в отличие от труда Аристотеля, отсутствует ветер мес, а в трактате «О приметах дождей, ветров, ненастья и вёдра» (36), приписываемом ученику Аристотеля Феофрасту, упоминается «борей, или мес (βορέας ἢ μέσης)», т. е. эти два ветра отождествляются.

Большинство античных авторов, как и Псевдо-Аристотель, помещают борей в 8-и или 12-тилепестковой розе ветров к северо-востоку от апарктия, считая их разными ветрами, в то время как Аристотель (и его ученик Феофраст) указывают здесь, как мы видели, некий ветер «мес» (μέσης), о котором Аристотель пишет, что «из [точки] K [дует] так называемый мес, который занимает место между кекием и апарктием»[12] (II, 6, 363b25). В греческом оригинале буквально сказано: «Его называют мес (μέσης), ведь он [являет-

[10] ἔστι δὲ τῶν εἰρημένων πνευμάτων βορέας μὲν ὅ τ᾽ ἀπαρκτίας κυριώτατα, καὶ θρασκίας καὶ μέσης· ὁ δὲ καικίας κοινὸς ἀπηλιώτου καὶ βορέου. Примечательно, что и здесь борей с апарктием в греческом оригинале показывают тесное сращение (βορέας μὲν ὅ τ᾽ ἀπαρκτίας).

[11] νιφετώδης δὲ μέσης καὶ ἀπαρκτίας μάλιστα· οὗτοι γὰρ ψυχρότατοι.

[12] ἀπὸ δὲ τοῦ K ὃν καλοῦσιν μέσην· οὗτος γὰρ μέσος καικίου καὶ ἀπαρκτίου.

ся] срединным (μέσος) между кекием и апарктием». Судя по объяснению Аристотеля, это название ветра означало просто «срединный»[13]. Оно, по-видимому, не прижилось в дальнейшей номенклатуре ветров. Его упоминает еще только Плиний Старший, явно имея в виду аристотелеву схему (NH II, 120: «… Некоторые добавляют мес – между бореем и кекием»).

В середине III в. до н. э. флотоводец египетского царя Птолемея II Филадельфа Тимосфен Родосский написал трактат «О гаванях» (Περὶ λιμένων) в 10 книгах[14], в котором привел следующую розу ветров (она описывается у Агафемера – II, 7): «Тимосфен же, написавший периплы, говорит о двенадцати ветрах, вставляя между апарктием и кекием борей… (προστιθεὶς μέσον ἀπαρκτίου καὶ καικίου βορέαν, как у Аристотеля, только вместо меса здесь борей! – *А. П.*) Народы же, которые, по его мнению, населяют отдаленнейшие части [ойкумены, таковы]: у апелиота – бактрианы, у эвра – инды… [у апарктия] – скифы, что за Фракией (κατὰ δ' ἀπαρκτίαν τοὺς ὑπὲρ Θρᾴκην Σκύθας), у борея – Понт, Меотида, сарматы (κατὰ δὲ βορρᾶν Πόντον, Μαιῶτιν, Σαρμάτας), у кекия – Каспийское море и саки»[15]. Сам Агафемер говорит только о 4 ветрах (II, 6): «Ветры дуют такие: с равноденственного востока – апелиот, с равноденственного запада – зефир, с юга – нот, с севера – апарктий», т. е. в практически гомеровой раскладке борей заменен на апарктий.

Роза ветров Тимосфена интересна тем, что в ней, во-первых, на месте аристотелева «индифферентного» [так *Gilbert* 1907, 549] меса стоит борей, а, во-вторых, за каждым ветром указывается живущий там народ или находящаяся там местность, и, если проследить различия географического направления между апарктием и бореем, то оказывается, что «скифы, что за Фракией», живут у апарктия (т. е. от Греции прямо к северу), а Понт, Меотида и сарматы (т. е. все Северное Причерноморье) помещаются у борея, т. е. в северо-восточном направлении. Кстати, Страбон неоднократно упоминает Тимосфена в своей «Географии» (см. Strabo I, 2, 21; II, 1, 40–41; III, 1, 7), и можно было бы предположить, что и для него указание на борей означает направление не на север, а на северо-восток (см. об этом ниже).

Итак, после Аристотеля античные авторы почти единодушно называют к северо-востоку от апарктия вместо меса ветер борей, считая их разными ветрами. Вероятно, нежелание расстаться с традиционным обозначением севера как борей после появления, уже в древнеионийской науке, названия апарктий, занявшего главное северное положение, привело к необходимости расположить борей где-то рядом с апарктием, что мы и видим в розах ветров большинства авторов [*Rehm* 1916, 34].

Вот что пишет, например, римский писатель II в. н. э. Авл Геллий, рассказывая о восьми ветрах (Noct. Att. II, 22, 9–15): « (9) …Тот ветер, который приходит от летней и солнечной точки восхода (т. е. с северо-востока. – *А. П.*), по-латински называется

[13] См. *Gilbert* 1907, 547: "So wurde der zwischen dem Kaikias und dem Nordpol in der Mitte liegende Punkt festgestellt und der aus diesem Punkte wehende Wind als der mittlere bezeichnet"; *Lasserre* 1979, 1379: "Der Name ist erfunden".

[14] См. издание его фрагментов: *Roller* 2020, 56–79.

[15] Роза ветров Тимосфена была воспроизведена на римском так называемом «анемоскопе Босковича» (ок. 200 г. н. э.), представляющем мраморную плиту с окружностью, на краях которой были написаны названия 12 ветров по латыни [*Rehm* 1916, 65–69].

Рис. 2. «Башня ветров» в Афинах (реконструкция)

aquilo (аквилон), по-гречески – βορέας (борей)… (15) …Север… порождает один [ветер]. Он, устремленный навстречу и направленный против австра, по-латыни называется septentrionarius (септентрионарий), а по-гречески – ἀπαρκτίας (апарктий)» (перевод А. Б. Егорова). Отметим сразу название аквилон как латинское соответствие греческому борею, и септентрионарий как латинское соответствие греческому апарктию. Такое же расположение борея и апарктия показывают описания роз ветров Витрувия (I, 6, 5), Сенеки (Nat. Quest. V, 16) и Плиния Старшего (NH II, 119).

Складывается впечатление, что, если апарктий (лат. септентрионарий) в качестве северной стороны чаще фигурировал в ученых текстах, то борей (аквилон) мог означать и север (в общеупотребительной и поэтической речи), и северо-восток (в научных текстах).

Показателен такой факт: в середине I в. до н. э. в Афинах возвели октогональную «Башню ветров» с рельефами восьми ветров, прекрасно сохранившуюся до нашего времени (рис. 2). Вот названия этих ветров: Эвр, Зефир, Нот, Борей, Апелиот, Кекий, Либс и Скирон.

Рис. 3. Рельеф с изображением Борея на «Башне ветров» в Афинах
(Из: The Antiquities of Athens measured and delineated by James Stuart F.R.S. and F.S.A. and Nicholas Revett Painters and Architects, vol. III, London, 1794)

На северной стороне изображен ветер Борей (рис. 3) – бородатый и закутанный в тяжёлые одежды мужчина и никакого Апарктия!

Интересно, что Витрувий в своём описании этой башни (I, 6, 4) приводит латинские варианты имен ее восьми ветров: австр (южный), солан (восточный), фавоний (западный), септентрион (северный), эвр (юго-восточный), африк (юго-западный), кавр (северо-западный), аквилон (северо-восточный). Мы видим здесь и септентрион/апарктий (на Башне это борей), и аквилон, который обычно соответствовал греч. борею, а здесь явно заменяет собой кекий, что представлен на Башне. Так, «популярный» в Греции, а особенно в Афинах[16], северный ветер борей под пером ученого латинского автора превращается в септентрион. Замечу, что Витрувий и в своем учебнике архитектуры несколько раз, говоря о севере, использует слово septentrio (см. VI, 1, 3; 6; 7, 9, 11).

В Ватиканском музее хранится найденный в 1779 г. у подножия Эсквилинского холма мраморный анемоскоп II–III вв. н. э., содержащий перечень 12 ветров на латинском и греческом языках (рис. 4). Среди них есть и апарк<т>ий (септентрион), и борей (аквилон) [*Woods*, *Symons* 1894, 88–91].

Плиний Старший, описывая розу ветров и констатировав использование только четырех у Гомера (см. выше), продолжает (NH II, 119): «Последующие времена добавили еще восемь [ветров], однако этот перечень подробен и неудобен для пользования (nimis subtili et concise)». Это замечание подтверждает наше предположение, что такая подробная «научная» классификация ветров едва ли широко использовалась

[16] Афинская легенда гласит, что однажды северный ветер (он же фракийский царь) Борей похитил и сделал своей женой Орифию – дочь афинского царя Эрехтея (см., например, Apoll. Rhod. Argon. I, 211–223). Борею в Афинах воздвигли храм на реке Илиссе в Аттике, где приносили жертвы, в его честь устраивали праздники. Название Борей со временем стал для греков синонимом холодного, порывистого северного ветра и севера вообще [см. об этом подробнее: *Rausch* 2013, 9–14].

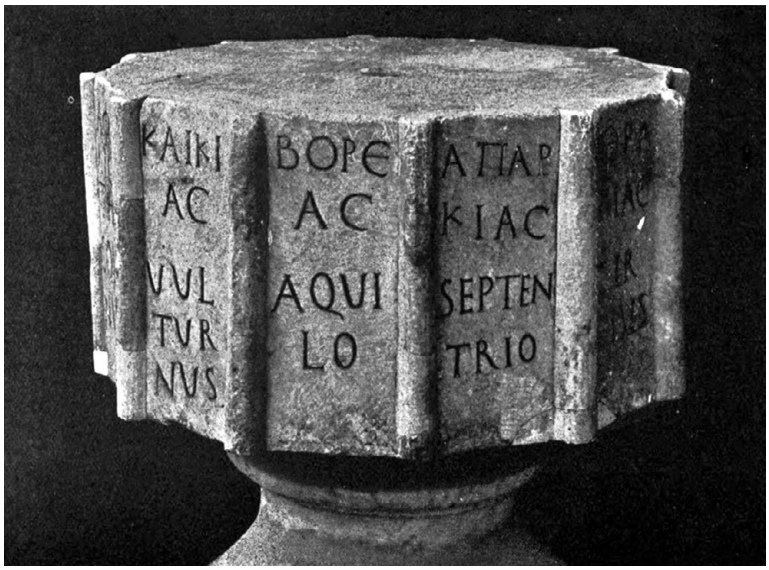


Рис. 4. Анемоскоп из Ватикана [из: *Woods, Symons* 1894, 89]

в общеупотребительном обиходе. В вопросе о локализации апарктия и борея Плиний располагает их следующим образом (NH II, 119: «С севера [дует] септентрион, а между ним и востоком во время летнего солнцестояния (exortum solstitialem) дует аквилон (еще их называют апарктием и бореем)».

Говоря об общеупотребительном обозначении севера, следует заметить, что, если взять римскую поэзию, то там за северный ветер практически всегда принимается аквилон, соответствующий греческому борею. Так, например, у Горация мы встречаем аквилон в Carm. I, 3, 13 (аквилон противопоставлен ноту); II, 9, 6; III, 10, 4; III, 30, 3 (Aquilo impotens, который не сможет разрушить памятник поэта); Epod. 10, 7; 13, 3; Sat. II, 6, 25; II, 8, 56; Epist. II, 2, 201; Ars poet. 64. Один раз Гораций упоминает и греческий борей как соседний к заснеженной окраине мира (Carm. III, 24, 38–39: mundi… Boreae finitimum latus/Durataeque solo nives). Вергилий в своих произведениях не называет аквилон, но упоминает борей (Aen. III, 687; XII, 385; Buc. VII, 51; Georg. I, 93, 370), вероятно, следуя Гомеру, которому он подражает.

Птолемей, будучи профессиональным астрономом, предпочитал использовать в своем «Географическом руководстве» астральные термины стран света: границы всех регионов описываются у него практически по одной схеме: они ограничиваются с запада – ἀπὸ δύσεως, с востока – ἀπὸ ἀνατολῶν, с юг – ἀπὸ μεσημβρίας, с севера – ἀπὸ ἄρκτων, или указывается последовательно западная, восточная, южная и северная сторона (δυτικὴ, ἀνατολικὴ, μεσημβρινὴ, ἀρκτικὴ πλευρά). Поскольку речь шла о расположении географических объектов на карте, имевшей практически квадратную форму, такое обозначение, очевидно, было наиболее удобным.

Итак, налицо две различные ориентационные схемы. Какой же из них придерживался Страбон, и была ли какая-то логика в его выборе ориентира? Не могло ли использование «арктической» ориентации указывать на точный север, а «бореической» – на се-

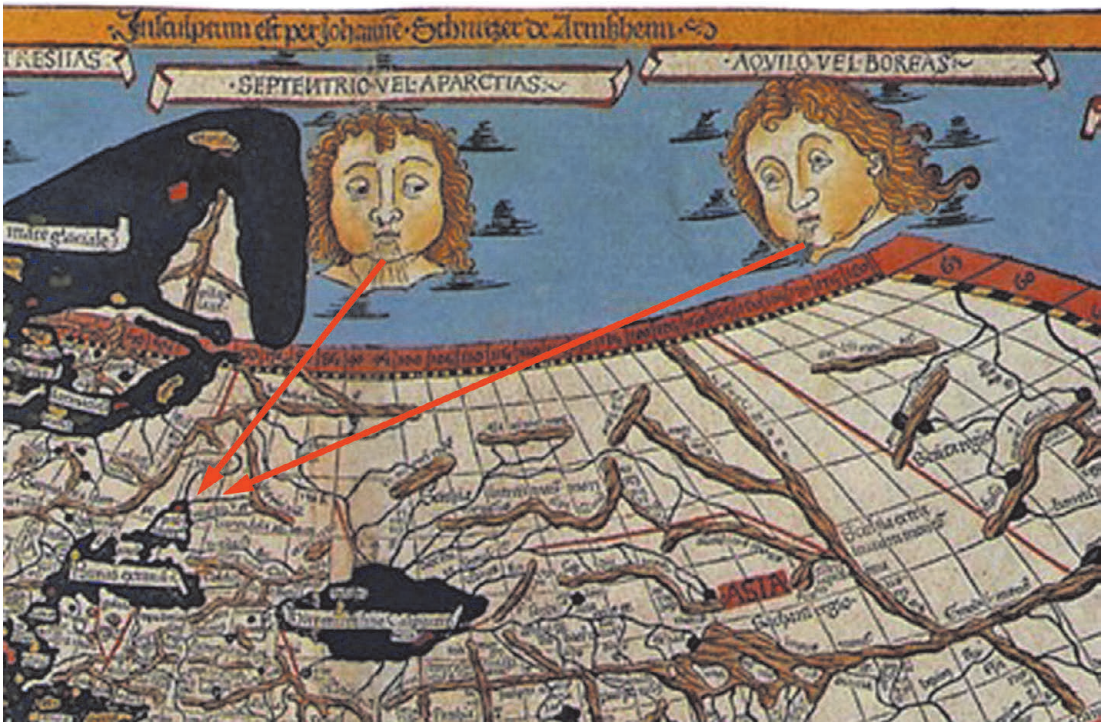


Рис. 5. Фрагмент карты мира Птолемея 1482 г.

веро-восток?[17] В качестве примера приведу фрагмент поздней карты Птолемея[18] с изображением двух северных ветров (слева ветер с обозначением SEPTENTRIO VEL APARCTIAS, справа – AQUILO VEL BOREAS). Их направление к Северному Причерноморью, если придерживаться этой схемы, могло бы существенно различаться (рис. 5).

Сам Страбон, в связи с апологией Гомера, в том числе и в вопросе о ветрах, говорит, что «есть некоторые писатели, которые утверждают, что существуют два главных ветра – борей и нот» (I, 2, 21). Рассуждая далее о других ветрах (при этом он ссылается на мнение Аристотеля, Тимосфена, Биона-астролога и Посидония), Страбон не называет апарктия[19], да и во всей «Географии» название этого ветра-направления, как кажется, не встречается! Т. е., зная ученые схемы розы ветров, Страбон мог игнорировать их данные в своих описаниях, используя общеупотребительные названия ветров или направления из астральной системы ориентации по странам света. Даже северную полусферу

[17] Если бы это было так, то и в современных переводах мы должны были бы передавать «арктические» термины как «на север», а «бореические» – «на северо-восток» (о сложностях современного перевода античных направлений по ветрам см. [*Shipley* 2021, 105–136]. На стр. 106 Шипли так формулирует проблему: “Translators generally employ each of the four terms ‘north’, ‘east, ‘south’, and ‘west’ to represent two Greek words, usually without indicating which one stands in the passage being translated. Is it possible to indicate in some way which term has been translated?”

[18] Расположение имен ветров на краях также и античных географических карт считает возможным А. Рем [*Rehm* 1916, 92].

[19] Кстати, судя по некоторым источникам, Эратосфену, с которым Страбон часто то соглашается, то спорит, приписывалась 8-лепестковая роза ветров, в которую входили апарктий и борей [*Lasserre* 1979, 1380].

земного шара в своем теоретическом разделе Страбон называет «бореическим» термином (II, 3, 2: βόρειον ἡμισφαίριον).

Как уже говорилось, Страбон использовал для обозначения северного направления оба названия – βόρειος, πρὸς βορρᾶν и ἀρκτικός, πρὸς ἄρκτον с их производными.

Уже первый фрагмент, с которого начиналась статья, – о Каркинитском заливе, который обозначен у Страбона как находящийся на севере, а на самом деле – на востоке-северо-востоке[20], содержит указание на направление πρὸς τὰς ἄρκτους, вместо предполагаемого πρὸς βορρᾶν, т. е. здесь это различие в значении «к северу» не срабатывает.

Подробный анализ всех свидетельств Страбона о географических реалиях Северной Евразии показывает, что географ нигде (или почти нигде) не видел разницы в употреблении этих двух направлений, понимая их как синонимы.

Самый яркий пример синонимичности этих двух терминов мы имеем в II, 1, 18: здесь жители местностей, находящихся севернее Иерны (Ирландии), называются в одном и том же параграфе то как ἀρκτικώτεροι τῆς Ἰέρνης, то как βορειότεροι … τῆς Ἰέρνης. Северные части Европы могут обозначаться и как τῶν βορείων τῆς Εὐρώπης ἅπαντα (I, 2, 1), и как τὰ ἀρκτικά (II, 4, 2), и как προσάρκτια (VII, 1, 1) – территория Европы севернее Истра, а в XI, 6, 2 североевропейские скифы и кельтоскифы характеризуются как πρόσβορροι. Германцы обитают севернее (ἀρκτικώτερα) кельтов, и чем дальше на север (προσβορρότεροι), тем они воинственнее (IV, 4, 2, так же IV, 4, 5: πρόσβορροι). В XI, 1, 5 описывается область Северной Азии между Танаисом и Каспием как тянущаяся πρὸς βορρᾶν, с севера же (ἐκ δὲ τῶν ἄρκτων) она ограничивается океаном. Такую же синонимию мы встречаем в «Тетрабиблосе» Птолемея, где он говорит о «живущих под более северными параллелями, т. е. под арктами (II, 2, 3: οἱ δὲ ὑπὸ τοὺς βορεοτέρους παραλλήλους, λέγω δὲ τοὺς ὑπὸ τὰς ἄρκτους).

Вероятно, можно увидеть различия в географической локализации на «севере» (арктос) германцев, которые живут у Океана (VII, 2, 4: προσάρκτιοι παροικοῦσι τῷ Ὠκεανῷ), и земель севернее Понта (у борея) (там же: τὰ πρὸς βορρᾶν μέρη τοῦ Πόντου χωρία ἁπαντᾷ). И еще раз живущие севернее Меотиды обозначены как βορειότεροι (II, 5, 42).

Ожидая увидеть «бореический» термин в описании Северного Причерноморья, мы тем не менее сталкиваемся здесь в основном с «арктической» терминологией: крайние пределы Скифии и Кельтики находятся к северу (I, 1, 13: πρὸς ἄρκτον); сарматские роксоланы, живущие между Танаисом (Доном) и Борисфеном (Днепром), характеризуются как ἀρκτικώτατοι (VII, 3, 17); скифы-номады и гамаксойки живут на севере около океана (XI, 2, 1: τῶν πρὸς ἄρκτον μερῶν καὶ τὸν Ὠκεανὸν Σκυθῶν τινὲς νομάδες καὶ ἁμάξοικοι); устье Меотиды находится в северной части моря (VII, 3, 18: ἐπὶ θαλάττῃ τὰ ἀρκτικώτατα); Танаис сначала течет (с Кавказа?) на север (XI, 2, 2: ἐπὶ τὰς ἄρκτους), затем с севера же впадает в Меотиду (VII, 4, 5; ἀπὸ τῶν ἄρκτων; XI, 2, 2: ἀπὸ τῶν ἀρκτικῶν μερῶν; ἀπὸ τῶν ἄρκτων.); в Понт впадает много рек с севера и востока (I, 3, 4: ἀπὸ τῆς ἄρκτου καὶ τῆς ἀνατολῆς); правая часть Понта обращена к северу (XI, 2, 14: τὰ Δεξιὰ τοῦ Πόντου ποιοῦσαν τὰ βλέποντα πρὸς ἄρκτον), как и южнопонтийский мыс Карамбис (XII, 3, 10: πρὸς τὰς ἄρκτους).

[20] Д. Роллер в своем переводе Страбоновой «Географии» пишет о Каркинитском заливе как о “reaching up to the north as much as thousand stadia” (ad loc/), в комментарии же отмечает, что “the Karkinitos Gulf… is the large bay to the south [*Roller* 2018, 363].

Если продвигаться на восток Северной Евразии, мы столкнемся с этой же «арктической» терминологией: в XI, 2, 15 говорится, что сарматские равнины находятся к северу (πρὸς ἄρκτον) от Кавказа, который сам лежит к северу от Тавра (πρὸς ἄρκτον). Так же πρὸς ἄρκτον от Албании живут кочевники (XI, 3, 5), а севернее Кавказских гор (πρὸς ἄρκτον τῶν Καυκασίων ὀρῶν) – амазонки (XI, 5, 1), северные склоны Кавказа названы ἀρκτικώτερα (XI, 5, 7); река Яксарт (совр. Сырдарья) – самая северная, впадающая в Каспий (XI, 7, 4: πάντων ἀρκτικώτατος); с севера Индия граничит с Тавром (XV, 1, 10: ἀπὸ μὲν τῶν ἄρκτων); инды и бактрийцы – живут позади парфян к северу и востоку (XVII, 3, 24: πρός τε ταῖς ἀνατολαῖς καὶ ταῖς ἄρκτοις); и т. д.

Сразу надо отметить, что смещение северного направления на северо-восток во всех этих случаях не фиксируется.

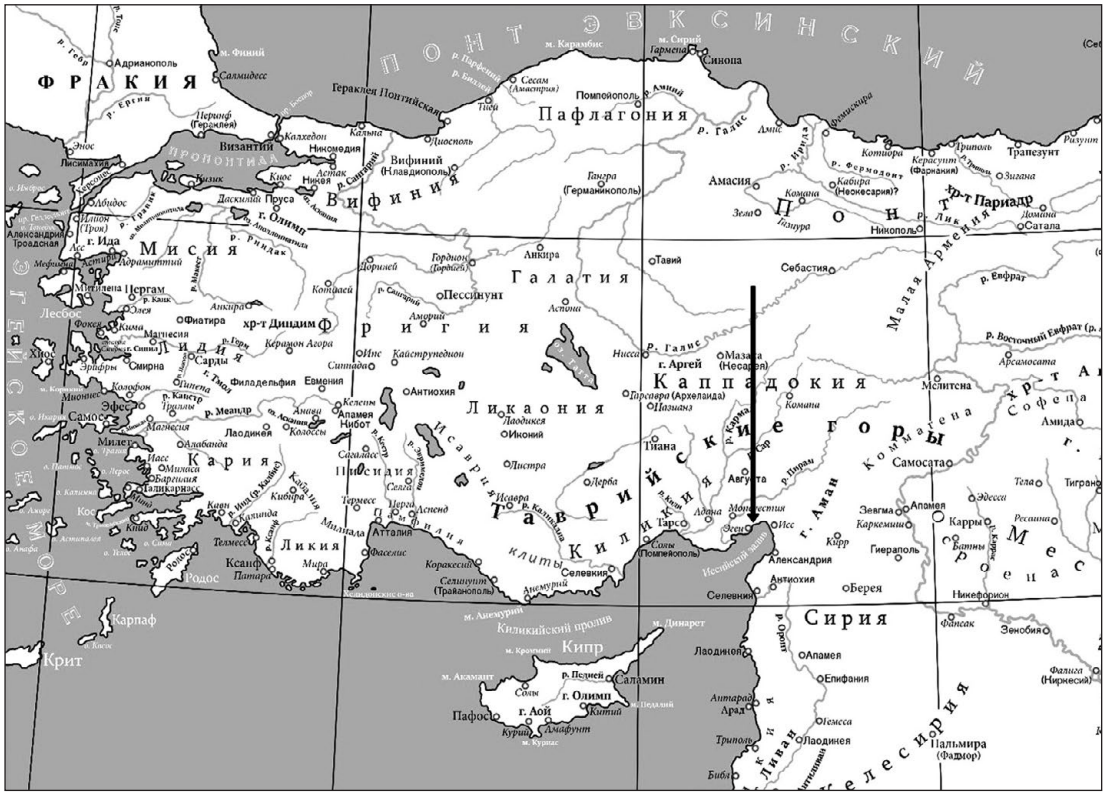
Но есть и «бореические» термины на этой территории, в некоторых из которых возможно подозревать северо-восточную ориентацию по ветру борею. Так, «самые северные люди», известные Гомеру, это номады, скорее всего, Северного Причерноморья (I, 1, 6: τοὺς ἀνθρώπους, δὲ οἶδε τοὺς προσβορείους μάλιστα); древние эллины считали «скифской», или, как у Гомера, «номадовой» всю северную землю (I, 2, 27: τὰ πρὸς βορρᾶν μέρη); северную часть Азии за Каспием Страбон называет τὴν βόρειον πλευράν (XI, 8, 2); киммерийцы живут на северном Боспоре Киммерийском (I, 2, 9: τὸν Κιμμερικὸν Βόσπορον πρόσβορρον); восточноевропейские гипербореи рассматривались как самые северные жители (I, 3, 22: Ὑπερβορείους τοὺς βορειοτάτους λέγεσθαι); Бактры и Ария находятся (очевидно, на схеме Гиппарха) севернее Борисфена и Кельтики (II, 1, 17: εἰς τοὺς βορειοτέρους τοῦ Βορυσθένους καὶ τῆς Κελτικῆς); Тавр, простираясь с запада на восток, обращен одной стороной к северу (XI, 1, 2: ἀπολείπων πρὸς βορρᾶν); упоминаются также северные склоны центральноазиатской горы Паропамиса (XI, 8, 1: τὰ προσβόρεια).

Даже чисто северное направление может обозначаться «бореическим» термином: «Танаис находится от устья Меотиды для плывущих прямо на север в 2200 стадиях» (XI, 2, 3: διέχει δὲ τοῦ στόματος τῆς Μαιώτιδος εὐθυπλοοῦσιν ἐπὶ τὰ βορέᾳ δισχιλίους καὶ διακοσίους σταδίους ὁ Τάναϊς)[21].

Подводя итоги, следует признать, что Страбон в описании северных частей ойкумены не придерживается последовательно ни гомеровой четырехсоставной розы ветров с бореем в качестве северного ориентира (обыденная ориентация), ни послеаристотелевой 12-лепестковой розы ветров с северным апарктием и северо-восточным бореем (научная ориентация). Часто они выступают у него как синонимы. В некоторых случаях – в описаниях восточной части северной ойкумены – возможно влияние схемы с северо-восточным бореем.

Но в любом случае, предполагать и видеть в упоминании арктоса чисто северное направление, а борея – северо-восточное, как делают некоторые другие античные авторы, не приходится. Как не приходится и видеть смещение на северо-восток в указаниях на север как некую особенность Страбоновой системы ориентации.

[21] Птолемей в «Тетрабиблосе» (II, 3, 12) причисляет Европу к северо-западной четверти ойкумены (τὰ πρὸς βορρόλιβα κείμενα), а потом описывает Азию в ее северной части как τὸ βόρειον μέρος (II, 3, 33).


ПОНТ ЭВКСИНСКИЙ
ЭГЕЙСКОЕ МОРЕ
ФРАКИЯ
Адрианополь
Салмидесс
Перинф (Гераклея)
Византий
Калхедон
Никомедия
Вифиний (Навидионполь)
Вифиния
Пафлагония
Синопа
Амастрида
Амис
Котиора
Трапезунт
Керасунт (Фарнакия)
Зигана
Кабира (Неокесария)?
Комана
Зела
Газиура
Никополь
Малая Армения
Амасия
Тангра (Германикополь)
Дорилей
Пессинунт
Галатия
Фригия
Ликаония
Каппадокия
Тиана
Икония
Лаодикия
Антиохия
Селевкия
Тарсийские горы
Киликийские ворота
Киликия
Тавр
Исаврия
Писидия
Памфилия
Ликия
Кария
Лидия
Мисия
Троада
Эолида
Иония
Эфес
Милет
Галикарнас
Родос
Книд
Фаселис
Атталия
Перга
Аспенд
Сиде
Коракесий
Селинунт (Траианополь)
Анемурий
Киликийский пролив
Кипр
Саламин
Пафос
Крит
Карпаф
Сирия
Александрия
Селевкия
Берея
Никефорион
Зенобия
Лаодикея
Апамея
Елифания
Пальмира (Фадмор)
Лаодикея
Триполь
Библ
Сидон
Тир
Птолемаида
Ливан
Антиливан
Келесирия
Иудея
Самосата
Мелитена
Арсамосата
Амида
Тигранакерт
Эдесса
Карры
Батны
Гиераполь
Зевгма
Каркемиш
Месопотамия
Евфрат
Восточный Евфрат
Галис
Ирис
Ирмак
Сангарий
Парфений
Бифий
Амнис
Скамандр
Каик
Герм
Гебр
Эргин
Нест
Энос
Лисимахия
Абидос
Александрия Троадская
Илион (Троя)
Ида
Адрамиттий
Митилена
Пергам
Элея
Фокея
Кима
Фиатира
Сарды
Смирна
Колофон
Эфес
Самос
Магнесия
Милет
Лаодикея
Алабанда
Иасс
Миндос
Кавн
Книд
Телмесс
Ксанф
Патара
Мира
Олимп
Дасхилий
Прусса
Кизик
Никея
Астак
Халкедон
Калпа
Диосполь
Тиос
Гераклея Понтийская
Помпейополь
Пессинунт
Аморий
Синнада
Филадельфия
Евмения
Апамея
Кибот
Колоссы
Келены
Ликос
Кибира
Кавн
Каламида
Милиада
Термесс
Перга
Аспенд
Сиде
Селга
Исавра
Иконий
Листра
Дерба
Тиана
Августа
Тарс
Адана
Мопсуестия
Эгеи
Исс
Александрия
Антиохия
Берея
Селевкия
Селинунт
Анемурий
Коракесий
Фаселис
Атталия
Мира
Родос
Патара
Ксанф
Телмесс
Книд

к северо-востоку. Но он действительно имеет такую локализацию (см. рис. 6), так что я не вижу здесь какого-то сдвига направления по странам света.

Третий случай (III, 1, 3) интереснее. Здесь Страбон помещает Пиренейские горы на восточной стороне Иберии (Испании) и описывает их как простирающиеся с севера на юг, в то время как они тянутся с запада на восток. Но объяснение этой ошибки лежит совсем в другой области, нежели смещение севера к востоку при взгляде на северноориентированную карту. П. Янни убедительно показал, что в основе этого странного смещения лежит годологический принцип «начала пути», или, в терминологии Янни, «primo passo» – первого шага [*Janni* 1984, 99–102]. Этот принцип заключается в том, что направление пути, куда бы он в конечном итоге ни приводил, часто определяется тем, в каком направлении было его начало. Путешествующий из Рима в Иберию (с востока на запад) путник должен был натолкнуться на горную цепь Пиренеев, находящуюся как бы поперек пути, а значит, тянущуюся с севера на восток. Янни обнаруживает следы такой ориентации Пиренеев у Полибия, Аппиана, Плиния, Оросия и других авторов.

Мне кажется, что у Полибия эта ситуация с Пиренеями отчетливо видна в следующем описании (III, 37, 9–10): «Начиная от Нарбона и в окрестностях его живут кельты до так называемых Пиренейских гор, тянущихся непрерывно от нашего моря до наружного. (10) Остальная часть Европы, простирающаяся от названных гор на запад (πρός τε τὰς δύσεις) до Геракловых Столбов, омывается нашим морем и наружным» (перевод Ф. Г. Мищенко). Итак, Иберия тянется за Пиренеями до Гибралтара на запад (!), а не на юг[23], т. е. продолжается то направление, которое было задано «первым шагом».

Такой же принцип «первого шага» я пытался увидеть в описании Геродотом торгового пути на север из Ольвии до неких высоких гор (вероятно, к среднему Уралу) и затем далее на восток (Herod. IV, 21–25). Урал, который тянется с севера на юг, оказывался на этом пути «поперек» него и мог быть отождествлен с Рипейскими горами, которые в представлении древних греков тянулись на севере Европы с запада на восток, севернее же их жили только гипербореи, при этом и Геродот сообщает, не называя гор, что за ними жили люди, спящие шесть месяцев в году, т. е. как раз гипербореи, обитавшие будто бы в приполярных областях [*Подосинов* 1997, 91–94]. Так Урал мог оказаться на месте Рипейских гор на пути, «первый шаг» которого был направлен на север.

Похожий принцип описания пути зафиксирован в древнескандинавской литературе, где, скажем, направление на запад от севера Ютландии, где находился центр розы ветров древних скандинавов и начинался этот путь, считалось направлением на запад и там, где путь шел уже мимо побережий Англии, Франции, Испании вплоть до Гибралтара и даже Африки; при этом плавание из Англии во Францию обозначалось

[23] Западное направление от Пиренеев к Гибралтару казалось переводчикам настолько ложным, что они иногда вместо перевода «на запад» переводили «на юг» (см., например: Polybius 1889, ad loc.: "The rest of Europe south of the Pyrenees, to the point where it approaches the Pillars of Hercules…").

как движение «на запад»[24]. Направление на восток от севера Ютландии сохраняло свое обозначение как «восточный путь», несмотря на то, что этот путь вел через Прибалтику и Древнюю Русь, доходил до Черного моря, а то и до Константинополя и Иерусалима. Поэтому и путь, скажем, из Ладоги в Новгород обозначался как путь на восток, а не на юг. «Северный путь», имя которого содержится в самом названии «Норвегия», должен указывать направление на север, но, как видно по очертаниям Норвегии, реальное направление этого пути было на северо-восток [*Джаксон* 2010, 302–316]. В некоторых скандинавских источниках датские острова Фюн и Зеландия упорно локализуются к северу от Ютландии, хотя на самом деле находятся к востоку от нее; причину такого сдвига Т. Н. Джаксон также усматривает в направлении «первого шага», ведущего с юга Ютландии на север к ее середине, откуда переправлялись на восточнее расположенный Фюн и далее на Зеландию [*Джаксон* 2016, 275–276].

В конце процитирую Л. И. Грацианскую, которая правильно заметила, изучая терминологичность употребляемых Страбоном понятий (этнос, генос, филон, кириос, полис, коме и др.), что «любое терминологическое исследование, проводимое на основе текста литературного памятника, должно учитывать практическую невозможность для писателя, даже стремящегося к максимальной точности именно в данной области знания, на протяжении всего текста во всех случаях употреблять соответствующие термины… И Страбон в этом смысле исключения не составляет» [*Грацианская* 1988, 113].

Такое же отсутствие терминологичности мы, как представляется, обнаруживаем у Страбона и в понятиях «север, северная сторона».

Список литературы

Б*рагинская* Н. В. 1981. [Примечания переводчика к:] Аристотель. Метеорологика // Сочинения в четырех томах. Т. 3. М., 585–599.

Г*рацианская* Л. И. 1988. «География» Страбона. Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1986 г. М., 6–175.

Д*жаксон* Т. Н. 2010. «Пути» на ментальной карте средневековых скандинавов (Путь как способ освоения пространства) // Древнейшие государства Восточной Европы. 2009 г.: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. М., 300–317.

[24] И здесь нервы переводчиков иногда не выдерживают, и они, там, где в древнескандинавском тексте стоит «и плыли они дальше из Англии во Францию (или Испанию) на запад (*vestr*)» в комментарии пишут: «правильно было бы на юг» (suðr). примеры см. [*Джаксон* 2013, 328–329].

Джаксон Т.Н. 2013. Скандинавское пространство // Т.Н. Джаксон, И.Г. Коновалова, А.В. Подосинов. Imagines mundi: античность и средневековье. М., 280–419.

Джаксон Т.Н. 2016. О «потерявшем ориентацию» авторе «Саги о Кнютлингах // Историческая география. Т. 3, 251–279.

П*одосинов* А.В. 1997. К вопросу о локализации Рипейских гор // Ладога и религиозное сознание. III чтения памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 20–22 декабря 1997 г. Материалы к чтениям. СПб, 91–94.

B*öker* R. 1958. Windnamen. Winde. Windrosen // RE. VIII, A 2, 2288–2387.

Brown C.H. 1983. Where do Cardinal Direction Terms Come From? // Anthropological Linguistics. Vol. 25.2, 121–161.

C*oppola* D. 2010. Anemoi: morfologia dei venti nell'immaginario della Grecia antica (Pubblicazioni del Dipartimento di Discipline storiche, Università degli Studi di Napoli 'Federico II', 24). Napoli, 147.

G*ilbert* O. 1907. Die meteorologischen Theorien der griechischen Altertums. Leipzig, 746.

H*ünemörder* C. 2002. Meteorologie // Der Neue Pauly. Bd. XII.2, 516–518.

J*anni* P. 1984. La mappa e il perilo: Cartografia antica e spazio odologico. Roma, 184.

K*eibel* G. 1885. Antike Windrosen // Hermes. 20, 579–624.

L*asserre* F. 1979. Winde. Windrosen // Der Kleine Pauly. Bd. V, 1375–13780.

M*asselink* J.F. 1956. De Grieks-Romeinse windroos. Utrecht, 1956, 268.

N*euser* K. 1982. Anemoi. Studien zur Darstellung der Winde und Windgottheiten in der Antike (Archaeologica. XIX). XXVIII. Rome, 249.

P*olybius* 1889. Histories. In two volumes / Transl. by Evelyn S. Shuckburgh. Vol.I. London–New York, 602.

R*ausch* S. 2013. Bilder des Nordens. Vorstellungen vom Norden in der griechischen Literatur von Homer bis zum Ende des Hellenismus. Darmstadt, 444.

Rehm A. 1916. Griechische Windrosen // Sitzungsberichte der kgl. Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philos.-philol. Klasse. III. München, 104.

Roller D.W. 2018. A historical and topographical guide to the Geography of Strabo. Cambridge, 1165.

Roller D.W. 2020. Timosthenes of Rhodes // Duane W. Roller (ed.), New Directions in the Study of Ancient Geography (Publications of the Association of Ancient Historians; Association of Ancient Historians), 56–79.

S*hipley* D.G J. 2021. Sun, Sea, and Sky: On Translating Directions (and Other Terms) in the Greek Geographers // E. Boutsikas et al. (eds.), Advancing Cultural Astronomy, Historical and Cultural Astronomy. Studies in Honour of Clive Ruggles. Cham, 105–136.

Stange A. 1911. Versuch einer Darstellung der griechischen Winterverhältnisse und ihrer Wirkugskreise. IV. Meissen, 203.

Steinmetz H. 1907. De ventorum desciptionibus apud Graecos Romanosque. Göttingen, 94.

T*hompson* D'Arcy Wentworth. 1918. The Greek Winds // The Classical Review. Vol. 32.3, 49–55.

W*ood* J.G., *Symons* G.J. (eds.) 1894. Theophrastus of Eresus on Winds and on Weather Signs. London–Stanford, 97.

Summary

A. V. Podossinov

“North” in the terminology of Strabo

The article discusses Strabo’s terminology related to pointing to the north. To denote the north, Strabo uses two words - boreas (Βορέας) and arctos (Ἄρκτος) and numerous derivative words and expressions: βόρειος, πρὸς βορρᾶν, ἐπὶ τὰ βορέᾳ, προσβόρειος, πρόσβορρος, βορειότερος, βορειότατος and ἀρκτικός, πρὸς ἄρκτον, ἐπὶ τὰς ἄρκτους, ἀπὸ τῆς ἄρκτου, ἀπὸ τῶν ἄρκτων, προσάρκτιος, ἀρκτικώτερος, ἀρκ τικώτατος, etc. Analysis of orientation systems based on the wind rose from Homer to late Latin authors shows that these two terms could be used either to indicate simply north (as in Aristotle) or north and north-east (as in Timosthenes). An analysis of these terms in relation to the Northern Black Sea region and, more broadly, Northern Eurasia, shows that Strabo mostly uses them synonymously. Thus, we can conclude that here, too, Strabo’s language is far from precise terminology.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-437-1.369-390

С. Ю. Сапрыкин
(Московский гос. университет им. М.В. Ломоносова,
Институт всеобщей истории РАН, г. Москва)

Эллинизм как социально-экономическое явление

Автор данной статьи хотел бы обратить внимание будущего читателя на то, что одним из первых в отечественной историографии, кто рассматривал эллинизм с точки зрения широкого спектра проблем, был проф. В. Д. Блаватский, памяти которого посвящен текущий выпуск *Древностей Боспора*. Он принимал активное участие в дискуссии о сущности эллинизма в 1953 г. на историческом факультете МГУ. Являясь одним из главных докладчиков, он выдвинул, а позднее обосновал тезис о протоэллинизме, который напрямую соотносил с историей Боспорского царства [*Блаватский* 1985, 109–132]. Этот тезис был принят в науке и лишь в последнее время его правомерность стала оспариваться. Мы ниже вернемся к его значению, однако, несмотря на его спорность, отметим, что появление понятия «протоэллинизм» породило в науке широкую дискуссию, которая способствовала рождению новых концепций о характере эллинизма и некоторых периодах истории Боспора. А в спорах, как известно, рождается истина.

Термин «эллинизм» был впервые введен в науку И. Дройзеном для объяснения эллинского господства на Востоке и распространения там греческой культуры в результате смешения греческих и восточных элементов при доминирующей роли эллинов. В XIX в. идея о превосходстве греков над варварами активно внедрялась в науку, поэтому И. Дройзен, Б. Низе и ряд других ученых выводили на передний план политическую историю и культуру эллинизма. Следуя европейским, точнее германским, реалиям эпохи, они считали монархическое правление важнейшей чертой эллинизма [*Дройзен* 1890, т. 1, 228; т. 2, 265–385, т. 3, 321–328; *Niese* 1893–1903]. Понимание сущности эллинизма с точки зрения культурологического подхода стало превалирующим в XX в. Культуру считали главной причиной греческой экспансии на Восток. В. Тарн полагал, что при эллинизме греческая культура – язык койне, философия, наука, литература, а в области государственных древностей – полис распространилась за пределы Эллады. В результате эллинизм прошел две фазы развития: первая совпала с расцветом, когда восточные народы активно воспринимали достижения греческой культуры, а вторая соотносилась с упадком, когда Восток выступил против эллинской цивилизации. Во второй фазе эллинизма Рим поглотил греко-македонские царства и превратился в защитника греческой культуры на Востоке [*Тарн* 1949, 20]. На основании культурологического подхода

к понятию эллинизма с ним все чаще отождествлялись такие понятия, как «эллинская цивилизация», «эллинизация», «эллинизм». Между «эллинизмом» и «эллинизацией» вообще не находили никакого различия, поскольку влияние греческой культуры на Востоке, как представлялось, было невозможно без Александра Македонского и эллинистических монархий. Проникновение греческой культуры на Восток обуславливалось политической экспансией греков и монархическим правлением [*Croiset* 1922, 47; *Roussel* 1928, 347]. Правда позднее культурное воздействие греков на варваров стали связывать с появлением на Востоке греческих полисов, возникших после завоеваний Александра [*Jouguet* 1937, 424–456; *Homo* 1950, 291]. Однако до сих пор при разработке общих концепций эллинизма исследователи нередко ограничивают их рамками политики, культуры, науки и государственных институтов [*Gehrke* 1990, 46; *Heinen* 2003, 112; особенно *Meister* 2016]. Роль социальных и экономических отношений практически не рассматривалась или же считалась второстепенной.

Справедливости ради следует отметить, что социально-экономическая проблематика в концепциях эллинизма все же присутствовала. Однако господствовало убеждение, что, в отличие от культуры и политики, экономика эллинизма находилась в кризисе и упадке. Поэтому вопрос о смешении эллинской и восточной культур оставался одним из главных объектов дискуссии [*Toutain* 1928, 108–216; *Cohen* 1934, 13]. Против подобного подхода в 1930-х гг. выступил М. И. Ростовцев, который рассматривал эллинизм как явление социально-экономического порядка, находящегося в процессе развития «в мире, созданном завоеванием Востока Александром» и даже на более широкой территории, охватывавшей почти всю древнюю ойкумену, включая причерноморский регион и варварскую периферию [*Rostovtzeff* 1941, vol. 1–3]. В русле его идей эллинизм стали распространять на территории, не затронутые греко-македонским завоеванием [*Petit* 1965, 8–30; *Lévêque* 1969, 62–88]. При этом на передний план по-прежнему выдвигались положения о колониальной экспансии греков, о слиянии господствующего слоя греко-македонцев и туземной аристократии, эксплуатировавшего земледельческое население. П. Бриан, развивая тезис об эллинизме как «колонизации» Востока греками, положил в основу этого понятия формы зависимости сельского населения от греко-македонян [*Briant* 1982, 230–262]. Постепенно исследователи, которые подходили к эллинизму как явлению, обусловленному социально-экономическими отношениями, наметили ряд его отличительных особенностей – царскую земельную собственность, сочетавшуюся с общинным землевладением и собственностью храмов, урбанизацию и возникновение полисов, владения которых были опосредованы верховной собственностью царя на землю, что повлекло появление военно-земледельческих колоний-катойкий на царской земле [*Ранович* 1947, 30–38; *Launey* 1949, 3–5; *Свенцицкая* 1963, 37–45; *Bar-Kochva* 1976, 20–33; *Kreissig* 1978, 46–104; 1983, 301–314; *Cohen* 1978, 2–50; *Кошеленко* 1979, 222–265]. Постепенно в науке устоялось положение, что социально-экономическая структура эллинизма породила эллинистическую монархию – государство эллинистического типа с элементами македонского государственного управления и чертами восточной деспотии. Тем не менее эллинистическую цивилизацию по-прежнему продолжали традиционно истолковывать как культурно-исторический феномен [*Bengtson* 1968; *Петит*, *Ларонд* 2004, 45–140], основу которого составляли монархические институты, полисы, союзы полисов и т. п.

[*Heinen* 2003, 56–88] и воздействие эллинских культурных традиций на местное население [*Chrubasik*, *King* (eds.) 2017, 14–22].

В результате длительных дискуссий и изысканий в современном антиковедении сложились три концепции эллинизма: социально-экономическая, государственно-политическая и цивилизационно-культурологическая. В отечественной науке господствующими стали две концепции. Одна принадлежит А. Б. Рановичу, который рассматривал эллинизм с позиций эволюции античного и древневосточного обществ и определял его как этап в их истории, связанный с кризисом рабовладельческой формации [*Рановичу* 1950, 29–31]. По его мнению, эллинизм воплощал более высокую стадию греческого рабовладения, предвосхитившую римское завоевание, которое вывело античное общество на более высокую ступень. Формирование новых эллинистических отношений, по Рановичу, было невозможно без греческих полисов и древневосточных традиций, наиболее ярко воплощенных восточными монархиями. Эллинизм характерен для Греции, Македонии, стран Востока и всего античного мира как основанного на рабовладении – базисе рабовладельческой социально-экономической формации. Поэтому он представляет собой совокупность социально-экономических отношений, которые включают различные формы поземельной зависимости, торговли и аграрного производства. На них выстраивались государственные институты, формировался характер власти, развивались культурные, религиозные связи и традиции. В области государственных отношений Ранович поставил вопрос о новой форме монархии, сочетавшей традиции восточной деспотии и эллинских полисов, и попытался решить проблему взаимоотношений полиса и эллинистической монархии [*Ранович* 1947, 28–39; 1947а, 57–63; 1949, 11–28; 1950, 20–31].

Другая концепция была сформулирована и аргументирована К. К. Зельиным. Он считал эллинизм конкретно-историческим явлением в контексте рабовладельческого общества, вызванным завоеванием Востока Александром Македонским и образованием эллинистических государств, что способствовало взаимодействию и взаимовлиянию (синтезу) греческого и восточного начал в социальной, экономической, политической, культурной и духовно-нравственной сферах [*Зельин* 1953, 145–156; 1955, 99–108; ср. *Кошеленко* 1990, 12]. Эту точку зрения, особенно после дискуссии по эллинизму 1953 г., поддержала большая часть исследователей. В результате концепция А. Б. Рановича, восходящая к построениям В. С. Сергеева, рассматривавшего эллинизм с позиций социально-экономических отношений в рамках марксистского формационно-рабовладельческого подхода [*Кузищин* 1980, 337–344], была раскритикована и почти забыта. Причиной являлось использование в ней марксистских постулатов «производительные силы и производственные отношения», базис и надстройка, рабовладение, рабовладельческая общественно-экономическая формация, классовая борьба, кризис рабовладельческого способа производства.

Однако уже в 1950-х гг. историки древнего мира отмечали, что в концепции эллинизма К. К. Зельина имеется ряд уязвимых положений. Например, в ней не нашло отражения проявление эллинизма на территории ойкумены, не затронутой греко-македонской экспансией. Поэтому были предприняты попытки уточнить и усовершенствовать предложенную им концепцию. Предлагалось, например, разделить период

после македонского завоевания на собственно эллинизм, когда происходило взаимодействие греческого и восточного в политической, социально-экономической, культурной, религиозной сферах, и на постэллинизм, для которого характерно исключительно культурное взаимовлияние. Упадок полисов, кризис экономики, разорение и обнищание населения, войны и социальные конфликты, вызвавшие отток жителей на Восток, в том числе в новые эллинистические государства, как стали считать некоторые исследователи, не позволяют распространить понятие «эллинизм» на Грецию IV–I вв. до н. э. [*Кошеленко* 1990, 13; *Кошеленко, Ладынин* 2011, 544]. Эти важные проблемы постоянно обсуждались и со временем дискуссия об эллинизме свелась к следующим концептуальным положениям: ***1***) можно ли считать эллинизм этапом в развитии рабовладельческого общества; ***2***) правомерно ли относить его к западной цивилизации, так как на Востоке он ограничивается эллинским влиянием на Ближнем и Среднем Востоке, в Центральной Азии, Северо-Западной Индии, где наблюдалось сближение греко-македонян и народов Востока и синтез культур, что привело к взаимодействию политических, экономических и социальных отношений; ***3***) справедливо ли соотносить с эллинизмом исключительно территории, завоеванные Александром, где полис являлся одним из главных составляющих социально-экономических отношений, но подчинялся царской власти; ***4***) можно ли распространять эллинизм на Грецию и Македонию, где он не всегда и не везде прослеживается и синтез эллинской и варварской культур практически отсутствовал; при этом такие определения как «эллинистическая Греция» и «эллинистическая Македония» вполне приемлемы, поскольку они составляли часть эллинистического мира как системы; ***5***) было ли понятие «прото/предэллинизм» связано с различием между доэллинистическим и эллинистическим периодами и следует ли рассматривать его как «эллинизм» или же это всего лишь изменение менталитета греков, когда в IV в. до н. э. произошли резкие перемены в их социально-политической психологии, отразившиеся на их государственном устройстве.

Ответы на эти вопросы попытались дать участники заочной дискуссии по эллинизму, развернувшейся между И. А. Ладыниным, И. Е. Суриковым, О. Л. Габелко и А. С. Балахванцевым. Они пришли к следующим выводам. ***1***) Период, предшествующий эллинизму (IV в. до н. э.), получивший название предэллинизм или протоэллинизм, можно охарактеризовать как путь «от гражданина к подданному». Предэллинизм предшествует эллинизму, к нему относится все, что было в Греции ранее эллинизма, а протоэллинизм – это первая фаза или начало эллинизма, когда делались первые шаги в становлении эллинизма. **2**) Кризис полиса, характерный для Греции первой половины – третьей четверти IV в. до н. э., и предэллинизм – это два параллельных процесса. Понятие «предэллинизм» следует заменить на термин «постклассика», т. е. «поздняя классика», что соответствует кризису полиса как явлению, когда на Востоке и в Греции сложились предпосылки эллинизма – интенсивная внутренняя миграция, культурный синтез, подъем производства, выравнивание уровня социально-экономического развития, что можно расценивать как эволюцию восточного общества. ***3***) Эллинизм следует искать в векторе полисного развития Эллады, он представляет собой пример «оскудения греческого духа», регресс, упадок культуры, утрату прежних цивилизационных позиций эпохи расцвета полисов в V–IV вв. до н. э. На смену гуманистической

культуре эпохи классики при эллинизме пришли гигантомахия и экстенсивное развитие общества, а эллинистическая монархия ликвидировала полисную демократию. ***4***) В результате в Элладе и Македонии произошла рецепция восточной деспотии, хотя широкого восточного влияния там не ощущалось, вследствие чего синтез греческого и восточного там отсутствовал. ***5***) Многие явления в эллинистическом мире были прогрессивными, негатив представляли войны, заговоры, узурпация власти, политические убийства. ***6***) Для эллинизма не свойствен упадок греческой цивилизации, он напрямую связан с Македонией, что позволяет обозначить его как «монархическо-полисную эпоху», поскольку полис перестал быть конструктивной особенностью греческой цивилизации и на передовые позиции выдвинулась монархия. ***7***) Специфика эллинизма – это сочетание хронологического, территориального, сущностного критериев в условиях синтеза греко-македонского и варварских (восточных) элементов [*Габелко* 2009, 171–181; *Ладынин* 2018, 185–206; *Балахванцев* 2020, 21–31; *Суриков* 2015, 22, 23; 2015а, 44–60; 2016, 64; 2018, 69–106; 2023, 92–107].

Высказанные положения спорны, они лишь частично затрагивают социально-экономическую сущность эллинизма, которая рассматривается в основном с точки зрения политики и культуры. Поэтому целью настоящей статьи является попытка выявить, что же представлял собой эллинизм, и в чем заключается его истинная сущность. По нашему мнению, сделать это можно только на основе социально-экономического подхода к пониманию эллинизма как явления античной цивилизации и только во вторую очередь восточной.

Не приходится отрицать, что в IV в. до н. э. в Греции наметился кризис полисной системы, который проявился в социальной сфере, преимущественно в рамках гражданской общины. Полис как форма организации общины, прогрессивная в VII–V вв. до н. э., в условиях быстрого подъема экономики Греции в позднеклассическую эпоху стала превращаться в анахронизм [*Кошеленко* 1980, 3–28]. Полисный строй препятствовал росту торговли, развитию коммуникаций, ограничивал объем земельных владений, что составляло основу социально-экономической жизни греков. В процессе налаживания межгосударственных связей, политического сближения государств, увеличения экономического потенциала и масштабов миграции населения, в том числе из-за пределов эллинской ойкумены, полисные устои и запреты, прежде всего консерватизм, замкнутость и автаркичность полиса, приводили к застою социальных и экономических отношений. Стенохория полисной хоры не давала возможности наделять широкие слои пришлого населения землей. Появление т. н. «новой аристократии» из среды зажиточного демоса приводило к установлению «младшей тирании», которая, получив опору среди граждан среднего достатка, вывела развитие ремесла и торговли на более высокий уровень. Ремесленная деятельность стимулировала появление новых центров ремесла и торговли. Внутренние и внешние экономические связи требовали расширения производства, роста монетного дела, появления кредитования, что приводило к возрастанию роли ростовщичества и расширению сферы деятельности трапедзитов. Все это сплачивало торговый и ремесленный класс, способствуя подъему экономики. При этом производство основной доли прибавочного продукта приходилась отнюдь не на рабов, а на средние слои городского населения. Это повышало статус свободного

труда, тогда как снижение роли конкуренции со стороны государства развязывало руки коммерсантам, мотивируя их на коммерческую активность в разных регионах ойкумены [*Finley* 1983; *Millet* 1991, 248; *Davies* 2001, 117–128; *Amemiya* 2007]. В результате метеки, которые в IV в. до н. э. стали активно заниматься ремесленной деятельностью, могли лишь с большим трудом влиться в гражданский коллектив, а их участие в политической и общественной жизни полиса было крайне ограничено [*Ferguson* 1911, 316; *Mack* 2015, 98]. В IV в. до н. э. полис превратился в сдерживающий фактор эволюции эллинской цивилизации, требовавшей создания новых условий для дальнейшего развития.

Рост ремесла и торговли, появление новых экономически развитых центров коммерции, банковского дела и морской торговли позволили полисам Балканской Греции и Эгеиды преодолеть кризис. В IV в. до н. э. ведущую роль в заморской торговле стали играть Хиос, Фасос, Менда, Митилена, Клазомены и другие центры. До начала III в. до н. э. активную торговлю с Причерноморьем осуществляли Афины. Тезис об упадке полисов Эллады, в частности, Афин в IV–II вв. до н. э., восходит к популярной в историографии точке зрения, что кризис полиса был вызван обезземеливанием крестьянства (демоса). Это обострило классовую борьбу и привело к разложению полисных структур, а социальная дифференциация способствовала слиянию крестьянства и ремесленников в единый класс [*Mosse* 1973, 12–34]. Это не совсем верно: появление нового торгового и производящего класса стало базой для быстрого преодоления кризиса полисной системы. При этом обезземеливания демоса в Аттике не было [*Fine* 1951], внутри торгового класса и прослойки ремесленников существовала конкуренция [*de Ste-Croix*, 1974, 41–59], что придавало стимул производству и торговле. В результате в полисах стабилизировалась общественная жизнь. В Афинах, например, стабилизация положения в IV в. до н. э. была ускорена благодаря высокому уровню жизни населения, так как еще в V в. до н. э. Афинская морская держава добилась социальной и политической стабильности. Даже после поражения Афин в Пелопоннесской войне элементы стабильности сохранялись и это способствовало созданию Второго Афинского морского союза. Это отличало Афины от Спарты, которая усилилась, но ее амбиции при отсутствии ресурсов оказались ей не по силам и это усилило напряженность внутри спартанского общества [*Austin* 1994, 527–564].

В причерноморской зоне и в Западном Средиземноморье в IV в. до н. э., особенно во второй его половине и в эпоху раннего эллинизма, кризис полиса вообще не ощущался. Массалия, Византий, Синопа, Гераклея Понтийская, Ольвия, Боспор, Херсонес и др. экономически и политически возвысились, развивали аграрное производство, торговлю. Причерноморские полисы развивались последовательно – от апойкий к полисной гражданской общине, расцвет которой пришелся на IV–II вв. до н. э. [*Сапрыкин* 2023, 74–135]. В большинстве городов в это время упрочился полисный строй, активно функционировала полисная хора. В Херсонесе и Каллатисе, например, формирование полисной хоры (ближней и дальней) началось в конце 1-й – 2-й четверти IV в. до н. э., достигнув апогея во второй половине столетия. Становление полисных отношений побудило полисы обустраивать и расширять городскую и аграрную округу, втягивая в сельскохозяйственное производство оседлое население. В ряде полисов местное население выплачивало форос за право возделывать землю, находившуюся в собственности

полисного коллектива граждан. Об этом наглядно свидетельствует пример Гераклеи Понтийской [*Saprykin* 1997, 33–37; *Avram* 2006, 59–81], Синопы, которой платили дань ее колонии на дальней периферии. Собственной хорой владели «малые города», располагавшиеся на хоре крупных полисных центров – на хоре Херсонеса ее имели Калос Лимен и Керкинитида [*Chtcheglov* 1992, 103–183], на хоре Синопы – Котиора, Керасунт, Трапезунт и другие [*Максимова* 1956, 169–210], на хоре Гераклеи Понтийской многочисленные «малые города» [*Saprykin* 1997, 33–37], на хоре Истрии и Аполлонии Понтийской *полихнии* (городки) типа Анхиала и Бизоны [*Avram* 2006, 59–81]. На протяжении V – конца II в. до н. э. Боспор являлся симмахией полисов под властью пантикапейских тиранов. Пантикапей начал активную экспансию в отношении соседей в V в. до н. э. и к концу столетия сформировался как крупнейший полисный центр. В IV–III вв. до н. э. он обладал обширной сельской округой, которая, как и в других крупных полисах, делилась на «ближнюю» и «дальнюю». Взаимоотношения местного и эллинского населения на Боспоре не выходили за рамки коллективной, полисной земельной собственности. Синдо-меотское население проживало на землях, которые подчинялись коллективу полисов территориально-административного объединения «Боспор и Феодосия», возглавляемого тиранами Спартокидами. В Восточном Крыму хору имели полисы Нимфей, Феодосия, Тиритака, Мирмекий [*Масленников* 1996, 66; 2007, 206; *Saprykin* 2004, 185–204]. На азиатском Боспоре в V – первой четверти III в. до н. э. аграрную периферию развивали Фанагория, Гермонасса, Горгиппия и другие города [*Гарбузов*, *Завойкин* 2010, 105–129]. «Малые города» Боспора, в частности, Китей и Акра, владели аграрной округой, размежеванной на участки [*Масленников* 2004, 5–8].

Таким образом полисный строй в Греции в IV в. до н. э., пережив некоторый упадок, вышел из кризиса, вступив в новый этап развития, вызванный созданием союзов и борьбой с Македонией, завершившейся установлением протектората македонских царей над Элладой. Государства Причерноморья в этот период переживали бурный подъем, основой которого выступали греческие полисы. Поэтому идея, будто прото-/предэллинизм был явлением, тождественным эллинизму, справедливо отброшена [*Завойкин* 2001, 160; *Сапрыкин* 2016, 409–415]. А положение, что это первая фаза эллинизма, вообще не имеет под собой никаких оснований. Этот период предшествовал эллинизму и в социально-экономическом отношении был основан исключительно на полисной системе. Политический строй и структура управления на Боспоре, в Карии, Сиракузах в IV в. до н. э., которые по обыкновению характеризуются как протоэллинистические государства – предтеча эллинистических государственных образований – на самом деле представляли собой тиранию, т. е. полисную по происхождению и характеру власть. Поэтому утверждения, будто в период поздней классики Боспор, Ольвия, Херсонес и другие центры достигли уровня развития классических эллинистических государств в экономике и даже в некотором роде копировали их внутриполитическое устройство или приблизились к ним [*Жебелев* 1953, 158; *Блаватский* 1964, 91; 1985, 95–132; *Vinogradov* 1997, 100–132; *Зубарь*, *Зинько* 2006, 94], не выдерживают критики. Расширение земельных владений укрепляло экономику полисов, а не царских доменов. Включение в состав полисной хоры местного населения, проживавшего в общинах, т. н. селищах [*Масленников* 1998, 72–86], ускоряло эллинизацию варварского населения. Этот процесс

происходил в рамках полисного строя (в городах и на хоре) под управлением или под прямым контролем полисных властей – на Боспоре, например, при прямом участии пантикапейских тиранов (ср. *Polyaen* VI. 9. 3: о назначении Левконом I управителей-эпимилетов в села и деревни-комы). Невозможно представить, что Боспорское государство в этот период являлось протоэллинистическим образованием и даже, как полагает И. Е. Суриков, эллинистическим государством на первой ступени эллинизма [*Суриков* 2023, 92–107]. В этой связи совершенно несостоятельны любые сравнения полисных структур на периферии Эллады в IV в. до н. э. с классическими эллинистическими государствами [*Фролов* 1996, 53–60]. Греческий полис в Причерноморье в IV в. до н. э. вступил в новый этап развития, переживал рост экономики, который начался в V–IV вв. до н. э. и продолжался до первой половины III в. до н. э. Это сохранило его как коллектив граждан, но объективная реальность требовала дальнейшего расширения его экономических возможностей. Полис развивался как социально-экономический институт, но к II в. до н. э. стал клониться к упадку и вошел в полосу кризиса в связи с изменением экономической конъюнктуры и военно-политического положения [*Сапрыкин* 2022, 11–20; 2023, 41–46].

В науке поднимался вопрос о том, что «социально-экономическое содержание периода эллинизма является результатом развития не только греческого общества, но и других, преимущественно восточных стран древности», и на этой основе возник термин «предэллинизм на Востоке». Он характеризует предпосылки эллинизма, вызвавшие эволюцию восточного общества. Среди них внутренняя миграция, культурный синкретизм на Ближнем Востоке, подъем ремесленного производства, выравнивание уровня социально-экономического развития [*Зельин* 1953, 145–156; 1955, 99–108; *Кошеленко* 1990, 12; *Вейнберг* 1989, 197; *Габелко* 2018, 183, прим. 23]. Однако применительно к восточным реалиям, как и к греческим, этот термин отличается крайней нечеткостью, неопределенностью и не отражает всех нюансов реальной действительности. О каком подъеме Персидской державы накануне македонского завоевания может идти речь, если там набирал силу сепаратизм (восстание сатрапов, династийная борьба), сатрапы обладали всей полнотой власти, распоряжались финансами, чеканили свою монету, проводили самостоятельную внешнюю политику, в том числе и в отношении греческих полисов? Единоначалие и дисциплина в войсках, набиравшихся по этническому принципу, были на низком уровне, в армии преобладали локальные этнические группы, сохранялись племенные традиции, местные вожди подчинялись сатрапам и фактически были отстранены от взаимодействия с центральной властью. Греческие города, где развивались ремесло и торговля, лишь формально на правах «протектората» подчинялись персам, сохраняя автономию. Сатрапы использовали их для собственного обогащения благодаря участию в торговых сделках. Все это усиливало сепаратизм полисов и сатрапий, особенно в Малой Азии, ускоряя ослабление и развал Ахеменидской державы. В восточных сатрапиях уровень урбанизации был низок. Поэтому лишь после завоеваний Александра греческие полисы, встроенные в систему государственного управления на основе синтеза сохранявшейся со времен персов и только зарождавшейся в Македонии царской земельной собственности, получили стимул к дальнейшему развитию. При Александре города-колонии не имели полисного статуса [*Кошеленко* 1978,

45–52], поскольку сохранялась прежняя ахеменидская система, основанная на царской собственности. В эллинистических государствах, в отличие от ахеменидских времен, экономика полисов поощрялась властью и работала в ее интересах, а не обслуживала племенных вождей и царских сатрапов. Поэтому неслучайно, что эллинистические цари превращали катойкии в полисы [*Cohen* 1978, 39]. На наш взгляд, термин «предэллинизм на Востоке» не имеет прямого отношения к эллинизму.

Положение о рецепции Македонией восточной деспотии также ошибочно. Антигониды укрепляли Македонское государство против варваров на основе сложившихся традиций, поэтому В. Тарн назвал Антигона Гоната вторым основателем Македонского царства [*Tarn* 1913, 4]. Филипп II и Александр Великий объективно не могли укреплять монархию по примеру восточной деспотии, которую в те годы олицетворяли Ахемениды. Наоборот, идея Филиппа II и Александра о походе против Персии под лозунгом отмщения за поругание эллинских святынь вызвала одобрение греческих полисов. В первой половине IV в. до н. э. и позднее в греческом обществе получили признание идеи Исократа о панэллинском единстве и превосходстве греков над варварами, под которыми в первую очередь понимались персы. На этом лозунге, помимо прочих факторов, держались Коринфский конгресс 338 г. до н. э. и союз Македонии с Элладой [*Кондратюк* 1977, 25–42; *Исаева* 1990, 60; *Маринович* 1990, 86–88]. Данное обстоятельство исключало любой рецидив и тем более рецепцию ненавистной эллинам восточной деспотии. Усиление царской власти и стремление повысить ее значение в обществе, где сохранялись пережитки племенного деления, способствовали развитию династийного культа, уходящего корнями в эпоху формирования династии и превращения Геракла в покровителя македонских царей. При установлении господства Филиппа II в Греции миф о Геракле как легендарном предке династии и самого Филиппа использовался в качестве пропаганды для приравнивания македонского правителя к богу и бессмертному герою, каковым являлся Геракл. В эллинистическую эпоху эпигоны причисляли себя к македонским Аргеадам и потомкам Геракла, и эта пропаганда была воспринята греческими полисами [*Nilsson* 1951, 101–110]. На монетах посмертной александровой и лисимаховой чеканки в различных греческих городах Александр изображался в образе Геракла, а Деметрия Полиоркета афиняне связывали с Дионисом и празднуемыми ими Большими и Малыми Дионисиями, поэтому внесли его в пантеон полисных богов. Эти процессы были вызваны восприятием полисных культов богов и героев через персонификацию крупных политических лидеров как божеств [*Habicht* 1970, 42], что обусловливалось комплексом отношений между городами и царями [*Buraselis* 2003, 188; *Arnold-Biucchi* 2006, 40; *Chaniotis* 2011, 157–195]. Что это, как не династийный культ македонских правителей в Элладе в эпоху эллинизма? Правда, в самой Македонии даже при Антигонидах официальный культ обожествленных царей не прижился, хотя на частном уровне их приравнивали к божествам, например, к Зевсу, и воспринимали как спасителей и благодетелей, что не противоречит эллинизму и эллинистическим традициям [*Mari* 2008, 252–260]. Поэтому утверждения об отсутствии характерного для эллинизма династийного культа в Македонии и Греции, о рецепции восточной деспотии македонскими монархами надо рассматривать как неприемлемые.

Полис в Греции преодолел кризис и получил стимул к дальнейшему развитию вследствие подъема экономики и встраивания в систему «полис + Македония». Македония в социальном и экономическом развитии еще до Александра прошла ряд этапов, достигнув к IV в. до н. э. уровня, который в общих чертах напоминал сложившиеся позднее на Востоке эллинистические государства. В V в. до н. э. там началось формирование царской земельной собственности, но племенные традиции сохранялись. Развитие царской земельной собственности и строительство новой государственности пришлись на правление Филиппа II и Александра и завершились при диадохах. В декретах из Кассандрии говорится о предоставлении царями Кассандром и Лисимахом земли в наследственное владение на территории подвластных им городов, при этом специально оговаривается, что в ряде случаев это сделано постольку, поскольку земля была ранее дана еще Филиппом II [*Syll.*³, 332; *Dareste*, *Haussoullie*r, *Reinach* 1898, 136, 137; *Hatzopoulos* 1988, 17–36). В декрете Александра, говорится, что жители Филипп могут обрабатывать принадлежавшую им невозделанную землю, как было установлено при Филиппе II, и должны платить дополнительный налог, а фракийцам, проживавшим на хоре Филипп или по соседству, разрешалось обрабатывать землю и пользоваться урожаем, что было решено еще Филиппом II; при этом устанавливались границы владений землей Филиппами и фракийцами, о чем также распорядился Филипп II [*SEG* 1984. 34. 664; *Missitzis* 1985, 3–14]. Землю могли давать или дарить крупные вельможи, получившие ее от царей, включая Александра [*Syll.*³, 302; *Guarducci* 1974, 310–312]. Эти примеры показывают, что Македонское государство выстраивалось исключительно на основе эволюции внутренних отношений социально-экономического характера. При Филиппе II и Александре проводилась активная урбанизация – возникали новые города, например, Пелла, Филиппы, Филиппополь, Александрополь, укоренялись полисные формы земельной собственности. Параллельно сохранялось общинное землевладение, но, как и при классическом эллинизме, все это опосредовалось царским землевладением. Превращение царя в верховного собственника земли происходило постепенно в процессе укрепления царской власти во взаимодействии с городами и при повышении их роли в экономической и политической жизни страны [*Hammond* 1989, 74–76; *Hatzopoulos* 2021, 81–85; *Кузьмин* 2013, 268–270]. В Македонии появились формы зависимости, которые основывались на переходе от племенной собственности на землю к государственной. Новые формы социально-экономических отношений соответствовали новым эллинистическим традициям, которые появились на местной почве без воздействия Востока. Поэтому ограничивать эллинизм исключительно Ближним и Средним Востоком, исключив Элладу и Македонию из системы эллинистических образований, как предлагается некоторыми исследователями, неправомерно.

Полисы Греции, признав господство Македонии, подчинились македонским царям и их ставленникам, превратившись, по сути, в составную часть Македонской монархии. Некоторые из них приняли македонские гарнизоны, но в целом сохранили традиционный уклад, так как царская земельная собственность в Элладе отсутствовала. Македонские цари считались гегемонами полисов, объединившихся в рамках Коринфского конгресса. Одним из главных условий этого союза было сохранение свободы и политии греческих государств, что не предусматривало их полного поглощения Македонией,

хотя македонское господство тяготило эллинов. Включение полисов в македонскую систему управления, осуществлявшуюся наместниками, а впоследствии царями, в социально-экономическом отношении было выгодно обеим сторонам. Расширение связей старых полисов и включение новых городов, в том числе македонских, в общую систему отношений в Балканской Греции стимулировало выход полисов из кризиса и расширило их экономические связи, что стало очередным *этапом* развития полисной системы. В свою очередь это способствовало более быстрому преодолению отсталости Македонии, позволяя изживать пережитки племенных отношений, укрепляло государство, выстраивавшееся на формировавшейся царской земельной собственности. Специфика эллинизма в Элладе и Македонии заключается в том, что царское землевладение развивалось в Македонии и под ее воздействием в некоторых регионах Фракии. Поэтому понятие «эллинистическая Греция» дополняет понятие «эллинистическая Македония», а термин «эллинизм» применим для обоих регионов. Однако понятие «эллинизация» больше подходит для Македонии и Фракии, нежели для Эллады.

Эллинизм – это, прежде всего, социально-экономическое явление, когда социальная жизнь и культура определялись уровнем развития экономики. Эллинизм содействовал взаимовлиянию западного и восточного начал, при котором греческое было прогрессивнее восточного. При классическом эллинизме синтез местного и эллинского в эллинистических государствах протекал в условиях сформировавшейся царской земельной собственности – на царских землях и в городах, подчинявшихся царской власти. Распространение эллинизма на Восток помогло преодолеть кризис полиса, поэтому термин «эллинизм» конкретнее «этапа преодоления кризиса полиса». Его не следует распространять на Грецию эпохи кризиса полиса, но он применим к Греции после установления македонской гегемонии. Позиция исследователей, отрицающая связь эллинизма с судьбами полиса, не представляется удачной. Поверхностным для характеристики эллинизма является и понятие «монархическо-полисная эпоха» [*Габелко* 2018, 180–190]. Введение его в науку соответствует концепции П. Левека, для которого эллинизм, прежде всего, институт монархической власти. Он не определяет сущности эллинизма как явления социально-экономического порядка, т. к. институты государственной власти всегда основываются на экономических отношениях. Политика – это концентрированное выражение экономики, а власть определяется состоянием экономических отношений, от которых зависит общественная жизнь. Это – особенность античной цивилизации, основанной на земельной собственности, которая порождала соответствующие аграрные отношения. Говоря в общем, полис в социально-экономическом плане тождествен соседской общине – оба базируются на коллективной форме собственности на землю, которая опосредовала частное землевладение граждан. Ее эволюция в сторону гражданской общины как наивысшей формы общинных отношений порождала полисное (общинное) государственное устройство – демократию, олигархию, тиранию [*Hansen* 1998; *Welwei* 1998]. Монархия как форма правления, основанного на завоеваниях и подчинении – добровольном или принудительном – это власть одного правителя (вождя, династа, царя). В рамках монархии многообразие форм собственности (племенной, общинной, храмовой) опосредовалось верховной собственностью царя – главы государства как по праву сильного, так и по договору. Поэтому термин

«монархическо-полисная эпоха» не отражает сути явления, так как сводит эллинизм исключительно к политической власти.

В эллинистических государствах, возникших в результате греко-македонского завоевания, полис оказался встроен в македоно-восточную структуру землевладения, основанного на царской, храмовой и общинной земельной собственности. В этой системе он прошел ряд этапов развития: при Александре и в начале борьбы диадохов города и колонии не имели полисного статуса, их было недостаточно в восточной половине его державы, поэтому только на рубеже IV–III вв. до н. э. они постепенно стали его обретать, что особенно ярко проявилось в Селевкидском государстве [*Cloché* 1961, 116; *Кошеленко* 1978, 49–51]. Включив полисы в структуру социально-экономических отношений, основанных на царской земельной собственности, подчинив их монархической власти, эллинистические правители предпочитали осуществлять над ними покровительство или заключать с ними союзы, от силы – вводить протекторат. Поэтому одной из составляющих новых отношений в системе «монархия – полис» стала урбанизация – основание новых городов–полисов и превращение царских катойкий в полисы [*Andrade* 2013, 35–122; *Ando* 2018, 9–26]. Это дало возможность сохранить полисный строй и придать ему новый стимул. Благодаря полису местное население глубже втягивалось в процессы эллинизации, активнее приобщалось к эллинской культуре и традициям, что содействовало прогрессу экономики, политики, идеологии и культуры [*Sommer* 2000, 73–90]. Это явилось прямым достижением греко-македонского завоевания Востока и следствием синтеза эллинских и восточных начал, что подтверждает правомерность концепции К. К. Зельина о сущности эллинизма. Одновременно эти факторы выступают в пользу концепции А. Б. Рановича об эллинизме как этапе развития античного общества.

Централизация управления в государствах эллинистического мира, подпитывавшаяся наличием царского землевладения и порожденного им монархического правления, благоприятно сказывалась на расширении торгово-ремесленной деятельности, обслуживавшей города и периферию. Как это не покажется странным, но организация бюрократического аппарата в эллинистическом мире, особенно в государствах Птолемеев и Селевкидов, не замедлила, а наоборот подтолкнула средние слои и крестьян-общинников усовершенствовать методы аграрного производства, торговли, ремесла [*Ehrenberg* 1969, 120–163]. В IV в. до н. э. преодоление кризисных явлений в греческом полисе было во многом связано не с рабским трудом, а с производством, основанном на труде свободных, т. е. средних слоев [*Finley* 1983; *de Ste Croix* 1981, 283]. Опора на свободных производителей, ремесленников и торговцев, прибывавших в новооснованные города со всех концов ойкумены, позволило закрепить за полисом как центром торговли и ремесла важное место в системе эллинистической монархии [*Ростовцев* 2010, 30–34]. На Востоке полис дал толчок подъему экономики, политики, военного дела, культуры и религии. Поэтому при эллинизме получили развитие монетизация и урбанизация, сельская и царская экономики, находившиеся в постоянном взаимодействии [*Bertrand* 1992, 169–171]. Царская власть контролировала экспорт зерна, соли, леса, способствовала расширению торгово-экономических связей между регионами, городами и государствами [*Archibald*, *Davies*, *Gabrielsen*, *Graham* (eds.), 2001; *Reden* 2020,

592–629]. Приход греков и македонян на Восток и привнесение ими на местную почву сформировавшуюся в Греции к IV в. до н. э. диахромию «полис – царское землевладение», которая наслоилась на царское и общинно-храмовое землевладение в Ахеменидской державе при отсутствии там городов типа эллинских полисов, вызвали подъем социальных и экономических отношений во многих областях державы, включая отсталые восточные регионы. Не случайно П. Бриан считал, что эллинизм есть продолжение системы, которая сложилась на Востоке при персидском господстве [*Briant* 1982, 230–262]. Поэтому эллинизм стал этапом в развитии эллинской и восточной системы отношений, что вызвало их взаимовлияние друг на друга и благоприятно отразилось на экономическом подъеме греко-восточного общества. Можно с полным основанием утверждать, что полис как часть структуры эллинистического государства вступил в Греции и на Востоке в новую полосу развития, а эллинизм, ставший причиной подъема экономики, в социально-экономическом плане выступал основой эволюции эллинской цивилизации, основанной на полисной системе. Развитие полиса как города в рамках эллинистического государства делает несостоятельными любые попытки принизить достижения эллинизма по сравнению с классическим периодом истории Греции.

В системе отношений эпохи эллинизма полис активно развивался в регионах, которые не подверглись греко-македонской экспансии. Таких регионов немало – это Вифиния, Армения, Иберия, ряд государств в Малой Азии и на Переднем Востоке. Однако наиболее показательными являются Понтийское и Боспорское царства, а также Фракия. Греческие полисы были включены в состав эллинистического Панпонтийского государства Митридата Евпатора в конце II – 1-й половине I в. до н. э. На первом этапе (приблизительно до 85 г. до н. э.) полисы, особенно Пантикапей, Фанагория, Горгиппия, Херсонес Таврический, не считая городов в родовом царстве Митридата Евпатора, превратились в одну из главных скреп новых социально-экономических отношений в Понтийском государстве. Вместе с Диоскурией в Колхиде они оказались в составе наследственного царского домена Митридата Евпатора, что предусматривало их включение в структуру царской земельной собственности. Благодаря расширению торговых связей, частичному признанию за полисами автономии и элевтерии, формированию царской земли и царского землевладения, привлечению местного населения, оседавшего в городах и на хоре, на Боспоре и Понте оживилась экономическая деятельность [*Avi-Yonach* 1978, 139–178]. Это привело к усовершенствованию монетно-денежной политики – появлению царской и полисной монеты, а также попыткам создать панпонтийский денежный рынок на базе квазиавтономного чекана городов Понта. Это содействовало преодолению застоя в экономике полисов и выходу их из кризиса, обрушившегося на города Причерноморья во второй половине II в. до н. э.

После 85 г. до н. э., в середине – второй половине I в. до н. э., на рубеже I в. до н. э. – I н. э. и в последующую эпоху полис на Боспоре сохранял значение, но экономически развивался при повсеместном господстве царского землевладения и заметной утрате автономных привилегий. Но это не понизило его роль в экономическом развитии Боспора в целом, поскольку укрепление царской хоры и рост аграрного производства были невозможны без тесного взаимодействия с ремесленной и торговой прослойкой

в городах [*Сапрыкин* 1996, 166–186; 2002, 176–233] [1]. При Митридате VI Понтийское царство и Боспор как его составная часть, а позднее независимое Боспорское царство при Асандре, Динамии и Аспурге в начале н. э. и Понт при Полемонидах (до 64 г. н. э.), переживали подъем. Экономика, развивавшаяся, прежде всего, в полисах, встраивание полисов в систему царского землевладения, укрепление царской хоры, строительство разнообразных поселений на царской земле, включая напоминавших классические катойкии эпохи эллинизма в Передней Азии, создали на Боспоре (в меньшей степени в Понте и Колхиде) структуру, характерную для классического эллинизма.

Не менее существенной причиной подъема и превращения Боспора, Понта и некоторых соседних территорий в эллинистические царства на рубеже эр и в первые века н. э. было их подключение к римской восточной политике. Они вошли в состав клиентных государств под патронажем Рима и использовались для защиты восточных рубежей Республики и Империи. Боспорское царство рассматривалось как форпост против варваров-сарматов, а Понт, Каппадокия, Армения и ряд других как «серая зона» против парфян. С этой целью Рим усиливал их зависимость путем филэллинской политики – поддержки эллинистических традиций, полисного устройства, эллинской культуры и религиозной идеологии [*Sartre* 1995, 133–173; *Ferrary* 2014, 133–218]. Пользуясь покровительством Рима, боспорские цари укрепляли царское землевладение, рассматривая его как основу политического и военного могущества, развивали экономический потенциал городов и поселений на сельской периферии. На этом основывалось их монархическое правление, создавался фундамент для нового подъема государства. Полисы продолжали оставаться основой торгово-ремесленной деятельности. Поэтому их встраивали в систему царской земельной собственности и под властью монарха – верховного собственника земли в государстве – они превращались в одну из опор эллинистической государственности. Сокращение, а кое-где и ликвидация их полисных привилегий компенсировалась разрешением создавать многочисленные фиасы в больших и малых городах. Они стали источником эллинизации местного населения, распространения старых эллинских и новых греко-восточных культов. Боспорское царство первых веков н. э., развиваясь на основе митридатовских традиций, характерных для классического эллинизма [*Сапрыкин* 2022, 11–22; 2023, 41–46], превратилось в типичное эллинистическое государство.

В Вифинии, Армении, Кавказской Иберии становление государства происходило по внутренним законам, но с упором на урбанизацию, градостроительство и структуры, подобные полисным. Причем в ряде мест этот процесс происходил в римскую эпоху. Там, где города-полисы удачно включались в процессы централизации на основе укрепления царского землевладения, эллинистическая государственность достигала высокого уровня, а государство превращалось в сильную централизованную монархию эллинистического типа. В тех регионах, где полисы находились вне социально-эконо-

1 Надпись фиаса навклеров в Горгиппии II в. н. э., члены которого занимались вывозом зерна, что приносило доходы казне царства и полиса, наглядно демонстрирует большую роль полиса и торгового класса в экономической жизни Боспора. Поэтому боспорский царь принимал активное участие в деятельности этого религиозно-профессионального союза, поощрял ее и по этой причине пользовался среди его членов большим почетом (*КБН* 1134).

мической структуры государства, а их экономический потенциал работал исключительно на их самих вне тесной связи с варварской периферией, как, например, во Фракии, или же их экономический потенциал находился в зачаточном состоянии, как в Колхиде, Иберии, Кавказской Албании, отчасти в той же Фракии [*Сапрыкин* 2002а, 247–263], государство слабело, так как племенные традиции и сельские общины становились причиной разобщения и раздробленности. В Западном и Северном Причерноморье в эпоху позднего эллинизма и ранней Империи часть бывших кочевников переходила к оседлости или пыталась закрепить господство над исконным земледельческим населением (Позднескифские царства в Добрудже, Гетике, Таврике, сарматское царство (Аорсия) в начале н. э.). Цари и ираноязычная племенная верхушка тавро-скифов, скифов и гетов в Добрудже, сарматских племен аорсов и сираков пытались овладеть греческими полисами или же использовать их для получения доходов от торгово-ремесленной деятельности, как когда-то ахеменидские сатрапы делали это в Малой Азии. Цари этих квазигосударственных образований (Скилур, царь тавро-скифов, басилеи Малой Скифии, сарматские цари Фарзой, Инисмей) чеканили в греческих городах Левобережного Понта и Ольвии монету со своим именем и титулом. Однако греческие города не стали составной частью экономической структуры варварских царств, они лишь выступали источником некоторой эллинизации, главным образом, местной верхушки. В результате позднескифские и сарматские племенные образования так и не достигли уровня централизованных эллинистических государств. Оставшись на стадии племенных союзов с налетом традиций, характерных для эллинистического мира (строительство крепостей, выпуск монеты по греческим образцам, заимствование эллинского военного опыта, распространение греко-варварских культов), они прекратили существование или, подобно Скифскому царству в Крыму, были покорены соседними государствами [*Щеглов* 1988, 29–40; *Сапрыкин* 2018, 388–408].

Римляне учли важную роль полисов в экономике и структуре власти на эллинистическом Востоке. Установив там свое господство, они укрепляли экономический потенциал полисов, содействуя сохранению эллинизма даже в тех регионах, где полисы не имели политической автономии, но активно выстраивали экономику под римским надзором (Боспор, Армения). Лукулл, Помпей, Цезарь, Марк Антоний, а позднее римские императоры, прежде всего, Август и Тиберий, основывали на Востоке новые города-полисы, расширяли их земельные владения, совершенствовали систему вассальных царств эллинистического типа. Они усиливали потенциал восточных римских провинций, используя экономическое положение старых и новых полисов [*Fletcher* 1939, 17–29; *Dreizehnter* 1975, 213–241; *Greenhalgh* 1980, 150]. После включения городов в римские провинции Западного Причерноморья и Малой Азии, римские власти создали союзы полисов Понта (койна). Это вызвало подъем сельского хозяйства, ремесла и торговли, интенсифицировало межпонтийские связи городов и вассальных государств региона. Благодаря втягиванию городов в торговую деятельность, на Боспор и в соседние области хлынул огромный поток сельхозпродукции в амфорах, специально изготовленных в полисных центрах Южного Причерноморья – Синопе, Гераклее, Амисе, Амастрии и т. п. Экономические контакты были взаимовыгодными – Боспор и города Южного Понта, Фракия, Мезия, города Западного Понта получили стимул развивать ремесленное производство,

в основном керамическое. Это вывело их экономику на более высокий уровень, глубже втянув варварскую периферию во взаимовыгодный торговый обмен. Основную роль при этом играли греческие полисы, при содействии которых римские власти распространяли идеологию, основанную на эллинской культовой практике. Это помогало проводить более углубленную эллинизацию неэллинского населения провинций и соседних областей [*Marek* 2010, 518–521; *Vitale* 2011, 174–203].

Под римским господством полисы в очередной раз получили возможность для дальнейшего развития, прежде всего, в плане экономики. В политическом и социальном плане они сохранили элементы собственной политии, которая была ограничена римскими правовыми нормами и цензорским контролем. На Востоке полисы стали важным звеном римского провинциального управления, а в вассальных римлянам государствах-монархиях встраивались в структуру отношений, характерных для эллинизма. Поэтому эволюция эллинизма с 323 г. до н. э. до приблизительно середины III в. н. э. (а кое-где и позже) выводила античное общество на более высокую ступень социально-экономического развития. На этом основании можно уверенно оспаривать тезис, что постэллинизм – это исключительно культурное явление. На самом деле он представлял собой очередной этап в развитии эллинизма в конкретную историческую эпоху, который был вызван подъемом экономики. Но она определялась уже не греко-македонским завоеванием, как в раннем эллинизме, а возвышением Понтийского царства, а затем Рима и Парфянского государства. На каждом этапе (фазе) исторического развития эллинизм зависел от конкретных форм социально-экономических отношений, в которые, как правило, вписывался греческий полис, или же он в той или иной степени был полностью от них зависим, ибо его положение определялось общей канвой собственности на землю. Поэтому на протяжении длительного времени – приблизительно до середины III в. н. э., а кое-где еще и в IV в. н. э. – эллинизм, сохраняя общие черты, отличался уровнем социально-экономических, политических, культурных отношений. В этой системе полис всегда занимал важное место, а соотношение «полис – монархия» определяло развитие государственности. В греко-македонскую, постмакедонскую и римскую эпохи эллинизм выступал локомотивом становления античной цивилизации. Он сочетал в себе роль городских центров – полисов, а также царскую, общинную и храмовую земельную собственность. Это являлось основой политической надстройки – монархической формы правления, а на социальной и экономической базе – царском, полисном, общинном, храмовом землевладении – выстраивались синтез культур и взаимодействие Востока и Запада в экономике, политике, культуре независимо от того, подпадал ли соответствующий регион в зону македонской экспансии или развивался по внутренним законам. Если отбросить устаревшие марксистские положения А. Б. Рановича, считавшего эллинизм этапом в развитии рабовладения, испытывавшего кризис (а заодно оспорить тезис И. А. Ладынина, который считает эллинизм этапом в развитии рабовладельческого общества, но не рабовладения как такового), и сравнить с точкой зрения К. К. Зельина, то правы окажутся оба исследователя. Однако концепция В. С. Сергеева/А. Б. Рановича больше соответствует сущности эллинизма, поэтому характеристика ее как «однодневной вульгарно-марксистской концепции» (И. Е. Суриков) противоречит истинному пониманию исторического процесса. В то же время в государствах, не подпавших под

греко-македонскую экспансию, эллинизм также был невозможен без походов Александра на Восток. Развитие таких государств проходило по внутренним законам, испытывая внешнее воздействие со стороны эллинистических царств, сформировавшихся в результате завоеваний Александра. Вот почему эллинизм можно считать конкретно-историческим явлением, но с одной поправкой – он свойственен не только последствиям греко-македонского завоевания. Он является следствием исключительно развития греко-римской цивилизации, прежде всего, на Балканах, на Востоке, в отдельных местах Западного Средиземноморья и Причерноморья. Эллинизм характерен для территорий, населенных эллинами, или попавших под влияние эллинов. Его становление происходило на разных этапах истории означенных регионов. В системе отношений эллинизма греческий полис занимал важнейшее место, что проявлялось даже в скифских и сарматских анклавах, подобно Ольвии и западнопонтийским городам. В Греции, Македонии, на Переднем Востоке, в Причерноморье полис, преодолевая кризис и упадок благодаря политике македонских царей, понтийских монархов, Римского государства, успешно выходил на новый более совершенный виток развития. Поэтому эллинизм – это *этап развития* социальных и экономических отношений греко-восточного и греко-римского общества, на основе которых выстраивалась политика и осуществлялось взаимодействие эллинской и восточной идеологии, религии и культуры. Эти процессы происходили в разные исторические периоды на протяжении 323 г. до н. э. – середины III в. н. э. на различных территориях в конкретных исторических условиях, которые сложились не только вследствие греко-македонского завоевания Востока.

Список литературы

Б*алахванцев* А. С. 2020. Споры об эллинизме // Восток. 4, 21–31.

Блаватский В. Д. 1964. Пантикапей. М., 230.

Блаватский В. Д. 1985. Античная археология и история. М., 279.

В*ейнберг И.* П. 1989. Предэллинизм на Востоке // *И.* С. Свенцицкая (ред.), История древнего мира. II. М., 195–209.

Г*абелко* О. Л. 2009. Еще раз о проблеме «предэллинизма» // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире. Казань, 171–181.

Габелко О. Л. 2018. Полемические заметки об исторических судьбах греческого полиса в эпоху эллинизма // ΠΕΝΤΕΚΟΝΤΑΕΤΙΑ. Исследования по античной истории и культуре. Сборник, посвященный юбилею И. Е. Сурикова. СПб., 180–190.

Гарбузов Г. П., *Завойкин* А. А. 2010. О состоянии хоры центров Азиатского Боспора в середине – второй половине V в. до н. э. // ДБ. 14, 105–129.

Д*ройзен И.* Г. 1890–1893. История эллинизма. Т. I–III. М.: I, 447; II, 381; III; 508.

Ж*ебелев* С. А. 1953. Северное Причерноморье. М.–Л., 387.

З*авойкин* А. А. 2001. «Боспорский феномен» или псевдо-эллинизм на Боспоре // ДБ. 4 150–181.

Зельин К. К. 1953. Основные черты эллинизма // ВДИ. 4, 145–156.

Зельин К. К. 1955. Некоторые основные проблемы истории эллинизма // СА. XXII, 99–108.

Зубарь В. М., *Зинько* В. Н. 2006. Боспор Киммерийский в античную эпоху. Очерки социально-экономической истории (БИ. XII). Симферополь–Керчь, 304.

И*саева* В. И. 1990. Идеологическая подготовка эллинизма // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 59–85.

К*ондратюк* М. А. 1977. Коринфская Лига и ее роль в политической истории Греции 30–20-х гг. IV в. до н. э.//ВДИ. 2, 25–42.

Кошеленко Г. А. 1978. Эллинистическая эпоха в современной науке//Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 45–52.

Кошеленко Г. А. 1979. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 292.

Кошеленко Г. А. 1980. Полис и город: к постановке проблемы // ВДИ. 1, 3–28.

Кошеленко Г. А. 1990. Эллинизм: к спорам о сущности // Эллинизм: Экономика, политика, культура. М., 7–13.

Кошеленко Г. А., *Ладынин* И. А. 2011. Эллинизм // Всемирная история. Т. 1. Древний мир. М., 521–552.

Кузищин В. И. 1980. Советская историография античности: середина 1930-х – середина 1950 гг. // Историография античной истории. М., 337–344.

Кузьмин Ю. Н. 2013. Политическая и социальная организация Берои и македонские города эллинистической эпохи // Мнемон. 12, 268–270.

Ладынин И. А. 2018. Понятие эллинизма в советской и постсоветской историографии: стадиальность и закономерность или историческая конкретность и случайность? // Диалог со временем. 65, 185–206.

М*аксимова* М. И. 1956. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. Синопа, Амис, Трапезунт. М.–Л., 470.

Маринович Л. П. 1990. Александр Македонский и становление эллинизма // Эллинизм: Экономика, политика, культура. М., 86–102.

Масленников А. А. 1996. Некоторые проблемы ранней истории Боспорского государства в свете новейших археологических исследований в Восточном Крыму // ПИФК. 3, 61–71.

Масленников А. А. 1998. Эллинская хора на краю ойкумены. М., 299.

Масленников А. А. 2004. Малые и малоисследованные города античного Боспора. Тула,72.

Масленников А. А. 2007. Крымское Приазовье в античную эпоху // Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия, Скифия, Боспор. М.–Киев–Запорожье, 181–218.

П*ети* П., *Ларонд* А. 2004. Эллинистические цивилизации. М., 157.

Р*анович* А. Б. 1947. Зависимые крестьяне в эллинистической Малой Азии // ВДИ. 2, 28–39.

Ранович А. Б. 1947а. Александр Македонский и греческие города Малой Азии // ВДИ. 4, 57–63.

Ранович А. Б. 1949.Основные проблемы истории эллинизма // ВДИ. 1, 11–28.

Ранович А. Б. 1950. Эллинизм и его историческая роль. М., 381.
Ростовцев М. И. 2010. Караванные города. СПб, 214.
С*апрыкин* С. Ю. 1996. Понтийское царство. М., 347.
Сапрыкин С. Ю. 2002. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 271.
Сапрыкин С. Ю. 2002а. Фракия как эллинистическое государство // Μνῆμα. Сб. научных трудов, посвященный памяти профессора В. Д. Жигунина. Казань, 247–263.
Сапрыкин С. Ю. 2016. Предэллинизм или протоэллинизм в историографии Боспора // XVI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Исследователи и исследования. Керчь, 409–415.
Сапрыкин С. Ю. Древнее Причерноморье. М., 742.
Сапрыкин С. Ю. 2022. Особенности государственного устройства Боспора // Человеческий капитал. 10 (166), 11–22.
Сапрыкин С. Ю. 2023. «Эмпорий-полис» в древнем Причерноморье // Древнейшие государства Восточной Европы 2023 г.: Черноморский регион в античности и раннем средневековье. М., 74–135.
Сапрыкин С. Ю. 2023а. Боспорское царство как феномен эллинизма // БФ: Quarta pars saeculi. СПб, 41–46.
Свенцицкая И. С. 1963. Социально-экономические особенности эллинистических государств. М., 65.
Суриков И. Е. 2015. Политики в контексте эпохи. На пороге нового мира. М., 392.
Суриков И. Е. 2016. Предпосылки становления культа правителей в доэллинистической Греции // «Боги среди людей»: Культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире. СПб, 34–75.
Суриков И. Е. 2015. О некоторых особенностях эллинистической цивилизации: полемические заметки // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2, 44–60.
Суриков И. Е. 2018. Античная Греция. Политогенез, политические и правовые институты / Opuscula selecta II. М., 69–106.
Суриков И. Е. 2023. Вновь к «спорам об эллинизме» // ПИФК. 1, 92–107.
Т*арн* В. 1949. Эллинистическая цивилизация. М., 371.
Щ*еглов* А. Н. 1988. Позднескифское государство в Крыму: к типологии эллинизма // Древний Восток и античная цивилизация. Л., 29–40.
А*memiya* T. 2007. Economy and Economies of Ancient Greece. Routledge; N. Y., 205.
Ando C. 2018. The Political Economy of the Hellenistic Polis: Comparative and Perspectives // Börn H., Luraghi N. (eds.). The Polis in the Hellenistic World. Stuttgart, 9–26.
Andrade N. 2013. Syrian Identity in the Greco-Roman World. Cambr., 412.
Archibald Z., *Davies* J., *Gabrielsen* V., *Graham* O. (eds.). 2001. Hellenistic Economies. L., 416.
Arnold-Biucchi C. 2006. Alexander's Coins and Alexander's Image. Cambr., 84.
Avi-Yonach M. 1978. Hellenism and the East. Jerusalem, 297.
Avram A. 2006. The Territories of Istros and Kallatis // Surveying the Greek Chora. The Black Sea Region in a Comparative Perspective. Aarhus, 59–81.
Austin M. 1994. Society and Economy // CAH. VI: The Fourth Century BC. Cambr., 527–564.
В*ar-Kochva* B. 1976. The Seleucid Army. Cambr., 306.

Bengtson H. 1968. Wesenzüge der hellenistischen Zivilization. Brüssel, 21.
Bertrand J.-M. 1992. L'hellénisme 323–31 av. j.-c. Rois, cites et peoples. P., 255.
Briant P. 1982.Rois, tributes et paysans. P., 540.
Buraselis K. 2003. Political Gods and Heroes or the Hierarchization of Political Divinity in the Hellenistic World // Modelli eroici dall' antichità alla cultura europea. Roma, 185–197.
C*haniotis* A. 2011. The Ithyphallic Hymn for Demetrios Poliorketes and Hellenistic Religious Mentality // More than Men, Less than Gods. Studies on Royal Cult and Imperial Worship. Peeters, 157–195.
Chtcheglov A. 1992. Polis et chora. P., 302.
Chrubasik B., *King* D. (eds.). 2017. Hellenism and the Local Communities of the Eastern Mediterranean: 400 BCE – 250 CE. Oxf., 256.
Cloché P. 1961. Alexandre le Grand. P., 128.
Cohen R. 1934. La Grece et l'hellénisation du monde ancienne. P., 657.
Cohen G. 1978. Seleucid Colonies. Studies in founding, administration and organization. Wiesbaden, 95.
Croiset M. 1922. La civilisation hellénique. T. 1–2. P.
D*avies* J. K. 2001. Temple, Credit, and the Circulation of Money // Money and Its Uses in the Ancient Greek World. Oxf., 117–128.
Dareste R., *Haussoullier* B., *Reinach* T. 1898. Recueil des inscriptions juridiques grecques. P., 387.
Dreizehnter A. 1975. Pompeius als Städtegrunder // Chiron. 5, 213–241.
E*hrenberg* V. 1969.The Greek State. L., 308.
F*erguson* W. S. 1911. Hellenistic Athens. L., 518.
Ferrary J.-L. 2014. Philhellénisme et impérialisme. Aspects idéologiques de la conquête romaine du monde hellénistique. Rome, 740.
Fine J. 1951. HOROI. Studies in Mortgage, Real Security, and Land Tenure in Ancient Athens (Hesperia. Suppl. IX). Baltimore, 232.
Finley M. 1983. Economy and Society in Ancient Greece. Pinguin, 352.
Fletcher W. 1939. The Pontic Cities of Pompey the Great // TAPA. 70, 17–29.
G*ehrke* H.-G. 1990. Geschichte des Hellenismus. München, 285.
Greenhalgh P. 1980. Pompey – the Roman Alexander. L., 267.
Guarducci M. 1974. Epigrafia greca. Vol. 3. Roma, 611.
H*abicht* Ch. 1970. Gottmenschentum und griechische Städte. Munich, 290.
Hammond N. G. 1989. The Macedonian State. The Origins. Institutions and History. Oxf., 402.
Hansen M. 1998. Polis and City-State: An Ancient Concept and Its Modern Equivalent. Copenhagen, 217.
Hatzopoulos M. B. 1988. Une donation du roi Lysimaque // ΜΕΛΕΤΗΜΑΤΑ V. Athens, 17–36.
Hatzopoulos M. B. 2021. Ancient Macedonia. Trends in Classics – Key Perspectives on Classical Research 1. Berlin–Boston, 241.
Heinen H. 2003. Geschichte des Hellenismus. Von Alexander bis Kleopatra. München, 128.
Homo L. 1950. Alexandre le Grand. P., 391.
J*ouguet* P. 1937. L'imperialisme macèdonien et l'hellénisation de l'Orient. P., 537.
K*reissig* H. 1978. Wirtschaft und Gesellschaft im Seleukidenreich. B., 133.

Kreissig H. 1983. Die Dorfgemeinde im Orient in der Hellenistischen Epoche // Les communautés rurales. Recueiles de la société Jean Bodin. XLI, P., 301–314.

L*évêque* P. 1969. Le monde hellénistique. P., 288.

M*ack* W. 2015. Proxeny and Polis. Institutional Networks in the Ancient Greek World. Oxf.–N.Y., 410.

Marek K. 2010. Geschichte Kleinasiens in der Antike. München, 966.

Mari M. 2008. The Ruler Cult in Macedonia // Studi ellinistici. 20, 252–260.

Meister K. 2016. Der Hellenismus. Kultur- und Geistesgeschichte. Stuttgart, 299.

Millet P. 1991. Lending and Borrowing in Ancient Athens. Cambr., 368.

Missitzis L. 1985. A Royal Decree of Alexander the Great on the Land of Philippi // Ancient World. 12, 3–14.

Mossé Cl. 1973. Athens in Decline 404–86 BC. L., 196.

N*iese* B. 1893–1903. Geschichte der Griechischen und Makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea. Bd. III. Gotha, 468.

Nilsson M. 1951. Cults, Myths, Oracles and Politics in Ancient Greece. Lund, 179.

P*etit* P. 1965. La civilization hellénistique. P., 128.

R*eden* S. von. 2020. Economic Dynamics in the Hellenistic Empires // Handbook of Ancient Afro-Eurasian Economies. Vol. 1. Berlin–Boston, 592–629.

Rostovtzeff M.I. 1941. The Social and Economic History of the Hellenistic World. Vol. I–III. Oxf.,1779.

Roussel P. 1928. La Grece et l'Orient des guerres médiques à la conquête romaine. P., 556.

S*aprykin* S. Ju. 1997. Heracleia Pontica and Tauric Chersonesus before Roman Domination (VI–I Centuries BC). Amsterdam, 336.

Saprykin S.Yu. 2004. Chora and Polis in the Kingdom of Bosporus in the Classical and Hellenistic Periods // Chora and Polis. München, 185–204.

Sartre M. 1995. L'Asie Mineure et l'Anatolie d'Alexandre à Dioclétien (IVe s. av.j.-c. – IIIe s. ap.j.-c.). P., 375.

Sommer M. 2000. Babylonien im Seleukidenreich: Indirekte Herrschaft und indigene Bevolkerung // Klio. 82, 73–90.

Ste-Croix G. de. 1974. Ancient Greek and Maritime Loans. L., 19.

Ste Croix G. de. 1981. The Class Struggle in in the Ancient Greek World. From the Archaic Age to the Arab Conquests. Ithaca, N.Y., 732.

T*arn* W. 1913. Antigonos Gonatas. Oxf., 501.

Toutain J. 1928. L'économie antique. P., 439.

V*inogradov* Yu.G. 1997. Pontische Studien. Mainz, 703.

Vitale M. 2012. Eparchie und Koinon in Kleinasien von der ausgehenden Republik bis ins 3. Jh.n. Chr. (Asia Minor Studien. 67). Bonn, 418.

W*elwei* K.-W. 1998. Die Griechische Polis: Verfassung und Gesselschaft in Archaischer und Klassischer Zeit. Stuttgart, 331.

Summary

S. Yu. Saprykin

Hellenism as Social-Economic Phenomenon

The article deals with the main problems of Hellenism. The author minds it as social and economic phenomenon, arguing the view that Hellenism as well as the so-called "post-Hellenism" is first of all a stage of cultural development and display of new features in internal and foreign policy which was closely linked with state building activity. The author represents new arguments against a still popular idea that the second half of the 4th century BC should be characterized as "a period of proto- or pre-Hellenism". He considers this period to be closely connected with the domination of polis states in Greece and in the Black Sea Littoral which has no deal with Hellenism as socio-economic phenomenon. The author gives new facts of developing the polis structure and, having carefully studied the main causes of overcoming the crisis in economy and culture by the Greek poleis, proves that this process was chiefly due to the policy of Macedonian kings, Alexander the Great, his successors in the Hellenistic world and later that of Mithridates Eupator and the Roman power in the East. The conclusion of the author, concerning Hellenism, looks as follows: it is a phase (stage) of developing social and economic relations in the Graeco-Roman and Graeco-Oriental society which served as a base for the creation of policy with mutual cooperation of Hellenic and Eastern ideology, religion and culture. This process took place in various countries in different periods between 323 BC – mid 3rd century AD each time in concrete historical circumstances relevant not only to the Greek-Macedonian conquering of the East.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-437-1.391-411

П. М. Соколов
(Инженерно-Технический Центр специальных работ, г. Санкт-Петербург)

Исследование каменной дороги эпохи эллинизма на хоре Горгиппии в 2019–2020 гг.

Одним из самых интересных и ярких открытий во время раскопок поселения «Усадьба» у юго-западной окраины хутора Воскресенский в пригороде современной Анапы стало исследование участка античной дороги, которая, вероятно, связывала Горгиппию с её хорой.

Раскопки эти проводились в 2019–2020 гг. совместной экспедицией ООО «ИТЦ специальных работ» и НАО «Наследие Кубани» в рамках спасательных археологических работ перед строительством новой автомобильной дороги в обход города Анапа[1].

Сенсационность данной находки связана с тем, что на территории Азиатского Боспора и Синдики до настоящего времени ни разу не было обнаружено и исследовано древних мощёных дорог.

Между тем, на пространствах античного мира дороги, в том числе связывающие территорию хоры с полисом, достаточно известны. В качестве примера можно привести сельские дороги на ближней хоре Херсонеса [*Николаенко* 2004, 187–194; *Смекалова* 2020, 449–492]. Своеобразной дорогой также является Диолк – «переволока» на Коринфском перешейке. Гораздо более известны знаменитые римские дороги (например, Аппиева) [*Laurence* 1999, 221]. Таким образом, дорожное строительство, как хозяйственная отрасль, существовало и в древнегреческих полисах, и в Римском государстве.

Цель данной статьи – публикация исследованного участка античной мощёной дороги, обнаруженного на ближней хоре Горгиппии. Исходя из этого будут решены следующие задачи:

– подробное представление всех материалов, полученных в ходе археологических раскопок;

– обоснование хронологии исследованного сооружения;

– интерпретация сооружения, попытка реконструкции его места в планировочной структуре сельской округи Горгиппии.

[1] Автор выражает глубокую признательность С. М. Ильяшенко и Д. В. Кутукову за предоставленную возможность использовать общие планы их раскопов в данной статье.

Рис. 1. Общий ортофотоплан исследованных участков древней дороги

Рис. 2. А – верхний уровень расчистки участка дороги, исследованного в 2019 г.;
Б – нижний уровень расчистки участка дороги, исследованного в 2019 г.

Конструкция каменной дороги[2]

Объект, интерпретированный как мощёная дорога, был расчищен в кв. АВ–АЦ –4–31 единой сетки раскопа после снятия 3 пласта грунта на глубине от 2,49 м до 1,7 м от 0 репера (от 0,75 до 1 м от современной дневной поверхности) (рис. 1, 2А).

Его выявленная длина составила около 200 м. Ориентация на исследованном участке практически север – юг, с учетом того, что само полотно слегка изгибается. В южной части ширина полотна дороги от 3,5 до 5,62 м. В направлении с юга на север дорога постепенно расширяется. В северной – она, возможно, образует ответвление. Здесь её максимальная ширина составляет 21 м (рис. 1, 2).

Верхняя часть полотна дороги была достаточно сильно повреждена позднейшей плантажной вспашкой (рис. 2А). Нижняя её часть была расчищена на уровне «основания» 5 пласта (1,25 м от современной поверхности) (рис. 2Б).

Конструктивно дорога состояла из двух «бордюрных» стен, ограничивавших её с запада и востока, и расположенного между ними двухслойного полотна. Стратиграфически сооружение было приурочено к нижней части современного пахотного слоя

[2] Описание конструкции дороги уже публиковалось в 2020 г. [*Паль, Соколов, Петров, Безматерных* 2020, 308–312]. Здесь оно лишь немного дополнено, однако без этого описания восприятие всего объекта читателями будет не полным.

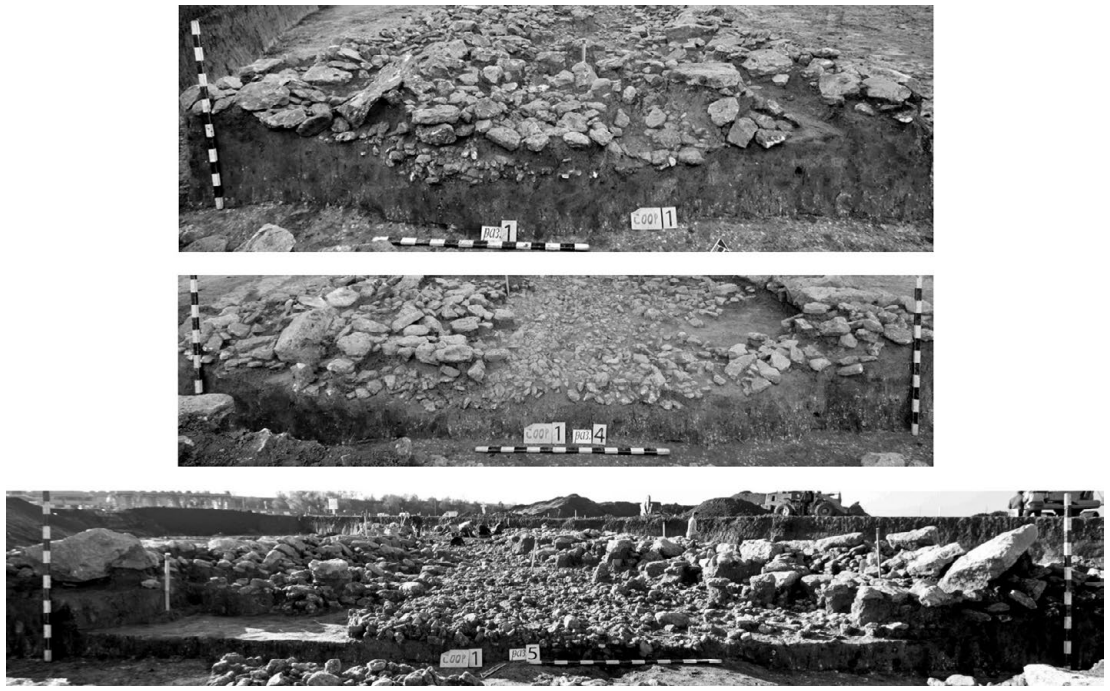


Рис. 3. Фотографии разрезов участка дороги, исследованного в 2019 г.

и слою коричневого суглинка, который представляет собой древний почвенный горизонт. В материковую глину сооружение заглублено не было. Однако при его постройке был подрезан древний почвенный слой. На дно получившегося углубления был насыпан и, возможно, утрамбован слой мелкого необработанного камня (щебня) вперемешку с керамическими фрагментами. Мощность данного слоя в разных частях дорожного полотна колебалась от 0,1 до 0,3 м. Условный средний размер камней отсюда: 0,05×0,04×0,03 м (рис. 2Б).

Края этого углубления/траншеи были укреплены «бордюрными» стенами. Они были сложены из крупных и средних необработанных или слегка подтесанных камней. (Кладка – однослойная, однорядная, постелистая, иррегулярная.) На исследованном участке «бордюрные» стены сложены достаточно небрежно. При этом следует отметить, что они довольно сильно повреждены все той же распашкой: многие камни выдернуты со своих мест.

Ширина западной стены в южной и центральной части дороги колеблется в пределах 1–1,2 м, в северной она составляет 0,8 м. В кладке западной стены использованы как очень крупные необработанные камни размером 1,02×0,49×0,14 м, так и средние – 0,5×0,3×0,1 м. В северной части дороги стена разрушена.

Ширина восточной стены в южной и центральной части дороги колеблется от 0,9 до 1 м, а в северной – 0,77–0,82 м. В кладке восточной стены также использованы как очень крупные (до 1,01×0,73×0,12 м), так и средние (0,5×0,3×0,1 м). В северной части дороги стена также разрушена, хотя поздние хозяйственные ямы здесь отсутствуют.

По всей видимости, в процессе функционирования, полотно дороги ремонтировалось и подсыпалось. В результате образовался второй слой каменной засыпки, который был прослежен в основном, в южной и центральной частях исследованного участка. Верхний слой засыпки выполнен в целом из более крупных (0,15×0,15×0,04 м и т.п) необработанных камней. Местами он перекрывает и бордюрные стены. Здесь камни верхнего слоя уложены плотно друг к другу, образуя достаточно ровную поверхность, которую можно сравнить с брусчатыми мостовыми (рис. 2А). Как уже отмечалось, верхний слой засыпки полотна сохранился гораздо хуже нижнего. Возможно, он даже представлял собой остатки руинированных бордюрных стен.

В южной части исследованного участка дороги, на нижнем первом, основном слое засыпки полотна были зафиксированы остатки древней колеи. Они образованы двумя продавленными параллельными бороздами и проходят параллельно «бордюрным» стенам. Ширина западной колеи 0,07–0,12 м, восточной – 0,1–0,18 м. Расстояние между осями колеи около 1,5 м. При этом расстояние между «бордюрными» стенами дороги составляет от 3,5 до 3,7 м, а в северной части до 7,5 м (рис. 2Б). То есть, ширина дорожного полотна позволяла двум транспортным средствам, оставившим эти колеи, разъехаться между собой [*Паль, Соколов, Петров, Безматерных* 2020, 308–312]. Но именно разъехаться, а не следовать параллельно навстречу друг-другу.

На одном из участков (раскопки 2020 г.) на глубине 12–15 см от основного «полотна» была зафиксирована некая вымостка (шириной около метра) из мелких камней, проходившая как бы по оси дороги. Учитывая ее расположение ниже уровня камней бордюров, можно предположить, что она является либо забутовкой локального понижения древней дневной поверхности, либо остатком более ранней дороги, не имевшей столь широкого «полотна».

Находки, обнаруженные при расчистке и разборке дороги

Далее речь пойдёт только о находках, обнаруженные в ходе работ 2019 г. Для индивидуальных (монеты, клейма, металлические, каменные и глиняные предметы) в статье сохранена их нумерация согласно полевой описи (всего 4805 ед.) научного отчета. Из них 4636 – это фрагменты керамических сосудов и обломки черепицы, в том числе амфорной тары – 3012 ед. (202 светлоглиняных, 27 коричневоглиняных, остальное – красноглиняные); столовой и кухонной посуды – 530 ед. (8 светлоглиняных, остальное – красноглиняные); толстостенных сосудов – 520 ед. (рис. 8. *1*, *2*); черепицы – 506 ед. (рис. 8. *3*); чернолаковых изделий – 7 ед.; краснолаковых сосудов – 23 ед.; гончарных сероглиняных – 18 ед; лепных сосудов – 57 ед. Кроме того, это 123 обломка костей животных, 11 монет и 3 фрагмента обожженной глиняной обмазки.

Группа **тарной керамики** представлена следующими центрами производства амфор: Хиос (пухлогорлый [*Монахов* 2003, 16–19], прямогорлый [*Монахов* 2003, 19–20] и конический на колпачковой ножке [*Монахов* 2003, 20–23] (рис. 4. *1–8*); Гераклея (IV–III вв. до н. э., пифоидного типа варианта I-А [*Монахов* 2003, 132–134], конического типа варианта II-3 [*Монахов* 2003, 136] (рис. 4. *9–16*); Синопа (IV–III вв. до н. э. пифоидная варианта II-А-2 [*Монахов* 2003, 149] (рис. 4. *17–28*); «протофасос» [*Монахов* 2003, 38–39] (рис. 5, *1*);

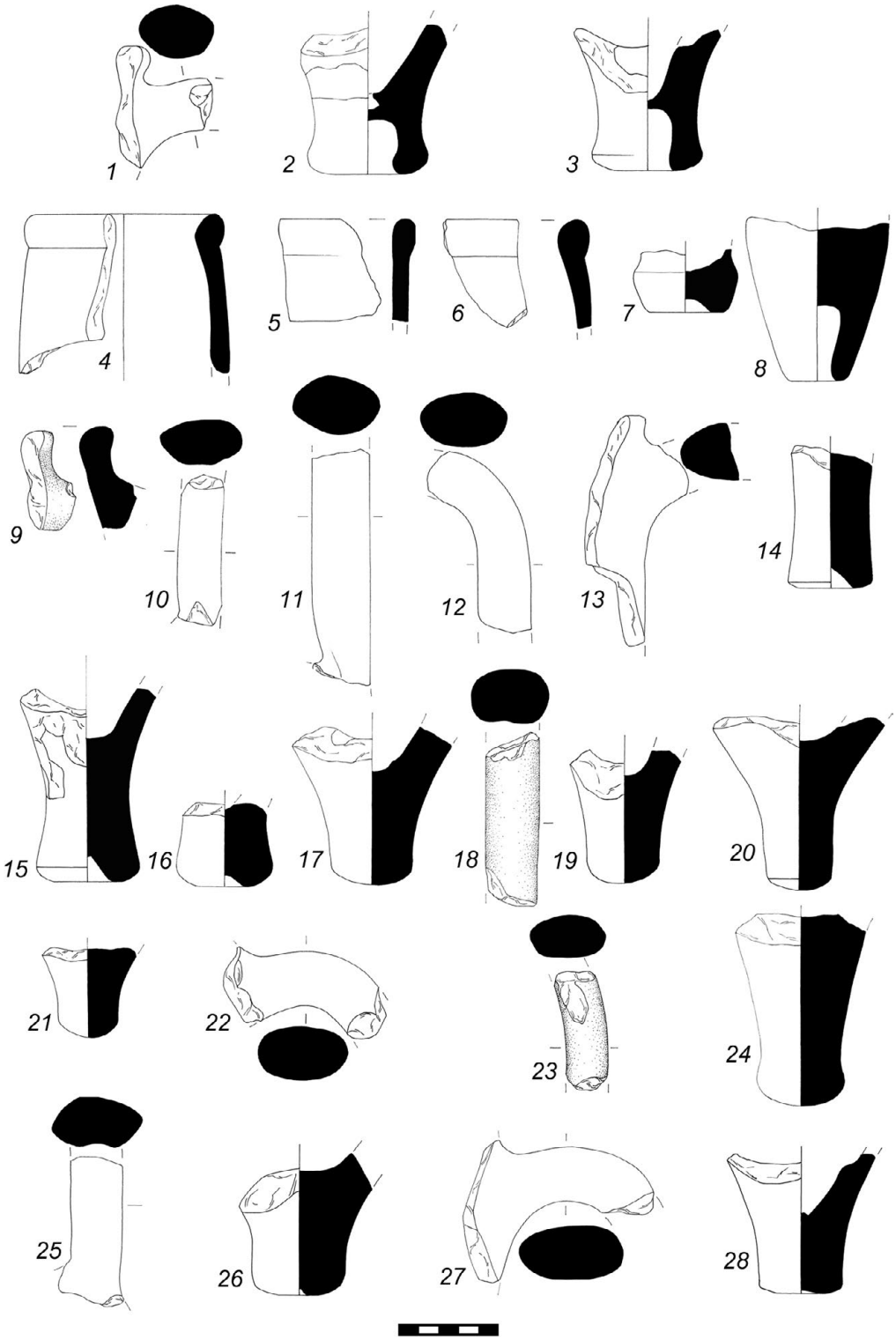


Рис. 4. Фрагменты амфор. *1–8* – Хиос; *9–16* – Гераклея; *17–28* – Синопа

Фасос [*Монахов* 2003, 56–75] (рис. 5. *2–3*) и круг Фасоса (с раздутым горлом [*Монахов* 2003, 77–79]) (рис. 5. *4–10*); Менда (на рюмкообразной ножке [*Монахов* 2003, с. 91–94]) (рис. 5, *11*); Лесбос (Лесбос-К и Лесбос-С [*Монахов* 2003, 44–49]); Икос [*Монахов, Федосеев* 2013, 255–266] (рис. 5. *12*); Колхида [*Цецхладзе* 1992, 90–110] (рис. 5. *13*): Кос (тип III–С, варианты I-В-2 и V-А [*Монахов* 2014, 212–213]) (рис. 5. *14–16*); Эрифры (типы I-D и III [*Монахов* 2013, 28–51]) (рис. 5. *17*); Родос (вариант «вилланова» и I-Е-2 [*Монахов* 2003, 117–120]) (рис. 5. *18–19*); Книд (с коническим горлом и кубаревидной ножкой, веретенообразный вариант II-G [*Монахов* 2003, 102, 109]) (рис. 5. *20*); Пепарет (I-В [*Монахов* 2003, 99]) (рис. 5. *21–22*); Иония [*Абрамов* 2019, 86–99] (рис. 5. *23*).

Необходимо отметить, что количество фрагментов тех или иных центров производства и типов амфор в засыпке первого (нижнего) и второго (верхнего) уровней дорожного полотна отличаются. В первом случае встречено огромное количество ножек и ручек амфор Хиоса «пухлогорлого» типа, чуть меньше обломков гераклейских и синопских амфор. Практически отсутствуют фрагменты гераклейской и синопской тары первых веков нашей эры, очень мало – Колхиды. В то же время, в верхнем уровне засыпки дороги практически отсутствуют обломки хиосских пухлогорлых амфор, зато появляются единичные – амфор типов Син-III и С–I, С–III по С.Ю. Внукову [*Внуков* 2003, 28–95, 102–117, 141–146].

Тарная посуда представлена также фрагментами толстостенных сосудов (пифосов и корчаг) (рис. 8. *1–2*). Добавим сюда же и – лутериев (рис. 6. *12*, *13*),

Столовая посуда – это фрагменты кувшинов (в том числе буролаковых и краснолаковых) (рис. 6. *1–4*), тарелок и мисок (рис. 6. *5–11*), рыбных блюд (рис. 6. *14*, *17*) и черенолаковых сосудов (рис. 6. *15*, *16*).

Кухонная посуда представлена обломками кастрюль и лепных горшков различных форм (рис. 7).

Среди столовой посуды отдельно можно выделить два археологически целых изделия:

П.о. № 2212. Блюдце гончарное с валикообразным краем, на кольцевом поддоне. Глина коричневая с прокалом, плотная, с примесью мелкой слюды; поверхность покрыта светло-коричневым ангобом. Высота 1,6 см, диаметр по бортику 13,6 см, диаметр дна 7,5 см (рис. 6. *6*).

П.о. № 2331. Краснолаковая миска. Венчик загнут внутрь, кольцевой поддон низкий и узкий. Глина оранжевая, с примесью отдельных белых частиц; лак скорее красно-коричневый, матовый, частично стёртый, закрывает тулово полностью изнутри и верхнюю треть снаружи. Не покрытая лаком часть тулова со следами светлого ангоба; на внутренней стороне пятно от нагара. Высота 6,8 см, диаметр венца 16,7 см, диаметр дна 6,5 см. По типологии Д.В. Журавлева миска, видимо, относится к форме 13.1 и датируется в пределах I–III вв. н. э. [*Журавлев* 2010, 53] (рис. 6. *11*).

Античные керамические материалы в целом датируются временем с конца VI в. до н. э. по I в. н. э. Датирующие фрагменты, в основном, относятся к IV–III вв. до н. э.

Нумизматические материалы, обнаруженные при исследовании каменной дороги представлены следующими монетами:

П.о. № 2165. Монета медная. Л.с.: надчекан треножник, снизу N. О.с.: лук и стрела (?). Чекан Пантикапея. Сохранность удовлетворительная. Диаметр 1,5 см, вес 1 г. III в. до н. э. (рис. 9. *1*).

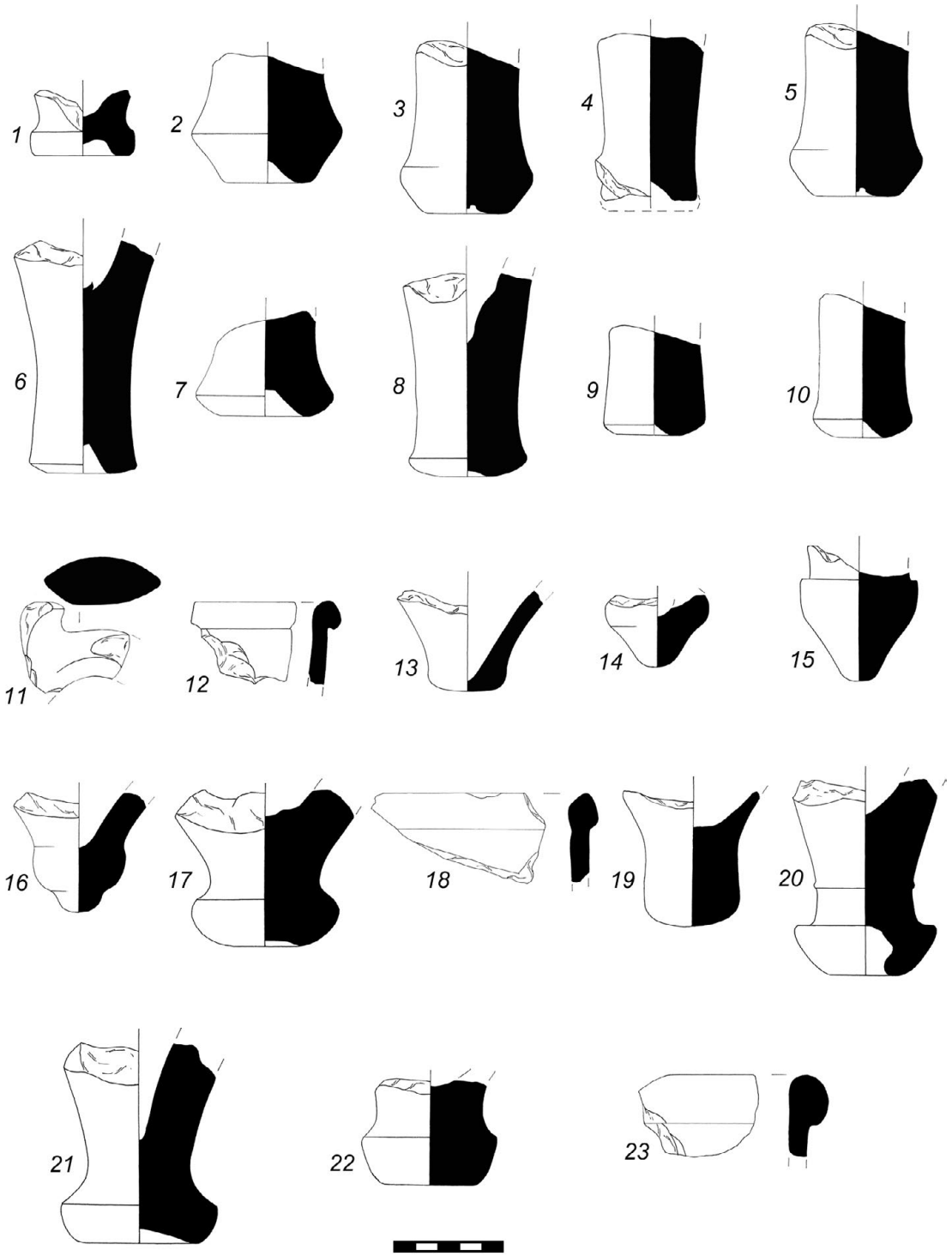


Рис. 5. Фрагменты амфор. *1* – “протофасос”; *2, 3* – Фасос; *4–10* – “круг Фасоса”; *11* – Менда; *12* – Икос; *13* – Колхида; *14–16* – Кос; *17* – Эрифры; *18, 19* – Родос; *20* – Книд; *21, 22* – Пепарет; *23* – Иония

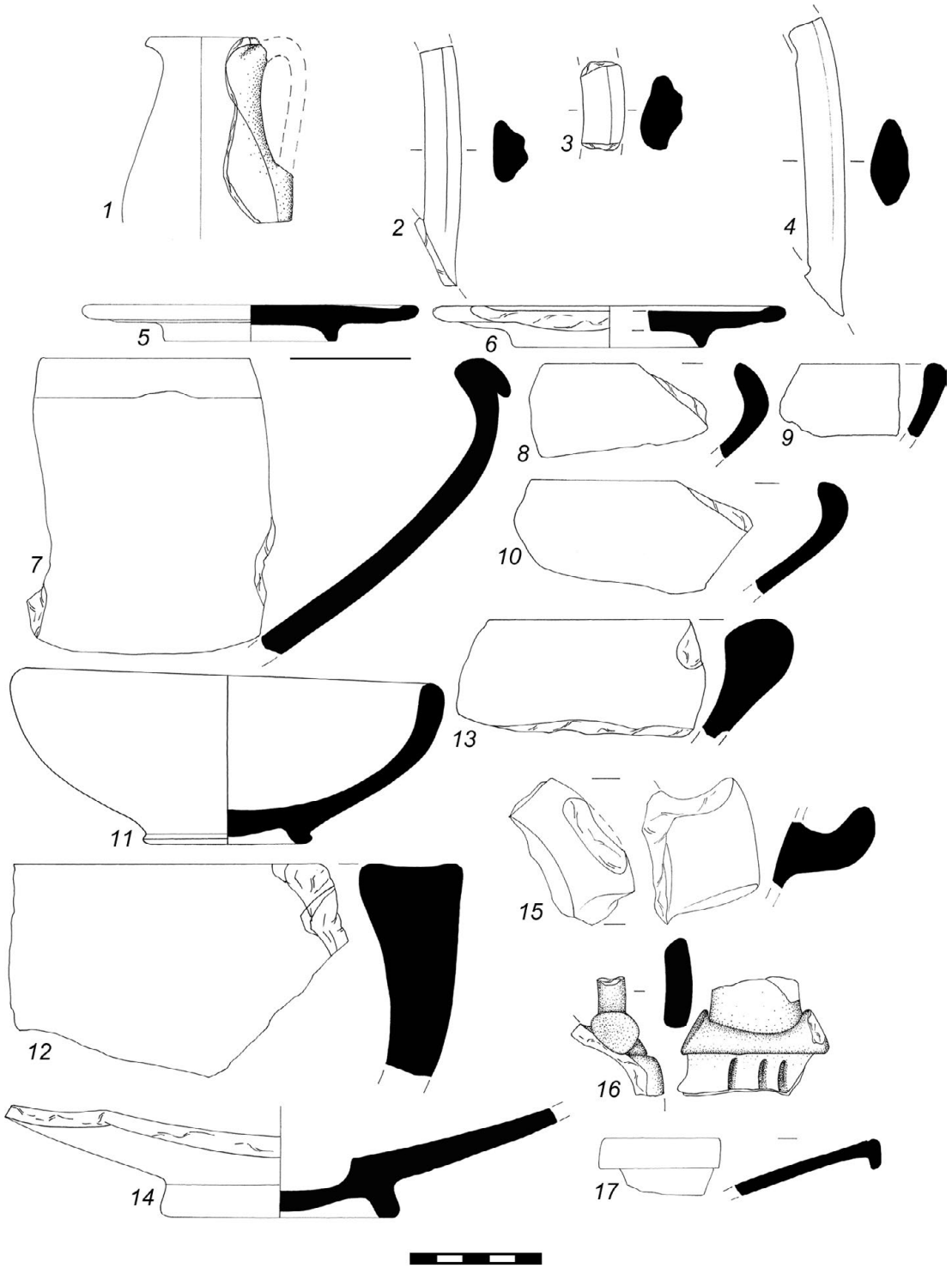


Рис. 6. Фрагменты столовой посуды. *1–4* – кувшины, *5–6* – тарелки, *7–11* – миски, *12–13* – лутерии, *14, 17* – рыбные блюда, *15–16* – чернолаковые сосуды

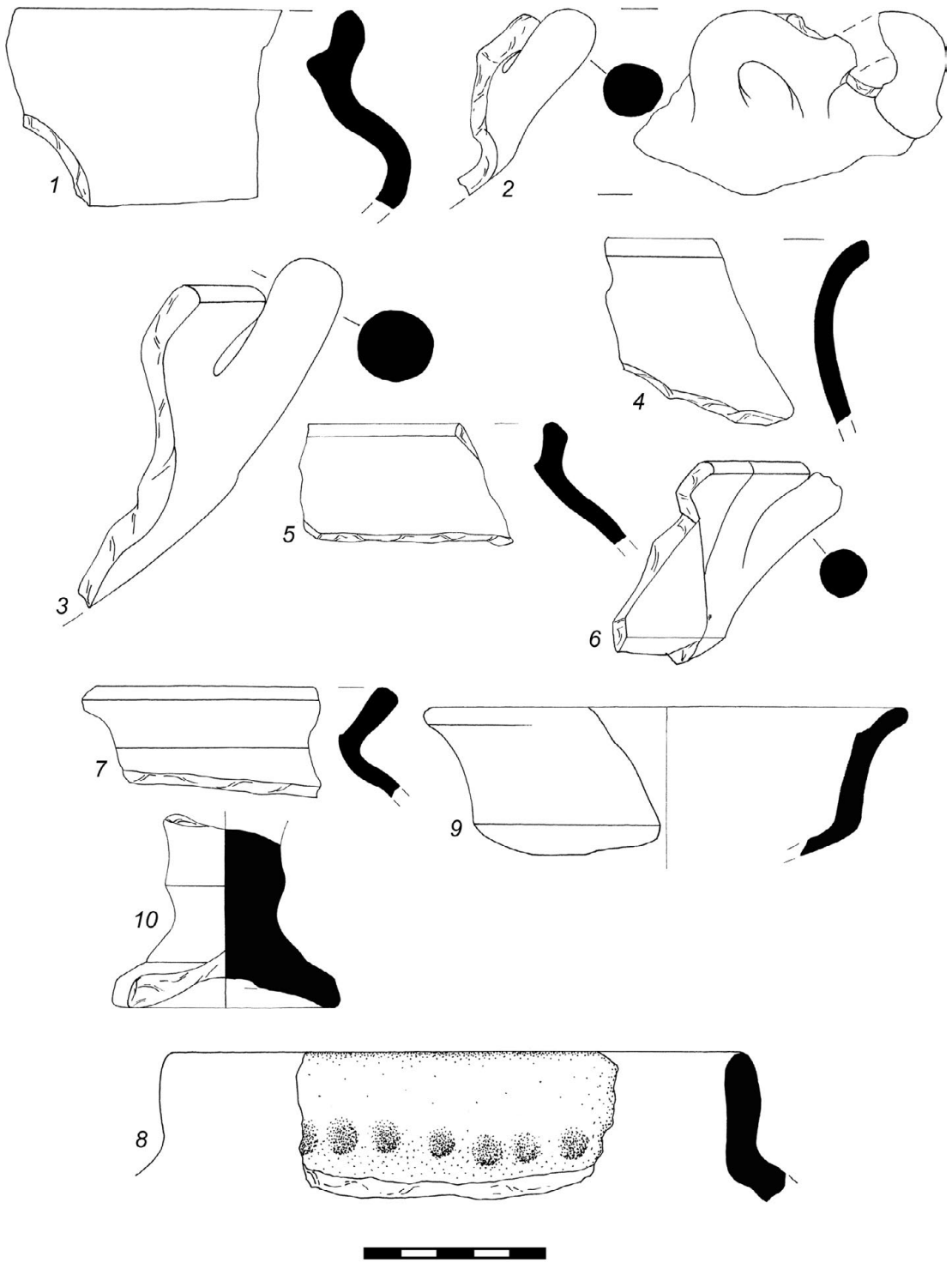


Рис. 7. Кухонная посуда. *1–7, 9, 10* – кастрюльки-леканы;
8 – фрагмент лепного горшка

П. о. № 2166. Монета медная. Обол. Чекан Пантикапея. Л. с.: Голова Аполлона в венке вправо (?). О. с.: ПА… Горит. Тип 169 по В. А. Анохину (?). Сохранность удовлетворительная. Диаметр 1,3 см, вес 1 г. 150–140 гг. до н. э. [*Анохин* 1986, с. 143] (рис. 9. *2*).

П. о. № 2167. Монета медная. Л. с.: голова безбородого сатира вправо. О. с.: не читается. Чекан Пантикапея, Сохранность плохая. Диаметр 1,2 см, вес 1 г. Кон. IV – первая половина III вв. до н. э. (рис. 9. *3*).

П. о. № 2169. Монета медная. Дихалк. Л. с.: голова безбородого сатира вправо. О. с.: AN. Протома пегаса вправо. Чекан Пантикапея. 314–310 гг. до н. э. Тип 112 по В. А. Анохину [*Анохин* 1986, 140]. Сохранность хорошая. Диаметр 1,4 см, вес 3 г (рис. 9. *4*).

П. о. № 2170. Монета медная. Халк. Л. с.: голова безбородого сатира вправо. О. с.: A-TI. Горит. Чекан Пантикапея, Тип 113 по В. А. Анохину [*Анохин* 1986, 140]. Сохранность хорошая. 314–310 гг. до н. э. Диаметр 1,2 см, вес 1 г (рис. 9. *5*).

П. о. № 2171. Монета медная. Л. с.: голова (?). О. с. N, не читается. Чекан Пантикапея. Сохранность плохая. Диаметр 1,3 см, вес 1 г. III–II вв. до н. э. (рис. 9. *6*).

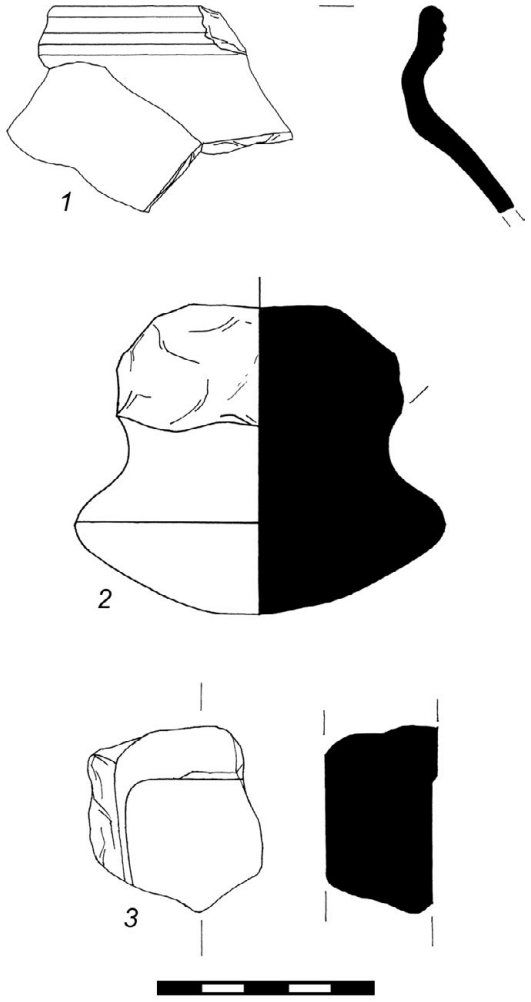


Рис. 8. Фрагменты тарной и строительной керамики. *1* – венчик корчаги; *2* – ножка пифоса; *3* – фрагмент черепицы

П. о. № 2172. Монета медная. Л. с.: не читается, возможно, голова. О. с.: не читается, возможно, горит. Возможно, тип 169 по В. А. Анохину [*Анохин* 1986, 143]. Сохранность плохая. Диаметр 1,1 см, вес 1 г. II в. до н. э. (рис. 9. *7*).

П. о. № 2173. Монета медная. Обол. Л. с.: голова безбородого сатира влево. О. с.: ΠΑΝ. Лук и стрела. Чекан Пантикапея. Тип 133 по В. А. Анохину [*Анохин* 1986, 141]. Один литник сохранился, один обломан. Сохранность хорошая. Диаметр 1,3 см, вес 1 г. 275–245 гг. до н. э. (рис. 9. *8*).

П. о. № 2174. Монета медная. Обол. Л. с.: голова влево (?). О. с.: ΠΑΝ. Лук и стрела вправо. Чекан Пантикапея. Тип 133 по В. А. Анохину [*Анохин,* 1986, 141]. Остатки литников. Сохранность удовлетворительная. Диаметр 1,4 см, вес 1 г. 275–245 гг. до н. э. (рис. 9. *9*).

П. о. № 2175. Монета медная. Обол. Л. с.: голова безбородого сатира влево. О. с.: ΠΑΝ. Лук и стрела вправо. Чекана Пантикапея. Тип 133 по В. А. Анохину [*Анохин* 1986, 141]. Сохранность хорошая. Диаметр 1,3 см, вес 1 г. 275–245 гг. до н. э. (рис. 9. *10*).

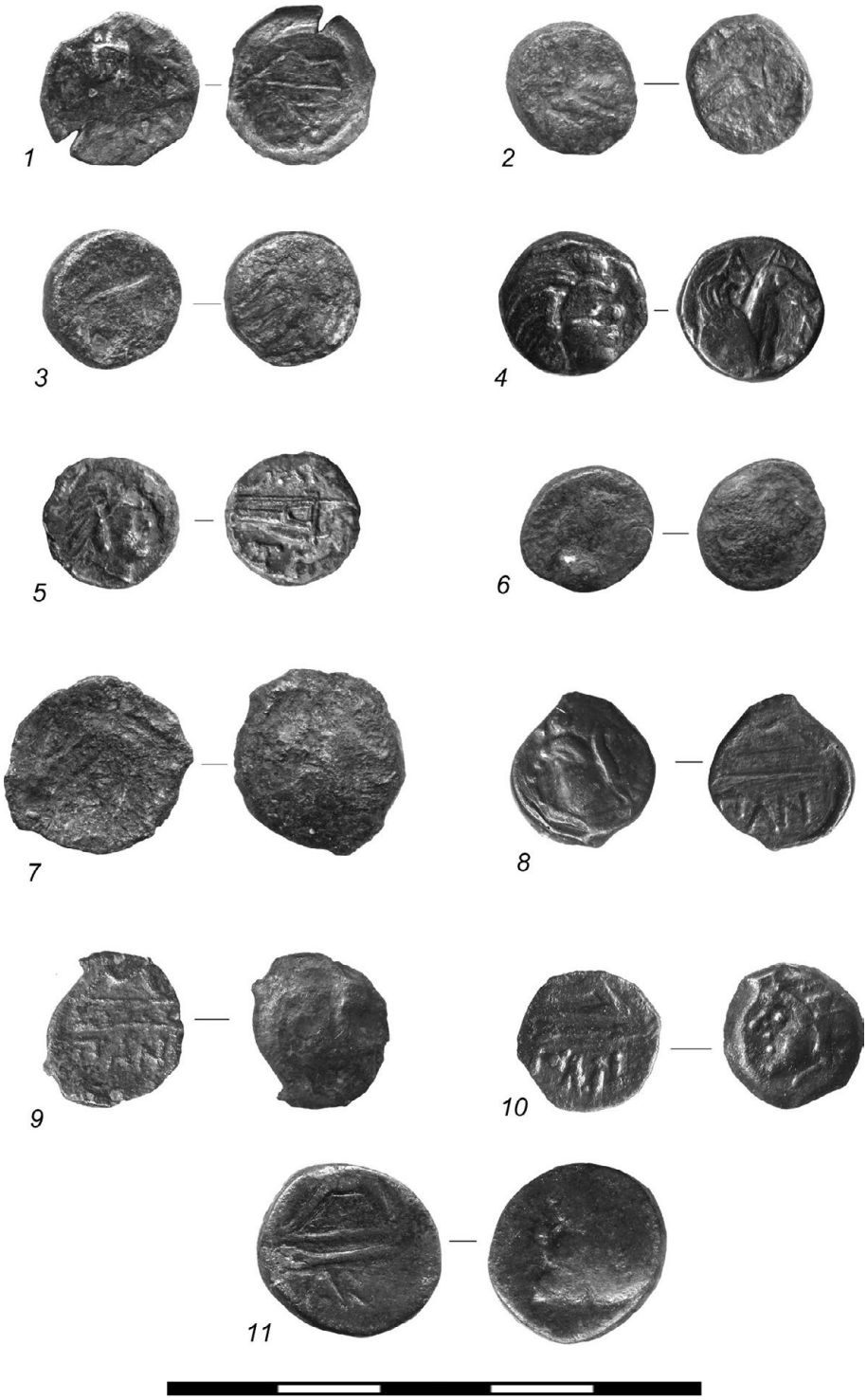


Рис. 9. Медные монеты. *1* – п.о. № 2165, *2* – п.о. № 2166, *3* – п.о. № 2167, *4* – п.о. № 2169, *5* – п.о. № 2170, *6* – п.о. № 2171, *7* – п.о. № 2172, *8* – п.о. № 2173, *9* – п.о. № 2174, *10* – п.о. № 2175, *11* – п.о. № 2176

П. о. № 2176. Монета медная, найдена при разборе полотна дороги. Обол. Л. с.: голова (?). О. с.: ΠΑΝΤ. Лук и стрела. Чекан Пантикапея. Тип 133 по В. А. Анохину [*Анохин* 1986, 141]. Сохранность удовлетворительная. Диаметр 1,7 см, вес 4 г. 275–245 гг. до н. э. (рис. 9. *11*).

Эпиграфические материалы[3] представлены клеймами на фрагментах тарной керамической посуды:

П. о. № 2195. фрагмент ручки родосской амфоры. Прямоугольный штамп клейма: 1,9×4,2 см. Легенда: Η]ΡΑΚΛΕΙΤΟΥ. Дата 172–170 гг. до н. э. [*Шелов* 1975, 103] (рис. 10. *1*).

П. о. № 2247. Фрагмент ручки амфоры Фасоса или круга Фасоса. Сохранилась часть клейма в виде прямоугольного штампа: 2,6×2,5 см. Легенда: ΘΑΣΙ[ΩΝ] кифара ΔΗΜΑΛ[ΚΤΗΣ]. Дата: первая четверть III в. до н. э. [*Кац* 2007, 417] (рис. 10. *2*).

П. о. № 2279. Фрагмент ручки синопской амфоры. Размер штампа: 2,5×2,7 см. Легенда клейма: [ΑΣΤΥΝΟΜ]ΟΥ [---] [---]. Всадник влево. Дата: 30–20-е гг. III в. до н. э. [*Кац* 2015, кат. № 1272–1276] (рис. 10. *3*).

П. о. № 2280. Фрагмент ручки родосской амфоры с частью прямоугольного клейма. Размер штампа: 2,35×1,25 см. Найден при разборке верхнего уровня мощения дороги. Легенда: Δ]ΑΛΙΟΥ [ΕΠΙ ΑΝΔ]ΡΟΝΙΚΟΥ. Дата: 132 г. до н. э. [*Finkielsztejn* 2001, 195] (рис. 10. *4*).

П. о. № 2285. Фрагмент ручки синопской амфоры. Найден при разборе нижнего уровня дороги. Прямоугольный штамп клейма: 2,4×5,1 см. Легенда: ΧΑΒΡΙΑ ΑΣΤΥΝΟ(ΜΟΥ) / щит ΠΟΣΕΙΔΩ(ΝΙΟ). Дата: 30-е гг. IV в. до н. э. [*Кац* 2007. 434] (рис. 10. *5*).

П. о. № 2286. Фрагмент ручки синопской амфоры. Найден при разборе верхнего уровня дороги. Размер штампа: 4,6×1,8 см. Легенда: ΑΣΤΥΝΟΜΟ[Υ]. ΑΡ[ΙΣ]ΤΙΩΝΟΣ. Θ[Υ]ΑΙΑΣ. Танцующий сатир с тирсом. Дата: начало 50-х гг. III в. до н. э. [*Кац* 2007. 435] (рис. 10. *6*).

П. о. № 2294. Фрагмент ручки синопской амфоры. Найден при разборе верхнего уровня дороги. Размеры штампа: 2×3,2 см. Легенда: [ΑΣΤΥΝΟΜΟΥ]. ΠΟΛΥΚ]ΤΟΡΟΣ. ΤΟΥ ΔΗΜ]ΗΤΡΙΟΣ. [-----]. Слева символ: маска – бородатое лицо в тюрбане. Дата: Н. Ф. Федосеев – 258 г. до н. э. Группа V.c (Н. Коновичи) – ок. 236 г. до н. э. Группа VI А МГ (В. И. Кац) – конец 40-х-начало 30-х гг. III в. до н. э. [*Кац* 2007. 435] (рис. 10. *7*).

П. о. № 2299. Фрагмент ручки синопской амфоры. Размеры клейма: 2×1,4 см. Легенда: --]ΥΝ [. Дата: вторая половина IV–III вв. до н. э (рис. 10. *8*).

П. о. № 2346. Фрагмент ручки синопской амфоры. Размеры штампа: 3,9×1,6 см. Легенда: --]ΦΙ [. Дата: вторая половина IV–III вв. до н. э. (рис. 10. *9*)

П. о. № 2347. Фрагмент ручки синопской амфоры. Размеры штампа: 5,5×2,2 см. Легенда: --]Υ [. Дата: вторая половина IV–III вв. до н. э. (рис. 10. *10*)

П. о. № 2348. Фрагмент ручки синопской амфоры. Размеры клейма: 3,9×2,5 см. Легенда: ------ ------- -]Σ[. Дата: вторая половина IV–III вв. до н. э. (рис. 10. *11*)

П. о. № 2349. Фрагмент горла гераклейской амфоры. Найден при разборе нижнего уровня дороги. Размер штампа: 2,9×1,6 см. Легенда: ΦΙΛΩ[Ν ΕΠΙ ΛΥΚ[ΩΝΟΣ. Дата: 60-е гг. IV в. до н. э. [*Монахов* 2003, 125] (рис. 10. *12*).

[3] Определения клейм были сделаны С. М. Ильяшенко, за что автор ему благодарен.

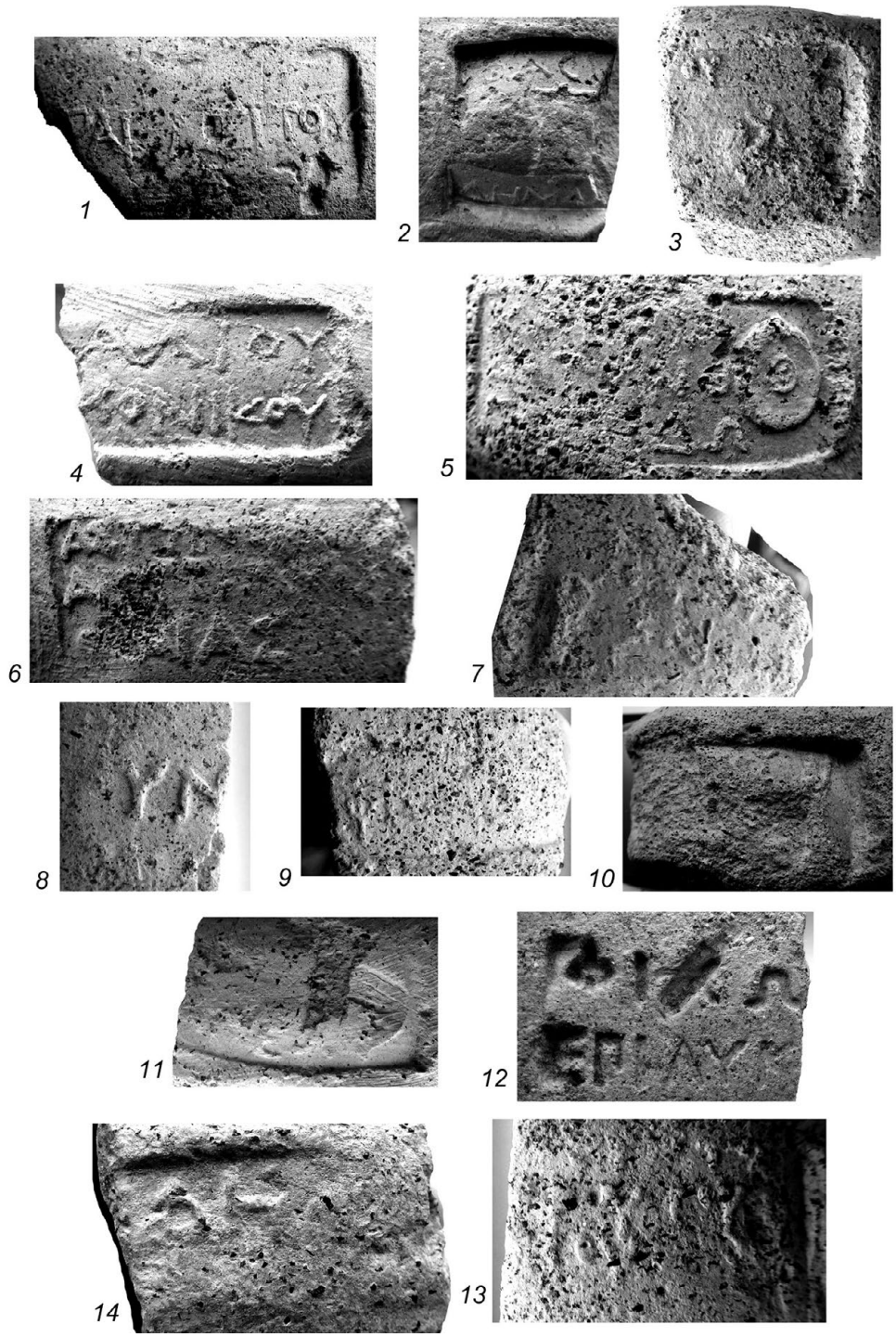


Рис. 10. Клейма на фрагментах амфор. *1* – п.о. № 2195, *2* – п.о. № 2247, *3* – п.о. № 2279, *4* – п.о. № 2280, *5* – п.о. № 2285, *6* – п.о. № 2286, *7* – п.о. № 2294, *8* – п.о. № 2299, *9* – п.о. № 2346, *10* – п.о. № 2347, *11* – п.о. № 2348, *12* – п.о. № 2349, *13* – п.о. № 2351, *14* – п.о. № 2352

П. о. № 2350. Фрагмент ручки синопской амфоры. Легенда клейма: не читаема. Дата: вторая половина IV–III вв. до н. э.

П. о. № 2351. Фрагмент ручки синопской амфоры. Размер штампа: 2,5×3,6 см. Легенда: ΑΣΤΥΝΟ]Μ[ΟΥ]ΡΟΥ ΤΟΥ]ΟΥ. Дата: вторая половина IV–III вв. до н. э. (рис. 10. *13*).

П. о. № 2352. Фрагмент ручки амфоры. Размеры клейма: 1,9×4,2 см. Легенда:]ΔΗ[-----. Дата: первая половина III в. до н. э. (рис. 10. *14*).

В совокупности, все обнаруженные при раскопках каменной дороги керамические клейма датируются с 60-х гг. IV в. до н. э. до 132 г. до н. э.

Орудия труда:

П. о. № 2259. Пряслице керамическое, дисковидное, сделанное из дна гончарного сосуда со сбитым кольцевым поддоном, с просверленным в центре отверстием. Глина оранжевая, с примесью слюды и белых частиц. Диаметр 6,7 см, толщина 1,4 см (рис. 11. *1*).

П. о. № 2295. Фрагмент оселка, прямоугольного со скруглёнными узкими сторонами и частью круглого отверстия; сколот с обоих сторон. Изготовлен из серого, плотного, мелкозернистого камня с хорошими абразивными свойствами. Размеры: 2,7×1,5×1 см (рис. 11. *2*).

П. о. № 2297. Грузило керамическое, пирамидальное, прямоугольное в сечении, вершина вогнутая, в верхней части отверстие по сырой глина; одна из нижних граней сколота. Было найдено при разборе нижнего уровня дороги. Глина оранжевая, с примесью слюды и белых частиц. Высота 6,8 см, размеры основания 2,9×2,8 см (рис. 11. *3*).

П. о. № 2304. Грузило керамическое, пирамидальное, прямоугольное в сечении, в верхней части отверстие по сырой глине, выше отверстия утрачено. Глина оранжевая, зернистая, с примесью слюды и белых частиц. Высота грузила 5,5 см, размеры основания 4,1×2,3 см (рис. 11. *4*).

П. о. № 2307. Фрагмент бронзового предмета. Представлял собой часть бронзовой кованой проколки (иглы). Длина 3,7 см, размеры в сечении 0,3×0,2 см (рис. 11. *5*).

П. о. № 2339. Фрагмент ладьевидного каменного тёрочника со сколотыми концами. Изготовлен из светлого плотного известняка. Размеры: 20×16×6,4 см (рис. 11. *6*).

П. о. № 2340. Ладьевидный каменный тёрочник. Изготовлен из светлого плотного известняка. Размеры: 28×23×10 см (рис. 11. *7*).

П. о. № 2343. Фрагмент тёрочника. Изготовлен из светлого плотного известняка. Размеры: 12,3×11,4×5 см (рис. 11. *8*).

П. о. № 2344. Фрагмент тёрочника с плоской рабочей поверхностью. Изготовлен из светлого, плотного известняка. Размеры: 27,6×24×6,9 см (рис. 11. *9*).

П. о. № 2345. Фрагмент тёрочника с плоской рабочей поверхностью. Изготовлен из светлого, плотного известняка. Размеры: 17,2×13,9×6 см (рис. 11. *10*).

Терракоты.

П. о. № 2179. Фрагмент герма. Часть «торса» и «плеча» терракотовой фигурки. Глина оранжевая, с примесью слюды. Размеры предмета: 7,1×3,7×2 см. Вероятно: III–II вв. до н. э. [*Силантьева* 1974, 31, табл. 35. 1–3; *Соколов* 2020, 322–323, рис. 1 кат. № 4, рис. 2, кат. № 8] (рис. 12. *4*).

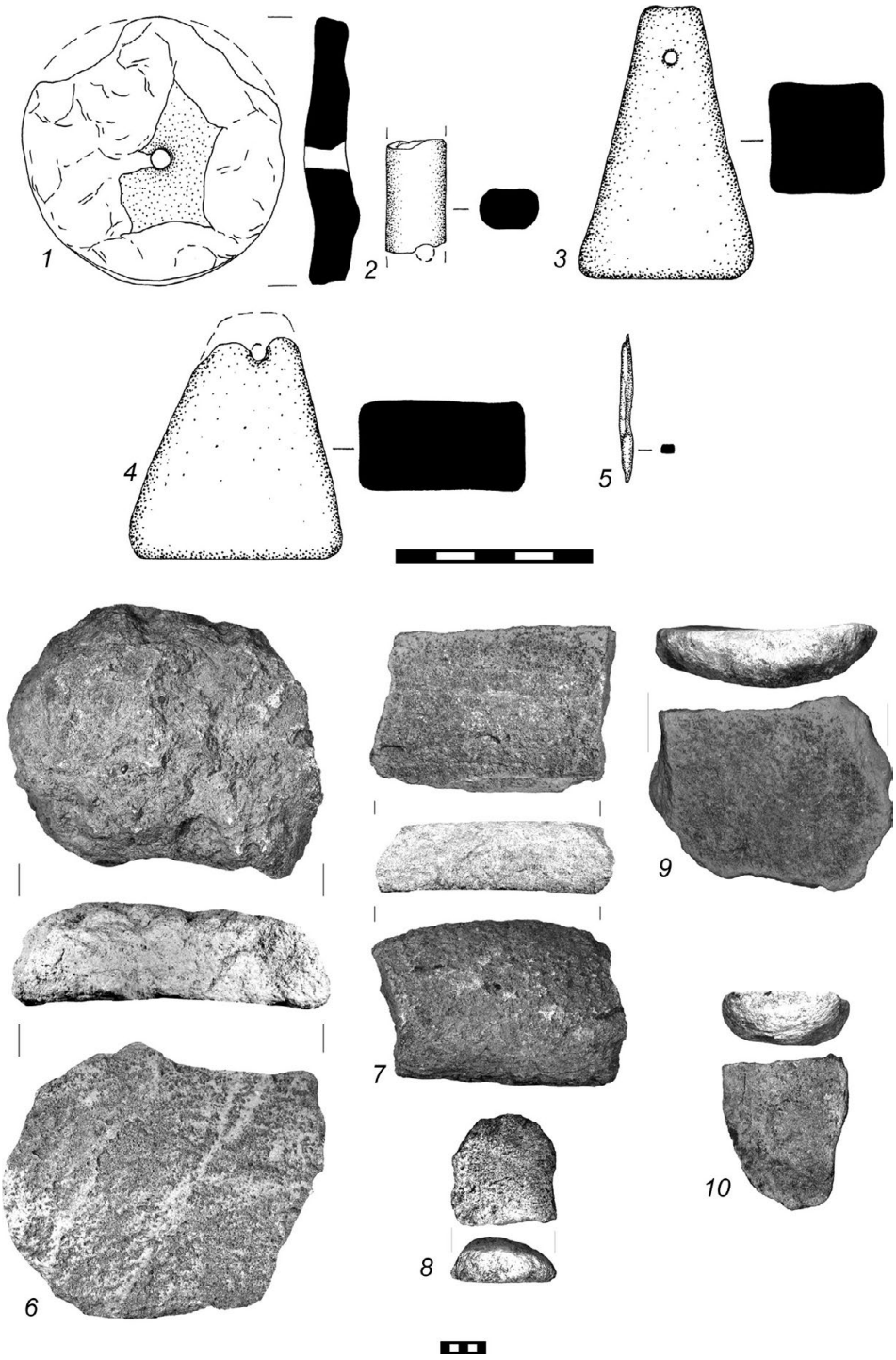


Рис. 11. Орудия труда. *1* – пряслице (п.о. № 2259), *2* – фрагмент точильног камня (п.о. № 2295), *3–4* – керамические ткацкие грузила (*3* – п.о. № 2297, *4* – п.о. № 2304), *5* – бронзовая проколка (п.о. № 2307), *6–10* – фрагменты каменных зернотерок (*6* – п.о. № 2339, *7* – п.о. № 2340, *8* – п.о. № 2343, *9* – п.о. № 2344; *10* – п.о. № 2345)

Архитектурные детали представлены следующими предметами:

П. о. № 2235. Фрагмент каменной опоры столба (?), подквадратной формы, со следами обработки и частью продолговатой выемки. Плотный известняк. Размеры: 10,7×10,1×5,9 см (рис. 12. *2*).

П. о. № 2338. Каменный блок с выемкой – опора столба (?). Плотный известняк. Размеры: 20×20×8 см. диаметр выемки – 6 см (рис. 12. *1*).

П. о. № 2353. Каменный барабан колонны или алтарь цилиндрические формы. Размеры: высота – 46 см, диаметр – 67 см (рис. 12. *3*).

Предметы вооружения представлены единственной находкой:

П. о. № 2308. Бронзовый втульчатый, трехгранный наконечник стрелы с вытянутой треугольной головкой и обрезанной внутренней втулкой. Лопасти опущены ниже втулки. На одной из граней имеется сквозное отверстие. Вероятно, подвергался многократной заточке. Длина 2,3 см, ширина в основании 0,6 см, диаметр втулки 0,3 см. Датируются широко: от V до III вв. до н. э. [*Соколов* 2010, 221] (рис. 12. *5*).

Украшения также представлены единственной находкой:

П. о. № 2306. Подвеска фаянсовая, пирамидальная, с закруглённым верхом, с отверстием в верхней узкой части. Длина 1,7 см, размеры основания 0,5×0,4 см (рис. 12. *6*).

Еще одна группа предметов, связанная с ремеслом и строительством, представлена фрагментами **гвоздей**:

П. о. № 2302. Фрагмент железного гвоздя, с кованой подтреугольной шляпкой. Найден при разборе верхнего уровня дороги. Высота 2,1 см, диаметр стержня 0,8 см (рис. 12. *7*).

П. о. № 2303. Гвоздь бронзовый, кованый, четырёхгранный, тонкий, с большой округлой, плоской шляпкой, с четырьмя шипами и четырьмя линиями крестом с нижней стороны шляпки (остатки от литейной формы). Высота 2,2 см, диаметр шляпки 1,9 см, размеры сечения подквадратного стержня 0,3×0,3 см (рис. 12. *8*).

П. о. № 2309. Фрагмент квадратного в сечении стержня бронзового гвоздя с обломанной шляпкой. Длина 2,1 см, ширина 0,4 см (рис. 12. *9*).

П. о. № 2311. Фрагмент бронзового гвоздя, кованого, четырёхгранного, тонкого, с большой округлой плоской шляпкой, с четырьмя шипами и четырьмя линиями крестом с нижней стороны шляпки (следы от литейной формы). Высота 1,9 см, диаметр шляпки 1,85×1,95 см (рис. 12. *10*).

П. о. № 2312. Фрагмент железного гвоздя, с кованой подтреугольной шляпкой. Высота 1,4 см, размеры шляпки 2,5×2,2 см, сечение стержня 0,7×0,85 см (рис. 12. *11*).

П.о. № 2313. Фрагмент железного гвоздя, с кованой шляпкой. Общие размеры: 1,8×2,2×1,5 см (рис. 12. *12*).

Хронология исследованного участка дороги

Хронология данного сооружения базируется, в первую очередь, на датировках массового керамического материала. Доля тех или иных центров производства и типов амфор в засыпке первого (нижнего) и второго (верхнего) уровней дорожного полотна отличаются. Большая часть датирующихся фрагментов относится к IV–II вв. до н. э.

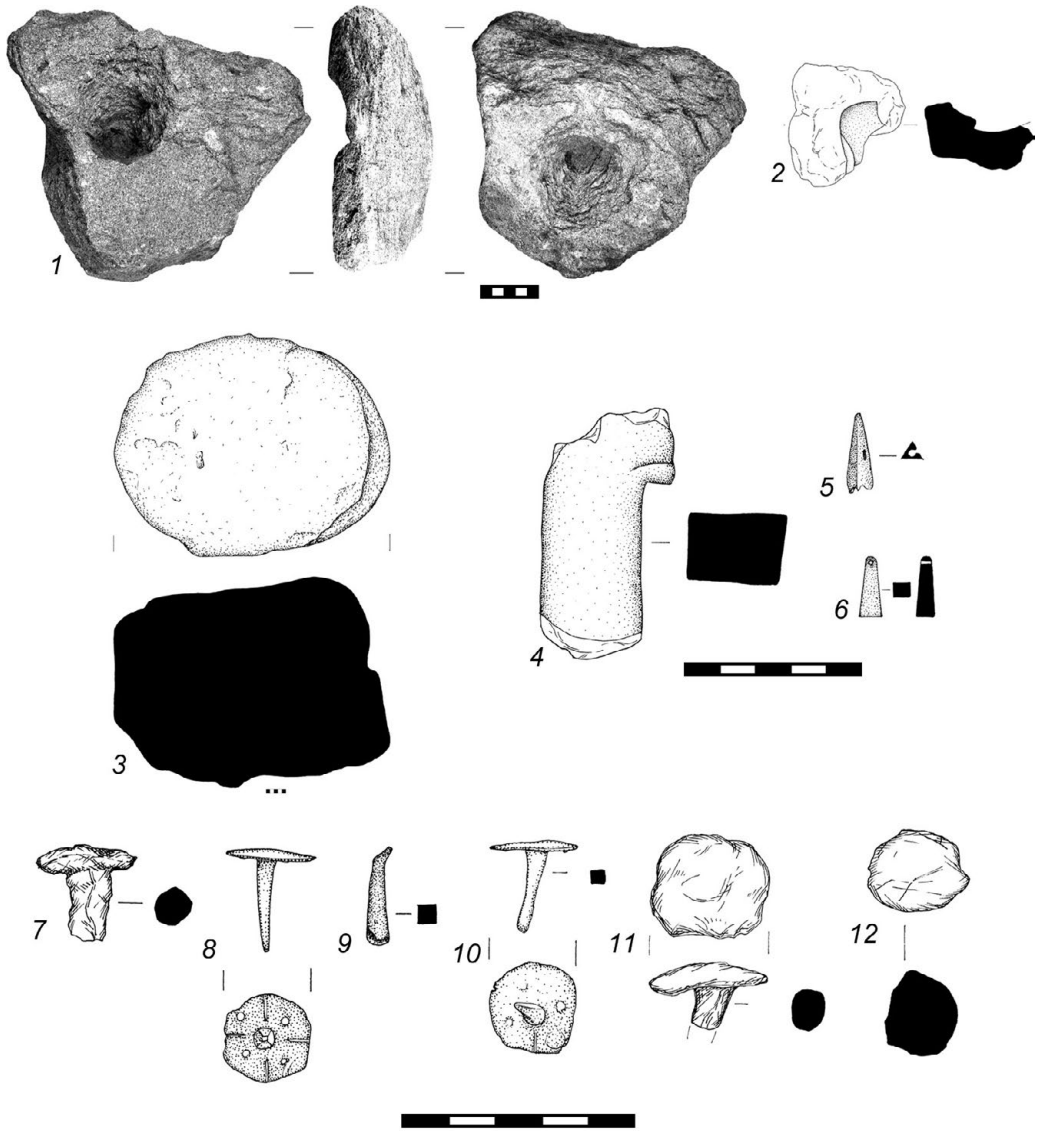


Рис. 12. Другие категории инвентаря. *1–3* – фрагменты архитекрутрных деталей (*1* – п.о. № 2338, *2* – п.о. № 2235, *3* – п.о. № 2353), *4* – фрагмент гермы (п.о. № 2179), *5* – бронзовый наконечник стрелы (п.о. № 2308), *6* – фаянсовая подвеска (п.о. № 2306), *7–12* – фрагменты бронзовых и железных гвоздей (*7* – п.о. № 2302, *8* – п.о. № 2303, *9* – п.о. № 2309, *10* – п.о. № 2311, *11* – п.о. № 2312, *12* – п.о. № 2313) (*7, 11–12* – железо, *8–10* – бронза)

Нумизматические материалы представлены в основном монетами конца IV–III в. до н. э. и двумя монетами II в. до н. э.

Большая часть керамических клейм принадлежит синопским амфорам. Также были обнаружены два родосских клейма, одно фасосское и одно гераклейское. Самое раннее клеймо на горле гераклейской амфоры датируется 60-ми годами IV в. до н. э. К 30-м годам того же века относится одно из синопских клейм. Основная масса синопских клейм

имеет широкую дату: вторая половина IV–III вв. до н. э. Единственное фасосское клеймо датируется первой четвертью III в. до н. э. Два родосских клейма датируются в пределах II в. до н. э. Общая датировка эпиграфических материалов укладывается в рамки от середины – второй половины IV в. до н. э. до второй половины II в. до н. э.

Таким образом, исследованный участок каменной дороги, видимо, был построен во второй половине IV в. до н. э. и функционировал, как минимум, до конца II в. до н. э.

Историческая интерпретация

Следующий круг вопросов: откуда и куда вела эта дорога, кем и при каких обстоятельствах была построена и когда и почему прекратила свое существование?

Ответить однозначно на первый из них в данный момент невозможно. Однако, исходя из ориентации (направления) исследованного участка дороги и планировочной структуры части усадеб хоры Горгиппии в районе хутора Воскресенского, с большой долей вероятности можно предположить, что дорога связывала данный участок хоры с Горгиппией. Каменная дорога вплотную примыкает к усадьбе, которая была исследована С. М. Ильяшенко в 2019 г. Подобное соседство находит аналогии на хоре Херсонеса [*Николаенко* 2004, 188]. Можно с высокой долей вероятности предполагать, что к ней (дороге) были приурочены и усадьбы, исследованные П. М. Соколовым [*Паль, Соколов, Петров, Безматерных* 2020, 307–319] и А. А. Ивановым [*Иванов* 2020, 176–185] в 2019 г. Как уже было отмечено, строительство дороги происходило во второй половине IV в. до н. э. Это время правления на Боспоре Перисада I, сына Левкона I и зятя Горгиппа. В этоы время Синдика уже была окончательно присоединена к Боспорскому царству и активно включена в его хозяйственные отношения. Как отмечала Е. М. Алексеева, время деятельности Левкона и Перисада, оно же и время деятельности Горгиппа в Синдике, явилось периодом первого расцвета этого полиса [*Алексеева* 1997, 42].

Как известно, основным продуктом боспорского экспорта при ранних Спартокидах был хлеб [*Шелов-Коведяев* 1985, 140]. В этой связи, строительство новой дороги, ведущей к группе усадеб на ближней хоре Горгиппии, по всей видимости, при поддержке государственной власти, было направлено на развитие инфраструктуры сельской округи для интенсификации хлебной торговли.

В конце II в. до н. э. Боспорское царство вошло в состав державы Митридата VI Евпатора. В это же время Горгиппия впервые начала чеканить собственную монету. Это свидетельствует об известной самостоятельности данного города Азиатского Боспора [*Алексеева* 1997, 47]. Вместе с тем, в III–II вв. до н. э. постепенно произошла переориентация торгово-хозяйственных отношений многих боспорских полисов. Производимый на Боспоре хлеб стал необходим собственным развивающимся городам [*Алексеева* 1997, 46]. Возможно, падение роли хлебной торговли и пресечение династии Спартокидов оказало влияние на возможности Горгиппии по поддержанию прежней сельской инфраструктуры, в том числе и древней дороги. Хотя, как показывают материалы раскопок, часть усадеб, примыкавших к дороге, продолжала свое существование, как минимум, до середины I в. до н. э. [*Паль, Соколов, Петров, Безматерных* 2020, 316, *Иванов* 2020, 184].

Список литературы

А*брамов* А. П. 2019. Греческие амфоры VI–V вв. до н. э. в Северном Причерноморье. М., 248.

Алексеева Е. М. 1997. Античный город Горгиппия. М., 560.

Анохин В. А. 1986. Монетное дело Боспора. Киев, 180.

В*нуков* С. Ю. 2003. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. Ч. 1. Морфология. М., 234.

Ж*уравлев* Д. В. 2010. Краснолаковая керамика юго-западного Крыма I–III вв. н. э. (По материалам позднескифских некрополей Бельбекской долины) (МАИЭТ. Suppl. 9). Симферополь, 320.

И*ванов* А. А. 2020. Раскопки усадеб эллинистического времени на поселении «Усадьба (х. Воскресенский, ЮЗ окраина хутора)» в 2019 г. (предварительное сообщение) // ДБ. 25, 176–185.

К*ац* В. И. 2007. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) (БИ. XVIII). Симферополь–Керчь, 480.

Кац В. И. 2015. Керамические клейма Азиатского Боспора. Горгиппия и её хора, Семибратнее городище. Саратов, 180.

М*онахов* С. Ю. 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортёров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. Саратов, 352.

Монахов С. Ю. 2013. Заметки по локализации керамической тары. III. Амфоры и амфорные клейма малоазийских Эрифр // ВДИ. 3, 28–51.

Монахов С. Ю. 2014. Косские и псевдокосские амфоры и клейма // Stratum plus. 3, 195–222.

Монахов С. Ю., *Федосеев* Н. Ф. 2013. Заметки по локализации керамической тары. IV. Амфоры Икоса // АМА. 16, 255–266.

Н*иколаенко* Г. М. 2004. Дороги на городской хоре Херсонеса // Херсонесский сборник. XIII. Севастополь, 187–195.

П*аль* Е. П., *Соколов* П. М., *Петров* П. А., *Безматерных* А. Е. 2020. Раскопки античного поселения Усадьба (хутор Воскресенский, ЮЗ окраина хутора) в Анапе (предварительное сообщение) // ДБ. 25., 307–319.

С*илантьева* П. Ф. 1974. Терракоты Пантикапея // САИ. Г1-11. Терракотовые статуэтки. Ч. 3. Пантикапей. М., 5–37.

Смекалова Т. Н. 2020. Обзор междисциплинарных исследований античной межевой системы хоры Херсонеса Таврического // МАИЭТ. XXV, 449–492.

Соколов П. М. 2020. Комплекс терракот из раскопок античного поселения «Усадьба» в Анапе // XXI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья: Объекты искусства в археологическом контексте. Симферополь–Керчь, 319–326.

Соколов П. М. 2010. Типология и хронология наконечников стрел савроматской археологической культуры Нижнего Поволжья // Нижневолжский Археологический Вестник. 11. Волгоград, 213–232.

Ц*ецхладзе* Г. Р. 1992. Производство амфорной тары в Колхиде // Греческие амфоры. Проблемы развития ремесла и торговли в античном мире. Саратов, 90–110.

Ш*елов* Д. Б. 1975. Керамические клейма из Танаиса III–I вв. до н. э. М., 134–139.

Шелов-Коведяев Ф. В. 1985. История Боспора в VI–IV вв. до н. э. // Древнейшие Государства на территории СССР. Материалы и исследования. М., 5–187.

F*inkielsztejn G. 2001.* Politique et commerce a Rhodes au IIe s. a. C.: le témoignage des exportations d'amphores // Les cités d' Asie Mineure Occidentale au IIe siécle a. C. (Études. 8). Bordeaux–Paris, 181–196.

L*aurence* R. 1999. The Roads of Roman Italy. London – New York, 221.

Summary

P. M. Sokolov

The research of the stone road of Hellenistic epoch in the rural district of Gorgippia in 2019–2020 гг.

In 2019–2020 on the territory of the Gorgippia`s agricultural district was discovered and explored a stone road. Up to this moment no sections of ancient roads have ever been archaeologically discovered and explored on the territory of the Asian Bosporus and Syndica. The length of the road in the excavation was about 200 m. The road connected the Gorgippia`s agricultural district with Gorgippia. The construction of the road took place in the second half of the IV century BC. This was the time of the reign of Perisades I, son of Leucon I and son-in-law of Gorgippus, on the Bospor. During the reign of Perisades I, Syndica was already definitively annexed to the Bosporan Kingdom and actively involved in its trade relations. The time of Gorgippus' activity in the Syndic was the period of the first flourishing in Gorgippia. The creation of such a large-scale "infrastructure facility" as the stone road was possible only with the support of the central government.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-437-1.412-424

С. Л. Соловьев*, В. В. Вахонеев**
(Государственный Эрмитаж, г. Санкт-Петербург;*
*** Институт истории материальной культуры РАН,*
г. Санкт-Петербург)

Комплексные археологические исследования античного городища Акра в Восточном Крыму

В начале 1980-х гг. боспорская археология пополнилась важным открытием – был локализован еще один населенный пункт под названием Акра. Основные проблемы с его местонахождением до этого времени были связаны в первую очередь с особенностями топографии памятника. Практически все боспорские города, как известно, были основаны на высоких скалистых мысах, либо иных возвышенностях. В случае же с античным городищем у с. Заветное, мы имеем дело с очень низким глубоко вдающемся в море мысом, к северу от которого впадала небольшая речушка. Данная особенность до сих пор ставит под сомнение возможность идентификации этого памятника с упоминаемой Страбоном (Strab. XI. II, 8) и Плинием Старшим (Plin. NH. IV. 86) Акрой [*Масленников* 2023, 177; *Агбунов* 1987, 107–108]. Однако открытие развитой фортификационной системы и городской квартальной застройки однозначно свидетельствуют о том, что в данном месте располагался некий городской центр. Между тем, в настоящее время большая часть указанного мыса оказалась затоплена водами Керченского пролива (рис. 1).

Памятник оказался важным не только с точки зрения изучения материальной культуры Боспора, но и в плане развития достаточно специфического в методическом отношении направления – подводной археологии, начало которому в нашей стране на академическом уровне было положено работами В. Д. Блаватского. За прошедшие десятилетия с момента открытия городища на песчаной пересыпи у с. Заветное, Акра стала одним из эталонных памятников античной подводной археологии Северного Причерноморья наряду, разумеется, с затопленными частями Фанагории, Ольвии, Херсонеса.

В истории изучения памятника можно выделить три основных этапа. Первый был связан с открытиями, сделанными А. В. Куликовым, В. Н. Холодковым и К. К. Шиликом в начале 1980-х гг. Куликов, ещё будучи школьником, после зимних штормов собрал тут представительную коллекцию древних монет, включая золотой статер Котиса II 132 г. н. э., а также составил первый глазомерный план прибрежной территории с указанием обнаруженных участков городской застройки [*Шамрай* 2012, 450]. Сотрудник Керченского музея В. Н. Холодков в 1981 г. обследовал основание древней стены, най-

Рис. 1. Общий вид на городище Акра с юго-востока

денной при рытье ям для столбов ограды рыболовецкого цеха на пересыпи, и высказал предположение о возможном затоплении морем части античного поселения или усадьбы. В следующем году он провел здесь археологические раскопки, выявив культурны слой, но не найдя строительных остатков. Тогда же эти места неоднократно посещал и осматривал О. Д. Чевелёв, обнаруживший к северу от пересыпи в береговом обрыве несколько могил, в том числе античного времени.

Ключевым событием в деле локализации Акры стало создание Боспорского подводно-археологического отряда в Секторе античной археологии Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ныне ИИМК РАН) в мае 1982 г. под руководством К. К. Шилика. Спустя два месяца экспедиция провела первые погружения у песчаной пересыпи. Полноценные подводные археологические исследования состоялись в 1983–1986 гг. и привели к открытию оборонительной стены и башни затопленного городища, а также раннеэллинистического колодца. Были продолжены и шурфовки прибрежного участка [*Шилик* 2013].

Второй этап исследования Акры относится к середине 1990-х гг. В 1994 г. работы на памятнике продолжил А. В. Куликов, возглавивший экспедицию Керченского историко-культурного заповедника. Они проводились как на суше, так и под водой до 1997 г. На раскопе I было прослежено четыре археологических слоя: раннесредневековый (VIII–IX вв.), позднеантичный (середины III – начала IV вв. н. э.), римского времени (середины II – первой половины III вв. н. э.), а также выявлен слой рубежа I в. до н. э. – I в. н. э.

Был открыт участок жилой застройки римского времени, представленный тремя строительными комплексами (СК-1, СК-2, СК-3) [*Kulikov* 2007,1040]. Раскоп II площадью 32 м^2 был заложен в 1995 г. в 20 м к северу от раскопа I, на территории рыболовецкой артели. Тут были изучены культурные напластования I–III вв. н. э. Наряду с наземными раскопками проводились и подводные разведки Акры. В 1995 г. основное внимание уделялось осмотру городской оборонительной стены и повторной фиксации башни, были прослежены каменные вымостки и кладки стен [*Грабовецкий, Куликов* 1998, 82].

Наземные раскопки 1994–1997 гг. в прибрежной зоне на участке пересыпи наметили перспективы исследований Акры римского времени. Открытые участки жилой застройки этого периода стали веским основанием для предположения о том, что домостроительство Акры в первые века нашей эры велось по планировочным принципам, заложенным ещё в эллинистическую эпоху. Кроме того, было установлено, что археологические находки периода Средневековья, встречающие на городище, не являются случайными, а происходят из культурного слоя этого времени, участки которого были выявлены ранее [*Куликов* 2001, 21].

В 2011 г. по инициативе Государственного Эрмитажа с целью изучения затопленной части древнего города была создана комплексная археологическая экспедиция [*Solovyov*, *Vakhoneev* 2015, 188–201]. В её задачи входило проведение археологической разведки затопленной части города, закладка шурфов с целью выяснения границ распространения культурного слоя, его хронологии и стратиграфии, определение участков, пригодных для проведения систематических полномасштабных раскопок под водой с целью изучения планировки и характера городской застройки, типологии, особенностей домостроительства, системы фортификации и ее элементов, а также обследование ранее открытых археологических объектов и поиск новых для составления актуального топографического плана города. Последнее было необходимо в связи с постепенным разрушением подводной и прибрежной частей памятника, которое происходит вследствие действия как природных факторов (ветровая, водная, химическая эрозия), так и по причинам антропогенного характера. С этого времени начался новый этап в археологических исследованиях Акры [*Соловьев и др.* 2021].

В целом античное городище Акра сегодня представляет два очень отличных друг от друга участка исследований. Первый – подводный. На него приходится примерно 70% территории памятника, которая не была полностью уничтожена прибойными волнами пролива благодаря следующему счастливому обстоятельству. В IV в. до н. э. небольшой низкий мыс, на котором основано поселение был как бы отсечен мощной каменной оборонительной стеной (рис. 2). Именно она послужила своеобразной защитой (волноломом), которая сохранила от размыва примыкающие к ней культурные напластования. Степень сохранности стены в высоту на различных участках сильно отличается – от 0,3 м в мористой части до 1,6 м в прибрежной (рис. 3). Её наличие напрямую повлияло и на мощность сохранившихся культурных напластований. Еще одно важное замечание относительно затопленной части городища состоит в том, что все отложения культурного слоя и строительные остатки под водой датируются исключительно эллинистическим периодом (рис. 4). Слои, которые сформировались на Акре в римское время, в затопленной части оказались полностью уничтожены.

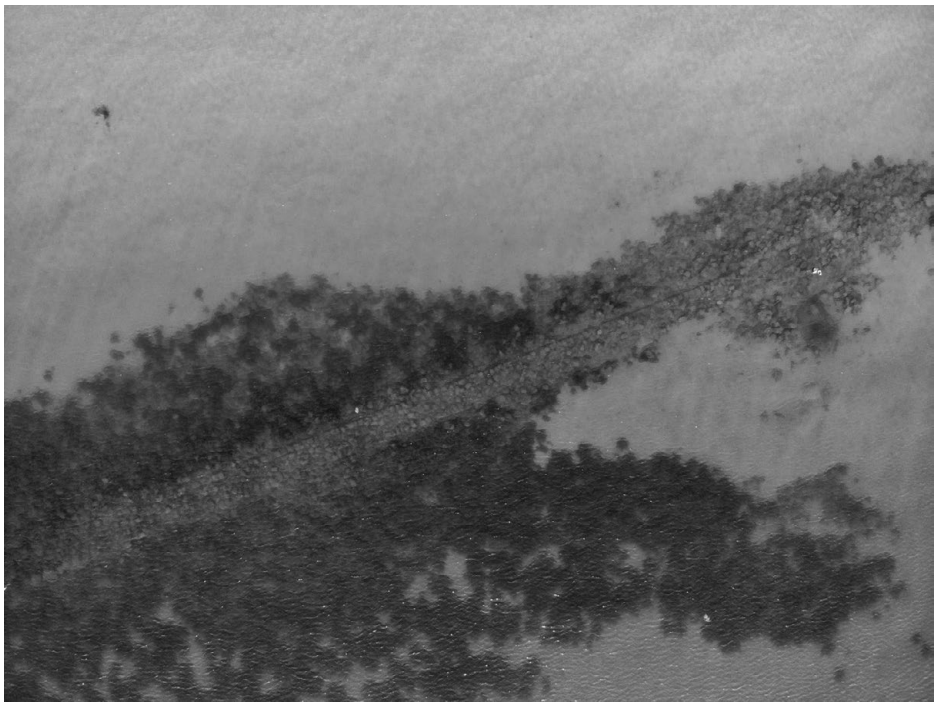


Рис. 2. Участок городской оборонительной стены под водой. Аэрофотоснимок

Рис. 3. Кладка оборонительной стены

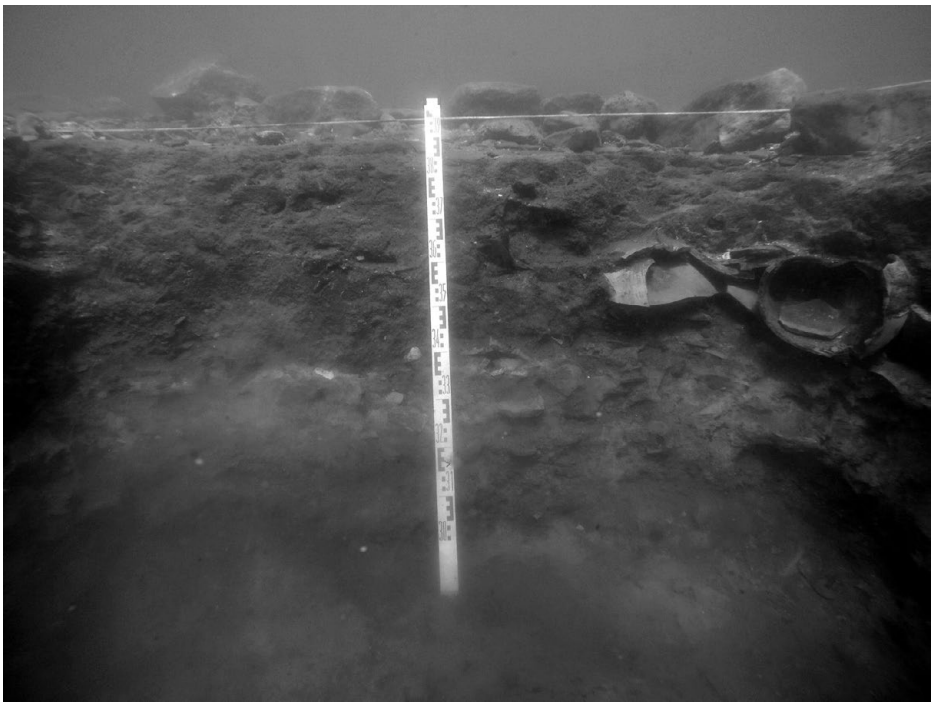


Рис. 4. Культурные напластования раннеэллинистчиеского времени под водой

Примечательно, что указанные особенности топографии городка, несмотря на удобство обороны, крайне негативно повлияли на всю последующую историю Акры. Очевидно, что она была основана в период т. н. фанагорийской регрессии [*Вахонеев* 2015, 44]. Уровень моря был тогда заметно ниже, а сам мыс, соответственно, выше. Впоследствии, после окончания регрессии, прибрежные участки города стали подтапливаться и даже заболачиваться. Это обстоятельство подтверждается эпиграфическим документом из Акры – свинцовым письмом I в. до н. э., опубликованным С. Ю. Сапрыкиным и Н. Ф. Федосеевым. В нем «начальник города» Ботрис просит обезопасить городские святилища от подтопления [*Сапрыкин, Федосеев* 2008, 72–79]. Следует добавить, что Страбон на рубеже эр назвал Акру «деревенькой» (κωμίον). Если принять во внимание утверждение, что он частично заимствовал сведения из перипла Артемидора Эфесского, то такой статус Акра уже могла иметь в конце II в. до н. э. [*Завойкин* 2022, 106]. Очевидно, для смены городского статуса должны были быть веские причины, и, как представляется, отмеченное ухудшение экологической и санитарной ситуации вследствие постоянных подтоплений вполне могло оказаться таковой.

Другое наблюдение, также косвенно указывающее на подтопление, связано с тем, что под некоторыми участками эллинистической застройки были выявлены достаточно мощные стерильные песчаные подсыпки [*Вахонеев, Соловьев* 2023, 189]. Они могли быть специально устроены для отвода грунтовых вод. Не случайно, все выявленные под водой хозяйственные ямы имели каменные обкладки с глиняными обмазками (рис. 5). И, наконец, еще один факт связан с башней у оборонительной стены (рис. 6). В ее

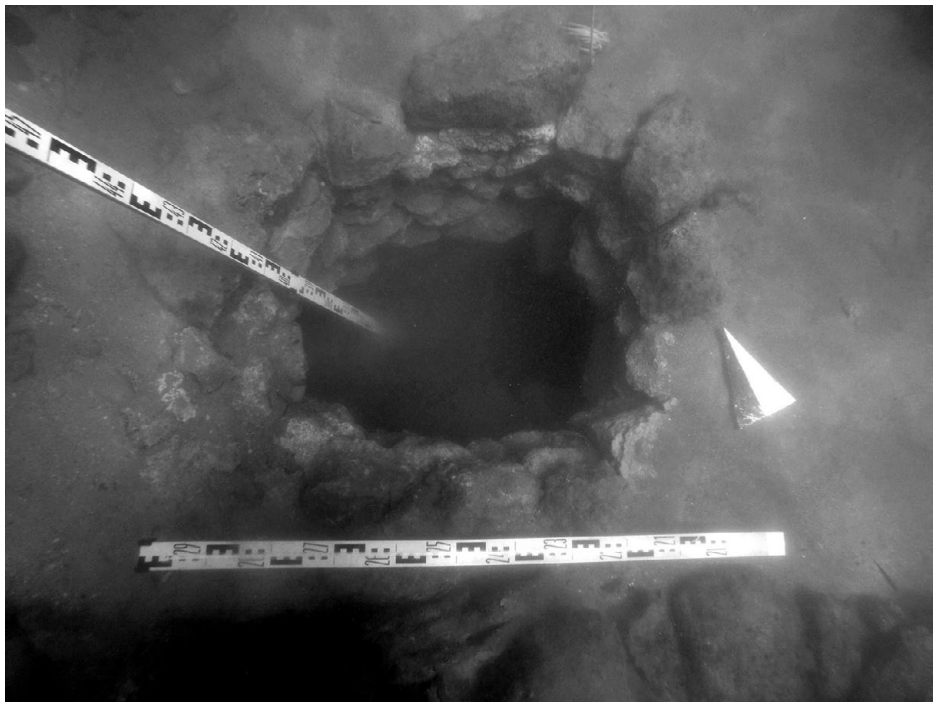


Рис. 5. Хозяйственная яма № 3/2017с каменной обкладкой

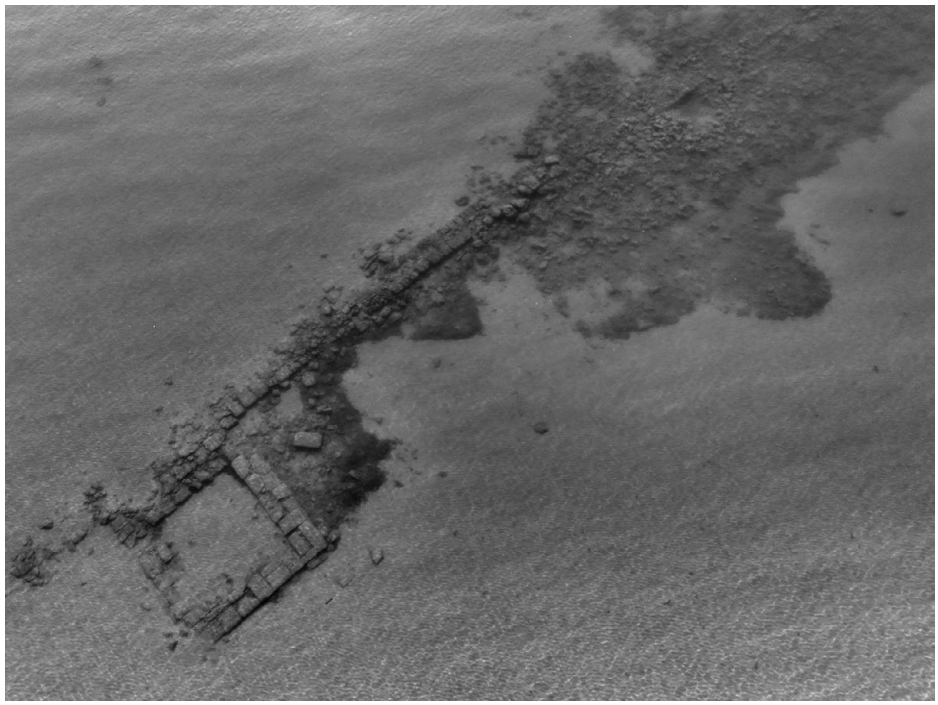


Рис. 6. Участок оборонительной стены Акры с башней. Аэрофотоснимок

основании были обнаружены деревянные клети, сложенные из продольных и поперечных балок. Одной из причин устройства такого фундамента мог стать высокий уровень грунтовых или морских вод, подступавших к древней дневной поверхности во время строительства башни, во второй половине – конце IV в. до н. э.

Следует отметить еще одну важную особенность современной топографии памятника: культурные слои сохранилась только на участках, вплотную прилегавших к оборонительной стене, на расстоянии до нескольких десятков метров от нее. Чем дальше от стены, тем сохранность слоя ухудшается. Таким образом, можно утверждать, что участок сохранившегося нетронутого слоя эллинистического периода занимает площадь около 1,7 тыс. м^2 из 3 га затопленной части. (В данном случае наземный участок, площадью около 0,45 га, не брался в расчет.)

К настоящему времени оборонительная стена изучена в длину чуть больше чем на 150 м. Общая же её длина могла достигать 250 м [*Вахонеев* 2021, 42–64]. Начинается она на удалении 94–98 м от современного уреза воды (в разные годы линия уреза воды менялась) на глубине – 3,60 м БС. Очевидно, в древности эта стена начиналась непосредственно в море, где заходящий в воду её участок был сложен из больших блоков, далее шла в северо-западном направлении уже по суше, прикрывая невысокий мыс с расположившимся на нём поселением. Стена была воздвигнута в первой половине IV в. до н. э. В последней четверти IV – первой половине III в. до н. э. она была частично перестроена и перестала использоваться по прямому назначению не позднее конца III – начала II вв. до н. э. Раскопки прибрежного участка «Береговой» в 2016 г., а также разведывательные шурфы 1985 г. показали, что стена была перекрыта строительными остатками I–III вв. н. э. [*Шилик* 1987, 632; *Соловьев* 2017, 29].

Городская планировка Акры эллинистического времени включала жилые дома типичной планировочной схемы, сблокированные в кварталы [*Соловьев, Вахонеев, Кузнецов* 2017, 165–176]. Площадь самого города составляла примерно 3,5 га. На сегодняшний день под водой открыты остатки как минимум шести строительных комплексов [*Vakhoneev, Solovyov* 2018, 247]. Один из них представлен помещением с глинобитным полом, площадью 25 м^2 (помещение № 1). При его изучении обнаружен археологический материал второй половины IV в. до н. э. [*Соловьев, Вахонеев* 2014, 374]. К строительному комплексу 2 относилась кладка № 5, открытая на длину на 7 м на глубине 1,5 м. Выяснилось, что она связана со строительным комплексом 3, в состав которого также входили кладки № 6–17, открытые в 2013–2019 гг. Комплекс построек № 3 пережил два строительных периода. К первому – (вторая половина IV – первая половина III в. до н. э.) относился мощеный двор с водостоком, ограниченный тремя кладками. Этим же временем датируется и помещение СК 1, расположенное напротив, через улицу шириной 5 м. Позднее, в III–II вв. до н. э. в юго-восточной части двора вследствии перестройки появилась кладка с вымосткой, а также две хозяйственные ямы с каменной обкладкой. Строительный комплекс № 4 был обнаружен в 2015 г. и представлен фрагментами двух кладок. В 2017 г. была расчищена от песчаных наносов каменная вымостка на площади 12 м^2. К строительному комплексу № 5 относится кладка № 18 длиной 3,80 м и шириной 0,60 м. А к строительному комплексу № 6 – угол стен, образуемый двумя кладками. Кроме того, в ходе подводных работ

вблизи этого участка были прослежены обрывки кладок и вымосток, по-видимому, синхронных строительных комплексов.

Слои римского времени сохранились только на наземной части памятника площадью примерно 4,5 тыс. м^2. Строительные комплексы этого периода, как уже отмечалось, были впервые раскрыты в А. В. Куликовым в 1994–1997 гг. Выявленный тогда участок застройки был с представлен тремя строительными комплексами (СК-1, СК-2, СК-3) [*Kulikov* 2007, 1040]. Домовладение СК-1 площадью 104 м^2 состояло из двух помещений и примыкавшего к ним мощеного двора (помещение «В»). Одно из помещений («Г») являлось жилым, второе («Б»), по мнению А. В. Куликова, использовалось для стойлового содержания скота. Восточная часть домовладения, находящаяся на урезе воды, не сохранилась. Домовладение неоднократно перестраивалось: ремонтировались вымостки, проводились частичные перепланировки, укреплялись стены. Первый строительный период относится к I–II вв., второй – ко II–III вв. н. э. Гибель домовладения автором исследований на основании находки монеты Рескупорида V 251 г. была отнесена к середине – третьей четверти III в. н. э. Строительный комплекс СК-2 располагался к югу от СК-1 и был отделен от него глухой стеной. Это домовладение общей площадью 120 кв. м также состояло из жилых и хозяйственных помещений и обширного внутреннего двора. Строительный комплекс СК-3, находившийся к северу от СК-1, представлял собой отдельное домовладение, имевшее сходную планировку. Одно из помещений («Е»), являвшееся жилым, погибло в пожаре.

На раскопе на территории рыболовецкой артели были изучены культурные напластования I–II и II–III вв. н. э. В этой же части береговой зоны, в месте, где городская оборонительная стена выходит на современный участок берега, в 2016–2017 гг. был заложен раскоп «Береговой», на котором открыты два строительных комплекса римского времени [*Соловьев, Вахонеев, Ахмадеева, Кузнецов* 2019, 135–154]. Первый – являлся остатками небольшой жилой постройки с хозяйственным двором, пятью ямами, двумя очагами и тремя каменными поилками для скота (рис. 7). Второй комплекс представлял собой угол некоей постройки. Оба комплекса датированы периодом I–II вв. н. э.

Наконец, самые недавние работы на наземной части Акры были сосредоточены на северо-западной окраине городища, на удалении 20 м от уреза воды (раскоп «Западный»). Первоначально планировалось проследить здесь продолжение городской оборонительной стены, однако, в ходе раскопок на площади 100 м^2 был вскрыт участок застройки римского времени (рис. 8). В центре раскопа открыт хорошо сохранившийся полуподвал, размерами 5,5×5,0 м. Помещение вытянуто по линии северо-запад, юго-восток и его ориентировка соответствовала обшей планировке Акры, существовавшей еще с IV в. до н. э. [*Вахонеев* 2012, 75–79]. У юго-восточной стены располагалась каменная лестница из двух ступеней, ведущая к дверному проему, выходившему на мощеный двор (рис. 9). Заглубление полуподвала относительно двора составляло 0,95 м. Пол помещения глинобитный. Заполнение полуподвала – желтый суглинок с камнями развала верхних стен сооружения. Ниже по всей площади помещения выявлены следы пожара: слой древесного угля и прокаленного грунта красных оттенков. В нём обнаружено несколько монет, в том числе два позднебоспорских статера середины III в. н. э. (рис. 10), которые могут служить terminus post quem для этого сооружения.

Рис. 7. Хозяйственный двор с очагами I–II вв. н. э.

Рис. 8. Ортофотоплан раскопа «Западный»

Рис. 9. Южная часть полуподвала III в. н. э. на участке «Западный»

С юго-востока от полуподвала располагался мощеный двор. Сохранилось, как минимум, два слоя мощения. С юго-западной стороны от полуподвала выявлена мощеная галькой улица шириной около 1 м, которая под прямым углом примыкает к участку другой улицы шириной до 1,6 м, обнаруженной в 2020 г. Таким образом, две улицы ограничивали помещение с полуподвалом с двух сторон. По другую сторону улицы, выявленной в 2023 г., обнаружены остатки еще одного мощеного двора и плохо сохранившиеся кладки стен следующего домовладения, большая часть которого уходит в западный и северный борта раскопа.

Открытые участки застройки римского времени позволяют предположить, что Акра в этот период имела достаточно плотную застройку на возвышенном участке древнего мыса. Похожая ситуация наблюдается и на другом боспорском городе – Мирмекии, который Страбон, также, как и Акру, назван κώμη. Напомним, ранее считалось, что Мирмекий в римское время состоял из серии усадеб, иногда даже укрепленных, между которыми располагались пустыри. Однако раскопки последних лет убедительно показали, что, несмотря на значительные изменения в пространственной организации города по сравнению с эпохой

Рис. 10. Позднебоспорский статер середины III в. н. э.

Рис. 11. Средневековая яма на раскопе «Западный»

Рис. 12. Кувшин таманского типа

эллинизма, в римское время Мирмекий имел достаточно плотную застройку в западной и центральной частях городища [*Милихина* 2022, 105].

Кроме того, как уже писалось, при наземных раскопах на Акре обнаружены следы жизни в раннесредневековый период. Так в 2023 г. на раскопе «Западный» в верхних напластованиях выявлена овальная в плане яма № 2 глубиной 0,8 м (рис. 11). На её дне найден *in situ* кувшин Таманского типа IX–XI вв. (рис. 12). В заполнении также присутствовало несколько обломков таких же сосудов. В этой связи можно предположить наличие в наземной части Акры и других раннесредневековых комплексов.

Список литературы

А*гбунов* М. В. 1987. Античная лоция Черного моря. М., 156.

В*ахонеев* В. В. 2012. Топография и планировка античного городища Акра // Боспорские чтения. XIII. Керчь, 75–79.

Вахонеев В. В. 2015. Подводное городище Акра и изменение уровня моря в IV в. до н. э. // Боспорские чтения. XVI. Керчь, 43–47.

Вахонеев В. В. 2021. Оборонительные сооружения боспорского города Акра // БИ. XLII, 42–64.

Вахонеев В. В., *Соловьев* С. Л. 2023. Археологические исследования античного городища Акра в 2023 г. // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН: охранная археология. Вып. 14. СПб, 187–190.

Г*рабовецкий С.* В., *Куликов* А. В. 1998. Обследование античного поселения в районе озера Яныш (Восточный Крым) // Изучение памятников морской археологии. 3. СПб, 80–83.

З*авойкин* А. А. 2022. Китей: размышления о «малом боспорском городе» // ДБ. 27, 101–112.

К*уликов* А. В. 2001. Отчет об исследованиях античного городища Акра в полевом сезоне 1997 г. // Архив ВКИКМЗ, оп. 2, ед. хр. 1724.

М*асленников* А. А. 2023. Изнутри или снаружи? (О «статусе» поселения на мысе Зюк, малых города и «внутренней» колонизации Боспора) // ПИФК. 3, 163–196.

Милихина Н. Н. 2022. Проблемы исследования Мирмекия римского времени (топографический аспект) // Археологические вести. 37, 98–107.

С*апрыкин* С. Ю., *Федосеев* Н. Ф. 2008. Новые свинцовые пластины с надписями из Восточного Крыма // ВДИ. 3, 64–80.

Соловьев С. Л. 2017. Отчет о научно-исследовательской работе. Археологические раскопки на выявленном объекте археологического наследия «Античное городище Акра» на восточной окраине пос. Заветное в Ленинском районе Республики Крым в 2016 г. СПб, 244.

Соловьев С. Л., *Вахонеев* В. В. 2014. Подводные археологические исследования древнегреческого города Акра в 2011–2013 гг. // Бюллетень Института истории материальной культуры РАН: охранная археология. Вып. 4. СПб., 367–378.

Соловьев С. Л., *Вахонеев* В. В., *Ахмадеева* М. М., *Кузнецов* А. В. 2019. Исследования античного города Акра в 2016 году // АСГЭ. 42. СПб, 135–154.

Соловьев С. Л., *Вахонеев* В. В., *Кузнецов* А. В. 2017. Подводные археологические раскопки античного города Акра в 2015 году // АСГЭ. 41. СПб, 165–176.

Соловьев С. Л., *Вахонеев* В. В., *Шепко* Л. Г. 2021. Акра – античный город на Европейском Боспоре. СПб, 163.

Ш*амрай* А. Н. 2012. Следы античных построек на берегу пролива у села Набережное (к истории открытия Акры) // Боспорские чтения. XIII. Керчь, 447–453.

Шилик К. К. 1987. Исследование античной Акры // АО 1985 года. М., 632.

Шилик К. К. 2013. Античные города на дне Керченского пролива (история поисков и открытий) // Изучение памятников морской археологии. 7. СПб, 29–82.

K*ulikov* A. V. 2007. Akra and its Chora // Ancient Greek Colonies in the Black Sea. II, 1023–1056.

S*olovyov* S., *Vakhoneev* V. 2015. Underwater Archaeological Project at the Ancient City of Akra (Eastern Crimea) 2011–2012 // Proceedings of the 17th Symposium on Mediterranean Archaeology SOMA 2013. Oxford, 188–201.

V*akhoneev* V., *Solovyov* S. 2018. The Ancient Submerged City of Akra in the Cimmerian Bosporus // SKYLLIS. 18, 246–248.

Summary

S. L. Solovyov, V. V. Vakhoneev
Features of archaeological research of the ancient settlement of Akra in the Eastern Crimea

The article is devoted to the latest archaeological research of the ancient settlement of Akra on a sandy embankment near the village of Zavetnoye in the Eastern Crimea. Most of the territory of the settlement is under water today. The authors analyze the reasons why the cultural layer was preserved underwater, and was not destroyed by surf waves as on other coastal archaeological sites. Special attention is paid to the topography and layout of the monument in the Hellenistic and Roman periods. Unfortunately, the layers of Roman times have not been preserved underwater, while on a small piece of land areas of dense buildings of the first centuries A.D. have recently been discovered. Finally, the latest research has also confirmed the presence of life on the settlement in the early Medieval period.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-437-1.425-436

И. Е. Суриков
(Институт всеобщей истории РАН, г. Москва)

Таманский п-ов как «два острова», или о чем *не* говорит Гекатей (полемическая заметка)

Еще относительно недавно бытовало мнение о том, что на месте нынешнего Таманского п-ова в античное время находился архипелаг, состоявший из островов, которые разделяли между собою ныне не существующие рукава Кубани, впадавшие в Таманский залив[1]. Однако по мере того, как в работе исследователей стали более активно использоваться естественнонаучные методики, – чем дальше, тем яснее становилось, что эта гипотетическая картина не вполне соответствует действительности. Приведем релевантную цитату: «историко-географические представления о Таманском полуострове как архипелаге дельтовых островов палео-Кубани, широко используемые при описании его ландшафтно-геоморфологических условий в период греческой колонизации, не получили своего подтверждения… В историческую эпоху ни один из рукавов дельты палео-Кубани не впадал в Таманский залив» [*Горлов* 2007, 87].

Одним из последних к данному вопросу обращался Г. П. Гарбузов [*Гарбузов* 2016]; обосновываемые им положения аналогичны тем, которые цитировались чуть выше. Однако В. П. Яйленко, буквально только что, посвятил большую статью [*Яйленко* 2023] полемике против «мейнстрима», о котором идет речь. Относительно выкладок Г. П. Гарбузова он, в частности, высказывается так: «Его аргументация основательна, коллеги археологи-тамановеды восприняли его выводы, так что мне, историку, поначалу казалось неудобным вторжение в их домен, но… “пепел Клааса стучит в мое сердце”, говорил Тиль Уленшпигель, герой одноименного романа Ш. де Костера: рассмотрев античную традицию об острове, убедился в ее цельности и точности, потому решился поднять критическое перо – разобраться с аргументацией критика, которая оказалась уязвимой во всем» [*Яйленко* 2023, 472].

Итак, и аргументация основательна, и коллегами она принята, что, как видим, признаёт и сам В. П. Яйленко, – однако, по его мнению, утверждению о существовании в античности одного «острова Тамань» решительно противоречат данные нарративных

[1] Типичный пример – [*Паромов* 2006, 365 слл.]: у автора встречается применительно к интересующему нас региону даже термин «полинезия».

источников. Его резюме относительно последних необходимо привести in extenso, почти полностью, поскольку для дальнейшего изложения это принципиально: «Античная традиция о фанагорийском острове цельная – в ней нет внутренних противоречий, прочная – известия идут от VI–V вв. до н. э. вплоть до по позднеантичного времени. Она развивалась в ходе времен – от простой констатации наличия 2 островов у Гекатея и далее 1 острова (данные писателей V–IV вв. Гиппократа, Эфора, Тимонакта у Мелы) до подробного описания положения и физиографии острова у Псевдо-Скимна, Страбона… Если в чем-то возникает противоречие с данными источников иного рода, например, геологического бурения, то эти данные приемлемы лишь до той меры, в которой они не противоречат сведениям периплов» [*Яйленко* 2023, 464].

Перед нами весьма четко и артикулированно заявленная позиция: относительно того, что на самом деле существовало в античности в интересующем нас регионе, наличествует прочная, цельная, непротиворечивая нарративная традиция, развивающаяся на протяжении столетий. Эволюцию этой традиции В. П. Яйленко рассматривает детальнейшим образом, и у него выстраивается красивая и стройная схема. Однако здание это рушится, как только к нему прикоснешься, поскольку в нем, мягко выражаясь, непрочен (а строго говоря – просто не существует, заменен иллюзией) «краеугольный камень», т. е. тот базовый, исходный тезис, на котором зиждется вся конструкция. Тезис этот сформулирован следующим образом: «Гекатею (Милетскому – *И. С.*) известны “остров Фанагора” и “остров Гермонасса”» [*Яйленко* 2023, 456]. Иными словами, во времена, когда работал этот выдающийся представитель ионийской географической и исторической мысли (конец VI – начало V в. до н. э.), уж два-то острова в дельте Кубани точно существовали.

Гекатей как источник воистину неоценим (недавно все его сохранившиеся фрагменты увидели свет в нашем переводе [*Гекатей Милетский* 2021]). Он был новатором как в области историографии (о Гекатее как историке см. [*West* 1991; *Armayor* 2004; *Bertelli* 2007; *Alganza Roldán* 2012]), так и в области географии (о Гекатее как географе см. [*Hansen* 1997; *Brown* 2004]). В частности, его трактат «Описание Земли» (Περιήγησις Γῆς) является хронологически первым в античном мире памятником, написанным в жанре периегезы [*Суриков* 2021], впоследствии получившем у греков столь широкое распространение. Правда, похоже, что даже раньше этого труда Гекатея появился «Перипл мест, что за Геракловыми столпами» (его еще называют «Индийским периплом») Скилака Кариандского, который милетянином был использован (ср. Scyl. FGrHist. 709. T3a и Hecat. FGrHist. 1. F295, Scyl. FGrHist. 709. F3–F4 и Hecat. FGrHist. 1. F296, см. к вопросу [*Суриков* 2022а]. Но Скилак нас здесь не интересует, поскольку он к Северному Причерноморью не имеет отношения. А вот у Гекатея есть целый ряд фрагментов, связанных с бассейном Понта Евксинского [*Суриков* 2023а, 27–43], в том числе и конкретно с регионом Боспора Киммерийского [*Суриков* 2022б, 284–291; *Суриков* 2023б, 385–386].

Однако касательно этих «боспорских» фрагментов необходимо отметить следующее: как мы сейчас покажем, неправомерно относить к ним тот, в котором упоминается Гермонасса (Hecat. FGrHist. 1. F208, взят из Стефана Византийского), хотя так иногда делали и раньше [например: *Завойкин* 2013, 279], и теперь вот В. П. Яйленко пишет:

«Поскольку Стефан в заметке о Гермонассе упомянул Гекатея и начало ее идентично словам Гекатея об “острове Фанагора”, известие об “островке Гермонасса” также атрибутируют (кто? – *И. С.*) Гекатею» [*Яйленко* 2023, 456, прим. 4]. Причина этой характерной аберрации – в том, что ученые, допускающие ее, не учитывают в должной мере спецификой того издания, из которого берут сам фрагмент. Издание это – эпохальные даже при своей незавершенности «Фрагменты греческих историков» Феликса Якоби, с которыми автору этих строк на протяжении ряда последних лет довелось поработать более чем основательно в связи с подготовкой монографии «Праотцы истории» (на момент написания этих строк увидел свет первый том из двух [*Суриков* 2024]), где в числе прочих предшественников Геродота и Фукидида рассматривается, само собой, и Гекатей.

Специфика, которую мы имеем в виду, заключается в том, что фрагменты Якоби дает *с контекстом*. Приведем пример: вот как выглядит у него фрагмент Дамаста Сигейского о Троаде (Damast. FGrHist. 5. F9 = Strab. XIII, 1, 4. «Однако, поскольку эолийцы рассеялись по всей стране, которую, как мы говорили, поэт (Гомер. – *И. С.*) называет троянской, из тех, кто жил позже, одни именуют Эолидой ее всю, а другие – ее часть, и Троей – одни всю ее, а другие – часть, совершенно ни в чем не соглашаясь друг с другом. Ведь Гомер указывает начало Троады прямо у мест по Пропонтиде, от Эсепа (название реки. – *И. С.*); а Евдокс – от Приапа и Артаки… изменяя ее границы в меньшую сторону. Дамаст же еще сильнее сокращает ее, начиная от Пария; и, опять же, он продолжает ее до Лекта, а у других – иначе. Харон Лампсакский отнимает еще триста стадиев, начиная Троаду от Практия… а продлевает до Адрамиттия. А Скилак Кариандский начинает ее от Абидоса; подобным же образом Эфор говорит, что Эолида простирается от Абидоса до Кимы, а у других – иначе» (цитаты из античных авторов даются в нашем переводе, если не оговорено иное). Как видим, здесь перед нами целая россыпь мнений достаточно многочисленных авторов; Дамаст является лишь одним из них, и мы поступим в высшей степени наивно, если припишем ему *весь* фрагмент. Поступал так Якоби, видимо, в том соображении, что, поместив пассаж полностью один раз, можно при его следующих появлениях (например, у Харона – Char. FGrHist. 262. F13) отослать читателя к этому месту.

Имея в уме этот крайне немаловажный нюанс, обратимся теперь к фрагменту Гекатея о Гермонассе, приведя его в оригинале и в переводе, а также сопроводив некоторыми комментариями. Hecat. FGrHist. 1. F208 = Steph. Byz. s. v. Ερμώνασσα: Ἑρμώνασσα· νῆσος μικρὰ πόλιν ἔχουσα ἐν τῶι Κιμμερίωι Βοσπόρωι, Ἰώνων ἄποικον, ὡς ὁ Περιηγητής. ταύτην ὁ Σκύμνος καὶ Ἑρμώνειαν καλεῖ. Στράβων ἐν ζ Ἑρμώνακτος κώμην φησί. Μένιππος δὲ χωρίον Τραπεζοῦντος ἐν Περίπλωι τῶν δύο Πόντων. Ἑκαταῖος δὲ καὶ Θεόπομπος πόλιν αὐτήν φασιν. «Гермонасса. Маленький остров в Киммерийском Боспоре, на котором – город, колония ионийцев, как пишет Периегет. А Скимн называет его также Гермонией. Страбон в 7-й книге упоминает деревню Гермонакта. Менипп же говорит о местечке такого названия, принадлежащем Трапезунту, в “Перипле двух Понтов”. Но Гекатей и Феопомп называют эту Гермонассу городом».

Совершенно очевидно, что ссылка на Гекатея цитирующим источником дается *только* в связи со второй, малоазийской Гермонассой. Неясно, чем вызвано утверждение

В. П. Яйленко: «…Стефан перепутал таманский и трапезунтский соименные города» [*Яйленко* 2023, 456, прим. 4]. Никакой путаницы в статье нет, в ней четко отличаются друг от друга две Гермонассы (плюс еще один населенный пункт – «деревня Гермонакта» в Северо-Западном Причерноморье). Гекатея от упоминания в статье о первой, интересующей нас Гермонассе отделяют имена целого ряда авторов. Непосредственно перед милетским географом назван Менипп (Менипп Пергамский, географ I в. до н. э.), тоже в связи с городком на хоре Трапезунта. Перед ним – Страбон (Strab. VII. 306) – уже в связи с «деревней Гермонакта». Перед Страбоном – Скимн, в связи с Гермонией как другим названием боспорской Гермонассы. В данном случае имеется в виду не Псевдо-Скимн, в перипле которого топоним Гермония не фигурирует. Значит, речь идет о «настоящем» Скимне – Скимне Хиосском, писавшем во II в. до н. э. (см. о нем [*Gisinger* 1927]). Кстати, того писателя, который ныне известен как Псевдо-Скимн, в античности никто и никогда так не называл; его поименовали так в XVII в. в силу недоразумения [Суриков 2020а, 216–217].

Наконец, первый автор в перечне Стефана – «Периегет». Это, естественно, Дионисий Периегет, или Дионисий Александрийский (II в. н. э.), который написал одну из самых значимых античных периегез ойкумены, причем полностью дошедшую до нас. Может быть, он – источник сведений Стефана о «маленьком острове» Гермонассе? Но нет, в соответствующем месте его труда (Dionys. Alex. 549 sqq.) сказано только об одном большом острове, соответствующем нынешнему п-ову Тамань. Κιμμέριον δέ κέ τοι ἀνὰ Βόσπορον ἰθὺς ἰόντι / ἄλλη ἀπειρησίη νῆσος πέλοι, ἥ ῥά τε λίμνης / ἔνδοθι δεξιτερῇ Μαιώτιδος ἐστήρικται, / ᾗ ἔνι Φαναγόρη τε καὶ εὔκτιτος Ἑρμώνασσα, / ἔνθα δὲ ναιετάουσιν Ἰωνίδος ἔγγονοι αἴης. «Если же пройти прямо через Боспор Киммерийский, встретится другой обширнейший остров, который лежит по правую сторону Меотийского озера, на нем [расположены] Фанагора и прекрасно построенная Гермонасса, где обитают выходцы из ионийской земли» (перевод Е. В. Илюшечкиной).

Итак, Стефан ссылается на Дионисия только по поводу того факта, что *город* Гермонасса является (как и Фанагория) ионийской колонией. А откуда он взял информацию об *острове* Гермонассе (что бы она ни означала) – совершенно неизвестно. Но уж точно не из Гекатея. Строго говоря, даже и то, что Гекатей писал об *острове* Фанагории или Фанагоре – тоже далеко не факт. Напомним соответствующий фрагмент, прекрасно известный всем специалистам по Боспору (Hecat. FGrHist. 1. F212 = Steph. Byz. s. v. Φαναγόρεια): Φαναγόρεια· πόλις ἀπὸ Φαναγόρου, ὡς Ἑκαταῖος Ἀσίαι. ἡ νῆσος Φαναγόρη καὶ Φαναγόρεια. ἔστι καὶ ἐμπόριον τὰ Φαναγόρεια οὐδετέρως. «Фанагория. Город, названный по Фанагору, как говорит Гекатей в “Азии”. Есть остров Фанагора и Фанагория. Имеется также эмпорий Фанагории, [название которого склоняется] по среднему роду (причем во множественном числе – *И. С.*)». Здесь ведь ссылка на милетского ученого дана только в связи с происхождением названия города Фанагории. Дальнейшая часть статьи Стефана может опираться тоже на Гекатея, но вполне может на него и не опираться. Впрочем, по крайней мере, никакие иные авторитеты в статье не цитируются, так что происхождение информации об острове Фанагоре из Гекатеева труда если не безусловно, то хотя бы вероятно. А вот применительно к информации об острове Гермонассе это просто невозможно, как было только что продемонстрировано.

Кратко резюмируем вышесказанное. 1) В периегезе Гекатея совершенно точно упоминался город Гермонасса в Малой Азии, и это упоминание через Стефана дошло до нас. 2) В периегезе Гекатея совершенно точно упоминался город Фанагория на Боспоре, и это упоминание через Стефана дошло до нас. 3) В периегезе Гекатея, *возможно*, упоминался остров Фанагория (Фанагора), и это упоминание, *возможно*, через Стефана дошло до нас. 4) Если Гекатей и писал что-либо о боспорской Гермонассе (а он, скорее всего, писал, учитывая его стремление включить в свое сочинение как можно большее число топонимов), это *не* дошло до нас, а о несохранившемся и рассуждать не имеет смысла. 5) Данные об острове Гермонассе у Стефана взяты не из Гекатея, а откуда – установить нет возможности.

Обратимся теперь к тем античным источникам, в которых ландшафт региона обрисован с большей степенью детализации. У целого ряда авторов встречаем совершенно однозначную картину: один остров, отделенный от материка двумя рукавами Кубани, впадающими, соответственно, в Азовское и Черное моря[2].

Именно так у Помпония Мелы (Mela. De chorogr. I. 112): obliqua tunc regio et in latum modice patens inter Pontum Paludemque ad Bosphorum excurrit; quam duobus alveis in lacum et in mare profluens Coracanda paene insulam reddit. quattuor urbes ibi sunt Hermonassa, Cepoe, Phanagorea, et in ipso ore Cimmerium. Приведем недавно опубликованный перевод под редакцией А. В. Подосинова [*Помпоний Мела* 2017, 79]: «Затем в сторону уходит не очень широкая область, простирающаяся между Понтом и Болотом (Меотийским. – *И. С.*) до Босфора; река Кораканда, впадая одним руслом в озеро (та же Меотида. – *И. С.*), а другим в море, превращает ее в полуостров (к этому месту см. ниже. – *И. С.*). Там находятся четыре города: Гермонасса, Кепы, Фанагория и в самом устье [Меотиды] – Киммерий».

Что касается «полуострова» – вряд ли стоило так переводить, корректнее у В. В. Латышева в SC: «придает почти вид острова». Да и в том самом издании, из которого взята только что данная цитата, в комментарии высказывается некоторое недоумение касательно «полуостровной» формулировки [*Помпоний Мела* 2017, 149–150]. Почему римский географ предпочел выразиться так, как он выразился, – гадать, наверное, уже бессмысленно, да это и не принципиально: главное в том, что в свидетельстве совершенно четко указано на наличие двух рукавов (duobus alveis), создающих, таким образом, *один* остров (или «почти остров»), и эксплицитно сказано, куда именно эти рукава впадают.

Совершенно так же – у Александра Полигистора (ap. Steph. Byz. s. v. Ὕπανις): Ἀλέξανδρος δὲ ὁ Πολυΐστωρ φησὶν, ὅτι ὁ Ὕπανις διχῇ σχιζόμενος τὸ μὲν ἓν μέρος εἰς τὴν Μαιῶτιν

[2] Картина эта, как видим, не вполне тождественна той, которая имеет место в наши дни (изменения произошли в результате долговременного воздействия антропогенного фактора, прежде всего казачьих ирригационных работ). Ныне основными рукавами являются азовские, их несколько и они полноводны, в то время как единственный черноморский (Старая Кубань) практически совсем захирел. Кстати, не можем не откликнуться на замечание В. П. Яйленко: «…в 2007 г. вновь перестало существовать Пересыпское гирло» [*Яйленко* 2023, 462, прим. 21]. Это сказано со ссылкой на работу 2008 г., принадлежащую местному темрюкскому жителю В. Л. Строкину, в которой действительно встречаем аналогичное утверждение [*Строкин* 2008, 441]. Однако автор этих строк в 2011–2016 гг. ежегодно бывал в Пересыпи и всякий раз имел возможность убедиться в исправном функционировании оного гирла. Очевидно, если его исчезновение и имело место, то было временным, даже кратковременным. Иначе и быть не могло: Пересыпское гирло – единственный (и притом необходимый) сток из Ахтанизовского лимана, в который поступает кубанская вода.

λίμνην βάλλει, τὸ δὲ ἕτερον εἰς τὸν Πόντον. «А Александр Полигистор говорит, что Гипанис, разделяясь надвое, одну часть (своей воды – *И. С.*) изливает в озеро Меотиду, другую же – в Понт. Опять получаются два рукава – меотийский и понтийский, – а, стало быть, один остров. Как справедливо указывает сам В. П. Яйленко, та же традиция (один остров, два русла, Понт и Меотида) прослеживается и в орфической «Аргонавтике» [*Яйленко* 2023, 456, прим. 6], и у Плиния Старшего, и у позднеантичного грамматика Присциана [*Яйленко* 2023, 463, прим. 24].

Сложнее, по мнению этого исследователя, обстоит дело с той картиной, которая предстает перед нами со строк перипла Псевдо-Скимна. На этом тексте, безусловно, нужно остановиться с достаточной степенью детальности. Ключевым в нем является следующее место (Ps.-Scymn. 886–895 Müller):

Εἶτ’ ἔστιν Ἑρμώνασσα Φαναγόρειά τε,
ἣν Τηΐους λέγουσιν οἰκίσαι ποτέ,
καὶ Σινδικὸς λιμὴν, ἔχων οἰκήτορας
Ἕλληνας ἀπὸ τῶν ἐγγὺς ἥκοντας τόπων.
Ταύτας περιέχει τὰς πόλεις διακειμένας
νῆσος, κατὰ τὴν Μαιῶτιν ἄχρι τοῦ Βοσπόρου
χώραν ἀπολαμβάνουσα πολλὴν πεδιάδα,
ἥτις τὰ μὲν τοῖς ἕλεσι καὶ τοῖς ποταμίοις
ἀδιάβατος τοῖς τενάγεσίν τ’ ἐν τῷ πέραν,
ἃ δὲ τῇ θαλάττῃ τῇ τε λίμνῃ γίνεται.
…И Гермонасса, и Фанагория, что,
Как говорят, теосцами основана,
И Синдская есть Гавань дальше; жители
В ней – эллины, из ближних мест пришедшие.
Все эти города лежат на острове;
Вдоль Меотиды до Боспора тянется
Он; земли там обширные и ровные.
Отчасти топи, речки и разливы, что
Напротив, остров недоступным делают,
Отчасти ж – море купно с Меотидою.

Наш перевод, выполненный размером подлинника, именно ввиду своего стихотворного характера не претендуют на сугубую точность. В. П. Яйленко приводит прозаический (тем самым гораздо более буквальный) перевод, сопровождая его тщательным текстологическим анализом пассажа [*Яйленко* 2023, 457–458] и делает резонный вывод, что речь здесь идет об одном острове, представляющем собой «весь Таманский полуостров», который отделяют от материка «русла Кубани, азовское и черноморское» [*Яйленко* 2023, 458].

Казалось бы, всё ясно и вполне соответствует тому, что мы видели из вышеприведенных свидетельств. Но В. П. Яйленко привлекает для рассмотрения и еще один фрагмент Псевдо-Скимна (именно фрагмент: в этой части его перипл имеет уже только фрагментарную сохранность). Вот этот отрывок (Ps.-Scymn. 865–873):

᾽Απὸ τῶν δὲ Μαιωτῶν λαβοῦσα τοὔνομα
Μαιῶτις ἑξῆς ἐστὶ λίμνη κειμένη,
εἰς ἣν ὁ Τάναϊς
ἀπὸ τοῦ ποταμοῦ λαβὼν τὸ ῥεῦμ᾽ ᾽Αράξεως
ἐπιμίσγεθ᾽, ὡς ῾Εκαταῖος εἶφ᾽ οὑρετριεύς,
ὡς δ᾽ ῞Εφορος ἱστόρηκεν, ἐκ λίμνης τινός,
ἧς τὸ πέρας ἔστ᾽ ἄφραστον. ᾽Εξίησι δέ
δίστομον ἔχων τὸ ῥεῖθρον εἰς τὴν λεγομένην
Μαιῶτιν εἰς τὸν Κιμμερικόν τε Βόσπορον.
Там от меотов имя получившее
Лежит затем болото Меотийское.
В него же Танаис
Течет; начало от реки Аракса он
Берет, как эретриец Гекатей писал,
А по Эфору – путь его из озера,
Чей край неведом. И имеет Танаис
Два устья; к Меотиде упомянутой
Бежит он и к Боспору Киммерийскому.

Исследователь делает далеко идущие выводы: «в обоих пассажах Псевдо-Скимн имел в виду разные рукава Кубани» [*Яйленко* 2023, 459], и вот тут перед нами появляется ее рукав, явно текущий в Киммерийский Боспор. Стало быть, это третий рукав, наряду с азовским и черноморским. И он неизбежно должен делать из одного острова два. Однако всё это рассуждение основано на недоразумении, не замеченном В. П. Яйленко: в только что процитированном пассаже речь вообще идет не о Кубани. Последняя в античных источниках фигурирует под несколькими названиями: это и Гипанис, и Антикит, и Кораканда. Иногда высказывается мнение, согласно которому Кубань могла даже именоваться Фасисом [например: *Мусбахова* 2014, 93], хотя у нас это вызывает сомнения [*Суриков* 2020б, 134]. Но Танаис – это в любом случае не Кубань, а Дон, о котором, безусловно, здесь и говорится, причем говорится с большим количеством неясностей и даже несообразностей, вдаваться в которые (о каком Араксе здесь идет речь, о каком озере и т. п.) здесь не имеет смысла. Одним словом, перед нами весьма путаное место, и одним из продуктов пресловутой путаницы является, в частности, появление двух русел Дона.

Кстати, если внимательно вчитаться в текст, выявляется, что речь не идет о руслах, *одно* из которых течет в Меотиду, а *другое* – в Киммерийский Боспор. Нет, здесь *оба* русла текут *и* в Меотиду, *и* в Киммерийский Боспор. Имеем и соответствующее употребление союзов: налицо не μέν – δέ (как, например, выше у Александра Полигистора), а τε. Это, видимо, следует понимать в том смысле, что Дон (вне зависимости от количества рукавов) впадает в Меотиду, а через нее – в Боспор Киммерийский. Подобный ход мысли вполне можно допустить. Приведем хотя бы вот какую параллель: по Стефану Византийскому, Геллеспонт в древности («до Геллы») назывался Борисфеном (Steph. Byz. s. v. Βορυσθένης). Эта формулировка отражает представление, согласно которому Черноморские проливы являются продолжением Днепра после того, как он проходит через Понт

Евксинский [*Суриков* 2013, 8]. Но подчеркнем главное в нашем контексте: в рассмотренном фрагменте нет вообще никакой информации о Кубани, о ее рукавах, об острове или островах между этими рукавами, поскольку предмет фрагмента – Дон. Таким образом, противоречие, которое, исходя из выкладок В. П. Яйленко, будто бы содержится у Псевдо-Скимна, оказывается мнимым.

Двигаясь дальше (в обзоре источников мы в основном следует тому же порядку, в котором они идут в статье вышеупомянутого исследователя), неизбежно выходим на самое проблемное из свидетельств, а именно – на то, которое принадлежит Страбону; оно на протяжении многих поколений было (и, похоже, всегда останется) настоящим камнем преткновения.

Strab. XI. 494–495: Ὑπέρκειται δὲ τῆς Κορокονδάμης εὐμεγέθης λίμνη, ἣν καλοῦσιν ἀπ' αὐτῆς Κορокονδαμῖτιν· ἐκδίδωσι δ' ἀπὸ δέκα σταδίων τῆς κώμης εἰς τὴν θάλατταν· ἐμβάλλει δὲ εἰς τὴν λίμνην ἀπορρώξ τις τοῦ Ἀντικείτου ποταμοῦ, καὶ ποιεῖ νῆσον περίκλυστόν τινα ταύτῃ τε τῇ λίμνῃ καὶ τῇ Μαιώτιδι καὶ τῷ ποταμῷ. Τινὲς δὲ καὶ τοῦτον τὸν ποταμὸν Ὕπανιν προσαγορεύουσι, καθάπερ καὶ τὸν πρὸς τῷ Βορυσθένει. Εἰσπλεύσαντι δ' εἰς τὴν Κορокονδαμῖτιν ἥ τε Φαναγόρειά ἐστι πόλις ἀξιόλογος καὶ Κῆποι καὶ Ἑρμώνασσα καὶ τὸ Ἀπάτουρον τὸ τῆς Ἀφροδίτης ἱερόν· ὧν ἡ Φαναγόρεια καὶ οἱ Κῆποι κατὰ τὴν λεχθεῖσαν νῆσον ἵδρυνται εἰσπλέοντι ἐν ἀριστερᾷ, αἱ δὲ λοιπαὶ πόλεις ἐν δεξιᾷ πέραν Ὑπάνιος ἐν τῇ Σινδικῇ. «Над Корокондамой лежит очень большое озеро, называемое от этого селения Короκондамитидой. В 10 стадиях от селения озеро изливается в море. В озеро впадает какой-то рукав реки Антикита и образует остров, омываемый этим озером, Меотидой и рекой. Некоторые называют и эту реку Гипанисом подобно реке у Борисфена. При въезде в Короκондамитиду находятся значительный город Фанагория, Кепы, Гермонасса и Апатур – святилище Афродиты. Фанагория и Кепы расположены на упомянутом острове при входе в озеро с левой стороны, а остальные города – с правой, за Гипанисом в Синдской области» (перевод Г. А. Стратановского с нашими поправками).

Как бы этот запутанный пассаж ни эмендировать и ни перелицовывать (например, В. П. Яйленко предлагает несколько изменить принимаемую в изданиях пунктуацию [*Яйленко* 2023, 461], хотя это мало что дает), – в любом случае «пазл не складывается»: удовлетворительной картины местности, при которой для вплывающего (εἰσπλέοντι) в озеро (т. е. Таманский залив) Фанагория и Кепы открывались бы слева, а Гермонасса и Апатур – справа (иными словами, на противоположном берегу), да еще и в Синдике, не вырисовывается.

Правда, В. П. Яйленко утверждает, что один непротиворечивый вариант все-таки имеется: «свидетельство Страбона, что вплывающему в Короκондамитское озеро, т. е. в Таманский залив, слева открываются Фанагория да Кепы, получает объяснение только в том случае, если вплывают в залив через Субботин ерик» [*Яйленко* 2023, 487]. Однако, во-первых, даже при существовании Субботина ерика Фанагория и Гермонасса не окажутся по разные от него стороны. Во-вторых, из контекста у Страбона ясно видно, откуда у него вплывает в озеро (залив) парадигматический мореход: из Киммерийского Боспора, с запада (что соответствует общему порядку описания). Причем, войдя в залив, он вначале движется его северным берегом: непосредственно перед Корокондамой упомянут Патрей, перед ним – памятник Сатира, ассоциируемый с сопкой Горелой.

В. П. Яйленко пишет: «Периплы – это практическое руководство для мореплавателей, поэтому сведения Псевдо-Скимна да Страбона об острове точны» [*Яйленко* 2023, 464]. Стихотворный перипл (точнее, так называемый перипл) Псевдо-Скимна был адресован уж точно не мореплавателям, а царю Никомеду, как явствует из его заголовка. Он представлял собой ни в коей мере не лоцию, а типичную эллинистическую ученую поэму; сам его автор указывает (Ps.-Scymn. 16 sqq.), что образцом для него в наибольшей степени послужила другая поэма схожего рода – «Хроника» Аполлодора Афинского (II в. до н. э.; последнее по времени исследование об этом сочинении – [*Fleischer* 2020]). Что касается Страбона, его труд, – разумеется, не перипл; периплы, понятно, были в числе его источников, но наряду с колоссальным комплексом текстов иных, самых разнообразных родов и жанров – от поэм Гомера до сухих теоретических исследований Эратосфена. Притом сам Страбон в регионе Боспора Киммерийского не бывал и ввиду отсутствия аутопсии четкого представления о ландшафте этой местности не имел, а имевшиеся у него данные из разных авторов мог контаминировать (достаточно вспомнить хотя бы совершенно ни к чему приплетенную тут Синдику). Не нужно делать из его знаменитого сообщения о Тамани икону, тем более что, как было сказано выше, в нем содержатся непримиримые противоречия.

Заметим, наконец, что и Страбон говорит все-таки не об островах, а об *одном* острове. К этому можно присовокупить упоминания в эпиграфических памятниках (I–II вв. н. э.) о должности наместника острова – ὁ ἐπὶ τῆς νήσου [*Яйленко* 2023, 464]. Такая формулировка уместна только в том случае, если остров был единственным, иначе она была бы бессмысленной, требовала бы уточнения (какого острова?). Обратим внимание и на то, что в названии должности фигурирует просто νῆσος. Выходит, остров даже не имел названия? Но это тоже возможно только при отсутствии каких-либо других островов в ближних окрестностях. Причем имеем в виду отсутствие таковых не только во время составления надписей, но и ранее. Ибо, если бы в более ранние времена наличествовали два острова (так в схеме В. П. Яйленко), то они во избежание путаницы получили бы названия, а однажды данное название, как правило, не утрачивается, а удерживается.

Итак, что же мы имеем, так сказать, в сухом остатке? Иными словами, где есть эксплицитные указания на существование двух островов? Во-первых, в историческом сочинении Аммиана Марцеллина (Amm. Marc. XXII. 8. 30): prope palus est Maeotis amplissimi circumgressus, ex cuius uberrimis venis per Panticapes angustias undarum magnitudo prorumpit in Pontum, cuius in dextro latere insulae sunt Phanagorus et Hermonassa studio constructae Graecorum. «Неподалеку отсюда лежит озеро Меотида, занимающее весьма большое пространство. Много воды из ее обильных источников прорывается через Пантикапейский пролив в Понт, на правом берегу которого лежат острова Фанагор и Гермонасса, застроенные стараниями греков» (перевод Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни с нашими поправками). Притом, известно, насколько Аммиан Марцеллин небрежен в описании боспорского региона: так, Пантикапей у него омывается рекой Гипанисом.

Во-вторых, в лексиконе неоднократно упоминавшегося Стефана Византийского имеется статья «Таврика», и в ней читаем: Ταυρική, νῆσος μεγάλη καὶ λίαν ἐπίσημος καὶ πολλὰ ἔχουσα ἔθνη καὶ περικλείουσα τῇ θέσει τὴν Μαιῶτιν λίμνην. ἧς οὐ πολὺ διεστῶσα ἡ Ἀλωπεκία ἐστὶ

μικρά. τῇ δὲ Ταυρικῇ δύο παράκεινται νῆσοι, Φαναγόρα καὶ Ἑρμώνασσα. «Таврика – большой и очень знаменитый остров, населенный многочисленными племенами и своим положением окружающий озеро Меотиду. Ненамного от него отстоит маленькая Алопекия. К Таврике прилегают два острова – Фанагора и Гермонасса» (Steph. Byz. s. v. Ταυρική). О степени корректности информации об островах, содержащейся в этой статье, можно судить хотя бы по тому, что в ней островом названа Таврика (Крым), отнюдь островом не являющаяся и не являвшаяся. Наконец, вспомним об упоминании у того же Стефана о «Гермонассе, маленьком острове». Это тоже предполагает наличие второго острова на Боспоре Киммерийском, хотя слов «два острова» как таковых в тексте нет.

Резюмируем. Если традиция о двух островах вообще не является плодом недоразумения, она зафиксирована *только* для поздней античности (Аммиан Марцеллин, Стефан Византийский). Кто знает, может быть, тогда, допустим, в результате прорытия канала действительно на какое-то время возник второй остров? Но с полной ясностью можно констатировать, что от Гекатея Милетского – автора действительно раннего – никаких свидетельств о двух островах, вопреки В. П. Яйленко, мы не имеем. И это главное, что нам хотелось бы сказать в данной заметке.

Список литературы

Г*арбузов* Г. П. 2016. «Страбонов» рукав Кубани и хора Фанагории // Материалы по археологии Фанагории. 2 (Фанагория. 4). М., 34–45.

Гекатей Милетский 2021. Фрагменты. Перевод с древнегреческого и комментарий И. Е. Сурикова // Scripta antiqua. 9, 393–482

Горлов Ю. В. 2007. К изучению сельской округи Фанагории // ДБ. 11, 86–105.

З*авойкин* А. А. 2013. Образование Боспорского государства: Археология и хронология становления державы Спартокидов (БИ. Suppl. 10). Симферополь–Керчь, 592.

М*усбахова* В. Т. 2014. В поисках границы между Европой и Азией: Гекатей Милетский // Ладога в контексте истории и археологии северной Евразии / Под ред. В. Т. Мусбаховой. СПб., 75–92.

П*аромов* Я. М. 2006. Таманский полуостров в раннеантичное время (VI–V вв. до н. э.) // ДБ. 10, 365–383.

Помпоний Мела 2017. Хорография / Под общ. ред. А. В. Подосинова. М., 512.

С*трокин* В. Л. 2008. «…Синдская гавань и [одноименный] город (Strabo. XI. 2. 14) // ПИФК. 21, 437–458.

Суриков И. Е. 2013. «Геллеспонт бурнотечный» (Пролив между Эгеидой и Пропонтидой и его роль в античной истории) // ПИФК. 4, 3–44.

Суриков И. Е. 2020а. Сочинение Псевдо-Скимна в контексте античных греческих жанров перипла и периегезы // Херсонесский сборник. 21, 216–226.

Суриков И. Е. 2020б. Пространственные категории у древнейших греческих историков. II. «Азия» Гекатея и другие релевантные тексты // ПИФК. 3, 131–156.

Суриков И. Е. 2021. Первое прозаическое описание Средиземноморья: историко-географический труд Гекатея Милетского // Mare nostrum. 2, 10–50.

Суриков И. Е. 2022а. Скилак Кариандский – древнейший представитель античной дескриптивной географии? // Историческая география. 6, 149–180.

Суриков И. Е. 2022б. Данные древнейших греческих историков о регионе Боспора Киммерийского // ДБ. 27, 282–297.

Суриков И. Е. 2023а. Древнейшие греческие географы о Понте Евксинском и его окрестностях // Древнейшие государства Восточной Европы. 2023 год: Черноморский регион в античности и раннем средневековье: проблемы исторической географии. М., 13–49.

Суриков И. Е. 2023б. Возвращение Фанагора? // ДБ. 28, 383–397.

Суриков И. Е. 2024. «Праотцы истории». Древнейшие представители античной исторической науки. Т. 1: Общие вопросы. СПб, 432.

Я*йленко* В. П. 2023. Античная географическая традиция о фанагорийском острове и попытки коррекции ее буром // ДБ. 28, 455–495.

A*lganza Roldán* M. 2012. Hecateo de Mileto, “historiador” y “mitógrafo” // Florentia iliberritana. 23, 23–44.

Armayor O. K. 2004. Herodotus, Hecataeus and the Persian Wars // The World of Herodotus / Ed. by V. Karageorghis, I. Taifacos. Nicosia, 321–335.

B*ertelli* L. 2007. Hecataeus: From Genealogy to Historiography // The Historian’s Craft in the Age of Herodotus / Ed. by N. Luraghi. Oxford, 67–94.

Braun T. 2004. Hecataeus’ Knowledge of the Western Mediterranean // Greek Identity in the Western Mediterranean: Studies in Honour of B. Shefton / Ed. by K. Lomas. Leiden–Boston, 287–347.

F*leischer* K. 2020. The Original Verses of Apollodorus’ *Chronica*: Edition, Translation and Commentary on the First Iambic Didactic Poem in the Light of New Evidence. Berlin–Boston, XI, 303.

G*isinger* F. 1927. Skymnos (1) // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa. 2 Reihe, Hbd. 5: Silacenis – Sparsus / Hg. von W. Kroll, K. Mittelhaus. Stuttgart, 661–687.

H*ansen* M. H. 1997/Hekataios’ Use of the Word *Polis* in his *Periegesis* // Yet More Studies in the Ancient Greek Polis / Ed. by T. H. Nielsen. Stuttgart, 17–27.

W*est* S. 1991. Herodotus’ Portrait of Hecataeus // Journal of Hellenic Studies. 111, 144–160.

Summary

I.E. Surikov
The Taman Peninsula as "two islands", or What Hecataeus does *not* tell us (a polemical note)

According to V.P. Yaylenko, as early an author as Hecataeus of Miletus testifies existence of two islands – Phanagora and Hermonassa – in the region of the Cimmerian Bosporus. This article demonstrate that such an opinion is mistaken, for in Stephanus' item *Hermonassa* the information about Ἑρμώνασσα νῆσος μικρά is taken not from Hecataeus. Stephanus in this item cites Hecataeus only in connection with the town Hermonassa in Asia Minor.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-437-1.437-474

В. П. Толстиков
(ГМИИ им. А.С. Пушкина, г. Москва)

Храма Аполлона на акрополе Пантикапея. Новые материалы к воссозданию облика и истории

Тринадцать лет назад была опубликована моя статья, посвященная рассмотрению гипотезы о существовании храма Аполлона на Верхнем плато Первого кресла горы Митридат, то есть на территории акрополя Пантикапея. В работе был представлен ряд найденных на тот момент в ходе раскопок Боспорской экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина архитектурных деталей ионического ордера, параметры и стилистические особенности которых позволяли отнести их к колоннаде и антаблементу этого храма [*Толстиков* 2010, 277–315.].

В 2009 г., после перерыва, были возобновлены исследования на раскопе Новом Верхнем Митридатском[1], который, вскоре, стал основным местом приложения усилий нашей экспедиции. К 2024 году здесь, в непосредственной близости от предполагаемого местоположения храма Аполлона, было обнаружено еще 13 фрагментов ордерных деталей, которые по своим характеристикам могут быть отнесены к ордерной системе храма Аполлона.

Эти архитектурные находки, а также общий контекст исторической ситуации, реконструируемой на основании детального анализа суммы материалов, полученных из культурных напластований конца VI – третьей четверти V вв. до н., то есть в *Четвертый и Пятый строительные периоды* для центрального района Пантикапея [*Толстиков* 2023, 9–36], вновь делает актуальным вопрос о локализации местоположения, уточнении схемы облика храма Аполлона на Верхнем плато Первого кресла Митридатова холма и его строительной истории.

Сразу отмечу очень важный факт: если найденные раннее архитектурные фрагменты, относимые к этому храму, были обнаружены вне пределов Верхнего плато, а именно: на раскопе «У Обелиска» – на восточном склоне холма (четыре спиры и три тора – элементы баз колонн самосского варианта ионического ордера), а также на раскопе «Центральный» – на Западном плато (фрагмент сухарного фриза и обломок фриза с овами), то вновь обретенные детали, представленные в этой статье, происходят непосредственно

[1] Раскоп был разбит в 1978 году и работы на нём продолжались до 1983 года.

с территории Верхнего плато[2]. Это обстоятельство служит надежным и окончательным свидетельством того, что храм ионического ордера располагался именно здесь.

Напомню, что впервые гипотеза о существовании на акрополе Пантикапея храма Аполлона ионического ордера была опубликована в 1950 году профессором Владимиром Дмитриевичем Блаватским на основании типологического анализа трех спир (плинтов) и двух торов – составных элементов баз колонн ионического ордера, выполненных из местного керченского известняка [*Блаватский* 1950, 35]. Эти крупные архитектурные детали были обнаружены в 1945 г., в первый полевой сезон работы совместной Боспорской экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина и ГАИМК АН СССР «… недалеко от развалин памятника Стемпковского, у самого подножия наружного обрамления монумента героям, павшим в боях за освобождение Крыма…»[3], к северу от существующей трассы Большой Митридатской лестницы (рис. 1, 2).

Руководивший раскопками В. Д. Блаватский на основании особенностей профилировки справедливо отнес найденные на площади III базы колонн к самосскому варианту ионического ордера. Кроме того, тогда же, на площади II, в кладке № 9, во вторичном использовании, был обнаружен крупный обломок известняковой архитравной балки, который В. Д. Блаватский также счел возможным рассматривать как деталь антаблемента храма Аполлона, помещенного им, впрочем, в весьма широкие хронологические рамки: от второй половины VI до конца V в. до н. э. [*Блаватский* 1950, 35; 1957, 32].

Позднее, в 80-е годы прошлого века, Игорем Рубеновичем Пичикяном предпринималась попытка уточнения реконструктивной схемы фасада храма Аполлона. Сформулированные им методологические подходы и пропорциональная геометрическая схема композиции фасада не утратили своего значения и актуальности и сегодня [*Пичикян* 1984, 96–105; 257–261].

Основой для настоящего исследования служит каталог, всех, в том числе обнаруженных и опубликованных ранее [*Толстиков* 2010, 277–294], архитектурных ордерных фрагментов, которые на данный момент могут быт отнесены к храму Аполлона. Каталог снабжен графическими и фотоизображениями, а номера деталей соответствуют нумерации пунктов их находок на топографическом плане центрального района Пантикапея (рис. 1).

Рассмотрение представленных в работе архитектурных ордерных деталей производится в той последовательности, в которой осуществлялось сооружение храма в древности, то есть от баз колонн – к антаблементу.

Анализ стилистических и метрических характеристик публикуемых в каталоге баз колонн ионического ордера позволяет заключить, что все они могут быть отнесены к т. н. «самосскому» варианту. Условное деление баз на самосский и эфесский варианты принадлежит германскому археологу Арниму фон Геркану, который в основу своей классификации положил особенность профилировки спиры (плинта) – нижнего элемента базы колонны [*Gerkan* 1925, 67]. В отличие от эфесской спиры, соответствующей

[2] Четырнадцатая находка – балка архитрава № 20, была обнаружена в ходе археологической разведки А. Л. Ермолина в 2006 г. по ул. 1-я Митридатская, д. № 26, в вымостке XIX в., близь здания Керченского музея.

[3] *Блаватский В. Д.* 1945, Р-1/29, 4. Локализации места находок свидетельствует о том, что детали баз были обнаружены на раскопе «У Обелиска», а не на другом, располагавшемся южнее, раскопе «У памятника Стемковскому», как это было ошибочно указано в моей статье [*Толстиков* 2010, 277–279].

«ионической» спире Витрувия, расчлененной на два трохиля (скоции) и три пары кольцевых астрагалов (валиков) (Vitruv. III, 5, 2–3)[4], самосская спира цилиндрическая или имеет вогнутую бокову поверхность. Она может быть полностью лишена профилировки, либо её профилировка оформлена в виде системы скоций, кольцевых валиков-астрагалов с промежутками между ними.

Немецкий историк архитектуры Буркхард Везенберг, ссылаясь на наблюдение Дж. Бордмена, указывает два основных пропорциональных отношения для ионических баз VI в. до н. э., позволяющих делать вывод об их датировке. Речь идет об отношении высоты верхнего элемента базы – тора к высоте нижнего ее элемента – спиры (плинта), а также об отношении высоты спиры к ее диаметру. Он отмечал, что если в древнейших образцах баз тор и спира имеют одинаковую высоту, то в позднеархаическое время спира вдвое превышает тор по высоте [*Wesenberg* 1971, 125].

В новом обобщающем монографическом исследовании «Греческие базы колонн» (*Dirschedl* 2013, 472–473) подчеркивается, что для уточнения хронологии самосских баз архаического времени особое значение имеет следующая общая пропорция: высота спиры к нижнему диаметру спиры (H спр.: D нижн. спр.). С поздне-архаического периода для этой цели приобретает значение и отношение среднего диаметра спиры к нижнему диаметру спиры (D средн. спр.: D нижн. спр.), а также отношение верхнего её диаметра к нижнему (D верхн. спр.: D нижн. спр.).

Для пантикапейских спир **Кат. № 1** (рис. 3) мы имеем следующие пропорциональные отношения:

(H спр. : D нижн. спр.) – ~ 1 : 3,8 – 3,9

(D средн. спр. : D нижн. спр.) – ~ 1 : 1,09

(D верхн. спр. : D нижн. спр.) – ~ 1 : 1,04

На основании этих показателей, а также характера профилировки боковых сторон пантикапейская спира (**S 37**) отнесена к типу D и датируется временем около 500 г. до н. э. [*Dirschedl* 2013, 139; 171]. При этом Диршедл отмечает, что спира пантикапейских баз поразительно близка по профилировке и по пропорциям спирам с Афинского Аакрополя типа **S 34**[5] и синхронна с ними [*Dirschedl* 2013, 175].

Весьма важным для нашего исследования является тот факт, что в 2016 и 2019 гг. на раскопе НВМ были найдены обломки спир **Кат. № 15** (рис. 7), профилировка и параметры которых полностью аналогичны спирам **Кат. № 1**, обнаруженным в 1945 году.

Принадлежность двух торов – верхних элементов составных баз самосского типа **Кат. № 2** (рис. 3), к спирам-плинтам, с которыми они обнаружены на раскопе «У Обелиска» во вторичном использовании, не вызывает сомнения. Это подтверждается, в частности, тем, что диаметр тора в средней части 82,5 см равен диаметру верхней плоскости спиры, а также тем, что высота тора составляет 16,5–17 см.

Отмечу находку обломка, к сожалению небольшого, верхней части еще одной спиры **Кат. № 18** (рис. 10)**.** Он представляет собой сегмент верхнего ранта спиры с примыкающей к нему частью боковой профилировки. Измерение курватуры ранта

[4] Цитирую по: *Витрувий* 2003, 58–59.

[5] H спр.: D нижн. спр. = 1: 3,76. (*Dirschedl* 2013, Taf. 27, 4. 5)

позволило воссоздать радиус верхней плоскости тора ~ 34 см. Таким образом, диаметр верхней плоскости детали мог составлять 68 см. Диаметр на уровне средней скоции мог быть ~ 64 см, диаметр нижней плоскости ~ 70 см, а общая высота спиры ~ 20 см. Обращает на себя внимание тот факт, что верхняя часть профиля скоции, примыкающая к нижнему краю ранта, оформлена в виде каблучка, что необычно.

В **Каталоге** под **№ 10** (рис. 11) помещен полностью сохранившийся тор, максимальный диаметр которого = 68 см, диаметр нижней плоскости = 54 см, диаметр верхней плоскости = 64 см. Высота этого элемента базы = 13,5 см, боковая поверхность профилирована четырьмя скоциями, отделенными одна от другой сдвоенными валиками-астрагалами. От верхнего края скоция отделена одинарным валиком. Графическая реконструкция на Рис. 10 показывает, что обе эти детали могли составлять базу самосского варианта, общая высота которой, в таком случае, достигала 33,5–34 см.

Графическая реконструкция сохранившегося фрагмента нижней части тора **Кат. № 14** (рис. 9) дает возможность, с известной долей вероятности, воссоздать облик еще одной верхней детали составной самосской базы. Диаметр нижней плоскости ~ 36 см, при предполагаемом членении на четыре скоции, общая высота детали не менее 10 см, диаметр верхней плоскости ~ 34 см.

Еще один полностью сохранившийся тор **Кат. № 17** (рис. 12) имеет следующие параметры: диаметр нижней плоскости = 69 см; диаметр верхней плоскости = 64 см; боковая поверхность профилирована четырьмя скоциями, разделенными тремя сдвоенными валиками-астрагалами, сверху и снизу скоции обрамлены одинарными валиками.

Столь значительное количество находок элементов составных самосских баз и их фрагментов свидетельствует об активном использовании этого варианта ионического ордера во второй половине VI – первой четверти V в. до н. э. на Верхнем плато Митридатова холма, то есть на теменосе Пантикапея.

В свое время мной было высказано предположение, что план пантикапейского храма Аполлона мог быть близок к сохранившемуся и археологически исследованному плану архаического периптера на нижней террасе в Миусе [*Толстиков* 2010, 304]. На этом плане (рис. 17. *1*) [*Weber,* 196, 128–143. 133 Abb. 2. Unterer Tempel. Grundriß. Rekonstruktion] представлены основания двух колонн, установленных в центральной части проема между антами пронаоса и визуально фланкировавших дверной проем, ведущий в наос. Эти колонны и, соответственно, их базы имели меньшие размеры, чем колонны, образовывавшие птеру храма (рис. 18. 2).

Нижние (максимальные) диаметры баз колонн предполагаемой птеры пантикапейского храма нам известны = 86,5 см, в таком случае две меньшие колонны, использованные во входной группе, вполне могли опираться на базы с торами и спирами меньшего диаметра ~ 77–80 см.

Помимо этого, можно сделать вывод, что еще какие-то синхронные храму Аполлона или даже несколько предшествовавшие ему по времени сакральные постройки меньших размеров, расположенные на теменосе, также были сооружены с использованием самосского варианта ионического ордера.

Представление о характере профилировки стволов колонн храма Аполлона может дать фуст (барабан) **Кат. № 8** (рис. 13), обнаруженный в группе архитектурных дета-

лей № 16, впущенной в слой второй половины III – начала I в. до н. э.[6] Диаметр фуста = 61,5 см, высота = 24,8 см. Боковая поверхность фуста расчленена на 20 каннелюр, разделенных между собой плоскими дорожками шириной 2,8 см. Выкружка каннелюры примерно соответствует 1/3 окружности радиусом ~ 4,5 см. Конечно, нельзя с полной уверенностью утверждать, что этот фуст принадлежит именно птере храма Аполлона, однако, учитывая, что основание нижнего барабана колонны, который монтировался непосредственно на верхнюю плоскость тора было снабжено профилем в виде полувалика с гуськом, диаметр нижнего фуста должен был быть равен ~ 62 см. В таком случае на него мог опираться либо рассматриваемый фуст, либо аналогичный ему.

Что касается капители, венчавшей колонну периптера храма, то, к сожалению, за прошедшие годы новых фрагментов обнаружено не было. В реконструктивной схеме по-прежнему используется фрагмент эхина с угловой пальметтой **Кат. № 4** (рис. 5). Поскольку обоснования к предлагаемой реконструктивной схеме капители были даны ранее [*Толстиков* 2010, 285–289. Рис. 6, 7][7], приведу лишь основные предполагаемые параметры этой детали: длина по фасадным сторонам ~ 110 см, высота ~ 44 см; диаметр нижней плоскости эхина ~ 60 см. Верхний край верхнего фуста колонны, на плоскости которой покоилась капитель, также был снабжен профилем в виде полувалика, и должен был иметь диаметр ~ 63 см, а диаметр самого фуста не мог превышать 56–58 см.

По-видимому, справедливо высказанное ранее предположение, что антаблемент храма, помимо симы с водосливами[8], состоял из трех основных элементов: архитрава, ряда ов и ряда сухариков-дентикул, а такой элемент как фриз, обычный для более поздних построек ионийского ордера, отсутствовал. [*Пичикян* 1984, 168].

Среди дошедших до нашего времени деталей антаблемента наиболее многочисленны в количественном отношении фрагменты архитрава. Помимо блока, обнаруженного в 1945 году **Кат. № 3** (рис. 4), в нашем распоряжении к настоящему времени имеется небольшой обломок **Кат. № 9** (рис. 4), еще один крупный фрагмент **Кат. № 13** (рис. 4) и полностью сохранившаяся балка с утраченным левым нижним углом **Кат. № 20** (рис. 4). Профилировка всех фрагментов архитравных балок идентична: лицевые плоскости обработаны тщательной отеской. Верхние их края украшены карнизом, состоящим из полочки высотой 4 см, под которой помещен каблучок высотой 7,5 см. Основная часть фасадной плоскости расчленены на три горизонтальные фасции, из которых верхняя имеет высоту 20,5–21 см, средняя – 18,7–19,5 см, нижняя – 15,5–16,5 см. Фасции отделены одна от другой уступами, высота которых не превышает 0,5 см. Общая высота архитравных блоков составляет 68,2 см; глубина верхней плоскости от 27,5 до 20 см. На блоке **Кат. № 3** вдоль внешнего края верхней плоскости проходит кант шириной 5–5,5 см, выполненный чистовой отеской, а остальная плоскость обработана более грубой отеской, то есть на этом фрагменте применен анафирозис. На верхних плоскостях балок архитрава имеются Г-образные крепежные гнезда для пиронов.

[6] Из этих вторично использованных деталей была сооружена ступенчатая конструкция, подводившая к детскому погребению раннесредневекового времени.

[7] В реконструктивную схему капители, представленную в данной статье на рис. 5, внесены некоторые коррективы.

[8] О сохранившейся части водослива в виде головы льва см. [*Толстиков* 2010].

Средний уровень антаблемента был оформлен рядом ов, фрагменты которых **Кат. № 7** и **Кат. № 16** представлены на рис. 6.

На фрагменте **Кат. № 7** под полочкой прямоугольного сечения высотой 7 см расположены овы, обрамленные валиками с центральными ребрами и отделенные одна от другой ланцетовидными стрелками с центральными ребрами. Валики, обрамляющие овы и концы стрелок, представленных на полную высоту, доходят до нижней границы плиты. Высота ряда ов = 19 см, общая высота детали = 26 см. На верхней плоскости сохранились Г-образные крепежные гнезда для пиронов.

На фрагменте **Кат. № 16** полочка отсутствует, овы выполнены глубокой порезкой и имеют сильно выпуклую поверхность, с заметным сужением к нижней части; обрамляющие их валики снабжены центральным ребром и разделены вертикальными язычками-стрелками ромбической формы также с центральными ребрами, представленными на полную высоту. Овы опираются на рельефный ряд овальных жемчужин, чередующихся со сдвоенными биконическими вертикальными «шайбочками» с острыми ребрами. Общая высота рельефа = 20,5 см. Приведенные стилистические особенности позволяют отнести его к середине V в. до н. э.

Третий – верхний ярус антаблемента был оформлен рядом сухариков-дентикул. Этот ярус, также как и предыдущий, представлен двумя группами деталей, а именно: фрагментом без жемчужника – **Кат. № 6** (рис. 7) и фрагментами с жемчужником – **Кат. № 5**, **Кат. № 11**, **Кат. № 12** (рис. 8).

Фрагмент с сухариками-дентикулами **Кат. № 6** снабжен полочкой прямоугольного сечения высотой = 8 см и прямоугольными сухариками высотой = 17 см. Ширина фасадных плоскостей сухариков = 12,3–12,5 см, ширина промежутков между ними = 13–13,5 см, глубина = 13 см.

Фрагмент **Кат. № 5** – сохранившаяся почти целиком (утрачен правый задний угол) плита, на фасадной стороне которой расположена полочка прямоугольного сечения, верхний лицевой край которой декорирован жемчужником, под ней 4 сухарика-дентикула. Высота жемчужника = 3 см, высота полочки общая = 9 см, высота сухариков = 16 см, ширина = 12,5–13 см, глубина = 14 см, ширина промежутков между дентикулами = 12,5 см. Небольшие фрагменты **Кат. № 11** и **Кат. № 12** имеют идентичные параметры элементов декора и, следовательно, принадлежат архитраву антаблемента той же постройки.

То, что все три уровня декора антаблемента выполнены не в едином блоке, а отдельно свидетельствует, прежде всего, о значительных размерах сооружения (рис. 18. *1*).

Приведенные выше данные указывают на то, что до нас дошли фрагменты антаблементов монументальных построек ионического ордера практически идентичных по размерам, но несколько отличающихся по элементам декора. Более того, сопоставление такого достаточно показательного для датировки элемента декора как овы выявляет некоторые различия, а именно: овы на детали **Кат. № 7** более широкие, массивные, а овы на фрагменте **Кат. № 16 –** более узкие. Наличие жемчужника также позволяет отнести элементы антаблемента, которые он украшает, к несколько более позднему времени, скорее всего – к середине V в. до н. э.

Как найти ответ на этот, вытекающий из сопоставления и анализа имеющихся архитектурных деталей, вопрос? Первое, лежащее на поверхности допущение, что на те-

меносе Пантикапея сосуществовали два практически идентичных по размерам храма, выполненных в самосском варианте ионического ордера. При этом придется исходить из того, что периптер, посвященный Аполлону Врачу, был возведен, к примеру, между 500 и 495 гг., параллельно со вторым периптером, посвященным, например, Артемиде. Такое предположение не выдерживает критики не только потому, что пантикапейская община вряд ли была в состоянии оплатить и организовать две столь масштабные единовременные строительные программы. Предположение же о последовательном возведении таких храмов вообще неприемлемо, прежде всего, потому, что военно-политическая ситуация в период между 490 и 480 гг. не способствовала мирному строительству. [*Толстиков* 2023, 9–36]. В относительно стабильный период между 515 и 490 гг. до н. э., соответствующий *Фазе 1 и Фазе 2 Четвертого строительного периода,* когда на Западном плато был создан общественный центр с толосом и многокамерными зданиями, могло быть начато и возведение на теменосе Верхнего плато только одного периптериального храма, посвященного Аполлону. Не случайно, что пропорциональные отношения элементов баз колонн храма и особенности их профилировки указывают на дату около 500 года.

В силу сказанного и исходя из фиксируемых археологически свидетельств разрушений и локальных пожаров как на Западном плато, так, как теперь очевидно, и в пределах Верхнего плато вершины Первого кресла Митридата, приходящихся на *Фазу 3 Четвертого строительного периода*, есть все основания полагать, что около 480 г. имело место нападение царских скифов, причем предпринятых защитниками Пантикапея спешных оборонительных мер оказались недостаточно для его отражения. Скифы, судя по всему, проникли на обороняемую территорию акрополя и в пределы теменоса на Верхнем плато. Расположенные здесь алтари и святилища с хранившимися в них с третьей четверти VI в. до н. э. вотивами и посвящениями богам были повреждены, в результате чего образовался слой сброса, содержащий обломки керамики с граффити, фрагменты терракот и вотивных рельефных пинак, а также и мраморный храмовый трехсекционный светильник **Кат № 20** (рис. 13). По-видимому, именно с этими обстоятельствами связано и зафиксированное впервые присутствие в слоях первой половины V в. до н. э. на Верхнем плато, на территории акрополя Пантикапея, предметов, декорированных скифским звериным стилем [*Канторович, Толстиков, Шкурова* 2019, 7–31]. Храм Аполлона к этому моменту мог быть уже сооружен, либо его возведение находилось в завершающей стадии. В любом случае и эта главная святыня Пантикапейского полиса, а может быть и всего эллинского Боспора, не избегла печальной участи.

480/479 гг. до н. э. и следующее десятилетие, на которое приходится *Пятый строительный период,* знаменуются приходом к власти Археанактидов [*Шелов-Коведяев* 1985, 70–82] или некоей авторитарной группы лиц, которым пришлось возглавить повторно основанный ими полис [*Шелов-Коведяев, Толстиков* 2014, 452–504]. Процесс этот, скорее всего, совпал с предполагаемым периодом так называемого «протектората» царских скифов [*Толстиков* 2023, 30]. *Фазу 1* этого строительного периода характеризуют фиксируемые археологически признаки стагнации: значительные участки застройки центрального района находятся в руинированном состоянии, в некоторых случаях над руинами зданий, перекрытыми слоями разрушения и сбросов, возводятся постройки

низкого качества, в других пунктах очевиден возврат населения к использованию примитивных, заглубленных в грунт временных жилищ.

При этом говорить об общем экономическом упадке Пантикапея нет оснований. Именно в эти годы, после небольшой паузы, возобновляются выпуски полноценного пантикапейского серебра, причем более высокого художественного уровня и в новой весовой системе (тип VI по классификации Н. А. Фроловой) [*Коваленко, Толстиков* 2010, 46]. Отсутствуют также и признаки нарушения торгово-экономических связей Пантикапея с Афинами и Эгеидой. Можно предположить, что около середины V столетия значительное количество ресурсов полиса было направлено на возрождение главной святыни – храма Аполлона. Возможно, именно в этом следует искать одну из причин временной стагнации жилой застройки в центральном районе Пантикапея.

Именно под этим углом зрения следует рассматривать и наличие двух одинаковых по своим размерам, но несколько отличающихся по орнаментации, групп деталей антаблементов. По-видимому, здание храма пострадавшее в результате конфликта со скифами, не менее 20 лет оставалось в руинированном состоянии. Весомым аргументом в пользу того, что восстановление и частичная реконструкция храма могли быть начаты около середины V в. до н. э. может служить капитель аттического типа ионического ордера **Кат. № 19**, обнаруженная в 1979 г. на раскопе НВМ. Эта ордерная деталь оказалась использованной вторично в основании кладки подпорной стены одной из террас святилища Артемиды-Гекаты, существовавшего во второй половине II в. до н. э. [*Толстиков* 1987, 88–114. *Толстиков* 2017, 41–42; 308, табл. 70]. Следует отметить, что по своим характеристикам эта капитель может быть помещена в число первых в типологическом ряду классических капителей аттического варианта, истоки которого восходят к разработанной еще в эпоху архаики в Афинах капители, практически лишенной рельефных элементов, но украшенной полихромным, оконтуренным гравировкой орнаментом. Именно отсутствие глубокой порезки, создающей рельефные элементы декора, отличает аттический тип от капителей других областей Эллинского мира и прежде всего Малой Азии.

Пантикапейская капитель, согласно классификации, предложенной американской исследовательницей, специалистом в области греческой архитектуры Люси Шу Меритт [*Meritt* 1996, 121–174, fig. 20, 21], может быть отнесена к типу II, представленному, в частности, двумя великолепными мраморными капителями с полихромной росписью с Афинской агоры, датированными началом третьей четверти V в. до н. э. (рис. 15).

Следует отметить, что пантикапейская капитель выполнена из местного известняка, что обусловило, по-видимому, меньший вынос краев волют относительно польстеров, что придало самим польстерам более близкую к цилиндру форму. Боковая поверхность эхина декорирована не рельефными овами, а овами и разделяющими их листовидными стрелками, выполненными контурной гравировкой, в которой, местами, заметны следы красной краски. По центрам польстеров размещены четыре пояска-балтеуса, также не рельефные, но нанесенные красной краской. Угловые пальметты выполнены в виде нерасчлененных рельефных лопастей, округлых снизу и слегка изогнутых вверх. Несомненно, что лепестки пальметт, как и другие элементы декора, были изо-

бражены краской на поверхностях этих лопастей[9]. Длина пантикапейской капители по фасадной стороне = 95 см и, что особенно важно, диаметр нижней плоскости эхина = 60 см. Диаметр этой капители совпадает с диаметром реконструированной мной по обломку эхина более ранней капители **Кат. № 4**. Такое совпадение диаметров допускает возможность использования таких капителей нового типа **Кат. № 19** для замены более архаичных капителей типа **Кат. № 4.**

Предположение о замене такого рода высказывалось мной и ранее [*Коваленко, Толстиков* 2010, 47–48. *Толстиков* 2011, 165–167], однако существовала серьезная проблема: сомнение относительно возможности использования в ордерной системе одного и того же здания баз самосского варианта и капителей аттического варианта ионического ордера.

После выхода в свет цитированной выше монографической работы Диршедл это сомнение перестает быть актуальным. Известны примеры сочетаний такого рода как для архаического, так и для классического периодов [*Dirschedl* 2013, 147–148, Taf. 28. 5 S. 41].

В предполагаемом случае восстановления и частичной реконструкции храма Аполлона, учитывая объем материальных затрат, необходимых для осуществления этой строительной акции, вполне могло быть принято решение о максимальном использовании сохранившихся и пригодных элементов конструкции здания в целях экономии средств. Детали антаблемента и капители, которые могли наиболее сильно пострадать при разрушении храма были заменены на новые, отражавшие достижения, прежде всего аттической ордерной архитектуры, современные периоду реконструкции. Не исключено, что некоторые изменения мог претерпеть и план периптера (рис. 18. 2).

Учитывая традиционные экономические, культурные и религиозные связи Пантикапея с Афинами[10], а также тот статус и роль, которые после успешного отражения персидского вторжения приобрел этот полис, возглавивший в 478/477 г. до н. э. Делосский морской союз, можно предположить, что для участия в реконструкции храма Аполлона мог быть приглашен аттический архитектор. Под его руководством пантикапейскими мастерами-каменщиками из местного материала могли быть выполнены необходимые детали и прежде всего – капители нового типа. В результате обновленный периптер, оставаясь в прежних размерах и с сохранением прежних самосских баз птеры, получил несколько видоизмененный, облегченный и более нарядный антаблемент, опирающийся на аттические капители (рис. 18. 2).

Завершая изложенную на этих страницах архитектурно-историческую реконструкцию, хочу еще раз обратиться к гипотезе, высказанной в 1984 г. Ю.Г. Виноградовым относительно времени начала чеканки и причин эмиссии монет с легендой АПОЛ. Юрий Германович рассматривал эти серии серебра как эмиссию конфедерации боспорских полисов, объединившихся перед угрозой скифской экспансии в союз типа симмахии и амфиктионии под эгидой верховного божества боспорских эллинов Аполлона

[9] Указанные особенности, так сказать, «удревняют» пантикапейскую капитель, приближая ее датировку к середине V столетия.

[10] Обращает на себя внимание, в частности, отмеченная выше, близость по профилировке и по пропорциям спир пантикапейского храма Аполлона к синхронным спирам с Афинского Аакрополя типа **S 34** [*Dirschedl* 2013, 175]. См. также [*Агафонов, Муратова* 2023, 37–54].

Врача, сооружение храма которого на акрополе Пантикапея приходилось, по мнению автора гипотезы, на вторую четверть V в. до н. э. [*Толстиков* 1984, 47, прим. 95].

Накопленные за прошедшие 40 лет раскопок Боспорской экспедиции ГМИИ им. А. С. Пушкина данные, в том числе и изложенные в этой работе, ставят под сомнение правомерность такой гипотезы [см. *Толстиков* 2023, 9–36]. Как было представлено выше, храм Аполлона был сооружен не во второй, а в первой четверти V столетия, а во второй четверти – около 480 г., скорее всего, вместе с другими сакральными постройками пантикапейского теменоса, подвергся разрушению. Если гипотетическая попытка союза боспорских полисов, включая Пантикапей, и имела место, то вряд ли её можно считать успешной и эффективной. Археологическими свидетельствами тому служат следы пожаров и разрушений в подавляющем большинстве боспорских центров по обеим сторонам пролива. В то же время, предполагаемые мероприятия Археанактидов (или группы лиц, заново основавших полис) по восстановлению и частичной реконструкции главного храма Пантикапея должны были потребовать серьезных затрат на закупку строительных материалов и оплату труда значительного числа специалистов и подсобных рабочих. Именно и прежде всего для этих целей могла быть предназначена эмиссия серебра с легендой АПОЛ.

О дальнейшей судьбе храма Аполлона можно лишь строить предположения. Несомненно, что периптер функционировал и в IV в. до н. э. На это определенно указывают дошедшие до нас посвятительные надписи (*КБН* 6, 10).

* * *

КАТАЛОГ АРХИТЕКТУРНЫХ ОРДЕРНЫХ ДЕТАЛЕЙ И ИХ ФРАГМЕНТОВ

№ 1. СПИРЫ (ПЛИНТЫ) – НИЖНИЕ ЭЛЕМЕНТЫ СОСТАВНЫХ БАЗ КОЛОНН САМОССКОГО ВАРИАНТА ИОНИЧЕСКОГО ОРДЕРА**.** Рис. 3.

*Материал: и*звестняк (золотистый брекчиевы. Grabungй меотис).

Место хранения: Лапидарий ВКИКМЗ, инв. № 2264; 2266.

Происхождение: гора Митридат. Раскоп «У Обелиска». Площадь III.

Сохранность: многочисленные сколы и утраты по краям и поверхности; потертости и загрязнения

Спира (плинт) – нижний элемент составной базы колонны самосского варианта ионического ордера высотой 22,8 см. Имеет усеченно-коническую форму в следствие легкого сужения кверху: максимальный диаметр нижней плоскости равен 86,5 см, максимальный диаметр верхней плоскости 82 см. В центре верхней плоскости спиры расположено гнездо ромбической в плане формы (9×9 см), глубиной до 4 см, служившее для крепления верхнего элемента базы – тора.

Боковая поверхность спиры вогнута и горизонтально расчленена на три скоции, из которых лишь средняя – меньшая, высотой 3 см, имеет профиль в виде сегмента окружности. Верхняя и нижняя скоции профилированы как сложные лекальные кривые и имеют высоту 3 и 4 см, соответственно. Средняя скоция отделена от верхней и нижней сдвоенными полуваликами-астрагалами, общей высотой 1,8 см. Верхняя скоция, в свою

очередь, отделена от верхнего канта спиры одинарным полуваликом. Нижняя скоция на границе с нижним кантом базы такого валика не имеет. По периметру края нижней плоскости спиры идет кольцевая фаска, шириной 3–4 см, выполненная со скосом вниз, от внешнего края детали, под углом около 18^0. Эта фаска предназначалась как для разгрузки хрупких краев базы, так и для предотвращения их скалывания при монтаже детали. Боковые профилированные поверхности спир выполнены чистовой отеской с исключительной тщательностью. Судя по всему, при изготовлении детали применялась разновидность токарного станка.
Датировка: около 500–480 гг. до н. э.

№ 2. ТОРЫ – ВЕРХНИЕ ЭЛЕМЕНТЫ СОСТАВНЫХ БАЗ КОЛОНН САМОССКОГО ВАРИАНТА ИОНИЧЕСКОГО ОРДЕРА. Рис. 3.
*Материал: и*звестняк (золотистый брекчиевый меотис).
Место хранения: 1 экз. в ГМИИ им. А. С. Пушкина, НВФ.
1 экз. в Лапидарии ВКИКМЗ, инв. № 2265.
Происхождение: гора Митридат. Раскоп «У Обелиска». Площадь III.
Сохранность: многочисленные сколы и утраты по краям и поверхности; потертости и загрязнения; экземпляр, хранящийся в ГМИИ, разбит на части.

Этот верхний элемент составной базы колонны имеет максимальный диаметр в средней части 82,5 см, то есть равный диаметру верхней плоскости спиры. Диаметр верхней его плоскости составляет 73,5 см; в центральной ее части расположено крепежное гнездо 9×9 см глубиной до 4 см. Диаметр нижней плоскости тора равен 68 см; в ее центре также имеется аналогичное крепежное гнездо. Общая высота тора 16,5–17 см. Его боковая поверхность расчленена на четыре горизонтальные скоции шириной по 2,5–3 см, имеющие в сечении вид сегментов окружности и отделенные одна от другой сдвоенными полуваликами-астрагалами шириной 1,5 см.
Датировка: около 500–480 гг. до н. э.

Как было отмечено, наряду с базами на том же раскопе на площади II, также во вторичном использовании (в кладке № 9), был найден фрагмент архитравной балки. Считаю целесообразным привести еще раз уточненное описание и параметры этого фрагмента.

№ 3. АРХИТРАВНАЯ БАЛКА ИОНИЧЕСКОГО ОРДЕРА ФРАГМЕНТИРОВАННАЯ. Рис. 4.

Архитравная балка с рельефным профилем в виде полочки и каблучка вдоль верхнего края и темя горизонтальными фасциями по фасадной стороне. Полностью аналогична **Кат. №№ 9; 13; 20.**
*Материал: и*звестняк (золотистый брекчиевый меотис).
Место хранения: ГМИИ им. А. С. Пушкина, НВФ.
Происхождение: гора Митридат. Раскоп «У Обелиска». Площадь II.

Фрагмент архитравной балки, обломанной с обеих торцевых сторон. Максимальная сохранившаяся длина верхней отесанной плоскости составляет 58,6–59 см, нижней – 78 см. Боковые торцовые поверхности образованы сколами, следы регулярной

отески на них отсутствуют[11][12]. Лицевая плоскость обработана очень тщательно. Верхний ее край украшен рельефным профилем, состоящим из полочки высотой 4 см, под которой помещен каблучок высотой 7,5 см. Остальная плоскость архитрава расчленена на три горизонтальные фасции, из которых верхняя имеет высоту 20,5 см, средняя – 18,7 см, нижняя – 15,5 см. Фасции отделены одна от другой уступами, высота которых не превышает 0,5 см. Общая высота блока составляет 68,2 см; глубина верхней плоскости у правого края равна 25,5 см, у левого – 26,5 см. Вдоль внешнего края верхней плоскости блока проходит кант шириной 5–5,5 см, выполненный чистовой оттеской; остальная плоскость обработана более грубой теской, то есть здесь применен анафирозис. На верхней плоскости, у правого края фрагмента, сохранилась часть Г-образного крепежного гнезда для металлического пирона длиной 16 см. Гнездо расположено перпендикулярно к продольной оси блока и имеет сечение 2,5×2,5 см. Очевидно, что пирон предназначался для крепления второго параллельно располагавшегося архитравного блока. Глубина нижней плоскости блока у правого края равна 19 см, у левого – 21 см.

Сохранность: утрачены значительные части блока; грубые сколы на боковых торцевых поверхностях; мелкие сколы по карнизу и лицевой поверхности.

Датировка: около 500–480 гг. до н. э.

№ 4. ЭХИНА КАПИТЕЛИ ИОНИЧЕСКОГО ОРДЕРА ФРАГМЕНТ. Рис. 5.

*Материал: и*звестняк (золотистый брекчиевый меотис).

Происхождение. Митридат 1953 год. Раскоп Верхний Митридатский. Площадь XIII, штык 11.

Место хранения: ГМИИ им. А. С. Пушкина. Инв. № М-арх 696.

Размеры: длина по фасадной стороне – 16 см, высота – 16 см; толщина – 6 см.

Сохранность: сохранилась одна ова, а также большая часть обрамляющего ее правого валика с примыкающим разделительным вертикальным стержнем и фрагментом левого обрамления следующей, несохранившейся, овы. У разделительного стержня утрачено остриё нижнего завершения (примерно, 1 см первоначальной высоты). С левой стороны овы сохранился небольшой обломок валика, обрамлявшего край волюты, на поверхности которого лежит нижний лепесток угловой пальметты.

Особенности рельефного декора и профилировки фрагмента определенно позволяют заключить, что он является обломком крупной ионической капители, а именно фасадной частью эхина с угловой пальметтой, оформлявшей пункт соединения правой валюты с кимой эхина, декорированной овами. Первоначальная надежно восстанавливаемая высота кимы с овами, разделенными стержнями равнялась 17 см. Верхняя граница фрагмента, совпадающая с верхней гранью эхина, имеет характерную горизонтально отесанную плоскость, примыкавшую к нижней границе утраченного канала волюты.

[11] Приведу в этой связи лишь один, поистине уникальный пример. Речь идет о находках граффито и терракоты, посвященных Афине-Эргане. [*Агафонов, Муратова* 2023, 37–54].

[12] На чертеже в публикации В. Д. Блаватского этот фрагмент представлен таким образом, что создается впечатление наличия на правом торце блока регулярно отесанной вертикальной плоскости [*Блаватский*, 1957, 30, рис. 16].

Все сказанное позволяет надежно реконструировать высоту эхина, а также его общую конфигурацию. Измерение курватуры в максимально выпуклой части фрагмента позволило воссоздать первоначальный диаметр эхина, равный 66 см. В таком случае, диаметр нижней плоскости эхина мог составлять 60 см. Такой вывод позволяет сделать измерение в пункте проекции на несохранившемся конце разделительного стержня, располагавшемся как раз на внешней границе нижней плоскости эхина. Реконструируемая ширина фасадной части кимы, декорированной четырьмя овами с тремя разделительными стержнями между ними, составляет, примерно, 45 см. В таком случае общая ширина капители по фасадной стороне могла достигать 110–112 см при общей ее высоте 45–47 см[13].

Отдельного рассмотрения заслуживает такой важный элемент декора капители как угловая пальметта. Обращает на себя внимание моделировка ее лепестков: все семь лепестков имеют ланцетовидную форму с заостренными концами. Они плотно прилегают друг к другу, образуя единый блок. Центральный лепесток имеет наибольшую длину, длина лепестков, расположенных по сторонам от него постепенно уменьшается. Все лепестки пальметты лишены даже намека на изгиб – они совершенно прямые, с едва намеченными продольными ребрами в центре. Пальметта частично прикрывает ову, с округлым нижним завершением, обрамленную валиком, также снабженным центральным ребром. Сохранился, как было сказано, и разделительный стержень между овами, и примыкающая к нему часть обрамления соседней овы. Стержень также имеет ланцетовидную форму, снабжен продольным ребром и выступает между овами на всю свою высоту. Пальметта выполнена в низком рельефе, ова и стержень моделированы порезкой глубиной до 2–3 см, исполненной с высокой тщательностью. [*Толстиков* 2010, 285–287; 299, рис. 14].

Датировка: около 500–485 гг. до н. э.

№ 5. ПЛИТА ФРИЗА С ДЕНТИКУЛАМИ (СУХАРИКАМИ) И ЖЕМЧУЖНИКОМ. Рис. 8.

*Материал: и*звестняк (золотистый брекчиевый меотис).

Происхождение. Митридат 1981 год. Раскоп Центральный. Квадрат 88.

Место хранения: Лапидарий ВКИКМЗ. Инв. № 2270.

Размеры: длина по фасадной стороне – 95 см, по тыльной стороне – 97 см; высота – 25 см; глубина – 53,5 см.

Сохранность: Многочисленные сколы и утраты по краям и поверхностям. Значительный скол на полочке с жемчужником с левой стороны; сколота часть жемчужника на правой стороне полочки. Утрачена правая угловая часть тыльной стороны плиты.

Поверхность фриза выполнена с применением очень тщательной отески. Фриз разделен на две горизонтальные зоны: верхняя образована полочкой высотой 9 см, вдоль верхнего края которой идет фриз жемчужника высотой 3 см. Нижняя зона декорирована сухариками прямоугольных очертаний, чередующимися с прямоугольными

[13] За основу реконструктивной схемы пантикапейской капители принята капитель из Милета, графически воссозданная В. Кёнигсом на основании сохранившегося фрагмента – волюты с частью канала и абака. [*Koenigs* 1979, 187–192, inv. № 2285, Beilage 5. № 2].

углублениями-промежутками. Высота сухариков-дентикул – 16 см, длина по фасадным сторонами 12,5–13 см, глубина – 14 см. Всего на фризе имеются четыре полных сухарика и три с половиной промежутка между ними. Ширина полных промежутков 12,5, ширина половинного промежутка, расположенного на правом крае плиты – 7 см. Полочка выступает за границу лицевых плоскостей сухариков на 1 см.
Датировка: около 450 г. до н. э.

№ 6. ПЛИТЫ ФРИЗА С ДЕНТИКУЛАМИ (СУХАРИКАМИ) ФРАГМЕНТ. Рис. 7.
*Материал: и*звестняк (золотистый брекчиевый меотис).
Происхождение: Митридат 1982 год. Раскоп Центральный. Квадрат 88, из слоя выборки камня первых веков н. э.
Место хранения: ГМИИ им. А. С. Пушкина, НВФ.
Размеры: длина по фасадной стороне – 83 см, высота – 25 см; глубина – 58 см.
Сохранность: обломок плиты, со сколами на торцевых сторонах. Многочисленные сколы и утраты по краям и фасадной поверхностям. Тыльная сторона плиты утрачена.

Всего на обломке фриза полностью сохранились отрезок полочки, три сухарика и три промежутка между ними. Фриз выполнен очень тщательной отеской. Он разделен на две горизонтальные зоны: верхняя образована полочкой высотой 8 см, выступающей за границу лицевых плоскостей сухариков на 1 см, нижняя декорирована сухариками прямоугольных очертаний, чередующимися с прямоугольными углублениями-промежутками. Высота сухариков-дентикул – 17 см, длина по фасадным сторонами 12,3–13,5 см, глубина – 13 см. Ширина промежутков от 13 до 13,5 см.
Датировка: около 500 – 480 гг. до н. э.

№ 7. ПЛИТЫ С ФРИЗОМ ОВ АНТАБЛЕМЕНТА ИОНИЧЕСКОГО ОРДЕРА ФРАГМЕНТ. Рис. 6.
Материал: известняк (золотистый брекчиевый меотис).
Происхождение: Митридат 2010. Раскоп Новый Верхний Митридатский. Квадрат 37. Из слоя 2-й половины III – начала I вв. до н. э.
Место хранения: Лапидарий ВКИКМЗ. Инв. № КЛ-2562.
Сохранность: фрагмент лицевой стороны фриза, на котором сохранились две овы полностью и две частично. Венчающая фриз полочка сильно повреждена сколами. Одна из сохранившихся ов также имеет скол на поверхности. На верхней плоскости плиты, обработанной грубой отеской, сохранилась часть паза для крепления, а также два Г-образных крепежных пирона.
Размеры: высота фриза ов на фасадной поверхности плиты выполнен тщательной отеской и шлифовкой и равна 19 см. Глубина порезки 2,5–3 см. Фриз разделен на два горизонтальных яруса: верхний образован прямоугольной в сечении полочкой высотой 7 см, нижний декорирован рельефным фризом ов, каждая из которых обрамлена валиком с центральным ребром. Высота ов 19 см. Они разделены вертикальными стрелками ланцетовидной формы, в центре каждой из которых также имеется ребро. Валики, обрамляющие овы и концы стрелок доходят до нижней границы фриза.
Датировка: около 500–480 гг. до н. э.

№ 8. БАРАБАНА (ФУСТА) КОЛОННЫ ИОНИЧЕСКОГО ОРДЕРА ФРАГМЕНТ. Рис. 13.

Материал: известняк (брекчиевый меотис).
Происхождение: Митридат 2010. Раскоп НВМ. Квадрат 37. Из группы архитектурных деталей № 16, впущенной в слой 2-й половины III – начала I вв. до н. э.
Место хранения: Лапидарий ВКИКМЗ. Передан по Коллекционной описи № 102.
Сохранность: утрачена треть барабана, расколот на две части. Сколы, потертость поверхности.
Размеры: диаметр 61,5 см; высота 24,8 см.
Боковая поверхность фуста расчленена на 20 каннелюр, разделенных между собой плоскими дорожками шириной 2,8 см. Выкружка каннелюры примерно соответствует 1/3 окружности диаметром 9 см.
Датировка: около 500–480 гг. до н. э. (?)

№ 9. АРХИТРАВНОЙ БАЛКИ ИОНИЧЕСКОГО ОРДЕРА ФРАГМЕНТ. Рис. 4.

Архитравной балки верхней части фрагмент с профилем в виде полочки и каблучка по верхнему краю. Из трех фасций, членивших фасадную сторону блока, на всю высоту сохранилась часть верхней фасция и небольшой обломок средней фасции.
Обломок представляет собой часть архитравной балки, аналогичной по своим параметрам и профилировке № 3; 13; 20.
Материал: известняк (брекчиевый меотис).
Происхождение: Митридат 2010. Раскоп НВМ. Квадрат 37. Из группы архитектурных деталей № 16, впущенной в слой 2-й половины III – начала I вв. до н. э.
Место хранения: Лапидарий ВКИКМЗ. Передан по Коллекционной описи № 105.
Сохранность: утрачена большая часть детали.
Размеры: высота обломка 40 см; длина 36,5 см; глубина 27,5 см.

Лицевая плоскость обработана очень тщательно. Верхний ее край украшен рельефным профилем, состоящим из полочки высотой 4 см, венчающей каблучок высотой 7,5 см. Остальная плоскость представляет собой часть верхней горизонтальной фасции, высота которой равна 20,5 см.
Датировка: около 500–480 гг. до н. э.

№ 10. ТОР – ВЕРХНИЙ ЭЛЕМЕНТ СОСТАВНОЙ БАЗЫ КОЛОННЫ САМОССКОГО ВАРИАНТА ИОНИЧЕСКОГО ОРДЕРА. Рис. 11.

Тор – верхний элемент составной базы колонны ионического ордера самосского варианта. Боковая поверхность профилирована четырьмя скоциями, разделенными тремя полуваликами-астрагалами и двумя валиками по внешним краям. В центре верхней и нижней плоскостей тора два крепежных квадратных в плане гнезда.
Материал: известняк (брекчиевый меотис).
Происхождение: Митридат 2010. Раскоп НВМ. Квадрат 37. Из группы архитектурных деталей № 16, впущенной в слой 2-й половины III – начала I вв. до н. э.
Место хранения: Лапидарий ВКИКМЗ. Передан по Коллекционной описи № 101.
Сохранность: сколы, потертость поверхности.

Размеры: диаметр верхней плоскости 64 см, диаметр нижней плоскости 57 см. Максимальный диаметр тора равен 66 см при высоте 13,5 см.
Поверхность детали, выполненной с применением токарного станка, обработана тщательной отеской. В центре верхней и нижней плоскостей расположены два квадратных в плане крепежных гнезда размерами 9×6 см и глубиной 3 см.
Датировка: около 500–480 гг. до н. э.

№ 11. ФРИЗА С ДЕНТИКУЛАМИ (СУХАРИКАМИ)
И ЖЕМЧУЖНИКОМ ФРАГМЕНТ. Рис. 8.

Данный обломок представляет полную аналогию фронтальному декору фриза Кат. № 4.
*Материал: и*звестняк (золотистый брекчиевый меотис).
Происхождение. Митридат 2012 год. Раскоп НВМ. Квадрат 37. Из забутовки кладки № 17.
Место хранения: Лапидарий ВКИКМЗ. Инв. № КЛ-2636 хр. 36.
Размеры: длина по фасадной стороне – 35 см, высота – 25 см. Высота полочки общая 9 см, высота рельефного жемчужника 3 см, он выступает за фронтальную плоскость полочки на 1,8 см. Высота дентикула 16 см; ширина 12,4 см; ширина промежутка между сухариками-дентикулами 12,4 см.
Сохранность: сохранился лишь отрезок полочки с жемчужником, один сухарик (дентикул) и маленький осколок соседнего дентикула; полностью утрачена тыльная сторона плиты рельефа; сколы по поверхности и краям.

№ 12. ФРИЗА С ДЕНТИКУЛАМИ (СУХАРИКАМИ)
И ЖЕМЧУЖНИКОМ ФРАГМЕНТ. Рис. 8.

Фрагмент сухарного фриза антаблемента здания ионического ордера. Сохранились один дентикул и фрагмент верхней части фриза. На верхнем краю фасадной стороны детали сохранились остатки сколотого рельефного жемчужника. Данный обломок представляет полную аналогию фронтальному декору фризов Кат. № 4 и Кат. № 11.
*Материал: и*звестняк (золотистый брекчиевый меотис).
Происхождение. Митридат 2020 год. Раскоп НВМ. Квадраты 81; 85. Разборка развала камня в слое IV–VI вв.
Место хранения: Лапидарий ВКИКМЗ. Передан по Коллекционной описи № 13.
Размеры: длина по фасадной стороне – 25,6 см, высота – 24,4 см, глубина 32 см. Высота полочки общая 8 см, высота рельефного жемчужника 2,8 см. Высота дентикула 16 см; ширина 12,7 см; глубина 14 см.
Датировка: около 450 г. до н. э.

№ 13. АРХИТРАВНАЯ БАЛКА ИОНИЧЕСКОГО ОРДЕРА
ФРАГМЕНТИРОВАННАЯ. Рис. 4.

Архитравная балка с рельефным профилем в виде полочки и каблучка вдоль верхнего края и темя горизонтальными фасциями по фасадной стороне. Полностью аналогична Кат. № 3, 9, 20.
*Материал: и*звестняк (золотистый брекчиевый меотис).

Происхождение: гора Митридат 2018. Раскоп НВМ. Квадраты 28; 35. Штык 5.
Место хранения: Лапидарий ВКИКМЗ. КП-193912.
Сохранность: Утрачена левый нижний угол балки. Полностью сколоты полочка и каблучок. Многочисленные сколы по краям и поверхности, каверны, потертости.
Размеры: длина 110 см; высота 69,4 см; глубина 19 см.

Лицевая поверхность обработана очень тщательно. Верхний ее край был украшен утраченным рельефным профилем, состоящим из полочки каблучка, общая высота которого составляла 12 см. Остальная плоскость архитрава расчленена на три горизонтальные фасции: верхняя имеет высоту 20,5 см, средняя – 19,3 см, нижняя – 16 см. Фасции отделены одна от другой уступами, высота которых не превышает 0,5 см. Общая высота блока составляет 69,4 см; глубина верхней плоскости 19 см, у левого края расположены два Г-образных крепежных пирона.
Датировка: около 500–480 гг. до н. э.

№ 14. ТОРА – ВЕРХНЕГО ЭЛЕМЕНТА СОСТАВНОЙ БАЗЫ КОЛОННЫ САМОССКОГО ВАРИАНТА ИОНИЧЕСКОГО ОРДЕРА ФРАГМЕНТ. Рис. 9.

Небольшой обломок – сегмент нижней части тора – верхнего элемента составной базы колонны самосского варианта ионического ордера.
Материал: известняк (золотистый брекчиевый меотис).
Происхождение: гора Митридат 2018. Раскоп НВМ. Квадраты 42; 115. Штык 11, из слоя середины III – II в. до н. э.
Место хранения: Лапидарий ВКИКМЗ. КП-193869.
Сохранность: сохранился фрагмент горизонтальной нижней плоскости и примыкающий к нему сегмент боковой профилированной поверхности детали: часть нижней скоции, отделенная сдвоенными валиками-астрагалами от вышележащей скоции.
Размеры: ширина 11 см; высота 5,3 см; глубина 10,5 см. Реконструируемый диаметр нижней плоскости 36 см. Высота сдвоенных валиков-астрагалов 4 см. Высота расположенной выше скоции 7 см.

Обломок, несмотря на свои малые размеры, представляет интерес, поскольку дает возможность с достаточно высокой степенью надежности, воссоздать облик и основные параметры этой архитектурной детали. Если принять за основу реконструктивной схемы профилировку полностью сохранившегося тора № 17, то высота восстанавливаемой детали составит ~ 10 см, а диаметр ее верхней плоскости ~ 34 см. Максимальный восстанавливаемый диаметр тора будет в пределах 40,4–41 см.
Датировка: около 500–480 гг. до н. э. (?)

№ 15. СПИР (ПЛИНТОВ) – НИЖНИХ ЭЛЕМЕНТОВ БАЗ КОЛОНН САМОССКОГО ВАРИАНТА ИОНИЧЕСКОГО ОРДЕРА ФРАГМЕНТЫ. Рис. 7.

*Материал: и*звестняк (золотистый брекчиевый меотис).
Место хранения: Лапидарий ВКИКМЗ. КП-197015.
Происхождение: гора Митридат 2019. Раскоп НВМ. Квадраты 116; 117; 118. Штыки 9–10.
Сохранность: многочисленные сколы и утраты по краям и поверхностям обломков; потертости и загрязнения

Два обломка спиры (плинта) – нижнего элемента составной базы колонны самосского варианта ионического ордера, представляют собой фрагменты верхней части этой детали, а именно часть верхнего ранта, отделенного одинарным полуваликом от примыкающего к нему снизу фрагмента скоции. Сохранились также отрезки сдвоенного полувалика-астрагала, отделяющего верхнюю скоцию от средней, от которой дошла лишь часть.
Размеры: фрагмент А: длина 24 см; высота 14 см. Фрагмент Б: длина 22 см; высота 14 см. Высота верхнего ранта 3,4 см; высота разделительного полувалика 0,8 см; высота сдвоенного полувалика-астрагала 1,8 см; высота верхней скоции 3,3 см.

Кроме того, представлены еще три мелких обломка спир с характерной профилировкой: фрагменты скоций, разделенные сдвоенными полуваликами-астрагалами.
Датировка: около 500–480 гг. до н. э.

№ 16. ФРИЗ АНТАБЛЕМЕНТА С ОВАМИ И ЖЕМЧУЖНИКОМ ФРАГМЕНТИРОВАННЫЙ. Рис. 6.

Фрагмент части антаблемента ионического ордера: фриз ов и жемчужника.
Материал: известняк (золотистый брекчиевый меотис).
Происхождение: гора Митридат 2011. Раскоп НВМ. Квадраты 21; 29. Штык 3.
Место хранения: Лапидарий ВКИКМЗ. Передана по Коллекционной описи № 59.
Сохранность: сохранился лишь обломок плиты антаблемента с рельефом. Многочисленные сколы по краям и поверхности, отколота часть рельефа с жемчужником.
Размеры: толщина плиты 19,5 см; ширина по фасаду сохранившаяся 44,0 см; общая длина блока 48,0 см; глубина плиты 44,8 см; высота ов 16,9 см, угол наклона ов составляет 54°; высота жемчужника 3,5 см.

Овы выполнены глубокой порезкой и имеют сильно выпуклую поверхность, с заметным сужением к нижней части. Они обрамлены валиками, снабженными центральным ребром и разделены вертикальными язычками-стрелками ромбической формы с центральными продольными ребрами, представленными на полную высоту. Непосредственной под овами расположен фриз в виде овальных жемчужин, чередующихся со сдвоенными биконическими вертикальными «шайбочками», снабженными острым продольным ребром. Поверхность рельефа обработана тщательной оттеской со шлифовкой. Тщательно отесаны верхняя и нижняя плоскости плиты. Верхняя плоскость на расстоянии 21.0 см от границы ов имеет уступ глубиной 6,0 см, для монтажа перекрывавшей ее детали.
Датировка: около 450 г. до н. э.

№ 17. ТОР – ВЕРХНИЙ ЭЛЕМЕНТ СОСТАВНОЙ БАЗЫ КОЛОННЫ САМОССКОГО ВАРИАНТА ИОНИЧЕСКОГО ОРДЕРА. Рис. 12.

Боковая поверхность тора профилирована четырьмя скоциями, разделенными тремя сдвоенными полуваликами-астрагалами и одинарными валиками по внешним краям. В центре верхней и нижней плоскостей тора два крепежных квадратных в плане гнезда.
Материал: известняк (брекчиевый меотис).
Происхождение: Митридат 2013. Раскоп НВМ. Квадрат 46. Из слоя заполнения цистерны № 14.

Место хранения: Лапидарий ВКИКМЗ. Передан по Коллекционной описи № 262.
Сохранность: деталь сохранилась полностью; небольшие сколы, потертость поверхности.
Размеры: диаметр верхней плоскости 64 см, диаметр нижней плоскости 69 см; максимальный диаметр тора равен 77,4 см; высота 15,2 см.
Поверхность детали, выполненной с применением токарного станка, обработана тщательной отеской. В центре верхней и нижней плоскостей расположены два прямоугольных в плане крепежных гнезда размерами 11×9 см и глубиной 2,8–3 см.
Датировка: около 500–480 гг. до н. э.

№ 18. СПИРЫ (ПЛИНТА) ВЕРХНЕГО РАНТА, СКОЦИИ И ЧАСТИ СДВОЕННЫХ ПОЛУВАЛИКОВ-АСТРАГАЛОВ – НИЖНЕГО ЭЛЕМЕНТА СОСТАВНОЙ БАЗЫ КОЛОННЫ ФРАГМЕНТ. Рис. 10.

Небольшой обломок верхней части спиры интересен своей профилировкой: к ранту примыкает скоция, профиль которой оформлен вид каблучка, а основание плавно переходит в верхний из двух сдвоенных валиков-астрагалов с уплощенными завершениями.
Материал: известняк (брекчиевый меотис).
Происхождение: Митридат 2016. Раскоп НВМ. Квадрат 6б. Осыпь борта.
Место хранения: Лапидарий ВКИКМЗ. Передан по Коллекционной описи № 210.
Сохранность: сколы по краям и поверхности осколка.
Размеры: высота ранта 3,4 см; высота скоции 3,3 см; высота сдвоенных валиков-астрагалов 1,6 см. Высота максимальная 9,8 см. Ширина максимальная 13,4 см. Глубина максимальная 5,2 см. Реконструируемый по курватуре обломка диаметр верхней плоскости спиры ~ 68 см. Реконструируемый нижний диаметр спиры ~ 70 см, высота ~ 20 см.
Датировка: около 500–480 гг. до н. э. (?)

№ 19. КАПИТЕЛЬ КОЛОННЫ АТТИЧЕСКОГО ВАРИАНТА ИОНИЧЕСКОГО ОРДЕРА. Рис. 14.

В 1979 году на Новом Верхнем Митридатский раскопе была обнаружена аттическая капитель, использованная вторично в основании кладки подпорной стены одной из террас святилища Артемиды-Гекаты, примерно в 60 м к северу от предполагаемого места размещения храма Аполлона. Уже тогда мною было высказано предположение, что эта капитель могла принадлежать ордерной системе храма Аполлона [*Толстиков*, 1984, с. 45–46].
*Материал: и*звестняк (золотистый брекчиевый меотис).
Происхождение. Раскоп Новый Верхний Митридатский. Квадрат 5, штык 11, в основании кладки № 7.
Место хранения: ГМИИ им. А. С. Пушкина. Инв. № М-1490.
Размеры: общая высота 34 см, длина по фасадной стороне 95 см, расстояние между центрами глазков волют – 62 см, ширина балюстры 63 см; максимальный диаметр эхина равен 69 см; диаметр нижней плоскости эхина 60 см.
Сохранность: сбои и значительные утраты на одной из фасадных сторон, сколы по поверхности и краям абаки, эхина и волют. Изображения ов и разделительных стержней кимы выполнены гравировкой и в древности были раскрашены. Ремешки балтеуса в центральных частях балюстр изображены красной краской.

Капитель принадлежит к *аттическому варианту* капители ионического ордера. Канал волюты – плоско-вогнутый, в центральной части плавно прогнут над эхином. Волюты, свернутые в два с половиной оборота, снабжены выпуклыми глазками в форме полусфер диаметром 4 см. Внешний радиус волюты равен 15 см, внутренний 11 см, нижний 12 см. Эхин имеет горизонтальное членение на две зоны: верхнюю гладкую, несколько выступающую над нижней, и нижнюю – собственно киму, высотой 6,5 см, украшенную гравированным контурным орнаментальным фризом из ов и стержней. Суженные книзу овы имеют закругленные концы, стержни ланцетовидной формы выступают между овами на полную высоту. Местами в углубленных линиях ов сохранились следы красной краски. Пункты соединения волют с верхней зоной эхина украшены угловыми пальметтами. Каждая из них выполнена в виде нерасчлененной рельефной лопасти длиной 10 см, округлой снизу и слегка изогнутой вверх. Балюстры имеют цилиндрическую форму; в центральной их части сохранились 4 ремешка балтеуса, выполненные красной краской. Абак в плане прямоугольный 76×66 см высотой 5 см. Его края профилированы обломом в форме каблучка (сильно повреждены сколами). Очевидно, что в древности капитель была покрыта полихромной росписью, в частности, лопасти угловых пальметт могли быть расчленены слегка изогнутыми лепестками, также изображенными краской.
Датировка: около 450 г. до н. э.

№ 20. АРХИТРАВНАЯ БАЛКА ИОНИЧЕСКОГО ОРДЕРА ФРАГМЕНТИРОВАННАЯ. Рис. 4.

Архитравная балка с рельефным профилем в виде полочки и каблучка вдоль верхнего края и темя горизонтальными фасциями по фасадной стороне. Деталь аналогична по своим параметрам и профилировке № 3; 9; 13.
Материал: известняк (золотистый брекчиевый меотис).
Происхождение: археологическая разведка 2006 года по ул. 1-я Митридатская, д. № 26, близь здания Керченского музея. Нет сомнения в том, что эта деталь была перемещена сюда с Верхнего плато горы Митридат и использована вторично в качестве строительного материала в вымостке двора XIX в.
Место хранения: Лапидарий ВКИКМЗ.
Сохранность: утрачена значительная часть левого нижнего угла балки; сколот правый нижний угол. Сколота правая треть рельефного профиля с полочкой и каблучком. Многочисленные сколы по краям и поверхности. На верхней плоскости у правого края расположен Г-образный крепежный пирон
Размеры: длина 140 см; высота 70 см; глубина 20,1 см.

Лицевая поверхность обработана очень тщательно. Верхний ее край украшен рельефным профилем в виде полочки и каблучка, общая высота которого составляла 12 см. Остальная плоскость архитрава расчленена на три горизонтальные фасции: верхняя имеет высоту 20,5 см, средняя – 19,3 см, нижняя – 16 см. Фасции отделены одна от другой уступами, высота которых не превышает 0,5 см. Следует отметить, что у этой детали сохранились обе боковые торцовые плоскости, обработанные отеской.
Датировка: около 500–480 гг. до н. э.

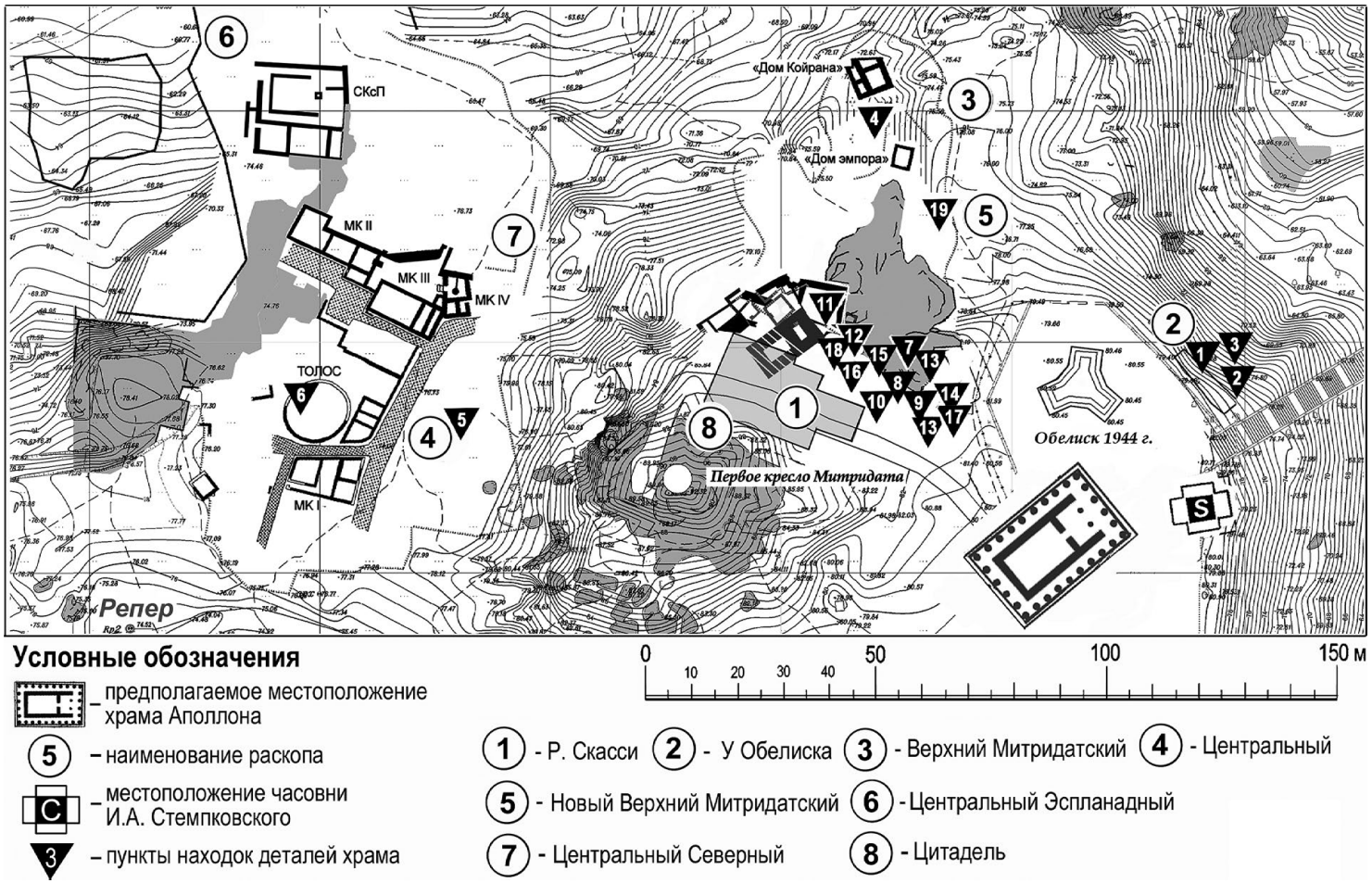


Рис. 1. Топографический план района Первого кресла горы Митридат
с указанием пунктов находок ордерных деталей храма Аполлона

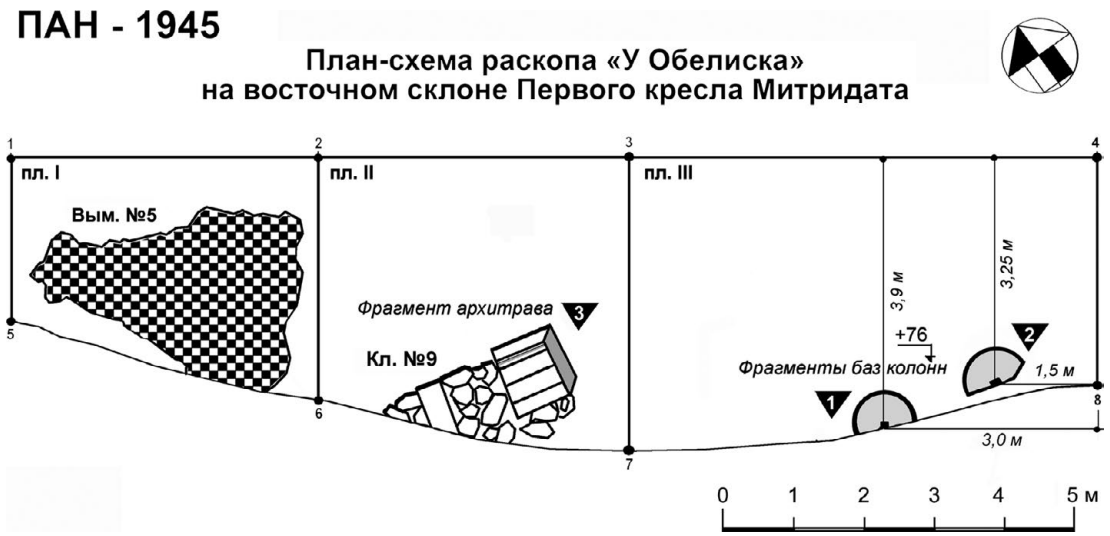


Рис. 2. Пантикапей-1945. План-схема раскопа «У Обелиска»

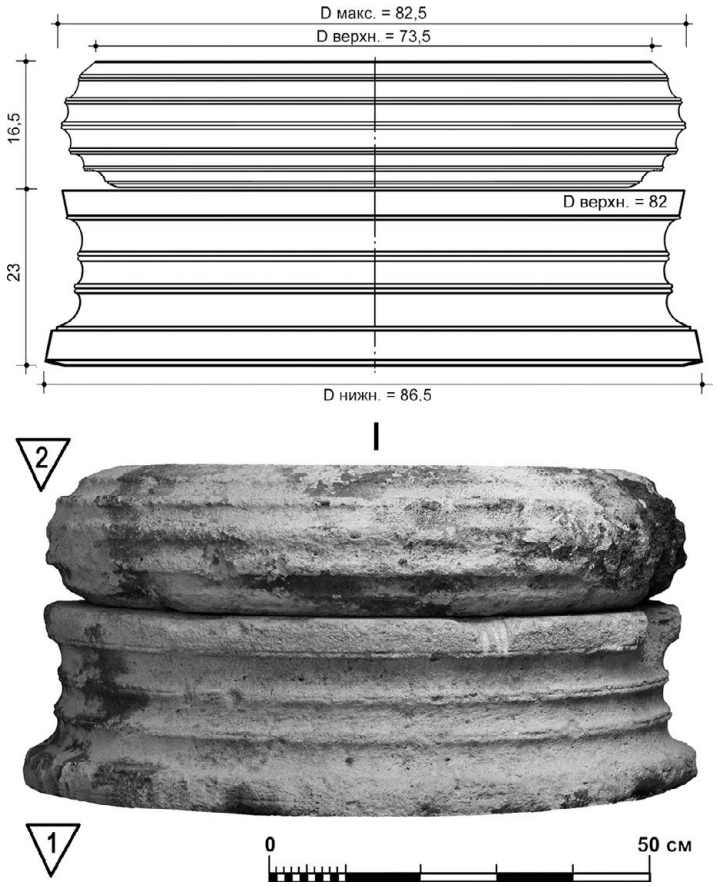


Рис. 3. Детали баз Кат. № 1 и Кат. № 2. *Чертеж В. П. Толстикова*

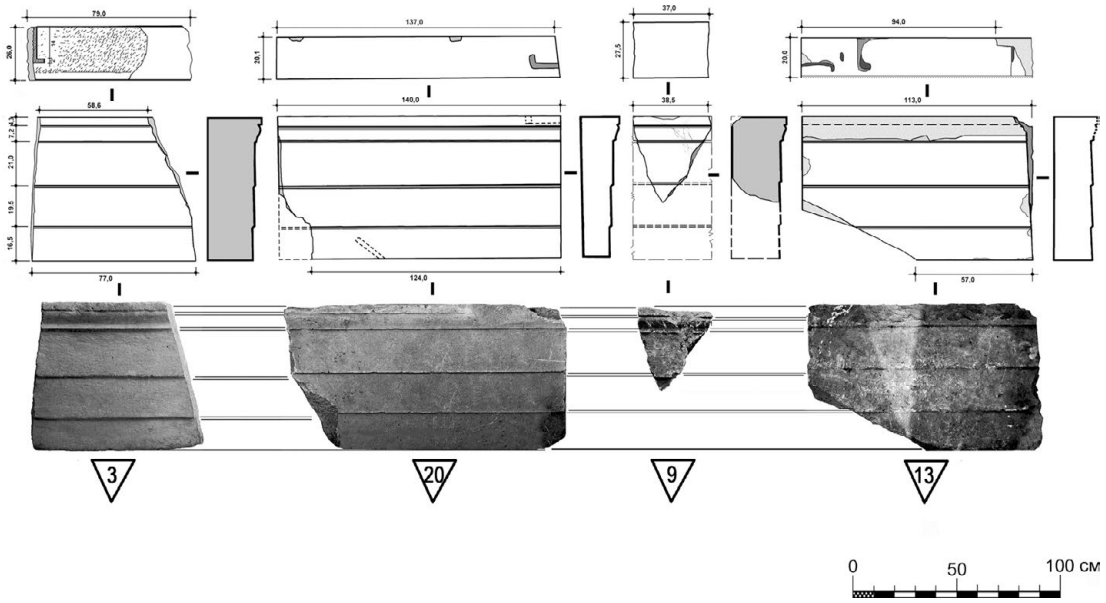


Рис. 4. Детали архитрава Кат. № 3, 9, 13, 20. *Чертеж В. П. Толстикова*

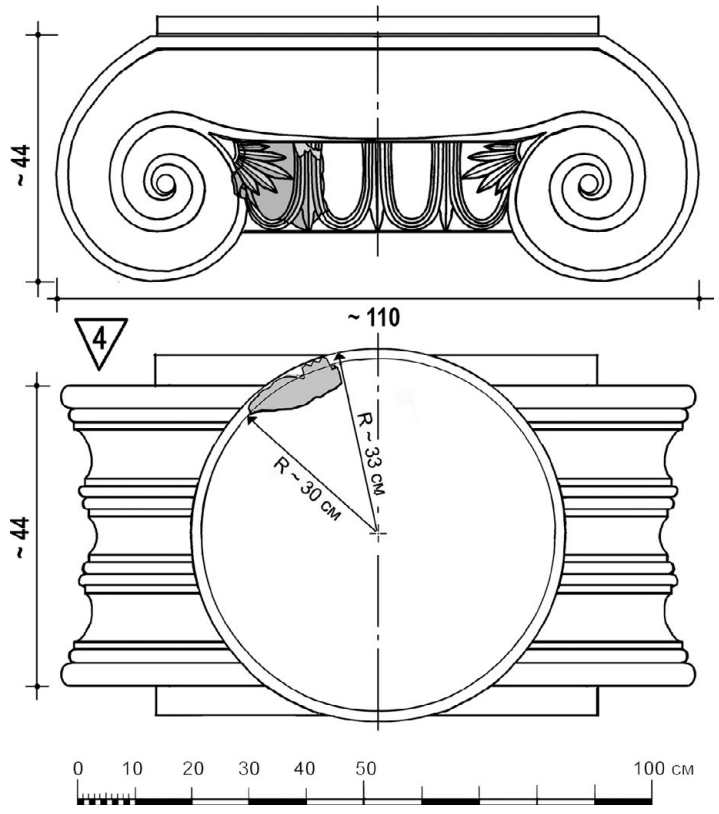


Рис. 5. Фрагмент эхина Кат. № 4 и реконструкция капители. *По В. П. Толстикову*

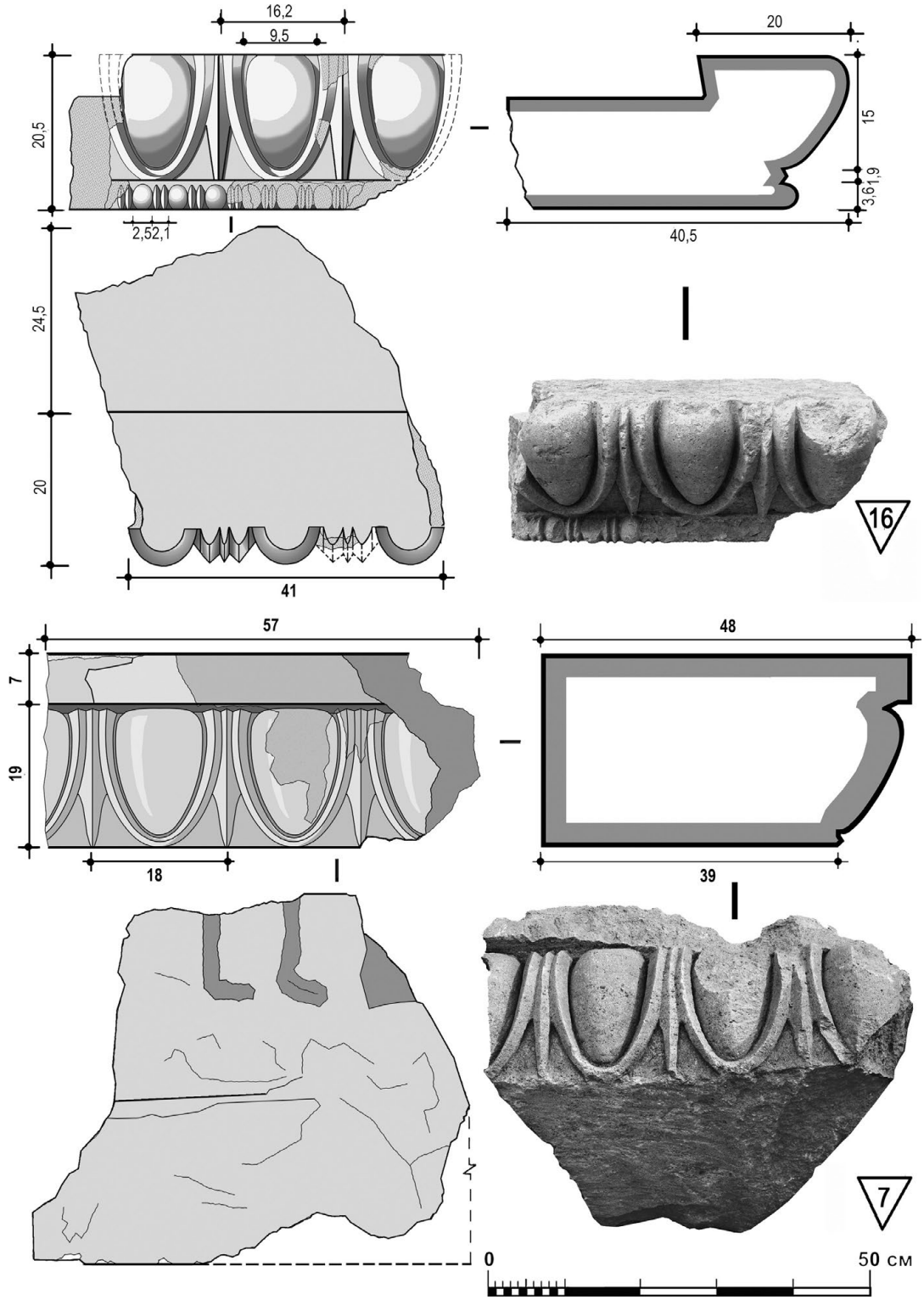


Рис. 6. Фрагменты антаблемента: фризы ов Кат. № 7. Кат. № 16. *Чертеж В. П. Толстикова*

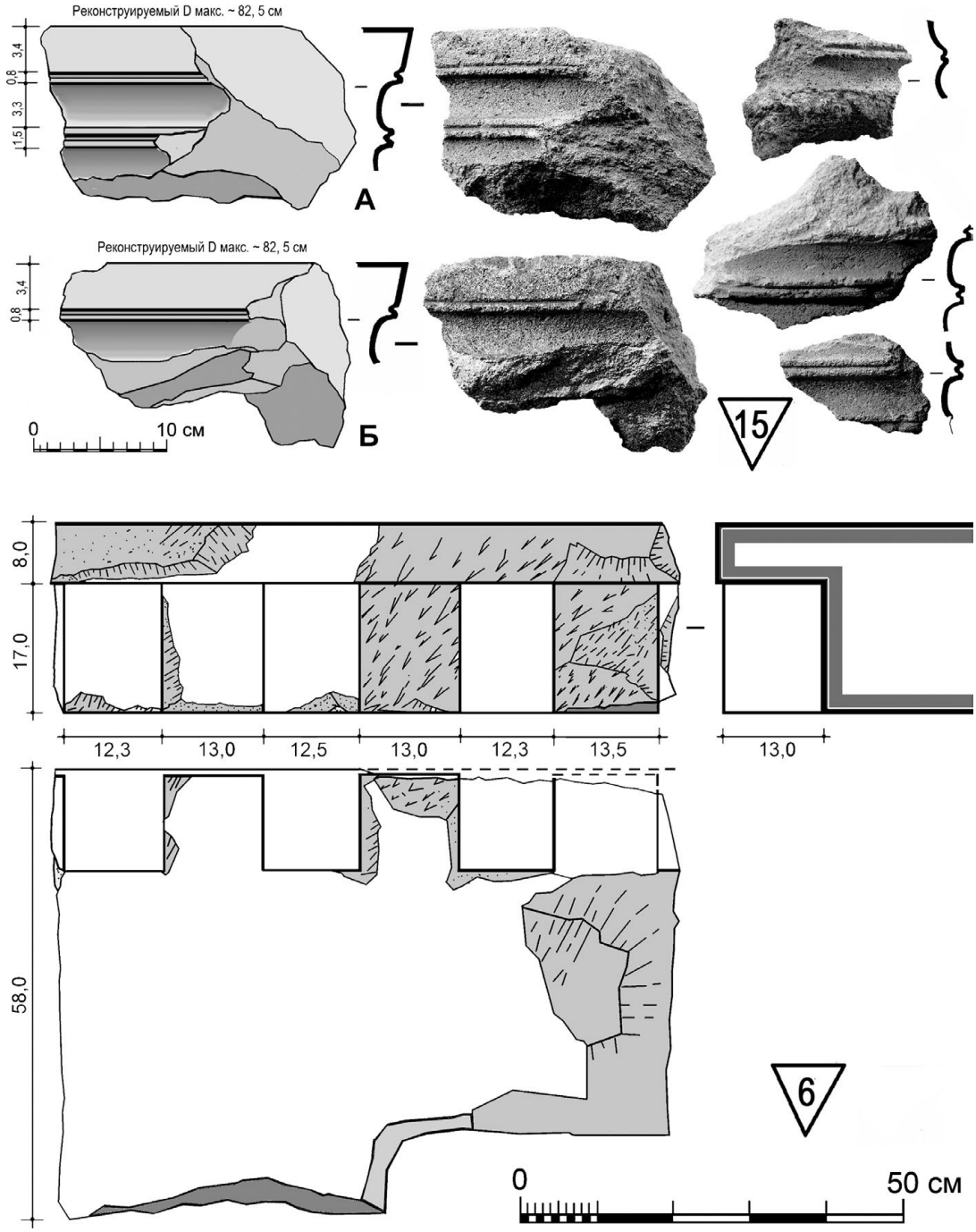


Рис. 7. Фрагмент антаблемента: сухарный фриз Кат. № 6. Обломки спир Кат. № 15.
Чертеж В. П. Толстикова

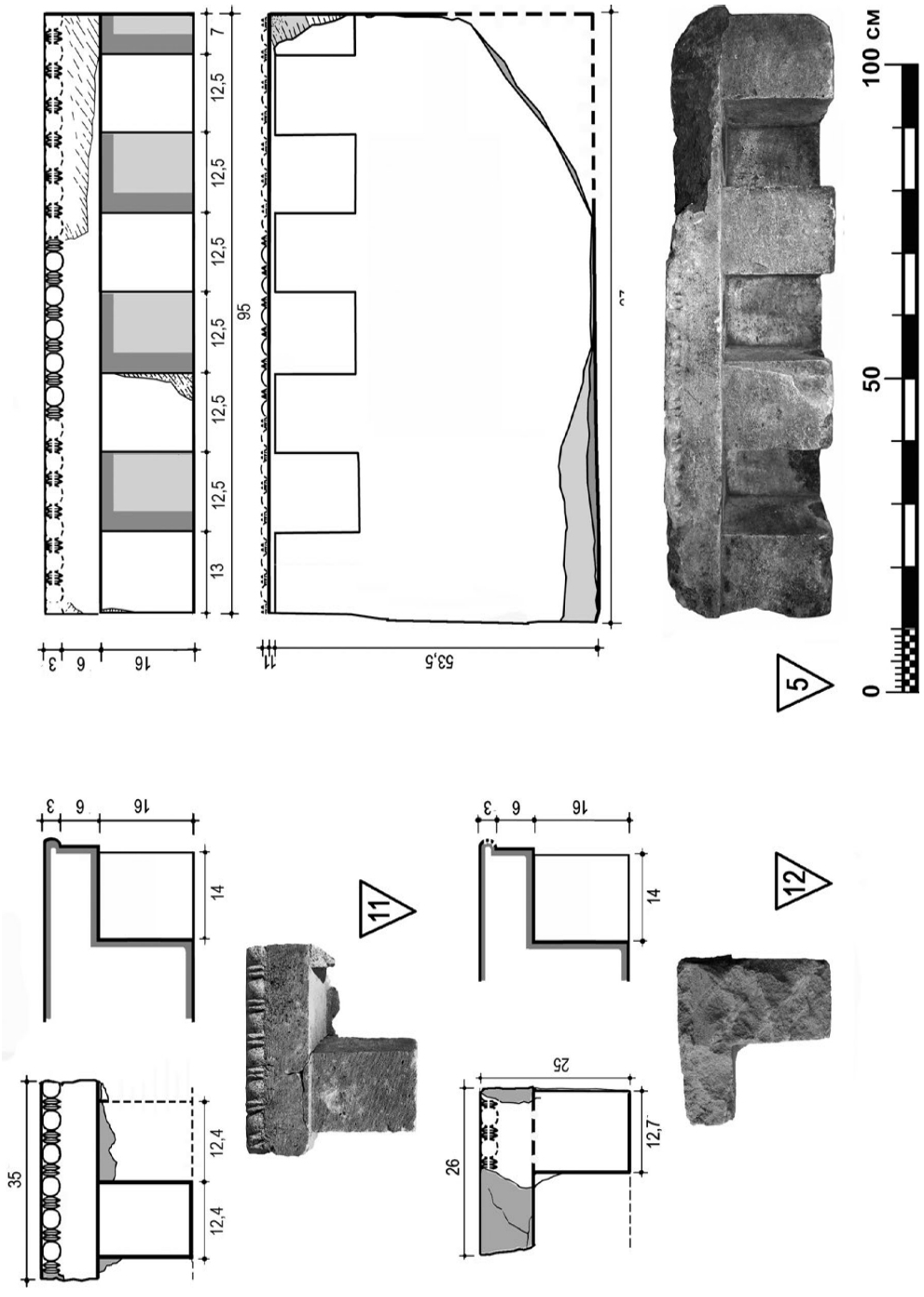


Рис. 8. Фрагменты антаблемента: части сухарного фриза с овами и жемчужником
Кат. № 5, 11, 12. *Чертеж В. П. Толстикова*

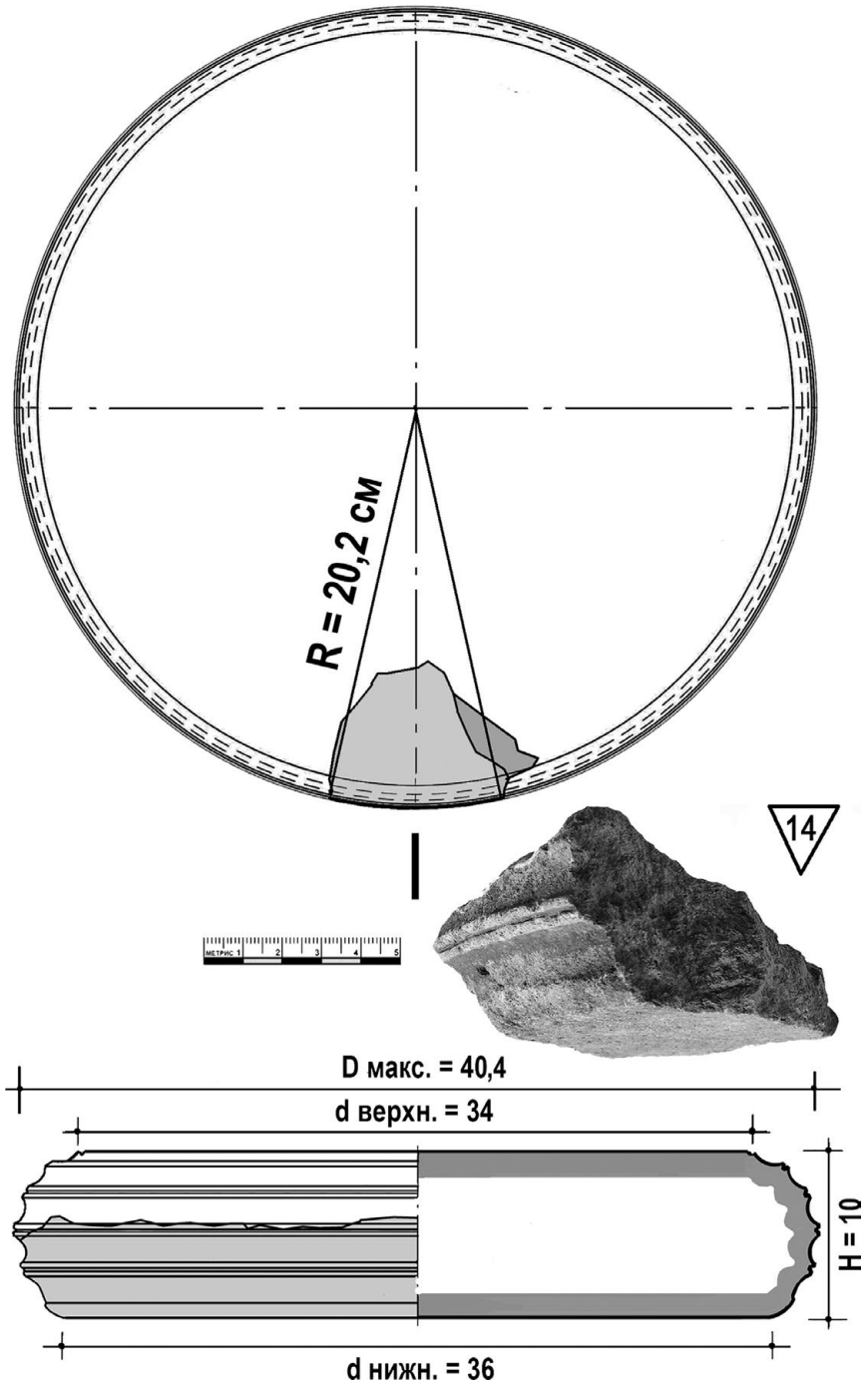


Рис. 9. Обломок тора Кат. № 14 и его реконструкция.
Чертеж В. П. Толстикова

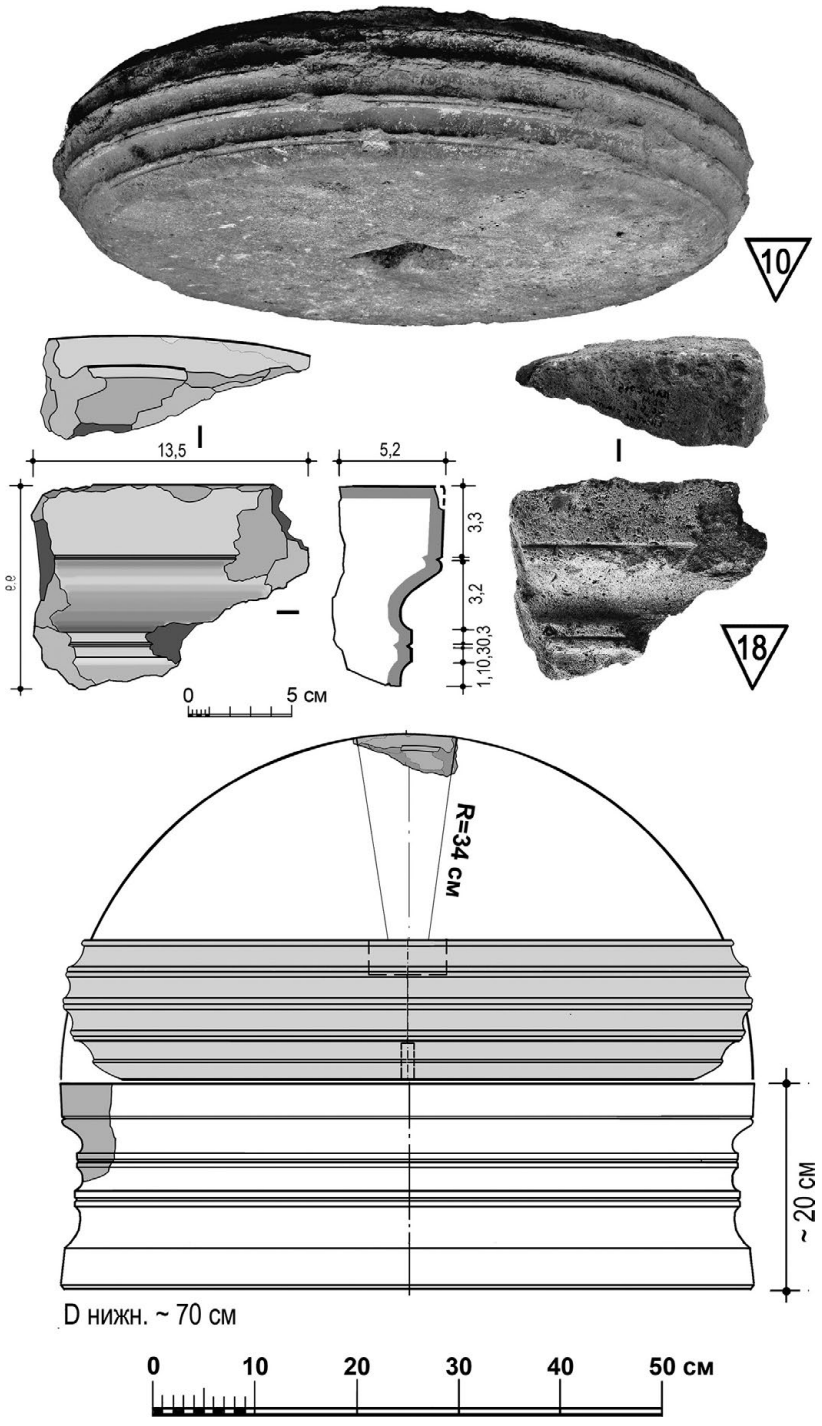


Рис. 10. Обломок спиры Кат. № 18 и реконструкция базы с тором Кат. № 10.
Чертеж В. П. Толстикова

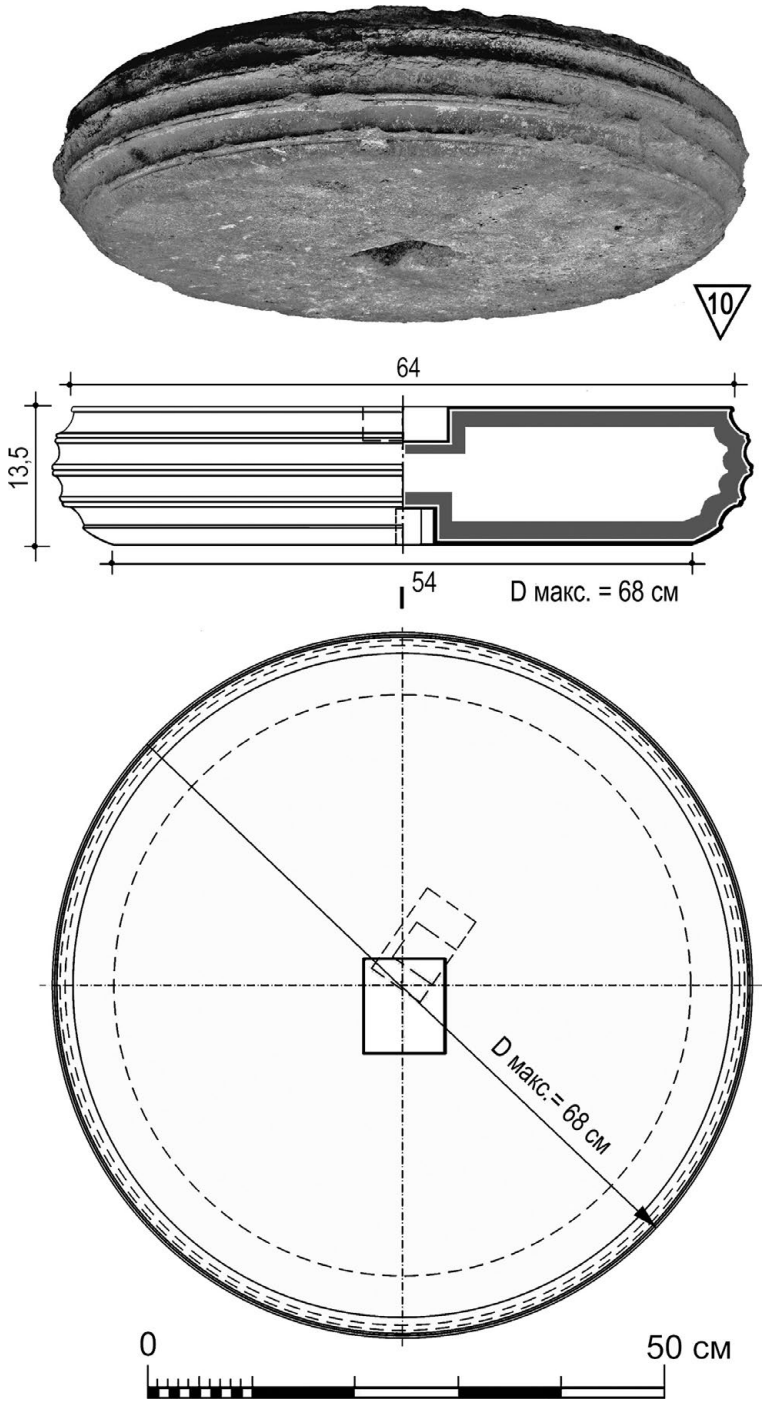


Рис. 11. Тор Кат. № 10. *Чертеж В. П. Толстикова*

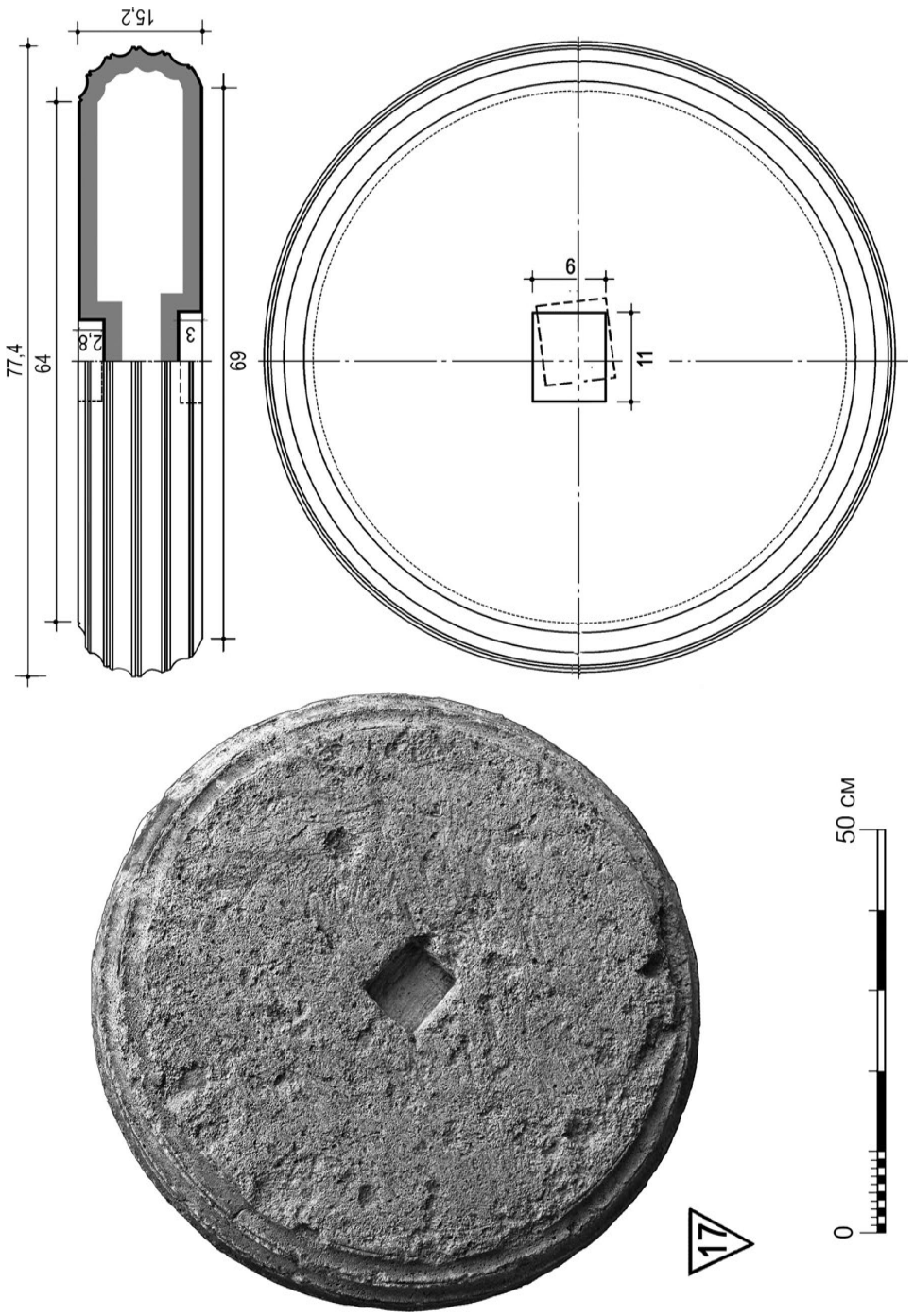


Рис. 12. Тор Кат. № 17. *Чертеж В. П. Толстикова*

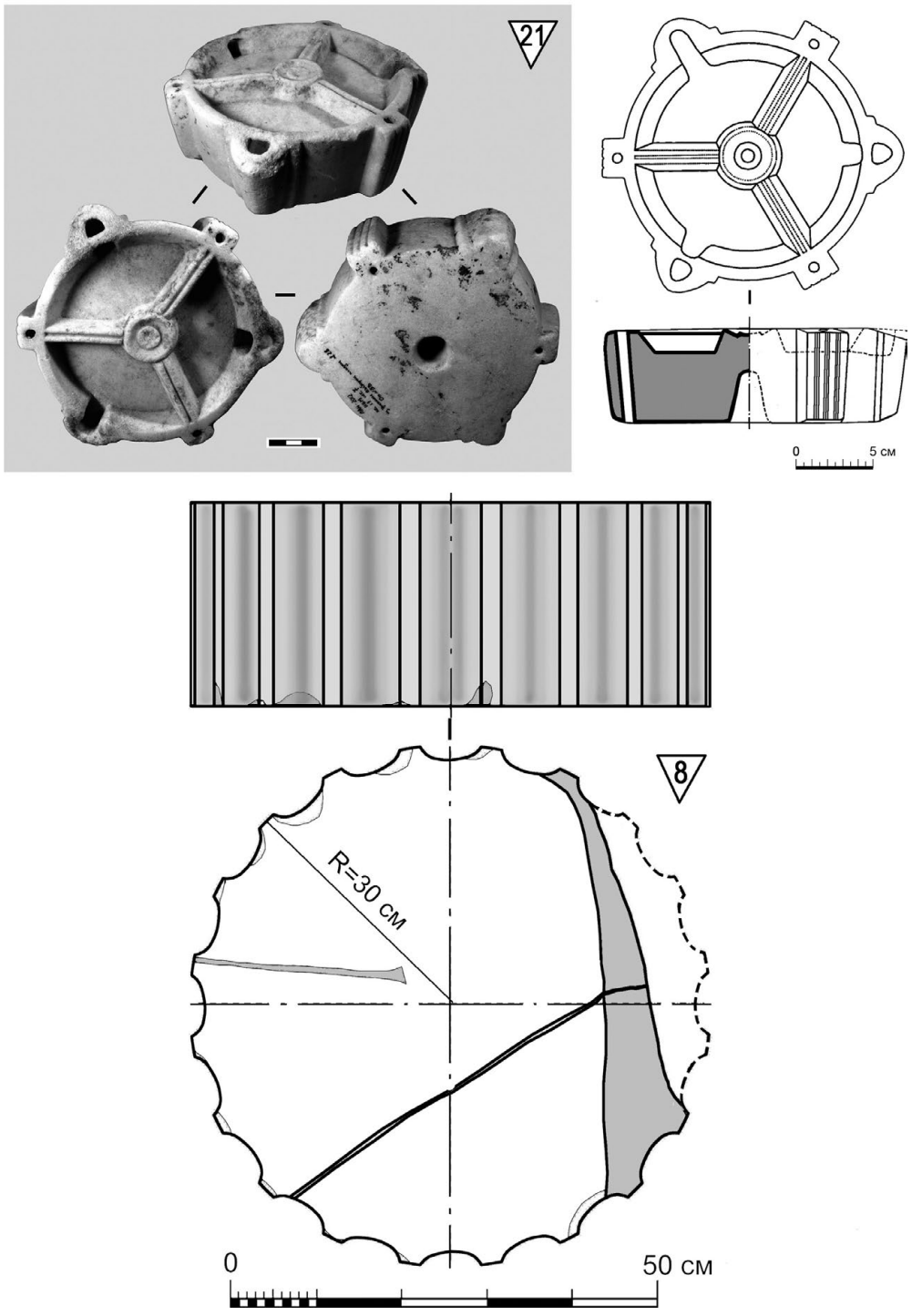


Рис. 13. Фуст колонны ионического ордера Кат. № 8. Светильник храмовый трёх-секционный. Мрамор. Конец VII – начало VI в. до н. э. Кат. № 21.
Чертеж В. П. Толстикова

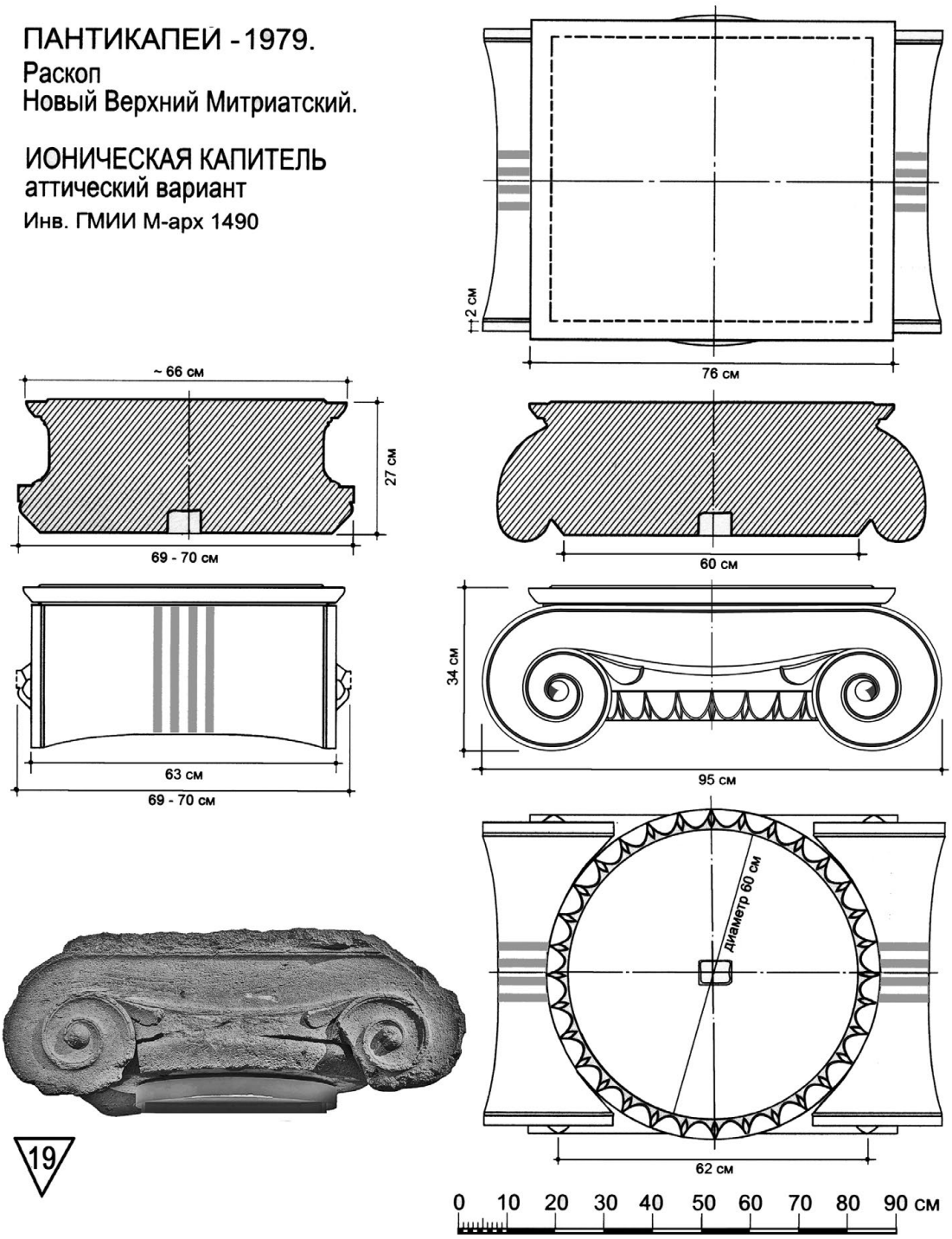


Рис. 14. Аттическая капитель ионического ордера.
Инв. ГМИИ М-арх. 1490. Кат. № 19.
Чертеж В. П. Толстикова

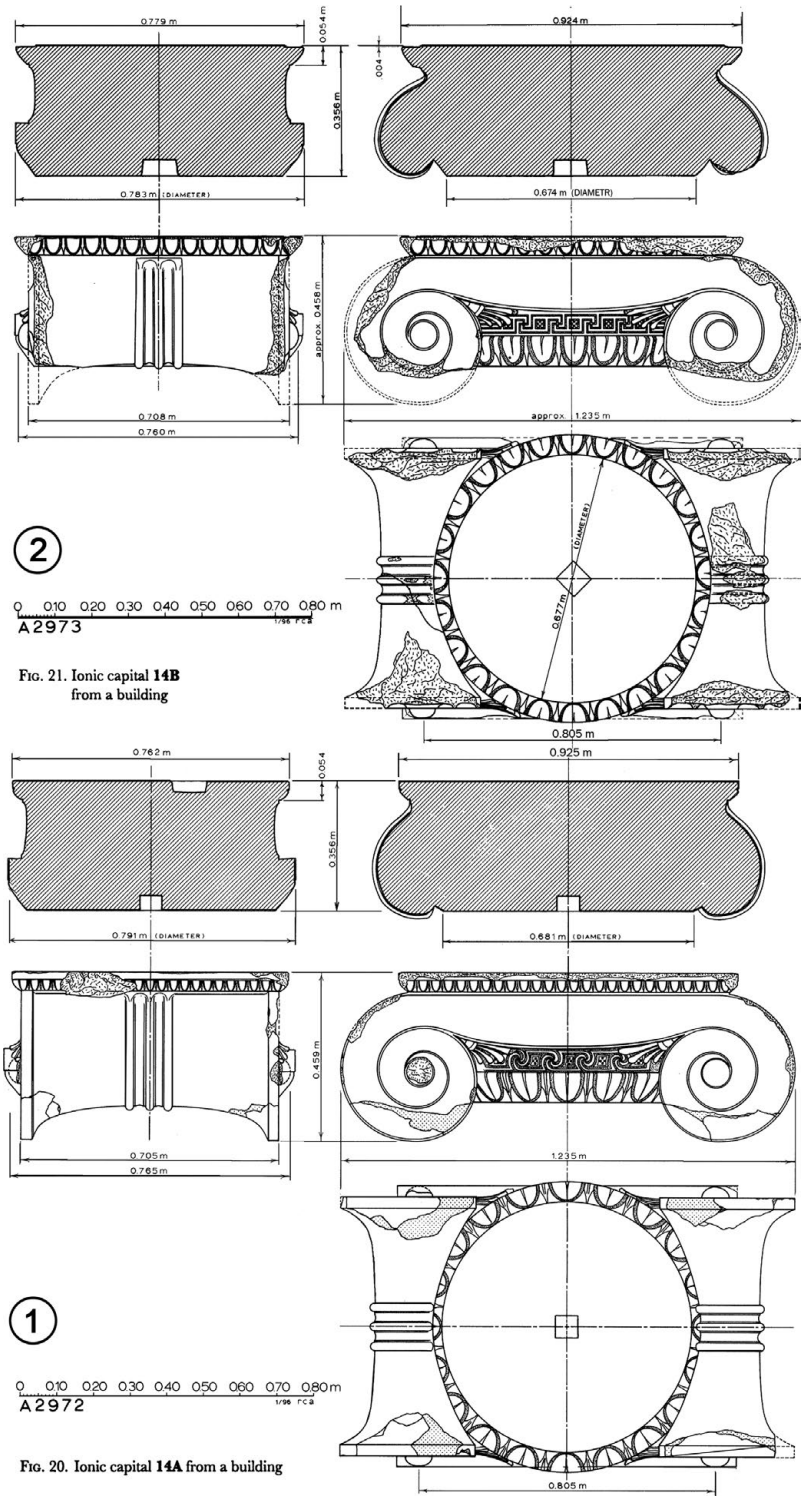


Fig. 21. Ionic capital **14B** from a building

Fig. 20. Ionic capital **14A** from a building

Рис. 15. Аттические капители с Афинской агоры 14А и 14В. II группа по классификации Л. Ш. Меритт [*Meritt* 1996, 121–174, fig. 20, 21]. Начало 3-й четв. V в. до н. э.

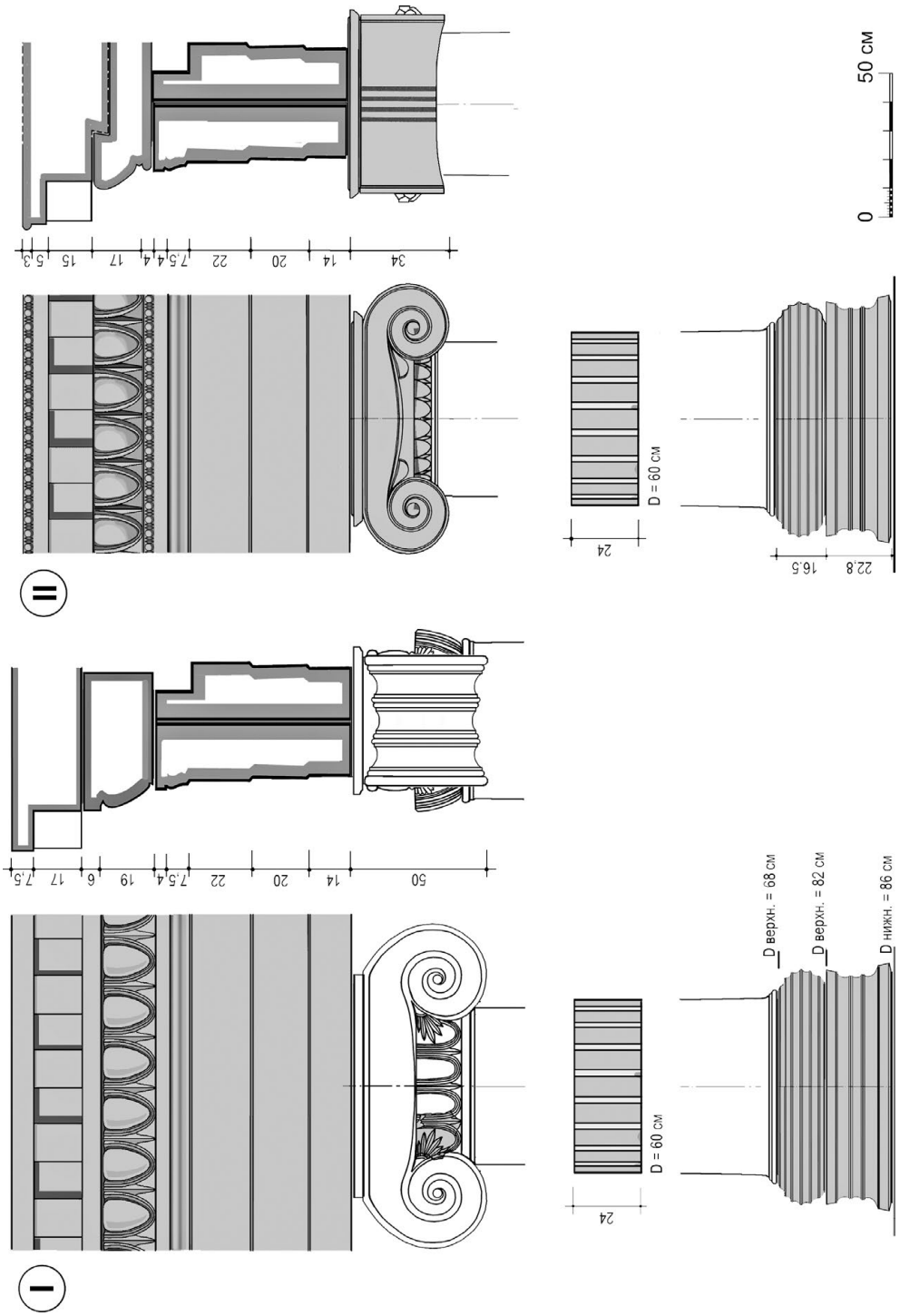


Рис. 16. Сопоставление предполагаемых ордерных систем храма Аполлона I (500–480 гг. до н. э.) и храма Аполлона II (450–265 (?) гг. до н. э.). *Чертеж В. П. Толстикова*

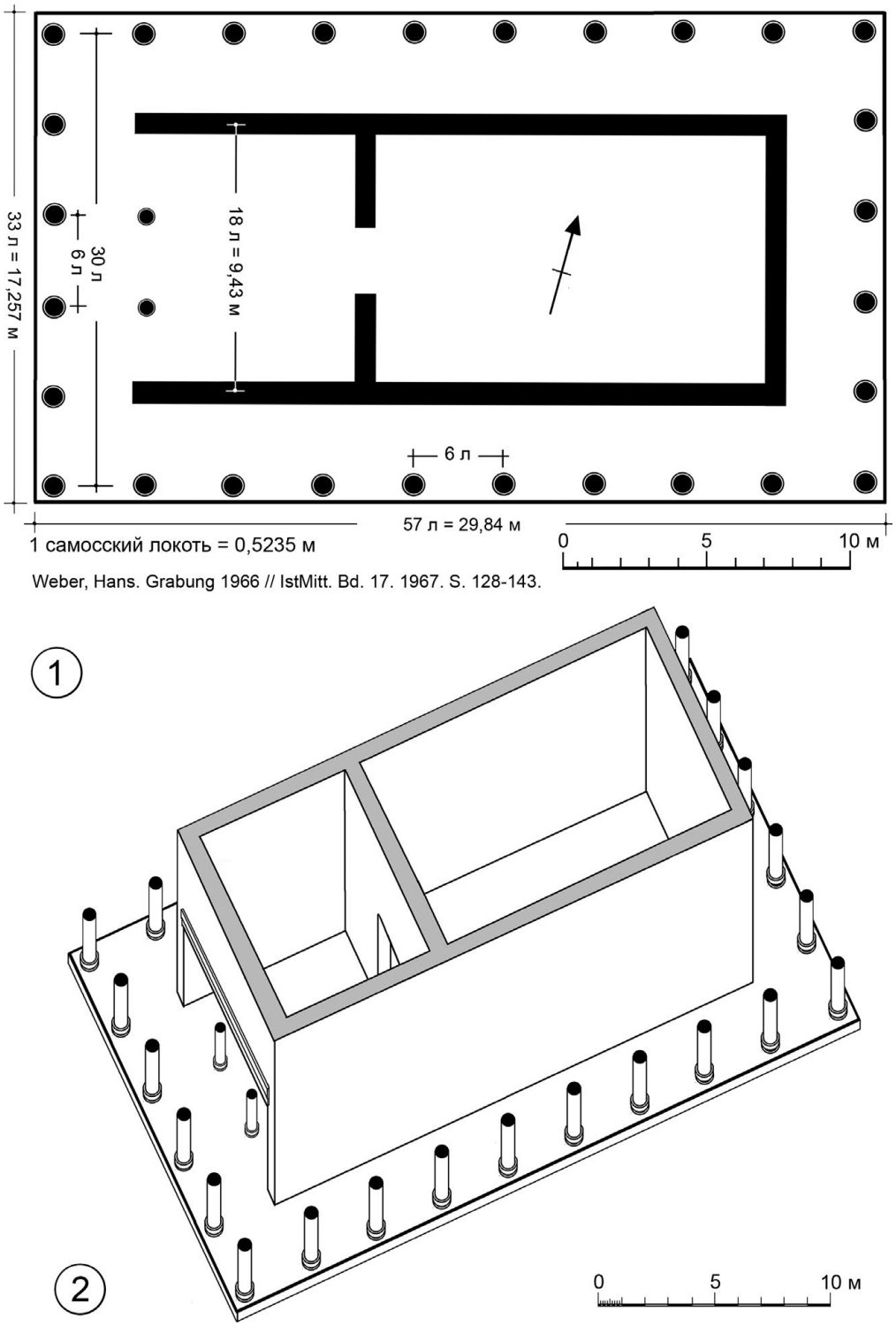


Рис. 17. *1* – План храма в Миунте. 3-я четв. VI в. до н. э.; *2* – Аксонометрия храма в Миунте. Чертеж В.П. Толстикова по плану Г. Вебера [*Weber* 1967, 133, Abb. 2]

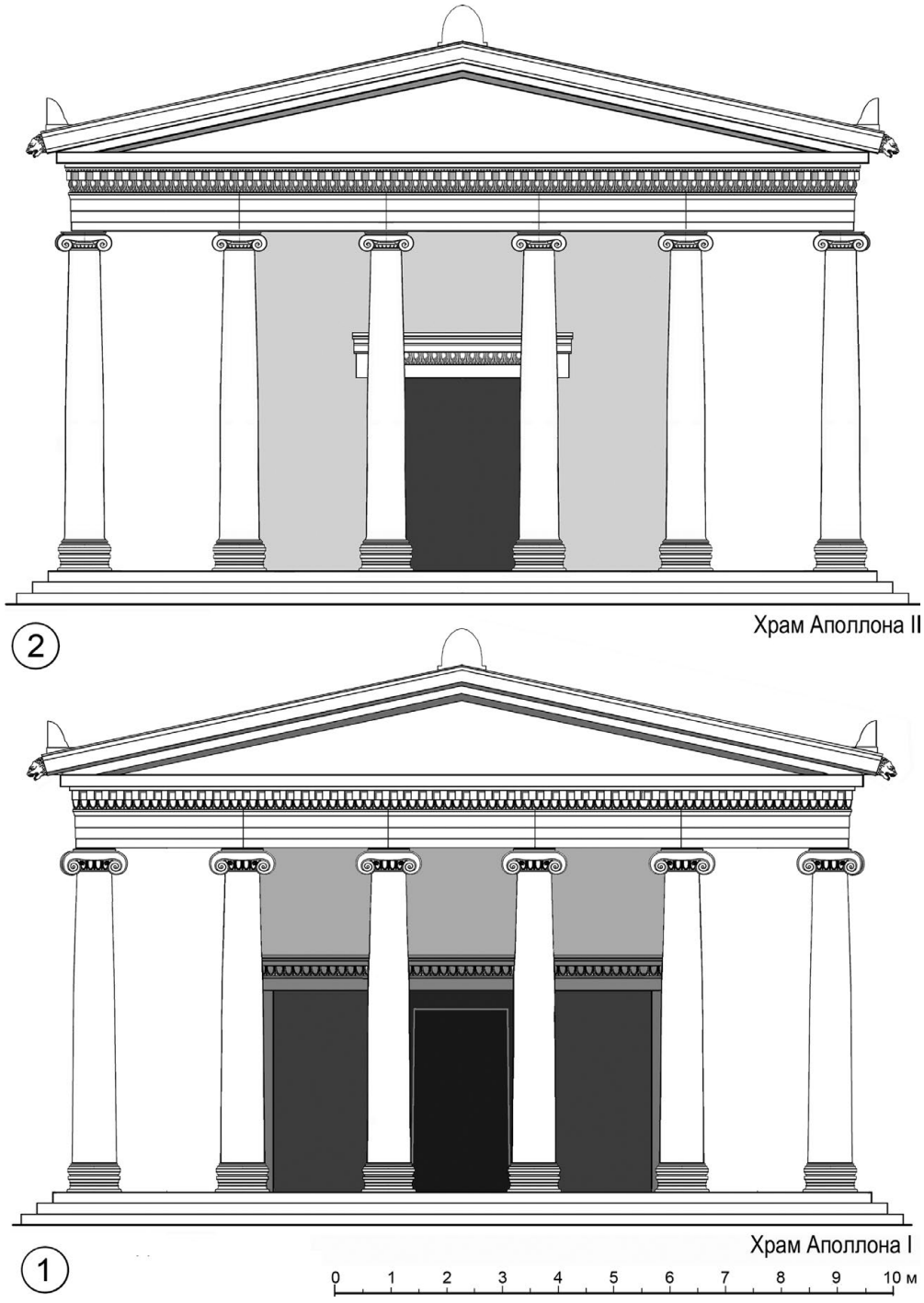


Рис. 18. Предполагаемые схемы фасадов: *1* – храма Аполлона I (500–480 гг. до н. э.); *2* – храма Аполлона II (450–265 (?) гг. до н. э.). *Чертеж В. П. Толстикова*

Список литературы

В*итрувий*. Десять книг по архитектуре. Пер. Ф. А. Петровского. М., 2003.

А*гафонов* А. В., *Муратова* М. Б. 2023. Афина Эргана в Пантикапее // ПИФК. 3, 37–54.

Б*лаватский* В. Д. Отчет о раскопках Пантикапея в 1945 году // Архив ИА РАН, Р–1/29, 4.

Блаватский В. Д. 1957. Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945–1949 и 1952–1953 гг. // МИА. 56, 28–33.

К*анторович* А. Р., *Толстиков* В. П., *Шкурова* М. В. 2019. Изделия из Пантикапея, оформленные в скифском зверином стиле (к вопросу о греко-скифских взаимодействиях) // КСИА. 255, 7–31.

Коваленко С. А., *Толстиков* В. П. 2010. II. О начале монетной чеканки на Боспоре // ВДИ. 4, 23–50.

П*ичикян* И. Р. 1984. Малая Азия – Северное Причерноморье. Античные традиции и влияния. М., 294.

Т*олстиков* В. П. 1984. К проблеме образования Боспорского государства. Опыт реконструкции военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI – первой половине V вв. до н. э. // ВДИ. 3, 24–48.

Толстиков В. П. 1987. Святилище на акрополе Пантикапея // ВДИ. 1, 88–114.

Толстиков В. П. 1999. К проблеме землетрясения III века до н. э. на Боспоре. (По материалам раскопок Пантикапея и Нимфея) // Боспорский город Нимфей: Новые исследования, материалы и вопросы изучения античных городов Северного Причерноморья. Международная конф., посвященная 60-летию Нимфейской археологической экспедиции и 70-летию со дня рождения Н. Л. Грач. Тез. докладов. СПб, 72–75.

Толстиков В. П. 2010. Храм Аполлона на акрополе Пантикапея. Проблемы датировки, типологии и периодизации // ПИФК. 1, 277–315.

Толстиков В. П. 2017. Очерк градостроительной истории центрального района Пантикапея в конце 7 – середине 5 в. до н. э. // Древнейший Пантикапей. От апойкии – к городу. М., 10–53.

Толстиков В. П. 2023. Строительная история Пантикапея как источник для воссоздания военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI – первой половине V в. до н. э. Четвертый строительный период в истории Пантикапея // Записки Института материальной культуры РАН. 28. СПб, 43–56.

Толстиков В. П. 2023. Археологические свидетельства катастрофы 480–475 гг. до н. э. в Пантикапее. Прощание с одной концепцией? // ПИФК. 3, 9–36.

D*irschedl* U. 2013. Die griechischen Säulenbasen (Archäologische Forschungen. 28). Wiesbaden, 516; 77 Taf.

G*erkan* A. von. 1925. Kalabaktepe, Athenatempel und Umgebung // Milet. 1, Hft. 8., 50–69.

Koenigs W. 1979. Archaische Bauglieder aus Milet: I. Ionische Kapitelle // IstMitt. 29. Tl. I, 187–197.

W*eber* H. 1967. Miys. Grabung 1966 // IstMitt. 17, 128–143.

Wesenberg B. 1971. Kapitelle und Basen. Beobachtungen zur Entstehung der griechischen Säulenformen (Beihefte der Bonner Jahrbücher. 32). Düsseldorf, XI–169; 307 Abb.

Summary

V. P. Tolstikov
The Temple of Apollo on the acropolis of Panticapaeum.
New materials to recreate the appearance and history

13 years ago, my article was published, devoted to the hypothesis about the temple of Apollo on the Upper Plateau of the First Chair of Mount Mithridates – on the Panticapaean acropolis. The paper presented a number of architectural details of the Ionic order, found at that time during the excavations of the Bosporus expedition of the Pushkin State Museum of Fine Arts, which could be considered details of the columns and entablature of this temple. In 2009, after a break, the research at the New Upper Mithridates (NUM) excavation dig was resumed and by 2024, i. e. during the last 15 years, here, in the immediate vicinity of the supposed location of the temple of Apollo, were found 13 more fragments of order details, which, judging by their characteristics, can be attributed to the order system of the temple of Apollo. These architectural finds, as well as the general context of the historical situation, reconstructed on the basis of a detailed analysis of the entire volume of materials obtained from the cultural layers of the late 6th – third quarter of the 5th centuries BC, i. e. in *the Fourth* and *Fifth construction periods* of the central part of Panticapaeum, again make relevant the question of localisation of the Temple of Apollo on the Upper Plateau of the First Chair of Mithridates Hill, as well as the clarification of its appearance and construction history.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-437-1.475-496

Ф. В. Шелов-Коведяев
(Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва)

De titulis Bosporanis et viciniis VIII

71. **Об «ошибках» резчика**. В 2006 году С. Р. Тохтасьев [*Тохтасьев* 2006, 72–78] опубликовал найденную в 1991 г. в Керчи надгробную стелу сыновей Аттеса, предположив там в написании одного из имён ляп писавшего. К его логике и возможной ей альтернативе я вернусь в очерке 100, но уже теперь кратко отнесусь к мнению с энтузиазмом поддержавшего его Александру Аврама [*Avram* 2019, 211].

Увы, и тот, и другой пренебрегли многократными (см., например, Bull. ép. 68, 294; 68, 309 etc.) предостережениями Луи Робера о недопустимости прибегать к такому объяснению на потребу собственным конструктам. Его предупреждения особенно актуальны в данном случае: настолько тщательно исполнена надпись (рис. 1. *1*).

Вместе с тем, я не могу ограничиться одной критикой. Хотя я не разделяю – применительно к мирмекийской эпитафии – подхода С. Р. Тохтасьева/А. Аврама, хочу отметить развиваемые обоими идеи о вариативности – υ/ου/ο – отражения средствами греческой графики специфики эллинского произношения исконного [u] в ономастике хетто-лувийского и иного малоазийского, в частности пафлагонского, происхождения [см. *Avram* 2019, 212–215]. Это их наблюдение пригодится нам в дальнейшем.

72. **Об эпитафии, поступившей в Керченский музей в 1978 г**. В 2019 г. А. П. Бехтер [*Бехтер*, *Кучеревская* 2019, 220–229] издала надгробие, выставленное в экспозиции Керченского лапидария (КЛ-1465; рис. 1. *2*). Чтение (с некоторыми моими уточнениями состояния графем: здесь и далее *курсивом* в греческом помечены нарушенные буквы), в котором она видит зачин стиха, не вызывает сомнений: κεῖμαι / ἐν τῶι *δὲ* χ / *ωρίω*ι. До аутопсии не возьмусь судить, что следует далее, а вот предложенная публикатором датировка (конец V – 1-я половина IV в.) явно омоложена. Не только скачущие буквы и ползущие строки, но весь *характер* письма указывают на значительно более раннее время (ср. иллюстрации к *КБН* 914, 915). Стелы даже 2-й половины V в до Р. Х., не говоря уж о его окончании или рубеже со следующим столетием, выглядят совсем иначе (ср. *КБН* 152–154).

Скорее всего, тут надо предпочесть 1-ю половину V века. Такому выбору не противоречит и облик литер [см. *Болтунова*, *Книпович* 1962, 8, табл. I]. Анализ метрических шероховатостей, проведённый А. П. Бехтер [*Бехтер*, *Кучеревская* 2019, 225–227: с литературой], будет полезен приверженцам школьных норм в редколлегии Аристея.

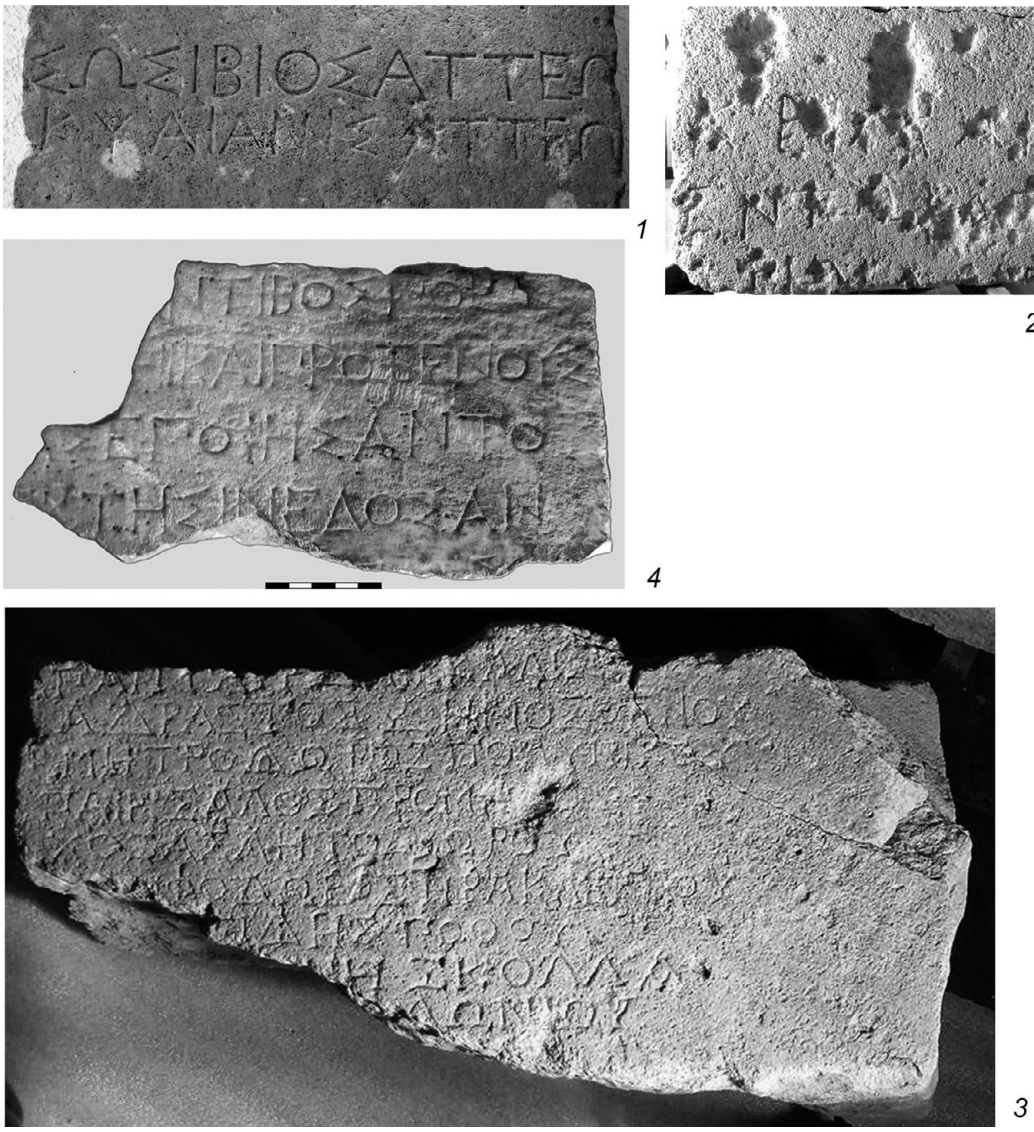


Рис. 1: *1* – Эпитафия сыновей Аттеса, по: [*Тохтасьев* 2006]; *2* – Эпитафия КЛ-1465, по: [*Бехтер, Кучеревская* 2019]; *3* – Надгробие из Мирмекия, по: [*Бехтер, Бутягин* 2017]; *4* – Фанагорийская проксения из раскопок 1976 г., по: [*Завойкин* 2004]

Вместе с издательницей приходится сожалеть о том, что полные аналогии стиха не обнаруживаются (ср. CEG S. 60, 170). Но (снова: ср. сказанное в заметках 71 и 100) её склонность исправлять ясно читаемое *χωρίωι* на χ[ω]ρ{ί}ωι=χώρωι вызывает недоумение.

Обозрев применение χωρίον в эпиграфике, она, единственно на основании статьи в LSJ, причисляет её к «низкому» жанру, хотя в том же словаре говорится, что лексема очень часто попадается в прозе, начиная с Геродота (LSJ s. v.). Откуда такая уверенность в том, что то, что ни разу не встречается в трагедиях (кто-нибудь проверял это утверждение конца XIX в. по открытым с тех пор текстам?), «не должно присутствовать» в эпитафиях?

Обратим внимание на локализацию обнаружения памятника – 2-я Митридатская улица в нагорной части Керчи. Приняв дату 1-й половины V в. до Р.Х. и вспомнив, что в 1-й четверти того же века Пантикапей подвергся разрушениям в ходе военного конфликта [*Шелов-Коведяев*, *Толстиков* 2014, 490–491], не стоит удивляться появлению χωρίον («укреплённое место, укрепление, крепостной пункт»: например, Bull. ép. 71, 175 – не путать, как А.П. Бехтер, с омофоном χώριον!) в керченской эпитафии.

Ведь могла же она украшать собою могилу воина, стоявшего на страже полиса, каковыми были тогда все его граждане? Остаётся отметить, что заодно, очевидно, должна быть удревнена и форма акротерия, венчающего стелу.

73. О надгробной надписи из Мирмекия. В 2017 году А.П. Бехтер представила список имён [*Бехтер*, *Бутягин* 2017, 978–990], происходящий из раскопок городища в 2015 г. (КЛ-2709, рис. 1. *3*). Она прочла его следующим образом [там же, 980]:

[----------]
Παντ̣ά̣[γαθο?]ς Καλι.[---],
Ἄδραστος Δημοσθ̣ένου,
Μητρόδωρος Πολυνίκου,
Παιρισαλος Προμή[θ]ου,
Χοσας Λητοδώρου,
[Νυ]μφόδωρος Ἡρακλείτου,
[--$^{4-5}$--]ίδης Πόθου,
[--$^{6-7}$--]γη *vac. 1 litt.* ς Κολλᾶ.
[--$^{4-5}$--Ποσει]δ̣ωνίου

Первое частично сохранившееся имя в стк. 1 различается без труда, но иначе (см. фото) – Πάντανδ[ρ]ος. О Παιρίσαλος издательница (некорректно ссылаясь на С.Р. Тохтасьева), пишет [там же, 982] «Происхождение имени не вполне ясно – предположительно, сарматское (из чего делается такое предположение?: в [*Тохтасьев* 2005, 294] речь идёт лишь о сарматской принадлежности имени-этникона Ревсинала, сына Перисала, но не о нём само́м; в прим. 40 [там же, 303] – о влиянии на последний АН боспорского династического ЛИ Перисад и о рефлексии той же основы (какого извода – не уточняется) в сармат. Пайрак/Пэрак: при том, что композиты с *pa^{i}ri сопоставляются с *др.-инд.* гипокористиками вроде Parila. – *Ф.Ш-К.*) – этимология также неочевидна» (заодно: этимология и происхождение в таком контексте – одно и то же). В самом же начале своих заметок об ономастике Северного Причерноморья, тот, критикуя фракийскую интерпретацию антропонима, предложенную Л. Згустой, вполне определённо склонялся к малоазийскому генезису АН [*Тохтасьев* 1992, 190, № 11 и прим. 54–55], специально (отсылая к Г. Кайбелю и Г. Михайлову) указывая на фрако-малоазийскую омонимию ЛИ.

Χοσας и ему подобные образования справедливо сочтены [*Бехтер*, *Бутягин* 2017, 982] грецизированными формами, но, отчего-то, местного варварского имени. Это правда, что С.Р. Тохтасьев не успел обработать данные факты. Однако, наряду с иным выявленным им малоазийским ономастическим корпусом Боспора [*Тохтасьев* 2007, 170–208; ср. он же 2000, 145 и прим. 102] и с учётом отмеченных выше в заметке 71 фонетических эффектов, это имя может иметь даже и хетто-лувийские (см., например [*Laroche* 1966, 74; *Kloekhorst* 2008, 353–354]) коннотации.

Во всяком случае, среди первых (VII в. до Р. Х.) граффити Аргоса встречается Χοσης, что не имеет, натурально, никакого отношения к Северному Причерноморью, кое не было тогда надёжно освоено эллинами. Зато, благодаря давним связям крито-микенского ареала с Малой Азией и Ближним Востоком, данный антропоним вполне мог быть воспринят оттуда.

Κολλᾶς (ударение издателя) и ему подобные с корнем κολλ- предложено полагать эллинскими из-за их широкого распространения и оформления их различными греческими суффиксами [*Бехтер*, *Бутягин* 2017, 985 и прим. 25] и (добавлю) окончаниями. Утверждение весьма рискованное: так можно, чего доброго, заявить греческими и исконно иранские имена на *farn-*: Φαρνάκης, Φάρναγος, Φαρνακίων и т. п. Фриц Бехтель, которого [*HP* 1917, 602] в данной связи привлекает А. П. Бехтер, на самом деле, ни при чём: он трактует единственно о ЛИ Σκόλλος и [Σ]κολλίας, признавая второе сомнительным, благодаря наличию Κόλλων и Κολλίων (об этимологии же обоих последних им не сказано ни слова).

География распространения ономастических и топонимических артефактов на κολλ-, впрямь, обширна, особенно при вероятности гаплографии Κολλ->Κολ-. К примеру, – кроме упомянутой издательницей Киренаики, – Византий (Bull. ép. 65, 67: Л. Робер акцентуирует Κόλλας), Аттика (Bull. ép. 67, 223; 81, 178; 87, 583), Крит (Bull. ép. 70, 466), Иллирия (Bull. ép. 80, 307), Египет (Bull. ép. 82, 475), Мисия (Bull. ép. 90, 642), Сарды (Bull. ép. 90, 307; 95, 506) и т. д.

Если не считать их восходящими к κόλλα (в профессиональном языке афинских ювелиров IV в. до Р. Х. = δοκιμεῖον «пробирный камень»), что, наверное, избыточно, т. к. впервые такие ЛИ и ТН фиксируются значительно ранее аттического диалектизма, то их ареал позволяет рассматривать возможность неэллинского происхождения корня. Например, – учитывая рефлексии хеттского [u] греческим [o] (см. выше), – от хетто-лувийского куста антропонимов Kul (l)- (ср. [*Тохтасьев* 2006, 75–78 и прим. 8–9, 12–13, 23–24; *Avram* 2019, 212 и прим. 6]). На мнение авторитетных учёных о греческом характере ЛИ с корнем Κολλ-/Κολ- ([*Robert* 1964, 167–168 (non vidi)]) повлияла, по-моему, сама древность заимствования.

74. **О Тихоне тавре (?)**. В 2004 г. Дэвид Браунд вернулся к осмыслению эпитафии *КБН* 114 [*Браунд* 2004, 15–19] (хранится в Керченском лапидарии: КЛ-1014). Британский коллега не пришёл к окончательному выводу, был ли тот Тихон тавром или нет (хотя и высказал в адрес позитивного ответа на вопрос большие сомнения [там же, 16–18]), но зато напомнил историю изучения памятника В. В. Латышевым [там же, 17–18].

Текст КБН повторяет, оставляя без должного внимания серьёзные колебания критического издателя: «Чтобы разобрать загадочный 2-й стих <…> обратился к Шкорпилу с просьбою вновь списать с возможным тщанием остатки надписи на обрезе камня и прислать новые эстампажи с нее. <…> присланная им копия и на этот раз не давала окончательного чтения, и многие буквы в ней были отмечены как сомнительные. Внимательное изучение новых эстампажей дало мне возможность установить наконец чтение, которое *показалось* мне *наиболее вероятным* (курсив и подчёркивание. – *Ф.Ш-К.*), и восстановить 2-й стих в форме пентаметра» [*Латышев* 1922, 71]. Его итоговый вариант:

А

Τύχ|ων|ος

Б

Σήμα|τι τῶι δ'|ὑπόκει|ται ἀνὴρ| [πολλοῖ]|σι π[ο]θ[ει]|νός.

В

Ταῦρος ἐὼν γενεήν· τοὔνο[μ]α δ'| ἔστι Τύχων.

Поэтому до намеченной мной аутопсии представляется нелишним подробнее, чем то сделал Д. Браунд, воспроизвести перипетии обработки В. В. Латышевым тихонова надгробия.

Вообще, ситуация работы исследователя с ним сложилась почти мистическая: и в ИАК 10, и в ИАК 23 оно оба раза рассмотрено на с. 63–64, а в примечании редакции 2 тома ИРАИМК [*Латышев* 1922, 69, прим. 1] отмечено, что смерть помешала мэтру просмотреть корректуру своей статьи, которую прочёл покойный же к моменту выхода книги А. В. Никитский. Всё прочее интригует не менее сказанного.

В 1904 г. В. В. Латышев, представляя документ, сообщает [*Латышев* 1904, 63–64]:

На передней и задней сторонѣ плиты, а также и на боковомъ обрѣзѣ имѣются надписи, причемъ на послѣднемъ буквы 1-й строки идутъ снизу правой стороны черезъ полукруглый верхъ на лѣвую, а 2-я строка, начинаясь отъ конца 1-й, идетъ въ обратномъ направленіи (βουστροφηδόν) съ лѣвой стороны и кончается на полукругломъ верхнемъ обрѣзѣ камня. Къ сожалѣнію, буквы на обрѣзѣ сильно вывѣтрились и стерлись, тогда какъ на передней и задней сторонахъ онѣ сохранились еще очень хорошо, за исключеніемъ 5-й строки задней стороны, попорченной при разбитіи камня. На передней сторонѣ очень крупными буквами (выш. 0,05—0,10 м.; буква Υ имѣетъ 0,19 м. вышины) вырѣзано имя покойника въ род. падежѣ, на задней — одинъ гексаметръ (выш. буквъ 0,03—0,08 м.), а на боковомъ обрѣзѣ — повидимому пентаметръ (выш. буквъ 0,025—0,03 м.), составляющій двустишіе съ гексаметромъ задней стороны.

Камень найденъ В. В. Шкорпиломъ 12 марта 1902 г. въ гробницѣ на южномъ склонѣ горы Митридата, подъ т. н. вторымъ кресломъ Митридата.

<...>

***В.* Надпись на обрѣзѣ, какъ уже упомянуто, сохранилась очень плохо. При неоднократномъ изученіи эстампажа удалось съ большею или меньшею достовѣрностью разобрать слѣдующія буквы:**

ΤΑVΙ⁞ΟΙΣ⁞ΕΙΙΤVΥ∩Ν▒▒Τ∩ΝΟ▒▒

ΙΟΞΝ▒▒⊥Λ⊥Ι⊥ΞΞΙΔΑ▒

Транскрипція получается слѣдующая:

***А.* Τύχ|ων|ος.**

Б. Σήματι τῶιδ', ὑπόκειται ἀνὴρ [πολλοῖ]σι π[ο]θ[ε]νὸς
В. Ταύ[ρ]οισ[ιν] Τύχων... τωνο..... ἐστι.....

Надпись несомнѣнно относится къ V в. до Р. Хр. и представляетъ первый примѣръ письма βουστροφηδόν на Воспорѣ. Очень жаль, что второй ея стихъ не поддается возстановленію.

В 1907-м он примерно высекает почтенного Вильгельма Крёнерта за тот же грех, которым страдают многие публикаторы нового поколения, а именно, – стремление «в любом тексте вычитать то, что нам желательно» – и настаивает, что «<…> слово Ταύροισι <…> читается на камне ещё довольно ясно» [*Латышев* 1907, 63–64]. Увы, он, в конце концов, и сам сдался столь справедливо отвергавшемуся им соблазну. Хотя новые материалы В. В. Шкорпила не давали, вроде бы, к тому оснований [*Латышев* 1922, 71] (см. выше полную цитату).

В самом деле, эстампажи, приведённые в CIRB-Album, маловразумительны. Но, как раз, в строке, написанной, скорее (см. ориентацию *дельты* и буквы перед нею), в манере *псевдобустрофедон*, куда ближе исходному варианту В. В. Латышева:

Особенно более правдоподобным выглядит Ταύ*ροισιν*.

Конечно, например, Ταύ*ροισιν* ἔπεσ' создаёт проблемы для размера, если предполагать пентаметр (форма Ταύ*ροισιν* намекает на стих). Однако, в раннее время известны надгробные вирши, составленные из двух гекзаметров.

Так я склоняюсь к тому, что некий Тихон не был тавром, но – погиб «в таврах» (то есть, в их земле) – ср. ἐμ Μαῖταις в боспорской же эпитафии IV в. до Р. Х. пафлагонца Дрисаниса, павшего сражаясь «в меотах» (*КБН* 180.3). В пользу такого решения говорит и указание В. В. Шкорпила (слова земляная гробница и могила он употребляет как синонимы) о том, что стела была найдена над правою рукою пропитанного *красной краской* скелета в *насыпи* захоронения [*Шкорпил* 1904, 80, № 35], а не рядом с погребением, как понял Д. Браунд [*Браунд* 2004, 17].

75. О Синдике из фанагорийской проксении 1976 г. находки. В 2004 г. А. А. Завойкин выступил со статьёй «Две Синдики» [*Завойкин* 2004, 150–162], к чему его побудила формулировка посвящения (к нему я вернусь в очерке 90) Теопропида сына Мегаклова из Нимфея [*Соколова, Павличенко* 2002, 99–121]. Я благодарен ему за то, что он [*Завойкин* 2004, 152] оценил мой подход к значению титула ἄρχων у Спартокидов – «правящий, правитель», – хотя далее по тексту он и продолжает писать «архонт».

Сопоставляя нимфейский вотив с другими близкими ему по времени надписями, он делает далеко идущие хронологические и исторические выводы об этапах включения Синдики (двух – в его версии – Синдик) в состав Боспорской державы. Тут он сразу попадает в ловушку, подобную той, что он сам любит растягивать на других, – тех, кто использует археологический материал, не будучи дипломированным и практикующим археологом.

А ведь язык ещё более тонкий предмет, да и потестарные формулировки в ранней боспорской эпиграфике столь разнообразны, что пользоваться тем и другим надо сугубо осторожно, тщательно избегая всякой прямолинейности. Впрочем, я не буду теперь задерживаться на остроумных исторических построениях автора: они, надеюсь, станут объектом отдельной большой работы.

Обращусь же лишь к вариантам реконструкции фанагорийской проксении 1976 года – В. П. Яйленко [*Яйленко* 1984, 219–222], Ю. Г. Виноградова [*Виноградов* 2002, 20–21] и моей [*Шелов-Коведяев* 1985, 59–60]. А. А. Завойкин присоединяется к первому, а два последних именует (кавычки его) «экзотичным» [*Завойкин* 2004, 156]. Такая формулировка демонстрирует, насколько опрометчивыми могут быть суждения, внешние по отношению к эпиграфическому ремеслу.

Никаких диковинок, ни вкусовых предпочтений: только избыточное несовпадение лакун заставило нас с моим учителем искать альтернативы дополнениям, предложенным В. П. Яйленко [ср. *Виноградов*, *Толстиков*, *Шелов-Коведяев* 2002, 70]. По камню видно (рис. 1. *4*), что объём пропавшего текста в сткк. 1–2 практически одинаков, и в сткк. 3–4 всего на пару букв меньше. У В. П. Яйленко же получается: стк. 1 – 17 литер (*ни одной йоты*), стк. 2 – 13 (14 с двумя *йотами*, занимающими вдвое меньше места), стк. 3 – 11 (12 с двумя *йотами*), стк. 4 – 14 (16 с четырьмя *йотами*).

Реконструкция разваливается. И вместе с нею – её принятие А. А. Завойкиным.

76. **О ΔΕ на килике из Фанагории**. В 2011 г. А. А. Завойкин и В. Д. Кузнецов представили науке незадолго до того раскопанное здание, которому они определили общественный характер [*Завойкин*, *Кузнецов* 2011, 188–198], что само по себе не вызывает сомнений. Но парадокс состоит в том, что этот и следующий – о гибели постройки около рубежа VI–V вв. до Р. Х. – выводы были сделаны в значительной степени на основании граффито (рис. 2. *1*) на сосуде из проре́завшей её пол ямы. Авторы сочли, что *дельта* и *эпсилон* на его стенке должны быть развёрнуты в δε(μόσιον) = δη(μόσιον) «общественное» (sc. имущество). Для подтверждения своей позиции они сослались исключительно на аналогии из 12 тома публикации материалов Афинской агоры [*Sparkes*, *Talcott* 1970, no. 436] (можно было бы добавить и no. 578, а no. 265 – исключить: он не имеет отношения к делу).

Увы, они прошли мимо появившегося чуть позже 23 тома той же серии [*Lang* 1976, 51–52, nos. Fa 1–26, pl. 29], где подобраны все известные на тот момент такие артефакты. Кроме того, они не придали значения двум принципиальным нюансам, отличющим кубки, находившиеся в общественном употреблении: *все* ΔΕ на них выполнены в лигатуре на внешней стороне поддонов, а не раздельно на их стенках. То же характерно и для более молодых граффити δη(μόσιον) [*Lang* 1976, 52, nos. Fb 1–3, pl. 29]. Единственное ΔΕ не в лигатуре (рис. 2. *2* и *3*) дошло от конца V в. [*Sparkes*, *Talcott* 1970, no. 764] и не может быть отнесено к общественным, ибо тогда Афины уже перешли на новый алфавит.

Палеография *дельты* с удлинённым левым скатом и *эпсилона* с далеко выходящей с обоих концов за пересечения с горизонталями «спинкой» присущи VI в. до Р. Х. Скорее даже раннему.

Принимая же во внимание, что автор граффито мог быть в возрасте и писать в привычной для него со школы манере, а также датировку килика 525–500 гг. [*Sparkes*, *Talcott* 1970, nos. 265, 400–404], время гибели упомянутого здания, в согласии с прочими мате-

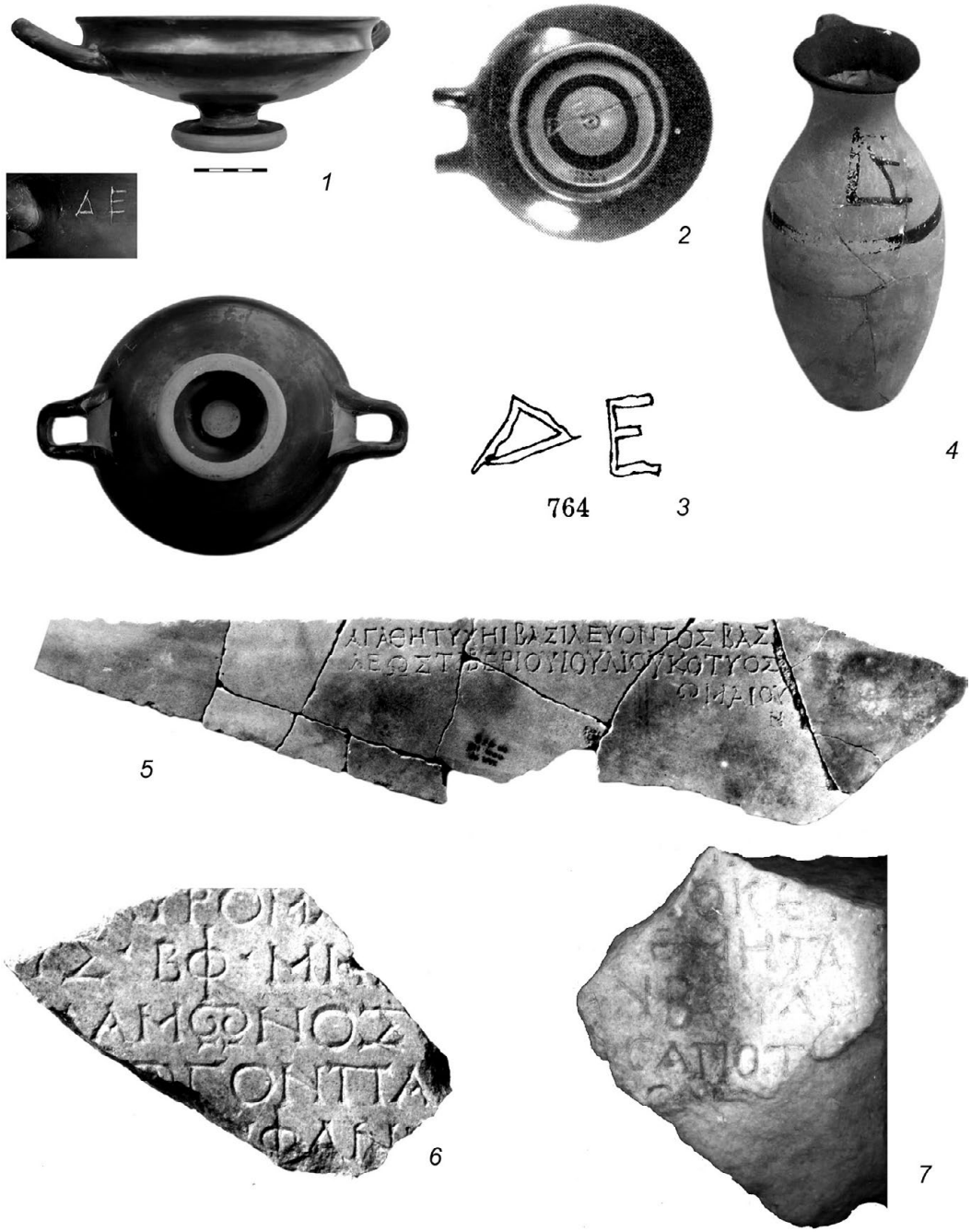


Рис. 2: *1* – ΔΕ на килике из Фанагории [*Завойкин, Кузнецов* 2011]; *2* – Дельта и эпсилон раздельно на килике (Ath. Agora XII, no. 764); *3* – Дельта и эпсилон раздельно на килике, прорисовка (Ath. Agora XII, no. 764); *4* – Дипинто ΔΕ в лигатуре на ойнохое (Ath. Agora XII); *5* – Незаконченная надпись из Горгиппии, по: [*Смирнова* 2002, № 1]; *6* – Список имён членов фиаса, по: [*Смирнова* 2002, № 3]; *7* – Надпись из Патрея, по: [*Смирнова* 2002, № 5]

риалами [*Завойкин*, *Кузнецов* 2011, 192–195], может быть отодвинуто от рубежа VI–V вв. вглубь последней четверти VI до Р. Х. Что даёт активной фазе его жизни не более пары-тройки десятилетий.

Граффито, не будучи «общественным», допускает посвятительную (частные владельческие метки тоже размещались на поддонах) интерпретацию. Например, Δέ(μετρι) = Δή(μητρι) «Деметре». Что сохраняет главный вывод издателей о публичной функции здания.

77. **О лигатуре ΔΕ на афинской ойнохое**. В тех же году и журнале А. А. Завойкин [*Завойкин* 2011, 203, прим. 21 (рис. 6. *2*)] привёл совмещённые *дельту* и *эпсилон* на предмете, бывшем в Афинах в общественном обиходе (рис. 2. *4*). Здесь, кроме классического облика дипинто δε(μόσιον), надо особо подчеркнуть, что такие пометы (на плечиках и т. п.) были возможны только на сосудах, рассчитанных на нескольких пользователей, – каковой и была ойнохоя. В этом заключается их отличие от индивидуальных киликов, отчего они и не могут служить друг другу аналогиями.

78–80. **О надписях Горгиппии и Патрея**. В 2002 г. Н. В. Завойкина (ещё под фамилией Смирнова) издала [*Смирнова* 2002, 224–233] ряд сильно травмированных фрагментов надписей. Под № 1 [там же, 224–225] она ввела в оборот памятник, удивительный в нескольких отношениях (рис. 2. *5*). Во-первых, судя по спилам вверху и по нижнему скосу, ему было суждено иметь треугольную форму (пилить уже разбившуюся вещь не имело смысла). Во-вторых, неясным остаётся его назначение: при весьма малой толщине – всего 2,4 см – не предполагалось его вделывать в стену, т. к. тыльная его сторона также была тщательно заглажена.

В-третьих, он поучителен как иллюстрация того, *как* резчик наносил текст на камень (о чём много писал Луи Робер: см. разделы Méthodes в его Bull. ép.). Издательница после начала эпонимной формулы без нужды указывает vacat. На самом деле, перед ΩΜΑΙΟΥ (от φιλορομαίου) в стк. 3 на большом свободном пространстве ничего не сохранилось. Отсутствуют и следы уничтожения надписи. Выходит, что мастер вёл строки справа налево, и в ходе его занятия тонкая плитка разбилась, почему его труд и не был завершён.

79. Там же она же [*Смирнова* 2002, 226–228] (рис. 2. *6*) показала обломанную со всех краёв, очевидно, надпись фиаса. В стк. 4 помимо имени Τε]λάμων (такое, а не Τελαμών, ударение – см. LGPN – надо предпочесть) возможны и многие иные. Наиболее популярное среди них (см. обратные индексы ко всем томам LGPN), встречающееся и на Боспоре (например, *КБН* 238, 950 и письмо из Фанагории в очерке 91), – *Δ*άμων.

80. Там же она же [*Смирнова* 2002, 228–229] публикует обломок из Патрея, который атрибутирует частью почётной надписи (рис. 2. *7*). В восстановлении на с. 228 строки не выровнены по правому краю, что сбивает с толку. Если предполагать в стк. 3 глагольную форму ἔδο]αν, то с ней должен сочетаться номинатив – βουλὴ [καὶ δῆμος], а не датив, как предлагает издатель. Кроме того, не уделено внимания женскому имени Βούλη и образованиям от него (см. LGPN I, II, IIIB, VC etc.). Не исключён фрагмент списка сестричества.

81. **Об определении *танаит* на Боспоре**. В 2004 г. Н. В. Завойкина [2004, 163–198] посвятила статью танаитам в истории Боспорского царства. К сожалению, вне поля её зрения

осталась строительная надпись *КБН* 1249, где профинансировавшим восстановление башни (?) выведен Δ]*ημή*/τριος Ἀπολλ[ωνίου Τ]*αναεί*της. Так *танаит* на Боспоре римского времени остаётся не только географическим и/или этническим термином, но, – судя по совершенно эллинскому имени и патронимику Димитрия Аполлониева, – и полисным этниконом.

82. О вотиве Аспурга, найденном в 2013 г. Только что Н. В. Завойкина [*Завойкина* 2023, 150] кратко упомянула свою недавнюю публикацию посвящения (рис. 3. *1*), вскрытого в Анапе по улице Терской при разборе стены старого дома [*Завойкина*, *Новичихин*, *Константинов* 2018, 680–692]. Две последние строчки в нём она поняла как датировочную формулу. Вот как выглядят надпись и перевод издателя, с её интерпункцией [там же, 682]:

βασιλεὺς Ἀσποῦργο[ς],
φιλορώμαιος, ὁ ἐκ βασιλέ[ως]
μεγάλου Ἀσανδρόχου,
ἀνέθηκεν Ἑρμῆι καὶ Ἡρακ[λεῖ]
γυμνασιαρχοῦντος
Δάσει Γρείπου ἐν τῶι ΓΤ΄ ἔ[τει].

Перевод издателя: «Царь Аспург, друг римлян, (происходящий) от великого царя Асандроха, посвятил Гермесу и Гераклу при гимнасиархе Дасии, сыне Грипа, в 303 году» (303 г. б. э. = 6/7 г. от Р.Х.).

Выходит, Аспург датирует своё действие, в том числе, по отправлению полисным магистратом своих обязанностей? Беспрецедентно и даже неуместно (так можно было и расположения Рима лишиться), когда не подданный даёт датировку по правлению повелителя, но – наоборот. Очевидно, gen. abs. тут следует понимать не в темпоральном, а инструментальном (данный оборот это допускает) смысле: «Царь Аспург … через (или: посредством) гимнасиарха Дасия Грипова в 303 г.». Всё встаёт на свои места – должностное лицо выполнило поручение своего суверена.

83. **О взаимосвязи глаголов ἀνύω и ἐκτελέω в одном боспорском надгробии**. В 2007 г. А.И. Иванчик [*Иванчик*, *Толстиков*, *Ковальчук* 2007, 107–117] опубликовал найденную в 2005 г. стихотворную эпитафию (рис. 3. *2*):

δι̣[ς] δε̣κάδας δ’ἐτ̣[έων]
πλ̣ήσας δύστανο[ς] ἐπεὶ [τ]$_{\text{ον subscriptum}}$
[χ]ῶ̃ρον εὐσ̣εβέων ’Αίδει [ῆ̃]λθα
[τ]ὰν δ’ ἐπιτυμβί[δ]ιον στ̣άλαν̣
ἔστασεν ὁ θρέψ[ας] vac.
χαῖρε καὶ ἂν ἀνύε[ι]ς ἀτραπὸν̣
ἐκτελέσαις vac.

Издатель прочёл «…Когда мне дважды исполнился десяток лет, / несчастный, я ушёл / в место благочестивых в Аиде. / Эту надгробную стелу / поставил воспитатель / || Здравствуй и, если закончил (читать), / да завершишь (свой) путь!».

Он, неоправданно сославшись на *КБН* 128 (где формулировки совсем другие), не смог справиться с глагольным управлением и, как следствие, – переводом

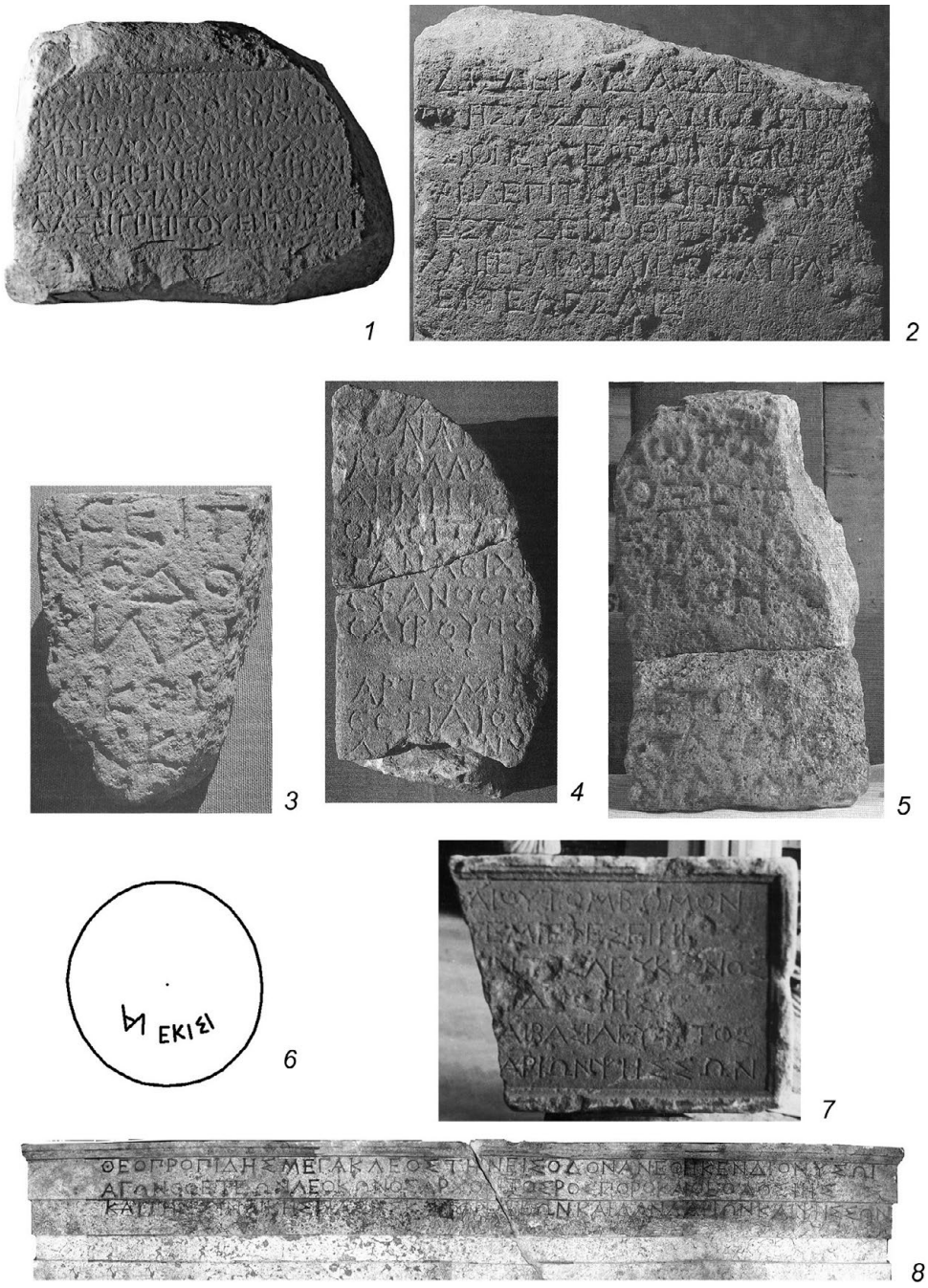


Рис. 3: *1* – Посвящение Аспурга из Анапы, по: [*Завойкина, Новичихин, Константинов* 2018]; *2* – Стихотворная эпитафия из Пантикапея, по: [*Иванчик, Толстиков, Ковальчук* 2007]; *3* – Надпись фиаса из Танаиса, упоминающая «отца синода», по: [*Иванчик* 2008]; *4* – Надпись, упоминающая божество Танаиса, по: [*Иванчик* 2008]; *5* – Постановление народа Танаиса, по: [*Иванчик* 2008]; *6* – Граффито из Китея, по [*Молев* 2004]; *7* – КБН 6а. Фото А.И. Болтуновой; *8* – Посвящение Теопропида Мегаклова из Нимфея, по: [*Соколова, Павличенко* 2002]

завершения текста, – хотя и признал, что он у него выглядит весьма своеобразно [там же, 116]. В результате он возложил груз непрофессионализма на древнего стихотворца [там же, 117].

Чтобы выйти из коллизии, надо, прежде всего, отбросить все колебания современника [там же, 116] и видеть в ἀνύε[ι]ς 2 лицо сослагательного наклонения, где ει=ηι. Во-вторых, ἀτραπόν зависит, как и до́лжно из порядка слов, от глагола ἀνύω (в конъюнктивной форме ἀνύῃς), который вполне может сочетаться с понятием пути (LSJ s. v.). В-третьих, форма от ἐκτελέω, чьё соседство с ἀνύω почему-то вызвало у публикатора затруднение [там же, 116], применена во временно́м значении (LSJ s. v., 2).

Посему две последние строчки гласят «Будь здрав, и как (ἄν) пройдёшь до конца (свой жизненный) путь, заверши (его) во благовременье». Перевод трёх первых строк тоже надо скорректировать так: «Два десятка лет / исполнив, я, несчастный, в / землю блаженных в Аиде ушёл». И не надо обижать боспорского сочинителя.

84–86. **О фиаситских и других надписях из Танаиса**. В следующем году А. И. Иванчик [2008, 57–72], публикуя первый фрагмент [там же, 59]:

[- - -]
[- - - θι]ασεῖτ [αι οἱ περὶ ἱερέα τὸν δεῖνα τοῦ δεῖνος]
[- - - καὶ πατέρα συ]νόδο[υ τὸν δεῖνα τοῦ δεῖνος]
[- - - καὶ] φιλά[γαθον τὸν δεῖνα τοῦ δεῖνος]
[- - - καὶ νε]ωκόρ[ον- - -]
[- - -].ν Κυ [- - -]
[- - -]

нарушил правила работы с лакунами. Литеры *альфа* стк. 1, *ню* стк. 2, *фи* стк. 3 и *омега* стк. 4 стоят практически одна под другой (рис. 3. *3*), а у него они невозможно далеко разнесены друг от друга.

Судя по *КБН* 1263, 1277, 1282, 1288, когда в надписях танаисских фиасов после жреца фигурирует «отец синода», то за ним следуют синагог и только потом – «брат милостивый» (φιλάγαθος) и его помощник (παραφιλάγαθος). Поэтому протяжённость строк на плите, от которой сохранился обломок, была намного больше, чем представляется А. И. Иванчику. А из-за скромности обрывка текста лучше отказаться от его полной реконструкции, ограничившись её схемой, отвечающей взаимному расположению букв на камне, например:

[θι]ασεῖτ[αι οἱ περὶ ἱερέα τ.δ. τ.δ. καὶ πατέρα τοῦ]
[συ]νόδο[υ τ.δ. τ.δ. καὶ συναγαγὸν τ.δ. τ.δ.]
[καὶ] φιλά[γαθον τ.δ. τ.δ. καὶ παραφιλάγαθον τ.δ. τ.δ. καὶ]
[νε]ωκόρ[ον τ.δ. τ.δ. - - - - - - - - - - - - - - - - - - -]
[. . .]ν Κυ[-].

85. Он же там же [*Иванчик* 2008, 61–67] изучает надпись с упоминанием бога Танаиса (рис. 3. *4*). В этой связи мне хотелось бы обратить внимание читателя на одну мою работу [*Шелов-Коведяев* 2019, 342–355], где я прихожу на основе более тщательного анализа источников к прямо противоположным выводам – и о древнем названии города (Танаис, а не Эмпорий), и о связи с ним божества.

86. Он же там же [*Иванчик* 2008, 67–72] возражает против восстановления Ю.Г. Виноградовым ещё одного артефакта (рис. 3. *5*). Последний даёт:

[- - -]
[- - -] δ̣ώρου [τοῦ δεῖνος]
[- - -ἔ]δ̣οξε τῷ [δήμῳ· ἐπαινέ-]
[σαι τὸν δ. τοῦ δ. καὶ στ]εφανοῦ̣[σθαι χρυσῷ ?]
[στεφάνῳ τήν τε εἰκόν]α̣ ποή[σασθαι αὐτοῦ]
[καὶ ἀναθεῖναι e.g. Διὶ Πατριῴ]ῳ̣ *vac*.

[- - -]δ̣ὲ τῶν vel δ' ἐτῶν[- - -]
[- - -ἀνα]στὰς συστρ[ατιώτη?]
[- - -]οὐδ' ἰδιο [- - -]

Беда полемиста в том, что после *may* в стк. 2 ясно видна левая половина омеги (ср. её написание в стк. 1 и в первой строчке нижнего фрагмента), а потому последующие предложения А.И. Иванчика повисают в воздухе. В результате Ю.Г. можно упрекнуть лишь в неточном (полностью скопированным его оппонентом) распределении текста в сткк. 2–3. В соответствии с камнем они должны выглядеть так:

[- - - - - - - - - - - - - - - ἔ]δ̣οξε τῷ [δήμῳ ἐπαινέ]-
[σαι τὸν δ. τοῦ δ. καὶ στ]εφανοῦ̣[σθαι κτλ.].

87. **О Танаисе и эмпории**. Ещё год спустя А.И. Иванчик, уже в соавторстве с С.Р. Тохтасьевым [*Иванчик*, *Тохтасьев* 2009, 95–107], вновь вернулся к своему конструкту: Танаис, якобы, и не Танаис вовсе, но – Эмпорий. О его ошибочности см. заметку 85 и упомянутую там мою работу.

88. **О публикации граффити и дипинти**. В прошлом году Ю.Ю. Каргин [2023, 227–256] предпринял отважную попытку разработать революционную методику обработки артефактов «малой» эпиграфики. Можно только приветствовать расширение интереса «смежников» к этому эпиграфическому материалу.

Однако серия из всего 39 находок никак не годится даже для простой классификации. Не говоря уж о продвинутых методических выводах. Тем более, когда в их основу стараются заложить сугубо формальные критерии, которые по самой природе своей требуют длинных рядов.

Автору не удалось отрешиться и от облегчённо критикуемого им филологического, смыслового подхода. Совсем наоборот: он попал под обаяние (прямо ссылаясь на него) зависимости С.Ю. Сапрыкина от желания видеть за каждым техническим знаком, насечкой, меткой, цифрой и т.д. обязательно свёрнутое слово, а то и полноценное высказывание. Умозаключения Ю.Ю. Каргина тут контрпродуктивны, а опровержение их совокупности требует отдельной статьи.

Надеюсь, впрочем, что автор заметит иную интерпретацию дипинто μέλαιναι Νίκωνι в том же томе ДБ [*Шелов-Коведяев* 2023, 445–446]. В итоге, признавая важность его интереса к классификации граффити и дипинти, приходится признать его первый опыт таковой неудовлетворительным.

89. **О культе Аполлона в Китее**. В 2004 г. Е.А. Молев посвятил этому вопросу специальную заметку [*Молев* 2004, 302–308]. Найденные в расположении китейского святи-

лища граффити на донцах АПОЛ и AI (последние могут указывать, что в полисе был храм Аполлона «Врача») говорят сами за себя. За исключением № 1, в котором правильнее видеть AN [ср. *Молев* 2004, 302].

Очень любопытно граффито из нескольких элементов (рис. 3. *6*). Ежели автор прав, что оно было намеренно нанесено вверх тормашками, то и *эпсилон*, *каппу*, *йоту*, *сигму* и вторую *йоту* надо интерпретировать иначе, чем он предлагает (т. к. ἐκ «из» ≠ ἀπὸ «от»), но читать тоже опрокинуто и потому – справа налево.

Известно, что в граффити могли как регулярно пропадать, так и дописываться гласные, отражающие произношение того или иного согласного [*Wachter* 1991, 49–80]. И если при [k] это ожидаемо [ibid., 60] происходило с [a], отчего ΕΞΙ не дало бы ΕΚΙΣΙ, то при [s] возникал/исчезал [ibid., 66–67] знак *йоты* [i], что при его появлении в ретроградном письме приводит к ΙΣΙΚΕ = ΙΣΚΕ.

А наряду с Ἴσκαλος (LGPN VC s. v.) и Ἴσκυς (LGPN VB s. v.) известно имя Ἰσκέας (LGPN IIIB s. v.). Надпись может быть вотивной, с аббревиатурой того же Ἰσκέας или новым женским антропонимом Ἴσκη – Ἰσ{ι}κέ(ας) или Ἰσ{ι}κε (? где ε = η) Ἀ(πόλλωνι) Ἰ(ητρῶι). От определения того, куда падало ударение – на *йоту* или *эту* – я пока воздержусь, ибо шансы обоих решений равны.

90. **О вкладе нимфейского посвящения Теопропида Мегаклова в боспорскую эпиграфику**. В 2002 г. Н. А. Павличенко [*Соколова*, *Павличенко* 2002, 99–121] издала найденную в 2000 г. посвятительную надпись Дионису (рис. 3. *8*) на архитраве:

> Θεοπροπίδης Μεγακλέος τὴν εἴσοδον ἀνέθηκενΔιονύσωι
> ἀγωνοθετέων Λεύκωνος ἄρχοντος Βοσπόρῡ καὶ Θεοδοσίης
> καὶ τῆς Σινδικῆς πάσης καὶ Τορετέων καὶ Δανδαρίων καὶ
> Ψησσῶν.

Перевод издателя: «Теопропид, сын Мегакла, будучи агонотетом, посвятил этот вход Дионису при Левконе архонте Боспора и Феодосии, и всей Синдики, и торетов, и дандариев, и псессов».

Судя по тексту статьи, публикатор, ссылаясь на С. Р. Тохтасьева, Ю. Г. Виноградова и меня, не владел историей развития идей и публикаций о значении термина ἄρχων, восстановления названия Феодосии в ряде надписей, содержащих титулатуру ранних Спартокидов и т. п., что тогда же было прекрасно известно А. А. Завойкину (см. очерк 75).

Для полноты понимания текста замечу, что точнее будет перевод, допускаемый семантикой глагола ἀνατίθημι (LSJ s. v.), – «Теопропид Мегаклов этот вход *воздвиг Дионису* (= в честь Диониса. – *Ф.Ш-К.*), будучи агонотетом при Левконе, *правителе* Боспора и Феодосии и всей Синдики и торетов и дандариев и псессов». Последние три народа не входят, тем самым, в территорию «всей Синдики» (ср. выше 75).

Опираясь на представленный тут состав титулатуры Левкона I, Н. А. Павличенко предложила новое дополнение сткк. 4–5 посвящения КБН 6а:

> [... ἄρχο]ντος Λεύκωνος
> [Βοσπόρου καὶ Θεο]δοσίης [καὶ]
> [τῆς Σινδικῆς κ]αὶ βασιλεύοντος
> [Τορετέων, Δανδ]αρίων, Ψησσῶν.

Всё бы ничего, да в стк. 4 на хорошо сохранившейся поверхности вообще нет никаких следов чего-либо, что позволило бы допускать καί, пусть и в квадратных скобках. Более того, этого и не должно быть, ибо в концах строчек на камне наблюдается свободное расположение текста (рис. 3. *7*). Наоборот, предполагаемое ею чтение создаёт в стк. 4 и 5 неоправданную разницу лакун в две полноценных литеры.

При том, что ничто не мешает реконструировать так:
стк. 4 [Βοσπόρου καὶ Θεο]δοσίης (14/13,5 м. б. в лакуне с учётом одной *йоты*);
стк. 5 [καὶ τῆς Σινδικῆς κ]αὶ κτλ. (15/13,5 м. б. при трёх *йотах*). В стк. 6 им логично соответствуют 12 букв – без единой *йоты* и с широкими *дельтами* и *ню* (по два раза) и *омегой* (ср. их размеры в сохранившихся частях стк. 1, 4 и 6).

91. **О свинцовом письме из раскопок Фанагории 2015 г**. В 2022 г. Н. А. Павличенко постаралась прочесть [*Павличенко* 2022, 206–217] весьма примечательный документ частной переписки (рис. 4. *1*, *2*). Оставляя его более подробное рассмотрение на будущее, хочу уже сейчас отметить его некоторые наиболее важные моменты.

К сожалению, издательница не в первый раз повторяет общую для всего её поколения ошибку: признавая, что не менее трети пластины утрачено [там же, 208], она продолжает работать с нею так, будто она сохранилась полностью. Не замечая, что на самом деле кроме вырванного угла, свинец, даже на уровне прилично сохранившихся строк, судя по всему, обломан справа и слева.

Поэтому, например, стк. 2–3 очевидно (семантика глагола μέμφομαι включает в себя предлагаемое понимание: LSJ s. v.) должны читаться следующим образом:

[- - χ]αίρεν· μέμφεται [ὁ δεῖνα - - -]
[- - - -]σοὶ (?) κατ᾽ αὐτὸν ἄδικον [- - -].

Перевод: «[з]дравствовать. Высказывает недовольство [*имярек* - - -]/тебе (?) в отношении него непорядочности [- - -]». Ведётся ли речь о претензии на несправедливую компенсацию за причинённый ущерб, или о чём-то ещё?

Кроме того, – поскольку письмо открывается приветствием Ксанфия Дамону, – то на т. н. оборотной стороне части А стоит не адрес, но – вопрос. Ξανθίης Δάμωνι· τί ἐν νῶι ἔχες; «Ксанфий – Дамону: что имеешь в уме?» (то есть: что ты думаешь?). Пишущий *либо наперёд* настраивает адресата на формирование мнения по поводу того, что тому предстоит прочесть, *либо* запрашивает его соображений *после* прочтения. Перевёрнутая строчка не продолжает другую сторону пластинки, а имеет самостоятельное значение.

92–98. **О граффити и дипинти с поселения Полянка**. В прошлом году С. Ю. Сапрыкин собрал 32 экземпляра «малой» эпиграфики в одном месте [*Сапрыкин* 2023, 369–382]. Помимо хаотично сложенных иллюстраций, заставляющих читателя мучительно долго искать соответствия номерам в тексте среди таковых же на таблицах, его материал служит классическим образчиком губительного пристрастия вычитывать в банальных метках (крестах, насечках и т. п.) и отдельно стоящих буквах (= цифрах) какой-то запредельный смысл, вводящий неискушённых в соблазн следовать тем же ведущим в никуда путём (см. заметку 88).

Под № 29 издатель представляет *на амфоре дзету* (семёрку) с косой перемычкой (рис. 5. *1*), кою он превращает в *кси* ради чтения *ксест*, а один из горизонтальных следов

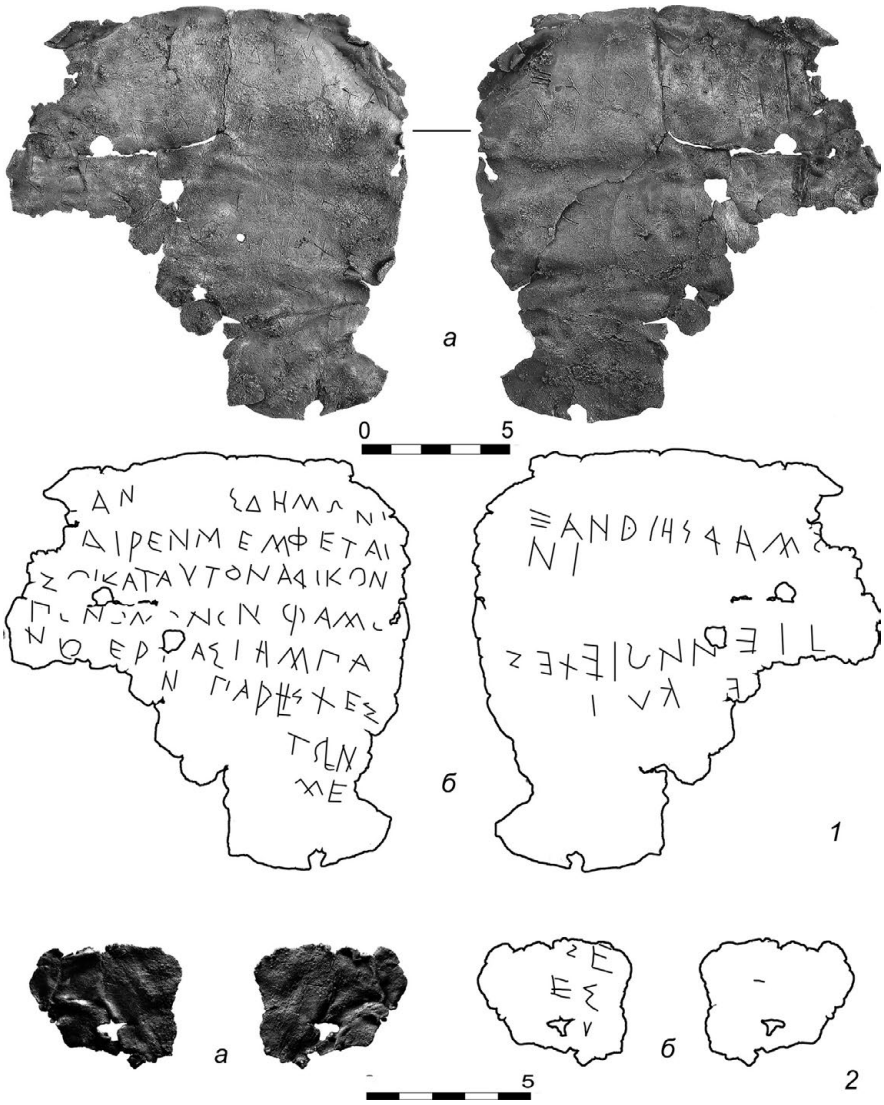


Рис. 4. Свинцовое письмо из Фанагории, по [*Павличенко* 2022]: *1* – Фрагмент А, фото (*а*) и прорисовка (*б*); *2* – фрагмент Б, фото (*а*) и прорисовка (*б*)

формовки (их, а также вертикальных, полно на фрагменте) – в знак обола, чтобы получить «1 кружка за обол» (в питейном заведении). Между тем, ксест – производная от лат. sextarius *мера* жидкости объёмом около пинты (LSJ s. v.), а не пинта в бокале!

93. Точно так же в № 32 (рис. 5. *2*) над ΔΙ нет никаких прочерков. Налицо т. н. «рогатая» *дельта* – монограмма *дельты* и *ипсилона*, – образующая вкупе с последующей *йотой* ΔΥΙ: первый слог от ЛИ Δύϊος или Δύϊς в дативе (Δυΐ(ῳ) / Δύϊ: *кому* назначен товар) либо генитиве (Δυΐ(ου): *чей* он). Ни драхма и обол (ΔΙ), ни ΔΧΙ (*дельта* и *хи* в лигатуре) – драхма и халк – не проходят.

94. Аналогично (рис. 5. *4*а: № 7) на углублении для соуса на рыбном блюде фигурирует не начало имени (Χι-: *внутри* ёмкостей ΑΗ не писались), а три косых креста (все три

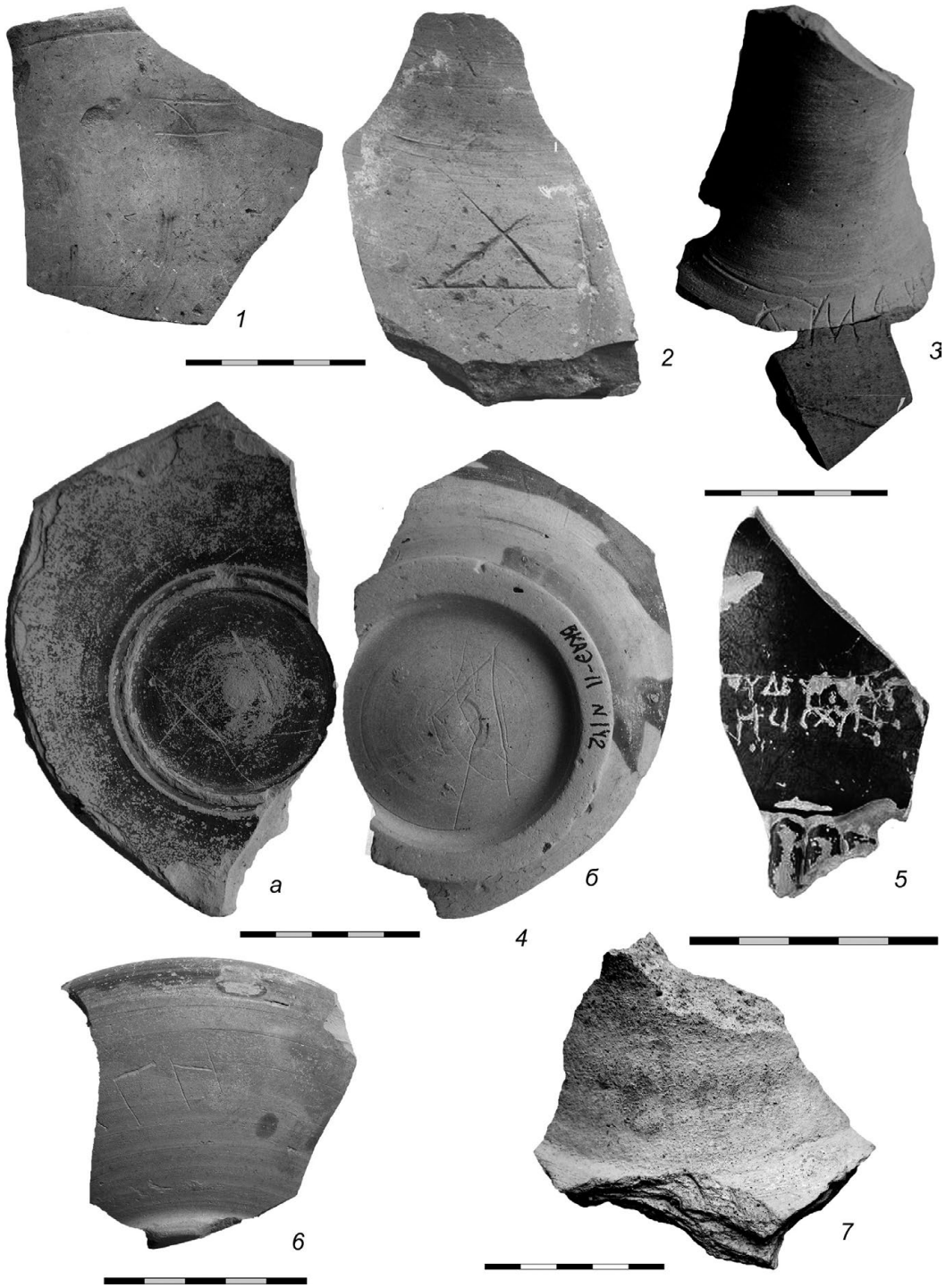


Рис. 5. Граффити и дипинти на керамике из поселения Полянка, по: [*Сапрыкин* 2023]
1 – Дзета (цифра 7) на амфоре; *2* – Аббревиатура имени Δύϊος; *3* – Имя Χυλλεαν(ός?); *4* – Кресты-обереги внутри рыбного блюда (*а*), и на его днище (*б*); *5* – Застольная надпись; *6* – ΑΓΝ (?); *7* – Владельческая надпись Ε Ἰρκύ(ου) или Ἰρκύ(ῳ)

в лигатуре, два сильно попорчены осыпавшимся лаком). Такие же апотропеи начертаны снаружи донца (рис. 5. 4б: № 8): хозяин страховал вещь и её содержимое от проникновения тёмных сил с обеих сторон.

95. В № 5 (рис. 5. *6*) буквосочетание АГN только предположительно (от гипотетической *альфы* дошёл хвостик правого ската). Следы *эты* после *ню* и в нём самом отсутствуют. Налицо лишь концентрические круги, оставшиеся от работы на гончарном круге, что, коли считать АГN (?) началом имени, увеличивает число возможных вариантов (см. все тома LGPN) до десятков. А о производном от прилагательного ἁγνός в смысле назначения для очистительных ритуалов, как предлагает автор, приходится забыть (такие пометы, как и δη(μόσιον), чертились на внешней стороне донца храмовой утвари).

Скорее уж, исходя из культового контекста находки, надо говорить о посвящении предмета богу либо об эпитете самого́ божества (LSJ s. v.). Тому и другому самое место на стенке. Но почему аббревиатура? Тоже не убеждён.

96. В № 21 (рис. 5. *3*) нет ни изначально ретроградно начертанного *ню*, ни ΔINA под основной надписью. Если рассматривать стоящий в начале косой крест обычной пометой, то далее может читаться падеж от антропонима Ὑμενν(αῖος) – с диттографией и первым *ню*, переплетённым с *эпсилоном* (LGPN passim: без диттографии).

Мне представляется более оправданным чтение Χυλλεαν(ός?): третий знак более похож на две следующие друг за другом *лямбды*, чем на *мю*, а 5 и 6 – на лигатуру *эпсилона* и *альфы*. Здесь также возможна диттография: ср. Χυλέας (LGPN VA: Иония – Магнезия на Меандре, императорский период). Новое имя?

97. В № 25 (рис. 5. *7*) я вижу – *эпсилон*, следом *йоту* высотою до двух раз больше остальных литер и (совершенно ясно в перевёрнутом состоянии черепка) *ро*, *каппу* и *ипсилон*. Понятно, почему *йота* выделена. IPKY – обрывок владельческой надписи: ср. КБН 787 (где, судя по эстампажу в CIRB-Album, стоит не Ἰρ/κίου, как читали В. В. Шкорпил и В. В. Латышев (*КБН*, 447), но Ἰρ/κύου – ср. там же написание конечного *ипсилона*). Выходит Е Ἰρκύ(ου) или Ἰρκύ(ῳ) – «5 Иркия (или: Иркию)».

98. Взявшись критиковать в № 18 (рис. 5. *5*) Н. В. Завойкину [*Завойкина* 2015, 103–108] за её интерпретацию единственного граффито Полянки с достаточно пространным текстом, С. Ю. Сапрыкин, дважды ничтоже сумняшеся исправляя написанное эллином, сам получает нечто удивительное:

ΠΥΔΕΥΓΙΑCΙ
ΛΗΣΙCΧΥΝ
π(ο)ῦ δέ ὑγ(ε)ίας π[ίνῃς?...]
[φιά]λης ἰσχύν.

Перевод С. Ю.: «Где бы ты не выпил за здравие, (*почувствуешь? ощутишь?*) силу кубка».

В защиту его предшественницы сразу хочу сказать, что она лучше поняла первую частично сохранившуюся «лунарную» – с добавленной вверху неё горизонталью – букву стк. 1 как *сигму* (ср. начертание такой же на предпоследнем месте той же строчки). Впечатление же *пи* создаёт обширный скол лака (ср. далее аналогично испорченные *ипсилон* и *йоту*). Тем более, что подходящая по контексту альтернатива – медиальный

императив ἠ]πύ’ = ἠπύ(ου) «ты же призови себе (доброе лечение – см. далее)» – требует необъяснимой элизии целого слога перед последующим согласным.

Поскольку *все* графемы прочерчены по поверхности сосуда очень глубоко, толстыми линиями и расположены довольно свободно, не представляется возможным вычитывать из не принадлежащих писавшему явно случайных и более поздних тонких царапин между *ипсилоном* и *йотой* стк. 1 – *гамму*, а в начале стк. 2 – наклонную гасту. У меня складывается фрагмент полностью созвучной её носителю (канфару) застольной надписи (к εὖ в лечебном контексте см. LFGE, 1106):

[- - - - - - -] σὺ δ’εὖ ἴασι[ν - - -]
[καὶ - - - - -] ἧς ἰσχυν [- - - - - -].

Перевод: « [- - -] ты же благое (или: во благо) лечени[е (или: лекарств[о) прими (императив от, например, глагола δέχομαι) / призови (к примеру, то же ἠπύου) - - - - - и получи (например, λαβέ)] его (ἧς, её: ἴασις – существительное ж. р.) силу [- - -]».

Адресата призывают утешиться, взявши сил от щедрот Бахуса. А так как канфар в известных науке граффити зачастую называется киликом, и слово κύλιξ – женского рода, – то не исключена и версия, где ἧς относится к сосуду. То есть – « (наберись) силы кубка».

Как нередко в греческих застольях, надпись могла быть версифицирована: стк. 2 даёт, вроде бы, размер (– ᴗᴗ). Но восстановить её далее невозможно: о пропавшей перед σύ части довольно пространной, по всей видимости, сентенции даже догадываться сложно. А вот поздравить исследователя городища с такой находкой, говорящей об уровне образованности местных жителей, даже необходимо.

99. **О приношениях в храм**. В том же томе ДБ И. Е. Суриков [2023, 383–397] попытался опровергнуть понимание знаменитого граффито Фанагора как упоминающего ктиста одноимённого полиса. Меня его доводы совсем не убедили, но здесь не хватит места для их (всех их) аргументированного отвода.

Сосредоточусь на том, что попутно критик, избыточно ссылаясь на православные практики и обнаруживая, по ходу изложения, не всегда точное их понимание и/или знание ригористки возражает против моего тезиса о пожертвовании Кэре: «Никто, избавившись от зла, не будет благодарить за это саму злую силу» [там же, 387].

Но я никогда такого и не утверждал. Благодарность злому духу приписана мне в пылу полемики самим оппонентом, и я не могу отвечать за эксцессы восприятия им написанного мною. В дополнение же к моим прежним доводам могу обратить внимание его на то, что приношения (в сочетании нескольких их видов в одной памятке нет ничего неожиданного) бывают самые разные. В том числе, – особливо в древности – задабривающие. И умасливали тогда именно зло.

100. **Об одном имени из надгробия сыновей Аттеса**. Возвращаюсь к обещанному в заметке 71. В 2006 г. С. Р. Тохтасьев дважды издал (см. рис. 1. *1*) вышеупомянутую надгробную стелу [*Тохтасьев* 2006, 72–78; *Tokhtas’ev* 2006, 181–192]. Вместо аккуратно начертанного на камне ΚΥΑΙΑΝΙΣ он придумал, обвинив резчика в ошибке, читать Κυλιανις.

Более всего огорчает, что ему прекрасно известен вариант, из которого может быть выведено и ЛИ Κυαιανις [там же, 74–75]. Увы, на сей раз он предпочёл простое и правиль-

ное объяснение (физики говорят, что верное решение всегда красиво: просто и кратко) – сложному и ошибочному.

К упомянутым С. Р. Тохтасьевым, как источник Κυαιανις, – Κυας (LGPN VC s. v., Писидия), восходящему «к хетто-лув. основе Kuwa-», и Κυαιος (LGPN VB s. v., Памфилия), что позволяет рассматривать Κυαιανις через призму расширения Κυαιος «хетто-лув. деминутивным суффиксом – (a)nni (Laroche. NH. P. 286, 331)» [там же, 75 и прим. 4], добавляются (см. о специфике отражения звуков малоазийских языков средствами греческой фонетики и письма в заметке 71) Κουας (LGPN VB s. v., Киликия; VC s. v., Писидия), Κοας (LGPN VC s. v., Писидия), Κοαιος (LGPN VB s. v., Киликия), Κυανιος (LGPN VB s. v., Кария – NB: с тем самым суффиксом!) и, вероятно, Κουαυα (LGPN VA s. v., Ликия: ср. Kuwa-). Стоит, всё-таки, вернуть доброе имя древнему гравёру по камню и реабилитировать новый для Боспора мужской антропоним Κυαιανις.

Наконец, надо ещё раз подчеркнуть своеобразие ономастической ситуации в Боспорской державе уже в IV в. до Р. Х. Ведь отец и один из сыновей носят малоазийские имена, а другой отпрыск – чисто греческое – Сосибий.

Список литературы

Б*ехтер* А. П., *Бутягин* А. М. 2017. Новый памятник лапидарной эпиграфики из Мирмекия // ВДИ. 4, 978–990.

Бехтер А. П., *Кучеревская* Н. Л. 2019. Неизданный памятник из Восточно-Крымского историко-культурного музея заповедника (КЛ-1465) // SA. 8, 220–229.

Болтунова А. И., *Книпович* Т. Н. 1962. Очерк истории греческого дапидарного письма на Боспоре // НЭ. III, 3–31.

Браунд Д. 2004. Эпитафия Тихона – тавра (КБН 114): предварительные замечания // ДБ. 7, 15–19.

В*иноградов* Ю. Г. 2002. Левкон, Гекатей, Октамасад и Горгипп // ВДИ. 3, 3–22 (*публикация рукописи Ф. В. Шеловым-Коведяевым*).

Виноградов Ю. Г., *Толстиков* В. П., *Шелов-Коведяев* Ф. В. 2002. Новые декреты Левкона I, Перисада и Эвмела из Пантикапея // ВДИ. 4, 58–75.

З*авойкин* А. А. 2004. «Две Синдики» // ДБ. 7, 150–162.

Завойкин А. А. 2011. Заметки о культе Диониса в Фанагории // ПИФК. 4, 199–209.

Завойкин А. А., *Кузнецов* В. Д. 2011. Древнейшее общественное здание в Фанагории // ПИФК. 4, 188–198.

Завойкина А. А. 2004. Ταναεῖται в истории Боспорского царства // ДБ. 7, 163–198

Завойкина Н. В. 2015. Симпосий в археологическом контексте // КСИА. 241, 103–108.

Завойкина Н. В., *Новичихин* А. М., *Константинов* В. А. 2018. Новая посвятительная надпись Аспурга из Горгиппии // ВДИ. 3, 680–692.

Завойкина Н. В. 2023. Аспург – царь Боспора // ДБ.28, 149–167.

И*ванчик* А. И., *Толстиков* В. П., *Ковальчук* А. В. 2007. Новая надгробная эпиграмма из Пантикапея // ВДИ. 1, 107–117.

Иванчик А. И. 2008. Три надписи фиасов эллинистического времени из Танаиса // ВДИ. 2, 57–72.

Иванчик А. И., *Тохтасьев* С. Р. 2009. Царица Динамия и Танаис // ВДИ. 3, 95–107.

К*аргин* Ю. Ю. 2023. К вопросу о классификации и интерпретации античных граффити и дипинти // ДБ. 28, 227–256.

Л*атышевъ* В. В. 1904. Эпиграфическія новости изъ южной Россіи (находки 1901–1903 годовъ) // ИАК. 10, 1–91.

Латышевъ В. В. 1907. Дополненія и поправки к изданнымъ надписямъ изъ южной Россіи // ИАК. 23, 49–65.

Латышев В. В. 1922. Заметки по греческой эпиграфике // ИРАИМК. II, 65–83.

М*олев* Е. А. 2004. О культе Аполлона в Китее // ДБ. 7, 302–308.

П*авличенко* Н. А. 2022. Письмо Ксанфия из Фанагории // Hyranis. 4, 206–217.

С*апрыкин* С. Ю. 2023. Граффити и дипинти из раскопок поселения Полянка в Крымском Приазовье // ДБ. 28, 369–382.

Смирнова Н. В. 2002. Новые надписи из Горгиппии и Патрея // ДБ. 5, 224–233.

Соколова О. Ю., *Павличенко* Н. А. 2002. Новая посвятительная надпись из Нимфея // Hyperboreus. 8. fasc. 1, 99–121.

Суриков И. Е. 2023. Возвращение Фанагора? // ДБ. 28, 383–397.

Т*охтасьев* С. Р. 1992. Из ономастики Северного Причерноморья II. Фракийские имена на Боспоре // Этюды по античной культуре Северного Причерноморья, 178–199.

Тохтасьев С. Р. 2000. Из ономастики Северного Причерноморья: X–XVII // Hyperboreus. 6. fasc. 1, 124–156.

Тохтасьев С. Р. 2005. Sauromatae – Sarmatae – Syrmatae // ХС. 14, 291–306.

Тохтасьев С. Р. 2006. Надгробная стела сыновей Аттеса из Мирмекия // ВДИ. 1, 72–78.

Тохтасьев С. Р. 2007. Из ономастики Северного Причерноморья. XIX: Малоазийские имена на Боспоре // ВДИ. 1, 170–208.

Ш*елов-Коведяев* Ф. В. 1985. Новые боспорские декреты // ВДИ. 1, 57–72.

Шелов-Коведяев Ф. В., Толстиков В. П. 2014. Боспор в первой четверти V в. до Р. Х. // ДБ. 18, 452–504.

Шелов-Коведяев Ф. В. 2019. Двусторонняя надпись из станицы Недвиговской. Танаис, танаиты, эмпорий и Эмпорий в письменных источниках // АМА. 19, 342–355.

Шелов-Коведяев Ф. В. 2023. De titulis Bosporanis et viciniis VII // ДБ. 28, 433–454.

Шкорпилъ В. В. 1904. Отчетъ объ археологическихъ раскопкахъ въ г. Керчи и его окрестностяхъ в 1902 году // ИАК. 9, 73–177.

Я*йленко* В. П. 1984. К проксенической деятельности Ольвии и Боспора // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья, 210–224.

A*vram* A. 2019. Sur une famille de noms paphlagoniens attestés dans le royaume du Bosphore // SA. 8, 211–219.

B*echtel* F. 1917. Die Historischen Personennamen des Griechischen bis zur Kaiserzeit. Halle, 1–637.

K*loekhorst* A. 2008. Etymological Dictionnary of Hittite Inherited Lexicon. Leiden, XIII + 1162.
L*ang* M. 1976. Graffiti and Dipinti (Ath. Agora XXI). Princeton, X + 116, Pl.
Laroche E. 1966. Les noms des Hittites. P., 1–385.
R*obert* L. 1964. Les stèles funéraires de Byzance. P., 1–189.
S*parkes* B. A., *Talcott* L. 1970. Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th Centuries B. C. (Ath. Agora, Vol. XII). Pt. 1–2. Princeton, IX + 382; IX + 472, Fig., Pl.
T*okhtas'ev* S. R. 2006. Tomb Stone of the Sons of Attes from Myrmekion // ACSS. 12. Pt. 3–4, 181–192.
W*achter* R.1991. Abbreviated Writing // Kadmos. XXX, 49–80.

Summary

F. V. Shelov-Kovedyayev
De titulis Bosporanis et viciniis VIII

This paper continues a series of notes on the inscriptions of Cimmerian Bosporus previously published by various authors. Nos. 71, 72, and 100 contains a call not to abuse the refer to the mistakes of the lapicide. To the history of research, corrections and clarifications of the reading of a number of lapidary and ceramic inscriptions are devoted Nos. 72, 74–76, 78–80, 82, 84–86, 89–98. The names of Greek and Asian provenance are discussed in Nos. 71, 73, and 100. The methodology of working with lapidary inscriptions, graffiti and dipinti is discussed in Nos. 77, 87, 99. The concepts of Sindike, Tanaites, Tanais, archon, the relationship of some well-known verb forms are considered in Nos. 75, 81, 83, 85, 87, 90.

DOI: 10.25681/IARAS.2024.978-5-94375-437-1.497-535

Colonial settlement was a slow-burning process,
and involved a range of participants.
Braund 2019, 97.

В. П. Яйленко
(независимый исследователь, г. Москва)

Лесбосские эолийцы на Тамани: каталог свидетельств и вопросы основания Гермонассы да Фанагории

1. Каталог свидетельств

Столетие назад М. И. Ростовцев [1925, 282] писал, что в колонизации азиатского побережья Понта эолийцы играли роль не меньшую, если не большую, нежели ионийцы, на что С. А. Жебелев в 1930 г. резонно заметил, что это утверждение и преувеличено и неверно, ибо «не может быть подтверждено никакими доказательствами» [*Жебелев* 1953, 67][1]. Действительно, кроме краткого сообщения Арриана об эолийских колонистах Гермонассы и эолийской амфорной тары в разных центрах Боспора тогда наука ничем не располагала. Ныне же накопилось достаточно материала об элементах эолийского языка да эолийцах на Тамани (отчасти в Пантикапее и Мирмекии). Он позволяет сделать более или менее обоснованные суждения о проблеме[2]. Вкратце суммируем сей материал.

[1] Цитируемая статья «Возникновение Боспорского государства» издана в 1930 г.

[2] В 1970-х годах, работая над книгой о греческой колонизации, был заинтригован феноменом Гермонассы как единственной эолийской колонии Северного Причерноморья, однако разочаровывало отсутствие источников – единственным свидетельством было известие Арриана о ее основании (текст см. ниже, под № 1). В книге 1982 г. о колонизации я расширил источниковую базу двумя граффити VI и V вв. с Березани и Тиры, благодаря которым слегка приоткрылись колонизационные предприятия эолийцев также в этих центрах [*Яйленко* 1982, 268–275; дальнейшая разработка: ОХБ, 312–325]. На протяжении полувековой работы над надписями Боспора я кроха за крохой приумножал свидетельства об эолийском присутствии здесь, в особенности на Тамани. Качественный сдвиг произошел с 2017 г., когда Ф. В. Шелов-Коведяев обратил внимание на написание Диодором имени династии Археанактидов через αι – Ἀρχαιανακτίδαι, где первая *иота* для аттического языка излишня [*Шелов-Коведяев*, *Толстиков* 2017, 453 сл.]. Пусть он прошел мимо точного объяснения этого, заслуга его велика, так как никто ранее не уделял такому написанию должного внимания. Точное объяснение заключается в том, что расширение долгого и краткого α в αι на разных позициях в слове или названии – свойство лесбосского субдиалекта, отсюда последовали три важных свидетельства о лесбосцах на Тамани (в нижеследующем каталоге № 3–5). Тут представляю коллегам всю сумму накопленных за последнее полустолетие свидетельств об эолийцах VI–IV вв. до н. э. на Боспоре, главным образом о лесбосцах на Тамани. Из нижеследующих 14 свидетельств 11 выявлены мною (№ 2–10, 12–14), здесь помещаю только основные выводы, а подробности читатель найдет в моих работах, указанных в списке литературы. За каталогом свидетельств

1. Сообщение Арриана о Семандре, ойкисте эолян, основавших Гермонассу. Известие о Фанагории да Гермонассе и их соименных основателях Арриан привел в сочинении о Вифинии (Bith., fr. 55 Roos); оно не сохранилось, но издатели извлекли из разных источников 72 его фрагмента. Интересующий нас фрагмент сохранил Евстафий в комментарии к ст. 549 «Землеописания» Дионисия, причем сначала он пересказал своими словами текст Дионисия (SC 1, p. 198): Φαιναγόρα καὶ Ἑρμώνασσα, Ἰώνων ἄποικοι πόλεις, ὧν ἡγήσατο Φαιναγόράς τις καὶ Ἕρμων, ἄφ᾽ ὧν οἱ τόποι καλοῦνται. Ἀρριανὸς δὲ οὕτω φησί· Φαιναγόρεια, ἣν ἔκτισε Φαιναγόρας ὁ Τήιος, φεύγων τὴν τῶν Περσῶν ὕβριν· ἔτι δὲ Ἑρμώνασσα ἐπὶ Ἑρμωνάσσῃ τῇ γυναικὶ Σημάνδρου Μυτιληναίου τινός, οὗ τινας τῶν Αἰολέων εἰς ἀποικίαν μεταστήσαντος καὶ θανόντος ἐν τῷ τῆς πόλεως οἰκισμῷ, ἡ γυνὴ τῆς τε πόλεως ἐγκρατὴς ἐγένετο καὶ τὸ ἑαυτῆς ὄνομα τῇ πόλει ἐπέθετο «Фанагория и Гермонасса, апойкии-города ионийцев, ими предводительствовал некий Фанагор и Гермон, по именам которых названы. Арриан же говорит следующее: «Фанагория, которую основал теосец Фанагор, бежав от насилий персов. Еще Гермонасса, *названная по* Гермонассе, жене некоего митиленца Семандра: когда он вывел некоторых эолян в колонию и умер во время основания города, жена его стала править городом и дала ему свое имя» (перевод наш). Текстологию и исторический анализ даем в § 2–3.

2. Представленное в именнике Пантикапея V в. имя Σήμαν(δρος) [*Толстой* 1953, № 197] (см. ниже § 5) указывает на мемориальное его употребление – как память об основателе Гермонассы. И в Фанагории засвидетельствовано такое же мемориальное по характеру употребление имени Фанагор – в граффито последней трети VI (см. ниже § 4) и вотиве *КБН* 971 из Фанагории времени Перисада I (344–311 гг.), поставленном Аполлодором, сыном Фанагора.

3. Название правившего на Боспоре в V в. рода Ἀρχαιανακτίδαι у Диодора (XII, 31, 1) содержит эолийское, именно лесбосское растяжение α в αι, и потому сей род лесбосского происхождения [*Яйленко* 2017, 417–426]. Текст Диодора: ἐπ᾽ ἄρχοντος Ἀθήνησι Θεοδώρου … κατὰ δὲ τὴν Ἀσίαν οἱ τοῦ Κιμμερίου Βοσπόρου βασιλεύσαντες, ὀνομασθέντες δὲ Ἀρχαιανακτίδαι, ἦρξαν ἔτη δύο πρὸς τοῖς τετταράκοντα· διεδέξατο δὲ τὴν ἀρχὴν Σπάρτακος καὶ ἦρξεν ἔτη ἑπτά «при архонте Феодоре в Афинах (438/7 г. до н. э.) ... в Азии же царствовавшие на Боспоре Киммерийском и именуемые Архайанактидами, правили сорок два года; унаследовал-то власть Спартак и царствовал семь лет» (пер. наш; начало правления Археанактидов: 438+42 = 480 г.).

4. Это же эолийское растяжение α в αι содержится в рассказе Евстафия об основании Фанагории да Гермонассы: город Φαιναγόρα, его ойкист Φαιναγόρας, также в его цитате из Арриана и у Дионисия Периэгета. Оно явным образом указывает на заимствование этих сообщений Евстафием, Дионисием, Аррианом из повествования двух разных лесбосских историков об основании сих городов. Это важная информация и мы подробно разберем ее как в плане источниковедения, так и в историческом плане (§ 2–3).

5. Это же эолийское растяжение α в αι содержит имя почитавшегося на Боспоре богакатахтоника Ἀρχαίκαρος, которого упоминает Страбон (XVI. 2, 39, рукописи). И вторая

и его источниковедческой апробацией в § 1–2 следует разработка исторической проблематики, связанной с укоренением лесбосцев на Тамани в VI в. (§ 3). Далее в приложениях (§ 4–6) рассмотрено несколько частных вопросов, связанных с источниковедением основной проблематики статьи.

основа этого имени эолийская по огласовке – Κᾶρ (Алкей), божество насильственной гибели (у Гомера и других писателей Κήρ). Подробности [*Яйленко* 2017, 425–426][3]. См. и ниже, § 4.

6. Стихотворное граффито девушки Симон из Фанагории раннего V в. :

χαρίεσσα : εἰμὶ κάλλος, ἀγᾰ́θε̄ καὶ μετρίε̄ : Σῖμον :

«я прелестна своей красотой; славная *внутренне* и скромная – Симон»[4].

Язык надписи ионийский, но графика неионийская; в стихе вообще нет ни одного слова, написанного исключительно ионийским алфавитом! Важны свойственные ей четыре графические особенности: написание *омеги* через ō и *эты* через ē, трехчастная *сигма,* округлая *гамма*. Они необычны для Фанагории и Боспора в целом; хотя представлены в ионийских центрах, но, во-первых, каждая по отдельности, во-вторых, как исключение из правил; потому нет памятников с совокупностью всех отмеченных признаков. А в эолийских алфавитах все четыре особенности органичны, поэтому графика надписи Симон эолийская. Этот вывод находит подтверждение в том, что стих Симон перекликается с темой поэзии Сафо о единстве внешней и внутренней красоты человека. В статье 2020 г. (с. 450) мы сочли Симон гермонаситкой и она переслала в Фанагорию свой стих подруге по гетерии. Однако теперь обратим внимание на то обстоятельство, что граффити на керамике всегда происходят из того города, в котором найдены. По этой причине Симон обитательница Фанагории, либо переехавшая на жительство сюда гермонаситка. Написание граффито Симон на ионийском языке, но эолийским алфавитом может наводить на предположение, что эолийцы участвовали не только в основании Гермонассы, как в сообщении Арриана, но отчасти и Фанагории.

7. Аналогичным образом эолийское по графике и языку граффито на чернофигурной ольпе V в. Ἀρίστε̄ (= Ἀρίστη) μᾰ́τρι «*дар* Аристе, матери». И. И. Толстой [1953, № 247] неточно интерпретировал надпись (подробности ниже, в § 5). Ольпа найдена В. В. Шкорпилом на некрополе, расположенном в 3 верстах от ст. Тамань вправо от дороги на мыс Тузлу; по его словам, все прибрежные некрополи до этого мыса принадлежали античному городу, находящемуся под станицей [*Шкорпил* 1918, 141, 143], так что ольпа происходит из эолийской Гермонассы.

8–9. Плиний (II, 206) упомянул поглощенные Понтом города близ Меотиды Пирру и Антиссу (Pirram et Antissam circa Maeotim Pontus abstulit). Такая пара городов – Πύρρα и Ἄντισσα – была на Лесбосе (*Strabo* XIII. 2, 4), и больше нигде, так что наряду с Гермонассой

[3] С. Ю. Сапрыкин [2019, 478] возразил мне: у Страбона нет формы Ἀρχαΐκαρος, есть Ἀχαΐκαρος. Действительно, форма без Р принята в доступных мне трех изданиях Страбона, но там по существу отсутствуют разночтения (например, в Loeb classical texts они единичны), поэтому сошлюсь на словарь В. Папе – Г. Бензелера: они дали обе формы [*Pape, Benseler* 1884, 150, 183]. Чтение Ἀχαΐκαρος можно поддержать единичным примером – ἀχαιόμαντις (по Гесихию, титул прорицателя на Кипре), но значение первой основы слова (ἀχαιό-) не находит объяснения (единственное, что можно бы предположить – что-либо «ахейское», но тогда слово писалось бы с прописной буквы: Ἀχαιόμαντις). Напротив, чтение Ἀρχαΐκαρος прозрачно: лесбосское ἀρχαι- (= аттич. ἀρχε- «древний, изначальный») + эолич. Κᾶρ (гомер. Κήρ, у драматургов также нарицательное κήρ), божество судьбы, рока = «изначальный / древний рок / судьбина» (см. литературу о нем [*Завойкина* 2020, 250]). Важно, что у этого греческого слова есть хеттское соответствие kert «сердце» (и пр.) и оно употреблялось в жреческой практике, особенно на западе Малой Азии, откуда понятно смысловое наполнение гомеровского Κήρ, эол. Κᾶρ. Эолийская огласовка второй основы в имени боспорского Ἀρχαΐκαρος выказывает его происхождение из эолийской среды Тамани.

[4] Кратчайшим образом излагаем результаты своего изучения этого граффито [*Яйленко* 2020а, 448–454].

были еще две эолийские апойкии на Тамани. Из указания Плиния на местоположение их «близ (circa) Меотиды» и на Понте, следует, что они находились на водоразделе обоих морей – на Таманско-Фонталовском полуострове; это районы трансгрессии моря, потому оба города и ушли под воду (Керченский полуостров, наоборот, повышается, так что тут их не могло быть). См. о Пирре и Антиссе [*Яйленко* 2015, 420].

10. Надпись на обломке чернолаковой чаши V–IV в. из Пантикапея Γρῆς μ᾽ [ἀνέθηκε] «Грет меня *посвятил*» [*Толстой* 1953, № 187]. Форма Γρῆς ионизированная, происходит от эолийского имени Γρᾶς – это сын или дядя мифического предводителя эолийцев Пенфила, колонизовавших Лесбос (*Strabo* XIII. 1, 3; *Paus*. III. 2, 1). В словарях личных имен [*Pape*, *Benseler* 1884, 260; LGPN VA, 114] иные носители этого имени не зарегистрированы. Поскольку имя Γρᾶς эолийское, а в граффито из Пантикапея содержится ионийская его форма Γρῆς, налицо заимствование его ионийцами у эолян. Это заимствование могло иметь место в условиях ионийско-эолийского языкового контакта на границе южной Эолии и северной Ионии (см. о нем: ОХБ, 317–318), но там, судя по LGPN VA, имя Γρᾶς, Γρῆς не засвидетельствовано, поэтому переложение сего эолийского имени в ионийскую форму произошло на Тамани, где вокруг Гермонассы, да и в ней тоже, проживали ионийцы.

11. Эолийское граффито V в. до н. э. Ἰθυκλέας из Гермонассы [*Шелов-Коведяев* 1991, 271].

12. У патронимика Ἀταχαιω гермонасской эпитафии IV в. *КБН* 1061 эолийский gen. на -ω [*Яйленко* 1982, 272; ТБР, 129, 186]. С. Р. Тохтасьев возразил: это может быть и ионийский род. падеж на -ω [*Виноградов, Тохтасьев* 1998, 39–40]. Однако на деле у этого варианта шансы мизерны. Ионийский gen. на -ω представляет собой сокращение обычной формы на -εω, появился в V–IV вв. [*Thumb, Scherer* 1959, 255], он не очень распространен, поскольку ионийский диалект в целом сохраняет неслитные формы (это из числа самых основных его свойств). Во множестве ионийских надписей Ольвии представлена почти вся грамматика диалекта, но род. падежа на -ω нет; на Боспоре ионийские надписи единичны и потому усматривать его в гермонасской эпитафии оснований вовсе нет – это обычный эолийский род. падеж [*Thumb*, *Scherer* 1959, 91, 96 etc.; *Cauer*, *Schwyzer* 1960, № 446 sq.] в эолийско-ионийском городе IV в.

13–14. Ввиду сказанного эолийский также патронимик Ἀθαφοιω эпитафии IV в. *КБН* 871 из Мирмекия (ТБР, 129, 558). Такой вывод поддерживается формой [ε]ὐχδλή «мольба» в мирмекийском граффито V в.; ионийская форма εὐχωλή (ТБР, 186, 558). В Мирмекии графическая передача омеги через ō при η мыслима в ионийской надписи лишь в качестве ошибки[5], тогда как в эолике написание подобного рода известно с VI в. – например, имя Θηόδōρος в граффито из эолийской Ларисы близ Кимы [*Jeffery* 1969, 359, 415, № 1 f.], есть и образцы от V–IV вв. : Τερφηίō – отчество митиленца V в. Диномаха в посвящении навкратийской Афродите; Ποτειδάōνι Ἐμπυλήōι (посвящение IV в. Посейдону Привратному из беотийских Фив) [*Cauer*, *Schwyzer* 1960, № 470, 642, adnotatio]. В ТБР (с. 558) я признал, что эпитафия из Мирмекия может принадлежать и дорийцу, как сочли

[5] В ионийском диалекте изредка встречается написание омикрона вместо омеги [*Hoffmann* 1898, 281], но это исключение из правил, и при редкости ионийских надписей на Боспоре практически невероятно.

комментаторы КБН 871, и эолийцу. Однако приведенный здесь анализ мирмекийского граффито [ε]ὐχ͞ολή вполне склоняет в пользу эолийского характера род. падежа Ἀθαφοιω.

Как видно, число эолизмов достаточно представительно, включает свидетельства литературных источников (№ 1, 3–5, 8, 9) и эпиграфики (2, 6, 7, 10–14), в том числе из самой Гермонассы (№ 7, 11, 12), их всего три, но это обязано незначительной археологической исследованности ее городища, покоящегося под 10-метровой толщей средневековой Таматархи[6].

2. Вопросы текстологии и источниковедения комментария Евстафия к стихам «Периэгесы» Дионисия о Фанагории да Гермонассе

Как видно из текста комментария Евстафия к стихам 549–553 «Периэгесы» Дионисия (см. каталог, № 1), он привел две версии основания Фанагории да Гермонассы: сначала представленную стихами 552–553 Дионисия о них как ионийских городах, затем процитировал Арриана, который ведет речь, напротив, об эолийских основателях Гермонассы. Далее в § 3 мы уделим основное внимание рассмотрению вопросов колонизации Тамани VI в. теосцами да эолийцами и данные комментария Евстафия об этом будут важнейшим подспорьем. Поэтому предварительно необходимо выяснить его текстологию и источниковую базу. Приведем сначала стихи Дионисия и комментарий Евстафия, затем текст Арриана. Дионисий в стт. 549–553 говорит, что по выходе из пролива Боспор Киммерийский внутри Меотиды лежит обширный остров, на котором расположены Φαιναγόρη τε καὶ εὔκτιτος Ἑρμώνασσα, ἔνθα τε ναιετάουσιν Ἰωνίδος ἔκγονοι αἴης «и Файнагория и благоустроенная Гермонасса, там живут выходцы из ионийской земли» (SC 1, p. 183, пер. наш). Комментарий Евстафия (SC 1, p. 198): Φαιναγόρα καὶ Ἑρμώνασσα, Ἰώνων ἄποικοι πόλεις, ὧν ἡγήσατο Φαιναγόράς τις καὶ Ἕρμων, ἄφ᾽ ὧν οἱ τόποι καλοῦνται «Фанагория и Гермонасса, апойкии-города ионийцев, ими предводительствовал некий Фанагор и Гермон, по именам которых названы». Из сравнения текстов хорошо виден параллелизм стихов 552–553 Дионисия (Φαιναγόρα καὶ Ἑρμώνασσα, Ἰώνων ἄποικοι πόλεις) и начала комментария Евстафия (Φαιναγόρη τε καὶ εὔκτιτος Ἑρμώνασσα, ἔνθα τε ναιετάουσιν Ἰωνίδος ἔκγονοι αἴης)[7]. Это означает, что Евстафий излагает текст того источника, который был поэтически переложен Дионисием, и дал его чуть полнее, с продолжением, в котором разъясняется, что названы города по именам ойкистов: ὧν ἡγήσατο Φαιναγόράς τις καὶ Ἕρμων, ἄφ᾽ ὧν οἱ τόποι καλοῦνται. В этом добавлении знаменательно написание имени ойкиста Фанагории с тем же лесбосским растяжением α в αι (см. о нем каталог, № 4), что и в названии города у Дионисия[8]. Это означает, что Дионисий и Евстафий пользовались

[6] Еще недавно С.Р. Тохтасьев [2011, 676] утверждал, и за ним иные повторяли [*Сапрыкин, Белоусов* 2012, 349], что «все попытки обнаружить какие-либо эолизмы в ее эпиграфике не привели к убедительным результатам». При скудной археологической изученности Гермонасского городища следовало бы принять во внимание весь комплекс относящихся к ней свидетельств и отнестись с большим вниманием к трем ее эолийским граффити. Но куда до этого, если существо цитированной заметки С.Р. Тохтасьева «Греческий язык на Боспоре: общее и особенное» составляет повтор фонетических, морфологических, синтаксических фактов из «Краткого очерка грамматики боспорских надписей» А.И. Доватура (КБН, с. 797–831).

[7] Форма Φαιναγόρη Дионисия с ионийским окончанием, при Φαιναγόρα у Стефана, обусловлена метрикой – здесь требуется долгий слог дактиля.

[8] В прозаическом пересказе поэмы Дионисия, сделанном в византийское время, форма названия города выровнена по общей традиции койне – Φαναγόρα (SC 1, p. 183, внизу).

сочинением лесбосского историка, интерес которого к основанию Гермонассы эолийцами вполне понятен. К сожалению, Евстафий не упомянул его имя или название сочинения, тем более этого нет у Дионисия, который вообще умалчивает об источниках своей «Периэгесы»[9].

Затем Евстафий (к счастью для нас) счел нужным привести и другую версию, которую нашел у Арриана, ибо она полнее трактует основание обоих городов, а в отношении Гермонассы и вовсе иная: Ἀρριανὸς δὲ οὕτω φησί· Φαιναγόρεια, ἣν ἔκτισε Φαιναγόρας ὁ Τήιος, φεύγων τὴν τῶν Περσῶν ὕβριν· ἔτι δὲ Ἑρμώνασσα ἐπὶ Ἑρμωνάσσῃ τῇ γυναικὶ Σημάνδρου Μυτιληναίου τινός, οὗ τινας τῶν Αἰολέων εἰς ἀποικίαν μεταστήσαντος καὶ θανόντος ἐν τῷ τῆς πόλεως οἰκισμῷ, ἡ γυνὴ τῆς τε πόλεως ἐγκρατὴς ἐγένετο καὶ τὸ ἑαυτῆς ὄνομα τῇ πόλει ἐπέθετο «Арриан же говорит следующее: «Файнагория, которую основал теосец Файнагор, бежав от насилий персов. Еще Гермонасса, *названная по* Гермонассе, жене некоего митиленца Семандра: когда он вывел некоторых / всяких эолян в колонию и умер во время основания города, жена его стала править городом и дала ему свое имя» (пер. наш). Как видно, и тут содержится важный для нас маркер – написание названия Φαιναγόρεια и имени основателя Φαιναγόρας по-лесбосски, с растяжением α в αι, что само по себе означало бы, что там и сям использованы тексты двух каких-то лесбосских историков, и это тем более так, что в версии Арриана речь как раз идет об эолийских колонистах Гермонассы на челе с митиленцем Семандром. Однако рукописи Евстафия дают разночтения, и поскольку это важное для наших дальнейших исторических построений обстоятельство, рассмотрим прочность такого написания.

Мы привели текст комментария Евстафия к стт. 552–553 Дионисия Периэгета по SC 1, p. 198, там он заимствован из свода K. Мюллера Geographi Graeci minores[10], где и в начале рассказа Евстафия, и в цитате из Арриана имена даны через αι – город Φαιναγόρα, ойкист Φαιναγόρας. Цитату Евстафия из Арриана издатели относят к «Истории Вифинии» (Βιθυνικά), и Ф. Якоби в своем издании фрагментов сего сочинения дал тут написания имен города и ойкиста через αι, опираясь на чтение рукописи C комментариев Евстафия к «Периэгесе» Дионисия [*Jacoby* 1962, № 156, fr. 71, S. 865]. Однако издатель сочинений Арриана 1920-х годов A. Рос предпочел чтение рукописей K, Y комментариев Евстафия без иоты – город Φαναγόρα, ойкист Φαναγόρας (Flavius Arrianus. Vol. II. Scripta minora et fragmenta. Edidit A.G. Roos. Lipsiae, 1968 (репринт издания 1928 г.), fr. 55, p. 218), отметив в лемме, что в большом числе (vulg.) присутствует также чтение через иоту, т. е. Φαιναγόρα, Φαιναγόρας. Главных рукописей комментариев Евстафия 6, в том числе C, K, Y, остальные производные; при этом, по K. Мюллеру, наиболее неповрежденная рукопись Y, к ней близко примыкает рукопись C [Ib., p. LVI]; но в отношении форм названия Фанагории да имени Фанагора они расходятся. Итак, Г. Бернхарди, K. Мюллер, Ф. Якоби дали в тексте Арриана по рукописи C чтение Φαιναγόρα, Φαιναγόρας, тогда как A. Рос по рукописям K, Y дал Φαναγόρα, Φαναγόρας. Кто прав? На наш взгляд,

[9] Посредством сравнения текстов устанавливаются связи его поэмы с данными Псевдо-Скимна, Эратосфена, Страбона, Посидония, Александра Эфесского [*Илюшечкина* 2005, 9]. Добавим сюда раннеионийскую традицию в лице Гекатея, см. следующий параграф.

[10] K. Мюллер заимствовал его в свою очередь из издания «Периэгесы» Г. Бернхарди 1820 г., но со своей штудией рукописей.

сообщение об эолийских колонистах Гермонассы и их ойкисте Семандре из Митилены, уникальное, не имеющее где-либо в текстах даже намеков на что-то подобное, определенно свидетельствует об эолийском источнике данного фрагмента «Истории Вифинии», и это указывает на предпочтительность чтения Φαιναγόρα, Φαιναγόρας[11].

На Лесбосе в V–III вв. были свои историки, описывавшие прошлое отечества[12]. Первый по времени и по известности логограф V в. Гелланик, родом из Митилены[13], среди его сочинений есть «История Лесбоса» (Λεσβιακά) [*Jacoby* 1957, fr. 33–35, S. 117–118]. В IV–III вв. творили четверо историков, чьи фрагменты сохранились, наиболее известными были Мирсил из Метимны (Λεσβιακά и другие сочинения), Ска́мон из Митилены («О Лесбосе» и другие сочинения), кое-что дошло до нас также от трудов Теоклита из Мефимны и Фениаса из Эреса. Содержание сохранившихся фрагментов сочинений этих авторов традиционное для историографии V–IV вв. : включает и мифологические рассказы и реально исторические, сюжеты общегреческого характера и локально эолийского. Как сказано, сочинение одного лесбосского историка использовали Дионисий и Евстафий (назовем его X), сочинением другого воспользовался Арриан (назовем его Y), ими вполне могут быть двое из перечисленных известных нам историков.

Однако ранее Е. В. Илюшечкина [2005, 18] и мы [*Яйленко* 2017, 401–405, 410–413] пришли к выводу, что рассматриваемый фрагмент Арриана заимствован у Эфора (ок. 405–330 гг.), причем мы заключили еще, что Эфор пользовался данными Гекатея или, скорее, Гелланика[14]. Так может быть лесбосские формы Φαιναγόρα, Φαιναγόρας принадлежат Эфору или Гелланику, тем более, что оба эолийцы: Эфор происходил из соседней с Лесбосом Кимы[15], Гелланик более того – лесбосец, родом из Митилены. Однако Эфор как выученик Исократа писал на аттическом диалекте, с включением ионизмов, поэтому не мог дать название ионийской Фанагории и имя ее основателя по-лесбосски (он довел свою «Всеобщую историю» до 340 г., а в первой половине IV в. аттический язык был уже lingua franca для культурной жизни Греции в целом). Гелланик же, хоть эолиец, как и положено логографу, писал на ионийском наречии[16], потому тоже не мог дать лесбосских форм Φαιναγόρα, Φαιναγόρας[17]. Таким образом, теперь уточняем: при том, что общий контекст рассказа Евстафия (фрагменты «Вифиники» Арриана извлечены в основном из его сочинений, главным образом из комментариев к «Периэгесе» Дионисия) определенно покоится на сведениях Эфора, а тот опирался скорее всего на Гелланика, данные

[11] Правда, некоторую заминку представляет в нем ионийское написание имени ойкиста Σήμανδρος (вместо эолийского Σάμανδρος), но в следующем параграфе мы найдем этому объяснение.

[12] Фрагменты собрал в своем грандиозном труде Феликс Якоби [*Jacoby* 1950, № 476–479, S. 435–444] (есть и перепечатка этого тома 1964 г.).

[13] Митилена – главный город Лесбоса; Страбон, Лукиан, Дионисий Галикарнасский и др. обычно именуют Гелланика лесбосцем (ὁ Λέσβιος).

[14] Эфор начал свое повествование с возвращения Гераклидов, и для описания древнейшего периода истории Греции широко использовал сочинения Гелланика [*Christ* 1890, 310].

[15] *Strabo* XII, 3, 21; XIII, 3, 6. Кима – крупнейший эолийский город на материке, лежит напротив Лесбоса.

[16] Это язык истории, поскольку как наука она возникла в Милете [*Schmid*, *Stählin* 1929, 691–693].

[17] Мы просмотрели все его фрагменты и лишь в одном (fr. 25a Jac.) нашли эолийское название Ἴδα (гора в Троаде), при ионийской форме Ἴδη во фр. 28 и других [*Jacoby* 1957, F 4 Hellanikos]. Если же Эфор позаимствовал пассаж о Фанагории да Гермонассе у Гекатея, то вопрос об эолийском написании их названий вообще не стоит, ибо тот уроженец Милета и писал по-ионийски.

о Фанагории да Гермонассе и их основателях, т. е. фр. 55 «Вифиники», заимствованы из сочинения какого-то лесбосского историка IV–III вв., который, как почти все собратья по профессии, находился под влиянием Эфора[18]. Что он жил не ранее, свидетельствует такой штрих: ойкист Семандр был ему уже плохо знаком – он Μυτιληναῖος τις «некий / какой-то митиленец». Что его сведения об основании Фанагории и Гермонассы скорее всего восходят к Гелланику, обоснуем так: в сохранившихся фрагментах сочинений Гелланика содержится такое множество сведений об основаниях городов и их ойкистах, что это его неоспоримое know how, поэтому позднейшие историки и географы обычно заимствовали именно у него сведения такого рода (Гелланик много путешествовал, собирая этот материал.) И лесбосские историки чтили своего знаменитого предшественника цитированием, в частности, ссылается на него Мирсил (фр. 4 Гелланика у Ф. Якоби).

3. Некоторые вопросы колонизации Тамани VI в. теосцами да эолийцами

Изложенные в каталоге (§ 1) свидетельства служат подтверждением данных Арриана о Гермонассе как эолийской лесбосской колонии и указывают на значимость присутствия их здесь (эолийские реликты V и IV вв. в Мирмекии № 13–14, также V в. в Пантикапее № 2, скорее всего обязаны единичным переездам сюда семей либо отдельных людей из числа таманских эолийцев). Исторический анализ известий Евстафия и Арриана позволяет прояснить некоторые существенные обстоятельства утверждения эолийских лесбосцев на Тамани в VI в., а именно: нам предстоит объяснить причину совместного упоминания основания Фанагории и Гермонассы в обоих лесбосских источниках, также разъяснить противоречие между показанием первого из них о Гермонассе как ионийской апойкии и второго о ее эолийских колонистах, с чем связан также вопрос о двух ойкистах у Гермонассы – Гермона да Семандра.

В предыдущем параграфе мы выяснили, что эолийское растяжение α в αι и в начале рассказа Евстафия об основании Фанагории да Гермонассы, и в его эксцерпте из «Вифиники» Арриана – город Φαιναγόρα, его ойкист Φαιναγόρας – обязано заимствованию Дионисием Периэгетом, Аррианом, Евстафием из повествований об этих городах у двух разных лесбосских историков, X и Y. Сочинение первого послужило источником для выписки Евстафия: Φαιναγόρα καὶ Ἑρμώνασσα, Ἰώνων ἄποικοι πόλεις, ὧν ἡγήσατο Φαιναγόράς τις καὶ Ἕρμων, ἄφ᾽ ὧν οἱ τόποι καλοῦνται «Файнагория и Гермонасса, апойкии-города ионийцев, ими предводительствовал некий Файнагор и Гермон, по именам которых названы». Здесь обращает на себя внимание удивительное для лесбосского историка указание на Гермонассу как ионийскую апойкию, не эолийскую. Но сие не его инвенция, ибо представление об ионийской Гермонассе бытует и далее, так что это традиция. Как сказано, ее продолжает поэт-географ II в. н. э. Дионисий Периэгет (ст. 549–553 = SC 1, p. 182–183): внутри Меотиды лежит обширный остров, на котором «и Файнагория и благоустроенная Гермонасса, в них живут выходцы из ионийской земли». Здесь наглядно выражено использование лесбосским источником Дионисия и Евстафия раннеионийской традиции:

[18] «Произведение Эфора имело громадный успех; для современников и последующих поколений оно служило главным источником по истории Греции» [*Соболевский* 1955, 139].

упоминание острова с Фанагорией да Гермонассой восходит к Гекатею[19]. Продолжает традицию об ионийской Гермонассе и Стефан Византийский (s. n. Ἑρμώνασσα), называя ее городом, основанным и населенным ионийцами. Что эта традиция действительна, подтверждают ионийские надписи Гермонассы IV в. *КБН* 1047, 1039–1040, 1056 и др.[20] По идее, ионийский облик Гермонассы с IV в. может подсказывать, что Дионисий и Евстафий использовали сочинение лесбосского историка IV–III вв., который счел основателями Гермонассы ионийцев, исходя из реалий своего времени. Однако выписка Евстафия по содержанию и характеру явно принадлежит к рассказам типа κτίσεις (об «основаниях городов»): упоминаются ойкисты, объясняется происхождение названия городов, это свойства логографической и раннеисторической традиций; наиболее популярные мастера сих жанров Гелланик, для Южной Италии да Сицилии – Антиох, их данными пользовалось множество позднейших писателей, так что среди них и лесбосский историк X. В связи с этим обратим внимание на гермонасское посвящение известного официала Фениппа, поставленное при Левконе I меж 390–375 гг. Аполлону Дельфинию[21]. Оно не только говорит о наличии в городе этого милетского культа, но и удостоверяет, что основателями Гермонассы были не ионийцы вообще, как в переложении Дионисия и эксцерпте Евстафия, а милетяне (обычно они основывали города вместе с другими ионийцами). Не случайно поэтому, что культ Аполлона Дельфиния засвидетельствован на Боспоре кроме Гермонассы еще только в Пантикапее, милетской колонии [*Яйленко* 2006, 366, 368–370]. Эти обстоятельства ставят колониальное предприятие Гермона по основанию Гермонассы в ряд с другими милетскими апойкиями на Боспоре – Пантикапеем, Феодосией, Кепами, археологические материалы из которых, как и из самой Гермонассы, указывают на основание всех их около второй четверти VI в. [*Кузнецов* 1991, 33–34; *Завойкин* 2013, 66, 90, 200, 217]. На Тамани в это время функционировали, помимо Гермонассы и Кеп, также крупные поселения Патрей, Голубицкая 2, Ахтанизовская 4, Береговой 4 [*Завойкин, Гарбузов* 2010, 185; *Батасова* 2016, 35][22]. Наряду с милетянами тут действовали также клазоменцы, судя по упомянутым Страбоном (XI. 2, 4) «Сторожевым башням клазоменцев» (Σκοπαὶ Κλαζομενίων) в районе Киммерика на Фонтале; этими Σκοπαί могут быть поселения Голубицкая 2, Ахтанизовская 4, либо одно из ранних Кучугурских поселений[23]. Основанный милетянами во главе с Гермоном город получил название по имени ойкиста – Гермонейя (о нем скажем далее).

---

[19] Гекатею известны «остров Фанагора» и «остров Гермонасса» (apud St. Byz., s. nn. Ταυρική et Ἑρμώνασσα = Hecataios, fr. 208, 212 Jac.): «Город Фанагория, *названный* по Фанагору, как *сообщает* Гекатей в *книге* «Азия»: «остров Фанагора и Фанагория»» (fr. 212); «Гермонасса маленький остров с городом на Киммерийском Боспоре, ионийская колония» (fr. 208) (подробности [*Яйленко* 2023, раздел I]). Дело не в том, что у Дионисия остров большой, а во фрагменте 212 Гекатея маленький – дело в самом сравнении острова Фанагора и острова Гермонассы по величине. О большом острове пишет Псевдо-Скимн (его источники тут Эфор и Деметрий Каллатийский): Фанагория и Гермонасса «расположены на острове, занимающем большое пространство ровной земли на Меотиде вплоть до Боспора» (стт. 886–899).

[20] Их ионизмы: Θευδοσίης, Ἰητρῶι, окончание род. падежа -εω.

[21] *КБН* 1038, см. о дате посвящения и Фениппе: ТБР, 42–48.

[22] Превосходный анализ ранней керамики из Голубицкой 2 [*Шлотцауэр* 2016, 40–44; *Mommsen*, *Schlotzhauer*, *Zhuravlev* 2018, 286–291].

[23] Ряд природных и рукотворных объектов – местности, укрепления, острова́ и прочее именуются Σκόπη, Σκόπιον, Σκόπις, Σκοπιά (сюда и Σκόπελος) [*Pape, Benseler* 1884, 1411]. Поэтому считаем Σκοπαὶ Κλαζομενίων топонимом, и вместо σκοπαὶ издателей ставим прописную сигму. Помяну тут добрым словом своего товарища Юрия Десятчикова,

В такой интерпретации – Гермон привел милетян на место будущей Гермонассы – получает свое место ее исключительно милетский по происхождению культ Аполлона Дельфиния. Но в таком случае возникает некоторый дисбаланс в сообщении лесбосского историка X «Файнагория и Гермонасса, апойкии-города ионийцев, ими предводительствовал некий Файнагор и Гермон, по именам которых названы». Тут основание Фанагории и Гермонассы предстает или кажется совокупным во времени, однако в Фанагории нет слоев второй четверти VI в., она возникает в середине столетия, когда действительно примерно в одно время (в пределах нескольких лет) на Тамань прибыли колониальные экспедиции Фанагора и Семандра (сейчас мы перейдем к этому вопросу). Так может быть, Гермон был в экспедиции во главе с Семандром и когда тот умер во время основания города, возглавил это предприятие? Такая трактовка позволяет синхронизировать основание Фанагории и Гермонассы примерно в одно время, как это явствует или может явствовать из слов историка X. Однако в таком случае не находит места исключительно милетский по происхождению культ Аполлона Дельфиния в Гермонассе и трудно объяснить это как-либо иначе. В связи с этим обратим внимание на мелкую деталь в сообщении историка X ὧν ἡγήσατο Φαιναγόράς τις καὶ Ἔρμων – глагол ἡγήσατο «вел» стоит в единственном числе и относится к Фанагору, тогда как Гермон как бы «пристегнут» со стороны. Это может указывать, что автор текста механически соединил предприятия Фанагора и Гермона, возможно и не зная, что они разделены во времени примерно поколением. Но объединение им основания обоих городов отнюдь не случайно, ибо фрагмент Арриана тоже объединяет основание теосцами Фанагории и лесбосцами Гермонассы, но уже в соответствии с реальностью – поколением позднее, вскоре после 546 г.

Рассмотрим текст Арриана: Φαιναγόρεια, ἣν ἔκτισε Φαιναγόρας ὁ Τήιος, φεύγων τὴν τῶν Περσῶν ὕβριν· ἔτι δὲ Ἑρμώνασσα ἐπὶ Ἑρμωνάσσῃ τῇ γυναικὶ Σημάνδρου Μυτιληναίου τινός, οὗ τινας τῶν Αἰολέων εἰς ἀποικίαν μεταστήσαντος καὶ θανόντος ἐν τῷ τῆς πόλεως οἰκισμῷ, ἡ γυνὴ τῆς τε πόλεως ἐγκρατὴς ἐγένετο καὶ τὸ ἑαυτῆς ὄνομα τῇ πόλει ἐπέθετο «Файнагория, которую основал теосец Файнагор, бежав от насилий персов. Еще Гермонасса, *названная по* Гермонассе, жене некоего митиленца Семандра: когда он вывел некоторых / всяких эолян в колонию и умер во время основания города, жена его стала править городом и дала ему свое имя». Как видно, тут совсем иная традиция, но по формам Φαιναγόρεια, Φαιναγόρας, как показано в предыдущем параграфе, она тоже заимствована у лесбосского историка, но другого – Y[24]. Мы упомянули там, что общий контекст этого фрагмента «Вифиники» выказывает зависимость от данных Эфора и Гелланика; его повествование об основании Гермонассы эолийцами во главе с Семандром по характеру тоже принадлежит к рассказам типа κτίσεις, в связи с чем нелишне заметить, что у Гелланика было такое сочинение – «Основания народов и городов» [*Jacoby* 1957, fr. 66–70, S. 124], причем

давно ушедшего от нас. Он участвовал в начальных раскопках Голубицких и Кучугурских поселений и был уверен в их возникновении еще в архаическую эпоху, с ними он связывал и «Клазоменские башни». Он был удивительным рассказчиком, буквально фонтанировал новыми идеями, общение с ним всегда было интересным и приятным. Он много думал, но увы, мало писал, такой уж был склад его натуры. Sit ei terra levis.

[24] Обратим внимание в связи с упомянутым ед. числом глагола ἡγήσατο при двух ойкистах, что в тексте Арриана основания Фанагории и Гермонассы разделены, обе акции изложены в отдельных предложениях.

из 5 сохранных фрагментов 2 наиболее полных (fr. 69–70) как раз относятся к азиатскому Боспору: ведется речь о меотах, синдах, также о народах кавказского побережья керкетах, мосхах, гениохах, хариматах, кораксах; в разговоре о меотах да синдах самое место для сведений об основании Фанагории да Гермонассы[25]. Исходным источником могла быть и его «История Лесбоса». За вычетом экзегезы о жене Семандра Гермонассе, по которой якобы получил имя город (это так называемая народная этимология [*Жебелев* 1953, 67; *Яйленко* 1982, 271–272; ОХБ, 332])[26], сведения фрагмента вполне историчны, поскольку увязка его автором основания Фанагории с выселением теосцев из своей малоазийской метрополии при нашествии персов имеет параллель в рассказе Геродота (I, 168) об этом выселении теосцев и основании ими Абдеры. Для нашей темы самое ценное – упоминание колонистов-эолийцев и ойкиста Семандра из Митилены[27]. Эпиграфика Гермонассы V–IV вв. подтверждает участие эолийских лесбосцев (их предводитель Семандр митиленец) в основании города – граффито Ἀρίστε̄ με̄́τρι, патронимик Ἀθαφοιω, имя Ἰθυκλέας (каталог, № 7, 10, 12). Также лесбосское расширение α > αι в имени правившего на Боспоре V в. рода Ἀρχαιανακτίδαι (каталог, № 3) определенно указывает на их происхождение с Лесбоса (уже Август Бёк связал сей род с упомянутым у Страбона митиленцем Архайанактом) и первоначальную боспорскую локацию в Гермонассе [*Яйленко* 2017, 419]. Важно отметить в связи с изложенным, что Митилены поддерживали сношения с Боспором в дальнейшем после основания Гермонассы, в V–IV и даже I вв. до н. э.[28]

Как сказано, наиболее существенное в двух рассмотренных фрагментах лесбосских историков то, что оба ведут речь об основании Фанагории да Гермонассы в паре, как о связанных друг с другом колониальных предприятиях. Иначе говоря, они могли проявить интерес к основанию ионийской Фанагории только в том случае, если оно было каким-то образом связано с выведением эолийцами колонии на Тамань – Гермонассы; нельзя забывать также об основании лесбосцами там же Пирры и Антиссы (каталог, № 8–9). Сказанное означает, что Фанагория и эолийская Гермонасса были

[25] Д. Браунд недоумевал: почему в «Вифинике» Арриана оказалось свидетельство об основании Фанагории да Гермонассы? [*Braund* 2019, 99]. Двумя годами ранее мы провели источниковедческое исследование ее фрагмента 55, прежде всего сгруппировав все 72 ее фрагмента по тематике, их 3 блока: география и этнография Фракии; мифология, религия, культы разных областей, народов, местностей; третий блок исторический, включает раннюю этническую историю, колонизацию архаического и эллинистического времени, наконец, историю Вифинии IV–II вв. Рассказ об основании Фанагории и Гермонассы, само собой, принадлежит к частям исторического блока, относящимся к ранней истории да колонизации, тут упомянуты из нашего региона киммерийцы да скифы [*Яйленко* 2017, 398–400].

[26] В целом о проблеме легендарного в источниках по колонизации Северного Причерноморья [*Подосинов* 2000, 126 сл.].

[27] Справедливо указав на вымышленность жены Гермонассы, С. А. Жебелев выплеснул из корыта с водою младенца – Семандр де тоже, вероятно, выдуман [1953, 67, 68 прим.]. Как сказано (см. каталог, № 2), имя Семандра на дне сосуда с владельческим граффито V в. из Пантикапея имеет такой же мемориальный характер, как имя Фанагора в граффито (см. § 4) и надписи *КБН* 971 из Фанагории, – это увековечение памяти ойкистов посредством наречения детей их именами. Далее мы еще коснемся имени Семандра.

[28] [*Яйленко* 1982, 272]: Syll.[3] 212 – часть декрета митиленян в честь Левкона I (389–349) с выпиской из его декрета; *КБН* 274 – эпитафия митиленца I в. до н. э. Ср. также известие Фукидида (III. 2, 2): перед отпадением от Афин в 428 г. Лесбос запросил в Понте стрелков из лука, хлеб и прочее, это характерный для Северного Причерноморья экспорт, и очень вероятно, что Митилена в соответствии с обычной практикой запросила эти средства у своих таманских колоний – Гермонассы, Пирры, Антиссы.

основаны примерно в одно время, вскоре после 546 г. – первая теосцами, вторая лесбосцами и прочими эолийцами[29]. Подчеркнем, что во фрагменте Арриана (сиречь у лесбосского историка Y и, вероятно, Гелланика) речь ведется о самостоятельных экспедициях теосцев и лесбосцев, поэтому ошибочно весьма давнее и распространенное мнение об их совместном колонизационном предприятии (еще недавно его придерживались и мы: ОХБ, 323). Согласно греческой колонизационной практике, к объявленной каким-либо полисом экспедиции (чаще всех выступал в такой роли Милет) присоединялись жители других полисов (ОХБ, 184), поэтому определенно можно думать о присутствии разных ионийцев в экспедиции теосцев на челе с Фанагором, а в экспедиции Семандра наряду с лесбосцами малоазийских эолийцев. Во фрагменте Арриана о колонистах-эолийцах говорится неопределенно: Семандр вывел в колонию τινας τῶν Αἰολέων «некоторых эолийцев». Для С. А. Жебелева [1953, 67], придерживавшегося давнишнего мнения о совместном основании ионийцами да эолийцами Гермонассы, это послужило указанием на небольшое число эолян сравнительно с ионийцами. Однако Арриан (лесбосский историк Y, Гелланик?), говоря об основании Гермонассы, вовсе не упоминает ионян, так что суть дела в другом: ойкист Семандр происходит из Митилены, а колонисты – «всякие эолийцы», т. е. эоляне из разных мест (у неопределенного местоимения τὶς значения «всякий, некоторый»).

Как сказано, хронологически и практически связь основания теосцами Фанагории и лесбосцами Гермонассы несомненна. Однако Теос да Лесбос отнюдь не соседи, разделены большим расстоянием, поэтому сия связь нуждается в обосновании. Совпадение по времени да общая причина выселения понятны как следствие одной и той же персидской угрозы, но если по поводу выселения теосцев и основания ими Абдеры да Фанагории мы располагаем точными свидетельствами Геродота, Псевдо-Скимна, Страбона, то в отношении эолийцев надо провести разыскание. Вторая наша задача – понять, как те и другие, что называется, нашли друг друга? Можно предположить, что как-то договорились, но требуется конкретика. Полагаем, связать курс теосской и лесбосской экспедиций на Тамань помогает бытующая с недавнего времени гипотеза об основании Фанагории не прямо из Теоса, а через посредство Абдеры. Рассмотрим обе задачи.

Существо предыстории состояло в зависимости греческих городов Ионии да Эолии как раз со второй четверти VI в. от сильных лидийской да персидской монархий, о чем пространно нам поведал в бесценном труде Геродот. Сперва Крез (560–546) покорил ионийцев да эолийцев, которые платили ему дань (I, 26, 28). Когда персидский царь Кир (559–530 гг.) разгромил царство Креза в 546 г., ионяне да эоляне предложили ему подданство на тех же условиях, что были с Крезом, но Кир отверг это предложение, так как ранее они помогали Крезу в войне с ним (I, 141). Перс заключил союз только с Милетом, остальные греческие города Ионии по одиночке завоевали его полководцы Мазарес да Гарпаг (I, 162 сл.). На жителей покоренных городов наложены дань и воинская повинность. Лишь обитатели Фокеи да Теоса во время осады персами покинули

[29] Д. Браунд обратил внимание, что у Арриана не упоминаются теосцы, только Фанагор теосец (добавим: также в начале эксцерпта Евстафия говорится об ионянах вообще), и отметил, что о теосцах как основателях города пишет Псевдо-Скимн, ст. 886 (= SC 1, p. 90): «Затем следуют Гермонасса, Фанагория, которую, как говорят, основали некогда теосцы» [*Braund* 2014, 56].

отечество – по словам Геродота (I, 164–168), одни из них переселились в другие города, другие основали новые колонии, откуда часть вернулась обратно на родину.

О покорении эолийцев Галикарнасец умолчал, но далее сообщил, что завершив завоевание Ионии, Гарпаг направился против карийцев, кавниев, ликийцев, «взяв с собою ионян да эолийцев» (I, 171); также в египетский поход 525 г. следующий персидский царь Камбис взял тех и других (II, 1; III, 1). Это означает, что эолийцы тоже были покорены. «Когда Гарпаг победил материковых ионян, островные ионийцы, убоявшись такого, сами предались Киру» (I, 168). Не боясь ошибиться, мы можем счесть, что так поступили и островные эолийцы, в том числе лесбосцы, ибо они служили уже во флоте Дария I, также Ксерксу поставили 16 кораблей (IV, 89; VI, 98; VII, 95)[30]. Вряд ли одни фокейцы и теосцы выселились из Ионии, ибо желание избежать насилия персидской военщины будоражило население ионийских полисов. Геродот (I, 170) сообщает о специальном сходе ионян в Паниониии по вопросу о всеобщей эмиграции, были разные предложения, но возобладала инерция насиженных мест – решили, что каждый город будет самостоятельно противостоять персам. Эоляне постановили следовать решению ионян (I, 151). Но решение сопротивляться каждому городу в одиночку вместо объединения всех сил в одну армию было очевидным образом провальным в глазах современников, поэтому эмиграция ионян да эолян на частном уровне была неизбежна. Собственно, свидетельством тому и является выселение лесбосцев да других эолийцев во главе с Семандром на Тамань. Примечательно, что в это же время возрос и милетский Пантикапей, где отмечается массовый (в отличие от предыдущей второй четверти VI в.) материал середины и второй половины столетия [*Сидорова* 1962, 147–148; ОХБ, 134].

Выше мы сформулировали и вторую задачу, требующую решения – как и где эолийцы сблизились с теосцами, отправлявшимися на Тамань. Как сказано, связать ход теосской и лесбосской экспедиций помогает бытующая с недавнего времени гипотеза об основании Фанагории не прямо из Теоса, а через посредство Абдеры; у нас ее успешно продвигает В. Д. Кузнецов [2001, 228–233, лит.; 2010, 313–314, лит.; 2019, 398–401, лит.]. В частности, он отмечает, что по данным второго пеана Пиндара, поселившимся в Абдере теосцам пришлось вести долгую войну с окрестным фракийским племенем пеонов, что заставило часть их вернуться на Теос (свидетельство Страбона об этом нашло подтверждение в том же пеане Пиндара), и датирует это событие по одновременному появлению монетного чекана на Теосе и в Абдере ок. 540-х гг.; часть абдерских теосцев, полагает он, тогда же выселилась на Тамань, где основала Фанагорию. Действительно, основание Фанагории именно в то же самое время знаменательно, и гипотеза об основании теосцами Фанагории из Абдеры привлекательна тем, что объединяет в единый исторический процесс несколько разрозненных событий.

Увязать эолийцев с теосцами отчасти помогает нам историко-мифологическая традиция об основании Теоса, изложенная Павсанием (VII. 3, 3): первыми его заселили орхоменские минийцы во главе с Атамантом (Ἀθάμας), затем явились ионяне на челе с Апойком; несколько лет спустя прибыли сюда военные отряды из Аттики и Беотии,

[30] Как и другие народы, эолийцы платили Дарию подать (III, 90). Видимо, после бесславного похода Дария на скифов эолийцы отпали, так как в 493 г. персидский флот захватил ближние к материку острова Хиос, Тенедос, Лесбос (VI, 31).

первым предводительствовали сыновья Кодра Дамас да Неокл, вторым – Герес беотиец, их «приняли к себе Апойк и теосцы, они поселились вместе с ними». Наша наука разделяет историческое и мифологическое, но для древних то и другое было реальным прошлым[31]. Д. Браунд привел показательные в этом отношении данные: потомки Атамантиды прислали в III в. до н. э. теосцам письмо из Фессалии с изъявлением памяти о родстве; о культе этого основателя определенно свидетельствует теосский декрет эпохи Принципата, чествующий выдающегося согражданина как «нового Атаманта» [*Braund* 2014, 61–62]. Поэтому мы можем думать, что беотийский контингент своих основателей теосцы VI в. тоже воспринимали как историческую реальность, а беотийцы между тем по происхождению и языку эолийцы, в историко-мифологической перспективе сродственники колонистов Семандра (Атамант – правнук первопредка эолийцев Эола, внук первого царя минийского, т. е. фессалийского, Орхомена)[32]. Это пусть небольшой, но повод для мысли о возможности каких-то связей теосцев с малоазийскими эолийцами, и нам достаточно минимума – обмена информацией в критическое время (враг у ворот!). Буде оно так, можно предположить, что отплывшие с Лесбоса эолийские переселенцы намеревались вслед за теосцами поселиться на довольно близком фракийском побережье, потому и оказались близ Абдеры (она лежит напротив Фасоса); от Лесбоса до Абдеры морем по прямой всего-то чуть более 200 км. Однако враждебность тамошнего племени пеонов к грекам-находникам заставила их взять курс вслед за теосцами на боспорскую Тамань. Еще раз подчеркнем, что для мысли о прибытии экспедиции Семандра к Абдере и равнении на действия теосцев нам достаточно минимума – обмена информацией, чего в портах везде и во все времена предостаточно[33].

Почему Тамань, понятно: все Средиземноморье было к середине VI в. заселено, кроме дальнего Запада – Сардинии, Корсики да Иберии, туда, на край света, и отправились фокеяне. А гораздо ближе Черноморье, уже основательно освоенное милетскими колониями. Теосцы определенно имели представление о Тамани. Лабораторные исследования немецких ученых показали, что в составе древнейшего восточноионийского экспорта второй трети VI в. на Голубицкой 2 была посуда, изготовленная в мастерских Теоса [*Шлотцауэр* 2016, 44]. Если даже и не сами теосцы доставляли ее сюда, а другие купцы, то от них теосские гончары да торговцы вполне могли узнавать, куда доставлена их продукция. И эолийцы, пограничные с севером Ионии, могли иметь представление о Тамани, так как почти весь керамический импорт, начиная с 590–580-х гг., на древнейших поселениях Тамани, в том числе в Гермонии – Гермонассе, происходил из Северной Ионии [*Финогенова* 2005, 423, 426; 2006, 337–338; *Шлотцауэр* 2016, 40–42]. Сами островные и малоазийские эолийцы вели с VI в. активную торговлю: в VI–V вв. эолийская амфорная тара широко распространена в греческом мире, в том числе в Северном Причерноморье в целом [*Gallavotta* 2005, 297–306], в Нижнем Побужье [*Лейпунская* 1981,

[31] См. специально об эолийской историко-мифологической традиции по колонизации малоазийской Эолиды да Лесбоса после Троянской войны из Фессалии, Беотии, Пелопоннеса и ее исторической апробации [*Rose* 2008; *Соломатина* 2023] и § 6.

[32] Сведения источников [*Pape, Benseler* 1884, 23].

[33] Наша апелляция к историко-мифологическому прошлому теосцев навеяна статьей Д. Браунда «Фессалийское основание Фанагории», о ней и оценке преданий такого рода мы выскажемся в § 6.

52–53, 80], на Боспоре [*Монахов* 1999, 40 сл.; 2003, 43–49; *Монахов* и др. 2016, 21–22, 80–82], на Тамани [*Журавлев, Шлотцауер* 2014, 139]. По заключению С. Ю. Монахова, количественно эолийская тара в Северном Причерноморье третья после хиосской и фасосской[34]. Словом, в VI в. эолийские торговцы имели достаточное представление о Боспоре, в том числе о Тамани.

Плотное заселение Тамани во второй половине VI в. – тут известно от 30 до 36 поселений [*Батасова* 2016, 35; *Паромов* 2018, 9] (не говоря уж о классическом и эллинистическом времени), свидетельствует о ее больших экистических (т. е. для заселения) возможностях. Во второй четверти VI в. на побережье Таманского залива располагались на Фонтале поселение Береговой 4, Патрей, на Тамани Корокондама и две милетские апойкии – Кепы да Гермонейя (ионийская предшественница Гермонассы, о ней ниже), первая из которых так и осталась мелким селением (раскопками установлен сильный пожар конца VI в., накрывший весь город); удел и второй был не лучше, судя по заселению ее эолийскими колонистами Семандра. Потенциал сих находников был достаточно большим, чтобы заменить название милетской колонии Гермонейя своим наименованием Гермонасса (о нем далее). Во вселении эолийских колонистов в уже существующую хилую ионийскую колонию ничего необычного нет – это один из множества случаев так наз. реколонизации. Так было, например, с Абдерой: город основали в середине VI в. клазоменцы во главе с ойкистом Тимесием, но не преуспели, потому теосцы и заселили его, так что он стал теосской колонией (*Herod.* I, 168).

Теосцы же Фанагора поселились ближе к Кепам, их потенциал был так велик, что кепиты и патрейцы, можно сказать, в дальнейшем прозябали в тени возраставшей от века к веку Фанагории. Специалисты отмечают, что гермонаситы закрепились при большом массиве плодородных земель, тогда как Фанагория «оказалась в стороне от наиболее значительных массивов плодородной земли» [*Завойкин*, *Гарбузов* 2010, 200]. Палеопочвенные данные позволяют «предполагать, что Фанагория возникла на месте леса» [*Александровский* 2013, 126]; оговоримся: на холме, где расположился древнейший центр города, его могло и не быть. Судя по материалам раскопок, Гермонасса хорошо развивалась в VI–V вв., слои этого времени наиболее мощные, до 2 м, амфорная тара преимущественно хиосская и протофасосская, значительно представлены также клазоменская и лесбосская. На нынешнем этапе раскопок открывается типичная для Северного Причерноморья VI–V вв. градостроительная картина (ср. Березань и Ольвию): от древнейшего периода, начиная со второй четверти VI в., дошла полуземлянка с ионийской керамикой первой половины столетия, в конце века на этом месте возводится каменное помещение. На небольшом раскопанном Северо-Восточном участке выявлены 3 дома каменной кладки конца VI – начала V вв., каждый с несколькими помещениями. В V в. строились и сырцовые дома, продолжались активные торговые связи с городами Ионии да Аттики [*Финогенова* 2005, 422 сл.]. Вряд ли стоит сомневаться, что основой благосостояния гермонаситов был упомянутый массив плодородных земель, поэтому можно думать, что в обмен на товары из Греции они поставляли туда

[34] Отсюда и деньги – важность связей городов Северного Причерноморья с Эолией отмечал нумизмат А. И. Анисимов [1992, 329–330].

свою аграрную продукцию. Поскольку Гермонасса лежит первой при заходе в Таманский залив для плывущих из Греции, возможно, через нее, а не только через Фанагорию, осуществлялись в VI–V вв. поставки продукции меотов в Грецию, о чем писал Страбон (XI. 2, 10).

Упоминавшийся интерес двух лесбосских историков к основанию Гермонассы вполне понятен и обоснован, странно лишь упоминание этого в паре с Фанагорией; мы пытались объяснить это предположением, что эолийские колонисты следовали по пятам за теосскими колонистами, сначала в район Абдеры, затем на Тамань. В связи с этим отмеченное в каталоге (№ 6) написание граффито Симон на ионийском языке, но эолийским алфавитом может наводить на мысль, что эолийцы участвовали не только в основании Гермонассы, как в сообщении Арриана, но отчасти и Фанагории. Если эпиграфика Фанагории даст в будущем еще какие-либо эолизмы, это станет подтверждением данного предположения.

С IV в. по каким-то причинам развитие Гермонассы ухудшилось сравнительно с предыдущим временем[35]. Видимо, город превратился в Ding an sich («вещь в себе»), замкнувшись в натуральной экономике[36]. Неизвестно, есть ли какая-нибудь связь этого ухудшения в развитии города с превращением его из эолийского в ионийский, но совпадение по времени знаменательно, так что сей вопрос должен значиться в планах исследований Гермонассы будущими специалистами. Что в IV в. она была целиком ионийской, красноречиво свидетельствуют большой список граждан да эпитафии (*КБН* 1056, 1059–1060, 1062–1069): и язык чисто ионийский, и характерная ионийская антропонимия. Лишь эпитафия Атуса, сына Атахея *КБН* 1061, как сказано (см. выше каталог, № 12), писана по-эолийски, но оба антропонима не греческие, туземные[37].

Фанагория же с самого начала, располагая ближней хорой для продовольственного самообеспечения, в значительной мере сконцентрировалась на торговле, которая стала основой ее процветания. Уже Гекатей, писавший не позднее конца VI в., сообщает об эмпории фанагоритов: «Остров Фанагора (Φαναγόρη, жен. род.), Фанагория (город); есть и торжище Фанагории (мн. число)» (ἡ νῆσος Φαναγόρη καὶ Φαναγόρεια· ἔστι καὶ ἐμπόριον τὰ Φαναγόρεια, – fr. 212 Jac. = SC 1, p. 268). Н. Ф. Федосеев [2017, 572 сл.] хорошо подметил существенное обстоятельство: Фанагория при Таманском заливе географически находится как бы в мешке, так что известие Страбона (XI. 2, 10) о свозе в нее товаров из областей

[35] По данным И. Б. Зеест (помяну добрым словом Ираиду Борисовну), слои VI–V вв. самые крупные, толщиной 0,84 / 1,2 м (С. И. Финогенова указывает 2 м), слои IV–III вв. вдвое тоньше, а II–I вв. до н. э. совсем хилые [*Зеест* 1955, 114].

[36] Характерно плачевное состояние дел у частных гермонаситов, обрисованное в письме раннего IV в. (другие издатели датировали документ второй половиной или концом V в.) [*Павличенко, Кашаев* 2012, 288–298; *Сапрыкин, Белоусов* 2012, 348–359; *Яйленко* 2021, 323–327; *Шелов-Коведяев* 2023, 447–448]. Наш перевод: «Аристократ, тебе пишет Клейдик. Узнал-то я от Мандра: там дела у него с жильем из рук вон плохи. Придя в дом Сократа -- *и* собрав оставленное (*имущество*?) в крытое помещение, запечатайте *его*». Язык документа ионийский.

[37] Имя-отчество покойного Ἀτοῦς Ἀταχαιω оба содержат основу ata- «отец» из числа Lallwörter, и здесь примечателен прием так называемого рифмования, т. е. повтора одной основы в именах родителей и детей. Основа ata- и другие из числа «детских» слов представлены в языках множества народов Евразии, древних и современных, поэтому мы заключили, что таковые были и у туземного населения Боспора (ТБР, 120–141, специально об Ἀτοῦς Ἀταχαιω с. 129).

азиатского Боспора предполагает наличие пролива, через который шли в нее поставки; он справедливо полагал, что им мог быть Субботин ерик, имевший, стало быть, большое экономическое значение. Полагаем, большую роль в торговых связях фанагоритов с меотами играл и рукав Кубани, впадавший в Таманский залив рядом с Фанагорией (в новое время Шимарданский)[38]. От меотов поступала сельскохозяйственная продукция, которая, по Страбону, шла из Фанагории на экспорт. Поэтому где-то тут или на азовском побережье Фонтала и располагался уже в VI в. этот эмпорий τὰ Φαναγόρεια. Вместе с тем, важное место в регионе занимали рыболовство да торговля рыбой (*Strabo* XI. 2, 4), которая в изобилии поступала в Фанагорию вовсе не из Таманского залива, а с восточного побережья Меотиды. Вероятно, тут был и специально рыбный эмпорий фанагорийцев с характерным названием Τέως, данным по их метрополии[39]. Примечательно и название упомянутого эмпория: под членом τὰ подразумевается ἐμπόρια, а Φαναγόρεια прилагательное, так что τὰ Φαναγόρεια означает «Фанагорийские торжища». В обменной торговле цивилизованных и варваров место обмена, как правило, стабильно одно и то же, это почти сакральный локус[40]. Но множ. число топонима показывает, что это было несколько стабильных мест торговли фанагорийцев с меотами.

Вернемся к Гермонассе и рассмотрим ее названия. Бесценный словарь Стефана Византийского Ἐθνικά VI в. н. э. предоставляет уникальную информацию об этом (s. n. Ἑρμώνασσα): «Гермонасса – небольшой остров с городом при Киммерийском Боспоре, основанный ионянами, по свидетельству Периэгета. Скимн называет его также

---

[38] Г. П. Гарбузов [2016, 34–45] пытался похоронить античную традицию об этом рукаве Кубани, однако она прочная, непротиворечивая, и немало обстоятельств разного свойства поддерживает ее [см. *Яйленко* 2023, разделы I, III]. К свидетельствам Ф. Дюбуа де Монпере и М. О. Поночевного о судоходности рукава в XVIII–XIX вв., к которым мы апеллировали, надо добавить данные об этом М. Ф. Войцеховского, А. А. Миллера, на которые указал Я. М. Паромов [2018, 8].

[39] У Стефана Византийского читаем (SC 1, p. 919): «Теос, город в Ионии… Есть и другой город в *стране* дирбаев в Скифии, в котором, говорят, есть озеро, изобилующее рыбой; от них в хорошую погоду плавает на поверхности столько жира, что его черпают руками в лодку и употребляют в дело». Считается, что этих дирбаев упоминает Геродиан (Δυρβαῖος – народ, простирающийся до Бактрии да Индии, как пишет Ктесий в «Истории Персии»; далее следует байка про их первобытную честность и невинность в духе Эфоровых сказок о скифах: Herodiani De prosodia cath., vol. III/1, p. 130, TLG). Однако между известиями Стефана и Геродиана общее одно лишь имя сего народа, все остальное разное. Первый локализует их близ Бактрии да Индии, второй в Скифии, Геродиан толкует об их выдающейся честности, Стефан же о тучной рыбной ловле. Для локации города Теоса при Бактрии да Индии нет никаких оснований, тогда как рыбные богатства Восточной Меотиды – тема рассказов различных греко-римских писателей, и главное – тут поблизости располагаются теосцы, которые один свой эмпорий здесь же назвали «Фанагорийскими торжищами» (см. далее), а другой, стало быть, по имени метрополии Теосом. Но как могли дурбаи обретаться и в Бактрии, и в восточном Приазовье? Ответ кроется в их иранстве – там и там обитали иранцы. Отсюда прозрачная этимология их имени: dūra «сильный» + bay- «запугивать, наводить страх, ужас» [*Bartholomae* 1904, 750, 927] = «сильно пугающие», «наводящие сильный страх» (о воинственности меотов писал Страбон: XI. 2, 4). Это не самоназвание дурбаев, а экзоэтноним, т. е. имя народа, данное со стороны, так что прозвание «наводящие ужас» могло быть дано иранцами разным народам. Понятный нам древнерусский пример экзоэтнонима: кривичи – «кривой физически» или «лживый *народ*», так назвали их балтоязычные соседи, а латыши перенесли на всех русских да нашу страну: krìevs «русский», Krìevija «Россия» (с удовольствием добавлю, что наши предки не остались в долгу, называя их чудью – народноэтимологически «чудиками», и с пейоративным суффиксом – чухной).

[40] Что говорить о древности, упомяну свежий случай. В Ташкенте неподалеку от вокзала располагался бойкий, давно и стихийно сложившийся рынок. В 1970-х город отменно застраивался и местные власти возвели хорошее рыночное здание, перенеся его всего-то метров на 300–400. И рынок заглох, продавцы не стали там работать, потому что это был уже не прежний locus mercaturae, а новый, и не открытый под небом, как велит многовековая традиция, а крытый.

Ἑρμώνεια» (SC 1, p. 259)[41]. Название Ἑρμώνεια бесспорно связано с именем ойкиста ионян Ἕρμων (имя популярно в Ионии, есть и в эолийской Киме: LGPN VA, 171), ибо это словообразовательная модель[42]. По форме название Ἑρμώνεια может быть и прилагательным ед. числа жен. рода (к подразумеваемому fem. ἡ πολις), равно и существительным множ. числа (pl. neutr.), аналогично вышеупомянутому наименованию эмпория фанагоритов τὰ Φαναγόρεια, и это наводит на мысль, что ионийская (τὰ) Ἑρμώνεια, хоть и имела ойкиста, по факту, вероятно, функционировала в качестве эмпория. Это обстоятельство, буде оно так, вполне согласуется с тем, что через поколение местом завладели эолийцы, основавшие тут полис[43]. Они ввели в обиход новое имя города – Гермонасса, что явствует из рассмотренного выше фрагмента Арриана с байкой про жену Семандра Гермонассу. Еще недавно нам казалось, что название Ἑρμώνασσα произведено от имени ойкиста Ἕρμων + широко распространенный топонимический суффикс -ασσα[44]. Однако обратный словарь Б. Хансена свидетельствует, что ни один топоним с суффиксом -ασσα, -εσσα, -ισσα, -ουσσα не образован от личного имени [*Hansen* 1958, 42–43]. Название Ἑρμώνασσα редкое, засвидетельствовано еще лишь дважды: местечко на Хиосе да городишко под Трапезунтом [*Pape*, *Benseler* 1884, 388; *Hoffmann* 1898, 276]. В основе его эгейско-малоазийская лексема herm(a)- «камень» (она и в наименовании другого боспорского

[41] Комментаторы (К. Мюллер и др.) отмечают, что у Псевдо-Скимна город назван не Гермонией, а Гермонассой. Однако эта апелляция неправомочна, ибо мы не располагаем подлинным текстом поэтического перипла Скимна, относящегося к Северному Причерноморью – он восстановлен в основном по «Периплу Черного моря» V–VI вв. н. э. и другим источникам, так что прошел через вторые и третьи руки.

[42] Например, так возникло и название города в Троаде Λαμπώνεια – по имени ойкиста Λάμπων, города во Фракии Ἀγνώνεια – тоже по имени основателя Ἄγνων; название столичного города в египетской части Эфиопии Μεμνόνεια связано с именем фараона Аменофиса, которого греки звали Μέμνων [ср. *Pape*, *Benseler* 1884, 13, 770, 893]. В нашей литературе неожиданно возникло скептическое отношение к наименованию городов по именам основателей, – в связи с упомянутыми известиями о названии Фанагории. Исследователь древнегреческой колонизации И. Малкин пытался показать, что это эллинистический обычай (Александр > Александрия, Селевк > Селевкия и под.), но есть несколько примеров и в колонизации архаической поры [*Malkin* 1985, 115 f.]. Его заметка короткая, в 15 страниц, и слабая, ибо он не проработал вопрос, как следует. Но И. Е. Суриков [2012, 451–458], с целью дать иную этимологию названия Фанагории (не от ойкиста Фанагора), пытался опровергнуть даже и то, что наскреб Малкин, дабы показать, что надежных примеров наречения города по имени основателя в раннегреческой колонизации нет. Увы, некоторые наши исследователи «повелись» на выводы слабой статьи И. Малкина и уж вовсе ошибочной И. Е. Сурикова (В. Д. Кузнецов, В. Л. Строкин). Мы дали критику его построений, приведя ряд попавшихся на скорую руку примеров, в том числе упомянутую в начале сего примечания Ἀγνώνεια [*Яйленко* 2016, 514–522; ОХБ, 329–332]. На самом деле материал большой, немало его во фрагментах Гелланика, у Павсания, Страбона, этим и надо было заниматься И. Малкину да И. Е. Сурикову. Добавлю тут еще примеры, случайно встреченные в книге Кристины Лэйн [*Lane* 2009, 253, 285, 293, 302]: городку Φάλανθος в Аркадии дал имя основатель Фаланф, сын Агелая, внук Стимфала из Тегеи (*Paus*. VIII. 35, 9); городок на Сицилии Φιντιάς основал тиран Акраганта Φιντίας (*Diod*. XXII. 4, 15; [*Pape*, *Benseler* 1884, 1633]); согласно Гекатею (fr. 84 Jac.), на месте южноиталийского Метапонта первоначально был город Μέταβον, заложенный героем по имени Μέταβος; то, что он считается сыном Сизифа, обязано неведению древних из-за глубокой давности, так что не дезавуирует связь имен города и основателя, тем более, что в Метапонте был его героон (Антиох у Страбона: VI. 1, 15; [*Pape, Benseler* 1884, 908]); данные Антиоха об основаниях городов Сицилии и Южной Италии справедливо считаются надежными. Случайно встретил у Страбона (XIV. 1, 46): из Лакедемона прибыли в местность на р. Меандр (восточнее Магнесии) три брата Афимбр, Афимбрад, Гидрел, которые основали соименные городки, ввиду недостаточности населения все три объединились и составили город Ниса, жители которого считают Афимбра основателем.

[43] Что это был полис, свидетельствует Гекатей: «Гермонасса маленький остров с городом на Киммерийском Боспоре, ионийская колония» (fr. 208 Jac.), также оба лесбосских историка, выписки из которых сделал Евстафий в комментарии к ст. 549 «Землеописания» Дионисия (текст см. в каталоге, № 1).

[44] ОХБ, 323 (эту книгу «История и эпиграфика Ольвии, Херсонеса и Боспора VII в. до н. э. – VII в. н. э.» сдал в издательство в 2014 г., издана в 2017).

города Ἑρμίσιον [*Яйленко* 2015, 414]), оформленная двойной суффиксацией: -ον, так что ἑρμα- + ον > ἑρμων (она и в названии местности близ Лампсака Ἕρμωτον [*Pape*, *Benseler* 1884, 388]), что с суффиксом -ασσα дало Ἑρμώνασσα «Каменная» (подробности [*Яйленко* 2017, 414])[45]. Хотя этимологически сей топоним не имеет отношения к личному имени ойкиста Ἕρμων, аллюзия к нему видна явственно при учете предшествующего наименования города Ἑρμώνεια, образованного от него. Это означает, что новые эолийские поселенцы не вытеснили прежнее ионийское население, а соединились с ним, от чего те и другие только выиграли – город стал существенно сильнее, потому и был по значимости вторым на азиатском Боспоре после теосской Фанагории. Сохранение эолийцами памяти о прежнем основателе города Гермоне опять-таки имеет прецедент в Абдере: хотя ойкиста-клазоменца Тимесия изгнали фракийцы, новоявленные теосцы почитали его в качестве основателя города (*Herod*. I, 168), в чем явно просматривается стремление сохранять добрые отношения с клазоменским населением: вместе они становились сильнее в военном противостоянии с враждебными окрестными фракийцами. Такое сходство событий в Абдере и Гермонассе если и не аргумент в пользу гипотезы о промежуточной роли Абдеры в движении экспедиции эолийских колонистов Семандра вслед за теосцами Фанагора на Тамань, то по меньшей мере может наводить на мысль об этом.

Мы отметили выше, что с IV в., судя по ионийскому языку надписей, Гермонасса стала ионийским городом, но теперь уточним: поскольку в V в. ионийских надписей тут нет, а в V–IV вв. продолжают существовать эолизмы здесь, а отсюда и в Пантикапее, Мирмекии (каталог, № 2, 7, 11–14), следует заключить, что во второй половине VI–V вв. город был par excellence эолийским, но с IV в. в нем возобладали ионийцы. Ничего необычного в этом нет, ибо и в метрополиях – Ионии да Эолиде – проходил процесс постепенного, но неуклонного вытеснения ионийцами эолян с их исторических мест обитания. Немало данных об этом у Страбона (XIV. 1, 4; 12; 39–40; 2, 6; ср. XIII. 1, 2–4, 38, 58 сл.; 2, 6), отчасти у Геродота (I, 149–151). По Страбону (XIII. 1, 2; 8), Гомер соединил в одно целое Троаду и Эолиду, сам Географ указывает, что пределы эолийской земли составляют Кизик на севере и река Герм на юге (она течет южнее Фокеи). Сигей, Смирна, Приена, Магнесия на Меандре поначалу были эолийскими городами, но их уже в VI в. заселили ионийцы (Сигей – афиняне). По данным Геродота (I, 146), прибывавшие после Троянской войны из балканской Греции ионийцы активно смешивались с местным населением западной Анатолии, потому Иония была основательно

[45] Почему именно -ασσα, ведь это на деле суффикс -σσ- с предшествующей связующей гласной α, ε, ι, ο, ου? Потому, что формально Ἑρμώνασσα – женский род к мужскому личному имени Ἑρμώναξ [*Pape, Benseler* 1884, 388] (оно популярно в Ионии, есть и в Эолии, а в лидийской Тиатирии была дама Ἑρμώνασσα, – LGPN VA, 171), но его этимология совсем иная: ἑρμο- (основа теонима Ἑρμῆς, ее показывает gen. Ἑρμοῦ) + ἄναξ = Ἑρμώναξ «Гермес владыка». Название города «Каменным» обосновано тем, что неподалеку на проливе есть выходы камня и потому в нем было каменное домостроение: например, на Северо-Восточном раскопе открыты 3 дома каменной кладки конца VI – начала V вв., каждый состоял из нескольких помещений [*Фиогенова* 2005, 423–425]. Несведущий в топонимике как науке И.Е. Суриков [2012, 465] узрел в названии Гермонассы нечто вроде эпиклесы Гермеса: ἑρμα- + ἄνασσα «владычица Гермеса», не сумев даже растолковать, что это за богиня. См. критику его построений (ОХБ, 327–329), здесь отметим лишь, что ни одно из известных женских личных имен с компонентом -ἄνασσα (их два десятка [*Hansen* 1958, 42]) не стало топонимом. Столь же не научны его домыслы и в отношении этимологии названия Φαναγόρεια, нет смысла их тиражировать, отошлем читателя к критике (ОХБ, 329, 331–332).

заселена; о смешении эолийцев с малоазийским населением сведений мало (например, в Киме: *Strabo* XII. 3, 3).

Заслуживает внимания личность да имя ойкиста эолийской Гермонассы Семандра, к чему недавно обратился Д. Браунд [*Braund* 2019, 99–100]. Он отметил фиктивный характер рассказа о его жене Гермонассе хотя бы потому, что отправление ойкиста в колониальную экспедицию с женой необычно. Имя Σήμανδρος имеет значение «гробница мужа», и в рассказе Арриана он умирает во время основания города. Исследователь полагает, что в Гермонассе была сооружена гробница ойкиста Семандра; поскольку он держится обычного мнения о совместном основании Гермонассы ионийцами Гермона и эолийцами Семандра, то думает, что вероятно Гермон унаследовал власть в городе, а не жена Семандра. Д. Браунд отмечает фиксацию имени Σήμανδρος в узком ионийском островном ареале – в Халкиде, Эретрии, Кеосе, а на Лесбосе его нет, но показательно наличие в Пантикапее (см. наш каталог, № 2): так как имя редкое, оно пришло туда из Гермонассы. А поскольку эолийский элемент тут был слабым[46], можно вообразить, что Семандр был ионийцем, а не митиленцем. Исследователь заключает, что объяснение изложенным обстоятельствам может быть троякое. 1. Группа эолийцев участвовала в основании Гермонассы вместе с численно преобладающими ионийцами (это традиционное мнение); можно представить, что Семандр был митиленцем, но по семейным связям с ионийцами получил ионийское имя. 2. Эолийцы прибыли первыми, Семандр умер, его погребли и культ стал важным в городе. 3. Дипломатические и экономические связи Митилены с боспорскими царями IV в. (см. выше прим. 28) были для освящения древностью отнесены ко временам возникновения Гермонассы надуманной версией об ее эолийских основателях.

Изложенные наблюдения нашего британского коллеги интересны, за исключением тех, что связаны с традиционным мнением о совместном основании Гермонассы ионянами и эолийцами, ибо выше мы развели по времени свидетельства о Гермонассе как ионийской и эолийской апойкии: во второй четверти VI в. ее основали милетские ионийцы во главе с Гермоном, эолийцы же на челе с Семандром реколонизовали ее вскоре после 546 г.[47] Вполне вероятны суждения Д. Браунда о культе Семандра как ойкиста в Гермонассе, ибо это распространенная в греческом мире практика (см., к примеру, немалый сицилийский и южноиталийский материал [*Lane* 2009, 242 f.]). Подобный случай смерти ойкиста при основании города и возможном последующем культе был в сицилийском Тапсе: ойкист его Ламис умер (Антиох у Фукидида, VI, 4) и некоторые связывали с ним гробницу № 8 некрополя [Ib., 303]. Нам в особенности интересны выкладки Д. Браунда об имени Семандра[48]. Заключив в § 2, что версия Арриана по формам Φαιναγόρα, Φαιναγόρας восходит к лесбосскому историку IV–III вв., мы сталкиваемся с некоторым противоречием в виде ионийского написания имени ойкиста Σήμανδρος

[46] Тут он ссылается на замечание А. В. Белоусова да С. Ю. Сапрыкина, что местная эпиграфика ионийская, ничего эолийского нет; выше, в прим. 6 мы дали негативную оценку этому мнению.

[47] Т.е. неприемлемы мысли о наследовании власти в городе Гермоном, что Семандр был ионийцем, что группа эолийцев участвовала в основании Гермонассы вместе с численно преобладающими ионийцами.

[48] Он прав, что на Лесбосе этого имени нет, и немногие фиксации связаны с ионийскими центрами. Однако есть и на дорийской Керкире [*Pape, Benseler* 1884, 1334], так что исключительно ионийского узуса не было.

вместо ожидаемой эолийской формы Σάμανδρος. Отметим в связи с этим, что и лесбосскому историку IV–III вв. фигура Семандра на удивление мало знакома: Σημάνδρου Μυτιληναίου τινός «какого-то Семандра, митиленца». Если действительно, как счел Д. Браунд, у Σήμανδρος значение «гробница мужа», то предание о смерти во время основания города выведено из «погребального» значения его имени, и это открыло дорогу выдумке с объяснением названия Гермонасса по имени его жены, унаследовавшей власть. Ионийская огласовка Σήμανδρος подсказывает предположение, что это инвенция IV в. (с III в. ионийский диалект начинает угасать), когда город стал ионийским (см. выше), так что это местное предание, связанное с существенным уменьшением или даже исчезновением эолийского населения города. Лесбосский историк IV–III вв. излагает это местное «ионизированное» гермонасское предание, оттого фигура Семандра ему мало знакома. Хотя в реальности значение имени Σήμανδρος «гробница мужа» маловероятно[49], оно вполне вообразимо, так что мысль Д. Браунда о порождении на его основе байки про смерть ойкиста при основании города и правлении его жены, давшей свое имя Гермонассе, не беспочвенно.

Как видно, мы согласны с Д. Браундом, что сообщение Арриана о Гермонассе содержит элемент инвенции, но не в той части: у него это выдумка IV в. о колонистах эолийцах на челе с митиленцем, призванная удревнить связи боспорских царей с Митиленой, у нас явно фольклорное объяснение названия Гермонасса через мотив смерти ойкиста и правления его жены, давшей свое имя городу[50]. Что свидетельство Арриана о колонистах эолийцах не инвенция, показывает наличие на Тамани еще двух эолийских колоний Пирры и Антиссы (см. каталог, № 8–9). Согласно Плинию, они ушли под воду. Вопрос о понижении уровня Черного и Азовского морей (Фанагорийская регрессия) в I тыс. до н. э. и его повышении (Нимфейская трансгрессия) сравнительно с нынешним уровнем, решался по-разному, в частности, понижение рассчитывали от 2 до 12 м (обычно от 2 до 5), часто его соотносили с эпохой греческой колонизации [*Дикарев* 2011, 35–37, лит.; *Паромов* 2015, 137–143]. По данным подводных исследований памятников на побережье Таманского залива, повышение уровня моря происходило с III–II вв. до н. э. [*Паромов* 2015, 143, 146–147], с этого времени и могла быть решена участь Пирры да Антиссы. Море наступало на весь Таманский остров (включая Фонтал; именуется островом еще в надписях I–II вв. н. э.[51]), так что эти города могли быть расположены на любой части его побережья. Тут целиком ушли под воду немногие античные селения суши – в районе островов Крупинина (у косы Чушка), Голенького, корабельные

[49] Личные имена с основой σῆμα распространены [*Pape, Benseler* 1884, 1376], значения ее «знак, отличие, отличительный знак, эмблема; знамение; могила, гробница». Другие двухосновные имена конкретизируют их так: Σημαγόρας «возвещающий знамение» (ἀγορεύω), таково и прозвище Зевса Σημαλέος «(по)дающий знак»; Σημωνακτίδης (< σημο + ἄναξ) «отличающийся / знаковый владыка» (знаковый, т. е. значительный). Это же «знаковое» значение «отличающийся, значительный муж» может иметь имя Σήμανδρος. К причастной форме наших переводов ср. имя в виде причастия Σήμων, Σάμων «отличающийся, знаковый».

[50] Такие народноэтимологические домыслы призваны объяснить непонятную людям топонимику. К примеру, так возник у киевских летописцев XII в. князь Кий, основавший де Киев («Повесть временных лет», вступление). Они явно стелились перед правящим в Киеве родом Рюриковичей, а новгородские летописцы, полемизировавшие с ними, обозвали его перевозчиком да звероловом [*Яйленко* 1988, 173–178].

[51] *КБН* 40, 697 из Пантикапея и 982, 1000 из Фанагории, с упоминанием должности ὁ ἐπὶ τῆς νήσου «губернатор острова».

стоянки у мыса Панагия, с ними и могут быть отождествлены Пирра да Антисса, тем более, что эти местности недалеки от Гермонассы. Под воду ушла и якорная стоянка на Тузле, но это Корокондама, и она ионийский город[52].

По Страбону (XIII. 2, 1), Лесбос вместе с Кимой вывел 30 колоний. Немало сведений о них на малоазийской Эолиде у Гелланика, Страбона, но все они мало чем проявили себя (самый известный Сест у переправы через Геллеспонт). Можно сказать, что ионийцы, колонизационная активность которых была намного большей, перекрыли эолийскую колонизацию. К примеру, Сигей, Смирна, Приена первоначально эолийские колонии, но их рано, уже в VI в. заселили ионийцы. Причина проста: эолийцев на Лесбосе и прилегающей Эолиде было немного, тогда как Иония основательно заселена. Надо полагать, эта же картина действенна и в случае с Гермонассой: численное преобладание ионийцев на Таманском (полу)острове привело к закономерному результату – в IV в. город стал ионийским. Именно поэтому в Гермонассе и в целом на Тамани язык надписей IV в. ионийский, а эолийские эпиграфические свидетельства предстают перед нами лишь в виде 4 реликтов (каталог, № 6, 7, 11, 12).

В заключение лексикографическая миниатюра. Мы не раз прибегали здесь к источниковедческой экзегезе – выяснению заимствований одного писателя у другого, добираясь в конечном счете от авторов II в. н. э. Арриана, Дионисия до первых историко-географических сочинений VI–V вв. до н. э. Гелланика, Гекатея. Есть возможность продемонстрировать читателю одно из средств экзегезы – переходящий от писателя к писателю устойчивый лексический оборот. Мы упомянули сообщение Геродота (I, 164–168), что персидское нашествие вынудило к эмиграции жителей Фокеи и Теоса, одни из которых переселились в другие города, другие вернулись, третьи основали новые колонии. Это часть его большого рассказа о покорении Гарпагом Ионии, здесь же упоминается лидиец Пактий, φεύγων θάνατον βίαιον πρὸς Περσέων «избежавший насильственной гибели от персов». Этому созвучно словоупотребление известия Арриана (< лесбосского историка) об основании Фанагории теосцами: «Файнагория,

[52] Как считается, Корокондаме принадлежит тузлинский некрополь [*Сорокина* 1957, 48–50], коли так, она ионийский город (селение) – тут найдены 3 ионийские по языку эпитафии V в. (*КБН* 1102–1104). Недавно А. В. Окороков, Ю. О. Егоров [2019, 431–442] настаивали на звучавшем и ранее отождествлении ее с поселением Тамань 1 на Боспорском проливе, но этому противоречит название города: от него образовано античное наименование Таманского залива Корокондамское озеро, поэтому Корокондама должна находиться на его побережье, а не на проливе. По Страбону (XI. 2, 8–9), деревня Корокондама является пределом пролива Киммерийский Боспор (доселе зимой доходит лед), выше (т. е. к северу) в 10 стадиях (ок. 1,5 км) лежит большое озеро, которое по имени деревни называется Корокондамским. Это описание положения Корокондамы соответствует идее А. В. Окорокова, Ю. О. Егорова и их предшественников, но Страбон, увы, ошибается в локализации: согласно периплу Псевдо-Арриана (§ 64 = SC 1, p. 279), а это лоция в отличие от описательной «Географии» Страбона, Корокондама лежит на перешейке (ἐπὶ ἰσθμοῦ), а именно (ἤτοι) на узкой *полосе* (στενοῦ) меж <Корокондамским> озером и морем (т. е. Боспорским проливом), это Тузлинская коса. Здесь указывали античный материал раскопщики В. В. Шкорпил, В. В. Соколов, В. К. Шилик, А. В. Кондрашев и др. [*Зинько, Шамрай* 2020, 14 сл., лит.], поэтому А. В. Окорокову и Ю. О. Егорову приходится считать его перемещенным откуда-то из другого места. Таманский залив потому получил название Корокондамского озера, что в районе Корокондамы плывшие из Черного моря корабли поворачивали в залив с курсом на Фанагорию и прочие пункты. Где именно они поворачивали, установить непросто из-за Маркитантской банки. Ныне она залегает под водами Таманского залива, но бурением установлено, что в середине I тыс. до н. э. «внутренняя часть Таманского залива частично или полностью отгородилась от акватории Керченского пролива» тогда надводной Маркитантской банкой [*Горлов, Поротов* и др. 2002, 253]. Поскольку фанагорийские проксении IV в. до н. э. безусловно свидетельствуют о полной доступности Фанагории с моря, эта банка отгородила залив от пролива лишь частично.

которую основал теосец Файнагор, бежав от насилий персов» – φεύγων τὴν τῶν Περσῶν ὕβριν. И оно в свою очередь имеет параллель в рассказе поэта II–I вв. до н. э. Псевдо-Скимна (стт. 250–253): южноиталийскую Элею основали фокейцы, бежавшие из-под персидского гнета – φύγοντες ὑπὸ τὰ Περσικά. По Геродоту (I, 168), также теосцы покинули осажденный персами свой город и выселились в Абдеру. Почитавший Геродота Псевдо-Скимн следует ему в указании причины выселения теосцев и употребляет то же выражение, что и в рассказе об основании фокейцами Элеи: теосцы φύγοντες ὑπὸ τὰ Περσικά (ст. 671). Таким образом, Псевдо-Скимн и лесбосский историк IV–III вв. до н. э., сочинение которого использовал Арриан (см. § 2), руководствуются словоупотреблением великого Галикарнасца. Однако его историческое по характеру известие об основании Абдеры (город заложил клазоменец Тимесий, его изгнали окрестные фракийцы, но реколонизовавшие Абдеру теосцы почитают как героя-основателя) Псевдо-Скимн заменяет мифологизированной версией (ст. 667–671): она названа так по Абдеру, который первым основал город, впоследствии он убит конями Диомеда; «соосновали его и теосцы, бежавшие из-под персидского гнета». Такие признаки, как объяснение названия города по эпониму, соединение исторического и мифологического характерны для ктисис-рассказов логографов, и поскольку неоспоримое первенство в сообщениях такого рода принадлежит Гелланику, скорее всего *по содержанию* указанные ктисис-сообщения восходят к нему. Ранее В. Д. Кузнецов [2001, 229] обратил внимание на идентичность выражения Арриана в рассказе об основании Фанагории – теосцы φεύγων τὴν τῶν Περσῶν ὕβριν, и Страбона (XIV. 1, 30) об основании ими же Абдеры: οὐ φέροντες τὴν τῶν Περσῶν ὕβριν «не перенося этого насилия персов». Он объясняет сей параллелизм так: «Возможно, это простое совпадение, однако не исключено, что Арриан опирается здесь на «Географию» Страбона, либо на какой-то общий источник». Однако ввиду присутствия этого выражения также у Псевдо-Скимна мысль о совпадении отпадает, и Арриан не опирался на Страбона, так что верно последнее – общий источник у Псевдо-Скимна, Арриана, Страбона. У последнего упоминания Геродота часты [*Страбон* 1964, 861], потому он следует в данном эпизоде ему. Псевдо-Скимн нередко упоминает свои источники, выше всех ставит Геродота, так что у него тоже парафраза Галикарнасца. Арриан (точнее его лесбосский источник), судя по одинаковости с выражениями Псевдо-Скимна (φεύγων τὴν τῶν Περσῶν ὕβριν первого, φύγοντες ὑπὸ τὰ Περσικά второго), лексически тоже восходит к Геродоту, а по содержанию, как сказано, скорее всего к Гелланику.

Следующие три параграфа дополнительные к закончившемуся основному тексту, рассматриваем в них два граффити и вопрос об оценке историко-мифологической традиции, все они напрямую связаны с тематикой статьи.

4. Граффито с именем Фанагора

В 2015–2020 гг. Н. В. Завойкина несколько раз публиковала важное, но сложное для понимания трехстрочное граффито на обломке хиосской амфоры из Фанагории (рис. 1. *1*, *1*а), дорабатывая чтение и интерпретацию. Свое видение надписи дали С. Ю. Сапрыкин, Ф. В. Шелов-Коведяев. Уважаемые коллеги, тоже не раз возвращаясь к граффито, взаимно критиковали друг друга с большей или меньшей мерой убеди-

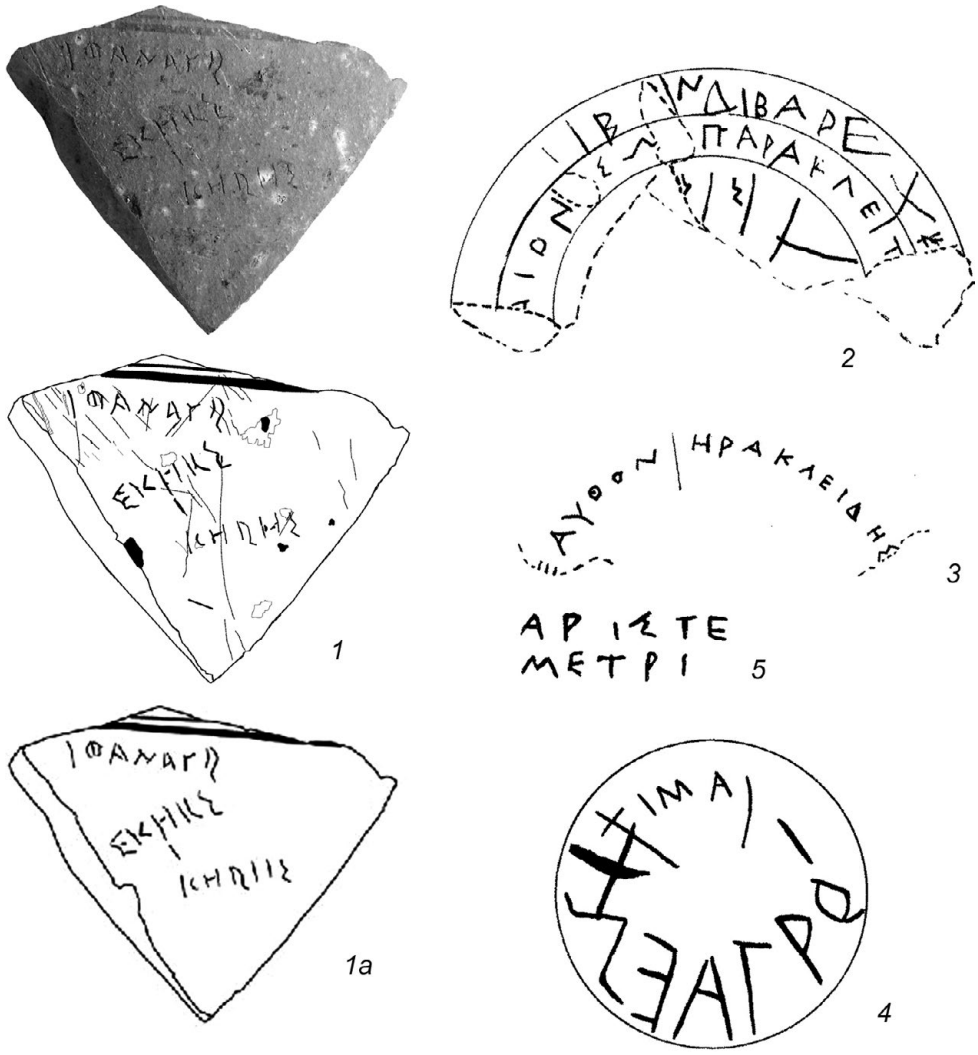


Рис. 1: *1* – Граффито с именем Фанагора. Фото и прорись Н. В. Завойкиной [2020, 247]; *1а* – то же. Прорись Н. В. Завойкиной [2018, 295]; *2* – магическая надпись V в. из Ольвии [*Яйленко* 1980, табл. VII на с. 111, текст на с. 85]; *3* – граффито из Пантикапея, III в. до н. э. [*Яйленко* 2018, 270, рис. 4, текст на с. 249]; *4* – граффито Леагра V в. с Березани [*Яйленко* 1982, рис. 179а на с. 232, текст с. 305]; *5* – граффито с некрополя Гермонассы [*Толстой* 1953, 143, № 247]

тельности, это избавляет меня от разбора их интерпретаций и позволяет ограничиться изложением их текстов. В последней статье Н. В. Завойкиной [2020, 253] он таков: ⁞ Φαναγρ (или Φαναγρ(εω)) ⎪ Ε⁞< Ἤϊος ⎪ ⁞c Ἤρης «обол Фанагор (или Фанагора), 6,5 оболов Эией, 1¼ (?) обола Геры», она считает, что это «остракон с записью расходов, видимо, на вотивные приношения в святилища Фанагора, Аполлона Феба и Геры в Фанагории». Текст С. Ю. Сапрыкина [2019, 476–480]: ⁞ ⁞ Φαναγ(ό)ρ(ᾳ) ⎪ ἐκ Ἡκσ(ίο) ⎪⁞ ⁞ / ⎪ Κήρης «диобол Фанагору от Аксия (= Эксия), триобол *дал* Керес», с конечной констатацией – «Фанагор частное лицо, а сам документ является записью о возврате ему долгов от Ак-

сия (= Эксия) и Кереса»[53]. Текст и интерпретация Ф. В. Шелова-Коведяева [2018, 99]: ǀ ΦΑΝΑΓΡ │ Ε ΚΗΡΣ │ ǀc ΗΡΗΣ, т. е. 10 Φαναγ(ό)ρ(ου) │ 5 Κηρί │ 13 Ἥρης «10 Фанаг(о)р(а), 5 Кэре, 13 Геры», это запись пожертвований в святилища поименованных богинь. Разночтения текста и различная интерпретация специалистов вполне понятны: надпись слишком краткая (полтора – два десятка букв) и не все буквы читаются четко, потому какое-либо одно определенное понимание невозможно.

С датировкой Н. В. Завойкиной третьей четвертью VI в. согласился С. Ю. Сапрыкин, а Ф. В. Шелов-Коведяев с отсылкой к письму пантикапейского вотива Сона счел, что фанагорийское граффито не позднее середины столетия (он вообще склонен к более ранней хронологии). Действительно, выразительный «хвост» буквы Р в стк. 1 мог бы отсылать к середине VI в., но довольно тривиальные формы других букв указывают на вторую половину века[54], соединить то и другое как раз позволяет датировка издательницы. Это весьма важное обстоятельство, поскольку относит граффито ко времени ойкиста Фанагора, приведшего теосцев на Тамань вскоре после 546 г.

Датируя граффито промежутком между ок. 540–520 гг., Н. В. Завойкина склонилась к его концу для увязки со своим чтением текста, согласно которому деньги вложены в святилище Фанагора. Увы, мы не располагаем палеографическими реперами VI в. для столь точного датирования, можно констатировать только, что граффито третьей четверти (ок. 550–520 гг.), поэтому Фанагор, говоря словами сказки о Буратино, «или жив, или мертв». Что́ здесь правильно, показывает текст; в интерпретации издательницы Фанагор уже мертв (в архаике святилища не устраивались в честь живых людей), но широкая дата лет в 30 позволяет нам проявить гуманность и сохранить ему жизнь. Далее, С. Ю. Сапрыкин отметил, что имя Φαναγόρης популярно в Ионии, «поэтому нельзя исключать, что под этим именем в граффито мог скрываться не ойкист, а соименный житель ранней Фанагории, названный в честь ойкиста». Соображение вроде бы резонное, но для отрезка времени в 25–30 лет датировки граффито оно требует, чтобы ойкист умер через несколько лет после основания города (основан вскоре после 546 г.), т. е. не позже 540 г., когда названный в честь него фанагориец уже стал взрослым и мог фигурировать в граффито. Понятно, что это был бы примерно 520 г., и отсюда следует второе условие для указанной трактовки – датировка граффито самым концом треть-

[53] Высказывания С. Ю. Сапрыкина по поводу грамматики, как обычно, удивляют. «Второй вариант трактовки слова ΚΗΡΗΣ связан с пониманием его как gen. subject. Κήρ, κηρός – смерть, гибель, бедствие, несчастье, недуг, болезнь, злой рок (нарицательное имя одноименной богини) – с характерной заменой ο > η в окончании под влиянием первого ударного слога. Тогда смысл надписи такой: «диобол Фанагору (или в Фанагорейон – героон Фанагора), триобол от Аксия (= Эксия) от беды (или злой судьбы, рока» (с. 479). Коль пишется о «первом ударном слоге», то имеется в виду gen. κηρός, и где же в нем «первый ударный слог»? Больше того, он оказал влияние на «характерную замену ο > η», тогда как такая замена не только не характерна, но и вообще не существует. Если κηρός переведено «от беды», то это не gen. subject., а gen. separationis. На другие его грамматические ошибки здесь указал Ф. В. Шелов-Коведяев [2020, 430], я писал о перлах подобного рода и в других его статьях, вплоть до «индикативного причастия» в надписи с Чайки (у причастий нет наклонений) [*Яйленко* 2019, 144–145; 2021а, 47]. Уважаемый Сергей Юрьевич хороший историк, немало полезного сделал и в эпиграфике, но должен воздерживаться от высказываний по части грамматики греческого языка.

[54] В числе граффити Березани есть два образца Р с развитыми «хвостами» весьма раннего времени: одно второй половины VII – первой половины VI вв., другое первой половины VI в. [*Яйленко* 1982, табл. на с. 220, № 1, 5, текст к ним: с. 276–277, 282]. Есть там и соразмерные объему буквы «хвосты» в надписях VI в. [Ib., табл. на с. 220, № 7, на с. 224, № 89, на с. 232, № 173, текст к ним: с. 283, 287, 303].

ей четверти века. Как видно, расчет лет мало согласуется с мнением С. Ю. Сапрыкина; да нет и оснований думать, что в колониальной экспедиции теосцев было несколько Фанагоров. Поэтому мы согласны с Н. В. Завойкиной, что Φαναγρ надписи – ойкист. Но если у нее он уже завершил свой жизненный путь, то на наш взгляд, надпись может содержать прижизненный ему текст, к рассмотрению которого и приступим.

Надпись ионийская, это древнейший на Боспоре памятник ионийского языка. Сначала, как положено, обратимся к ее текстологии. Прежде всего требуют разъяснения предпоследняя буква стк. 2 (перед *сигмой*) и первая стк. 3. Коллеги разошлись во мнениях: издательница усмотрела в обоих случаях знак обола и полуобола, Ф. В. Шелов-Коведяев прочел в стк. 2 букву Р, а вертикаль в стк. 3 счел *иотой* как цифрой 10, следующее полукружие – *гаммой* как цифрой 3, в сумме 13. В стк. 2 действительно можно усмотреть и буквы Р, К, и знаки обола да полуобола (|‹). Полагаем, Ф. В. Шелов-Коведяев точно усмотрел букву Р: во-первых, на фото (рис. 1. *1*) видно, что правая часть ее головки, не соединенная со столбом, все же поворачивает в его сторону; во-вторых, читается такой же текст КН̣Р как в стк. 3 – КНР. Буква Р состоит из мачты и головки, удлиненной на высоту мачты, дополненной «хвостом». Формы ее в стк. 1 и 3 несколько разнятся: у первой прогнутая мачта и динамично прочерченные очертания дуги с развитым «хвостом», у второй мачта прямая, правая часть очерчена спокойней, «хвост» короче. Буква Р стк. 2 по форме средняя меж ними – мачта прямая, «хвост» той же длины, что в стк. 1. Верхняя часть головки Р стк. 1 уничтожена выбоиной, ровно это же с Р стк. 2.

С. Ю. Сапрыкин принял эту обсуждаемую предпоследнюю букву стк. 2 перед *сигмой* за *каппу*. Н. В. Завойкина [2020, 150–151] отвергла это чтение на том основании, что усики К отделены от столба. И в начале стк. 3 она видит не К, а знак обола (|) и полуобола (‹), в сумме |‹ = обол с половиной. Возражая против чтения в начале стк. 3 *каппы*, она отметила, что усики отделены от мачты и они округлы (c), а такой курсивной формы *каппы* в VI–V вв. еще не было. Для решения вопроса обратимся к большому массиву граффити VI – раннего V вв. из Навкратиса. Поскольку почти все они посвятительные и многие включают слово ἀνέθηκε «посвятил», *капп* много. Как правило, усы соразмерной столбу длины и прилегают к нему, при этом множество вариаций прилегания. Но есть и несколько случаев, когда усы вырезаны отдельно от столба[55]. Поскольку есть множество *капп* с мелкими относительно высоты столба усиками[56], в том числе округлыми[57], вполне ожидаема и такая форма с ними, где они отделены от столба и округлых очертаний[58]. Эти аналогии определенно указывают на возможность чтения в начале стк. 3 фанагорийского граффито *каппы*. Означает ли это, что вычитывание денежных сумм не обосновано? Отнюдь нет, мы лишь верифицировали аналогиями чтение тех коллег, которые усматривали в начале стк. 3 букву К, однако это не исключает возможности видеть здесь знаки обозначения обола (|) и полуобола (c). Это тоже crux, не позволяющий выстроить точную текстологию надписи. Еще одна проблема – чтение буквы

[55] [Naukratis 1886, 1888]: Pl. XX, 876; XXI, 705, 801; XXIII, 222; XXIV, 428; XXV, 665.

[56] Ib., Pl. XXI, 708, 709, 716 etc.

[57] Ib., Pl. XXI, 780.

[58] Ib., Pl. XXI, 777, 795; XXII, 142.

в стк. 3 перед *сигмой*. По мнению Н. В. Завойкиной [2018, 292], тут буква Н, большая часть перекладины которой повреждена выбоиной. Не видев подлинника, не беремся судить определенно, лишь констатируем, что у обеих предшествующих букв Н стк. 2–3 перекладина примыкает к вертикалям под прямым углом, здесь же она, судя по ее фото и прориси (рис. 1. *1*), косая. Поэтому возможно чтение тут не *эты*, а двух *иот*.

Определенней можно сказать лишь, что́ представляет собой вертикальная черта в стк. 1 перед именем Фанагора: это не знак обола, как сочли коллеги, а старт, так сказать, проба пера, она нередка среди граффити и в лапидарной эпиграфике, ставится не только в начале надписи, но в середине и даже завершает граффито, в этих местах она выполняет роль колона, т. е. знака препинания, остановки (вроде нашей запятой, точки с запятой или точки)[59]. Поэтому понимание С. Ю. Сапрыкиным вертикали между стк. 2–3 (на подлиннике он усмотрел тут еще две линии) в качестве обозначения триобола ошибочно (Н. В. Завойкина, у которой граффито, можно сказать, всегда на столе, оспорила наличие и этих двух линий, и еще одной, второй, усмотренной им перед ΦΑΝΑΓΡ).

Автор граффито ухитрился написать ΦΑΝΑΓΡ в стк. 1 с двумя ошибками – пропуском буквы О и отсутствием окончания. Он не одинок в этом – к примеру, другой грамотей позднего VI в. из Навкратиса начертал в посвящении ΜΑΕΘΗΕ вместо должного μὰνέθηκε, забыв про ν и κ, другой дал Ἀφοδίτηι, без ρ [Naukratis 1886, pl. XXI, 738, 739]. Ф. В. Шелов-Коведяев [2020, 429], найдя параллели пропуску гласных перед слоговым ρ в запросах из Додонского оракула, счел написание закономерным. Однако слоговое ρ в имени Φαναγόρης проблематично[60]. Кроме того, отсутствие в ΦΑΝΑΓΡ также окончания указывает на ошибочность графики. Вслед за издательницей дополняем пропущенное ό, восстановление же окончания имени зависит от контекста надписи в целом. Формально ΦΑΝΑΓΡ может обозначать не только личное имя, но также название города – Φαναγ(ό)ρ(εια), и этникон Φαναγ(ο)ρ(είτης) «фанагориец». Однако в граффити названия городов и этниконы большая редкость: навскидку припоминаю Ὀλβίῃ πόλι «граду Ольвии» из березанского оракула VI в.[61], Τυρανός «тирит» вотива III в. из Ольвии [*Яйленко* 1980, 83, № 80], город Навкратис VI в. – Να(ύ)κρατιν [Naukratis 1886, Pl. XXI, 795]. Поэтому ΦΑΝΑΓΡ определенно личное имя и ввиду изложенного выше мы вполне согласны с Н. В. Завойкиной, что это ойкист Фанагории. Но в случае, если он другой соименный фанагориец, как счел С. Ю. Сапрыкин, то это мемориальное наречение имени ребенка – в память об основателе города. Таково и представленное в Пантикапее V в. до н. э. имя Σήμαν(δρος) [*Толстой* 1953, 197] (см. каталог, № 2) – вынесенное из Гермо-

[59] Прилагаем по одному примеру. Рис. 1. *2*: перед началом магической надписи V в. из Ольвии две вертикали старта. Рис. 1. *3*: вертикальная черта как колон в середине граффито III в. из Пантикапея. Рис. 1. *4*: вертикальная черта в качестве знака завершения (точки) в конце березанской надписи V в.

[60] Его вторая основа ἀγορά [*Яйленко* 2016, 515], образованная от ἀγείρω «собираться», этимология которого неясна [*Frisk* 1954, 8–9, 13–14], но основа *ag-, ср. [*Chantraine* 1968, 10]. Существительное ἀγορά его апофоническая о-ступень, и здесь -ρά может быть словообразовательным суффиксом -ρ(α), который обозначает следствие действия (как, например, в ἕδρα «седалище», где корень ἕδ- «садиться»).

[61] Вычитанное Ю. Г. Виноградовым Χαλκήνη в так называемом «письме жреца» VI в. из Ольвии на поверку оказалось ошибочным – тут гомеровская формула: κάμε … ἔντη χαλκῆ νηλῆ (acc. pl.) «выковал … оружие медное, безжалостное»; да и не «письмо жреца» это, а гимн с 12 полноценными гекзаметрами, каждый в отдельной строке [*Яйленко* 2019, 157 сл., 179 сл.]. Первоначальный вариант 2015 г. (он в ОХБ, 252–260) устарел, он был предварительным, но свою задачу – показать стихотворный характер надписи – выполнил.

нассы мемориальное имя ее основателя. Подобного рода мемории нередки (воспользуемся для примера списком ионийских городов и их основателей у Страбона – XIV. 1, 3): в числе ойкистов Теоса был Δαμάς, ионийскую Приену основал Φιλώτας, Клазомены Πάραλος, и их имена представлены в именнике сих городов (LGPN VA, 116, 357, 455). В почете также мифические ойкисты-родоначальники: например, имя родоначальника эолян Αἴολος употребительно в Киме, Приене (изначально эолийский город), Кизике, откуда, по Страбону (XIII. 1, 2; 3) начинается эолийская земля; ойкистами ряда городов Ионии были сыновья Кодра и его имя вполне представлено там (LGPN VA, 13, 251)[62].

Подытоживая изложенное и учитывая неоднозначность понимания столь краткого текста, также неясность двух букв в стк. 2 и 3, предлагаем два своих варианта его чтения, одно предварительное – как возможное, другое окончательное – как наиболее органичное. Первый вариант в маюскулах таков: ׀ ΦΑΝΑΓΡ │ ΕΚΗ̣ΡΣ │ ׀ │[63] ΚΗΡ‖Σ, в минускулах: ׀ Φαναγ(ό)ῥ(η), │ ἔ, κηῥ̣(ό)ς │׀│ Κῆρι ἴς «Фанагор, увы, восковая фигурка – сила у Керы».

Напомнив текст стк. 2 ΕΚΗ̣ΡΣ, отметим, что между Ρ и Σ пропущена гласная (как и Ο в стк. 1)[64], читаем тут слово κηῥ̣(ό)ς «воск, вощеная табличка для письма, свеча, восковая фигурка»[65]. Междометие ἔ «увы, ох» делает предпочтительной постановку имени Фанагора в звательном падеже (возможен также именительный). Текст магический, по содержанию скорее всего оракул. В Северном Причерноморье оракул функционировал на Березани с последней трети VI в., в Ольвии в V–IV вв. при святилище Гермеса (ОХБ, 30–46). Может быть, с этим связано необычное для граффити в 2 и более строк разное их направление[66]. Кера – божество насильственной гибели, персонаж поэтической речи (Гомер, трагики), со времени Платона переходит в прозу: κῆρ «зло, бедствие, несчастье». Стало быть, при чтении теонима текст должен быть стихотворным, и действительно, он составлен ямбами[67]. По Аристотелю (Poetica, 4), из всех размеров ямб наиболее близок

---

[62] И граффито Фанагора, и приведенные примеры мемориального сохранения имени ойкиста ликвидируют домыслы И. Е. Сурикова о мифичности ойкиста Фанагора, ибо он сам фигурирует в ней; если же прав С. Ю. Сапрыкин, что это соименный фанагориец, то в таком случае столь раннее употребление имени в городе имеет мемориальный характер – детей называли по его основателю Фанагору. Другие наши контраргументы против «этимологии» И. Е. Сурикова [*Яйленко* 2016, 514–522; ОХБ, 329–332]. Имя Φαναγόρης двухосновное, первая φανός «светлый, яркий > прославленный, знаменитый», вторая, как сказано, ἀγορά «собрание людей, место собрания etc.» = «прославленный среди людей».

[63] Большими вертикалями обозначаем раздел строк, средними вертикалями – знаки остановки, о которых вели речь – перед именем Фанагор и между строками 2–3; последнюю не стоит считать отдельной строкой (это не текст), поэтому заключаем ее между двумя знаками раздела строк.

[64] Формально можно усмотреть обычное сокращение денежной суммы σρ´ «100 статеров», но для таких сумм в Фанагории VI в. время еще не пришло.

[65] В LSJ значение «восковая фигурка» упущена, его дал И. Х. Дворецкий в своем «Древнегреческо-русском словаре». Оно явственно у Платона (Res publ. 588d): ведется речь о создании образа, формы (ἰδέα) льва, человека из весьма податливого воска (εὐπλαστότερον κηροῦ).

[66] Черепок небольшой, треугольной формы, три короткие строки надписи занимают 2/3 его поверхности. Странным образом автор граффито слегка поворачивал его в руке перед написанием каждой строки – они не параллельны, как обычно, а располагаются под наклоном друг другу.

[67] В Φαναγ(ό)ῥ(η) два ямба; в соответствии с правилами стихосложения, личное имя или название, в котором 3 и более слога, долготу гласных определяет стихотворный размер. Поэтому обе альфы (первая долгая, вторая краткая) в соответствии с метрикой ямба меняются долготой: первая краткая, вторая долгая. Есть некоторая заминка с ямбом в конце стк. 2 и начале стк. 3, который образуют омикрон слова κηῥ̣(ό)ς и эта имени Κῆρι. Омикрон перед двумя согласными (ος Κ) метрически долгий, однако Κῆρι отделено знаком остановки меж стк. 2–3: κηῥ̣(ό)ς │׀│ Κῆρι, может быть, ввиду этого омикрон остается кратким.

к разговорной речи. Из поэтов архаической поры им пользовались великие лирики Архилох, Семонид, Гиппонакт. Литературные оракулы предназначены героям да царям, потому для вящей торжественности составлены гекзаметром (например, таковы у Геродота), фанагорийский же оракул местечковый, обслуживает городское население, потому составлен разговорным метром. Оракул предостерегает Фанагора от волхвования с помощью восковой фигурки, ибо это сфера деятельности Керы. Такой способ наведения гибели на супостата известен у разных народов древности и средневековья, у греков античного времени и византийского. Приведем первый исторически достоверный пример – из «клятвы основателей» VII в. с Феры. Продовольственных ресурсов острова не хватало для всего населения, ввиду чего народное собрание приняло постановление об отправке части молодежи для основания города в Кирене; дабы оно исполнялось всеми и неукоснительно, все население принесло клятву, для нарушителей которой принята крайняя мера: «слепив восковые изображения (κηρίνοις πλάσσαντες κολοσσοῖς), сожгли их, призывая проклятия, все собравшиеся» [*Яйленко* 1982, 65].

Букву Е в начале стк. 2 можно принять и за дифтонг ει, это частое написание в ионийских граффити и лапидарных надписях Ольвии, начиная с VI в. [*Dubois* 1996, 184; ОХБ, 106, 204, 210, 211, 287, 288, 298, 336, 632]; на Боспоре встречается редко – в граффити с V в. [*Яйленко* 2005, 484; 2020a, 448, № 10]. В таком случае читаем ἐ (= εἰ̓), императив к εἶμι «идти, уходить». Как сказано, в стк. 3 возможно также чтение ΚΗΡΗΣ, оно предпочтительней, на нем настаивает Н. В. Завойкина. Тут вычленяем теоним Κήρ и ᾗς – ионийский dat. pl. к ἥ (fem. к ὅς, в данном случае относительное местоимение), т е. «своим»[68]. С указанными элементами текст таков:

ι Φαναγ(ό)ρ̣(η), | ἐ Κηρ̣(ό)ς· |ι| Κήρ, ᾗς

«Фанагор, уходи от Керы; Кера, к своим *уходи*».

Сравнительно с предыдущим вариантом сей текст более цельный по конструкции и органичный по содержанию. Это охранительная магия, посредством которой кто-то из близких людей Фанагора пытается защитить его от гибели, и вряд ли стоит сомневаться, что сей Фанагор ойкист. Отметим, что оба предложенных варианта понимания надписи погружают нас в реальную жизнь города вскоре после его основания: ойкисту что-то или кто-то угрожает смертью, либо он сам пытается ворожить с той же целью на супостата. Словом, жизнь в городе вскоре после основания не проста, тревожна и даже гибельна.

Ойкист Фанагор не сам написал граффито, ибо он теосец, а в малоазийской Ионии «хвостатое» Р неупотребительно[69]. Напротив, жителям ионийских островов Наксоса, Аморгоса, Сифноса, Делоса, Пароса и колонии последнего Фасоса такая форма буквы была по вкусу [*Jeffery* 1969, 289–290, pl. 56, no. 35, pl. 57, no. 40; *Guarducci* 1987, Allegato 1 (в конце книги)]. Имея в виду наше предположение, что покинувшие Теос при персидской осаде жители сначала приплыли к области Абдеры, а рядом Фасос (выше, § 3), возможно, автор граффито был фасосцем, потому и употребил «хвостатое» Р. Это дает

[68] В ионийском уже с VI в. ηι утрачивает йотацию и пишется η [*Thumb, Scherer* 1959, 254].

[69] Оно есть лишь в посвящении Креза середины VI в. в храм эфесской Артемиды [*Jeffery* 1969, 325]. По ее заключению, «хвостатое» ро «необычно в Ионии» [Ib., 339], а по словам М. Гвардуччи, «это довольно редкая для малоазийской Ионии форма» [*Guarducci* 1967, 264–265].

основание предположить, что состав основателей Фанагории не был гомогенно теосским – в соответствии с общегреческой практикой, в колониальную экспедицию приглашались также люди со стороны, каким-то образом известные ядру колонистов (пример: *Thuc*. I. 27, 1), ибо численность ядра обычно была невелика – от 150 человек и более, редко больше тысячи (примеры: ОХБ, 184)[70].

5. Граффито с некрополя Гермонассы

В сборнике эрмитажных граффити И. И. Толстого [1953, № 247] помещено граффито на стенке чернофигурной ольпы (рис. 1. *5*), найденной В. В. Шкорпилом раскопками 1913 г. на некрополе, расположенном в 3 верстах от ст. Тамань вправо от дороги на мыс Тузлу. По его словам, все прибрежные некрополи до этого мыса принадлежали античному городу, залегающему под станицей [*Шкорпил* 1918, 141, 143], так что ольпа происходит из эолийской Гермонассы[71]. А. А. Передольская отнесла ольпу к V в.[72] Чтение и комментарий И. И. Толстого: ἀρίστε μετρί = ἀρίστῃ μητρί «дорогой матери», это подарочная надпись матери от детей; передача долгого ē через ε, а не η, обычна для древнегреческой орфографии V в. Тут у почтенного академика филологии, решением Президиума Академии наук СССР в 1950 г. «брошенного» на эпиграфику[73] – возглавить подготовку КБН, но так и не ставшего эпиграфистом [*Яйленко* 2019а, 627], все не так. Безымянные подарочные надписи свойственны римской эпохе, в раннее время они адресные, с указанием имени получателя (а то и дарителя[74]), поэтому надо читать личное имя: Ἀρίστε̄ (= Ἀρίστῃ) με̄τρί «*дар* Аристе, матери». Издатель неправ, говоря и об обычной для древнегреческой орфографии V в. передаче ē через ε, – это свойство аттического и прочих диалектов, прежде всего дорийских, в алфавитах которых не было специальных знаков для долгих гласных. Но надписи V в. на Боспоре в целом, в том числе на Тамани, ионийские, а этому диалекту вовсе не свойственно написание ē через ε, а не η[75]. Посему таманское граффито с его ε̄ вместо η в Ἀρίστῃ и ε̄ вместо η в με̄τρί не ионийское, и параллель ему

[70] В. Д. Кузнецов [2019, 405–413], предпочитая видеть в Фанагоре данного граффито ойкиста, связал с ним в качестве предположения однокамерное подвальное святилище третьей четверти VI в., расположенное в центральной части города. Это может быть поддержано тем обстоятельством, что герооны основателей располагались как раз в центральной части городищ близ агоры, но это были именно герооны, т. е. гробницы [*Lane* 2009, 242 ff. – источники, литература].

[71] Мы предприняли полную ревизию граффити сборника И. И. Толстого [*Яйленко* 2022, № 242–377] (это электронная публикация, извлекаем оттуда № 373).

[72] Ей принадлежат все датировки граффити сборника И. И. Толстого; как керамист, она давала их по керамическим признакам. Все прориси сборника выполнила З. А. Билимович. Я имел возможность сравнить ее прориси ольвийских граффити сборника с подлинниками – они всегда точны.

[73] Так тогда говорили, я помню лексику тех лет. С 1947 по 1957 г. учился в средней школе славного города Донецка (столица угольной промышленности страны!), тогда же в 1950–1957 гг. издавалась изумительная (отбросим идеологическую шелуху) «Сталинская» энциклопедия о 50 томах; с 1953/4 гг. я стал зачитываться ею, именно она и сформировала во мне уже в 6–7 классе призвание заниматься наукой.

[74] Примеров тьма, ограничимся одним, но звучным – даром мужа по имени Могеа жене Евхаре: «Могеа приносит в дар жене Евхаре, дочери Евтретифанта, котилу, чтоб сладко пила» (граффито V в. из Беотии, эолийский диалект [*Jeffery* 1969, 402, № 18]).

[75] Единственный на Боспоре пример такого написания, казалось бы, есть в *КБН* 939 (Нимфей, V в.): μὴ χέσες ἱεροῦ, где χέσες = χέσῃς, причем по утверждению комментатора, «написание флексии конъюнктива через ε для V в. закономерно». Однако наше обращение к камню показало, что принятое в КБН чтение неточно: там читается μὴ χέσῃς ἱερόν (ТБР, 117).

в этом отношении составляет найденная в Фанагории эолийская по графике и ионийская по языку надпись раннего V в. девицы или дамы Симон на дне чаши с прилагательными ἀγαθε͞ да μετρίε͞ с тем же ε͞ = η [*Яйленко* 2020a, 450–453] (см. выше каталог, № 6). И подарочная надпись Аристе покруче – в ней через ε͞ передано также йотированное η, т.е. ῃ[76]. Эолике такое свойственно, к примеру, в той же надписи Могеа πίε͞ = πίῃ. Посему таманская надпись эолийская, так что читаем: Ἀρίστε͞ι (= Ἀρίστῃ) με͞τρι «*дар* Аристе, матери».

6. Историко-мифологическая традиция об эолийской колонизации XII–IX вв.

Выше, в § 3 мы попытались объяснить связь колониальных экспедиций эолийцев и теосцев на Тамань ссылкой на историко-мифологическую традицию об основании Теоса, в котором приняли участие также беотийские эолийцы. Нашу апелляцию к историко-мифологическому прошлому теосцев навеяла статья старинного коллеги по Северному Причерноморью Дэвида Браунда «Фессалийское основание Фанагории» [*Braund* 2014, 43–73] (ее любезно предоставила мне Н.В. Завойкина, за что ей весьма благодарен). Его работы всегда интересны, так как обычно содержат новые подходы к решению старых проблем. Так и в данном случае: он обратил внимание на представления самих теосцев о своей первоначальной истории – времени переселения с балканской Греции на малоазийское побережье. Согласно Павсанию (VII. 3, 3), первыми заселили Теос орхоменские минийцы во главе с Атамантом (Ἀθάμας), затем явились ионяне на челе с Апойком; несколько лет спустя прибыли сюда военные отряды из Аттики и Беотии, первым предводительствовали сыновья Кодра Дамас да Неокл, вторым Герес беотиец, их «приняли к себе Апойк и теосцы, они поселились вместе с ними». Минии эолийцы, первоначально, еще до Троянской войны, жили в Фессалии, откуда перешли в Беотию, где основали крупнейший город доисторической Греции Орхомен[77], отсюда и отправились колонисты на Теос. Разумеется, заголовок статьи Д. Браунда «Фессалийское основание Фанагории» – намеренное преувеличение, он хочет подчеркнуть этим существенность историко-мифологических преданий для самих древних, поскольку наша рациональная наука требует доказательств их подлинности; по существу это требование вторгнуться скальпелем в мозг человека, что обычно заканчивается летальным исходом. Именно такую позицию занимают те специалисты, которые пытаются опровергнуть эту традицию посредством археологических данных. К примеру, К. Роуз в статье «Отделяя факт от выдумки в эолийской колонизации», счел историко-мифологическую традицию о ней фиктивной, возникшей после персидского завоевания Ионии да Эолиды в 540-х годах, основанием же ему послужило наличие в Трое и некоторых других центрах Эолиды позднебронзового и раннежелезного веков вещей местного малоазийского производства, а не балканского греческого [*Rose* 2008, 407–422]. Однако сей исследователь, во-первых, неправомерно увязывает археологию Трои с эолийцами, ибо это par excellence туземный центр, эолийцы там присутствовали (*Paus.* I. 35, 4; VIII. 12, 9),

[76] Мы пытались усмотреть такую передачу в ионийском письме Ахиллодора ок. 500 г. с Березани: ε͞ = ε͞ι = ῆ (3 л. conj. sg. к εἰμί), но для этого пришлось допустить не засвидетельствованное в ионике сокращение этого глагола ε͞ι в ε͞ (ОХБ, 211, прим. 247).

[77] Достаточно сказать, что сага об аргонавтах минийско-орхоменского происхождения [*Müller* 1820, Kapitel 12 f.].

но как компонент[78]; во-вторых, упустил из виду, что эолийские переселенцы порой включали в свои города местное население[79], а оно-то как раз и было занято в материальном производстве, изготавливая вещи, разумеется, в привычных для себя виде и технике. У греков XII–IX вв. еще не было таких окончательно сформировавшихся форм материальной культуры, которые служили бы твердым показателем их этнической принадлежности; к примеру, в балканской Греции протогеометрическая керамика была фактом материальной культуры не только греков, но и многочисленного разношерстного местного населения, о котором твердит все та же историко-мифологическая традиция. Больше того, в сложении греческой материальной культуры VIII–VII вв. важнейшее значение имели заимствования с Ближнего Востока, прежде всего именно из Малой Азии. Например, П. Амандри различал в этом процессе три этапа: период импорта восточных вещей – VIII в., период имитации их греческими мастерами в конце VIII – первой четверти VII вв., период независимого развития собственно греческого стиля – с последней четверти VII в. [*Amandry* 1958, 103–109] (хронология с тех пор уточнялась, но характер процесса тот же, см. подробней обо всем этом и лит. [*Яйленко* 1990, 210–217, 264–266]). Банальна истина, что корни изобразительного искусства архаической Греции лежат в Малой Азии (для этого достаточно посетить археологический музей в Анкаре).

Изложенное не означает точность рассматриваемой историко-мифологической традиции в целом. В другой работе Д. Браунд отметил, что «границы между мифом и историей всегда были текучими», утверждение или возобновление одним городом родственных связей с другими городами строилось порой на сомнительных, а то и просто фиктивных данных о родстве; особенно активен этот процесс в эллинистическое время [*Braund* 2019, 96–97]. Проще говоря, Д. Браунд продолжает тему самоидентичности у ранних греков[80], она как раз и строится во многом на основании связей разного рода, преимущественно генеалогических, выраженных в историко-мифологических преданиях. Вовсе не случайно сразу по окончании в Греции да Эгеиде этнических миграций XII–IX вв., когда по точной формулировке Фукидида (I. 12, 4), «Эллада прочно успокоилась», поэты и историки VIII–V вв. обращаются к генеалогиям, начиная с поэта VIII в. Гесиода (поэмы «Эои», «Каталог женщин»[81]) и ряда других эпических поэтов до логографов Гекатея, Акусилая, Ферекида, Гелланика, у которых сложился специальный историко-литературный жанр «Генеалогий» [*Christ* 1890, 89–92, 277–279]: греки en masse стали разбираться, кто есть кто, кто с кем и против кого, каковы связи у них друг с другом. Поселенческая практика древнейшей греческой колонизации XII–VIII вв. зиждилась на кровнородственных связях через филы, которые были одни и те же у балканских греков и переселенцев на острова Эгеиды да запад Малой Азии (например, дорийский Галикарнасс основали члены филы диманов) [*Яйленко* 1990, 9–12], так

[78] *Strabo* XIII. 1, 1: Троада заселена множеством греков и варваров (далее он называет в числе туземных народов мисийцев, лелегов, дарданов, киликийцев и др.);

[79] Например, в Киме: *Strabo* XII. 3, 3. Поэт Алкей называет эолийский Антандр «городом лелегов» (Ibid. XIII. 1, 51).

[80] Вопросы идентичности у античных греков разных периодов разрабатываются с 1970-х годов [например, см.: *Hall* 1977; *Henzell-Thomas* 2004; Ethnicity and identity in Herodotus, 2020].

[81] Не поддерживаем предлагающееся ныне (М. Уэст и др.) омоложение сих поэм до VII–VI вв.

что потомки тех и других правомерно искали сродственников. Потому, когда Д. Браунд пишет о связях теосцев и милетян (по Павсанию [VII. 2, 4], минийцы из Орхомена в родстве с сыновьями Кодра, из которых Нелей – основатель Милета) [*Braund* 2014, 63–64], это имеет свой raison d'être; не исключено, что в числе прочего и по этой причине теосцы Фанагора смогли утвердиться на Тамани между милетскими апойкиями Кепы и Гермонасса, основанными ранее, во второй четверти VI в. (см. § 3).

Конечно, когда исследователь базируется на историко-мифологическом материале о ранней эпохе, который часто, увы, фиктивен, создан в позднейшее время для какой-то надобности ad hoc, его суждения могут производить на первый взгляд впечатление исторической инфантильности. К примеру, Д. Браунд обсуждает как исторически возможную пролонгацию до Пантикапея минийского по происхождению мифа о плавании аргонавтов в Колхиду, ибо основал сей город, по свидетельству Стефана Византийца (s.n. Παντικάπαιον), сын ее царя Эета. Это кажется несерьезным построением, однако приведенное ученым свидетельство о культе Ино-Левкотеи в Пантикапее, вообще-то редкого, заставляет задуматься. По Страбону (XI. 2, 17), в Колхиде есть ее святилище и соорудил его Фрикс, между прочим, дядя минийского сооснователя Теоса Атаманта (см. § 3), в Колхиде он женился на дочери царя Эета, стало быть, на сестре основателя Пантикапея. В литературе делались попытки более или менее рационального объяснения известий Стефана Византийского и Евстафия об основании Пантикапея сыном Эета. Думали о туземном поселке, предшественнике Пантикапея, о единстве солнечного культа Колхиды (он лежит в основе предания о золотом руне) и догреческого населения Тавриды [*Блаватский* 1964, 10–11]. Если же опираться на факты, то надо отметить материальные связи Колхиды и Боспора, засвидетельствованные с VI в., особенно в V–IV вв. [*Лордкипанидзе* 1977, 113–114][82]. Но еще более существенными были материальные связи в эпоху почти полувекового правления Митридата Евпатора (111–63 гг.), когда Боспор и Колхида были в составе единого государства, более того Т. Рейнак, Э. Миннз, Д. Б. Шелов, С. Ю. Сапрыкин полагали на основании сообщения Мемнона, что в 70-х годах сын Митридата Махар управлял Боспором и Колхидой [*Шелов* 1980, 39–40, лит.; *Сапрыкин* 2006, 92][83]. Полагаем, это было самое подходящее время для создания легенды об основании Пантикапея сыном колхидского царя, чтоб осенить ореолом древности сие политическое единение Боспора и Колхиды. Сообщения Стефана Византийского и Евстафия совпадают дословно, оба не знают имени царевича[84], так что определенно

[82] Единственно, с чем трудно согласиться – попытка Д. Браунда увидеть в основе названия Фанагории имя бога Пана. Личное имя Φαναγόρης, легшее в основу названия города Φαναγόρεια, как сказано (прим. 62), включает прилагательное φανός «светлый, прославленный» + ἀγορά «собрание, стечение людей; место стечения» = «прославленный в собрании людей».

[83] Memnon, LIII–LIV: в 71 г. Махар «тогда по случаю (κάτ' ἐκεῖνο καιροῦ) находился в Колхиде»; Лукулл осадил Синопу и Махар, предав отца, переслал ему из Колхиды продовольствие, предназначавшееся войску Митридата (SC 1, p. 510). Как видно, прямо не говорится о правлении Махара в Колхиде, но сбор провианта тут наместником Боспора для понтийской армии, вопреки критикам, дает веское основание думать об этом. С. Ю. Сапрыкин [2006, 90 сл.] привел убедительные суждения в пользу сооружения Махаром катойкии, т. е. военного поселения, своего имени в районе Анапы или Новороссийска, что пролонгирует власть его до этих мест, откуда недалек путь и до Колхиды.

[84] Стефан (s.n. Παντικάπαιον): ᾠκίσθη δὲ παρὰ Αἰήτου παιδός, Евстафий, комм. к ст. 311 Дионисия Периэгета: κτίσμα παιδὸς Αἰήτου (SC 1, p. 197, 264).

выписаны из одного источника. Стало быть, предание редкое, малораспространенное, это может служить указанием на его сугубо локальное происхождение.

Как видим, в работе с таким тонким материалом, как историко-мифологическая традиция, даже в целиком легендарном случае с основанием Пантикапея сыном колхидского царя, может скрываться зерно исторической действительности. Трижды прав Д. Браунд, говоря о тонкой грани между историческим и вымышленным в этой традиции[85].

Список литературы

А*лександровский* А. Л. 2013. Почвы Фанагории // Материалы по археологии и истории Фанагории. 1 (Фанагория. 1). М., 108–135.

Анисимов А. И. 1992. Монеты из раскопок Пантикапея 1977–1986 гг. // Археология и искусство Боспора (СГМИИ. 10). М., 329–353.

Батасова А. 2016. Система греческого расселения на Таманском полуострове в VI – начале V в. до н. э. // Древние эллины между Понтом Эвксинским и Меотидой. М., 35–39.

Б*лаватский* В. Д. 1964. Пантикапей. М., 227.

В*иноградов* Ю. А., *Тохтасьев* С. Р. 1998. Новые посвятительные граффити из Мирмекия // Hyperboreus. IV/1, 22–47.

Г*арбузов* Г. П. 2016. «Страбонов» рукав Кубани и хора Фанагории // Фанагория. Материалы по археологии и истории. 2 (Фанагория. 4). М., 34–45.

Горлов Ю. В., *Поротов* А. В., *Янина* Т. А., *Фуаш* Э., *Мюллер* К. 2002. К вопросу об историко-географической ситуации на Таманском полуострове в период греческой колонизации // ПИФК. 12, 248–271.

Д*икарев* В. А. 2011. О фанагорийской регрессии Черного моря // Вестник МГУ. Серия 5. География. 1, 35–40.

Ж*ебелев* С. А. 1953. Северное Причерноморье. М.–Л.

[85] При этом в критике источника, что является первейшей задачей историка, должны быть задействованы самые разные инструменты. Так, Страбон (XI., 2, 12), говоря об ахейцах, зихах, гениохах и их странах, приводит анонимное известие, что эту Ахею заселили ахейцы из войска Ясона, а лаконцы поселились в Гениохии, причем вели их возницы Диоскуров Крекас да Амфистрат, оттого, видимо, гениохи и получили свое имя «возницы». Некоторые принимают это всерьез [наприм.: *Сапрыкин* 2006, 85; 2019, 479], но напрасно. Тут, во-первых, кристально ясное народноэтимологическое понимание этнонима Ἡνίοχοι через греч. ἡνίοχοι «возницы», во-вторых, такова же ассоциация по созвучию имен местного народа Ἀχαιοί и гомеровских ахейцев. В действительности, при том, что тут адыгский ареал, это адыгское обозначение «приморских» жителей: в Ἀχαιοί префикс принадлежности *а-* и *хэ-* «море», да в Ἡνίοχοι это же *хэ*; у самоназвания *адыге* то же значение «приморский *народ*» [*Яйленко* 2015, 441–442]. Как видно, в вопросе об исторической ценности мифологем важна и ономастика.

Журавлев Д. В., *Шлотцауер* У. 2014. О дате основания поселения Голубицкая 2 // БЧ. XV: Актуальные проблемы хронологии. Симферополь–Керчь, 139–148.

З*авойкин* А. А. 2013. Образование Боспорского государства (БИ. Suppl. 10). Симферополь–Керчь, 591.

Завойкин А. А., *Гарбузов* Г. П. 2010. О первом этапе освоения греками Таманского полуострова // ДБ. 14, 184–219.

Завойкина Н. В. 2018. Список пожертвований с упоминанием Фанагора третьей четверти VI в. до н. э. из Фанагории // БФ: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Ч. 1. СПб, 292–299.

Завойкина Н. В. 2020. Граффито ок. 520-х гг. до н. э. из Фанагории // КСИА. 258, 245–259.

Зеест И. Б. 1955. Раскопки Гермонассы // КСИИМК. 58, 114–121.

Зинько А. В., *Шамрай* А. Д. 2020. Новые открытия древнейшей застройки поселения Крокондама // БИ. 40, 14–45.

***И**люшечкина* Е. В. 2005. География Дионисия Периэгета в контексте античной этноисторической традиции. Автореферат дисс. … канд. ист наук. М., 21.

К*узнецов* В. Д. 1991. Ранние апойкии Северного Причерноморья // КСИА. 204, 31–37.

Кузнецов В. Д. 2001. Метрополия Фанагории // ДБ. 4, 227–235.

Кузнецов В. Д. 2010. О времени основания Фанагории // ДБ. 14, 313–321.

Кузнецов В. Д. 2019. Древнейшая Фанагория: некоторые проблемы // ДБ. 24, 398–416.

Л*ейпунская* Н. А. 1981. Керамическая тара из Ольвии. Киев, 118.

Лордкипанидзе О. Д. 1977. К вопросу о связях Колхиды с Северным Причерноморьем в VI–IV вв. до н. э. // История и культура античного мира. М., 112–115.

М*онахов* С. Ю. 1999. Греческие амфоры в Причерноморье. Саратов, 678.

Монахов С. Ю. 2003. Греческие амфоры в Причерноморье. М.–Саратов, 351.

Монахов С. Ю., *Кузнецова* Е. В., *Федосеев* Н. Ф., *Чурекова* Н. Б. 2016. Амфоры VI–II вв. до н. э. из собрания Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. Керчь–Саратов, 204.

О*короков* А. В., *Егоров* Ю. О. 2019. К вопросу о локализации местоположения античного поселения Корокондама // ДБ. 24, 427–444.

П*авличенко* Н. А., *Кашаев* С. В. 2012. Новая эпиграфическая находка из Гермонассы // ДБ. 16, 288–298.

Паромов Я. М. 2015. Краеугольный камень таманской палеогеографии // КСИА. 241, 137–153.

Паромов Я. М. 2018. Боспор Киммерийский и формирование торговых связей азиатского Боспора во второй и третьей четверти VI в. до н. э. // БИ. 36, 3–18.

Подосинов А. В. 2000. Легенды об основании греческих колоний Северного Причерноморья: исторические предания и (или) литературная фикция? // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 126–133.

Р*остовцев* М. И. 1925. Скифия и Боспор. Л., 621.

С*апрыкин* С. Ю. 2006. Новая Митридатовская катойкия на Боспоре // ВДИ. 2, 79–96.

Сапрыкин С. Ю. 2019. К прочтению и интерпретации некоторых боспорских граффити // ДБ. 24, 473–487.

Сапрыкин С. Ю., *Белоусов* А. В. 2012. Письмо Кледика из Гермонассы // ДБ. 16, 348–359.

Соломатина Е. И. 2023. Эолийцы, эолийская миграция: античная традиция и исторические реалии // АМА. 21, 2–12.

Сорокина Н. П. 1957. Тузлинский некрополь. М., 62 с; 9 табл.

Сидорова Н. А. 1962. Архаическая керамика из Пантикапея // МИА. 103, 94–148.

Соболевский С. И. 1955. Позднейшие историки // История греческой литературы. Т. 2. М., 127–146.

Страбон 1964. География в 17 книгах. Перевод, статья и комментарии Г. А. Стратановского. Л.

Суриков И. Е. 2012. Об этимологии названий Фанагории и Гермонассы // ДБ. 16, 440–469.

Т*охтасьев* С. Р. 2011. Греческий язык на Боспоре: общее и особенное // БФ: Население, языки, контакты. СПб, 673–682.

Ф*едосеев* Н. Ф. 2017. О соединении Таманского залива с Меотидой // БЧ. 18: Торговля: пути – товары – отношения. Симферополь–Керчь, 571–578.

Финогенова С. И. 2005. Очерк истории Гермонассы по материалам раскопок последних лет // ДБ. 8, 422–442.

Финогенова С. И. 2006. Архаическая керамика Гермонассы из раскопок последних лет // ДБ. 9, 337–354.

Ш*елов* Д. Б. 1980. Колхида в системе Понтийской державы Митридата VI // ВДИ. 3, 28–43.

Шелов-Коведяев Ф. В. 1991. О центрах миграции греков в Северо-Восточное Причерноморье в эпоху Великой греческой колонизации // Terra antiqua Balcanica. 6. Serdicae, 264–277.

Шелов-Коведяев Ф. В. 2018. К ранней истории Фанагории // ПИФК. 3, 98–106.

Шелов-Коведяев Ф. В. 2023. De titulis Bosporanis et viciniis VII. ДБ. 28, 433–454.

Шелов-Коведяев Ф. В., *Толстиков* В. П. 2017. Боспор в первой четверти V в. до Р. Х. Из истории Пантикапея начала эпохи классики // ДБ. 18, 452–504.

Шкорпил В. В. 1918. Раскопки в Кубанской области // ОАК за 1913–1915 гг., 140–148.

Шлотцауэр У. 2016. К вопросу о начале импорта греческой расписной керамики на поселение Голубицкая 2 // Древние эллины между Понтом Эвксинским и Меотидой. М., 40–44.

Я*йленко* В. П. 1980. Граффити Левки, Березани и Ольвии // ВДИ. 3, 75–116.

Яйленко В. П. 1982. Греческая колонизация Средиземноморья VII–III вв. до н. э. по данным эпиграфических источников. М., 311.

Яйленко В. П. 1988. Киевская легенда о Кие, Щеке и Хориве как результат полемики летописания Киева и Новгорода и влияние на нее таронского предания о Куаре, Мелтее и Хореане // Историко-филологический журнал. 4. Ереван, 167–180.

Яйленко В. П. 1990. Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 271.

Яйленко В. П. 2005. Магические надписи Боспора // ДБ. 8, 459–508.

Яйленко В. П. 2006. Посвятительные граффити Пантикапея и округи // ДБ. 9, 355–428.

Яйленко В. П. 2015. Топонимика и этнонимия античного Боспора // ДБ. 19, 386–458.

Яйленко В. П. 2016. Источниковедение известий Эсхина о Гилоне и Арриана об ойкистах Фанагоре, Гермоне // ДБ. 20, 501–526.

Яйленко В. П. 2017. Источниковедческий анализ античных известий об основании Фанагории и Гермонассы, об Археанактидах, «синдской диасфагме», херсонесском састере; еще раз о легендах монет Феодосии, Нимфея // ДБ. 21, 398–440.

Яйленко В. П. 2018. Застолье, стихи, «другая любовь» и прочее в бытовых граффити Пантикапея // ДБ. 22, 243–274.

Яйленко В. П. 2019. Эпиграфические заметки. I. О публикации надписей Артезиана. II. Текстология и просодика ольвийского гимна VI в. до н. э. к Гилее. III. В защиту вотива IOSPE I² 188 из ОАМ // БИ. 39, 117–209.

Яйленко В. П. 2019а. Итоги развития и перспективные задачи эпиграфики античного Северного Причерноморья // ДБ. 24, 616–652.

Яйленко В. П. 2020а. Стихотворные граффити Боспора, Ольвии, Березани // ДБ. 25, 441–510.

Яйленко В. П. 2021. О датировке и текстологии новонайденных писем да наговоров Боспора // АМА. 20, 322–345.

Яйленко В. П. 2021а. Оракулы из Ольвии, наговор с Чайки в Западном Крыму // АВ. 33, 41–50.

Яйленко В. П. 2022. Ревизия граффити Боспора, Херсонеса, Ольвии, Березани из публикаций Э. Р. Штерна, И. И. Толстого, ГЛБО, сводов ГАХ, ГОП и др. С. 1–112 // Сайт Саратовского гос. университета: https://www.sgu.ru/sites/default/files/textdocsfiles/2022/08/17/yaylenko_2022_reviziya_na_sayt_sgu1.pdf

Яйленко В. П. 2023. Античная географическая традиция о фанагорийском острове и попытки коррекции ее буром // ДБ. 28, 455–496.

A*mandry* P. 1958. Objets orientaux en Grèce et en Italie aux VIIIe et VIIe siècles av. J.-C. // Syria. 35, 73–109.

B*artholomae* C. 1904. Altiranisches Wörterbuch. Strassburg.

Braund D. 2014. The Thessalian foundation of Phanagoria: civic identity re-visited and extended // Phanagoreia und darüber hinaus… Festschrift für V. Kuznetsov. (Altertümer Phanagoreias. 3). Göttingen, 53–73.

Braund D. 2019. Clashing traditions beyond the Clashing Rocks: (un)ethical tales of Milesians, Scythians and others in archaic and later colonialism // Advances in ancient Black sea studies. Cluj-Napoca, 79–108.

C*auer* P., *Schwyzer* E. 1960. Dialectorum Graecarum exempla epigraphica potiora. Hildesheim.

Chantraine P. 1968. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Paris. T. 1.

Christ W. 1890. Geschichte der griechischen Litteratur. München.

Ethnicity and identity in Herodotus. 2020. L. – N. Y.

D*ubois* L. 1996. Inscriptions grecques dialectales d'Olbia du Pont. Genève.

Frisk H. 1954. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg. Lief. 1.

G*allavotta* S. 2005. I rapporti tra l'Eolide e le regione del Mar Nero // A. Mele et alii (eds.), Eoli ed Eolide tra madrepatria e colonie. Napoli, 297–306.

Guarducci M. 1967. Epigrafia greca. Roma. T. 1.

Guarducci M. 1987. L'epigrafia greca dalle origini al tardo impero. Roma.

H*ansen* B. 1958. Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Berlin.

Henzell-Thomas J. 2004. Passing between the Clashing Rocks: the heroic quest for a common and inclusive identity // Pastoral care in education. 22 (3), 35–43.
Hoffmann O. 1898. Die Griechischen Dialekte. Göttingen. Bd. 3.
Hall J. M. 1977. Ethnic identity in Greek antiquity. Cambridge.
J*acoby* F. 1950. Die Fragmente der griechischen Historiker. Teil 3. Geschichte von Städten und Völkern. B. Autoren über einzelne Städte (Länder). Leiden.
Jacoby F. 1957. Die Fragmente der griechischen Historiker. Teil 1 A. Genealogie und Mythographie. Leiden.
Jacoby F. 1962. Die Fragmente der griechischen Historiker. Teil 2 Zeitgeschichte. B. Spezialgeschichten, Autobiographien und Memorien. Zeittafeln. Leiden.
Jeffery L. H. 1969. The Local Scripts of Archaic Greece. Oxford.
L*ane* Ch. 2009. Archēgetēs, oikistēs, and new-oikistēs: the cults of founders in Greek Southern Italy and Sicily. Vancouver.
M*alkin* I. 1985. What's in a name? The eponymous founders of Greek colonies // Athenaeum. 63, 115–130.
Mommsen H., *Schlotzhauer* U., *Zhuravlev* D. 2018. Determining the provenance of archaic pottery imports from the settlement Golubitskaya 2 on the Taman' peninsula // БФ: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. Ч. 1. СПб, 286–291.
Müller K.-O. 1820. Orchomenos und die Minyer. Breslau.
N*aukratis* 1886, 1888. Pt. 1, 2. London.
P*ape* W., *Benseler* G. E. 1884. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Braunschweig.
R*ose* C. B. 2008. Separating Fact from Fiction in the Aiolian Migration // Hesperia. 77/3, 399–430.
S*chmid* W., *Stählin* O. 1929. Geschichte der griechischen Literatur. München. Bd. 1.
T*humb* A., *Scherer* A. 1959. Handbuch der griechischen Dialekte. Heidelberg. Bd. 2.

Summary

V. P. Yailenko

Lesbos Aeolians on Taman: a catalog of evidences and questions about the founding of Hermonassa and Phanagoria

The author have gathered 14 epigraphic and literary evidences about the Aeolians and Aeolic language on Bosporus, mainly on Taman (pen)insula, where they have founded Hermonassa – only one materially real Aeolic colony in Pontic area (§ 1: Catalogue). Among the literary evidences there are 5 with extension α > αι, which is characteristic feature of Lesbian

subdialect. The most important of them are the forms Φαιναγόρεια, Φαιναγόρας by Dionysius Periegeta, Arrianus, Eustathius Thessalonicensis in the tales on Phanagoreia and Hermonassa foundation. It means that they have borrowed reports from certain Lesbian historian. Eustathius gives two reports on this subject, the one states Ionic origin of Phanagoreia and Hermonassa, the second is quotation from Arrianus and tells about Aeolic colonists–founders of Hermonassa. This contradiction indicates, that Eustathius and Arrianus have used works written by two different Lesbian historians (§ 2: textual criticism of the literary sources). The author investigates the historical obstacles of Hermonassa and Phanagoreia foundation soon after 546 BC (§ 3). Then follow the supplementary paragraphs 4–5, where the author have investigated two graffiti, one from Phanagoreia of the third quarter VI century BC with name Panagor(es), the second from Panticapaion of V century BC with name Semandros, which has memorial character after Hermonassa founder. In the last § 6 the author have discussed a question of historical value of a mythological background tradition about Teos, Hermonassa and Pantikapaion foundations and have agreed with D. Braund, that they may contain a certain grain of historical truth.

СОКРАЩЕНИЯ

ААЭ	– Артезианская Археологическая Экспедиция МПГУ
АВ	– Археологические Вести. СПб.
АВЕС	– Археология Восточно-Европейской Степи. Саратов
АЗ	– Археологические Записки. Ростов-на-Дону
АИБ	– Археология и История Боспора. Керчь
АМА	– Античный Мир и Археология. Саратов
АН	– антропоним
АО	– Археологические Открытия. М.
АСГЭ	– Археологический Сборник Государственного Эрмитажа. Л./СПб.
АЧ	– «Анфимовские Чтения» по археологии Западного Кавказа. Краснодар
БИ	– Боспорские Исследования. Симферополь–Керчь
БС	– Боспорский Сборник. М.
БФ	– Боспорский Феномен. СПб.
БЧ	– Боспорские Чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Симферополь–Керчь
ВАКСИА	– Всероссийская Археологическая Конференция Студентов и Аспирантов: Проблемы археологии Восточной Европы. Ростов-на-Дону–Таганрог
ВДИ	– Вестник Древней Истории. М.
ВКИКМЗ	– Восточно-Крымский Историко-Культурный Музей-Заповедник
ГИМ	– Государственный Исторический Музей
ГМИИ	– Государственный Музей Изобразительных Искусств им. А. С. Пушкина
ДБ	– Древности Боспора. М.
ЗАО	– Закрытое Акционерное Общество
ИА РАН	– Институт Археологии Российской Академии Наук
ИАА	– Историко-Археологический Альманах
ИАК	– Известия Императорской Археологической Комиссии
ИЗ	– Исторические Записки. Новороссийск
ИИМК РАН	– Институт Истории Материальной Культуры Российской Академии Наук
ИНИОН РАН	– Институт Научной Информации по Общественным Наукам Российской Академии Наук
ИРАИМК	– Известия Российской Академии Истории Материальной Культуры
к. о.	– коллекционная опись

КБН	– Корпус Боспорских Надписей. М.– Л. 1965
КЛ	– Керченский лапидарий
КПАЭ	– Комплексная Постоянно действующая охранно-Археологическая Экспедиция Керченского государственного историко-культурного заповедника
КРС	– крупный рогатый скот
КСИА	– Краткие Сообщения Института Археологии РАН. М.
КСИИМК	– Краткие Сообщения Института Истории Материальной Культуры АН СССР. М./Л.
КЧ	– «Крупновские Чтения» по археологии Северного Кавказа
ЛИ	– личное имя
м. б.	– место буквы
МАИАСК	– Материалы по Археологии и Истории Античного и Средневекового Крыма
МАКСИА	– Международная Археологическая Конференция Студентов и Аспирантов: Проблемы археологии Восточной Европы. Ростов-на-Дону–Таганрог
МАСП	– Материалы по Археологии Северного Причерноморья. Одесса
МИА	– Материалы и Исследования по Археологии СССР. М./М.–Л.
МИАК	– Материалы и Исследования по Археологии Кубани. Краснодар
МПГУ	– Московский Педагогический Государственный Университет
МРС	– мелкий рогатый скот
МСАИ	– Материалы Спасательных Археологический Исследований. М.
НАВ	– Нижневолжский Археологический Вестник
НЭ	– Нумизматика и Эпиграфика. М.
ОАК	– Отчеты Археологической Комиссии. СПб.
ООО	– Общество с Ограниченной Ответственностью
п. о.	– полевая опись
ПИФК	– Проблемы Истории, Филологии, Культуры. Москва–Магнитогорск–Новосибирск
РА	– Российская Археология. М.
РО НА ИИМК РАН	– Рукописный отдел Научного архива Института Истории Материальной Культуры РАН
СА	– Советская Археология. М.
Сб. РИО	– Сборник Российского Исторического Общества
СГАИМК	– Сообщения Государственной Академии Истории Материальной Культуры
СГМИИ	– Сообщения Государственного Музея Изобразительных Искусств им. А. С. Пушкина
стк., сткк.	– строка, строки

СУГ	– сжиженные углеводородные газы
ТБР	– *Яйленко* В.П. Тысячелетний Боспорский Рейх. История и эпиграфика Боспора VI в. до н. э. – V в. н. э. М.
ТН	– топоним
Толстой	– *Толстой* И.И. Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. Л., 1953
Фанагория	– *Кузнецов* В.Д. (ред.), Фанагория. Результаты археологических исследований. Т. 1–8. М., 2013–2020
ХС	– Херсонесский Сборник
ЦРСП	– Центр Реставрации и Сохранения Памятников
AA	– Archäologische Anzeiger
ACSS	– Ancient Civilizations from Scythia to Siberia
AJA	– American Journal of Archaeology
ArhMold	– Arheologia Moldovei. Iasi
ASOR	– American Society of Overseas Research
Ath. Agora	– The Athenian Agora
BAR	– British Archaeological Reports
BCH	– Bulletin de Correspondance Hellénique
BSA	– Annual of the British School of Archaeology at Athens
Bull. ép.	– Bulletin Épigraphique
CEG	– Carmina Epigraphica Graeca
CIRB	– Corpus Inscriptionum Regni Bosporani
EA	– Eurasia Antiqua: Zeitschrift für Archäologie Eurasiens
FACEM	– Fabrics of the Central Mediterranean. Provenance Studies on Pottery in the Southern Central Mediterranean from the 6th to the 2nd c. B.C.
fasc.	– fasciculum
HEROM	– Journal on Hellenistic and Roman Material Culture
Hesperia	– The Journal of the American School of Classical Studies at Athens. Princeton
HP	– Historischen Personennamen
HN	– Historia Naturalis Plinii
IARPotHP	– International Association for Research on Pottery of the Hellenistic Period. Wien
JAS	– Journal of Archaeological Science
JHP	– Journal of Hellenistic Pottery and Material Culture
LGPN	– Lexicon of Greek Personal Names
LSJ	– *Liddell* H.G., *Scott* R., *Jones* H.S. A Greek-English Lexicon. Oxford, 1968
HN	– Historia Naturalis Plinii
NH	– Noms Hittites
RCRF	– Rei Cretariae Romanae Fautores. An international learned society

RE	– Paulys Real-Enzyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung begonnen von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll. Stuttgart
RM	– Mitteilungen des Deutschen Archaeologischen Instituts. Roemische Abteilung
s. v.	– specta verbum
SA	– Scripta Antiqua. M.
SC 1	– *Латышев* В. В. Scythica et Caucasica. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе. Т. 1. СПб, 1893–1900.
sc.	– scilicet
Stratum plus	– Stratum plus. Культурная антропология и археология. Санкт-Петербург–Кишинев–Одесса–Бухарест
TLG	– Thesaurus Linguae Graecae (электронный диск 1995 г.)

Правила и рекомендации по оформлению рукописей

1. Работы присылаются в установленные сроки в электронной версии (текст: 12-й кегель, через 1,5 интервала, без форматирования полей, выравнивание по левому краю). Тест сносок: 10-й кегель, через 1 интервал.

2. Объем рукописи *не более* 1,5 авт. листов с учетом объема иллюстраций (из расчета: текст – 1 авт. л. = 40 000 знаков с пробелами; рисунки – 1 авт. л. = 8 полосам (страницам). Объем иллюстраций не должен превышать объем текстовой части. Допустимые отклонения определяются в индивидуальном порядке по согласованию с редколлегией ежегодника.

3. Структура (комплектность) рукописи. Текст статьи предваряется указанием инициалов и фамилии автора, ниже в скобках (*курсивом*) указывается основное место его работы и город. К основному тексту на отдельных листах (в том же файле!) прилагаются:

а) ***Список литературы***, оформленный по правилам (см. ниже);

б) ***Список сокращений***, использованных в работе (просьба использовать для сокращений тот перечень, который прилагается в томах 10–24 *ДБ*; новые сокращения вводить в том лишь случае, если в Вашей работе то или иное издание цитируется не менее трех раз);

в) Перечень ***Подписей под рисунками***;

г) ***Резюме –*** до 1 страницы текста на русском (обязательно) *и* (желательно) на английском языках. Убедительная просьба **–** излагать основные мысли работы простыми, ясными предложениями, избегать синтаксически сложных оборотов и проч. При использовании специальной терминологии обязательно давать (в скобках) ее английский эквивалент; приводя малоупотребительные названия (в особенности географические) **–** сопровождать их *принятой в литературе* транслитерацией.

д) ***Макет статьи*** обязателен для статей, включающих иллюстрации, скомпонованные в таблицы (см. п. 7)[1], и (или) тексты, набранные *не* кириллицей или латиницей (см. п. 6).

4. Ссылки и примечания. В нашем издании принята гибкая система ссылок и примечаний: в *квадратных* скобках – на литературу внутри текста (например: **[***Масленников* 1997, 107, рис. 3. *1*, *5–7***]**); ссылки на древних авторов даются в *круглых* скобках **(***Strab*. XI. 2, 3–5**)**; текстовые примечания (а также обширные и многочисленные ссылки на литературу, если они мешают восприятию главной мысли читателем – по желанию автора) даются в подстрочном примечании (нумерация примечаний – автоматическая, сплошная, арабскими цифрами[2]).

В ссылке на литературу в квадратных скобках указываются следующие элементы библиографического описания: **[***Фамилия* <*курсивом, и далее без знаков препинания*> год

[1] Таблицы макета (в отличие от оригинала) включают в себя легенду и номера под рисунками.

[2] Индексация звездочкой (*) допустима только в самом начале текста (ранее цифровых примечаний), при упоминании финансовой поддержки работы тем или иным фондом и проч., или же при выражении благодарности автора тому или иному лицу за содействие.

издания**,** номера страниц <*без «с.»*>**,** рисунок (рис.) или иллюстрация (илл.)**,** или таблица (табл.)**]**; например: [*Паромов* 1999, 209, рис. 1. *2, 4–7*; 3. *4, 5*]. Обращаем внимание на то, что номер рисунка (таблицы) отделяется от номеров внутри рисунка (таблицы) *точкой*, а сами внутренние номера выделяются курсивом и разделены *запятыми*. Просим Вас не забывать после запятой или точки ставить пробел.

5. Библиографическое описание в списке литературы. Использованная в работе литература приводится в алфавитном порядке: сначала на русском языке, затем – на иностранном. Каждое наименование выделяется[3] абзацем (формат – выступ), например:

Б*алахванцев* А.С. 2018. Боспор и Ахемениды // Боспорский феномен: Общее и особенное в историко-культурном пространстве античного мира. СПб, 61–65.

Брашинский И.Б. 1984. Методы исследования античной торговли (На примере Северного Причерноморья). Л., 240.

З*авойкин* А.А. 1992. Фрагменты амфор Эгины (?) из раскопок Фанагории // КСИА. 204, 84–88.

Зеест И.Б. 1960. Керамическая тара Боспора (МИА. 83)[4]. М., 187.

К*обылина* М.М. 1972. Раскопки в Фанагории в 1972 г. // Научный архив ИА РАН. Р-1. № 4805.

Кобылина М.М. 1983. Страницы ранней истории Фанагории // СА. 2, 51–61.

Кузнецов В.Д. 2018. Домостроительство Северного Понта (эпоха архаики) // Фанагория. Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 4 (Фанагория. Т. 4). М., 117–135.

В*oulter* C. 1953. Pottery from the Mid-fifth Century from a Well in the Athenian Agora // Hesperia. Vol. 22. No. 2, 59–115 + 21–41 pls.

T*setskhladze* G.R. 2018. 'The Most Marvellous of All Seas': the Great King and the Cimmerian Bosporus // ΕΥΔΑΙΜΩΝ. Studies in honour of Jan Bouzek (Opera Facultatis philosophicae Universitatis Carolinae Pragensis. Vol. XVIII). Prague–Brno, 467–490.

После *фамилии автора* (курсивом) и его инициалов указывается год издания и далее: Название работы, затем *через точку* – Место издания (если это монография) или (если это статья в сборнике) – *через* // Название сборника. Номер тома/выпуска (для серийных изданий – журналов, ежегодников и т.п.). Место *издания и (через запятую*), номера/кол-во страниц (статьи/монографии). Если серийное издание обозначено *общепринятым сокращением* (КСИА, МИА, СА и т.д.), место издания не пишется[5]. При такого рода широко распространенных сокращениях *опускается* также указание: Т. (том), Вып. (выпуск), Сер. (серия), Ч. (часть) и проч., исключая те случаи, когда в одном издании присутствуют сразу два (или более) наименования подразделений, например: САИ. Вып. Г1-11. Ч. III; …Т. I. Вып. 3. Опускать наименования подразделений в не-русскоязычных изданиях *не рекомендуется*.

6. Использование шрифтов. Рекомендуется использование шрифта ***Times New Roman***. Если же автор применяет любой другой шрифт, включая те, что используются

[3] Но *не* отделяется абзацем!

[4] Обращаем внимание: в монографиях ссылка на серию, в которой она опубликована, дается в скобках после названия.

[5] Оно приводится при раскрытии содержания того или иного сокращения в общем списке.

в стандартном наборе *Word*, например – ***Symbol***, необходимо в тексте статьи отметить красным шрифтом и/или «маркером» те слова или символы, что были набраны *иным* шрифтом. В случае же использования редких шрифтов, кроме того, приложить файлы соответствующих шрифтов. ***Греческий текст*** рекомендуется писать в ***Unicod*** (шрифты ***Hellenica.Reg*** или ***Greek*** допустимы, ранние версии этих шрифтов обязательно предоставляются).

7. Иллюстративный материал. К изданию принимаются как графические, так и фотографические иллюстрации в электронном виде. Требования к электронному варианту: *1*) предпочтительно предоставление оригиналов (цифровых фотографий с высоким разрешением, не ниже 300 dpi)[6]; *2*) рисунки и фотоотпечатки сканировать в формате ***TIFF*** с разрешением не ниже 300 dpi (предпочтительно 600 dpi); *3*) таблицы, сформированные в ***PhotoShop***, сохранять в формате ***tiff*** (не сливая слои).

Обращаем особое внимание на то, что компоновка фото- и графических изображений в таблицу возможна в том случае, когда это необходимо по замыслу автора (изображения комплекса находок, совмещение фото- и графического изображения (чертежа, прорисовки) архитектурного комплекса или отдельной находки и т. д.). Прочий иллюстративный материал (напр., видовые фотографии, планы, графики и проч.) следует предоставлять *только* как отдельные (единичные) рисунки.

Убедительная просьба компоновать таблицы иллюстраций плотно, подбирая необходимый масштаб рисунков с учетом того, что таблицы будут отпечатаны на формате А4 с соответствующими полями (габариты полосы не превышают 212×145 мм, включая и подрисуночные подписи, которые, как и номера рисунков, в подготовленную автором таблицу будут вставлены при макетировании). Линейный масштаб для рисунков обязателен (исключая особо оговоренные случаи). Заливки в графических рисунках следует выполнять в черно-белом варианте (штриховка) и/или в оттенках серого (белый, черный и два серых тона). Подрисуночные подписи и номера рисунков внутри таблицы выполняются только на таблицах-макетах (в любом формате), которые необходимы наряду с оригинальными (см. п. 2д).

Обязательно сопровождайте присланную статью указанием своего адреса, телефона и E-mail, которые позволят оперативно связаться с Вами и в процессе подготовки рукописи к печати и своевременно снять спорные вопросы. Наш почтовый адрес: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19, Институт археологии РАН, отдел классической археологии, «Древности Боспора»; E-mail: *bospor@inbox.ru*; тел.: (095) 124–35–88.

Редколлегия

[6] С учетом габаритов снимка, выводимого на печать.

Древности Боспора. Том 29

научное издание

Подготовка иллюстративного материала
и изготовление оригинал-макета: В.Б. Степанов

Подписано в печать 20.06.2024. Формат 60×90/8
Уч.-изд. л. 48,00. Тираж 300 экз. Заказ №

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук
117292 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано в типографии:
……

ISBN 978-5-94375-437-1